

Исследования по истории

науки, литературы, общества

Сборник статей

2020

*К 75-летию Евгения Берковича,
исследователя, публициста, издателя*

Евгений Беркович, 2020 год

Исследования по истории науки, литературы и общества

Сборник статей

Семь искусств
Ганновер 2020

Ответственный редактор:

Павел Полян — историк, литературовед, доктор географических наук

Редакционная коллегия:

Геннадий Горелик — историк науки, канд. физ.-мат. наук

Элла Грайфер — публицист

Людмила Дымерская-Цигельман — литературовед, доктор философии

Семь искусств
Ганновер 2020

Исследования по истории науки, литературы и общества. Сборник статей, посвященный 75-летию Евгения Берковича — Ганновер: Семь искусств, 2020 — 469 стр., 45,1 а.л. ISBN 9-7810-3415-246-0

В настоящий сборник статей, посвященный 75-летию Евгения Берковича, математика, историка науки и литературы, публициста, издателя и главного редактора журналов «Семь искусств», «Заметки по еврейской истории», альманаха «Еврейская Старина» и журнал-газеты «Мастерская», вошли работы более тридцати известных специалистов по истории науки и культуры, писателей и публицистов. В соответствии с названием сборник разделен на три части: история науки, история литературы, история общества и публицистика. Сборник рассчитан на широкую читательскую аудиторию, но может быть полезным также специалистам и студентам соответствующих направлений.

Семь искусств
Ганновер 2020

Содержание

Павел Полян

 Встретимся у Берковича! 11

Владимир Фрумкин

 Евгений Беркович — краткая биография и основные публикации 13

Часть первая. История науки

19

Евгений Беркович

 Альберт Эйнштейн и Филипп Ленард — антиподы 20

Геннадий Горелик

 С чего началась философия-и-физика, или Что удивило Фалеса и Евклида 42

Владимир Визгин

 Калибровочная революция в физике элементарных частиц сквозь призму метафор 57

Владимир Тихомиров

 Светлая и печальная судьба И.М. Яглома 70

Борис Болотовский

 Сахаров против Сахарова 75

Борис Дынин

 Взгляды Д. Максвелла на науку и научное творчество 80

Михаил Носоновский

 Представления о времени эпохи Раннего Ренессанса и изобретение механических часов 86

Эдуард Бормашенко

 Информационная парадигма естествознания 100

Виктор Каган

 Homo totalitaris 104

Элиэзер М. Рабинович

 1953-й 115

Часть вторая. История литературы

126

Евгений Беркович

 Меланхолия и магический квадрат в романе Томаса Манна «Доктор Фаустус» 127

Людмила Дымерская-Цигельман

 Томас Манн и его «Доктор Фаустус» 140

Евгений Беркович

 Краткое послесловие к статье Людмилы Дымерской-Цигельман «Томас Манн и его „Доктор

Фаустус“» 151

Юрий Шейман

 Прочитать Томаса Манна и не умереть 155

Геннадий Горелик

 Анти-филосемит Томас Манн в свете истории физики 169

Александр Мелихов

 Век разума и его пророки 177

Леонид Гиршович

 «Опыты» 188

Дмитрий Бобышев

 Новый дом русских поэтов 201

Юрий Колкер

 Ленинградское новеченто: малые поэты эпохи Бродского 214

Шуламит Шалит

 «Велико счастье, которого я удостоился...» 224

Владимир Порудоминский

 Правила проигранной игры 230

Александр Гордон

 Поверх еврейского барьера Бориса Пастернака 239

Денис Соболев	245
Братья Стругацкие: Советские евреи, иной взгляд, иное видение	245
Юрий Окунев	261
Некто Розинер	261
Рафаил Нудельман	275
О романах Меира Шалева — русском и библейском	275
Сергей Баймухаметов	283
Гулагиздат	283
Павел Нерлер	288
К биографии Бенедикта Лившица: дед, родители, братья	288
Часть третья. История общества и публицистика	292
Евгений Беркович	293
Притяжение зла	293
Игорь Ефимов	307
Непримиримые — помиритесь!	307
Михаил Румер-Зараев	317
Усмынская сага	317
Элла Грайфер	328
Ассимиляция как воля к смерти	328
Елена Носенко-Штейн	345
Еврейская память в современной России: забвение, возрождение, трансформации	345
Анатолий Хаеш	357
Из переписки подписчиков с редакцией «Еврейской Старины» (1909–1912 гг.)	357
Игорь Юдович	374
Была ли американская революция — революцией?	374
Борис Альтшулер	388
Конструирование будущего	388
Валерий Сойфер	396
Наш семинар ученых-отказников и борьба за выезд из СССР	396
Александр Ласкин	410
Долгая память	410
Лев Симкин	416
Женщина матроса Железняка	416
Сергей Эйгенсон	426
Театр	426
Борис Тененбаум	432
Анатомия диктатуры	432
Александр Бархавин	437
Тарифы рабовладельческих штатов США перед Гражданской войной	437
Юрий Окунев	451
Принстонские образы: Эйнштейн — физика — религия — еврейство	451
Павел Полян	460
Еврейские фронты — во время войны и после	460

Павел Полян¹

Встретимся у Берковича!

Судьба Евгения хранила...

Ну, конечно, конечно!... Женечка Беркович, московский еврейский мальчик, не паинька, но умничка, обыкновенный советский вундеркинд. Ну да, как и все такие, он штурмовал вузовские физ/матвершины и, несмотря (а на самом деле еще как смотря!) на заслоны государственного антисемитизма, взошел на некоторые из них. Вероломно — потому что хоть и еврей, а производственник²! — прорвавшись на физфак МГУ, высотку аспирантуры он уже не взял, но все равно зацепился за Воробьевы горы. Точнее, за университетский ВЦ (Вычислительный центр), где впервые окунулся в океан математики и информатики — зашел сначала по щиколотку, но вскоре научился и плавать саженками. Тема кандидатской — «О двухэтапной задаче стохастического оптимального управления» (1973).

Что ж, успешный, по меркам СССР, «лебенслайф»³, заставляющий хорошенъко подумать и семижды семь отмерить, прежде чем раз отрезать и решиться на столь резкий шаг как эмиграция. Не вон и не прочь из страны, не любой ценой, лишь бы скорее, — а плавно и рассудочно переместиться туда и тогда, куда и когда это оптимально (см. еще раз название диссертации!).

Выбор в начале 90-х как раз расширился, и рискованной по климату и по террору депатриации, как и бесшабашному, целиком на свой страх и риск, прыжку за океан, Беркович с семьей предпочли спокойную передислокацию в Германию — уютную и зело виноватую перед евреями страну, распахнувшую перед своими Kontingent-Flüchtlinge⁴ двери и щедро подстраховывающую их во всем и во вся. Беркович приехал в Ганновер в 1995 году, будучи 50 лет от роду и, кажется, не зная немецкого. Тут сколько ни оптимизируй, а сохранить свой прежний статус на новом месте нереалистично, в профессиональной сфере уж точно.

Вопрос о социальном иждивенчестве, столь притягательном для многих сверстников-собратьев по «контингентному беженству», для Берковича ни секунды не стоял. Поиски работы начались сразу же, и, может быть, поэтому ему скоро и так несказанно повезло. Кандидатская степень (она же, по немецким понятиям, докторская) обернулась интересной и хорошо оплачиваемой работой — информатиком-математиком в крупной фирме по финансовой математике, то есть почти по специальности, да еще в коллективе, где ценился навык работы с большими ЭВМ.

Это принесло Берковичу не только материальную независимость и самостоятельность, но и дало возможность пойти, наконец, навстречу давнему дрейфу своих интересов в сторону гуманитарного знания, в направлении еврейской истории и просветительства. Где-то встретилось мне его высказывание, достойное перевода на латынь и помещения на родовой герб, если бы у Берковичей таковой был: «настоящее образование — это самообразование».

С этим девизом и с удвоенной энергией зашагал иммигрант Беркович по немецкому отрезку своей жизни. Все более погружаясь сам в немецкие печатные источники, он оставался верен при этом русскому языку на выходе. И уже через пять лет — два почти синхронных события-тезки: выход в 2000-м первой книги Берковича «Заметки по еврейской истории» и дебют в 2001-м сетевого журнала... «Заметки по еврейской истории» — его главного стартапа и ноу-хау!

Оба направления деятельности получили продолжение: в 2003 году вышла вторая книга — «Банальность добра. Герои, праведники и другие люди в истории Холокоста. Заметки по еврейской истории двадцатого века», а спустя 10 лет авторские интересы Берковича, воврав в себя историю немецкой физики и литературы, отпечатались в «Одиссее Петера Прингсхайма» (2013), в «Антиподах: Альберте Эйнштейне и Филиппе Ленарде в контексте физики и истории» (2014) и двумя книгами с единым заголовком («Революция в физике и

¹ Историк, литературовед, доктор географических наук.

² У производственников были льготы при поступлении в университет.

³ Резюме, карьера, жизненный путь.

⁴ «Контингентные беженцы» — статус еврейских иммигрантов из б. СССР в Германии до 2001 г.

судьбы её героев») и разными подзаголовками — «Томас Манн и физики XX века» (2017) и «Альберт Эйнштейн в фокусе истории XX века» (2018). «Эйнштейниада» продолжена книгой «Альберт Эйнштейн и "революция вундеркиндов": очерки становления квантовой механики и единой теории поля» (2021). Аккомпанементом к книжному просветительству служат и многочисленные лекции и доклады, читанные Берковичем буквально по всей Германии и за ее пределами.

Еще более разительное — нет, поразительное — развитие получил сетевой проект Берковича. Спустя 20 лет — это настоящее СМИ — целый просветительский портал, названный по имени своего дебютного журнала — «Заметки по еврейской истории». Кроме него, портал вобрал в себя еще и альманах «Еврейская Старина» (2002), ежемесячный журнал «Семь искусств» (2009) и журнал-газету «Мастерская» (2012). «7 искусств» — любимейшее из детищ: кredo журнала — соединить под одной обложкой все, что интересно интеллигентному читателю: статьи и публикации о науке, театре, музыке, философии, словесности, педагогике и т. д. Привлекая по каждому направлению авторитетных авторов, журнал манифестирует тем самым в сетевом формате единство культуры и науки. По широте своего профиля он не знает равных, а по качеству материалов достойно конкурирует с изданиями более узких направлений.

Впрочем, этот очерк не биографический. Интересующихся житейскими вехами юбиляра отошли к википедии или к *лаудацио⁵* от Юлии Грабарь («Точки бифуркации, тли Роман с математиком! // Еврейская панорама. 2020. № 12. С. 56–57).

Мне же интереснее попытаться осмыслить значение всего сделанного Берковичем.

В сущности, созданный им портал стал заметным явлением и служит важным агрегатором интеллектуального общения внутри всей русскоязычной еврейской диаспоры. Его ежемесячный трафик, он же читательская аудитория (более 50 тыс. посещений, из них почти половина из России), превосходит аналогичный показатель многих российских толстых журналов. Между авторами и читателями портала бытует заслуженное выраженьице: «У Берковича» («видел у Берковича?», «проверь по Берковичу» и т. п.).

Интернет, разумеется, не торричеллиева пустота, и портал Берковича не один в этой русско-еврейской нише: здесь разворачиваются дискуссии (как плодотворные, так и не очень: иной раз читателей заносит в скандал). Здесь обнаруживаются неизвестные и неожиданные для специалистов сведения и факты (лично я находил здесь ценнейшие, нигде более не встретившиеся материалы о таких героях своих штудий как Осип Мандельштам, Исаак Маергойз и Тамара Ростовская-Лазерсон).

Так что, при всем своем лидерстве, «Беркович» — это имя нарицательное и понятие коллективное. Энергия, четкость и целеустремленность физического Берковича, интеллектуальное удовольствие, которое многие получали от пребывания на портале, не могло не вызвать благодарный отклик. И такой отклик возник — разбросанные по всему глобусу волонтеры — редакторы, корректоры, верстальщики. Без их массивной и перманентной помощи портал «Заметки по еврейской истории» мог бы возникнуть, но не мог бы существовать.

Умение перерастать самого себя, искусство открывать, а затем и обживать новые горизонты, пусть и виртуальные, сопровождало и сопровождают Берковича всю его жизнь. 75 лет — это прекрасная дата, но и достойный возраст. Крепкого здоровья и новых успехов Евгению и его 20-летнему детищу — порталу «Заметки по еврейской истории»! Но и мыслей о грамотной институционализации этого медийного продукта, важного как для его создателя, так и для многих других.

Чтобы и дальше, по возможности всегда интеллигентные люди в разных концах мира могли бы говорить друг другу: «Встретимся у Берковича» — и переходить по ссылке.

⁵ Хвалебное слово.

Владимир Фрумкин¹

Евгений Беркович — краткая биография и основные публикации

Краткая биография

Беркович Евгений Михайлович [6.10.1945, г. Иркутск] — математик, историк науки и литературы, изда-тель и главный редактор ряда сетевых журналов.

Отец — Беркович Михаил Шаевич (1917–2001) — радиоинженер, мать — Сендерова Александра Влади-мировна (1924–1980) — преподаватель истории, патентовед. В 1946 семья переехала в Москву. В 1951 за разработку стратегически важного радиолокационного прибора для авиации М.Ш. Беркович был представлен к Сталинской премии, но во время начавшейся кампании «борьбы с космополитами» был уволен и более года оставался без работы. В 1953 был принят на работу инженером во вновь созданный Московский телевизион-ный завод «Рубин», где впоследствии стал начальником Специального конструкторского бюро, разработавшего не только новые образцы военной телевизионной аппаратуры, но и широко известные телевизоры марки «Рубин». А.В. Сендерова преподавала историю в московских школах, впоследствии работала в патентном бюро Московского радиозавода.

После окончания восьмого класса средней школы Евгений Беркович работал на заводе радиомонтажни-ком. Школу рабочей молодежи окончил в 1962 с золотой медалью. В том же году поступил на физический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова, окончил по кафедре математики с «красным дипломом» в 1968, полу-чив распределение в Научно-исследовательский вычислительный центр МГУ. Здесь без обучения в аспирантуре защитил диссертацию и получил ученую степень кандидата физико-математических наук, а впо-следствии и диплом старшего научного сотрудника. Он автор более 150 научных работ по прикладной и общей математике, опубликованных в ведущих научных журналах СССР: «Докладах АН СССР», «Известиях АН СССР», «Журнале вычислительной математики и математической физики», «Вестнике Московского уни-верситета» и др.

С 1975 Евгений Беркович занимался разработкой различных подсистем Государственной системы научно-технической информации, сначала в Государственном институте НТИ (ГОСИНТИ), потом в Центре НТИ ми-нистерства связи СССР. Стал главным конструктором отраслевой автоматизированной системы НТИ в области связи. За успехи в разработке был награжден медалью «За доблестный труд». Имеет другие знаки отличия.

С 1995 живет и работает в Германии, где более 15 лет руководил научным направлением в крупном ин-ституте финансовой математики и банковской информатики (Finanz Informatik).

С 1997 стал публиковать в различных газетах и журналах статьи на исторические темы, в 2000 вышла книга «Заметки по еврейской истории» (М.: издательство «Янус-К»). С этого же времени начинает функцио-нировать сетевой портал, носящий то же название.

В настоящее время в рамках издательского дома, связанного с порталом, регулярно выходят четыре попу-лярные сетевые издания: ежемесячные журналы «Заметки по еврейской истории» и «Семь искусств», а также ежеквартальный альманах «Еврейская Старина» и обновляемый ежедневно журнал-газета «Мастерская». Из-дания объединяют широкий круг авторов из разных городов и стран.

Собственные литературно-исторические исследования Евгения Берковича вначале были связаны с исто-рией Холокоста и Второй мировой войны и нашли выражение в книге «**Банальность добра. Герои, праведники и другие люди в истории Холокоста**» (М.: издательство «Янус-К», 2003). В последние годы Берковича интересует жизнь и творчество Томаса Манна, Альберта Эйнштейна, революция в физике и судьбы ее героев. Он публиковался в журналах «Новый мир», «Знамя», «Вопросы литературы», «Иностранный литература», «Нева», «День и ночь», «Слово/Word», «Новый берег», «Человек» и др.

¹ Журналист, эссеист, музыкoved.

Некоторые результаты исследований вошли в книги «**Томас Манн и физики XX века**» (М.: УРСС, 2017) и «**Альберт Эйнштейн в фокусе истории XX века**» (М.: УРСС, 2018), «**Альберт Эйнштейн и „революция вундеркиндлов“ Очерки становления квантовой механики и единой теории поля**» (М.: УРСС, 2021). Положительные рецензии на книги Берковича опубл. в журналах «Нева», «Знамя» и др. российских изданиях, а также в немецком журнале «Zeitschrift für Weltgeschichte» (автор – профессор Nolte).

Основные книги

1. Заметки по еврейской истории. М.: Янус-К, 2000.
2. Банальность добра. Герои, праведники и другие люди в истории Холокоста. Заметки по еврейской истории двадцатого века. М.: Янус-К, 2003.
3. Томас Манн и физики XX века. Революция в физике и судьбы ее героев: Одиссея Петера Прингсхайма. М.: URSS, 2017.
4. Революция в физике и судьбы ее героев: Альберт Эйнштейн в фокусе истории XX века. М.: URSS, 2018.
5. Альберт Эйнштейн и «революция вундеркиндлов»: Очерки становления квантовой механики и единой теории поля. М.: URSS, 2021.

Основные журнальные публикации

Избранные работы по математике

Доклады Академии наук СССР

1. Об аппроксимации экстремальных задач (совм. с Б.М. Будаком). 1970, т. 192, № 5, с. 959–962

Журнал вычислительной математики и математической физики Академии наук СССР

2. О построении сильно сходящейся минимизирующей последовательности для непрерывного выпуклого функционала (совм. с Б.М. Будаком и Ю.Л. Гапоненко). 1969, т. 9, № 2, с. 286–299.
3. О сходимости разностных аппроксимаций для задач оптимального управления (совм. с Б.М. Будаком, Е.Н. Соловьевой). 1969, т. 9, № 3, с. 522–547.
4. О задачах оптимального управления для дифференциальных уравнений с разрывными правыми частями (совм. с Б.М. Будаком). 1971, т. 11, № 1, с. 51–64.
5. Об аппроксимации экстремальных задач I (совм. с Б.М. Будаком). 1971, т. 11, № 3, с. 580–596.
6. Об аппроксимации экстремальных задач II (совм. с Б.М. Будаком). 1971, т. 11, № 4, с. 870–884.
7. Об аппроксимации двухэтапных стохастических экстремальных задач. 1971, т. 11, № 5, с. 1150–1165.
8. Об одном классе многоэтапных задач стохастического оптимального управления. 1977, т. 17, № 1, с. 52–63.

Известия Академии наук СССР. Техническая кибернетика

9. Численное решение некоторых многоэтапных задач стохастического оптимального управления. 1977, № 3, с. 26–35.

Российская Академия наук. Техническая кибернетика

10. Оценки информированности и задача выбора условий проведения операций. 1993, № 2, с. 114–121.

Вестник Московского университета. Математика, механика

11. О разностных аппроксимациях в задачах оптимального управления (совм. с Б.М. Будаком, Е.Н. Соловьевой). 1968, № 2, с. 41–55. Перевод статьи на английский язык опубликован в журнале SIAM J. Control, vol. 7, No. 1: Difference approximations in optimal control problems.
12. Разностные аппроксимации для задач оптимального управления с подвижными концами при наличии фазовых ограничений. I (совм. с Б.М. Будаком). 1969, № 6, с. 59–68.
13. Разностные аппроксимации для задач оптимального управления с подвижными концами при наличии фазовых ограничений. II (совм. с Б.М. Будаком). 1970, № 1, с. 39–47.
14. О двухэтапной задаче стохастического оптимального управления. 1970, № 4, с. 9–17.
15. Разностные аппроксимации для задач оптимального управления с подвижными концами при наличии фазовых ограничений. III (совм. с Б.М. Будаком). 1970, № 3, с. 23–32.
16. О теоремах существования в двухэтапных задачах стохастического оптимального управления. 1972, № 2, с. 64–70.
17. Разностные аппроксимации для двухэтапных задач стохастического оптимального управления. 1972, № 3, с. 43–51.
18. О существовании оптимальных решений одной многоэтапной стохастической экстремальной задачи. 1975, № 4, с. 19–25.

Избранные работы по истории науки

Знамя

19. Опальный академик и его защитники. 2017, № 4, с. 193–200

Новый мир

20. Альберт Эйнштейн: «Большевики мне больше по вкусу», 2017, № 3, с. 133–144

Иностранный литература

21. Физики и время: Портреты ученых в контексте истории. 2014, № 2, с. 187–213

Нева

22. Наука в тени свастики. 2008, № 5, с. 175–189

23. Прецедент. 2009, № 5, с. 146–159

24. Одиссея Петера Прингхайма. 2013, № 5 с. 156–174

25. Антиподы. 2014, № 9, с. 140–164, № 10, с. 117–137

26. Томас Манн и Альфред Прингхайм: писатель и математик под одной крышей. 2016, № 3, с. 174–189

27. Прощание с Европой. 2017, № 2, с. 167–181

28. Альберт Эйнштейн на перепутье. 2017, № 4, с. 151–164

29. Как зерна меж двух жерновов... 2018, № 2, с. 167–185

30. Альберт Эйнштейн в кино и в жизни. 2019, № 5, с. 157–174

31. Слезы Гейзенберга, или Неопределенность принципа неопределенности. 2020, № 2, с. 164–176

Иерусалимский журнал

32. Символы Ландау. 2016, № 54, с. 257–273

33. Альберт Эйнштейн и университет в Иерусалиме. 2017, № 55, с. 212–238

Слово/Word

34. Феликс Клейн и его команда. 2014, № 81

Новый Берег

35. Маленький Макс и Великий Клейн. 2013, № 41, с. 60–66

36. Альберт Эйнштейн и Прусская академия наук — история и легенды. 2017, № 55.

Зарубежные записки

37. Корни и ветви, или О «белом еврее» в науке, с. 228–235

Человек

38. Гейзенберг и время. 2014, № 1, с. 154–166.

39. Антиподы: Альберт Эйнштейн и Филипп Ленард — физика и история. 2015, № 1, с. 82–97

40. Альберт Эйнштейн, невозвращенец. 2017, № 1, с. 104–118

Наука и жизнь

41. Эпизоды «революции вундеркиндов». 2017, №№ 9–12, 2018, №№ 1–9

42. Трагедия Эйнштейна, или Счастливый Сизиф. 2019, №№ 1–4

Исследования по истории физики и механики. Труды Института истории естествознания и техники Российской академии наук

43. Антиподы: Альберт Эйнштейн и Филипп Ленард в контексте физики и истории. 2014–2015, с. 359–428, М.: Янус-К, 2016

44. От пятна на промокашке к Нобелевской премии. Джеймс Франк: становление ученого. 2016–2018, с. 319–342, М.: Янус-К, 2019

45. Джеймс Франк в период расцвета и заката Гёттингена. 2016–2018, с. 343–379, М.: Янус-К, 2019

Белый ворон. Литературный альманах

46. Корни и ветви, или О «белом еврее» в науке. Эссе. 2015, Межсезонье, с. 230–240

Троицкий вариант

47. Эйнштейн и большевики. 2017, № 16, с. 9

48. Альберт Эйнштейн в кино и в жизни. К 140-летию великого физика. 2019, № 4, с. 8–9

49. Принцип Сковороды, или Озарение на Гельголанде. 2019, № 20, с. 11,13

50. Волны, горы и любовь, или Когда старики за новое, а молодежь против. 2019, № 21, с. 12

51. Копенгагенская интерпретация: «Неужели возможно, что природа так безумно запутана?». 2019, № 22, с. 12

52. Слезы Гейзенберга. 2019, № 25, с. 6–7

53. Альберт Эйнштейн и квантовая механика. 2020, № 1, с. 12–13

54. Альберт Эйнштейн и «теория всего». 2020, № 5, с. 6–7, № 6, с. 14

55. Преждевременное открытие Альберта Эйнштейна. 2020, № 21, с. 10

Заметки по еврейской истории

56. «Вы уволены, господин профессор!» 2008, № 3
57. Антисемитизм высоколобых. 2008, № 4
58. Гипотеза Ферма и казус Радзиховского. 2008, № 7
59. Год математики и уроки истории. 2008, № 10
60. Дело Феликса Бернштейна, или Теория анти-относительности. 2008, № 12
61. Похвала точности, или О нетривиальности тривиального. 2009, № 7
62. Альфред Клебш и его школа. 2009, № 10
63. Одиссея Фрица Нётера. Послесловие. 2009, № 11

Еврейская Старина

64. Сага о Прингсхаймах. 2008, № 2
65. Феликс Клейн и его команда. 2008, № 6
66. Прецедент. Альберт Эйнштейн и Томас Манн в начале диктатуры. 2009, № 1
67. Одиссея одной династии. Триптих. 2009, № 2

Избранные работы по истории литературы

Вопросы литературы

68. Работа над ошибками. 2012, № 1, с. 118–180.
69. «Немыслимая разлука», или Томас Манн и Петер Прингсхайм. 2013, № 5, с. 203–255
70. Магия чисел в романах Томаса Манна. 2016, № 4, с. 192–222.
71. Братья Манны в «Двадцатом веке». Страница биографии, о которой писатели предпочитали не вспоминать. 2018, № 2, с. 218–246.

Иностранная литература

72. Томас Манн в свете нашего опыта. 2011, № 9, с. 213–256

Студия

73. Томас Манн: между двух полюсов. 2008, № 12, с. 73–96

Нева

74. Новелла Томаса Манна «Кровь Вельзунгов» и проблемы литературного антисемитизма. 2016, № 5, с. 122–145
75. Меланхолия, музыка и математика. 2016, № 12, с. 153–167
76. Двуликий Волшебник. 2018, № 5
77. Границы понимания и безграничность непонимания. 2018, № 10.

Человек

78. Темы «меланхолии» Дюрера в «Докторе Фаустусе». 2016, № 1, с. 123–137

Белый ворон. Литературный альманах

79. «Я написал какую-то резко антисемитскую новеллу». 2015, Зима, с. 258–274
80. Математика и Томас Манн. Три эссе. 2016, Весна, с. 149–190

Троицкий вариант

81. Гравюра Дюрера «Меланхолия I» и семь свободных искусств. 2017, № 3, с. 12

Заметки по еврейской истории

82. Еврейская самоненависть (Трагедия Отто Вейнингера). 2003, февраль, № 25
83. И эллин, и иудей. Опыт синтетического интервью с Иосифом Бродским. 2003, апрель, № 27

Избранные работы по истории общества, публицистика

Слово/Word

84. Смятение умов, или Как интеллигенция встречает исторические катаклизмы. 2013, № 80, с. 13

День и ночь

85. Женский бунт на улице Роз. 2016, № 1, с. 67–69
86. Притяжение зла. 2018, № 4

Нева

87. Необразованница, или Невыносимая легкость невежества. 2017, № 9, с. 225–235

Дилетант

88. Список Геринга. 2015, № 2, с. 58–61

Троицкий вариант

89. О достоверности воспоминаний. 2018, № 6, с. 12

90. В поисках утраченных кавычек. 2018, № 18, с. 14
91. Комедия с «Википедией», или Как анонимная демократия помогает сводить счеты. 2019, декабрь (статья на сайте газеты)
92. Так давайте вопрос закроем! Открытое письмо доктору филологических наук, профессору И.Н. Сухих. 2020, № 20, с. 12–13

Новая газета

93. Теория относительности террора. 2020, 14 марта (статья на сайте газеты)
94. Футбол и план «Барбаросса». Каким был «спорт номер один» в Третьем рейхе. 2020, 9 марта (статья на сайте газеты)

Семь искусств

95. Игорь Сухих: «Вопрос, впрочем, окончательно не закрыт». Так давайте его закроем! Открытое письмо доктору филологических наук, профессору И.Н. Сухих. 2020, № 8–9

Заметки по еврейской истории

96. Консул-самозванец. 2001, декабрь, № 1
97. Нюрнбергский концерт. 2001, декабрь, № 2
98. Одиссея Марка Хермана. 2002, январь, № 3
99. Шалом, либертад! 2002, февраль, № 5
100. Еврей в нацистском мундире. 2002, февраль, № 6
101. Теодор Лессинг: пророк и жертва. 2002, март, № 7
102. Дочки-матери. 2002, март, № 7
103. Перевернутый мир. Георг Фердинанд Дуквиц и спасение евреев в Дании. 2002, март, № 8
104. Женский бунт на улице Роз. 2002, март, № 9
105. Парадоксы Шмелинга. 2002, апрель, № 10
106. Америка и Холокост. Американский антисемитизм. 2002, апрель, № 11
107. История Вильгельма Бахнера. 2002, май, № 12
108. Человек первого часа. 2002, июнь, № 15
109. Бей в барабан и не бойся беды. 2002, август, № 18
110. Слово и дело. 2002, сентябрь, № 19
111. Две минуты тишины. Фельдфебель Антон Шмид - праведник в нацистском мундире. 2002, ноябрь, № 22
112. Заложники Второй мировой. 2002, декабрь, № 23
113. Тайны виллы Хаммерштайна. 2003, март, № 26
114. Список Геринга. Брат рейхсмаршала — защитник евреев. 2003, май, № 28
115. Восьмая ступень благотворительности. 2003, июль, № 30
116. О чём молчит семья Квандт. 2007, № 16
117. Первый антисемит. 2007, № 17
118. В начале было слово. 2008, № 1
119. Смятение умов, или как еврейские лидеры встречали приход Гитлера к власти. 2008, № 2
120. «Если еврей пишет по-немецки, он лжет!». 2008, № 5
121. Смятение умов: свастика и звезда Давида. 2008, № 8
122. Две истории об отцах и детях, или кого считают евреем в Израиле и в Америке. 2008, № 10
123. Литературные мародеры и их добровольные помощники. 2020, № 8–10

Еврейская Страна

124. Банальность добра, или Как итальянские фашисты спасали евреев. 2002, декабрь, № 1, 2003, январь, № 2
125. Немецкий писатель с еврейской судьбой. 2003, февраль, № 3
126. Теодор Лессинг. Пророк и жертва. 2003, март, № 4
127. Пианист и капитан резерва. 2003, апрель, № 5, май, № 6
128. Праведники мира в ландшафте Холокоста. 2003, июнь, № 7, июль, № 8
129. Первая дама Третьего Рейха и ее еврейский отчим. 2003, август, № 9
130. Одинокие герои. История покушений на Гитлера. 2004, март, № 15, апрель, № 16
131. Из Данцига в Эйлат: морем к свободе. Густав Пич и спасение евреев Вольного города Данциг. 2004, май, № 17
132. Норвежский триптих. Известны ли истории народы-праведники? 2004, сентябрь, № 21, октябрь, № 22, ноябрь, № 23
133. Наука в тени свастики — портреты и судьбы. 2005, № 2
134. Вопросы Богу. Интервью с проф. Вольфгангом Бенцем. 2005, № 10
135. Смятение умов: «банкроты от искусства». 2008, № 1

136. Расстреляны при невыясненных обстоятельствах. Загадки предыстории Еврейского антифашистского комитета. 2010, №№ 1, 2

Интервью с Евгением Берковичем

Горизонт (Денвер, США)

1. Леонид Резников. Опыт автобиографии в вопросах и ответах. 1999. (В книге «Евгений Беркович: Пятая жизнь. Предварительные итоги в вопросах и ответах», сост. Владимир Плетинский при участии Изабеллы Побединой, Ганновер: Семь искусств, 2015, с. 12–35)

Секрет (Израиль)

2. Владимир Плетинский. Десять лет спустя. 2010, 31 октября (В книге «Евгений Беркович: Пятая жизнь. Предварительные итоги в вопросах и ответах», с. 88–100)

Радио «Голос России» (Москва)

3. Аркадий Бейненсон. Дорогу осилит идущий. 2012 (В книге «Евгений Беркович: Пятая жизнь. Предварительные итоги в вопросах и ответах», с. 101–130)

Слово/Word

4. Ирина Чайковская. Дюжина вопросов Евгению Берковичу, или Старые песни о главном. 2015, № 85 (В книге «Евгений Беркович: Пятая жизнь. Предварительные итоги в вопросах и ответах», с. 131–152)

Еврейская Старина

5. Людмила Палисад. Расскажи мне, старина, про «Старину». 2003, ноябрь, № 11 (В книге «Евгений Беркович: Пятая жизнь. Предварительные итоги в вопросах и ответах», с. 36–53)

6. Елена Минкина. Вечер вопросов. 2006, № 8 (В книге «Евгений Беркович: Пятая жизнь. Предварительные итоги в вопросах и ответах», с. 54–87)

Еврейский журнал

7. Виктория Кац. Евгений Беркович: «Я занялся историей благодаря улице имени однофамильца». 2020, № 10, с. 18–23

Рецензии на книги и журналы Евгения Берковича

Нева

1. Ирина Чайковская. Томас Манн и «неарийская физика» (о книге Евгения Берковича «Томас Манн и физики XX века»). 2017, № 10, с. 225–228

2. Сергей Левин. Гений и злодейство в ужасный век (о книге Евгения Берковича «Альберт Эйнштейн в фокусе истории XX века»). 2018. № 6.

Знамя

3. Борис Кушнер. Портрет ушедшей эпохи (о книгах Евгения Берковича). 2018. № 2

ИсаГео (Израиль)

4. Ольга Балла. Средоточие культуры и мудрости. 2020, 28 апреля

5. Владимир Алейников. Словно цветная радуга над миром. О журнале «Семь искусств». 2020, 22 июня

6. Юлия Грабарь. Точки бифуркации, или Роман с математиком. 2020, 6 октября

Шалом (Чикаго, США)

7. Лиана Алавердова. Можно ли обять необъятное? 2020, июнь, № 454

Еврейская панорама (Берлин, Германия)

8. Ольга Балла. Семь искусств. 2020, № 5

9. Юлия Грабарь. Точки бифуркации, или Роман с математиком. 2020, № 12

Чайка (США)

10. Юлия Грабарь. Преуспеть не в своем поколении. 2020, 6 октября

Вестник (Балтимор, США)

11. Василий Пригодич. Заметки о «заметках», или «Банальность зла». 2003, № 16

Заметки по еврейской истории

12. Борис Горобец. «Поразительная парадоксальность». Отклик из России на книгу Евгения Берковича «Банальность добра» от его коллеги по «чеху». 2007, № 3

Часть первая. История науки

Евгений Беркович¹

Альберт Эйнштейн и Филипп Ленард — антиподы²

«Релятивистский еврей»

Революционные теории Альберта Эйнштейна вызывали не только восхищение понимающих коллег-физиков и восторг миллионов людей, на глазах которых на месте классической физики Ньютона рождалась новая наука о Вселенной. У Эйнштейна, начиная с его первых выдающихся работ 1905 года и вплоть до нашего времени, всегда были многочисленные противники и откровенные враги. Они не только отрицали и отрицают справедливость научных результатов великого физика, но всеми силами старались и стараются опорочить его личность, приписывая ему чуть ли не все смертные грехи. Не последнюю роль играет тут еврейское происхождение ученого, в чем явные и скрытые антисемиты видят корень зла.

Среди противников Эйнштейна, публично выступавших с опровержением его трудов, можно найти людей разных профессий и социального положения. В списке авторов, опубликовавших работы против теории относительности в двадцатые годы прошлого века, есть государственные чиновники, журналисты, инженеры, врачи, химики, астрономы, школьные учителя, торговцы... [Wazeck, 2009 стр. 25]. Их опровержения теории относительности опираются на собственные доморощенные построения и, как правило, легко опровергаются. Другое дело — возражения физиков-профессионалов. Опровергнуть их аргументы бывает не просто, и диспуты порой переходили в страстные научные схватки.

Самым авторитетным противником Эйнштейна в академической среде был профессор Филипп Ленард, один из первых нобелевских лауреатов по физике в Германии. У двух выдающихся ученых были принципиально различные подходы к объяснению физических явлений, противоположные политические установки, в корне не совпадающие мировоззрения. Их противостояние не удержалось в рамках традиционных научных дискуссий, оно стало достоянием улицы, выплеснулось на страницы газет, в радиоэфир...

Научный конфликт между Эйнштейном и Ленардом обострился летом 1920 года и достиг кульминации во время очной дуэли ученых на ежегодном заседании «Общества немецких естествоиспытателей и врачей»³ в сентябре того же года в курортном городке Бад Наухайм (встречается другое русское написание: Бад-Наухайм). Когда же к власти в стране пришли нацисты, Ленард стал использовать против Эйнштейна далекие от науки аргументы. Когда стало известно, что Эйнштейн решил не возвращаться на родину, пока там подавлена демократия, Ленард в газете национал-социалистов «Völkische Beobachter» от 13 мая 1933 года с глубоким удовлетворением писал о том, что «релятивистский еврей, чья лоскутная математическая теория начинает мало-помалу разваливаться на куски, покинул Германию» [Schönbeck, 2000 S. 1].

Непримиримая борьба Филиппа Ленарда с автором теории относительности хорошо известна историкам науки и биографам Эйнштейна. Менее известна предыстория конфликта, а она тоже весьма поучительна. Ее мы и рассмотрим в настоящей статье.

«Молодец-профессор»

Когда Альберт Эйнштейн в 1905 году опубликовал в «Annalen der Physik» знаменитые статьи, с которых началась его мировая слава, научный мир не знал скромного технического эксперта второго класса, служившего в Швейцарском патентном ведомстве в Берне. Не слышал имени Эйнштейна и ординарный профессор, директор института физики Кильского университета Филипп Ленард. Зато молодой автор трех упомянутых статей был в курсе трудов Ленарда и не раз цитировал его результаты в своем исследовании фотоэффекта с помощью недавно введенного Максом Планком понятия «квант энергии». Именно эта работа Эйнштейна явно указана в формулировке Нобелевского комитета, присудившего ему в 1922 году Нобелевскую премию по

¹ Историк науки и литературы, математик, к.ф.-м.н., доктор естествознания, публицист и изобретатель.

² Сокращенный и переработанный фрагмент книги [Беркович, 2018].

³ Общество немецких естествоиспытателей и врачей (Die Gesellschaft Deutscher Naturforscher und Ärzte e. V. — GDNÄ) — основанное в 1822 году старейшее и самое большое немецкое общество ученых разных специальностей.

физике за 1921 год⁴, хотя любая из трех статей, опубликованных в 1905 году, заслуживала эпитета «гениальная». Не зря биографы великого ученого называют этот год «годом чудес».

Достоверно установлено, что имя профессора Ленарда стало известно Эйнштейну еще в студенчестве. В октябре 1897 года восемнадцатилетний студент третьего семестра Цюрихского политехнического института получил письмо из Гейдельберга от своей подруги, посещавшей лекции в местном университете:

«О, вчера было очень мило на лекции проф. Ленарда, он рассказывает сейчас о кинетической теории теплоты в газах. Рассматривалась молекула кислорода, которая движется со скоростью 400 м в секунду, молодец-профессор считал, считал, строил уравнения, дифференцировал, интегрировал, что-то преобразовывал и, в конце концов, вывел, что молекулы хоть и движутся с такой скоростью, но проходят путь всего в одну сотуютолщину волоса» [Schönbeck, 2000 стр. 2].

Подругу Эйнштейна звали Милева Марич, она училась в Цюрихском политехе на том же курсе, что и Альберт.

Почему зимний семестр 1897/98 учебного года Милева решила провести в Гейдельберге, не очень ясно. То ли родители девушки настаивали на этом, желая охладить слишком горячие отношения молодых людей, то ли сами Альберт и Милева решили проверить разлукой свои чувства. В отличие от либеральной Швейцарии, где девушки могли, окончив гимназию, официально учиться в университетах, женщины в Германии практически не имели прав на полноценное высшее образование. В Гейдельберге Милева записалась вольнослушательницей, она могла посещать лекции, но студенткой не считалась.

Через пять лет, в 1903 году, молодые люди поженились в Берне. Отношения Альберта Эйнштейна с первой женой подробно описаны его биографами. Для нашего рассказа важно отметить: из письма Милевы следует, что имя профессора Ленарда было известно студенту Эйнштейну в 1897 году.

Строго говоря, полным профессором тридцатичетырехлетний Ленард в то время еще не был. Это заветное звание, означавшее вершину научной и педагогической карьеры любого ученого в Германии, он получит через год, когда его назначат ординарным профессором университета в Киле. А в Гейдельберге Филипп занимал должность экстраординарного профессора теоретической физики. Однако имя в научном мире Ленард к этому времени завоевал. Основные работы, за которые он в 1905 году получит Нобелевскую премию, уже были опубликованы.

Филипп Ленард принадлежал к когорте блестящих физиков-экспериментаторов, которыми славилась в то время Германия. В 1892 году он усовершенствовал «разрядную трубку», ставшую на время основным инструментом в опытах по исследованию микромира. Ленард тщательно исследовал катодные лучи, фактически доказав, что это поток каких-то мельчайших частиц. До обнаружения электрона ему оставался лишь один шаг, но историческое открытие сделал другой физик — англичанин Джозеф Джон Томсон — в 1897 году. Годом ранее Ленард демонстрировал английским коллегам опыты с катодными лучами. Дж.Дж. Томсон весьма заинтересовано следил за этими экспериментами и быстро сообразил, что они на самом деле означают. Когда в 1906 году британский ученый получил Нобелевскую премию за свое достижение 1897 года, он даже не упомянул о молодом немецком физике, проложившем своими трудами дорогу к открытию электрона. Ни одного слова благодарности Ленард от Дж.Дж. Томсона так и не дождался.

Похожая история произошла и с открытием рентгеновских лучей. Ленард передал Вильгельму Конраду Рентгену свою разрядную трубку, с помощью которой и были в 1895 году открыты таинственные «Х-лучи», позволявшие видеть кости под кожей человека. За это профессор Рентген получил в 1901 году самую первую Нобелевскую премию по физике и тоже не упомянул заслуг Филиппа.

Эта неблагодарность коллег-ученых всю жизнь не давала Ленарду покоя.

В процессе становления Ленарда-ученого важную роль сыграли четыре года (1891–1894), когда он работал в Боннском университете под руководством профессора Генриха Герца, прославившегося открытием радиоволн. Время работы с профессором Герцем Ленард относит к счастливым периодам своей научной карьеры. В Бонне Филипп защитил вторую докторскую диссертацию и получил звание приват-доцента, давшее право читать лекции в университетах.

Под руководством Герца начались первые эксперименты с катодными лучами.

⁴ «За заслуги перед теоретической физикой и особенно за открытие закона фотоэлектрического эффекта».

То, что Генрих Герц — еврей, нисколько не смущало тогда молодого физика. Он относился к профессору с глубоким уважением. Когда в 1894 году Герц неожиданно скончался, Ленард надолго прервал собственные эксперименты, чтобы подготовить к изданию последнюю книгу своего шефа.

В чём-чём, а в антисемитизме на том этапе Ленарда упрекнуть было нельзя. В это трудно поверить, зная публичные заявление отца «арийской физики» во времена Третьего рейха, но факты однозначно свидетельствуют: никакого предубеждения к евреям он не показывал. Тепло вспоминал Филипп еврейского математика из Гейдельберга профессора Лео Кёнигсбергера, чьи лекции он слушал студентом.

«Он действительно гений»

В одной из трех эпохальных работ 1905 года, а именно, в упомянутой статье о фотоэффекте [Einstein, 1905 стр. 135-148], Эйнштейн с уважением отмечает публикацию Ленарда 1902 года:

«Обычное представление, будто энергия света непрерывно распространяется в пространстве, вызывает в опыте с фотоэлектрическими явлениями особенно большие трудности, которые изложены в новаторской работе господина Ленарда» (имеется в виду статья [Lenard, 1902 стр. 149-198] — прим. Е.Б.).

И далее Эйнштейн пишет, что зависимость между частотой падающего света и энергией вылетающих электронов, установленная в экспериментах кильского профессора, согласуется с предложенными им, Эйнштейном, формулами.

Неизвестно, послал ли Альберт копию этой статьи Ленарду или тот сам заметил упоминание своего имени в публикации незнакомого автора, но профессор Ленард отправил молодому коллеге оттиск своей новой заметки, опубликованной в том же 1905 году в том же томе журнала «Annalen der Physik», что и работа о фотоэффекте Эйнштейна. Тот ответил из Берна государственным письмом от 16 ноября 1905 года:

«Глубокоуважаемый господин профессор! Сердечно благодарю Вас за присланную работу, которую я проштудировал с тем же чувством восхищения, что и Ваши предыдущие работы» [Kleinert, и др., 1978 стр. 169-170]⁵.

Далее в этом письме Эйнштейн высказал несколько важных гипотез о строении атома, которые подтвердились спустя двадцать с лишним лет развившейся к тому времени квантовой механикой.

На это письмо Ленард ответил только спустя четыре года, в 1909 году, когда непрямые контакты между ним и Эйнштейном возобновились с помощью молодого физика и математика Йохана Якоба Лауба. Он был родом из Галиции и защитил в 1906 году в Вюрцбурге докторскую диссертацию «О вторичных катодных лучах».

Научным руководителем Лауба был в то время профессор Вильгельм Вин, известный своими работами по излучению абсолютно черного тела.

Лауб был одним из первых в мире физиков, который оценил теорию относительности Эйнштейна и применил ее в своей работе. Это отметил Макс Планк, когда в зимний семестр 1905/1906 года Лауб докладывал свои результаты на физическом семинаре в Берлине.

Молодой человек был настолько увлечен идеями автора теории относительности, что попросил разрешения приехать к нему для обсуждения некоторых физических проблем. Эйнштейн, конечно, не был против, в результате апрель и май 1908 года Лауб провел в Берне.

Итогом их встреч стали три статьи в «Annalen der Physik», подписанные двумя авторами — Альбертом Эйнштейном и Якобом Лаубом. Так Якоб стал первым в мире соавтором великого физика. Между ним и Альбертом установились добрые, товарищеские отношения, о чем свидетельствует их переписка.

В 1907 году Филипп Ленард заменил своего учителя Георга Квинке на кафедре экспериментальной физики Гейдельбергского университета и на посту директора Физического института. Якубу Лаубу удалось в 1908 году получить место ассистента профессора Ленарда, чему молодой физик был нескованно рад. В письме Эйнштейну от 16 мая 1909 года Лауб поделился своей удачей:

⁵ Повтор слова «работа» в одном предложении — в оригинале письма. В книге [Schönbeck, 2000] это письмо ошибочно датируется 1906 годом.

«Дорогой друг! Что касается Ленарда, то он вообще известен как сатрап, который плохо обходится со своими ассистентами. По моему мнению, эти люди заслужили такое обращение, ибо зачем они вообще ползают перед ним на брюхе? Я могу только сказать, что Ленард в отношении меня выбрал совсем другой тон и что я обладаю полной свободой».

Далее Лауб рассказал о своих коллегах по Физическому институту и поведал, как он изучает современную физику, не привлекая внимания своего руководителя:

«Особенно приятен и скромен проф. Покельс. Мы организовали (без Ленарда) один неофициальный коллоквиум на квартире Покельса, где обсуждается теория относительности. Следующей темой должна стать квантовая теория света... Я очень рассчитываю на Ваш приезд. Это ведь не так далеко от Гейдельберга» [Schönbeck, 2000 стр. 8-9].

То, как высоко ценил в то время Эйнштейн Ленарда-ученого, видно из письма Лаубу, написанного 17 мая 1909 года. Очевидно, Альберт еще не получил письма Якоба, отправленного накануне:

«Дорогой господин Лауб! Прежде всего, мое сердечное поздравление по случаю ассистентства и связанным с ним окладом. Меня очень порадовало это известие. Но я полагаю, что возможность работать вместе с Ленардом стоит еще больше, чем ассистентство и оклад вместе взятые! Терпите все капризы Ленарда, сколько бы их ни было. Он великий мастер, оригинальная голова! Возможно, он будет вполне обходителен с тем человеком, с кем он решит считаться».

И несколькими строчками ниже Эйнштейн еще раз подчеркивает свое уважение к гейдельбергскому профессору:

«Вы можете себя поздравить с тем, что работаете с Ленардом, к тому же Вы — как кажется — понимаете, как с ним следует ловко обходиться. Он не только умелый мастер в своем цеху, но, действительно, гений» [Schönbeck, 2000 стр. 9].

Зная независимый характер Эйнштейна и его критическое отношение ко многим коллегам-физикам, нужно признать, что эти необычно высокие оценки говорят о неподдельном восхищении работой Ленарда. Тот, в свою очередь, тоже весьма похвально отзывался о ранних статьях начинающего физика из Берна, особенно нравилось Ленарду объяснение фотоэффекта. Об этом позднее сообщал Якоб Лауб первому биографу Альберта Эйнштейна Карлу Зеелигу.

Но и в теории относительности, против которой Ленард, так активно выступал в двадцатые и тридцатые годы, в описываемое время он не находил ничего предосудительного. В июне 1909 года он рекомендовал в труды недавно созданной Гейдельбергской академии наук статью своего ассистента Лауба, посвященную теории Эйнштейна. Ленард был одним из основателей этой академии. На следующий год Ленард дал согласие еще на одну публикацию Лауба под характерным названием «Экспериментальные основания принципа относительности» [Laub, 1910 стр. 405-420]. В ней, в частности, был приведен полный список всех научных работ Эйнштейна. Так как ни одна статья не выходила из стен Физического института без одобрения директора, можно быть уверенным, что Ленард был в курсе того, чем вообще занимался создатель теории относительности.

В июне 1909 года, спустя почти четыре года после получения упомянутого письма Эйнштейна от 16 ноября 1905 года, Ленард все же собрался ответить:

«Глубокоуважаемый господин коллега! Позвольте мне поблагодарить Вас за дружеские строки по поводу моего последнего послания. Что может быть мне приятнее, чем факт, что глубокий, разносторонний мыслитель находит удовольствие от чтения моей работы. По этому поводу я Вам должен также сказать, что Ваше содержательное послание от 16 ноября 1905 года постоянно лежит на моем письменном столе, сначала в Киле, теперь здесь, и я непрерывно размышляю о наших различных точках зрения на фотоэлектрические скорости и на то, что с ними связано. Я думаю, что в известном смысле мы оба правы; но я буду только тогда доволен, когда я увижу, как многогранные, чудесные, Вами найденные отношения подходят ко всему остальному, что я себе представляю как одно целое... Возможно, необычайная близость Вашего места проживания даст мне удовольствие Вас здесь увидеть» [Schönbeck, 2000 стр. 10].

В этом письме упоминаются «различные точки зрения на фотоэлектрические скорости». Имеется в виду различный подход к объяснению фотоэффекта. Эйнштейн в своей «квантовой гипотезе фотоэффекта» допускал, что каждый квант света «выбивает» из освещенного катода один электрон, которому передает свою энергию, пропорциональную частоте света. Это было совершенно новое представление, невозможное в рамках классической физики.

Ленард, напротив, был убежден, что все можно объяснить, оставаясь в этих рамках. Он считал, в частности, что внутри атома происходят какие-то сложные движения, и при освещении возникает явление резонанса, в результате чего атом испускает электроны. Объяснить явление так просто и лаконично, как сделал Эйнштейн, Ленард не мог, но не терял надежды, что в будущем это ему удастся.

Уже в этом первом заочном столкновении мнений двух выдающихся физиков определилось принципиальное различие их подходов к изучению новых явлений.

В дискуссиях о теории относительности, состоявшихся в последующие годы, оно проявится еще отчетливее. Это различие состоит в следующем. Если какое-то физическое явление не удается понять на основе классических представлений, то Эйнштейн был готов этими представлениями пожертвовать и дать простое объяснение в рамках новой теории. С этим Ленард смирился не мог и всегда искал пусть сложную, но принципиально классическую модель явления. Он был убежден, что на основе классических физических принципов можно объяснить все, что происходит в природе, и отказываться от них только потому, что мы еще не можем понять результаты того или иного эксперимента, неразумно. Ленард всю жизнь был предан классической физике, как прусский офицер верен данной кайзеру присяге.

Несмотря на эти принципиальные расхождения, отношения между Ленардом и Эйнштейном в эти годы были уважительными. Каждый отдавал должное профессиональным достижениям своего коллеги. Сказанное справедливо в отношении Ленарда вплоть до 1913 года. В этом году умер уже упоминавшийся экстраординарный профессор теоретической физики Гейдельбергского университета Фридрих Покельс. Ленард написал по этому случаю письмо главе мюнхенской школы физиков-теоретиков Арнольду Зоммерфельду. В этом письме Филипп предлагал создать в Гейдельберге еще одну должность ординарного профессора, на этот раз именно в области теоретической физики, «коль скоро в нашем распоряжении есть такая личность как Эйнштейн» [Schönbeck, 2000 стр. 11].

Однако с 1910 года между Эйнштейном и Ленардом стало нарастать напряжение, связанное с различными подходами к другому основополагающему понятию классической физики девятнадцатого века — мировому эфиру.

«Ленард в этих вещах сильно заблуждается»

Концепцию мирового эфира как некой всепроникающей среды, колебания которой проявляются в форме электромагнитных волн, в частности, света, выдвинул в семнадцатом веке Рене Декарт. В девятнадцатом веке эфир стал неотъемлемой частью волновой оптики и электромагнитной теории Максвелла. Эфир позволял дать простые, наглядные, «механические» объяснения сложным электродинамическим явлениям.

Однако к концу века в теории эфира появились серьезные противоречия, которые классическая физика разрешить не могла. Например, почему Земля движется в упругой среде эфира без потери скорости? Созданием специальной теории относительности в 1905 году Эйнштейн одним ударом разрешил все проблемы, связанные с мировым эфиром: он просто объявил его ненужным для описания физических явлений.

Для многих ученых, выросших на представлениях классической физики девятнадцатого века, прежде всего, для Ленарда, отказ от эфира был неприемлем. Филипп просто не мог себе представить электромагнитные волны, открытые его учителем Генрихом Герцем, распространяющиеся в пространстве без присутствия носителя — эфира. Наглядность объяснения, механическая интерпретация любого явления были для Ленарда непременным условием научного видения мира. Поэтому он не мог принять специальную теорию относительности, выбрасывающую понятие «эфир» из лексикона физики.

На открытое выступление против концепции Эйнштейна Ленард решился в 1910 году. Свое видение проблемы он изложил в докладе на заседании Гейдельбергской академии наук 4 июня. Доклад назывался «Об эфире и материи». Этот доклад был опубликован в трудах академии [Lenard, 1910], а затем в виде отдельной брошюры. В 1911 году вышло ее второе издание [Lenard, 1911].

По сути, это был призыв вернуться к представлениям ньютоновской механики и электродинамики девятнадцатого века и искать решение возникающих противоречий теории и эксперимента, не отказываясь от основных постулатов классической физики. Знакомство с принципом относительности Ленард не скрывает, хотя ни одной ссылки на работы Альберта Эйнштейна в его докладе не было. Автор доклада допускает, что теорию эфира необходимо существенно дополнить, может быть, ввести так называемый «метаэфир», но отказываться от самого понятия нельзя ни в коем случае.

Идея доказать экспериментально, что эфир существует, стала главной для гейдельбергского профессора. Он задумал серию опытов с сильными электрическими и магнитными полями, в результате которых можно было бы измерить физические характеристики эфира. Эти опыты Ленард поручил провести своему ассистенту Якобу Лаубу.

Это было нелегкое задание для Лауба: ведь он был твердым сторонником теории Эйнштейна и тоже считал, что эфир для описания явлений природы не нужен. Но задание шефа — закон, и требуемые эксперименты были проведены. Результаты, естественно, оказались отрицательными — эфир так и не был обнаружен. Об этом Ленард сообщает в брошюре 1911 года и поясняет в примечании: «*Возможно, все дело в том, что эти опыты проводил господин Я. Лауб, который придерживается особого мнения, о чем он собирается сам обстоятельно доложить*» [Schönbeck, 2000 стр. 13].

Это примечание — не просто свидетельство разногласий между юным ассистентом и всемогущим директором Физического института. Это знак смены поколений в физике: старое поколение не принимает новые подходы, которые для молодого поколения — естественны и понятны. Другими словами это называется «смена парадигмы», которая и происходила в физике в начале двадцатого века.

Как только Эйнштейн узнал о докладе Ленарда, он написал Лаубу, что он обо всем этом думает. Еще недавно он называл профессора гением. Теперь в письме от 27 августа 1910 года оценка совсем другая:

«Ленард в этих вещах сильно заблуждается. Его последний доклад об этом бессмысленном эфире кажется мне почти инфантильным. Далее, исследования, которые он Вам поручил (Зоммерфельд. и Покельс. мне об этом рассказали), просто смехотворны. Весьма сожалею, что Вы должны тратить свое время на подобные глупости» [Schönbeck, 2000 стр. 14].

И через два месяца, в письме от 4 ноября 1910 года Эйнштейн возвращается к той же теме: «Потом боль из-за этого сумасшедшего Л. Вы правы, что ищете, куда уйти, и я Вам в этом хочу помочь».

Через неделю еще откровенней:

Что за вздорный тип, этот Ленард! Весь состоит из желчи и интриг. Вы выглядите в этом деле значительно лучше, чем он. Вы можете от него уйти, а он должен с этим чудовищем орудовать, пока оно его не сожрет. Я хочу теперь сделать все, что в моих силах, чтобы найти Вам место ассистента».

Чудовище здесь — это эфир, а под интригами понимается следующее. Когда Лауб сообщил Ленарду, что хочет найти себе другое место, профессор настоял на том, чтобы Якоб продолжал выполнять свои обязанности ассистента, пока новое место не будет действительно найдено, при этом распорядился, чтобы деньги за это время в университетской кассе Лаубу не выдавали до последнего дня.

Через несколько дней Эйнштейн докладывает Лаубу о проделанной работе:

«Я написал Лампе. и Нернству., а также дал задание одному хорошо знакомому мне господину, который имеет в Чили влиятельные связи и как раз туда вчера отъехал, подобрать там для Вас место работы. Пусть Ленард копошится. Вы уже одной ногой стоите вне сферы его власти».

Адресат одного из писем Эйнштейна — Антон Лампа, австрийский физик, с 1909 года директор физического института Немецкого университета в Праге, способствовал приглашению Альберта в 1911 году в Прагу на первую в его жизни должность полного профессора.

В новогоднем послании Лаубу на 1911 год Эйнштейн повторил пожелание: «*Я желаю вам веселого нового года, и чтобы Вы поскорее ушли от Ленарда*» [Schönbeck, 2000 стр. 14].

Пожелание старшего друга сбылось — летом 1911 года Лауб стал профессором теоретической физики, правда, не в Чили, а в университете аргентинского города Ла Плата. Незадолго до этого, в 1905 году, университет стал государственным и считался одним из лучших в стране. Об этом назначении мы узнаём из письма

Эйнштейна Лаубу от 10 августа 1911 года. Здесь же он весьма резко отзыается о моральных качествах бывшего шефа Якоба: «*Ленард и его товарищи есть и остаются мерзкими свиньями*» [Schönbeck, 2000 стр. 16].

Такую оценку директор Физического института в Гейдельберге заслужил из-за следующего эпизода, ставшего известным благодаря письмам Фридриха Покельса. Якубу Лаубу, написанным после ухода Лауба из университета. Эти письма хранятся сейчас в рукописном отделе Немецкого музея Мюнхена. Как мы знаем, Якоб подружился с Фридрихом и рассказывал ему о своих опытах и расчетах. В одном из писем Покельс сообщил Лаубу, что Август Беккер, старейший ассистент Ленарда, опубликовал статью в Трудах Гейдельбергской академии наук и использовал в ней расчеты Лауба, не упомянув его в качестве автора.

Лауб, конечно, возмутился и решил обратиться в академический суд чести, чтобы обвинить Беккера в пла-гииате. Покельс отговаривал молодого друга от этого шага, который, по его мнению, не имел шансов на успех: голос Ленарда в Гейдельбергской академии был решающим. Так и вышло. В протоколе заседания отделения математики и естествознания Гейдельбергской академии наук от 4 мая 1911 года стояла запись: «*доделено доктором Лаубом*», однако эта строчка была зачеркнута. И неудивительно: председательствовал на заседании сам Ленард..

Больше ничего о продолжении этой истории из писем Покельса узнать не удалось. Как уже упоминалось, их автор умер в 1913 году.

«Ленард просто не в состоянии понять суть учения Эйнштейна»

Время Первой мировой войны оказалось для творчества Эйнштейна одним из самых продуктивных. За четыре года, с 1915 по 1918, он опубликовал около тридцати статей, полностью обосновав еще один свой грандиозный вклад в мировую науку: общую теорию относительности (ОТО).

Уже первые работы Эйнштейна 1915 и 1916 годов в этом направлении побудили Ленарда снова обратиться к проблеме эфира и отрицающей его теории относительности, что неминуемо вело к противостоянию с ее автором. Первая атака на ОТО была предпринята в 1917 году.

Здесь следует упомянуть, что заметным успехом новой теории было объяснение и количественный расчет так называемого аномального смещения перигелия орбиты Меркурия. Перигелий — это точка орбиты планеты, ближайшая к Солнцу. Измерения астрономов показывали, что эта точка перемещается с определенной — очень малой — скоростью, вопреки классической небесной механике. Объяснить это смещение законы Ньютона, не могли. А общая теория относительности смогла, причем из нее следовала величина смещения, очень близкая к наблюдаемой астрономами.

Один из самых непримиримых противников теории относительности, физик Эрнст Герке., нашел давнюю работу другого физика, Пауля Гербера, напечатанную в «*Zeitschrift für Mathematik und Physik*» еще в 1898 году [Gerber, 1898 стр. 93-104].

Гербер привел формулу для смещения перигелия Меркурия, которая давала такое же хорошее совпадение с результатами наблюдений, как и теория Эйнштейна. Герке и Ленард добились того, чтобы в 1917 году статья Гербера была перепечатана в солидном журнале «*Annalen der Physik*». Этим они хотели доказать, что аномалия с перигелием Меркурия может быть рассчитана и без новой теории, и никакой заслуги Эйнштейна в объяснении этого явления нет.

Но Филиппу Ленарду этого показалось мало, он решил развить успех и рассказать о статье Гербера в «Ежегоднике радиоактивности и электроники», который издавался единомышленником Ленарда — Йоханнесом Штарком. В письме издачу «Ежегодника» от 10 июля 1917 года Ленард просит:

«*Одновременно я хотел бы узнать, возможна ли быстрая публикация моей небольшой оригинальной заметки (менее одного листа) об эфире и гравитации (в связи с работой Гербера, которая по моей инициативе появилась в „Анналах“)*» [Kleinert, и др., 1978 стр. 323].

Штарк ответил через четыре дня (14 июля):

«*Ваше исследование об эфире и гравитации я охотно приму в издаваемый мною Ежегодник. Конкретно я хочу, чтобы оно появилось уже в четвертой тетради этого года. То, что Вы инициировали прием работы Гербера в „Анналы“, я приветствую. Она физически хорошо продумана и мне симпатичнее, чем некоторые теоретические работы наших дней, которые с помощью дидактически-математического волшебства успешно симулируют решение сложных физических проблем*» [Kleinert, и др., 1978 стр. 323].

Через два дня (16 июля) Ленард поблагодарил Штарка за принятие материала в «Ежегодник» и еще раз уточнил, какие цели он преследует своей новой публикацией. Помимо того, чтобы отстоять приоритет Пауля Гербера, и показать, что без общей теории относительности можно обойтись, профессор Гейдельбергского университета мечтал дать объяснение гравитации, основываясь на понятии «мирового эфира», так как «оно столь простое, что для всего подходит».

Но мечтам Ленарда не суждено было сбыться: произошло то, чего он никак не ожидал. В следующем номере «Анналов» были опубликованы сразу две работы, остро критикующие статью Гербера.

Одна из них — астронома Хуго фон Зелигера, другая — физика-теоретика Макса фон Лауэ. Оказалось, что Гербер допустил ошибку в математических расчетах, что обесценивало его результаты.

Ленард среагировал мгновенно: послал Штарку телеграмму с просьбой приостановить публикацию статьи в «Ежегоднике». Более подробно о сложившейся ситуации он написал в письме от 20 октября 1917 года:

«После сообщения ф[он] Зелигера я должен либо его опровергнуть, либо вычеркнуть из моей статьи похвалу Гербера. Для первого мне в настоящий момент не хватает времени, так как я глубоко погружен в другую работу, на второе я не могу сразу решиться. Поэтому пусть моя статья полежит, пока я не распоряжусь иначе, и я надеюсь на Ваше согласие в этом вопросе. Вообще, кажется, что работа Гербера может оказаться не такой уж ошибочной, так как ныне можно не сомневаться в распространении гравитации со скоростью света вследствие принципа относительности (в его первоначальной, несомненно, справедливой форме) [Kleinert, и др., 1978 стр. 324].

Примечательно, что из этого сообщения следует полное согласие Ленарда со специальной теорией относительности (СТО) Эйнштейна, или, как он называл, с «принципом относительности в его первоначальной форме». Возражения вызывает у гейдельбергского профессора только общая теория относительности. Через три года, в 1920 году, он изменит свое мнение и начнет критиковать также и специальную теорию относительности, как она была представлена в знаменитой статье 1905 года.

В феврале 1918 года Ленард послал Штарку свою переработанную статью под названием «*O принципе относительности, эфире и гравитации*» [Lenard, 1918]. Похвальных отзывов о работе Гербера в ней уже почти не было, специальную теорию относительности автор принимал полностью, сравнивая ее с законом сохранения энергии. Он считал, что СТО уже можно рассматривать как общепринятый факт. А вот ОТО Ленард отказывал во всеобщности, ограничивая ее действие только такими системами, где действуют силы, пропорциональные массе тела, например, только гравитационные силы.

Альберт Эйнштейн не оставил эту работу Ленарда без внимания: в том же году в журнале «*Naturwissenschaften*» появился его ответ под названием «*Диалог о возражениях против теории относительности*»: [Einstein, 1918]. Статья построена в форме беседы между «Критиком», отстаивавшим взгляды Ленарда, и «Релятивистом», защищавшим теорию относительности. Подходы Ленарда и самого Эйнштейна в этой статье представлены с исключительной ясностью и литературным мастерством. Это одна из лучших научно-популярных работ великого физика. Но на оппонента она не произвела никакого впечатления, он непоколебимо оставался при своем мнении.

Через два года после первого появления работы «*O принципе относительности, эфире и гравитации*» Ленард публикует ее второе издание в виде отдельной брошюры, в которой упоминает статью Эйнштейна в «*Naturwissenschaften*»:

«Что касается высказываний господина Эйнштейна, которые он озвучил устами "Релятивиста", то они не убеждали и не убеждают меня, главных проблем они касаются слишком мало или вообще никак» [Schönbeck, 2000 стр. 21].

Как и раньше, Ленард был убежден в существовании эфира, признавал справедливость ОТО только для сил типа гравитационных, но в этой брошюре появилось и нечто новое. Ее автор впервые формулирует требования наглядности и «простого, здорового человеческого понимания». С этого момента указанные требования будут постоянно в лексиконе Ленарда, когда речь пойдет о современной физике. Сложные математические конструкции общей теории относительности или квантовой механики были неприемлемы для твердого сторонника классической науки девятнадцатого века.

Пожалуй, ключевой вопрос — выбор подходящей системы отсчета для описания того или иного движения тела. Эйнштейн на основании общей теории относительности был убежден, что все системы отсчета в принципе являются равноправными, и исследователь может выбрать любую, которая ему больше подходит. Руководствоваться нужно лишь математическим удобством и целесообразностью.

Ленард, напротив, считал, что при выборе системы отсчета нужно руководствоваться чувством «*простого, здорового человеческого понимания*». То, что предлагал Эйнштейн, было абсолютно непонятно верному ученику классической физики. Он жаловался, что Эйнштейн не может или не хочет понять его возражения.

Наблюдавший за развитием этого научного спора Герман Вейль, в октябре 1920 года сделал достаточно жесткий вывод: «*Ленард просто не в состоянии понять суть учения Эйнштейна*» [Schönbeck, 2000 стр. 22].

Все же нужно отдать должное Ленарду: хотя в своей последней работе он достаточно резко критиковал эйнштейновский принцип относительности, но по форме критика оставалась в рамках научного спора. Не было ни перехода на личность противника, ни антисемитских замечаний, которыми полны работы Ленарда в эпоху Третьего рейха. Тем не менее продолжать полемику с человеком, который не может понять суть нового подхода, было неразумно. Поэтому на новые нападки Ленарда Эйнштейн публично больше не отвечал.

«Теория относительности Эйнштейна как научный массовый гипноз»

Капитуляция Германии в ноябре 1918 года стала для Ленарда, как и для миллионов его сограждан, настоящим шоком. Ничто внешнее не предвещало катастрофы, ведь в ходе войны практически ни один вражеский солдат не ступал на немецкую землю. Как и многие немцы, Ленард объяснял поражение предательством правивших элит и, прежде всего, кайзера Вильгельма, бежавшего за границу и бросившего свой народ в трудную минуту [Schirrmacher, 2010 стр. 156].

Эйнштейн олицетворял все, что ненавидел и презирал Ленард. Убежденный пацифист, Альберт не подписал «*Манифест девяноста трех*» и не одобрял участие Германии в мировой войне. Он ощущал себя «гражданином мира», не проявлял никакого патриотизма, что для националиста Ленарда было возмутительно. Эйнштейн с первых дней приветствовал демократическую Веймарскую республику, которую консерватор и монархист Ленард считал «*еврейским господством*». Кроме того, физик Эйнштейн ставил теорию выше эксперимента и готов был легко расстаться с краеугольными камнями классической науки, если они не вписывались в новую теорию. А тут еще ненавистные Ленарду англичане сделали автора общей теории относительности буквально всемирно известным человеком.

Первая попытка экспериментально проверить выводы общей теории относительности во время солнечного затмения 1914 года оказалась неудачной. Тогда Эрвин Фройндлих с двумя сотрудниками был интернирован в России как представитель враждебного государства и не смог произвести нужные измерения.

Следующее полное солнечное затмение должно было состояться 29 мая 1919 года. Его можно было наблюдать в Южном полушарии. О том, что директор астрономической обсерватории в Кембридже Артур Эддингтон, готовит две экспедиции для проведения соответствующих наблюдений, Эйнштейн узнал в 1917 году. Из-за войны контакты между учеными воюющих стран были сильно ограничены. В марте 1919 года одна из экспедиций английских астрономов направилась в Бразилию (город Собрал), а другая — на один из островов, расположенных возле африканского материка (остров Принсипи).

Снимки, сделанные во время солнечного затмения, подтвердили эффект, который следовал из теории Эйнштейна: луч света, проходя мимо Солнца, отклоняется под воздействием гравитационного поля светила на величину, предсказанную общей теорией относительности.

Эти результаты Эддингтон докладывал на заседании Королевского общества 6 ноября 1919 года. Эйнштейн узнал об этом триумфе своей теории еще раньше — из телеграммы голландского друга Хендрика Лоренца, отправленной 22 сентября: «*Эддингтон нашел отклонение звезд на солнечном диске предварительно между девятью десятыми секунды и удвоенной величиной*» [Sugimoto, 1987 стр. 56].

Альберт тут же поделился радостью с матерью, отправив ей открытку, которая начиналась словами: «*Дорогая мама, сегодня радостное известие. Х.А. Лоренц прислал телеграмму, что английская экспедиция действительно доказала отклонение света Солнцем*» [Sugimoto, 1987 стр. 57].

Сообщение Эддингтона, произвело настоящую сенсацию, о теории Эйнштейна писали газеты всего мира, новость обсуждали на улицах, в пивных, на вокзалах...

Эйнштейн не очень любил публичность, но быстро понял, что против прессы выступать бесполезно. Любое его высказывание тут же попадало в газеты, любой его поступок становился предметом обсуждения. В письме другу Максу Борну от 9 сентября 1920 года он сравнивал себя с царем Мидасом: «Как у персонажа из сказки все, к чему он прикасался, превращалось в золото, так и у меня все становится криком газет» [Einstein-Born, 1969 S. 59].

Портреты Эйнштейна печатали крупнейшие журналы и газеты мира. Так, «Берлинская иллюстрированная газета» в номере от 14 декабря 1919 года поместила фотографию ученого на первой странице [Sugimoto, 1987 стр. 60].

Такая популярность имела и оборотную сторону: она сделала великого физика мишенью для недоброжелателей и сторонников иных политических взглядов. Да и среди физиков не было единства в отношении принципа относительности. В этом смысле Ленард. не был одинок.

Наиболее громко заявило себя противником Эйнштейна так называемое «Общество немецких естествоиспытателей в поддержку чистой науки» («Arbeitsgemeinschaft deutscher Naturforscher zur Erhaltung reiner Wissenschaft e.V.»). Его организатором и председателем был мошенник и аферист Пауль Вайланд., никому в науке до того не известный тип, выдававший себя за эксперта по теории относительности.

Вайланд считался активистом Немецкой национальной народной партии (Deutschnationale Volkspartei сокр. DNVP, НННП) и принадлежал к ее расистскому крылу, требовавшему исключения из партии всех еврейских членов. Он попытался объединить различные ультраправые, антисемитские группы в «Немецко-фелькиши⁶ блок» («Deutschvölkischer Block»). Сам Вайланд резко критиковал НННП за излишне мягкое отношение к евреям и основал «Немецко-фелькиши ежемесячный журнал» («Deutschvölkische Monatshefte»), на обложке которого была изображена свастика с латинскими словами «in hoc vince» («под этим [знаком] ты победишь»). Цели журнала были названы четко: «За восстановление монархии! За немецкие нравы! За национальное единство немецкого народа! За немецкий характер!» [Goenner, 2005 стр. 180].

Правда, первый номер журнала оказался и последним. Но Вайланд. продолжал активную нацистскую пропаганду, выступая на многочисленных собраниях, организованных Пангерманским союзом (Alldeutscher Verband).

Эта антисемитская деятельность бурно расцвела после 1921 года, а началась она годом раньше. Каким-то образом Вайланд раздобыл для своего Общества крупную сумму денег и развернул мощную атаку на теорию относительности и ее автора. В газетной статье он пообещал премии тем ученым, которые примут участие в организованной им серии докладов, разоблачающих теории Эйнштейна. Размер премии был немаленьkim — от десяти до пятнадцати тысяч рейхсмарок. Вайланд публично объявил о предстоящих двадцати докладах, в числе авторов которых были названы известные физики. Конечно, самым крупным из них являлся Филипп Ленард.

Первые два публичных доклада из задуманной серии состоялись во вторник 24 августа 1920 года. Мероприятие было хорошо подготовлено. Местом для него был выбран большой зал берлинской филармонии — самый вместительный зал в городе. В программе стоял доклад Пауля Вайланда «Теория относительности Эйнштейна как научный массовый гипноз». Со вторым докладом, названным «Критика теории относительности», должен был выступить уже встречавшийся нам на этих страницах профессор Герке.

Готовясь к этому мероприятию, Вайланд. опубликовал в нескольких газетах полемические статьи, в которых называл теорию относительности обманом, а Эйнштейна клеймил как плагиатора, при этом всячески превозносил Ленарда и Герке. На подобную статью Вайланда в «Tägliche Rundschau» от 6 августа 1920 года с возмущением откликнулся 14 августа Макс фон Лауэ, на что Вайланд посоветовал ему прийти на доклады в Берлинскую филармонию 24 августа и лично подискутировать с Ленардом и Герке (заметка от 16 августа) [Schönbeck, 2000 стр. 25].

Подобные перепалки в прессе настолько подогрели интерес к планируемому Вайландом мероприятию, что огромный зал Берлинской филармонии в восемь часов вечера был заполнен до отказа. Сам Эйнштейн сидел со своей приемной дочерью в ложе и слушал, как докладчик поносил его теорию относительности.

⁶ Немецкое слово фелькиш (völkisch) с некоторой натяжкой переводится на русский язык нейтральным словом «народный». В современном немецком языке это слово имеет четкий негативный оттенок: националистический, расистский, ксенофобный. Движение фелькиш (völkische Bewegung) — это политическая идеология, распространенная в Германии конца XIX, начала XX веков, ставшая одним из источников национал-социализма.

Вайланд практически пересказал содержание своих антиэйнштейновских статей. Он, прежде всего, осудил «лиющую эйнштейновскую прессу», которая незаслуженно восхваляет автора ложной теории, лишь вводящей общественность в заблуждение. Много раз докладчик ссылался на Ленарда как на авторитетнейшего специалиста и расхваливал его упомянутую выше брошюру «О принципе относительности, эфире и гравитации». Эту брошюру специально привезли в фойе и продавали желающим по шесть марок. Вайланд даже прервал свое выступление на четверть часа, чтобы слушатели смогли сделать эту важную покупку.

У слушателей создавалось впечатление, что уважаемый гейдельбергский профессор, один из первых Нобелевских лауреатов Германии, является главным противником теории относительности. Более того, можно было подумать, что Ленард, полностью разделяет антисемитские взгляды Вайланда. На самом же деле, вплоть до этого дня Ленард ни разу не позволил себе подчеркнуть происхождение Эйнштейна и публично высказать что-либо против евреев. Вайланду удалось в своем докладе указать только на одно место в брошюре Ленарда, имевшее расистский оттенок.

Речь идет о примечании, которое Ленард поместил внизу страницы. Не называя автора теории относительности, но явно имея его в виду, он пишет об ученых, которые с отчаянной смелостью вводят новые гипотезы, не доверяя проверенном временем научной литературе. И чем смелее они делают это, тем больше мест в их публикациях, которые не выдерживают проверку временем. Такая «смелость», пишет Ленард, не в немецком характере. Доклад Вайланда, в котором приводится эта цитата из Ленарда, опубликован в сборнике [Weyland, 1920].

Пожалуй, это был первый симптом того болезненного направления в науке, которое усилиями Ленарда и его единомышленников пышно расцветет в Третьем рейхе под названием «арийская физика». Пока же упрекнуть Ленарда в антисемитизме не было никаких оснований. Через два года таких оснований, как мы увидим, будет предостаточно. А пока вернемся в Большой зал берлинской филармонии, где Альберт Эйнштейн, еле сдерживая раздражение, слушал безграмотные доклады Вайланда. и Герке о теории относительности.

Наверно, для Эйнштейна было бы разумно проигнорировать эти нападки, не ввязываясь в публичное обсуждение. Тем более, либеральная берлинская пресса выступила на следующий день в его защиту. Газеты вышли с такими заголовками: «Атака против Эйнштейна» («Berliner Tageblatt»), «Борьба против Эйнштейна» («Vössische Zeitung»), «Борьба вокруг Эйнштейна» («Vorwärts») и слегка иронично «Один "знаток" Эйнштейна — борьба против теории относительности» («Die Abendzeitung – 8-Uhr Blatt»).

Еще через день коллеги Альберта физики Макс фон Лауэ, Вальтер Нернст и Генрих Рубенс в берлинской газете «Tägliche Rundschau» выразили свое сожаление тем, что Эйнштейн-ученый подвергся нападкам самого оскорбительного свойства. Они подчеркнули, что даже без теории относительности другие его работы навсегда обеспечили ученому место в истории науки. Кроме того, никто не может сравниться с Эйнштейном в уважении к чужой интеллектуальной собственности, в личной скромности и презрении к рекламе.

Несмотря на защиту коллег, молчать Эйнштейн не мог, он чувствовал себя униженным всей этой грязной возней вокруг его имени и его теории. Хорошо продуманная провокация Вайланда удалась: через три дня после злополучного вечера в Берлинской филармонии в газете «Berliner Tageblatt» появилась обширная статья автора теории относительности.

Проходимец Вайланд мог торжествовать, он добился своей цели: стал центром общественного внимания. Теперь он мог вовлекать в свои многочисленные группы и объединения новых членов. Его кампания против Эйнштейна хорошо соответствовала антисемитской атмосфере Берлина того времени, у него, наверняка, появилось много сторонников и сочувствующих.

Антисемитскую подоплеку «антиэйнштейновских докладов» в Берлинской филармонии почувствовала и Лиза Мейтнер, написавшая Отто Гану, что не уважает немцев за происшедшее, которое можно с полным правом назвать варварством. «Неужели снова на сцену выйдет святая инквизиция с господином Герке в роли Великого инквизитора?» [Goenner, 2005 стр. 184].

Эйнштейн тоже назвал антисемитизм главной причиной атаки на него:

«Я полностью отдаю себе отчет в том, что оба докладчика недостойны ни одного ответа из-под моего пера, так как у меня есть хорошие основания считать, что не стремление к истине, а другие мотивы лежат в основе этого предприятия. Был бы я немецкий националист со свастикой или без, но я еврей со свободным образом мыслей...» [Goenner, 2005 стр. 182].

Статья Эйнштейна называлась «Мой ответ антирелятивистскому предприятию» [Einstein, 1920 S. 1]. На Вайланда он не стал больше обращать внимания, а для опровержения второго доклада Эйнштейн привел имена десяти крупнейших авторитетов в области теоретической физики и математики, поддерживающих его теорию, и убедительно разбил все возражения Герке. Но этим оскорбленный ученый не ограничился. Вайланд и даже Герке были фигурами не того масштаба, чтобы противостоять академику Прусской академии наук и признанному лидеру теоретической физики. Чтобы окончательно рассчитаться с «антирелятивистским предприятием», Эйнштейн решил нанести удар по Ленарду, главной фигуре движения, чьим авторитетом прикрывался Вайланд и его единомышленники. Удар получился очень болезненным и навсегда сделал гейдельбергского профессора заклятым врагом Эйнштейна.

В другой ситуации и Эйнштейн, наверное, не стал бы переходить на личность оппонента. Но в данный момент он был слишком взбешен. Вот как был оценен почтенный Нобелевский лауреат Ленард в статье в «*Berliner Tageblatt*» (Эйнштейн в это время еще не имел Нобелевской премии):

«Я восхищаюсь Ленардом как специалистом по экспериментальной физике; но в теоретической физике он еще ничего не совершил, и его возражения против общей теории относительности настолько поверхностны, что я до сих пор не считаю нужным обстоятельно на них отвечать» [Goenner, 2005 стр. 183].

Заканчивая свой ответ на провокацию Вайланда и Герке в Берлинской филармонии 24 августа 1920 года, Эйнштейн, который ощущал себя швейцарцем, не удержался, подобно гражданке Австрии Лизе Мейтнер., от общего упрека немцам: *«За границей это произведет сильное впечатление, когда они увидят, что подобную теорию, как и ее автора, в самой Германии так безобразно порочат»* [Goenner, 2005 стр. 183].

Судя по дошедшей до нас переписке Ленарда, Эйнштейн преувеличивал его участие в кампании Вайланда. Этот авантюрист объявил о двух десятках докладов против Эйнштейна, среди авторов которых назвал и Ленарда, но последний, похоже, и не знал о деталях своего участия во всем этом предприятии.

Из объявленных двадцати докладов после 24 августа состоялся только один — физика-прикладника Людвига Глазера, никакого отношения к теории относительности до того не имевшего. Остальные заявленные докладчики от выступлений отказались, а некоторые, как выяснилось, и не знали о том, что их имена используются в атаках на Эйнштейна.

Так, известный астроном Макс Вольф писал 30 августа 1920 года Эйнштейну: *«Я не обещал господину Вайланду никакого доклада и поэтому пришел в ужас, когда обнаружил свое имя в списке докладов»* [Kleinert, и др., 1978 стр. 327]. К этому он добавил, что всю эту затею с травлей теории относительности и ее автора решительно осуждает.

С осуждением гонений на Эйнштейна выступили не только его коллеги, но и известные «гуманитарии»: знаменитый артист Немецкого театра в Берлине Александр Моисси, художественный руководитель этого театра Макс Рейнхард, писатель Арнольд Цвейг. Они возмущались «всегерманской травлей» великого физика и заверяли его в *«симпатии всех свободных людей, которые с гордостью видят Эйнштейна в своих рядах и считают его одним из лидеров мировой науки»* [Goenner, 2005 стр. 184].

Показательна депеша в Берлин немецкого посла в Лондоне Фридриха Штамера в начале сентября 1920 года. Посол информирует министерство иностранных дел о том, что английские газеты сообщают о яростных нападках на Эйнштейна и даже говорят о возможном пересезде Эйнштейна из Германии в США. И далее посол отмечает:

«Профессор Эйнштейн в настоящий момент является для Германии культурным фактором первого ранга. Мы не должны изгонять из Германии такого человека, с которым мы можем проводить эффективную культурную пропаганду» [Goenner, 2005 стр. 184].

Под «культурной пропагандой» посол имел в виду лекции Эйнштейна о теории относительности в разных странах, в том числе, в Великобритании, которые разительно меняли отношение к поверженной Германии, прорывали научную блокаду, в которой оказались немецкие ученые. После войны немцев не приглашали на международные симпозиумы и конгрессы, их статьи не принимали научные журналы других стран. Выступления Эйнштейна сделали для восстановления престижа немецкой науки и для прекращения научной изоляции Германии больше, чем все усилия дипломатов вместе взятые.

Слухи о том, что Эйнштейн может покинуть Германию, имели под собой основание. В письме Максу Борну от 9 сентября 1920 года Альберт признавался: «*В первый момент атаки я подумал, вероятно, о побеге. Но скоро пришло новое понимание ситуации, и прежнее спокойствие вернулось. Сегодня я больше думаю о покупке яхты и дачного дома под Берлином у воды*» [Einstein-Born, 1969 стр. 59].

Возможно, «новому пониманию ситуации» помогло участие прусского министра культуры Конрада Хениша. В письме от 7 сентября министр выразил Эйнштейну свое «*чувство боли и стыда за те злобные публичные нападки, которые он вынужден терпеть от людей, называющих себя коллегами*». Хениш сожалел, что даже личные качества ученого не остались защищенными от клеветы и оскорблений, и выразил надежду, что, несмотря на это, слухи об отъезде Эйнштейна из Берлина окажутся ложными, так как этот город «*гордился и продолжает гордиться глубокоуважаемым господином профессором, который причислен к светилам своей науки*» [Goenner, 2005 стр. 184].

Решение Эйнштейна мы уже знаем из письма Борну, министру физик ответил чуть более официально: «*Берлин — это место, с которым я, благодаря человеческим и научным отношениям, сроднился больше всего. Я последую вызову из-за границы только тогда, когда к этому меня принудят чрезвычайные обстоятельства*» [Goenner, 2005 стр. 184-185].

Такие обстоятельства наступят через 13 лет, когда к власти в Германии придут нацисты. А пока успокоившийся Эйнштейн стал готовиться к съезду Немецкого физического общества, который должен был состояться в сентябре 1920 года в небольшом курортном городке Бад Наухайм, расположенному в часе езды на поезде от Франкфурта на Майне, где тогда жил и работал Макс Борн. Эйнштейн решил остановиться у Борнов, чтобы иметь больше времени для обсуждений событий съезда. А события обещали стать «горячими», так как в повестке дня съезда стояла дискуссия по теории относительности.

«На алтарь человеческой глупости»

Как уже говорилось, в антиэйнштейновской кампании центральную роль должен был сыграть авторитет Филиппа Ленарда, наиболее титулованного противника теории относительности. Поэтому опытный интриган Вайланда стремился заручиться поддержкой гейдельбергского профессора и приехал к нему лично первого августа 1920 года, почти за месяц до запланированного доклада в Берлинской филармонии. Об этом визите мы знаем из письма Ленарда единомышленнику Йоханнесу Штарку, написанного на следующий день:

«Некто господин Вайланда — весьма воодушевленный в нашем направлении, борьбе с антинемецким влиянием — был вчера у меня и хочет создать "Общество немецких естествоиспытателей в поддержку чистой науки". Я ему посоветовал, прежде всего, связаться с Вами, чтобы не создавались ненужные новообразования и чтобы никакой раскол не помешал бы нашей позиции в Наухайме» [Kleinert, и др., 1978 стр. 327].

Как мы видим, ни о каком своем докладе в программе Вайланда Ленард не говорит. Куда больше его заинтересует предстоящая дискуссия по теории относительности, где он вместе со Штарком собирался дать бой Эйнштейну.

Проженному авантюристу Вайланду удавалось иногда вызывать симпатии единомышленников, но только на короткое время. Даже Герке, единственный профессиональный физик, вставший на сторону Вайланда в 1920 году, уже в феврале следующего года писал о нем Ленарду: «*это один из многих сомнительных типов, которых породил большой революционный послевоенный город*». На этом письме есть рукописная ремарка Ленарда: «*Вайланда, действительно, оказался аферистом! Не зря он хотел меня подставить, будто я ему обещал какой-то доклад*» [Kleinert, и др., 1978 стр. 327].

Если бы не статья Эйнштейна в «*Berliner Tageblatt*» от 27 августа 1920 года, то Ленард и сам бы рано или поздно отмежевался бы от Вайланда и его кампании. Но эта статья сожгла все мосты, по которым могло бы произойти сближение позиций двух прославленных физиков.

В тот день, когда вышла берлинская газета с едкой статьей Эйнштейна, Ленард проводил отпуск в живописном Шварцвальде и не сразу узнал о случившемся. Штарк, поспешил информировать его в письме от 29 августа: «*Вы, конечно, уже читали о скандале с Эйнштейном, который разыгрался в Берлине и в местной прессе („Berliner Tageblatt“). Эйнштейн отказал Вам в теоретической деятельности, да еще приписал поверхность*» [Kleinert, et al., 1978 S. 328].

Легко представить себе, как глубоко был обижен Ленард, признанный патриарх немецкой научной школы, директор одного из лучших в Европе физических институтов, второй немецкий нобелевский лауреат, когда его публично обвинили в незнании теоретической физики. Кстати, теорию Ленард всегда считал подчиненной эксперименту, а умение грамотно проводить опыты ставил выше способности их теоретически объяснить.

Вернувшись из Шварцвальда, Ленард нашел газету со статьей Эйнштейна в своем почтовом ящике. Заботливый Герке послал ее в Гейдельберг из Берлина. О своей реакции на статью Ленард рассказал Штарку в письме от 8 сентября:

«Я поражен тем личностным моментом, который господа Эйнштейн, а также Лауз (ранее в "Ежедневном обозрении") привнесли в обсуждаемый вопрос, и тем, что они верят, будто им можно нападать на меня, хотя я в своей работе выступал чисто по-деловому и до последнего не обнародовал ничего, что оправдывало бы направленную против меня грубость этих господ. Если мои, чисто деловые возражения против обобщенной теории относительности можно опровергнуть, то это господин Эйнштейн должен был показать — вместо того, чтобы становиться невежей; я буду рад, причем не только я, многие интересующиеся физикой испытали бы чувство удовлетворения, прочитав четко высказанные возражения» [Kleinert, и др., 1978 стр. 328].

В этом же письме Ленард возвращается к предстоящему в Бад Наухайме съезду Немецкого физического общества, которое он называет «обществом господина Эйнштейна»:

«Что касается главного вопроса, то я должен сказать, что очень сомневаюсь в том, было бы это правильно для меня, участвовать в Наухайме в реформах Общества — и вообще, оставаться его членом — если из центра этого Общества исходят такие грубости, которые, по всей видимости, поддерживаются его уважаемыми членами, вместо того, чтобы публично отмежеваться... Короче, у меня нет ни малейшего желания хоть как-то относиться к Обществу господина Эйнштейна, — особенно сейчас, когда я не вижу никакого смысла в том, чтобы, будучи жертвой, оправдываться — если не будет твердо подтверждено, причем публично, что я при этом являюсь не беспомощной мишенью, а частью целого, которое либо всё стоит, либо падает. Рабочее общество господина Вайланда не может служить таким целым, так как, хотя ее производственные цели вполне справедливы, но оно чуждо моему характеру» [Kleinert, и др., 1978 стр. 328-329].

Председателем Немецкого физического общества в том году являлся глава мюнхенской физической школы профессор Арнольд Зоммерфельд. Он прекрасно понимал, какую опасность для всего Общества представляет публичная ссора двух уважаемых его членов. Поэтому он сделал попытку их помирить. Некоторый шанс на успех давал тот факт, что Эйнштейн готов был признать свою статью в «Berliner Tageblatt» ошибкой. Это стало ясно из его переписки с Максом и Хедвиг Борн.

Жена Макса Борна, готовясь принять Эйнштейна в гости на время съезда в Бад Наухайме, написала ему 8 сентября 1920 года письмо, в котором откровенно высказала свое отношение к его скандальной статье в берлинской газете⁷:

«Мы всем сердцем сочувствуем Вам из-за той склоки, которой Вас мучают. Как Вы страдаете, доказывает столь не похожий на Вас текст, к написанию которого Вы в своем более чем справедливом гневе дали себя увлечь: к сожалению, весьма неловкий ответ в газете» [Einstein-Born, 1969 стр. 58].

Эйнштейн ответил на следующий же день:

«Дорогие Борны! Не будьте строги ко мне. Каждый должен время от времени приносить на алтарь глупости свои жертвы, на радость богам и людям. И я сделал это своей заметкой. Это подтверждают в этом смысле на редкость единодушные письма всех моих дорогих друзей» [Einstein-Born, 1969 стр. 59].

Парой дней ранее, 6 сентября 1920 года, Эйнштейн признался в письме Зоммерфельду: «Наверно, я не должен был писать ту статью» [Einstein-Sommerfeld, 1968 стр. 69].

⁷ В книге [Schönbeck, 2000 стр. 27] это письмо ошибочно приписывается Максу Борну, хотя подпись недвусмысленно указывает автора: Хеди Борн.

Зоммерфельд обратился к обеим сторонам конфликта. В письме Эйнштейну от 11 сентября он предлагал: «...написать Ленарду слово примирения... Если Вы ему скажете, что Ваша защита направлена не против ученого критика, а против человека, которого ошибочно принимали за соратника Вайланда, и что Вы при необходимости можете это заявить публично, то это смягчило бы его гнев» [Einstein-Sommerfeld, 1968].

Письмо Зоммерфельда Ленарду от того же 11 сентября не сохранилось, но по ответу обиженному профессора его содержание ясно. Ленард категорически отверг возможность примирения с Эйнштейном:

«Я с возмущением отвергаю даже мысли о том, что посчитаю удовлетворительным простое извинение господина Эйнштейна передо мной, да еще сделанное с условием приятного ему высказывания с моей стороны. Высказывания господина Эйнштейна (в трех местах его статьи) приписывают мне такие качества, которые должны унизить меня в глазах читателей; в любом случае, они есть знак пренебрежительного ко мне отношения со стороны господина Эйнштейна, и перерождение этого отношения в требуемое глубокое уважение на основе одного заявления было бы в высшей степени странно.»

Если же господин Эйнштейн находит свои высказывания достойными сожаления, другими словами, полностью неверными, то он должен от них так же публично, как он их высказал, отказаться; иначе он никак не сможет исправить сделанную по отношению ко мне несправедливость, если это вообще еще можно сделать» [Kleinert, и др., 1978 стр. 328].

Так как до предстоящего в Бад Наухайме заседания публичного извинения Эйнштейна не последовало, то ожидаемая там первая встреча двух ученых обещала стать очень напряженной.

«Сейчас уже слишком поздно»

Строго говоря, в Бад Наухайме должен был состояться съезд Общества немецких естествоиспытателей и врачей. Это старейшее объединение немецких ученых разных специальностей было создано в 1822 году. Многие сообщества по отдельным научным дисциплинам — математическое, физическое и др. — существовали поначалу как секции этого большого Общества. И даже выделившись в самостоятельные объединения, они по традиции продолжали проводить свои съезды совместно со своей «материнской организацией».

Поначалу съезд 1920 года — первый после недавно закончившейся мировой войны — планировался во Франкфурте на Майне, но из-за опасения беспорядков и демонстраций было решено перенести его «на природу», в небольшой курортный городок Бад Наухайм. Доклады о теории относительности в рамках совместного заседания Немецкого физического и Немецкого математического обществ были запланированы на 23 и 24 сентября. Вот тогда-то и состоялась давно ожидаемая очная дискуссия между Ленардом и Эйнштейном. О предстоящей дискуссии Эйнштейн объявил в статье в «Berliner Tageblatt» 27 августа 1920 года и пригласил туда «каждого, кто осмелится выступить перед научным форумом, изложить свои возражения» [Fölsing, 1995 стр. 26].

Современники оставили весьма противоречивые отчеты об этих заседаниях. Герман Вейль., например, писал о драматическом словесном поединке, а Пауль Эренфест. описывал научное противостояние как вполне вежливое, в ходе которого стороны оставались строго в рамках обсуждаемой темы. Макс Борн. отмечал антисемитские атаки Ленарда против Эйнштейна:

«Часто упоминаемое большое собрание Общества немецких естествоиспытателей и врачей состоялось в сентябре 1920 года в Наухайме. Там и случилось злополучное столкновение между Эйнштейном и его противниками, чьи мотивы ни в коем случае нельзя назвать чисто научными, так как они были сильно смешаны с антисемитскими чувствами» [Einstein-Born, 1969 стр. 60].

Все время, пока длился съезд Общества, Эйнштейн жил у Борнов во Франкфурте. Вместе с Максом они каждое утро ехали поездом в Бад Наухайм, а вечером возвращались назад. У друзей было время обсудить все происходящее на заседаниях. Борн вспоминает:

«В секции физики Филипп Ленард допускал острые и злые выпады против Эйнштейна с неприкрытым антисемитским подтекстом. Эйнштейн позволил вовлечь себя в острую полемику, и я припоминаю, что я ему подыгрывал» [Einstein-Born, 1969 стр. 60].

Мне представляется, что память немного подвела Макса Борна.: выпады Ленарда против Эйнштейна стали антисемитскими двумя годами позже и продолжались далее до самой смерти гейдельбергского профессора. Во время же съезда в Бад Наухайме его выступления хоть и были резкими и эмоциональными — обида на злосчастную статью в «*Berliner Tageblatt*» давала себя знать, — но оставались в рамках обсуждения физических проблем, а не личности и национальности оппонента. Ни одна из публикаций о заседаниях в Бад Наухайме ничего не говорит о том, что Ленард в научном споре лично оскорбил Эйнштейна. Как отмечает биограф Эйнштейна Фёльзинг, «*не только Эйнштейн, но и Ленард вели себя на подиуме так, будто никакой статьи в „Berliner Tageblatt“ никогда не было*» [Fölsing, 1995 стр. 526].

Председателем на заседании, посвященном теории относительности в Наухайме, был Макс Планк.. Он делал все, чтобы исключить выход дискуссий за принятые научные рамки. На всякий случай даже пригласили в зал полицейских, дежуривших у дверей.

Откровенно антисемитские атаки можно было ожидать от Вайланда и его сподвижников, которые прибыли в Бад Наухайм с нескрываемым желанием досадить Эйнштейну. Группа Вайланда была хорошо организована. Как минимум одному известному физику, Феликсу Эренхафту, из Вены, были предложены деньги за то, чтобы он примкнул к противникам общей теории относительности [Beyerchen, 1982 стр. 128]. Во время выступлений Эйнштейна группа Вайланда всячески стремилась ему помешать, шумела, выкрикивала оскорблений. В своих воспоминаниях Эренхарт пишет:

«*Очевидно, это были организованные акции, чтобы помешать выступающему. Тогда вмешивался Планк и был бледен, как мел, когда повышал голос и призывал нарушителей порядка к спокойствию*» [Beyerchen, 1982 стр. 128].

Имеется два официальных отчета о заседании Немецкого физического общества в Бад Наухайме. Один подготовил Герман Вейль, для «Ежегодника» Немецкого математического общества, другой был опубликован в «*Physikalische Zeitschrift*». Ни в одном из них нет и упоминаний об антисемитских нотках в выступлениях участников. Ничего не говорится об этом и в публикациях в берлинских газетах «*Vorwärts*» и «*Berliner Tageblatt*», появившихся после завершения дискуссий. Противник Эйнштейна физик Герке цитирует в своей книге «Массовый гипноз теории относительности» отрывок из «*Kölnische Zeitung*» от 30 сентября:

«*Особое впечатление произвел обмен мнениями между Эйнштейном и знаменитым гейдельбергским физиком Ленардом. <...> Добиться какого-то согласия между Ленардом и Эйнштейном не удалось, и после того, как некоторые высказались "за" (например, проф. Борн.) и "против" (проф. Палаги., Будапешт) теории относительности, дальнейшая дискуссия была остановлена, так как председательствующий на заседании знаменитый физик Планк из Берлина заметил, что теория относительности, к сожалению, не может пока еще продлить отведенное для заседания абсолютное время с девятым до часу*» [Goenner, 2005 стр. 186].

Наиболее убедительным свидетельством того, что Ленард не пытался обыграть еврейское происхождение Эйнштейна, являются записи самого Филиппа, сделанные в разные периоды его жизни.

Сразу после съезда Общества немецких естествоиспытателей и врачей Ленард подготовил к печати третье издание упомянутой выше брошюры «Принцип относительности, эфир, гравитация», в которую внес примечание, озаглавленное так: «Дополнение, касающееся дискуссий в Бад Наухайме о принципе относительности» [Lenard, 1921 стр. 37, примечание 1]. Тон этого комментария был острее, чем в предыдущих работах, но в нем не было ни одного антисемитского высказывания и каких-либо политических ярлыков. Все оставалось в рамках корректного научного обсуждения.

Совсем иначе выглядит эта же работа, появившаяся в четвертом томе собрания сочинений Ленарда, вышедшем в 1938 году. Там оказалось такое примечание автора:

«*Я рассматривал тогда еврея как нормального арийского человека и соответственно с ним обращался, и это было ошибкой (даже в специальных вопросах). Такова была моя точка зрения в то время (работа Гюнтера, о расовой теории появилась только в 1922 году). Но даже если бы расовая теория в то время была уже известна, то все равно бы в профессорском собрании ничего не изменилось, так как господа даже сегодня (1938) еще слепы. Председателем во время дискуссии был Планк; ей предшествовали три утомительных доклада в пользу Эйнштейна*» [Schönbeck, 2000 стр. 30].

Из этого замечания можно сделать вывод, что только с 1922 года в своих публичных выступлениях Ленард стал обращать внимание на национальность оппонента. С этого времени антисемитская риторика вошла в его оборот. В Бад Наухайме ее еще не было. Хотя поворот к националистическим группировкам наметился раньше.

В своих воспоминаниях Ленард писал, что, пытаясь разобраться в причинах поражения, он начал читать речи Антона Дрекслера. (Anton Drexler, 1884-1942) и Адольфа Гитлера, которые печатались в газете «Мюнхенер Беобахтер». С благодарностью вспоминал Ленард о четырехчасовом выступлении Гитлера 24 февраля 1920 года в Мюнхене, на котором будущий диктатор озвучил программу из 25 пунктов национал-социалистической немецкой рабочей партии. Пятидесятивосьмилетний профессор из Гейдельберга, по его словам, наконец, понял, чем его так раздражали «участвовавшиеся наглые выступления еврея Эйнштейна с его "теорией", противоречащей всем естественно-научным достижениям прошлого» [Schirrmacher, 2010 стр. 158]. Однако до 1922 года у Ленарда не было оснований использовать антисемитские клише в рамках научного диспута. Книга Ганса Гюнтера [Günter, 1922] такие основания ему дала.

В этой книге Филипп нашел, как ему казалось, простое решение терзавших его проблем: во всех бедах Германии виноваты евреи, представляющие собой враждебную человечеству расу. В снобождении подобных «легких» решений легко впадают слабые, не уверенные в себе и обиженные на судьбу люди. После 1922 года нобелевский лауреат быстро стал убежденным антисемитом, преданным сторонником Гитлера, хотя в партию своего кумира он долгое время не вступал.

Но вернемся в Бад Наухайм. По существу научная дискуссия там не содержала ничего принципиально нового, по сравнению с уже опубликованными доводами обеих сторон. Ленард настаивал на необходимости эфира, без которого физика теряет свою наглядность и выходит из подчинения здравому смыслу. Теория, которая не может на простые вопросы дать ответы, использующие простые понятия, он считал неудовлетворительной. Кроме того, Ленард отказывал принципу относительности во всеобщности, считая его верным только для отдельных частных случаев, когда сила пропорциональна массе. Эйнштейн, который не выступал с докладом, но был активен в дискуссиях, убедительно опровергал все возражения Ленарда. Насчет наглядности автор теории относительности тогда заметил, что совсем не очевидно, что считать наглядным, а что нет, и добавил:

«Я думаю, что физика строится больше на понятиях, а не на наглядности. Как пример изменяющегося отношения к наглядности я вспоминаю мнения о наглядности механики Галилея в различные времена» [Fölsing, 1995 стр. 527].

В целом, подавляющее большинство присутствующих физиков оказались на стороне Эйнштейна. Ленард чувствовал себя непонятым и одиноким. В уже упомянутом «Дополнении, касающемся дискуссий в Бад Наухайме о принципе относительности,» он писал: «Ликвидация эфира была объявлена как достигнутый результат на общем собрании при открытии заседания. Не смешно. Я не знаю, было бы все иначе, если бы объявили о ликвидации воздуха» [Lenard, 1921 S. 37, Fußnote 1].

После того, как Планк объявил дискуссию закончившейся, многие физики попытались успокоить Ленарда и сгладить его конфликт с Эйнштейном. Как вспоминал Филипп в конце жизни, Вальтер Нернст особенно старался убедить его, что «*Nos amis sont vos amis*»⁸. Макс фон Лауз. тоже сделал попытку погасить скорую, заявив: «Эйнштейн же — просто ребенок». На что Ленард жестко возразил: «*Дети не пишут статьи в „Берлинер Тагеблатт“!*»

Видя, что усилия коллег не приносят успеха, Эйнштейн сам догнал Ленарда в гардеробе и попросил прощения. На что обиженный профессор только бросил: «*Сейчас это уже слишком поздно*» [Schönbeck, 2000 стр. 31].

После этой сцены оба физика покинули зал заседаний и порознь отправились на вокзал. Герке., который не успел даже попрощаться со своим кумиром, бросился за ними и тоже поспешил на вокзал, но опоздал: поезд на Франкфурт уже отходил от перрона. Через несколько дней в письме Ленарду Герке рассказал, что в окне одного купе он увидел Эйнштейна, и тот его тоже узнал.

⁸ *Nos amis sont vos amis (фр.)* — Наши друзья — твои друзья.

Помирить Ленарда с Эйнштейном не было никакой возможности. Правда, Альберт сделал последнюю попытку и выполнил требование Ленарда о публичном извинении. В литературе, посвященной событиям в Бад Наухайме, на этот факт не часто обращают внимания (см., например, [Beyerchen, 1982]). А между тем, на следующий день после окончания дискуссий по теории относительности, 25 сентября 1920 года в той самой газете «Берлинер Тагеблатт», где была опубликована статья Эйнштейна против Вайланда и Ленарда, появилась следующая заметка:

«От профессоров Ф. Химштедта (Фрайбург) и М. Планка (Берлин) к нам из Бад Наухайма поступило для публикации следующее заявление: в „Берлинер Тагеблатт“ от 27 августа была опубликована заметка господина профессора Эйнштейна под названием „Мой ответ антирелигиозному предприятию“ как защита от „Общества немецких естествоиспытателей в поддержку чистой науки“, на первом собрании которого, как известно, господин Вайланд злочно нападал лично на него. В этой же заметке он также упоминал господина профессора Ленарда, который, наряду с другими физиками, был внесен в список докладчиков. Недавнее заседание естествоиспытателей в Бад Наухайме дало нам возможность установить, что господин Ленард был включен в список помимо его воли. На основании этого господин Эйнштейн уполномочил нас сообщить о его крайнем сожалении, что он в своей заметке не удержался от обвинений, направленных против глубоко им уважаемого коллеги господина Ленарда» [Schönbeck, 2000 стр. 31].

Это запоздалое извинение уже ничего не смогло изменить.

На дверях кабинета Ленард повесил рукописное объявление: «Членам так называемого Немецкого физического общества вход воспрещен». Сам он из этого общества демонстративно вышел.

Альберт Эйнштейн был крайне раздосадован тем, как он вел себя в Бад Наухайме.

Спустя месяц после съезда Немецких естествоиспытателей и врачей в открытке, отправленной из Голландии Максу Борну, великий физик признавался:

«Все, что меня ожидает, я переживу как безучастный зритель и не позволю втянуть себя в скандал, как в Наухайме. Непостижимо, что я из-за дурного общества так основательно потерял чувство юмора» [Einstein-Born, 1969 стр. 67].

«Пришло наше время»

После съезда в Лейпциге основные усилия Ленарда были направлены на то, чтобы опорочить теорию относительности и лично ее автора Альберта Эйнштейна. Наука отходила на второй план. В Физическом институте в Гейдельберге образовалась группа сотрудников, приверженцев идеологии фёлькиш, многие из них примкнули к национал-социалистам. Аспиранты и ассистенты Ленарда занимались, главным образом, написанием пасквилей об Эйнштейне и рассылкой их в разные газеты и журналы. Молодой физик Пауль Книппинг (Paul Knipping, 1883-1935), приглашенный Ленардом в Гейдельберг для подготовки второй докторской диссертации, так описывает в письме Лизе Мейтнер обстановку в институте:

«Существенная часть научной деятельности состоит здесь в том, чтобы готовить и рассылать в газеты публикации (естественно, не указывая имени автора), которые не содержат ничего другого, как личные выпады против ненавистного деятеля. Когда я сюда попал (начало 1923 года), то тут писалась одна "сочная" заметка "Эйнштейн как еврей", которая, как мне рассказали, должна содержать только личные оскорблении... Самое печальное в этой истории это то, что эти художества творятся не молодыми, неопытными людьми, а за всем за этим стоит Ленард, чего я ранее не знал. Как только мое отношение [против такого рода публикаций] стало известным, наступила моя изоляция» [Schönbeck, 2000 стр. 8].

Книппингу так и не удалось защитить диссертацию в Гейдельберге, ему пришлось для этого переехать в Дармштадт и защищаться в местном Техническом университете.

Сын известного физика Вилли (Вильгельма) Вина писал домашним в 1925 году о положении в институте Ленарда:

«Я еще не могу сориентироваться, нужно ли сначала стать фёлькиши и только потом кандидатом в доктора или наоборот. В любом случае, институт кажется в этом смысле довольно однородным, и

противостояния с университетом, ректором и другими функционерами энергично Ленардом подавляются» [Schönbeck, 2000 стр. 38].

Сам директор института все теснее сотрудничал с лидерами национал-социалистической партии, прежде всего, с идеологом Розенбергом и правой рукой Гитлера — Рудольфом Гессом, хотя в партию Ленард вступил только в 1937 году.

Благосклонность будущего фюрера гейдельбергский профессор физики завоевал в 1924 году. Первого апреля того года за участие в «пивном путче» в ноябре 1923 года Гитлер был приговорен к заключению в тюрьме Ландсберг. Уже восьмого мая 1924 года в «*Великогерманской газете*» (Großdeutsche Zeitung), выходившей несколько месяцев вместо запрещенной «*Фелькише беобахтер*», появилась статья, написанная Ленардом и подписанная еще и Штарком. Статья называлась «*Дух Гитлера и наука*». В Гитлере и его соратниках Ленард видел проявления того же высокого творческого начала, которое отличало гигантов естествознания: Галилея, Кеплера, Ньютона, Фарадея. И это начало неразрывно связано с арийско-германской кровью.

Статья Ленарда содержала множество выражений, которые использовал Гитлер в книге «*Моя борьба*», хотя публикация в «*Великогерманской газете*» состоялась до появления книги в свет. Объяснение этому простое: и Ленард, и Гитлер, да и Розенберг, в те же годы писавший книгу «*Миф двадцатого века*», придерживались идеологии фелькиш и пользовались устоявшимися формулировками и оборотами речи, принятыми в этом движении. Сходство языка было следствием общности идеологии.

Гитлер не забыл преданность своего ученого почитателя. Шестого марта 1928 года он вместе с партийным секретарем Рудольфом Гессом посетил Ленарда на его квартире в Гейдельберге. Позднее Ленард назовет это событие самым значительным в его жизни [Schirrmacher, 2010 стр. 267]. Беседа касалась, в основном, немецкого религиозного движения, и профессор с радостью отмечал в своих воспоминаниях, что полностью согласен с Гитлером в оценке всех ветвей христианства, и католического, и протестантского, как инструмента, используемого в еврейских целях. В частности, постоянную поддержку Планком Эйнштейна гейдельбергский физик связывал с тем, что предки Макса были, в основном, теологами или пасторами [Schirrmacher, 2010 стр. 237].

На протяжении всей своей долгой жизни Ленард постоянно ощущал, что его научные заслуги недостаточно почитаются, что сам он не получает от коллег того признания, которого заслуживал, а его открытия частенько перехватываются другими исследователями. Когда с возрастом его научная деятельность практически сошла на нет, все надежды на признание и уважаемое место в обществе он стал связывать с национал-социализмом. С приходом Гитлера к власти в 1933 году стало казаться, что мечты и надежды Ленарда скоро сбудутся. Вот и Штарк написал Ленарду 3 февраля, всего через четыре дня после назначения нового рейхсканцлера: «*Наконец-то пришло наше время, наконец-то мы можем добиться признания нашего понимания науки и методов исследования*» [Beyerchen, 1982 стр. 483].

Подтверждения его словам пришлось ждать недолго: первого мая 1933 года министр внутренних дел Третьего рейха Фрик назначил Штарка президентом физико-технического института в Берлине, а еще через год Йоханнес стал руководителем «*Чрезвычайной ассоциации содействия немецкой науке*» (Notgemeinschaft der deutschen Wissenschaft).

Дождался своего часа и Филипп Ленард, которому в 1933 году пошел уже восьмой десяток. Власти объявили его патриархом немецкой науки, в 1935 году его именем был назван институт физики в Гейдельберге.

Свой вклад в дело национал-социалистической революции Ленард старался внести в области расовой идеологии: он усиленно развивал введенное им понятие «арийская, или немецкая, физика», которая противопоставлялась «физике еврейской». В 1936 году вышел в свет его учебный курс «*Немецкая физика в четырех томах*» [Lenard, 1936].

Пожилой профессор не ограничивался лишь теоретическими построениями. Он призывал власти к немедленным практическим действиям. Это хорошо иллюстрируют документы из так называемого «*Дела Эйнштейна*», которое вело Прусское министерство науки, искусства и народного образования с ноября 1919 года. Тогда автор общей теории относительности впервые получил деньги от министерства после триумфального подтверждения теории во время полного солнечного затмения. «*Дело*» было закрыто в 1934 году после лишения Эйнштейна немецкого гражданства и выхода ученого из состава академии. Одним из последних в этом собрании документов значится письмо, отправленное Ленардом рейхсминистру народного просвещения и пропаганды Йозефу Геббельсу 8 октября 1934 года. В нем профессор настоятельно предлагает, даже требует

разбить остатки влияния Эйнштейна на научное сообщество. Прежде всего, по мнению Ленарда, «надо изгнать сторонников принципа относительности со всех ученых кафедр, из всех учебных заведений, ибо теория Эйнштейна не только покоится на ложных допущениях, но и является политически вредной» [Grundmann, 2004 стр. 438].

Если не помогали обращения к властям, последователи «арийской физики» не брезговали прямыми политическими доносами. Когда решался вопрос о назначении Вернера Гейзенберга профессором теоретической физики в Мюнхенский университет, Йоханнес Штарк опубликовал 15 июля 1937 года в еженедельнике СС «Черный корпус» большую статью под многозначительным названием «Белый еврей в науке». В ней, в частности, ставится новая цель для преследования:

«В то время как влияние еврейского духа на немецкую прессу, литературу и искусство, так же как и на немецкую правовую жизнь, теперь уже исключено, он находит защитников и последователей в немецкой университетской науке среди арийских ученых, являющихся друзьями или воспитанниками евреев. За кулисами профессиональной научной деятельности и в рамках международного признания он действует с неослабевающей настойчивостью и пытается укрепить и усилить свое господство путем тактического влияния в наиболее важных местах» [Grundmann, 2004 стр. 484].

Такие арийские пособники еврейского духа назывались в статье «белыми евреями», и с ними нужно было бороться еще активнее, чем с «красовыми евреями». Один из «белых евреев» был назван прямо: Вернер Гейзенберг, которого Мюнхенский университет хотел бы видеть своим профессором теоретической физики. После статьи в «Черном корпусе» речи о назначении в Мюнхен уже не могло быть. Гейзенбергу пришлось более года бороться не только за научную и гражданскую репутацию, но и за свою жизнь⁹. В конце концов, ему удалось доказать, что можно поддерживать теорию относительности и не быть противником Третьего рейха. Всемогущий рейхсфюрер СС Генрих Гиммлер снял с него все подозрения и разрешил продолжать работу.

Однако профессором в Мюнхене стал не нобелевский лауреат Гейзенберг, а Вильгельм Мюллер (Wilhelm Müller, 1880–1968), чью кандидатуру предложил национал-социалистический Союз доцентов. Худшей кандидатуры трудно было найти. Собственно теорией Мюллер никогда не занимался, у него не было ни одной научной статьи в физических журналах. Он даже не стал членом Немецкого физического общества. Область его интересов ограничивалась прикладной аэродинамикой, где он никогда не выходил за пределы классической физики. Главной заслугой нового преемника Зоммерфельда была полемическая брошюра «Еврейство и наука» [Müller, 1936], вышедшая в свет в 1936 году, в которой он остро критиковал теорию относительности как типично еврейское создание.

Не лучше обстояло дело и в других университетах Германии. Сторонники «арийской физики» вытесняли «нормальных» ученых, положение с теоретической физикой в немецких университетах становилось критическим. Усилия Ленарда, Штарка и их последователей стали приносить плоды. Использование релятивистской математики стало приравниваться к преступлению против национал-социализма. Казалось бы, основоположник «немецкой физики» мог быть доволен. Все, к чему он стремился, воплощалось в жизнь.

Однако победа Ленарда, Штарка и их единомышленников оказалась пирровой. Физика в Германии стремительно приходила в упадок. Научные школы распадались, количество студентов-физиков катастрофически уменьшалось. Чистки университетов от неарийских и политически неблагонадежных сотрудников, проводимые после закона «О защите чиновничества» от 7 апреля 1933 года, привели к потере очень ценных кадров. Только к зимнему семестру 1934/35 годов были уволены и большей частью принуждены к эмиграции 1145 ученых и преподавателей, среди них 313 ординарных профессоров и 468 экстраординарных профессоров и приват-доцентов. К 1939 году обновилось 45 % преподавательского корпуса Германии. Среди тех, кто был вынужден эмигрировать, числилось двадцать человек, имевших или вскоре получивших Нобелевские премии, в том числе 11 человек — по физике! Последователи «арийской физики» сделали эту и без того громадную интеллектуальную потерю еще более значительной.

⁹ Подробнее об этом см. в моих статьях [Беркович, 2013 стр. 228-235], [Беркович, 2014а стр. 154-166] и книге [Беркович, 2017 стр. 153-181].

Падение уровня немецкой науки становилось все более заметно на фоне растущего научного потенциала стран, ставших во Второй мировой войне противниками гитлеровской Германии. Например, в области атомных и ядерных исследований в 1927 году в Германии было опубликовано 47 статей, а в США и странах Европы — только 35. К 1933 году эти показатели сравнялись: как в Германии, так и в США и Европе было опубликовано по 77 статей. Но уже через четыре года положение изменилось явно в пользу американцев и европейцев — 329 статей против 129 немецких авторов. А к 1939 году разрыв еще увеличился: 471 статья против 166. В США действовало 30 ускорителей заряженных частиц, в Англии — 4, а в Германии — только один [Beyerchen, 1982 стр. 249].

Бесплодность «арийской физики» стала к концу войны понятной и нацистским властям, до того всячески поддерживавшим расовый подход к науке. Сохранилась докладная записка «О положении в физике» от 15 апреля 1944 года, поданная на имя рейхсляйтера Альфреда Розенберга. В ней констатируется: «*Поспешное признание партийных функционеров одного из двух научных направлений единственno верным ведет к тому, что уже ряд лет некоторые ведущие физики-теоретики весьма скептически относятся к научной политике партии. Так как именно их научные взгляды, в том числе, и в области создания нового вооружения, доказали свою плодотворность, можно с полным основанием считать, что они правы*» [Grundmann, 2004 стр. 489].

Надеясь на результаты, в том числе, в создании нового сверхмощного оружия, можно только опираясь на истинную науку, не скованную расистскими предрассудками. Ленард с его постоянными советами, как перестроить политику в области науки и образования, становился надоедливым и докучливым. Власть перестала обращать на него внимание.

Это не осталось незамеченным: Ленард очень чутко реагировал на отношение к себе. В 1943 году, когда торжества по случаю его восьмидесятилетия остались позади, он написал следующие горькие слова на обороте грамоты, врученной ему в 1935 году по случаю присвоения имени Ленарда руководимому им институту:

«Было сказано много прекрасного и доброго, и сделано это убедительно и понятно. Но ни одно министерство науки Третьего рейха ничего в этом направлении не сделало. Как раз наоборот, в области физики или естествознания действия сверху были противоположными. Меня снова и снова чествуют, однако моим мыслям и советам не следуют. 6 лет назад я восставал против подобного безобразия. Сейчас с моими 80 годами стал я слишком стар, чтобы вмешиваться, как это происходило раньше в моих работах» [Schönbeck, 2000 стр. 39].

Сделка с дьяволом окончилась, как и следовало ожидать, обманом: Ленард так и не нашел в нацизме желанной поддержки и подлинного признания. Его последнее увлечение — расово чистая наука — стало серьезным стратегическим просчетом. Герои нашего рассказа и здесь оказались антиподами: благодаря знаменитому письму Эйнштейна президенту Рузвельту начался знаменитый Манхэттенский проект. Страны, воевавшие с нацизмом, создали атомную бомбу, поставившую точку во Второй мировой войне. Сторонники же «арийской физики» Ленарда всячески тормозили развитие исследований атома в Германии. Это обернулось счастьем для человечества, ибо Гитлер так и не получил в свои руки смертоносное сверхоружие.

Как тут не вспомнить бессмертные слова Мефистофеля из гётеевского «Фауста»: «я часть той силы, что вечно хочет зла и вечно совершает благо»?

Литература

- Beyerchen, Alan.** 1982. *Wissenschaftler unter Hitler: Physiker im Dritten Reich*. Frankfurt a.M., Berlin, Wien: Ullstein Sachbuch, 1982.
- Einstein, Albert.** 1918. Dialog über die Einwände gegen die Relativitätstheorie. *Die Naturwissenschaften*, № 6, S. 697-702. 1918 г.
- . 1920. Meine Antwort - Über die antirelativistische G.m.b.H. *Berliner Tageblat* v. 27 August, S. 1-2. 1920 г.
- . 1905. Über einen die Erzeugung und Verwandlung des Lichtes betreffenden heuristischen Gesichtspunkt. *Annalen der Physik*, № 17, 4. Folge. 1905 г.
- Einstein-Born.** 1969. *Albert Einstein — Hedwig und Max Born. Briefwechsel 1916-1955*. München: Nymphenburger Verlagshandlung, 1969.
- Einstein-Sommerfeld.** 1968. *Albert Einstein — Arnold Sommerfeld. Briefwechsel*. Herausgegeben und kommentiert von Hermann, Armin. Basel; Stuttgart: Schwabe @ Co Verlag, 1968.

- Fölsing, Albrecht.** 1995. *Albert Einstein. Eine Biographie*. Ulm: Suhrkamp, 1995.
- Gerber, Paul.** 1898. Die räumliche und zeitliche Ausbreitung der Gravitation. *Zeitschrift für Mathematik und Physik*, v. 43. 1898 г.
- Goenner, Hubert.** 2005. *Einstein in Berlin*. München: Verlag C. H. Beck, 2005.
- Grundmann, Siegfried.** 2004. *Einstens Akte. Wissenschaft und Politik — Einstens Berliner Zeit*. Berlin, Heidelberg, New York: Springer-Verlag, 2004.
- Günter, Hans.** 1922. *Rassenkunde des deutschen Volkes*.: 1922. München: J.P. Lehmann, 1922.
- Kleinert, Andreas и Schönbeck, Charlotte.** 1978. Lenard und Einstein. Ihr Briefwechsel und ihr Verhältnis vor der Nauheimer Diskussion von 1920. *Gesnerus — Swiss Journal of the History of Medicine and Sciences*, v. 35, S. 318–333. 1978 г.
- Laub, Jacob.** 1910. Über die experimentellen Grundlagen des Relativitätsprinzips. В книге: [авт. книги] Johannes Stark (Hrsg). *Jahrbuch für Radioaktivität und Elektronik*, 7. 1910.
- Lenard, Philipp.** 1936. *Deutsche Physik in vier Bänden*. München: J.F. Lehmanns Verlag, 1936.
- 1910. Über Äther und Materie. *Sitzungsberichte der Heidelberger Akademie der Wissenschaften*, 16. Abh. 1910 г.
- 1911. *Über Äther und Materie*. Heidelberg: Carl Winter's Universitätsbuchhandlung, 1911.
- 1918. Über Relativitätsprinzip, Äther, Gravitation. *Jahrbuch der Radioaktivität und Elektronik*, v. 15, S. 117–136. 1918.
- 1921. Über Relativitätsprinzip, Äther, Gravitation. Hildesheim: 3. Aufl., 1921.
- 1902. Ueber die Lichtelektrische Wirkung. *Annalen der Physik*, №8, 4. Folge. 1902 г.
- Müller, Wilhelm.** 1936. *Judentum und Wissenschaft*. Leipzig: Theodor Fritsch Verlag, 1936.
- Schirrmacher, Arne.** 2010. Philipp Lenard: Erinnerungen eines deutschen Naturforschers. Kritische annotierte Ausgabe des Originaltyposkriptes von 1931/1943. Berlin: Springer Verlag, 2010.
- Schönbeck, Charlotte.** 2000. *Albert Einstein und Philipp Lenard*. Berlin: Springer Verlag, 2000.
- Sugimoto, Kenji.** 1987. *Albert Einstein. Die kommentierte Bilddokumentation*. Gräfelfing vor München: Verlag Moos&Partner, 1987.
- Wazeck, Milena.** 2009. *Einstens Gegner*. Frankfurt a.M., New York: Campus Verlag, 2009.
- Weyland, Paul.** 1920. Schriften aus dem Verlag der Arbeitsgemeinschaft deutscher Naturforscher zur Erhaltung reiner Wissenschaft, Heft 2. Berlin: 6. н., 1920.
- Беркович, Евгений.** 2018. Революция в физике и судьбы ее героев. Альберт Эйнштейн в фокусе истории XX века. М.: URSS, 2018.

Геннадий Горелик¹

С чего началась философия-и-физика, или Что удивило Фалеса и Евклида

Греческое чудо

Фалес из Милета (620? – 540? до н. э.)

Евклид из Александрии (~ 300±? до н. э.)

Ум и сердце, мысль и чувство, логика и интуиция в истории познания

Мировая история науки с высоты космического полета

Назад к Греческому чуду, или Оправдание атеизма

Оправдание паратеизма

Памяти Григория Гутнера (1960–2018)

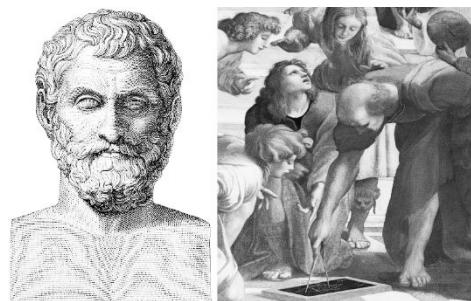
Наука, как естествознание — знание о природе, не имеет ни даты, ни места рождения. Везде, где обитали представители вида *Хомо Сapiens*, им для выживания были необходимы какие-то знания о природе, начиная с того, какие плоды съедобны. Наука в нынешнем понимании, однако, имеет вполне определенное место рождения — Древняя Греция. С датой рождения сложнее: «процесс пошёл» еще в VI в. до н. э., когда родилась философия, соединенная с элементами научного знания, а в III в. до н. э. родились первые вполне узнаваемые научные теории, сохранившие силу доныне. Почему именно там и тогда — загадка, волнующая не только историков Древней Греции.

Этой загадкой начинается — посмертно изданная — книга философа Григория Гутнера «**Начало и мотивация научного познания: Рассуждение об удивлении**» (2018). Ключевое понятие книги — удивление, в котором философ видел ключ к разгадке не только начала науки, но и самой ее (вечной) сущности. Об этом же его посмертно опубликованный текст «Удивление и ужас. О начале науки». Философ начинает с Декарта, который назвал удивление первой из шести «первичных страстей» и описал лишь психологично, не затрагивая суть процесса познания:

«Трудно понять, соотносит ли сам Декарт удивление с собственной научной деятельностью. Можно полагать, что он все же замечает в себе это переживание, т.к. пишет, что «*те, у кого нет природной склонности к этой страсти, обыкновенно очень невежественны*». Из этого замечания можно заключить, что для всякого, кто занимается науками или даже всерьёз чему-то обучается, удивление является серьёзной мотивацией».

Можно ли удивление назвать **мотивацией** научного познания? Способность удивляться, глядя даже на привычный окружающий мир, — это, скорее, общая предпосылка профпригодности к познанию, мотивация к выбору профессии. Если же говорить о примерах познания, приведших к идейным прорывам в науке, то в известных мне случаях главный мотив — опыт, не объяснимый теорией, либо противоречие в самой теории.

Не сразу я сообразил, что все прорывы в науке, о которых я подумал, произошли в современной науке, родившейся в XVII веке, а наука-то началась двумя тысячелетиями ранее. И вспомнил, что, читая книги об этом начале, придумал две гипотезы, в которых именно удивление — исходный мотив двух идейных прорывов. Имею в виду Фалеса Милетского, в котором историки философии видят зачинателя «*Греческого чуда*» философии-и-науки, и Евклида, чья геометрия — первое достижение греческой науки, сохранившее свое значение доныне и давшее образец убедительной системы теоретического знания.

Так выглядели Фалес и Евклид (с учениками) в воображении благодарных потомков

¹ Историк науки, к.ф.-м.н.

Помимо важности вкладов в мировую историю, их объединяет скудность биографических сведений и, как считается, отсутствие идейных предшественников, что особенно интригует. Ведь творение принципиально нового — «творение из ничего» — главное отличие человека от других живых тварей и, на мой взгляд, самое волнующее зрелище в мире.

Библейский Творец, правда, создал «из ничего» целую Вселенную, а человеческое «ничего» всегда кое-что содержит. Хотя бы потому, что к творческому моменту у человека за спиной уже годы жизни и море впечатлений, осознанных и неосознанных. Историки науки пытаются разглядеть какие-то подсказки к данному творческому акту. Такие подсказки бывают осмыслены лишь для одного человека, и всё равно потребуется загадочный взлет его творческой интуиции. Но это лучше, чем ничего и помогает понять суть изобретения.

Гутнер в своей книге хотел «говорить о науке как о человеческом предприятии»:

«Различные личные мотивации толкают разных людей в науку тогда, когда она уже существует, когда она представлена и в солидных, объясняющих все и вся теориях, и во влиятельных социальных институтах и престижных профессиях, и во множестве полезных для жизни результатов. Видя всё это, всякий человек может подумать, нужно ли ему присоединиться к почтенной категории людей, которые обеспечивают развитие замечательного предприятия, именуемого наукой. Но меня интересует начало. Представим, что всего названного еще нет. Есть ли в человеке нечто, что может толкнуть его к научным занятиям? Можно ли увидеть в нем некий интерес, ради удовлетворения которого будут создаваться и теории, и институты?»

Обсуждая мотивации, побуждающие к научному познанию, Гутнер начал с самой очевидной: «Человек, как виделось и видится многим, занимается наукой потому, что она приносит полезные результаты». Но подчеркнул наблюдение, очевидное лишь для тех, кто с наукой знаком не понаслышке: «Если бы дело ограничивалось поиском полезных результатов, то науки, в том виде в каком мы ее знаем, не существовало бы вовсе». И более категорично: «Научное познание определяется бескорыстным интересом к объекту, вызванным удивлением». А опорными для Гутнера были слова Аристотеля — одного из величайших философов Древней Греции:

«И теперь и прежде удивление побуждает людей философствовать, причем вначале они удивлялись тому, что непосредственно вызывало недоумение, а затем, мало-помалу продвигаясь таким образом далее, они задавались вопросом о более значительном, например о смене положения Луны, Солнца и звезд, а также о происхождении Вселенной».

Столь авторитетное мнение напомнило мне мои полушуточные древнегреческие гипотезы и побудила изложить их публично.

Греческое чудо

Греческим чудом часто называют общий взлет Греческой цивилизации — социально-культурный, экономический и политический, объясняя это разнообразными общими обстоятельствами истории с географией или удачным стечением всех обстоятельств. Ни одно из конкретных объяснений, однако, не стало общепризнанным, а «удачное стечение обстоятельств», как и «случайное стечение обстоятельств», означает по сути отсутствие объяснения.

Выделяя из всех компонент Греческого чуда рождение философии и науки, мы получаем явление, социально очень малое, включающее в себя лишь десятки фигур, лучше всего документированное в сохранившихся текстах, с достижениями, сохранившими свое значение доныне и сыгравшими важную роль в мировой истории Нового времени. А когда речь идет о рождении принципиально новой интеллектуальной идеи, которой лишь предстоит породить новую форму культуры, общие историко-географические обстоятельства могут быть лишь предпосылками, и остается вопрос о ключевых факторах конкретного творческого акта.

Приведу пример из истории науки более близкий во времени, но когда наука всё еще была явлением социально очень малым — изобретение современной физики Галилеем. Для этого ему нужно было «место работы», позволяющее размышлять о проблемах, далеких от повседневной жизни. Университеты, однако,

появились в Европе за четыре века до Галилея, а этап современной науки, радикально отличается от предыдущих (и, значит, ключевой была какая-то другая причина).

Греческое чудо философии-и-науки еще более радикально выделяется в истории. Чудо началось в определенный момент истории, но спустя несколько веков выдохлось. Оба события заслуживают объяснения.

Историки греческой науки, собрав сохранившиеся крохи сведений о Фалесе и Евклиде и обшарив научное наследие двух соседних древних цивилизаций — Египетской и Вавилонской, не нашли никаких подсказок, которые могли бы помочь этим великим грекам родить их главные идеи. Это, конечно, говорит о гениальности Фалеса и Евклида, но еще и дает простор для воображения.

Этим простором я и воспользовался, несмотря на то что не знаю языков упомянутых трех древних культур, а с их историями знаком только по книжкам. Почти всю жизнь до того занимался историей физики XX века, и лишь в последние годы увлекся загадкой рождения современной науки в XVII веке. Эту загадку острее других сформулировал выдающийся британский ученый Дж. Нидэм (Joseph Needham, 1900–1995), соединивший в своей жизни почти несоединимое — биохимию и синологию, христианство и марксизм:

*Почему современная наука с ее ролью в создании передовой техники, возникла лишь на Западе во времена Галилея, но не развилась в Китае, где до XV века знания о природе применялись к практическим нуждам намного эффективней, чем на Западе?*²

Я начал собирать факты истории науки, которые помогли бы ответить на этот вопрос (названный «эвристическим» его критиком и коллегой Нидэма в синологии Н. Сивиным). Естественно, пришел к сравнению современной науки и науки в самом ее начале — в Древней Греции и пришел в недоумение из-за отсутствия исторического объяснения самого начала. И дал волю воображению. Опирался при этом на собственный опыт разглядывания людей науки XX века, соглашаясь с мнением о том, что человек по своей психологической сути не очень изменился за последние пару-тройку тысяч лет, — во всяком случае, человек, самостоятельно мыслящий и неудержимо любознательный. Ведь некоторые тексты, созданные в древности, и в наше просвещенное время способны волновать и ум, и сердце.

Мыслящих и любознательных всегда немного, но лишь такие стремятся к познанию мира. По мнению Аристотеля, подлинная мудрость — это «наука, исследующая первые начала». Он был не только великим философом, но еще и первым историком философии. Если верить его знаниям, «большинство первых философов считало началом всего одни лишь материальные начала, а именно то, из чего состоят все вещи, из чего как первого они возникают и во что как в последнее они, погибая, превращаются, причем сущность хотя и остается, но изменяется в своих проявлениях». А в начале начал: «Фалес — основатель такого рода философии — утверждал, что начало — вода».

Фалес из Милета (620?–540? до н. э.)

Итак, новую эпоху в познании мира Фалес Милетский начал вопросом: *Что является первоначалом всего сущего?* Его собственный ответ — «Вода!» — сочли неубедительным даже ближайшие последователи, но сам вопрос стал магистральным для развития греческой философии. И другие ответы — апейрон, воздух, число, огонь, атомы, идеи... — важны не сами по себе, а как маяки на путях мышления, нацеленного на познание мира. На этом пути «первоначало» переходило из материальной формы в идеальную и обратно, умножалось в количестве, пока не закрепилось на две тысячи лет в виде четырех земных элементов (Огонь, Воздух, Вода, Земля) и пятого небесного (Квинтэссенция, или Эфир). Этот «сухой остаток» греческой философии закрепил Аристотель, но историю философии он начал именно с Фалеса. В этом с Аристотелем согласны все историки (которых я читал).

² Формулировка в оригинале: «Why did modern science, the mathematization of hypotheses about Nature, with all its implications for advanced technology, take its meteoric rise only in the West at the time of Galileo?», and why it «had not developed in Chinese civilization» which in the previous many centuries «was much more efficient than occidental in applying» natural knowledge to practical needs?

Подробнее см. Gorelik G. A Galilean Answer to the Needham Question // Philosophia Scientiæ 2017, 21(1), 93–110; Объяснение Гессена и вопрос Нидэма, или как марксизм помог задать важный вопрос и помешал ответить на него// Эпистемология и философия науки 2018. Т. 55. № 3. С. 153–171

При этом не известно, откуда Фалес взял свой очень странный вопрос. Как ему взбрело в голову, что камень, растущий рядом с ним цветок, с которого вспорхнула бабочка, и человек, разглядывающий все это, могут иметь некое общее «первоначало»?

Ответ на этот вопрос я измыслил, опираясь на два эмпирических наблюдения над физиками XX века, применимые, думаю, и к другим векам:

- 1) наука не отделена от жизни непроницаемой перегородкой;
- 2) среди свободно и глубоко мыслящих людей есть и теисты, и атеисты.

Философию и науку Древней Греции можно назвать величайшим вкладом атеизма в развитие человечества. Даже тем, кого потом назовут идеалистами, не нужны были многочисленные греческие боги с их легендарными интригами и безбожными безобразиями. Поэтому даже древнегреческие философы-идеалисты, с точки зрения среднего древнего грека, были атеистами. А первых философов Аристотель назвал «физиками» (в буквальном переводе, «природниками»), потому что ответы на вопрос Фалеса они искали в пределах природы, не привлекая внеприродных начал и сверхъестественных сил.

Что же могло подсказать сам странный перво-вопрос?

Начнем с того, что основоположник греческой философии и № 1 в списке «семи мудрецов» Греции сам был не вполне греком. Он был из финикийцев, которые, прежде чем даровать миру мудрейшего из греков, изобрели алфавитную письменность, дали лучших мореходов-предпринимателей Средиземноморья и лучших инженеров, с чьей помощью царь Соломон построил Храм в Иерусалиме.

Унаследовав тягу к путешествиям и предприимчивость, Фалес отправился в Египет за знаниями и вернулся не с пустыми руками. Милет, в котором жил Фалес, находился на территории нынешней Турции, а Финикия — на побережье нынешнего Ливана. Так что, путешествуя из Милета в Египет и обратно, Фалес вполне мог навестить свою историческую родину, остановиться на пару дней у родичей, обменяться новостями. А новости тогда в Финикии были весьма удивительные, чтобы не сказать ужасающие.

В соседней Иудее, тамошний царь Иосия (648–609 до н. э.), по увещеванию пророка Иеремии (655?–586? до н. э.), затеял радикальную религиозную реформу, беспощадно борясь с культурами финикийских богов и насядая веру в своего диковинного одного-единственного Бога. Статуи великих финикийских богов Баала, Астарты и прочих выносили из Иерусалимского храма и уничтожали. Из храма, построенного финикийскими инженерами! Разрушали святыни на высотах, на жертвенниках убивали жрецов и сжигали их тела. И всё это ради какого-то иудейского Бога — единственного и неповторимого, незримого и неизобразимого, и настолько могущественного, как там считали, что создал весь мир из ничего и единолично властвует над ним. При этом ссылались на какую-то книгу Закона... Дикий народ. Экстремисты.

Фалес, похоже, родился атеистом и все религии считал более или менее забавными выдумками невежественных людей. Его интересовали реальные знания об устройстве мира, и ради этого он готов был поехать хоть на край света. Однако странный бог иудеев мог привлечь его внимание своей необычностью.

Финикия, близкая к Иудее по расстоянию и по языку, радикально отличалась по религии. Боги Финикии, Греции и Египта были понятны: разные боги надзирали за разными городами, разными стихиями, разными ремеслами. А эти дикие иудеи почему-то решили, что их бог со всеми делами может справиться в одиночку! Посыпая всех богов куда подальше, Фалес мог задать себе подсказанный, но гораздо более интересный вопрос: *А как насчет единого первоначала всех наблюдаемых явлений реального мира?*!

Мысленно перебрав известные ему явления, он выбрал воду. Во-первых, без воды, как известно, «и ни туды, и ни сюды», — жизнь невозможна. Во-вторых, вода — вещество, которое бывает и твердым, и жидким, и воздухообразным. В-третьих, вода универсальна: из какого бы источника ее ни взять, она одинаковая. Да, морская — соленая, но если выпарить, то самая обычная.

Так, примерно, с вопроса Фалеса и могло начаться Греческое чудо философии-и-науки. Если бы какой-нибудь древнегреческий журналист спросил Фалеса, как он пришел к своей гениальной идее, тот мог бы ответить: «Когда б вы знали, из какого сора...». Ведь в те времена в Греции понятия не имели о маленьком варварском Иудейском царстве и, тем более, о его гибели под натиском великой Вавилонии. Финикийцы, узнав о разрушении Иерусалимского храма, могли думать, что это финикийские боги отомстили за надругательство. Но греко-финикиец Фалес, в богов не веривший, скорее, предположил бы, что странная религия иудеев — признак их общей неадекватности, которая и привела к исчезновению их царства. Всего несколько лет Фалес не дожил до падения Вавилона, начала возвращения иудеев на родину и восстановления Храма.

Первые свидетельства о том, что в Греции знали о евреях, относятся ко времени двумя веками позже. И это приводит нас к Евклиду, научная деятельность которого протекала в городе Александрия, основанном в Египте Александром Македонским в 332 г. до н. э.

Евклид из Александрии (~ 300±? до н. э.)

Евклида называют первым математиком Александрийской школы. Но больше ничего о его жизни не известно, даже о датах рождения и смерти. Зато его книге «Начала», как учебнику математики, была суждена мировая слава на протяжении более двух тысячелетий. Историки описывают Евклида не столько великим математиком, сколько величайшим методистом-преподавателем математики. Он придумал аксиоматический способ изложения геометрии и, нечаянно, дал образец убедительно точного знания.

Казалось бы, при чем тут иудеи, которых я почему-то назвал евреями? Назвал я так, поскольку греки по-настоящему узнали евреев не в Иудее, а в Александрии Египетской, куда те прибыли — по приглашению греческих властей — вскоре после основания города, образовав заметное и весьма автономное меньшинство. Занимались они военным делом, ремеслами и торговлей, сохраняя свою религию и обычай, но осваивая язык и книжную ученость греков. Осваивали настолько активно, что стали забывать родной язык и поэтому перевели свою Тору на греческий.

Так что, Евклид жил и учил математике в городе, населенном в основном греками и евреями. Практически ничего больше о первом Александрийском математике история не знает. Не нашел я в книгах никаких гипотез о происхождении главной его идеи. Была уже, конечно, общая идея о том, что утверждения надо доказывать логически, а не просто ссылаться на авторитеты или конкретные примеры. Но никто неставил задачу найти *минимальный набор аксиом*, исходя из которых, можно доказать любое верное математическое утверждение. И заранее вовсе не очевидно, что такой набор можно найти.

Сохранились лишь два легендарных свидетельства об Евклиде. Согласно одному, первый греческий царь Египта спросил его, нет ли более легкого пути изучать геометрию, чем его «Начала». Учитель ответил, что царского пути к геометрии нет. А когда безымянный абитуриент спросил, какую выгоду он получит, изучив геометрию, Евклид велел слуге: «Дай ему три обола и проводи к выходу».

Возможно, тот абитуриент был евреем, среди них таки-да встречаются люди весьма практические. Но встречаются и весьма теоретические. Таким был, например, Альберт Эйнштейн. Профессию ему помогли выбрать два чуда. Первое чудо он увидел пятилетним, и то был компас, стрелка которого показывала одно и то же направление, как его ни крути. А второе чудо пережил 12-летним, открыв книжку по геометрии Евклида. Первое чудо определило профессию физика, а второе уточнило — физика-теоретика.

Не сомневаюсь, что и в Александрии к Евклиду приходили учиться теоретические еврейские юноши. Наиболее успешные из них могли озадачивать Евклида: «Если они так быстро освоили греческую логику математических доказательств и отлично соображают, то почему они держатся своих странных еврейских обычаяв? Почему, например, заставляют своих рабов бездельничать каждый седьмой день...?»

Если есть вопрос, человек науки ищет ответ. В данном случае проще всего было задать этот вопрос самому успешному из его еврейских учеников. И тот, объясняя, рассказал бы, наверно, о Библейском сотворении мира и человека, об Исходе из Египта, о Десяти заповедях, полученных Моисеем от Бога и т. д., и т. д.

Могу представить себе ход мыслей Евклида после знакомства с еврейским взглядом на мир: «Народные сказки евреев, конечно, ничуть не убедительнее нашей Илиады, но у них как-то больше порядка. Действительно, если бог всего один и дал десять главных правил жизни, порядок обеспечить легче. К тому же, всё записано в книге — в их Священном сказании. Одно из правил — как раз о седьмом дне. Оказывается, они со своими рабами не просто бездельничают каждый седьмой день, а празднуют его, вспоминая и напоминая детям и рабам, что их еврейский бог, сотворив за шесть дней весь мир, в седьмой день отдыхал. Хмм... Десять главных правил... десять аксиом? Интересно, а сколько аксиом надо выбрать в геометрии, чтобы, исходя из них, можно было получить все верные утверждения? При этом надо выбрать такие аксиомы, чтобы любой признал их очевидными. Например, что через две точки можно провести лишь одну прямую линию. В «священных»-то сказках никакие аксиомы не очевидны. Ну как проверишь, сотворил бог мир за шесть дней или за восемь? Если он действительно всемогущий, мог бы управиться и быстрее. И отдых вряд ли был ему нужен...»

Для Евклида (как и для Фалеса) любые религиозные истории были народными сказками, но он, думаю, согласился бы, что если их принять за истину, то из них могут логично следовать и некоторые представления о жизни.

К сходному выводу пришел в середине XX века Джон фон Нейман, выдающийся математик, который успешно занимался также физикой и компьютерами, и, по мнению друзей, был «полным агностиком»: «Вероятно, Бог все-таки должен существовать, иначе многие вещи объяснить гораздо труднее». Имея некоторое представление о личности фон Неймана и о его друзьях, главную из этих «вещей» я вижу в познаваемости мира.

Была, конечно, большая разница: агностик фон Нейман слышал библейские истории с раннего детства, и ему легче было признать логическую объяснимость «многих вещей» из непредставимого (для него) существования (библейского) Бога. Евклиду же достаточно было понять, что в глазах его еврейского ученика математически неточные аксиомы Библии «доказывают» — влекут за собой — довольно сложные «человеческие вещи». И это могло подсказать новый методический прием преподавания геометрии, то бишь «теории землемерия»: найти такие утверждения, очевидные для всех (аксиомы), чтобы из них логически вывести — доказать — все результаты геометрии.

В геометрии Евклида можно видеть первый ответ на вопрос Фалеса, сохранивший свое научное значение до наших дней. Область действия этого ответа ограничена миром геометрических фигур, но зато эмпирическая истинность и теоретическая полнота безусловно убедительны. Следуя примеру Евклида, другой столь же убедительный и нетленный ответ дал Архимед в своей физике равновесия.

Таким образом, происхождение замечательных греческих (и совершенно атеистических) идей Фалеса и Евклида можно связать с их удивлениями от основных идей библейской картины мира — монотеизма и антропоцентризма. Эти удивления помогли бы перевоплотить религиозные идеи в (атеистически) научные. При этом личный атеизм (точнее, а-политеизм, еще точнее, натурализм) греческих мыслителей помогал сосредоточиться на реальных свойствах природы, не привлекая лишних сущностей — сверхприродных, или сверхъестественных.

Ум и сердце, мысль и чувство, логика и интуиция в истории познания

Вернемся к мыслям Гутнера и Декарта о роли удивления в научном познании. И увидим роль чувства в точках опоры логики.

Декарт (1596–1650) назвал удивление одной из «страстей», недостаток которой влечет за собой невежество. А Гутнеру хотелось бы, чтобы французский философ и великий математик ясно и четко описал, как удивление «работает» в познании.

Попробую сделать это за Декарта, опираясь на развитие науки после 1650 года. Прежде всего осовременим терминологию. Сейчас удивление называют не страстью, а чувством, эмоцией. Например, согласно Википедии, «Удивление — эмоциональная реакция на неожиданную ситуацию. Если ситуация приятна, удивление переходит в радость; если ситуация опасна, то в страх; а если безопасна, то в интерес».

Познание мотивируется более всего «интересом», глубина которого зависит от склада личности. Некоторые личности «ленивы и не любопытны», а другие настолько любознательны, настолько одарены исследовательским инстинктом, что до смерти хотят разобраться в неожиданной ситуации, чтобы понять ее суть. Доля «прирожденных исследователей» в популяции вида Хомо сапиенс определяется биологией, а то, насколько урожденные исследователи смогут реализовать свой нейро-психо-физиологический дар, зависит от культурных ресурсов общества и его социального уклада.

Те, кто с жизнью науки знакомы лишь понаслышке, обычно думают, что в науке царит полная рациональность, и эмоциям там не место. Люди науки, однако, прежде всего люди, и ничто человеческое им не чуждо. В процессе познания участвуют совместно ум и сердце, мысль и чувство, логика и интуиция, и такое соучастие особенно важно в рождении принципиально новых идей. Словами Эйнштейна: «Наша моральные взгляды, чувство прекрасного и религиозные инстинкты помогают нашей мыслительной способности прийти к ее наивысшим достижениям». Историк науки может уточнить «...помогают или мешают...», но важно само соучастие столь «ненаучных» сил в жизни науки.

Наивысшие достижения в истории современной физики — поворотные открытия — начинались с изобретения новых понятий/аксиом (новых «первоначал»), которые Эйнштейн назвал «свободными изобретениями

человеческого духа». Духа, а не просто разума. Надо, действительно, собраться с духом, чтобы изобрести новое фундаментальное понятие, которое «*нельзя вывести из опыта логически безупречным образом*». «*Не согрешив против логики, обычно никуда и не придешь*», — писал Эйнштейн, подразумевая логику предыдущей теории. Но, совершая первый шаг — первый взлет интуиции, другой логики у физика еще и нет. А «новая логика» — новая теория — строится на основе изобретенных понятий, оправдать которые может лишь экспериментальная проверка самой теории. Смелая изобретательность ума питается энергией веры в познаваемость мира и в свое право познавать, а всякая вера основана на чувстве и принимается сердцем. Там же источник личного смирения, побуждающего критически относиться к своим прозрениям, проверяя их скептическим опытом.

Еретик-изобретатель опирается на все силы своего духа. Самой ненаучной может показаться сила религиозная. И Эйнштейн не раз о ней говорил. С иронией — о «профессиональных атеистах» и о теистах-профессионалах («*топах, которые могут нажить капитал*» на его высказываниях). Вдохновенно — о своем религиозном чувстве, истоки которого видел «*во многих псалмах Давида и в некоторых книгах библейских пророков*». При этом заявлял, что верит в Бога, который «*являет себя в гармонии всего сущего*», но не «*занимается поступками и судьбами людей*». И пояснял своему другу-атеисту, что может понять его «*нежелание применять слово 'религия', когда имеется в виду некий эмоциональный настрой, наиболее очевидный у Спинозы*», однако он, Эйнштейн,

«не нашел лучшего выражения, чем 'религиозная', для уверенности в рациональной природе реальности, доступной человеческому разуму. Там, где отсутствует это чувство, наука вырождается в бескрылый эмпиризм».

Эйнштейн прекрасно знал, что такое религиозное чувство в самом обычном смысле. В детстве, к удивлению своих нерелигиозных родителей, он стал настолько глубоко верующим, что упрекал папу с мамой за отступления от кошерной диеты. К религиозному совершеннолетию, которое у евреев наступает в 13 лет, ему стало тесно в его детском «религиозном раю», по его выражению, и он перешел к «фанатическому свободомыслию». Но понимание, что такое религиозное чувство, осталось. Осталось и кое-что еще, не менее важное — вера в познаваемость мира.

Вера в право человека на свободу познания — это реальное чувство, влияющее на сам процесс познания. Это чувство Эйнштейн назвал религиозным, описал его как «*смиренное изумление порядком, открывающимся нашему слабому разуму в доступной части реальности*». Познаваемость мира Эйнштейн считал «*чудом, которое лишь усиливается по мере расширения наших знаний*».

Он не заявлял торжественно, что за этим чудом видит Творца, создавшего мир ради человека, но фактически именно это выражал шутливо, говоря: «*Господь изощрен, но не злонамерен*» или «*Больше всего мне хочется знать, как Бог создавал этот мир, что Он думал при этом и мог ли Он создать мир иным*».

Какова доля правды в этих шутках и где тут «религиозный инстинкт»? Это нешуточный вопрос, поскольку шутка — одна из форм иносказания, а о Боге Библия говорит языком иносказаний — метафорами, притчами, аллегориями. В естественном языке, отражающем реальную земную жизнь, нет и не может быть прямых слов для юридически точного описания незримого Творца Вселенной, пребывающего вне времени и пространства. По словам Галилея,

«Библия передко использует иносказания, понятные даже людям необразованным. А прямое значение слов было бы богохульством, когда, например, говорится о руках и глазах Бога, о Его гневе и сожалении, о Его забывчивости и незнании будущего».

Шутливо-уверенные высказывания Эйнштейна о Боге и о мире открывают человека, знающего, что Творец благоволит к людям — по крайней мере к тем, кто усердно старается познать мир Его творений. Человек этот, ощущая в мироздании дело рук Божьих, чувствует себя вправе мысленно задавать Ему вопросы и пытаться разгадать Его ответы.

В таком «*эмоциональном настроении*» и можно видеть «*религиозный инстинкт*», который помогал изобретать Эйнштейну и его великим предшественникам от Коперника до Планка, окрылял разум, гарантировал творческую свободу и укреплял настойчивость в познании мира. Используя слово «*инстинкт*», Эйнштейн выразил лишь глубину чувства, а не его биологическую природу.

Столь же глубокое чувство выразил, полувеком позже в совсем ином — советском — мире, Андрей Сахаров в своем лаконичном кредо:

«Я не могу представить себе Вселенную и человеческую жизнь без какого-то осмысливающего их начала, без источника духовной «теплоты», лежащего вне материи и ее законов. Вероятно, такое чувство можно назвать религиозным».

Выражение «не могу представить себе» сильнее, чем просто «верю». И Эйнштейн, вероятно, употребил слово «инстинкт», чтобы усилить свою мысль.

«Инстинкт» этот не врожденный, аобретенный в процессе приобщения к определенной культуре, прежде всего в семье. Приобщается человек к знанию, «что такое хорошо и что такое плохо», т.е. к определенной системе моральных аксиом, из которых главная — самовосприятие личности, как ответ на вопрос, вложенный Достоевским в уста Родиона Раскольникова: «Тварь ли я дрожащая или право имею...»?

Моральные аксиомы извлекаются не из объективных знаний о природе. Это первым обнаружил в XVIII в. философ-скептик Дэвид Юм, а в начале XX элегантно сформулировал математик и философ А. Пуанкаре: *Научное знание выражается изъявительным наклонением, мораль — повелительным, а из утверждений изъявительных повелительное вывести невозможно.*

Откуда же берутся моральные аксиомы? Вот как об этом сказал физик Эйнштейн:

«Науку могут творить лишь те, кто охвачен стремлением к истине и к пониманию, но само по себе знание о том, что СУЩЕСТВУЕТ, не указывает, что ДОЛЖНО БЫТЬ целью наших устремлений... В здоровом обществе все устремления определяются мощными традициями, которые возникают не в результате доказательств, а силой откровения, посредством мощных личностей... Укоренение этих традиций в эмоциональной жизни человека — важнейшая функция религии. ...Высшие принципы для наших устремлений дает Еврейско-Христианская [т. е. Библейская] религиозная традиция».

Моральные аксиомы берутся из культурной традиции, выраженной в художественных образах. Чтобы укорениться в эмоциональной жизни человека, тексты религиозно-культурной традиции должны воплотиться во внутренний «инстинкт», на основе которого человек «представляет себе Вселенную и человеческую жизнь». В этом воплощении соучаствуют ум и сердце, но решающее слово за сердцем. Так, в восприятии стихотворения отдельные слова узнаются умом, но если в какой-то момент по спине побежали мурашки, то, значит, сцепление слов в определенном порядке открыло некий высший смысл.

Следует разделять содержание религиозных чувств и способность к такому чувству, которая, как и все способности, дается людям неравномерно. Эйнштейн признал, что «очень трудно объяснить религиозное чувство тому, кому оно совершенно неведомо».

В обществе обычно сосуществуют разные религиозно-культурные традиции, и к какой из них приобщился человек, зависит от того, в какой семейной культуре он родился и рос, но также от его личных способностей, в частности, от способности к религиозному чувству. Эпитетом «религиозное» стоит характеризовать любое представление о мире и человеке, основанное на опыте не объективно-проверяемом, а культурно-субъективном. Объективный опыт опирается на физические органы чувств, им легко поделиться с другим человеком, продемонстрировав соответствующие физические явления. Культурным опытом делиться нелегко даже с человеком, выросшим в той же культурной традиции, поскольку речь идет о сложных эмоциональных образах и субъективном их восприятии в неповторимой личной истории. Особую роль играют образы религиозные (в обычном смысле). Даже очень близкие люди могут сильно различаться по восприимчивости к таким образом. Дети религиозных родителей бывают атеистами, дети атеистов могут осознать себя верующими.

По оценке акад. Б.В. Раушенбаха (1915–2001), лишь ~10 % людей способны на глубокое религиозное чувство. По моей оценке, основанной на результатах соцопросов, примерно такова же доля способных на чувство глубоко атеистическое. Для остальных ~80 % сам вопрос религиозного самоопределения не слишком важен, они ведут себя «как принято в обществе», следуют общим «трендам», «моде», «приличиям» и сравнительно легко переходят из состояния как-бы-верующих в как-бы-неверующие и обратно.

Глубоких теистов и глубоких атеистов объединяет повышенная способность к самопознанию и потребность в нем. Почему способность к религиозному чувству, восприимчивость к религиозным образам присуща людям в разной мере, вопрос к психологам. Вопрос этот доступен экспериментальному изучению, результат

которого показал ключевую роль того, какой инструмент мышления преобладает у человека — интуитивный или аналитический. Для истории науки этого вполне достаточно.

Сама склонность к религиозному чувству не предопределяет мировосприятие, ключевой элемент которого — самовосприятие человека в его отношениях с миром и с другими людьми, или *антропостулат*. Культурные традиции различаются своими антропостулатами. Учитывая это, посмотрим, как выглядит

Мировая история науки с высоты космического полета

Первым делом, можно увидеть три больших подъема научной активности, отчетливо разделенных во времени и пространстве: Греко-Римский мир, Золотой век ислама и Новое время Запада. Среди различных факторов, влияющих на интеллектуальную активность, выделим самовосприятие мыслящего человека (как результат взаимодействия личности с доступными культурными ресурсами). И обнаружим совершенно разные роли религий в этих трех подъемах и двух угасаниях.

Греческая наука достигла вершин в III веке до н. э. в трудах Евклида, Архимеда, Аристарха Самосского и Эратосфена. Затем последовал спад, хотя Греко-Римская цивилизация продолжала доминировать в большой части ойкумены еще пять столетий. Творческий потенциал натурализма — греческого атеизма — почему-то стал выыхаться. Понятно, что натуралистам («природникам») не нужны были сверхъестественные (= сверх-природные) силы греческих богов. И даже идеальные математизированные сущности, о которых говорили пифагорейцы и Платон, объяснялись рационально и объективно, опираясь на видимые явления и отталкиваясь от них. В поисках правильных «первоначал» Платон и Аристотель шли в разных направлениях, но оба насткнулись на невидимые преграды. Их метафизические изобретения Высшего Блага и Первовдвигателя ничем не помогли греческой науке. А зная, как Галилей изобрел современную физику, ясно, что уровень знаний и умений Архимеда — как физика, изобретательного инженера и математика — был вполне достаточен для всех опытов и теоретических выводов Галилея. Чего-то важного не хватало.

Спустя тысячелетие после Архимеда начался Золотой век ислама. В Арабском халифате успешно осваивали и развивали достижения Греко-Римского мира, Индии и Китая. На протяжении пяти веков мечеть фактически была отделена от науки, которую разноверующие ученые развивали совместно (хотя в точных науках и не так впечатляюще, как древние греки). Арабский язык стал языком передовой науки и философии, и многие современные научные термины имеют арабское происхождение. Однако к XIII веку одна интерпретация ислама подавила все иные, а саму идею нерушимых законов Природы объявила несовместимой со всемогуществом Аллаха. Сверхъестественная сила исламского Первоначала подавила греческий поиск естественных первоначал материального мира.

Третий подъем науки начался с Коперника, солнечная Вселенная которого, вдохновив и озадачив Галилея, помогла изобрести современную физику. Темп развития науки ускорился в сотню раз, изменив ход мировой истории.

Подъем современной науки отличался от предыдущих не только темпом, но и загадочным евроцентризмом. До Коперника европейцы успешно осваивали достижения Золотого века ислама, который, в свою очередь, успешно освоил античное наследие и новации Востока. Но современная наука, возникнув в Европе, лишь там и развивалась вплоть до XX века. Культуры трех великих цивилизаций Востока — Ислама, Индии и Китая, с их научно-техническими традициями — оказались не восприимчивы к новой Евро-науке, хотя возможностей стало гораздо больше благодаря книгопечати и расширению людских контактов. А Россия, без собственных научных традиций и при общекультурной отсталости, сравнительно легко включилась в мировую науку. К этому следует добавить и тот факт, что внутри Европы уже к концу XVII века лидерство в науке перешло к исследователям протестантского происхождения.

Чтобы осмыслить эти странные особенности современной науки, надо учесть ее ключевое отличие от науки античной и средневековой. Это отличие — право исследователя изобретать вовсе не очевидные фундаментальные понятия и аксиомы, логически не вытекающие из опыта, но допускающие опытную проверку теорий, на них основанных. Такое право подразумевает *фундаментальный познавательный оптимизм*, т. е. вполне определенное мировосприятие, включающее в себя — явно или неявно — особое самовосприятие исследователя в своих отношениях с миром и с другими людьми.

Самовосприятие — это не просто некая словесная формулировка, а чувство, главный моральный постулат, самоочевидный для данного человека. Пользуясь выражениями Эйнштейна, это — *религиозный инстинкт*,

укорененный в эмоциональной жизни человека. Здесь и далее слово «религиозный» значит «принимаемый НЕ на основании объективного опыта», а в результате субъективного откровения (=открытия) под впечатлением образных «текстов» общей гуманитарной культуры данного человека. Такие тексты — «священные сказания/писания» — воспринимаются «умом и сердцем», подобно тому, как воспринимается поэзия. Об этом сказал Н. Бор:

«Религия использует язык совсем не так, как наука. По языку религия гораздо ближе к поэзии, чем к науке. Мы склонны думать, что наука имеет дело с объективными фактами, а поэзия — с субъективными чувствами. И думаем, что религия должна применять те же критерии истины, что и наука. Однако тот факт, что религии на протяжении веков говорили образами, притчами и парадоксами, означает просто, что нет иных способов охватить ту реальность, которую они подразумевают. Но это не значит, что реальность эта не подлинная. И не является возражением то, что разные религии стараются выразить это содержание в весьма различных духовных формах. Возможно, мы должны смотреть на эти различные формы, как на взаимно дополнительные описания, которые, хотя и исключают друг друга, нужны, чтобы передать богатые возможности, вытекающие из отношений человека со всей полнотой мира».

Следуя Эйнштейну и Бору, можно сказать, что развитие науки — результат взаимодействия вполне определенной субъективной реальности (мировосприятия исследователя) с объективной реальностью Природы.

В зависимости от восприимчивости человека к религиозно-поэтическому языку, он будет формулировать свой собственный «антропостулат» либо явно на этом языке, либо — неявно — на языке бытовом, юридическом, политическом. Скажем формулировки «все люди созданы равными» (в своем праве на свободу) из Декларации независимости (1776) и «все люди рождаются равными» из Всеобщей декларации прав человека (1948) эквивалентны по своей земной сути.

Для библейского теиста первая формулировка следует из Библейского сказания, как и греховность человека. И на Библию опирался Джон Локк — изобретатель новой системы власти, основанной на правах человека и принципе разделения властей. На Западе Локка считают «Отцом либерализма», но учитывая российскую репутацию слов, лучше назвать его политическое изобретение «Принципом свободовластия». Излагая свое изобретение в «Трактате о гражданском правлении» (1689), Локк обильно цитировал Библию, обсуждая смысл еврейских и греческих слов оригинала. Сотни раз помянуты Бог, Адам и другие библейские персонажи, вовлеченные в правовые ситуации. В библейском понимании право человека на свободу ограничено таким же правом других и соединено с ответственностью за свои действия перед Богом и людьми.

Для атеиста, разумеется, библейское обоснование «не работает», но если он считает самоочевидной истиной, что «все люди рождаются равными в своем праве на свободу, ограниченном лишь таким же правом других», то в общественной жизни он будет солидарен с библейским теистом. Обе формулировки черпаются из культуры, историческое происхождение которой восходит к главному общему тексту европейских культур.

Атеистический натурализм, мифы и легенды древних греков, разные священные писания дают очень разные идейные ресурсы для построения религиозно-философских (метафизических) картин мира. Библейский ресурс отличается от всех иных статусом человека, ради которого Бог сотворил мир. Человек, созданный как подобие Божье, наделен творческой свободой, чтобы исполнить свою миссию — властвовать над сотворенным миром, для чего мир надо познавать.

Библейский статус человека ясно выражен в знаменитой «Речи о достоинстве человека» (1496) итальянского мыслителя Джованни Пико (дella Мирандола). В этом тексте Бог-отец, только что сотворив Вселенную и человека, обращается к венцу творения:

«Не даем мы тебе, о Адам, ни определенного места, ни собственного образа, ни особой обязанности, чтобы и место, и лицо, и обязанность ты имел по собственному желанию, согласно твоей воле и твоему решению. Образ прочих творений определен в пределах установленных нами законов. Ты же, не стесненный никакими пределами, определиши свой образ по своему решению, во власть которого я тебя предоставлю. Я ставлю тебя в центре мира, чтобы оттуда тебе было удобнее обозревать все, что есть в мире. Я не сделал тебя ни небесным, ни земным, ни смертным, ни бессмертным, чтобы ты сам, свободный и славный мастер, сформировал себя в образе, который ты предпочтишь. Ты можешь переродиться в низшие, неразумные существа, но можешь переродиться по велению своей души и в высшие божественные».

Ясно, что красноречивый итальянец почерпнул всё это из библейской традиции, включая диапазон свободы. Библейский Бог — словами Моисея — сказал слушающим Его: «...жизнь и смерть предложил я тебе, благословение и проклятие. Избери жизнь, дабы жил ты и потомство твое...»

Год спустя после публикации «Речи о достоинстве человека» в Италию прибыл Коперник, изучал там теологию и астрономию и начал размышлять о планетарной системе, считая «что астрономы недостаточно определенно понимали движения Мирового механизма, созданного ради нас Мастером, самым лучшим и систематическим из всех».

Это не значит, что Коперник учился смелой свободе и познавательному оптимизму именно по текстам итальянского гуманиста. Если тот сумел вычитать свое представление из Библии, то на это способен и любой другой, щедро одаренный исследовательским инстинктом, интеллектом, воображением, но еще и верой, видащей в Библии Слово Божье. Такими были Галилей и Ньютон в XII веке, Максвелл и Планк — в XIX.

В истории современной науки число выдающихся физиков, о которых пишут в энциклопедиях, измеряется сотнями. Если же из них выделить тех, кому удалось изобрести успешные «первоначала» (фундаментальные принципы/аксиомы) и тем самым преобразовать науку, то таковых всего восемь: Коперник, Галилей, Кеплер, Ньютон, Максвелл, Планк, Эйнштейн, Бор. У этой «великолепной восьмерки», кроме масштаба их изобретений, было еще одно сходство. Все они, глубоко верующие еретики, свободно и смело мыслили и в науке, и в религии. Все выросли в культурах, в которых Библия — главный общий текст, все впитали библейский антропостулат — библейское представление о человеке, и никто не был склонен к наукоподобным умствованиям традиционной теологии.

Суммируя приведенные выше и другие исторические факты, можно сказать, что в рождении современной науки ключевую роль сыграл вполне определенный субъективный настрой исследователя, порожденный библейским представлением о человеке.

Так я отвечаю на расширенный вопрос Нидэма:

Что мешало античным и средневековым ученым сделать следующий, после Архимеда, шаг, а ученым Востока включиться в развитие науки после Галилея и вплоть до XX века?

Этот вопрос я обсуждал уже не раз³, но в этот раз ответ сформулирован так, чтобы с его помощью разглядеть нечто важное в Греческом чуде науки и заодно укрепить основание *паратеизма*, к которому я лично пришел, работая над биографией Андрея Сахарова и размышляя над его мыслями и чувствами⁴. Напомню, что паратеист признает культурно-историческим фактом соучастие теистов и атеистов в свободной мысли любой эпохи, начиная с времен библейско-античных.

Обнаружив оправдание (библейского) теизма в истории современной физики, легче увидеть оправдание атеизма в греческом начале науки. Но, прежде чем обсуждать атеизм древних греков, напомню, что среди физиков атеисты преобладают ныне и преобладали в прошлые века, когда возникла поговорка «*Tres physici, duo athei*», то есть «Из трех физиков двое — атеисты». И в современной науке всегда хватало работы для атеистов. Ведь чтобы проверить изобретенные «первоначала» (фундаментальные понятия и принципы), необходимо на их основе строить теории конкретных явлений и проверять их в опытах. Для успеха в науке и атеистам, конечно, необходим познавательный оптимизм и соответствующее самовосприятие, которое черпается не только из истории успехов современной науки, но также из общеевропейской гуманистической культуры.

К культуре человек приобщается с самого раннего детства вместе с освоением родного языка, еще не зная, что такая книга. В Новое время в европейских культурах всё большую роль стал играть главный общий текст — Библия, социальная роль которой резко возросла после изобретения книгопечати и благодаря Реформации. В результате библейское представление о человеке растворялось в высших формах культуры, начиная с литературы, и входило в повседневную жизнь грамотного меньшинства, из которого только и выходили люди науки. Те из них, у кого «в голове не помещалось» представление о Библейском Боге, вполне могли усвоить

³ О пользе пред-рассудка и о загадке рождения современной физики // Семь Искусств, 2013, № 6; A Galilean Answer to the Needham Question // *Philosophia Scientiæ* 2017, 21(1), 93–110; Объяснение Гессена и вопрос Нидэма, или как марксизм помог задать важный вопрос и помешал ответить на него// Эпистемология и философия науки 2018. Т. 55. № 3. С. 153–171; Просветительство и загадка современной науки // ТрВ-Наука (13.08.2019) и (27.08.2019).

⁴ «Тайна веры и тайна неверия», или научные основы паратеизма // Еврейская старина, 2018, № 3; Исследования по истории физики и механики. 2016–2018., М.: Янус-К, 2019, с. 46–103.

«земную» часть библейских представлений о человеке. Таких — библейских — атеистов знали замечательные (не только этим) православные священники С. Желудков, А. Шмеман, Г. Чистяков, И. Привалов, высказывания которых я представил здесь⁵.

Назад к Греческому чуду, или Оправдание атеизма

То, что Эйнштейн называл «религиозным инстинктом» и особым «эмоциональным настроем», я назвал самовосприятием, или главным моральным постулатом, или (для краткости) антропостулатом. Как бы ни называть, всё это находится вне научных доводов, но определяет познавательную активность человека, изобретательность и целеустремленность. А суть самовосприятия определяется той религиозной картиной мира, которую человек считает своей. «Религиозной», напомню, я называю любую картину мира, основанную на личном, субъективном опыте (эпитеты «метафизическая» и «философская» прикрывали бы субъективную суть).

Всматриваясь в картину мира, на которую явно или неявно опирались древние греки, засиная философию и науку Запада, можно прийти к выводу, что в этой картине не было места для богов, населявших легенды и мифы Греции. Иначе говоря, эта картина атеистична.

Говоря об атеизме, я опираюсь на самоопределение физика и нобелевского лауреата В.Л. Гинзбурга: «Атеист полностью отрицает существование Бога, чего-то сверхъестественного, чего-то помимо природы, считает мир существующим независимо от сознания и первичным по отношению к нему». Надеюсь, В.Л. не возражал бы против редакции, пригодной и для Древней Греции: «Атеист отрицает существование сверхъестественно могущественных субъектов (богов, полубогов и т.п.), которые вмешиваются в дела людей; мир не зависит от сознания и первичен по отношению к нему».

Религиозное разнообразие Библейско-Античного мира обычно описывают терминами «(библейский) монотеизм», «язычество», «политеизм», «идолопоклонство», при этом последние три понятия считают синонимами. На этом фоне атеизм почти не заметен, хоть он и оставил документированные следы. Быть может, древнейший след остался в Библии, где два псалма начинаются фразой: «Сказал безумный⁶ в сердце своем: ‘Бога нет!’».

Негатив псалмопевца порожден, разумеется, его верой, но важнее слова «в сердце своем», говорящие о глубине древнего и совершенно ненаучного атеизма. До «научного атеизма» было еще две тысячи лет с гаком, когда в Древней Греции возникло то, что, можно назвать атеистической наукой.

Личный атеизм основоположников греческой философии и науки освобождал их от традиционных представлений о греческих богах, капризных интриганах (которые парализовали бы всякое рациональное познание природы). Такое освобождение помогло искать в реальном мире реальные первоначала — самоочевидные аксиомы, на их основе создать цельные теории в математике и в физике, определить размеры Земли, Луны и Солнца, объяснить действие простых и хитрых машин. Этой возможностью воспользовались Евклид, Архимед и их древнегреческие коллеги.

Возможность эта, однако, довольно скоро истощилась. Самоочевидные аксиомы для познания новых физических явлений найти не удавалось. Пришлось ждать две тысячи лет, чтобы у науки открылось второе дыхание. Важную роль при этом сыграли и геометрия Евклида, и физика Архимеда.

Изобретателю современной физики, Галилею, обе теории давали образец убедительного знания, а физика Архимеда послужила еще и инструментом познания в поиске законов движения. Недаром Галилей называл Архимеда «божественнейшим». Так библейский теист назвал древнегреческого атеиста!

Библейский теизм Галилея и его последователей, во-первых, освободил от ограничения искать только самоочевидные первоначала и дал право голоса творческой интуиции, когда та подсказывала вовсе не очевидные понятия для описания начал невидимых, на первый взгляд нелогичных и даже абсурдных (для коллег-профессоров). Библейский теист имеет опыт чувств и размышлений о незримом, но фундаментально

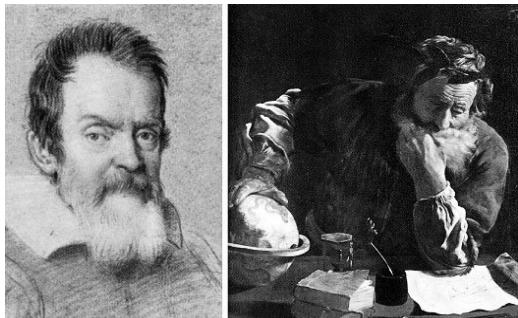
⁵ Православные писатели и священники о праведных иноверцах (<https://snob.ru/profile/30651/blog/159752>).

⁶ С.С. Аверинцев в своем переводе так прокомментировал еврейское слово оригинала: «Мы сохранили из уважения к культурной памяти, живущей в русском языке, традиционную передачу существительного נִזְעָם [NAVAL], хотя существительное это весьма специфично: ‘безумный’ (или ‘безумец’) для его передачи слишком красиво, а ‘глупец’ — слишком невинно, поскольку оно имеет в виду дефект ума, но с концентрацией на дефекте морального и религиозного сознания, на некоторой онтологической бессмысленности».

важном, и незримый библейский Творец дарует доверяющим Ему познавательный оптимизм — уверенность в познаваемости мира.

Вот как это понимал Галилей (в 1615 г.):

И Библия, и Природа исходят от Бога. Библия продиктована Им и убеждает в истинах, необходимых для спасения, на языке иносказательном, доступном и людям необразованным, и было бы богохульством понимать слова буквально, притисывая Богу свойства человека. Природа же, никогда не нарушая законов, установленных для нее Богом, вовсе не заботится о том, понятны ли ее скрытые причины. Чтобы мы сами могли их познавать, Бог наделил нас чувствами, языком и разумом. И если чувственный опыт и надлежащие доказательства о явлениях Природы убеждают нас, это не следует подвергать сомнению из-за нескольких слов Библии, которые кажутся имеющими другой смысл.

Галилей (с натуры) и Архимед (которого Галилей назвал «божественнейшим» — *divinissimi* — в своей рукописи 1590 года «*De Motu*», «О движении», с которой началось движение Галилея к изобретению современной физики, «*a, по сути, и всего современного естествознания*», если верить Эйнштейну)

Следующие «очевидно нереальные», нелогичные, но поразительно плодотворные понятия, продвигавшие современную физику, — гравитация, электромагнитное поле, кванты энергии, постоянство скорости света, фотоны, квантовые состояния, искривленное пространство-время. «Великолепную восьмерку» физиков-изобретателей я уже называл⁷.

Спрашивается, однако: если библейский антропостулат (он же предрассудок) оказался столь плодотворным для науки, вселяя веру в познаваемость мира и смелость изобретать невидимые реалии, то почему он не помог иудеям — «народу Книги» — войти в историю науки еще до нашей эры, в эпоху Евклида и Архимеда, когда у иудеев уже установилось публичное еженедельное чтение Библии?

Можно было бы обсуждать отличие чтения публично-литургического от лично самостоятельного, которое стало доступно не только «теистам-профессионалам» лишь после изобретения книгопечатания. Но главное в другом.

Во-первых, Библия учит явно (и даже людей необразованных, как подчеркнул Галилей) лишь спасительному отношению к Богу и к ближним своим. А чтобы усмотреть в ней богоданное право на творческую свободу человека в его миссии познания-освоения мира, необходим верующий читатель, урожденный исследователем, и крайне желателен пример какого-то убедительного знания о мире, добытого исследованием.

⁷ Средневековая наука добавила лишь одно новое понятие к физике Аристотеля — импетус, как склонность брошенного камня продолжать движение некоторое время после того, как рука выпустит его. Новое слово науки понадобилось для описания совершенно наглядных и вполне реальных явлений, но никто не предложил способ проверить какую-либо теорию импетуса на опыте. В работах Галилея это неопределенное понятие было заменено вполне определенным сохранением скорости при движении в пустоте, что стало законом инерции, или Первым законом Ньютона. А слово «импетус» ушло в архивы истории науки. Аналогична судьба более поздних понятий флогистона, теплорода и других «флюидов», которые лишь словесно что-то описывали, но оказались неспособны войти в точный язык науки, доступный опытной проверке.

Во-вторых, для библейского теиста закономерность мира вовсе не удивительна, об этом говорит Библия уже на своих первых страницах, описывая закономерное созидание мира Творцом-Законодателем. А по словам Платона (вложенным в уста его учителя Сократа): «изумление — начало философии». И ученик Платона — Аристотель с этим согласился: «удивление побуждает людей философствовать». Философ Г. Гутнер, сожалея о том, что «оба великих мыслителя не уделили внимания самому понятию 'удивление' и не рассказали подробно, в каком смысле оно является началом науки», в своей книге предложил философскую интерпретацию этого понятия.

Историка науки занимает вопрос попроще: Что именно изумило-удивило этих великих греков, побудив их стать философами? Поскольку сами они прямо об этом ничего не рассказали, надо взглянуться в контекст процитированной фразы Аристотеля. Я взгляделся и пришел к выводу: Аристотеля изумило то, что вопрос Фалеса о первоначале — очень странный для среднего древнего грека — оказался столь плодотворным для эстафеты размышлений об устройстве мира на протяжении двух веков. А на вопрос, что могло так удивить Фалеса, чтобы он задал свой странный вопрос, я ответил в начале статьи.

Легко понять, что в поиске первоначал материального мира у греческих атеистов было большое преимущество — они были вынуждены искать самоочевидные первоначала-аксиомы, не привлекая посторонних — потусторонних — сил. И это удалось Евклиду и Архимеду. Их успех в создании систем убедительного знания (в геометрии и в физике равновесия) никто не смог повторить на протяжении двух тысячелетий. Лишь в XVI–XVII вв. появились исследователи, готовые искать первоначала уже вовсе не очевидные и, на первый взгляд, очень странные для их коллег. Именно тогда открылись первые фундаментальные законы природы, и началась новая эпоха в развитии науки.

По поводу одного из первых таких исследователей Эйнштейн писал: «Кеплер жил в эпоху, когда еще не было уверенности в существовании некоторой общей закономерности для всех явлений природы. Какой глубокой была у него вера в такую закономерность, если, работая в одиночестве, никем не поддерживаемый и не понятый, он на протяжении многих лет черпал в ней силы для трудного и кропотливого эмпирического исследования движения планет и математических законов этого движения!»

По мнению Эйнштейна, источник этой глубокой веры — библейский теизм. Это относится и к Копернику, и к Галилею, и к Ньютону. Но при этом очень важны были научные достижения греческих атеистов: гелиоцентризм, геометрия, физика равновесия.

Таким образом, греческие атеисты, подобные Евклиду и Архимеду, помогли библейским теистам, подобным Копернику, Галилею и Кеплеру и уверенным, что исследование Природы приближает к ее Творцу. Кеплер так и писал: «*Астрономы служат Всевышнему, разглядывая величие Творца в его творениях, а не восхваляя свой интеллект*».

Греческие философы выбирали своей опорой либо мир реальных материальных объектов, либо мир идеальных форм — идей таких объектов. Выбирали по своим личным склонностям, но разрыв между материальным и духовным был неизбежен. Платон, со своего идеального высока смотревший на мир материальный, объяснял его несовершенства изначально-хаотической сутью материи. А ученик Платона — Аристотель — слишком крепко стоял на земле, слишком доверял глазам своим и не верил в способность математики проникать в суть реальности. Гиганты Греческой мысли не преодолели роковой разрыв между миром идей и материальным миром, и вряд ли, даже узнав о Библейском откровении, приняли бы его.

А для библейского теиста никакого рокового разрыва нет. Высший внemатериальный Разум сотворил материальный мир и благословил его. Поэтому идеальный язык логики и математики, дарованный человеку тем же Разумом, не может противоречить материальным наблюдениям и экспериментам. И в познании физической реальности человек свободен изобретать новые идеально-невидимые понятия, чтобы на их основе создавать теории и проверять их на опыте. Такой антропостулат и выразил изобретатель современной физики Галилей.

Разрыва между духом и материей нет, но есть контраст между поэтически образным языком Библии и прозаически четким языком науки. Об этом контрасте красноречиво говорит пример Блеза Паскаля (1623–62), замечательного физика и математика. Он, кроме прочего, открыл конечность атмосферы Земли, заложил основы теории вероятностей и создал первое устройство искусственного интеллекта. Но своим главным открытием он считал совсем иное, сделанное в ночь на 24 ноября 1654 года:

«Бог Авраама, Бог Исаака, Бог Иакова, но не Бог Философов и ученых. Уверенность. Уверенность. Чувство, Радость, Мир. Бог Иисуса Христа...»

Такое эмоциональное понимание, похоже, было у великих преобразователей физики уже в начале их научной деятельности.

Оправдание паратеизма

Как убежденный паратеист, я стараюсь смотреть на важные жизненные ситуации с двух точек зрения — глазами теиста и атеиста. При этом знаю, что чаще всего теист и атеист глядят друг на друга с недоумением, подозревая другого в недостатке или в избытке воображения. В лучшем случае сочувствуют в том, что атеист, дескать, не слышит высшую музыку бытия, а верующий, мол, принимает желаемое за действительное. Сочувствовать ближнему своему — уже не мало, но не плодотворней ли признать свое сосуществование фактом, заслуживающим уважения? И задуматься каждому над своим вопросом: *Почему Всевышний Творец не устаёт творить атеистов? Почему безбожная Природа не устаёт рождать теистов?*

Дополняя известную формулу: «Вера — это дар Божий», я бы сказал, что неверие праведного атеиста — трудное поручение. Поручение напоминать верующим и неверующим о неотъемлемом праве человека на свободу мысли и чувства. Поручение, особенно трудное из-за того, что неверующий не знает, Кто дал ему это поручение.

По выражению священника Иоанна Привалова, такие атеисты — «это наши пророки не только в том смысле, что они ставят перед нами нравственные вопросы и пробуждают в нас человечность. Они напоминают нам о высоте такого дара, как подлинная вера Христова. В их присутствии не произнесёшь имени Божьего всуе. Такие «неверующие» и такие верующие нужны друг другу, как вдох и выдох».

Атеистам, которые считают себя научными, стоило бы вдуматься в тот факт, что глубоко и свободно верующими были все основатели современной физики и все великие изобретатели новых фундаментальных понятий. За взлеты их изобретательного воображения отвечала мощная интуиция, добавляющая — в случае необходимости — невидимые фундаментальные реалии к реально наблюдаемым явлениям. Так почему бы «научным атеистам» не поблагодарить Творца за его дар человечеству — за великих изобретателей современной науки? Поблагодарить с тем же правом, с каким глубокий атеист Виталий Гинзбург поблагодарил Всевышнего за то, что Тот сделал его физиком-теоретиком.

Вовлечение в историю современной науки ее древнегреческого начала делает связь античных атеистов и библейских теистов XVI–XVII веков еще более содержательной. А если и мои гипотезы о библейских подсказках Фалесу и Евклиду не будут опровергнуты (на основе, скажем, вдруг обнаруженной их переписки с коллегами), то, надеюсь, всякий паратеист возрадуется, что и в науке глубокие теисты и глубокие атеисты нужны «друг другу, как вдох и выдох».

В заключение приведу утешающую фразу Паскаля:

«Не ропщите на Господа за то, что Он так скрыт от нас, но возблагодарите за то, что так нам явлен; и еще возблагодарите за то, что Он скрыл Себя от исполненных гордыни мудрецов, недостойных познать Его высочайшую святость».

Паскаль тут, разумеется, утешал и укреплял своих собратьев по библейскому теизму. Можно, однако, в этих словах усмотреть и утешение атеистам: Господь не собирается заставлять вас верить в Него, но хотел бы, чтобы вы смотрели на ближних своих так, как Он смотрит на любого человека — с верой, надеждой и любовью.

Платон и Аристотель (по воле Рафаэля) указывают, какой мир главный — мир идей или материальный мир

Владимир Визгин¹

Калибровочная революция в физике элементарных частиц сквозь призму метафор

Аннотация

В статье исследуется история создания стандартной модели в физике элементарных частиц. Эта история рассматривается как последовательность поворотных моментов, интерпретируемая как научная революция. Она охватывает двадцатилетний период от выдвижения калибровочно-полевой концепции Ч. Янга и Р. Миллса (1954) до завершения основ квантовой хромо-динамики в начале 1970-х гг. Основной метод исследования — анализ разнообразных метафор, использованных физиками при построении этой теории. Кратко обсуждены использование метафор в научном и историко-научном дискурсах («математика как метафора», «научная революция» как метафора и др.), а также роль метафор как средства именования новых объектов и феноменов и как способа научной популяризации. Рассматриваются метафоры эстетического рода, в частности метафора «спящей красавицы», «театральные» метафоры, представляющие процесс формирования теории как «комедию ошибок» или как драму не только идей, но и как «драму людей», философско-методологические метафоры (например, «платонова пещера») и другие рассмотренные метафоры позволяют в образной форме описать основные особенности калибровочно-полевой революции в физике элементарных частиц и фундаментальных взаимодействий.

Ключевые слова: элементарные частицы, фундаментальные взаимодействия, стандартная модель, калибровочные поля, научная революция, метафора, метафоры «спящей красавицы», «комедии ошибок», «драмы людей», «платоновой пещеры» и др.

Эпиграф

«Метафора нужна нам не только для того, чтобы благодаря полученному наименованию, сделать нашу мысль доступной для других людей; она необходима нам самим для того, чтобы объект стал доступен нашей мысли. Метафора не только средство выражения, метафора еще и важное орудие мышления... Метафора служит тем орудием мысли, при помощи которого нам удается достигнуть самых отдаленных участков нашего концептуального поля. Объекты, к нам близкие, легко постигаемые, открывают мысли доступ к далеким и ускользающим от нас понятиям. Метафора удлиняет “руку” интеллекта; ее роль в логике может быть уподоблена удочке или винтовке». Х. Ортега-и-Гассет [1. С. 71–72]

Введение-1. О стандартной модели

Стандартная модель (СМ) в физике элементарных частиц и одновременно в физике фундаментальных взаимодействий была создана во второй половине XX в., фактически она была завершена в начале 1970-х гг. За прошедшие почти полвека основы ее полностью сохранились и до сих пор она хорошо согласуется с огромным массивом экспериментальных данных. Предсказанный ею скалярный бозон, ответственный за наделение элементарных частиц массой, так называемый бозон Хиггса, был открыт в 2012 г., а теоретики П. Хиггса и Ф. Энглер, сделавшие это предсказание тоже почти полвека тому назад, в 2013 г. были удостоены Нобелевской премии. СМ, состоящая из двух связанных друг с другом и похожим образом устроенных теорий, а именно единой теории электромагнитного и слабого взаимодействий (электро-слабая теория) и квантовой хромодинамики (КХД), теории сильного взаимодействия, описывающей взаимодействие夸ков и глюонов, справедливо считается шедевром теоретической физики, а история ее создания в 1960-е–1970-е гг. рассматривается как научная революция, сопоставимая с квантово-релятивистской революцией первой трети XX в. Эта история охватывает примерно 20 лет напряженных поисков, ошибочных решений, возвращения к идеям, казавшимся уже отвергнутыми, дискуссий и компромиссов между разными группами теоретиков, а

¹ Историк науки, д.ф.-м.н., профессор, член-корреспондент Международной академии истории науки.

также между теоретиками и экспериментаторами. Мы можем представить это двадцатилетие как некоторую последовательность поворотных моментов, некоторые из которых были скрытыми вначале, а другие казались поворотными, но в конечном счете оказывались ложными. Более подробно эти поворотные моменты рассмотрены нами в [2], а история физики элементарных частиц этого и более раннего периода — см. [3]. Выделяя из хронологии событий только эти поворотные моменты, мы видим некоторую их последовательность: 1954–1955, 1960–1961, 1964, 1967, 1971 и 1973 гг.

В 1954 г. Ч. Янг и Р. Миллс построили полевую теорию сильного взаимодействия на основе группы изоспина $SU(2)$, локализация которой приводила к калибровочным бозонам. Но калибровочные частицы были безмассовыми, что противоречило опыту. Кроме того, тогда же ряд исследователей пришли к выводу о внутренней противоречивости квантово-полевых теорий элементарных частиц, сначала квантовой электродинамики, а затем и других взаимодействий, прежде всего сильного. Большая часть теоретиков отказалась от теории поля (и, тем более, теории полей Янга-Миллса) в пользу неполевой феноменологической теории матрицы рассеяния. Так что теория Янга-Миллса, которая стала впоследствии основой СМ, с середины 1950-х и в 1960-е гг. «ушла с переднего края», а поворотный момент, связанный с ее открытием, стал скрытым. Явным же поворотным моментом стал отказ от теории поля и разработка S-матричного подхода, бесперспективность которого выявила в конце 1960-х–начале 1970-х гг. Очень бегло о других поворотных моментах. 1960–1961 гг. — открытие на основе новых экспериментальных данных и локально-калибровочной концепции правильной симметрии сильных взаимодействий, группы $SU(3)$, а также первые наброски калибровочно-полевой теории электрослабых взаимодействий и первые идеи наделения калибровочных частиц массами на базе концепции спонтанного нарушения симметрии. 1964–1965 гг. — кварковая модель адронов и успешная реализация спонтанного нарушения симметрии с помощью механизма Хиггса, приведшая к решению проблемы массы калибровочных частиц. 1967 г. — разработка квантовой теории полей Янга-Миллса и построение последовательной электрослабой теории. И, наконец, 1971 и 1973 гг. — доказательство перенормируемости как КХД, так и электрослабой теории, а также открытие явлений асимптотической свободы и конфайнмента в КХД (к этому времени были также введены калибровочные частицы, осуществляющие взаимодействия между кварками, а именно глюоны, и появились веские экспериментальные свидетельства в пользу их реального существования).

Новизна теории и наличие необычных феноменов в СМ привели к ряду метафорических наименований, в какой-то степени позволяющих лучше понять суть новых феноменов и объектов. Например, это — кварки и глюоны, цветовые заряды и симметрии, ароматы, асимптотическая свобода, конфайнмент (пленение, удержание) и т. д. В течение 1970-х гг. эти названия очень быстро стали общепринятыми и вошли в учебники и энциклопедии (см., например, [4,5]). Более интересный для историка науки ряд метафор был использован самими физиками, принимавшими участие в создании СМ и пытавшимися осмысливать извилистую историю этого процесса. И эти метафоры, являясь «орудием мышления», согласно Х. Ортеге-и-Гассету, позволяют лучше понять ход исторического процесса и логику построения фундаментальной теории в пост-неклассическую эпоху.

Введение-2. О метафорах в научном и историко-научном дискурсе

Изучению метафоры, в частности и в научном, философском и историко-научном дискурсе, посвящена обширная литература. Ссылки на нее можно найти в весьма представительном сборнике «Теория метафоры» [6], содержащем статью Ортеги-и-Гассета, из которой мы взяли эпиграф. От первой функции метафоры, связанной с именованием открываемых или конструируемых объектов и феноменов (о проблеме историко-научных феноменов — см. [7]) Ортега переходит к более важной, второй функции, когда метафора служит «орудием мышления». Здесь она является дополнением к логике.

«Недостаточность логики в обыденном языке, — подчеркивал и известный научковед В.В. Налимов, — восполняется использованием метафор. Логичность и метафоричность текста — это два дополняющих друг друга его проявления» (цитир. По [6. С. 5]).

Современный беллетрист А.И. Иличевский удачно и наглядно уподобил метафору архитектурному образу арки, хотя он говорил о поэзии:

«...Поэзия — это искусство возведения арок в тексте познания: арка начинается с уже известного места и путем дерзкого сравнения, пружиной интуиции забрасываясь в метафизику, в плоть воображения, переводит вас в новое место смысла» [8. С. 279–280],

открывая, таким образом, «доступ мысли к далеким и ускользающим от нас понятиям». В следующих двух небольших разделах мы рассмотрим две больших научных метафоры, используемых в физике и ее истории: это математика как метафора физического мира (в случае СМ она определенным образом конкретизируется) и революция (точнее, научная революция) как метафора скачкообразного процесса формирования нового научного знания (в том числе, новой фундаментальной теории, в частности, создания СМ в 1950-е–1960-е гг.). Эти масштабные метафоры, как мы увидим, — действительно мощные орудия мышления. Здесь мы остановимся очень кратко на одной содержательной метафоре, сыгравшей важную, может быть, даже решающую роль в создании СМ. Речь идет о теории сверхпроводимости как теории элементарных частиц или о «сверхпроводящих» моделях элементарных частиц» [9. С. 184]. Феномен спонтанного нарушения симметрии из физики сверхпроводимости был перенесен этой аркой-метафорой в теорию элементарных частиц, что позволило решить проблему массы в неабелевых калибровочных теориях.

«Математика как метафора»

Так математик Ю.И. Манин назвал свою замечательную книгу, в которую вошли его статьи и очерки по истории и философии математики и физики. Книга повторяет название одной из статей.

«Рассматривая математику как метафору, — говорится в ней, — я хочу подчеркнуть, что интерпретация математического знания является актом в высшей степени творческим. В некотором смысле математика — это роман о природе и человечестве» [10. С. 53].

Например, интерпретация римановой геометрии как теории тяготения привела, фактически, к общей теории относительности. Этот конкретный случай математической метафоры оказался ключом к созданию теоретического шедевра в области физики.

Нетривиальные мысли по поводу идеи Ю.И. Манина высказал Ф. Дайсон. В ставшем популярном его упоминании (тоже метафоре!) физиков и математиков лягушкам и птицам они подразделяются на тех, кто погружен в решение локальных конкретных задач («лягушки»), и тех, кто время от времени способен воспирать, подобно птицам, над конкретикой и выдвинуть масштабные концепции, охватывающие многие направления, заметные лишь с высоты птичьего полета («птицы») [11]. К «птицам» он причислял Эйнштейна, Г. Вейля и др. Работа Янга и Миллса также была отнесена к «птичьему» разряду:

«С введением неабелевых калибровочных полей, генерирующих нетривиальные алгебры Ли, возможные сферы взаимодействия между полями стали единственными, так что симметрия действительно диктует взаимодействие. Эта идея — величайший вклад Янга в физику. Это вклад, сделанный птицей, парящей высоко над тропическим лесом маленьких задачек, среди которых проходит жизнь большинства из нас» [11. С. 865].

Далее Дайсон приводит еще один пример ученого-«птицы», на этот раз речь идет о математике, работающем на стыке с теоретической физикой и авторе книги «Математика как метафора» [10]. Приведем также пространную цитату из статьи Дайсона:

«Еще один математик-птица, которого я глубоко уважаю, — это российский математик Юрий Манин, недавно опубликовавший сборник эссе под названием “Математика как метафора”... “Математика как метафора” прекрасный девиз для математиков-птиц. Он означает, что самые глубокие концепции в математике — те, которые связывают один мир с другим».

Далее следует серия примеров из истории физико-математических прорывов, связанных с именами Де-карта, Ньютона, Буля и Римана и использованных ими метафорами соответственно координат, флюксий, символической логики и римановых поверхностей. После чего он продолжает:

«Манин видит будущее математики в исследовании метафор, которые уже видны, но еще не поняты. Самая глубокая из таких метафор — это сходство структуры теории чисел и структуры физики. Он

видит в обеих этих дисциплинах соблазнительные проблемы параллельных концепций и симметрий, связывающих непрерывное с дискретным» [Там же].

Локально-калибровочная концепция и ее представление в терминах геометрии расслоенных пространств — это, можно сказать, и есть математическая метафора СМ. Но СМ и современная космология сталкиваются с рядом проблем («темные феномены», квантовая гравитация, синтез СМ и ОТО), и возможно их разрешение будет достигнуто на пути реализации теоретико-числовой метафоры физического мира:

«Сегодня по крайней мере некоторые из нас снова испытывают древнее платонистское чувство, что математическим идеям каким-то образом суждено описывать физический мир, сколь бы отдаленными от реальности ни казались их источники. Если быть последовательным, придется принять неправдоподобную (?) идею, что самые глубокие приложения в физике получит теория чисел. И действительно, явственно различима тенденция по крайней мере допускать теорию чисел в мир современной теоретической физики» [10. С. 208].

Творческое значение метафоры вообще и математической метафоры физического мира подчеркнул в недавней работе и А.Н. Паршин. Говоря об открытии в математике и теоретической физике, он заметил:

«Зачастую это открытие начинается с расплывчатых образов, смутных ощущений и т. п., и нужны огромные усилия, чтобы превратить их в четкие утверждения. Так что здесь можно говорить и о метафоре как исходном материале» [12. С. 102].

К математической метафоре физического мира близка по своему существу кажущаяся весьма экстравагантной концепция (гипотеза) американского физика и космолога М. Тегмарка о том, что «наша внешняя физическая реальность является математической структурой» [13. С. 356]. Согласно этой, радикальной платонистской концепции, «мы не изобретаем математические структуры: мы открываем их, а изобретаем лишь обозначения для их описания» [Там же. С. 363].

Метафора научной революции

Это тоже масштабная метафора, но, в отличие от предыдущей, она относится к истории науки в целом или ее философско-научным интерпретациям [14. С. 584–585]. Конечно, этот общий историко-научный смысл вкладывается в эту метафору и тогда, когда создание СМ понимается как научная революция. Так, один из ведущих теоретиков Объединенного института ядерных исследований (ОИЯИ) в Дубне А.М. Балдин, по свидетельству П.С. Исаева, полагал, имея в виду создание КХД, что «в семидесятые годы в построении теории сильных взаимодействий произошел мощный прорыв, по своим масштабам сравнимый с новейшей революцией в физике первой трети XX века» [15. С. 257]. Как известно, революционная метафора приобрела особую популярность после выхода в свет книги Т. Куна «Структура научной революции» [16]. Позже он неоднократно возвращался к проблеме научных революций, рассматривая это понятие как метафору [17. С. 43–45, 281–283]. В последней книге 8-я глава, посвящена метафорам в науке. Научная революция рассматривалась им как смена парадигм, а с каждой парадигмой связывалась своего рода базовая метафора. Так, механистическая, или классико-механическая базовая метафора такова: физический мир — это совокупность частиц, движущихся по законам классической механики (трем законам Ньютона) и взаимодействующих по законам притяжения, подобных закону всемирного тяготения. Переход к квантово-релятивистской парадигме приводит к радикальному изменению базовой метафоры, которую, впрочем, можно интерпретировать и как соответствующую картину мира.

«Метафора играет существенную роль в установлении связи между научным языком и миром. Эти связи, однако, — подчеркивает Т. Кун, — не задаются раз и навсегда. В частности, смена теорий сопровождается сменой некоторых важных метафор и соответствующих частей сходств, посредством которой термины соотносятся с природой» [17. С. 283].

Метафорический характер научной революции подчеркнул и И.Ю. Кобзарев: «История физики, фактически, с высоты птичьего полета есть история смены парадигм» [18. С. 124], а вместе с ними и базовых метафор. Кстати говоря, такой, явно «птичий», подход к истории науки исключает из рассмотрения собственно революционную фазу, напоминая метафору матрицы рассеяния или «черного ящика», когда оперируют только с

начальными и конечными состояниями системы и игнорируют промежуточные состояния. Другой важный аспект научной революции выделял В.С. Кирсанов при рассмотрении научной революции XVII в.:

«...Кажется уместным дать такое определение научной революции, которое, будучи адекватным, было бы и метафорически емким. Таким определением может служить понятие научной революции как диалога с Природой» [19. С. 11].

Понятие научной революции, само являющееся метафорой, определяется посредством новой метафоры — диалога с Природой. Природа вступает в диалог, если ей задаются правильные вопросы на экспериментально-математическом языке, согласованном с базовой метафорой.

Метафора как способ именования открываемых объектов и феноменов

Об этой функции говорится в эпиграфе Ортеги. Приведем его же более подробное высказывание, поясняющее механизм этой функции:

«Когда ученый открывает дотоле неизвестное явление, то есть когда он создает новое понятие, он должен его назвать. Поскольку совершенно новое слово ничего бы не говорило носителям языка, он вынужден пользоваться существующим лексиконом, в котором за каждым словом уже закреплено значение. Чтобы быть понятым, ученый выбирает такое слово, значение которого способно навести на новое понятие. Термин приобретает новое значение через посредство и при помощи старого, которое за ним сохраняется. Это и есть метафора» [1. С. 69].

Рассматривая вопрос об именовании новых объектов и феноменов, мы сразу разделим его на две части. Во-первых, мы коснемся собственно физических именований. Берем, например, именные указатели монографий или энциклопедий по физике элементарных частиц [4, 5] или даже сборник научно-нормативной терминологии «Физика атомного ядра элементарных частиц» [20] и находим там сравнительно недавно вошедшие в научный обиход термины, появившиеся на волне создания стандартной модели: асимптотическая свобода, аромат (и другие квантовые числа — странность, очарование, красота, правдивость — связанные с кварками), глюоны, кварки, кварконий, струны, струи, удержание, или конфайнмент, цвет и др. В шуточном стихотворении А.В. Кессениха в этих метафорических терминах так описывается стандартная модель:

Что такое SU (3)?/ Это плюнь и разотри.

Кварк — туда, и кварк — сюда, / Третий — странный — кой-куда. Цвет и шарм у кварков есть, / Странность надо бы учесть. Как сойдутся на троих / Враз готов адрон у них. Кварк в адроне, как в тюрьме, / Хоть свобода на уме, Но конфайнмент, — вот беда, / Не пускает никуда. Вся вот эта канитель — / Суть стандартная модель.

Этот фрагмент взят из небольшой поэтической антологии «ПоЙИЕТизация в науке. Сборник стихов», изданной к 80-летию Института истории естествознания и техники РАН в 2012 г.

Встречаются и более экзотические названия типа «ежей», «заколок для волос», «стерильное» нейтрино и т. п. С этими объектами и явлениями связаны метафоры, использованные теоретиками, при их открытии и введении. Если бы мы говорили о релятивистской астрофизике и космологии, а эти области сильно пересекаются с физикой частиц, то можно было бы добавить такие красочные термины, как черные дыры, кротовые норы, темные материя и энергия и др. А во-вторых, можно говорить об именовании историко-научных феноменов, общему обсуждению которых посвящена статья автора [7]. Там, в частности, речь шла о метафорических «именованиях», введенных или использованных автором и относящихся к историко-научной или философско-научной сфере. Некоторые из них имеют прямое или косвенное отношение и к истории создания СМ, в частности «дуга Эйнштейна», имитирующая нелогический переход от эмпирического к основным аксиомам теории; «непостижимая эффективность аналитической механики» в физике; «эрлангенский» подход к истории физики, согласно которому развитие фундаментальных теорий рассматривается как последовательное расширение симметрии; «нетерова» и расширенная «нетерова» структура теории (в основе которых лежит известная теорема Нётер в ее глобальном или локальном варианте) и др.

Метафоры как средство научной популяризации

Удачные, наглядные метафоры позволяют объяснить сложные абстрактные соотношения современных физических теорий или, по крайней мере, создать иллюзию такого объяснения. Немало такого рода метафор,

касающихся СМ, самой по себе или в ее сочетании с космологией, придумали авторы научно-популярных бестселлеров, являющиеся при этом крупными профессионалами или даже выдающимися специалистами в области теоретической физики. Приведем высказывание известного теоретика в области физики элементарных частиц и космологии Л. Рэндалл, автора нескольких блестящих научно-популярных книг по современной фундаментальной физике и ее истории. В нем как раз и идет речь о роли метафоры в научной популяризации физики частиц и космологии:

«В основном тексте я попыталась расширить диапазон метафор, используемых для объяснения научных понятий... Чтобы подготовить читателя к восприятию новых идей, я начинаю каждую главу с кратенькой истории, вводящей ключевое понятие с помощью более знакомых метафор и представлений» [21. С. 16].

Приведем несколько примеров такого рода метафор, относящихся к СМ, из недавней научно-популярной книги, написанной другим известным американским теоретиком Д. Голдбергом [22]. Так, для пояснения механизма Хиггса в ней используются метафоры батута и Сизифа с его валуном [22. С. 324–332]. Еще пара метафор, касающихся механизма Хиггса, — это метафора вязкой патоки, движение сквозь которую порождает сопротивление, эквивалентное увеличению массы, а также метафора прохода кинозвезды через толпу ее фанатов:

«Стоит ей (кинозвезде) войти, ее тут же окружают поклонники, что сильно мешает ее продвижению и существенно увеличивает массу. А вы можете зайти совершенно свободно, никто вас не остановит. В этой истории вы — фотон. Поле Хиггса — то есть поклонники — взаимодействуют с кинозвездой, а с вами — нет. Кинозвезда, прийдя в движение, медленно идет вперед, подталкиваемая обожателями, так что ей трудно остановиться» [22. С. 333].

Голдберг упоминает также о знаменитой метафоре Р. Фейнмана, уподоблявшего науку игре во вселенские шахматы. Задача фундаментальной физики — выявить все симметрии

«Распознать все симметрии во вселенной, — замечает он, — мы сумеем только после того, как пристально пронаблюдаем великое множество партий, но главное — мы сумеем разобраться, когда эти симметрии нарушаются» [Там же. С. 341].

Еще один пример удачной метафоры, иллюстрирующей такие особенности КХД, как конфайнмент и асимптотическая свобода, принадлежит одному из открывателей этих явлений и автору шедевров научно-популярного жанра, касающихся СМ, Ф. Вильчеку [23, 24]. Вот его метафора «самоклеящегося клея», используемая им для того, чтобы сделать доступными названные феномены:

*«Самоклейкость цветного “клея” (т. е. глюонов, обладающих “цветным” зарядом, от англ. *glue* — клей — В.В.) — ключ к пониманию конфайнмента кварков. Трубки силовых линий глюона — это и есть возникающие вдруг “резинки”, готовые создать эффект конфайнмента! Когда вы увеличиваете расстояние, разделяющее цветовой заряд и его противоположность, они оказываются соединены более длинной трубкой потока... В результате возникает сила сопротивления, и эта сила отнюдь не становится меньшие по мере того, как вы растягиваете их еще дальше. Потребовалось бы бесконечное количество энергии, чтобы освободить цветовой заряд полностью, но этого не может быть, и потому он находится в конфайнменте. Самоклейкость глюона — это также хороший способ ввести и визуализировать понятие асимптотической свободы. Поскольку самоклейкость фокусирует цветовые поля вдали от кварка, они действуют с большей силой, чем действовали бы в противном случае, как армия, которая концентрирует свои силы. И наоборот, мы можем начать с более слабых сил, чем мы себе представили вначале, чтобы объяснить данную силу вдалеке. В этом суть асимптотической свободы: слабая на коротком расстоянии сила может породить значительную силу на большом расстоянии» [23. С. 301].*

Теперь мы рассмотрим наиболее важный и интересный для нас блок метафор, предложенных творцами СМ и их коллегами и характеризующих основные особенности истории формирования СМ. Достаточно условно разобьем их на три группы. В первую группу включены метафоры эстетического рода и, в том числе, метафоры «спящей красоты» или «спящей красавицы» и т. п. Вторую группу образовали, так сказать, «театральные» метафоры, сквозь призму которых история создания СМ предстает либо как «драма» не только идей,

но и людей, либо как «комедия ошибок». Наконец, в третьей группе представлены примеры философско-методологических метафор, прежде всего, близкая сердцу теоретиков, склонных к философии, метафора платоновой пещеры. А заканчиваем нашу коллекцию метафор не столько философской, сколько, так сказать, эволюционно-зоологической метафорой, предложенной Нобелевским лауреатом Г. 'т Хоофтом.

Красота стандартной модели и «спящие красавицы»

О красоте и «поразительном изяществе» калибровочных теорий говорили многие, в том числе С. Вайнберг, А. Салам, Ш. Глэшоу, Ф. Дайсон и др. При этом они же говорили о том, что в своих исканиях они во многом опирались на суждения эстетического порядка. Начнем с метафоры гобелена из Нобелевской лекции Ш. Глэшоу.

«В 1956 г., когда я начал заниматься теоретической физикой, наука об элементарных частицах, напоминала лоскутное одеяло (the patchwork quilt)... Положение вещей изменилось. Сегодня мы имеем, что называется, “стандартную теорию” физики элементарных частиц, в которой все взаимодействия — сильные, слабые и электромагнитные — возникают из принципа локальной симметрии... Теория, которой мы сейчас располагаем, — это цельное произведение искусства. Лоскутное одеяло превратилось в гобелен» («The theory we now have is an integral work of art: the patchwork quilt has become a tapestry») [25. С. 51–52; 26. Р. 494].

Затем метафора обрастает деталями и наполняется красками:

«Гобелены создают много мастеров, работающих вместе. Из законченной работы невозможно выделить вклады отдельных работников, а пропущенные или неверные нити перекрыты другими. То же и в нашей картине физики частиц».

Далее Глэшоу перечисляет основные части СМ, органически связанные между собой, и добавляет:

«Все соткано вместе и переплетено в гобелене; один кусок имеет мало смысла без другого. Поэтому и развитие электрослабой теории (за создание которой Ш. Глэшоу вместе с А. Саламом и С. Вайнбергом был удостоен Нобелевской премии и которая составляет половину СМ — В.В.) было не таким простым и прямым, как это могло быть. Она не возникла, вспыхнув целиком в уме одного или даже трех физиков, а является результатом коллективных усилий многих ученых — и экспериментаторов, и теоретиков» [25. С. 52].

Следующая метафора еще более красочная и богатая. По-видимому, первым ее в отношении СМ использовал фиановский теоретик Д.А. Киржниц, принадлежащий к научной школе И.Е. Тамма. Она появилась в его статье 1978 г. [9. С. 172–197]. «Поразительно изящная» янг-миллсовская теория неабелевых калибровочных полей, как уже говорилось, поначалу столкнулась с такими серьезными трудностями (проблема массы калибровочных частиц и проблема «нуль-заряда»), что большинство теоретиков вообще отказались от полевой концепции. И полевая теория Янга-Миллса «ушла в подполье», оказалась своего рода «спящей красавицей» (красавицей, потому что была прекрасна, соответствовала идею Эйнштейна об обусловленности динамики симметрией). Но прошло 15–20 лет и усилия многих физиков, о которых говорил Ш. Глэшоу, возымели свое действие, и полевая концепция возродилась как раз в ее калибровочном варианте:

«Оказалось, — заметил Д.А. Киржниц, — ...что квантовая теория поля не умерла, а пребывала, как Спящая Красавица в состоянии летаргии. Чтобы ее разбудить, понадобилось, конечно, нечто большее, чем поцелуй сказочного принца. Здесь сказалось воздействие многих факторов, среди которых не последнюю роль сыграло привлечение физических идей, заимствованных из теории многих тел и, в частности, из теории сверхпроводимости» [9. С. 173].

Здесь, прежде всего, имеется в виду концепция спонтанного нарушения симметрии, перенесенная из физики конденсированного состояния, теории многих тел (и теории сверхпроводимости, в частности) в электрослабую теорию и позволившая решить проблему массы калибровочных бозонов. Здесь заодно появляется еще одна замечательная физическая метафора, о которой уже упоминалось, так называемая

«сверхпроводящая» метафора, которая явно больше чем метафора. Она напоминает взаимосвязь, например, акустики с теорией электромагнитных колебаний и волн.

Недавно о метафоре «спящей красавицы» сделал несколько интересных замечаний А.Н. Паршин. Говоря о математиках-«птицах» (по Дайсону), но называя их «конструкторами», он продолжает:

«Конструкторы придумывают новые понятия, дают им определения, развиваются связи между ними, создают новые теории. Тут движущим стимулом зачастую является красота, иногда видная лишь создателю новой конструкции. Часто это новое не имеет никаких применений или связей вне себя и остается для большинства окружающих лишь красивой пустышкой, а, может быть, и просто незамеченной. Случается, что вдруг, через сколько-то лет, появляются связи с другими областями науки, решения старых задач и неожиданные приложения. Теория расцветает... Недавно распространенность этого феномена была подвергнута статистическому анализу и сам феномен был назван “спящие красавицы” (sleeping beauties)» [12. С. 100].

Таким образом, метафора Д.А. Киржница, придуманная им для случая СМ, спустя полвека получила новое звучание и обобщение, сама испытав судьбу Спящей Красавицы.

Похожую метафору использовал С. Коулмен, но не в связи с идеей спонтанного нарушения симметрии, а в связи с доказательством перенормируемости (т. е. квантуемости) электрослабой теории, которое дал в 1971–1972 гг. Г.т Хоофт, который в 1999 г. вместе с М. Велтманом был удостоен Нобелевской премии. Метафору Коулмена привел в своей Нобелевской лекции А. Салам:

«Как красноречиво сказал Коулмен: “Работа ‘т Хоофта превратила вайнберг-саламовскую лягушку в прекрасного принца» [27. С. 18]. («In Coleman’s eloquent phrase “‘t Hooft’s work turned the Weinberg — Salam frog into enchanted prince Самоклейкость» [28. Р. 521].

Вайнберг-саламовская лягушка — это электрослабая теория Вайнберга, Салама, Глэшоу образца 1967 г. Она была всем хороша, с помощью спонтанного нарушения симметрии и механизма Хиггса в ней была решена проблема массы калибровочных частиц, но ее перенормируемость, а значит, и квантуемость были под вопросом. В 1971 г. ‘т Хоофт осуществил квантование электрослабой теории, доказав ее перенормируемость, и лягушка превратилась в прекрасного принца или, другими словами, спящая красавица проснулась.

Метафорический характер, связанный с красотой СМ, носит и благодарность, которую Ф. Вильчек выразил в конце своей Нобелевской лекции такому участнику событий, как Природа:

«И наконец, я благодарен самой природе за удивительно хороший вкус, благодаря которому нам удалось открыть столь красивую теорию» [29. С. 794].

В оригинале Природа с большой буквы, да еще и Мать или Матушка Природа:

«And finally I’d like to thank Mother Nature for her extraordinarily good taste, which gave us such a beautiful and powerful theory to discover» [30. Р. 123].

Интересно, что переводчик ограничился одним эпитетом теории «красивая», опустив второй эпитет «мощная», видимо, не без основания полагая, что красивая теория не может быть не мощной или немощной! «Столь красивая теория», о которой говорил Вильчек, оказалась до некоторой степени консервативной, она во многом повторяла калибровочную красоту КЭД, только в несколько более сложном неабелевом варианте. Р. Фейнман в письме к Л.Д. Ландау тоже говорил о Природе как равноправном участнике диалога, но в 1955 г. он характеризовал калибровочно-полевые «попытки создания теории сильных взаимодействий как детски примитивное подражание квантовой электродинамике... и высказывает мнение, что природа «не настолько глупа», чтобы не придумать что-либо более хитрое» [31. С. 243]. Все-таки большинство теоретиков полагало, что природа разделяет наши представления о красоте, что она не столько хитра или хитроумна, сколько озабочена тем, чтобы выглядеть красивой. Согласно С. Вайнбергу, красота теорий, в первую, очередь кроется в симметриях, которые им присущи, но не только в них.

«Красота, которую мы обнаруживаем в таких теориях, как ОТО или стандартная модель, — отмечает он, — сродни той красоте, которую мы ощущаем в некоторых произведениях искусства благодаря

вызываемому или ощущению законченности и неизбежности: не хочется менять ни одной ноты, ни одного мазка кисти, ни одной строки» [32. С. 117].

Тут открывается целый пучок метафор, уподобляющих абстрактные физические теории произведениям искусства. Н.П. Коноплева, соавтор одной из первых отечественных монографий по теории калибровочных полей, подчеркивая масштабность и целостность этой теории, использовала метафору леса, объединяющего все отдельные деревья в прекрасное целое [33. С. 5]. Перечислив массу новых идей и подходов в физике элементарных частиц 1960-х — начала 1970-х гг., Н.П. Коноплева вопрошаёт:

«Стоит ли за этими “деревьями” какой-нибудь “лес” или все эти дороги ведут в разные стороны? Долгое время это было неясно. Сейчас (т. е. в середине 1970-х гг. — В.В.), однако, можно сказать, что есть по крайней мере одна теория, где все пути сходятся. Это теория калибровочных полей» [Там же].

Комедии и драмы: «комедии ошибок», а «драмы идей и людей»

Д. Гросс в начале своей Нобелевской лекции подчеркивает «ошибочностный» характер процесса формирования СМ:

«...Историки науки часто игнорируют множество альтернативных путей, которыми блуждали люди, множество ложных нитей, за которыми они следовали, множество их заблуждений».

Только учет этих альтернатив и ложных ходов, продолжает он, «может иногда дать понимание истинной природы научного исследования, в котором нелепое так же значимо, как и победное». И далее: «Появление КХД — это прекрасный пример того, как кажущееся нелепым восторжествовало» [34. С. 727]. Такое представление об истории построения СМ — совершенно в духе «ошибочностной» концепции развития науки, выдвинутой С.И. Вавиловым [35]. В отношении процесса создания СМ И.Ю. Кобзарев и Ю.И. Манин, подчеркивая этот, «ошибочностный», характер развития событий, использовали театральную метафору, назвав эту историю «комедией ошибок». Диалог о физике элементарных частиц и ее истории ведут Математик и Физик-теоретик. Кратко отметив извилистый характер пути к СМ, Математик замечает:

«История того, как это все (т. е. весь корпус СМ — В.В.) открылось больше похожа на комедию ошибок, чем на порядочный индуктивный процесс по Стюарту Миллю».

«Конечно, — соглашается Теоретик, — но в основе догадок, приведших к современным теориям, лежит простое заключение по аналогии (далее следует описание локально-калибровочной концепции КЭД — В.В.)... В догадках, которые привели к группе цвета и слабой группе, также все время сочетались элементы угаданной истины и ошибочных отождествлений. В конце концов, заблуждения приходили в противоречия с фактами и отпадали, а фрагменты истины сливались в согласованную картину» [36. С. 27].

Так, концепция полей Янга-Миллса сначала была признана ошибочной, а правильным оказался отказ от полевой концепции в пользу S-матричной феноменологии, которая, как выяснилось вполне в начале 1970-х гг., оказалась бесперспективной и тем самым как бы ошибочной, а полевая калибровочная концепция возродилась в варианте янг-милсовских полей и легла в основу СМ.

Другие, например, Эйнштейн уподобляли историю науки «драме идей», чтобы подчеркнуть, что развитие науки наполнено напряженной борьбой идей. Е.Л. Фейнберг же, имея в виду путь к СМ, сравнил эту историю с драмой и даже трагедией. Напомнив слова Эйнштейна о том, «что история возникновения нового в науке — это «драма идей», он заметил: «Но не в меньшей мере это и «драма людей», часто трагедия. Помнят победивших, вышедших из вызывающего лихорадку тумана на подлинный свет и выведших на него других. Но сколько талантливых и трудолюбивых ошиблось, заблудилось, завязло в болоте, которое засосало так, что о них и памяти вскоре не осталось!» [37. 324–325]. «Драмы людей» и даже нередко их трагедии в истории создания СМ были связаны с ошибочным выбором, сделанным этими людьми на пути к правильной теории элементарных частиц. Они выбирали путь, на который вступило большинство и который был поддержан авторитетными лидерами физической науки, а он в конечном счете оказался тупиковым.

«Вся эта драматическая история, — заключал Е.Л. Фейнберг, — показывает, как может быть ошибочна “всеобщая” точка зрения, как она может быть губительна и для науки, и для принявших ее ученых.

Перебирая в памяти события тех полутора десятилетий, можно вспомнить множество имен, прогремевших, а ныне забытых. Те же, очень немногие, кто устоял против поветрия, естественно вступили в новую эпоху грандиозных успехов теории. Они вышли на свет. Ожидавшаяся (анти-полевая — В.В.) революция не состоялась. Новая революция продолжается» [37. С. 338].

«Новую революцию», о которой говорит Е.Л. Фейнберг, следуя его рассуждениям, можно было бы назвать «консервативной». И здесь уместно обратиться к еще одной, весьма сложной, хотя и не театральной, метафоре, которую использовал Е.Л. Фейнберг. В поэме Б.Л. Пастернака «Высокая болезнь» события, начавшиеся Октябрьской революцией 1917 г., изображаются посредством метафоры осады и штурма крепости, идущей с переменным успехом. И это изображение, в свою очередь, служит своеобразной метафорой для описания калибровочно-полевой консервативной революции. Приводим фрагмент поэмы, использованный Е.Л. Фейнбергом.

Мелькает движущийся ребус, / Идет осада, идут дни, Проходят месяцы и лета. / В один прекрасный день пикеты, Сбиваясь с ног от беготни, / Приносят весть: сдается крепость. Не верят, верят, жгут огни, / Взрывают своды, ищут входа, Выходят, входят, — идут дни... / И в крепости крошаются своды!

«И если уж переносить на науку эти слова буквально, — комментирует этот фрагмент Фейнберг, — крошаются “своды крепости” прежней науки, которые раньше защищали так надежно и которые вдруг оказались трухой... Но иногда вдруг оказывается все наоборот (именно это случай с созданием СМ — В.В.) — думали, что своды крепости крошаются, а это просто с них осыпалась засохшая плесень, и крепость нужно было не разрушать, а почистить и, поверив в ее надежность, сделать ее прочной опорой для дальнейшего наступления» [37. С. 325].

Философско-методологические и прочие метафоры

Рассмотрим пару метафор, которые можно отнести к философско-методологическим. Первая — это знаменитая метафора платоновой пещеры; иногда ее называют «аллегорией пещеры» [23. С. 72]. Этую замечательную теоретико-познавательную метафору, содержащуюся в «Государстве» Платона, применительно к теории элементарных частиц вообще и стандартной модели, в частности, мы находим в первой отечественной монографии по калибровочным полям, написанную Н.П. Коноплевой и В.Н. Поповым (первое издание — 1972 г.) [38. С. 22]. Она заслуживает того, чтобы быть приведенной полностью. Описав локально-калибровочный подход к четырем фундаментальным взаимодействиям и в общих чертах его достижения в теории элементарных частиц, Н.П. Коноплева (именно она — автор первых трех глав книги — В.В.) заключает:

«Итак, исследователь, имеющий дело с современной теорией элементарных частиц, напоминает тех, кто сидит в платоновой пещере спиной к огню и пытается по пляскам теней на стене определить, что происходит с предметами, движущимися у него за спиной и отбрасывающими эти тени. Мы не знаем, что представляет собой “внутренний мир” элементарных частиц, какова природа внутренних симметрий. Тем не менее по отражениям этих внутренних свойств, улавливаемым нашими приборами, макроскопическими и трехмерными, мы пытаемся восстановить происходящее в этом загадочном и недоступном мире, который называется “элементарная частица”. Но если мы не можем “обернуться” и “увидеть сущность”, то можно попробовать понять, как получается “тень” и что такое “огонь”. Видя отображение и зная, как оно получается, мы могли бы “построить сущность”» [38. С. 22].

Через несколько десятилетий к этой метафоре обратился Ф. Вильчек в одной из своих научно-популярных книг. Он основательно цитировал самого Платона и вслед за ним обсуждал возможность освобождения узников пещеры, позволяющего раскрыть скрытую сущность:

«Если освобождение приходит через вовлечение в скрытую реальность, как мы можем достичь его? Здесь есть два пути, внутренний и внешний. На внутреннем пути мы критически рассматриваем наши представления и пытаемся счистить с них налет пустой видимости, чтобы достигнуть идеального значения (иначе говоря, Идеала). Это путь философии и метафизики. На внешнем пути мы принимаем видимые явления критически и пытаемся очистить их от усложнений, чтобы обнаружить скрытую сущность. Это путь науки и физики» [23. С. 78].

Методологический, хотя по форме изобразительный, характер носит метафора Г. 'т Хоофта, которая иллюстрирует эволюцию теории частиц от слишком упрощенных схем до более связных и последовательных моделей и далее до настоящих теорий, содержащих математически формулируемые аксиомы, из которых следуют законы и соотношения, допускающие экспериментальную проверку. Обозначим ее как цепочку «карикатура — модель — теория». Вот как ее формулирует 'т Хоофт:

«Сочетая электрослабую модель с КХД, мы можем получить точное описание природы, так называемую Стандартную модель. Действительно, до сих пор мы видели в наших моделях лишь упрощенные карикатуры настоящего мира. Сейчас мы впервые можем рассматривать полученную комбинацию как теорию, уже не только как модель. Ее следовало бы назвать Стандартной теорией» [39. С. 27].

И, в заключение, еще одна очень красочная метафора того же 'т Хоофта, иллюстрирующая эволюционный процесс развития калибровочных теорий, с которыми в 1960-е гг. всерьез конкурировали тяжеловесные S-матричные и дисперсионные построения, метафора, которую можно было бы назвать эволюционно-зоологической. В ней S-матрично-дисперсионные и родственные им феноменологические построения уподоблены динозаврам, а калибровочно-полевые концепции — ранним млекопитающим:

«Точно так же в доисторические времена могло показаться, что динозавры — это существа куда более могучие и многообещающие, чем несколько разновидностей крошечных незаметных зверьков, покрытых скорее мехом, чем чешуей, имеющих единственное преимущество в том, что они изобрели новый способ производить и выкармливать потомство. И тем не менее именно эти ранние млекопитающие сыграли решающую роль в эволюции. Точно таким же образом теории Янга-Миллса (а также теоремы Хиггса, Энглерта и Браута и др. — В.В.)... были ничего не значащими зверьками, покрытыми мехом, в сравнении со многими окружающими их динозаврами: у нас было много моделей сильного взаимодействия, алгебры токов, аксиоматические подходы, дуальность и аналитичность, которые притягивали намного больше внимания. Сегодня многие из них безвозвратно исчезли» [39. С. 12–13].

Заключительные замечания и выводы

Наше исследование метафор в теории элементарных частиц 1950-х–1970-х гг. и в истории создания СМ является своего рода эмпирическим, поскольку мы эти метафоры выуживаем из разного рода текстов, принадлежащих самим физикам, так или иначе участвовавшим в создании СМ: из монографий, обзорных работ, из Нобелевских лекций, а также историко-научных работ и научно-популярных книг и статей. Мы отдельно обсудили две достаточно общие метафоры. Без одной из них, математической, вообще немыслима теоретическая физика. Другая, революционная, является выражением одной из важнейших особенностей развития научного знания. Было показано также, что метафоры играют важную роль в именовании открываемых или конструируемых новых понятий и феноменов. Конечно, при рассмотрении этих аспектов «метафорики» мы, прежде всего, ориентировались на материал, связанный с физикой элементарных частиц и СМ. Это относится и к научно-популярным текстам, из которых можно почерпнуть ряд пояснительных метафор.

Рассмотренные метафоры позволяют в образной форме описать основные особенности процесса создания СМ: прежде всего, ее начало в виде скрытого поворотного момента, связанного с открытием калибровочной концепции Янга-Миллса (1954) и почти одновременным выдвижением на передний план неполевой S-матричной феноменологии, ошибочность или тупиковость которой в полной мере проявилась в начале 1970-х гг. Кроме того, некоторые из приведенных метафор, относятся к таким важным поворотным моментам, как использование спонтанного нарушения симметрии (1960–1967) и доказательства перенормируемости неабелевых калибровочных полей (1971–1972) для признания и утверждения как электрослабой теории, так и КХД. В случае КХД, впрочем, решающим было открытие в 1973 г. явлений асимптотической свободы и конфайнмента (удержания, пленения) кварков и глюонов, понятий и явлений также до некоторой степени имеющих метафорическое происхождение. Хотелось бы среди этих метафор некоторые выделить особенно. Это, прежде всего, метафоры, так или иначе подчеркивающие плодотворность императива красоты теорий. Далее, связанную с этой особенностью метафору «спящей красавицы», фиксирующую своеобразную закономерность научного развития (не только в физике элементарных частиц). «Театральные» метафоры иллюстрируют, с одной стороны, «ошибочностный» характер развития научного знания, а с другой, — драматизм не только научных трансформаций, но и драматизм судеб ученых в их борьбе за истину.

Дополнительного анализа заслуживает и философско-методологическая метафора платоновой пещеры. Что же касается общей проблемы метафоры, в научном, историко- и философско-научном дискурсах, то в дополнение к [6,17] сошлемся на недавнюю статью [40], в которой имеется достаточно большой список литературы по этой проблеме. Более краткое изложение «метафорического подхода» к истории создания стандартной модели содержится в нашей статье [41].

Литература

1. *Ортега-и Гассет Х.* Две великие метафоры. // В сб.: Теория метафоры. Сборник. / Общ. ред. Н.Д. Арутюновой и М.А. Журинской. М.: Прогресс, 1990. С. 68–81.
2. *Визгин В.П.* У истоков стандартной модели в физике фундаментальных взаимодействий. // Исследования по истории физики и механики. 2019–2020. (в печати).
3. *Pais A.* Inward bound: of matter and forces in the physical world. Oxford, N. Y.: Clarendon Press, Oxford University Press, 1986. VIII+666 p.
4. *Окунь Л.Б.* Лептоны и кварки. М.: Наука, 1981. 303 с.
5. Энциклопедия эпистемологии и философии науки. / Главн. ред. и сост. И.Т. Касавин. М.: Канон+, 2009. 1248 с.
6. Теория метафоры. Сборник. /Вступ. ст., сост. Н.Д. Арутюновой. М.: Прогресс, 1990. 512 с.
7. *Визгин В.П.* «Пока предмет не назван, он непонятен нам»: об именовании историко-научных феноменов. // Вопросы истории естествознания и техники, 2017, т. 38, №1. С. 9–23.
8. *Ильчевский А.В.* Чертеж Ньютона: роман. М.: Изд. АСТ, 2020. 348 с.
9. *Киржниц Д.А.* Сверхпроводимость и элементарные частицы. // В кн.: Киржниц Д.А. Труды по теоретической физике и воспоминания. В 2 т. Т. 1. М.: Физматлит, 2001. С. 172–197.
10. *Манин Ю.И.* Математика как метафора. М.: МЦНМО. 2008. 400 с.
11. *Дайсон Ф.* Птицы и лягушки в математике и физике. // Успехи физических наук, 2010, т. 180, № 8. С. 859–870.
12. *Паршин А.Н.* Судьба науки (Несколько замечаний к несостоявшимся лекциям Ф. Дайсона и И.Р. Шафаревича) // Вопросы философии, 2019, № 9. С. 98–107.
13. *Тегмарк М.* Наша математическая Вселенная. В поисках фундаментальной природы реальности. М.: Изд. АСТ. 2017. 592 с.
14. *Порус В.Н.* Научная революция. // Энциклопедия эпистемологии и философии науки. /Глав. ред. и сост. И.Т. Касавин. М.: Канон+, 2009. С. 584–585.
15. *Исаев П.С.* Обыкновенные, странные, очарованные, прекрасные...: Об истории развития теоретических идей в физике элементарных частиц. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: ЛЕНАНД, 2015. 320 с.
16. *Кун Т.* Структура научных революций. М.: АСТ, 2001
17. *Кун Т.* После «Структуры научных революций». М.: АСТ, 2014. 443 с.
18. *Кобзарев И.Ю.* Присутствует ли мы при кризисе базисной парадигмы современной теоретической физики? // Философия физики элементарных частиц. М.: ИФ РАН, 1995. С. 124–128
19. *Кирсанов В.С.* Научная революция XVII века. М.: Наука, 1987. 343 с.
20. Физика ядра и элементарных частиц. Терминология. М.: Наука, 1989. 48 с.
21. *Рэндалл Л.* Закрученные пассажи: Проникая в тайны скрытых размерностей пространства. М.: УРСС, 2011. 400 с.
22. *Голлберг Д.* Вселенная в зеркале обратного вида. Был ли Бог правшой? Или скрытая симметрия, антивещество и бозон Хиггса, М.: АСТ, 2019. 416 с.
23. *Вильчек Ф.* Красота физики: Постигая устройство природы. М.: Альпина нон-фикшн, 2016. 604 с.
24. *Вильчек Ф.* Тонкая физика. Масса, эфир и объединение всемирных сил. СПб.: Питер, 2018. 336 с.
25. *Глэшоу Ш.Л.* На пути к объединенной теории — нити в гобелене. Нобелевская лекция. М.: Знание, 1980. С. 51–64.
26. *Glashow S.L.* Towards a unified theory — threads in a tapestry. Nobel lecture. // <https://www.nobelprize.org/prizes/physics/1979/glashow/lecture>
27. *Салам А.* Калибровочное объединение фундаментальных сил. Нобелевская лекция. М.: Знание, 1980. С. 5–36.

28. *Salam A.* Gauge unification of fundamental forces. Nobel lecture. //<https://www.nobelprize.org/prizes/physics/1979/salam/lecture>
29. *Вильчек Ф.* Асимптотическая свобода: от парадоксов к парадигмам. // В кн.: Нобелевские лекции по физике. 1995–2004 гг. М. — Ижевск: Институт компьютерных исследований; НИЦ «Регулярная и хаотическая динамика»; М.: Редакция журнала «Успехи физических наук», 2009. С. 767–795.
30. *Wilczek F.* Asimptotic freedom: from paradox to paradigm. Nobel lecture. //<https://www.nobelprize.org/prizes/physics/2004/wilczek/lecture>
31. *Берестецкий В.Б.* Нуль-заряд и асимптотическая свобода. // В кн.: Берестецкий В.Б. Проблемы физики элементарных частиц. М.: Наука, 1979. С. 231–254.
32. *Вайнберг С.* Мечты об окончательной теории: Физика в поисках самых фундаментальных законов природы. М.: УРСС, 2004. 256 с.
33. *Коноплева Н.П.* Калибровочные поля и физика элементарных частиц. // Вступительная статья к сборнику «Квантовая теория калибровочных полей»/ Под ред. Н.П. Коноплевой. М.: Мир, 1977. С. 5–21.
34. *Гросс Д.* Открытие асимптотической свободы и появление КХД. // В кн.: Нобелевские лекции по физике. 1995–2004 гг. М. — Ижевск: Институт компьютерных исследований; НИЦ «Регулярная и хаотическая динамика»; М.: Редакция журнала «Успехи физических наук», 2009. С. 727–752.
35. *Визгин В.П. С.И. Вавилов:* «...на ошибках вырастает наука». // Исследования по истории физики и механики. 2016–2018. М.: Янус-К. 2019. С. 287–318.
36. *Кобзарев И.Ю., Манин Ю.И.* Элементарные частицы. Диалоги физика и математика. М.: ФАЗИС, 1997. VIII+208 с.
37. *Фейнберг Е.Л.* Как важно иногда быть консервативным. // В кн.: Фейнберг Евгений Львович: Личность сквозь призму памяти. М.: Физматлит, 2008. С. 324–338.
38. *Коноплева Н.П., Попов В.Н.* Калибровочные поля. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Атомиздат, 1980. 240 с.
39. *'t Хоофт Г.* Перенормировка калибровочных теорий. // В кн.: Г. 'т Хоофт. Избранные лекции по математической физике. М. — Ижевск: НИЦ «Регулярная и хаотическая динамика», Институт компьютерных исследований, 2008. С. 6–31.
40. *Жуков Д.С., Лямин С.К., Барабаш Н. С.* Гносеологические и онтологические метафоры в истории науки. // Евразийский союз ученых. Исторические науки. 2015, № 10 (19). С. 6–11.
41. *Визгин В.П.* Калибровочная революция в физике элементарных частиц в зеркале метафор. // Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН. Годичная научная конференция. 2020 (в печати).

Владимир Тихомиров¹

Светлая и печальная судьба И.М. Яглома

Е.М. Берковичу с восхищением его трудами и творчеством

6 марта 1921 года в Харькове в семье инженера родились братья-близнецы — Акива и Исаак (а близкие звали их Кика и Ися). По легенде первым «вышел в свет» Исаак. Братья были совершенно неразличимы и очень дружны. Когда мальчикам исполнилось шесть лет, семья переехала в Москву.

Интерес к математике у братьев обнаружился очень рано. Еще в первые школьные годы братья вместе с отцом начали решать задачи из журнала «Математика в школе». В 1935/36 учебном году они стали заниматься в математических кружках при МГУ и слушать лекции для школьников, которые читали мехматские профессора.

Вскоре оба они стали заниматься в кружке Давида Оскаровича (Додика) Шклярского, человека, влюбленного в математику и энтузиаста занятий со школьниками. Среди участников кружка был Андрей Сахаров, с которым у братьев завязалась дружба.

Шклярскому суждено было совершить переворот во всем кружково-олимпийском движении: вместо докладов он стал предлагать участникам своего кружка интересные задачи для решения. В 1938 году такой стиль работы привел к триумфу: все первые премии на четвёртой Московской олимпиаде были взяты участниками кружка Шклярского. Ими стали Владимир Волынский, Александр Кронрод и братья Ягломы. Премии победителям вручал Андрей Николаевич Колмогоров.

Окончив школу в том же году, братья поступают в Московский университет: Кика на физический факультет, а Ися на механико-математический. При этом они договорились, что оба будут учиться одновременно на обоих факультетах.

Они учились прекрасно и очень активно включились в культурную жизнь Москвы — театральную, музыкальную и художественную и обрели очень широкий круг знакомых. К лету 1941 года они окончили три курса и физфака и мехмата (тогда никаких специальных разрешений не требовалось: со своей физфаковской зачеткой Кика приходил на мехмат сдавать экзамены, и преподаватели проставляли оценку ему в зачетку; то же происходило и с Исеем).

Началась война. Братья Ягломы не были призваны в армию из-за сильной близорукости. Они продолжали учиться сначала в МГУ, а затем в Свердловском университете (в Свердловск вместе с Народным комиссариатом черной металлургии, где работал отец, эвакуировалась семья Ягломов).

В Свердловске братья дважды имели контакты с А.Н. Колмогоровым, и он ознакомил их с теорией турбулентности, которой активно занимался в то время. Летом 1942 года братья Ягломы закончили Свердловский университет (в военные годы во многих высших учебных заведениях четвертый курс был последним).

По рекомендации А.Н. Колмогорова оба брата поступили на работу в Главную геофизическую обсерваторию, эвакуированную из Ленинграда в Свердловск. В 1943 году Колмогоров предложил Акиве Моисеевичу поступить к нему в аспирантуру в Математический институт им. В.А. Стеклова. Тот с радостью согласился. Колмогоров прислал А.М. Яглому вызов в Москву, и с осени того года А.М. был зачислен в аспирантуру МИАН. Одновременно началось его сотрудничество на кафедре теории вероятностей МГУ, возглавляемой Колмогоровым. Исаак Моисеевич по окончании университета в Свердловске, поступил в аспирантуру МГУ, который тогда переехал в Свердловск. Учебой И.М. в аспирантуре руководил заведующий кафедрой дифференциальной геометрии МГУ Вениамин Федорович Каган, и геометрия стала основной профессией Исаака Моисеевича.

В 1945 году Исаак Моисеевич защитил в МГУ кандидатскую диссертацию. В ту пору у братьев был только один пиджак, который принадлежал Акиве Моисеевичу. Для выступления с докладом по диссертации Исаак Моисеевич позаимствовал пиджак у своего брата, а по окончании доклада вернул пиджак Кике. Защита прошла успешно, но, когда объявили результат, Вениамин Федорович бросился поздравлять, разумеется, Акиву Моисеевича, который был в пиджаке!

¹ Математик, д.ф.-м.н., заслуженный профессор МГУ, член Московского математического общества.

Акива Моисеевич ожидал, что Колмогоров даст ему какую-нибудь тему по теории турбулентности, но тот предложил ему развить на примере броуновского движения результаты своей работы по обратимости стохастических законов природы. А.М. Яглом в течение года справился с поставленной задачей, но на предложение Колмогорова организовать защиту и окончить аспирантуру, попросил не реализовывать этот план, ибо хотел в течение двух оставшихся лет аспирантуры заниматься проблемами теоретической физики.

В итоге защита диссертации у Акивы Моисеевича состоялась на год позже брата. Диссертация была озаглавлена так: «О статистической обратимости броуновского движения».

Братьям предстояло выбрать место работы. И здесь их творческие пути разошлись. А.М. наиболее привлекало предложение И.Е. Тамма и В.Л. Гинзбурга поступить на работу в ФИАН, но он отказался от этого предложения, узнав, что придется заниматься проблемами, связанными с атомным оружием. Из нескольких других возможностей Акива Моисеевич выбрал возглавляемую Колмогоровым лабораторию атмосферной турбулентности Института теоретической геофизики АН СССР. В Лаборатории атмосферной турбулентности Акива Моисеевич проработал 45 лет (сначала в ИТГ, потом в ГЕОФИАНЕ, наконец, в Институте физики атмосферы). С начала шестидесятых годов А.М. Яглом возглавил в ИФА Лабораторию атмосферной турбулентности.

Основным делом Исаака Моисеевича стало математическое просвещение. Много сил он уделял также переводческой деятельности. Служебная карьера Исаака Моисеевича сложилась не столь успешно, как у его брата: места работы ему пришлось менять много раз.

После защиты кандидатской диссертации Исаак Моисеевич работал в математической редакции Издательства иностранной литературы. С 1948 г. И.М. работал на мехмате МГУ и в 1949 г. получил звание доцента, но во время кампании, известной как «борьба с космополитизмом», был уволен (вместе с И.М. Гельфандом, И.С. Градштейном и другими). После этого он работал в Орехово-Зуевском педагогическом институте, а затем в Московском государственном педагогическом институте.

Большинству математиков И.М. Яглом известен своими популярными книгами по геометрии и другим областям математики. Он создал серию «Библиотека математического кружка», где были изданы многие книги, в частности, книги Д.О. Шклярского, Н.Н. Ченцова и И.М. Яглома «Избранные задачи и теоремы элементарной математики» (первый том — «Арифметика и алгебра», второй — «Геометрия» (планиметрия), третий — «Геометрия» (стереометрия)).

Включение фамилии Шклярского в число авторов требует комментария. Шклярский добровольцем ушел на фронт. Некоторые студенты-добровольцы были делегированы ЦК ВЛКСМ в Бригаду особого назначения при НКВД СССР. Возглавлял бригаду Судоплатов. В этой бригаде были Николай Кузнецов, Дмитрий Медведев (бывший командиром отряда), Николай Королев (бывший адъютантом Медведева), были еще некоторые спортсмены. Дмитрий Медведев был впоследствии командиром партизанского отряда, действовавшего в Западной Украине. Ему принадлежит книга «Это было под Ровно», где он описывает героические дела своего отряда, и в частности, подвиги Николая Кузнецова — легендарного советского разведчика. Николай Королев был выдающимся советским боксером-тяжеловесом, имя которого в предвоенные и первые послевоенные годы знали все. Додика Шклярского в бригаде очень любили. Он был застенчивый, молчаливый, всегда занимался математикой. Как-то раз глубокой ночью один из членов бригады, оставивший воспоминания, проснулся и увидел Шклярского, который сидел на нарах в турецкой позе и что-то писал при свете свечи. На вопрос: «Что ты пишешь?» он сказал: «Не мешай мне, пожалуйста...» Это была математика, а что он мог ответить об этом человеку, который сюю никогда не занимался?

16 октября 1941 года (это был один из самых трагических дней в истории Москвы) перед отправкой на фронт отряд ночевал на Бронной, в школе. Додик жил до войны в Васильевском переулке, рядом с Белорусским вокзалом. Командир отпустил москвичей домой. Додик пошел, полагая, что Москву возьмут немцы, желая спрятать свои рукописи. Он зашел в свой дом и спрятал их. С войны Д.О. Шклярский не вернулся. Часть его рукописей сохранилась и была опубликована после войны в «Успехах математических наук». Одна из них была посвящена задачам, которые давались школьникам на математическом кружке. В память о своем учителе И.М. Яглом включил Д.О. Шклярского в число авторов двухтомника «Избранные задачи и теоремы элементарной математики».

Эта книга несколько раз переиздавалась. Назову еще несколько книг и брошюр И.М. Яглома. Многие из них украшали и украшают библиотеки тех, кому дорога наша наука:

- В.Г. Болтянский, И.М. Яглом. Выпуклые фигуры. 1951. 343 с.
- И.М. Яглом, А.М. Яглом. Неэлементарные задачи в элементарном изложении. 1954. 544 с.
- И.М. Яглом. Принцип относительности Галилея и неевклидова геометрия. 1969. 304 с.
- Н.Н. Ченцов, Д.О. Шклярский, И.М. Яглом. Геометрические неравенства и задачи на максимум и минимум. 1970. 336 с.
- Н.Н. Ченцов, Д.О. Шклярский, И.М. Яглом. Геометрические оценки и задачи из комбинаторной геометрии. 1974. 384 с.
- И.М. Яглом. Комплексные числа и их применение в геометрии. 1963. 192 с.
- И.М. Яглом. Проблема тринадцати шаров. 1975. 84 с.
- И.М. Яглом, А.М. Яглом. Вероятность и информация. 1973. 512 с.
- Я.Б. Зельдович, И.М. Яглом. Высшая математика для начинающих физиков и техников. 1982. 512 с.
- Л.И. Головина, И.М. Яглом. Индукция в геометрии. 1961. 100 с.
- И. М. Яглом. Необыкновенная алгебра. 1968. 72 с.
- И. М. Яглом. Современная культура и компьютеры. 1990. 48 с.
- И.М. Яглом. Геометрия точек и геометрия прямых. 1968. 49 с.
- И.М. Яглом. Элементарная геометрия прежде и теперь. 1972. 47 с.
- И.М. Яглом. Математика и реальный мир. 1978. 64 с.
- И.М. Яглом. Герман Вейль. 1967. 47 с.
- И.М. Яглом. Феликс Клейн и Софус Ли. 1977. 64 с.

Многие из этих книг были переведены на иностранные языки. Из других популярных книг И.М. Яглома отметим «Идеи и методы аффинной и проективной геометрии» (совместно с В.Г. Ашкинузе), «Индукция в геометрии» (совместно с Л.И. Головиной, вышла в английском и немецком переводах), «Комплексные числа и их применение к геометрии» (вышла во французском и английском переводах), «Новые направления в математике» (вышла в Москве на французском языке), «Необыкновенная алгебра» (вышла в английском переводе), «Конечная алгебра, конечная геометрия и коды», а также популярные научные биографии математиков «Герман Вейль», «Феликс Клейн и Софус Ли» (которая потом вышла в расширенном английском переводе). В нескольких изданиях на русском, французском, немецком и чешском языках вышла книга И.М. и А.М. Ягломов «Вероятность и информация».

Исаак Моисеевич Яглом был удостоен Европейской премии Cortina Ullis, выдаваемой раз в два года за вклад в популяризацию какой-то одной науки. Премия за популяризацию математики впервые была присуждена в сентябре 1989 г. и была поделена между И. Ягломом (за книгу "Felix Klein and Sophus Lie. Evolution of the idea of Symmetry in the 19th century", Birkhauser, Boston — Bazel, 1983) и М. Кацем (за книгу "Enigmas of Chance. An autobiography", Harper and Row, N. Y., 1985). К сожалению, обоих авторов в тот момент уже не было в живых.

В шестидесятые годы в комиссии, возглавляемой А.Н. Колмогоровым, И.М. Яглом принял деятельное участие в разработке программы школьного курса геометрии.

В 1968 году Исаак Моисеевич подписал письмо в защиту А.С. Есенина-Вольпина и был уволен из Педагогического института. После этого он работал в вечернем Металлургическом институте в Москве.

Затем ему удалось устроиться в Ярославский университет. Продолжая жить в Москве, каждый месяц Исаак Моисеевич на какое-то время переезжал в Ярославль, где читал лекции, вел семинары, занимался с учениками.

Однажды его попросили выступить с докладом на некоем семинаре общего философского направления. Исаак Моисеевич выбрал волновавшую его тогда тему об устройстве человеческого мозга. Незадолго до того Нобелевская премия была присуждена за открытие разных функций двух полушарий человеческого мозга. Среди прочего Исаак Моисеевич сказал, что люди, одинаково владеющие правой и левой рукой, обладают нередко особыми способностями и в обоих полушариях. И в качестве примера привел своего друга Андрея Дмитриевича Сахарова. Тот был в это время сослан в Нижний Новгород и подвергался «всеноядному осуждению».

Выступление на этом семинаре стоило Исааку Моисеевичу места в Ярославском университете. После этого у него не было возможности преподавать. Он работал в последние годы в Академии педагогических наук. Интересы И.М. Яглома выходили далеко за пределы математики. Он был человеком широкой души,

всегда готовым прийти на помощь тем, кто в ней нуждался. Исаак Моисеевич был истинным знатоком истории, литературы, театра, живописи. В его квартире висели картины Модильяни, Фалька и других художников. Большая творческая, педагогическая и общественная деятельность, частые увольнения, трудности с работой и изданием книг в Москве, болезнь жены и сына подорвали здоровье Исаака Моисеевича, и 17 мая 1988 г. он скончался.

Он был на самом деле очень трогательным, светлым, незащищенным человеком. Мне кажется, всему этому свидетельствует его письмо ко мне, написанное за три месяца до его кончины. Мир, окружавший его, был не его мир, но он взирал на него без ропота и гнева, радуясь живому слову, проблеску таланта, наслаждаясь достижениями культуры, оставаясь до конца верным своему просветительскому призванию.

Москва, 12.2.88.

Я несколько даже задержал посылку Вам книжки Крыжановского, дорогой Володя — простите! Однако никакой особой срочности здесь нет — буду благодарен за отзыв, который у меня просят издатели, но возможно написать его и после возвращения в Москву (и он может быть и *кратким*). Об истории появления этой книги я рассказывал Вам по телефону; повторю снова. Книгу Крыжановского мы с братом оба читали еще школьниками; ее запомнили — я и сегодня считаю ее удачной. (Вторая его книга «Неравенства», которую мы тоже читали школьниками, поскучней; основная педагогическая идея автора — исследование неравенств до установления его характера: автор пишет знаки и V и Λ , и лишь в конце выясняет, что Λ , это, скажем, $<$, а значит, V — это $>$ (пишу по памяти — со школьных лет я эту книгу не видел) — методически не бессмысленна, но целой книжки не заслуживает.) Когда-то я предложил переиздать эту книгу и подготовил издание «Физматгиз, 1959», написав краткое предисловие, добавив аннотированный список литературы (он, практически, в украинском издании отсутствует) и написав добавление по одной заметке тогда еще школьника Вити Паламодова, которую когда-то публиковал в сборниках «Мат. просвещение» (вдруг увидел, что в настоящем украинском издании выпало упоминание, что ныне Витя уже Виктор Павлович и проф. МГУ, впрочем нет, это есть).

Пару лет тому назад ко мне обратились из киевского издательства «Рад. школа» с просьбой подготовить для них переиздание книги Крыжановского — инициатива здесь, как будто, исходила от сына Крыжановского, который живет на Украине (и автор книги жил в Одессе, хоть и умер далеко вне нее). Я предложил дополнить книгу краткими вставками на оптимизационную тему и столь же краткими биографиями классиков оптимизации (указав, что книга сегодня, пожалуй, актуальнее, чем в 1913 г.(!), когда вышло 1-е ее издание), что и было принято. Я был уверен, что речь идет о русском издании; то, что книга вышла на украинском языке было для меня неожиданностью. Неожиданностью были и рисунки — не бог весть какие, но для книги для школьников может быть и не вредные. Смутили меня некоторые сокращения, со мной не согласованные — я составил расширенный аннотированный список литературы (куда вошло даже и ваше «Оптимальное управление», — но не твои «Беседы о максимумах и минимумах», которых тогда еще не было. Ясно, что сейчас их в список литературы вставить надо), — но из этой Библиографии остались клочки (без аннотаций, для начинающего читателя — м.б. преподавателям провинциального пединститута — безусловно нужных); кроме того, без согласования со мной выпали 2 биографические вставки: «Беллман и Нейман» (давать лишь «Канторович и Понтрягин» несколько даже неприлично) и «Эрдёш и Фейеш Тот» (геометрические оптимизационные задачи — я просил у Фейеша Тота прислать мне фотографии его и Эрдёша, переслал их в Киев, — но все это было снято). (Конечно, последние два — менее крупные фигуры чем Нейман или Канторович, — но для геометрической книжки они подходят.) Теперь зав. редакцией явно чувствует свою вину передо мной, просит у меня отзыв (с рекомендацией о переиздании на русском языке), которое обещает срочно приготовить; туда она обещает вставить все пропущенное — поэтому в отзыве я прошу упомянуть и о желательности расширения и комментировании Библиографии и о желательности прибавить в биографическом перечне хотя бы Неймана и Беллмана (она договорилась о некотором расширении русского варианта по сравнению с украинским). (Почему-то, просматривая сейчас книжку, увидел, что один параграф не содержит моей вставки. Меня попросили написать вставки ко всем параграфам; их обещали дать разворотами и иным шрифтом; это не было сделано, но, видимо, технически слишком сложно. (Я их перевод не проверял — м. б. и тут есть сокращения или даже ошибки.) Перечисляю мои вставки: № 1 — общий разговор про

оптимизационные задачи и принцип Ферма; № 2 — исторические сведения об изопериметрии; № 3 — оптимизация в прикладной математике (примеры); № 4 — проблема шарнирного многоугольника; № 5 — математическое моделирование и оптимизационные задачи; парабола безопасности; № 6 — минимаксы и максимины (вот тут я просил дать рисунок с путем туристов через перевал — этого не сделано); № 7 — задача Торичелли и задача Штейнера; № 8 — плотнейшие укладки; № 9 — задача Диодона; № 10 — оптимальные алгоритмы; № 11 — комбинаторная геометрия и проблема Лебега; № 12 — дискретная геометрия и задачи рационального раскroя; № 13 — задачи оптимального управления; № 14 — неевклидовы геометрии и изопериметрия; № 15 — вставка отсутствует (но у меня была — я не оставил себе своих текстов, не знаю, что там было); № 16 — оптимальные проблемы теории многогранников; № 17 — оптимальные проблемы в экономике; № 18 — проблемы Плато (разумеется, все это на уровне книжки для школьников — общий треп, но кого-то он может заинтересовать — вот тут-то и полезен список литературы). Биографические вставки: Ферма, бр. Бернули, Эйлер, Лагранж, Штейнер и Канторович — Понtryгин (конечно, были бы возможны и другие варианты). Я, кстати, перечитав книжку именно для этого издания внес 2–3 усовершенствования в текст (в одном месте — заметно упростил рассуждение), — чего, однако сейчас уж не найду (я писал все это два лета назад, летом, не имея машинки и не оставляя себе копий).

Как и в изд. 59 г. я, говоря об авторе, не указал его (увы! — столь частый) жизненный путь: незаконно репрессирован — погиб в лагере — посмертно реабилитирован; сейчас это вполне можно было бы сделать; можешь и это указать (или не указать). Вен. Федорович Каган, работавший с Крыжановским в Одессе, вспоминал о нем с симпатией.

Борис Болотовский¹

Сахаров против Сахарова

У знаменитого Козьмы Пруткова среди его сочинений имеется «Проект: о введении единомыслия в Россию». В числе прочих важных и мудрых замечаний, высказанных в этом трактате, есть и такое:

«Правительство нередко таит свои цели из-за высших государственных соображений, недоступных пониманию большинства. Оно нередко достигает результата рядом косвенных мер, которые могут, по-видимому, противоречить одна другой, будто бы не иметь связи между собою. Но это лишь кажется! Они всегда взаимно соединены секретными шоннерами² единой государственной идеи, единого государственного плана; и план этот поразил бы ум своею громадностью и своими последствиями! Он открывается в неотвратимых результатах истории. Как же подданному знать мнение правительства, пока не наступила история?»

Действительно, трудно, а порою и невозможно бывает определить мнение и намерения начальства, пока история еще не произошла. Но зато потом многое проясняется.

История, о которой я собираюсь рассказать, произошла в 1975 г. Но началась она еще раньше, в 1971 г.

11 апреля 1971 г. скончался Игорь Евгеньевич Тамм, выдающийся физик XX в., автор замечательных открытий, нобелевский лауреат, создатель школы, из которой вышло много замечательных физиков. Его учениками, в частности, были Андрей Дмитриевич Сахаров и Виталий Лазаревич Гинзбург, впоследствии и они стали нобелевскими лауреатами — Сахаров в 1975 г., а Гинзбург — в 2003-м. Но Игорь Евгеньевич был не только всемирно известным физиком и признанным учителем научной молодежи, он был еще человеком безупречной порядочности, примером поведения не только в науке, но и в повседневной жизни. Сахаров говорил, что он — ученик Тамма, и не только по физике.

Для Теоретического отдела ФИАН кончина Игоря Евгеньевича была особенно тяжелой потерей. Он был создателем этого отдела и его бессменным заведующим с 1934 г. до самой смерти. В последние годы он тяжело болел, и основная доля забот по отделу лежала на плечах его заместителя, Гинзбурга, который и стал заведовать отделом после Тамма.

Почти сразу же Виталий Лазаревич предложил издать собрание научных трудов Тамма. Статьи Игоря Евгеньевича были опубликованы в разных физических журналах, на разных языках (он свободно говорил и писал на английском и немецком). Предстояло разыскать все эти журналы, собрать их воедино, перевести на русский язык те статьи, что были опубликованы на иностранных языках, добавить необходимые комментарии и подготовить собрание трудов к изданию.

Осенью 1971 г. Президиум Академии наук СССР принял решение издать собрание научных трудов Тамма и утвердил состав редакционной коллегии, которой поручалось осуществить работу. Ответственным редактором был утвержден академик Гинзбург. В составе редколлегии кроме него было еще восемь человек — ученики и коллеги Тамма:

- академик А.М. Леонтович (Леонтович и Тамм оба принадлежали к научной школе академика Л.И. Мандельштама, одного из создателей советской теоретической физики);
- академик М.А. Марков (академик-секретарь Отделения ядерной физики Президиума Академии наук);
- академик А.Д. Сахаров (проработавший около 20 лет вне Москвы, в г. Арзамас-16, где разрабатывалось термоядерное оружие. Он вернулся в ФИАН в 1969 г.);
- член-корреспондент Академии наук Е.Л. Фейнберг (впоследствии — академик);
- доктор физико-математических наук Д.А. Киржниц (сотрудник теоретического отдела, впоследствии — член-корреспондент Академии наук);
- доктор физико-математических наук В.Я. Френкель (Виктор Яковлевич был не только физиком, но также известным историком науки. Его отец, Яков Ильич Френкель, физик-теоретик с мировым именем, был близким другом Тамма);

¹ Физик, д.ф.-м.н., профессор, главный научный сотрудник Физического института РАН им. Лебедева.

² Шоннер — шарнир (галлицизм).

— доктор физико-математических наук И.М. Дремин — ответственный секретарь редакционной коллегии;

— я тоже был включен.

В составе редакционной коллегии были всемирно известные ученые, были и люди, которых я высоко ценил не только за научные достижения, но и за личные качества. К старшим по возрасту и по положению я относился как к учителям. Были в составе редакции также люди примерно моего возраста, с которыми у меня были дружеские отношения — Давид Киржниц и Виктор Френкель.

Итак, редакция появилась, надо было приступить к работе. Какое-то время ушло на раскачку. Потом был составлен полный список опубликованных работ Тамма. Имея на руках этот список, Игорь Дремин отправился в нашу институтскую библиотеку, и ему выдали все журналы со статьями Тамма. Получилось большое количество увесистых томов. Работы Игоря Евгеньевича занимали малую часть этого большого объема. Скажем, в одном из выпусков журнала напечатана статья Тамма размером страниц в 20, а сам этот выпуск содержит страниц 250. Вот уже получается меньше одной десятой от полного объема. А кроме того, библиотека обычно объединяет в один том все выпуски журнала за год. В такой подшивке статья в 20 страниц занимает меньше одного процента. Пока я этого не сообразил, большой штабель томов со статьями Тамма внушал мне нечто, близкое к чувству безнадежности. Непонятно было, как можно со всем этим управиться. Но, как говорится, глаза страшатся, а руки делают.

Всю литературу с помощью молодых сотрудников перетащили в Теоретический отдел. Статьи Тамма, напечатанные на русском языке, сразу передавали машинисткам для перепечатки. Теперь можно скопировать статью на ксероксе, но в то время такой замечательной техники не было. Машинистка перепечатывала статью на пишущей машинке, а потом надо было в полученный текст еще вписывать от руки формулы. В наши дни ничего не стоит набирать формулы любой сложности на компьютере, но в то время компьютеров не было, они появились гораздо позднее.

Значительная часть статей Игоря Евгеньевича была опубликована в немецких и английских физических журналах, т. е. либо на немецком, либо на английском языке. Эти статьи требовалось перевести на русский язык. Для перевода необходимо было знание иностранного языка, но, не в меньшей степени, еще и знание физики. Все статьи за единственным исключением разобрали для перевода сотрудники Теоретического отдела. Исключение составил перевод с немецкого совместной статьи Тамма с Мандельштамом об электродинамике анизотропных движущихся сред. Этот перевод был выполнен М.Е. Жаботинским, физиком из лаборатории колебаний. Много статей Игоря Евгеньевича перевела с немецкого Рената Каллош. Переводы статей Тамма выполняли многие сотрудники Теоретического отдела — И. Андреев, Л. Булаевский, Е. Волков, В. Вологодский, Б. Воронов, Е. Максимов, А. Собянин, И. Ройзен, А. Шабад. При переводе исправлялись опечатки, трудные места обсуждались с участием специалистов. Я тоже перевел несколько работ.

Статьи снабжались краткими комментариями, в них говорилось о последующем развитии и современном состоянии дел в той области, которой посвящена была статья. Гинзбург, Сахаров, Фейнберг, Киржниц и другие члены редакционной коллегии следили за состоянием дел и всегда были готовы прийти на помощь советом и прямым участием. В частности, Сахаров написал краткие и емкие комментарии к некоторым статьям Тамма (в том числе, к статьям по управляемым термоядерным реакциям — эти работы фактически выполнялись совместно Игорем Евгеньевичем и Андреем Дмитриевичем и были опубликованы в трех статьях, из которых две вышли за подпись Тамма, а одна за подпись Сахарова).

На подготовку издания ушло около полутора лет. Научные труды Тамма было решено издать в двух томах, примерно равных по объему. При этом редактирование и общий надзор за выпуском первого тома поручили мне, а заботы о втором томе взял на себя Дремин.

Во второй половине 1973 г. оба тома были сданы в издательство «Наука», в редакцию, которой заведовал Геннадий Глебович Гуськов, опытный профессионал, которого я знал по предыдущим издательским делам. Работать с ним было легко. Я не помню, как называлась редакция, которой он заведовал. Кажется, это была редакция авиации и космонавтики.

И вот, где-то в первой половине 1974 г. пришла корректура, а потом и верстка двухтомника. Дремин получил верстку второго тома, а я — первого. Верстка уже выглядела так, что можно было составить представление о том, как будет выглядеть том. На титульном листе помещалось название книги — «И.Е. Тамм. Собрание научных трудов», название издательства — «Наука», дата выхода в свет — 1974 г. На

обороте титульного листа — краткие сведения о книге и список членов редакционной коллегии. Дальше — статьи, которые мы уже проверяли и перепроверяли в корректуре, так что на этот раз работы было уже не так много.

Верстку мы вернули в издательство и стали ждать выхода книги, но не тут-то было.

Мне позвонил Гуськов и задал вопрос:

— Борис Михайлович, скажите, пожалуйста, в каких редакционных коллегиях состоит Андрей Дмитриевич Сахаров?

— В нашей состоит, в редколлегии по изданию научных трудов Тамма, — ответил я.

— А еще в каких?

Я вспомнил и сказал:

— Два года назад в вашей редакции был выпущен сборник памяти Игоря Евгеньевича Тамма. Андрей Дмитриевич был членом редколлегии, ответственной за выпуск этого сборника.

Сборник предполагалось выпустить к 75-летию Тамма, но Игорь Евгеньевич не дожил несколько месяцев до 75-летия. Вот и получилось так, что сборник планировался как юбилейный, а оказался посвященным памяти академика Тамма. Если я не ошибаюсь, то его выпускала та самая редакция, которой заведовал Гуськов.

— Помню, — сказал Геннадий Глебович, — но эта редколлегия — дело прошлое. Вы мне скажите, в каких ныне действующих редколлегиях состоит Андрей Дмитриевич. Я не знал и пообещал Геннадию Глебовичу, что спрошу об этом у самого Сахарова. И при первой же встрече с Андреем Дмитриевичем спросил, в каких он состоит редакционных коллегиях.

— Последние несколько лет я был членом редакционной коллегии журнала «Природа», — сказал мне Андрей Дмитриевич. — Но недавно я вышел из состава этой редколлегии. Это была естественная ротация: человек какое-то время состоит в редколлегии, а потом его сменяет другой. Вот и меня заменили. И теперь я ни в какой редколлегии не состою.

Он даже не вспомнил, что несколько лет назад был в редколлегии, подготовившей сборник памяти его учителя, Тамма. И он полагал, что из журнала «Природа» выбыл по «естественной ротации» — дескать, закончился его законный срок пребывания в редколлегии, он ушел, а на его место выбрали другого. Святой человек был Андрей Дмитриевич!

Список нашей редколлегии был утвержден где-то на рубеже 1971 и 1972 гг. Уже к тому времени Сахаров, трижды Герой Социалистического Труда, отец советской водородной бомбы, совершил ряд поступков, которые не очень нравились (а точнее говоря, совсем не нравились) руководству страны. В своей замечательной записке «Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе» он много чего сказал такого, что расходилось с официальной точкой зрения. При этом расхождения касались и внутренней и внешней политики Советского Союза. Андрей Дмитриевич считал необходимым внутри страны считаться с неотъемлемыми правами человека, а во внешней политике перейти от противостояния к сотрудничеству с капиталистическими странами, потому что без этого невозможно решение важнейших глобальных проблем. За эту свою записку он был удален с секретного объекта, на котором проработал 20 лет. Его учителю Тамму пришлось приложить немало усилий, чтобы Сахаров смог вернуться в Теоретический отдел ФИАН, где в 1945 г. началась его научная жизнь.

Но и перейдя в ФИАН, Андрей Дмитриевич не потерял интереса к общественной жизни и не прекратил своей деятельности. Ее значение далеко выходило за рамки Теоретического отдела, и за рамки всего нашего института, и за рамки Академии наук. Постепенно терпение начальства истощалось. Наконец, грянул гром. Осенью 1973 г. в газете «Правда» было напечатано письмо 40 членов Академии наук. В этом письме общественная деятельность академика Сахарова осуждалась столь же резко, сколь и несправедливо. Первой в конце письма стояла подпись лауреата Нобелевской премии, академика Николая Геннадиевича Басова (подписи располагались по алфавиту). Он в то время был директором ФИАН, того самого института, сотрудником которого был Сахаров. И Басов же был ответственным редактором журнала «Природа», а Сахаров был членом редколлегии этого журнала. Если взять выпуски журнала «Природа» за те годы и посмотреть, как менялся состав редколлегии, то можно увидеть, что те члены редколлегии, которые в ней состояли до Сахарова, остались и после того, как Сахарова «заменили по ротации». Вот вам и «ротация»!

Ну, ладно, я обещал Гуськову узнать, в каких редколлегиях состоит Сахаров, и я свое обещание выполнил. Я уже понимал, что кто-то в издательстве «Наука» не хочет, чтобы в числе членов редколлегии упоминался

плохой человек Сахаров. Но как они могут это сделать? Как можно убрать Андрея Дмитриевича из списка членов редколлегии? Ведь ее состав утвердил Президиум Академии наук! А издательство «Наука» относится к тому же департаменту.

Прошла еще неделя. Вот-вот должен был появиться сигнальный экземпляр. И тут мне опять позвонил Геннадий Глебович.

— Борис Михайлович, — сказал он, — во втором томе трудов Тамма есть статья за номером 72. Она носит заглавие «Теоретическая физика». В этой статье упоминаются работы Сахарова.

Действительно, в верстке второго тома, на странице 481 помещалась статья Тамма под таким заглавием. Она была написана в 1967 г. и посвящена пятидесятилетию советской теоретической физики. В этой статье подводились итоги развития советской теоретической физики за период с 1917 по 1967 г. И действительно, в этой статье, на странице 487 был абзац, посвященный работам Сахарова. Вот что там было написано:

«В области управляемых термоядерных реакций А.Д. Сахаровым не только была выдвинута основная идея метода, на основе которого можно надеяться осуществить такие реакции, но были проведены обширные теоретические исследования свойств высокотемпературной плазмы, ее устойчивости и т. д. Это обеспечило успех соответствующих экспериментальных и технических исследований, завоевавших всеобщее мировое признание».

— Как вы думаете, — спросил Геннадий Глебович, — можем мы убрать этот абзац из статьи?

— Не знаю, — сказал я, — вообще-то не принято так делать. Посоветуйтесь с председателем нашей редакционной коллегии, с Виталием Лазаревичем Гинзбургом.

На этом наш разговор закончился. Положив телефонную трубку, я немедленно пошел к Виталию Лазаревичу. Его кабинет располагался рядом с моей комнатой, в том же коридоре.

Когда я к нему вошел, он уже разговаривал по телефону с Гуськовым.

— Категорически возражаю, — говорил Виталий Лазаревич. — Эта статья была первоначально опубликована в журнале «Наука и жизнь», который выходит тиражом в 2 млн. Любой читатель может сравнить тексты, и тогда будет скандал.

Это Гуськов понимал. Но я думаю, он действовал не по собственной инициативе, а по прямому указанию своего издательского начальства. В издательстве «Наука», как, впрочем, и во всяком другом издательстве в то время, был специальный человек, который ведал вопросами идеологии, благонадежности и нерушимого единства. В «Науке» это был заместитель директора — достаточно высокое административное положение — и фамилия его, по странному стечению обстоятельств, была Сахаров. Сахаров против Сахарова! Ихний Сахаров против нашего.

Прошло еще некоторое время, начался 1975 г., и в мои руки наконец-то попал сигнальный экземпляр — два красивых голубых томика с серебряным тиснением. «ТАММ. Собрание научных трудов». Я раскрыл первый том и перевернул титульный лист. На обороте титульного листа обычно помещается список членов редколлегии. Не было на этот раз списка членов редколлегии. И не было никакого упоминания о том, что вообще была редколлегия. Вместо этого было напечатано: «Ответственный редактор академик В.Л. Гинзбург». А несколько ниже: «Редакторы-составители доктора физико-математических наук Б.М. Болотовский и И.М. Дремин». Чтобы только не упоминать фамилию Сахарова, решили убрать весь список редколлегии. Я думаю, что для издательства Академии наук это редчайший, а возможно, и единственный случай, когда есть редколлегия, но она не упомянута, как бы полностью засекречена, хотя в изданной книге нет ничего секретного.

Второй том начинался точно так же. Не было списка членов редакционной коллегии и даже не было указания на то, что редколлегия была. А ведь она была и немало сделала для издания книги. Но никак нельзя было напечатать список ее членов, потому что среди них был Андрей Дмитриевич Сахаров. И он тоже добровольно выполнял свои обязанности члена редколлегии. Но фамилию его с некоторого времени упоминать было нельзя.

Стал я искать во втором томе статью за номером 72, посвященную советской теоретической физике. Я хотел посмотреть, остался ли в статье тот абзац, где Игорь Евгеньевич похвалил Андрея Дмитриевича за разработку идеи управляемых термоядерных реакций. Но оказалось, что эта статья была изъята полностью. Нет статьи — нет и абзаца. Причем производилось это изъятие очень поспешно. На обороте титульного листа было указано число страниц во втором томе — 500. Действительно, столько страниц было в верстке. После

изъятия нежелательной статьи в книге стало 488 страниц. Так она и вышла — на самом деле в ней 488 страниц, а написано, что их 500.

Такая произошла история. Прав Козьма Протков. Обывателю трудно судить о намерениях начальства, пока история не произошла. Но намерения начальства выясняются в ходе истории. А после того, как история произошла, все (или многое становится ясным).

В начале прошлого века группа сотрудников журнала «Сатирикон» во главе с Аркадием Аверченко написала веселую книгу по всемирной истории. В разделе, посвященном древней Греции, был помещен рассказ о Герострате. Как известно, Герострат, желая прославиться, сжег храм Артемиды. И древние греки решили наказать его самым страшным для человека наказанием — полным забвением. По всем городам древней Греции ходили глашатаи и объявляли:

— Греки, забудьте безумного Герострата, который сжег храм Артемиды!

И греки настолько хорошо усвоили этот призыв, что, бывало, разбуди древнего грека среди ночи и спроси его:

— Кого ты должен забыть?

И древний грек сразу отвечал:

— Безумного Герострата, который сжег храм Артемиды!

На самом деле, конечно, никто не требовал от древних греков, чтобы они навсегда забыли Герострата. Эту историю про наказание безумного Герострата придумали сатирики в первой половине XX в. И в том же столетии нечто похожее произошло в реальности: стали устранивать (в научной литературе!) упоминания о Сахарове.

Двухтомник научных трудов Тамма вышел из печати весной 1975 г. А в конце того же года его любимый ученик, Сахаров, получил Нобелевскую премию мира за свою правозащитную деятельность. Был бы жив Игорь Евгеньевич, он бы порадовался.

Борис Дынин¹

Взгляды Д. Максвелла на науку и научное творчество²

Теория электрического поля Фарадея и Максвелла... представляет, очевидно, наиболее глубокое превращение, которое основание физики претерпело со временем Ньютона. Это был новый шаг в конструктивном развитии теории, который увеличил расстояние между фундаментом теории и тем, что мы можем узнати нашими пятью чувствами.

Альберт Эйнштейн [10, стр. 212]

На крутых поворотах развития физики обостряется анализ понятий, хотя и не принадлежащих собственно физическому знанию, но необходимых для его функционирования как теоретического знания (факт, теория, гипотеза, эксперимент, объяснение, понимание, аналогия и т. п.). Эти понятия при рефлексии над их содержанием в связи с собственно физическим знанием и методом его получения являются по существу философскими категориями и придают результатам науки познавательный статус, сколько бы иной раз физики ни игнорировали философию. Без них мы имели бы разрозненный набор экспериментальных операций, формальных структур и обыденных понятий. Собственно физическим творчеством является преобразование указанных элементов физического знания. Преобразование же его категориального аппарата, хотя достаточно часто обращает на себя внимание физиков, не является целью их профессиональной деятельности. Оно относится к компетенции философии. И все-таки мысли физиков, интересующихся познавательным статусом их деятельности и ее результатов, оказываются катализатором изменений и в философской рефлексии над наукой.

Исследователю, анализирующему развитие науки, интересно наблюдать, как меняется рефлексия над научным знанием у самих ученых, как происходит, так сказать, черная работа по преобразованию категориального аппарата науки. Хотя результаты этой работы выражаются в уже существующих философских категориях, в ней заключен стимул к развитию и самой философии, прежде всего эпистемологии.

В конце XIX в. трактовка проблем физического знания во многом была определена возникновением и развитием теории электромагнетизма. В работах Д. Максвелла новое осмысление категорий эпистемологии не выделяются специально. В его творчестве преобразование категориального аппарата физики составила органическую часть развития самой физической науки.

Прежде всего, рассмотрим, как понимались эти категории в физике домаксвелловского периода. Им предстояло быть переосмысленными со становлением теории, не сводимой к механике Ньютона.

Приведем несколько выдержек из трудов различных ученых, характеризующих их представления о процессе познания в физике (курсив мой).

А.-М. Ампер (1820-е годы): «Начать с наблюдения фактов, изменять, по возможности, сопутствующие им условия, сопровождая эту первоначальную работу точными измерениями, чтобы вывести общие законы, основанные всецело на опыте, и в свою очередь вывести из этих законов, независимо от каких-либо предположений о природе сил, вызывающих эти явления, математическое выражение этих сил, т. е. вывести представляющих формулу — вот путь, которому следовал Ньютон» [1, стр. 10].

Ф. Араго (1860-е годы): «Теории, вообще, суть более или менее счастливые формулы, приводящие к единству некоторое число уже известных явлений». [2, стр. 97].

М. Фарадей (1844 г.): «Здравым и научным будет подход того, кто будет различать, поскольку в его силах, факт от теории» [3, стр. 393].

¹ Философ, канд. филос. наук.

² Обновленная редакция текста, опубликованного в сборнике Института истории естествознания и техники, «Ученые о науке и ее развитии», Изд. Наука, М. 1971.

Р.Ю. Майер (1850 г.): «Все спекулятивные построения даже самых блестящих умов, которые, не довольствуясь установлением фактов как таковых, стремились подняться над ними, приносили до сих пор только пустые плоды» [5, стр. 227].

Там же: «Теперь (т. е. после открытия закона сохранения энергии. — Б.Д.), чтобы получить доступ в науку о движении, нам не надо подниматься на высоту математики; наоборот, природа сама предстает в своей простой красоте перед изумленным взором» [5, стр. 262].

И Гельмгольц заключает как нечто очевидное: ««Законы природы не могут быть выдуманы нами путем расчета. Напротив, мы должны открывать их в фактах» [6, стр. 80].

Процесс научного познания представлялся физикам как процесс приспособления разума человека к противостоящей ему эмпирической данности. На одной стороне познаваемый мир, на другой — отражающее его знание, с его неполнотой и ошибками. Средствами этого приспособления являются эмпирический опыт и размышление. Опыт является источником и критерием размышления, доставляя ему истинные факты. Размышление посредством индукции должно найти столь же истинные, обобщающие эти факты законы и из них дедуцировать истинные следствия. Теория формулируется при помощи математики, которая есть лишь средство описания, а не получения и обоснования истины. Обоснованность и математизация знания обуславливается его сведением к механике, уже математизированной и принимаемой в качестве фундаментальной теории. Хотя человек и не способен в силу своей субъективной ограниченности познать противостоящую ему природу во всех ее бесконечных проявлениях, он может постигать ее отдельные части. Результаты познания не должны содержать в себе ничего гипотетического. Если уж приходится использовать гипотезу, то она должна элиминироваться в ходе создания теории. Явления вызываются причинами, неизменными и независимыми от самих явлений.

Установление закона сохранения энергии, разработка электродинамики и кинетической теории материи потребовало переосмысления идей И. Ньютона. Еще до Д. Максвелла физики предчувствовали необходимость этого переосмысления. Р. Майер писал: «Для успешного развития науки основное условие — это правильный метод» [5, стр. 232]. А метод есть результат творчества ученых. М. Фарадей поставил вопрос, сама постановка которого была несовместима с эмпирической концепцией познания. Выработав понятие о физических силовых линиях, он пишет: «Я высказываюсь в пользу их существования — главным образом с целью поставить вопрос об этом существовании» [4, стр. 606]. Ответ на этот вопрос уже не есть просто фиксация эмпирической данности, но результат постановки вопроса. Грубо говоря, как поставишь вопрос, такой будет реальность, выраженная в теории. Но, конечно, необходимо, чтобы «опыт их ощущил» [4, стр. 723].

Максвелл делает решительный шаг вперед. Этот шаг оказался необходимым именно в связи с созданием качественно отличных от механики Ньютона теорий — термодинамики и электродинамики. То, что выявилось в творчестве Максвелла и что вело к изменению смыслов в категориальном аппарате физики, заключалось в обнаружении неабсолютности фактов опыта, в констатации того, что их познавательный статус не устанавливается до теории, описывающей и объясняющей их, а определяется в зависимости от теории. Не только свойства предмета познания, но и само его существование доказывается лишь благодаря теории. Атом и электромагнитное поле не есть факты сами по себе, и теория не является их прямым индуктивным обобщением. Первые оказываются конструктами мыслительной деятельности, вторая их системным описанием. Оба момента соединены методом.

Если, например, Майер считал, что «естественные науки эмансионировались от философских систем и, опираясь на опыт, очень успешно продвигаются своим собственным путем», то Максвелл полагает, что «в наше время нет оснований опасаться прекращения обсуждений категорий бытия» [7, стр. 11]. «В нашей повседневной работе мы приходим к вопросам того же рода, что и метафизики» [7, стр. 11]. И в отличие от своих предшественников, уверовавших в то, что с механикой Ньютона они усвоили раз и навсегда правильный путь познания, он указывает: «Мы, которые дышим воздухом нашего века и знаем только характеристики современного мышления, — мы не можем предсказать общий тон науки будущего, так же как не можем предвидеть тех открытий, которые принесет это будущее. Физические исследования постоянно обнаруживают перед нами новые особенности процессов природы, и мы вынуждены находить новые формы мышления, соответствующие этим особенностям» [7, стр. 22–23]. Эти слова, сказанные полтора столетия назад, напоминают сегодняшние представления о смене парадигм научного познания.

Эйнштейн заметил: «Максвелл и Герц в своем сознательном мышлении также считали механику надежной основой физики, хотя в исторической перспективе следует признать, что именно они и подорвали доверие к механике как основе основ всего физического мышления». [10, стр. 266] Хотя Максвелл еще не вышел из ньютонианской парадигмы, однако даже там, где он придерживается устаревших позиций, его мысль становится новаторской. До конца жизни он надеялся «привести электрические явления к области динамики» [8, стр. 412], считая, что именно нахождение механического образа объясняет описываемое в теории явление и что он нужен, как «образ, способный вести к общим заключениям» [8, стр. 59]. Однако его усилия были направлены на выделение из механики той части, которую он называл чистой динамикой и в которой он как раз и надеялся обнаружить непреходящий фундамент описания и объяснения естественных явлений. Он не мог еще знать, что его общая динамика не может претендовать на абсолютность, и что история физики придет в творчестве М. Планка и А. Эйнштейна к необходимости пересмотра даже более фундаментальных принципов, нежели дальнодействие. Но Максвелл справедливо заметил: «История науки не ограничивается перечислением успешных исследований. Она должна сказать нам о безуспешных исследованиях и объяснить, почему некоторые из самых способных людей не могли найти ключа к знанию и как репутация других дала лишь большую опору ошибкам, в которые они впали» [8, стр. 69].

Максвелл фактически поворачивает к новому стилю мышления. Известно использование им метода физической аналогии или иллюстрации. Надо сказать, что на этом поприще у него были предшественники, например В. Томсон, написавший специальные работы об аналогии между формулами теорий теплоты и притяжений и механическом представлении электрических, магнитных и гальванических сил. Но Максвелл первый сознательно, разносторонне (как в теории электромагнетизма, так и в молекулярной теории газов) и эффективно использовал этот метод. «Истинно научный иллюстративный метод, — пишет Максвелл, — есть метод, который позволяет понять какое-либо представление или закон одной отрасли науки с помощью представления или закона, взятых из другой отрасли, и который, отвлекаясь вначале от различия физической природы реальных явлений, направляет мысль на овладение математической формой, общей соответствующим идеям в обеих науках» [7, стр. 14]. С иллюстративным методом связан метод изоморфного перенесения «терминологии знакомой нам науки в область науки, менее нам знакомой» [7, стр. 23]. «Данный метод является в этом случае истинно научным, т. е. он есть не только законный продукт науки, но в свою очередь может способствовать ее развитию» [7, стр. 23]. Не редукция одной теории физики к другой, но изоморфное сосуществование, выявляющее единство научного знания.

Эти взгляды неизбежно ведут к признанию существенного влияния языка на развитие науки. Максвелл подчеркивает, что необходимо «отделаться от всех тех паразитарных представлений, которые так легко связываются с каждым научным термином и придают ему ряд самых разнообразных истолкований за счет того прямого содержания, которое данным словом обозначается» (7, стр. 75]. В процессе освоения нового класса явлений и использования новых методов их изучения важно вырабатывать такую терминологию, чтобы, «когда наши воззрения делаются более ясными, усвоенный нами язык должен быть для нас помощью, а не препятствием» [8, стр. 27].

Эти идеи нашли свое преломление и в положениях, относящихся к истории науки. Он говорит о пионерах науки: «Работая в неизвестной еще области, они в своем продвижении вперед зачастую отрывались (посредством аналогии. — Б.Д.) от системы связей с уже установленной научной базой (динамикой — Б.Д.), являющейся единственной гарантией для непрерывного развития науки» [7, стр. 106]. «Но мы должны помнить, что научное или научно плодотворное значение усилий, которые сделаны, чтобы ответить на эти старые вопросы, должно измерять не надеждой получить окончательное решение, а тем, что они побуждают людей к тщательному изучению природы. всякая постановка научных вопросов предполагает наличие научных познаний, и вопросы, которые занимают человеческий ум при современном состоянии науки, весьма вероятно, могут оказаться такими, что несколько большее развитие науки покажет нам, что ответ вообще невозможен» [7, стр. 170]. «Обычно рост человеческих знаний происходит путем накопления их вокруг ряда отдельных центров. Однако рано или поздно должно прийти время, когда два или более раздела науки не смогут более оставаться независимыми друг от друга и должны будут слиться в одно согласное целое. Но хотя явления природы все согласуются друг с другом, мы должны иметь дело не только с ними, но и с гипотезами, изобретенными для их систематизации; но отсюда не следует, что гипотезы, систематизирующие одну

группу явлений, будут согласны с гипотезами, которыми другие исследователи объясняют другую группу явлений. Каждая из наук может быть достаточно согласованной внутри себя, но прежде чем соединить их воедино, нужно очистить каждую от следов цемента, служившего для предварительного соединения ее частей. Поэтому операция слияния двух наук в одну обычно включает критику установленных методов и разрушение многих, считавшихся истинными теорий, которые долго бы еще сохраняли свою научную репутацию» [7, стр. 176–177].

Эти соображения по поводу истории науки, противоречащие представлениям о принципиальной, хотя и не в частностях, завершенности механического объяснения мира, связаны именно с новым отношением к методу познания — к гипотезе, математике, языку, факту и т. п.

Уже в приведенной характеристике иллюстративного метода подчеркивается новая роль математики в физике. Никто более Д. Максвелла не содействовал столь успешно развитию математической формы физики. Но он сознательно противопоставил свой стиль работы тем, кто развивал теорию электромагнитного поля чисто аналитическими средствами, следя предшествующей схеме: от фактов к математическому выражению обобщающего их знания с элиминацией гипотезы. Максвелл боролся за то, чтобы при использовании физиком математических соотношений ему было ясно, какие «в природе действительно существуют величины (физические. — Б.Д.), удовлетворяющие этим соотношениям» [7, стр. 14].

Именно потому он так ценил работы Фарадея, что видел в их результатах определение подобных величин. Оценивая метод Фарадея как математический [8, стр. 349], Максвелл начинает видеть в математике не просто средство обобщения фактов, но также и способ превращения эмпирических данных в факты теории, их существования как объекта теории. Факт перестает быть чисто эмпирическим феноменом, он предполагает возможность его конструирования посредством теории. «Цель точных наук состоит в том, чтобы свести проблемы естествознания к определению величин при помощи действий над числами» [8, стр. 12]. При этом Максвелл считает, что необходимо «найти такой метод исследований, который на каждом шагу основывался бы на ясных физических представлениях, не связывая нас в то же время какой-нибудь теорией, из которой заимствованы эти представления, благодаря чему мы не будем отвлечены от предмета преследованием аналитических тонкостей и не отклонимся от истины из-за излюбленной гипотезы» [8, стр. 12].

Максвелл преобразует само понятие гипотезы. Она уже не является просто психологическим средством перехода от факта к теории. Говоря о фарадеевской гипотезе электротонического состояния, он пишет: «Такая догадка ученого, столь глубоко освоившегося с природой, может иногда иметь большее значение, чем наилучшим образом обоснованный экспериментальный закон, и хотя существование рассматриваемого состояния мы не можем принимать за точно установленную физическую картину, тем не менее, мы должны высоко ценить значение этой новой идеи, способной иллюстрировать наши математические понятия» [8, стр. 58].

Максвелл переосмысливает понятие факта. Его точка зрения выясняется, например, следующим замечанием: «Предложенная на предыдущих страницах теория, очевидно, носит предварительный характер, оставаясь на почве неподтвержденных еще гипотез, относящихся к природе молекулярных вихрей и характера того воздействия, которому они подвергаются благодаря смещению среды. Следовательно, всякое совпадение с наблюдаемыми фактами мы должны рассматривать, как имеющие значительно меньшее научное значение в теории магнитного вращения плоскости поляризации, чем в электромагнитной теории света, которая, хотя и включает гипотезы относительно электрических свойств среды, отнюдь не основывается на соображениях, касающихся структуры ее молекул» [8, стр. 601]. То есть, ни о какой абсолютности факта, требующего лишь своего обобщения, уже речи быть не может. Теория сама формирует из данных эксперимента соответствующий ей факт. «Зрелая теория, в которой физические факты будут физически объяснены, будет построена теми, кто, вопрошая самое природу, сумеет найти единственно верное решение вопросов, поставленных математической теорией» [8, стр. 17].

Позиция Максвелла позволила ему сформулировать статистический метод теоретического описания атомного уровня физических явлений. Он замечает, что этот метод «включает отказ от чисто динамических принципов», и считает, что «благодаря применению этих пока еще мало известных и непривычных для нашего сознания методов будут достигнуты значительные результаты. Если бы действительная история науки была иной и если бы научными доктринаами, наиболее привычными и знакомыми для нас, были доктрины, выраженные этими указанными методами, то, вероятно, мы принимали бы существование определенного

рода случайности за самоочевидную истину и считали бы философское учение о необходимости чистым со-
физмом» [7, стр. 41].

Вместе с тем, Максвелл пытается сохранить принципы динамики. «Молекулы имеют свои собственные
законы; мы избираем некоторые из них как наиболее нам понятные и как наиболее доступные для вычисления.
По этим частичным данным мы строим теорию и приписываем всякое отклонение действительных явлений
от теории возмущающим причинам. В то же время мы признаем, что называем «возмущающими причинами»,
просто ту область действительных условий, которую мы не знаем или которой пренебрегли, и обещаем учить-
вать ее в будущем. Таким образом, мы признаем, что так называемое возмущение — *простая фикция
нашего ума, а вовсе не природный факт* (курсив мой — Б.Д.) и что в действиях природы нет никаких возму-
щений» [8, стр. 25].

Необходимость преобразования понятий «факт», «гипотеза», отношения к математике и т. д. к 1870-м го-
дам возникает во многих отраслях физики. Максвелл получает, используя новые методы, замечательные
результаты в динамической теории газов, неожиданные, но подтвержденные экспериментом. И поэтому его
своеобразное использование принципов динамики в статистической физике, так же как создание теории элек-
тромагнитного поля, настоятельно требует обсуждения оснований физического знания, ценности его
результатов, короче, отношения знания к действительности. То или иное понимание этого отношения лежит
в основе любой концепции науки. То что, так сказать, варится на кухне ученого, оформляется в философские
рецепты научного познания.

Мировоззрение физиков XIX в. характеризуется прежде всего тем или иным отношением к механике Нью-
тона, парадигмой механицизма. Но переосмысление смысла категориального аппарата физики вело
Максвелла и других физиков к признанию, что теоретическое знание описывает не некую реальность саму по
себе, но ее модель, сконструированную самой теорией. Теория подтверждается экспериментом, но теперь вы-
ясняется, что его данные предстают перед ней как ее факты лишь в связи с конституирующими их в этом статусе
ролью самой теории. Каким образом можно выйти к реальности? Положение усугубляется тем, что, по Мак-
свеллу, теоретическое объяснение физических фактов предполагает математизированные гипотетические
иллюстрации. В первый период создания своей теории он предпочитал трактовать их именно «как иллюстри-
рующие, а не как объясняющие» [8, стр. 300]. Но в дальнейшем под влиянием успехов теории он все больше
склонялся к признанию того, что его механические аналогии имеют и объясняющую силу. Однако надежда
на полное объяснение новых областей физического исследования, равнозначное для Максвелла их полному
описанию в терминах динамики, так как «представляемые ими идеи настолько элементарны, что их нельзя
объяснить ничем другим» [7, стр. 104], не осуществилась. А если и осуществлялась в термодинамике, то не-
приемлемым образом для физиков ньютонианской школы.

Даже эмпирики уже отказывались видеть в ощущениях критерий истинности знания. Говоря об основа-
ниях своего закона, уже Р. Майер писал: «Двусмыслиенные и все же подкупающие свидетельства первых
чувственных впечатлений, а отнюдь не явления природы впадают в противоречия с установленными положе-
ниями. Борясь против чувственных впечатлений, мы апеллируем к истории науки» [5, стр. 130]. Но
обращение к истории науки не разрешает проблему отношения исходного для эмпирика материала познания,
т. е. ощущений, к явлениям природы, как они описаны теорией. Поэтому внутри естествознания к 1870-м
годам начинает развиваться исследование специфических механизмов взаимодействия человека с природой,
опосредствующих отношение знания к изучаемой наукой природе.

Так в результате физиологических исследований Гельмгольц пришел к выводу, что «наши ощущения по
своему качеству суть только знаки внешних объектов, а отнюдь не воспроизведения их с тою или другою
степенью сходства... Кроме одновременности их появления нет никакого другого сходства» [6, стр. 96–97].
Характеристика познавательного статуса ощущений не может быть дана только исходя из данных физиоло-
гии, она нуждается в философском осмысливании характера и роли эмпирического материала, как он образует
базу теоретического знания и преобразуется внутри последнего. Это и составляло суть размышлений Мак-
свелла о научной работе.

Р.С. Исходная версия этой статьи была написана тогда, когда мне не была доступна замечательная биография
Максвелла, написанная людьми, знавшими его при жизни. [9] Перед нами предстает глубоко
религиозный человек. К сожалению, его план написать на тему: «Reason and Faith» не был реализован. Но
характер его мыслей на эту тему довольно ясен:

Максвелл всю жизнь следовал совету матери: «Вглядывайся в природу, чтобы найти ее Творца». (Look up through Nature to Nature's God.)

Он утверждал автономию науки от политики:

«Я думаю, что люди науки, как и другие люди, должны учиться у Христа, и я думаю, что христиане, кто расположен к научным занятиям, обязаны изучать науку, чтобы их взгляд на славу Бога мог стать настолько обширным, насколько их существование способно. Но я думаю, что результаты, которые каждый человек достигает в своих попытках привести свои научные взгляды в соответствие со своим христианством, не должны рассматриваться как имеющие какое-либо значение, кроме самого человека и только для него, и не должны получать штамп одобрения общества».

Интересно отметить, как религиозные взгляды Максвелла помогали ему в научной работе. Так разработка кинетической теории газов была основана на представлении о теплоте как роде движения частичек газа (атомов или молекул). Придет время и атом предстанет как сложная система элементарных частиц, но разработка кинетической теории газов не могла начаться с такого представления. Атом, само существование которого тогда было под вопросом, должен был видеться элементарным строительным блоком материи. И Максвелл говорит:

«Хотя на протяжении веков происходили и могут произойти катастрофы на небесах, хотя древние системы могли распасться и новые системы развиваться из их руин, молекулы, из которых построены эти системы, остаются фундаментом материальной вселенной, целыми и невредимыми. И по сей день они таковы, какими были созданы, совершенными по числу, размеру и весу, и из неизгладимого характера, запечатленному на них, мы можем узнать, что стремление к точности измерений и к справедливости в действиях, которые воспринимаются нами как наши самые благородные качества, действительно, наши, поскольку они являются важными составляющими образа Того, кто в начале сотворил не только небо и землю, но и материалы, из которых состоят небо и земля».

Но при этом наука не должна зависеть от печати метафизики, ибо

«Наука не способна рассуждать о создании материи из ничего. Мы достигаем пределов наших мыслительных способностей, когда признаем, что, поскольку материя не может быть вечной и самосуществующей, она должна быть создана. Только когда мы размышляем не о материи самой по себе, а о формах, в которых она существует, наш разум находит то, на чем он может держаться».

Я думаю, Максвелл повторил бы эти слова, познакомившись с современной нам наукой

Библиография

1. А.М. Ампер. Электродинамика. М., 1954.
2. Ф. Араго. Биографии знаменитых астрономов, физиков и геометров, т. 2 СПб., 1869. (цитируется по переизданию 2000 г. доступном онлайн).
3. М. Фарадей. Экспериментальные исследования по электричеству и магнетизму, т. 2. М., 1951.
4. М. Фарадей. Сочинения, т. 3. М.
5. Р.Ю. Майер. Закон сохранения и превращения энергии. М.-Л., 1937.
6. Г. Гельмгольц. Популярные речи. Ч. I. СПб., 1898.
7. Д.К. Максвелл. Речи и статьи. М.-Л., 1940.
8. Д.К. Максвелл. Избранные сочинения по теории электромагнитного поля. М., 1954.
9. The Life of James Clerk Maxwell with a Selection from His Correspondence and Occasional Writings and a Sketch of His Contributions to Science by Lewis Campbell, M.A., LLD. and William Garnett, M.A., London, Macmillan and Co., 1882. (Доступна онлайн. Благодарю Геннадия Горелика за указание на эту биографию Максвелла. Дополнительный материал о взглядах ученого можно найти в книге Г. Горелика «Кто изобрел современную физику?» (2013 г.), гл. 5: «Первая и единая теория поля»).
10. Альберт Эйнштейн, Собрание научных трудов в четырех томах. т. 4, М., 1967.

Михаил Носоновский¹

Представления о времени эпохи Раннего Ренессанса и изобретение механических часов

Механические часы появились в Европе в конце XIII века и получили широкое распространение в XIV веке. Часы использовали периодический процесс (колебание билянцевого механизма) для точного измерения времени, что соответствует аристотелевской концепции времени, определяемого движением. Эта концепция была в центре дискуссий между схоластами и теологами, кульминацией которых стало церковное осуждение аристотелевского учения в 1277 году. Эта дискуссия также привела к развитию идеи импетуса (инерционного движения) Жаном Буриданом и Николаем Орезмским. Помимо этого, песочные часы стали популярным устройством примерно в то же время. Маятниковые часы, изобретенные Гюйгенсом в 1650-х годах, использовали линейные колебания, которые, в отличие от более раннего билянцевого механизма, имели собственную частоту, что обеспечивало гораздо большую точность из-за меньшей зависимости от трения. Оба механизма проанализированы, чтобы объяснить, почему введение линейного осциллятора привело к повышению точности часов примерно в 30 раз.

Ключевые слова: механические часы, билянец, импетус, линейные колебания, трение.

*«И как часы зовут нас в час рассвета,
Когда невеста божья, встав, поет
Песнь утра жениху и ждет привета,
И зубчик гонит зубчик и ведет,
И нежный звон «тинь-тинь» — такой блаженный»*
Данте «Божественная Комедия» (1315–1321 г.)

Введение

Истоки научной революции XVII века являются предметом длительных дискуссий. Один из центральных вопросов в этих дискуссиях — роль схоластов XIV-XVI веков в формировании представлений о времени, пространстве и движении, кульминацией развития которых стало открытие галилеева принципа инерции. Широко признано, что на отношение средневековых ученых к понятиям физики Аристотеля повлияло так называемое «Осуждение 1277 года», то есть запрет католической церковью в Париже обучать некоторым аристотелевским идеям².

Влияние декрета 1277 года на развитие физических концепций времени, пространства и движения изучалось историками науки с начала XX века и, в особенности, после 700-й годовщины запрета в 1977 году. В частности, влияние на теологию, физику, метафизику и логику широко обсуждалось в исторической

¹ Профессор отделения Mechanical Engineering Висконсинского университета в Милуоки, автор работ о физике трения, поверхностных и капиллярных явлений, а также научных и популярных статей по истории.

² Существует значительная литература об «Осуждении 1277 года» и его роли в становлении современной науки. Утверждение Пьера Дюгема (Pierre Duhem. *Etudes sur Leonard de Vinci*. Paris: Hermann, 1906–1913, Vol. I, p. 412.) будто «1277 год знаменует рождение современной науки» в разной мере оспаривалось различными учеными. Например, Edward Grant, “The Condemnation of 1277. God's Absolute Power, and Physical Thought in the Late Middle Ages”, *Viator* 10 (1979): 211–244; J.E. Murdoch (1998). 1277 and late medieval natural philosophy. In J.A. Aertsen & A. Speer (Eds.), *Was ist philosophie im mittelalter?* Berlin: Walter de Gruyter; Thijssen, J. M. M. H. (2003). “Condemnation of 1277.” In E.N. Zalta (Ed.), *The Stanford Encyclopedia of Philosophy*.

литературе³. Однако один аспект этого влияния не был детально исследован: разработка практической технологии измерения времени, в частности, изобретение механических часов⁴.

У настоящей статьи две цели. Во-первых, я хотел бы обратить внимание исследователей на почти одновременное с дискуссиями о природе времени параллельное развитие технологии измерения времени, а именно изобретение механических башенных часов в конце XIII века и появление песочных часов примерно в то же время. Оба изобретения получили широкое распространение в Европе в XIV веке, когда новые взгляды на время и движение кристаллизовались и активно обсуждались. Во-вторых, я хотел бы рассмотреть, с точки зрения механика, появление механических часов без маятника в XIII веке и их связь с изобретением гораздо более точных маятниковых часов в 1650–1670-х годах Христианом Гюйгенсом. Согласно литературе по истории часов, после введения маятника точность часов увеличилась примерно в 30 раз⁵. Такое увеличение точности требует объяснения с точки зрения динамики механизмов, использующих колебательное движение.

Теория импетуса и инерции

По мнению Аристотеля, господствовавшему в средние века, движение происходит только в случае, если на движущееся тело действует сила. Однако уже в древности встал вопрос, как объяснить движение по инерции, например, выпущенной из лука стрелы? Сам Аристотель полагал, что движение стрелы каким-то образом приводит к разрежению воздуха перед ней, что вызывает необходимую силу⁶. Византийский ученый Иоанн Филопон (ок. 490–570), а также мусульманские ученые Ибн Сина (ок. 980–1037) и принявший ислам еврейский ученый Абуль-Баракат аль-Багдади (ок. 1080–1165) предложили свои объяснения парадокса стрелы. По их мнению, стрела в момент ее запуска приобретает некую «силу», называемую «импетусом», которая продолжает действовать на стрелу в ходе ее движения.

Однако в католическую Европу представление об импетусе добралось поздно. Фома Аквинский (1225–1274), соединивший аристотелевы идеи с христианской доктриной, полностью разделял аристотелевы идеи о движении. Более того, первое из его пяти знаменитых «Доказательств бытия божьего» основывалось на идеи движения. Раз любое движение происходит под воздействием силы, передающейся от «движителя» к «движимому», то должен существовать первоисточник движения, то есть Бог.

Следующим этапом стало развитие теории импетуса французскими схоластами Жаном Буриданом (1301–1359/62) и Николаем Орезмским (1320/5–1382), которые во многом выступали как противники Фомы. Стремясь опровергнуть «первое доказательство», они отказались от аристотелевой идеи необходимости для движения постоянно действующей силы⁷. Буридан писал: «Когда движитель приводит тело в движение,

³ Sara Uckelman, Logic and the Condemnations of 1277 J. Philos. Logic, Vol. 39, No. 2 (April 2010), pp. 201–27.

⁴ Важным исключением является диссертация Christopher Brown, Writing Time: Dante, Petrarch, and Temporality. Doctoral dissertation, Harvard University, 2015). Однако Кристофер Браун рассматривает отношение ко времени в эпоху раннего возрождения с точки зрения истории литературы, а не истории науки. См. также Ricardo J. Quinones, The Renaissance Discovery of Time (Harvard University Press, 1972).

⁵ Carlo M. Cipolla. Clocks and culture 1370–1700 (Walker and Co., NY, 1967).

⁶ «А что касается перемещающихся [предметов], будет хорошо сначала разобрать одну трудность. Раз всякий движущийся [предмет], который не движет сам себя, приводится в движение чем-нибудь иным, то спрашивается: как некоторые [предметы] движутся непрерывно без соприкосновения с движущим, например [тела] брошенные?.. Необходимо все-таки сказать, что первое [движущее] может сообщить двигательную способность или обладающему такими свойствами воздуху, или воде, или чему-нибудь иному, что по природе способно двигать или находиться в движении... Такое [передаточное] движение возникает в [предметах], которые могут иногда двигаться, а иногда покойться... Поэтому в воздухе и воде и происходит такое движение, которое некоторые называют обратным круговым давлением. Иначе как указанным образом нельзя разрешить затруднение». (Аристотель, Физика 8:10)

⁷ Вот что писал интереснейший советский философ М.К. Петров (1923–1987): «...Что, собственно, и по какому адресу хотели сказать Буридан и Орем, формулируя теорему толчка, куда и в кого они метили, чего добивались? Здесь как раз нет никаких тайн и секретов, адрес практически ясен. Оккамисты сражались с Фомой за аристотелевское наследство и вокруг этого наследства. Теорема толчка нацелена на первое из пяти предложенных Фомой доказательств бытия божьего и пущена в это доказательство как разрушительный снаряд. Парижские оккамисты в их собственном мироощущении менее всего занимались закладкой фундамента опытной науки, у них были дела поважнее и поинтереснее — пустить ко дну корабль томистов, учинив ему неустранимую пробоину в самом деликатном месте». (М.К. Петров. Язык. Знак. Культура. — М.: Наука, 1991.)

он передает ему определенный импетус, то есть силу, дающую телу способность двигаться в заданном направлении, будь то вверх, вниз, в сторону или по кругу. Переданный импетус имеет величину, пропорциональную скорости»⁸.

Таким образом, в буридановом импетусе уже пропастил контур современного механического импульса, пропорционального скорости движения. Если для Аристотеля движение обуславливается силой взаимодействия со средой (то есть трением, в современных нам понятиях), то согласно теории импетуса, движение было возможно и в пустом пространстве.

Дальнейшее развитие средневековой динамики связано с группой схоластов XIV века из Мертоновского коллежа в Оксфорде, получившей название «Оксфордские вычислители» (Thomas Bradwardine, William Heytesbury, John Dumbleton и Richard Swineshead), которые заложили разделение кинематики и динамики. Накопленные знания позволили испанскому ученому Доминго де Сото (1494–1560) сформулировать утверждение о том, что при свободном падении движение происходит в режиме, который де Сото называет *motus uniformiter difformis* («равномерно-непостоянное движение»), что в переводе на нынешний язык может означать «равномерно ускоренное»⁹. Результаты де Сото могли быть известны Галилею, поскольку тот упоминает де Сото в своем *Tractatus de Elementis*; Галилей посещал в Риме классы учеников де Сото. К предшественникам Галилея также часто относят итальянца Джузеппе Молетти (1531–1588) и фланандца Симона Стевина (1548–1620), которые утверждали, что, согласно их экспериментам, время падения тел под действием силы тяжести не зависит от их веса¹⁰.

Таким образом, не умаляя достижений Галилея, придавшего принципу инерции современную, научную форму, мы видим, что это открытие было подготовлено интенсивными интеллектуальными поисками многих ученых XIII–XVI веков. В следующем разделе мы рассмотрим более подробно события, связанные с возникновением средневековых представлений о движении и времени в католической Европе.

«Осуждение 1277 года» и представления о пространстве, времени и движении

В 1906 году Пьер Дюгем (1861–1916), известный физик и историк науки, обратил внимание на некоторые аспекты научной революции, происхождение которых можно проследить в средние века. По мнению Дюгема, так называемое «Осуждение 1277 года»¹¹ побуждало ученых ставить под сомнение принципы аристотелевской науки. Одним из постулатов Аристотеля, которые подверглись критике, была идея, что не существует абсолютного времени и пространства. Другая осуждаемая идея состояла в том, что у движения всегда есть причина, которая действует постоянно. Отказ от этих и других (таких как единственность мира или невозможность вакуума) аристотелевских концепций, по мнению Дюгема, был очень продуктивным, потому что именно он привел к созданию теории импетуса Жаном Буриданом и Николаем Орезмским, что в конечном итоге привело к научной революции и к созданию не-аристотелевой физики примерно триста лет спустя, в XVII веке. Новая физика включала ньютоновские концепции абсолютного пространства и времени,

⁸ Мой перевод с английского из Pedersen, Olaf, Early physics and astronomy: a historical introduction (Cambridge Univ. Press, 1974), p. 210.

⁹ J. Mira-Pérez Domingo de Soto, early dynamics theorist. Physics Today 62, 1, 9 (2009); W.A. Wallace. The Enigma of Domingo de Soto: Uniformiter difformis and Falling Bodies in Late Medieval Physics. Isis, 59 (4), 1968, pp. 384–401.

¹⁰ О Молетти см. Laird, W.R. The Unfinished Mechanics of Giuseppe Moletti; U Toronto Press, 2000 и W. R. Laird, The Scope of Renaissance Mechanics, Osiris, Vol. 2 (1986), pp. 43–68. Laird выделяет три направления в механике XV–XVI вв.: (1) натуралистическое, (2) последователей Иордан Неморария (ученого первой половины XIII в.) и (3) архимедовское, связанное с наукой о равновесии рычагов. О влиянии схоластов на Галилея также пишут E. Grant “The Condemnation of 1277. God’s Absolute Power, and Physical Thought in the Late Middle Ages,” Viator 10 (1979): 211–244 и H.-R. Patapievici, “The ‘Pierre Duhem Thesis.’ A Reappraisal of Duhem’s discovery of the Physics of the Middle Ages” Logos & Episteme, VI, 2 (2015): 201–218.

¹¹ Осуждение, вынесенное 7 марта 1277 года епископом Парижа Этьеном Темпье (Étienne Tempier), запретило преподавание 219 теологических и философских концепций Аристотеля на факультете искусств Парижского университета, который находился под юрисдикцией епископа. Осуждение было вынесено по указанию Папы Иоанна XXI и стало результатом длительной полемики между консервативными католическими богословами и учеными-перипатетиками, которые поддерживали взгляды Аристотеля, Фомы Аквинского и Аверроэса. Почти одновременно, аналогичный запрет на преподавание 30 положений в Оксфордском университете был издан архиепископом Кентерберийским Робертом Килвардби (Uckelman, 2010, p. 202).

отличавшиеся от представления Аристотеля о времени, определяемого движением, и пространства, определяемого взаимным положением тел. По словам Дюгема, «1277 год стал датой рождения современной науки».

Многие историки не согласились с тезисом Дюгема. Так, Александр Койре считал, что «Осуждение-1277» оказалось незначительным событием для развития науки, потому что оно касалось теоретических логических возможностей, а не представления о фактическом устройстве мира¹². Другие ученые подчеркивали, что Осуждение 1277 года так и не было полностью исполнено, и многие его статьи были отменены в первой половине XIV века¹³. Однако нет никаких сомнений в том, что дискуссии XIII–XIV веков о природе времени и движения повлияли не только на возникновение теории импетуса¹⁴, но и на отношение ко времени как к измеримому свойству.

Существует два основных философских представления о времени: время, определяемое движением (или аристотелев релятивизм по отношению ко времени), и абсолютное время (иногда называемое платонизмом или абсолютизмом по отношению ко времени)¹⁵. Аристотелевская концепция времени преобладала в средние века, и она стала особенно влиятельной в Европе в XIII веке после перевода ряда произведений Аристотеля на латынь¹⁶, благодаря проникновению идей Аверроэса из мусульманского мира и, что возможно, более существенно, благодаря влиянию Фомы Аквинского (1225–1274), который объединил католическое богословие с аристотелевскими идеями¹⁷.

Некоторые из аристотелевских тезисов, осужденных в 1277 году, относились к понятиям пространства, времени и движения. Например, было запрещено учить:

«49. Будто Бог не может перемещать небесные сферы прямолинейным движением по причине того, что останется вакуум¹⁸.

87. Будто мир вечен для всех существ, обитающих в нем; и будто время вечно, как и движение, материя, действующий агент и получатель действия; и поскольку мир возник от бесконечной силы Божьей, невозможно, чтобы в следствии была новизна без новизны в причине¹⁹.

¹² Интерес Дюгема к средневековым корням физики стал реакцией на более раннюю позицию, согласно которой в «темные века» между древнегреческими авторами и Галилеем в физике и механике ничего не было сделано. Например, Лагранж написал в своей знаменитой *Mécanique Analytique* (1788), одним из важнейших трактатов по механике, что между Архимедом и Галилеем наука пережила восемнадцать веков тьмы (Horia-Roman Patapievici. The ‘Pierre Duhem Thesis.’ A Reappraisal of Duhem’s discovery of the Physics of the Middle Ages. *Logos & Episteme*, VI, 2 (2015): 201–218, p. 203). См. также Grant, 1974, p. 43.

¹³ Thijssen (2003) отмечает, что уже в 1297/98 году Годфри Фонтейнский, член теологического факультета в Париже, писал, что «в Парижском университете осуждения 1277 года были полностью проигнорированы или истолкованы таким образом, что полностью противоречили намерениям их авторов». Он предположил, что «епископ Парижа должен, по крайней мере, приостановить осуждение тех положений, которые, по-видимому, преподавались Фомой». Это и было сделано в 1325 году, когда преемник Темпье на должности парижского епископа, Стивен де Бурре, заявил, что осуждение 1277 года «не имеет канонической силы» в отношении любого осуждаемого томистского суждения. Ученые XIV века, включая Буридана, часто ссылались на Осуждение 1277 года и на порицаемые им положения (Grant, p. 239).

¹⁴ E. Grant “The Condemnation of 1277. God’s Absolute Power, and Physical Thought in the Late Middle Ages,” *Viator* 10 (1979): 211–244 и H.-R. Patapievici, “The ‘Pierre Duhem Thesis.’ A Reappraisal of Duhem’s discovery of the Physics of the Middle Ages” *Logos & Episteme*, VI, 2 (2015): 201–218

¹⁵ Ned Markosian, “Time” *The Stanford Encyclopedia of Philosophy* (Fall 2016 edition), Edward N. Zalta (ed.).

¹⁶ До XII века на латинском Западе было известно лишь несколько трудов Аристотеля, переведенных Боэтием. В течение XII века были обнаружены и получили распространение несколько переводов других текстов Аристотеля, к тому же были сделаны новые переводы его до того неизвестных на Западе работ. К началу XIII века европейским ученым стало доступно множество новых трудов Аристотеля. (Uckelman, 2010, p. 209).

¹⁷ Wippel, J.F. (1995). Thomas Aquinas and the condemnation of 1277. *Modern Schoolman*, 72, 233–272.

¹⁸ Grant, 1974, p. 48. Согласно Аристотелю, пространство определялось соотношением объектов, поэтому пустое пространство или вакуум не были возможны.

¹⁹ Представление о том, будто время не вечно, вело к вопросу, было ли время сотворено при сотворении мира. Концепция вечного существования мира расценивалась многими богословами как противоречащая библейской истории творения. Более того, утверждение о том, что нет новизны в результате, без новизны в причине противоречило идеи движения по инерции, то есть без действующей причины.

139. Будто свойство (акциденция) без предмета не является свойством, кроме как иносказательно; и будто невозможно, чтобы количество или размер существовали само по себе, поскольку это сделало бы их субстанцией²⁰.

140. Будто существование свойства без предмета является невозможным аргументом, подразумевающим противоречие.

141. Будто Бог не может ни сделать свойство существующим без предмета, ни сотворить одновременно несколько предметов в одном и том же месте».

Некоторые пункты запрета были направлены против аристотелевской концепции, что природа не терпит пустоты, и вакуум невозможен. «Осуждение» подтвердило позицию, что, хотя, возможно, природа и не допускает вакуума, это не означает, будто Бог не может создать вакуум. Другие пункты были направлены против идеи, что мир существовал всегда, а не был сотворен. Еще одно важное утверждение состояло в том, что акциденции (то есть атрибуты или свойства) не могут существовать без предмета (т.е. без субстанции). Это, в частности, относится к понятиям абсолютного пространства и времени, которые некоторые схоласты рассматривали как атрибуты без содержания.

Общая направленность «Осуждения» состояла в утверждении и подчеркивании всемогущества Бога, в вопросах, поставленных под сомнение учеными. Многие пункты требовали от ученых признать, что Бог может сделать то, что ранее ставилось под вопрос, без каких-либо ограничений, даже теоретических, в том числе тех, которые установлены законами самого Бога.

Спор о наследии Аристотеля между учеными и более консервативными теологами имел далеко идущие последствия для истории естествознания. Фома Аквинский был сторонником аристотелевской идеи о том, что для поддержания движения необходима постоянно действующая сила. Он использовал эту идею в качестве аргумента для доказательства существования Бога. Буридан и Орезм фактически спорили с Фомой, когда предложили идею импетуса или движения без действующей силы, что в конечном итоге реализовал принцип инерции.

Возможно, самой важной для концепции времени была статья, запрещающая учение:

200. «Будто вечность и время не существуют в реальности, а только в уме». («*Quod evum et tempus nichil sunt in re, sed solum in apprehensione*»)²¹.

Здесь аристотелевская концепция времени, определяемого движением, то есть иллюзии, была осуждена явным образом. Однако необходимость что-либо опровергать указывает на то, что опровергаемая концепция стала довольно популярной. И действительно, идея измерения времени с помощью периодического колебательного процесса привела к изобретению механических часов.

Изобретение механических часов

Точное измерение времени было важной технологической проблемой начиная с ранних эпох истории человечества. Первые устройства, предназначенные для этой цели, включали солнечные часы (солнечные часы), рис. 1²², водяные часы (клепсидру), рис. 2, и огневые часы. Эти относительно примитивные устройства для

Рис. 1. Набатейские солнечные часы первого века н. э. из Мада'ин Салиха (Саудовская Аравия), Стамбульский археологический музей, инв. 7664. Фото автора

²⁰ Пункты 139–141 подразумевали, что акциденции (свойства) не могут существовать без субстанции (материального носителя), что делало проблематичным промежутки времени и расстояния, которые являются свойством абсолютного времени и пустого пространства, то есть вакуума.

²¹ Uckelman, p. 215.

²² Набатейские солнечные часы I в. н. э. из Мада'ин Салиха (Хиджаз, Саудовская Аравия) с выгравированным именем владельца *mnš br ntn šlm* («Менаше, сын Натана, мир»), по-видимому, еврейские (Healey, J. F. A Nabatean Sundial from Mada'in Salih. In: Syria: Revue d'art oriental et d'archéologie LXVI. Paris, 1989. Pp. 331–336). Автор выражает благодарность

измерения времени полагались на процесс, протекающий с более или менее постоянной скоростью, такой как движение солнца и горение свечи, или на равномерный поток материала, такого как вода или песок²³.

Механические часы, появившиеся в Европе к концу XIII века, использовали совершенно другой принцип²⁴. Для точного измерения времени механические часы использовали периодическое колебательное движение

механического вала, называемого *verge*, и так называемый билянцевый (*verge-and-foliot*) спусковой механизм. Хотя вал колебался периодически, получить периодическое изохронное движение, то есть движение с более или менее постоянной частотой, было сложной задачей до тех пор, пока Галилеем в конце XVI века не было открыто свойство изохронности маятника.

Ни имя изобретателя билянцевого механизма, ни даже страна, в которой он был впервые изобретен, не известны. Некоторые историки предполагают, что изобретение могло быть обусловлено восточными и, в частности, мусульманскими влияниями, поскольку мусульманская цивилизация была достаточно продвинута в астрономических знаниях, например, используя астролябию²⁵. Однако механические часы не известны в мусульманских странах того периода. Поэтому, если восточное влияние вообще имело место, оно, скорее всего, было косвенным, благодаря распространению аристотелевского учения.

Рис. 2. Остатки водяных часов Дар-аль-Магана (Фес, Марокко), построенных в 1357 году.

Фото автора

По мнению некоторых историков, возможное упоминание механических часов содержится в заметке 1271 года английского астронома Роберта Англичанина (*Robertus Anglicus*). Он написал отрывок для комментария к астрономическому учебнику *De Sphera* Сакробоско: «Conantur tamen artifices horologiorum facere circulum qui omnino moveretur secundem motum circuli equinocialis» («[Они] пытаются построить колесо, движущееся точно в соответствии с движением небесного круга»)²⁶. Однако это описание является лишь заявлением автора о том, что механическое устройство измерения времени было бы желательным, хотя оно не было создано.

Другая гипотеза приписывает первый спусковой механизм французскому архитектору Вилару де Хонекору (*Wilars de Honecourt*). Его заметки, написанные между 1240 и 1251 годами, содержат рисунки различных

д-ру Михаилу Тувалю, обратившему мое внимание на этот объект; каменные солнечные часы ('avne ša'ot) упоминаются в ранней раввинистической литературе.

²³ H.C. Brearley. Time telling through the Ages (NY, Doubleday, Page & Co., 1919); F.J. Britten. Old clocks and watches and their makers (NY Bonanza Books, 7th ed.); E. Burton. The history of clocks and watches (Rizzoli, NY, 1979).

²⁴ C. Cipolla. Clocks and culture 1370–1700 (Walker and Co., NY, 1967).

²⁵ Наиболее известным примером проникновения мусульманских астрономических знаний на Запад является теорема Туси, предложенная персидским астрономом Насиром ад-Дин аль-Туси в 1240-х годах, которая стала решающей для развития системы Коперника. По-видимому, Орезму было известно о теореме Туси (Claudia Kren (1971). “The Rolling Device of Naṣir al-Dīn al-Ṭūsī in the *De spera of Nicole Oresme*”. *Isis*. 62 (4): 490–498). В мусульманских странах действовали водяные часы, а также некоторые другие автоматизированные устройства, такие как часы Джайрун в Дамаске (1257/1277) и Дар аль-Магана в Фесе (1357). Однако нет абсолютно никаких свидетельств о наличии механических часов в мусульманском мире того периода. О происхождении самых ранних часов смотрите также North, John D. “Monasticism and the First Mechanical Clocks.” In *The Study of Time II: Proceedings of the Second Conference of the International Society for the Study of Time*, edited by J.T. Fraser, N. Lawrence, 381–98. Berlin: Springer, 1975; Landes, David S. *Revolution in Time: Clocks and the Making of the Modern World*. Cambridge, MA: The Belknap Press of Harvard University Press, 1983, p. 53–66.

²⁶ Lynn Thorndike, “Invention of the Mechanical Clock about 1271 A.D.” *Speculum* 16, no. 2 (1941), 243; также Brown p. 35. Замечание Роберта состояло в том, что возможно построить машину, которая будет имитировать ежедневное движение небес. Примечательно, что аналогичная идея была высказана Роджером Бэконом в 1248 году. Последний упомянул самодвижущуюся астрономическую сферу, которая будет имитировать ежедневные небесные движения, среди других машин, которые могут быть построены в будущем. Для Бэкона такая возможность означала связь между человеческим и божественным искусством. (North, God’s Clockmaker: Richard of Wallingford and the Invention of Time. London and New York: Hambledon and London, 2005, p. 158; Brown, p. 45).

механизмов. Один из этих механизмов может быть своего рода спусковым механизмом, хотя возможны и альтернативные интерпретации этого рисунка.

Что касается настоящих часов, то в 1283 году в городе Данстейбл в Англии были построены первые известные механические башенные часы, в которых использовался билянцевый механизм. К другим известным ранним механическим башенным часам относятся часы в лондонском Соборе св. Павла (1286), Вестминстере (1288), Кентербери (1292), Страсбурге (1352/4), Париже (1362), Падуе (1364) и Солсбери (1386)²⁷.

Первый ясный рисунок билянцевого механизма обнаруживается в рукописи трактата 1364 года, написанной отцом и сыном Джакопо (1290–1359) и Джованни (1318–1389) де Донди, *Dondi dall' Orologio* (рис. 3). Джакопо собрал часы (поэтому к его фамилии добавили прозвище *dall'Orologio*, «Часовщик»), которые были установлены в 1344 году в Палаццо дель Капитано в Падуе. Его сын Джованни Донди тоже был часовым мастером, который построил сложные астрономические часы, завершенные в 1364 году после шестнадцати лет работы. Франческо Петрарка (1304–1374) упомянул работу Донди, назвав ее «планетарием»²⁸.

Часовщиком такого же калибра, как Донди, был английский бенедиктинский аббат из Сент-Олбанса Ричард Уоллингфордский (ок. 1291–1336), который написал *Tractatus horologii* с описанием сложных автоматов для имитации движения небесных объектов²⁹.

В XIV веке башенные часы стали повсеместным элементом городской жизни в Европе, и они упоминаются в литературе того времени. Данте упоминает часы в своей «Божественной комедии» как минимум дважды: «И как в часах колеса ходят сами, но в первом — ход неразличим извне, а крайнее летит перед глазами» («cerchi in tempore d'orfiuoli», *Рай* 24:13) и «часы зовут нас в час рассвета» («orologio che ne chiami ne l'ora», *Рай* 10:139). Эта часть «Божественной Комедии» была написана между 1315 и 1321 годами. Интересно, что Данте сравнивает действие часов с любовью:

«И как часы зовут нас в час рассвета,
Когда невеста божья, встав, поет
Песнь утра жениху и ждет привета,
И зубчик гонит зубчик и ведет,
И нежный звон “тинь-тинь” — такой блаженный,
Что дух наш полн любви, как спелый плод
Так предо мною хоровод священный
Вновь двинулся, и каждый голос в лад
Звучал другим, такой неизреченный,
Как может быть лишь в вечности услад³⁰».

Английский поэт Джон Годфри Чосер также упомянул часы в своих «Кентерберийских рассказах», написанных между 1387 и 1400 годами. Он сравнил петуха, птицу, которая просыпается рано утром примерно в одно и то же время, с часами: «Well sickerer was his crowing in his lodge / Than is a clock of any abbey orloge» («Точнее было кукареканье его, чем колокол любых часов аббатства»). Здесь *sickerer* означает «более точный», *clock* означает «колокол», а *orloge* означает «часы».

Изобретение механических часов оказало влияние на развитие экономики, техники и науки по нескольким причинам. Крупный историк науки и техники Льюис Мамфорд (1895–1990) полагал механические часы прототипом любых других машин, а изобретение часов — самым значительным техническим достижением, знаменовавшим начало периода технически цивилизованной жизни. По мнению Мамфорда, часы превратили время (а значит и труд наемного работника) в отчуждаемый товар, что стало основой капиталистической организации экономики³¹.

²⁷ Brearley, p. 77

²⁸ Maddison, Francis. “Dondi, Giovanni”. Encyclopedia.com

²⁹ North, 2005, p. 158

³⁰ Данте «Божественная Комедия», Рай 10:139–148 (Перевод Михаила Лозинского).

³¹ L. Mumford, *Technics and Civilization*, NY, 1934.

Однако для истории физики не менее важно, что часы закрепили представление о времени как об измеримом свойстве, более того, измеримом при помощи периодического колебательного процесса. Помимо этого, часы оказали влияние на историю науки по еще одной причине. Часы оказались наглядной моделью для различных механистических представлений об устройстве мироздания. Само движение небесных сфер и законы природы стали уподобляться часам, а приводимые в движение часовым механизмом механические куклы оказались моделями живых людей и животных. Часы стали символизировать такие качества как Мера и Мудрость, а искусство часовщика оказалось сопоставленным с божественным творением.

Символика механических часов

Распространение башенных часов влияло на различные аспекты городской жизни, поскольку их регулярный звон заменил перезвон колоколов на колокольнях. Понятие сезонного часа (деление дня на 12 часов и ночи на 12 часов) было постепенно заменено equinoctial, равноденственными (или равными) 24 часами, отмечаемыми механическими часами.

Разница между сезонными и равными часами была особенно значительной в северных странах, где продолжительность дня и ночи значительно отличаются друг от друга зимой и летом. Хотя в городах механические часы скорее играли символическую, чем практическую роль, в монастырях они использовались для поддержания ежедневного распорядка, включая деление дня на «канонические часы»: *matins* (3 часа ночи), *prime* (6 утра или рассвет), *terce* (9 утра или 3 часа от начала дня), *sext* (полдень или 6 часов от начала дня), *none* (3 часа дня или 9 после рассвета), *vespers* (6 часов вечера или закат), и *compline* (конец дня) по Бенедиктинскому Уставу³². Монастырские правила подразумевали, что в зимние вечера следует читать больше псалмов, чем в летние. Распространение часов затронуло даже нехристиан. Так, раввинистософисты на севере Франции и в Германии скорректировали некоторые раввинистические правила для зимних и летних месяцев³³.

Часы также приобрели символическое значение в качестве метафоры Природы, представляя микрокосм. Более того, движущиеся механические куклы людей или животных часто прикреплялись к часам. Они были известны как *Jacks o'clock* (также *jacquemarts*, *batte-campagnes*), символизировали одушевленных персонажей и часто проходили церемонии крещения и именаречения, что подчеркивало их антропоморфные качества³⁴.

Часы также рассматривались как символ «Меры» (Temperance), качества, которое подразумевало сдержанность или умеренность. Однако это же качество было связано и с «мудростью», рис. 3³⁵. Хотя автоматические куклы, соединенные с часовым механизмом, символизировали живые фигуры, сами человеческие поступки и эмоции можно было сравнить с часами.

Рис. 3. Царь Соломон чинит механические часы, миниатюра из рукописи Horloge de Sapience, 1461–65, Bibliothèque Nationale, MS fr. 455, fol 9

³² Бенедиктинский устав разделил сутки на восемь периодов по три часа каждый. День начинался на рассвете (hora prima). Продолжительность этих часов варьировалась в зависимости от сезона в зависимости от количества часов солнечного света.

³³ Kalman, David Zvi Turning Clockwise: Jews and Timekeeping from Antiquity to Modernity (PhD Dissertation, U Penn, 2019). Первые упоминания механических часов в еврейских источниках относятся примерно к 1400 г. в Италии, в колофонах рукописей, где переписчики стали указывать не только дату, но и время завершения своей работы, а книговладельцы отмечали время, когда происходили рождения, смерти и другие важные события. Эти рукописи использовали «итальянские» (то есть равные) часы, отсчитываемые от заката. Например, «22 часа» означали 2 часа до заката.

³⁴ Brown, p. 61. О значениях автоматов для средневековой механистической философии см. de Solla Price, Derek J. Automata and the Origins of Mechanism and Mechanistic Philosophy. Technology and Culture, Vol. 5, No. 1 (Winter, 1964), pp. 9–23

³⁵ Мудрость (Sapience) часто ассоциировалась с образом библейского царя Соломона White, Lynn “The iconography of Temperantia and the Virtuousness of Technology”, In: Action and Conviction in Early Modern Europe: essays in Memory of E.H. Harbison, ed. by Th.K. Rabb and J.E. Seigel, Princeton University Press, 1969.

Французский писатель Жан Фруассар (ок. 1337–ок. 1405) в аллегорической поэме *Orloge amouereus* («Часы любви», около 1380 г.), вдохновленной автоматическими часами в Королевском дворце Парижа, построенными в 1370 году Генри де Виком, сравнил механические часы с чувствами сердца любовника. Вот как Фруассар поэтически описывает билянцевый механизм, механизму которого мы более подробно рассмотрим в следующем разделе, в качестве примера уравновешенности и избежания крайностей, что является качеством Меры:

«Поскольку [первое колесо] крестило бы бесконтрольно / и слишком быстро без сдержанности, / из-за его мятежности, / ему следует воспрепятствовать и вернуть его к порядку, / контролируя его необходимым

присмотром. / Для этого, согласно надлежащему искусству, / было отрегулировано второе колесо. / Оно замедляет первое и заставляет его руководствоваться / контролем и сдержанностью / при помощи перекладины foliot, / которая без остановки перемещается, / удар вправо, а затем — влево, / и не может пребывать в покое. / Потому что этим колесо контролируется, / и истинной умеренностью направляется»³⁶.

Интересно, что символика часов использовалась как Фомой Аквинским в поддержку идеи постоянно действующей силы, так и его противником Николаем Орезмским в поддержку противоположной идеи импетуса. Фома считал часовей механизм и другие автоматы свидетельством того, что источник движения находится не в самом движущемся объекте, а вовне, в соответствии с идеей о перводвижителе Аристотеля³⁷. Напротив, Орезм сравнивал постоянное движение небесных сфер с инерционным движением или с механическими часами, которые не требовали вмешательства человека: «Когда Бог создал небеса, Он вложил в них способность и силу двигаться так же, как Он вложил вес и сопротивление этим движущим силам в земные вещи...

это очень похоже на то, как человек заводит часы и позволяет им работать и продолжать свое движение самостоятельно. Таким образом, Бог позволил небесам постоянно двигаться»³⁸.

Механика билянцевого механизма

Рассмотрим теперь работу ранних часов с точки зрения механики. Билянцевый спусковой механизм (*verge-and-foliot escapement*) в ранних механических часах состоял из вала (*verge*), соединенного с перекладиной, называемой фолио (*foliot*), к каждому концу которого были прикреплены грузики (рис. 2)³⁹. Перемещение грузов вдоль перекладины позволяло регулировать момент инерции, так что период колебаний зависел от расстояния гирь от центра. Механизм также включает в себя зубчатое храповое колесо (*crown wheel*) с пило-видными зубьями, приводимое в движение грузом. Храповое колесо может попеременно ударять по двум лопастям, прикрепленным к валу, с угловым разделением около 100°. Вращательное движение храпового колеса вызывало круговые движения фолио в переменных направлениях. Удар по первой лопасти вел к вращательному движению в одном направлении (по часовой стрелке), тогда как удар по второй лопасти вел к вращательному движению в противоположном направлении (против часовой стрелки) (рис. 4).

После того, как зуб храпового колеса покидал зацепление, колесо свободно вращалось на небольшой угол падения около 2° в течение мгновения, пока другой зуб не зацеплялся с противоположной лопастью. В этот момент другая лопасть ударялась о зуб, и фолио изменило направление вращения под действием силы, приложенной храповым колесом к лопасти. После этого следовало вращение примерно на 100°, пока лопасть не позволяла зубу снова покинуть зацепление. Этот периодический процесс продолжался бесконечно.

³⁶ Brown, p. 63.

³⁷ Поскольку механические часы еще не были изобретены, по-видимому, под *Horologium* имеются в виду водяные часы. Apparently, water clocks are implied by the *Horologium*, since mechanical clocks have not yet been invented. См. также Brown, p. 44.

³⁸ Nicole Oresme, *Le Livre du ciel et du monde*, ed. Albert D. Menut and Alexander J. Denomy, C.S.B., trans. Menut (Madison: The University of Wisconsin Press, 1968), p. 288; see also Brown, p. 49

³⁹ P. Dubois. “De Vick tower clock, built Paris, 1379, by Henri de Vick”. In.: *Historie de l' Horlogeri* (Paris: Editorial Maxator), 1849. P. 221

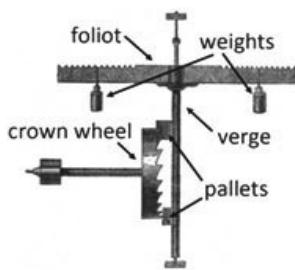

Рис. 4. Билянцевый спусковой механизм башенных часов
Анри де Вика 1379 года
в Париже

В литературе по истории часов введение маятника часто рассматривается как революционное изобретение, в то время как появление билянцевого спускового механизма иногда рассматривается как эволюционное развитие клепидры (водяных часов), использовавшихся в Европе, Азии, и на Ближнем Востоке. Действительно, сложные водяные часы имели свои собственные спусковые механизмы⁴⁰. Тем не менее, существует значительное различие между водяными и механическими часами. В первых использовался непрерывный поток для измерения временных интервалов, а во-вторых, использовался колебательный периодический процесс в качестве метода измерения времени. Спусковой механизм в клепидре — это, по сути, водный счетчик. Хотя передача технических и астрономических знаний из мусульманского мира сыграла значительную роль во многих аспектах европейского ренессанса, таких как возникновение гелиоцентрической теории Коперника⁴¹, нет никаких свидетельств такого влияния в случае билянцевого спускового механизма, который впервые появился в Европе. Следовательно, ранние механические часы представляют собой технологический скачок, который требует тщательного исследования.

Помимо общественных башенных часов, билянцевый механизм использовали для частных настенных часов. Удивительный пример механизма с анимированными настенными часами находится в Художественном музее Милуоки (рис. 5) ⁴².

Билянцевый механизм известен в литературе по механическим колебаниям⁴³. Однако вопрос о том, почему точность этого механизма оставалась столь низкой по сравнению с маятниками часами, в большинстве исследований не рассматривался. Headrick утверждает, что «наибольшие проблемы вызвали перепады температуры и уровня трения», однако он не предлагает количественного анализа⁴⁴. Наш анализ показал, что сила трения была основной причиной этого эффекта⁴⁵.

С точки зрения механики, билянцевый механизм представляет собой нелинейный осциллятор. Свойство нелинейных колебаний — они не имеют собственной частоты (то есть частоты, независимой от амплитуды колебаний). Вместо этого их частота может зависеть как от амплитуды, так и от баланса

Рис. 5. Настенные часы с автоматикой, Южная Германия 1550/1600. Железо, металлический колокол, латунь, позолоченная медь и полихромная отделка 14×6×6 1/2 дюйма (35,56×15,24×16,51 см). Художественный музей Милуоки M2002.182.

Автор фотографии: John Nienhuis (воспроизведено с разрешения)

⁴⁰ A.M. Lepschy, G.A. Mian, and U. Viaro, “Feedback Control in Ancient Water and Mechanical Clocks,” IEEE Trans. Educat., Vol. 35, pp. 3–10, 1992

⁴¹ Nosonovsky M. Abner of Burgos: the missing link between Nasir al-Din al-Tusi and Nicolaus Copernicus? Zutot 2018, 15:25–30; Barker, Peter and Heidarzadeh, Tofiqh. “Copernicus, the Tūsī Couple and East-West Exchange in the Fifteenth Century.

⁴² L. Winters and J. Bliss. A Renaissance Treasury: The Flagg Collection of European Decorative Arts and Sculpture. (NY: Hudson Hills Press, 1999), p. 26. О германских автоматических часах см. также Otto Mayr “A Mechanical Symbol for an Authoritarian World,” in The Clockwork Universe: German Clocks and Automata 1550–1650, ed. Klaus Maurice and Otto Mayr (New York: Neale Watson Academic Publications; Smithsonian Institution, 1980).

⁴³ Модель безмаятниковых и маятниковых часов рассматривалась в монографии А.А. Андronова, А.А. Витта и С.Е. Хайкина «Теория колебаний» (1937 год.). Билянцевый спусковой механизм также исследовался инженерами как пример ранней системы с обратной связью в теории управления. Так, Lepschy et al. сравнивают контур обратной связи в билянцевом часовом механизме со спусковым механизмом в водяных часах Ктесибиоса (с. 230 AD). A. Roup and D.S. Bernstein, “On the dynamics of the escapement mechanism of a mechanical clock” In: Proc. Conf. Decision and Control (Phoenix, AZ, Dec. 1999), pp. 2599–2604 investigated limit cycles of the verge escapement mechanism. See also Blumenthal, A.S.; Nosonovsky, M. Friction and Dynamics of Verge and Foliot: How the Invention of the Pendulum Made Clocks Much More Accurate. Appl. Mech. 2020, 1, 111–122. <https://www.mdpi.com/2673-3161/1/2/8/htm>.

⁴⁴ M.V. Headrick (2002). Origin and evolution of the anchor clock escapement. Control Systems, IEEE. 22. 41–52. 10.1109/37.993314.

⁴⁵ Nosonovsky and Blumenthal, p. 7–8.

движущей силы и силы трения, что делает период колебаний очень чувствительным к трению. Мы вернемся к этому, когда сравним билянцевый и более точный маятниковый механизмы.

Песочные часы

Примечательно, что башенные часы с билянцевым механизмом были изобретены и получили широкое распространение в Европе почти одновременно с песочными часами. Песочные часы — относительно простое устройство, которое могло быть изобретено уже в древности одновременно с водяными часами. Однако песочные часы не были известны или, по крайней мере, не получили широкого распространения до эпохи позднего средневековья⁴⁶.

Рис. 6. Мера (Умеренность) с песочными часами; деталь «Аллегории хорошего правления» Лоренцетти, 1338 год (находится в Palazzo Pubblico в Сиене, фото из Википедии)

высоты Полярной звезды). Однако песочные часы непрактичны для измерений больших периодов времени (десятки часов и дней), необходимых для навигации, из-за их недостаточной точности. Задача определения точного времени для нужд корабельной навигации была решена только после того, как к концу XVII века был изобретен маятниковый хронометр.

Другой возможностью является использование песочных часов для определения скорости судна путем измерения расстояния, пройденного судном в течение определенного времени, с помощью так называемого «лога». Этот метод подразумевал выбрасывание куска дерева за борт и измерение скорости судна относительно этого куска, для чего требовалось измерение периода времени. Такой метод использовался в XVI веке; однако, нет никаких свидетельств его использования в XIII–XIV веках.

По мнению Балмера, хотя песочные часы вряд ли можно было использовать для морской навигации из-за их ограниченной точности, их распространение мотивировалось использованием на судах для регулирования деятельности моряков, скажем, длительности вахт. Песочные часы имеют преимущество перед водяными часами в том, что их можно использовать во влажной, грубой, постоянно движущейся корабельной среде⁴⁹.

Балмер отмечает, что «возможно, социальная концепция времени эволюционировала от туманного континуума к количественно измеримой длительности <...> хорошо задокументированы два других применения

⁴⁶ Есть свидетельства о возможном использовании песочных часов в Европе в VIII в., однако, до позднего средневековья они почти не встречались (Britten p. 16).

⁴⁷ Robert T. Balmer, 1978. The operation of Sand Clocks and their medieval development, Technology and Culture 19:615-632.

⁴⁸ Balmer, 1978, p. 616.

⁴⁹ Balmer, p. 621.

[песочных часов] во время позднего средневековья: учеными, использовавшими часы для регулирования их распорядка уроков, и духовенством для регулирования проповедей и молитв»⁵⁰.

Песочные часы имеют серьезное преимущество перед водяными. Скорость потока сыпучего материала практически постоянна, а скорость потока жидкости зависит от давления и уровня жидкости в сосуде⁵¹. Однако как билянцевые механические, так и песочные часы не могут сравниться по точности с маятниковыми часами.

Маятниковые часы

В то время как ранние механические часы основывались на билянцевом механизме, частота колебаний которого зависела от различных факторов, таких как трение, гораздо более точное измерение времени может быть достигнуто с помощью маятниковых часов. Изохронность малых колебаний маятника или независимость частоты колебаний от амплитуды была исследована Галилеем начиная с 1588 года, а опубликованы результаты в 1602 году⁵². Галилей предложил идею оригинального спускового механизма для часов примерно в 1637 году; однако он никогда не собрал этот механизм.

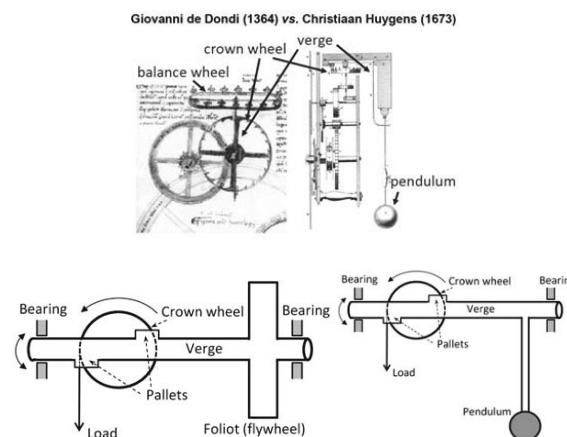

Рис. 7. Сравнение билянцевых часов Джованни де Донди (1364 г., Падуя) из его *II Tractatus Astrariorum*, и вторых маятниковых часов, построенных Кристианом Гюйгенсом (1673 г.); рисунок из его *Horologium Oscillatorium* и кинематические схемы обоих механизмов

Первые маятниковые часы были собраны в 1658 году Христианом Гюйгенсом, который использовал открытую Галилеем изохронность маятника. Маятник Гюйгенса в сочетании с якорным спусковым механизмом мог качаться примерно на 6° и обеспечивать очень высокую точность. В 1673 году Гюйгенс собрал вторую улучшенную версию маятниковых часов. Их точность составляла около 10 секунд в день (рис. 7).

⁵⁰ Balmer, p. 618. Как и в случае с механическими часами, свидетельств проникновения песочных часов из мусульманского мира найдено не было, несмотря на то что в XIII веке в Европу попадают разные научные идеи, включая использование индийских десятичных чисел, введенных Фибоначи. Международный обмен знаниями ускорился в XIII веке. В 1240-х годах почти вся Азия и части Восточной Европы стали частью одного и того же государства, Монгольской империи, что способствовало международному обмену. В Европе начали развиваться культурные институты раннего Возрождения, такие как система копирования рукописей Ресия, во многом игравшая роль, похожую на роль книгопечатания двумя веками позже.

⁵¹ Интересно, что с физической точки зрения, как было обнаружено в 1980-х годах, течение песка является примером так называемой самоорганизующейся критичности, которая настраивает систему на так называемое «критическое состояние» более или менее постоянный расход. Песчаная куча является классическим примером самоорганизующейся критической системы, как было показано (Bak, P. *How Nature works: the science of Self-Organized Criticality*, NY, Copernicus, 1996). О физике песочных часов см. Также Mills, A.A. et al. *Mechanics of the Sandglass*, *Europ. J. Phys.* 17:97–109 (1996).

⁵² S. Drake, *Galileo at Work: His Scientific Biography*. (Chicago: University of Chicago Press, 1978), p. 419.

В результате введения маятника в 1658 году точность часов увеличилась почти в 30 раз. Часы с билянцевым спусковым механизмом приводили к ошибке около 300 секунд в день, в то время как часы с маятником и якорным спусковым механизмом имели ошибку около 10 секунд в день⁵³.

С точки зрения механики, маятник, подверженный малым колебаниям, является линейным осциллятором (в том смысле, что восстанавливающий момент линейно пропорционален отклонению маятника от равновесного угла φ). В отличие от нелинейных систем, линейные осцилляторы имеют собственную частоту. Движение такого маятника хорошо аппроксимируется линейным дифференциальным уравнением второго порядка (также известным как гармоническое уравнение), $\ddot{\varphi} + \omega_0^2\varphi = 0$, где ω_0 — собственная частота (так что $T_p = 2\pi/\omega_0$ — период колебаний).

С учетом трения частота колебаний изменится, однако это изменение мало, и оно пропорционально величине трения $T_p = (2\pi - C_p f)/\omega_0$, где f — коэффициент трения, а $C_p \approx 1$ — постоянная порядка единицы⁵⁴. Это значительно отличается от системы без маятника, для которой период колебаний равен $T_v = C_v/\sqrt{f}$, где C_v — постоянная величина. Чувствительность периода колебаний к изменению трения можно рассчитать как отношение производной периода колебаний по коэффициенту трения к соответствующему периоду

$$\alpha_v = \left| \frac{dT_v}{df} \frac{1}{T_v} \right| = \frac{C_v}{2f\sqrt{f}} \frac{\sqrt{f}}{C_v} = \frac{1}{2f}, \quad \alpha_p = \left| \frac{dT_p}{df} \frac{1}{T_p} \right| = \frac{C_p}{\omega_0} \frac{\omega_0}{2\pi - C_p f} \approx \frac{1}{2\pi}$$

Отношение двух коэффициентов чувствительности можно оценить для $f=0.1$ (что является типичным значением для трения со смазкой) как $\alpha_v/\alpha_p \approx \pi/f \approx 31$. Это значение согласуется с информацией из исторической литературы о том, что введение маятника между 1658 и 1673 гг. привело к повышению точности часов примерно в 30 раз (рис. 8)⁵⁵.

Система с маятником гораздо меньше зависит от изменения трения. Так, изменение коэффициента трения на один процент от $f=0.1$ до $f=0.101$ приводит к соответствующему изменению периода колебаний на 0.5 % (или 432 секунды в день). Однако такое же изменение в системе с маятником приведет к изменению периода колебаний только на 0,016 % или 14 секунд в день.

Основным свойством маятниковых часов, обеспечившим их высокую точность, является линейность колебательного механизма, что приводит к изохронности или независимости частоты от амплитуды колебаний. Многие свойства линейных систем представляют собой суперпозицию свойств их частей, поэтому, в частности, колебания с большей амплитудой будут иметь пропорционально большую восстанавливающую силу, и, следовательно, не меняют исходную частоту.

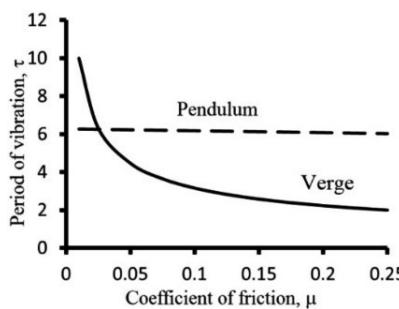

Рис. 8. Типичные зависимости периода колебаний от коэффициента трения для билянцевого (сплошная линия) и маятникового (пунктирная линия) механизма

Открытие Галилеем линейных систем, наряду с астрономическими наблюдениями Галилея, Кеплера и Ньютона показавших, что движение планет в Солнечной системе можно изучать как комбинацию проблем

⁵³ Cipolla, C. Clocks and culture 1370–1700 (Walker and Co., NY, 1967)

⁵⁴ Blumenthal, A.S.; Nosonovsky, M. Friction and Dynamics of Verge and Foliot: How the Invention of the Pendulum Made Clocks Much More Accurate. Appl. Mech. 2020, 1, 111–122, p. 7.

⁵⁵ Blumenthal and Nosonovsky, p 8.

двух тел, имело далеко идущие последствия для истории физики в ранний современный период. Эти открытия усилили редукционистский метод установления законов природы путём наблюдений частей системы, поведение которых не зависит от их «контекста». Ранним примером успешного применения редукционистского метода могут быть законы движения тела или частицы, изучаемой изолированно от окружающих объектов, действие которых заменяется суммой сил, действующих на тело. Галилео и Ньютону приписывают открытие таких законов. Некоторые философы науки обращают внимание на то, что до-галилеева механика изучала «события» (или «происшествия») в противоположность изучению явлений, введенного Галилеем⁵⁶. Изучение явлений («инвариантных форм, которые предположительно стоят за природными происшествиями») должно систематически исключать случайные факторы и препятствия, такие как трение, которые следует устранять при поиске очищенных и рафинированных явлений. Открытие инерции как явления потребовало, прежде всего, устранения трения из рассмотрения — закон инерции точно выполняется только в вакууме.

Часы как метафора природы — общий мотив для многих ученых. Кеплер писал, что его целью было «показать, что небесный механизм похож не на божественное существо, а на часы»⁵⁷. Вильям Палей (1743–1805) в своей «Естественной теологии» в качестве доказательства существования Бога приводил аргумент о невозможности возникновения часов без часовщика, сравнивая с часами рациональную и упорядоченную вселенную⁵⁸.

Заключение

Изобретение билянцевого механизма в конце XIII столетия стало прорывом в развитии технологии измерения времени. Оно привело к появлению и быстрому распространению механических башенных часов, а затем и настенных часов в Европе. Хотя точные обстоятельства этого изобретения неизвестны, это произошло почти одновременно с появлением песочных часов, что, вероятно, стимулировалось изменением отношения к организации времени во время раннего Возрождения.

Осуждение 1277 года было реакцией на растущее влияние аристотелевской философии, включая идею, что время определяется движением, таким как периодические колебания. Создание концепции импетуса (движения по инерции) Буриданом и Орезмом мотивировалось противодействием аристотелевской концепции постоянно действующей силы, разделявшейся Фомой Аквинским. Строгая формулировка этой концепции была достигнута только Галилеем более двухсот лет спустя, что стало успехом его редукционистского подхода к исследованию природных явлений. Теория импетуса соотносилась со строгой галилеевой идеей инерции примерно, как неточные билянцевые часы с маятниками.

Маятниковый механизм, созданный Гюйгенсом в 1658 году, представлял собой линейный осциллятор, который имел собственную частоту, поэтому трение оказывало лишь незначительное влияние на период колебаний. Соображения подобия показывают, что в результате введения маятника точность часов увеличилась примерно в 30 раз, что согласуется с фактическими историческими данными. Изобретение маятника можно рассматривать в более широком контексте научной революции XVII века как успех редукционистской парадигмы натуралистической философии, связанной с Галилеем и Ньютоном, когда исследование простых явлений (такие как линейные колебания или задача двух тел) служит основой для объяснения поведения сложных систем.

⁵⁶ Wiltsche H.A. Mechanics lost: Husserl's Galileo and Ihde's telescope, Husserl Stud. 2017, 33(2):149–173.

⁵⁷ Johannes Kepler, Opera omnia, ed. Christian Frisch, vol. 2 (Frankfurt: 1858–1871),

⁵⁸ Brown, p. 66. Использование символа часов в качестве аргумента в споре креационистов и атеистов легко проследить и в наше время. Например, название книги представителя «нового атеизма» Чарльза Докинза *The Blind Watchmaker* («Слепой часовщик», 1986 г.) явно отсылает к образу, использованному Палеем.

Эдуард Бормашенко¹

Информационная парадигма естествознания

Аннотация

Обсуждается информационная парадигма естествознания, базирующаяся на принципе Ландауэра. Принцип Ландауэра гласящий, что в любой вычислительной системе, независимо от её физической реализации, при потере одного бита информации выделяется теплота в количестве по крайней мере W Джоулей: $W = k_B T \ln 2$ создает основу для переосмысления фундаментальной связи между информацией, массой и энергией. Принцип Ландауэра укрепляет и обосновывает информационную метафизическую парадигму естествознания. Более того, принцип Ландауэра коренным образом меняет взаимоотношения механики и термодинамики, выводя Второе Начало Термодинамики из подчиненного состояния, и превращая его в фундаментальный физический принцип. Принцип Ландауэра усиливает парадигму естествознания, предложенную Джоном Арчибалдом Уилером, исходящую из информационной основы всех наличных в природе объектов.

Ключевые слова: Принцип Ландауэра, информация, метафизические парадигмы физики, единство информации энергии и массы, «стрела времени».

Введение

Конец XX и начало XXI ознаменовались утратой интереса практикующих физиков к философским основам естествознания [1]. Возобладал подход: «*shut down and calculate*», видными адептами которого были Лев Давидович Ландау, Ричард Фейнман и Фримен Дайсон, не высоко ставившие и опасавшиеся метафизики [2]. На самом деле, парадигма, сводящаяся к «*shut down and calculate*», представляет весьма определенную, но плохо отрефлексированную метафизику, основанную на предположении о жестком разграничении проблем физики и философии, и непродуктивности метафизических поисков в решении проблем «чистой физики». В школе Ландау культивировалось полуоткрытое презрение к философии, имевшее в том числе и оздоровляющий характер, избавляя физиков от марксистской демагогии, подменившей и вытеснившей философию [3]. Утрата интереса к философии, однако, характерна не только для советской и постсоветской физики. Мой израильский опыт показывает, что коллеги-физики вовсе не озабочены основополагающими проблемами естествознания и охотно подчиняются формуле «*shut down and calculate*», получая значимые, существенные, доброкачественные, но не эпохальные результаты. Именно такие результаты позволяют доить гранто-распределяющие структуры, обзаводиться высокими h -факторами и уверенно продвигаться по карьерной лестнице.

За утрату интереса к *архэ* пришлось и платить. Примерно полстолетия физики не сообщают о результатах, соизмеримых по значимости с открытием теории относительности и квантовой механики [4]. Фундаментальная физика по необходимости подводит к границам познания и подвижной, зыбкой границе, отделяющей физику от метафизики [5]. Между тем, к концу XX века наметился перелом, связанный со взаимопроникновением физики и теории информации, перелом метафизический, возвращающий физиков к вопросу о первокирпичке, первооснове мироздания. Этот перелом не в последнюю очередь связан с формулировкой принципа Ландауэра, которому и посвящена настоящая статья. Принцип Ландауэра предлагает, новую информационную парадигму естествознания, и реализует существенный сдвиг взгляда на взаимоотношения механики и термодинамики.

Принцип Ландауэра — путь к Великому Объединению, или еще одна формулировка Второго Закона Термодинамики?

Принцип Ландауэра очень сжато может быть представлен так: «информация — физична» [6–8]. Попытаемся придать этому утверждению более отчетливое содержание. Теория информации обычно подается в чисто математическом виде, в которой информация *вычисляется*, а вопрос о физическом носителе информации не ставится [9]. Пожалуй, первым исключением из правил была книга Леона Бриллюэна, вплотную подошедшего к тому, что сегодня в научной литературе именуется Принципом Ландауэра [10]. В самой общей своей

¹ Физик, профессор Ариэльского университета (Израиль). Автор многих публицистических и философских статей.

формулировке Принцип Ландауэра гласит, что в любой вычислительной системе, независимо от её физической реализации, потеря 1 бита информации неизбежно сопровождается увеличением энтропии самой вычислительной системы или окружающей среды. В более узком понимании, принцип Ландауэра утверждает, что при изотермическом стирании (уничтожении) 1 бита информации вычислительной системой потребляется теплота в количестве по крайней мере W джоулей: $W = k_B T \ln 2$, где k_B — постоянная Больцмана, T — абсолютная температура изотермического процесса, или, иными словами: стирание одного бита информации требует по меньшей мере $W = k_B T \ln 2$ Джоулей энергии. Заметим, что запись и уничтожение одного бита информации не симметричны. Запись одного бита может требовать и меньшего количества энергии. Принцип Ландауэра проще всего иллюстрируется минимальным тепловым двигателем, предложенным в 1929 году Лео Сциллардом, в котором в качестве рабочего тела используется одна свободная классическая частица, а нахождение частицы в определенной/неопределенной части рабочей камеры соответствует записи/уничтожению одного бита информации [11–12]. Не входя в подробности анализа «минимальной тепловой машины», заметим, что цикл Карно, проведенный подобным тепловым двигателем имеет коэффициент полезного действия, в точности совпадающий с кпд макроскопической тепловой машины, тем самым иллюстрируя «отрицательный» смысл теоремы Карно: кпд цикла Карно *не зависит* от рабочего тела, использованного тепловым двигателем [13].

Принцип Ландауэра стал в последнее время предметом ожесточенной дискуссии [14–15]. В частности, утверждалось, что он либо представляет собой перетолкование Второго Закона Термодинамики, и стало быть, избыточен; либо возвращает физиков к обсуждению Демона Максвелла [14–15]. Между тем, справедливость принципа Ландауэра была проверена в ряде тонких и точных экспериментальных работ [16–18]. Например, Beraut *et al.* проверили справедливость принципа Ландауэра на одиночной коллоидной частице, помещенной в «двугорбый» потенциал: локализация частицы в одной из потенциальных ям соответствовала записи одного бита информации; в свою очередь неопределенное между потенциальными ямами положение частицы соответствовало его уничтожению [16].

В самом деле, возможно, что принцип Ландауэра и представляет собою альтернативную формулировку второго закона термодинамики, изложенную на языке теории информации, что ничуть не умаляет его фундаментального значения, как будет показано ниже.

Мы же сосредоточимся на философских аспектах принципа Ландауэра. В первую очередь он существенно усиливает метафизическую позицию, выдвинутую Джоном Арчибальдом Уилером, афористически сводящуюся к “it from bit”. Уилер полагал, что все фундаментальные для естествознания понятия, такие как частицы и поля, имеют информационную основу [19]. Таким образом, в качестве *арх* Уилера выступает информация. Послушаем самого Джона Уилера: «любая частица, сила или поле, и даже сам пространственно-временной континуум черпают свои смысл и существование (иногда опосредованно) в так или иначе аппаратурно оформленных ответах «да» или «нет» на вопросы, поставленные исследователем»... «а то, что мы понимаем под реальностью возникает из вопросов, адресуемых нами природе, на которые возможны ответы «да» или «нет». Таким, образом подосновой любого физического объекта служит информация [19]. А принцип Ландауэра именно и устанавливает связь между информацией и энергией, — базовыми представлениями физики. Привлекая специальную теорию относительности можно пойти и дальше: если принцип Ландауэра справедлив (подчеркнем, что он был тщательно экспериментально проверен [16–18]), то изотермическое уничтожение одного бита информации требует совершения системой работы за счет поглощенного тепла и влечет за собой соответствующее изменение массы системы [ΔM определенное в соответствии со специальной теорией относительности следующим образом [20–22]:

$$\Delta M = \frac{k_B T \ln 2}{c^2}$$

Заметим, что ΔM в соответствии с представлениями теории относительности может быть и массой физического поля (например, электромагнитного). Таким образом, делается существенный шаг к «великому» объединению информации, массы и энергии [20–22]. Метафизические последствия подобного объединения трудно переоценить. В частности, возникает принципиально новый онтологический подход: физический

объект признается *существующим*, если он в состоянии нести энергию/массу, достаточные для записи/уничтожения одного бита информации. Асимметрия записи/уничтожения информации при этом приобретает принципиальное значение, проясняя происхождение «стрелы времени». Принцип Ландауэра позволяет и оценить информационную емкость Вселенной, которая оказывается огромной, но, что принципиально — конечной [22]. Следует подчеркнуть, что принцип Ландауэра остается справедлив и для квантовых объектов [23].

Однако, принцип Ландауэра идет и значительно дальше. Предлагая термодинамический эквивалент одного бита информации, он выводит термодинамику из подчинения механике. Традиционный взгляд на взаимоотношения механики и термодинамики таков: фундаментальны, первичны законы механики, а термодинамика представляет всего лишь ее обобщение на системы с большим числом частиц. При этом уже полтора столетия физиков терзает проблема «стрелы времени». Как из обратимых во времени законов механики возникает необратимость, постулируемая вторым законом термодинамики и столь хорошо известная экспериментаторам?

Второсортность термодинамики по отношению к механике, на самом деле, предполагает плохо отрефлектированную философскую позицию: фундаментальны взаимодействия между отдельными частицами, поведение больших макроскопических систем должно быть понято исходя из этих взаимодействий. Говоря философски: фундаментальны, первичны части макроскопической системы; целое, сама система — вторична. Принцип Ландауэра переворачивает проблему, утверждая, что система и ее температура первичны, а вычисленные взаимодействия составляющих ее частиц — вторичны. Таким образом, мы можем утверждать, что «стрела времени», необратимость наблюдаемых нами физических процессов — первична, а обратимость взаимодействия отдельных частиц, видимая, как соударение биллиардных шаров, представляет собою частный, вырожденный случай глобальной необратимости физических процессов.

Нелишне заметить, что совершенно обратимых процессов физика и не знает, ибо систем, в которых трение полностью отсутствует, попросту не существует. Не говоря уже о том, что всякое физическое измерение необходимо должно завершиться в макроскопической, необратимой, термодинамической системе, каковыми являются физический прибор и человек. Таким образом, как сказал бы Джон Арчибальд Уилер, «в нашем с вами наблюдаемом мире», совершенно обратимых процессов нет, и наличие стрелы времени является фундаментальным физическим фактом. А Второй Закон Термодинамики в любой из его формулировок, включая формулировку, предложенную Рольфом Ландауэром, является фундаментальным физическим законом, а во все не недоразумением, неизвестно как проросшим на почве обратимых законов механики, будь то классической или квантовой. Особо отметим, что принцип Ландауэра, перетолковывая Второе Начало Термодинамики на языке теории информации, превращает бит в фундаментальную физическую структуру.

Информационная трактовка физики приобретает особые актуальность и звучание, в связи с постановкой фундаментального вопроса: какова *максимальная скорость* выполнения вычислительных операций данным физическим процессором [24–25]? Любопытно, что предложенная оценка этой скорости зависит только от фундаментальных физических постоянных (скорости света, гравитационной постоянной и постоянной Планка) [26], и не зависит ни от массы процессора, ни от температуры его функционирования (чего следовало бы ожидать, исходя из принципа Ландауэра). Эта фундаментальная проблема требует отдельной проработки.

Заключение

Принцип Ландауэра, сформулированный в 1961 году Рольфом Ландауэром, исподволь готовит смену метафизической парадигмы современного естествознания, полагая фундаментальной первоосновой природы — информацию. Тем самым, принцип Ландауэра поддерживает и развивает идеи, выдвинутые Джоном Арчибальдом Уилером, и не вполне в шутку сводящиеся к «it from bit». Принцип Ландауэра устанавливает количественную связь между информацией, энергией и массой, делая важный шаг к «великому объединению», переосмысливая фундаментальную связь между информацией, массой и энергией. Принцип Ландауэра подводит фундамент под новую, информационную онтологию, сводя проблему существования физического объекта к возможности фиксации информации, относящейся к объекту. Принцип Ландауэра позволяет оценить и информационную емкость Вселенной, которая оказывается принципиально — конечной. Принятие принципа Ландауэра, приводит к признанию фундаментальности Второго Начала Термодинамики и тщетности попыток его обоснования на основе обратимых во времени уравнений классической и квантовой механик.

Термодинамика не сводима к механике. Первичными являются большие, макроскопические, термодинамические, необратимые системы, включая человека-наблюдателя и физический прибор. Таким образом, Принцип Ландауэра приводит к существенному сдвигу взгляда на метафизику естествознания.

Благодарность

Автор признателен Геннадию Горелику за введение в круг идей, связанных с «пределом Бремермана», и продуктивное редактирование текста статьи.

Литература

1. Владимиров Ю.С. Метафизика. — М.: Бином. 2009.
2. Кузнецов С.И. Стандартные модели: метафизика искаженной реальности, Метафизика, 2018, 2 (28) 22–28.
3. Каганов М. К столетию со дня рождения Льва Давидовича Ландау. — 7 Искусств, 2019, 9 (113).
4. Smolin Lee, The trouble with physics. — Houghton Mifflin Co., Boston, USA, 2007.
5. Севальников А.Ю. Традиционная метафизики и квантовая механика. — Метафизика, 2017, 1 (23), 33–52.
6. Landauer R. Dissipation and heat generation in the computing process. — IBM Journal of Research and Development 1961, 5, 183.
7. Landauer R. Information is physical. — Physics Today 1991, 44 (5), 23–29.
8. Landauer R., Minimal energy requirements in communication. — Science 1996, 272, 1914–1918.
9. Фурсов В.А. Лекции по теории информации: Учеб. пособие под редакцией Н.А. Кузнецова — Самара: Изд-во Самар. гос. аэрокосм. ун-та, 2006.
10. Бриллюэн Л. Наука и теория информации, М. Физматгиз, 1960.
11. Szilard L. 1929 über die Entropieverminderung in einem thermodynamischen System bei Eingriffen intelligenter Wesen, Zeitschrift für Physik. 1929, 53 (11–12), 840–856.
12. Lutz E., Ciliberto S. Information: From Maxwell's demon to Landauer's eraser. — Physics Today 2015, 68 (9), 30–35.
13. Bormashenko Ed., Shkorbatov A., Gendelman O. The Carnot engine based on the small thermodynamic system: Its efficiency and the ergodic hypothesis. — Am. J. Physics 2007, 75, 911–915.
14. Norton, J. D. Eaters of the lotus: Landauer's principle and the return of Maxwell's demon. — Studies in History & Philosophy Sci. B 20056 36 (2), 375–411.
15. Norton, J. D. 2011, Waiting for Landauer, Studies in History & Philosophy Sci. B - 2011, 42, 184–198.
16. Bérut A., Arakelyan A., Petrosyan A., Ciliberto S., Dillenschneider R., Lutz E. Experimental verification of Landauer's principle linking information and thermodynamics. — Nature 2012, 483, 7388.
17. Jun Y., Gavrilov M., Bechhoefer J. High-Precision test of Landauer's Principle in a feedback trap. — Phys. Rev. Lett. 2014, 113 (19), 190601.
18. Gaudenzi R., Burzuri, E., Maegawa S., van der Zant H., Luis F. Quantum Landauer erasure with a molecular nanomagnet. — Nature Physics 2018, 14 (6), 565–568.
19. Wheeler J.A. Information, Physics, Quantum: The Search for Links, Proceedings of the 3rd International Symposium on Foundations of Quantum Mechanics in the Light of New Technology, Tokyo, 1989, 354–368.
20. Herrera L. The mass of a bit of information and the Brillouin's Principle. — Fluctuation & Noise Lett. 2014, 13 (1), 2014, 14500.
21. Vopson M. M. The mass-energy-information equivalence principle. — AIP Adv. 2019, 9, 095206.
22. Bormashenko Ed. The Landauer Principle: Re-Formulation of the Second Thermodynamics Law or a Step to Great Unification? Entropy 2019, 21(10), 918.
23. Hilt S., Shabbir S., Anders J., Lutz E. Landauer's principle in the quantum regime. — Phys. Rev. E. 2011, 83, 030102(R).
24. Bremermann H.J. Optimization through evolution and recombination In: Self-Organizing systems 1962, edited M.C. Yovits et al., Spartan Books, Washington, D.C. pp. 93–106.
25. Margolus N., Levitin L. B. The maximum speed of dynamical evolution". Physica D, 1988, 120 (1–2), 188–195.
26. Gorelik, G. Bremermann's Limit and cGh-physics, ArXiv, 2010, arXiv:0910.3424.

Виктор Каган¹

Homo totalitaris

1

В начале 1980-х гг. меня пригласили прочитать лекцию на конференции по детству. Президиум — горком, горсовет, гороно... Два лектора передо мной гипнотизировали зал, на разные лады повторяя мантру о воспитании советского человека, начиная с пелёнок. Я позволил себе говорить о том, что *человек* — имя существительное, а *советский* — прилагательное, и надо воспитывать человека, а потом уже прилагательные к нему прилагать. В перерыве меня взяла в оборот горкомовская дама, мол, вы не понимаете — *советский человек* это имя существительное, которое на существительные и прилагательные не делится. Аудитория уже услышала то, что я хотел сказать, и никакого смысла после драки махать кулаками перед номенклатурной дамой я не видел. Я тогда не знал, что С.Н. Булгаков уже в 1918 г. писал о *Homo Socialisticus*², что проблема авторитарной личности возникла на рубеже 1920–1930 гг. и тогда же в Германии был проведен первый мас-совый опрос на эту тему, а в 1933 г. вышла книга немецкого психоаналитика В. Райха «Психология масс и фашизма»³, не слышал о работах Т. Адорно⁴, Х. Арендт⁵ и др., не видел тамиздатовский «Гомосоветикус» А. Зиновьева, много чего не видел и не знал ... Но передо мной стоял живой и такой яркий образец *новой исторической общности людей* что, в моих словах в ответ, мол, вы правы, да, сейчас я вижу, что *советский человек* это имя существительное, не было лжи.

В конце 1980-х — начале 1990-х гг. появились работы Р. Бистрицкса и Р. Кочюнаса⁶, Л. Гозмана и А. Эткинда⁷, М. Геллера⁸ и др. Они описывали феномен *Homo Sovieticus* как «ощущение своей принадлежности к великому, сильному и доброму народу; ощущение своей включённости в движение по магистральному пути мировой цивилизации; ощущение своей подвластности могущественному, никогда не признающему своих ошибок государству; ощущение своей безопасности среди равных друг другу людей, живущих общей жизнью и всегда готовых прийти на помощь; ощущение своего превосходства над порочным и не признающим очевидных истин миром»⁹. Но это скорее то, что идеология предписывала и навязывала человеку, а «...основная трагедия русской политической и общественной жизни заключается в колоссальном неуважении человека к человеку» — говорил Иосиф Бродский¹⁰ и продолжала Ольга Седакова: «Я описывала бы феномен *советского человека* скорее негативным образом: отмечая не то, что в нём есть, а то, чего в нём нет и быть не должно. И первым среди этих отсутствий я бы назвала уважение к себе...»¹¹. «...одно дело *советский человек* как проект или идеал, другое дело — реальность», замечает она¹². Психологический портрет *Homo Sovieticus* включает в себя: догматизм; нечувствительность к собственному опыту и безграничное доверие коллективному уму; принятие ответственности только за желательные результаты своих действий (внутренний локус

¹ Д. мед. н. (РФ), M.D., Ph.D. (USA). Автор более 30 книг. Член Независимой Психиатрической Ассоциации России, почетный член Восточно-Европейской Ассоциации Экзистенциальной Терапии, приглашённый преподаватель Московского Института Психоанализа и Института Гуманистической и Экзистенциальной Психологии (Литва).

² Булгаков С.Н. На пиру богов. В кн.: Изъ глубины. Сборник статей о русской революции. Москва-Петроград: Русская мысль. 1918, С. 300.

³ Райх В. Психология масс и фашизм. СПб: «Университетская книга», 1997. — 380 С.

⁴ Адорно Т. Исследование авторитарной личности. М.: Серебряные нити, 2001. — 416 С.

⁵ Арендт Х. Истоки тоталитаризма. М.: ЦентрКом, 1996. — 672 С.

⁶ Бистрицкас Р., Кочюнас Р. *Homo soveticus* или *Homo sapiens*? Несколько штрихов к психологическому портрету // Радуга. 1989. № 5. С. 78–82.

⁷ Гозман. Л. Я., Эткинд А. М. Метафоры или реальность? Психологический анализ советской истории // Вопр. филос. 1991. № 3, С. 164–173.

⁸ Геллер М. — Машина и винтики. История формирования советского человека. М.: «МИК», 1994 — 336 С.

⁹ Гозман. Л. Я., Эткинд А. М. Ibid.

¹⁰ Бродский И. В фильме «Прогулки с Бродским» // Эл. источник. — <https://www.youtube.com/watch?v=aFprU0gZkK8>

¹¹ Седакова О. О феномене советского человека // Огонёк, Январь 2011, № 2.

¹² Седакова О. Ibid.

контроля успехов) и вера во внешние силы и возложение на них ответственности за нежелательные результаты (внешний локус контроля неуспеха); расщепление личного и социального Я; постоянный страх, чувство небезопасности и неустойчивости; низкие самооценка и самопринятие; тенденция скорее избегать трудностей, чем стремиться к достижению позитивных целей; низкое осознавание социальных процессов; восприятие настоящего как точки симметрии прошлого и будущего¹³.

В наивных мечтах романтиков от демократии постсоветский человек рисовался как противоположность советскому, который исчезнет вместе со строем. Но чудес не бывает и Л. Гозман и А. Эткинд¹⁴ подчёркивали, что *Homo Sovieticus* сохранится либо по защитным механизмам утируясь, либо меняя знак с плюса на минус — чувство принадлежности к великой общности, идущей столбовой дорогой развития, сменится чувством выброшенности за рамки общего хода истории, отвергнутости, отторженности, потеряянности, подавленности и приниженности. «Жертвами режима считают обычно убитых и репрессированных, но ... настоящими жертвами террора (то чёрного, то серого) стали те, кто уцелели и приспособились — и чем успешнее они это сделали, тем плачевнее антропологический результат. Я думаю, мы все — кроме блаженных — несём в себе этот советский невротизм: какую-то дыру внутри на месте точки опоры»¹⁵.

В описаниях *Homo Sovieticus* нетрудно найти сходство с тем, что описывалось под названиями авторитарной, догматической, консервативной, фашистской личности и т. п. А.В. Гронский говорит о большей характерности для авторитарной личности связи доминирование-подчинение, а для тоталитарной — подчинение-конформизм¹⁶. Он полагает, что тоталитарная и авторитарная личности не тождественны, но и не исключают друг друга и часто сочетаются, а встретить сегодня в России тоталитарную личность «в её завершённом выражении» едва ли возможно и удачнее говорить о тоталитарной предрасположенности, под которой он понимает сочетание конформизма, подчиняемости и внешнего локуса контроля в отношениях с властью. Об определённых различиях авторитарной и тоталитарной личностей писала и Х. Арендт, впрочем, не отрицавшая их известной общности¹⁷. Думаю, *Homo Sovieticus* не самостоятельный феномен, а ветвь в кластере *Homo Totalitaris*, проявляющаяся в разных обществах в разной мере и режиссуре, разных культурных контекстах (см. табл.1).

Табл. 1. Типы политического сознания (по Гозман Л.Я. и Эткинд, А.М., 1989¹⁸)

Общества Признаки	Тоталитарное	Авторитарное	Либеральное	Демократическое
Характер и мера осуществления власти.	Всеобщий, не знающий границ контроль и насилие.	Существуют недоступные контролю анклавы.	Власть ведёт диалог с созревшими в анклавах независимыми группами и сама определяет его результаты.	Власть осуществляется избранными в соответствии с законом представителями граждан.
Отношение людей к власти: не за или против конкретной власти, а общая	Слияние с властью.	Отчуждение от власти.	Влияние на власть.	Выбор конкретных носителей власти.

¹³ Бистрицкис Р., Кочюнас Р. Ibid.

¹⁴ Гозман Л.Я., Эткинд А.М. Люди и власть: от тоталитаризма к демократии. В кн.: В человеческом измерении. Прогресс, 1989 — 488 С.

¹⁵ Седакова О. Ibid.

¹⁶ Гронский А.В. О концептах авторитарной и тоталитарной личности //Журн. практ. психол. и психоанализа. 2018. № 1. Эл. источн. — <https://psyjournal.ru/articles/o-konceptah-avtoritarnoy-i-totalitarnoy-lichnosti>

¹⁷ Арендт Х. Ibid.

¹⁸ Гозман Л.Я., Эткинд А.М. Люди и власть: от тоталитаризма к демократии. В кн.: В человеческом измерении. Прогресс, 1989. — 488 С.; Гозман Л.Я., Эткинд А. The Psychology of Post-Totalitarianism in Russia. London, 1992. — 121 Р.

характеристика взаимодействий общества с политической властью.				
Статус горизонтальных социальных структур.	Разрушение любых горизонтальных структур.	Допущение неполитических горизонтальных структур.	Разрешение любых организаций, кроме претендующих на власть.	Структура общественных организаций становится основой политической системы.
Сфера допустимого и запретного и характер этих запретов.	Разрешено то, что приказано властью, всё остальное запрещено.	Разрешено то, что не имеет отношения к политике.	Разрешено всё, кроме смены власти.	Разрешено всё, кроме того, что запрещено законом.
Характер политических идеалов.	От власти требуется всемогущество, от людей — энтузиазм и скромность.	От власти требуется компетентность, от людей — професионализм и послушание.	От власти требуется нравственность, от людей — активность без ответственности.	От власти и от граждан требуется одно — соблюдение законов.

2

Даже в самом тоталитарном обществе, где вроде все одним миром мазаны, не все одинаковы и один измазан, другой помазан, этот в тоталитарном строю в прицел глядит, тот — «один, который не стрелял». Помню восьмилетку, приведенного на приём в середине 1970-х с жалобами на упрямство — дома поёт, а в школе нет и ему тройки из жалости ставят, в остальном он отличник. Двое родителей и прародители с обеих сторон — все педагоги — безуспешно борются с его упрямством то лаской, то таской. Он становится всё более подавленным, дёрганным, плохо спит и ест. Заходит, здоровается, садится и, не дожидаясь вопросов по-стариковски печально, но твёрдо говорит: «Я понимаю, что нужно петь хором, тем более — у нас страна такая. Но я же не виноват, что люблю петь один». Очень я его зауважал.

Существуют ли авторитарный/тоталитарный тип личности, определяющий её политическое сознание? А если да, в чём его источники, как такой тип личности формируется? Этим и другим вопросам были посвящены некоторые мои скорее ставившие проблемы, чем решавшие их работы раннего постсоветского времени¹⁹.

Характер — врождённый почерк поведения — вероятно, первое, что просится в качестве причины: «Он/она такой/такая» и далее до выставления диагнозов. Моя 9-летняя пациентка, о которой мать говорит, что она неуправляема, всеми командует и, желая сесть на скамейку, сгонит единственного сидящего на ней ребёнка; в ходе беседы спрашиваю мать, на кого девочка похожа по характеру, и слышу в ответ: «Я понимаю, доктор, что вы хотите сказать, но мне-то она должна подчиняться!». Воспитательница детского сада не знает, что ей делать с 5-летней девочкой, которая подчинила себе всю группу, а если кто-то вдруг не подчинится ей, другие дети по её приказу тащат ослушавшегося к раковине, мылят ему глаза и не дают смыть мыло. Конечно, ребёнок не *tabula rasa*, на которой первом воспитания можно записать что угодно — характер во многом определяет реакции на воспитание. То, что у таких детей тяга к авторитарному поведению будет выше, не вызывает сомнений, но политическое сознание этим не объяснить — они могут быть авторитарными

¹⁹ Каган В.Е. Знак насилия // Досье на цензуру. 1999, № 2, С. 63–66; Каган В.Е. Дети насилия // Психолог. Газета, 1997, 3, С. 6–7; Каган В.Е. Ребёнок и психологическое насилие // Знание — сила, 1995, № 10, С. 114–118, № 11, С. 100–105; Каган В.Е. Ребёнок и психологическое насилие // Бюллетень защиты прав ребёнка, 1994, № 1, С. 5–6; V. Kagan. Les „enfantes de l’Utopie”. L’individu et la „conscience totalitaire“ // La Revue AGORA — ethique, medecine, societe. 1992–1993, № 24, Р. 55–58; Каган В.Е. Тоталитарное сознание и формирование личности // Вестник РАТЭПП, 1992, № 2, С. 3–14; Каган В.Е. Тоталитарное сознание и ребёнок: семейное воспитание // Вопр. психол., 1992, № 1–2, С. 14–21. и др.

лидерами противостоящих политическому тоталитаризму групп с высоким риском просто смены флага над тоталитарностью. По М. Рокичу²⁰ ядром авторитарной личности являются ригидность и догматизм, благодаря которым складывается жёсткая структура нетерпимости к одним и избирательной терпимости к другим: воспитуемы не черты, а точки их социального приложения.

Первая теория авторитарного характера принадлежит В. Райху. Он считал его результатом подавления у ребёнка естественной сексуальности. В написанной в начале 1930-х гг. и запрещённой нацистами книге «Психология масс и фашизм»²¹ он описал механистически-мистический тип характера как порождающий фашизм — нет людей, писал он, без элементов фашистского восприятия и мышления, которыми и порождается фашизм. По мнению Райха, фашизм это не политика, а концепция жизни стремящегося к власти и в то же время протестующего «маленького человека». Его беспомощность выражается в идентификации с фюрером, в которой прячется детская потребность в защите. Несамостоятельность, тревога, выработанная готовность к подчинению заглушаются чувством принадлежности к великой нации, великому делу, в которых индивид обретает уверенность.

По Т. Адорно²² авторитарная личность формируется в ходе ранней социализации ребёнка, когда отец авторитарен, а мать эмоционально дистанцирована. Такой личности присущи конвенционализм (приверженность социальным нормам, воспринимаемым как санкционированные властью), подчинение авторитетам, авторитарная агрессия, слабость чувственного восприятия мира, суеверия и стереотипы, власть и жёсткость, цинизм и деструктивность, морализаторство, гомофобия. Позже Б. Альтемайер в книге «Спектр тоталитарности»²³ свёл описание к трём основным характеристикам: безоговорочное подчинение властям и авторитетам, агрессия по отношению к группам, неодобрение и неприятие которых воспринимается как одобряемое властями и конвенционализм.

Э. Фромм различал два типа людей, поддерживающих тоталитаризм: садомазохистский — получающий удовлетворение от подчинения силе и причинения боли другим, и конформный — складывающийся на основе подавления индивидуальности в ходе воспитания и формирования потребительской культуры. В «Бегстве от свободы»²⁴ он описывает как представителей авторитарного характера людей, стремящихся ради обретения недостающей им силы отказаться от независимости и соединить себя с группой или идеей. К числу его признаков Фромм относил поклонение силе и власти; конформизм, чёрно-белую систему отношений (власть-подчинение, сила-слабость, свой-чужой и т. д.); убеждение, что человеческая жизнь управляет внешними силами; самооценка, самоуважение достигаются в отношениях господства-подчинения. Авторитарная личность стремится избавиться от ощущения собственной ничтожности посредством симбиоза с внешним объектом, который достигается с помощью отношений господства-подчинения. Такая личность если и бунтует против власти, то не собственно против неё, а против её слабости, усиливающей тревогу. Жестокость диктаторов — Гитлера, Сталина — Фромм объяснял с позиций учения о биофилии-некрофилии. «Если в отношении *нормального* человека нас будет интересовать лишь его экономическая обеспеченность, если мы упустим из виду подсознательное страдание среднего автоматизированного человека, мы не сможем понять ту опасность, исходящую из человеческого характера, которая угрожает нашей культуре: готовность принять любую идеологию и любого вождя за обещание волнующей жизни, за предложение политической структуры и символов, дающих жизни индивида какую-то видимость смысла и порядка. Отчаяние людей-роботов — питательная среда для политических целей фашизма»²⁵.

Дж. Даккит связывает авторитарность идентификационным выбором — их с К. Фишером эксперимент показал, что предпочтения сдвигаются к авторитарному правлению, если люди чувствуют свою группу в опасности; по мнению Д. Ойстриха, в ситуациях угрозы безопасности возможны инфантильные реакции и регressive инфантилизация, когда люди чувствуют себя по-детски беспомощными и ищут опоры и защиты у «родительской» авторитарной/тоталитарной власти, принимающей ответственность за себя²⁶.

²⁰ Гронский А.В. Ibid.

²¹ Райх В. Психология масс и фашизм. СПб: «Университетская книга», 1997. — 380 С.

²² Адорно Т. Ibid.

²³ По Гронский А.В. Ibid.

²⁴ Фромм Э. Бегство от свободы. М.: АСТ, 2006. — 571 С.

²⁵ Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. М.: АСТ, 2004, С. 244.

²⁶ По Гронский А.В. Ibid.

Э. Гринвальд²⁷, рассматривая Я как организацию знания, отмечает, что оно характеризуется познавательными склонностями (Я как фокус знания, принятие ответственности лишь за желательные результаты деятельности при отказе от ответственности за результаты нежелательные, когнитивный консерватизм), по-различно похожими на тоталитарные информационно-контрольные системы, описанные Дж. Оруэллом. По его мнению, этот обозначаемый им как «тоталитарное Я» комплекс свойств нормального человеческого познания играет охранительную роль в организации когнитивных структур. Он видит в этом аналог генетической эволюции, образующий альтернативу преимущественно мотивационным и информационным интерпретациям когнитивных склонностей. Иными словами, *тоталитарное Я* выступает как антитеза *дезорганизованному Я* с познавательным фокусом вне себя, полевым характером познавательных процессов и атрибуцией ответственности лишь за неудачи. В таком случае *тоталитарное Я* ответственно не только за упорядоченность познавательных процессов, но и в некоем оптимальном сочетании со своей противоположностью — за креативность и эффективность поведения.

Как можно видеть, тоталитарное сознание, выступает, по крайней мере, в трёх уровнях ипостасях: как общепсихологический когнитивный механизм, как индивидуально-личностное образование и как социокультурный феномен. Отсюда следует, что система тоталитаризма не просто механически навязывает всем без исключения якобы изначально чуждое им тоталитарное сознание, но апеллирует к уже существующим общепсихологическим и личностным его предпосылкам. Одновременно тоталитаризм выдвигает на первый план людей, в характере личности которых свойства тоталитарного Я или на худой конец способность более или менее убедительно их имитировать занимают ведущее место. Массовое сознание, таким образом, не только вводится в тоталитарную колею, но и получает идентификационные образцы тоталитарного идеального Я. Стало быть, главная цель тоталитарной системы — не просто трансформация личности, обеспечивающая её подчинение системе, а также трансформация, в ходе которой человек «открывает» в себе общепсихологическое или индивидуально-личностное тоталитарное Я, с которыми и идентифицирует свое целостное актуальное Я.

3

Владимир Лефевр провёл эксперимент, основанный на его гипотезе: «Кажется оправданным предположить, что структура морального сознания универсальна и не зависит от конкретной культуры. Есть однако одна степень свободы, которая позволяет существовать двум типам морали. Эта степень свободы связана с возможностью оценивать *соединение* (компромисс) добра и зла либо как добро, либо как зло, и, соответственно, *разъединение* (конфронтация) добра и зла может быть оценено либо как зло, либо как добро. В результате получаем *две различные этические системы* и выдвигаем гипотезу, что одна этическая система реализуется в американской культуре, а другая — в советской»²⁸. Эта гипотеза была в 1970-х гг. была изящно проверена в эксперименте с 84 недавними эмигрантами из СССР и 62 американцами, которым предлагалось ответить «да» или «нет» на четыре пары вопросов; результаты см. в табл. 2.

Табл. 2. Результаты опроса (В. Лефевр)²⁹

	Утверждения	% согласных	
		Американцы	Выходцы из СССР
1	1. Доктор должен скрывать от пациента, что тот болен раком, чтобы уменьшить его страдания.	8,0	89,0
	2. Доктор не должен скрывать от пациента, что тот болен раком, даже чтобы уменьшить его страдания.	80,5	15,8
2	1. Хулиган может быть наказан строже, чем требует закон, если это послужит предостережением для других.	11,5	84,5

²⁷ Greenwald A. The totalitarian ego: Fabrication and revision of personal history //Am. Psychol. 1989. V. 35. N 7. P. 603-618.

²⁸ Лефевр В. Алгебра совести. М.: КОГИТО-ЦЕНТР, 2003. С. 56.

²⁹ Ibid. С. 58

	2. Хулиган не может быть наказан строже, чем требует закон, даже если это послужит предостережением для других.	83,6	28,0
3	1. Можно дать ложные показания на суде, чтобы помочь невиновному избежать тюрьмы.	19,9	65,0
	2. Нельзя давать ложные показания на суде, даже чтобы помочь невиновному избежать тюрьмы.	82,25	42,5
4	1. Можно послать шпаргалку, чтобы помочь близкому другу на конкурсном экзамене.	8,0	62,0
	2. Нельзя посыпать шпаргалку, даже чтобы помочь близкому другу на конкурсном экзамене.	90,3	37,5

При высокой готовности к компромиссному поведению американцы негативно оценивают соединение добра и зла и позитивно — их разделение, тогда как выходцы из СССР соединение добра и зла воспринимают позитивно, их разделение — негативно, а готовность к компромиссному поведению низка. Доминирование второй этической системы — бескомпромиссный конфликт неотличимых друг от друга добра и зла — является симптомом антропологической катастрофы, которая может иметь губительные последствия не только для индивида и для данного общества, но и на глобальном уровне: «....когда я слышу об экологических бедствиях, возможных космических столкновениях, ядерной войне, лучевой болезни или СПИДе, всё это кажется мне менее страшным и более далеким — может быть, я ошибаюсь, может, воображения не хватает, — чем те вещи, которые я описал и которые есть в действительности самая страшная катастрофа, ибо касается она человека, от которого зависит все остальное...»³⁰. Результаты тем более важны и интересны, что речь идёт об эмигрантах из СССР 1970-х гг., когда эмиграция была в основном и прежде всего идеологической и можно было допустить большее сходство менталитетов.

Осенью 2004 г. Tatiana Zimakova — заведующая русским отделом в Southern Methodist University в Далласе — пригласила меня прочитать лекцию на факультативном курсе для 13-ти американцев о России, и я выбрал темой тоталитарное сознание. Как раз незадолго до этого Фонд аналитических программ «Экспертиза» при поддержке Региональной общественной организации «Открытая Россия» опубликовал результаты социологического опроса «Радикальный авторитаризм в российском массовом сознании»³¹ (2533 человека в 42 населенных пунктах всех федеральных округов России). Перед началом лекции я попросил участников заполнить опросник, включавший в себя опросники Лефевра и фонда «Экспертиза». Понятно, что выборка из 13-ти человек недостаточна для полноценного исследования, но некоторые тенденции она всё же может набросать — по крайней мере, для людей этого образовательного и культурного слоя, и для семинарских задач это было интересно. Результаты приведены в таблице 3.

Табл. 3. Сравнительные российско-американские данные

	Утверждения	% согласных Американцы	Россияне
1	1. Доктор должен скрывать от пациента, что тот болен раком, чтобы уменьшить его страдания.	7,1	
	2. Доктор не должен скрывать от пациента, что тот болен раком, даже чтобы уменьшить его страдания.	92,3	
2	1. Хулиган может быть наказан строже, чем требует закон, если это послужит предостережением для других.	15,4	
		84,6	

³⁰ Мамардашвили М.К. Как я понимаю философию. М.: Прогресс, 1990. С. 120–121.

³¹ Урнов М. Современная Россия: вызовы и ответы. М.: Экспертиза, 2005. С. 45–65.

	2. Хулиган не может быть наказан строже, чем требует закон, даже если это послужит предостережением для других.		
3	1. Можно дать ложные показания на суде, чтобы помочь невиновному избежать тюрьмы. 2. Нельзя давать ложные показания на суде, даже чтобы помочь невиновному избежать тюрьмы.	22,1 77,9	
4	1. Можно послать шпаргалку, чтобы помочь близкому другу на конкурсном экзамене. 2. Нельзя посыпать шпаргалку, даже чтобы помочь близкому другу на конкурсном экзамене.	22,1 77,9	
1.	Наша страна нуждается скорее в твёрдых и энергичных лидерах. Её должны бояться — только тогда её будут уважать.	7,1	66
2.	В некоторых обстоятельствах допустимо тюремное заключение без суда.	14,2	73
3.	Было бы правильно публично казнить террористов.	35,5	62
4.	Президент должен быть абсолютным хозяином страны — только тогда мы достигнем успеха.	0	53
5.	Тем, кто препятствует политике президента, не место в нашей стране.	0	45
6.	Власть должны бояться, иначе её не будут уважать.	7,1	-
7.	Мне всё равно, какие методы использует политик, если его действия полезны для людей.	0	49
8.	Самая важное в работе правоохранительных органов это остановить преступление, даже если для этого нарушить гражданские права обвиняемого.	7,1	48
9.	У этнических меньшинств слишком много власти в нашей стране и необходимо ограничить влияние евреев в публичной жизни.	0	60

Эти данные хорошо корреспондируют с данными Лефевра. Сравнение данных 2004-го года совпадает с описанным Лефевром преобладанием второй этической системы у россиян. Ощутимый подъём согласия с необходимостью публичной казни террористов мы обсудили с участниками как следствие трагедии 11 сентября 2001 г. и как предостережение. Обратное соотношение приверженцев разных этических систем в США и СССР/России ни от чего не гарантирует, может изменяться и это требует внимания. Мы тогда и думать не могли о происходящем сегодня.

Фундаментальное исследование формирования тоталитарной личности тоталитарными режимами принадлежит Х. Арендт, опубликовавшей в 1951 г. книгу «Истоки тоталитаризма»³². Она указывала, что тоталитарная личность может быть сформирована через вовлечение в тоталитарное движение или целенаправленной репрессивной политикой, но так или иначе речь идёт о создании нового, абсолютно управляемого человека, понимающего, кем бы он ни был в иерархии тоталитарного общества, что он абсолютно беззащитен перед властью. Если Х. Арендт больше сосредоточена на политических аспектах тоталитаризма, то прошедший через нацистские концлагеря психолог Б. Беттельгейм в опубликованной в 1943 г. в американском «Журнале патологической и социальной психологии» сразу ставшей знаменитой статье о жизни в концлагерях «Массовое поведение в экстремальных ситуациях»³³ даёт точный психологический анализ действий по тоталитаризации сознания и трагедиях осознанного и неосознанного выбора жертв этой тоталитаризации.

³² Арендт Х. Ibid.

³³ Беттельгейм Б. О психологической привлекательности тоталитаризма. //Знание — сила, 1997, № 8. Эл. источник.: http://vivovoco.astronet.ru/VV/PAPERS/ECCE/VV_EH14W.HTM

Продолжая описанное Б. Беттельгейном, не могу не привести одно поэтическое свидетельство. Недавно, перечитывая Ольгу Берггольц, я вдруг услышал за её стихотворением стихи другого поэта — вот они оба:

Павел Коган 4.VII.1918–23.IX.1942

**Есть в наших днях такая точность,
Что мальчики иных веков,
Наверно, будут плакать ночью
О времени большевиков.**

**И будут жаловаться милям,
Что не родились в те годы,
Когда звенела и дынилась,
На берег рухнувши, вода.**

**Они нас выдумают снова -
Сажень косая, твердый шаг -
И верную найдут основу,
Но не сумеют так дышать,**

**Как мы дышали, как дружили,
Как жили мы, как впопыхах
Плохие песни мы сложили
О поразительных делах.**

**Мы были всякими, любыми,
Не очень умными подчас.
Мы наших девушек любили,
Ревнича, мучаясь, горячая.**

**Мы были всякими. Но, мучась,
Мы понимали: в наши дни
Нам выпала такая участь,
Что пусть завидуют они.**

**Они нас выдумают мудрых,
Мы будем строги и прямы,
Они прикрасят и припудрят,
И все-таки пробьемся мы!**

**Но людям Родины единой,
Едва ли им дано понять,
Какая иногда рутина
Вела нас жить и умирать.
И пусть я покажусь им узким
И их всесветность оскорблю,
Я — патриот. Я воздух русский,
Я землю русскую люблю,**

**Я верю, что нигде на свете
Второй такой не отыскать,**

Ольга Берггольц 3(16).V.1910–13.XI.1975

...и я не могу иначе... Лютер
Нет, не из книжек наших скучных,
Подобья нищенской сумы,
Узнаёте о том, как трудно,
Как невозможно жили мы.

Как мы любили — горько, грубо.
Как обманулись мы, любя,
Как на допросах, стиснув зубы,
Мы отрекались от себя.

И в духоте бессонных камер,
Всё дни и ночи напролёт,
Без слёз, разбитыми губами
Шептали: «Родина... Народ»...

И находили оправданья
Жестокой матери своей,
На бесполезное страданье
Пославшей лучших сыновей.

...О, дни позора и печали!
О, неужели даже мы
Тоски людской не исчерпали
В беззвёздных топях Колымы?

А те, что вырвались случайно, —
Осуждены ещё страшней
На малодушное молчанье,
На недоверие друзей.

И молча, только втайне плача,
Зачем-то жили мы опять, —
Затем, что не могли иначе
Ни жить, ни плакать, ни дышать.

И ежедневно, ежечасно,
Трудясь, страшились тюрьмы,
И не было людей бесстрашней
И горделивее, чем мы.
За облик призрачный, любимый,
За обманувшую навек
Пески монгольские прошли мы
И падали на финский снег.

Но наши цепи и вериги
Она воспеть нам не дала.

**Чтоб так пахнуло на рассвете,
Чтоб дымный ветер на песках...**

**И где ещё найдешь такие
Берёзы, как в моем краю!
Я б сдох как пес от ностальгии
В любом кокосовом раю.**

**Но мы ещё дойдём до Ганга,
Но мы ещё умрём в боях,
Чтоб от Японии до Англии
Сияла Родина моя.**

1940–1941

И равнодушны наши книги,
И трижды лжива их хвала.

Но если, скрюченный от боли,
Вы этот стих найдёте вдруг,
Как от костра в пустынном поле
Обугленный и мёртвый круг,

Но если жгучего преданья
Дойдёт до вас холодный дым, —
Ну что ж, почтите нас молчаньем,
Как мы, встречая вас, молчим...

22–24/V, 1941

Поражённый этим диалогом, я принялся искать — не может ведь быть, чтобы никто раньше эту диалогичность не заметил и не обсуждал, но ничего не нашёл. Впрочем, дело не в пальмах первенства — даже если я открыл велосипед, эти стихи не перестают быть свидетельством. Может быть, Павел Коган и Ольга Берггольц были знакомы? Ни в её дневниках, ни в литературе упоминаний об этом тоже не нашёл. Спросил об этом Наталью Соколовскую, много лет занимающуюся биографией и творчеством Ольги Берггольц, но ответ был отрицательным. Однако, Берггольц бывала в Москве и могла от кого-то слышать эти стихи Когана. Как бы то ни было, метрика и ритмика стиха, образный строй, тематика, почти дословные совпадения не оставляют сомнений в их связности при всей разнице диктовавшего их личного опыта.

Стихотворение Павла Когана продолжает написанное им в 18 лет: «Честнейшие — мы были подлецами,/ Смелейшие — мы были ренегаты./ Я понимаю всё. И я не спорю. / Высокий век идёт высоким трактом./ Я говорю: «Да здравствует история!» —/ И головою падаю под трактор». Он не увидел ни одного своего стихотворения опубликованным. Точку в этом выборе поставила его гибель, и мы не знаем, какие выборы он делал бы после войны.

Ольге Берггольц к написанию её стихотворения был 31 год. Она уже вполне признанный и вошедший в литературные круги литератор, безоглядный коммунист, знакома с высокими чинами ГУЛАГа, участвует в политическом осуждении своего первого мужа Бориса Корнилова, который потом будет расстрелян — в её дневнике появляются записи: «Борьку не жаль. Арестован правильно, за жизнь <...> Иду по трупам? Нет, делаю, что приказывает партия. Совесть в основном чиста». Потом сама попадает под тот же каток, её выгнояют из комсомола, кандидатов члены партии и Союза писателей, после вызовов на допросы у неё происходит выкидыши, она восстанавливается в Союзе писателей, но в 1938 г. попадает в тюрьму, где снова происходит выкидыши, после которого она никогда не сможет стать матерью, в 1940 г. после освобождения вступает в партию, опять восстанавливается в Союзе писателей. «...ощущение человека, живущего в каком-то угаре, не приходящего в сознание, — говорит Н. Соколовская, — ...человек понимает, что он делает что-то не то, но не понимает, как выйти из этого порочного круга. Её выводит из этого круга тюрьма». В стихотворении как раз эта драматическая, если не трагическая корректировка, которая будет продолжаться в дневниках: «О мерзейшая сволочь! Ненавижу! Воюю за то, чтобы стереть с лица советской земли их мерзкий антисоветский переродившийся институт» пишет она о том, в чём совсем недавно сама участвовала. И ещё: «Надо уничтожить фашизм, надо, чтобы кончилась война, и потом у себя всё изменить <...> Как я ни злюсь, как ни презираю я наше правительство, — господи, я же русская, я ненавижу фашизм ещё больше, во всех его формах, — я жажду его уничтожения — вместе с уничтожением его советской редакции <...> Живу двойственno: вдруг с ужасом, с тоской и отчаянием, слушая радио или читая газеты, понимаю, какая ложь и кошмар всё, что происходит, понимаю это сердцем, вижу, что и после войны ничего не изменится. ... Но я знаю, что нет другого пути, как идти вместе со страдающим, мужественным народом, хотя бы всё это было — в конечном итоге — бесполезно...»³⁴. В начале 1950-х ей опять припоминают 1937 г. «И дальше начинается третий период

³⁴ Цит. по: Берггольц О.Ф. Запретный дневник. СПб.: Азбука. 2011. 610 С.; Соколовская Н. Эл. источник.:

её жизни — она понимает, что жизнь погублена. А не хочет выступать на бесконечных собраниях, не хочет лгать. И она начинает пить: «Когда председатель собрания объявлял: «Следующей приготовиться Ольге Фёдоровне Берггольц!» — я уходила в буфет и к моменту выступления была неспособна что-либо говорить. Когда-нибудь всех спросят: «А что вы делали в начале 50-х?» Я отвечу, что пила, и многие захотят со мной поменяться биографией»³⁵.

«Привлекательность тоталитаризма — в его обещании разрешающего самые суровые внутренние конфликты мира с собою и дающего чувство собственной безопасности согласия с окружающим. К несчастью для противника режима, эти согласие и мир достигаются лишь утратой самостоятельности, самоуважения и человеческого достоинства. Царящее в тоталитарных государствах спокойствие оплачено гибелью души»³⁶.

5

Возникновение и рост внимания к Homo Totalitaris, как можно видеть, связаны с выходом на политическую арену фашизма. Но обращение к его изучению на материале прошлого — один из ключей к проектированию будущего. Мы не знаем, каким оно будет: всё будет так, как должно быть даже если будет иначе — говорили в Древнем Китае. Но, опираясь на историю и её продолжение в сегодняшнем дне, можно, по крайней мере, представить возможные траектории будущего.

В грохоте перестройки, падающих железногого занавеса и берлинской стены витали мелодии надежды, что «темницы рухнут — и свобода нас примет радостно у входа». Но встретил нас мир VUCA³⁷ (Volatility — нестабильность, Uncertainty — неопределенность, Complexity — сложность и Ambiguity — неоднозначность); термин появился в 1987 г. как обозначение многополярного мира после окончания холодной войны и потом был перенесен на описание современной жизни в целом. Крушение советской империи было не меньшим потрясением, чем десять дней, которые потрясли мир при её появлении. Советская перестройка стала катализатором перестройки политической карты мира и политического сознания, баланс сил и идей изменился, привычный порядок был нарушен и естественным, если вспомнить сказанное выше о механизмах актуализации тоталитарных (пре)диспозиций, ответом на это стало повышение спроса на тоталитарных лидеров и повышение тревожности с усилением борьбы про- и ретроспективного — не успевающий адаптироваться к воспринимаемым как угроза переменам человек хватается за прошлое как за спасительную соломинку. Но спасает она или превращается в копьё, нацеленное на проявления возникающего на глазах будущего? Нет сомнений в том, что это сказывается на человеческих переживаниях — недаром ставится вопрос об объединении усилий в совладании с индивидуальной тревогой³⁸. Но дело отнюдь не только в окончании холодной войны — мир был полон неопределенности с первых шагов человечества.

Но сегодня неопределенность как общее условие человеческого существования стала определяющей и привела к формулированию проблемы преадаптации к ней³⁹.

Развитие — индивидуальное, и человечества — всегда связано с неопределенностью. Но и сама неопределенность, и её переживание, и совладание с ней изменяются. Первое, что бросается в глаза это темпоральный тренд — ускорение исторических процессов: если фаза первобытного развития длилась не менее 30 тыс. лет, то фаза средневековья — около тысячи лет, а капиталистическая — немногим более 100 лет. Другими словами, чем дальше вперед, тем меньше времени на вживание в новое и тем меньше опыт прежней жизни продуктивен в жизни новой. Сегодня на протяжении жизни одного поколения происходит больше

https://echo.msk.ru/programs/beseda/2643305-echo/?fbclid=IwAR0SP7ghMRP_RJJcDt4dJKaWp8zle7VviYK2SuVfzMhUvq0Une4SSF_Dqo

³⁵ Балуев С. Эл. источник: <http://gorod-812.ru/olga-berggolts-padenia-vsleti/?fbclid=IwAR2ZG-SvGxX1lef69Ip4jY-1MTjpdZ3nAxtfDjh0s6WW-K01tDtsNfPbI>

³⁶ Беттельгейм Б. Ibid.

³⁷ История термина — см. эл. источник: <https://usawc.libanswers.com/friendly.php?slug=faq/84869>

³⁸ Stokols D., Shalini M., Runnerstrom M., Hipp J. Psychology in an age of ecological crisis: From personal angst to collective action. // Am. Psychologist. 2009. № 3. Р. 181–193.

³⁹ Асмолов А.Г.(Ред). *Mobilis in mobili: личность в эпоху перемен.* М.: Изд. Дом ЯСК, 2018 — 546 С.; Асмолов А.Г., Шехтер Е.Д. Черноризов А.М. *Преадаптация к неопределенности: непредсказуемые маршруты эволюции.* М.: Акрополь, 2018. — 212 С.

изменений, чем ещё недавно на протяжении жизни нескольких. Парадокс (или закономерность?) в том, что в стремлении увеличить определённость мы увеличиваем неопределенность.

При этом в ходе исторического развития меняется и сам человек. До XII в. индивид был прежде всего социальной ролью. Ренессанс изменил границы интимности, приватности, свободы и привёл к новому пониманию личности. Это было требующим осознания и вызывающим культурные пертурбации ответом на ускорение темпа жизни, нарастающую секуляризацию и технологизацию, новизну, неопределенность. Человек из объекта эволюции становился фактором, творцом эволюции — «...процесс связан с восхождением от обезличенности к обретению неповторимого «Я»»⁴⁰.

С другой стороны, индивидуальность рискует обернуться одиночеством — особенно, когда размываются привычные культурные вехи и стандарты, задаваемые религиями и традициями. Человек мог принимать или не принимать их, быть их рабом или бунтовщиком, но они как ориентиры были. Сегодня религии реформируются, новые традиции не успевают формироваться — ориентироваться и опереться не на что. Этим вопросам посвящена едва ли обозримая литература, отчасти я их касался ранее⁴¹, показывая, что сегодняшний человек — это *Homo Perplexus* (Человек Растворяющийся) перед лицом нестабильности, неопределенности, сложности и неоднозначности. Оборотная сторона свободы — ответственность, а жизнь — диалог гибкости и способности нести ответственность свободы с ригидностью и тоталитарностью.

Всё это создаёт ощущение угрозы, тревоги в ответ на нарушения порядка жизни, что может вести к актуализации предрасположенности к тоталитарности и отказу от свободы во имя порядка и покоя. Это тем более так в силу дигитализации, глобализации, миграции со смешением языков и культур. Сложность жизни оказывается не-посильной, что ведёт к попыткам упростить, а, как замечает А. Мелихов, «...стремление какой-то сравнительно простой части общества установить диктат над многосложным целым: фашизм — это бунт про-стоты против трагической сложности социального бытия. <...> Война всех превращает в фашистов — и антифашистов тоже. Фашизм есть перенесение принципов и ценностей войны на мирную жизнь, фашизм либо наследие прошлой войны, либо приготовление к будущей»⁴². Возвращаясь к работе В. Лефевра, можно сказать, что фашизм есть доминирование в сознании индивида и общества второй этической системы, являющейся симптомом антропологической катастрофы. Опасность нынешнего времени состоит в том, что в отличие от тиранов прошлого, когда контроль за поведением и сознанием подданных был труден и неполон, сегодняшние технические средства дают тоталитарным системам возможности невиданного по размаху и мало ощущимого людьми контроля. Множество событий в мире и разных его уголках при всей их внешней разнородности являются проявлениями (пре)адаптации к неопределенности. Каким будет выход из происходящего антропологического поворота, неизвестно, но лучше, если мы сами захотим и научимся контролировать в себе *Homo Totalitaris*, чем передоверим себя и свои города внутренним и внешним тоталитарным драконам.

⁴⁰ Асмолов А.Г., Шехтер Е.Д. Черноризов А.М. *Ibid.* С. 211.

⁴¹ Каган В.Е. Смыслы психотерапии. М.: Смысл, 2018. — 482 С.

⁴² Мелихов А. Писатель и фашизм // Лит. Газета, 2018, № 39.

Элиэзер М. Рабинович¹

1953-й

Автор был молодым, но зрелым человеком, когда он прошёл через 1953-й год в Советском Союзе. Это был год, в который смерть всего лишь одного человека — Иосифа Сталина, остановила тридцатилетнюю масовую резню своего населения этой страной. Автор полагает, что воспоминания об этом роковом году должны быть записаны, хотя он не уверен — для кого.

*Рожденные в года глухие
Пути не помнят своего.
Мы — дети страшных лет России —
Забыть не в силах ничего.*

А. Блок, 8 сентября 1914
*Пусть помнят о них те, кто выжил!
Это поможет им осмыслить пережитое...*
Я.Л. Рапопорт. На рубеже двух эпох.
Дело врачей 1953 года, Москва, «Книга», 1988.

Однажды мы с женой пошли в театр на Бродвее на пьесу, посвященную трем поэтессам — двум средневековым и Анне Ахматовой, и американский автор в небрежности перенес события 1953-го года в 1952-й. Мы, кто жили в те годы, спутать не можем. И вот сейчас, когда прошло почти 70 лет, хочется записать то, что еще помнишь, и я постараюсь максимально точно описать то, как мы думали и чувствовали тогда, с минимальной поправкой на сегодняшние знания в том, что касается фактов, но, конечно, с позиции сегодняшнего дня в отношении суждений и оценок. Имена — как правило, подлинные, но в случае отрицательных воспоминаний — искаженные или замененные без специального на то указания. Я это делаю потому, что некоторые люди или их дети могут быть еще живы, их взгляды могут быть теперь иными, и мне ни к чему им «мстить» через 70 лет.

ДО

Как в математике доказательство теоремы начинается со слова «Дано», так и мы посмотрим, что нам было «дано» к 1-у января 1953 г.

Родился — в 1937 г. Дед со стороны мамы, главный московский раввин Медалье, был расстрелян в 1938 г. Папа, механик по ремонту зубоврачебного оборудования, арестован вскоре после этого — 17 лет до полной свободы и реабилитации. Три раза двустороннее воспаление легких в 1941 г., выписывание из Филатовской больницы в Москве с температурой 40 — не хватало сестер, чтобы ночью таскать детей в бомбоубежище; хорошо отпечатавшиеся в памяти бомбежки Москвы.

Затем эвакуация в Пермь (тогда Молотов) осенью 1941, голод, Москва, школа, возвращение папы без права проживания в Москве, второй его арест, обыск дома. После школы — очереди в магазины с номером, писанным на тыльной стороне ладони химическим карандашом. Антисемитизм как беспрерывный фон, начиная с детского сада в Перми, когда слово «жид» было услышано впервые.

С десяти лет, когда мама рассказала мне о «ежовщине» и о папе как одной из жертв, началась двойная жизнь, когда я твердо знал, чего нельзя говорить вне дома, а дома только шепотом. Я был слишком мал, чтобы задать естественный вопрос: «Мама, а почему, если Ежова разоблачили и расстреляли, Сталин не выпустил всех, кого Ежов посадил? И почему папа все еще должен скрываться, если приезжает домой?»

В январе 1948 г. я раскрываю газету, вижу на последней странице внизу маленькое объявление в траурной рамке и кричу:

«Мама, Михоэлс умер!»

¹ Специалист в области технологии силикатов, к.т.н., автор статей на исторические темы.

Мама поражена. Её детство прошло в Витебске, откуда была и семья Вовси. Московский адвокат Ефим Михайлович Вовси, брат-близнец Соломона Михоэлса, и его жена Мира Сергеевна были друзьями семьи, так что родители знали бы, если бы 57-летний Михоэлс был болен. Михоэлса с почетом хоронят, но вскоре становится известно, что он был убит в Минске, хотя подозрения, что это было сделано правительством, мне, по крайней мере, родители не раскрывали.

Вениамин Зускин был назначен руководителем театра вместо Михоэлса, но вскоре театр был закрыт. К концу 1952 г. я знал, что арестованы Зускин и еврейский поэт Квитко, но, конечно, не знал об их расстреле вместе со значительной частью Еврейского антифашистского комитета 13-го августа 1952 г. В то время не было открытых процессов типа довоенных, расстрел этого Комитета, как и «ленинградское дело», проходили втайне. Сейчас известно, что обвиняемые в этих делах, героическим сопротивлением следствию смешали планы открытых процессов по образцу процессов 30-х годов.

Были казнены евреи-руководители компартий Венгрии и Чехословакии.

Мы жили на Большой Татарской улице (потом — ул. Землячки), где три двухэтажных дома одного двора шли под одним номером 14. У нас были полторы комнаты на 2-м этаже, в одной из них стояла газовая плита. Папа вернулся из Колымы через 8 лет, дома жить ему было нельзя, один из соседей тут же доносил, когда он появлялся, так что он снял комнату и адрес в селе Петушки чуть более 100 км от Москвы. Вновь арестован в феврале 1949 г. и отправлен в ссылку в Больщую Мурту, большой районный центр в 110 км на север от Красноярска. Почти все, кто были освобождены после арестов 1937–38 гг., были собраны вновь и сосланы. Тех, кто заканчивал срок к 1949 г., уже не освобождали, а везли прямо в ссылку — всех их называли «повторниками». И было много людей, арестованных впервые и получивших тюремный или лагерный срок. В Ленинграде оба брата мамы, Абрам и Борис, были арестованы; Абрам получил 7 лет.

В Москве жила папина двоюродная сестра тетя Женя, замужем за профессором Борисом Ильичем Збарским, биохимиком, бальзамировавшим Ленина (вместе с проф. Воробьевым) и продолжавшим руководить лабораторией по поддержанию тела. Жили они в «Доме на набережной» (как его назвал Трифонов), нам известному как «Дом правительства», я там был с мамой один раз — единственный раз, когда я видел Б.И. Збарского. Он не принимал заметного участия в жизни нашей семьи, но тетя Женя была постоянным присутствием и иногда приезжала к нам на машине с шофером.

Не принимал участия — возможно, не совсем точно. Когда папа был впервые арестован в 1938 г., одним из обвинений — единственным, которое соответствовало фактам, — был сбор денег для помощи семьям репрессированных. У папы была безупречная репутация, и он мог себе позволить быть настойчивым в просьбах к тем немногим людям, у которых деньги были. Не знаю точно, но думаю, что Борис Ильич был одним из тех, кто давал.

В начале 1952 г. и он был арестован. Семью выселили из Дома правительства и дали комнату в коммунальной квартире. В отличие от 1937–38 гг., жен, как правило, не арестовывали, но, по-видимому, тетя Женя была «излишне» настойчивой, когда справлялась о нем. Ее арестовали, дали 10 лет и отправили в лагерь в Мордовию. Борис Ильич продолжал оставаться в московской тюрьме без приговора. Как рассказал мне Виктор Збарский, читавший дела своих родителей, у следователей в отношении его матери был «железный» аргумент: зачем простому советскому человеку знать семь языков, если он не шпион? Тетя Женя рассказывала ему, как ее следователь сказал своему коллеге: «Посмотри на эту собаку, она даже древнееврейский знает».

Степень антисемитизма неописуема. Борьба с космополитизмом, термин «бездонные космополиты», раскрытие псевдонимов в газетах. Сестра Фаня закончила немецкое отделение МГУ в 1948 г., и, единственная из группы, была распределена вне Москвы и послана в Смоленск. Мама-бухгалтер потеряла работу вскоре после второго ареста папы и 9 месяцев не могла устроиться.

В 1951 г. мне исполнилось четырнадцать — возраст комсомола, и я подал заявление вместе со всем классом. Был решительно, грубо, публично отвергнут, когда пришлось сказать, что отец сослан. «По какой статье?» «По 58-й.» Директор делает вид, что не знает, что такая 58-я статья, выходит, чтобы справиться и, возвращаясь, говорит: «Контрреволюция». В 1951 г. мне еще 3 года до института, и я понимаю, что без членства в комсомоле мне не поступить. Но отношение к власти уже давно определено. Летние каникулы 1951 и 1952 гг. я провожу у отца в Б. Мурте Красноярского края. Мама и Фаня тоже приезжают, но не на все лето — обе работают. Купаться на речку мы ходим с 68-летним турком Кирманом Керимовым, сосланным учителем

из Азербайджана, а здесь — сапожником. Пока мы переходим зеленое поле, Кирман поет. Или читает мне краткую политическую лекцию. Когда я сказал, что жизнь была бы иной, будь Ленин жив, Кирман отрезал: «Лэнин — то же самое, что Сталын. Мягко стелэт, жестко спат».

Фаня в Мурте спросила папу: «Будет ли когда-нибудь этому конец?» Папа пожал плечами: «Возможно, когда Сталин умрет». Фаня, в удивлении: «Он может умереть?» Папа, в неменьшем удивлении: «Ты же не очень религиозна, не так ли? Ты, что, думаешь, что он бессмертен?»

Нет, Фаня так не думала, но Сталин был всегда, и ощущение было, что всегда будет...

Итог: к 31-му декабря 1952 г. нет ни одного момента, который можно было бы назвать детством и ни одного мгновения, которое мне вновь хотелось бы пережить.

Вот тот фон, то «дано», с которым мы вступили в 1953-й год. Из Восьмого круга Дантовского Ада — в Девятый.

С 13-го января по 4-е апреля

Встречи нового года и первых двенадцати дней не помню. Наверно, почти никто не помнит. А 13-го января — Сообщение ТАСС о деле врачей и начало 2,5 месяцев ожидания новой европейской Катастрофы. Услышали по радио. Потом в газете. В списке — самые славные врачи, главным образом, кремлевские. Профессор Мирон Семенович Вовси — двоюродный брат Ефима Вовси и Михоэлса — там. Два русских врача — Виноградов и Егоров. Сейчас мы знаем, что Виноградов осмелился сказать Сталину, что ему нужно резко сократить объем работы — Сталин счел это провокацией и попыткой отстранить его от власти.

В книге Василия Аксенова «Московская сага» рассказывается, как доктор Градов (частичным прототипом которого был Виноградов) явился на митинг Первого московского мединститута по поводу врачей-«отравителей», появления на котором он мог легко избежать, и произнес твердую бескомпромиссную речь в их защиту, после чего был арестован. Я читал роман Аксенова до того, как прочел книгу единственного (насколько я знаю) из врачей, который оставил воспоминания, — профессора Якова Львовича Рапопорта, «На рубеже двух эпох. Дело врачей 1953 года»². Поэтому моя первая реакция на выступление Градова была: нельзя так лгать в литературе против реальной жизни, такого выступления, такого мужества в сталинской Москве быть не могло по принципу «Этого не может быть, потому что этого не может быть никогда».

Я ошибался. Было. Реальным Градовым был профессор Рапопорт, который не входил в число врачей, арестованных 13-го января. 14-го января его уволили из Первой Градской больницы, а еще через два дня позвонили и пригласили в больницу на митинг. Яков Рапопорт рассказывает:

«Не состоя в коллективе больницы, я мог бы отказаться от приглашения. Однако именно потому, чтобы не быть обвиненным в сознательном уклонении от выступления (а его, несомненно, ожидали, имея в виду мои деловые и личные контакты с Я.Г. Этингером), я решил приехать на митинг...

В своем выступлении я сказал, что

«потрясен сообщением 13 января о чудовищных преступлениях медиков, в том числе и Я.Г. Этингера, которых я знал много лет и со многими из которых был в дружеских отношениях... Я не могу присоединиться к некоторым из выступавших, что давно видели в Этингере предателя Родины и потенциального убийцу, иначе я реагировал бы на это так, как от меня требовал мой долг гражданина и члена КПСС».

И, продолжает рассказывать профессор Рапопорт, он оказался не единственным:

«Совершенно естественным был митинг в Академии медицинских наук СССР, поскольку в составе врачей-убийц, поименованных в сообщении, были два академика — М.С. Вовси и В.Н. Виноградов (в дальнейшем число арестованных академиков выросло до шести)... Конечно, выступления клеймили преступников... Диссонансом к ним прозвучало мужественное по тому времени выступление популярного ученого-педиатра академика Георгия Несторовича Сперанского с резким протестом против этого откровенного антисемитизма».

² Я.Л. Рапопорт. На рубеже двух эпох. Дело врачей 1953 года, Москва, «Книга», 1988.

3-го февраля проф. Рапопорт был арестован и присоединен к делу других врачей. Академика Сперанского, которому было 80 лет и который был русским, не тронули.

Ненависть на улице. В газетах статьи типа «Что такое «Джойнт»», ибо эта благотворительная организация была обвинена в финансировании «вредительской» деятельности врачей. Увольняют врачей-евреев. К ним боятся ходить лечиться. Слух о письме видных евреев с предложением о выселении, мне кажется, появился уже тогда. Не уверен. Но уверен, что мы ничего не знали о письме Эренбурга Сталину.

Документального доказательства планов выселения не найдено. Но ведь нет и документального доказательства, что Гитлер лично дал приказ тотального уничтожения евреев. Однако создающие атмосферу слухи были несомненной частью жизни, и, я думаю, что они былипущены МГБ. Если бы слухи не были частью стратегии по запугиванию и унижению евреев, правительство легко могло их пресечь. Так что намерение запугать было фактом, отдельным и независимым от того, принял ли Сталин или нет решение об «окончательном решении еврейского вопроса».

Я думаю, что если даже у Сталина был такой план, то письмо Эренбурга могло заставить его задуматься и отложить решение. Ибо Эренбург сумел найти слова на собственном языке монстра. Он взывал не к гуманности и справедливости, а к тому, как трудно будет коммунистическим партиям западных стран продолжать быть фактическими советскими агентами, если такой взрыв официального антисемитизма будет продемонстрирован в Советском Союзе. А пока Сталин задумывался, у Б-га, наконец, нашлась свободная минутка для него. Это догадка, достоверность которой мы никогда не узнаем.

Но жили мы в атмосфере ожидаемого погрома и выселения.

Только главные синагоги в Москве и Ленинграде оставались открытыми — ничего не знаю об их посещаемости в то время, а единственный в Москве кошерный магазин напротив синагоги был закрыт годы назад. В школе было тяжело. Это был 9-й год с одними и теми же ребятами в мужской школе. Кроме меня, в классе было еще двое евреев. Активными антисемитами были простоватый Колька Гордеев, живший в доме напротив, и рафинированный отличник Мансур Гайбадуллин. Но все смотрели косо и избегали общения. Я должен отметить, однако, что за 10 лет учебы я не сталкивалась с антисемитизмом учителей. Еще работала в младших классах добрейшая Мария Ивановна Левашкина. Литературу преподавала аристократическая Зоя Ивановна Добровольская. Завучем и ангелом-хранителем оставался Борис Григорьевич Дербарамидлер, который после случая с комсомолом пригласил маму, поговорил и успокоил нас обоих. Даже ненавидимая учительница истории Клара Ивановна Сухова, самый плохой человек среди учителей за все 10 лет, из-за которой я потом долго не мог избавиться от ненависти к предмету, была плоха со всеми, не выделяя евреев. И только Настасья Ивановна, учительница географии, после 13-го января стала выказывать мне активную неприязнь и снижать отметки.

И вот 4 марта вечером сообщение ТАСС «о тяжелой болезни товарища Сталина». Очевидно, что 73-летний Сталин болел и раньше, но об этом никогда не сообщали. Значит, у него нет шансов.

Мама: «Я боюсь, что он уже умер».

Я: «Мама, боишься — почему?».

Мама: «Потому что боюсь, что будет хуже. По-видимому, на его месте будет Маленков, а, говорят, он — автор всей антисемитской политики».

Я, нерешительно: «А что может быть хуже?».

У нас не было опыта смены правительства, да еще после такой диктатуры, не было опыта улучшения жизни при советской власти, и никакого предсказания лучшего будущего в эти мартовские дни сделать было нельзя. Мы не знали, что многие люди вокруг Сталина не были людьми убеждений и твердых взглядов, а были всего лишь лакеями и марионетками, а потому — всякими и разными в зависимости от обстоятельств. Вполне возможно, что Маленков и был главным планировщиком сталинского антисемитизма по заданию Сталина, однако это ничего не говорило о его поведении после смерти Сталина. Но тогда мы этого знать не могли. День 5-го марта стал у меня праздником на всю жизнь, но только начиная с 1954 г., когда стало ясно, что жизнь улучшается. Не немедленно, не в 1953-м.

Итак, умер. Назавтра Мансур Гайбадуллин бросается ко мне с кулаками: «Это вы, вы его убили». Но не ударил. Я боюсь, что заставят со школой идти к телу, при подходах к которому в давке погибли сотни людей, но нас не заставляют. Формируется правительство, как и ожидалось, во главе с Маленковым. Сливают две силовых структуры, и Берия получает власть над объединенным министерством. По-видимому, полагая, что

им удастся усилить роль правительства за счет партии, Маленков и Берия отдают партию Хрущеву, у которого нет правительственного поста. Впрочем, Маленков остается секретарем партии, как и Хрущев, но очевидно, что его основной функцией будет правительство. Берия и Маленков делают в отношении Хрущева ту же ошибку, которую сделал Троцкий по поводу Сталина: считая его глуповатым, отдают ему секретариат и партийный аппарат.

Мне помнилось, что уже в первые послесталинские дни в «Правде» появилась какая-то статья, сразу заставившая людей спрашивать друг друга: «Вы читали?». Рой Медведев пишет в книге «Они окружали Сталина»:

«На заседание Президиума ЦК КПСС 10 марта 1953 года, проходившее под председательством Маленкова, были вызваны «идеологии» П.Н. Поспелов, М.А. Суслов, главный редактор «Правды» Д.Т. Шепилов. Как вспоминал Поспелов, в ходе заседания Маленков подверг редакцию газеты резкой критике, заметив, что природа многих ненормальностей, имевших место в истории советского общества, крылась в культе личности. Подчеркнув, что перед страной стоят задачи углубления процесса социалистического строительства, Маленков отметил: «Считаем обязательным прекратить политику культа личности».

Поразительно: НАЗАВТРА ПОСЛЕ ПОХОРОН (9 марта) Маленков уже употребляет выражение «культ личности»! Заметьте при этом, с каким нахальством Маленков сразу обвиняет других: «подверг редакцию газеты резкой, критике», как будто он сам к культу не имел никакого отношения!

Что в этом было для нас, для народа? Пока ничего. Просто нам намекают, что теперь они намерены править коллективно, а не выдвигать сильную фигуру. 27-го марта — амнистия, ничем не отличающаяся от послевоенной сталинской: социально им близких уголовников выпускают для заполнения улиц городов и селений (вспомните или посмотрите блестящий, но страшный фильм Александра Прошкина «Холодное лето пятьдесят третьего»), а «политические» остаются в заключении. И тут наступает мой 16-й день рождения — 4 апреля 1953 г.

Жили мы тогда так. Приемниками владели немногие, телевизоров не было. Была московская городская сеть, дешевое радио, передаваемое по проводам, с одной программой. По нему — и новости, и концерты, и пропаганда. Радио включалось в момент, когда семья вставала, иногда выключалось, когда уходили на работу, но оно всегда вещало во время бодрствования. Нечто вроде того было и в Америке, и режиссёр Вуди Аллен сделал о времени невыключающегося радио хороший ностальгический фильм “Radio Days” — «Времена радио».

Итак, 4 апреля 1953 г. Суббота — значит, рабочий и школьный день. Мама встала раньше, а я ещё лежу, возможно, рассматриваю подарок, подложенный мамой ночью, — всегда книга. Радио, уже давно, фоном. И вдруг:

СООБЩЕНИЕ МИНИСТЕРСТВА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СССР

Министерство внутренних дел СССР провело тщательную проверку всех материалов предварительного следствия и других данных по делу группы врачей, обвиненных во вредительстве, шпионаже и террористических действиях в отношении активных деятелей Советского государства.

В результате проверки установлено, что привлеченные по этому делу профессор Вовси М.С., профессор Виноградов В.Н., профессор Коган М.Б., профессор Коган Б.Б., профессор Егоров П.И., профессор Фельдман А.И., профессор Этингер Я.Г., профессор Василенко В.Х., профессор Гринштейн А.М., профессор Зеленин В.Ф., профессор Преображенский Б.С., профессор Попова Н.А., профессор Закусов В.В., профессор Шерешевский Н.А., врач Майоров Г.И. были арестованы бывшим Министерством государственной безопасности СССР неправильно, без каких-либо законных оснований.

Проверка показала, что обвинения, выдвинутые против перечисленных лиц, являются ложными, а документальные данные, на которые опирались работники следствия, несостоятельными. Установлено, что показания арестованных, якобы подтверждающие выдвинутые против них обвинения, получены работниками следственной части бывшего Министерства государственной безопасности путем применения недопустимых и строжайше запрещенных советскими законами приемов следствия.

На основании заключения следственной комиссии, специально выделенной Министерством внутренних дел СССР для проверки этого дела, арестованные Вовси М.Н., Виноградов В.П., Коган Б.Б., Егоров П.И., Фельдман А.И., Василенко В.Х., Гринштейн А.М., Зеленин В.Ф., Преображенский Б.С., Попова Н.А.,

Закусов В.В., Шерешевский Н.А., Майоров Г.И. и другие привлеченные по этому делу полностью реабилитированы в предъявленных им обвинениях во вредительской, террористической и шпионской деятельности и, в соответствии со ст. 4 п. 5 Уголовно-Процессуального Кодекса РСФСР, из-под стражи освобождены.

Лица, виновные в неправильном ведении следствия, арестованы и привлечены к уголовной ответственности.

Мне не нужно описывать нашу реакцию, да я её, честно говоря, плохо помню — амнезия шока. Разлетевшаяся скорлупа. Мгновенное чувство абсолютной свободы, которое я в следующий раз испытал только через 21 год, когда с трапа советского самолета ступил на австрийскую землю. Возможно, чувство, подобное чувствам евреев в немецких концлагерях, когда они впервые увидели американскую или советскую военную форму.

В истории советской власти никогда не было такого её добровольного отступления. Мои самые близкие люди, проживя я хоть дважды 120 лет, не подарят мне такого подарка ко дню рождения, который я получил от ярого врага — советского правительства.

Купив газету, список рассмотрели внимательно. Во-первых, он существенно отличался от списка 13 января, был больше, и в нем было больше русских имён. Во-вторых, нижний список освобожденных был на одно имя короче, чем верхний список обвинявшихся: профессор Я.Г. Этингер был «освобожден» много раньше: его забили до смерти 2 марта 1951 г. — почти за два года до январского Сообщения ТАСС. Опять в списке нет Збарского. Мама бросается с вопросом к дяде Леве — нет, ни Борис Ильич, ни тетя Женя не освобождены.

Геллер и Некрич полагают, что сама форма извещения — от МВД, а не в обычной форме Сообщения ТАСС, — говорит о начале внутренней борьбы в правительстве и о желании Берии как министра внутренних дел показать народу, что прекращение дела врачей пришло от него, а не от их всех. Возможно, но, я думаю, что большинство этой тонкости не заметило.

Выражаясь дантовским языком, мы перескочили из Девятого круга Ада, «из бездны зла»³, в Чистилище с тем же драматизмом, с каким в поэме это сделали два поэта. Ибо 4 апреля 1953 г. закончился самый жестокий, самый кровавый, самый несвободный период в истории человечества.

Закончился ли? Да, в том смысле, что исчез всеобъемлющий ежеминутный страх за жизнь. Мы получили знак, что тронулся лед. Но освобождены-то к этой дате были только пара дюжин людей. Весь массив того, что потом Солженицын назовет «архипелагом ГУЛАГ», оставался незатронутым свободой.

Закончился ли? Только в Советском Союзе и странах Восточной Европы. Потому что в Китае ещё почти четверть века будет зверствовать Мао, и через 22 года власть в Камбодже захватит Пол Пот, который за 4 года замучит почти треть населения страны.

Закончился ли? Скоро сказка оказывается... После освобождения врачей заключенные и ссыльные стали забрасывать правительство просьбами о пересмотре их дел только для того, чтобы в течение ещё около полугода получать стандартные ответы сталинского времени: «Вы осуждены правильно». Наш отец не верит и писать отказывается. Геллер и Некрич⁴ сообщили, что за весь 1953 г. было освобождено около 4 тысяч человек.

Сколько их! куда их гонят?
Что так жалобно поют?
(А. Пушкин)

Сколько их? В те времена никто из нас не знал. Папа как-то сказал, что по слухам было посажено около трех миллионов. Ни XX, ни XXII съезды партии цифр не дали. У меня была сотрудница, еврейка и верноподданная коммунистка, которой я после XXII съезда (1961) ляпнул цифру в три миллиона. Она взорвалась:

«Как вы смеете так клеветать?! Это были ужасные годы, страшные репрессии, они коснулись десятков тысяч невинных людей! Я даже могу себе представить, что их было сто тысяч. Но как вы смеете даже думать о трех миллионах?!»

Сегодня мы знаем, что подлинная цифра относится к трем миллионам почти так, как три миллиона относились к ста тысячам. Американский профессор Рудольф Раммель, главный исследователь того, что он назвал

³ Данте, Ад, XXXIV/84.

⁴ M. Heller & A.M. Nekrich, Utopia in Power, Summit Books, NY 1982.

словом «демоцид» для массовых убийств населения своим правительством, оценивает жертвы в СССР в период от 1917 до 1987 гг. в 62 миллиона⁵, по-видимому, включая и украинский Голодомор, и невоенные жертвы во время войны. А ведь у всех этих людей были семьи! Посещая отца в сибирской ссылке, я видел все возможные категории *homo sapiens*: пол — мужчины и женщины; возраст — от 18 до 70; национальность — русские, евреи, турок, китаец, немцы Поволжья; род занятий — рабочие, крестьяне, врачи, учителя, политики, инженеры, актёр; партийные и беспартийные; религиозные и атеисты — все виды человеческой трагедии были там, как в Ноевом ковчеге. Ни одна группа не была пощажена. Ничего, даже близкого к этому, предыдущая история человечества не знала. Отец однажды сказал: «Идя по дороге, я был сбит случайной машиной». Но я думаю, что всё поколение наших дедов и родителей было раздавлено как бы асфальтовым катком⁶. А то, что потом происходило в Китае и Камбодже, даёт основание сказать, что никакая чума не могла сравниться с тем бедствием, которое представляло собой коммунизм.

Вопрос: почему? Трудно дать рациональный ответ. Первое, что приходит на ум — экономическая причина, почти даровой рабский труд с неограниченным снабжением новыми рабами. Но для этого не нужно было так много расстрелов. Есть мнение, что производительность нерабского труда даже в строительстве и промышленности была выше, чем она была в лагерях. А раскулачивание и возвращение крепостного права в форме самой жёсткой барщины привело к тому, что Россия — житница Европы до революции — превратилась в голодный континент и на многие после-сталинские годы.

Другая причина — полный контроль каждого угла каждой квартиры любой отдаленной части империи, чтобы люди чувствовали, что за ними наблюдают в самые интимные моменты их жизни. Но почему был нужен контроль такой тотальности? Разве не было в истории других жестких диктаторов — например, Нерон, Генрих VIII, Людовик XIV, которые имели полную власть, но все-таки оставляли что-то для частной жизни граждан? И почему бы стал Сталин репрессировать лучшее офицерство?

Я думаю, что главная причина — третья: поставленная задача утопического социального переворота, которым была идея коммунизма, шедшая вразрез с человеческой природой. Для кооперации населения нужно было так его запугать, чтобы оно не смело и рта открыть, что бы с ним не делали, превратить его в то, что позднее стали именовать “*homo soveticus*”. В СССР понадобится невиданное мужество Хрущева, чтобы привести второе глубокое отступление власти — десталинизацию с полным роспуском лагерей, отменой ссылки и реабилитациями. Ведь такая полнота процесса не была само собой разумеющейся. В 1957 г. Хрущев почти проиграл тем, кого после этого стали именовать «антипартийной группой»: «в июне 1957 года в ходе продолжавшегося четыре дня заседания Президиума ЦК КПСС было принято решение об освобождении Н. С. Хрущёва от обязанностей первого секретаря ЦК КПСС». Сторонники Хрущева сумели добиться созыва Пленума ЦК, где ему с трудом удалось победить. Если бы вместо Хрущева к верховной власти вернулся Маленков или её получил Молотов, я очень сомневаюсь, что роспуск лагерей не был бы остановлен. У них не было острой политической необходимости для такого полного отказа от прошлого, пересмотра миллионов дел, реабилитации и извинения. Они могли ограничиться амнистией и сказать, что «гуманная» советская власть решила «простить». После Хрущева власть будет постепенно смягчаться и отступать, но её третьим тотальным отступлением будет уже распад Советского Союза.

Жаль, что низкая личная культура и развращение почти неограниченной властью, которой Хрущев впоследствии добился, привели к образу, искусно выраженному Эрнстом Неизвестным в памятнике из символически перемежающихся слоёв белого и черного мрамора. У послесталинского Хрущева, по его характеру, были предпосылки, чтобы заслужить больше белизны...

От 4-го апреля до конца лета

Простоватая учительница географии мгновенно вернула мне свое расположение. Она не была антисемиткой, а просто еще одной софьей петровной, мастерски описанной Лидией Чуковской.

⁵ R.J. Rummel, Death by Government, New Brunswick, N.J., Transaction Publishers, 1994; <http://www.hawaii.edu/powerkills/NOTE1.HTM>; таблица смертей по странам дана на: <http://www.hawaii.edu/powerkills/POWER.TAB1.GIF>

⁶ Э.М. Рабинович, Трое из раздавленного поколения, Евр. Старина, 2(61), 2009; <http://berkovich-zametki.com/2009/Starina/Nomer2/ERabinovich1.php>.

В период после 4-го апреля и до 1-го июня, кроме общего улучшения атмосферы да пятерки по географии в моем табеле, не было возможным похвастать еще каким-то конкретным улучшением. Кончился учебный год, и я в третий раз поехал к папе в Большую Мурту.

В первые два года автобусы в Мурту из Красноярска не ходили, а поехать, чтобы встретить меня, папа не мог — он не мог удаляться от места ссылки больше чем на 25 км. Он работал слесарем на автобазе (называемой «авторотой») и устраивал, чтобы меня забирали, а потом отвозили обратно грузовики базы, постоянно курсировавшие в город. Дорога в 110 км занимала 4 часа в сухую погоду и 6 — под дождем, и трястись и мокнуть в кузове было не самым большим удовольствием. В 1953 г. пошел автобус, я пришел на автовокзал и, становясь в небольшую очередь, спросил, здесь ли берут билеты в Мурту. Полноватый высокий мужчина лет пятидесяти подтвердил и спросил, к кому я еду. «К отцу». «А кто Ваш отец?» «Рабинович». «Меер Лазаревич?» Я тут же оказался окружён теплом и заботой. Фамилия мужчины была Гальперин, и я удивился, что я его не знаю. «Я только недавно прибыл в ссылку из лагеря», — объяснил тот.

Приехавши в Мурту, я узнал, что он был не единственным «новичком». Совершенно злостной была высылка дочерей арестованного московского врача Полонского — Лены и Маши, потому что какому-то майору МГБ приглянулась их квартира. 18-летняя Маша была самой младшей из сосланных, она была всего на 2 года старше меня. Нередко, когда я проходил мимо, сестры сидели у окна, и мы обменивались приветствиями. Гальперин заботился о девочках.

Новым был и Моисей Ефимович Кобрин, близкий сотрудник Орджоникидзе, отсидевший 15 лет и только сейчас «освобожденный» в ссылку. Он быстро подружился с папой и Раисой Александровной, и после освобождения в Москву все трое остались близкими друзьями до конца жизни. Мы легко сошлись с ним, и я нередко шел около двух километров к его дому, чтобы погулять и побеседовать.

Были и потери. В этот третий год не было моего друга Кирмана Керимова. Он, бывало, хвастался жизнеспособностью его семьи:

«Мой папа папа, когда он был сэмдэсят, взял новый девочка. От нее родился мой папа».

Его папа папа не жил в советское время, что весьма способствовало долголетию. У Кирмана не было такой удачи: зимой, в лютый сибирский мороз, он шел с рынка и упал мертвым. Кажется, он только приближался к семидесяти.

Раиса Александровна Рубинштейн была ровесницей века. Родилась в России, но когда ей было, кажется, 12, ее семья эмигрировала в Америку, где она окончила университет. Ей было 26, когда она отправилась в долгое путешествие — оказалось, что на всю жизнь. Приехав на пару месяцев в европейскую Палестину, осталась там на 2 года. Потом поехала в Советский Союз и присоединилась к довольно большой группе американцев, почти на 100 % евреев, которые хотели помочь в строительстве социализма. К ней в Москву прибыли сестра и брат-инженер с женой. Позднее сестра Бетти вернулась в Нью-Йорк, жена брата Джен поехала навестить родителей, и те не пустили ее обратно в Россию. Раиса и Генри остались в Москве.

Русский Раисы Александровны был без акцента, хотя главным её языком был английский. Она преподавала язык в Институте Красной профессуры. Однажды, в середине 1930-х, она пришла на работу, а ее уволили с объяснением, что администрации приказали уволить иностранцев. «А если я приму советское гражданство?» «Мы вас восстановим». И ни на минуту не задумавшись, Раиса стала советской гражданкой. Ее восстановили, и она продолжала преподавать до 1938 г., когда ее, как и почти всех бывших американцев, арестовали; впрочем, брат Генри избежал ареста. Она получила «смешной» срок — 5 лет, который истек в 1943, но во время войны из лагерей не выпускали, так что она вышла после войны и вновь была арестована и сослана в 1949-м. У нее уже давно не было никаких иллюзий относительно России и социализма, а я через много лет, в 1975, по ее наводке встречался в Нью-Йорке с ее сестрой и ее юношеской компанией — в Америке они все остались социалистами!

Раисе Александровне была дарована долгая жизнь, полная добра и друзей, — она умерла в 1991 г. в возрасте 91 в более или менее здравом уме. По возвращении из ссылки и реабилитации она жила только уроками и имела репутацию лучшего частного преподавателя в Москве. Мой английский — её мне подарок, и это неимоверно облегчило нашу эмиграцию. А в 1953 к Р.А. в Мурту тайком приехала ее ученица и друг, переводчица и член Союза писателей, Наталья Альбертовна Волжина.

В целом, летние каникулы в Мурте были неплохи: лес, речка, ягоды, чтение. Иногда приходил к папе и смотрел, как он запаивает радиаторы машин. В лес ходил с детьми немцев Поволжья. «За что мы здесь? Чем мы виноваты?», — риторически спрашивала меня немецкая девушка, не ожидая ответа.

В Мурте мы узнали об иоаньском восстании в ГДР и о его подавлении. 10 июля объявили об аресте Берии, и это было совершенно неожиданно. У нас не было фактов, чтобы считать Берию хуже или кровавее других. Когда Берия сменил Ежова в конце 1938, массовые репрессии заглохли, и он даже выпустил некоторых людей, которые ещё не были приговорены. После войны он непосредственно не возглавлял карательный аппарат. О Катынском расстреле польского офицерства и интеллигенции мы тогда ничего не знали, тем более о том, что лично Берия был его инициатором, написав Сталину записку-предложение, которая сейчас хорошо известна. Как не знали мы, что он был наиболее «либерален» после смерти Сталина. Но было чувство, что он чрезвычайно опасен, и если он пробьётся к единоличной власти, то возвращение к сталинизму вполне возможно. По-видимому, так считали и его товарищи по руководству. Википедия, в статье о Берии, без ссылки на источник, сообщает, что

«...в июне Берия официально пригласил известного писателя Константина Симонова и предъявил ему расстрельные списки 1930-х с подписью Сталина и др. членов ЦК... Хрущев опасался, что Берия рассекретит и представит общественности архивы, где станет очевидным его (Хрущева) участие и других в репрессиях конца 30-х годов».

Я не знаю, как он мог скрыть собственную подпись, однако если это правда, то значит, что он готовил публичное разоблачение остальных, и это не могло иметь другой цели, кроме захвата единоличной власти.

Но — если бы его и его сотрудников арестовали за организацию необоснованных репрессий! А были они, в «лучших» традициях сталинских процессов 30-х, обвинены, а потом осуждены за то, чего им и в голову не приходило делать: за шпионаж в пользу Англии. И это-то было очевидно каждому, кто хоть что-то понимал в ситуации. Какой сигнал публике хотел послать усилвшийся Хрущев? Можно было понять: возврат к ста-рому.

Уезжали мы вместе с Фаней в конце августа. Всегда было трудно купить билеты на поезд в Красноярске. В 1952-м нам дали адрес латышской ссыльной семьи, которой разрешалось жить в городе, и они помогли нам с билетами. Мы пошли к ним и в 1953, но соседка сказала, что их выслали в Канс — еще одно ужесточение.

Где же мы стоим 1-го сентября? Я думаю, что хуже, чем 1-го июня. Мы наблюдали подавление восстания в ГДР, арест Берии с явно ложными обвинениями, и пока у нас нет причин считать событие положительным. Мы не знаем о новых освобождениях, Збарские и оба моих дяди сидят, ссыльных стало больше, а не меньше, их режим не облегчён; тех из них, кто жил в Красноярске, выслали в глубину края. Геллер и Некрич сообщают, что 4 тысячи человек были освобождены в 1953-м, но это — капля в море. Единственное положительное: кажется, к этому времени перестали приходить стандартные отказы на заявления о пересмотре — просто нет ответов. Нам с сестрой не удалось уговорить отца написать заявление. Не раньше чем 18 марта 1954 г. он напишет письмо Председателю Президиума Верховного Совета СССР К.Е. Ворошилову:

«...В 1938 г. меня арестовали и предъявили обвинение, что я являюсь членом организации «Мизрах». Несмотря на мучительные допросы. <...> я себя виновным <...> не признавал, т. к. это было действительно неправдой. На самом деле, единственным моим преступлением было то обстоятельство, что я был сыном раввина и зятем раввина, и только на этом основании... следователь строил свои предположения, что я «должен антисоветски мыслить» <...> Неужели полная необоснованность обвинения может стать в правовом государстве основанием для бессрочности наказания? Неужели 16-ти лет тяжелой жизни, лишения семьи, родных, общества и всего того, что дорого нормальному человеку, недостаточно, чтобы искупить мое происхождение сына/зятя раввина, даже если согласиться, что это было преступление?

Я всегда жил и продолжаю жить жизнью маленького рядового человека, люблю свою семью, свою работу. Превратить меня в опасного политического противника — по меньшей мере, смешно, к тому же, какую опасность 60-летний больной старик может... представлять для могучей Советской власти. Кому это нужно, чтобы я и моя семья продолжали ни за что так страдать. Прошу разрешить мне вернуться к моей семье».

Книги и театр

История будет неполна без рассказа о культурной жизни, хотя здесь я не вполне уверен, к какому точно году относится то или иное воспоминание. Культура существовала, и много значила для нас. Не помню, чтобы я был хоть на одном живом концерте классической музыки до студенческих лет. Постоянно включенное радио служило неоценимым источником. Кажется, у нас был патефон. В Большом театре властителями дум были теноры Лемешев и Козловский, и соперничество их приверженок (всегда — женского рода) — «козловитя-нок» и «лемешисток» — было притчей во языцах: рассказывали, что они могли и податься около Большого театра; наверно, это были люди, у которых не было больших проблем. Мама была непреклонной «лемешисткой», я предпочитал Козловского. Мама считала каждый грош, наручных часов у меня не было до окончания школы, но она очень старалась выделить какие-то деньги на театр, особенно, для меня. Только сейчас я понимаю, что это желание было частью несломленного духа, частью сопротивления, если угодно, частью способа выжить.

Билеты в Большой театр, если у вас не было балата или денег для спекулянтов, покупались так: их продавали в кассе около детского театра на следующую декаду каждого 6-го, 16-го и 26-го. Уже за сутки начинала образовываться тысячная очередь на пл. Свердлова, и активисты составляли списки и давали номера. Важнейшей тактикой отсева были переклички раз в несколько часов. Особенно злостным было назначение переклички на 4 часа утра, когда не работал никакой транспорт. Как мама согласилась меня пустить, не знаю, но вспоминаю себя в три часа ночи идущим по совсем пустой Москве, сначала по Пятницкой, потом Чугунный мост через «Канаву» — так в просторечии называли Водоотводный канал, который сейчас украшен фонтанами, дальше — Москворецкий мост, справа дымятся трубы Могэса, Красная площадь, Охотный ряд, площадь перед театром — минут сорок ходьбы. И вот я попадаю на «Евгения Онегина», и в тот вечер для меня поют и Лемешев, и Рейзен, и Максакова, и Нэлепп — какой состав попался!

Система Станиславского или нет, а драматический театр того времени был славен великими актерами. В театре Вахтангова я хотел увидеть Рубена Симонова в роли Бенедикта («Много шума из ничего»), а его в последний момент заменили на молодого актера, и был это... Юрий Любимов — лицо в роли помню и сейчас. Яншин и Андровская играли для меня в МХАТе в «Школе злословия», Ливанов прыгал на стол как Ноздрёв. Царев, в Малом театре, был классическим и, честно говоря, скучноватым Чацким.

В тот год я получил в подарок «Режиссерские уроки К.С. Станиславского» Н. Горчакова (1898–1958) и взял книгу в Мурту наряду с Голсуорси. Это — тоже очень интересное чтение. Через цензуру проскочило имя актера В.А. Степуна, а сам Степун в то время находился в ссылке в Мурте, и папа однажды показал его, когда мы вместе ходили на «отметку» (ссыльные были обязаны дважды в месяц отмечаться у властей). Интересно описан процесс постановки «Мольера» Булгакова.

Имя писателя я знал, потому что видел во МХАТе «Дни Турбиных» — пьесу, которая по капризу понравилась Сталину и потому была в постоянном репертуаре, что, однако, не мешало обращению с писателем как с парией в отношении прочих его работ. Его не печатали. «Мольера» он отдал в театр в 1931 г., но репетиции не начинались до 1934. Станиславский в те годы уже прекратил выезды в театр и руководил из своего дома в Леонтьевском переулке. Его помощниками в постановке были Горчаков и сам Булгаков.

С самого начала Станиславскому недоставало того, что он не видел в пьесе «Мольера» — гениального бунтаря и протестанта». Его споры с Булгаковым, которые Горчаков приводит почти стенографически, показывают их творческую и, я бы сказал, политическую несовместимость и несогласие писателя с марксистским подходом. Бедный Булгаков! Он возвращался домой и выливал свое возмущение на страницы «Театрального романа», на публикацию которого не мог надеяться! В конце концов Станиславский отказался выпускать спектакль под своим именем, но разрешил это сделать Горчакову под его ответственность. Тот выпустил спектакль 15 февраля 1936 г., он был разгромлен в печати (уж не приложил ли Станиславский руку к разгромным статьям? Мысль моя, у Горчакова её нет), и оба верховых правителя театра пьесу сняли после 7 представлений.

Вернемся на землю.

Осень и декабрь

Наступает осень, я в последнем, 10-м, классе. У нас какая-то активность на улице, наверно, урок физкультуры. Подходит директор:

«Ты почему не подаешь в комсомол?» (Вообще-то учителя в старших классах уже обращались на Вы, но он знал меня с первого класса).

Я: «Александр Савич, вы не знаете почему?».

Он: «Ну-ну-ну, сейчас мы тебя хорошо узнали, ничего подобного не будет. Подавай».

Подал, приняли мгновенно. А тогда, в 1951, он меня за 7 лет знал недостаточно! Но — вина не его.

Все дома нашего двора ломают, чтобы на их месте построить здание Комитета по радиовещанию и телевидению, которое и по сей день стоит сзади метро «Новокузнецкая». Фане, работавшей в Смоленске, каким-то образом удалось сохранить московскую прописку, но все равно нам дают одну комнату в Измайлово вместо двух, и мама, было, отказывается. Мы задерживаем выезд, нам начинают бить стекла, и этот метод действует. Принимаем одну комнату и переезжаем где-то в ноябре. Наши родственники из полуподвала получили нормальную комнату в том же подъезде, этажом ниже.

В декабре супруги Збарские — Борис Ильич и тетя Женя — с разницей в два часа появляются в комнате, где в то время жили их дети. Возможно, сыграла роль большая (50–70 слов) телеграмма, посланная детьми в июне Маленкову по совету одного из освобожденных друзей. Борис Ильич возобновляет работу, но меньше чем через год он умрет во время лекции прямо на кафедре Первого Московского мединститута. Ему будет 69 лет.

Сообщается об окончании закрытого суда и расстреле Берия и других обвиняемых 23-го декабря. Сейчас есть такой термин: «последний сталинский расстрел»; имеется в виду расстрел Еврейского антифашистского комитета в 1952 г. Я бы назвал словом «последний» расстрел группы Берия, потому что это был последний процесс, осуществлённый по совершенно сталинским принципам ложных обвинений в закрытом «суде» с предрешенным приговором и отсутствием апелляции. После этого руководители как-то сумели договориться, чтобы в последующей борьбе за власть друг друга не расстреливать и даже не лишать пенсии.

Можно сказать, что и этот расстрел по-сталински не был последним. В 1961 г. был суд над т. н. «валютчиками», когда трое подсудимых были сначала судимы за реальное преступление и приговорены к законному наказанию, а потом закон дважды меняли по личному приказу Хрущева специально для того, чтобы их расстрелять. Такой процесс превратил «суд» в орудие внесудебного убийства.

А другие, более поздние, суды, в которых, к счастью, о расстреле не шла речь: суд над Иосифом Бродским в 1964 г., где просто не было состава преступления, процессы диссидентов до развала Союза, постсоветские суды над Ходорковским (2005 и 2011), — все они показывают, что и сейчас граждане беззащитны перед государством, и что суды полностью подчинены властям. Это по сей день остаётся в России страшной болезнью, унаследованной от Ленина и Сталина.

Но я отвлекся. Мы подошли к концу 1953-го года. Стало лучше. Но до освобождения отца (осень 1954), братьев мамы Абрама и Бориса (1956), родственников, сосланных после лагеря в Воркутинскую область, до освобождения миллионов и приближения хоть к какому-то подобию нормальности ещё ой как далеко! И никогда, почти до самого распада СССР через 38 лет, страна не откажется от насаждаемого сверху и поддерживаемого снизу антисемитизма, от необходимости еврею учитывать свое еврейство в каждый момент жизни. Где-то, как на Украине, было совсем плохо, в Москве и Санкт-Петербурге получше, ещё мягче в Сибири — но везде это был непрерывный фон и вялотекущий рак советской жизни, в конце концов ставший одной из причин её развала и конца.

Часть вторая. История литературы

Евгений Беркович¹

Меланхолия и магический квадрат в романе Томаса Манна «Доктор Фаустус»

«Магический квадрат»

В романе «Доктор Фаустус» магический квадрат появляется в XII главе при описании студенческой компании Адриана Леверкюна в городе Галле:

«Над пианино кнопками была прикреплена арифметическая гравюра, купленная им в лавке какого-то старьевщика: так называемый магический квадрат, вроде того, что наряду с песочными часами, циркулем, весами, многогранником и другими символами изображен на Дюреровской “Меланхолии”. Как и там, он был поделен на шестнадцать полей, пронумерованных арабскими цифрами, так что “1” приходилось на правое нижнее поле, а “16” — на левое верхнее; волшебство — или курьез — состояло здесь в том, что эти цифры, как бы их ни складывали, сверху вниз, поперек или по диагонали, в сумме неизменно давали тридцатьчетыре» (V, 122).

И переехав в другой город, Адриан не расставался с этой картинкой:

«Все четыре с половиной года, проведенных им в Лейпциге, Адриан прожил в одной и той же двухкомнатной квартире на Петерсштрассе, неподалеку от Колледжа Бетаэ Виргинис, где снова повесил над пианино магический квадрат» (V, 235).

Связь магического квадрата с двенадцатитоновой системой композиции явно обозначена в XXII главе романа, в которой Леверкюн объясняет другу Серенусу основы дodeкафонии. Сразу понявший суть Цейтблом нашел короткую формулу для услышанного:

«Магический квадрат, — сказал я. — И ты надеешься, что всё это услышат?» (V, 251).

Знаток творчества Томаса Манна и один из лучших его переводчиков — Соломон Апт — так раскрывает роль магического квадрата в структуре романа:

«Все линии романа связаны воедино по принципу контрапункта. То есть роман о композиторе построен как музыкальная композиция. Роман комментирует сам себя. Самым существенным его автокомментарием представляется нам упоминание “магического квадрата” — и как детали гравюры Дюрера “Меланхолия” (1514), и как такового. <...> Эта математическая закономерность теоретически пока не объяснена. Так вот, связь у всех тематических линий романа одна и та же, как сумма цифр по вертикалям, горизонталям и диагоналям магического квадрата» [Апт, 2008].

Великий немецкий художник Альбрехт Дюрер изобразил магический квадрат на гравюре «Меланхолия», созданной в 1514 году. Этот год можно прочитать в нижнем ряду квадрата: два средних поля содержат как раз числа 15 и 14, вместе образующие нужный год. Но это еще не все! Гравюра создавалась в дни траура по скончавшейся недавно любимой матери художника. Правда, исследователи называют две различные даты смерти: одни говорят о шестнадцатом мая, другие называют семнадцатое. Но в любом случае эта траурная дата запечатлена на магическом квадрате. Дату 16 мая можно прочитать в первых двух числах левого столбца: 16 и 5 как раз и определяют число и месяц. Более замысловато находится дата 17 мая. Она представлена в двух средних столбцах квадрата. Числа верхней строки 3 и 2 в сумме дают номер месяца. А число 17 есть сумма по диагоналям расположенного в центре квадрата $2 \times 2: 10+7=6+11$.

16	3	2	13
5	10	11	8
9	6	7	12
4	15	14	1

¹ Историк науки и литературы, математик, к.ф.-м.н., доктор естествознания, публицист и изобретатель.

Числа 4 и 1 в углах нижнего ряда представляют собой зашифрованные инициалы художника: 4-я буква алфавита есть «Д», 1-я буква — «А».

Подчеркнем еще раз, что «волшебная сумма» строк, столбцов и диагоналей квадрата есть знакомое нам число 34, несколько раз «всплывшее» не только в «Докторе Фаустусе» (единственная глава, разделенная на три части, имеет этот номер), но и в «Волшебной горе» — вспомним хотя бы номер комнаты Ганса Касторпа и пророчество во время спиритического сеанса.

Перечислив несколько способов сложения чисел — «сверху вниз, поперек или по диагонали» — Томас Манн далеко не исчерпал все возможности этой забавной математической игрушки. Может быть, он не все эти возможности и знал. Отметим несколько других способов, как получить число 34, складывая числа из магического квадрата.

Во-первых, четыре числа в углах квадрата в сумме дают 34. Во-вторых, сумма чисел каждого из четырех квадратов 2×2 , прижатых к углам магического квадрата, равна все тому же числу 34. В-третьих, каждый из четырех квадратов 3×3 , вписанных в исходный магический квадрат, обладает таким свойством: если из такого квадрата вырезать средний ряд и средний столбец, то оставшиеся четыре числа в сумме дают точно 34. В-четвертых, четыре числа, стоящие в центре магического квадрата, тоже в сумме дают 34.

Вообще, этот маленький математический объект из шестнадцати первых натуральных чисел содержит в себе множество удивительных свойств. Даже нацисты, рассматривая магический квадрат Дюрера, увидели в нем отблески своей идеологии: если вписать в квадрат свастику, то четыре числа у ее концов тоже дают в сумме 34. И этим далеко не исчерпываются возможные комбинации чисел, дающих в сумме 34 [Puschmann, 1983].

Меланхолия в древности и в новые времена

Дюреровская гравюра на меди «Меланхолия I», из которой Томас Манн взял в роман «Доктор Фаустус» магический квадрат, имеет к математике непосредственное отношение. Чтобы разобраться в этом, начнем издалека.

Что мы видим на этой небольшой гравюре размером 23,9 на 16,8 сантиметров?

На низкой каменной ступеньке возле недостроенного дома сидит, глубоко задумавшись, крылатая женщина (будем для определенности так называть это неземное существо без пола) с темным лицом, на котором контрастно выделяются белки глаз. Одной рукой, сжатой в кулак, она подпирает голову, в другой руке, опирающейся на книгу, держит циркуль. И книга, и циркуль сейчас не при деле. На голове у женщины венок из каких-то растений, в которых знатоки-ботаники узнают цветы, живущие в воде, типа водяного лоттика. Неподалеку расположено большое озеро или море, зловеще мерцающее в свете яркой кометы под радугой. В воздухе над водой летает существо, напоминающее летучую мышь, и держит транспарант с надписью по-латыни «Меланхолия I». Недалеко от женщины на огромном точильном камне или мельничном жернове сидит печальный амурчик, усердно карябающий какие-то караули на грифельной доске. На земле у ног женщины улеглась худая, дрожащая от холода собака. Крылатая женщина сосредоточенно и печально думает о чем-то своем, взгляд ее обращен в пустоту. К ее поясу прикреплены ключи и кошелек. На стене недостроенного строения висят рычажные весы, солнечные и песочные часы, колокол, под которым и располагается знаменитый магический квадрат.

Незаконченность строения подчеркивает деревянная лестница, прислоненная к задней стене дома. На земле в беспорядке разбросаны разнообразные столярные инструменты и измерительные приборы: рубанок, пила, клещи, молоток, гвозди, небольшой тигель для плавки свинца, линейка, угольник, чернильница с пеплом... Под складками юбки прячутся на полу кузнецкие меха, от которых виден только мундштук. Два предмета не являются инструментами в точном смысле слова, а представляют собой скорее символы прикладной математики, используемой в строительстве и столярном деле. Это точеный деревянный шар и вытесанный из камня полиздр, многогранник. Они вместе с весами, песочными часами, магическим квадратом и циркулем символизируют роль математики, которую в своей работе используют и ремесленник на земле, и архитектор Вселенной. Эти символы заставляют вспомнить «равенство меры, веса и числа», о котором говорит Платон в своих «Диалогах» [Panofsky, 1977 стр. 209].

Что же означает название гравюры Дюрера.? Меланхолия — это один из четырех типов человеческих темпераментов по градации Гиппократа и Аристотеля. Согласно господствовавшим в античные и средневековые времена представлениям, за темперамент отвечали четыре главных «сока» человеческого тела: кровь, флегма, желтая желчь и черная желчь. Они согласуются с четырьмя основными элементами (воздух, вода, огонь и земля), с четырьмя временами года, с четырьмя периодами человеческой жизни, с четырьмя ветрами (направлениями в пространстве), с четырьмя временами суток.

Самым здоровым и счастливым считался сангвиник, от лат. *sanguis* — кровь. Тогда полагали, что Господь создал человека именно сангвиником, а остальные виды темпераментов появились уже после грехопадения Адама и Евы. Кровь, влажная и теплая, уподоблялась элементу «воздух» и сравнивалась с весною, с юностью, легким западным ветром зефиром и с утром.

Холерик (от греч. *chole* — желчь) связан элементом «огонь» и обладал его качествами — жаром и сухостью. Поэтому его сравнивали с летом, зрелостью человека, с горячим и сухим восточным ветром эфиром, с полднем.

Флегматик назван от греческого слова *phlegma* — флегма, которая представлялась влажной и холодной, как элемент «вода», и связывалась с зимой, старостью, вредным для здоровья южным ветром Австерь и ночью.

Наконец, самым печальным и опасным темпераментом считался меланхолик — от греч. *melas chole* — черная желчь, которой соответствовал холодный и сухой элемент «земля», осень, пожилой возраст человека, суровый северный ветер борей и вечер.

Сочетание соков в организме человека определяет его комплекцию (телосложение) и особенности характера. Само слово «комплекция» происходит от латинского «complexion», которое означало смешение соков. Темперамент в понимании Гиппократа и Аристотеля влияет и на подверженность тем или иным болезням, и на способности к тем или иным занятиям. У флегматика иные недостатки, чем у холерика, но и добродетели у них разные. Им подходят разные профессии, у них разная манера общения с близкими, их жизненные установки сильно отличаются.

Обладание тем или иным темпераментом еще ничего не говорит о душевном и физическом здоровье человека. Можно быть вполне здоровым флегматиком или меланхоликом, если количество преобладающего «сока» организма не переходит определенную границу. Но если динамическое равновесие соков по той или иной причине нарушается, человек заболевает, причем меланхолику грозят самые страшные болезни — душевные. Конечно, от помешательства, депрессии, шизофрении и эпилепсии страдают люди разных темпераментов, но у меланхоликов эти болезни случаются чаще.

И в ученых кругах античных и средневековых медиков, и в народном фольклоре сложилось устойчивое представление, что и здоровый меланхолик обладает весьма неприятными чертами характера. Сухощавый, с темным цветом лица, он, как правило, жадный, неловкий, злой, трусливый, ненадежный, ленивый. К тому же он занудлив, забывчив, уныл, вял, неуклюж, избегает общества своих близких и презирает противоположный пол. Единственная достойная черта меланхолика, по представлениям древних, это его склонность к научным занятиям, которые он любит проводить в одиночестве. Недаром его часто изображали с книгой.

До Дюрера существовало множество изображений меланхоликов. По назначению их можно разделить на две большие группы. Во-первых, рисунки в медицинских трактатах и пособиях, во-вторых, карикатуры и шаржи в популярных календарях, лубках, книжках-картинках для простого народа, который, как правило, не сильно владел грамотой. В медицинских изданиях меланхолия рассматривалась как болезнь, и рисунки показывали, как ее лечить. Способы лечения были разнообразны — от слушания музыки до битья кнутом. Напротив, в популярных книжках и народных календарях меланхолики изображались как обычные люди с типичными для этого темперамента недостатками. Чаще всего изображались скряги с тугу набитыми кошельками и лентяи, которые спят вместо того, чтобы работать. Распространенные сюжеты картин про меланхоликов: пахарь, спящий рядом с пашней, пряха, заснувшая с веретеном в руке, молившийся человек, который положил голову на молитвенник и тоже забылся сном. Общим для всех этих изображений было представление о меланхолии как унылом бездействии.

Меланхолия на гравюре Дюрера изображена совершенно иначе. Да, она тоже бездействует, но в отличие от пряхи или пахаря, которые от лени впадают в сон, крылатая женщина напряженно размышляет, за ее оцепенением видится интенсивное, хотя и безрезультатное пока исследование какой-то проблемы. Она застыла не потому, что ленится работать, нет, работа стала для нее в данный момент бессмысленной. Ее энергия парализована не сном, а мыслью.

Дюрер предложил абсолютно новый тип меланхолии, не похожий на привычные для того времени образы ленивой растяпы-домохозяйки или сонливой пряхи. Перед нами творческая личность, наделенная сильным духом и мощным воображением. Она окружена инструментами для созидательной работы и научных

Меланхолик жаден, сонлив,
ленив, бездеятелен

исследований. И это позволяет нам отметить еще одну новую черту дюреровской гравюры, тесно связанную с темой настоящих заметок.

Семь свободных искусств

Здесь нужно сказать несколько слов о науках, которые в античности и средневековье часто называли «искусствами». У Аристотеля в «Политике» говорится: «Семь свободных искусств — основа воспитания, которое надлежит давать не для практической пользы, но потому, что оно достойно свободнорожденного человека и само по себе прекрасно».

В европейских университетах учебные предметы, образующие «семь свободных искусств», изучались на подготовительных факультетах, которые сначала назывались «артистическими» (от латинского *ars* — искусство), а потом стали именоваться философскими. Основными же факультетами, выпускавшими специалистов, считались богословский, медицинский и юридический. Только в Новое время философский факультет стал равноправным с другими университетскими факультетами.

Изучение «семи свободных наук» проводилось в два цикла, которые назывались тривиум и квадривиум. Нетрудно догадаться, что тривиум состоял из трех предметов, а квадривиум — из четырех. Для тривиума (по латыни *trivium* — три дороги) это грамматика, риторика и диалектика. Математику начинали изучать во втором цикле, квадривиуме (*quadrivium* — четыре дороги). Он состоял из арифметики, геометрии, астрономии и музыки.

Это, кстати, объясняет происхождение слова «тривиальный», которое большинством этимологических словарей и словарей иностранных слов трактуется немного загадочно и... неверно. Например, в уважаемом «Этимологическом словаре русского языка» Макса Фасмера можно прочитать: «*тривиальный. Через нем. trivial или франц. trivial — то же из лат. *trivialis* „то, что валяется на большой дороге“: *trivium* „перекресток трех дорог“*» [Фасмер, 1987 стр. 102]. Остается непонятным, почему «тривиальная вещь» должна валяться именно на перекрестке трех дорог? А то, что лежит на перекрестке двух — уже нетривиально?

На самом деле, происхождение слова «тривиальный» следует искать в кругу «семи свободных искусств». Тривиальной называли вещь, которую поймет человек, прошедший первый цикл начального обучения, т. е. освоивший тривиум. Другими словами, вещь не сложную, для понимания требующую минимального образования. При таком объяснении проблема «двух дорог» не встает. Дорога здесь вообще имеет иной смысл — не пыльный тракт, не базарная площадь, а путь к свету, к знаниям [Беркович, 2009].

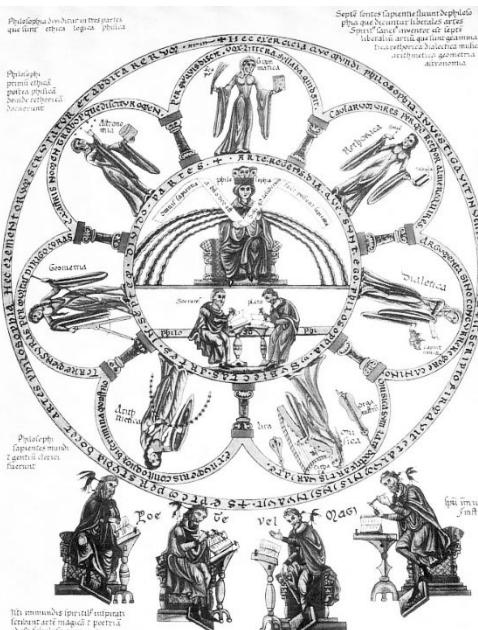
Символика «семи свободных искусств» явственно просматривается на гравюре Дюрера. «Меланхолия». Амурчик, сидящий на мельничном жернове и карябающий что-то на грифельной доске, символизирует грамматику, простейшую из семи наук. Весы с чашами — атрибут риторики, стоящей на службе правоведения, а весы — известный символ юстиции. Магический квадрат, очевидно, представляет арифметику, циркуль — геометрию, шар — астрономию и т. д. [Waetzoldt, 1953 стр. 104].

К семи аристократическим свободным искусствам, предназначенным для свободных людей, Дюрер добавляет семь «механических, или технических искусств», требующих применения физической силы. Именно они используются ремесленниками, строителями, землемерами... Соответствующие атрибуты тоже разбросаны на полу перед сидящей крылатой Меланхолией. Это измерительные и строительные инструменты: рубанок, молоток, тигель и пр.

Как чистые, «свободные» искусства, так и технические, прикладные виды деятельности к началу XVI века были широко представлены на гравюрах, рисунках, картинах европейских художников. В частности, популярный в то время энциклопедический трактат Грегора Райша (Gregor Reisch, 1467(?)—1525) «Маргарита философика» (*Margarita Philosophica*) включал в себя двенадцать глав, из которых семь были посвящены «свободным искусствам». Каждая глава иллюстрировалась соответствующей гравюрой по дереву.

В одной из центральных глав книги приведен «Образ Геометрии» (*«Typus Geometriae»*), созданный лет за 6–10 до дюреровской «Меланхолии». На гравюре изображена богато одетая женщина с циркулем в руке, что-то измеряющая на шаре. Гравюра воспроизведена, например, в книгах [Panofsky, 1977 стр. 229] и [Klibansky, и др., 1990 стр. 110]. Циркуль, как мы помним, — это основной атрибут геометрии. Женщина сидит за столом, на котором разложены чертежные принадлежности, стоят чернильница, многогранник, другие модели объемных тел. Рядом с недостроенным зданием высится кран, поднявший огромный тесанный камень для стены. Один строитель проверяет щипцами качество кладки, двое других работают над составлением

топографического плана местности. На полу, как и на гравюре Дюрера, в беспорядке разбросаны столярные инструменты, молоток, линейка, угольники... Облака, луну и звезды изучают с помощью квадранта и астролябии двое ученых, то ли астрономов, то ли метеорологов. То, что геометрия имеет прямое отношение к астрономии, говорит павлинье перо, прикрепленное к шляпе женщины: оно в Средние века было символом звездного небосвода [Panofsky, 1977 стр. 216].

Семь свободных искусств:
тривиум и квадриум

камня полиэдр — символ описательной геометрии и учения о перспективе. Отчего же геометрия, или «искусство измерений», играет такую важную роль в гравюре «Меланхolia»? Упомянутый нами исследователь творчества Дюрера Вильгельм Ветцольдт. задает этот вопрос и сам на него отвечает:

«Почему однако Дюрер выхватил из множества различных сатурнианских профессий и видов деятельности именно искусство измерений? Потому что мера, число и вес² образовывали для него самого краеугольный камень собственной научной работы, потому что математика представлялась ему (и не только ему одному) центральной наукой» [Waetzoldt, 1953 стр. 106].

Заметим попутно, что в процессе работы над «Доктором Фаустусом» Томас Манн изучал солидную монографию Вильгельма Ветцольдта о Дюрере. В конце дневниковой записи от 19 апреля 1943 года отмечено: «В Дюрере Ветцольдта» [Mann, 1982 стр. 565]. Заметим попутно, что фамилия автора монографии о Дюрере в дневнике Томаса Манна приведена с ошибкой: Waezoldt вместо Waetzoldt.

На гравюре «Образ Геометрии» представлен синтез «чистой» и прикладной науки, показана центральная роль геометрии в технике и естествознании. При этом женщина, символизирующая одно из «свободных искусств» — геометрию — лишена эмоций, это некий абстрактный образ, скорее, ангельский, чем человеческий.

Взгляд на математику как важнейшую из наук разделял и Дюрер. Он и сам слыл лучшим математиком среди художников своего времени. Его перу принадлежат несколько математических трактатов, получивших признание профессионалов-математиков. Наиболее известно, пожалуй, «Руководство по измерениям циркулем и линейкой» [Dürer, 1525], ставшее первым учебником геометрии на немецком языке. Слово «измерение» в заглавии книги использовалось в то время в словосочетании «искусство измерений» как перевод греческого слова «геометрия». В современном понимании это слово «измерение» ближе к понятию «конструкция», «построение». Дюрер по праву считается одним из основоположников начертательной геометрии.

Многие предметы, характерные для «Образа Геометрии», можно найти и на его гравюре «Меланхolia». Книга, чернильница и циркуль — атрибуты «чистой» геометрии, песочные часы с колоколом, рычажные весы — инструменты для измерений пространства и времени, столярные и строительные инструменты — продукты прикладной геометрии, наконец, вытесанный из

² Выражение «мера, число и вес» встречается в самых разнообразных источниках. Например, у Платона в «Диалогах», у Еврипода в «Финикиянках», у Августина в «Творениях», в «Книге премудростей Соломона» и др. По-видимому, это выражение восходит к толкованию пророком Даниилом знаменитой надписи на стене «мене, текел, упарсин» на пиру у Вальтасара (Дан. 5:26–28)

Обсуждаемая нами гравюра Дюрера демонстрирует слияние двух классических тем — Меланхолии из народных календарей и медицинских трактатов и Геометрии из философских трудов и энциклопедий. При этом художнику удалось оба образа представить в новом свете. Унылая тоска меланхолии приобрела у Дюрера энергию поиска истины, а к абстрактной чистоте и возвышенности геометрии художник добавил человеческие страсти и эмоции. Можно сказать, что на гравюре изображены «творческая меланхолия» и «очеловеченная геометрия».

Новый взгляд на меланхолию, который продемонстрировал Дюрер, как часто бывает, оказался хорошо забытым старым. Ибо еще Аристотель в главе XXX «Проблем» отмечал взаимозависимость меланхолии и таланта:

«Почему все выдающиеся мужи, будь они философами, государственными деятелями, поэтами или художниками, явно были меланхоликами? И некоторые из них в такой степени, что страдали от болезненных приступов, вызванных черной желчью, о чем говорится в героической саге о Геракле» [Klibansky, и др., 1990 стр. 59].

Эта надолго забытая работа Аристотеля после гравюры Дюрера снова стала популярной. Со временем смысл высказывания великого философа перевернулся, и вместо «всегений — меланхолики» стали считать, что «все меланхолики — гении». Быть меланхоликом стало модно, те, кто хотел произвести впечатление в высшем свете, учились меланхолическим манерам и специально принимали меланхолический вид.

Сатурн — покровитель меланхоликов

Возвышение меланхолии в общественном сознании имело еще одно следствие: оказалось, что планета Сатурн, имевшая ранее весьма дурную репутацию, обладает рядом несомненных достоинств. Этот феномен тоже связан с темой настоящих заметок.

Планетами в древности называли небесные тела, которые, в отличие от неподвижных звезд, перемещались по небесной сфере. Таких объектов было семь: Солнце, Луна, Меркурий, Марс, Венера, Юпитер, Сатурн. Их называли качествами, присущими богам, чьи имена они носили. Планеты покровительствовали и различным типам темпераментов.

Сангвиникам помогал теплый и влажный, как воздух, Юпитер (другим покровителем сангвиников считалась Венера). Холерикам сопутствовал, конечно, горячий и сухой Марс, флегматикам — холодная и влажная Луна. На стороне меланхоликов был холодный и сухой Сатурн — старейший бог Земли, некогда управлявший всем миром, но свергнутый сыном Юпитером. Греки называли этих богов Кронос и Зевс, соответственно. Время правления Сатурна считалось на Земле «золотым веком».

Английский язык сохранил эту связь настроения и планеты, в нем слово *saturnine* означает печальный, а *joyful* (от *Jove* — Юпитер) — веселый. То же значение и у слова *жовиальный*.

Как черная желчь считалась худшим соком человеческого организма, так и Сатурн имел славу самой несчастливой планеты. Ведь бог Сатурн, осколенный и свергнутый в мрачный Тартар сыном Юпитером, пожирал своих детей! Рожденные под знаком Сатурна были обречены на печальную, тосклившую жизнь, и даже богатство и власть, которыми могущественный когда-то бог самой высокой планеты наделял своих подопечных, не делали этих людей счастливыми. Обычно под знаком бога Земли рождались крестьяне и рабочие самых непrestижных профессий: чистильщики выгребных ям, камнетесы, могильщики, а также калеки, низшие и преступники.

Меланхолия представлялась неразрывно связанный с Сатурном, у них были многие общие черты и символы. Ряд их изображен на дюреровской гравюре «Меланхолия». Тонко чувствующая собака с печальными глазами, часто болеющая бешенством, и летучая мышь, живущая в мрачных, укромных местах, — типичные

Образ геометрии

атрибуты как меланхолии, так и Сатурна. То же относится и к ключам, символу власти, и к кошельку, символу богатства, и к водной глади.

С изменением отношения к меланхолии было пересмотрено и отношение к Сатурну. Этому способствовала позиция флорентийской школы неоплатоников, прежде всего, Марсилио Фичино (1433–1499) и Пико делла Мирандола (1463–1494), которые обнаружили, что основатель неоплатонизма античный философ Плотин и его последователи так же высоко оценивали Сатурн, как Аристотель — меланхолию. Сатурн, по представлениям неоплатоников, олицетворял дух вселенной, тогда как Юпитер — ее душу. Юпитер управляет практической деятельностью на Земле, в то время как Сатурн покровительствует исследованиям высших и тайных вещей, философскому осмыслению и раскрытию непознанного. Философам, современникам Дюрера, грел душу тот факт, что сам Платон родился под знаком Сатурна [Panofsky, 1977 стр. 223].

Признание за Сатурном покровительства ученым не могло пересилить народной веры в опасность, которую несет эта несчастливая планета. Поэтому, к примеру, Марсилио Фичино, рожденный под этим знаком, всю жизнь пользовался сам и советовал другим использовать астрологические амулеты, которые с помощью силы Юпитера ослабляли бы воздействие Сатурна. По словам Фичино, такие амулеты «превращают зло в добро, изгоняют смятение и страх» [Panofsky, 1977 стр. 223]. Одним из таких амулетов являлся магический квадрат, подчиненный, как и вся арифметика, власти Юпитера. Именно как средство против меланхолии, как противоядие от Сатурна и появился магический квадрат на гравюре Дюрера. Этот атрибут светлого и спокойного Юпитера явственно отличается от многочисленных предметов на гравюре, символизирующих мрачный Сатурн.

После этих астрологических мер предосторожности, по мнению Фичино, «для ученых, которые живут в сфере благородного Сатурна, он сам становится благодетельным отцом (Юпитером)» [Panofsky, 1977 стр. 223].

Каким же видам деятельности благоволит Сатурн, каким наукам покровительствует этот противоречивый бог Земли? Прежде всего, работам с деревом и камнем, строительству, столярному делу и прочему ремеслу. Но как бог земледелия Сатурн отвечает еще и за раздел земельных участков и связанные с этим процессы их обмера. Но это и есть буквальный перевод греческого слова «геометрия» — измерение земли. В Средние века была такая молитва: «Сатурн, планета, пошли нам мудрецов, которые бы нас геометрии обучили» [Panofsky, 1977 стр. 224].

Меланхолики, которых часто называли «детьми Сатурна», как правило, показывают способности к геометрии или, более общо, к математике. Но верно и обратное: тот, кто математически одарен, не может не быть меланхоликом, ибо он должен страдать от сознания ограниченности своих интеллектуальных возможностей. Тот, кто «знает, что он ничего не знает», не может быть веселым и беззаботным оптимистом.

После того, как мы в деталях рассмотрели гравюру Дюрера и обсудили ее связь с Сатурном и математикой, вернемся к «Доктору Фаустусу».

Меланхолический музыкант

Герой романа Томаса Манна — не математик, а музыкант. На первый взгляд, Адриан Леверкюн вовсе не меланхолик, он много и результативно трудится, пустым созерцателем его не назовешь. И все же в разных частях романа можно заметить у него типичные меланхолические черты. Судя по всему, это качество у него наследственное.

Явным меланхоликом представлен отец Адриана — страдающий от периодической мигрени Ионатан Леверкюн. Его любимое занятие — изучение красивых узоров на белом фоне новокаледонской раковины, — как и следовало ожидать, не дает никаких практических результатов. Рассказчик так характеризует потомка «искусных ремесленников и зажиточных земледельцев» (профессии под знаком Сатурна):

«Да, папаша Леверкюн был, как сказано, любомудром и созерцателем, и его исследования, если можно говорить об исследовании там, где все сводилось к мечтательному умствованию, всегда принимали определенное, а именно — мистическое или смутно-полумистическое направление, в котором, думается мне, почти неизбежно движется человеческая мысль, стремящаяся постигнуть природу» (V, 27).

Сын «любомудра и созерцателя» тоже временами был готов, подобно крылатой женщине на гравюре Дюерера, бесцельно уставиться в пустоту. Вот что случалось с ним «на концерте или в театре, когда его поражал какой-нибудь незаметный для массы слушателей искусственный трюк или остроумный ход внутри музыкальной

структурь, какой-нибудь тонкий психологический намек в диалоге драмы... Он запрокидывал голову, делал легкий, короткий выдох ртом и носом... Но глаза его при этом настораживались, искали чего-то в пустоте, и еще темнее становился их крапленный металлом сумрак» (V, 43).

В заключительной сцене последней главы «он сидел, скрестив руки, слегка склонив голову набок, глядя прямо перед собой, только чуть-чуть вверх» (V, 639). Сходство с дюеровской Меланхолией усиливается, если обратить внимание на его позу: «он подпер щеку рукой и помолчал, словно в раздумье» (V, 640).

Одна из характернейших черт меланхолии — одиночество. Меланхолик стремится быть один, но страдает от отсутствия близких людей. Это в полной мере относится к Адриану Леверкуну. Томас Манн неоднократно отмечает эту черту композитора. В первой же главе романа рассказчик сообщает:

«Одиночество Адриана я бы сравнил с пропастью, в которой беззвучно и бесследно гибли чувства, пробужденные им в людских сердцах. Вокруг него царила стужа» (V, 13).

И в счастливые времена студенчества Адриан страдает без друзей:

«Водворившись в Галле, он даже просил меня к нему приехать — просьба, видимо, продиктованная чувством сиротливого одиночества» (V, 114).

В другом месте Серенус Цейтблом замечает:

«Кое-кого, наверно, поражали его робость, его одиночество, вся гордая трудность его бытия» (V, 234).

В письме другу Леверкун признается:

«Я ишу, <...> я мысленно спрашиваю и прислушиваюсь к ответу извне, где находится место, в котором можно было бы, укрывшись от мира и без помех, поговорить один на один со своей жизнью, своей судьбой...» (V, 274).

Даже близкие люди не понимали «Адрианово одиночество, горестность, тревожность такого уединения» (V, 338). И несколькими строками ниже Серенус прямо говорит о «холоде меланхолии» (V, 339).

Местечко Пфайферинг, в Верхней Баварии, которое выбрал для проживания уже повзрослевший Леверкун, оказалось удивительно похожим на городок Кайзерсашерн на Заале, в котором прошли его школьные годы. Цейтблом оценивает это как симптомом той же болезни:

«Выбор места, словно воскрешающего обстановку раннего детства, прибежища в давно минувшем или хотя бы во внешнем антураже минувшего, мог, конечно, свидетельствовать о глубине привязанностей, но в большей мере свидетельствовал о тяжелом, очень тяжелом душевном состоянии» (V, 39).

Все симптомы меланхолии, грозящей обернуться страшной душевной болезнью, здесь налицо. Но мы помним, что этот темперамент имеет и положительные качества. Это, среди прочего, математические способности, любовь к математике. И они у Леверкюна явно заметны.

Пожалуй, лучше всего о роли математики сказано в романе словами профессора Нонненмакера, университетского светила, увлекательно и вдохновенно читавшего лекцию о великом Пифагоре, который «математику, абстрактную пропорцию, число возвел в принцип становления и бытия мира» (V, 123).

Леверкун тоже возвел числовые ряды в принцип становления музыки. Эту идею пересказывает его верный друг Серенус Цейтблом:

Сатурн — покровитель землеустройства, ремесленников и ученых

«Он указал мне тогда на магический квадрат музыкального стиля или техники, создающей предельное разнообразие звуковых комбинаций из одного и того же неизменного материала, так что не остается ничего нетематического, ничего, что не было бы вариацией все того же самого. Этот стиль, эта техника, утверждал он, не допускает ни единого звука, который не выполнял бы функции мотива в конструктивном целом, — так что ни одной свободной ноты более не существует» (V, 628).

Такую роль магического квадрата мы уже обсуждали. По меткому выражению Соломона Апта, этот квадрат является «автокомментарием романа», моделью главного изобретения Леверкуна — додекафонии. Но, как мы видели при обсуждении гравюры Дюрера, магический квадрат — это еще и противоядие от меланхолии. Это объясняет тот факт, что Леверкун не расстается с ним ни на день. Переезжая из города в город, он берет изображение квадрата с собой и вешает его на стену рядом со своим инструментом, т. е. в том месте, в котором он проводит самые важные часы жизни.

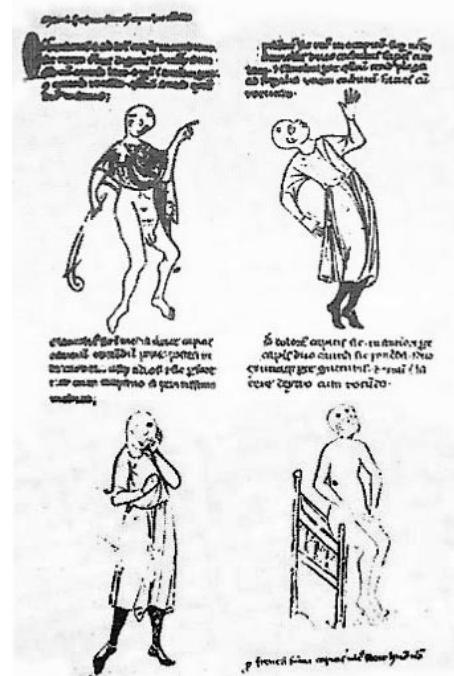
Как мы помним, магический квадрат появляется первый раз в романе при описании студенческой комнаты Адриана в Галле. В XII главе автор сообщает, что он «наряду с песочными часами, циркулем, весами, многогранником и другими символами изображен на Дюреровской “Меланхолии”» (V, 122).

Обратим внимание, какие детали гравюры Дюрера выбрал Томас Манн для ее характеристики: песочные часы, циркуль, весы, многогранник... Мы видели, что Дюрер изобразил множество разных предметов, имеющих отношение к Сатурну и меланхолии, среди них и столярные инструменты, и животные, ангелочек, лестница, гвозди, солнечные часы, кузнецкие меха, показаны и природные катаклизмы... Но автор «Доктора Фаустуса» отметил только то, что относится к «творческой меланхолии», является атрибутом науки, прежде всего, «искусства измерения», т. е. геометрии. Этим он показывает близость позиций Леверкуна и Дюрера в отношении математики. Для Дюрера «мера, число и вес образовывали... краеугольный камень собственной научной работы». Чем была математика для Дюрера-живописца, тем стала она и для Леверкуна-композитора. Для художника математика — «центральная из наук», для музыканта — «интереснейшая из наук», ибо сама музыка, по его мнению, является «магическим слиянием богословия и математики».

На этой торжественной ноте можно было бы закончить размышления математика над текстами Томаса Манна. Но затронув тему «математика под знаком Сатурна», нельзя обойти молчанием и другую сторону медали, а именно, «музыку под знаком Сатурна». Такой поворот темы сулит множество интересных вопросов и неожиданных выводов. Ведь два понятия — музыка и Сатурн — до Томаса Манна считались несовместимыми.

Обратимся еще раз к гравюре Дюрера «Меланхолия». Среди множества предметов-символов, изображенных на ней, нет ни одного, который бы напоминал о музыке. Там есть приборы для измерений, для научных изысканий, есть инструменты строителя и столяра, типичных профессий, находящихся под покровительством Сатурна, но нет и намека на какой-нибудь музикальный инструмент. И это не удивительно. С античных времен меланхолия, как и ее покровитель Сатурн, были далеки от музыки. На старинных гравюрах меланхолики никогда не изображались поющими или играющими на каких-то музикальных инструментах.

Напротив, сангвиники, находившиеся под покровительством Юпитера, часто изображаются с арфой или лютней. Музыка была одним из лечебных средств, к которым прибегали врачи, чтобы помочь страдающим от тяжелых депрессий. Широко известно описанное в Библии излечение царя Саула. Его будущий преемник на царстве Давид игрой на арфе изгнал злой дух, под власть которого попал Саул. В результате Саул был извлечен от черной меланхолии.

Лечение меланхоликов — от битья кнутом до слушания музыки

Со временем Саула и Давида струнные музыкальные инструменты считались наиболее эффективным средством борьбы с тоской и депрессией. Музыка, типично сангвенистическое искусство, разгоняла тоску и грусть, служило противоядием от опасного меланхолического темперамента, считавшимся немузыкальным.

В романе «Доктор Фаустус» Томас Манн радикально перевернул представление о взаимоотношениях музыки и меланхолии: главный герой его романа сочетает в себе, казалось бы, несовместимое — он и меланхолик, и музыкант. В большом письме своему ментору Кречмару Леверкюн сравнивает музыку с алхимией и черной магией, а композитора — с исследователем, ведущим алхимические поиски в «герметически закупоренной лаборатории» (V, 173).

Какую же музыку мог создать такой композитор, если он погружен в состояние меланхолии? Современник и духовный наставник Дюрера, реформатор церкви Мартин Лютер, проповедовал, что «печаль, эпидемия и хандра приходят от сатаны, так как сатана есть дух печали» [Klibansky, и др., 1990 стр. 563]. Меланхолик, по Лютеру, уже находится в лапах сатаны. Союз с чертом, который погубил Леверкюна, был изначально предрешен.

Мне представляется, что сама мысль о возможности «сатанинской музыки» пришла в голову Томасу Манну в результате трагического знакомства с порядками нацистской Германии. В «Истории „Доктора Фаустуса“» автор романа вспоминает о «всегдашине, а в молодости благодаря колдовской критике Ницше особенно горячей и глубокой приверженности к миру Вагнера, об огромном и, пожалуй, даже определяющем влиянии двусмысленного волшебства этого искусства на мою юность». И тут же с горечью констатирует, что это искусство оказалось «чудовищно посрамленным ролью, выпавшей на его долю в национал-социалистском государстве» (IX, 360). В том, что музыке Вагнера пришлось сыграть эту роль в «Третьем рейхе», есть доля вины и самого композитора, что с болью должен был признать и Томас Манн.

Еще одно сильное музыкальное разочарование связано с композитором Гансом Пфицнером (Hans Erich Pfitzner, 1869–1949), автором знаменитой оперы «Палестрина», которой Томас Манн восхищался в годы Первой мировой войны. В письме от 6 ноября 1917 года шурину Петеру Прингсхайму, который в те годы томился в Австралии в концлагере для военнопленных и интернированных лиц, Томас писал, что опера Пфицнера: «в духовном и культурном смысле представляет собой исключительную высокую работу, причем в высшей степени немецкую, нечто из области Фауста-Дюрера, и своей исповедальностью очень точно мне подходит» [Mann, 1961 стр. 141–142].

В этом же письме писатель признается, что в тот сезон слушал оперу пять раз и написал о ней большую, в двадцать две журнальных страницы, рецензию в «Neue Rundschau». Кроме того, очерк о «Палестрине» вошел в книгу Манна «Размышления аполитичного», увидевшую свет в 1918 году.

Пфицнер всю жизнь придерживался мнения, что великая музыка создается по вдохновению, ниспосланному свыше. В опере «Палестрина», либретто которой написал сам Пфицнер, главному герою, тоже композитору Палестрине, потерявшему на время способность творить, спустившийся с небес ангел спел новую мессу, и вновь обретший творческие силы Палестрина записал ее за одну ночь. Похожая сцена воспроизводится и в «Докторе Фаустусе» во время знаменитого разговора Леверкюна с чертом:

«Действительно счастливое, неистовое, несомненное вдохновение, вдохновение, не задумывающееся о выборе, не знающее поправок и уловок, такое вдохновение, когда все воспринимается как благословенный диктат, когда спирает дух, когда всего тебя пронизывает священный трепет, а из глаз катятся слезы блаженства, — оно не от бога, слишком уж много оперирующего разумом, оно от черта, истинного владыки энтузиазма» (V, 310).

Показательно, что сцена с чертом происходит в том самом итальянском городке Палестрина, откуда родом герой оперы Пфицнера, композитор, носивший то же имя.

В заключительной главе «Доктора Фаустуса» Леверкюн признается, что и его музыка писалась не без сатанинских «вливаний»:

«И во мне часто начинали звучать то орган, то арфа, лютни, скрипки, трубы, свирели, кривые рога и малые дудочки, каждая о четырех голосах; мог бы подумать, что я на небе, если бы не знал о другом. Многое из этого я записал. Часто приходили ко мне в комнату и некие дети, мальчики и девочки, которые пели мне с листа хоралы, при этом хитро улыбались и переглядывались между собой. Красивенькие дети! Иногда волосы у них поднимались словно от горячего воздуха, и они приглашали их пухлыми ручками, а на ручках

были ямочки и в каждой по маленькому рубину. Из их ноздрей иной раз, извиваясь, выползали желтые червяки, сбегали к ним на грудь и исчезали....» (V, 647).

Другими словами, ангельская музыка в представлении Леверкуна становилась дьявольской.

С момента крушения кайзеровской Германии пути Томаса Манна и Ганса Пфицнера, разошлись. Манн отказался от многих своих националистических убеждений, выбросил из «Размышилений аполитичного» наиболее одиозные места. В 1922 году писатель открыто провозгласил себя демократом и республиканцем, призвал молодых немцев поддержать недавно рожденную Веймарскую республику.

Эволюция убеждений Пфицнера происходила в противоположном направлении. После Первой мировой войны его взгляды сильно политизировались, из аполитичного романтичного художника он превратился, по словам Манна, в «антидемократического националиста». Веймарскую республику композитор, в отличие от Томаса, не признал, в своих взглядах отошел еще дальше вправо, примкнув к национал-социалистам, и стал убежденным последователем Гитлера. Друга-покровителя Пфицнера нашел в лице Ганса Франка, генерал-губернатора Польши, под чьим началом строились и функционировали крупнейшие фабрики смерти — концлагеря уничтожения. В 1944 году Пфицнер привез в подарок Франку увертюру «Краковская встреча» («Krakauer Begrüßung»), впервые исполненную в тридцати километрах от Освенцима.

Когда Нюрнбергский трибунал в 1946 году приговорил Франка к повешению, Пфицнер послал ему в камеру телеграмму со словами благодарности и поддержки. Позже об этой телеграмме узнал и Томас Манн: о ней писатель говорит в письме Бруно Вальтеру от 26.3.1948: «Телеграмма Пфицнера Франку тоже недурна. И чудной же вы, музыканты, народ!» [Mann, 1965 стр. 29]. Ганса Франка повесили 16 октября 1946 года.

В 1933 году Пфицнер открыто выступил против Томаса Манна, подписав знаменитый «Протест вагнеровского города Мюнхена» против доклада писателя «Страдания и величие Рихарда Вагнера», сделанного зимой того же года в Мюнхенском университете по случаю пятидесятилетия со дня смерти Вагнера. Доклад этот через пару дней был повторен в Амстердаме, куда Томас и Катя выехали 11 февраля, собираясь после выступлений в трех европейских столицах (кроме Амстердама планировались еще Париж и Брюссель) и небольшого отдыха вернуться домой. Но в Германию они больше не вернулись, оказавшись до конца жизни в добровольном изгнании (подробнее об этом в шестой части этой книги).

Так Томас Манн на себе почувствовал, как музыка может служить злу, а музыканты — преступникам. Закончить же тему «музыка под знаком Сатурна» мне хотелось таким эпизодом. В заключительной главе своего «Романа одного романа» Томас Манн, покаявшись в своей «глубокой приверженности к миру Вагнера», искусство которого оказалось «чудовищно посрамленным ролью, выпавшей на его долю в национал-социалистском государстве», пишет о работе над последней главой «Доктора Фаустуса»:

«XLVII глава, глава собрания и исповеди, была начата на авось во второй день нового года, и, помнится, в тот же вечер я слушал чудесное си-мажорное трио Шуберта, предаваясь мыслям о счастливом состоянии музыки, сказавшемся в этом произведении, о позднейшей судьбе искусства, о потерянном рае» (IX, 361).

В дневниковой записи за тот же день — четверг второго января 1947 года — мы читаем: «по вечерам знакомое трио Шуберта. Счастливое состояние музыки. Хорошо бы, чтобы она оставалась на этом уровне» [Mann, 1989 стр. 83].

Писатель признается, что есть и другие уровни, далекие от счастья. Музыка, созданная под влиянием меланхолии, под знаком Сатурна, неминуемо ведет к союзу с чертом. Этому научил Томаса Манна горький опыт национал-социалистической Германии (см., например, [Borchmeyer, 1994]).

Но вернемся к основной теме второй-четвертой глав книги — «Томас Манн глазами математика» — и подведем некоторые итоги. В руках мастера любой предмет, любое понятие могут стать средством создания литературного произведения. Математика — не исключение. Мы видели, как у Томаса Манна она служит для характеристики героев, является материалом для авторской иронии, выступает элементом сюжетной канвы, участвует в построении структуры произведения... «Ясноглазая богиня математики» излечивает от пороков, охлаждает излишние страсти. Она посредник «между науками гуманистическими и практическими», проводник в мир «чистых идей».

Конфликт живой, теплой неупорядоченности и застывшего, холодного порядка — сквозная тема творчества писателя. Казалось бы, математика, вносящая в мир систему, олицетворяющая «меру, число, вес», тоже противостоит жизни, ее непознанной магии и тайне. Но введенный с картины Дюрера в роман «Доктор Фаустус» магический квадрат ломает эту простую схему. Этот математический объект символизирует тайну создания музыкального произведения, одновременно являясь противоядием от страшной меланхолии и тоски, убивающих все живое и толкающих человека к союзу с дьяволом. «*Слияние разума с магией*» — вот чем оказывается математика у Томаса Манна. Думаю, что многие математики с ним согласятся.

Литература

- Borchmeyer, Dieter.** 1994. *Musik im Zeichen Saturns. Melancholie und Heiterkeit in Thomas Manns „Doktor Faustus“*. *Thomas Mann Jahrbuch. Band 7*, Vittorio Klostermann GmbH, Frankfurt a. M. 1994.
- Dürer, Albrecht.** 1525. *Underweysung der messung mit dem zirckel und richtscheyt in Linien ebnen unnd gantzen corporen*. Nürnberg: Hieronymus Andreae, 1525.
- Klibansky, R., Panofsky, E und Saxl, F.** 1990. *Saturn und Melancholie*. Frankfurt a.M.: Suhrkamp Verlag, 1990.
- Mann, Thomas.** 1961. *Briefe 1889-1936*, hrsg. von Erika Mann. Frankfurt a. M.: S. Fischer Verlag, 1961.
- . 1965. *Briefe 1948-1955 und Nachlese*. Hrsg. von Erika Mann. Frankfurt a.M.: S. Fischer Verlag, 1965.
- . 1989. *Tagebücher 28.5.1946 – 31.12.1948*, herausgegeben von Inge Jens. Frankfurt a.M.: S. Fischer Verlag, 1989.
- . 1982. *Tagebücher. 1940-1943*. Herausgegeben von Peter de Mendelssohn. Frankfurt a.M.: S. Fischer Verlag, 1982.
- Panofsky, E.** 1977. *Das Leben und die Kunst Albrecht Dürers*. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1977.
- Puschmann, Rosemarie.** 1983. *Magische Quadrat und Melancholie in Thomas Manns „Doktor Faustus“*. Bielefeld: AMPAL Verlag, 1983.
- Waetzoldt, Wilhelm.** 1953. *Dürer und seine Zeit*. Zürich: Phaidon Verlag, 1953.
- Апт, Соломон.** 2008. *Достоинство духа*. [Buchverf.] Томас Манн. *Путь на Волниебную гору*. М.: Вагриус, 2008.
- Беркович, Евгений.** 2009. *Похвала точности. Заметки по еврейской истории, № 7 (110)*. 2009.
- Фасмер, Макс.** 1987. *Этимологический словарь русского языка*. В четырех томах. Том IV. М.: Прогресс, 1987.

Людмила Дымерская-Цигельман¹

Томас Манн и его «Доктор Фаустус»²

1. Две истории болезни — композитора и нации

Нацизм — цивилизационное Зло

«Жизнь немецкого композитора Адриана Леверкуна, рассказанная его другом», — таков подзаголовок книги, которую Томас Манн назвал «романом моей эпохи». Серенус Цейтблом, друг и биограф Леверкуна, начинает его жизнеописание 13 марта 1943 года — в тот самый день, когда был закончен «Закон» (1) и когда Томас Манн, упаковав

«...мифологические и востоковедческие материалы к "Иосифу", приступил к своему роману "Доктор Фаустус". Это не просто временная непрерывность — это цельность творческой колеи, магистрального пути мыслителя Томаса Манна, это продолжение его битвы за духовное достояние человека. Битвы с нацизмом как разрушителем духовных ценностей европейской цивилизации, как Цивилизационным Злом. Битва, которую Томас Манн начал в 1922 году с эссе "Гете и Толстой", продолжалась на протяжении всей его жизни» (2).

Одним из первых, если не первым, он заговорил об однородности «диктаторско-террористических» режимов — одном, восторжествовавшем в России, втором — зарождавшемся в Германии. В немецком Томас Манн разглядел Зло, губительное не только для нации, но — и это было его прозрение — для всей европейской иудеохристианской цивилизации. «Немецкий фашизм, — писал Манн в 1922 году, — это националистическое язычество..., это этническая религия, которой ненавистно не только международное еврейство, но явно и христианство — как человечная сила» (3).

Роман повествует о корнях этого Зла, о саморазрушении духа нации как предтечи торжества нацизма — виновника ее суицида, который послужил началом суицида всей европейской цивилизации.

В повествовании совмещены два времени — то, когда оно ведется, — годы военного разгрома нацистской Германии, и то, когда подготавливалось торжество нацизма и осуществлялось его господство. Автор передоверяет «тишайшему» учителю Цейтблому свою горько-ироническую хронику завершающего этапа «той чудовищной катастрофы», в которую Германия вовлекла мир, и вместе с тем ищет разгадку «характера и судьбы народа, принесшего миру столько неоспоримо прекрасного и великого и в то же время неоднократно становившегося роковым препятствием на пути его развития» (4).

Томас Манн отвергает существование двух Германий — доброй и злой. Весь роман — это повествование о том, как лучшие свойства немецкого духа и национального характера — стремление к внутренней свободе, самоуглубленность, романтизм, исконный универсализм и космополитизм, — как все эти достоинства «под влиянием дьявольской хитрости превратились в олицетворение зла» (5). Но «дьявольская хитрость», она же черт, покупающий душу Фаустуса-Леверкуна и всего «злополучного народа», — не потусторонняя сила, он не вне, а внутри него самого. Томас Манн шаг за шагом прослеживает внутренний процесс перерождения доброй Германии в злую. В центре его внимания те интеллектуалы, на совести которых готовность нации пойти «по пути бедствий и преступлений», те, кто непосредственно участвовал в процессе перерождения национально-гуманистического духа в расистско-каннибальское варварство. Томас Манн устами Цейтблома рассказывает о немецких салонах кануна Первой мировой войны и 20-х годов, об их участниках — генераторах, интерпретаторах и распространителях концепций, восхваляющих язычество, возвращение к радикально враждебному гуманности культу природы, отвергающих дух как убивающее натуральную жизнь начало — словом, исповедующих именно то, что было освоено национал-социализмом и без чего он вряд ли смог бы «угасить разум» и стать выразителем «продиктованных чувством убеждений масс» (6).

¹ Литературовед, доктор философии (Израиль), автор работ о культурно-исторических истоках тоталитарных идеологий.

² В предлагаемом тексте дается обоснование аргументов, изложенных в моей статье «Томас Манн о еврействе, евреях и еврейском государстве». Журнал «Еврейская старина», редактор Е. Беркович. 1(92), 2017 г.

«Варварство» и «козыри атавизма» — так Томас Манн определяет и апологетику дохристианского язычества, и призыв к «возврату человечества к теократически-средневековому укладу жизни». Обе версии — и языческая, и консервативно-теократическая (версия консервативной революции) вплетаются в аргументацию нацистской идеологии. В салонах разыгрываются судебные процессы, в которых апологеты «нового», сами «люди науки» подвергают разгрому и осмеянию «доводы критицизма и разума, доводы честной объективной истины». «Правосудио, за которым было последнее место и окончательный приговор, повеселившие участники диспута не замедлили приписать такое же самоотрицание, каким они занимались сами». (Разбивка моя — Л.Д.) (7).

САМООТРИЦАНИЕ гуманистической культуры проникает и в «святая святых» национального духа — в немецкую музыку. Преображение претерпевает творчество гениального композитора Адриана Леверкюна. Судьбоносные изменения происходят в процессе тяжкой болезни — его мозг поражен «бледной Венерой». Так черт, покупающий душу музыканта, называет бледную спирохету. Он является в 1922 году к уже зараженному бациллой Адриану и предлагает контракт на двадцать четыре года, то есть до 1946 года. Начальная дата совпадает с первыми публичными выступлениями нацизма, вторая — с его полным разгромом и ужающей трагедией народа в разрушенной стране. Таким образом в повествовании синхронно разворачиваются две истории: 1) история болезни гениального музыканта, сокрушающего болезнью мозга и совращаемого чертом, спекулирующим на страданиях больного и соблазняющим его творческим всесилием; 2) история болезни народа и страны, сокрушаемых болезнью духа, то есть душевной болезнью, и совращаемых нацизмом, спекулирующим, как и черт, на страданиях народа и соблазняющим массы манией величия — призраком мирового владычества

Болезнь композитора проходит те же стадии, что проходит и болезнь немецкого народа и Германии, совращаемых нацизмом. Это процесс САМООТРИЦАНИЯ, САМОРАЗРУШЕНИЯ, то есть изживания и разрушения самими больными ими же и их предшественниками созданных гуманистических ценностей. Пик отрицания в творчестве Леверкюна приходится на 1929 и 1930 годы, и, по свидетельству Серенуса, он совпадает «с возвышением и самоутверждением зла, овладевшего нашей страной и ныне гибнущего в крови и пламени» (8).

В эти годы Адриан завершает работу над своим последним творением — симфонической кантатой «Плач доктора Фаустуса». Доскональная музковедческая оценка этого творения, проделанная Манном-Серенусом, убеждает в том, что разрушительный заказ дьявола выполнен. У них «нет ни капли сомнения в том, что кантата была задумана и записана как антипод бетховенской Девятой симфонии, в самом трагическом значении этого слова». Речь идет о самом жизнеутверждающем творении Бетховена, в finale которого звучит могучий хор «Ода к радости». Отрицание выходит за рамки музыки, «здесь налицо негативность религии», — утверждает Серенус. Речь идет о «преобразовании, суровом и гордом преображении религиозного смысла» основополагающих идей, притч и образов христианства. И все же власть сатаны не безгранична. Ускользающую надежду Серенус усматривает в finale:

«...когда одна за другой смолкают группы инструментов, остается лишь то, во что излилась кантата — высокое «соль» виолончели, последнее слово, последний отлетающий звук медленно меркнет в pianissimo ферматы... Но звенящая нота, что повисла среди молчания, ...нота, некогда бывшая отголоском печали, изменила свой смысл и сияет как светоч в ночи» (9).

Замысел кантаты вызревал по мере гибели тех, кого любил Адриан, — такой ценой осуществлялся договор с чертом, нацеленный на концентрацию разрушительных сил и эмоций творца. После череды утрат, завершившейся смертью любимого малыша, племянника Адриана, Серенус услышал:

«— Я понял, это о быть не должно жено

— Чего, Адриан, не должно быть?

— Доброго и благородного, — отвечал он, — того, что зовется человеческим, хотя оно добро и благородно. Того, за что боролись люди, во имя чего штурмовали бастилии и о чем, ликуя, возвещали лучшие умы, этого не должно быть. Оно будет отнято. Я его отниму.

— Я не совсем тебя понимаю, дорогой. Что ты хочешь отнять?

— Девятую симфонию, — отвечал он».

Так происходило самоотрицание и саморазрушение самого духа нации, угасание ее разума. Оно включало отход от христианства на пути к сатанинскому язычеству. Так шло превращение добной Германии в злую. Таким был ее путь к суициду.

«Хорически-симфоническое» творение Адриана, «Плач доктора Фаустуса» никогда не исполнялось. Сам он по завершении работы пригласил на прослушивание лишь близкий круг людей, в большинстве завсегда-таев «новаторских» салонов. Музыкальную часть Адриан предварил своей исповедью, в которой раскрыл дьявольский источник разрушительного самоотрицания немецкой музыки в его творении. Это была очень горькая исповедь с осознанием того, что союз с дьяволом делает тебя его соучастником, превращает в убийцу и разрушителя. В обращении к Спасителю Леверкюн выражает слабую надежду, что «с сотворенное во зле может быть хорошим» (10). Может быть это она, эта надежда, прозвучала одиночной нотой в finale его кантаты. А потом «засияла светочем в ночи». В понимании Манна светочем становится сама исповедь — через самопознание и раскрытие источников Зла она освещает путь к его преодолению. Весь роман, по признанию автора, это его собственная исповедь.

Исповедь завершилась роковым приступом, после которого Леверкюн уже не оправился. Разум его угас в 1930 году. Именно тогда произошло «сенсационное голосование» в пользу нацистов, и именно тогда Томас Манн произнес свой полный тревоги предупреждающий «Призыв к разуму» (11). Окончательный уход из жизни Адриана Леверкюна происходит в 1940 году. Это второй год развернутой нацизмом Второй мировой войны, губительной не только для Германии, но и ставшей угрозой всей европейской цивилизации.

О последних этапах жизни своего великого друга Серенус пишет в апреле 1945 года. Тогда были «взломаны стены застенка, в который превратила Германию власть...», и наш позор предстал перед глазами всего мира ...И увиденное по мерзостной жестокости превосходит все, что может вообразить себе человек». И Манн-Серенус произносит проклятие — «проклятие погубителям, что обучали в школе зла некогда честную, законопослушную, немного заумную, слишком теоретизирующую породу людей» (12).

2. Хаим Брейзахер — кто он? О монизме в романе³

Проклятие должно пасть на тех интеллектуалов и пропагандистов, на совести которых готовность нации пойти «по пути бедствий и преступлений».

Видное место среди подобного рода деятелей предоставляется доктору Хаиму Брейзахеру — «человеку ярко выраженной расы, интеллектуально весьма развитому, даже смелому, впечатляюще безобразной наружности, который — явно не без злорадства — играл роль чужеродной закваски». Вместе с другими «разношерстными элементами», заполнившими немецкие салоны, Брейзахер исповедует ультрапреволюционный консерватизм и фрондирует против буржуазно-либеральных ценностей и вкусов. Культурфилософ, «настроенный, однако, против культуры», он не видел в ее истории ничего, кроме процесса упадка. В культурно-критических разглагольствованиях Брейзахера о Ветхом Завете — «сфере личного происхождения оратора» — Томас Манн воспроизводит основные идеи востоковеда и теолога Оскара Гольдберга, который, считал он, «явно принадлежит господствующему духу времени своей книги "Действительность евреев" — антигуманистической, антиуниверсалистской, националистической, в религиозных выражениях восхваляющей технику. Давид и Соломон для него религиозные вырожденцы» (13). Оскар Гольдберг стал прототипом Хайма Брейзахера. Манн-Серенус не скрывает того возмущения, которое вызывает в нем еврей интеллектуал, демонстрирующий «злобный консерватизм в отношении своего народа и его духовной истории», интеллектуал, для которого «почитаемые каждым христианином библейские цари Давид и Соломон» — не более чем «либеральные вырожденцы». «Вырожденцы» именно потому, что они причастны к «проповеди абстрактного единого Бога» — идеи, которая, согласно культурфилософу, знаменовала деградацию истинно народной религии с ее осозаемым — «шествующим в огненном столпе» и требующим «жертвы из крови и мяса» богом. Томас Манн, точнее, его «доверенное лицо» Цейтблом, оценивает эти «козыри атавизма», эту апологетику язычества как «охранительный радикализм», который благодаря своей революционности, сочетаемой с «похвально консервативной личиной», подрывал устои опаснее, чем всякий иной революционизм. Разоблачая

³ Критику концепции автора в отношении образа Хайма Брейзахера см. в «Кратком послесловии» к этой статье на стр. 150–153 настоящего сборника.

поклон к культурфилософа на духовную историю его народа, Томас Манн, считавший высшим вкладом евреев в цивилизацию идею единобожия и десять заповедей, устами Цейтблома утверждает, что «не только у пророков, но уже в самом Пятикнижии, а именно у Моисея», во главу угла ставится не жертва (языческий анахронизм), а «послушание Богу, исполнение его заповедей».

В «Иосифе и его братьях» разъяснялось, что истинная религиозность — это «вдумчивость и послушание», позволяющие распознать «скверну» и избежать ее.

Среди тех, кого интересует еврейская тема в работах Томаса Манна, есть критики, полагающие, что образ Брейзахера порождает сомнения в однозначно позитивном отношении автора к еврейству. Порой можно услышать, что в романе о войне не говорится о Холокосте. Описания Катастрофы в романе действительно нет. Но это потому, что весь роман посвящен иной теме и иному уровню реальности. Это уровень духовности человека, поле боя Томаса Манна — духовная культура нации, его противники — участники ее саморазрушения. И на этом уровне тема Катастрофы сообразно общему контексту возникает при озвучивании центральной антисемитской ИДЕИ нацизма — ИДЕИ «гигиены народа и расы». Без показа реализации этой идеи — это было сделано напрямую и в соответствующем жанре — в публицистике (14). Озвучивает идею «гигиены расы» еврей Брейзахер, и именно это нередко расценивается как антисемитизм Томаса Манна.

Сам Томас Манн не исключал возможности «претензий антисемитского толкования еврейских персонажей в романе». (Разрядка моя — Л.Д.) Более того он признавал, что то, как описан «гнусный Брейзахер, этот хитроумный сеятель великой беды, дает повод заподозрить его самого в юдофобстве» (15).

Отвергая подобного рода предположения, Томас Манн объясняет, что и выведенные в романе немцы — «настоящая кунсткамера диковиннейших созданий отжившей эпохи», — дают такие же основания упрекать его в антинемецкости, как отрицательные еврейские персонажи — в антисемитизме. Эти пояснения, а также заверение в том, что Саул Фительберг (еще один еврейский персонаж, коммивояжер от музыки) ему «куда милее чистокровных немецких масок, дискутирующих о капризах своего времени», видимо, далеко не всем казались достаточно убедительными. Это видно из того, что писал Томас Манн израильскому исследователю его творчества Курту Левенштейну:

«Я вполне сознаю, что не воздал должного еврейству и его часто столь высокой и серьезной духовности и что упустил — долг не был упущен — в качестве противовеса Фительбергу и Брейзахеру вывести в книге образ другого еврея (я думаю о пророческом типе Бубера). Опасность, что это может быть воспринято как антисемитизм, по крайней мере, людьми более простыми, нельзя вовсе отбросить, и хорошие друзья указывали мне на это еще во время работы над романом».

Томас Манн повторяет, что «арийцы» в его книге тоже «отнюдь не заслуживают самого большого доверия». Далее, переходя от частного к общему, он формулирует свой главный аргумент: «Общий дух книги дает слишком мало пищи для обвинения автора в антисемитизме» (16).

Почему автор долг был упустить образ «противовеса» Брейзахеру и причем тут «общий дух книги»? По своему общему духу книга направлена против агрессивного ДУАЛИЗМА, персонифицирующего разрушительные силы в образе ВНЕШНЕГО врага с призывом его уничтожения. Дуализму как мировоззрению и его идеологическому воплощению в нацизме Манн противопоставляет свой МОНИЗМ. Внутри национальной культуры существуют и противоречат разные тенденции. При определенных обстоятельствах может возобладать одна из них — разрушительная. Так случилось при победе нацизма в Германии, так произошло при победе большевизма в России.

Томас Манн расценивал иудаистический монизм, монотеизм как основополагающую идею иудеохристианского миропонимания, как фундамент гуманистического европейского мировоззрения. В этой связи я попробую напомнить (понимая, что упрощаю), чем иудаистический монотеизм отличается от дуалистических верований. Сделаю это с помощью Сергея Аверинцева, показавшего, как формировалось единобожие, в чем отличие еврейского Господа от демиургов-антагонистов в дуалистических верованиях.

«У Господа, — пишет он, — нет антагониста, какого имеют демиурги, и не только демиурги более далеких от монотеизма мифологий, но и иранский демиург... Все противоречия бытия сходятся к Господу как единственной творческой причине. — “Создающий свет и творящий тьму, делающий мир и творящий зло — Я, Господь, делающий все это” (Ис., 45.7) Это едва ли не прямое возражение, — подчеркивает он, — на дуализм зороастрийской мифологии».

Для библейского теизма, утверждал Аверинцев, с его учением о безусловной власти создателя над созданием ответственность за мировое зло нельзя переложить ни на какое другое мировое начало (17).

От Бога-Творца исходит вся целокупность бытия во всей своей внутренней противоречивости. Свет и тьма, земная твердь и небеса — такие и подобные противоположности создают внутренне раздвоенные целокупности, существующие как целое во взаимосвязи и взаимодействии своих поляризованных составляющих. Пока существует динамическое равновесие между составляющими, сохраняется целокупность. Его нарушение с преобладанием одной из составляющих ведет к разрушению всей целокупности. Раздвоение единого и динамическое равновесие его составляющих, двуединство — общий закон бытия. В том числе и человеческого. Но с сотворением человека приходит в мир и особая целокупность его социального бытия с его собственным двуединством. Это неведомое всему остальному миру двуединство — двуединство Добра и Зла. С познания того, что они существуют, начинается бытие и история человека. Он как особый вид среди всего живого, как хомо сапиенс одарен способностью различать между ними, и потому ему самому доверено делать выбор и поступать соответственно этому с в о е м у выбору. Свобода выбора между разными возможностями — прерогатива самого человека. Но и ответственность тоже его. Ответственность — противовес свободы, ее ограничитель, в динамическом уравновешивании они обеспечивают целокупность человеческого общежития.

В школу становления человека был доставлен учебник с десятью заповедями и многими притчами о том, как многообразны проявления добра и зла, как они взаимозависимы и динамичны, как они могут совмещаться в поступках даже великих людей (царь Давид), как трудно их различить в поведении и борьбе, порой смертельной, даже единоутробных братьев. Это были архетипические образы и модели поведения, наглядные пособия для различения добра и зла. Что следовало из этого учебника, к какому выводу он подводил? Побеждай зло прежде всего в себе, в своей семье, в своем сообществе, в своем народе, в своем государстве. Не дай ему возобладать и разрушить целостность дорогих для тебя единиц. При всей его очевидности такой вывод очень редко становился руководством к действию. Гораздо доступней оказалось дуалистическое мышление, двузначная логика, деление мира на два автономных антагонистических начала, на свет и тьму, на автономные добро и зло.

В мессианских дуалистических концепциях, призывающих к изменению всего миропорядка, добро персонифицируется в образе Мессии — наделенный сверхвластью божественного происхождения он становится неоспоримым авторитетом. Ему дано определять миссию — свою и своих подданных. Миссия состоит в преодолении равного ему по силе Антимессии, его антагониста — носителя зла. Справедливости ради, нужно сказать, что мессианство — еврейская идея, прорека в единобожии, и именно она во многом определила трагизм всей истории евреев в диаспоре. Идея эта, сперва на религиозной основе, а затем на секулярной, сработала как бумеранг, она оказалась в числе рикошетных, ибо именно она содержала в себе зерно агрессивного дуализма — основы тех тотальных антисемитских идеологий, которые, представляя евреев как мировое зло, нацеливали на их тотальное уничтожение, уничтожение как народа. Секулярное мессианство привело к самым большим кровопролитиям, завершившимся Катастрофой европейского еврейства. Мессианскими агрессивно-дуалистическими концепциями были как нацизм, так и советизм.

В школах жизни в учителя пробивались элиты — интеллектуальные и политические. С них и спрос.

Не слишком ли затянулось мое напоминание и не слишком ли оно абстрактно? Попробую его приблизить к политическим реалиям. Напомню знаменитый спор историков 80-х годов прошлого века. Тогда был поставлен вопрос: нацизм в Германии — это реакция на «еврейский большевизм» в России и ТОЛЬКО или у него были и собственные национальные корни? Начавший спор немецкий историк европейского фашизма Эрнст Нольте вместе с другими его коллегами утверждал, что нацизм — это прежде всего и главным образом реакция на победу большевизма. Гитлер трактовал ее как начало еврейского завоевания мира и отсюда его устремленность к тотальному уничтожению еврейства. А откуда взялся сам Гитлер — «мой братец», как писал о нем Томас Манн? Историков, которые не могут примириться с тем, что зло нарождалось внутри самой нации, что нацизм — это внутренняя болезнь, возбуждению которой большевизм лишь способствовал, я назвала реабилитантами. Таким же реабилитантом, но русским, был Солженицын. Часть его «Красного колеса» названа «Ленин в Цюрихе». Там большой дьявол Парвус берет на службу Ленина (в котором «всего на четверть русской крови»), чтобы вместе с ним революции сокрушить Россию.

Каким же был иной подход? Мне кажется, его можно выразить вопросами: 1) Призрак коммунизма бродил по всей Европе, почему же он воплотился в «диктаторско-террористический» большевистский режим именно

и только в России? 2) Фашизм тоже распространялся по всей Европе. Почему он стал нацизмом именно и только в Германии?

Манн, отвечая на такие вопросы, предложил единственное средство преодоления таких зол. Для этого нужно понять их культурно-историческую национальную имманентность, распознать их внутренние корни, без этого их иссечение, их обезвреживание невозможно. Только усвоением такого подхода, усвоением уроков Томаса Манна можно объяснить успешное возрождение Германии. Отсутствие такого подхода в России во многом объясняет ее нынешнее состояние.

Вернемся к самой книге, о которой Томас Манн писал: «Будучи от начала до конца исповедью и жертво-приношением, она выходит за рамки искусства и является подлинной действительностью». Какой же была действительность в преднацистской и нацистской Германии? Была ли в ней борьба с надвигающимся варварством, было ли в ней з на ч и м о е противодействие ему в среде интеллектуалов? Нет, этого не было. В том-то и беда. Действительным и превалирующим был процесс саморазрушения, самоотрицания гуманистической культуры. Так прокладывался путь к суициду нации. В соответствии с этой реальностью и в книге нет противостояния саморазрушению, как нет и художественной персонификации такого противостояния. Персонифицированы лишь «селятели беды» и Брейзахер — один из них. В салоне, где он разглагольствует в унисон с другими «селятелями», у него нет оппонентов. И Манн, безусловно, прав: было ли место в таком салоне Буберу, и мог ли он быть «противовесом» Брейзахеру?

Но бывает мнение, что оппонент у Брейзахера имеется — это Серенус Цейтблом. Убеждена — Томас Манн, мягко говоря, был бы поражен такой интерпретацией. Впрочем, как и большинство непредубежденных читателей. Серенус Цейтблом вообще не действующее лицо. Он alter ego автора, резонер и хроникер событий, рассказчик, выражавший в своих эмоциях и оценках реакцию и понимание событий автором. А сам автор, разумеется, не может быть оппонентом персонажа романа. Весь его роман — призыв к противостоянию «селятелям великой беды». Томас Манн, раскрывая их пагубную роль, им не оппонирует, он с ними борется.

Что же до роли Цейтблома, то вот что пишет сам Томас Манн в статье о романе.

«...Я решил поставить между собой и героем посредника — “друга”, то есть не рассказывать жизнь Адриана Леверкюна самолично, а заставить другое лицо ее рассказать... Это давало мне возможность как-то опосредовать свою взволнованность всем тем непосредственно личным, знакомым, что лежало в основе моего жуткого замысла и пародийно передать собственную взволнованность в смятении и трепете этой робкой души».

«Такая техника монтажа, — пишет Манн далее, — входит в сам замысел, в саму “идею” книги, она связана с той редкой душевной свободой и широтой, что вызвала к жизни этот роман, связана с его хоть и сказовой, а все-таки неподдельной прямотой, связана, наконец, с тем смыслом тайной исповеди, который в него вложен...» (18)

В такой «технике монтажа» — несравненное мастерство художника, избирающего жанр и сюжеты, полностью адекватные замыслу, идеи, концептуальности и исповедальности романа.

Исповедальность лежит в основе всего творчества писателя-наставника. Оценивая свой роман как пример немецкой самокритики, Томас Манн выражает уверенность, что ни на каком ином пути он не мог бы сохранить большую верность немецкой традиции. Возводя ее к Гете, Гельдерлину, Ницше, Томас Манн отказывается видеть первопричину зла в некой сторонней силе, совращающей на путь бедствий и преступлений беспорочных индивидуумов и добродетельные народы. Он на собственном опыте познал «тайную связь немецкого национального характера с демонизмом».

«Черт Лютера, черт Фауста представляется мне, — пишет Томас Манн, — в высшей степени немецким персонажем. И договор с ним, прозакладывание души черту, отказ от спасения души во имя того, чтобы... владеть всеми сокровищами, всею властью мира, подобный договор, как мне кажется, весьма соблазнителен для немца в силу самой его натуры» (19).

В мире Томаса Манна, в мире, где почитаются «вдумчивость и послушание», где разум и критический дух, отвергая мистику и идолов, постигает истинную связь причин и следствий, нет места мифам о злокозненном и всесильном, устремленном к всемирному владычеству еврействе. Привнесение в мир зла, совращение и покорение народов — так представлена в агрессивно-дуалистических мессианских мифах роль евреев в

мировой истории. Привнесение в мир идей, заложивших основу гуманистической европейской культуры, — в этом видит вклад еврейства в историю человечества Томас Манн. Быть евреем — значит сохранять и приумножать этот вклад, не уходить из еврейской истории и уж, конечно, не осквернять ее, а способствовать ее продолжению. А персонаж его романа — «хитроумный сеятель беды» Хаим Брейзахер — не только не следует еврейско-гуманистической традиции, но подобно своим арийским собеседникам, сеющим беду вместе с ним, изменяет своему народу и его культуре. Брейзахер — наглядное подтверждение всеобщности «дьявольского парадокса — порождения зла добром», парадокса, воплотившегося в трагедию перерождения «доброй» Германии в «злую». Брейзахер является собой пример того же перехода в свою противоположность высших свойств еврейского духа, какой происходит в сфере метаморфоз немецкого духа. Так же, как немецкий романтизм, опустившись до жалкого уровня черни, до уровня Гитлера... выродился в истерическое варварство, безумие расизма и жажду убийства» («Германия и немцы»), так и в случае Брейзахера «вдумчивость и послушание», «чуткая иудейская восприимчивость к новому и грядущему» вырождаются в суетное приспособление к «господствующему духу», в апологетику исподволь возникающего старо-нового, революционно-архаизированного мира, где «ценности, связанные с идеей индивидуума... переосмыслены, поставлены в связь с куда более высокой инстанцией насилия, авторитета, основанной на вере диктатуры» (20).

Брейзахер принадлежит к тем, кто, прорицая будущее, ничего не делает, чтобы предостеречь от него и предотвратить его. Более того, он относится к грядущему с интересом и даже, может быть, с сочувствием.

«Раз оно новое, не наше дело ему препятствовать». На его примере продемонстрирована самоубийственность непротивления варварству в его зародыше. Именно Брейзахеру — еврею, народ которого шестью миллионами жизней оплатил «гигиену арийской расы», Томас Манн предоставляет слово о «гигиенической точке зрения». Без признаков страха и озабоченности, ничего не противопоставляя предрекаемому, Брейзахер уведомляет, что «если когда-нибудь приступят к устраниению больного элемента в широком плане..., то и под это подведут такие основания, как гигиена народа и расы, хотя в действительности <...> дело будет идти о гораздо более глубоких преобразованиях, об отказе от всякой гуманной мягкотелости..., об инстинктивной самоподготовке человечества к суровой и мрачной глумящейся над гуманностью эре» (21).

Столь покорное принятие мира, избавленного от «гуманной мягкотелости», непротивление ему равнозначно соучастию в «самоподготовке человечества» к эре, «глумящейся над гуманностью». К эре, которую приближает нацизм, сокрушая европейскую цивилизацию. Именно это соучастие отвращает Томаса Манна и от немецкого прорицателя заката Европы Освальда Шпенглера, и от еврейского апологета революционно-архаизированного мира Оскара Гольдберга-Брейзахера. Они оба отступают от гуманистических принципов своих народов, сдаются без всякого сопротивления ценности своих национальных культур — немецкой и еврейской и тем самым ведут к разрушению ценностей всей европейской цивилизации. Этим они способствуют торжеству нацизма — смертельного врага той цивилизации, к которой они принадлежат и в саморазрушении которой сами же и участвуют. Именно поэтому для Томаса Манна они и такие, как они, сеятели беды — ПОРАЖЕНЦЫ РОДА ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО.

3. «Сеятели великой беды» и их живучесть

Хитроумные сеятели великой беды — фигуры спорадические? Персонажи только того места-времени — преднацистской Германии, где их распознал и показал их пагубную роль Томас Манн? Нет. Оказалось — они фигуры типические, они — некая константа, феномен воспроизводящийся, но в формах, специфических для каждого места-времени. «Суетное приспособление к господствующему духу» присуще «сеятелям беды» разных времен и разных народов. Времена меняются и вместе с ними меняются господствующие идеологии. Неизменным остается услужливое приспособление «культурфилософов» разных народов к идеологии, господствующей в их время, в их странах. Томас Манн писал о немецком еврее Брейзахере — в его «разглагольствованиях» воспроизведены идеи его прототипа Оскара Гольдберга, явно приспособляющего свою культуруфилософию к язычеству нацистов. «Суетное приспособление» к нацизму заходило намного дальше приспособления к язычеству. Брейзахер в сотрудничестве с другими «сеятелями беды» фактически участвует в разработке аргументации той идеологии и пропаганды нацистов, которые, овладевая массами, становятся материальной силой. Чем иным могла стать идея «гигиены арийской расы», «устраниния больного

элемента» как не пропедевтикой Катастрофы? А в своем сотрудничестве все эти немецкие «ссеятели беды» кем иным они были как не соучастниками подготовки народа, ведомого нацизмом, к суициду?

Живучесть еврея Брейзахера как типа, так и живучесть «sseятелей беды» других народов объясняется все той же их активностью в апологетике ныне господствующих или добивающихся господства идеологий. При этом, все чаще не ограничиваясь конформизмом и «салонами», подобные «sseятели» сами участвуют не только в разработке разрушительных идеологий, но и в их реализации в политике, пропаганде и в просвещении.

В послевоенной Европе произошли радикальные изменения в идеологии. На кровавое полновластие тоталитаризма Европа, в большей мере ее молодежная часть, ответила революционной борьбой за неограниченные права человека и за такие же неограниченные свободы — личные и всякого рода меньшинств — социальных (новые левые), национальных (мультикультурализм), сексуальных (однополые браки, гейпрайды гордости и т. п.). К концу 60-х годов прошлого века социально-магнитная стрелка, оттолкнувшись от тоталитаризма с его «каннибализмом без берегов», с его истреблением европейского еврейства, остановилась у противоположного полюса — «гуманизма без берегов». Благое в своей основе противостояние нацизму переходит в свою противоположность. Франкфуртская школа подводит под этот процесс мощный философский фундамент. Фундаторы (основатели) школы — немецкие евреи, спасшиеся от нацизма бегством из Германии. Счеты с ним они сводили в своих теориях, разоблачающих сущность тоталитаризма как порождения европейского капитализма. На этом пути были получены ценные результаты. Но магистральная логика их неомарксизма, предельно контурно, такова: нацизм — порождение капитализма, стало быть, главное — это уничтожение его корней. Но не путем разрешения противоречий между трудом и капиталом, «подкупленный потребительством» пролетариат перестал быть революционной силой, не насильственным путем — это путь «старых» левых, старых марксистов, которые оставляли разрушение «всего старого мира», его культурных оснований на потом. Напротив, начать это разрушение нужно уже сейчас, мобилизуя на борьбу за свои права всех недовольных — от студенчества до всякого рода меньшинств, дискриминируемых и угнетаемых капиталистическими режимами, ставшими «обществом потребления» и «одномерных людей». Но на чем строятся такие режимы, каковы их корни, давшие в свое время рост нацизму и, более того, тоталитаризму как таковому? В своем критическом анализе европейского тоталитаризма философы добираются до основ европейской цивилизации как таковой, разъясняя, что именно они причина таких парадацистских зол, как уничтожение прав и свобод человека.

На деле речь шла о демократических странах, достигших в послевоенные годы стабильности и процветания именно благодаря действию тех охранительных механизмов и ценностей, к разрушению которых призывали франкфуртцы. И именно в этих странах реальная политико-идеологическая борьба с реальной дискриминацией меньшинств вела к защите их прав. Но она осуществлялась в рамках правопорядка и сохранения ценностей демократических государств. Реализация тех же прав и свобод, но «без берегов», для сексуальных меньшинств вела к разрушению семьи, реализация таких же, «без берегов», свобод и прав социальных и этнических меньшинств вела к разрушение всех регуляторов жизни сложившихся западных демократий. Таким рассадником беды стали преобразованные в политику идеи Франкфуртской школы — посевленные ею зерна плодоносят поныне. «Новые левые» весьма импонировали «старым», советским, и после войны не утратившим стремления к мировой экспансии. Ревнители «новых левых», начавшие свое шествие в Европе полвека назад, за это время обрали растущие отряды своих сторонников в Европе и в Израиле, а ныне добавили к ним своих воятелей во флагмане современных демократий — США. Иными словами, «новые гуманисты» набирали силу во всем иудеохристианском евро-американском мире, который вместе с Израилем именуется Западом. Происходит тот же описанный Манном процесс перерождения «доброго» Запада в «злой», та же метаморфоза духовных ценностей в свою противоположность, что и в преднацистской Европе. В этом активно участвуют нынешние сеятели беды — интеллектуалы из науки, в сфере просвещения и в СМИ. Тот же дуализм, но разделение на добро и зло и их носителей идет по другим критериям и приметам. Носители «добра» воюют теперь за полные свободы, они «новые левые», но они, как и «старые» — «антифашисты». Носители зла, их антагонисты, — это «новые фашисты», расисты, разрушители всеобщего «равенства и братства». Так все как было? Нет. Есть принципиальная новизна. В чем она? Теперь повсеместно действует особого рода камуфляж, который, согласно Оруэллу, есть не что иное, как отличительная особенность идеологии и политики тоталитаризма, но именно его советской «гуманистической» ипостаси. Это камуфляж с точностью до наоборот и самое его действенное средство — новояз, преобразующий смыслы именно так, до

наоборот: мир — это война, министерство любви — это гебешные застенки и т. п. Новояз — продукт сталинизма. Он эффективно использовался в охмурении людей внутри и вне СССР. В послесталинском СССР партидеологи использовали новояз для преодоления разочарования в идеалах «мира, социализма и труда», захватывающего все более широкие круги западной интеллигенции, узнавшей о преступлениях Сталина. Для многих и в стране советов, и за ее рубежами также становилось очевидным, что в войне участвовали две однородные системы, два однопородных тоталитарных зверя. Именно поэтому особое значение придавалось сохранению за СССР исторической роли главного антифашиста эпохи, то есть сохранению того иллюзорного нимба, который достался Сталину благодаря народной, вернее, всех народов военной победе над нацизмом. Но как представить борьбу с фашизмом как главную и неотложную задачу современности, а СССР — как главу действующей антифашистской коалиции спустя тридцать лет после уничтожения европейского фашизма? Очень просто. Изобрести новый фашизм. Так появился «фашизм под голубой звездой». Так партидеологи окрестили сионизм, насчитывающий, по их версии, три тысячелетия. Что означало, что сионизм, приравненный на сессии ООН (1975 г.) расизму, был и остается извечным врагом «всего прогрессивного человечества», всего лагеря «демократии, мира и труда». Антисионизм с легкой советской руки стал опорой идеологии «новых левых», рьяных адептов «гуманизма без берегов». Ревнители такого «гуманизма» с готовностью поместили в стан своих врагов Израиль. Сразу же после победы в Шестидневной войне, знаменовавшей поражение советского оружия и провал советской политики, еврейское государство словно под кальку стало именоваться и в западной прессе как «расистское и экспансионистское государство, не имеющее право на существование», а сионизм начали определять как «религиозный фашизм».

С позиций здравого смысла кажется безумием подвергать анафеме еврейское государство, которое воспринималось как убежище для оставшихся в живых после «коллективной плахи» (В. Гроссман) евреев. Но именно так действовала влиятельная часть политиков и интеллектуалов западных стран. Не замечая того, что, руководствуясь новой левой идеологией, всемерно поддерживаемой СССР — их противником в холодной войне, они фактически сотрудничают с ним в создании под его руководством «антифашистского» коалиционного большинства в ООН. Фактически — антizападного. Ибо большинство неоантифашистов в ООН составляли страны арабо-мусульманского мира. Созданная СССР «антифашистская» коалиция сохранилась и после его распада. По формуле: «Его нет, но дело его живет».

Живет и мессианство, хотя нет уже в живых нацизма и советизма с их претензиями на мировое господство. Но к концу прошлого века обозначился новый претендент на передел мира по своему образу и подобию. Это исламизм. Политизированный ислам, ставший знаменем и мобилизационной идеологией огромного арабо-мусульманского и частично африканского мира, фактически объявил религиозную войну Западу. Большим политико-идеологическим подспорьем служат ему наработки советского антисионизма. Такие, например, как отрицание существования евреев как народа, отрицание и замалчивание Катастрофы, сотрудничество сионистов с нацистами и, конечно же, Израиль как «фашизм под голубой звездой». СССР сделал все возможное, чтобы передать наследнику тоталитаризма свое оружие. Прежде всего, в самом прямом смысле этого слова, снабжая арабов оружием во всех арабо-израильских войнах. Но главное, — в исламистском контексте возрождалась мессианская версия священной войны, формировавшая мотивацию суицидного и всех других видов террора. Создав центры подготовки террористов, СССР способствовал организации международного террора как главного оружия исламизма в его войне с Западом. В соединении с мобилизационной мессианской идеологией, подкрепленной советским антисионизмом, ИСЛАМИЗМ становится главной ЦИВИЛИЗАЦИОННОЙ УГРОЗОЙ XXI века, угрозой всему западному миру. В этой борьбе исламисты весьма успешно используют основные демократические механизмы и принципы, которые при пособничестве «гуманистов без границ» преобразуются в орудия разрушения демократий, разрушения самого фундамента западной цивилизации.

Идеологами суицидальных процессов и все чаще их политическими участниками становятся нынешние сеятели новой великой беды — беды XXI века. Теперь они, используя новояз, обращают неоантифашизм и неоантрасизм в идею, овладевающую массами. Массы, образующие электорат и мобилизованные на борьбу с избранными на роль «фашистов» и «расистов», становятся силой, способной нанести огромный урон странам своего проживания. Что мы и наблюдаем как в Европе и Израиле, так и, особенно в последнее время, в Америке. Боевые отряды «антифашистов» («антифа»), вкупе с «антрасистами» устраивают погромы, в их числе еврейские, разбивают в городах Америки, сокрушают исторические памятники, но — главное — они нарушают и разрушают законность и правопорядок, угрожая тем самым основам демократии как таковой.

Под угрозой саморазрушения оказался весь западный мир. И кто они — новые сеятели беды как не пособники исламизму в его священной войне с Западом?

В свете всего сказанного все ясней становится, что в борьбе за самоспасение, в самозащите западных стран одним из главных направлений должна быть борьба с армиями политкорректных ультралибералов, новых левых воителей за права и свободы «без берегов» — всеми теми, кого Томас Манн назвал «хитроумными сеятелями великой беды».

Добавим — сеятелями беды нашего времени, в числе которых и осовремененные брейзахеры. Они, как и прежде, разглашают о «личной сфере своего происхождения», но на этот раз не о преимуществах язычества, а о пороках государства Израиль. Это брейзахеры нашего времени, соучаствующие с другими сеятелями беды в борьбе за легитимацию Израиля, то есть за лишение его самого права на существование.

Им невдомек, что после уничтожения европейского еврейства жизненным центром современного еврейства становится Израиль. Именно поэтому уничтожение воссозданного еврейского государства, гаранта сохранения и продолжения истории народа, равносильно «окончательному решению еврейского вопроса». И так же, как тогда нацистское, так и сейчас «окончательное решение» обретает грозное цивилизационное измерение.

4. Уроки Томаса Манна по преодолению цивилизационного Зла и его пособников

В одной из дневниковых записей в переломные двадцатые годы Томас Манн пишет о своей «сейсмической чувствительности». Она и вправду у него была и проявилась уже тогда, когда при первых же шагах «диктаторско-террористических режимов» он предсказал, какими цивилизационными обвалами эти режимы чреваты.

Эта чувствительность сохранялась на протяжении всей его жизни. Томас Манн одним из первых распознал в нацизме Зло, способное изнутри разрушить европейскую цивилизацию, ее иудеохристианский культурный фундамент. Отсюда и его противостояние нацистскому тотальному антисемитизму, его апологетика евреев как создателей основ культуры, сокрушающей нацизмом.

Томас Манн, как никто, постиг, насколько тесно переплетены судьбы европейских с судьбами общеевропейскими. Он, пожалуй, первым продемонстрировал цивилизационное измерение не только еврейского вклада в европейскую культуру, но и Катастрофы европейского еврейства. Он показал, каким предательским по отношению к собственной культуре было бездействие демократий, превращавшееся в самоубийственное содействие нацизму, который угрожал им уничтожением и с которым они вели кровопролитную войну. Такими были «достижения» сеятелей беды в годы войны.

И после ее окончания они не уходят с исторической сцены. С первых же шагов возрожденного еврейского государства начинаются арабские войны с ним на уничтожение. Сеятели беды вновь при деле, на этот раз при обосновании политики антиизраильства. Особо заметные в Англии и в США. Томас Манн снова раскрывает предательскую сущность их активности. В марте 1948 года за считанные месяцы до завершения весьма корыстного (по оценке Т. Манна) английского мандата на Палестину США отзывают свое согласие на создание еврейского государства. В статье «Призраки 1938 года» Томас Манн пишет:

«Маленькое еврейское государство в Палестине будет демократией людей, которые полны желания работать и защищать свою культуру. Конечно же, это государство должно пользоваться симпатией страны с американскими традициями. Почему же мы вынуждены, — спрашивает он, — поддерживать отвратительную грязную реакцию, ненавистную народам, в данном случае арабских шейхов, и разрушать демократию, изображая дело так, будто мы ее защищаем». Американское предательство равносильно европейскому. «Это самое возмутительное событие со временем передает с того в Чехословакии в 1938 году... Это способствует деморализации мира, что раньше или позже, — предупреждает Томас Манн, — приведет к сею беде и катастрофе» (разбивка моя). — Л.Д-Ц (22).

Не находимся ли мы на пути к ней? Ведь и сейчас, как и тогда, предательство, начавшись с Чехословакии, осуществлялось и в отношении европейского еврейства. И тогда катастрофа, начавшись с жертв предательства, стала всеобъемлющей. XX век пожинал плоды своих сеятелей беды.

Не столкнулись ли мы, живущие в ХХI веке, со схожими цивилизационными проблемами? Понимаем ли мы, что есть цивилизационное Зло нашего времени, что свою миссию его новоявленные мессии видят в победе над Западным миром?

Можно ли сомневаться, что пособниками Зла становятся «хитроумные сеятели великой беды», изнутри разрушающие западные страны. Не менее очевидно, что самой неотложной задачей времени является активная борьба с ними на всех уровнях и во всех областях, где они ведут свою разрушительную работу. В политике, в пропаганде в СМИ, в просвещении и в образовании.

Томас Манн вел такую борьбу долгие годы своей жизни. Не пришло ли время по-новому перечитать его труды и начать с романа «его эпохи». «Роман моей эпохи» — так Томас Манн определил сущность и смыслы своего романа «ДОКТОР ФАУСТУС».

Примечания⁴

1. «Закон» — вводная статья Т. Манна к одноименному сборнику, каждый из десяти авторов которого художественно интерпретировал одну из заповедей декалога — «Закона гуманности, полученного Моисеем на горе Синай» (Т. Манн).
2. Л. Дымерская-Цигельман. «Томас Манн о еврействе, евреях и еврейском государстве». Гл. 1. «Томас Манн о еврействе и его роли в духовном становлении европейской цивилизации. Диктаторско-террористические режимы — ее разрушители». Еврейская Старина, №1(92), 2017 г.
3. Т. Манн. «Гете и Толстой». Собр. соч. т. 9, 1959, стр. 602.
4. Т. Манн. «Германия и немцы». Доклад, прочитанный в Калифорнийском ун-те в мае 1945 года. Собр. соч. т. 10, стр. 103–126.
5. Т. Манн. «Немецкая речь. Призыв к разуму». «Сб.», стр. 123.
6. Там же.
7. Т. Манн «Доктор Фаустус». Собр. соч. т. 5, стр. 474–475
8. Там же, стр. 623.
9. Там же, стр. 633–634.
10. Там же, стр. 648.
11. Т. Манн. «Немецкая речь. Призыв к разуму». «Сб.», стр. 124–125.
12. Т. Манн. «Доктор Фаустус», стр. 622.
13. Т. Манн. «Из дневников». 15.7.1934 г. «Сб.», стр. 382.
14. Тут приводятся только два текста Т. Манна о реализуемом нацистами геноциде. Т. Манн. «Немецкие радиослушатели», радиоречь 27 сентября 1942 года (одна из 55 регулярно выходивших в годы войны). «Сб.», стр. 415–416; Т. Манн. «Гибель евреев Европы». Доклад в Сан-Франциско, апрель 1943 г.: «Число погибших, исчисляемое миллионами, продолжает возрастать... Из них более всего евреев из Восточной Европы, то есть тех людей, кого изобретатели германской расы господ считают вредными насекомыми и потому заявляют, что призваны очистить от них землю. В действительности же восточноевропейское еврейство — резервуар культурных сил и почва, на которой выросли гении и таланты, обогатившие западную науку и искусство». «Сб.», стр. 417–419; См. также: Л. Дымерская-Цигельман. «Томас Манн о еврействе, евреях и еврейском государстве», гл. 2 «Катастрофа европейского еврейства. Падение Европы».
15. Т. Манн. «История “Доктора Фаустуса” Роман одного романа». Собр. соч., т. 9, стр. 142.
16. Т. Манн. «Письмо К. Левенштейну от 24 сентября 1948 года. «Сб.», стр. 62.
17. С. Аверинцев. Собр. соч. София-Логос Словарь. Изд-во Дух и литер, Киев, 2006 г. Иудаистическая мифология, стр. 247.
18. Т. Манн. «История «Доктора Фаустуса», стр. 259.
19. Т. Манн. «Германия и немцы». См. прим. 4.
20. Т. Манн. «Доктор Фаустус». Стр. 474–475.
21. Т. Манн. Там же, стр. 478.
22. Т. Манн. «Призраки 1938 года», «Письмо И. Магнесу от 1 апреля 1948 года». «Сб.», стр. 433, 435.

⁴ Статья во многом основывается на сборнике Томас Манн «О немцах и евреях. Статьи, речи, письма, дневники». Составители Л. Дымерская-Цигельман, Е. Фрадкина. Вводная статья «Томас Манн. Уроки гуманизма» Л. Дымерская-Цигельман, примечания и перевод Е. Фрадкина. Иерусалим, изд-во «Библиотека-Алия», 1990 г. Во всех переводах указаны немецкие источники. В примечаниях сборник будет называться «Сб.».

Евгений Беркович¹

Краткое послесловие к статье Людмилы Дымерской-Цигельман «Томас Манн и его „Доктор Фаустус“»²

Содержательная работа уважаемой Людмилы Дымерской-Цигельман безусловно заинтересует почитателей великого немецкого писателя Томаса Манна. С большинством положений статьи я согласен, но считаю важным прокомментировать раздел о «культурфилософе из Мюнхена» Хайме Брейзахере, одном из немногих персонажей писателя, чье еврейство подчеркивается с первых строк его появления на страницах романа «Доктор Фаустус»: он «представитель этого [еврейского] племени» (V, 14)³ и

«человек ярко выраженной расы» (V, 362). Томас Манн не жалеет для этого образа черной краски, рисуя человека не только «впечатляюще безобразной наружности» (V, 362), но и отвратительных душевных качеств, среди которых «крайне двусмысленный, грубый и при этом злобный консерватизм» (V, 365), «чистейшая наглость и беспардонная нетерпимость» (V, 369) и многое другое. Ясно, что мы имеем дело с неприятным человеком, «интеллектуальным проходимцем» (V, 362), демагогом, «умеющим говорить о чем угодно», «настроенным против культуры», «с консервативным презрением к прогрессу» (V, 363).

Что ж, автор романа имеет право выводить на сцену героев и предателей, мыслителей и дураков, праведников и грешников... Среди евреев встречаются разные люди, почему бы еврею-негодяю не появиться на страницах романа немецкого мастера? Если бы автор романа ограничился только этими характеристиками своего героя, то Томаса Манна ни в чем нельзя было бы упрекнуть, хотя число несимпатичных евреев на страницах его художественных произведений явно выше среднего. Но Хайм Брейзахер играет в романе по воле автора особую роль: он является, по сути, единственным глашатаем нацизма, проповедником тех самых идей, которыми руководствовались национал-социалисты во главе с Гитлером. Вот важное, можно сказать, программное высказывание Брейзахера:

«Несомненно, что если когда-нибудь приступят к устранению большого элемента в широком плане, к умерщвлению нежизнеспособных и слабоумных, то и под это подведут такие основания, как гигиена народа и расы, хотя в действительности — сие не только не отрицалось, но даже подчеркивалось — дело будет идти о гораздо более глубоких преобразованиях, об отказе от всякой гуманной мягкотелости — девица буржуазной эпохи; об инстинктивной самоподготовке человечества к суровой и мрачной, глумящейся над гуманностью эре, к веку непрерывных войн и революций, который, по-видимому, отбросит его далеко назад, к темным временам, предшествовавшим становлению христианской цивилизации средневековья после гибели античной культуры...» (V, 478).

Никто больше в романе не озвучивает намерения тех, кто на двенадцать лет получил власть в Германии и привел ее и весь мир к самой страшной в истории мировой войне, а европейское еврейство поставил на грань полного уничтожения. Собственно, роман «Доктор Фаустус» и задуман как описание медленного, но неуклонного сползания страны и общества в пропасть нацизма.

И если глашатаем и идеологом этого движения автор романа поставил отвратительного и внешне, и внутренне еврея Брейзахера, то этот выбор дает повод усомниться, как пишет госпожа Дымерская-Цигельман, «в однозначно позитивном отношении автора к еврейству».

¹ Историк науки и литературы, математик, к.ф.-м.н., доктор естествознания, публицист и изобретатель.

² Настоящий сборник, с. 139–149.

³ Римская цифра в круглых скобках означает номер тома в Собрании сочинений Томаса Манна в десяти томах 1959–1961 гг., арабские цифры через запятую означают номер страницы.

Здесь хочется улыбнуться: вера «в однозначно позитивное отношении автора к еврейству» для большинства исследователей творчества Томаса Манна осталась далеко в прошлом. Возможно, она была распространена в середине XX века, когда у литературоведов Советского Союза и ГДР под влиянием господствующей коммунистической идеологии сложилось представление о Томасе Манне как бескомпромиссном противнике Гитлера, а антисемитизм считался пережитком буржуазного прошлого.

Так же считал друг Томаса Манна, посетивший его в швейцарском госпитале за день до кончины писателя, литературный критик, издатель и владелец знаменитых книжных салонов в Париже и Вене, Мартин Флинкер (Martin Flinker). В книге «Политические рассуждения Томаса Манна в свете сегодняшнего времени», изданной в 1959 году, он писал:

«Искать в художественных работах Томаса Манна антисемитские чувства и проявления вообще абсурдно, это можно объяснить только неполным пониманием личности писателя и его творчества» [Flinker, 1959 стр. 154-155].

Но начиная с берлинского симпозиума «Томас Манн и евреи» 2002 года двойственность писателя по отношению к «еврейскому вопросу» уже почти ни у кого не вызывала сомнения. Рассматриваемый нами «казус Брейзахера» — яркое тому подтверждение.

Взглянем на роль Брейзахера в романе глазом отстраненного, непредвзятого наблюдателя. Немецкое общество, описанное в романе, незнакомо с идеями национал-социализма, или, по словам Серенуса Цейтблома, с «новым миром антигуманизма». Серенус и узнал «неведомый дотоле» мир «благодаря этому самому Брейзахеру» (V, 369). Выходит, нацизм не родился и вызрел в немецком обществе, а привнесен извне какими-то чужаками, одним из которых выступает отвратительный Хаим Брейзахер. Ни один немец, представленный в романе, не является изначально сторонником «нового мира антигуманизма». Вина за распространение нацистских взглядов лежит исключительно на еврее-нацисте Брейзахере и ему подобных.

Дикость подобной схемы станет еще очевидней, если представить себе роман о расистских беспорядках и притеснении чернокожих в Америке, в котором основным идеологом суда Линча над неграми показан афроамериканец. Госпожа Дымерская-Цигельман не видит здесь противоречия, совершенно серьезно утверждая:

«Брейзахер — наглядное подтверждение всеобщности «дьявольского парадокса — порождения зла добром», парадокса, воплотившегося в трагедию перерождения «доброй» Германии в «злую».

Вот так, ни больше, ни меньше: символом перерождения Германии выступает не какой-то выдающийся или заурядный немец, а отвратительный еврей. Нелепость возложения на еврея Брейзахера ответственности за распространение взглядов, приведших к идее уничтожения всех евреев на Земле, достаточно скоро понял и автор романа. В «Истории „Доктора Фаустуса“» Томас Манн совершенно справедливо признает, что

«отнюдь не исключена опасность превратного, антисемитского толкования» еврейских образов в романе, «тем более что в моем романе имеется еще гнусный Брейзахер, этот хитроумный сеятель великой беды, описание которого тоже дает повод заподозрить меня в юдофобстве» (IX, 342).

И дальше он приводит несколько доводов самооправдания, которые повторяет в своей статье госпожа Дымерская-Цигельман, совершенно не уменьшающие наше недоумение по поводу «сеятеля великой беды».

В самом деле, разве объясняет роль «гнусного Брейзахера» в романе тот факт, что о нем сказаны такие слова: «Можно ли досадовать на иудейский ум за то, что его чуткая восприимчивость к новому и грядущему сохраняется и в запутанных ситуациях, когда передовое смыкается с реакционным?» (IX, 342)? Конечно, нет, ведь здесь говорится о другом. Да, среди евреев могут найтись сторонники реакции, но не они несут основную ответственность за победу национал-социализма над демократией. Столь же мимо цели бьет и другой аргумент Томаса Манна, который охотно повторяет госпожа Дымерская-Цигельман: «разве выведенные в этом романе немцы приятнее, чем изображенные в нем евреи?» (IX, 343). Может, и не приятнее, но тем более было бы естественнее искать глашатая нацизма не среди его будущих жертв, а именно среди «неприятных немцев», разве мало было примеров в реальной Германии?

Не показав в романе ни одного «немецкого фашиста», Томас Манн считает необходимым вывести на сцену «еврейского фашиста» — Хайма Брейзахера. В письме Людвигу Левисону (Ludwig Lewisohn) от 19 апреля 1948 года Манн пишет:

«Брейзахер, каков он в книге, — это еврейский фашист, еврейский слуга фашистской эпохи, в жизни и литературе я встречал немало таких типов. Многое из того, что он говорит, есть в “Реальности евреев” Гольдберга. Знаете ли Вы это? Любите ли Вы это? Или у Вас вызывает отвращение его снобистский злобный антигуманизм?» [Mann, 1981 стр. 158].

То, что эта оценка не случайна, показывает написанное спустя полгода письмо автора «Доктора Фаустуса» Йонасу Лессеру (Jonas Lesser) от 25 октября 1948 года:

«Многое из того, что говорит Брейзахер, есть в той или иной степени в книге Гольдберга, которую я прочитал, когда она появилась и воспринял как работу типичного еврейского фашиста. Этот тип не показать в романе я не мог» [Mann, 1981 стр. 193].

С Оскаром Гольдбергом отождествляет Брейзахера и Людмила Дымерская-Цигельман. Добавляя к нему за компанию немецкого прорицателя заката Европы Освальда Шпенглера, она пишет:

«Они оба отступают от гуманистических принципов своих народов, сдаают без всякого сопротивления ценности своих национальных культур — немецкой и еврейской и тем самым ведут к разрушению ценностей всей европейской цивилизации. Этим они способствуют торжеству нацизма — смертельного врага той цивилизации, к которой они принадлежат и в саморазрушении которой сами же и участвуют» (настоящий сборник, с. 143).

«Еврейский фашист» Оскар Гольдберг остается чуть ли не единственным основанием той роли, которую автор «Доктора Фаустуса» возложил на Хайма Брейзахера. И если бы Гольдберг действительно говорил или писал нечто в духе приведенной выше цитаты из выступления Брейзахера о «гигиене народа и расы», то такой аргумент можно было бы если не принять, то, по крайней мере, понять. Но ничего подобного Гольдберг ни говорить, ни писать не мог, это с очевидностью следует из его главных книг «Реальность евреев» [Goldberg, 2005] и «Маймонид. Критика еврейского вероучения» [Goldberg, 1935].

Гольдберг никогда не разделял и не поддерживал идеи настоящих нацистов, от преследования которых он чудом спасся в 1940 году, побывав в двух концлагерях на территории оккупированной Франции и эмигрировав в США не без помощи Томаса Манна. На тему «устранения больного элемента», в том числе, репрессий против евреев, он высказывался, однако совсем не в том ключе, как делает это приват-доцент Брейзахер в романе «Доктор Фаустус». Брейзахер призывал к репрессиям и оправдывал уничтожение тех, кто непригоден с точки зрения «народа и расы», а Гольдберг в стиле древних еврейских пророков предупреждал будущих жертв о грядущей Катастрофе:

«Евреи — это народ упущенных возможностей. В этот раз дело обстоит гораздо серьезнее, чем раньше. Вы будете вычеркнуты из „Книги истории“. <...> Или евреи выполнят свой долг, или они будут уничтожены. Третьего не дано» [Goldberg, 1935 стр. 119].

Здесь нет и следа нацизма или расизма. Причина ярлыков, которые Томас Манн навешивает на Гольдберга, лежат не во взглядах автора «Реальности евреев», а в личных отношениях писателей, весьма сложных и запутанных, достаточно отметить обвинения в плагиате, выдвинутые Гольдбергом против Томаса Манна за использование в тетralогии «Иосиф и его братья» значительных фрагментов книги 1925 года. Столь же безосновательно обвинял Томас Манн в еврейском фашизме философа и социолога Теодора Лессинга. На мнение писателя не повлиял даже тот факт, что Лессинг являлся одним из злейших врагов национал-социалистов, назначивших за его голову денежное вознаграждение и, в конце концов, убивших его 1 сентября 1933 года.

История взаимоотношений Томаса Манна и Оскара Гольдберга заслуживает отдельного серьезного обсуждения. Здесь же мы подчеркнем только тот факт, что роль, отведенная автором Хайму Брейзахеру в романе «Доктор Фаустус», совершенно определенно опровергает тезис госпожи Дымерской-Цигельман об «однозначно позитивном отношении автора к еврейству». Это заметили исследователи творчества Томаса Манна сразу после выхода романа в свет. Например, швейцарский философ Эрих Брок (Erich Brock) еще в 1949 году отмечал:

«В этой книге есть только **один** идейно активный национал-социалист, приват-доцент Хаим Брейзахер. Из работ Манна видно, что он никогда особенно не любил евреев, но тут он взваливает на них особенно горькие обвинения» (цитируется по книге [Flinker, 1959 стр. 166], выделено автором — **Е.Б.**)

Пережившая Холокост и недавно скончавшаяся⁴ профессор германистики и писательница Рут Клюгер (Ruth Klüger) высказалась по поводу образа Брейзахера в романе Томаса Манна:

«Самое лучшее, что можно сказать об этом, это то, что в данном случае мы имеем дело с извращенно плохим вкусом» [Klüger, 1994 стр. 41].

И хотя слова о плохом вкусе такого эстета, как Томас Манн, звучат дико, в случае с Хаимом Брейзахером с ними приходится согласиться.

Литература

- Flinker, Martin.** 1959. *Thomas Manns politische Betrachtungen im Lichte der heutigen Zeit*. Den Haag: Mouton & Co, 1959.
- Goldberg, Oskar.** 2005. *Die Wirklichkeit der Hebräer* (Erste Ausgabe Berlin: Verlag David, 1925). Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2005.
- . 1935. Maimonides. Kritik der jüdischen Glaubenslehre. Wien: Verlag Dr. Heinrich Glanz, 1935.
- Klüger, Ruth.** 1994. *Katastrophen. Über deutsche Literatur*. Göttingen: Wallstein Verlag, 1994.
- Mann, Thomas.** 1981. Dichter über ihre Dichtungen, Band 14/III. 1944–1955. München: Heimeran, 1981.

⁴ По странному совпадению она скончалась 6 октября 2020 года, как раз в день моего 75-летия, чему посвящен настоящий сборник.

Юрий Шейман¹

Прочитать Томаса Манна и не умереть

Томас Манн — крупнейший немецкий писатель XX в., классик, нобелиат, мудрец, гуманист, антифашист, интеллектуал, написавший великое множество произведений, в том числе романы на сотни страниц, воздвигнутые гордо, на века, подобно пирамидам Гизы. Выходом в XX в. на мировой уровень немецкая литература обязана в первую очередь именно ему. В списке «1001 книга, которую ты должен прочитать, прежде чем умереть», имеется и роман-тетралогия Томаса Манна «Иосиф и его братья». Рискнем прочитать его...

В советское время Библия считалась почти антисоветской литературой. Во всяком случае открытая продажа ее была запрещена. Существовали лишь издания типа «Забавная Библия» Лео Таксиля, «Библия для верующих и неверующих» Ем. Ярославского. Когда Корней Чуковский предложил издать пересказы библейских историй для детей, ему поставили два условия: там не должно быть слов «бог» и «евреи». Научно-популярные книги З. Косидовского о Священном писании на русском языке стали появляться только в середине 70-х гг. Так что, когда во второй половине 60-х гг. появились романы «Мастер и Маргарита» М.А. Булгакова и «Иосиф и его братья» Томаса Манна (интересно, что в 10-томник Томаса Манна 1959–61 гг. этот роман не вошел), они стали пользоваться бешеной популярностью еще и потому, что считались источниками знаний по Ветхому и Новому заветам. Романы эти могут нравиться или не нравиться, но следует знать, что и тот, и другой текст апокрифичны, так как во многом отступают от Священного писания. И дело здесь не просто в литературном украшательстве и многословии, а в концептуальных расхождениях. Как говорил сам Томас Манн, его роман — пародия на библейскую историю, но под пародией он понимал не сниженное комическое повествование, а повторение сакрального сюжета, при котором в него неизбежно закрадываются искажения.

В принципе любая литературная разработка библейской истории будет пародией, хотя бы потому, что Бог не может быть литературным персонажем. Дьявол другое дело. Сколько угодно в литературе дьяволов. А Богу можно только гимны сочинять вроде державинского.

У Довлатова есть байка про роман «Иосиф и его братья»:

«Подходит ко мне в Доме творчества Александр Бек:

— Я слышал, вы приобрели роман «Иосиф и его братья» Томаса Манна?

— Да, — говорю, — однако сам еще не прочел.

— Дайте сначала мне. Я скоро уезжаю. Я дал. Затем подходит Горышин:

— Дайте Томаса Манна почитать. Я возьму у Бека, ладно?

— Ладно. Затем подходит Раевский. Затем Бартен. И так далее. Роман вернулся месяца через три. Я стал читать. Страницы (после 9-й) были не разрезаны. Трудная книга. Но хорошая. Говорят». (1)

Действительно, хорошая книга. Томас Манн — умница, эрудит, знаток древних культур — сумел оживить древний сюжет, наполнив его общечеловеческим непреходящим содержанием. Известна история о том, как машинистка Томаса Манна, перепечатав рукопись «Былого Иакова», первой части тетралогии, вернула ее со словами: «Ну вот, теперь хоть знаешь, как всё было на самом деле!» (2) С другой стороны, громада чуть ли не полуторатысячстраничного цветистого, медитативного нараспев повествования требует от современного читателя титанических усилий, хотя местами невозможно оторваться и заливаешься как дурак слезами.

¹. Филолог, канд. филол. наук, преподаватель.

История Иосифа Прекрасного привлекала многих писателей и поэтов. Гёте в отрочестве сочинил эпическую поэму в прозе «Иосиф и его братья», но после сжёг ее. В.А. Жуковский написал стихотворную «Повесть об Иосифе Прекрасном». Среди других авторов можно упомянуть Яна Райниса, Назыма Хикмета. Л.Н. Толстой называл библейскую историю Иосифа среди произведений, произведших на него сильнейшее впечатление в раннюю пору жизни.

Широко отражен образ библейского Иосифа в музыке и живописи.

Но одно дело писать о своих чувствах и мыслях по поводу библейского сюжета и другое — соперничать с Библией. Понятно, почему ни Гёте, ни Толстой на это не пошли.

«Бог, который в Библии существует извечно, у Манна превращается в творение человека, выдумку Авраама, который извлек его из хаоса политеизма как божество сперва высшее, затем единственное. Зная, кому Он обязан своим существованием, Бог восклицает: „Просто невероятно, до чего основательно эта персть земная Меня познает! Кажется, я начинаю делать себе имя с ее помощью? Право, помажу ее!“» (3)

Ясно, что это профанация, которую мог позволить себе только неверующий человек. Что же побудило Томаса Манна обратиться к Библии? Тут несколько аспектов.

Томас Манн отдал дань старому натуралистическому роману («Будденброки»). Но наступила новая эпоха, и она взяла на вооружение психоанализ, поток сознания, символизм, интуитивизм, герметизм (зашифрованность), историю идей, поиски нового языка... обратилась к мифологии.

Казалось бы, миф должен был остаться в далеком прошлом. Эпоха рационализма очистила сознание от суеверий и предрассудков, одновременно породив нигилизм в отношении ценности художественной культуры. Однако мифологическое мышление никуда не делось. Наука раздробляет реальность на отдельные сферы изучения, порождая фасеточную картину мира. Дискретность языка лишает мир целостности и смысла. Нескончаемый поиск элементарных частиц, бесконечно удаляющееся неизвестно куда время, беспределность рефлексии. Дурная бесконечность порождает тоску. Трагичность человеческого сознания была осознана еще Экклезиастом. Миф призван вернуть в мир смысл и цельность, отнятые рационалистическим сознанием (хотя и это тоже миф).

Томас Манн говорил, что пирамиды и сфинксы сближают поколения. Действительно, глядя на пирамиды, нельзя не думать, что их видел Александр Македонский, Цезарь, Наполеон, тот же Иосиф Прекрасный, буде он существовал реально... Мифы тоже как пирамиды, объединяют нас с давно ушедшими людьми в единое культурное пространство человечества.

Суть жизни — настоящее. Прошлое и будущее — область мифологии. В мифе не только нарушается логический закон тождества, но и время закольцовывается, объединяя прошлое, настоящее и будущее по закону вечного повторения. В этой схеме смерти нет, умирая, мы становимся мифом. Вечность, по Манну, это область мифологии.

Мифы первобытные и мифы, созданные писателями, — два разных явления. Древний миф — поэтический плод коллективного бессознательного людей, не выделявших себя из окружающей среды, а мифы XX века порождены яркими индивидуальностями.

Неомифологическое сознание воспринимает мир и искусство не в хронологической последовательности (не исторически), а в параллельных реальностях. Все культуры и все мифологии существуют одновременно, и возникает перекличка, диалог культур. Мифологичность художественного построения обнаруживается в переплетении повторов, подобий и параллелей. Идея взаимозаменяемости мифов вполне мифологична сама по себе, как и отождествление разных исторических персонажей. «Быть» и «значить» отождествляются в мифологическом сознании. И этот эклектизм не может в художественном повествовании не быть густо приправлен иронией. По мысли Манна, отмечает С.С. Аверинцев, безответственное любование «наивностью» архаики, не дополненное иронией, есть «снобизм смерти» (4).

Миф выступает в роли языка интерпретатора истории и современности. Это такая внеисторическая надвременная реальность, система координат. Для Томаса Манна это еще способ построения философского романа. Писатель опирался на глубокое знание древней культуры, истории, религии. Человек XIX века,

врасплох застигнутый веком XX, он взял на себя миссию укротителя мифа, «загонщика» его в новое русло новоевропейского интеллектуального романа.

Т. Манн использует мифы как субстрат для своих сюжетов: так, в «Волшебной горе» отчётливо узнаётся миф о певце Тангейзере, который провёл на волшебной горе богини Венеры семь лет. Понятно из названия, какой миф использован в романе «Доктор Фаустус» и тем более — в «Иосифе и его братьях». Писатель сращивает старые сюжеты с новоевропейскими мифологемами из идейного обихода XX века.

Т. Манн был весь соткан из противоречий: антисемит — филосемит, националист — космополит, модернист — антимодернист, мифотворец — борец с мифами, наконец, гомосексуалист — обычный семьянин, отец шестерых детей. Диалогизм — основное свойство мышления и творческого метода писателя. Всё творчество его — попытка примирить свои внутренние противоречия, чем и интересно. В том числе в еврейском вопросе. Окончательная позиция Томаса Манна не всегда поддается однозначному определению. Всё же путь его, пусть и неровный, выводит к гуманизму. «В себе самом Манн видит орудие критического самоочищения немецкой “бюргерской” культурной традиции, а в своем творчестве — инструмент “самоопределения” (понимаемого в духе этики позднего Гёте) через самопознание» (5).

Разобщенность духа и жизни, идущая от Шопенгауэра и Ницше, роднит мировоззрение Манна с гностическим. Но уже в «Волшебной горе» и особенно в тетралогии «Иосиф и его братья» писатель считает равновесие этих двух начал условием победы человечности. Идеал Томаса Манна — личность Гёте, гуманиста, воплотившего в себе единство духовного и практического начал. «Для позднего Манна противоположны не дух и жизнь, а дух гуманный и антигуманный. В статье “Философия Ницше в свете нашего опыта” (1948) Манн подвергает Ницше критике именно за противопоставление духовного жизненному, и жизни — этике» (6).

Борьба с нацистским антисемитским мифом — главный смысл и задание тетралогии «Иосиф и его братья». Томас Манн разъяснял своим читателям, что он отнял приём под названием «миф» у Розенберга (идеолога нацизма, написавшего в 1930 году «Миф XX столетия»), как пушку у врага, и повернул её против врага. Миф — это вечное, общечеловеческое, типическое. А антисемитский «миф» Розенберга — антикультурный, антиисторический. «Фашизм — это этническая религия, которой ненавистно не только международное еврейство, но явно и христианство — как человечная сила... (7) «Немец, воспитанный на Гете, для которого, по словам его учителя, имеет значение только вопрос “культура или варварство”, не может быть антисемитом», — писал Томас Манн (8).

Роман «Иосиф и его братья» — это, безусловно, попытка противопоставить нацистскому гностическому подстрекательскому мифу гуманистический объединительный миф, найти точки соприкосновения иудаизма и христианства. Иосиф — христологическая фигура в Ветхом Завете, личность мудрая, предпримчивая, любящая и милосердная, отказавшаяся от языческой идеи мести.

Проследить за мыслью Томаса Манна можно, останавливаясь на концептуальных несовпадениях его романа с каноническим текстом Торы. Первая группа несовпадений касается намеков на тождественность фигуры Иосифа Прекрасного Иисусу Христу и апостолам:

1. «Небесный сон»

Иосиф рассказывает Вениамину, как во сне его схватил орел, оказавшийся ангелом, и унес на 7-е Небо. Там Бог благословил Иосифа, назвал «Маленьkim Богом» и обещал воздвигнуть ему престол, подобный Его собственному. С одной стороны, это предвосхищение будущей карьеры при фараоне, но мы знаем, что по христианским представлениям наравне с Господом восседает на троне второе лицо Троицы. С другой стороны, Иосиф отождествляется с Енохом-Метатроном и апостолом Петром, потому что Господь обещает сделать его главным «надо всеми детьми Неба» и посадить у входа на «седьмую высоту». Господь чуть ли не возносит Иосифа выше Себя Самого, ибо «величие его больше Моего...»

Разумеется, ничего подобного в Торе нет.

2. Романский Иосиф утверждает, что родился под знаком Девы, в чем можно усмотреть намек на рождение в результате непорочного зачатия. В тетралогии подчеркивается, что имя Рахиль переводится как «овечка», сын овцы — агнец (жертвенный агнец, как Иисус).

3. Когда Иаков послал Иосифа проводить братьев, ушедших пасти стада, Иосиф взял с собой «священное покрывало» — брачный наряд Рахили, который он любил, потому что в нем «походил на Бога». (В Торе упоминается просто рубашка, которую братья измазали кровью козленка [заместительная жертва] и отослали отцу.) Когда-то Лаван отдал Иакову Лию, завернув в покрывало Рахили. Таким образом, оно способно скрывать правду. (Покрывало Рахили напоминает о покрывале Изиды, сестры и жены Осириса, — покрове Тайны, ризах Девы Марии, хранящихся во Влахернском храме в Константинополе, православном празднике Покрова Богородицы, плащанице Иисуса Христа.)

4. По дороге к братьям Иосиф чуть ли не чудеса творит и мудрые речи говорит — прямо как Иисус, тем более что у Манна он то едет на ослице, то ведет ее под уздцы. Народ благословляет его, а иные принимают за бога и норовят помолиться. В дальнейшем пути в безлюдной долине ему навязался в попутчики странный тип и сопровождает его (в первоисточнике это путник, у которого Иосиф просто узнал, куда пошли братья, а у Манна некий посланник-брюзга, который всю дорогу бранит человеческую природу, будто он и не человек вовсе, а гностический ангел. Впрочем, возможно, это было предупреждение о неприятностях, ожидающих Иосифа. А спутник Иосифа и впрямь типа ангел и, возможно, тот самый, что боролся когда-то с Иаковом в Пенуэле).

5. Продажа Иосифа. Иуда предложил караванщикам купить Иосифа за 30 сребреников, сошлись на 20 (Иосиф несовершеннолетний — 17 лет, больше не стоит). Серебро в шекелях, но получили товаром. В Торе просто говорится о 20 сребрениках, число 30 никак не упоминается. Вряд ли случайно Манн подчеркивает, что первоначальная цена была именно 30 сребреников. Это прямая отсылка к евангельскому сюжету.

Братья, и особенно Иуда, выступают тут в роли Каина, убившего Авеля, тем более что первоначально именно убить-то и хотели. А с другой стороны, они же и несостоявшиеся апостолы. Символизм имени Иуда играет здесь не последнюю роль.

6. Когда Рувим пришел к колодцу, чтобы спасти Иосифа, он не знал о сделке братьев, а вместо брата нашел у колодца странного незнакомца, видимо, ангела, который говорил загадочно, что Рувим будет хранить зерно ожидания и надежды. А колодец был открыт: обе половины крышки лежали на плитах, одна на другой. Могила пуста, как у Иисуса в евангелии. Это призвано подчеркнуть, что всё произошло как предначертано, по воле Всевышнего. И об Иосифе Манн устами незнакомца-ангела говорит, как об Иисусе: он умер, но воскреснет, как зерно, брошенное в почву. Сходство с евангелием нарочитое, тем более что никакого ангела в этом месте в Торе нет.

7. Сидение в колодце и спуск в Египет были для Иосифа событиями, равносильными смерти. В символическом смысле все 23 года в Египте Иосиф был мертв. Египет ведь для древних евреев — страна мертвых, Шеол (боги Египта — мертвцы), и только простиив братьев, он воскресает для Израиля.

Данте в «Божественной комедии» пишет, повторяя известный христианский доктринальный догмат, о том, что Христос в промежутке между смертью и воскресением спустился в ад и вывел оттуда в рай древнееврейских патриархов.

8. На пути в Египет предстал Иосиф перед главой купцов-караванщиков, как Иисус перед Пилатом:

«— Я слыхал, — начал он, — что ты говорил, будто ты пуп мирозданья.

Иосиф с усмешкой покачал головой. <...>

— ...я сказал, что у мира множество средоточий, столько же, сколько человеческих “я” на земле, для каждого „я“ свое» (9).

Как это напоминает евангельское:

— Ты царь иудейский?

— Ты говоришь.

И, конечно, булгаковское «он неверно записывает за мной», хотя, конечно, Булгакова Манн прочесть никак не мог!

Вместе с тем Иосиф в романе как Моисей:

1. Себя называет он сначала именем Узериф, впоследствии переделанном на египетский лад как Озарсиф. «Озарсиф» значит «камышовый». Имя это намекает на то, что Иосиф найден в камышах или в камышовой корзинке, как Моисей. На самом деле он был найден в пересохшем колодце, дно которого может напоминать болото. Спутники по пути в Египет называли его «сын болота, колодца».

2. В Торе братья сами вытащили Иосифа из колодца, решив продать, а у Манна караванщики его случайно нашли и забрали с собой. Это усиливает сходство истории Иосифа с обстоятельствами спасения Моисея, случайно найденного дочерью фараона.

3. Впереди каравана, увозящего Иосифа в страну фараонов, движется раскаленный облачный столп песка и пыли. Манн дает объяснение этому природному явлению, но одновременно это и реминисценция Исхода, ибо в Торе облачный столп днем и огненный ночью — это сам Господь, ведущий свой народ. (Однако в Священном писании ничего не говорится об облачном и огненном столпе по пути в Египет).

Сакральность фигуры Иосифа подчеркивается подробностью, которой тоже нет в исходном тексте. Иосиф якобы провел в колодце 3 дня и 3 ночи. Колодец — вход в Шеол. Луна в фазе новолуния тоже исчезает на 3 дня — уходит в Преисподнюю). На всем Ближнем Востоке поклонялись Луне, евреи и мусульмане пользуются и сейчас лунным календарем. Спутник Земли активно влияет на нашу планету: приливы и отливы, самочувствие людей... Луне приписывались магические свойства, целый ряд божеств ассоциировались с этим небесным телом. Тем самым Иосиф уподобляется египетскому лунному божеству Тоту — воплощению мудрости, знаний и государственного порядка.

Вольное обращение со священными текстами объясняется тем, что для Томаса Манна Библия создавалась людьми, а не дана Богом, иначе бы он не адаптировал священную историю к обыденному сознанию. Манн десакрализирует Библию, психологизируя мотивы ее персонажей. Здесь кроется и объяснение, почему его машинистке, «наконец, стало ясно, как всё было на самом деле». Эта фраза просто лакмусовая бумажка: исчезла тайна. Вместо нее правдоподобие в виде сведения сложного к простому.

Писатель соединяет пересказ Книги Бытия с элементами библейской критики, что роднит его повествование со всякими «забавными библиями». Так, он утверждает, что между Авраамом и Иосифом не менее 20 поколений, т. е. расстояние примерно в 600 лет. Просто дед Иосифа тоже имел имя Авраам, и произошло наложение этих персонажей друг на друга. Имена были наследственными, и ничего удивительного, что для мифологического сознания люди, носившие одинаковые имена, сливались в одну личность. В романе немало на сегодняшний день устаревших сведений о происхождении человека как вида, одомашнивании диких животных, прайзьке человечества... Манн совмещает миф с научной теорией антропогенеза, в результате получается какая-то химера. Особо он увлечен Атлантидой: «Наука всё увереннее утверждает, что эти “варвары” (имеются в виду “коренные жители греческих островов, овладевшие морем раньше, чем финикияне”. — Ю.Ш.) были колонистами с Атлантиды» (10). Почему не инопланетяне? Великий потоп автор романа совсем в духе телепередач о «загадках человечества» относит в немыслимую древность существования Гондваны и мифического острова Лемурия, смутная память о которых сохранилась, совместившись с позднейшими катастрофами Атлантиды и потопами в Междуречье. Настоящая «Великая вавилонская башня» была, оказывается, вовсе не в Вавилоне, а в Атлантиде, и исполины — колонисты из Атлантиды — построили в память о ней башню (пирамиду) в Америке. Где же находился Эдем, земной рай? Читатель уже догадался — конечно, в Атлантиде, ведь Платон нам оставил точное описание этого острова. Но это, пишет Томас Манн, не место зарождения человека, а адрес «золотого века» человечества. А предок человека и первобытные люди жили, конечно, не в раю, а в аду, т. е. среди динозавров и прочих чудищ.

Вызывает также удивление утверждение Манна о массовой грамотности в Древнем Египте. Но ведь для Манна прошлое — «колодец глубины несказанной, преисподня», из которой для эпического повествования можно извлекать любые утверждения.

Ряд отступлений от традиционной канвы повествования вызваны требованиями художественности, например кокетство Иакова своим возрастом. 130 лет — так, по Торе, Иаков обозначил свой возраст фараону, отвечая на его вопрос. Прожив в Египте еще 17 лет, Иаков скончался в возрасте 147 лет. (11) В романе Манн ставит под сомнение этот ответ: «Тут Иаков снова впал в преувеличение. Известно, что он определил число своих лет цифрой сто тридцать — а это совершенно случайный ответ. Во-первых, он вообще не знал так точно своего возраста — в его местах и поныне обходятся без ясных представлений на этот счет. А кроме того, мы знаем, что всего Иакову отпущено было сто шесть лет жизни — долголетие не сверхъестественное, хотя и чрезвычайное» (12). Зачем писателю эта деталь? Конечно, с одной стороны, это всё та же пресловутая библейская критика. А во-вторых, такое милое человеческое старицковское кокетничанье своим возрастом, произшедшее, впрочем, мрачное впечатление на фараона, обреченного в силу своего слабого здоровья умереть молодым.

В Торе Иаков после получения известия о гибели Иосифа неутешен, оплакивает любимого сына много дней. Но плач Иакова в романе — подлинный литературный шедевр. Он плачет, как король Лир над Корделией: здесь и упреки Богу, и стенания, он пеняет Богу, как Иов, сетует, корит, ропщет. В своем горе Иаков теряет здравость. Он говорит, что хочет зачать Иосифа заново, ведь зачатие не творение, творит Господь, а человек зачиняет. Зачинать не значит творить, зачинать значит погружать жизнь в жизнь в слепом веселье; а творит только Он. «То, что бывает на свете лишь один раз, не имеет тождественного себе ни рядом с собой, ни после себя и не восстанавливается ни с какими круговоротами времен, это не может быть уничтожено, не может пойти на съедение свиньям, я этого не принимаю» (13). Иаков пристрастен, как и сам Бог, невоздержан и страстен. И чувства его и предпочтения никак не связаны с заслугами. Бог питает слабость к своему народу, а Иаков — к Иосифу.

Томас Манн хорошо знал источники и пользовался в работе над романом многочисленными материалами, в том числе Масоретским текстом Торы, Септуагинтой, мидрашами, Талмудом, новозаветными текстами, сочинениями религиозных писателей и ученых. Разнобой материалов, конечно, придает роману немного эклектичный, или, вернее сказать, диалогический характер, поскольку различные мнения могут сталкиваться между собой. Примеры:

1. Согласно одному из мидрашей, дочь Дины, найденную в камышах в корзинке (как Моисей), удочерили Потифар, египетский жрец, она получила имя Асенефа и позже стала женой Иосифа Прекрасного, единокровного брата Дины. В романе эта версия не поддерживается (она, по мнению Манна, служит для оправдания еврейства детей Иосифа), но упоминается.

2. В Торе буквально не говорится, что Иосиф был жрецом храма Солнца в Гелиополе, как его тестя, но это логично и выбито на стеле в честь Имхотепа, которого ассоциируют с Иосифом — Спасителем мира, по имени, данному ему фараоном.

3. В романе содержится утверждение, что пьяного Ноя оскопили (вероятно, Хам), но этого нет в Библии, зато такая версия имеется в Талмуде.

4. В романе предлагается версия, будто бы Измаил хотел оскопить Авраама и склонить Исаака к гомосвязи с собой (Манн называет это преисподней любовью). В отношениях Измаил — Исаак просматривается параллель Каин — Авель. И одновременно с древнегреческой мифологией (Согласно Гесиоду, Кронос оскопил Урана). Плохие — красные и волосатые. Исаев — еще одна параллель Измаилу. В поздних еврейских комментариях к Торе говорится о покушении Измаила на жизнь Ицхака. Исаев-охотник олицетворяет Солнце, Иаков-пастух — Луну. Исаев родился в рыжей шерсти и с полными зубов челюстями, он кусал груди Ревекки.

5. Песнь Серах, дочери Ашера, которая должна приготовить Иакова к известию, что Иосиф жив. Чудная песнь, кульминация романа. Ее нет в Торе, но она упоминается в еврейском предании о Рабби Йоханане бен Закае, основателе академии для изучения Торы в Явне. И то, что Серах не вкусила смерти, взято Манном из мидрашей.

Чтобы понять концепцию романа «Иосиф и его братья», нужно прежде всего разобраться в философских основаниях творчества его автора. Рискнем заявить, что Томас Манн в литературе — то же, что Вагнер в музыке, но только с обратным знаком. Как и Вагнер, он был захвачен кругом идей Шопенгауэра и Ницше. Колебания между волей к жизни и волей к смерти пронизывают всё творчество и писателя, и композитора. Но в операх Вагнера побеждает смерть. Мир осужден. И самые светлые герои обречены на погибель. Ничего нельзя поделать с фатальным ходом событий. Но человек, просветленный высоким искусством, может победить бытие и величаво уйти в ничто. Гностическое осуждение жизни, величие и культ смерти — вот лейтмотивы творчества Рихарда Вагнера. И вот еще что — полное отсутствие иронии и самоиронии.

Томас Манн настойчиво ищет выход из этого клубка противоречий. Авраам у него спорит с Богом. Речь идет о «диалектическом» противоречии: праведность vs мир. Возможно или то, или другое.

«Послушай, Господи, — заявил тогда Авраам, — либо так, либо этак, одно из двух! Если ты хочешь, чтобы у тебя был мир, не требуй праведности: если же тебе нужна праведность, то миру конец. Ты гонишься за двумя зайцами, ты хочешь и мира, и праведности в мире. И если ты не смягчишься, мир не сможет существовать» (14).

Поиску и утверждению гармонического равновесия между жизнью и смертью, праведностью и существованием на Земле, природой и культурой посвящен роман «Иосиф и его братья». Не знаю, сильнее ли он «Фауста» Гёте, но жизнь в нем точно побеждает смерть. (Вождь, ненаучно выражаясь, кумекал малость в литературе).

Роман «Иосиф и его братья», пересказывающий Книгу Берейшит, начинается с утверждения о «космическом триумвирате сил»: прачеловеческом начале (душе), духе и материи, между которыми и разыгрывается спектакль бытия с участием Бога. Душа обладала жизнью, но не обладала знанием. Прачеловек — это падшая сущность, сбившаяся с пути душа, утратившая свой истинный рай на небесах из-за греховного желания познания, стремления воплотиться в земных формах ради плотского наслаждения. Бог, уступая этому стремлению души, создал материальный мир, и человек покинул рай, но сам совладать с материей не может, и тогда Бог послал дух в помощь человеку, чтобы тот разбудил дремлющую в человеке душу и разъяснил непутевой, что нечего ей делать в этом дольнем мире греха. И как только душа это поймет, мир форм исчезнет, и душа вновь обретет свою горюю родину. Всё это подозрительно напоминает какие-то отголоски гностического мифа, которым Т. Манн был, как сказано выше, одержим, унаследовав от Шопенгауэра и Ницше дуалистическое противопоставление духа и жизни. Миф, враждебный иудаизму и христианству, не изжитый Манном до конца, несмотря на все усилия. В поисках компромисса Манн высказывает идею, что дух по ходу дела изменяет своему предназначению и отказывается быть причиной смерти материи. Но и сам Бог в общем-то не в претензии к человеку и даже симпатизирует ему. Иначе как объяснить Его симпатию к племени (видимо, евреям), «рожденному в результате союза души и материи»? А вот ангелы другое дело, они ревнуют Бога к человеку, завидуют человеку, чем и объясняется бунт самых непокорных из них против Бога. Ангелы не могут понять, зачем Бог создал мир добра и зла, не могут успокоиться. И всё же тихая надежда Бога — на грядущее слияние духа и души как условие благословения и преодоления смерти. Дух действует через отдельных людей, рождая в их душе тревогу, беспокойство, не позволяя погрязнуть в довольстве, влечет в грядущее. Таким агентом духа был Иосиф, как и его великие соплеменники.

Авраам, по Томасу Манну, выносил Бога мыслью (идея, заимствованная писателем из мидраша о маленьком Аврааме — Maase Авраам, Бет аМидраш):

«Началось с того, что Авраам подумал, что служить и поклоняться нужно одной земле, ибо она приносит плоды и поддерживает жизнь. Но тут он заметил, что она нуждается в дожде с неба. Тогда он взглянул на небо, увидел солнце во всем его великолепии, во всей мощи его благодати и проклятия, и решил было уже служить ему. Тут, однако, оно закатилось, и он убедился, что, значит, оно не может быть высшим в мире. Тогда он обратил взор свой к луне и звездам...»

Но потом он «заключил: «Нет, и эти боги тоже недостойны меня... Мне, человеку, не пристало служить им, а не тому, кто ими повелевает» <...> Так, из стремленья к высшему, Авраам открыл Бога и, уча других, сформировал его и придумал...» (15)

Более того, именно Иосиф, по Томасу Манну, подводит фараона к идее поклонения Создателю.

Мир создан был отделением: света от тьмы, неба от земли, воды от суши, мужского от женского, добра от зла... Но в Боге всё нераздельно. Бог двупол, он не зол и не добр, Бог свят не добротой, а жизнетворностью. Он не лишен даже и каких-то комических черт, например, смешно выражается (правда, в передаче Иосифом своих видений): «Я в непостижимости Моей... с высоты Моего величия». Манн легко использует иронию, пародийность как способ оживить миф, сделать его правдоподобным. Но «о Боге не было никаких историй... Бог не возник, он не был рожден, не вышел из женского чрева» (16).

В языческих религиях мир рождается в результате браков богов или иных сверхъестественных существ либо преобразованием тела какого-нибудь из хтонических чудовищ; по Торе, впервые мир создан Словом, т. е. не природным, а духовным актом. Человек, владеющий словом, изначально подобен Богу, он принадлежит двум стихиям: природе и культуре. И это было поистине революционным открытием.

Романная версия: Бог создал человека по совету Семаила (Дьявола), чтобы посеять зло. Но, с другой стороны, человек — средство самопознания Бога. Бог сотворил себе зеркало, которое отнюдь не лъстило Ему. Когда Бог обратил гнев свой на Каина, убившего брата своего Авеля, тот (в романе) обратил свой вопрос Господу: «А кто меня сотворил таким, как я есть?» (17) И Бог запретил людям мстить Каину: «Ты будешь изгнаником и скитальцем, но я отмечу тебя знаком, чтобы все знали, что ты принадлежишь мне, и чтобы никто тебя не убил...» (17) По Манну, получается, что Каин просто «припер» Б-га «к стенке» своей логикой. В каббалистике Каин считается сыном Лукавого и Евы. В Торе Каин сын Адама и Евы, он не занимается софистикой с Б-гом, а просто боится, что его убьют, и Б-г ставит ему печать, чтобы не тронул его всякий встречный. В этом месте впервые прозвучала мысль Бога, позже более четко сформулированная во Второзаконии и повторенная затем апостолом Павлом в Послании к римлянам: «Мне отмщение и аз воздам», то есть нравственный запрет людям заниматься местью.

«Почему Бог создал человека последним?» Таков был вопрос, который Елиезер, воспитатель Иосифа, задает в романе своему ученику.

И тогда Иосиф отвечал:

«Бог создал человека самым последним, во-первых, затем, чтобы никто не мог сказать, будто он участвовал в сотворении мира; во-вторых, ради унижения человека, чтобы он твердил себе: «Навозная муха, и та создана раньше меня», а в-третьих, чтобы он мог сразу же приступить к трапезе, как гость, для которого всё приготовлено» (18).

Мысль скорее мусульманская, чем еврейская или христианская. В Коране нет идеи сотворения человека по образу и подобию Бога. Во всяком случае большинство мусульманских богословов отвергают эту идею. Отрицание образа Божьего в людях ведет к неуважению к человеку и презрению к его жизни и достоинству. В Торе же ясно сказано:

«И сказал Бог: „Сделаем человека в образе Нашем, по подобию Нашему, и пусть властвуют люди над рыбой морской, и над птицей небесной, и над скотом, и над всею землею, и над всеми пресмыкающимися, что кишат на земле”» (19).

Семаил же, пишет Томас Манн, предложил Всевышнему воплотить себя в каком-либо удобообразуемом избранном народе. Враг человеческий знал, что «соединение мирового Бога и племени, не доведет до добра. Евреи, таким образом, плод подстрекательства Дьявола. Но в результате общее свойство человеков быть орудием самопознания Бога получило у этого племени особую остроту. Беспокойное стремление установить природу Бога было врожденной его чертой.

Идея Преисподней была унизить Бога, ибо предполагала снижение трансцендентного божества до уровня племенного божка. Чтобы вернуть себе подобающее положение, Богу понадобится духовная помощь Его народа. Но откуда взялся этот народ? Вот рассуждение Манна о генеалогии евреев и их Бога:

«Богоборцами всегда называло себя одно разбойничье-воинственное и отличавшееся весьма первобытными нравами племя пустыни... Их богом в родной пустыне был злобный воитель и громовержец по имени Иагу, крайне несговорчивый дух, с чертами скорее демоническими, чем божественными, хитрый, деспотичный, лукавый, перед которым смуглый его народ, кстати сказать, гордившийся им, трепетал, хотя и пытался колдовством и кровавыми обрядами как-то обуздить и обратить на пользу себе бешеный нрав этого демона. Иагу мог без какого-либо видимого повода напасть среди ночи на человека, к которому у него были все основания относиться доброжелательно, — чтобы его удушить; существовал, однако, способ заставить Иагу отказаться от его страшного намерения: жена того, на кого он напал, должна была, не мешкая, обрезать своего сына каменным ножом и, прикоснувшись крайней плотью к срамным частям демона, прошептать ему некую мистическую формулу... Вот каков был Иагу» (20).

Возможно, для поддержания версии о «некоем богоборческом неуживчивом племени», плохо ладившим со своим демоном, важнейший эпизод борьбы Иакова с Богом (ангелом) редуцирован до таких фраз:

«Вот уже двенадцать лет после одного дорожного приключения, которое он претерпел при довольно плачевых обстоятельствах, в пору великого испуга и страха, Иаков хромал на одно бедро, некто вывихнул его в схватке» (21).

У евреев в отношениях с их Богом присутствует какой-то невротический эротический момент. Еврейский Бог страшно ревнует: Иаков любил Рахель больше, чем Бога, за это она долго была бесплодна и рано умерла. (Тема ревности Бога согласуется с Библией, но Манн развивает ее в духе Розанова и Фрейда.) Обрезание необходимо для соития с Богом, оно есть как бы оскопление, полуженственность. Идея женственности евреев — одна из антисемитских идей, идущая от Отто Вайнингера, а затем повторенная Розенбергом, отождествлявшим женское начало с безнравственностью. Фашизм же есть идеология агрессивной маскулинности.

Жертвоприношение Исаака

Отмена человеческих жертвоприношений, согласно Торе, произошла по воле Бога. Авраам же слепо следовал ей. Его вера в Бога была сильнее его чадолюбия.

В романе же эта история мысленно проигрывается не один раз. Авраам послушался Господа. И это оказалось испытанием, которое Авраам выдержал. То есть Бог ждал, чтобы Авраам послушался. «Я приказал это сделать не для того, чтобы ты это сделал, а затем, чтобы ты узнал, что не должен этого делать». (22) Таково объяснение Иосифа, изящная версия, но она точно не из Библии.

В своем докладе о романе Томас Манн также утверждал, что Авраам отказался закласть сына. И этот отказ становится как бы отправной точкой на долгом пути этической эволюции, следующим шагом которой станет прощение Иосифом своих братьев. Ясно, что такая интерпретация не может устраивать верующих ортодоксов всех исповеданий. В манновском романе нет чуда, всё естественно, а в Библии всё — чудо и вера. Манн адаптирует Библию к психологическому роману XIX в., апеллируя к пресловутой «естественности». Но так ли уж естественна человечность? Родственник Авраама Лаван принес своего первенца в жертву и закопал в горшке живьем в подстене своего дома. Тора знаменует разрыв с такой естественностью. Жертвоприношения и вообще жестокость изживаются человечеством чрезвычайно тяжело и долго. Не является ли тогда гуманность завоеванием культуры, а не природы?

Еврейские мерзости

Мысль романа: еврейские мерзости ничем не отличаются от мерзостей других народов, но евреи всё равно святы, как свята сама жизнь, потому что Бог их свят. Как в Боге неотделимо добро от зла, так и в его народе добро и зло — 2 стороны одной медали. Но, даже согрешив, Израиль всё равно остается Израилем. Важен его путь от варварства к гуманизму.

Библия — неполиткорректная книга. В ней полно примеров еврейского плутовства, коварства, предательств, торгашества, жадности, трусости и преступлений. Казалось бы, зачем евреям в своем Священном писании громоздить на себя такие грехи. Ответ простой: чтобы очиститься от них. Вообще-то Библия — роман об интимных отношениях еврейского народа со своим Богом. Авраам с Богом на «ты» (здесь Томас Манн вторит Мартину Буберу). Это как бы дневник, не рассчитанный на чужой и не всегда доброжелательный взгляд.

Томас Манн в своем романе еще больше педалирует и смакует эти неприятные для евреев моменты. Вот некоторые примеры:

1. Авраам выступает несколько раз сутенером своей жены Сарры (в Египте с фараоном и в Кенаане с гегарским царем Авимелехом) и имеет профит на этом. Вообще-то в Торе нет ничего о хитрости Авраама, он просто трусит и надеется на Бога, а у писателя здесь плутня. Пастушескую хитрость Авраама, несколько раз выдававшего Сарру за свою сестру (она действительно была его сестрой, но и женой тоже; Авраам скрывает часть правды), Манн находит очень остроумной. (Исаак повторил этот фокус с Ревеккой, но автор полагает, что это могло не происходить в реальности, а быть как бы чисто ментальным присвоением родового опыта в рамках мифологического сознания, отождествлением Исааком своей личности с личностью отца, что вполне между прочим, согласуется и с представлениями Фрейда о подсознании). Писатель питал слабость к плутам (Феликс Круль). Ну а вообще еврейская хитромудрость — расхожий штамп. Просто Манн его признает и легитимизирует.

2. Еще более дурная история продажи первородства Исаю Иакову за чечевичную похлебку. Но Т. Манн полагает, что сюжет этот разыгран героями по архетипической канве: выбор между первородством духовным и физическим. Действующие лица просто исполняют свои роли. И Исаак, намекает автор, позволил себя обмануть, когда пришла пора благословлять первенца, нарочно испортив себе зрение, чтобы не видеть обмана Ревекки и Иакова с козлиной шкурой (этого в Торе нет). Опять уловки, чтобы обойти обычай? Или, извините, свобода как осознанная необходимость? А вместе с тем какая трогательная еврейская податливость судьбе и друг другу!

Остается вопрос: если Иаков и Исаю разыграли сцену передачи первородства по обоюдному сговору в силу каких-то там мифологических прецедентов, то почему тогда Иаков так боялся встречи с Исаю. Или это тоже была инсценировка?.. Просто какой-то еврейский заговор...

3. Отношения Лавана, Иакова, Рахели — история сплошного взаимообдурирования и обворовывания. (Та еще была семейка!) Но всё справедливо: «Ты обманул, и тебя обманут».

4. Продажа Иосифа в рабство как замещенное братоубийство.

5. Иосиф — доносчик на своих братьев. Рувим — воплощение Исаю, такой же большой и волосатый и тоже утратил первородство. В то же время Рувим равен Хаму, ибо переспал на постели своего отца с наложницей своего отца (Валлой), это трактуется как магическое действие для занятия господствующего положения в семье. Рувим был проклят отцом и утратил первородство. Этот эпизод есть в Бытии, но то, что отцу «настучал» на брата Иосиф, можно только предполагать, исходя из его репутации. А у Манна в романе это дано определенно, ибо передано как мысли самого Рувима. Интересно, что Рувим тем не менее не питал злых чувств к Иосифу.

6. Фамарь обманывает Иуду и рожает от свекра. А ведь она одна из важнейших женщин в Библии — праматерь Давида и, следовательно, Мессии. Не кажется ли странным, что все важнейшие фигуры и предки Мессии жулики?

7. Манн с каким-то сладострастием показывает унижения Иакова перед Исаю и особенно перед его сыном Элифазом. Потеря чести ради спасения жизни — еврейское, совсем не арийское, поведение. Но у Манна сам Бог жертвует своим величием духовной вседействительности ради полнокровно-плотской жизни. Вообще Манн всё оправдывает, что служит жизни, даже унижение и трусость.

8. История с Диной. Во-первых, старшие сыновья Иакова Дан, Рувим, Симеон и Левий, согласно Манну (но не Торе), с самого начала задумали ограбить Шехем, только Иаков этому воспротивился. По Торе, Сихем сначала похитил и изнасиловал Дину, а потом посватался, и всё остальное уже было местью за это преступление, пусть чрезмерной, но продиктованной возмущением и гордостью, и сделали это Шимон и Лейви. По Манну же, братья просто «развели» Сихема. Он сначала пришел свататься, ему поставили условие — обрезаться, что он и исполнил и, между прочим, тяжело перенес эту операцию. А потом ему сказали, что нет, не пойдет, дескать, и обрезался ты неправильно, не каменным ножом, и вообще нельзя обрезаться ради женитьбы, а надо ради Бога. А, кроме того, у Сихема уже есть жена, что ж наша сестра наложницей должна быть? Будто они раньше не знали. И о каменном ноже его заранее не предупредили. Тут Сихема охватила справедливая обида и ярость, и он сделал то, что сделал. Похитил, но не насиловал Дину — та покорно сама согласилась. Когда условием примирения было назначено общее обрезание, братья, воспользовавшись болезненным состоянием шехемцев, устроили резню. И мотив был на самом деле не месть, а грабеж, наведший ужас на самого Иакова. Коварство, гордыня, жестокость и алчность — вот качества этих еврейских братьев, по Манну. Ибо спровоцировали бойню, ограбили, и мало кого брали в плен, большинство убивали, да еще и члены несчастным шехемцам отрезали якобы в ознаменование какого-то мифа. А дитя Дины от злосчастной связи после кому-то подкинули. Мерзкая история даже по понятиям того времени. Она достаточно отталкивающая и в Торе, но Манн сгустил мрак еще круче.

Главная мысль романа сосредоточена в сложной и противоречивой фигуре Иосифа Прекрасного. (Имя Иосиф (Иегосиф) переводится как «преумножение, Бог да воздаст»).

Он был грамотей, полиглот и якобы с детства заигрывал с идолами. Он не мог признаться в этом отцу, но «высшие инстанции» охотно прощали ему эту слабость. Простим и мы Манну эти поэтические вольности.

Учителем Иосифа был домоправитель Иакова Элиезер, посвятивший своего ученика во многие премудрости. Утверждается, что через старого слугу Иосиф получил вавилонско-египетское образование. В частности, Элиезер познакомил Иосифа со звездами и искусством звездочетов. Манн прилагает усилия, чтобы подчеркнуть, что это был не тот Элиезер, старший раб Авраама, сосватавший Ревекку Исааку. Для мифологического сознания тождество имен может означать тождество персонажей, ибо там не действуют логические законы и индивидуальность не имеет четко очерченных границ.

Элиезер дал Иосифу и знатки знаний по астрологии, например, юноша узнал, что знаков зодиака вообще должно быть 13, ведь 12 месяцев по 30 дней недостает до года и надо прибавлять еще 5. И вообще что-то не складывается с мировой гармонией, т. к. солнечный год не делится ровно на лунный. Знаком Иосиф был и с геометрией, ему было известно иррациональное число π . Манн делает Иосифа чуть ли не пифагорейцем и каббалистом, а значит и гностиком.

В Иосифе есть даже что-то от Эйнштейна, т.к. он знал о связи времени и пространства... Ну вообще всё знал человек.

С юности упражнялся Иосиф и в красноречии, особенно в теологических спорах.

В 17 лет Иосиф был красивейшим из детей человеческих. Юный Иосиф поклоняется Мардуку, открывает наготу свою Луне (экстгибиционист, прелюбодей со звездами). «Ночь дышала миром, тайной и будущим». Ночная беседа Иосифа с Иаковом о предках, Боге и обо всём. Чудная сцена. И особенно это трогательное еврейское: «папочка»...

Иосиф — обворожительный болтун, демагог, остроумец, умеющий сглаживать противоречия. Его словесные фиоритуры неотразимы. В нем есть что-то фаустовское, потому что он универсален в познании. Ненависть братьев к Иосифу, по Манну, была влюбленностью с отрицательным знаком (здесь явное влияние фрейдизма на автора романа).

Несмотря на весь свой ум, юный Иосиф достаточно наивен в своем убеждении, что все ему рады. Свойство юности — думать, что все тебя любят больше, чем себя. Ну и познаешь жизнь на самом деле.

Иосиф — визионер вроде Данте. Он видит веющие сны и рассказывает их. А сны такие, что за них запросто можно и убить.

К тому же Иосиф всё время наушничает отцу на своих братьев, даже клевещет на них, например, что они вырезали мясо из живой овцы и ели. Такое не прощается. Понятно, что братья, кроме маленького Вениамина, не любят его, тем более что они от разных матерей.

Всё, что произошло потом, было предначертано волей Всевышнего. Точка зрения, разделяемая и самим Иосифом в Книге Берейшит. Потому никогда не помышлял он о мести своим братьям, даже когда всё складывалось для него не самым лучшим образом.

Приятная внешность, образованность, гибкость ума, хорошо подвешенный язык, а главное, приверженность Богу и племенным преданиям помогли Иосифу сделать карьеру в доме египетского царедворца Петепра (Потифара). Потифар — евнух (этого в Библии нет), родители (старички-близнецы, уроды и карьеристы) скопили его ради «возвышенного служения», и это поражает Иосифа, потому что противно живой жизни. Кастрация Петепра как имитация варварского жертвоприношения не имела отношения к реальным обычаям Древнего Египта, зато воплощает шопенгауэрскую мысль подавления воли к жизни во имя спекулятивных (умозрительных) идей. Иосиф рассуждает: двуполость божественна, а бесполость ужасна.

Конечно, у Иосифа было много завистников в доме Потифара. Но всё было бы хорошо, если бы жена Петепра Мут-эм-энет не влюбилась в прекрасного раба, а он не отказал ей в своей любви. (Потифар, хоть и был евнухом, но был женат и имел гарем — положение обязывает.) Манн не осуждает несчастную женщину: ею руководит всего лишь воля к жизни. Она 3 года любила Иосифа, он в самом деле кокетничал с ней, соблазняя по неосторожности. А она теряла голову всё больше и больше (Томас Манн очень чувственно это описывает). Иосиф беспечен, потому что верит, что находится в деснице Господа, и что бы ни случилось — всё ведет к реализации его судьбы, и потому выступает невольным соблазнителем. Здесь как бы повторяется история с братьями Иосифа, которых он тоже спровоцировал на преступление своей неосмотрительностью. Разумеется, никаких подобных психологических экзерсисов нет в исходном библейском тексте.

Жизнь учит Иосифа, он становится мудрым и тонким дипломатом, ловко обращающимся с людьми. Так, он сумел весьма деликатно подвигнуть фараона, чтобы тот сам истолковал свои сны (этого нет в Торе) — и тогда не должен умереть прорицатель. Манн объясняет, что прорицание только тогда считалось истинным, если оракул сразу испустит дух после своего прорицания: общение с богами должно было обходиться дорого. Кроме того, Иосиф убеждает фараона, что должно быть в предстоящие годы введено особое кризисное управление, и это должно быть подчеркнуто поставлением необычного начальника. Таким начальником над Египтом поставил фараон Иосифа. И собирал Озарсиф хлеб в хлебохранилищах фараоновых, а когда наступили тяжелые времена, стал продавать его людям. И отдавали люди всё, что имели, в том числе землю, в обмен на хлеб. И купил Иосиф всю землю Египетскую для фараона. Всё монополизировал, кроме земель жрецов. Был ли Иосиф эксплуататором? Манн оправдывает его. В сущности, он огосударствил по-большевистски экономику древнего Египта. Манн призывает судить его по меркам того времени, проявить историзм, считает, что реформы Иосифа были прогрессивными. Интересно, что в каноническом тексте Торы (23), в отличие от Септуагинты, легшей в основание католической и православной Библии, нет такой фразы, что Иосиф весь народ сделал рабами от одного конца Египта до другого, а читается, что расселил он народ по городам от одного конца Египта до другого, дал семена, работу и велел пятую часть урожая отдавать фараону. Манн говорит, что Иосиф притеснял не простой народ, а крупных землевладельцев, кроме жрецов, а народ был доволен и любил Иосифа. (Чем-то судьба библейского Иосифа напоминает жизненный путь другого Иосифа — Еврея Зюсса, которому Лион Фейхтвангер посвятил пьесу и роман, по которому нацисты сняли в 1940 г. антисемитский фильм. Еврей Иозеф Зюсс в период своего всемогущества тоже создал ряд государственных монополий, что вряд ли нравилось тогдашним магнатам. После смерти своего покровителя он был казнен. Теперь в Штутгарте одна из площадей названа в его честь.)

Главный герой романа Томаса Манна Иосиф — потомственный плут, сын и потомок воров и обманщиков. По большому счету он приспособленец, потому и нравится людям.

Иосиф — «тум» (на иврите “ритуальная нечистота”), двусмысленная фигура, трикстер (трикстер — пройдоха, озорник, посредник, пародия, пария, но так получается, что именно он занимается логистикой жизни). Трикстерами были Гермес, Дионис, Тиль Уленшпигель, Гершеле Острополер, Рейнеке-Лис, Ходжа Насреддин, Остап Бендер, Панург, Швейк, Феликс Круль, Коровьев, Одиссей, Пульчинелла и многие другие. Если

вдуматься, именно трикстер, медианная фигура, примиряет противоречия между добром и злом, идеей, этикой и материальной жизнью, Египтом и Израилем. Нацисты осуждали торгашескую идеологию и насаждали культ смерти. Манн находит разрешение своих противоречий в фигуре трикстера. И утверждает жизнь.

Иосиф успешен именно как хозяйственник, а не как воин. Средство восхождения евреев, судя по этой истории, — хозяйственный успех, что роднит их этику и религиозность с протестантизмом в духе Макса Вебера. Манн разделяет эту позицию. Для него всегда идеалом была личность Гёте, сочетавшая в себе духовность и практичность. Манн, как и Гёте, был протестант. Успех — знак богоизбранности.

Но величие Бога не в торгашестве. И Иосиф не путает богатство и величие. Его величие — в сердечности.

Зачем Иосиф устраивал испытания братьям? Так он узнал, что сожалеют они о содеянном. Братья уже внутри себя раскаялись, но еще не признались публично, и вот они решили не покидать Вениамина в беде и вместе с ним вернулись в египетскую столицу.

Теперь они открыто признают свою давнюю вину в предательстве брата и не хотят больше быть причиной горя своего отца. Видя, что единокровные братья оказались достойными людьми, Иосиф уже не мог больше скрывать свои чувства. Он удалил из комнаты всех египтян и открыл братьям, кто он есть. Следует трогательная сцена признания Иосифа и примирения братьев. Всё внешнее его величие сразу улетучилось, и он разразился громким плачем.

Финал. Великий роман

В юности Иосиф был красив внешне, в годы зрелости прекрасен еще и своей человечностью. В нем диалектически сочетаются ум и глупость, порок и непорочность. Он был бестактен со своими снами и доносами, но это было начало пути, завершившегося актом великого прощения.

Великий гуманистический роман-миф Томаса Манна «Иосиф и его братья» направлен против нацистской ненависти и расчеловечивания людей, утверждая гуманистический идеал Гёте, недостаточно усвоенный немцами в свое время. Нет никакого фатализма в истории, но есть движение от варварства к культуре. И если Богу нужно преподать людям какой-то урок, Он выбирает для своего представления подходящих действующих лиц.

И вот последняя сцена романа. Братья боятся, что после смерти Иакова Иосиф будет мстить им. Иосиф в Торе: «Разве я вместо Бога? Вы замышляли против меня зло, но Бог задумал добро, чтобы сделать то, что ныне есть: сохранить жизнь многочисленному народу» (24).

У Манна: «Разве я как бог? <...> Если вы ходатайствуете передо мной о прощенье, то, по-видимому, вы не поняли толком всей истории, в которой мы находимся. <...> Можно преспокойно находиться в истории, не понимая ее <...> смешон человек, который только потому, что у него есть сила, пускает ее в ход против права и разума. И если сегодня он еще не смешон, то в будущем он непременно станет смешон, а мы смотрим в будущее...

Так говорил он с ними, и они смеялись и плакали вместе, и все тянулись руками к нему, стоявшему среди них, и дотрагивались до него, и он тоже их гладил. И на этом кончается прекрасная, придуманная Богом история об ИОСИФЕ И ЕГО БРАТЬЯХ» (25).

Примечания

1. Довлатов С. «Записные книжки. Соло на ундервуде (Ленинград. 1967–1978)». Спб.: Азбука, 2001, стр. 35.
2. Томас Манн. Доклад «Иосиф и его братья», 1942 г., пер. с нем. Ю. Афонькина. В сборнике: МАНН Т. «О немцах и евреях. Статьи, речи, письма, дневники». Составители Л. Дымерская-Цигельман, Е. Фрадкина. Изд. «Библиотека-Алия». Иерусалим, 1990, стр. 391.
3. Милан Кундера «Нарушенные завещания: Профанация». <https://www.litmir.me/br/?b=62829&p=2>
4. Сергей Аверинцев «Манн Томас». Собрание сочинений / Под ред. Н.П. Аверинцевой и К.Б. Сигова. София-Логос. Словарь. — К.: Дух и Литера, 2006, стр. 291.
5. Сергей Аверинцев. Там же, стр. 287.
6. Сергей Аверинцев. Там же, стр. 290.
7. Т. Манн «Гете и Толстой». Собр. Соч., т. 9, 1969, стр. 602.

8. Томас Манн «К проблеме антисемитизма». Речь, произнесенная в 1937 году в Цюрихе в клубе «Кадима». Сб. «О немцах и евреях», стр. 192.
9. Томас Манн «Иосиф и его братья. Иосиф в Египте. У господина». Пер. с нем. С. Апта, Избранное, т. 2, М.: ТЕПРА, 1997, стр. 11.
10. Томас Манн «Иосиф и его братья. Пролог. Сопшествие в ад». Пер. с нем. С. Апта, Избранное, т. 1, М.: ТЕПРА, 1997, стр. 42.
11. Тора. Брейшит: Иерусалим, изд-во «Шамир», 5750 (1990), 47: 28.
12. Томас Манн «Иосиф и его братья. Иосиф-кормилец. Возвращенный. Иаков стоит перед фараоном». Пер. с нем. С. Апта, Избранное, т. 3, М.: ТЕПРА, 1997, стр. 323–324.
13. Томас Манн «Иосиф и его братья. Юный Иосиф. Раsterзанный. Искушения Иакова». Пер. с нем. С. Апта, Избранное, т. 1, М.: ТЕПРА, 1997, стр. 452.
14. Томас Манн «Иосиф и его братья. Юный Иосиф. Авраам. Как Авраам открыл бога». Пер. с нем. С. Апта, Избранное, т. 1, М.: ТЕПРА, 1997, стр. 305.
15. Томас Манн «Иосиф и его братья. Юный Иосиф. Авраам. Как Авраам открыл бога». Пер. с нем. С. Апта, Избранное, т. 1, М.: ТЕПРА, 1997, стр. 303–304.
16. Томас Манн «Иосиф и его братья. Юный Иосиф. Авраам. Как Авраам открыл бога». Пер. с нем. С. Апта, Избранное, т. 1, М.: ТЕПРА, 1997, стр. 307.
17. Томас Манн «Иосиф и его братья. Иосиф-кормилец. Пролог в высших сферах». Пер. с нем. С. Апта, Избранное, т. 3, М.: ТЕПРА, 1997, стр. 10.
18. Томас Манн «Иосиф и его братья. Юный Иосиф. Тот. Учение». Пер. с нем. С. Апта, Избранное, т. 1, М.: ТЕПРА, 1997, стр. 286.
19. Тора. Брейшит: Иерусалим, изд-во «Шамир», 5750 (1990). 1: 26.
20. Томас Манн «Иосиф и его братья. Былое Иакова. Иаков и Иас. Кто был Иаков». Пер. с нем. С. Апта, Избранное, т. 1, М.: ТЕПРА, 1997, стр. 108.
21. Томас Манн «Иосиф и его братья. Былое Иакова. У колодца. Отец». Пер. с нем. С. Апта, Избранное, т. 1, М.: ТЕПРА, 1997, стр. 70.
22. Томас Манн «Иосиф и его братья. Былое Иакова. У колодца. Испытание». Пер. с нем. С. Апта, Избранное, т. 1, М.: ТЕПРА, 1997, стр. 93.
23. Тора. Брейшит: Иерусалим, изд-во «Шамир», 5750 (1990). 47: 21, 23, 24.
24. Тора. Брейшит: Иерусалим, изд-во «Шамир», 5750 (1990). 50: 19, 20.
25. Томас Манн «Иосиф и его братья. Иосиф-кормилец. Возвращенный. Великое шествие». Пер. с нем. С. Апта, Избранное, т. 3, М.: ТЕПРА, 1997, стр. 366–367.

Основные источники

- Манн Т. Избранное. В 3 т. «Иосиф и его братья». Пер. с нем. С. Апта, М.: ТЕПРА, 1997.
- Манн Т. «О немцах и евреях. Статьи, речи, письма, дневники». Сборник, составленный Л. Дымерской-Цигельман и Е. Фрадкиной. Изд. «Библиотека-Алия». Иерусалим, 1990.
- Тора. Брейшит: Иерусалим, изд-во «Шамир», 5750 (1990).
- Сказания, притчи, изречения Талмуда и мидрашей. Перевод С.Г. Фруга.
- <https://www.sites.google.com/site/evrejskaaliteratura/home/midras/skazania-pritci-izrecenia-talmuda-i-midrasej>
- Евгений Беркович «Томас Манн в свете нашего опыта» в журнале «Иностранная литература», № 9, 2011.
- Кугел Дж. «В доме Потифара». Пер. с англ. М. Вогмана, М. Текст: Книжники. 2010.
- Людмила Дымерская-Цигельман «Томас Манн о еврействе, евреях и еврейском государстве». Евгений Беркович «Послесловие редактора». Альманах «Еврейская старина», № 1 (92), 2017.
- Людмила Дымерская-Цигельман «Послесловие автора к послесловию редактора». Альманах «Еврейская старина», № 4 (95), 2017.
- Мелетинский Е.М. «От мифа к литературе». РГГУ. 2000.
- Моше и Элишева Яновские «Йосеф-кормилец: реформатор или антикризисный менеджер?».
- <https://news.jeps.ru/mneniya/rol-josefa-v-istorii-egipta-kommentarij-speczialistov.html>
- Селезнёв М.Г. «Еврейский текст Библии и Септуагинта: два оригинала, два перевода? // XVIII Ежегодная богословская конференция ПСТГУ: Материалы. М., 2008. Стр. 56–61.
- Сергей Аверинцев «Манн Томас». Собрание сочинений/ Под ред. Н.П. Аверинцевой и К.Б. Сигова. София-Логос. Словварь. К.: Дух и Литера, 2006. Стр. 287–291.
- Сучков Б. Роман-миф. В кн. Томас Манн «Иосиф и его братья. Пролог. Сопшествие в ад». Пер. с нем. С. Апта, Избранное, т. 1, М.: ТЕПРА, 1997, стр. 5–28.
- Элишева Яновски ««Филосемитский» роман Томаса Манна и его еврейские источники».
- <https://news.jeps.ru/mneniya/tomas-mann-evrejskie-istochniki-romana-iosif-i-ego-bratya.html>

Геннадий Горелик¹

Анти-филосемит Томас Манн в свете истории физики

Читал по вечерам о еврейском вопросе в одной рассудительной, вероятно, даже слишком рассудительной антисионистской книге рабби Бергера. Отрицает, что евреи представляют собой народ. Термин “раса” полностью скомпрометирован. Как же их называть? Ведь что-то другое есть же в них, кроме средиземноморности? Является ли это впечатление антисемитским? Гейне, Керр, Харден, Краус, вплоть до фашистского типа Гольдберга — это все один род. Могли бы Гельдерлин или Эйхендорф быть евреями? И Лессинг не мог бы, несмотря на Мендельсона.

Томас Манн. *Дневник*, 27.10.1945 [2]

Если это по-христиански — воспринимать свою жизнь, как обязанность, как долг, как вину, как предмет религиозного дискомфорта, как нечто, настойчиво требующее искупления, спасения и оправдания, то теологи, считающие меня примером не-христианского автора, не вполне правы. Ибо лишь редко продукт жизни [...] от ее начала до приближающегося конца так полно выражает именно эту тревожную потребность в искуплении, очищении и оправдании как моя личная попытка заниматься искусством.

Томас Манн. Лекция в Чикагском университете, май 1950 г. [3]

Дискуссию Евгения Берковича с Людмилой Дымерской о Томасе Манне и «еврейском вопросе» я читал, затаив дыхание. Основательные доводы доказывали неопровергимо, что знаменитый писатель всю свою жизнь в глубине души был антисемитом и, столь же неопровергимо, что антисемитом он никак не мог быть (по крайней мере с тех пор, как влюбился в дочь Альфреда Прингхайма).

Об этом парадоксе я не знал и вряд ли решился бы размышлять о нем, если бы Евгений Беркович не предложил историко-научную метафору, чтобы с парадоксом примириться:

«Двадцатый век показал, что мы живем в очень сложном мире. Многие явления невозможно упростить, приходится принимать их такими, как они есть, со всеми их противоречиями и запутанностями. Как, например, уложить в голове тот факт, что электрон — это одновременно и волна, и частица с точно измеренной массой? Нам очень хочется, чтобы имело место только одно — волновое или корпускулярное — описание элементарной частицы. Но это невозможно, и приходится принимать трудно вообразимую волновую и корпускулярную картину мира».

Эта метафора напомнила мне одну из моих любимых тем — о взаимодействии «физики и лирики» в жизни культуры — и подсказала путь если не к решению парадокса, то к его углублению. Уже одно это дает повод поблагодарить Евгения, за творчеством которого — в писательстве + издательстве = просветительстве — наблюдаю с восхищенным изумлением. Другой повод — славный юбилей просветителя. С удовольствием пользуюсь обоими поводами, чтобы пожелать юбиляру и всем его читателям многих лет и зим плодотворной исследовательской жизни.

В качестве виртуального подарка поделюсь провокационными и, возможно, легковесными мыслями в надежде, что Евгений, глубоко знающий мир Томаса Манна, даст отповедь легковесным, а на провокационные ответит серьезным исследованием скрытых измерений этого мира.

Совсем не очевидное, но вполне вероятное в современной физике

Начну с процитированной метафоры, подчеркнутые слова в которой я бы подредактировал — убрал бы слово «одновременно»,² а выражение «трудно вообразимую» заменил бы на «невообразимую». Чтобы не заскучивать, перескажу историю, которую услышал от Даниила Семеновича Данина (1914–2000),

¹ Историк науки, к.ф.-м.н.

² Цит. по Е. Беркович. Границы понимания и безграничность непонимания. Полемика Томаса Манна с Якобом Вассерманом по еврейскому вопросу // «Еврейская Старина», №3(98) 2018

³ Цит. по Eckart Goebel. Beyond Discontent: 'Sublimation' from Goethe to Lacan. Continuum, 2012, p. 160.

замечательного писателя и очаровательного человека, ставшего знатоком/критиком поэзии еще когда учился на физфаке МГУ, автора биографий Резерфорда и Бора (в серии ЖЗЛ) и книги «Бремя стыда».

В конце 1950-х громко прозвучало: «Что-то физики в почете, что-то лирики в загоне», и Данин пригласил знаменитого Льва Ландау в редакцию «Литературной газеты» рассказать журналистам, чем физики заслужили свой почет. Содержание беседы Данин изложил в очерке «Это вам покажется странным...», придумав отличный, как ему казалось, способ объяснить так называемый дуализм «волна-частица», уподобив электрон кентавру. Принес текст на визирование, Ландау все одобрил, кроме кентавра, сказав: «Такую глупость я сказать не мог». Данин стал защищаться, говоря, что читательскому воображению нужно опираться хоть на какой-то — пусть иллюзорный — образ. А в ответ услышал, что волна-частица — это обман трудящихся, а электрон — не кентавр. «А что же это?!», — растерянно воскликнул Данин. Помня, что Данин прошел курс физфака, Ландау ответил лаконично: «Это — решение уравнения Шредингера. Про кентавров можете говорить от себя сколько угодно, но я такого сказать не мог».

Конечно, такого не мог сказать тот, кто в 1958 году написал:

«Открытие принципа неопределенности показало, что человек в процессе познания природы может оторваться от своего воображения, он может открыть и осознать даже то, что ему не под силу представить».

Я бы и эту фразу слегка подредактировал, добавив пару слов: «...от своего воображения, основанного на обыденном опыте...». Конечно, физикам «для открытий и осознаний» какое-то воображение необходимо, но его устройство могут обсуждать лишь профессионалы, и вовсе не факт, что они придут к какой-то согласованной формулировке. Представить кентавра несравненно проще, чем некое существо, которое в одних внешних обстоятельствах — человек, а в других — лошадь. Когда нефизик произносит слово «частица», у него в воображении возникает что-то вроде маленько-премаленько камушка. И вряд ли возникнет мысль, что если этот камушек по своим размерам и массе станет меньше некоторых величин, то его поведение радикально изменится. Потому что в обыденном опыте человек видит камушки лишь не очень маленькие. Только если человек начнет заниматься физикой, придумывать разные эксперименты и пытаться их осмысливать, его жизненный опыт расширится за пределы обыденного, и он может осознать кое-что совершенно не очевидное, но вполне вероятное о невообразимо малом.

Чтобы понять поведение и мотивацию другого человека, приходится строить догадки о скрытом мире *его* представлений о жизни, эмоционально укоренных в *его* сознании. При этом естественный и чаще всего не осознанный метод «мерить на свой аршин» тем хуже работает, чем незауряднее личность другого. Физика XX века дает важный урок и за пределами науки — надо критически продумывать сами слова для описания парадоксально странных явлений. Пример — соотношение физических понятий частицы классической и частицы квантовой.

Еврейский парадокс Томаса Манна

В дискуссии о «еврейском парадоксе» Томаса Манна, и в его собственных высказываниях, я вижу целый ряд слов и выражений, слишком неопределенных, нуждающихся в критическом осмыслении и уточнении, чтобы претендовать на адекватность. Все дальнейшее — мои личные оценочные суждения, выраженные — для ясности — с большей категоричностью, чем полагается в столь тонких гуманитарных материалах.

«Антисемитизм» — самое неадекватное слово для характеристики Томаса Манна. Это слово уже своим внешним видом и происхождением говорит о невежественной претензии на респектабельную научность и политическую цель, лицемерно прикрывающие многовековую псевдо-христианскую неприязнь к евреям. Все это совершенно не свойственно художнику Томасу Манну, равнодушному к науке, политике и христианству. Почти одновременно с неадекватным словом родилось адекватное — *юдофобия*. Сейчас эти два слова обычно употребляются как синонимы, но их словообразование различается радикально: вместо неизвестных «семитов» и тупого «анти-», корни *юдо-фобии* говорят о евреях-иудеях и о страхе, который они вызывают. То есть речь идет о человеческих чувствах и о культурном различии, а это и было главной стихией великого художника слова.

Приобщение к определенной культуре начинается в несамосознательном детстве и остается культурной опорой личности если не на всю жизнь, то до приобретения жизненного опыта вне семьи. Судя по тому, что

оба брата — Генрих и Томас Манны — в юности были юдофобами (а потом перестали), они свою юдофобию приобрели в кругу семьи. Именно в период их детства оба обсуждаемых слова вошли в язык, и это я бы объяснил результатом эмансипации, когда евреи вошли в общественную жизнь России и Германии, став гораздо более заметными для «коренного» населения. Свою «детскую» юдофобию Т. Манн окончательно преодолел, когда вошел в еврейскую семью Прингсхаймов и обнаружил там свою культуру: «*В отношении этих людей и мысли не возникает о еврействе; не ощущаешь ничего, кроме культуры*» [4].

О другом неадекватном слове вполне определенно сказал сам Т. Манн: «*Евреи слишком разные, чтобы я мог назвать себя филосемитом*» [5]. Значит, он был анти-филосемитом, т. е. любил *не всех* евреев. И я его вполне понимаю: любить всех евреев не легче, чем их всех ненавидеть. Об этом проницательно писал главный еврейский народный поэт в таких, например, гариках:

<p>Еврейского характера загадочность не гений совместила со злодейством, а жертвенно хрустальную порядочность с таким же неуемным прохиндейством.</p>	<p>За все на евреев найдется судья. За живость. За ум. За суетность. За то, что еврейка стреляла в вождя. За то, что она промахнулась.</p>
---	--

Учитывая политическую всеобщность слов *анти-* и *филосемитизм*, я бы предложил понимать слова *юдофобия* и *юдофилия* гуманитарно и конкретно — как человеческие чувства: отталкивающая настороженность или притягивающая расположность к тому, что характеризует многих евреев. И то, и другое — предрасудки, обретенные в процессе приобщения личности к культуре семьи или сознательного отталкивания от нее.

А вот Т. Манн, рассуждая в своих статьях о *гуманизме, человечности и общечеловеческом*, не считал нужным пояснить, какой смысл в эти слова вкладывает. Если же следить, как он их употребляет, то понимаешь, что его смыслы радикально отличаются от обычных «словарных» и приложимы лишь для аристократа духа, свободного художника, стремящегося стать сверхчеловеком:

«Свобода это и есть гуманность, понимаемая как эмансиpация от природы и от всех ее уз... Проблема аристократизма сливается здесь с проблемой человеческого величия! Что аристократичнее и достойнее человека: свобода или зависимость, воля или послушание, нравственное или наивное? Если мы отказываемся ответить на этот вопрос, то лишь вследствие убеждения, что на него вообще никогда не будет дано окончательного ответа».

Ответ мог бы дать только разум сверхчеловека, освободившегося от всех уз, но где он?

Т. Манн противопоставляет «гуманиста и закоренелого язычника» Гёте «проповеднику раннего христианства» Толстому. И сам Т. Манн — закоренелый язычник с широким кругозором. Для него библейский Бог — языческий бог, необычный лишь своим одиночеством и своей зависимостью от человека. А связка библейских историй — «библейская мифология» — лишь одна из многих мифологий, источник волнующих образов и сюжетов для свободного художественного воплощения. Всевышний незримый Творец, создавший целую Вселенную ради человека и создавший человека по особому замыслу как Его подобие с миссией осваивать сотворенный мир, — слишком абстрактная конструкция, чтобы воплотить ее во что-то художественно осозаемое. Ощущаемы могут быть лишь человеческие образы с человеческими чувствами, стремлениями, драматическими противоречиями. Языческие боги — утюрированные, но узнаваемые, обобщения таких образов.

Писатель говорит о «христианско-античном фундаменте западной цивилизации», но если из античного наследия вычесть философию и науку, которые Т. Манна явно не занимают, то останется язычество, и фундамент окажется... «христианско-языческим», а не библейским откровением, ворвавшимся в языческий мир, изменив направление мировой истории, точнее, дав ей направление.

⁴ Цит. по Е. Беркович. Томас Манн: между двух полюсов // «Заметки по еврейской истории», № 18 (90), 2007.

⁵ Цит. по Л. Дымерская-Цигельман. Томас Манн о еврействе, евреях и еврейском государстве // Еврейская Старина, № 1(92), 2017.

Для закоренелого язычника, освобождающегося от всех уз природы, нравственные заповеди абстрактного незримого бога, навязываемые каждому человеку, — тоже узы. А если этот незримый бог невообразим, то узы еще более обременительны. И не обязательны. Особенно если человек сам одарен волшебной способностью творить живые образы почти из ничего, из подручного жизненного сора.

Огромный контраст представляют два произведения Т. Манна по мотивам «бibleйской мифологии». В романе «Иосиф и его братья» незримый библейский бог где-то за сценой, за кулисами, в рассказах героев, а на сцене — очень даже зримые человеческие характеры, и автор старается быть верным лаконичному библейскому первоисточнику. А в новелле о Моисее («Закон») бог по имени «Иегова», хочешь не хочешь, входит в число главных действующих лиц, и автор как будто старается нарушить все библейские идеи, оставляя лишь некоторые внешние приметы. Возможно, сыграло свою роль, что эта новелла — единственное произведение, сочиненное Т. Манном по заказу, и даже считая заказ политически праведным, он мог воспринимать заданные рамки раздражающими узами. Но важнее, думаю, было то, что его художественное воображение просто не откликалось на библейский образ Бога, и писатель этот образ очеловечил, т. е. «оязычел».

Суммируя, я бы предположил, что Т. Манн комфортнее всего чувствовал бы себя в золотой век Античности, когда рядом с мирно расширявшимся пантеоном разноплеменных богов появился странно-одинокий Бог иудеев и его христианское понимание. Тогдашний религиозный плюрализм обеспечивал и религиозную свободу, включая атеизм, и свободу для гомоэротических чувств.

Невосприимчивость к библейскому мировосприятию и ницшеанское язычество могут объяснить безуспешность стараний Т. Манна понять, что же есть общего у известных ему евреев кроме «средиземноморской» внешности, см. первый эпиграф. То, что свой безответный вопрос он сопроводил другим: «Является ли это впечатление [об их общности] антисемитским?», на мой взгляд, освобождает от подозрений в юдофобии и говорит лишь о желании выразить свое интуитивное впечатление в каких-то осозаемых понятиях. Важна оговорка «у известных ему евреев», а таковые были отнюдь не среднестатистическими, а достаточно активными в культурно-общественной жизни, иначе Т. Манн просто не знал бы об их существовании.

Русские физики в помощь немецкому писателю

Подкреплю впечатление немецкого писателя мнением русского физика Андрея Сахарова. В своих «Воспоминаниях» он писал о друге детства, в котором его

«привлекала национальная еврейская интеллигентность, не знаю, как это назвать — может, духовность, которая часто проявляется даже в самых бедных семьях. Я не хочу этим сказать, что духовности меньше в других народах, иногда, может, даже и наоборот, и все же в еврейской духовности есть что-то особенное, пронзительное». А в еврейском друге студенческих лет привлекала «национальная, по-видимому, грустная древняя тактичность».

Такие «теоретические» характеристики лишь отчасти можно объяснить общим сочувствием Сахарова к потенциальным жертвам практического советского антисемитизма (такого рода сочувствие он испытывал к крымским татарам и российским немцам, когда соприкоснулся с их национально-советскими бедами). Он не писал о «еврейских» неприятностях упомянутых им друзей, а если бы что-то было, наверняка рассказал бы. Как рассказал, что от своего учителя И.Е. Тамма получил «безотказный способ определить, является ли человек русским интеллигентом, — истинный русский интеллигент никогда не антисемит; если же есть налет этой болезни, то это уже не интеллигент, а что-то другое, страшное и опасное».

Еще одно подкрепление можно найти у В.И. Вернадского, который на социальные процессы смотрел не менее зорко, чем на геологические, совмещая науку и общественную жизнь. Один из создателей Конституционно-демократической партии, он в 1906 году был избран в Академию наук и в Государственный совет (высший совещательный орган Российской империи). Входил во Временное правительство России.

Падение царизма открыло евреям дорогу в сферы жизни, для них прежде малодоступные, — большие города, высшее образование, система государственной власти. И в 1927 году социальный натуралист Вернадский пишет своему другу:

«Москва — местами Бердичев; сила еврейства ужасающая — а антисемитизм (и в коммунистических кругах) растет неудержимо».

(Бердичев, где евреи составляли большинство населения, был символом еврейского города). А в марте 1938-го записал в дневнике:

«*Идет разрушение невеждами и дельцами. Люди в издательстве “Академия” все эти годы — ниже среднего уровня. Богатое собрание типов Щедрина-Гоголя-Островского. — Откуда их берут? Новый тип этого рода — евреи, получившие власть и силу. При всем моем филосемитстве не могу не считаться».*

«Филосемитство» Вернадского проявилось в дневниковой записи следующего месяца, когда, отмечая «интересный и блестящий доклад [академика Л.И.] Мандельштама», он подытожил: «*Благородный еврейский тип древней европейской культуры».*

Хотя у евреев России библейская традиция сосуществовала с традицией черты оседлости, обе они имели малое отношение к Л.И. Мандельштаму. Знавшие его видели

«*глубину и тонкость мысли, широту научной и общей эрудиции... неотразимое обаяние, истинно по-европейски культурного человека...»* [6].

Так что, Мандельштам, по обстоятельствам его биографии, был человеком скорее европейской, чем еврейской культуры. Но я бы доверился жизненному опыту 75-летнего Вернадского, опознавшего некий вклад «*древней европейской культуры»*.

Стоит заметить, что это не было данью какого-то скрыто-религиозного почтения. Вернадский близко общался с религиозными людьми и священнослужителями, однако научный взгляд считал более глубоким. В том же 1938 году он записал в дневнике:

«*Читал Толстого. Как мне теперь (да и давно) кажутся конкретные идеи Христианской (да и всякой) религии и философии мелкими перед внутренним Я в научном его выявлении!*» [7].

И, наконец, подкреплю надежду еврейской почитательницы Т. Манна, высказанную в 1933 году, после прочтения первой части романа об Иосифе: «*Что, на мой взгляд, трогает нас, немецких евреев, в этой работе: это для нас возрождение возвышенного слияния немецкого духа с еврейским*» [8]. А вот фрагмент моей беседы с вдовой русского физика П.Л. Капицы:

«*О: Макс [Борн] был невероятно привержен Германии. Жизнь его вне Германии протекала очень благополучно, он был профессором, но в тот момент, когда можно было уехать в Германию, — по окончании войны, — он уехал. Для него это была родная страна, которой он был лишен. Это были те евреи, которым было очень тяжело, потому что для них культура Германии была их культурой.*

В: Как вы в то время воспринимали это чудо? Германия — высококультурная страна, как она поддалась? Как вы тогда это объясняли?

О: Мы как-то не объясняли. Когда Петр Леонидович потом бывал в ГДР, — я помню его разговоры с немцами-учеными, — он говорил: “У вас упала наука и вы не можете поднять ее, потому что евреи своей живостью ума и воображением в соединении с умением работать немцев дало всплеск науки в Германии”.

В: Он считал, что это принадлежит именно еврейскому характеру?

О: Да, он считал, что именно соединение немцев и евреев дало такой всплеск великолепной науки» [9].

Чем история физики может помочь великому писателю в «еврейском вопросе»?

Итак, нечто вроде «еврейского духа» существует не только в глазах тупых антисемитов, но также для интеллигентуально и морально мощных людей науки. В чем суть этого духа, казалось бы, лучше других мог понять Томас Манн, знаток человеческих душ и великий художник. Но так и не сумел.

⁶ Т.П. Кравец // Академик Л.И. Мандельштам. К 100-летию со дня рождения. М., Наука, 1979. С. 306.

⁷ Дневник В.И. Вернадского 1938 года (публикация И.И. Мочалова) // Дружба народов. 1991 № 2.

⁸ Цит. по Е. Беркович. Томас Манн: между двух полюсов // «Заметки по еврейской истории», № 18 (90), 2007.

⁹ Цит. по Геннадий Горелик. Анна Алексеевна Капица (беседа 16.02.90) // Заметки по еврейской истории, № 38, 2004.

Ницшеанский язычник, отряхивая культурный прах со своих ног, должен был искать ответы на все главные вопросы в своем собственном разуме и собственным волевым решением определять, что нравственно, а что нет. А какова же роль в этом поиске унаследованных им «традиций аполитичной немецко-бюргерской духовной культуры», столь дорогих ему в первую половину его творческой жизни? В 1939 году в статье «Культура и политика» он признал их заблуждением и с ужасом спросил, «на чьей стороне стоял бы, если благодаря своему консерватизму остался бы приверженцем германской культуры, которая со всей ее духовностью, со всей ее музыкой опустилась до подлейшего низкопоклонства перед насилием, до варварства, угрожающего основам западной цивилизации!».

В процессе «самопознания» он наконец понял, что путь к счастливому развитию человечества, к решению «проблемы человека, проблемы гуманизма» — это демократия. И за это осознание был благодарен... «своему доброму гению».

Согласно античной мифологии, у каждого человека есть два гения, которые направляют все его поступки: добрый гений направляет человека к добрым делам, злой — к злым. Таким образом, ответственность за пересмотр своего мировоззрения Т. Манн возложил на доброго опекуна (мог бы поблагодарить и злого гения, не мешавшего добруму). И проявил язычество своего мировосприятия.

Он и в 1939 году не объяснял, как понимает слова *гуманизм* и *демократия*. Из того, что он их употребляет совместно, можно догадаться, что теперь «проблему человека» относил к любому человеку, а не только к аристократу духа, кандидату в сверхчеловеки. Однако в языческих понятиях универсальный гуманизм не умещается. Аристотель, например, считая, что «*Варвар и раб по природе своей понятия тождественные*», утверждал:

«Так как по своим природным свойствам варвары более склонны к тому, чтобы переносить рабство, нежели эллины, и азиатские варвары превосходят в этом отношении варваров, живущих в Европе, то они и подчиняются деспотической власти, не обнаруживая при этом никаких признаков неудовольствия». [10]

Весьма похоже на взгляды германских язычников 1930-х годов, долю которых в населении можно оценить, зная, что лишь ~15 % пасторов выступили против изгнания из церкви христиан еврейского происхождения. А уж пасторы должны были знать, что для Бога «нет ни эллина, ни иудея» и что в Библии нет ни слова об арийской расе.

Манифестом европейского гуманизма называют речь «О достоинстве человека», которую не произнес Дж. Пико делла Мирандола. В этом тексте, опубликованном в 1496 году, Бог-отец, сотворив Вселенную и человека, обращается к венцу творения:

«Не даем мы тебе, о Адам, ни определенного места, ни собственного образа, ни особой обязанности, чтобы и место, и лицо и обязанность ты имел по собственному желанию, согласно твоей воле и твоему решению. Образ прочих творений определен в пределах установленных нами законов. Ты же, не стесненный никакими пределами, определиши свой образ по своему решению, во власть которого я тебя предоставляю. Я ставлю тебя в центре мира, чтобы оттуда тебе было удобнее обозревать все, что есть в мире. Я не сделал тебя ни небесным, ни земным, ни смертным, ни бессмертным, чтобы ты сам, свободный и славный мастер, сформировал себя в образе, который ты предпочтешь. Ты можешь переродиться в низшие, неразумные существа, но можешь переродиться по велению своей души и в высшие божественные».

Ясно, что основание этого гуманизма библейское, включая диапазон свободы. Библейский Бог — словами Моисея — сказал слушающим Его: «...жизнь и смерть предложил я тебе, благословение и проклятие. Избери жизнь, дабы жил ты и потомство твое...»

Речь идет о самовосприятии человека: о чувстве собственного достоинства, о неотъемлемом праве на свободу, о познавательном оптимизме. «Еврейский тип древней еврейской культуры», на мой взгляд, возник под художественным воздействием библейских образов и воплотился в особенностях семейной культуры, на первый взгляд не связанных с религией, прежде всего в отношении к детям.

Библейский гуманизм, связанный с богоизбранным народом исторически, прекрасно может жить в людях без единой капли еврейской крови. Он жил в великих художниках Возрождения, в создателях современной

¹⁰ Цит. по И.Д. Рожанский. Расизм и древняя Греция // ВИЕТ № 2, 1995.

науки, в отцах-основателях «Тринадцати Соединенных государств Америки», воплотивших идеи Локка в совершенно новом устройстве нового государства.

Слово *демократия* родилось в языческой Греции, но соответствующее устройство общества, как и предсказывал Аристотель, неизбежно перерождалось в монархическое. Та демократия, с которой Т. Манн встретился, переехав в США, была совсем иной. Она была основана на той «самоочевидной» истине, что *все люди созданы равными в своем неотъемлемом праве на свободу — на свободу стремиться к счастью, что этим правом они наделены своим Создателем и что главная задача правительства — это право защищать*.

Исходя из этой истины, Джон Локк, в «Трактате о гражданском правлении» (1689), изобрел новую систему власти, основанную на разделении властей. При этом он опирался на Библию, обильно цитируя ее. В его трактате слово *democracy* встречается лишь три раза, а *liberty* (свобода) — больше ста раз. Не зря Локка считают отцом либерализма, что по-русски стоит назвать свободовластием, противопоставляя и самовластию, и народовластию (русский перевод слова «демократия»). Такое устройство общества защищает большинство от самовластья правителей и защищает свободу личности от *подавляющего* большинства не сразу понимающих, что только свободная личность способна делать новые изобретения, улучшающие жизнь.

Таким образом, и гуманизм, и (демократическое) свободовластие выросли из библейской традиции. Это трудно отрицать даже тому, кто не верит в библейского Бога. Если же приведенные гуманитарные доводы не кажутся вполне убедительными, история физики может добавить свои.

Представление о неотъемлемом праве человека на свободу, как и любые моральные аксиомы, невозможно извлечь из объективных знаний о природе. Это первым обнаружил в XVIII в. философ-скептик Дэвид Юм. В XX веке читатель и почитатель Юма, физик Эйнштейн, объяснил, откуда берутся моральные аксиомы:

«Науку могут творить лишь те, кто охвачен стремлением к истине и к пониманию, но само по себе знание о том, что СУЩЕСТВУЕТ, не указывает, что ДОЛЖНО БЫТЬ целью наших устремлений... В здоровом обществе все устремления определяются мощными традициями, которые возникают не в результате доказательств, а силой откровения, посредством мощных личностей... Укоренение этих традиций в эмоциональной жизни человека — важнейшая функция религии. ...Высшие принципы для наших устремлений дает Еврейско-Христианская [т. е. Библейская] религиозная традиция».

Быть может, это лишь мнение одного физика, которому приходилось ошибаться даже в своей науке? История рождения современной физики в XVI-XVII веках и загадочного евроцентризма ее дальнейшего поразительного развития основательно подкрепляет мнение Эйнштейна [11].

Религиозная традиция передается не только и не столько в сказочно-интересных историях, а в культурных установках и обычаях семейного уклада, особенно в отношении к детям, впитывающим родную культуру «с молоком матери» вместе с родным языком. Отношение к ребенку, как к дару Божьему и благословению (а не просто как к «приплоду» и новой паре рук в хозяйстве), благоприятствует развитию чувства собственного достоинства и свободолюбия у юной личности, оптимистическому настрою и жизненной активности. Аристократ духа может родиться в совершенно простой семье, а у кандидата в сверхчеловеки родители могли быть самыми обычными людьми, но то, что эти избранники представляют собой и как они представляют себя, неустранимым образом началось в их несамосознательном детстве.

Социально масштабное проникновение библейской традиции в европейские культуры началось после изобретения книгопечатания. А в еврейской культуре книги ТАНАХа (составляющие три четверти христианской Библии), жили гораздо дольше. И те евреи, для которых истории ТАНАХа не были особенно важны, уходили из еврейской истории и растворялись в других народах.

Поэтому таинственный «еврейский дух» можно расшифровать как повышенный потенциал свободолюбия, жизненного оптимизма и активности. Этот потенциал может реализоваться в очень разных направлениях, открывающихся в социальной жизни. Поэтому нацисты, видевшие «еврейский дух» и в советском большевизме, и в американском капитализме, и в науке, и в искусстве были не так уж неправы.

¹¹ О пользе пред-рассудка и о загадке рождения современной физики // Семь Искусств, 2013, №6; A Galilean Answer to the Needham Question // Philosophia Scientiæ 2017, 21(1), 93–110; Объяснение Гессена и вопрос Нидэма, или как марксизм помог задать важный вопрос и помешал ответить на него// Эпистемология и философия науки 2018. Т. 55. № 3. С. 153–171; Просветительство и загадка современной науки // ТрВ-Наука (13.08.2019) и (27.08.2019).

Томас Манн благодарил своего доброго гения за помощь в пересмотре мировоззрения. Думаю, не меньше оснований было поблагодарить еврейскую жену и полу-еврейских детей, которые наглядно и неопровергимо ежедневно показывали ему, что отличаются от него не больше, чем он от своего брата или отца, что все они одной культурной крови.

В докладе о романе «Иосиф и его братья» Т. Манн вспоминает эпизод из своего отрочества, когда он знал о культуре древнего Египта больше, чем знал его гимназический учитель, который

«Однажды на уроке спросил нас, двенадцатилетних юнцов, как древние египтяне называли своего священного быка. Я рвался ответить на его вопрос, и он вызвал меня. “Хапи”, — сказал я. По мнению учителя, это было неправильно. Он пожурил меня за то, что я вызываюсь отвечать, хотя ничего толком не знаю. “Не “Хапи”, а “Апис””, — сердито поправил он меня. Но “Апис” — это лишь латинский или греческий вариант подлинного египетского имени, которое я назвал. Люди Кеме говорили “Хапи”. Я разбирался в этом лучше, чем незадачливый учитель, но моя дисциплинированность не позволила мне разъяснить ему эту ошибку. Я промолчал, — и всю жизнь не мог простить себе этой молчаливой капитуляции перед ложным авторитетом. Американский школьник уж наверно не дал бы заткнуть себе рот».

Прочитав это, я подумал, что еврейский школьник даже в Германии или России вполне мог не заткнуться, а поделиться своим знанием с учителем и с одноклассниками. И вспомнил, что Т. Манн определил религиозность как «вдумчивость и послушание». Вдумчивость — это всегда здорово, но с послушанием в библейской традиции дело обстоит не так просто. Признавать высшую реальность Творца, всем сердцем и всем разумом любить Его, Его замысел и промысл не означает автоматического послушания. Библия дает яркие примеры непослушания в жизни ключевых участников божественного замысла. Без этого свобода невозможна. И надо вдумываться в свою неповторимую жизненную ситуацию, чтобы отличить истинное послушание Всевышнему от послушания неуполномоченных Им самозванцам.

Все великие изобретатели современной физики были глубоко верующими еретиками, которые свободно и смело мыслили и в науке, и в религии. Все выросли в культурах, в которых Библия — главный текст, все впитали библейское представление о неотъемлемой свободе человека и познавательный оптимизм.

Томас Манн вырос в «традициях аполитичной немецко-бюргерской духовной культуры», пропитанной, как он считал, этическим пессимизмом, но преодолел эти традиции. В этом ему скорей всего помог «библейский дух», который можно назвать и «еврейским», поскольку, согласно Библии, Всевышний, открывшись Авраму (еще не Аврааму), сообщил ему:

«Я произведу от тебя великий народ, и благословлю тебя, и возвеличу имя твое, и будешь ты в благословение. Я благословлю благословляющих тебя, и злословящих тебя прокляну; и благословятся в тебе все племена земные».

Иисус подтвердил, что «спасение от иудеев».

В какой пропорции сложились дух, который принесла в приданное жена Катя, с работой над романом о библейском Иосифе, пусть расскажут знатоки биографии Т. Манна.

А я, (не)скромный историк науки, хотел бы узнать у знатоков истории христианства, почему два направления Протестантизма — Лютеранство и Кальвинизм — столь разошлись в отношении к «Ветхому Завету». Это видно невооруженным глазом.

Кальвинисты англосаксы читали «Old Testament» столь усердно, что стали называть своих детей ветхозаветными именами Исаак, Бенджамин, Авраам... Лютеране так своих детей не называли, «Ветхий Завет» по сути не читали, а лишь пугали им себя.

Знаменитый лютеранский теолог XX века, Дитрих Бонхёффер погрузился в чтение ТАНАХа в нацистской тюрьме, и, можно думать, что это вдумчивое чтение помогло ему осмыслить свой жизненный опыт и прийти к революционному — «безцерковному» — пониманию христианства. Можно думать также, что такое различие двух основных направлений Реформации повлияло и на мировую историю.

Александр Мелихов¹

Век разума и его пророки

Двадцатый век можно назвать веком Разума с гораздо большим основанием, чем век восемнадцатый: в так называемом цивилизованном мире подавляющее большинство взрослых людей в истекшем столетии умели читать и писать и были свободны как от феодальных, так и от патриархальных предрассудков: мало кто считал справедливыми привилегии маркизов и герцогов или верил в русалок и домовых. И сегодня почти все убеждены, что в социальных битвах борьба ведется исключительно за материальные выгоды.

Однако чуткое ухо в грохоте сражений может расслышать отголоски той борьбы, которую издавна называли борьбой Разума и Чувства. Строго говоря, между разумом и чувством, между идеей и страстью невозможно провести точную грань: страсти — это идеи в первоначальном развитии, заметил еще Михаил Юрьевич Лермонтов, попробуйте-ка отделить тот Терек, который воет, дик и злобен, от того, который смироно впадает в Каспийское море. Но старинное разграничение разума и чувства имеет в виду скорее всего другое: под разумом оно понимает ту часть нашей личности, которая занимается фактами внешнего мира — теми фактами, которые может наблюдать каждый, которые можно измерять и перепроверять. Владения же чувства сосредоточены в нашем внутреннем мире, который чувствуем только мы.

Казалось бы, это так абстрактно — однако в самых злободневных политических спорах — о коррупции или приватизации, о Чечне или Сербии — очень отчетливо звучат ноты то дьявольского цинизма, то ангельского прекраснодушия, хотя наше время принято считать весьма прагматическим. Но так ли уж это справедливо?

Бывают романтические эпохи, считающие наиболее важной внутреннюю жизнь — мечты, фантазии, стремления... В эпохи же, полагающие себя реалистическими, ставится выше мир внешний, материальный: он-то якобы и диктует миру внутреннему его мнения, стремления и даже мечты и фантазии: реальность — это, мол, «базис», а дух — только «надстройка». Точно так же в эпохи романтические предпочитают верить, что, напротив, именно дух, свободная воля человека диктуют внешнему миру, каким ему следует быть: «базис» — это чувство.

Рассуждения, далекие от жизни? Но взглянемся в принципы печально знаменитых организаторов двух величайших катастроф двадцатого века — Октябрьской революции и второй мировой войны. Ленин был уверен, что главный мир — внешний, а в нем превыше всего экономика, производственные отношения; в истории есть не зависящий от нас ход вещей, а нам остается лишь понять его и присоединиться к нему. Гитлер же был убежден, что никаких объективных законов истории не существует и наш внутренний мир, порождаемая им воля не подчиняются реальности, а, наоборот, творят ее в согласии с собственной мечтой. И если катастрофическое столкновение двух этих односторонностей счастье финальной схваткой Разума и Чувства, сразу же захочется внимательнее рассмотреть ее истоки, когда борьбу начинали два знаменитых (отнюдь не печально) пока еще не деятеля, а только писателя века Просвещения — Вольтер и Руссо.

Маленький Франсуа-Мари Аруэ, едва выйдя из младенчества, уже начал поражать своим ранним развитием просвещенных гостей в салоне своего отца — преуспевающего нотариуса, достигшего звания королевского советника, казначея и сборщика пеней Счетной палаты. В элитарной школе правоведения он учился вместе с отпрысками знатнейших французских фамилий, а еще совсем юношей был на равных принят в кружок «Тампль», состоявший из испытанных вольнодумцев — либертенов — самого высокого разбора. Будущий Вольтер быстро усвоил тон этого кружка, где чтили только остроумие и наслаждение: «Удовольствие — предмет, цель и долг всех разумных существ», — писал молодой, да ранний Вольтер, быстро завоевавший известность изящными стихотворениями, изысканно воспевавшими радости жизни. Пафос здесь был неуместен: либертены презирали «предрассудки», не слишком задумываясь, что на этих предрассудках покоятся их собственные привилегии.

Но, когда нерассуждающее почитание существующего порядка бывает поколеблено, рано или поздно являются — обычно из социальных низов — новые идеологии, настроенные уже не иронически, а патетически.

¹ Писатель, публицист, к.ф.-м.н.

Жан-Жак Руссо родился в Женевской республике (это сладкое слово — республика!), где наследники сурового Кальвина все еще продолжали считать театр греховным зрелищем. «Чувствовать, — писал Руссо в своей прославленной «Исповеди», — я начал прежде, чем мыслить; это общий удел человечества». Оставшись без матери семейства, они с отцом, случалось, читали книги вслух ночи напролет. Любимым автором юного Жан-Жака сделался Платон.

«Беспрестанно занятый Римом и Афинами, живя как бы одной жизнью с их великими людьми, сам родившись гражданином республики и сыном отца, самою сильною страстью которого была любовь к родине, — я пламенел ею по его примеру, воображал себя греком или римлянином, становился лицом, жизнеописание которого читал; рассказы о проявлениях стойкости и бесстрашия захватывали меня, глаза мои сверкали, и голос звучал громко. Однажды, когда я рассказывал за столом историю Сцеволы, все перепугались, видя, как я подошел к жаровне и протянул над нею руку, чтобы воспроизвести его подвиг».

Перейти от чувства к делу — поступок не слишком последовательный для мыслителя, превыше всего ставившего чувство, иной раз ставившего его и выше дела: «Я всегда привязывался к людям не столько за добро, которое они мне сделали, сколько за то добро, которого они мне желали». Зато совершив опасный поступок, когда его вовсе не требует никакая реальная нужда, — это типично для романтика, мечтателя, старающегося прежде всего угодить своему внутреннему миру. В скитальческой юности Жан-Жаку пришлось побывать и учеником гравера, и мелким канцеляристом, и лакеем, и учителем-самоучкой музыки, и просто домашним учителем-самоучкой:

«Мягкостью своего характера я вполне подходил бы для этого занятия, если б моя вспыльчивость и бурные ее проявления не явились помехой. Пока все шло гладко, пока я видел успешность своих забот и трудов, я не щадил себя и был кроток, как ангел. Но я становился дьяволом, когда все шло не так».

Благодаря уму и обаянию он не раз находил влиятельных покровителей, но всякий раз бросал карьеру ради детских фантазий-«химер».

«Рассматривая ночные знаки, я часто находил, что они выдуманы неудачно», — и вот у него уже готова собственная цифровая система:

«С этого момента я поверил, что судьба моя устроена, и... только и мечтал о поездке в Париж, не сомневаясь, что, представив свой проект в Академию, я произведу революцию в музыке... В две недели мое решение было принято и приведено в исполнение».

Можно себе представить, что произойдет, если эта мечущаяся из крайности в крайность натура возьмется за какой-нибудь из тех величайших вопросов, в которых еще ни разу не сошлись мудрецы. В возрасте далеко за тридцать Руссо прочел в газете «Французский Меркурий» объявление о конкурсе Дижонской академии «Способствовало ли возрождение наук и искусств улучшению нравов».

«Вдруг я почувствовал, как ослепительный свет озарил мое сознание и множество новых мыслей нахлынуло на меня с такой силой и в таком беспорядке, что я испытал неизъяснимое волнение... Будучи не в состоянии дальше продолжать путь, я опустился под одним из деревьев; там я провел полчаса в таком возбуждении, что не заметил, как слезы лились из моих глаз, и, только поднявшись, обратил внимание, что перед моего пиджака совсем мокрый от слез. О, если бы я мог описать хотя бы четверть того, что я видел и чувствовал, сидя под этим деревом! С какой ясностью я мог бы показать все противоречия социальной системы, с какой силой мог бы я поведать о всех злоупотреблениях наших общественных институтов, как просто мог бы я доказать, что человек добр по природе своей и только благодаря этим институтам люди стали злыми!»

Науки, литература и искусства обвивают гирляндами цветов оковывающие людей железные цепи, писал вдохновленный Жан-Жак, заставляют их любить свое рабство и создают так называемые цивилизованные народы. Вежливость этих народов привела к тому, что никогда не знаешь, с кем имеешь дело. Изысканные Афины оставили нам памятники искусств и философии, а суровая Спарта — лишь предания о героических поступках. «Но разве такие памятники менее ценные, чем мраморные статуи, оставленные нам в наследие Афинами?» — воскликнул Руссо. В великом Риме люди были добродетельны только до тех пор, пока не начали

изучать правила добродетели, — изучать там нечего: достаточно углубиться в себя, прислушаться к внутреннему голосу совести, твердил Руссо и обрушивался на современных философов, которые встречают улыбкой такие слова, как отчество и религия, и предают поношению все, что священно для людей, и притом делают это лишь из духа противоречия: «Чтобы вернуть их к подножию алтарей, достаточно зачислить их в разряд атеистов».

Попутно Руссо прошелся и по Вольтеру, осмелившемуся написать, что если маленькая страна гибнет от роскоши, то большое государство от нее богатеет, — нет, роскошь несовместима с добрыми нравами! С добрыми нравами несовместимо и распространение критериев, принятых в торговле, на нравственную сферу — у Руссо вызывали справедливый гнев уже и тогда нередкие попытки выразить ценность человека в деньгах: мы не должны позволять, чтобы экономическая реальность полностью диктовала нашей душе (другое дело — утопическая страсть вовсе не считаться с этой реальностью!).

И всему виной, заключал Руссо, возвеличение таланта и унижение добродетели. У нас есть физики, геометры, химики, астрономы, поэты, музыканты, художники, но у нас нет граждан. «Всемогущий Боже! — от имени потомков восклицал второй величайший писатель века. — Ты, в чьих руках наши души, избавь нас от наук и пагубных искусств и возврати нам неведение, невинность и бедность». В век Просвещения обрушиваться на просвещение... Но «просветители» на первых порах восторженно приняли это бичевание, полагая его лишь игрой ума. К тому же Руссо довольно скоро разъяснил, что вовсе не собирается кого-то звать назад к первобытным временам (Вольтер говорил, что от сочинений Жан-Жака хочется стать на четвереньки), да это было бы и невозможно при всем желании. Но, восторгаясь знаниями и красноречием, не нужно забывать о добродетели — об умении не только хорошо говорить, но и хорошо поступать, подытоживал Руссо.

К чему искусство, если оно не рождает добрых дел? Этим пафосом пронизано и написанное через восемь лет «Письмо к д'Аламберу о зрелищах». А пафос не терпит юмора, иронии, которыми так блестяще владел Вольтер. «Добрые не поднимают злых на смех, — негодовал Руссо, — а уничтожают их своим презрением... Наоборот, насмешка — излюбленное орудие порока». Не лишено оснований... Но — один из крупнейших мыслителей двадцатого века, Анри Бергсон, показал, что юмор стремится вывести на свет всякую механическую повторяемость: если человек в беспрерывно меняющихся ситуациях продолжает твердить одно и то же, он становится смешон независимо от того, добродетелен он или порочен, — так что юмор осмеивает отнюдь не всякую добродетель, но лишь добродетель догматическую. Труднее разразить другому обличению пламенного Жан-Жака: проливая совершенно искренние и благородные слезы над несчастьями вымыщленных людей, как часто мы спешим отвернуться от таких же страданий людей реальных, которые могли бы приобщить нас к своей беде или, во всяком случае, дорого обойтись нашей лени. Пожалуй, здесь имеет смысл вспомнить подзабытые принципы «идеалистической» эстетики: искусство творит идеалы. А идеалы — не буквальное руководство к действию, это скорее мечта о какой-то лучшей жизни, не дающая нам объявить высшей целью человеческого существования повседневные нужды реальности: борьба Разума с Чувством — это еще и борьба внешней выгоды с внутренней мечтой. И в борьбе этой не должна побеждать ни одна сторона: полное торжество выгоды — отвратительный и бесплодный цинизм, полное торжество идеала — опасный и бесплодный утопизм. Быть может, не осознаваемая нами заслуга искусства заключается в том, что хотя оно и не способно всех поголовно превратить в идеалистов, тем не менее оно не позволяет и всем поголовно превратиться в циников. Бичуя искусство за то, что оно возбуждает эмоции, не переходящие в дела, Руссо — в некотором противоречии с собой — не раз указывал на субъективные чувства как на важнейший источник истины. Попытки развязать сексуальную революцию — эту борьбу за равенство с животными — предпринимались еще тем «научным» мышлением, которое стремилось свести явления высочайшей степени сложности к явлениям более примитивным: с какой, мол, стати краснеть нам из-за тех потребностей, какими наделила нас природа, почему человек должен следовать не тем же законам, что животные? «Не забавно ли, — разгневанно пожимал плечами Руссо, — что приходится объяснять, почему я стыжусь столь естественного чувства, когда самый стыд этот столь же для меня естествен, как и оно?» Для него и в любви душевные переживания были дороже физических ощущений: «Любовь, завершившаяся поцелуем руки, приносила мне, быть может, больше радостей, чем вы когда-нибудь испытываете от своей любви, начав по меньшей мере с этого».

Патетический Руссо подозревал Вольтера в цинизме. Но настоящий циник обвинил бы его скорее в утопизме. Вольтер страстно желал улучшений общественной системы, но улучшений постепенных, осуществляемых просвещенной властью, а не революционной ломки до основания без лишних опасений, что

будет затем. Эту политическую умеренность вспыльчивый Вольтер сохранил до конца дней, хотя личных унижений система нанесла ему немало. Будучи школьным товарищем, а в скором времени и литературным любимцем многих весьма знатных особ, он вообразил, что аристократия таланта в век Просвещения может стоять рядом с аристократией крови, а потому не ожидал, что его псевдоним с дворянским привкусом — «де Вольтер» — может сделаться предметом насмешек родового дворянства. А свой острый язык он так никогда и не научился долго удерживать на привязи — язык не раз доводил его до сумы изгнанника и даже до тюрьмы... После словесной стычки с кавалером де Роаном три или даже шесть лакеев кавалера публично «погладили» его пальцами по плечам. Вольтер «вопил как сумасшедший», бросился за помощью к своим влиятельным друзьям — те сочувствовали, но вмешиваться не пожелали. Не умея фехтовать, молодой поэт послал вызов оскорбителю — тот уклонился: в ссоре с буржуа уклончивое поведение не угрожало его чести. В конце концов Вольтера ради его же блага заключили в Бастилию. Он там уже побывал раньше, но по более почтенной причине — из-за колких стихов в адрес самого могущественного человека Франции герцога Филиппа Орлеанского, регента малолетнего Людовика Пятнадцатого, прославившегося в веках легендарной государственной мудростью: «После нас хоть потоп!»

Вскоре Вольтера благодаря его влиятельным почитателям выпустили в Англию, где он быстро познакомился со всей британской умственной элитой. В сравнительно недалеком будущем Руссо тоже предстояло искать убежища в Англии, но — из-за своей болезненной подозрительности — он немедленно оказался в центре громкого скандала. Ему всегда было трудно с людьми:

«Застенчивый от природы, в молодости я иногда бывал смел, но в зрелом возрасте — никогда. Чем больше я видел света, тем меньше мог приспособиться к его тону».

Руссо бывал счастлив только в мире собственных грез:

«Странное дело, мои мечты становятся самыми приятными только в тот момент, когда мое положение наименее благополучно, и, наоборот, они наименее радостны, когда все улыбается вокруг меня. Моя упрямая голова не умеет приспосабливаться к обстоятельствам. Она не довольствуется тем, чтобы украшать действительность, — она желает творить. ... Если я хочу нарисовать весну — в действительности должна быть зима; если я хочу описать прекрасную внешность — я должен сидеть в четырех стенах; и я сто раз говорил, что, если бы меня заключили в Бастилию, я создал бы там картину свободы».

Даже удивительно, что столь страстным защитником бедняков сделался писатель, для которого внешние невзгоды были ничто в сравнении с бурями его собственного внутреннего мира:

«Никогда, ни в какую пору жизни ни нужде, ни корыстолюбию не удавалось заставить мое сердце расширяться от радости или сжиматься от горя».

Скорее всего и чужая нужда меньше задевала его сердце, чем несправедливость:

«При виде любого несправедливого поступка или даже при рассказе о несправедливости, над кем бы и где бы ее ни совершили, — мое сердце так горит негодованием, как будто я сам являюсь жертвой».

Более того:

«Личный интерес, никогда не создающий ничего великого и благородного, не мог зажечь в моем сердце божественных порывов, порождаемых только чистой любовью к справедливому и прекрасному».

Вольтер — особенно на склоне лет — не раз выступал против неправосудия, но он скорее всего и тогда признал бы главным злом несправедливости причиняемый ею материальный вред, а не оскорбление, наносимое ею нашей душе. Кипучие интересы Вольтера сосредоточивались все-таки большей частью во внешнем мире. В той же Англии он изучал все на свете от ньютоновской механики до британского политического устройства, что завершилось изданием «Философских писем», в которых, по словам Пушкина, философия заговорила общепонятным и шутливым языком. Книга имела такой успех, что была приговорена к сожжению рукой палача, сильно преумножив доходы голландских издателей: за этот «тамиздат» любители запрещенной литературы во Франции были готовы платить любые деньги — под господствующую идеологию подкапывались далеко не самые бедные. В Англии же Вольтер издал окончательный вариант своей эпической поэмы

«Генриада», встреченной на его родине бурными рукоплесканиями, — Франции страшно недоставало собственного эпоса, собственной «Илиады» или «Энеиды», которыми имели счастье обладать греки и римляне и без которых, как тогда думали, нация не может обрести полноценное существование. «Генриада», как, собственно, и все серьезные вольтеровские вещи, была нацелена на активное вмешательство в реальность: в ней был воспет — в идеализированном, естественно, виде — просвещенный монарх Генрих IV, во имя государственного процветания проявивший мудрую терпимость к протестантам (гугенотам).

Годы изгнания или опалы Вольтер всегда проводил очень плодотворно. Во время первого своего заточения в Бастилию (в возрасте современного выпускника университета) он закончил и подписал новым именем «де Вольтер» — в скором времени самым громким в Европе — трагедию «Эдип», призывающую забыть о личном во имя долга перед обществом, — куль приятного изящества в тюрьме окончательно сделался ему тессен: он уже стремился «трогать и исправлять сердца» — трагедию Вольтер называл школой добродетели. В годы придворного успеха он не жалел времени и даже какой-то части таланта на заказные поэмы-однодневки и такого же достоинства оды и мадrigалы. Но и в дни благоденствия, и в дни гонений он еще более безжалостно разбрасывал и талант, и время на полемические памфлеты и комедии-однодневки, метящие в его многочисленных врагов, от чьих нападок он чрезвычайно страдал, продолжая, однако, усердно множить их число, — «фернейский злой крикун», как однажды называл его Пушкин. При этом Вольтер вовсе не считал правильным жертвовать собой: «Нужно ударить и отдернуть руку», — если противник явно неодолим. В итоге одних лишь вольтеровских псевдонимов насчитывается сто тридцать семь, а полное собрание сочинений подбирается к сотне томов. «С таким багажом до потомства не доехать», — шутил Вольтер, которому почитавший его Виктор Гюго впоследствии ставил в вину, что он слишком разбрасывался. Однако Вольтер был слишком «от мира сего», слишком деятель, чтобы довольствоваться служением чистому духу, внутреннему миру. Но огромная часть его «багажа» до нас действительно «не доехала». И не только блистательные однодневки. Его величественную «Генриаду» сегодня читают лишь профессиональные филологи да особые ценители старинного мастерства стихосложения. Повествовательность в поэзии сегодня вообще выглядит скучноватой, даже гениальный «Евгений Онегин» держится не столько сюжетом, сколько последовательностью лирических взрывов. Лучшие вольтеровские трагедии мало уступают классическим образцам Корнеля и Расина, но ведь и тех сегодня могут по достоинству оценить немногие — оценить красоту условного языка, масштаб и психологическую глубину конфликтов, мастерски вписанных в условные формы...

Уверенно «доехали» до двадцатого века, пожалуй, только «безделки» — писаные больше для забавы философские повести, — доехали и нашли своих продолжателей, сочинявших и сочиняющих невероятные приключения не для того, чтобы показать какие-то зримые, тонко отделанные характеры или какой-то достоверный мир, а только для того, чтобы построить наглядную модель некоего многосложного явления: этот ряд можно протянуть от Анатоля Франса до Виктора Пелевина. Правда, классики-французы виртуозно имитировали то стиль восточных сказок, то слог церковных легенд, а наши современники редко утружддают себяисканиями в области языка. Нынче вообще не принято «разбрасываться», отличаться широтой интересов и познаний...

После сожжения «Философских писем» Вольтер около десяти лет прожил на границе Лотарингии в Сире, имении своей почитательницы и подруги, несчастливой в законном браке маркизы до Шатле, занимаясь поэзией, театром, историей, философией, физикой, химией, биологией, математикой, геологией: нужно служить всем девяти музам — искать успеха у возможно большего числа дам, пояснял Вольтер. Маркиза же, «божественная Эмилия», сетовала, что для спасения Вольтера от его самого ей требуется больше дипломатических способностей, чем римскому папе. К слову сказать, именно в Сире Вольтер написал «Орлеанскую девственницу», изданную анонимно через двадцать лет и сразу же занесенную римским папой в индекс запрещенных книг (а в том же году за ее перепечатку были приговорены к каторге несколько типографских рабочих). Чтобы почувствовать всю кощунственность и сверхпикантность «Девственницы», видимо, нужно до этого очень долго видеть ее героиню Жанну д'Арк предметом принудительного поклонения — иначе ирои-комическая поэма сия, как выражались двести лет назад, ощущается сильно затянутой, а юмор ее — несколько однообразным: святая раз за разом изображается то в одной, то в другой нелепой и неприличной ситуации — ну сколько можно?.. Сам же Вольтер разъяснял, что метил он не в реальную Жанну — мужественную деревенскую девушку, которую инквизиторы и ученые в своей трусливой жестокости сначала возвели на костер, а после объявили святой, — нет, его мишенью был только напыщенный миф. В России этот миф никому

особенно не успел надоест, но изящная вольтеровская фривольность — ее отблески легко разглядеть в стихах Пушкина, когда он хотел быть — неподражаемо, как нам кажется — игривым.

Я признаюсь — вечернею порой
Милее мне смиренная девица
Послушная, как агнец полевой;
Иоанна же была душою львица,
Среди трудов и бранных непогод
Являлася всех витязей славнее
И, что всего чудеснее, труднее,
Цвет девственны христила круглый год.

Эти строки вполне можно принять за пушкинские, поскольку это действительно отрывок из «Орлеанской девственницы» в пушкинском переводе.

Пушкин чрезвычайно высоко ценил и Вольтера-историка, который одним из первых вместо бесхитростного перечисления подвигов королей и полководцев в своем «Опыте о нравах и духе народов» начал изучать устойчивые, наследуемые социальные явления. Российская императрица Екатерина Вторая, называвшая себя его ученицей, именно из его «Опыта...» с изумлением узнала, что законы, обычаи, искусства для истории важнее, чем скоропортящиеся знаменитости и цари с их войнами; эта книга глубоко ее перепахала.

Однако, умалив таким образом историческую роль королей и вельмож, Вольтер все равно продолжал иссматривать сближения с ними: только считаясь с законами социальной реальности, можно изменить ее в лучшую сторону. С волками жить — по-волчьи выть, примерно так объяснял он совершенно безбожную для нынешнего уха лесть, которой он не чурался уснащать свои письма к венценосцам. Так, Екатерину Вторую он объявлял выше легендарных законодателей Ликурга и Солона (Спарта и Афины, вместе взятые), но кое-чего этим и добился! Екатерина действительно освободила собственных и церковных рабов, не трогая частных владельцев, — в полном соответствии с программой Вольтера. Что, однако, не помешало Северной Семирамиде при первых же известиях о Французской революции объявить его сочинения вредными и наполненными развращением.

Цари тоже вынуждены считаться с социальной реальностью и даже, может быть, больше, чем простые смертные, ибо правители первыми ощущают противоборствующие напряжения огромных социальных сил. Скорее всего не только личным «деспотизмом», но и страхом, что государственную перестройку легче начать, чем остановить в нужном месте, объясняется неизменное охлаждение к Вольтеру то одного, то другого монарха (хотя и характеры, конечно, нельзя сбрасывать со счетов: с одной стороны, привычку повелевать, с другой — давать волю язвительному языку в таких местах, где и стены имеют уши). После смерти маркизы дю Шатле Людовик Пятнадцатый на какое-то время приблизил Вольтера к своей особе, пожаловал ему придворное звание камергера (которого почти через век так и не был удостоен Пушкин), назначил придворным историографом, посодействовал его избранию во Французскую академию, но вскоре снова удалил от себя. А Вольтер попытался возбудить его ревность, наконец откликнувшись на многократные приглашения «Северного Соломона», прусского «короля-философа» Фридриха Второго, чтобы вести с ним долгие и частые беседы, в промежутках нежно переписываться в пределах королевского дворца, а потом тайно уносить ноги и даже попасть под арест. «Судьба заставляла меня перебегать от короля к королю, хотя я боготворил свободу», — сетовал Вольтер, но «судьбой» была отнюдь не бедность: Вольтер умел зарабатывать деньги и умел ими распоряжаться; его судьбой были уважение к социальным порядкам и надежда их усовершенствовать. Вот Руссо, отрицавший всю цивилизацию целиком, на вершине первого успеха отказался от золотого шитья, белых чулок и тонкого белья и избрал профессию переписчика нот: «Я не находил ничего более высокого и прекрасного, как быть свободным и добродетельным, быть выше богатства и людского мнения и довольствоваться самим собой».

Этого было достаточно, чтобы прослыть оригиналом, но оказывать практическое влияние на государственную жизнь из этой позиции было невозможно. В довершение Руссо после успеха его оперы «Деревенский колдун» отказался от аудиенции у короля: опасался и проявлений своего урологического недомогания, и своей застенчивости, — но ведь можно было объясниться письменно, изысканным почтительным слогом...

Вольтер, я думаю, почел бы такой поступок почти безнравственным: ведь он вредил делу, а нравственно то, что полезно обществу! Руссо хотел быть безупречным, Вольтер — полезным. Однако это было невозможно при отсутствии веса в обществе. Это было почти невозможно и при наличии веса, но все-таки только «почти» — за него-то и сражался Вольтер, которого называли то прелестным ребенком, то Философом с большой буквы и всегда — самым занимательным собеседником века. Вот уж кто чувствовал себя в социальной реальности как рыба в воде, вечно «одной ногой в могиле, другой выделяющий прыжки», — но никогда ни ногой не ступавший в сторону народных масс: он всегда обращался только к просвещенному слою. По мнению Виктора Гюго, Вольтер выступал против нетерпимости, олицетворяемой церковью, против несправедливости, олицетворяемой правосудием, и против невежества, олицетворяемого народом. Вольтер был против нетерпимости даже в борьбе с нетерпимостью. Много лет заканчивая письма призывом «Раздавите гадину!», он разъяснял, что имеет в виду исключительно предрассудки: христианская религия — религия любви, и только фанатизм — вот истинное имя гадины — утопил мир в крови. На склоне дней обретя независимость на самом краешке Франции, чтобы в случае опасности ускользнуть в Швейцарию, Вольтер в своем Ферне воздвигнул церковь с надписью на фронтоне «Богу от Вольтера». В своем философском словаре, в статье «Атеист» Вольтер писал: «Несомненно, в цивилизованном городе бесконечно полезнее иметь скверную религию, чем не иметь ее вовсе. Но фанатизм еще хуже атеизма. Мудрые философы могут жить и без религии, но она необходима для черни». Вот уж кому была ненавистна идея «Общественного договора», провозглашенная романтическим демократом Руссо, предлагавшим решать государственные вопросы голосованием: Вольтера ужасала одна только мысль, что голос образованного человека может быть равносителен голосу невежды. Руссо же верил, что лишь в не искушенных многознанием сердцах способна сохраниться добродетель: разум неизбежно порождает себялюбие. Вольтер доказывал существование Бога изощреннейшими рассуждениями о свойствах пространства — Руссо было достаточно чувствовать Бога в своем сердце: «Вообще говоря, верующие делают Бога таким, каковы они сами; добрые делают его добрым, злые — злым; полные ненависти и желчи ханжи не видят ничего, кроме ада, потому что им хотелось бы всех осудить на вечную муку; нежные и любящие души совсем не верят в ад».

Вольтер считал добродетелью то, что полезно обществу, Руссо — то, что вызывает восторженное удивление. Любопытно, что примерно это же разделение Руссо считал основой соответственно мужской и женской психологии: у мужчин предметом речи должно быть то, что полезно, у женщин — то, что нравится; поэтому разбаловавшегося мальчика следует одергивать суровым вопросом: «Зачем это нужно?», а девочку: «Какое это производит впечатление?» Из этого же разделения можно вывести обе главнейшие формы российского утопизма — первый отказывается от всякой морали, второй не признает ничего, кроме морали. Наступление первого было предсказано в «Преступлении и наказании»: если нравственно все, что полезно, то, конечно же, молодому благородному человеку нравственно убить мерзкую старушонку-процентщицу. Логика Раскольникова долго казалась преувеличением или даже клеветой на силы прогресса, пока наконец Ленин не заявил во всеуслышание и даже не без гордости: нравственно все, что полезно прогрессивному классу, — и осуществил все вытекающие отсюда выводы. Ленин всегда говорил как об особом достоинстве, что в учении Маркса нет ни грана морали — одна лишь чистая наука.

Высшей же точкой второй ветви, сверхморалистической, было учение Толстого: все, что оскорбляет нашу душу, должно быть отвергнуто. Но чувствительного, совестливого человека ранит решительно всякое насилие — не только над праведником, но даже и над преступником, — и если он даст этим чувствам волю, то немедленно приговорит к уничтожению практически все общественные учреждения: полицию, армию, правосудие, а заодно и все остальное, что приходится защищать с их помощью, прежде всего собственность. Если первый вид утопизма отказывается от всякой совести, то второй — от всякой ответственности за то, что происходит в мире. По отношению к реальности это именно безответственность, если даже в области духа утопическая мечта создает и гениальные плоды, как это было у Руссо и Толстого. Который, кстати сказать, в молодости «прочел всего Руссо, все двадцать томов, включая словарь музыки. Я больше, чем восхищался им, — я боготворил его. В 15 лет я носил на шее медальон с его портретом вместо нательного креста. Многие страницы его так близки мне, что мне кажется, что я их написал сам». В молодости Льву Николаевичу нравились и насмешки Вольтера над религией, но — только в молодости.

Россия, как уже говорилось, и до сих пор продолжает шататься между культом нагой пользы (бессовестным цинизмом) и культом безмятежной совести (прекраснодушной безответственностью), не в силах решить

роковой вопрос: какой из этих культов более справедлив? Подобными вопросами недобрые дяди любят доводить до слез маленьких детей: кого ты больше любишь — папу или маму? Кого из них ты будешь спасать, если у тебя только один спасательный круг? Наше представление о справедливости в каждой ситуации должно рождаться в беспрерывной борьбе разума и чувства, и ни одна из сторон не должна быть заранее объявлена победителем: ответственности за решение никто и никогда не сможет снять с человека. Совершенно безмятежной совесть может быть лишь у того, у кого она вовсе отсутствует.

Но если культу пользы попытаться присвоить имя Вольтера, а культу «сердца» — имя Руссо, то обнаружится, что ни тот, ни другой в своих суждениях о практической политике вовсе не были приверженцами культа, связанного с их именем. Вольтер в житейском понимании этого слова был практическим человеком. Несмотря на вспыльчивый нрав, время от времени вовлекавший его в ссоры и даже нелепые судебные тяжбы, он сохранял многолетние дружеские связи и полезные знакомства. И хотя в последние десятилетия жизни его богатство и славу ловко использовала его племянница, к которой он питал чувства более пылкие, нежели просто родственные, в целом он умел и обустраивать свой дом, и возделывать свой сад — буквально с пилой и садовыми ножницами в руках. За годы своего пребывания в Ферне он превратил этот нищий поселок в процветающую колонию.

«Вольтер был очень мил и добр в обращении с теми людьми, которые окружали его: шутил со всеми и всех заставлял смеяться, — вспоминал Вольтера фернейской поры один его аристократический почитатель (нам, знающим облик Вольтера по гениальной статуе Гудона, даже трудно представить его милым и добрым). — Надобно было его видеть, оживленного блестящим и пламенным своим воображением; он рассыпал вокруг себя остроумие и веселость; всякий при нем находил себя и умным, и острым... Спешил на помощь ко всякому несчастливцу; строил дома для бедных семейств и был истинно добрый человек в собственном доме, добрый человек со своими людьми, добрый человек в своей деревне — добрый и в то же время великий».

А как же кульп пользы, который как будто бы требует немедленного истребления всех социальных паразитов? От пути Раскольникова Вольтера хранило чувство юмора, прославленная его ирония, постоянно напоминающая: жизнь слишком сложна, чтобы можно было с уверенностью решить, что безусловно полезно, а что безусловно вредно, — во всем есть оборотная сторона, из добра так часто проистекает зло, а из зла добро, что проследить и взвесить все эти взаимосвязи решительно невозможно. Бедность — это, конечно, плохо. Однако не будь бедных, кто стал бы выполнять необходимые, но малооплачиваемые работы? Если бы не было богатых и независимых («паразитов»), откуда бы взялись утонченность вкуса и бескорыстная независимость мысли: «Он был богат, а следовательно, особенно мудр, ибо, ни в чем не нуждаясь, мог никого не обманывать». Не гордись, грозил пальцем Вольтер всем Мемнонам-утопистам, возымевшим безрассудное намерение отрегулировать свою жизнь до полной разумности: «Ты будешь очень счастлив, если больше никогда не будешь строить глупые проекты, как достичь совершеннейшего благородства».

В рассказе «Мир, каков он есть», подобно Жан-Жаку Руссо и духу Итуриэлю из этого рассказа, обдумывая приговор всей цивилизации — целому «Персеполису», — Вольтер вместе со своим здравомыслящим скифом Бабуком не решается нанести окончательный удар ни одному устойчивому социальному явлению: всюду мерзкое смешано с прекрасным или, по крайней мере, полезным. Война — «непостижимые существа, как можете вы сочетать в себе столько низости и величия?» Торговля, наживающаяся на людской прихоти — «за счет этой прихоти живет сегодня сотня мастеров, именно она поощряет промышленность, содействует хорошему вкусу, товарообороту, изобилию». Писатели на званом обеде, спешащие поесть и наговориться: «Они восхваляли две категории людей — покойников и самих себя», «Каждый из них домогался должности лакея и хотел прослыть великим человеком»; их книги, «эти залежи дурного вкуса, продиктованные завистью, подлостью и голодом, эти гнусные сатиры, где оберегают ястреба и раздирают голубка», — и несколько «истинных мудрецов», живущих уединенно и тихо: «Вот люди, которых ангел Итуриэль не решится тронуть, разве что окажется совсем безжалостным». Даже богатства финансистов могут быть весьма полезны: «Эти огромные тучи, напитавшиеся земной росою, возвращают земле то, что получают от нее». Даже алчность их постепенно перестает казаться чем-то возмутительным, «ибо они алчны не больше других и притом полезны». Даже «маги» — священники, — если приглядеться, оказываются для чего-то нужны: «они все же преподают одну и ту же нравственность». Не говоря уже о том, что среди них попадаются «небесно чистые души».

В итоге здравомыслящий скиф представляет в небесную инстанцию небольшую статую из всех имеющихся металлов, всех сортов глины и из самых драгоценных и самых простых камней: «Разобьете ли вы эту прелестную фигурку только потому, что в ней содержатся не одни лишь алмазы и золото?» И небесная инстанция решает «даже не помышлять больше об исправлении Персеполиса и предоставить миру оставаться таким, каков он есть», ибо «если и не все в нем хорошо, то все терпимо». Искать не идеального, но терпимого — это чрезвычайно мудрая политическая формула.

А как же быть, когда из смеси добра и зла горькой вольтеровской иронией оказываются вымытыми все удачи? В знаменитом его «Кандиде» (тоже сожженном в Женеве рукой палача) смешны все, кто пытается дать какой-то окончательный ответ на вечные вопросы.

«Для чего создано столь странное животное, как человек?» — «А тебе-то что до этого? Твое ли это дело?» — «Но на земле ужасно много зла» — «Ну и что же? Когда султан посыпает корабль в Египет, разве он заботится о том, хорошо или худо корабельным крысам?» Несомненным остается только то, что надо возделывать свой сад, — «работа отгоняет от нас три великих зла: скучу, порок и нужду».

Исследователи много спорили, означают ли слова о возделывании сада, что Вольтер призывал ограничиваться частной жизнью, не вмешиваясь в исторические процессы, в которых человек бессилен. Но сам Вольтер и до, и после «Кандида» продолжал вмешиваться в дела исторического масштаба, предпочитая сделать лучше мало, чем ничего. В «Кандиде» он скорее всего имел в виду то, что обрести душевный покой можно лишь в чем-то простом и выполнимом. И, только исполнив этот минимум, имеет смысл задумываться о большем.

В России, вечно шарагающейся от утопизма к цинизму и обратно, сегодня более чем достаточно иронистов, слепых на тот глаз, которым видят благородное и великое; достает и патетических пророков, безразличных к тому, во что обойдется миру их благородный гнев. Но нам так не хватает просвещенного вольтерянства, умеющего любить высокое, глумиться над низким и не стремящегося разбить терпимое во имя невозможного. Зато делать максимум возможного. А о невозможном не слишком задумываться.

Правильно ли последнее — очень большой вопрос. Лев Толстой говорил, что, если даже ветер и волны — материальные обстоятельства — не позволяют плыть в нужном направлении, все равно не следует выбрасывать компас — идеал. Но устремляться к нему, вовсе не считаясь с ветром и волнами...

Незадолго до смерти Вольтер вернулся в Париж как триумфатор. В театре «Комеди Франсэз» на представлении его последней трагедии «Ирина» ему устроили сверхкоролевское чествование. Он был растроган и все-таки заметил, что это же устроили бы и для Жан-Жака.

После всех ядовитых стрел, выпущенных в католическую церковь, перед смертью Вольтер все-таки исповедовался — надо соблюдать обычай страны, в которой живешь: «Если бы я родился у берегов Ганга, я бы умер с коровьим хвостом в руке». Тем не менее парижский архиепископ запретил его погребение, и его на бальзамированное тело в халате и ночном колпаке отвезли в карете в далекую, по французским меркам, Шампань и предали земле. Сразу же после похорон пришел запрет хоронить его: вольтеровская терпимость все-таки была сочтена нетерпимой.

Когда грянула Великая французская революция, Людовик Шестнадцатый вспомнил опять же Вольтера: «Вот кто погубил монархию!» И был в какой-то мере прав: подрывать предрассудки всегда означает отчасти подрывать устои.

В 1791 году революционный конвент постановил перенести его останки в усыпальницу великих людей Франции — в Пантеон. Там его прах встретился с прахом его недруга Руссо. Одна из самых кровавых и разрушительных революций в истории человечества признала их обоих своими отцами, хотя ни тот, ни другой ее не желали. «Смех Вольтера разрушил больше плача Руссо», — заметил мудрейший Герцен, но он не дожил до катастроф двадцатого века. Разрушительным у Руссо оказался не его «плач», а его пафос, не подтасивание чужих идеалов, а провозглашение собственных.

Умение Вольтера ладить с сильными мира сего Руссо называло придворной изворотливостью, создание им театра в Женеве — развратительством, хотя всегда продолжал чтить его талант: «Из всех моих прежних чувств к вам в сердце у меня осталось только восхищение, в котором нельзя отказать вашему прекрасному дарованию, и любовь к вашим произведениям». Вольтер же считал Жан-Жака с его вечными крайностями опасным безумцем. Защищаясь от его нападок, Вольтер мог даже серьезно повредить ему, но в трудную

минуту все-таки предложил Руссо убежище (от которого тот отказался). Руссо считал, что и «Кандид» метил в него, ибо в полемике с Вольтером он настаивал на том, что Бог создал мир прекрасным и лишь человек его испортил.

В собственной жизни Руссо был столь непрактичен, что более чем кто-либо имел основания считать, что люди отравляют себе жизнь сами. В спутницы он избрал некрасивую бедную девушку (вдобавок покорную своему алчному, малоприятному семейству) единственno из-за того, что она служила предметом насмешек, и лишь через много лет позволил себе мысленно посетовать, что у них с его дорогой Терезой недостает общих предметов для беседы: одно лишь чистое сердце так и не позволило ей прочесть хотя бы те произведения супруга, которыми зачитывались светские дамы и в «обманы» которых влюблялась пушкинская Татьяна. Даже сделавшись одним из знаменитейших писателей Европы, Руссо находил крышу над головой благодаря покровительству аристократических поклонников и поклонниц и всегда сам же разрушал временный покой своей невероятной ранимостью, мнительностью, а то и влюбчивостью. Часто, впрочем, и простодушием. Однажды, оскорбленный нарастающим безверием, он вздумал изобразить свои нежные чувства к Богу и Божьему миру, не стесняясь себя догмами: «Я не знаю другого, более достойного способа почтить Божество, чем этот немой восторг, возбуждаемый созерцанием Его творений и не поддающийся выражению при помощи определенных действий». К его изумлению, ему пришлось спасаться бегством из страны в страну, чернь заbrasывала его камнями, церковные чины требовали для него чуть ли не костра... Это были не шутки: после покушения душевнобольного Дамиена на жизнь Людовика Пятнадцатого была допущена смертная казнь для авторов, издателей и покупателей произведений, посягающих на религию, короля и общественный порядок.

При всем этом Руссо и в теории не считал нужным как-то обуздывать свои мечты: его дарование, верил он, рождено не столько искусственным пером, сколько благородным энтузиазмом. Он всегда творил в состоянии какого-то экстаза, шла ли речь о чувствах влюбленных или о социальных несправедливостях. Вот уже не в первой молодости им овладевает грусть, что он, имея такое чувствительное сердце, созданное для дружбы и любви, так и не вкусили этих радостей в полной мере: «Я плакал, и мне было отрадно давать волю слезам».

«Невозможность овладеть реальными существами толкнула меня в страну химер; не видя в действительности ничего, что было бы достойно моего бреда, я нашел ему пищу в идеальном мире, который мое богатое воображение скоро населило существами, отвечающими потребностям моего сердца... В своих непрерывных восторгах я утывался бурными потоками самых восхитительных чувств, когда-либо наполнивших сердце человека. Совсем забывая о человеческом роде, я создал себе общество из существ совершенных, божественных как своей добродетелью, так и красотой».

Так в слезах и восторгах рождался сентиментализм «Новой Элоизы».

«Я не допускал ни соперничества, ни ссор, ни ревности, потому что всякое тягостное чувство дорого обходится моему воображению, и я не хотел омрачать эту радостную картину ничем, унижающим природу».

И успех «Элоизы» оказался неслыханным. Несмотря на многократные допечатывания, книг не хватало, и торговцы выдавали их напрокат по двенадцать су в час. Публика буквально рыдала. И хотя Вольтер нашел роман глупым, мещанским, бесстыдным и скучным, на протяжении века Разума «Новая Элоиза» была издана более семидесяти раз, а «Кандид» только пятьдесят. Спрос на чистые слезы был пока что выше, чем на смех сквозь слезы.

И, предавшись негодящему социальному состраданию, экстатическая натура Руссо немедленно породила собственный «умственный мир, простой и превосходный порядок», которого он не мог созерцать без восхищения:

«Вскоре, углубившись в него, я стал видеть во взглядах наших мудрецов только заблуждение и безумство, в нашем общественном строе — только гнет и нищету; обольщенный своей глупой гордостью, я считал себя призванным уничтожить все эти авторитеты».

Написанное в этом упоении «Рассуждение о происхождении неравенства среди людей», разумеется, не могло спокойно «рассуждать» о достоинствах и пороках частной собственности: «простой и превосходный порядок» не должны были омрачать никакие пороки. «Первый, кто, огородив участок земли, сказал: это мое,

и нашел людей достаточно простодушных, чтобы этому поверить, был истинным основателем гражданского общества. От скольких преступлений, войн, убийств, от скольких несчастий и ужасов избавил бы род людской тот, кто крикнул бы подобным себе, вырывая колья и засыпая ров: берегитесь слушать этого обманщика, вы погибли, если забудете, что продукты принадлежат всем, а земля — никому». И сколько же войн, убийств, несчастий и ужасов принесли те, кто вырвал эти колья и засыпал рвы...

Изгоняя из своего внутреннего мира все, что может омрачить идеальную мечту, Руссо не стал также разбираться, какие стеснения человеческой свободы необходимы, а какие можно бы и устраниТЬ; в своем «Общественном договоре» он припечатал все государства разом, не вдаваясь в подробности: «Человек рождается быть свободным — и везде в цепях!» Надо заметить, что для самого Руссо были невыносимы даже минимальные ограничения: «Я люблю заниматься пустяками, браться за сто дел и ни одного не кончать; идти куда глаза глядят, ежеминутно изменяя направление; следить за полетом мухи; стараться передвинуть каменную глыбу, чтобы посмотреть, что под ней; горячо приняться за работу, требующую десятилетнего труда, и через десять минут без сожаления бросить ее; наконец целый день бездельничать и во всем следовать лишь минутному капризу». В сравнении с этой «праздностью ребенка» всякая систематическая работа покажется оковами...

Но Руссо, конечно, понимал, что любая совместная деятельность требует подчинения всех участников какой-то единой воле. Хорошо, но пускай тогда эта воля будет их же собственной, то есть Общей Волей. Этую идею — подчинение всех людей единой воле (пускай даже воле большинства) — некоторые исследователи называют основополагающей мыслью государственного тоталитаризма, и против этого трудно что-либо возразить. Можно только еще раз подчеркнуть, что в своих практических суждениях Руссо не посягал на устоявшиеся порядки. Он говорил, что испорчены не столько те народы, у которых законы плохи, сколько те, кто презирает свои законы. Воспевши Общую Волю народа, он проклинал бестолковую, алчную, подстрекаемую смутьями «чернь». Обсуждая самые робкие побеги демократии — не следует ли окружить короля выборными советниками? — Руссо был предельно осторожен: если бы даже преимущества новизны были бесспорны, кто дерзнул бы поколебать те формы, которые складывались тринацать веков?

Когда речь заходила о реальности, а не о «химерах», Руссо начинал уважать исторически сложившиеся учреждения. Другое дело, что подробности реальной жизни не вызывали в нем таких сильных чувств, как фантазии:

«Бытие конечных существ столь бедно и столь ограничено, что, когда мы видим только то, что есть, мы никогда не бываем тронуты. Химеры — вот что приукрашивает действительные предметы, и если воображение не придает прелести тому, что на нас действует, то скучное удовольствие, получаемое от предмета, ограничивается зрением, а сердце остается всегда холодным».

Вот, собственно, в чем и разгадка, отчего Руссо так необуздан в своих социальных трактатах и так сдержан в практических советах: его трактаты были художественными произведениями, творившими прекрасные идеальные миры. И понимать их, а тем более переносить их в жизнь буквально, как это делали те, кто считал себя его учениками, — величайшая примитивность.

Именно об этой примитивности, которая не знает иронии и сомнений, которая все понимает буквально и стремится воплотить в точности, как грезилось, не пугаясь никаких несчастий и ужасов — «Раздавите гадину!» — это Вольтер писал именно о ней. И эта гадина всегда у порога: как все серьезные социальные явления, напористая примитивность тоже бессмертна. Будем бдительны!

Леонид Гиршович¹

«Опыты»

Инструмент самопознания

Я не исследователь музыки Шостаковича, я ее слушатель. Притом болезненно заинтересованный в ней, поскольку она для меня — инструмент самопознания. Рожденный во чреве советского образа жизни, я выстрадал свое происхождение через Шостаковича. В далекой юности я написал весть под названием «Боль в стране инфузорий». Шостакович — певец этой боли, ее Орфей.

Позволю себе несколько общих соображений. Если поэзия это действительно падшая музыка — слово притягивает к себе мысль, а мысль тянет слово книзу — то, начиная с Вагнера, музыка оккупирована словом, подверглась смысловой интервенции. Ошибка считать, что музыка и слово слиты в гармоническое единство, дополняют друг друга и т. п. В силу своей природы они непримиримые враги, ведущие нескончаемый бой за гегемонию. Русская опера, как и русская музыка, как и русская культура в целом, при всей своей значительности явление молодое. Она сложилась в то время, когда текст, либретто, драматургия оценивались наравне с музыкой. Насвистывания, напевания популярных мелодий слушателями — всего этого русская опера уже не знала.

Изменения, которые претерпел гоголевский текст в либретто оперы «Нос», обусловлены сценическими и музыкальными задачами, которыеставил перед собой композитор. Немой кинематограф, строчивший изображение с пулеметной скоростью (молодой Шостакович работал тапером в кино), театр Мейерхольда с его шокирующей обывателя эксцентричностью и немыслимым количеством действующих лиц, а в музыкальном отношении немецкий экспрессионизм вообще и «Воццек» Берга в частности — вот генезис этой оперы. Недивительно, что при изготовлении столь насыщенного либретто в дело пошли и другие произведения Гоголя — а также Достоевский.

Всю жизнь работавший с текстами, Шостакович придавал им большое значение. Либретто «Носа» он писал не один, обычно фигурируют еще три имени: это умерший двадцати одного года отроду режиссер Ионин, это Прейс, будущий автор либретто «Леди Макбет», если я не ошибаюсь, сгинувший в ГУЛАГе, и это не больше не меньше как Замятин, писатель огромного калибра, в двадцатые годы близкий к семье Шостаковичей. Впрочем, его участие в написании либретто композитор отрицал, говоря лишь о «литературных консультациях». Но это могло объясняться политическими причинами. Замятин уже подвергался вовсю критике и вскоре эмигрировал из СССР — редкая привилегия по тогдашним временам. В той мере, в какой «Нос» является сатирой на коммунистический режим, он может считаться детищем замятинских «консультаций». Но даже представляя собой сатиру на современность, а при желании таковую можно усмотреть в чем угодно, опера никак не подрывала устои. Она скорее хулиганская, «анархистская бомба», что не считалось криминалом — артистической богеме еще не было предписано остепениться. Поэтому если замысел оперы и содержал в себе какие-то намеки на злободневность, они тонули в эпатаже именно той самой части публики, которая на официальном языке именовалась классовым врагом. Эти люди ни за что бы не согласились узнать себя в майоре Ковалеве, который отличается от гоголевского персонажа тем, что внушает сострадание. Кстати сказать, и Катерина («Леди Макбет»), в отличие от героини повести Лескова, образ трагический.

Поставленный в Ленинграде, «Нос» не имел успеха ни у завсегдатаев театра Малегот, где обычно шли оперетты, ни у музыкальной критики, стоявшей на позициях пролетарского «опрощенчества» и считавшей — вероятно, справедливо — что рабочим эта опера не нужна. Поддержки влиятельных деятелей культуры, по достоинству оценивших создание молодого композитора, оказалось недостаточно. Глава ленинградской партийной организации Киров, некогда подвизавшийся в провинциальной газете в качестве театрального рецензента, после премьеры только пожал плечами. И все же опера «Нос» была обречена на неуспех не по злой воле тогдашних правителей, а общей культурно-политической ситуацией, которая в этот переходный

¹ Писатель, музыкант.

момент (1930) не была однозначной: прежний социальный заказ себя исчерпал, а новый еще не был четко сформулирован.

По той же причине — острой социальной востребованности — опера «Нос» имела в московском Музикальном Камерном Театре грандиозный успех (1974). Шостаковичу еще оставался год жизни, он еще успел порадоваться возвращению блудного сына по прошествии сорока четырех лет. На премьеру съехалась вся Москва. Учитывая ярко выраженную гротескность произведения, сцена и зрительный зал в тот вечер находились между собой в конкурентных отношениях. Давний друг Шостаковича и адресат многих его писем Исаак Гликман рассказывает, что дирижер еще не поднял руки, как в зале уже что-то заиграло, явно «из другой оперы». Оказывается, это Давид Ойструх, пришедший с кассетником, по ошибке нажал не ту кнопку.

Шостакович — автор всего лишь двух опер. Это очень мало в масштабе созданного им. Тем более, что человеческий голос, хор, положенное на музыку слово постоянно его манят. Можно, конечно, сослаться на Малера, предтечу Шостаковича, который и вовсе не написал ни одной оперы, хотя половина его симфоний включает в себя вокальную партию, не говоря о знаменитых песнях. Однако не следует забывать: обе оперы Шостаковича, и «Нос», и «Леди Макбет Мценского уезда» были запрещены к исполнению, что в условиях сталинской инквизиции равнялось обвинению в ереси со всеми вытекающими из этого последствиями. Возможно, дважды обжегшись на опере, Шостакович с тех пор избегал этого жанра, который и впредь продолжал оставаться удобным объектом для идеологических нападок. Так послевоенным чисткам, известным под названием борьбы с космополитизмом, предшествовало постановление ЦК партии об опере «Великая дружба» композитора Мурадели. В понимании властей оперный жанр находился на передней линии культурно-идеологического фронта.

На вопрос, какое место опера «Нос» занимает в творчестве Шостаковича, логичней всего было бы ответить: она занимает место «Носа», то самое, которое ей отведено самой природой. Лично я убежден: если бы Шостакович ничего кроме нее не написал, она бы все равно ставилась сегодня в Парижской опере. И наоборот, не досчитайся мы в творческом наследии Шостаковича этой оперы, лицо культуры сегодня было бы иным.

(«Ligne 8. Le Journal de l'Opera National de Paris»)

О Скотте Фрэнсисе Фицджеральде замолвите слово

Прежде всего следует напомнить, что я не вхожу в круг избранных, читающих Стерна или Мелвилла на языке оригинала — равно как Флобера, Кеведо или Музиля. Да послужит мне утешением мысль, что насчет таких, как я, содергится лучшая в мире армия — армия переводчиков. Задача, поставленная перед нею, сродни апостольской: литературный текст непереводим, но при этом непереведенным, невоплощенным в другом языке оставаться не может.

Так в моем родном языке возник «филиал английского языка», включая и его американскую ипостась. С поправкой на это и следует относиться к моим дальнейшим замечаниям.

Когда я читаю рассказ Скотта Фицджеральда «Богатый мальчик», начинающийся словами: «Богатые люди не похожи на нас с вами», меня сразу относит к берегам «Анны Карениной» с ее афористическим началом: «Все счастливые семьи похожи друг на друга, каждая несчастливая семья несчастлива по-своему». Мне вообще часто видится за американской прозой двадцатого века большое бородатое лицо — я имею в виду отнюдь не Господа Бога. Однако то, что в Ясной Поляне представлялось спасительным выходом из нравственного тупика, стало бы полной катастрофой в Голливуде, где происходит действие «Последнего магната» Скотта Фицджеральда.

Пишуший о сильном человеке со скрытой трещиной, которая, постепенно разверзаясь, губит его, Фицджеральд обыкновенно дополняет этот образ другим. По сути своей, это оборотная сторона медали: маленький человек, наделенный скрытым величием. Для меня, русского читателя, это не что иное, как парадокс большего, заключенного в меньшем. То есть мистическая формула нравственного подвига, идея которого — или симуляция таковой идеи — служит фундаментом русской литературы.

Всегда считалось — я имею в виду сороковые-пятидесятые годы, да и при жизни Фицджеральда тоже — что доставшееся ему в наследство от Шервуда Андерсона не столь уж и велико, если сопоставить с тем, что получили Фолкнер, Хемингуэй, Дос Пасос. Это осознавалось самим Фицджеральдом — в усугубление своих комплексов. Но это так же и являлось тем стимулятором, тем улестрением, благодаря которому, возделывая

меньшее, чем у его собратьев по литературному труду, поле, Фицджеральд мог втайне надеяться на больший урожай. Я подчеркиваю, что втайне, ибо свое неблагополучие он не скрывал, открыто ставя под сомнение собственную потентность во всем решительно.

«Старая шлюха... Старой шлюхе «Пост» платит по четыре тысячи за раз... Старая шлюха пишет все хуже и хуже...» Это из писем к Хемингуэю, которому делались и иные признания, наподобие того знаменитого, в уборной, когда Фицджеральд просит осмотреть его и сказать, справедливы ли укоры Зельды.

Заниженная самооценка себя, как мужчины, особенно жестоко должна была ранить ввиду того подросткового «мачизма», который исповедовался многими тогдашними интеллектуалами. Добавим к этому острую социальную закомплексованность — не тех, у кого «шики жидкие», а тех, у кого «жемчуг мелкий», что психологически чревато большими осложнениями, чем просто бедность. Это не было тем «здравым классовым чувством», которое поднимают на щит борцы за социальное переустройство общества. Фицджеральд происходит из семьи хоть и обедневший, но отнюдь не бедняцкой, его двоюродный прадед, чье имя он носит, написал текст американского гимна. Фицджеральд учится в Принстоне, а не проходит школу жизни в нищих кварталах какого-нибудь мегаполиса. И все же мне лично чудится некое перестукивание с Драйзером (*sic!*), писателем, между прочим, недавно еще популярном в России, в отличие, скажем, от Франции. (Очевидно, имеются национальные единицы измерений так же и в том, что касается литературы: среднестатистическому русскому читателю, на вопрос о французских поэтах, первым придет в голову Беранже).

Конечно, чувствительность к «коммунизму» в духе Драйзера, кстати, с похвалой отозвавшегося о Фицджеральде в своем выступлении на конгрессе «В защиту культуры» в 1938 году, носила латентный характер. Тем не менее я задаю себе вопрос: не в этой ли скрытой социальности причина того, что Фицджеральду так и не удалось сделаться полноценным представителем «потерянного поколения»?

Не нюхавший европейского пороха мировой войны, Фицджеральд был бы неуместен в компании своих соотечественников, тех, о ком мы читаем в романе «Фиеста» — хотя по первому впечатлению это и не так. Даже пьянство, которым бравируют герои Хемингуэя, в плане литературном весьма продуктивное для их автора, у Фицджеральда принимает форму разрушительного алкоголизма на фоне литературных неудач: после успеха «Великого Гэтсби» кривая его читательской популярности пошла вниз, и «Ночь нежна» (1934г.) была встречена достаточно холодно. В связи с этим я не могу не вспомнить шутку советских времен: писательский успех — это когда напишешь повесть, а потом всю жизнь пьешь, пьешь, пьешь.

По большому счету Фицджеральду не удалась роль «американца в Париже», с таким шиком и кое-где за его счет сыгранная Хемингуэем. Скорей уж он был «американцем в Вене», если учитывать инцестуальную тематику его европейского романа. Вот уж к кому не относится сказанное Оскаром Уайльдом об американцах, которые после смерти попадают в Париж. Роман «Последний магнат», произведение незавершенное и, может быть, обещавшее стать лучшим из написанного писателем, имеет мало общего с Великой Американской Мечтой, имя которой «Елисейские Поля». И это несмотря на голливудский антураж.

Еще каких-то полтора десятка лет — и от Америки Фицджеральда нас будет отделять срок, превышающий человеческий век. Все, относящееся к той эпохе, сделается совсем далеким, совсем крохотным и одновременно, ввиду особенностей культурного пессимизма, где действует закон обратной перспективы, вырастет в нечто неоправданно величие. Этот двоякий оптический эффект подменяет знание впечатлением — вернее, потребность в первом потребностью во втором — и в конце концов перемешивает все. И тогда, мы вспомним об авторе «Великого Гэтсби» под звуки Гершвина, истинного «американца в Париже», чья тень на Елисейских Полях неразлучна с тенью Равеля.

На кольце у Соломона была надпись «*a коль овер*» — «все проходит». Чтобы эта надпись выглядела столь же обнадеживающей, но не такой грустной, переиначим ее: «Все меняется».

(«Transfuge»)

Человек с кометы Галлея

В Москве рассказывают: якобы у одной старушки с допотопных времен хранились «Приключения Гекльберри Финна» с дарственной надписью по-английски. Однажды старушка показала книгу своим просвещенным знакомым. Надпись гласила: «Мадам, Вы спрашивали меня о четырех лучших в мире романах, — вот Вам пятый. Самюэль Клеменс».

Псевдоним Самюэля Лэнгхорна Клеменса навечно — невольничей цепью? — связан с рекой, по которой Гек Финн отправляется в свое великое странствие. Река — дорога, которая сама движется. «Ol' Man River», — поет тяжелый бас.

«Марк Твен» (так объяснял писатель), термин речной навигации: минимальная глубина, пригодная для прохождения судов. Как часто бывает с будущими литературными знаменитостями, биография Самюэля Клеменса поначалу представляет собою калейдоскоп профессий, и в том числе работу в должности помощника лоцмана.

Другое объяснение псевдонима: «Марк твен! — говорит бармену старателю, которому нечем заплатить. — Запишите на мой счет». Самюэль Клеменс не раз слышит это на приисках в Неваде, куда подался после кратковременного пребывания «под ружьем» в стане южан, описанного им весьма красочно.

Псевдоним — грим, который наложен на лицо рассказчика. В случае Марка Твена биографический контекст не так уж важен. Если б в его произведениях морской вихрь мчал парусник к воронке Южного полюса — по примеру Эдгара По — тогда псевдоним был бы другим. Публикует же он свою «Жанну д'Арк» под именем Sieur Luis de Conte. Серебродобытчик из Невады, пишущий об Орлеанской Девственнице, это смешно.

Имя «Марк Твен» задает движение его прозе вглубь материка. Американская проза в принципе «сухопутна», несмотря на все оговорки, из которых величайшая — Мелвилл. Есть что-то провиденциальное в том, что «Моби Дик» оставался романом-невидимкой на протяжении 70 лет и был расколдован, когда поздно было уже что-то менять. При всех внешних отсылках к «Моби Дику» повесть Хемингуэя «Старик и море» должна была бы называться «Старик и рыбы». Море там присутствует по необходимости, поскольку рыбы не водятся в ванне.

Высказывание Хемингуэя, что вся американская литература вышла из «Гекльберри Финна» столь же показательно, сколь и справедливо (сравним со знаменитой фразой, приписываемой Достоевскому: «Все мы вышли из гоголевской "Шинели"»). Американская проза «сухопутна» не в силу огромных пространств, осваиваемых ею, она центростремительна по своей идее. Будучи в рассуждении европейской культуры одной с нею группы крови, Америка ощущает себя центром мироздания и соответственно новым Сионом. Писатели порой вступают с нацией по этому поводу в спор — для отвода глаз или искренне, не играет роли. Между утверждением, что некогда принявшая твоих предков суша — земля обетованная, и отрицанием этого различия никакой; это как описание еврейства юдофобом и юдофилом. (Кстати, один из еврейских анекдотов моего детства перефразирует Марка Твена: «Дружба народов — это когда русские, украинцы, казахи — следуют долгое и нудное перечисление народов, населяющих СССР — объединяются и пойдут бить евреев».)

Есть литературные персонажи, которые в обыденном читательском сознании живут вне всякой связи с именами их творцов: Лолита, сбежав от Гумберта Гумберта, сбежала и от самого Набокова, который жаловался на это: «Все знают «Лолиту», меня не знает никто». Существуют примеры противоположного: прославленный автор — допустим, Горький — а что его прославило, сходу и не вспомнишь. С Марком Твеном не так. Том Сойер и Гек Финн — первое, что приходит в голову при упоминании о писателе. Они живут в читательском сознании бок-о-бок с их создателем. Маленький Самюэль Клеменс отождествляется попрежнему то с одним, то с другим.

Мальчишество идеально сочетается со свежестью молодой культуры, кажущейся неотесанной, неловкой, еще и потому, что она с умопомрачительной скоростью выросла из тех обносков, которые ей достались от Старого Света. Гекльберри Финн мало похож на Оливера Твиста рабовладельческого юга. Врать и придумывать свое английское прошлое ему приходится не только, когда того требует сюжет, его вранье адресовано также и читателю, притом что дальним родственником диккенсовских беспризорников Гек все же являлся.

Но в первую очередь английских родичей Марка Твена следует искать не в XIX веке, а раньше — в социальной сатире Свифта и ироническом психологизме Стерна. Причем Марк Твен-психолог уступает Марку Твену-юмористу, и последний постоянно приходит первому на помощь: «Если б запретным был змей, Адам бы съел и его». Парадоксальным образом для атеиста Марка Твена главным побудительным мотивом человеческих поступков является запретность, что лишний раз подтверждает: до Фрейда никакого атеизма быть не могло. Марк Твен наделен «пасторским» здравым смыслом, чтобы не сказать «тетьполиным»: запретный плод сладок. Это краеугольный камень тогдашней психологии, ее «эдипов комплекс». Достаточно вспомнить эпизод с побелкой забора, которым начинаются «Приключения Тома Сойера».

В рассказе «Знаменитая скачущая лягушка из Калавераса» перед началом лягушачьих «бегов» один из державших пари тайком всыпал горсть дроби в брюхо фаворитке состязания. В некотором роде Марк Твен и сам «знаменитая скачущая лягушка из Калавераса». Его пучит журнализмом. Это родовое проклятие всех сатириков. По законам жанра, сатирик обречен высмеивать общественные пороки, выступать в малоприятной роли моралиста. Марк Твен, личность огромного масштаба и такого же дарования, не признавал самоограничений, налагаемых «чувством ответственности», как сказали бы мы сегодня. Другими словами, не ведал страха сделаться нерукопожатным. Наделенный внешностью отца нации, он точно не рассчитывал расположить эту нацию в свою пользу — ни статьей «Соединённые Линчующие Штаты», ни юмореской «Размышления о науке онанизма». И уж подавно менее всего боялся «оскорбить чувства верующих», говоря, что таких отцов, как Господь Бог, вешают.

На склоне лет позитивист в Марке Твене дрогнул, его вольнодумство окрашивается в черные цвета, его старость не знает просветления. Похоронивший жену и троих детей, писатель лишен утешения мистиков и людей религиозных. Его переживает только дочь Клара, в замужестве Габрилович, связавшая свою судьбу с известным пианистом и многолетним главным дирижером детройтского оркестра Осипом Габриловичем. Клара долгое время будет посмертным цензором рукописей своего отца. Словно предчувствуя это, Марк Твен в романе «Янки из Коннектикута при дворе короля Артура» отправляет на виселицу целый оркестр с дирижером во главе.

По Марку Твену, Земля устроена несуразно. Ни в природе, ни обществе не находит он следов божественного разума. Архитектор мира — полное ничтожество. Надо только посмотреть на себя со стороны («остраненно»), глазами космического пришельца, чтобы стало ясно, сколь жалки мы и отвратительны. О себе Марк Твен говорил, что пришел в этот мир с кометой Галлея и с нею уйдет. Сбылось. Он умер, как и родился, в год ее прохождения: 1835–1910.

(«Transfuge»)

О любви к соленой палочке

— По-быстрому, не задумываясь: французские писатели?
— Мопассан, Бальзак, Стендаль...
— Дюма!
— Это детский. Как Жюль Верн.

Выстраивается памятный ряд: Стендаль — Жерар Филип — «Красное и черное» — «Пармская обитель».

— Мари Анри Бейль. Стендаль — это псевдоним.

— Просто Стендаль? Без имени?

— М-м... — «Мари Анри Стендаль — вроде б не говорят».

Кто-то вспомнил: Фредерик Стендаль... нет, Фредерик де Стендаль. А назывался так по городу, в котором служил в Германии.

И правда, есть такой в ГДР. Скоростные поезда его игнорируют. В окне проплывает что-то мшистое — гэдээровское Берендеево царство. На перроне написано Stendal. Только служил он не здесь, а в Западной Германии, в Брунswickе, по-нашему, в Брауншвейге. Но теперь это уже без разницы.

А что сказано о Стендалье в энциклопедии, чьи золотые корешки я немилосердно искрошил когда-то, когда разглядывал новейшие марки дореволюционных автомобилей? (Ну, во-первых, города с таким названием нет, по-русски пишется, как говорится: «Штендаль».) Справляясь в «Брокгаузе», а в ответ: «”Стенда́ль” см. “Бейль”».

О Бейле большая статья на две страницы — только о Пьере. «Один из крупнейших французских мыслителей». Про его однофамильца буквально пять строк, на которых взгляд не останавливается, как не останавливается междугородний экспресс (ICE) на станции Штендаль. «Бейль, Мари-Генри, известен под псевдонимом де-Стендаль, родился в 1783 г. в Гренобле; сначала посвятил себя, под руководством Реньо, живописи и потом гражданской и военной службе, участвовал в итальянских походах Наполеона I и в войне 1812 г. с Россией. В 1821 г. был назначен французским генеральным консулом в Чивита-Векиа. Ум. в 1842 г. в Париже».

Не густо. Не говоря о том, что немыслимо в эпоху Реставрации бонапартисту, другу карбонариев, на которого австрийки положили глаз, вдруг сделаться генконсулом — вообще где бы то ни было. Десятью годами

позже, после Июльской революции действительно получил место в Чивитавекке (Папская область), хотя первоначально это должен был быть Триест, жемчужина Австрийской Ривьеры.

К этой скучной и неточной биографической справке добавлено несколько слов о Бейле — историке искусства. «Первые труды Б. по эстетике и истории искусства изданы под псевдонимом Бэмби...», нет, «Бомбе...».

Подсчитано, что псевдонимов у глубоко законспирированного Стендяля было сто семьдесят семь: от «Бедняжки» (Поверино) и «Уильяма Крокодайла» (по-нашему «Крокодил Гена») до «Барона де Стендяля, кавалерийского офицера». Он менял их, как карбонарий — пароли и явки. В фальшивой частице «де» по тем временам самозванства было не больше, чем в фальшивых зубах. Последние отнюдь бы не помешали его совершенно беззубому рту. Плещь ему прикрывал какой-то лиловый тупей. Ради полноты картины упомянем «огромный живот прикащика» и коротенькие ножки. Ни дать ни взять кавалерийский офицер.

«Из романов Б., — продолжает русский «Брокгауз», — наибольший интерес возбудил «Красное и черное» (1 т. 1830, 2 т. 1831; рус. пер. А.Н. Плещеева в «Отеч. Зап.» 1874). В Chartreuse de Partie он дает увлекательное описание жизни при маленьком итальянском дворе. На русском языке кроме «Красного и черного» несколько небольших очерков Б. изданы В.В. Чуйко (СПб., 1883)».

Пятый том «Энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрана» («Банки — Бергер») вышел из печати в 1891 году. Вот если б годом позже, когда вступила в эксплуатацию — как бы мы сегодня сказали — новая линия омнибуса, соединявшая Второе кольцо бульваров с Монмартром. Какая связь? Рельсовый путь пролегал у самого кладбища, и несколько безвестных могил предполагалось снести. Например, какого-то мигранта:

ARRIGO BEYLE

MILANESE

SCRISSE

AMO

VISSE

что в переводе с итальянского означает: «Арриго Бейле. Миланец. Писал. Любил. Жил».

Бедняга миланец не был оригинален. Каждый, кто лежит здесь, на кладбище Монмартр, когда-то жил. Любил? Было бы странно, если б нет — с учетом того, что люди в этих краях называют «любовью». Только слово SCRISSE, «писал», открывающее служебной список, лишь оно смущило прокладчиков рельсовой дороги.

И тут удивительное стеченье обстоятельств: когда на Монмартрский холм прокладывали рельсовые пути, в Гренобле, известном своим горным ландшафтом, воинственным характером жителей и своей мини-Бастилией, томился скучой один заезжий молодой поляк. Каждый интеллигентный поляк говорит по-французски. Станислав Стржинский был очень интеллигентен. Не представляя, чем себя занять, он принялся разбирать в местной библиотеке архив, «пыль веков от хартий отряхнув»... ну, не веков — десятилетий. Поразившим его чтением были никому не ведомые романы «Ламьель» (по имени героини) и «Люсьен Левен» («Красное и белое») — полностью опубликованы в 1928 и 1929 годах соответственно. И автобиографические записки некоего Анри Брюлара.

В точке пересечения двух случайностей — решения пустить конку вдоль кладбищенской ограды, несколько при этом нарушив конфигурацию кладбища, и нашумевшей находки польского учителя в провинциальном альпийском городке — заново родился давно почивший да и при жизни мало заметный Стендаль. Можно по пальцам перечесть тех, кто его безоговорочно принял, едва прочитав. Ну, Гете. Ну, Байрон. Ну, Лев Толстой... Вот и все.

Ах да, однажды в Риме, это был декабрь 1834 года, слуга принес ему письмо такого содержания:

«Прибывший из России князь Вяземский узнал, что по воле счастливого случая он оказался под одной крышей с господином де Стендялем, его старым и хорошим знакомым, остроумное, живое и поучительное общество которого доставляло ему столько сладостных и сильных ощущений при чтении «Красного и черного», «Жизни России» и «Прогулок по Риму»: на этом основании и в качестве скромного служителя муз своего Отечества он осмеливается просить господина де Стендяля о милости быть представленным господину де Бейлю.

16 декабря».

А годом раньше Вяземский написал Александру Тургеневу: «Le Rouge et le noir» («Красное и черное»), один из замечательнейших романов, одно из замечательнейших произведений нашего времени». И то же самое Пушкину в письме от 24 августа 1831 года: «Читал ли ты «Le Noir et le rouge?» Замечательное творение».

Греноблю дважды довелось быть родиной Стендадя. В первый раз это произошло 23 января 1783 года в доме мэтра Шерюбена Бейля, персонажа заведомо отрицательного: раз адвокат, значит из тех, кому статья уложения заменяет совесть, а мотивом всех человеческих устремлений представляется желание превратить чужую собственность в свою посредством хитроумного проведения нужного параграфа в дамки.

«Законник» — в этом слове презрение, ненависть, гадливость к тому, чьими стараниями божественное чувство добра и зла утрачивает непосредственное свое значение. Стихийная душа, очарованная душа чтит только один закон — закон сердца.

Анри ненавидел отца, как ненавидел своего отца Жюльен Сорель. Выросший без матери, тоску по ней писатель растворил в своих произведениях: мечта о «вечной женственности» — *Das ewig weibliche zieht uns hinan* — об идеально-женственном, определяла его жизненный вектор. Путь туда, где красота у себя дома, в Италию, лежал в культурном плане через страну, название одного из городов которой он щедро растиражировал — а всего-то, согласно моему «Брокгаузу», в Стендаде двадцать одна тысяча жителей, крахмальное производство да памятник.

Нет, не все пути ведут в Рим, но два как минимум. Бессспорно, право первой ночи за англичанами. Италию «ревнуешь к ним тем остree, что, как известно, ни одна из европейских культур не подходила к Италии так близко, как английская». Лучше Пастернака не скажешь. Но Германия Гете, Германия Винкельмана, Германия немецкоязычного швейцарца Якоба Буркхардта властно требует у Англии свою долю добычи. Право на нее признал и Байрон — тем, что после выхода итальянских эссе Стендадя вступил с ним в переписку. «*Don Giovanni*», «*Le nozze di Figaro*», «*Cosi fan tutte*» Где проходит граница между итальянской и немецкой оперой? Смерть в Венеции Вагнера. «Смерть в Венеции» Томаса Манна.

Немецкий транзит Стендадя не просто понятен или оправдан, он — единственно возможный. Между Францией и Италией нет волнующей тайны. Они вместе росли и не возбуждают друг друга.

Еще один отрицательный персонаж гренобльского детства: иезуит патер Райян. Он тоже достаточно беллетризован, чтобы без труда перемещаться по страницам книг вместе с латынью, которую семинарист Жюльен Сорель вынужбил настолько, что с ее помощью демонстрирует цирковые номера разинувшим рты хозяевам и слугам. Его незамедлительно берут гувернером и по совместительству, как это принято у них, любовником.

Сюжетные комбинации бесхитростны — что на страницах книг, что в жизни, которая, подобно предметному миру французских художников начала XX века, слагается из трех геометрических фигур: треугольника, квадрата и круга. Но художник, оперируя этими тремя элементами, может достигать поразительного эффекта. Простота, откровенность, ясность по своей психологической силе превосходят изломанную нервность декадентского письма. Равнобедренный треугольник «Красного и черного» сотворен из стекла, вот-вот могущего вдребезги разбиться. Своей вершиной он впивается в героя, пронзая его насквозь. А в основании по углам две женщины, сопрано и контратальто. Чем банальней схема, тем убийственней ее воплощение, когда в чертежниках у нас великий геометр.

Грудь госпожи де Реналь заменяет Сорелью материнскую, которую Мари Анри Бейль «в своих мечтах покрывал поцелуями». Когда Анриет Бейль умерла родами, ему было семь лет. То, что умерла родами, еще один камень отца (а не в сестренку). Едва ли не инцестуальная, взывающая к Фрейду, чувственность, приписанная автором герою, заслоняет в памяти Жюльена Сореля юную Матильду де ла Моль. Последняя своими «выходками» компенсирует сексуальную замороженность. «Сказать правду, эти любовные порывы были несколько надуманы». Она глубоко пристыжена тем, что на поверку оказалась «фригидной»: дефлорация не сопровождалась обещанным небесным блаженством. Психологически оправдано превращение Матильды в оскаруальдосскую «Саломею». Остается только заметить, что госпожа де Реналь своему любовнику не мать и не была готова пожертвовать ради его счастья собой и своей страстью.

Финал читателю известен. А коли нет, то больше всего завидуешь счастливчику, который не знает, чем закончится «Гамлет» или «Убийство в Восточном Экспрессе». Разве что всякое корыстное странствие по тексту — а бескорыстного чтения не бывает: у кого-то корысть забыться, убить мучительный тет-а-тет с самим собой, кто-то учится уму разуму, включая писательское ремесло, кому-то нужно написать статью о книге,

которую воленс-ноленс приходится перечитать — в общем, путешествие по тексту всегда корыстно, зато и дает дополнительный улов в придачу к гарантированному минимуму, которым читатель обеспечен уже самим фактом прочтения.

Добрый гений гренобльского детства Стендадя — его дед, врач. Поборник просвещения, знаком с Вольтером: пилигримом ездил к нему в Ферней и был им любезно принят. Доктор Анри Ганьон прямая противоположность иезуиту Раньяну — даром что в сердцах бросил провалившемуся на экзамене внуку: «У доски ты только и сумел что продемонстрировать нам свою толстую задницу». Ходульному конфликту с отцом противопоставляется не менее ходульная сердечность в отношениях с дедом. Еще одна набившая оскомину коллизия, известная в диалектике как закон отрицания отрицания. В устах поколения деда это произвучало бы так: наши внуки отомстят за нас нашим детям.

И внуk мстил. Мистический клерикализм а-ля «сакре кёр», «сердца Иисусова», пришедший на смену вольнодумству, нашел в Стендале яростного врага, не сиюминутного — на все времена.

Наконец он вырывается из-под опеки ненавистной ему парочки: Херувима и Серафимы (своего отца Шерубена и тетки Серафе, состоявших в отношениях отнюдь не серафических). В Париж! В Париж! Так и видишь колымагу с шестью пассажирами на двух трехместных лавках, друг против друга, подушка — забота самого пассажира, под ногами солома. Еще три места снаружи сзади. На облучке подле кучера мужчина устрашающего вида: с подбитым глазом и парой заряженных пистолетов. На крыше обвязанный веревками багаж: туки, сундуки, почта в мешках. Мари-Анри путешествует с деревянным женским баулом, обшитым вытершейся ковровой тканью — память о покойной Анриетт. Когда дорога ведет в гору, выходят и идут пешком, запряженную цугом четверку лошадей приходится беречь. Их перекладывают каждые шесть-семь лье. Ночлег в общей зале. Скорость три лье в час. Путешествие из Гренобля в Париж занимает шесть дней — летом, зимой — в зависимости от метеоусловий. Хотя Наполеон и сказал: «В России нет дорог, есть направления», во Франции со второй половины ноября до второй половины марта (с фримера по жерминаль) дороги тоже — только одно название.

Мари Анри отправился в путь-дорогу в первую декаду брюмера в седьмой год Республики. Судя по воспоминаниям, коим подтверждение мы видим на исторических полотнах, накануне прибытия их дилижанса в Париж там стояла сухая солнечная погода. В этот день в оранжерее дворца в Сен-Клу в последний раз собрался Совет Пятисот. Уже спустя несколько часов власть Директории пала.

— Уберите-ка мне отсюда эту публику! — скомандовал своим гренадерам Мюрат. Так Наполеон становится консулом, свершив «сoup d'état» — государственный переворот.

Приехавший в Париж девятнадцатого брюмера (десятого ноября) 1799 года Мари Анри Бейль и не подумал поступать в Политех — предполагалось, что он запишется в Политехническую школу, ввиду пробудившегося интереса к геометрии. Вместо этого на волне героических событий, используя родственные связи с влиятельным семейством Дарю, он становится драгунским подпоручиком — сублейтенантом, чей полк в скором времени будет расквартирован в Милане.

Двух с лишком лет молодому сублейтенанту хватило чтобы насладиться романтикой казармы. Уволившись из полка, он возвращается в столицу Империи, где «занимается самообразованием», а именно: совершенствуется в обретении навыков, позволяющих снискать репутацию патентованного бездельника.

Впоследствии, оправдывая свою задвинутость куда-то вглубь литературского сословия, он говорил, что «слава это лотерея, где мне достался 1935-й счастливый билетик». Что не честолюбец, что равнодушен к вниманию журналистов, этих атаманов читательской черни, — вериши. Вериши, что это искренне, а не «зелен виноград». «Он особенно презирал всякое тщеславие и у каждого собеседника старался отыскать какие-нибудь неосновательные притязания, чтобы уничтожить их огнем своих насмешек». Впрочем, эти слова Жорж Санд как раз настораживают. Так скорей ведет себя страдающий в глубине души неудачник.

Тем не менее под вымышленным именем на могильном камне он распорядился начертать эпитафию на чужом языке, словно и впрямь предпочитал оставаться невидимым. Говоря «лучше быть хамелеоном, чем быком», он подразумевал быка с позолоченными на потребу толпе рогами: мол, вот вам Зевс, похититель Европы. «Меня начнут читать около восьмидесятого года», — предрек он.

Он переоценил французского читателя — на пару лет. С другой стороны, утверждать, что Стендаль так уж ни во что не ставил свой век, тоже нельзя. Мериме писал, уже после его смерти:

«Я верю, что какой-нибудь критик XX века обнаружит книги Бейля среди литературного хлама XIX века и воздаст им справедливость». А Стендаль как бы возражает ему из своего всезнающего посмертного зеркалья: «Цивилизация XIX века займет выдающееся место в ряду всех прочих столетий».

Это не помешает Жюльену Сорелю произнести свое сардническое: «Вот истинно нравственный век!» — при виде подправленных картин в салоне маршальши, на одной из которых «видны были совершенно свежие мазки»: это Аполлону был подрисован фиговый листок.

Стендаль никогда не был тем, кем воображал себя в своих мечтах. Он не был воякой, а был интендантской крысой. Не был первым любовником с пламенным взглядом революционера — и даже не был длинноногим белокурым немцем, каким, по собственному признанию, хотел бы видеть себя в зеркале. Он заведомо безнадежно влюблялся в небожительниц — в их глазах стареющий, неаппетитного вида второсортный литератор. А что он не казался смешон в этой роли, то потому лишь, что в те поры быть влюбленным, добиваться предмета своей любви было составной частью общественных и культурных приличий. Мужчине полагалось вести осаду какой-нибудь крепости. Но в еще худшем положении находилась крепость никем не осаждаемая. Любовник-теоретик, получавший отпущение своим греховным желаниям у профессиональных жриц той религии, которую исповедовал с таким пылом, Стендаль редко мог признаться, что понравившаяся ему женщина и, так сказать, его интимная поверенная — одно и то же лицо. Его «донжуанский список» верней было бы назвать «антисписком». Он совсем как тот лицеист, что разложил перед собой миниатюры с изображениями известных красавиц:

— Этой я обладал, этой я обладал... этой — нет, — запирается в клозете.

В одиннадцатый год безбожной Республики — до коронации Наполеона и возвращения к христианскому календарю оставалось уже недолго — Стендаль до потери сознания влюбляется в актрису Мелани, «меланхоличную и стройную женщину». Когда Мелани получает ангажемент в Марселе, он следует за ней — мы помним, как выглядели переезды в то сказочное время. Там он занимается «прикащиком», и по истечении срока ее ангажемента оба возвращаются в Париж. Последствия этого любовного обморока еще долго будут давать себя знать. В последний раз в Москве, когда облаченный в мундир французского офицера, он бросится искать ее «по пожарам». В замужестве Меланья Петровна Баркова, а до того актриса в составе французской труппы, выступавшей на Пречистенском бульваре, Мелани так и не повстречалась ему тогда — да и никогда больше.

Другой любовью Стендalia, которой он мучил себя, была Матильда Висконтини — генеральша Дембовская по мужу-поляку, с которым к тому времени уже успела «развенчаться». Увы! Горячая патриотка беззастенчиво любит Уго Фосколо, поэта, который отказался присягнуть вновь воцарившимся в Милане австрийкам и бежал в Лондон, прихватив с собою сердце Матильды. На льстивом портрете Ф.-К. Фабра Фосколо выглядит, как Пушкин у Кипренского.

Стендаль в любовном отчаянии. Загримированный, в зеленых очках, он ходит за ней по пятам. На какие только сумасбродства он был способен из-за нее — этот одутловатый толстяк, у которого за плечами все горячие точки Европы: итальянские походы, «в 1809 году я подбираю раненых под Эслингом и Ваграмом, выполняю поручения вдоль Дуная, на его оснеженных берегах». «Он один из тех людей, — предполагает Гете, — кого в качестве офицера ли, чиновника или шпиона, а может быть и того, и другого, и третьего вместе метла войны швыряла то туда, то сюда». Смоленск, Москва. В Березине тонут полки его тетрадей.

Но это ничто в сравнении с отвергнутой любовью. «Метильда... — так он ее называл, верный своей манере коверкать имена, — Метильда доводит меня до отчаяния. Она умирает. Я предпочитаю видеть ее мертвой, чем неверной; я пишу, утешаюсь и счастлив».

Матильда Висконтини умерла, как и госпожа де Реналь в «Красном и черном», оставив двух детей, но, в противоположность госпоже де Реналь, не уступив ни пяди себя. Друзья, парижские друзья (рассказывает Стендаль), чтобы как-то его утешить, устроили ему по возвращении веселую пирушку. А в соседней комнате его ждал сюрприз: дебютантка Альбертина — уже в кровати, «отличавшаяся от Метильды только тем, что в глазах у нее было распутство». Какой же бурной была общая реакция на его полное фиаско — этим подтверждалась невосполнимость утраты.

«Мнимых метильд» было до жути много. Как комнаты, куда они приводили охотников, кишмя кищели клопами, такими же самими кишмя кищели улицы. Латинское изречение «по когтям узнаю льва», шутливо переиначенное, звучало: «по лекарству узнаю болезнь». Аптеки массово специализировались на изготовлении

препараторов из ртути. Умирать уже так не умирали, как раньше, но и излечиваться не излечивались. Гнили себе потихоньку, обнадеживая себя мыслью, что большинство людей все равно умирает не от того, от чего лечится. Вероятно, утешался этим и «Крокодил Гена».

Стендаль начал писать лет тридцати трех, до этого писчим материалом ему служили подтяжки, на которых он вел счет своим нечастым победам, гордясь ими, как если бы были победы над врагом. Низложение Наполеона ставит точку в его блестящей карьере квартирмейстера, маркитанта, порученца. Он снова в Милане, снова завсегдатай миланской «Скалы» и модных кофеен. Равно как гостиных, где на каждой шашечке мраморного пола титулованной публики больше, чем звезд на заднике в первой сцене «Севильского цирюльника», только вчера написанного. Напомним, что Матильда — тоже баронесса.

— «Il Barbiere di Siviglia» это высшее достижение музыки, не так ли, дорогой Энрико?

— Выше некуда, баронесса. Быть об заклад, что по третьей пьесе Бомарше уже оперу не напишут. Да это было бы и ненравственно: сочинить оперу под названием «Преступная мать». Не так ли, баронесса?

Да, он снова в Милане. Но теперь у него совсем другой творческий потенциал, который не умещается в солонке остроумия. Нужны перо, бумага, чернила.

Первое же сочинение, «Рим, Неаполь, Флоренция», бьет в цель. «Он привлекает, отталкивает, занимает, выводит из себя; короче, не оторваться. Сколько ни перечитывай, эта книга каждый раз чарует по-новому; некоторые места хочется выучить наизусть». В таких выражениях рекомендует Гете «г-на де Стендalia, кавалерийского офицера» своему другу, композитору Цельтеру (от музыки которого сегодня если что-то и осталось, то это альтовый концерт в репертуаре музучилищ). Завершается письмо неожиданным пассажем: «Он многое видел своими глазами, очень хорошо умеет использовать то, что ему рассказывают другие, а главное, умеет присваивать чужие сочинения. Он переводит куски из моего путешествия по Италии и заявляет, что услышал эту историю от некоей «маркезины».

На суд читающей публики — хотя и не всегда понимающей, что она читает, — представлены: двухтомная «История живописи в Италии», «Прогулки по Риму» (фейерверк остроумия — именно Стендаль ввел в обращение слово «турист»), «Письма о Гайдне», «Жизнь Гайдна, Моцарта, Метастазио», «Жизнь Россини», которой зачитывалось русское столбовое дворянство, не нуждавшееся в переводчике, «Расин и Шекспир» — где гетеевское «но древо жизни зеленеет» как бы перефразировано: но правда жизни торжествует. Правда Шекспира.

Публика встречает эти сочинения благосклонно. «Полон живости и огня, страстно любящий музыку, танец и театр... Вольное и дерзкое перо... Эту книгу мало прочесть, ее надо иметь у себя». Тот же Гете — тому же Цельтеру.

Нулевой интерес зато вызвал трактат «О любви», его *ars amatoria*, где одного из протагонистов зовут Висконти. Сочинение было написано на пике безумств, схождения с ума по Матильде Висконтини. Продались считанные экземпляры.

(Помню, что купившись на название, я так и не сумел одолеть двухсотстраничное эссе «О любви» — то, что читает Заварцев Шурочки в «Сердцах четырех». Автор оседлал своего конька, отчего вышло безумно скучно. Классифицируются виды любви, перечислены и описаны ее этапы: «первая кристаллизация», «вторая кристаллизация». Самый термин «кристаллизация» поясняется на примере: если в соляных копях Зальцбурга оставить оголившуюся за зиму ветку, то через несколько месяцев она покроется сверкающими кристаллами. В моем представлении о любви — в тот момент сугубо семантическом — веточка должна быть засахаренной. Я читал это очень давно, четырнадцать или пятнадцать лет — тогда же, когда и «Доктора Живаго», тоже не оправдавшего моих ожиданий — антисоветских. Но там, у Пастернака, была «рябина в сахаре», много лет спустя вытянувшая «Доктора Живаго» на одно из первых мест в моем литературном каноне. Что до стендалевской «кристаллизации», то она ассоциировалась с обсыпанными крупной солью хрустящими палочками, подававшимися в пивных.)

Есть такое мнение: начни Стендаль как романист, а кончи как эссеист, все было бы иначе и не пришлось бы ему констатировать, что понимание его произведений — удел «нескольких счастливчиков». Что стоило в первом приступе вдохновенья, когда полон сил и желаний, сойтись с музой молодых: замыслить роман, с点儿ть поэму? А после, подустав — «всю полноту совершенства испытав» — предаться рассуждениям, как и подобает зрелости. Вообразим себе Ираклия Андronикова, в котором вдруг просыпается Василий Гроссман. Какое разочарование.

Это сопоставление, чересчур лестное для популярного пародиста, навеяно темами его сketчей: Ленинградская филармония — та же «Ла Скала». У Стендяля велика потребность в музыкальном переживании. Это проявляется решительно во всем им написанном. Нередко Стендаль точнее главного авторитета эпохи по части музыки Э.Т.А. Гофмана. Удивительно! Ведь для истинного француза музыка это то, подо что танцуют. За примерами далеко ходить не надо: во Франции «Интернационал» звучит *alla breve* — вприпрыжку — а не как у серьезных немцев или у русских: «в спокойствии чинном».

Откуда эта глубинная музыкальность в уроженце Гренобля — а не какой-нибудь Тюриングии или венского предместья? Ответ «от Бога» исключается: «Извинить Бога может только то, что Его нет». Стендаль был не напрасно пасынком своего времени, метафизический туман которого все еще озарялся отсветом предыдущего столетия. А оно не жаловало парадоксы — не говоря уж о парадоксалистах. Парадокс разрушителен, он враг логики и красоты. Вот что писала «Фигаро» в 1888 году — в тысяча восемьсот восемьдесят восьмом! «Этот изготавитель парадоксов сам был ходячим парадоксом. Этот утонченный ценитель прекрасного был урод, коротышка, толстяк».

В глазах современников человек, написавший «Красное и черное», состоял из противоречий, делавших невозможным чтение (понимание) его романов. И это-то при простоте их слога, по тогдашним меркам вызывающей, доходящей до неприличия с точки зрения не то что хорошего — элементарного вкуса. Вы посмотрите на этого Фредерика де Стендяля: атеист, обожающий слушать мессы; эготист-романтик (все правильно, с «т» — что-то вроде воинствующего индивидуалиста) и в то же время безымянный мастер, со средневековым цемодурием прячущий лицо за 177-ю псевдонимами. Одним словом, «на четверть гений, на три четверти негодяй», как без обиняков охарактеризовала его «Пэлл-Мэлл Газетт» (1892 г.).

А еще он хладнокровный вивисектор, благодаря чему в характере Жюльена Сореля сам черт ногу сломит. То смельчак, болеешь за него всей душой — то хитрец и негодяй (яблоко от яблони далеко не падает). Готов на все — но непонятно во имя чего. Омерзительная личность — и смеет быть красавцем. Никакой логики. Однако есть справедливость на свете: автор всегда бывает наказан за порочные наклонности своих героев — тем, что подозревается в них сам.

К тому же эти тексты написаны левой ногой, зато со скоростью ракеты: «Пармская обитель» — за пятьдесят два дня. Проблемы стиля суть проблемы жанра, которому надо четко следовать, иначе будешь, как твой герой: «хочу и того, и этого» — что позволяет Набокову, классицисту, аристократу, озабоченному если не чистотой крови, то чистотой жанра, низвести Стендяля в разряд журналистов. Роман должен быть романом, рассказ должен быть рассказом, статья должна быть статьей. Столь ценимый Набоковым Флобер, облизывавший свои романы подолгу, как ребенок мороженое, пишет — в приватном письме: «Прочитав «Красное и черное», я совершенно не понял, почему Бальзак восторгается подобным писателем».

А Бальзак и не восторгается, он политиканствует. Он как будто знает, что в следующем веке всем припомнят отношение к Стендalu. В статье, известной как «Этюд о Бейле» и писавшейся уже «под занавес» (1840 г.), он объявляет Стендяля «выдающимся мастером литературы идей», одним этим сближая свою позицию с набоковской: что такое литература идей, если не journalism? Перечислив достоинства «Пармской обители» (с оговоркой: «Я знаю, сколько насмешек вызовет мое восхищение»), он переходит к «погрешностям... не столько против искусства, сколько против обязанности писателя приносить жертвы в интересах большинства. В противном случае г. Бейль рискует оказаться непонятым». Не торопитесь увидеть в этом скрытый комплимент бескомпромиссности художника. Риск остаться непонятым проистекает из того, «чего большой художник поостережется... Главная слабость — стиль... слог у него небрежный... бесчисленные «это», «что», «который» утомляют читателя, как поездка в тряском дилижансе по французским дорогам... Шатобриан говорил в одиннадцатом издании «Атала», что эта книга ничуть не похожа на предыдущие издания, настолько он выправил ее. Граф де Местр признавался, что семнадцать раз переписывал «Прокаженного из долины Аосты». Я желал бы, чтобы господин Бейль также принялся за переработку, за шлифовку «Пармской обители», и тогда этот роман приобретет тот блеск безупречной красоты, который гг. Шатобриан и де Местр придали своим любимым книгам». Надо еще знать, чем были эти два имени для Стендяля, вызвавшего сослуживца на дуэль за то, что ему понравились у Шатобриана слова: «Неопределенная вершина лесов».

«Я повстречал господина Бейля на Итальянском бульваре перед тем, как взял на себя смелость похвалить «Пармскую обитель» — пишет Бальзак. — Его внешность — он очень тучен — на первый взгляд противоречит тонкости ума».

Все как один в пленау шаблона «говорящей внешности», ими же измыщленного «в интересах большинства». Как у Горького: красивый — всегда смелый.

Должно быть, Стендаль был настолько литературно нерукопожатен и затираем, что не один Флобер — все кругом сочли отзыв Бальзака чрезмерно хвалебным и таковым считали еще спустя полвека после написания. «Бальзак был пьян, когда сочинял эти лживые гиперболы», — предполагает автор уже упомянутой мной статейки в «Фигаро».

За десять месяцев до смерти Стендаль — у которого, помимо венерического заболевания, с возрастом развилось множество болезней: подагра, артериальный склероз, спазмы головного мозга, сопровождавшиеся временной потерей речи, — переносит инсульт. Оправившись и сознавая, что занавес вот-вот опустится, он... едет в Италию и там заводит роман. Он продолжает, как ни в чем не бывало, писать — с того места, на котором остановился. Рука не дотягивается до чернильницы, и приходится диктовать. Для кого он это делал? Не было и в мыслях навести порядок в бумагах. Если бы ангел смерти явился ему со словами: «Собирайся, ты, безымянный обладатель сотен имен», он бы ответил: «Минуточку, только закончу предложение». Он не находит ничего смешного в том, чтобы умереть на улице, если это не подстроено нарочно.

Стефано Росси, папский легат в Чивитавекье, — кардинал Лембрускини: «Должен уведомить Ваше Высокопреосвященство, что наш, столь дурно известный Бейль, французский консул, умер на улице от апоплексического удара. Великое учение, оплеванное им в романах, распространяемых под ложным именем Фредерика Стендalia, побуждает нас сожалеть о способе, коим его постигла Божья кара» — другими словами, христианское милосердие не позволяет порадоваться тому, что Стендаль умер, не причастившись и не получив отпущения грехов.

Это случилось 8 марта 1842 года, на улице Нев-де-Капусин, близ Оперы, прямо на панели. (Вздохнем: близ Оперы...) К тому времени смерть была для него избавлением от множества неудобств. «Худшее из мучений в тюрьме это невозможность запереть свою дверь». Теперь он ее запер.

Бальзак восклицает:

— Умер один из самых выдающихся умов нашей эпохи... — заметьте, не писателей. Верный себе в этом отношении, Бальзак поспешил добавить: — Но он недостаточно заботился о форме, писал, как птица поет, — что означает: как Бог на душу положит.

Мне где-то попалось, что за гробом шли четверо: двое анонимов, а двое других — Мериме и Александр Тургенев. И Тургенев сказал: «Еще ни один француз так долго меня не слушал» (слова князя Коразова из «Красного и черного»).

Как бы там ни было, русская судьба Стендalia сложилась счастливо: «в Москве не горит, в Березине не тонет». В 1822 году в «Сыне Отечества» был опубликован небольшой набросок к вышедшей лишь годом позже «Жизни Россини». Как некогда в Париже схватились не на жизнь, а на смерть «глюкисты» с «пиччинистами», так московское общество разделилось на «моцартистов» и «rossинистов». Позже Одоевский в статье «О музыке в Москве и о московских концертах 1825 года» упомянет «целое сочинение в двух томах барона Стендгала («La Vie de Rossini»)», которое «все равно не опровергнет той истины, что Россини сочиняет для удовольствия слуха, а Моцарт к сему удовольствию присоединяет наслаждение сердечное».

Все, имя произнесено: Стендаль — в полном соответствии с грамматической нормой, предписывающей букву «h» транскрибировать буквой «г». Тогда же в Москве единоразово выпущен «дайджест» иностранной периодики с упоминанием Стендalia как автора «Истории живописи в Италии», точнее, инициалов, под которыми она вышла. А в «Московском Телеграфе» печатаются, заимствованные из «Ревю британик», «Письма англичанина из Парижа», каковым безымянным англичанином опять же оказывается Стендаль. От редакции сказано: «Беглые, но весьма остроумные замечания сии показывают образ суждения англичан о литературе и светской жизни нынешних французов, которые почти во всех отношениях имеют для русского читателя цену любопытной новости».

Ни Вяземскому, ни Тургеневу нет нужды дожидаться 1874 года, чтобы, прочитав «Красное и черное» в переводе Плещеева, признать в нем «одно из замечательнейших творений нашего времени». По счастью, эти русские баре не только франкофоны, но и свободны от чужих предрассудков и фобий.

Когда Пушкин, скупой на похвалу французам — его предметом была Англия, а сердце билось в унисон с заступами декабристов — все же согласился, что да, «хороший роман», он, надо думать, соглашался не с «простодушным» Вяземским, а с Байроном. «Имя барона Стендalia, — писала «Литературная газета», одним

из соредакторов которой Пушкин являлся, — вымыщенное. Под ним и под разными другими долго скрывался один остроумный французский писатель г. Бель (Beyle). Лорд Байрон почтил г. Беля письмом, в котором сказал много лестного сему автору-псевдониму».

Толстой тоже принадлежал к числу тех, кто мог оценить романы Стендяля без посредничества перевода. Биографу своему Петру Сергиенке он рассказывает о первом своем литературном опыте шестнадцатилетнего подростка: «Это был философский трактат в подражание Стендялю». На дворе стоял 1844 год. Какому шестнадцатилетнему юнцу во Франции, если только на нем не лежит проклятие Бодлера, пришло бы в голову читать Стендяля? На все вопросы о Диккенсе как о своем главном учителе Толстой неизменно отвечал: «Нет, Стендаль, как я уже говорил». Что правда. Рефлектирующим психологизмом своих персонажей, благодаря чему они отрещены от его безмерного учительства, Толстой обязан Стендялю — а не только, как утверждал в разговоре с Ипполитом Тэном, батальными сценами в «Войне и мире»: «Я обязан ему более, чем кому-либо: я обязан ему тем, что понял войну. Перечитайте в «Пармской обители» рассказ о битве при Ватерлоо. Кто до него так описал войну, то есть такой, какой бывает она на самом деле?.. Во всем том, что я знаю о войне, мой первый учитель — Стендаль».

Ватерлоо в «Пармской обители» не имеет ничего общего с героическим мифом в передаче Виктора Гюго — еще одного, кого трясло от имени Стендяля. Это даже не реализм в изображении войны, что обычно ставили в заслугу Стендялю и Толстому. Это проповедуемая формальной школой «остраненность» взгляда в сочетании с экзистенциализмом, с отчужденностью каждого из нас перед лицом смерти. Вот что делает Толстого, бородатого пацифиста не без тонкого душка ксенофобии, и цинического Стендяля двойниками «во всем том, что они знают о войне».

Необъяснимей всего Стендаль отразился в творчестве Достоевского, который его не читал — так на фотографии или в зеркале вдруг замечают лицо умершего. Не думаю, чтобы французский язык Достоевского позволил ему прочесть *«Le Rouge et le noir»*. Не те университеты, не те гувернери. Стендаль не упоминается ни в одном из его писем. Это пример вопиющей не-встречи, вопиющей несправедливости, когда рука с эстакетой промахивается. Достоевский — первейший адресат Стендяля в России — и самое загадочное в этом, самое «достоевское», что каким-то сверхчувственным способом послание он все же получил. Почему-то всегда вспоминают Раскольникова. Тут что ни вспоминай, всё в строю. И Ставрогин, кусающий губернатора за ухо, как это сделал малыш Анри Брюлар, укусивший родственницу, вместо того чтобы запечатлеть почтительный поцелуй на подставленной ему щеке. И Жюльен Сорель, «добрый молодец, попавший в беду». И дуэт Грушеньки (меццо-сопрано) и Катерины Ивановны (колоратурное сопрано). И ненавистный старики-отец: «Не презирай босоножку — перлы!» — когда босая ножка тетушки Серафе ступает летним утром по газону, возбуждая в ребенке желание стиснуть гадкую тетушку в своих объятьях.

Не-встреча бывает такая, что паче встречи.

Недавно, бродя по Вильнюсу, по «русской Вильне стародавной», я набрел на дом о двух мемориальных досках. На одной было написано по-французски и по-литовски: «В этом доме в декабре 1812 года во время отступления наполеоновской армии останавливался французский писатель Стендаль (1783–1842)». На другой, соседней, по-русски и по-литовски: «В этом доме в 1940–1949 годах жил известный ученый, философ, историк европейской культуры Лев Карсавин». Из этого дома Карсавина увезут в край вечной мерзлоты, откуда миллионам не будет возврата.

Можно сказать, что XX век стал веком Стендяля. «Пармская обитель», «Красное и черное» были переведены на все языки. Включая язык, на котором были написаны: экранизация — тот же перевод. Быть перелопаченным на язык кинематографа, превратиться в костюмированное зрелище — такова судьба книг, которых одни знать не желали, другие вслед за автором считали достоянием избранных, «нескольких счастливцев». Обрадовал бы Стендаль гром рукоплесканий, мировой ажиотаж? Лишь в одном случае: если бы это огорчило Шатобриана, Гюго и иже с ними. Если бы это заставило баронессу Висконтини сожалеть о своей неуступчивости. Если бы патер Райян, подоткнув подол, пустился наутек. Опечалило бы нас с вами, читатель, если бы этого все же не произошло и романы Стендяля остались достоянием книжной полки, а понимание их — уделом «нескольких счастливцев», в том числе нас с вами? Нет ответа.

Не скажу, что настоящим заметкам предшествовала долгая исследовательская работа.

Они питались подножным кормом интернета в соединении с тем малым, что удерживала моя память. Главное, уяснить себе, что Стендаль — это очень непросто и менее всего название кинотеатра, куда выстраивается многомиллионная очередь на «Красное и черное» с Жераром Филиппом.

Дмитрий Бобышев¹

Новый дом русских поэтов

Статья Дмитрия Бобышева «Новый дом русских поэтов» представляет собой краткий очерк освоения Америки русскими поэтами, начиная с Пушкина и кончая Третьей волной эмиграции. В статье приводятся множественные примеры стихов на эту тему, показывающих спектр восприятия Америки «новыми Колумбами» — от путешествующих Бальмонта, Маяковского и Есенина до эмигрантов Елагина и Бродского, включая ещё многих первоклассных поэтов Русского рассеяния.

В стародавние времена считалось, что прагматическая и недостаточно цивилизованная Америка — не место для поэзии. Можно было бы назвать Пушкина, напечатавшего в «Современнике» очерк об американском мальчике, захваченном индейцами и 30 лет прожившем среди них. Здесь неотъемлемым от поэзии было одно лишь имя автора, в остальном же этот очерк являлся едкой критикой общественных нравов в Америке и её демократии «в народе, не имеющем дворянства». Однако, сама заокеанская жизнь с её свободой, динамикой и неограниченными возможностями, жизнь, полная приключений и опасностей, создавала целое облако вымыслов о ней. Этот романтический образ страны поддерживали ранние американские писатели Вашингтон Ирвинг, Майн Рид, Фенимор Купер, — любимцы европейского и, в частности, русского юношества. Сколько мальчиков (вроде Тёмы из Гарина-Михайловского или чеховского «Монтигомо») мечтали сбежать туда от взросления — в игры детства, в прерии с бизонами и ковбоями или в леса с индейцами и звероловами! В их сознании Америка превратилась в мифологическое пространство, в подобие зазеркалья, куда можно было кануть без возврата, а если и вернуться назад, то уже с новым, непередаваемым опытом, как достоевские «бессы» Ставрогин и Шатов, перешагнувшие черту запредела.

Между тем, новосветская литература развивалась и крепла, давая миру высокие образцы прозы, поэзии и общественной мысли, которые, к сожалению, не скоро переводились на русский и, следовательно, не торопились войти в круг тем, обсуждаемых светом. С большим опозданием русский читатель оценил библейский пафос и мужественность героев Германа Мелвилла или трепетные строки Эмили Дикинсон, но всё же нельзя сказать, что великие идеи трансценденталистов Уолдо Эмерсона и Генри Торо прошли мимо России. Они оказалисьозвучны учению Льва Толстого, уже через него воздействуя на русскую литературу и общество.

Одним из культурных первопроходцев Нового Света оказался знаменитый новатор русского стиха и путешественник, поэт Константин Бальмонт. Он побывал не только в «каменных джунглях» Нью-Йорка, но и углубился в материковую сердцевину Америки, вдохнул воздух её прерий и ветер Великих озёр. Он вынес оттуда в своих переводах поэзию Эдгара Аллана По и Уолта Уитмена. Эти имена стали частью русской культуры, как раз в нужное время, — когда формировался отечественный модернизм. Много путешествовавший, но так и не добравшийся до Америки Иван Бунин тоже внёс свой американский и до сих пор никем не превзойдённый вклад в русскую культуру, переведя эпос Генри Лонгфелло «Песнь о Гайавате». А его современник Владимир Короленко, поездивший по Америке, вывез оттуда отнюдь не поэтические, — наоборот, полные социального пафоса очерки и повесть «Без языка» про нашего злосчастного (а, может быть, просто туповатого?) соотечественника.

Но дальнейших отражений в русском зеркале Америке пришлось ещё ждать долго. Знаменитые гастро-лёры должны были пожаловать в Новый Свет, чтобы с высоты охватив его единственным взглядом, вынести полное и окончательное суждение. Однако, поверхностный подход, в особенности если он политически ангажирован, мог стать причиной мелких, но смешных ошибок. Так «попался» Максим Горький, написавший макабрический памфlet о Нью-Йорке как о городе «Жёлтого Дьявола» и опрометчиво назвавший джаз «музыкой толстых», то есть усладой разжиревших капиталистов. Невдомёк ему было, что это как раз музыка чёрной бедноты, место рождения которой — достославный сарай *«Reservation Hall»* в Новом Орлеане. Подобным же образом топографическая ошибка свела на нет весь политический пафос стихотворения Владимира Маяковского «Бруклинский мост». Великому кубофутуристу не мог не понравиться, хотя бы эстетически, Нью-Йорк и в особенности мощные формы моста, перекинутого из Бруклина на Манхэттен через Ист-Ривер. Но, выполняя идеологическую задачу, поэт заставил безработных прыгать оттуда в ... реку Гудзон, протекающую по

¹ Поэт, эссеист, мемуарист, профессор Иллинойского университета в г. Шампейн-Урбана, США.

другую сторону острова, для чего они должны были бы перелететь через все небоскрёбы Даунтауна! Нет, для адекватного описания этих мест недостаточно иметь статус туриста или гастролёра, надо туда прибыть реальным поселенцем с котомкой на плечах и надеждой в сердце.

Однако волны русского люда, покидавшие свою катастрофическую родину, а заодно с ними и русские литераторы оседали в тех местах, куда Бог пошлёт: в Болгарии, Югославии, Германии, Бельгии, Франции, даже в Китае, но только не в Америке. Правда, Давид Бурлюк уже осел в Нью-Йорке, обнаружив там целую колонию соотечественников: то были кишинёвские, одесские, киевские евреи, которые после погромов спра-ведливо посчитали Россию небезопасным местом. Но и в 20-е, и в 30-е годы свеча русской поэзии уже затеплилась на обоих побережьях — Атлантическом и Тихоокеанском. И на том, и на другом (и даже на бе-регах Великих озёр) возникли сообщества русских стихотворцев, которые выпустили первые коллективные сборники с говорящими названиями: «Из Америки», «Земля Колумба», «У Золотых ворот». За подробностями о них я отсылаю читателя к исследованию Вадима Крейда «К истории русской поэзии Америки», которое я, разумеется, не берусь пересказывать.

В конце 30-х уже вся Европа стала просто опасна. В самый разгар Мировой войны среди многих русских (уже дважды эмигрантов) в Америку переселяются оттуда литературно активные люди, которые способны тут же начать действовать и возрождать жизнь и словесность на новом месте. Среди них — Андрей Седых, будущий редактор газеты «Новое Русское Слово», семья Цейтлиных, основавших теперь уже старейший «Но-вый Журнал», Софья Прейгель, зачинательница журнала «Новоселье». Сами названия этих периодических изданий говорят о мужественном стремлении обустроить свой новый дом и прочно в нём обосноваться:

Пьяный от света бескрайнего,
От молодого луча,
Спит среди плеска трамвайного
Город, похожий на тайного,
Нищего богача.

Это проницательный взгляд Софьи Прейгель на город, в котором легко угадывается Нью-Йорк, взгляд не приезжего — из гостиницы, а уже местной жительницы из своего окна. Но заметим, что полного доверия к округе у неё нет, а есть оглядка и осторожность...

В течение 40-х и до самого начала 50-х «Америки увидели холмы» не только Иван Елагин, автор этой эпической строчки или его жена, поэтесса Ольга Анстей, но и многочисленные попутчики, — перемещённые войной лица из числа советских беженцев, пленных и угнанных на принудительные работы, как, например, Валентина Синкевич, а также более ранних эмигрантов из России в Восточную Европу, которые вынуждены были податься ещё дальше от коммунистических освободителей. Среди них были Игорь Чиннов, оставивший своё эмигрантское домовье в Латвии, и Юрий Иваск — в Эстонии.

Осознание своего нового дома для многих, если не для всех эмигрантов стало непростым процессом. Это могло быть заведомым предубеждением, страхом перед отдалённой чужбиной и неизвестностью. Подобные чувства «с сердцем» высказаны в строках Елагина:

А чорт ли нам в Алабаме?
Что нам чужая трава?
Мы и в могильной яме
Мёртвыми, злыми губами
Произнесём: «Москва».

Однако путь в Москву был уже, как говорится с обратным знаком, заказан, и приходилось нехотя, со сму-щением, с провинциальной застенчивостью принимать новый дом таким, каков он есть, описывая, например, стриптиз:

...Какая-то дрянь раздевалась
На сцене ночной догола.
...Я тоже со всей этой дрянью
В какую-то яму лечу.

В дальнейшем Елагин переехал в Питтсбург, «помирился» и примирялся с Америкой, увидел в ней красу и посвятил много ярких стихов, описывающих и даже воспевающих её природу и урбанистические пейзажи. Но позднее, хотя поэт и декларировал, что ему «незнакома горечь ностальгии», он, однако, признавался, что всё же для полноты жизни «не хватает русского окна».

Поэт схожей судьбы, словесник Иван Буркин поначалу совсем затерялся «в каменных крестословицах Нью-Йорка», в то время как память подавала ему «на золотой ложке душистые стихи Хлебникова». В абстрактных нумерованных пересечениях, как он решил, уже не *бытие* (по Марксу), а «*небытие* определяет сознание». Даже переехав в пёстрый субтропический мир Калифорнии, этот игровой, а иногда и бурлескный поэт продолжал сетовать:

Есть страна Зарубежье.
Никакой панорамы.
Лишь провалы и бездна.
Лишь ухабы и ямы.

Но, наконец, и он обрёл там, на холмах Сан-Франциско, где «адрес засыпан сиренью», свой дом, о котором горделиво писал:

Живу, словно бог олимпийский,
На самой вершине горы.

Поодаль от него, но тоже на Дальнем Западе, нашёл себе обитель ещё один словесник-виртуоз — Николай Моршен, куда привела его извилистая судьба «перемещённого лица». Природа Северной Калифорнии обуяла и очаровала озабоченного своими проблемами новосёла, с поникшей головой бредущего по лесу. Вдруг он обратил внимание на «огнелистые дубы», заглядевшись на них и тут же ощутил поддержку самого леса, «бессловесного старожила»: «...и осина уронила прямо в душу — золотой, ... и гигантская секвойя грудью стала за меня». Поэт оплатил эту «лесную опеку» сполна — великолепными русскими стихами.

Итоговым сборником поэтов Второй волны стала антология «Берега», собранная и изданная в 1992 году поэтессой Валентиной Синкевич, живущей в Филадельфии. «Берега» вызвали жаркую дискуссию, в которой участвовала и советская сторона (разумеется, негативно). Но такие споры, наконец, взломали лёд замалчивания и непонимания, тяготивший всех послевоенных эмигрантов.

Среди иммигрантов Ди-Пи (*displaced persons*), прибывших в Америку, были русские поэты из Прибалтики, которые относили себя к Первой волне. Родившиеся в России и покинувшие её в детском возрасте, они испытывали на себе все перипетии буферных государств, оказавшихся то под нацистами, то под коммунистами, и в результате разделили судьбу остальных «перемещённых лиц».

Борис Нарциссов (это не псевдоним, а настоящее имя) после многих бедствий и опасностей военного времени встречается с Нью-Йорком как с ещё одним приключением, заготовленным для него жизнью. Однако, агрессивную новизну города он гасит сниженным, бытовым описанием:

Зимой Манхаттан угощает
Коктейлем ветра с мокрым снегом,
Приправленным бензинной гарью,
И сумерки свинцово-неприветны.
Великолепно!

Неожиданный возглас вызван тем, что «лихорадка жизни наконец-то одолена», следуя эпиграфу из Эдгара По, и теперь оба поэта могут разговаривать в тишине и покое. Они ведут диалог о таинственных и страшных силах, влияющих на судьбы людей. Ярких фантастических образов в стихах у Нарциссова немало, и это роднит его с великим американским собратом.

Игорь Чиннов, тоже дважды эмигрант и продолжатель Парижской ноты, скорей снобирует, чем ведёт диалог с Новым Светом, по-своему оценивая его эстетически, и диснеевский Микки Маус, конечно, является

сильнейшим пробным испытанием для изысканного европейца. Но Чиннов его преодолел элегантным образом, зарифмовав со словом «жизни» — слово «Дизни»!

Вкусы Чиннова во многом разделял Юрий Иваск, его приятель ещё с тех времён, когда оба жили в соседних государствах (соответственно в Латвии и Эстонии). Из них двоих Иваск оказался в Америке раньше, и его первые впечатления на новом месте были совсем не радужными:

Нью-Йорка оттопыренные пальцы
Скребли замызганные небеса.
Грязца, возня бродячего Бродвея,
Который уносился к чёрту, вея
Зловониями, и увеселял.

Тем не менее, он зазывал друга, хлопотами способствовал его переезду, и уже американцами они вместе путешествовали по свету, включая любимую ими Мексику и Европу. Я познакомился с обоими вскоре по прибытии в Штаты и, желая скорей укорениться в новой жизни, не раз говорил с ними на эту тему. Иваск признавался: «Америка — это удобства, при всей благодарности к этой стране. Но моя любовь — Европа. А наши читатели все в России». Я возражал: мне Америка нравилась не только удобствами, но и многим ещё, в том числе дикой природой. На это Иваск ответил: «Гора только тогда имеет смысл, если на её вершине стоит какой-нибудь замок».

И всё же он ценил своё последнее обиталище в прелестном городке Новой Англии — Амхерсте, где когда-то жила затворницей Эмили Дикinson. Там был его скромный дом, который он обозначал немецкой поговоркой «*Klein aber mein*» (мал, да мой):

Я собственностью малой обладаю.
Рябина, вишня, четверня берёз.
Ограда ёлочная. Хата с краю,
Где книгами до потолка оброс.

Милы мои осенние Сабины.
Опоссумы, бурундуки, дрозды.
Незваный рой: назойливый, осиный.
Несносные стихи на все лады.

Там же Иваск и похоронен — на старом городском кладбище, в двух шагах от Эмили, своей «соседки».

В самом начале 70-х дотоле закрытые границы Советского Союза приоткрылись, и оттуда хлынула новая, Третья волна эмиграции. Официально выпускались только евреи, только ради воссоединения семей и только в Израиль. Но на самом деле выезжали люди и других национальностей, при этом семьи зачастую, наоборот, разлучались, к тому же в Израиль направлялась только часть эмигрантов, а значительная их доля предпочла поселиться в Соединённых Штатах. Среди них было много пишущей публики и несколько общепризнанных «звезд».

К моему приезду в Америку в 1979-м году там уже хорошо обосновались собратья по перу Иосиф Бродский и Лев Лосев. Мы лично не общались, но надеюсь, взаимно следили за публикациями друг друга. В рамках означенной здесь темы, (а она тогда касалась меня весьма ощутимо), я с интересом наблюдал, как воспринимается новая жизнь и новая страна поэтами, которых я знал по прошлой жизни. Вот, например, Бродский:

В те времена в стране зубных врачей,
чи дочери выписывают вещи
из Лондона, чи стиснутые клещи
вздымают вверх на знамени ничей
Зуб Мудрости, я, прячущий во рту
развалины почище Парфенона,

шпион, лазутчик, пятая колонна
гнилой провинции — в быту
профессор красноречия — я жил
в колледже возле Главного из Пресных
Озер, куда из недорослей местных
был призван для вытягиванья жил.

«Страна зубных врачей» — и это всё, что стоит сказать о новообретённом прибежище? Отчего же дантисты так особо выделены — наверное, из-за здешних качественных улыбок, над которыми они славно потрудились? Или это потому, что сам автор прячет во рту «развалины почище Парфенона» и находится в ожидании неотвратимого визита в зубоврачебную клинику? Тогда это — понятное преувеличение, наподобие гипербол Маяковского, у которого «гвоздь … в сапоге кошмарней, чем фантазия у Гёте».

А вот ещё одно странное и упрощённое до стереотипа определение страны, даже всего североамериканского континента как «держащегося на ковбоях»… Конечно, это ирония, но чем она вызвана? И — зачем? Эта страна давно уже держится не на ковбоях, а на своих принципах да на свежих умах и талантах (в том числе и таких, как Бродский), которых она принимает, взлелеивает и затем прославляет и учится у них, развиваясь дальше.

Своего рода уважительным взмахом руки в сторону Америки является его стихотворение «Осенний крик ястреба», одно из его лучших, написанное с ледяным мастерством. Птица, напоминающая эмблематического орла, взмывает в небеса, чуть ли не в стратосферу, чтобы там, презрев законы физики и наблюдения орнитологов, рассыпаться ворохом перьев, оседающих на землю в виде снега. В апофеозе, как на рождественской открытке, детвора выбегает из школы и радостно играет в снежки с криками: «Зима! Зима!»

С темой обучения связано стихотворение Льва Лосева о буднях его американской жизни «Один день Льва Владимировича»:

...Жую
из тостера изъятый хлеб изгнанья
и ежеутренне взбираюсь по крутым
ступеням белокаменного зданья,
где пробавляюсь языком родным.

Как и Бродский, Лосев обучает «недорослей местных» родной словесности. Но похоже на то, что не он из них, а они из него вытягивают жилы:

Передо мною сочинений горка.
«Тургенев любит написать роман
Отцы с Ребёнками». Отлично, Джо, пятёрка!

Каждый звук ломаной речи учащихся «калечит мой язык». А какова на вид эта самая Америка, заглядывающая в окна поэта?

...А за окном Вермонт,
соседний штат, закрытый на ремонт,
на долгую весеннюю просушку.
...Какую ни увидишь там обитель:
в одной укрылся нелюдимый дед,
он в бороду толстовскую одет
и в сталинский полувоенный китель.

Здесь безошибочно угадывается карикатурный образ «вермонтского отшельника», на что дополнительно указывает само название стихотворения — комическая перелицовка «Одного дня Ивана Денисовича». Да и в

других обителях его занимают не местные жители, а примерно такие же сатирические персонажи, соотечественники автора, «сбратья по перу». Сама Америка, судя по стихам, его не очень интересовала.

Наше поколение, как и предыдущие, уже отошло или ещё отходит в мир иной. Поскольку я сам к нему отношусь, воспользуюсь случаем хотя бы обозначить названиями свой вклад в американскую тему. Это цикл стихотворений «Звёзды и полосы», книга стихов «Жар-куст» и значительная часть книги «Ода воздухоплаванию».

Третья волна, однако, ещё не иссякла, её прибой плавно поддерживает последующие волны. Очень интересным поэтом прибыл в Америку ещё в 1975-м году Алексей Цветков. За зигзагами его новой судьбы трудно было уследить: он учился на Среднем Западе, получил учёную степень в Калифорнии, преподавал в Новой Англии, затем круто поменял карьеру слависта на журналистику, вёзкал в Праге по радио «Свобода», на годы забросил поэзию, вдруг вернулся в Нью-Йорк и выпустил книгу новых стихов с дерзким названием «Шекспир отдыхает». Америку он, конечно, знает, но как-то отстранённо от своей жизни. Прежде чем цитировать, должен предупредить, что Цветков в стихах не употребляет заглавных букв и знаков препинания:

америка страна реминисценций
воспоминаний спутанный пегас

Описывает ли он «пыльные равнины невады» или «тифозный провал небраски», его отстранённость всё более напоминает отталкивание. Вместе с тем, он настолько погружается в местный колорит, что в стихи врывается английская речь, а затем и полностью овладевает стихотворением. Его образы бывают резки и художественно сильны, всё это так, но по адресу Америки они получаются у него особенно негативными, полными сарказма, тем более что он любит эстетически шокировать читателя:

на шоссе убит опоссум
не вернется он с войны
человек лежит обоссан
в централ-парке у воды
воры движутся с работы
с толстой книгой и огнем
ходит статуя свободы
грустно думает о нем
сны плывут в своей заботе
как фонарные шары
в централ-парке на заборе
сохнут ветхие штаны

В этом я нахожу противоречие: поэт по своей доброй воле возвращается как домой в страну, которую он сам же приравнивает «ко всем камерунам мира»... Почему же тогда не в Камерун?

В отличие от плотного, мужественного стиха Цветкова, его «добрый соперник» Бахыт Кенжеев пишет заметно легче, воздушней, оснащая свои строчки то иронией, а то и сантиментом. Новый Свет ему уже далеко не в новинку, он эмигрировал ещё в 1982-м, но не в Штаты, а в Канаду, где прожил более двух десятков лет, прежде чем перебраться на жительство в Нью-Йорк.

Я рецензировал его первую книгу, вышедшую в «Ардисе», и назвал свой отзыв «Бахыт Кенжеев и Прекрасная Дама». Там я прежде всего дивился необычному имени молодого русского поэта, невыгодно звучавшему, как мне казалось, для слуха читателей. Но вышло, что я неправ. Его имя примерял к себе Игорь Чиннов, с шутливым удовольствием называясь: «Бахыт Чиннов!»; его имя теперь знают множество почитателей по обе стороны Атлантического океана. А вот насчёт Прекрасной Дамы, похоже, я угадал. В той книге, как и во многих последующих, было много стихов о любви. Но её ускользающий образ оказывался то слишком близко, то недостижимо далеко. Недостижимо ли? Муза эмиграции оказалась его Прекрасной Дамой, и поэт ей следовал, хотя и без страсти, но со спокойной симпатией:

Осень в Америке. Остроконечные крыши
крашены суриком, будто опавшие листья
клёнов и вязов. На улицах чище и тише...
...Или и впрямь настоящее – только цитата
из неизвестного? Полно отыскивать сходство
между чужим и своим, уязвившим когда-то
и отлетевшим. Давай забывать его с каждым
взмахом ресниц, даже если по-прежнему жаждем
нового света. Отпели, пора и на отдых...

Поэт открыт восприятию (и даже приятию) новой жизни, но не в силах полностью оторваться от прошлого.

Местным жителям вряд ли заметно,
как брожу этим городом я.
Зеленеют его монументы —
генерал, королева, судья.
Небоскрёбов особенных нету,
и уныния нету ни в ком...
...Хорошо мне на воле. Судьба
улыбнулась, и каяться не в чем,
жаркий пот вытирая со лба.
Слёзы. Проводы. Рёв самолёта.
Повезло. По заслугам и честь.
Есть в разлуке от гибели что-то...
Перестань. Разумеется, есть.

Конечно, и в разлуке, и в Америке есть всё: «Стихи Набокова... Апрель. Вишнёвый цвет». Есть пышноволосая славистка, с которой бы и поговорить на все эти темы. Но в то же время появляется и нечто необсуждаемое:

Вот Бог, а вот порог, а вот и новый дом,
Но сердце, в ритме сокровенном,
Знай плачет об отечестве своём
Осиновом и внутреннем...

Это он написал, думая, что уже не увидит «родных осин». Но теперь, когда можно их навещать, Бахыт во всю пользуется такой возможностью.

Позднее к Третьей волне присоединился Андрей Грицман, который состоялся как поэт уже в эмиграции. Но прежде всего он профессионально обосновался в Америке как врач, причём, весьма успешно. Существует поверье, что медицинская практика даёт бесценный опыт для прозаиков, но Грицман на новой почве стал поэтом — не только русским, но и американским, англоязычным. Его энергичной натуре это придало особую мобильность, по его стихам видно, что он чувствует себя своим (а в равной степени и чужим) в любом культурном пространстве, став подлинным космополитом. Но, ритуально приняв иудаизм, он присоединил к своим двум домам ещё и третий — Израиль.

Мне приходилось рецензировать его книгу эссе и стихотворений *«Long Fall (Долгая осень)»*, изданную по-английски. В открывшем книгу эссе Грицман признаёт, что должен платить за своё место в космическом корабле, летящем в таком межкультурном пространстве. Эта плата — культурное отчуждение. Но я убеждён, что она возвращается сторицей в виде способности двойного зрения, позволяющего видеть объект одновременно и изнутри, и снаружи. Такое зрение — благо для поэта, источник свежести и оригинальности стиха.

Вот как это действует в стихотворении *«Греческая столовая»*, где автор завтракает «*в прогорклом, мерцающем тепле простого дайнера на местной 547 дороге...*» Никакой особой этнической, в том числе и

греческой, еды там нет – тост, бекон, чашка мутного американского кофе с иллюзорным отражением греческого пейзажа на поверхности горячего напитка. Тогда при чём тут Греция? Дело в том, что у поэта на столе лежит книга Осипа Мандельштама, открытая на странице со стихом, имеющим отношение к Троянской войне! «*Бессонница, Гомер, тугие паруса...*»

Грицман даёт свой перевод этого знакового текста и вставляет его в англоязычное стихотворение, так что получается, что перевод из Мандельштама представлен как картина на фоне американского пейзажа. Это сочетание и особенно трансцендентные строки «*Бессонница, Гомер...*» создают удивительный мираж вместе с детально описанной американской реальностью.

А вот стихотворение, написанное на русском, где автор в гротескной форме декларирует свою бездомность:

все, что я делаю, на самом деле,
валяюсь в кустах на перекрестке трех дорог,
пьяный, — кому в отместку?
очевидно, себе — так написано в Деле;
оно хранится где-то в буфете, а где же еще?
старый сыр да мыши; там есть все,
что любил на свете,
но что это — помню все меньше и меньше;
здесь на пути иногда приляжет моя подруга
с бутылкой рядом — вот мы и дома;
плевать, что скажут,
может другим показаться адом,
а мы так живем, выбираем дорогу
одна — до почты, другая — на реку,
а третья дорога, наверное, к Богу,
но туда нельзя дойти человеку.

Я бы не слишком буквально верил этому аллегорическому персонажу, который под видом китайского мудреца объявляет себя убеждённым бродягой. Лучше прислушаться к прямой речи поэта: «...Но дом образовался в конце концов и здесь, в Америке, и, подобно стране под названием «Москва», мы обрели новую страну — «Нью-Йорк», где тоже «каждый камень знает»... В двух километрах от места, где я сейчас пишу эти строки, покоится прах моей матери — в зелёном холме американского кладбища, больше похожего на ухоженный парк, в отличие от старых российских кладбищ... Когда-то я писал, что получаешь право на землю, когда в неё ложатся твои близкие... В Нью-Йорке возникает чувство, что ты на месте, дома, всё открыто — и выход в Атлантику, а там и в Средиземноморье... Нью-Йорк — город перемещённых лиц, портовый город, пересадка, большой вокзал, с которого мы почему-то не поехали дальше, а остались, достали жареную курицу, выстроились в очередь за кипятком, — вот это и стало домом». Сам Андрей Грицман, очевидно, чувствует себя уверенно и вполне на месте, путешествуя в межкультурном пространстве, передвигаясь по всему свету, активно участвуя в литературной жизни России, Израиля и, естественно, Соединённых Штатов. Его состоявшийся проект — это журнал «Интерпоэзия», который выходит и на русском, и на английском языках. Редактору и издателю А. Грицману в короткое время удалось привлечь известные литературные имена и представить «Интерпоэзию» в Интернете на влиятельном российском портале «Журнальный зал». В этом журнале часто и помногу печатает свои стихи и эссе Владимир Гандельсман, оказавшийся в Америке на излёте Третьей волны или, скорей, в самом начале последующих волн — уже не «эмиграции», а просто миграции, которой чуждо понятие невозвратности. Ещё в Ленинграде он, вопреки своему инженерному диплому, предпочёл в основном заниматься поэзией, а на пропитание зарабатывать на таких неответственных должностях, как сторож, грузчик и пр. Для тогдашних «неофициалов» это был привычный выбор, и я в своё время приветствовал их стоицизм и неуступчивость властям в статье «Котельны юноши». Гандельсман этот стиль жизни перенёс и за океан. Он много пишет, экспериментируя с ритмом и рифмами, но темы стихов уносят его далеко назад, «домой», в детское прошлое, в родительское гнездо, «к маме». Разумеется, есть у него и другие стихи, в том

числе и о новой жизни в местах, которые иначе, чем «чужбина» не назовёшь. Вот, например, стихотворение «Эмигрантское»:

День окончен. Супермаркет,
мертвым светом залитой.
Подворотня тьмою каркнет.
Ключ блеснет незолотой.
То-то. Счастья не награбишь.
Разве выпадет в лото.
Это билдинг, это гарбидж,
это, в сущности, ничто.
Отопри свою квартиру.
Прислонись душой к стене.
Ты не нужен больше миру.
Рыбка плавает на дне...
...Спи, поэт, ты сам несносен.
Убаюкай свой страх...
Это билдингская осень
в темно-бронковых лесах.
Это птичка «фифти-фифти»
поутру поет одна.
Это поднятая в лифте
нежилая желтизна.
Рванью полиэтилена
бес кружит по мостовой.
Жизнь конечна. Смерть нетленна.
Воздух дрожи мозговой.
День окончен.
Супермаркет, мертвым светом залитой.
Подворотня тьмою каркнет.

Ключ блеснет незолотой. То-то. Счастья не награбишь. Разве выпадет в лото. Это билдинг, это гарбидж, это, в сущности, ничто. Отопри свою квартиру. Прислонись душой к стене. Ты не нужен больше миру. Рыбка плавает на дне... Спи, поэт, ты сам несносен. Убаюкай свой страх... Это билдингская осень в темно-бронковых лесах. Это птичка «фифти-фифти» поутру поет одна. Это поднятая в лифте нежилая желтизна. Рванью полиэтилена бес кружит по мостовой. Жизнь конечна. Смерть нетленна. Воздух дрожи мозговой.

Поэт по-прежнему живёт с ощущением «заграницы» даже в освоенном им обжитом пространстве: «в иностранном, американском городке с названием чудным и престранным я жил тогда...» Он погружен, не растворяясь, в чуждую ему цивилизацию, а местных жителей считает в душе варварами:

Какой-нибудь невзрачный бар
Бильярдная. Гоняют шар.
Один из варваров в мишень
швыряет дротик. Зимний день.
По стенам хвойные венки.
На сердце тоненькой тоски
дрожит предпраздничный ледок.
Глоток вина. Еще глоток.
Те двое — в сущности, сырье
для человечества — сейчас
заплатят каждый за свое
и выйдут, в шкуры облачась.

Интересно, хочется ли автору назад, в сегодняшнюю Россию? Вряд ли он нашёл бы там то, что потерял. Его истинный дом — детство, а туда уже дороги нет. Много у него есть схожего с Александром Алейником, поэтом из Нижнего Новгорода (города Горького), который бился в Москве, как рыба об лёд, за признание, но ничего у него не получилось. Пришлось уехать в Нью-Йорк, где он издал свою первую книгу стихов «Апология». В предисловии к ней Гандельсман, по судьбе и по перу собрат Алейника, сочувственно объясняет: «...Перед нами поэт, который отрывочно печатался в эмиграции и совершенно не печатался в России, и нет ничего утешительного в том, что он разделил судьбу сотен ему подобных. Тем более, что поэт в число подобных никак не входит. Он бесподобен по определению.» Действительно, он уникален уже тем, что над бесхлебностью, тревогой и бездомностью эмигрантского положения его песня зазвучала мажорно. Она и меня привлекла радужным звуком, который бежал волной впереди его образов:

Океан в паричках Вашингтона —
рулон неразрезанных денег Америки
был развернут в печатях зеленых
к «Свободе», маячившей с берега.

Я отрезал от черного хлеба России
треугольный ломоть невесомый
горько-кислый, осиный,
с размолотым запахом дома...

Его третья книга «Другое небо» уже в названии обращала внимание на эпитет: не надрывное, «чужое», как в песне Петра Лещенко «Журавли», а просто «другое», то есть иное, чем прежде. Это небо — метафора эмиграции, оно фиолетовое, нью-йоркское, где «звезда — направо, а луна — налево», по нему вечерами летают бродвейско-шагаловские скрипачи и лошади с жеребятами в брюхе, а днём проплывает чья-то пятнадцатиминутная слава «головой на закат, голубыми ногами вперёд», как обещал каждому взыскующему славы — словак Энди Уорхол. Стихи Алейника меня обрадовали летучестью, причудливо-красочной образностью и, главное, той интонацией, с которой он пропел свою весть о жизни. Это был не «петушиный» оптимизм, потому что звучал над драмой, и притом нешуточной: ведь каждый эмигрант ломает судьбу пополам, как странник свой посох о колено — на «до» и «после» отъезда. И всё-таки поэзия преобразовала драму, а новизна и любовь сообщали стихам радостную тональность.

С тех пор на поэта, как на библейского Иова, обрушились тяжелейшие испытания. Внезапная болезнь едва не прервала его существование, на месяцы и годы принудила его бороться за жизнь, долгое время ему было не до песен. Но чудо творчества оказалось живительным, родничок стал пробиваться сквозь немоту. Может быть, это уже и не был прежний Алейник, но свежие образы начали вспыхивать здесь и там в его новой поэзии. Ирина Машинская покидала Москву как раз в те дни, когда от Советского Союза начали отваливаться крупные куски, и из-под обломков показались очертания совсем нового государства — так в то время казалось многим. Несмотря на эйфорию момента, поэтесса предпочла исторической новизне — новизну географическую (ведь по профессии она географ) и в конце концов поселилась в Нью-Джерси, в одном из отрогов большого Нью-Йорка. Конечно, многие стихи у неё обращены назад, в оставленное там житьё-жильё, но чуткий слух улавливает иные ритмы, быструю смену образов, и эту музыку она вбирает в свою поэзию. Музыкальное, джазовое впечатление подчёркивается визуально, расположением строк, как, например, в этом маленьком шедевре:

По стеклу поезда
налево вниз
ползла капелька
встретила капельку
и
съела капельку
и еще и еще капельку...

Много капелек
съела капелька

Что же касается нового дома (в широком смысле слова), то поэтесса выскаживается о нём с осторожностью, хотя и в целом положительно или, во всяком случае, без отталкивания. Вот что она сказала на эту тему в интервью на радио «Свобода»:

«Дом, я думаю, внутри нас... Если не было чувства дома там, а оно у меня было, то оно вряд ли возникнет в другом каком-то месте. Мне кажется, что человек либо склонен к этому чувству дома, либо он к нему не склонен, и тогда ему всюду будет более-менее плохо. Мне повезло: мне всюду более-менее комфортно. Я вообще не склонна считать Америку неважным местом для поэта. Мне так кажется, что она очень даже и подходит».

Однако, она сама же и выстроила себе и другим настоящий дом, в котором только и живёт поэзия. Я имею в виду журнал «Стороны света», выпускаемый Машинской и кругом её друзей. Под его крышей собираются не только новые, русскоязычные, но и родившиеся здесь американские поэты (в переводах, конечно), имеется как электронная, так и бумажная версия журнала, — для тех, кто любит полистать «настоящие» страницы.

Собственно, то же самое можно сказать о грицмановской «Интерпоэзии» и «Антологии», изданной на материалах этого журнала. Там собраны лучшие имена и живые литературные силы русскоязычной Америки, да и всего Зарубежья. Я заметил имя Инны Близнецовой, на стихи которой я писал рецензию с названием «Бумага и огонь», Полины Барской, которой я вручал приз славистов «Золотая лира», Григория Мака, получившего высокие похвалы от философа Михаила Эпштейна, Александра Стесина, ныне печатающегося в толстых московских журналах, Риты Барминой, нью-йоркской одесситки и художницы, и ещё многих достойных поэтов и поэтесс, перед коими я приношу извинения за напоминание.

А ведь есть ещё маститый «Новый Журнал», традиционно печатающий материалы по истории литературы и воспоминания о былом, но также и новейшую поэзию, прозу и критику. Уверенно возглавляет журнал Марина Адамович, добывая средства не только для его издания, но и для ежегодной премии имени Марка Алданова на конкурсе прозаиков, а также для конференций и презентаций журнала.

Там же в Нью-Йорке продолжает выходить литературный журнал и существовать издательство «Слово/Word», которые долгое время возглавляла Лариса Шенкер, добившаяся выхода в интернет через портал «Журнальный зал». Это хороший дом и площадка для выступлений многих нью-йоркских поэтов. Я сам в журнале не печатался, но выступал и издал у неё одну из своих книг — «Ангелы и Силы».

Теперь там главным стал Александр (не Сергеевич) Пушкин, по родовой преемственности носящий это прославленное имя.

Многие годы в Филадельфии выходил поэтический альманах «Встречи», с 1983 года ставший преемником альманаха «Перекрёстки», издававшегося ранее. Материалы для «Встреч» составляла, собственноручно набирала и распространяла по библиотекам (в том числе и российским) Валентина Синкевич, поэтесса Второй волны. Тексты в выпусках перемежались рисунками и репродукциями с картин художников, также эмигрантов. Примерно за тридцать лет существования ежегодника у неё печатались, наверное, сотни поэтов всех волн.

Упомяну ещё один филадельфийский ежегодник «Побережье», который издаёт Игорь Михалович-Каплан. Он вмещает огромное количество материалов, среди которых можно отыскать весьма ценные. Вот что редактор пишет о своём детище:

«В шестнадцати номерах было опубликовано около тысячи авторов — поэтов, прозаиков, критиков, публицистов, переводчиков, философов, художников. В среднем объем ежегодника не менее 400 страниц текста и репродукций работ художников. На него подписаны многие университеты США, Канады и Европы...»

В Филадельфии уже много лет существует журнал «Гостиная», основанный поэтессой Верой Зубаревой сначала для узкого круга русскоязычных литераторов, а затем распространившийся в сети и встроенный в гнездо с целым рядом отечественных интернетовских изданий.

Литературная подвижница и поэтесса Елена Дубровина живет в том же городе и издаёт — одна! — сразу два иллюстрированных журнала: «Поэзия. *Russian Poetry Past and Present*» и «Зарубежная Россия. *Russia Abroad Past and Present*». В них она печатает стихи, исследования и воспоминания, сумев привлечь к своим изданиям известные имена. Среди её авторов Андрей Арьев, Сергей Голлербах, Вадим Крейд, Ирина Роднянская, Сергей Сутулов-Катеринич, Игорь Шайтанов... Многоточие здесь скрывает многих других нерядовых участников!

Вадим Крейд, вдобавок к своим многочисленным работам по истории русского Зарубежья, подготовил к печати два тома большой антологии «Русские поэты Америки. Первая волна эмиграции». Среди авторов —

Лидия Алексеева, Нона Белавина, Нина Берберова, Давид Бурлюк, Георгий Голохвастов... Достойные поэты, они, может быть, уступали в лирической силе «Парижской ноте», но писали, как и те, стихи «о самом главном»: любви, одиночестве, красоте и природе. Появилась у них и новая тема — Америка. Бурлюк футуристически, но уже устало бурлил и бурчал что-то по поводу бытового обслуживания. Напротив, у Нонны Белавиной нашлись слова для грациозной зарисовки Нью-Йорка. А вот как увидел Коннектикут Владимир Дукельский «незамыленным» взглядом (замечу только, что американцы не произносят среднее «к» в названии штата):

Патриархален старый штат Коннектикут,
И не в почете праздные субъекты тут:
На них с презреньем смотрят старожилы
Из дачников искусно тянут жилы,
Прилежно копят дачниковы денежки.
Ничем Коннектикута не заменишь ты:
Дома там белокрасны, как редиски,
Крепчайший сидр, зловоннейшее виски.
Там церкви мятные напоминают пряники,
Отсутствие сумятицы и паники,
Присутствие девчонок загорелых,
Наивных, но по-своему умелых.
По пляжу ходят вольными оленями,
Всем улыбаясь голыми коленями,
Наследницы ветхозаветных янки:
Коннектикута барышни-крестьянки.
В них много женственного и жестокого,
Как в малолетней нимфе у Набокова.
И в барах, и в танцульках, и в аллеях
Нет недостатка в смуглых Лорелеях:
Лишь в мыслях, Казанова, ты лелей их.
Интриги виртуозные и наглые
Преследуются строго в Новой Англии.
Патриархален старый штат Коннектикут,
Где реки в живописном полусне текут.
Суров народ, кусаются лангусты —
И это намотай себе на ус ты.

Этот проект должен будет собрать под единой крышей все поколения русских поэтов-эмигрантов, осуществив, таким образом, связь времён в едином американском пространстве.

«Связь времён» — так называется ежегодник Раисы Резник, который она героически, по существу в одиночку, издаёт на тихоокеанском побережье в Сан-Хозе. Альманах объединил не только времена, но и поэтические имена, которые в таком сочетании прежде, может быть, и не встречались. А здесь они представлены и стихами, и отзывами друг о друге, составляя ассоциативные цепочки, как бы следуя прекраснодушному призыву Булата Окуджавы: «Возьмемся за руки, ей-Богу!». Синкевич вспоминает Елагина и чествует Голлербаха, Голлербах публикует нью-йоркские наброски и стихи, написанные в Москве, Михалевич-Каплан интервьюирует Марину Гарбер, она в ответ посвящает ему стихи и рецензирует Михаэлю Щерба, а Новиков-Ланской — Евгения Рейна... Конечно же, всё это для того, «чтоб не пропасть поодиночке» в страшной и безумно притягательной, если смотреть на неё издалека, Америке!

Но если уж туда попал, приходится думать и о конкретном, о практическом: гонорары, книги, издатели... О гонорарах, поэт, забудь. Некоторые дилетанты и дилетантки даже приплачивают редакторам (в той или иной форме) за честь быть напечатанными. А об издании книги стихов и говорить нечего: автор оплачивает всё. Лишь в одиночных случаях может попасться бескорыстный издатель (к тому же блестящий иллюстратор),

как получилось у меня с Михаилом Шемякиным. В результате такого «прямого попадания» вышел великолепно изданный бестиарий «Звери св. Антония». И ещё один подобный пример: американский славист Чарльз Шлакс, энтузиаст русской литературы, живущий в Калифорнии. Это он в одиночку издаёт упомянутые журналы Елены Дубровиной. Сверх того, совсем недавно Шлакс напечатал её монографию «Юрий Мандельштам», в которой она в сотрудничестве с Мари Стравинской, по существу, спасает от забвения поэта (однофамильца ещё двух Мандельштамов — Осипа и Роальда), погибшего в нацистском лагере уничтожения. Этому же издательству, штат которого состоит из одного человека довольно преклонного возраста, я обязан выходу моей трилогии воспоминаний «Человекотекст».

Не исключаю другие мнения, но, как говорится, «от трудов праведных не нажить палат каменных». Поэзия как раз и является таким праведным занятием, в особенности, если это русская поэзия, и в особенности в иноязычной среде и культуре. Но в Америке есть другие способы пропитания, а потому здесь можно независимо ни от кого спеть свою песню и быть услышанным.

Шампейн-Урбана, 2015 г.

Юрий Колкер¹

Ленинградское новеченто: малые поэты эпохи Бродского

1. Обнимитесь, легионы!

Мы слышали, что легион — это много, и что это о бесах. Пишащих стихи по-русски — не легион, их много легионов. По осторожной оценке их сегодня, *единовременно*, 350 тысяч человек, то есть 70 легионов... как в Римской империи при Траяне. А ведь нам ещё Смердяков объяснил: «Это чтобы стих-с, то это существенный вздор-с...» И Смердяков прав. Человек может жизнь прожить, и прожить достойно, а без стихов обойтись.

Но 70 легионов — это присказка.

Тех, кто пишет *сносно* и поэтому называют себя профессионалами, тоже, по осторожной оценке, — около десяти тысяч человек, то есть во всяком случае два легиона. За пределами своего кружка эти легионеры даже по именам друг друга не знают, но все пребывают в сладком обольщении на свой счёт: «потомки меня оцепнят!». Не смешно ли? Люди изо дня в день жертвуют своими обычными человеческими радостями, своей непосредственной выгодой, своими насущными интересами — <...> и чему жертвуют? Химере! Муза — не дойная корова. Кормиться от стихов нельзя. Поэт-профессионал в нормальном обществе невозможен совершенно так же, как пророк-профессионал. Нельзя ставить желудок в зависимость от вдохновения, даже если за написанное платят как во времена Пушкина или Блока. Это — пойшло. Это возможно только в субсидированной литературе. Поэт несвободен, если у него нет источника дохода, не связанного со стихами, а несвободный поэт — не поэт. Наконец, стихи давно перестали быть серебром и золотом. На дворе эпоха, когда авторы сами платят за то, чтобы напечататься: вот их профессионализм! Это ли не безумие?

Повторю общеизвестное. Стихов по-русски пишется так много потому, что русский язык архаичен — и тем самым как нарочно приспособлен для стихов. Флексии, свободный порядок слов, разнообразие ударений, обилие слов самых длинных и тут же самых коротких, слова с двойным и полуторным ударением, воспроизводящие слова греческие, — всё это делает русский язык интимным, жарким и задушевным, уподобляет его античным языкам, в которых не то что стихи, а повседневная речь была напевна и полнозвучна. Вот, кстати, подходящее слово: *полнозвучие*. Оно типично русское — и типично греческое, прямо из Гомера.

И деваться нам особенно некуда: пока мы люди, нам нужна песня, а стихи — одна из форм песни. Текст, вовсе оторванный от песенного начала, — не стихи. Среди всех нелепостей, написанных литератороведами о стихах, для меня на первом месте идёт рассуждение некого Эммануила Райса, который (в своём сочинении о Заболоцком) утверждает, что поэзия, дескать, всё больше и больше освобождается от песни и тем самым выходит из младенчества. Этот Райс думает, что поэзия — область мысли, интеллектуальное упражнение вроде математики или теоретической физики. Это хуже, чем ошибка: это невежество и полное непонимание поэзии. Мысль поэта, отъединенная от звука и ритма, никогда не оригинальна, никогда не нова, она жива органическим слиянием со звуком и ритмом, а без этого слияния становится смердяковским вздором. Неудивительно, что французы, десятилетиями читавшие Пушкина в прозаическом переложении, ещё в середине XX века криво усмехались при его имени и говорили нам: «Ваш Пушкин — какой-то Эжен Манюэль!».

Стихи всё ещё необходимы нам, но они уходят. Литература занимает всё меньше и меньше места в нашей жизни, и стихи в этом смысле опережают прозу. Стихи древнее прозы, старше прозы. Первая литературная речь была стихами. Песня вышла из алтаря, из молитвы, заклинания и пророчества. А мир взрослеет, Бог всё дальше от нас, и алтарь требуется нам с каждым веком всё меньше. Нам всё больше нужен английский язык, всё меньше русский. Не одна только нефть дешевеет: дешевеют и уходят стихи, главное природное достояние России... а с ними — и Россия нужна людям всё меньше. (Я, заметьте, говорю не про теперешнюю Путлянидию, а про настоящую Россию, страну Пушкина и Толстого.)

Спросим: хорошо это или плохо, что русских стихов — целый всемирный потоп? Ни то, ни другое.

¹ Поэт, журналист, редактор и переводчик, автор книг мемуарной и культурологической прозы.

Символист Самуил Муни сказал ещё до первой мировой войны:

Стихам Россию не спасти,
Россия их спасёт едва ли.

Если Россия не прекратится, стихи займут в ней нормальное место — в стороне от большой дороги. Как в Британии, где веками формируется мировая норма во всём, от политики до нравственности и эстетики. Выглянем в окно: многим ли нужен Шекспир на улице Оксфордстрит? Смешно и спрашивать.

2. Малые флорентийцы и малые ленинградцы

Поль Валери сравнил русскую литературу XIX века с итальянской живописью эпохи кватроченто — и, конечно, хватанул через край; второе явление несопоставимо больше первого. Скорее уместна другая параллель. Можно вообразить, что когда высокая Россия окончательно и бесповоротно станет историей, интерес к её малым поэтам XX века возродится; что искусствоведы и коллекционеры (если таковые не вымрут) станут их так же любовно разглядывать, как сегодня разглядывают и обсуждают второстепенных живописцев эпохи кватроченто. Такое может случиться, ведь перед нами — явление. А может, конечно, и не случиться.

Похожесть между двумя явлениями — налицо. Интерес к живописи и ваянию во Флоренции XV века возник столь же внезапно и всенародно, как интерес к стихам в Ленинграде и Москве в XX веке.

Но имеется и важное отличие: самым захудальным живописцам кватроченто — *платили*, их труд вознаграждался. Тут есть о чём поразмыслять. Можно вспомнить Пушкина, который первым из русских поэтов (по его собственным словам) стал стихи продавать. Не было бы знаменитой болдинской осени, если б Пушкин, при всей его гениальности, не держал в голове, что ему необходимо расплатиться с карточными долгами и заработать на пристойную жизнь в столице. Ему платили по одиннадцать рублей за стих: *за стихотворную строку...* то есть: написал «Мой дядя самых честных правил» — получай одиннадцать рублей. (Примерно столько мой прадед, птиловский рабочий из крепостных крестьян, зарабатывал в месяц физическим трудом при начале своей карьеры.) За стихотворение *Гусар*, в котором около ста строк, Пушкин, как известно, получил от Смирдина тысячу рублей; факт документирован... а это стихотворение — сущая безделица, из худших у Пушкина: всего лишь переложение игривыми ямбами забытой повестушки некого забытого Сомова.

Ну, и продержался интерес к живописи во Флоренции заметно дольше, чем интерес к стихам в городе с переменчивым именем: Петербурге-Петрограде-Ленинграде. Хуже того: в первом случае интерес сходит на нет, к нулю, во втором — опускается ниже нуля, сменяется пренебрежением. Так что не во всём похожи флорентийское кватроченто и ленинградское *новеченто*.

Город на Неве я сопоставляю с Флоренцией потому, что живопись, как мы её знаем, началась во Флоренции, а русская поэзия — как мы её знаем — в Петербурге. И ещё потому, что художественное одушевление, начавшееся пять веков назад на берегах Арно и преобразившее Европу, завершилось, сколько я вижу, на берегах Невы — пошлым дыр-бул-щылом, Кручёныхами и Малевичами.

В пользу малых ленинградцев можно ещё и такое сказать: не великие флорентийцы, принадлежащие всему миру, возвращают нам атмосферу Флоренции XV века, а именно малые флорентийцы. Так же точно и атмосферу Ленинграда эпохи моей юности смогут в будущем, если явится на то спрос, воссоздать не самые громкие имена, а скорее малые ленинградцы.

3. Одни равнее других

В 1980-е годы в Израиль приехал модный тогда в русском зарубежье писатель Владимир Войнович, певец солдата Чонкина. На его выступлении в Иерусалиме один неудачливый стихотворец, почитавшийся в Израиле гениальным поэтом, спросил Войновича, что тот думает о ленинградской поэтической школе. Войнович ответил, что впервые слышит о таковой. Опростоволосились оба. Маститый автор признался, что не смыслит в поэзии, неудачливый гений не услышал из уст гастролёра своего имени, на что твёрдо надеялся. Курьёзнее всего то, что неудачливый гений, коренной ленинградец, в поэтическом смысле принадлежал к московской школе — и не подозревал об этом.

При Пушкине не было двух поэтических школ: петербургской и московской. Была одна: карамзинская, с поправкой на Павла Александровича Катенина, предтечу Лермонтова и минутного учителя Пушкина. При

Аполлоне Григорьеве разница в поэзии столиц намечается. В эпоху модернизма она бросается в глаза. Если заострить характеристики, то Петербург — это Блок, Ахматова, поздний Заболоцкий и поздний Пастернак, а Москва — это Есенин, Маяковский, ранний Пастернак и ранний Заболоцкий. Москвич пишет для слушателей, петербуржец — для читателей. Москвич — литературоцентрист, петербуржец помнит, что жизнь не сводится к литературе. В Москве в чести изобретательство, трюкачество, рифма с вывертом, в Петербурге — простота и стройность. В 1970-е годы разъевшаяся, тучная и крикливая поэтическая Москва начала догадываться, что последнее слово может оказаться не за нею. Это нашло своё выражение в ревнивой шутке: «Стихи бывают хорошие, плохие и ленинградские». Москвичи, выросшие под сенью памятника Маяковскому, искренне не понимали стихов, не рассчитанных на произнесение с эстрады.

В советское время разница между Петербургом и Москвой замутняется наличием самиздата. Кто такие обэриуты: петербуржцы или москвичи? Живут на берегах Невы, а стилистически — во всём москвичи, потому что стройности предпочитают каламбур и выверты. Самиздат основательно спутал карты. Но, конечно, и раньше случались исключения. Коренной москвич Ходасевич — весь, ранний и поздний, — поэт самый петербургский.

Это о творчестве, о главном. Но советская власть умудрилась противопоставить две поэтические школы совершенно небывалым образом. Перед нами советское социалистическое чудо: географическое неравенство поэтов. Поэтическое слово в Москве получало тысячекратное эхо сравнительно с поэтическим словом в Ленинграде (о других городах и говорить нечего, потому что всяк не дурак перебирался в эти два, едва встав на ноги; исключение — один Чичибабин). Сравним на секунду во многом похожих Андрея Вознесенского и Виктора Соснору. С Вознесенским носились как с гением; Катаев его новым Пушкиным провозгласил, — но разве такова известность Сосноры, типичного москвича из ленинградцев, не уступавшего Вознесенскому дарованием? Прόпаст между ними в советской табели о рангах целиком определилась местом их прописки. Возьмём Евтушенку и Ахмадулину: случись им родиться и жить в Ленинграде — их бы просто не было... в лучшем случае было бы ещё два малых ленинградца. Тоже и в литературном полуподполье: Анатолий Найман и Евгений Рейн пробились в печать и добились некоторой известности, только переехав из Ленинграда в Москву.

Конечно, советская Москва и во всём прочем всегда топтала Ленинград, а если взять сталинские чистки после убийства Кирова и пресловутую ленинградскую блокаду — работала на его уничтожение. При этом большевики не ведали, что творили. Историческую вражду двух столиц они подхватили бессознательно, инстинктивно. Эта вражда возникла задолго до основания Петербурга и Москвы — как вражда двух начал русской истории. Но если говорить о советском времени и о состоянии культуры в Ленинграде, то московский гнёт ни в чём так не бросается в глаза, как в поэзии. Во всей Совдепии не было худшего места для поэта, чем Ленинград. Конечно, и прозаику было несладко, — недаром Довлатов из Ленинграда в Таллин сбежал; но для поэта Ленинград был настоящим склепом при жизни.

4. «Живущий несравним»

Мы никогда не поймём места поэзии в европейской культуре, если не зададимся вопросом о переводе стихов на другие языки.

Это опять о том, что такое стихи и чем они отличны от прозы.

Переводить прозу и можно, и нужно. Тут и вопроса нет. Это о прозе Вяземский сказал: «Переводчики — почтовые лошади просвещения»... — хотя и то правда, что эти слова сказаны применительно к стране, едва прикоснувшейся к просвещению. Проза — труд в привычном смысле этого слова; и перевод прозы — тоже труд. Проза пишется на продажу и переводится на продажу — был бы спрос. Фаддей Булгарин при жизни был переведён на дюжину языков, его тиражи десятикратно превосходили тиражи Пушкина.

Со стихами — сложнее. Как, для кого и когда переводить пророческий клёкот, не столь общечеловеческий, как у Екклесиаста?

Проза информативна, сообщительна. В поэзии — сообщение неотрывно от звука и ритма. Проза поддаётся переводу, пусть и не дословному (дословный перевод даже и в прозе нередко искажает смысл), но близкому к подлиннику. В лирической поэзии перевод, во-первых, всегда чудо (как это не раз уже сказано); во-вторых, всегда осуществлён *другими словами*, часто далёкими от слов подлинника — потому что настоящий перевод передаёт не словесную ткань, а дух стихотворения, внутреннее состояние поэта, его душевный подъём.

А душевный подъём, который у переводчика вызывает живущий поэт, — всегда *второй свежести*, всегда подогрет соображениями личными, сиюминутными, суетными, если не просто денежными. Из пространства другого языка мы не способны отдаться живущему стихотворцу всей душой. Даже в пространстве родного языка мы не знаем, кто он. Его прижизненная харизма может оказаться фата-мортаной, как это и было десятки раз. Современники слепы. Они хвалят Бенедиктова и не замечают Тютчева. Они Надсона предпочитают Фету... Не привожу других хрестоматийных примеров. «Живущий — несравним.» Это не о прозаике сказано и не об учёном. Умер физик — одним физиком меньше; умер поэт — одним поэтом больше.

Проза сообщительна, а поэзия не сообщает ничего, кроме «Я вас любил, любовь ещё, быть может...» или «Люблю я родину, но странно любовью...». В поэзии нет информативной новизны. Струны современного поэта — всё те же пять чувств Гомера и Горация. Ничего не прибавилось.

В поэзии нет и новых тем, есть только новые точки зрения, новые *версии*. Разве Шекспир первым рассказал нам о Гамлете?

В семидесятые годы я близко наблюдал Александра Кушнера на правах его ученика — и с изумлением видел, что Кушнер совершенно свободно обходился с «темами», промелькнувшими у других поэтов, в том числе и его учеников. Вот пример. Прогулка вдоль реки Мойки как вздох о былом Петербурге, с подразумеваемым отвращением к советскому Ленинграду, — «тема» Тамары Буковской. Буковская развивает эту тему на пять лет раньше Кушнера, её стихотворение хоть и не было напечатано, но не прошло незамеченным среди тех, кто следил за самиздатом, — а знатоки подцензурной поэзии всегда вспоминают кушнеровское: «Пойдём же вдоль Мойки, вдоль Мойки». Но Кушнера не упрекнёшь. Тема эта — ничья, она присутствует в самой атмосфере города с момента его переименования и осколения. Где гарантия, что и у Буковской не было предшественника в стихах или прозе, которого мы не слышали?

Другой пример — стихотворение Кушнера «Быть нелюбимым! Боже мой!» — о том, что несчастная любовь для поэта — счастье. Это стихотворение, написанное в 1975 году, — прямой «тематический повтор» моего стихотворения 1972 года «Киприда, вспомни обо мне», которое Кушнер на правах наставника читал и хвалил. Но разве это plagiat? Разве в мысли, что несчастная любовь плодотворна, есть что-то новое? Эта мысль — общее достояние со времён Данте и Петрарки. Перед нами перекличка поэтов, только и всего. В этом смысле сочинение стихов — занятие, казалось бы, такое индивидуальное, — тоже, как и всё в человечестве, есть труд коллективный... Конечно, ни меня, ни Буковскую в ту пору не печатали, а Кушнера — печатали, но это — лирическое отступление.

Новизна в поэзии драгоценна только одна: лирический герой у подлинного поэта всегда небывалый. Про того же Кушнера много раз говорилось, что он, дескать, зависит от Бродского, подражает Бродскому. Большего вздора нельзя вообразить. Лирические герои этих двух поэтов ни в чём не похожи, полярны, причём Кушнер гораздо оригинальнее Бродского. Лирический герой Бродского традиционен, целиком выведен из эпохи романтизма, он взирает на толпу сверху вниз (оттого-то Бродский и понятнее Кушнера), а лирический герой Кушнера есть нечто обратное: человек, не отделяющий себя от толпы; в этом его неожиданность, небывалость — и неудобство: такого героя нам труднее полюбить. Если бы талант сводился только к оригинальности, Кушнера, быть может, пришлось бы признать самым талантливым поэтом двадцатого века.

Но разглядеть такого рода тонкости при жизни поэта бывает очень трудно. Поэтому-то переводить стихи живущего нельзя, недобросовестно. Стихотворный перевод по своему смыслу и своей структуре есть *посмертный памятник*.

По той же причине и «академические» исследования живущего поэта суть постыдный вздор, занятие бухгалтерское, коммерческое. Поэт есть целостное явление и понят может быть только как целое. Вообразим, что Пастернак умер, не написав *Роддественскую звезду*, или Заболоцкий умер, не написав «В этой роще берёзовой». Перед нами были бы другие поэты, и смысл их ранних вещей — книг *Сестра моя жизнь* и *Столбцы* — был бы совершенно другой. (К слову, мне нигде не довелось прочесть, что пастернаковская формула «сестра моя жизнь» — возражение Франциску Ассизскому, воскликавшему: «сестра моя смерть»; и что это отталкивание от смерти повторено Пастернаком в выборе для героя романа небывалой в русской культуре фамилии Живаго — словно бы в пике известной дворянской фамилии Мертваго.)

5. Некоторые из нас

Возвращаемся к ленинградцам эпохи Бродского. Мы обыкновенно хорошо понимаем и чувствуем только свою поколение и своих великих предшественников, а не тех, кто идёт за нами. Это в природе вещей. Это особенно трудно в густой толпе. Явясь в наши дни новый Пушкин среди двадцатилетних, мы бы не смогли его угадать.

Моё поколение — стихотворцы, родившиеся «после войны», в конце сороковых и в самом начале пятидесятых годов двадцатого века. Я вырос среди них, жил среди них с детства. Перед моими глазами они прошли порядочным легионом, причём самые талантливые из них прошли в своём большинстве практически безвестными. И вот — в этом состоит едва ли не главное моё сообщение — я полагаю, что многие из них, при равных условиях игры, не искаженных московским распределителем славы (и, конечно, при нормальном, просвещённом, не-советском читателе) не просто были бы известны, любими и почитаемы, а не оставили бы никакого шанса на известность всей гремучей московской советской обойме: Вознесенскому, Евтушенке, Ахмадулиной и иже с ними.

Вот одно из моих любимых стихотворений, написанных в начале 1970-х:

Несчастные люди — поэты,
Которых не слышит никто.
Блокнот, карандаш, сигареты
В дырявом кармане пальто.
Стоит он на Невском проспекте
И смотрит на время своё,
Решая, в каком же аспекте
Ему трактовать бытие.
На вид ему где-то под тридцать,
И труден решительный шаг...
А время идет, как патриций,
Надменное, с ватой в ушах.

Это стихотворение годится для любой хрестоматии, для любой антологии, а между тем его автор, *родившийся поэтом*, известен, да и то не широко, как прозаик. Это Александр Житинский. В поэзию — его в буквальном смысле слова не пустили, притом (и это случай нечастый) не советские редакторы, а общественное мнение, формировалось в самиздате. *Его поведение не отвечало стереотипу, засевшему в мозгу обывателя*. Поэт должен вести себя дерзко — только тогда он талантлив: вот наше застарелое суеверие. Не то что Байрон, а и Пушкин обязан началом своей прижизненной славы не в первую очередь своим стихам: он въехал в литературу на вызове обществу, на скандале. А Житинский был чужд эпатажу и скандалу. Вот его кredo, *совершенно петербургское*:

Уж если не молчишь, то говори спокойно.
А если говоришь, то тихо говори.

Понятно, что в тамошней тогдашней полуподпольной среде, где в гениях ходили Кривулин и Елена Шварц, Житинский был обречён, — а он, сколько я вижу, умом и талантом превосходил их. И уж совсем у него не было шансов состязаться с советскими эстрадными москвичами обоих столиц.

В 1982 году в Ленинграде четырьмя добровольцами, в том числе мною, была составлена антология *Острова*, представляющая три поколения неофициальной ленинградской поэзии. В ней Бродский — один из восьмидесяти отобранных нами авторов. Есть там и другие «хаматовские сироты»: Бобышев, Найман, Рейн. При работе над антологией я впервые прочёл и отметил стихи Алексея Лосева (который потом стал Львом Лосевым). Никто из этих пяти не сделался знаменит в Ленинграде; троим пришлось эмигрировать на Запад, двум — в Москву. Все они состоялись не вполне, не до конца, потому что поэт смолоду формируется в ходе живого общения с читателем, а их десятилетиями не пускали в печать. Ещё в большей мере это относится к моим ровесникам, в большинстве своём просто задушенным. И виновата в этом не только советская власть,

душившая всех без разбору. Виновата в этом Москва, Московия, вообще задушившая Россию, а в частности — вот это поколение послевоенных ленинградских поэтов.

Мы помним *Молитву* Лермонтова... — а вот, для сравнения, спустя сто тридцать лет, молитва страшной поры моей юности, молитва советского атеиста Валерия Скобло:

О Боже, Ты знаешь: всё ближе беда,
И, если Ты в силах помочь,
Дай стойкости верить, что не навсегда
Над нами сгущается ночь.
Темницы и горести не отврати,
Но, если Ты милостив, Бог,
Дай силы и мудрости, чтобы в пути
Предателем стать я не мог.
За всё, в чём виновен, меня покарай,
И всё же осмелюсь просить:
Казни меня, Господи, только не дай
Мне хлеба чужбины вкусить.

Ни в московской субсидируемой литературе, ни в московском полуподполье такие стихи не могли появиться. В них — квинтэссенция петербургской поэзии: «Губ шевелящихся отнять вы не могли...» Нет в них крикливого самодовольства. Поэт готов идти в Гулаг за свою правду («Темницы и горести не отврати»), а молит — задумаемся на минуту! — о душевных силах, чтобы не стать предателем.

А это?! — «Казни меня, Господи, только не дай мне хлеба чужбины вкусить...» Такого рода патриотизм, совсем не советский, владел тогда многими, начиная с Бродского («Ни страны, ни погоста не хочу выбирать») и кончая мною, но особенно теми, кто, как Скобло и я, вырос на Петроградской стороне или на Васильевском острове, в этом оазисе архитектуры модерна и неоклассицизма. Однако слово *предатель* у Скобло адресовано не эмигрантам, хотя сам он, еврей по крови, так никогда и не уехал из города своего детства, «любимого горькой любовью». Многие в наши дни уже забыли, что советские палачи, теперешние воры в законе, торгующие нефтью, а в те поры звавшие человечество в светлые дали коммунизма, могли почти каждого человека под пыткой сделать предателем.

А вот фрагмент стихотворения Зои Эзрохи, в котором она предлагает свой рецепт возвращения из Москвы в Россию. Стихотворение, заметьте, уже послепрестороечное, 1993 года:

...Три железнодорожных состава —
Мама, Ельцин, Собчак и Чулаки,
Птицы, змеи, Булат Окуджава,
Надя, Галя, коты и собаки,
Волки, бабочки, Гриша и Оля,
Люся Левина, Курочкин Коля...
Нужно вывести эти составы,
Вдоль границы поставить заставы.
Не придется трудиться и жечь:
Загрызет там товарищ товарища,
Через годик — одни лишь пожарища,
Где людская не слышится речь.
И на этом пустующем месте,
Где такая была кутерьма,
Осторожненько лет через двести
Можно новые строить дома.

Мысль о том, что единственное спасение России — в поголовной эмиграции из Московии всех честных людей, включая котов и собак, волков и бабочек, и раньше высказывалась, но в стихах впервые прозвучала у Зои Эзрохи (1946-2018). Не слыхали этого имени? Но оно бы гремело, родись и живи Эзрохи в Москве.

Здесь к месту вспомнить, как неохотно ленинградцы переезжали в Москву. У жителей Костромы или Воронежа этой трудности не случалось, московская прописка считалась манной небесной. Переезд писателя из Ленинграда в Москву всегда определялся одним: жаждой известности. Впрочем, однажды в истории было и прямое понуждение: Маршак, Корней Чуковский и другие знаменитости 1940-х годов переехали после войны с берегов Невы в Москву по недвусмысленному намёку из Кремля. Сталин не понимал, что делает; не сознавал, что участвует в вековой чехарде двух начал русской истории: европейского и азиатского... не понимал он этого и в годы войны, когда больше Гитлера сделал для того, чтобы выморить ленинградцев голодом. Соображения у Сталина были сиюминутные, злободневные: из Ленинграда шла непокорность политическая и поэтическая. Сталинским двигателем властолюбие. А вышел новый кульбит старой чехарды: культурной столицей страны опять, впервые после воцарения Петра I, становится Москва.

6. Другая эмиграция

В моём списке малых ленинградцев совершенно особняком стоит одно дарование: Татьяна Котович. Обо всех малых ленинградцах можно сказать, что они состоялись не вполне, но Котович чемпионствует в этом смысле, потому что заложено в ней было невероятно много. Решаюсь допустить, что талантом она не уступала Бродскому или Кушнеру, которые тоже оказались бы малыми ленинградцами, не обладай они дарованием другого рода: жестоковынностю, — качеством, как всякому известно, не всегда выпадающим на долю поэта. Жестоковынность и позволила им вырваться из-под спуда, из-под тройного гнёта времени, места — и места внутри места.

Не один я был заворожён талантом Тани Котович: её считали самой талантливой уже в детском кружке при ленинградском дворце пионеров. В 1966 году целых шесть стихотворений девятнадцатилетней Котович были напечатаны в ленинградском альманахе *День поэзии*. Сейчас уже нужно объяснять, что это был феноменальный успех: советский патент на благородство, советское дворянство, почти что вхождение в пресловутую «великую русскую литературу».

Как и большинство из нас, Котович в детстве верила в советскую власть, затем поняла её подноготную и горько разочаровалась в этой подлой власти. Но она пошла дальше нас: первой разуверилась в своих соотечественниках и современниках — и вышла из игры, не пожелала подлаживаться и пробиваться. Это ведь нужно произнести: женщины честнее мужчин там, где дело касается сочинительства. Демон соперничества меньше искажает их души. Женщины реже берутся за перо из тщеславия, честолюбия или властолюбия. Этих качеств в характере Татьяны Котович не нашлось. Она перестала печататься, хотя перед нею, не-еврейкой по крови, вышедшей из самой что ни на есть пролетарской среды, были открыты все двери; перестала ходить в литературные собрания, исчезла. Из пролетариата — она не вышла: годами, если не десятилетиями работала в самых непредставимых местах (их список следует), а жила в жуткой ленинградской коммуналке, в одиночестве и в безвылазной бедности. Нрава, по-видимому, была нелёгкого; сужу об этом со стороны, ибо никогда не дружил с нею.

Котович пропала из виду так основательно, так бесследно, что долгие годы я не знал, жива ли она; новых стихов её не читал (негде было), но всю жизнь я с любовью хранил небольшую коллекцию старых стихотворений, в основном 1970-х годов, и в эмиграции, в 1980-е годы, печатал их в самых престижных тогдашних европейских изданиях. Уже эти ранние стихи дают ясное представление о её таланте. Вот одно из них:

Кто родился, тот право имеет на хлеб.
А потом уже право на труд.
Оглянись — и увидишь ты, если не слеп,
Лишь несытый трудящийся люд.
Я считаю гроши, потирая висок:
Чем я завтра себя прокормлю.
Униженье работы за хлеба кусок
Ради смерти голодной терплю.

За проклятья мои над рабочим станком,
За урчанье в пустом животе —
Подавлюсь я когда-нибудь хлеба куском,
Заработанным в честном труде.

Вспомним на крохотную секунду тогдашнюю поэтическую Москву: сытого советского поэта, с выпяченной грудью, в учительной позе распускающего павлиний хвост перед дамочками из первых рядов партера, — какой контраст! Какая пощёчина субсидируемой литературе!

А вот послужной список Татьяны Котович в её пятистопных ямбах:

Я дышала в цехах типографскою краской,
Пальцы пачкала мелом, стучала указкой,
Медицинского спирта я помню огонь
Над спиртовкой. И шприц, холодащий ладонь.
Ну а дальше — в научном большом институте,
Там, где все исключительно умные люди,
А начальник во Франции был, говорят,
Я работала месяцев десять подряд.
А потом разносила газеты, журналы,
Телеграммы несла в чердаки и подвалы,
У дверей незнакомых звоняясь и стучась,
И брала чаевые, почти не стыдясь.
Помню пыль твою легкую, библиотека!
Там я чудный автограф из прошлого века
Отыскала, читала, не веря глазам.
Ещё Пруста нашла я и Белого там.
Простояла я возле горячих печей
Много дней, вечеров и ночей.
Здесь, на хлебозаводе, где ешь, сколько сможешь,
Оказалось, что хлеб приедается тоже...

Вообразим на минуту, что перед этими стихами были публично читаны обычные, рядовые стихи той поры, приспособленческие, фальшиво-гражданственные, лизоблюдные, ура-патриотические и жалкие по исполнению, — что-нибудь вроде такого:

Я речь не о том, сокровенном и доблестном прошлом веду,
где были Турксеб, и Магнитка, и флаг над Берлином.
Я в случае данном под прошлым имею в виду
забвенье о благе народа, наветы, аресты безвинных...

— и мы воочию увидим гражданский подвиг Татьяны Котович. Прочти она «Я дышала в цехах типографскою краской» с московских советских подмостков, в месте хоть сколько-нибудь официальном, она угодила бы в Гулаг.

Между тем Татьяна Котович — вовсе не трибун, не борец, а лирический поэт, которому нечем дышать в тридевятом царстве советского мещанства. Её стихи с перечнем профессий замечательны не столько их гражданственностью, сколько своею лирической интонацией, художественной достоверностью портретных деталей и, конечно, мастерством, столь явно превосходящим поделочное качество халтурных стихов Евтушенки. Повторю до оскомины: Котович — не диссидентка (хоть ничего дурного с этим понятием я не связываю), а — просто честный художник (хоть это и очень непросто: быть честным художником). Она оставила нам страшное и *документальное* в своей неотразимой художественной достоверности свидетельство о

том, в каких чудовищных, поистине рабских условиях жили и умирали ленинградские поэты моего поколения.

Вот ещё фрагмент в этом же духе из ранних стихов Котович:

...Мне ненавистна сътость тех,
Жующих собственный успех,
Когда в стране духовный голод.
Когда спиваются друзья,
Когда без злобы жить нельзя —
Хоть стар, хоть молод.
Когда от прозвища «поэт»
Уже краснеют юн и сед.
— Пожалуйста, вернемся к прозе!..
С тех пор, как Музы больше нет,
Уже никто не даст совет,
Никто не спросит.
Так будь же мужествен, мой друг.
Не выпускай пера из рук,
Но жди до срока.
Она придет к тебе, дождись,
И смыслом засияет жизнь.
Она придет, прямая, жестока.
Нет, не с набитым кошельком,
Нет, не с трусливым шепотком,
Нет, не завистливая лгунья, —
Она с пылающим мечом
Придет и встанет за плечом,
Любя, и мстя, и негодуя.

Мастерство здесь не пушкинское, нет, — это признаем, — но высота, на которую эти стихи нас поднимают, — пушкинская: необычная даже для самиздата, а советской поэзии и вовсе неведомая. Это пушкинский *Пророк*, выведенный из ленинградского полуподполья.

И вот я говорю: вся крикливая советская Москва, все эти выкормыши субсидированной литературы, сътые опереточные евтушенские на подмостках Политехнического музея — все они, сколько их ни было, включая и Слуцкого, который — какая дерзость! какая оригинальность! — номер своего партбилета вставил в стихотворную строку, — все они должны шляпу снять и в тень отступить перед этими прозренческими стихами. Все они в подмётки не годятся изумительно одарённой и с их помощью погубленной Татьяне Котович, которая с холодной горечью констатирует в одном из своих стихотворений: «...в России не было поэта с именем и голосом моим».

Лучшие стихи Татьяны Котович связаны с городом на Неве, который она любила, чувствовала и выразила как немногие. Приведу моё любимое стихотворение:

Отсырев, потемнели дома.
Продают мандарини в палатке.
В виде мокрого снега осадки.
Ленинградская брезжит зима.
Для того, кто родился не здесь,
Вероятно, едва выносимы
Наши смутные серые зимы.
Пахнет ржавчиной камень и жесть.
Проторчу на работе весь день.

Или дома. Ступать неохота
В непролазное это болото:
Всё измокнет, чего не надень.
Но люблю этот хмурый снежок,
Талый шум, что проходит дворами
В час, когда зажигается в раме
Мой глубокий ночной огонек.

Эти по-видимости незамысловатые стихи — шедевр интонационной достоверности, выдерживающий сопоставление с любым русским стихотворением, написанным за последние двести пятьдесят лет. Автору этих стихов — не перед кем приклонить колено среди всех её современников. Мастерство здесь — пушкинское. В России был поэт по имени Татьяна Котович.

Татьяна Котович эмигрировала два раза: сперва, как многие, ушла в так называемую внутреннюю эмиграцию, повернулась спиной к подлой советской действительности, а затем — совершила необычное: уехала из горячо любимого города, где ей не нашлось ни работы, ни жилья... и куда уехала? Не в Париж или Бостон, а — в Кириши. Есть такой захолустный городок на Волхове, в углу Ленинградской области, которым эта область уткнулась в область Новгородскую. Татьяна Котович уехала из подлости в Россию. Не знаю, как там сложилась её жизнь.

Горькая участь ленинградских поэтов эпохи новеченто сравнимо с поэтами московскими ни на крохотную секунду не противопоставляет Ленинград Москве в целом. Ленинград ни на тютерльку не был лучше. Он был хуже. Страха было больше. Одно дело противостоять врагу лицом к лицу и перед всем миром, другое — на задворках, и не врагу собственной персоной, а его подручному, наёмному убийце. Режим в обоих городах был одинаково подл, человеческий материал одинаково низок, а ведь город — это люди, не камни и деревья. Ленинград в целом был всего лишь нищим, подавляемым и презираемым пригородом Москвы, не более того. Вместе с Москвой этот пригород преспокойно сидел задницей на всей России, пил из неё кровь, как повелось ещё в допетровской Московии. Москва испокон веков была врагом России и в советское время задушила её до конца.

И вот в эту-то умиравшую Россию эмигрировала из Ленинграда Татьяна Котович. Жизнь в советском захолустье была чудовищна, Котович знала это, но всё же предпочла её сомнительной привилегии ленинградской прописки. Этим она сказала: я — русская; сказала не словом, а делом.

Не называю других имён ленинградского новеченто, не привожу других стихов. Это — работа будущих охотников и собирателей, если таковые найдутся. Новеченто дало только два имени, сколько-нибудь услышанных: Бродского и Кушнера. Оба — в числе лучших поэтов эпохи Бродского, оба — большие таланты, но услышаны они были, как уже сказано, не только благодаря их литературной одарённости, а благодаря той самой жестоковынности, которая Льва Толстого восхищала в Афанасии Фете. Жестоковынность Бродского оказалась такова, что он стал эпонимом. Не думаю, что он смог бы стать эпонимом, родись он в Москве.

Что до термина новеченто, то он не от новизны образован (новизна как таковая не имеет никакой эстетической ценности), а от цифрового имени столетия. Мы помним: *quattrocento* значит четыреста (1400-е годы); *novecento* — девяносто; по той же логике итальянского языка обозначаю этим словом всё советское столетие в Ленинграде, не только 1950–1980-е. Расцвет этого культурного движения пришелся на моё поколение, зарождение — на конец 1910-х годов, на Фёдора Сологуба и его круг первых петербургских отверженных писателей; с них начинается самиздат, ещё безымянный и в ту пору практически неизвестный в Москве.

2016, 2020,
Боремвуд,
Хартфордшир

Шуламит Шалит¹

«Велико счастье, которого я удостоился...»

Ханс-Кристиан Андерсен

(1805–1875)

Почти четверть века мы живем в третьем тысячелетии, когда-то немыслимом и недосягаемом. И скоро наши внуки, а тем более их дети и внуки станут если не говорить, то думать про нас, еще совсем не старых, как про динозавров: они родились так давно, еще в прошлом тысячелетии... Забавно думать, что и мои дети станут, пожалуй, такими «динозаврами». И будут написаны романтические рассказы о том, где, кто и как встретил 2000 год, когда внуков, детей моих «динозавров», еще не было...

А мы перенесемся на сто с лишним лет назад. В новогоднюю ночь кануна 1900 года будущий писатель Константин Паустовский, тогда восьмилетний мальчик, сидел под елкой и читал сказки Ханса-Кристиана Андерсена. С тех пор старый сказочник, всего лишь за четверть века до того живший в маленькой Дании, любивший и как никто другой понимавший грустных детей и несчастливых взрослых, на всю жизнь стал его другом и самым любимым писателем. В то время маленький Паустовский думал, что Андерсен еще жив и его волновал вопрос: а тех, кто не знает датского языка и живет далеко от Дании, Андерсен тоже любит? (Об этом, со слов самого писателя, рассказал мне когда-то в Паланге Лев Адольфович Озеров.) Может, сказочники на самом деле не стареют и не умирают? Кто только ни пытался разгадать загадку вечного очарования и живучести сказок Андерсена, кто только ни писал о нем, но лучше Паустовского никто этого все-таки не сделал. Тем не менее, оказалось, что даже Паустовский кое-чего об Андерсене не знал. Сколько сказок Андерсена он прочел? А сколько прочли мы с вами? 48–50? Столько обычно собирается в сборник. Но, оказывается, он написал их более 200! По иным данным даже 256! В разных источниках — разные цифры, но намного больше, чем переводилось на русский язык. Писал он и стихи, и пьесы, в основном, трагедии, но и водевили, и путевые очерки о многочисленных путешествиях. Менее известно, что он еще трижды написал свою автобиографию, и каждый вариант был все светлей и счастливей. Видимо, ему не только надоело страдать, но даже думать и вспоминать о страданиях детства и юности надоело. В 70-е годы XX века в Дании — и этого Паустовский не знал: он умер в 1968 году — вышли в свет все дневники Андерсена — 12 томов! Как это можно написать о себе 12 томов? Но мы же говорим о человеке необыкновенном. А к 200-летию со дня рождения писателя, в 2005, вышла книга, в которой сказано, что кое-что он все-таки утаил. Но о чем не знаем, говорить не будем.

Давайте порассуждаем: телевизоров нет, кино нет, радио нет. Даже самолетов нет — никуда, как бы этого ни хотелось, улететь нельзя. И что же остается? — читать, мечтать, ездить в дилижансе, выдумывать разные истории и записывать их. Так вот Андерсен и прожил всю жизнь, все свои семьдесят лет. Особенно далеко не ездил, ну, в Швецию, Италию, Англию, но фантазия могла перенести его и в очень далекие и совсем уж райские места... Кроме книг и упомянутых дневников, остались тысячи его писем разным людям. Тысячи! Как жаль, что они не переведены на русский язык. А может, пока я это пишу, их уже переводят?

Ханс-Кристиан Андерсен,
1845 год

¹ Литератор, искусствовед, автор множества очерков и эссе по истории литературы и культуры.

Андерсен не сразу стал писать свои знаменитые сказки. Сначала он собирался быть актером. Потом драматургом, поэтом, романистом. Но именно его устные рассказы пользовались успехом у всех, будь то дети или взрослые. Он не любил слово «сказка», а предпочитал «рассказ» или еще лучше «история». И стал их записывать. И именно они-то принесли ему мировую славу. В России первое четырехтомное собрание сочинений вышло в 1864 году, еще при жизни писателя. Он об этом знал. Самым полным изданием до сих пор остается пятитомник в переводах А. и П. Ганзен 1895 года. Андерсена переводят и публикуют на протяжении более ста пятидесяти лет. Однако чаще всего это уже знакомые нам сочинения. А многих мы не знаем до сих пор, потому что на русский язык они не переводились. Даже о жизни его рассказано далеко не все. Вам, наверное, странно будет услышать то, о чем я хочу сейчас рассказать.

По фрагментам из малоизвестных произведений Андерсена и по фактам его автобиографии мы вправе судить об особом отношении любимого нами и такого знакомого всем писателя к еврейскому народу, его традициям, его культуре.

Рассказ Андерсена «Еврейская девушка» на русский язык никогда не переводился. Попробую его пересказать.

Девочка Сарра училась в христианской школе для бедных. Во время уроков по религии ей позволялось заниматься чем-нибудь другим, например, географией или счетом. Но Сарру как раз очень увлекали рассказы о Библии. Задавая вопросы, она проявляла при этом хорошее знание предмета. Реакция учителей была неожиданной. Отцу девочки сказали:

«Если вы хотите, чтобы ваша дочь оставалась в нашей школе, она должна принять христианскую веру». И вот что, по словам Андерсена, ответил отец: «Признаюсь, я сам не слишком благочестив и даже мало сведущ в иудейской религии. Но моя жена соблюдала все законы наших предков и перед смертью взяла с меня обещание, что наша девочка никогда не перейдет в другую веру. Я обещал ей, и Бог тому свидетель».

Спустя несколько лет Сарра стала гувернанткой в одном богатом доме. Хозяева были люди верующие, протестанты, как и положено датчанам. По воскресеньям они уходили в церковь, которая стояла неподалеку, и Сарра вслушивалась в доносившиеся оттуда звуки воскресных песнопений и молитв. Они манили не только ее слух, но и сердце. Андерсен пишет:

«Ее волосы были черны как эбеновое дерево, а глаза сверкали особенным блеском, присущим дочерям Востока. Читала она только Ветхий Завет — наследие ее народа и сокровищницу знаний о нем. Она присутствовала при разговоре учителя с ее отцом, вследствие которого была исключена из школы. То обстоятельство, что мать перед смертью просила, чтобы их дочь не предавала веры предков, произвело на нее очень сильное впечатление... Однажды вечером хозяин дома читал своим домашним «Жития святых». Все сидели тихо, но внимательнее всех слушала, сидя в уголке, Сарра, их служанка и гувернантка. Все, чему она внимала, виделось ей в картинках. Слезы заполнили ее черные блестящие глаза. Сердце ее трепетало, как в детстве, в школе, когда она слушала новозаветные истории. И вот уже слезы заструились по ее щекам».

Внутренний конфликт становится все нестерпимей. Но Сарра не поступается своими принципами.

В следующем отрывке появляется и дополнительный аспект — тема антисемитизма. Андерсену ведомо было страдание: его так часто и много унижали за его бедняцкое происхождение (отец был полунищий сапожник, мать — прачка), за некрасивость, за всевозможные странности, которые мы сегодня считаем достоинствами, например, за умение беседовать с вещами и сверчками, что он не мог не сочувствовать другим. Писатель приводит такой внутренний монолог Сарры:

«Нельзя, чтобы моя девочка крестилась» (слова мамы перед смертью), и все ее существо эхом откликается на слова «Чти отца своего и мать свою». «Нет, я никогда не крецусь! Когда я стояла напротив входа в церковь, издали глядя на освещенный алтарь и слушая молитвенное пение, сын наших соседей крикнул мне, и с такой насмешкой: «Еврейка!» Да, это правда, с той поры, когда я училась в школе, и до сих пор меня волнуют и церковное пение и молитвы. В них — сила солнца. Даже, когда я закрываю глаза, лучи его проникают в мое сердце. Но я не предам тебя, мама, не обману. Я буду жить по законам Бога моего отца».

Между тем хозяева Сарры разорились и не могут больше платить ей жалованье. Идти ей некуда, и она остается с ними и продолжает им преданно служить, не получая за это ни копейки. Проходит время, умирает хозяин дома. По просьбе его вдовы теперь уже сама Сарра читает ей из «Жития Апостолов». И девушку снова охватывает забытое волнение. Повествование завершается в духе классического святочного рассказа, сильным аккордом, но вполне по-андерсеновски:

«Мамочка, твоя дочь не крестилась. Для христиан она была и осталась еврейкой. Обещание, данное тебе отцом на этом свете, не нарушено. Все — по твоей воле. Да, но разве не важнее исполнять волю Божию? Он посещает землю, обращает ее в пустыню, а затем превращает ее же в цветущий сад... Ведь это дело рук Христа!» — и как только произнесла она это имя, дрожь прошла по всему телу, ужас обнял ее и упала она лицом вниз, став бледнее своей больной госпожи, для которой только что читала вслух...»
«Бедная Сарра, — сказали люди. — Она не жалела себя в заботах о других». Ее отвезли в больницу для бедных, там она и умерла. Ее не похоронили на освященной части кладбища, не нашлось там места для еврейской девушки; ей выделили могилку за пределами церковного кладбища, совсем под забором. «Но когда божественный солнечный свет льет лучи на христианские могилы, он посыпает лучик и на одинокую могилку Сарры, бедной еврейской девушки».

Вот такую странную историю сочинил Андерсен. Подружку его юных лет звали Сарра Хейман. Судьба ее сложилась не очень счастливо, возможно, когда он писал, то думал о ней.

Андерсен, в душе верующий христианин, был далек от официальной церкви. Это не единственный его рассказ, связанный с еврейской темой, но в нем особенно ощутимо уважение, с которым великий Ханс-Кристиан Андерсен относился к иудейской религии и приверженности евреев к своей традиции.

Любопытные вариации этой темы прослеживаются и в рассказе «Только скрипач» и в двух его романах. Один называется «Быть или не быть?». В нем — целая серия теологических диалогов между мятущимся, нестойким в своей вере Нильсом и еврейкой Эстер, которая не только сама принимает крещение, но и возвращается в лоно его же религии самого Нильса. Для нас же поучителен конфликт между дедушкой Эстер и ею самой, как его осмысливает и описывает Андерсен:

«Дедушка не может понять ее чувств и не способен говорить с ней на эту тему. Он полагал, что своим молчанием сумеет притушить, извести чуждое влияние, надеялся излечить ее от идей, внесших дисгармонию в их семью. Он был горд за народ Израиля, который, несмотря на вековечные преследования, оставался народом особенным, избранным Всевышним — великим и в милости и в гневе».

В романе «Счастливый Пэр» его герой, подобно героям многих сочинений Андерсена, наделен автобиографическими чертами самого автора. Пэр — бедный юноша, который прежде, чем станет знаменитым оперным певцом, проходит через многие испытания и унижения. И в его жизни, как и в жизни самого Андерсена, появляется человек, который с деликатностью поддерживает его и морально и материально. О друге Андерсена речь впереди, а у Пэра им стал новый учитель музыки. В один из дней этот учитель открывает юноше тайну: он — еврей! Разумеется, он мог бы подняться по общественной лестнице, если бы согласился креститься, но он отказался от этой возможности, и хотя сам не выполняет религиозных предписаний, убежден, что религию предков не меняют.

А теперь зададимся вопросом: что вызвало у Андерсена такой интерес к евреям и иудейской религии? Откуда? Почему? Допустим, Библию он знал и любил с детства. Но это обстоятельство еще ничего не объясняет. Известное сочувствие ко всем несчастным и гонимым? Безусловно. Но, скорее всего, тайна кроется в его биографии. На протяжении всей его жизни большинство из тех, кто протягивал ему руку помощи, были евреями. Фамилии этих людей известны: Карстенс, Коллин, Хенрикс, Мельхиор. Но если некоторые из них в литературе на русском языке и названы, нигде не сказано, что все они евреи. Не логично ли тогда предположить, что еврейская тема в его произведениях в какой-то мере — благодарная дань еврейским семьям, которые поддерживали писателя и помогали ему.

Вы помните книжку Ирины Муравьевой «Андерсен» в серии «Жизнь замечательных людей»? Наверное, у многих из вас она стоит на полке и сегодня. Первое ее издание вышло в 1959 году и мгновенно разошлось, и с тех пор она много раз переиздавалась. Автор, Ирина Игнатьевна Муравьева, ушла из жизни в 1961 году, еще до выхода второго издания, не достигнув и сорокалетнего возраста.

Муравьева знала не только немецкий и французский, но и датский язык, была знакома с письмами и дневниками Андерсена, не говоря уже о работах исследователей жизни и творчества писателя, и книга ее — поэтическая и яркая. Можно было бы сказать, что и правдивая, и достоверная, если бы не одно маленькое обстоятельство. Вот один пример:

«Лето миновало, аисты улетели за море к пирамидам, а в опустевших полях завывала метель. В эту зиму Ханс-Кристиан... ходил в школу. Когда мать привела его сюда в первый раз, он порядком струсил, потому что уже знал, что не всегда в школе бывает хорошо. Этот печальный опыт он приобрел, посещая маленькую частную школу для девочек, где старая вдова перчатника с помощью прута учила читать по складам...»

И когда эта «треска в чепце» ударила и его, мать забрала мальчика из этой школы, а так как в городской школе для бедных мест тоже не было, она отвела его к господину Ф. Карстенсу. Вот это «маленькое обстоятельство» последовательно опускается, выбрасывается из текста, и именно потому, что сам Ф. Карстенс был еврей, и его школа была еврейская.

Да, Ханс-Кристиан Андерсен учился в еврейской школе — вот она, первая тайна, и я не сомневаюсь, что Ирине Игнатьевне она была известна. Не могу, однако, заподозрить ее в нелюбви к евреям: она сама дважды была замужем за евреями. Муравьева была скорее юдофилкой и уж никак не юдофобкой, но в 1950-е годы написать, что великий датский сказочник учился в еврейской школе, что среди тех, кто помогал ему всю жизнь, было много евреев, она не могла, ее книжка, скорее всего, не увидела бы света... Поэтому о многом ей пришлось умолчать.

О том же, что юный Андерсен стал свидетелем еврейского погрома в Копенгагене, Ирина Муравьева могла и не знать. Смею думать, что режиссер Эльдар Рязанов узнал об этом факте из моих многочисленных публикаций о связях и дружбе Андерсена с евреями (первое сообщение на радио со ссылкой на исследования Менахема Регева — 1998 г., позднее во множестве печатных изданий и в интернете). По свидетельству поэтессы Сары Погреб, у которой Рязанов гостил в Ариэле, он снял с полки мою книгу «На круги свои...», уже зная имя автора...

В автобиографии Андерсена, изданной на английском языке, писатель вспоминает о своем приезде в Копенгаген. Это было в 1819 году. Ему четырнадцать. И он один в чужом городе. Вот его запись в дневнике:

«Вечером, накануне моего приезда, произошла тут еврейская свара (Андерсен не знал слова “погром”), которая распространилась на многие европейские страны. В городе беспорядки, улицы полны народу. Шум, паника, переполох — это было много сильнее моего воображения, моего представления той поры о характере большого города».

В истории Дании погромы были редки. Они пришли сюда из Германии. После разгрома Наполеона реакция подняла голову и вспыхнула ненависть к чужим. Евреи, как обычно, стали первыми козлами отпущения. Ненавистные в Германии французы дали евреям гражданские права, свободу. Кому? Этим космополитам?.. Начались факельные шествия, преследования евреев, уже тогда жгли книги, выбивали витрины. Но после ареста зачинщика этих дел Фридриха Людвига Яана прусской полицией волнения покатились дальше, дос津贴нув и Дании. И этому был свидетелем подросток Андерсен.

Известный биограф Моника Стирлинг отмечает, что странный мечтательный мальчик не умел находить себе друзей, и Ф. Карстенс, директор еврейской школы, заметив это, часто занимался с ним отдельно, беседовал с ним и брал на прогулки вместе со своими сыновьями. Андерсен очень дорожил симпатией к нему Карстенса, в которой так нуждался. И в зрелые годы Андерсен не забывал своего доброго друга. Став знаменитым, он продолжал писать ему письма, посыпал свои книги и навещал, когда бывал в Оденсе — городе, где прошло детство писателя.

Из отдельных отрывков его сочинений видно, что Андерсен разбирался в еврейских обычаях, знал законы иудейской религии. И хотя в его автобиографии есть и портрет несимпатичного еврея, неопрятного на вид случайного попутчика, который без умолку болтает и сыплет анекдотами, или описание ужаснувшей его атмосферы в одной из римских синагог — вместо тихого религиозного экстаза он увидел там жестикулирующих и громко переговаривающихся друг с другом людей, «как на бирже», замечает он, но в целом его симпатии всегда на стороне евреев. Тот же факт, что Андерсен не употребляет для сравнения таких слов, как «улица»

или «базар», а именно «биржа», говорит, что и он не лишен был устоявшихся стереотипов в отношении евреев.

Прибыв в Венецию, он направляется в район еврейского гетто, заходит вместе с другом в гости к еврейской семье, видит на столе ТАНАХ (еврейскую Библию), открывает книгу и, к удивлению хозяев дома, читает первые строки на иврите.

Он уже знаменит на всю Европу, только его земляки все еще не могут простить ему его бедняцкого происхождения, его нищенского прошлого. Хуже всего ему именно в Дании.

В 1866 году Андерсен побывал в Амстердаме. Он приходит на симфонический концерт и записывает по-том в дневнике:

«Там была элегантная публика, но я с грустью отметил, что не вижу тут сыновей народа, давшего нам Мендельсона, Халеви и Мейербера, чьи блестящие музыкальные сочинения мы слушаем сегодня. Я не встретил в зале ни одного еврея. Когда же я высказал свое недоумение по этому поводу, то, к своему стыду — о, если бы мои уши обманули меня! — услыхал в ответ, что для евреев вход сюда воспрещен. У меня осталось тяжелое впечатление об унижении человека человеком, об ужасающей несправедливости, царящей в обществе, религии и искусстве».

Остроту и этой реакции можно понять, помня о сердечной близости и многолетней дружбе с еврейскими семьями: он видел проблему как бы изнутри. Сначала был Ф. Карстенс. Затем появились Эдвард и Ионас Коллин, они не только помогли юному драматургу получить образование в Копенгагене, добились для него королевской стипендии для учебы в Латинской школе, но и брали на себя многочисленные хлопоты и расходы по устройству его быта. Без совета и помощи строгого, но заботливого господина Эдварда Коллина Ханс-Кристиан многие годы не принимал ни одного решения, хотя и сетовал порою на чопорную атмосферу в доме Коллинов и прохладное отношение к его творчеству. Но он всегда знал, чем обязан этой семье.

А потом в его жизнь вошли два новых семейства — Хендрикс и Мельхиор. Особенно любил он радушный дом Мельхиоров. Тут не приходилось ничего скрывать, тут с сочувствием относились к его прошлому, в котором были и горе, и холод, и голод. Эти благородные люди сумели оценить его талант и полюбили как родного. Представители этой почтенной семьи до сих пор живут в Дании. В Краткой еврейской энциклопедии на русском языке я не нашла упоминания фамилии Мельхиор, но в энциклопедии на иврите 1987 года и в английской «Judaica» читаю:

«Мельхиор — еврейская семья в Дании. Глава семейства Моше Мельхиор прибыл из Гамбурга в Копенгаген в 1750 г. Добился успеха и известности торговлей кожей и табаком. Его сын Герион и внук Мориц расширили фирму, а Мориц стал членом датского парламента. Он был другом Ханса-Кристиана Андерсена. В 1852 году был избран главой еврейской общины Дании. Скончался в 1884 году».

Через девять лет после смерти Андерсена. Другой член семьи Мельхиоров, Маркус, был главным раввином Дании с 1947 по 1969 годы.

Он же переводил на датский Шолом-Алейхема. И сын его Бент стал раввином... Один из отпрысков этого семейства, Михаэль Мельхиор, живет в Израиле. Он раввин, бывший депутат Кнессета. В ту пору, когда ему довелось побывать министром по делам диаспоры, он побывал с визитами в России и в Украине.

А теперь вернемся из двадцать первого века в девятнадцатый, к Андерсену и Морицу Мельхиору. Мориц и его семья окружили Ханса-Кристиана такой любовью и сердечным теплом, что он не раз и не два говорит об этом в дневниках и письмах. После смерти сначала Эдварда, потом Ионаса Коллина, чей дом был для Андерсена своим на протяжении многих лет, практически со дня приезда в Копенгаген, именно дом Мельхиоров он награждает определением «Home of homes» — лучший из домов. В этом доме он провел последние годы жизни и здесь скончался.

Из автобиографии Андерсена:

«В день моего рождения, 2 апреля (год 1866, ему уже 61 год), моя комната украшена цветами, картинами, книгами. Звучит музыка и звучат приветствия в мою честь. Я в доме моих друзей — семьи Мельхиор. На улице светит весеннее солнце, и такое же тепло я чувствую в своем сердце. Я осмысливаю прошедшее и понимаю, как велико счастье, которого я удостоился».

Почти до конца жизни, даже когда Андерсен был уже болен, он писал свой дневник. А когда не смог писать, то принялся диктовать, а записывали хозяйка дома, Доротея Мельхиор, или две ее дочери. В последнюю неделю жизни, с 28 июля по 4 августа 1875 года, он уже и диктовать не мог. Осталась запись самой Доротеи Мельхиор:

«Среда. 4 августа. Андерсен спит с десяти вечера. А сейчас уже 10 часов утра. Он все еще дремлет, и мне кажется, что у него температура. Ночью он кашлял... У него не было сил поставить чашку с остатками каши на место, и каши вылилась на одеяло. Вчера, после ухода доктора Мейера, Ханс-Кристиан сказал мне: "Доктор собирается вернуться вечером — это дурная примета". Я ему напомнила, что доктор приходит к нему уже две недели подряд два раза в день, утром и вечером. Мои слова успокоили его. И вот свет погас. Смерть — как нежный поцелуй! В 11 часов 5 минут наш дорогой друг вздохнул в последний раз...»

(А на интернетовском сайте peoples.ru читаю: «Андерсен умер в полном одиночестве на своей вилле Ролигхед»...)

В отрочестве Андерсен обещал матери стать знаменитым, а когда стал им, никак не мог поверить в это. Однажды ему оказали большую честь: пригласили во дворец герцога Веймарского. Из письма приятельнице Генриэтте Вульф:

«Меня приняли очень тепло. А потом, в поезде, произошло следующее. И это уже не впервые. Когда люди узнают, что я — датчанин, тут же перечисляют моих знаменитых земляков — Торвальдсена-скульптора, Эленислегера-поэта и Эрстеда-физика... А я с грустью произношу: "Но никого из них уже нет на свете". И слышу в ответ: "Но Андерсен еще жив!" И я сжимаюсь, я так мал... Может, это сон наяву? Боже мой, возможно ли, что мое имя произносят рядом с этими великими...»

Писатель был гоним, он не был любим так, как любил сам, как хотел и умел любить, и у него всегда, даже в годы его славы, щемило сердце, когда он распознавал такое знакомое ему ощущение — боль...

Владимир Порудоминский¹

Правила проигранной игры

Карты в повести «Смерть Ивана Ильича»

«...Мертвая насмешливо взглянула на него,
прищуривая одним глазом...»

А.С. Пушкин. «Пиковая дама»

1

«Нигде карты не вошли в такое употребление, как у нас: в русской жизни карты одна из непреложных и неизбежных стихий», — свидетельствовал П.А. Вяземский. Он полагал: «Можно бы написать любопытную книгу под заглавием: «Физиология колоды карт»» (1).

О «физиологии» карточной игры молодой Толстой, этих строк Вяземского не читавший, размышляет уже в первой своей литературной попытке, неоконченном рассказе «История вчерашнего дня». Он пишет о необходимом в обществе занятии, таком, чтобы и голова, и руки были заняты, при этом равно можно было бы говорить или молчать. «Такое занятие у нас и придумано — карты».

Карты заменили столь важное средство общения, как разговор: «Не от недостатка ума нет разговора, а от эгоизма. Всякий хочет говорить о себе или о том, что его занимает... Я не говорю о тех разговорах, которые говорятся оттого, что неприлично было бы не говорить, как неприлично было бы быть без галстука».

«Во время игры можно и поговорить тоже и потешить самолюбие, сказать красненькое словцо, не быв обязанным продолжать на тот же лад, как в том обществе, где только разговор», — читаем далее. (У Вяземского: «Карточная игра имеет у нас свой род остроумия и веселости, свой юмор с различными поговорками и прибаутками».) Человек, не способный блеснуть в разговоре во время игры также не смотрится скучным: «Когда же в карты играют, <...> можно молчать не предосудительно».

В «Истории вчерашнего дня» уже ощущимы особенности толстовского повествования, которые позже получат укоренившееся название — «диалектика души». Описание игры в карты выявляет сложность, многослойность поведения человека, который подчас одновременно делает одно, говорит другое, думает и чувствует третье, но при этом и одно, и другое, и третье слиты в единое целое, где всё — на своем уровне — сопряжено и обусловлено. Герой (рассказ от первого лица) играет в карты с женщиной, которая ему нравится, он любуется ею, может быть, любит, они беседуют о чем-то незначительном, но при этом ведут «другой неслышный разговор», передающий «таинственные отношения, выражавшиеся незаметной улыбкой и глазами, и которых объяснить нельзя». Ему притом еще кажется, что у него руки нечисты, его мучает «прыщик на щеке именно с ее стороны».

Эпизод — игра в карты с женщиной, которой сказать о своих чувствах нельзя, но чувства при этом сами передаются в понятном только двоим «неслышном разговоре», — повторится, написанный с высочайшим художественным мастерством, полвека спустя в «Хаджи-Мурате». Играют в карты у князя Воронцова: за ломберным столом оказываются ротный командир Полторацкий и красавица-княгиня Марья Васильевна, которая сидит рядом, «касаясь его ног кринолином и заглядывая ему в карты».

В «Истории вчерашнего дня» Толстой намеревался воспроизвести один день жизни «со всеми впечатлениями и мыслями» (24 марта 1851 года) (2). Партнершей Толстого за картами в описанный им день была жена его троюродного брата Луиза Ивановна Волконская. Полагают (С.А. Толстая в этом убеждена), что она стала прототипом «маленькой княгини» Lise Болконской, жены князя Андрея. В «Истории вчерашнего дня» дама, беседуя за картами с героем и при этом ведя с ним «другой разговор», чертит что-то мелким на зеленом сукне. Эта подробность тоже повторится и в жизни (объяснение Льва Николаевича и Софьи Андреевны), и в литературе (объяснение Левина и Кити).

¹ Писатель, автор научно-популярных и биографических книг и статей.

В раннем незавершенном рассказе, как в семечке, «воспоминания о будущем»: «Война и мир» — «Анна Каренина» — «Хаджи-Мурат».

2

26 марта 1851 года, тогда же, когда пробует воспроизвести на бумаге внешние и внутренние события одного-единственного дня, в частности платоническую любовь героя («я ее люблю, но не потому, чтобы она могла принадлежать мужчине») и столь же «платоническую» карточную игру, Толстой заносит в дневник: «Мне очень захотелось играть. Боюсь, что не удержусь» [46, 56].

За ломберным столом с партнерами мужского пола Лев Николаевич предпочитает иные игры — те, что именуются азартными: банк, штосс, «палки» (модная игра в годы толстовской молодости).

В.И. Даль в «Толковом словаре» обозначает азартные игры как *случайные, роковые*. Если играют честно, в азартных играх ничего предсказать, тем более рассчитать нельзя: исход зависит от удачно выпавшей карты. Здесь нет искусства партнеров: человек играет со случаем. Рассматривая карточную игру как модель жизни, Ю.М. Лотман пишет: «Азартная игра — модель борьбы человека с Неизвестными Факторами». Тут же — о «психологической потребности взрывов непредсказуемости»:

«И если, с одной стороны, попытки угадать тайны непредсказуемости питались стремлением упорядочить неупорядоченное, то, с другой стороны, атмосфера города и страны, в которых “дух неволи” переплетался со “строгим видом”, порождала жажду непредсказуемого, неправильного и случайного» (3).

При этом даже самые отчаянные игроки, постоянно убеждаясь в непредсказуемости случая, дорожа этой убежденностью, пытаются найти *систему преодоления* случайного. Толстой с его математическими способностями и — в молодые годы — с неодолимым пристрастием создавать своды правил на все случаи жизни, не составляет исключения. В его записях, среди иных, посвященных тому же предмету, находим, например, подробно разработанные «Правила для игры в Москве до 1-го Генваря» (1851 года). В дневнике он помечает: «Все занимался вычислениями для игры в штосс, из которых верных правил нет, но следующие вероятны...» — далее опять-таки следуют подробные правила. Или: «Целый день играл в банк сам с собою. Правила вывел следующие...» [46, 51, 55]

Расчеты, прикидки, предварительные заготовки не помогают ни выигрывать, ни вовремя выходить из игры. Проигрыши Толстого удручающи: «Проиграл сверх того, что было в кармане...»; «Проиграл остальные деньги и проиграл то, чего заплатить не мог...»; «Мне мало было проиграть всё, что у меня было, я проиграл еще на слово...» [46, 83; 47, 20–21, 35] Он проигрывает коня, всю сумму, полученную от продажи в безвыходном положении большого яснополянского дома, в котором родился: «Два дня и две ночи играл в штосс. Результат понятный — проигрыш всего яснополянского дома... Желал бы забыть про свое существование...» [47, 35]. Но он продолжает играть.

«Три дурные страсти: игра, сладострастие и тщеславие», — записывает он о себе [46, 93]. С тщеславием и сладострастием будет бороться всю жизнь, но в молодости ставит на первое место — *игру*.

На исходе 1850 года, будучи в трудном материальном положении, Толстой отправляется из Ясной Поляны в Москву «с тремя целями — 1) играть, 2) жениться, 3) получить место». Свое решение объясняет совершившимся в нем «большим переворотом»: он «перестал делать испанские замки и планы, для исполнения которых недостаточно никаких сил человеческих», «не презирает больше форм, принятых другими людьми» [46, 52, 38] («битые дорожки», как назовет он впоследствии). Померещившийся Толстому «большой переворот» не мог совершиться на деле, поскольку противоречит основным чертам его личности. Но играть он продолжает.

Размышляя о «физиологии» карт, он приходит к выводу, что люди, которые больше проигрывают, чем выигрывают, «не имеют страсти к выигрышу, но получают новую страсть к самой игре — к ощущениям» [46, 93].

Об ощущениях в азартной игре читаем у того же Вяземского: «Подобная игра, род битвы на жизнь и смерть, имеет свое волнение, свою драму, свою поэзию».

И здесь же признание известного игрока: «После удовольствия выигрывать нет большего удовольствия, как проигрывать».

Страх проигрыша, житейские тяготы и душевные страдания, им приносимые, сопрягаются в натуре Толстого с размахом, смелостью, отчаянностью, — это влечет его к волнениям и драмам, которые дарит игра. Он

производит сложные расчеты в поисках выигрыша, а брат, Сергей Николаевич, предупреждает его: «С твоим презрением к деньгам ты, пожалуй, там проиграешь что-нибудь значительное» (4). В толстовском дневнике 1851 года обнаруживаем замечательную запись: «...и деньги люблю истреблять» [46, 238].

Это удовольствие *истреблять* деньги вычитываем в «Двух гусарах». Старший Турбин, нежданно оказавшийся владельцем тысячи трехсот рублей (других денег у него не имелось), тотчас бросает всю пачку «на гитару» старого цыгана, требуя лишь, чтобы его с песнями проводили до городской заставы...

3

В отличие от азартных — *рекордных* — так называемые коммерческие игры требуют знания порой весьма сложных правил, умения строить игру. Случай, конечно, и здесь, как всюду в жизни, дает о себе знать, но игра ведется не со случаем — с партнером: нужно разгадывать его замыслы, переиграть не везением, а искусством. В Словаре Даля коммерческие игры толкуются как *рекордные, расчетные*.

В «Двух гусарах» расчетную, коммерческую игру ведет Турбин-младший. Он обыгрывает предложившую ему ночлег простодушную помещицу, когда-то возлюбленную его отца.

Рассказ — о противостоянии времен, поколений. Натуры отца и сына Турбина — двух гусаров — рождаются во всем. В мироощущении. В отношении к людям и отношениях с людьми. В любви (безоглядная любовная авантюра отца — и пакостное, трусливое ухаживание сына).

Карточная игра отцовского века — подлинно борьба на жизнь и смерть (как определил князь Вяземский): немереные тысячи на зеленом сукне, проигрыш всего, буйный самоуправный «отыгрыш» (насилием) у шулера, нечистыми приемами обобравшего юного офицера, с которым подружился старший Турбин. Обдумывая образ гусара-отца, Лев Николаевич держит в памяти рассказы о своем двоюродном дяде Федоре Толстом-Американце, легендарном дуэлянте и игроке (в полицейском списке московских картечных игроков — под № 1), к которому относится с нескрываемой влюбленностью. Младший Турбин играет «по маленькой», выигрыш у растерянной партнерши востребует до «полтинки» и приходит под влиянием выигрыша в игривое расположение духа. По сути, он играет тоже «нечисто»: нарочито запутывает правила, его несметливой хязяйке неизвестные и заведомо непонятные.

«Два века ссорить не хочу...» — писал Пушкин. Толстой умышленно и резко ссорит два века. Век отца («времена Милорадовичей, Давыдовых, Пушкиных»), который выразительно и точно определен в единственном (но на целую страницу!) вводном абзаце и коммерческий, расчетный (по Даю, такая игра еще и — купеческая) век сына. «Он был слишком пылкий человек... — говорит младший Турбин об отце. — Впрочем, все дело времени. В наш век он, может быть, вышел бы и очень дельный человек».

Дело времени... В «Двух гусарах» Толстой показывает, как время, век, вырабатывает («делает») человека по своим типовым меркам. Стала хрестоматийной сцена «рекордной» игры Николая Ростова с Долоховым, но там же, в «Войне и мире», обретут жизнь (через десять лет после «Двух гусаров») дельные, всегда предусмотрительные Борис Дубецкой и Берг: в век роковых игр они сдержанно, расчётливо передвигают на доске шахматные фигуры. И все же для Толстого это время Турбина-старшего. «Есть характер того времени (как и характер каждой эпохи)... И этот характер я старался сколько умел выразить», — объясняет Толстой в статье «Несколько слов по поводу книги «Война и мир»».

Лев Николаевич пережил век азартной игры, как в себе пережил с годами азарт к игре, но и в век игр коммерческих, если оказывался за ломберным столом, загорался прежней страстью. Об этом примечательно у Максима Горького:

«Как странно, что он любит играть в карты. Играет серьезно, горячась. И руки у него становятся такие нервные, когда он берет карты, точно он живых птиц держит в пальцах, а не мертвые куски картона» (5).

4

Повесть «Смерть Ивана Ильича» начинается с того, что собравшиеся в присутственном месте сослуживцы и к тому же карточные партнеры главного героя узнают из газеты о его кончине. Один из них, стоявший ближе других к покойному, товарищ его еще по Училищу правоведения, некто Петр Иванович полагает необходимым исполнить «очень скучные обязанности приличия» и отправляется на панихиду и к вдове с визитом соболезнования. Его томит мысль, что «скучные обязанности» помешают ему привычно и приятно провести вечер за зеленым столом.

В доме усопшего Петр Иванович, названный в рассказе только по имени, встречает еще одного сослуживца, названного только по фамилии (и то, и другое неслучайно, конечно) — Шварца. Выбор фамилии тоже, конечно, неслучайен: Шварц — *черный*. Цвет живет в сознании большинства людей, как правило, с отрицательным знаком (генетически это восходит к первобытному страху темноты). Черный — цвет карточных мастей, черные карты в гадании часто предвещают недобро. Но *черный*, оборачиваясь существительным, еще и нечистый, черт, с его темными искушениями и соблазнами. Толстой всегда обдуманно отбирает необходимую подробность и, найдя, не скupится напоминать о ней. Шварцу сопутствует эпитет «игривый»: *игривый* характер, *игривый* взгляд, *игривая* фигура, *играет* обеими руками за спиной своим цилиндром. «Игривый», по Далю, резвый, пылкий, скорый и разнообразный в движениях тела и ума, также и — *охочий играть* (всё определения, заметим, подобающие и *черному* — существительному — искусителю, лукавому).

Возле покойника Шварц соблюдает свойственную ему изящную торжественность, не оставляя однако и обычной игривости. Он подмигивает Петру Ивановичу, и тот вдруг усматривает в ситуации нежданную «особенную соль»: «Глупо распорядился Иван Ильич; то ли дело мы с вами». Шварц увлекает Петра Ивановича от ненужных мыслей о жизни и смерти в то обычное и приятное, где «мы с вами»: он желал бы, понимает Петр Иванович, сговориться, где *повинтить* нынче. Вид мертвеца, «упрек или напоминание живым» в выражении его лица неприятны Петру Ивановичу, но взгляд на игривую фигуру Шварца «освежает» его: «Петр Иванович понял, что он, Шварц, стоит выше этого и не поддается удручающим впечатлениям. Один вид его говорил: инцидент панихиды Ивана Ильича никак не может служить достаточным поводом для признания порядка заседания нарушенным, то есть, что ничто не может помешать нынче же вечером щелкнуть, распечатывая ее, колодой карт, в то время как лакей будет расставлять четыре необожженных свечи; вообще нет основания предполагать, чтобы инцидент этот мог помешать нам провести приятно и сегодняшний вечер».

Вдова Ивана Ильича желает побеседовать с Петром Ивановичем, и ему становится ясно, что уйти с панихиды не удастся. Подмигивание Шварца красноречивое слов: «Вот те и винт! Уж не взыщите, другого партнера возьмем. Нешто впятером, когда отделяется», — сказал его игривый взгляд».

Вдова, «расширявшаяся от плеч книзу», пробуждает в памяти образ карточной дамы, в ее черном платье и черной кружевной мантильи, скорей всего, пиковой. Петр Иванович и вдова ведут предопределенный правилами игры для подобных случаев разговор, который, как и карточные роббера, перемежается денежными подсчетами (обсуждаются цены за место на кладбище, возможность получить в связи со смертью мужа денег от казны). Слушая рассказ вдовы о предсмертных страданиях Ивана Ильича («Ах, что я вынесла!»), Петр Иванович на мгновение упускает игру из рук — примеряет услышанное на себе: ему становится страшно. Но вспоминает лицо Шварца и тотчас возвращается к игре: с интересом расспрашивает подробности, «как будто смерть была такое приключение, которое свойственно только Ивану Ильичу»...

Хотя и с некоторым опозданием, Петр Иванович отправляется все же *повинтить* и удачно успевает вступить в игру.

5

Сын Толстого, Сергей Львович, вспоминает разговор с отцом: «Однажды он сказал мне: “Каренон — у Гомера — голова. Из этого слова у меня вышла фамилия Каренин”. Не потому ли он дал такую фамилию мужу Анны, что Каренин — головной человек, что в нем рассудок преобладает над сердцем, то есть чувством?» (6).

Фамилия Ивана Ильича — *Головин*.

И.И. Головин, в отличие от А.А. Каренина, человек весело-добродушный и общительный, но, так же, как у Каренина, вся его жизнь, без остатка, обусловлена совокупностью определенных правил и приемов, которым он неукоснительно следует. «Самая простая и обыкновенная жизнь» Ивана Ильича потому и «самая ужасная», что это — не настоящая жизнь, предлагающая свободу мысли и развитое нравственное чувство, а подчинение себя сюжету составленных кем-то правил и приемов. Но именно так, как занятие, обусловленное правилами и приемами, принято определять понятие игры. (Не поленимся еще раз заглянуть в Словарь к Далю: *игра* — «забава, установленная по правилам»).

Жизнь как игра (игра еще и лицедейство) обнаруживает себя в смене масок, непременно сопутствующей каждому перемещению героя по службе. Всякое место предлагает тому, кто его занимает, опять-таки предусмотренное самоощущение и, соответственно, поведение, которые Иван Ильич без труда, с непосредственностью чувства и убеждения «натягивает» на себя вместе с новым, впору сшитым мундиром.

Не просто заученное — впитанное с правилами игры, непринужденное, как бы естественное приноровление к обстоятельствам столь же непринужденно сопрягается с приноровлением обстоятельств к задаче сделать жизнь «легкой, приятной и приличной». Иван Ильич постоянно ограничивает мир вокруг, устранив из него все, что вмешивается в ход игры, нарушает ее правила, мешает исполнению задачи. Когда вскоре после женитьбы он замечает, что семья «не существует всегда приятностям и приличию жизни», он «ограждает себя от этих нарушений», «выгораживает свой независимый мир». Этот «независимый» мир оказывается в конечном счете поделен на две равные части, сходные и продолжающие одна другую, как две половинки игральной карты: мир игры служебной и мир карточной игры.

На службе дело у Ивана Ильича идет не просто «легко, приятно и прилично», но того более — *виртуозно* (Толстой несколько раз подряд выбирает это нечастое у него слово, обозначающее высокое *качество игры*). Он возвращается домой «с чувством виртуоза, отчетливо отдавшего свою партию, одну из первых скрипок в оркестре» (опять вводится элемент игры), чтобы с таким же приятным чувством сыграть карточную партию, которые Иван Ильич тоже умеет «отделять» виртуозно. За зеленым столом он быстро соображает, играет очень тонко и, как правило, остается в выигрыше. С первых шагов на служебном поприще Иван Ильич так же тонко и сообразительно научился отделять «служебное» от «человеческого». «Человеческое», каким представляется оно Ивану Ильичу, всего полнее чувствуется им в перипетиях карточной игры, поэтому радость хорошо удавшейся игры, радость выигрыша (маленького: «большой — неприятно») оказывается для него самой полной, самой настоящей радостью («Радости служебные были радости самолюбия; радости общественные были радости тщеславия; но настоящие радости Ивана Ильича были радости игры в винт»).

Иван Ильич пристрастился к картам на пятом году службы. Сначала мы читаем, что он играет в вист, потом, что — в винт. Это не авторская прихоть, тем более не описка: Толстой точно следует хронологии карточной игры в России. В семидесятых годах XIX века прежде широкого распространения вист начал быстро уступать место винту, игре на основе виста, но более энергичной, с более сложными правилами. Винт — русское изобретение, поначалу он даже именовался «сибирским вистом»; в конце семидесятых он повсеместно почти полностью вытеснил вист. Служебная деятельность Ивана Ильича приходится на 1859–1882 годы. Винт появляется в повести соответственно на рубеже восьмидесятых годов.

6

Карты в колоде практически ничего не значат до тех пор, пока неизвестны правила игры. Только игра «устанавливает порядок». Более того: «она сама есть порядок». Порядок этот непреложен: «малейшее отклонение от него мешает игре, ... лишает ее собственной ценности» (7). Лишь в игре по объявленным правилам картонные листки с изображением фигур или очков обретают цену. При определенных условиях шестерка дороже короля; нужная карта в комбинации важнее большей; став козырной, карта обретает иной вес и иные возможности.

Повесть Толстого, едва приступаешь к чтению, несколько удивляет упоминанием, некоторым даже нагромождением имен, носители которых никак не охарактеризованы ни внешне, ни внутренне. Просто: Иван Егорович Шебек, Федор Васильевич, Петр Иванович (последние двое без фамилии). Тут же, следом: Алексеев, Винников, Штабель (без имени и отчества). Всё это сослуживцы и карточные партнеры Ивана Ильича и, вместе с ним, карты одной колоды, которые (которыми) с началом повести начинают игру. Нам совершенно незачем знать их индивидуальные особенности: на примере «обыкновенной жизни» Ивана Ильича мы поймем, что такие значения не имеют, — особенности каждого возникают в процессе игры, в зависимости от характера участия в ней. Игра создает человека, поскольку человек подчиняется ее правилам.

Про отца Ивана Ильича, видного чиновника, в повести сказано: «ненужный член разных ненужных учреждений». Но для людей, проживающих жизнь Ивана Ильича, для Петров Ивановичей, Иванов Егоровичей, для Винниковых, Штабелей, Алексеевых ощущение собственной нужности, то или иное самосознание, самоощущение возможны только в ролях партнеров или контрпартнеров, собравшихся для игры в стенах созданных по игровым правилам учреждений или, если по-другому взглянуть, в предназначенней для каждого роли той или иной карты в колоде, распечатанной для игры.

Умирая, Иван Ильич вспомнит некогда зазубренный силлогизм из учебника логики: Кай — человек, люди смертны, потому Кай смертен, — силлогизм, всю жизнь казавшийся правилом, непреложностью, — и восстанет против него. Нет, он не — отвлеченный Кай, он — Иван Ильич с собственными чувствами и мыслями, радостями, горестями, воспоминаниями!.. Трагизм здесь не только в естественном нежелании человека

умирать, но еще более как раз в том, что прожитая жизнь с нажитым виртуозным умением отделять «служебное» от «человеческого», заменять всё «сырое, жизненное» основанными на расчете правилами игры превратила Ивана Ильича в отвлеченност, в Кая силлогизма, в игральную карту, и такими же отвлеченностями, Каями, картонками с назначенным правилами игры значением были его партнеры и контрпартнеры, Петры Ивановичи, Иваны Егоровичи, Винниковы, Штабели...

Игра начинается первым сделанным ходом, который предлагает возможность наметить тактику, рассчитывать варианты. Таким первым ходом в повести становится известие о смерти Ивана Ильича. Теперь на его место может быть назначен Алексеев, на место же Алексеева — Винников или Штабель. «Так что, услыхав о смерти Ивана Ильича, первая мысль каждого из господ, собравшихся в кабинете была о том, какое значение может иметь эта смерть на перемещения или повышения самих членов или их знакомых». Каждый из партнеров тотчас прикидывает свой план игры. Федор Васильевич предполагает пересесть на должность Штабеля или Винникова (что дает ему выигрыш в восемьсот рублей прибавки), Петр Иванович желал бы на одно из освобождающихся мест перевести шурина из Калуги.

Партия, начатая смертью Ивана Ильича, останется за пределами повести, которая смертью его заканчивается. «Расклад карт», открывающий повесть, заблаговременно осведомляет нас, что прожитая жизнь героя повести лишь одна из сыгранных партий, что «инцидент» его смерти не может помешать оставшимся пока в живых играть дальше (может быть, точнее — участвовать в продолжающейся игре), о чем им — живым — всем своим видом, самим своим появлением в повести напоминает *игривый* черный Шварц.

7

Иван Ильич умеет вести умную игру, но и контрпартнеры кое-чего стоят, и ошибаться (иногда), конечно, случается, и карты выпадают не всегда как хотелось бы.

В сложной партии, где ставкой место председателя (чего-то) в университете городе (географические названия в повести, притом, что Иван Ильич, получая новую должность, пять раз переезжает с места на место, также отсутствуют: география здесь тоже — отвлеченност) противником Ивана Ильича оказывается некто Гоппе — ни имени и отчества, ни должности, ни каких-либо отличительных черт. Да оно и не нужно: просто — «Гоппе», единожды упомянутый, некто или нечто, хитрый ход карты, взявший ставку, которую, казалось поначалу, возьмет Иван Ильич (или которая возьмется Иваном Ильичом): «Гоппе забежал как-то вперед и получил это место». Иван Ильич едва ли не впервые в своей игре делает существенные промахи, теряет самообладание, ссорится с Гоппе, с ближайшим начальством, партнеры перестают его поддерживать, он проигрывает еще роббер: «в следующем назначении его опять обошли».

Иван Ильич решает сменить партнеров, начать новую игру за новым столом, — стать картой в другой колоде. Он отправляется в Петербург за новым назначением. «Он уже не держался никакого министерства, направления или рода деятельности. Ему нужно только было место, место с пятью тысячами, по администрации, по банкам, по железным дорогам, по учреждениям императрицы Марии, даже таможни...» (Помним, в «Анне Карениной» с намерением взять подобную ставку — получить некое отвлеченные «теплое взяточное место» члена от комиссии соединенного агентства кредитно-взаимного баланса южно-железных дорог и банковских учреждений — стать «ненужным членом ненужных учреждений» — едет в Петербург Стива Облонский).

Но уже в поезде отчаявшийся было Иван Ильич вдруг получает козырную карту (или: узнает, что его масть стала козырной). К нему в первый класс подсаживается некто (нечто) «Ф.С. Ильин, знакомый» и сообщает про ожидаемый переворот в министерстве: на место Петра Ивановича назначают Ивана Семеновича. (Замечательный персонаж — поди найди еще такой в литературе! — этот «Ф.С. Ильин, знакомый», поименованный будто в списке действующих лиц, или в служебном списке, или, того более, на этикетке! Как «Гоппе», карта, брошенная на зеленое сукно для того лишь, чтобы обозначить проигрыш Ивана Ильича, так «Ф.С. Ильин, знакомый», выкладывается картой, возвестившей его выигрыш. Может быть, неслучайно: Иван Ильич — Ф.С. Ильин — знак одной масти?) «Предполагаемый переворот, кроме своего значения для России, имел особенное значение для Ивана Ильича тем, что он, выдвигая новое лицо, Петра Петровича и, очевидно, его друга Захара Ивановича, был в высшей степени благоприятен для Ивана Ильича. Захар Иванович был товарищ и друг Ивану Ильичу» (четко определенная комбинация). Уже через неделю Иван Ильич телеграфирует жене: «Захар место Миллера при первом докладе получаю назначение».

Иван Ильич тотчас начинает игру по правилам, предписанным новым положением. Он переезжает «из провинции» (сказано в тексте) в Москву (Москва в окончательной редакции не названа, но несколько раз упоминается в черновиках) и отдаётся устройству квартиры, соответствующей игре согласно этим правилам: «Запнувшаяся жизнь приобретает настоящий, свойственный ей характер веселой приятности и приличия».

Чтобы человеку, живущему «самой простой и обыкновенной жизнью» Ивана Ильича открылась вся неистинность проживаемой жизни («самая ужасная»), необходим совсем иной переворот, нежели назначение Ивана Семеновича на место Петра Ивановича. Вознесенный на значительную высоту служебной лестницы, Иван Ильич разом оказывается на две степени (*ступени*) выше своих товарищей. Но избежав падения на лестнице служебной, он срывается с обыкновенной лесенки, на которую взобрался, чтобы показать обойщику, как повесить гардину в новой квартире. Событие незначительное, воспринятое поначалу не более как забавный кунстштиок (рассказывая о нем домашним, Иван Иванович представляет — *разыгрывает* — сценку в лицах), оборачивается роковым. Но выигрыш не оборачивается проигрышем. Он оборачивается прозрением.

8

Болезнь не желает подчиняться принятым правилам, разрушает игру. На службе, в суде, когда Иван Ильич с привычкой виртуоза ведет дело, вдруг появляется боль и начинает «свое сосущее дело». И когда садятся *повинтить* и на руках хорошие карты, когда игра складывается удачно, и ясно уже, что противник без взяток — *большой шлем*, в игру вдруг вмешивается боль, начинает *винтить*, — радость угасает. Партнер (Михаил Михайлович) подвигает к нему поближе взятки, чтобы не утруждал себя, Иван Ильич сердится («Что же он думает, что я так слаб, что не могу протянуть далеко руку?»), ошибается и проигрывает *шлем*. Игровый Шварц особенно раздражает Ивана Ильича, потому что напоминает ему его самого, прежнего, напоминает, что игра продолжается, будет продолжаться. Иван Ильич не любит игру впятером, когда по очереди надо пропускать партию («уж очень больно выходить» — не пропустим это: *больно* — не играть), не любит оказываться лишним; с развитием болезни его все чаще угнетает мысль, «что к нему приглядываются, как к человеку, имеющему скоро оправдать место» — на службе, за карточным столом, то есть в жизни.

Самое страшное разрушение, производимое болезнью, в том, что он все резче отличает игру от жизни, все острее — *болезненнее* — замечает повсюду игру, по правилам которой выстроена система принятой им жизни, все яснее сознает, что жизнь по этой системе — не подлинная, ложная жизнь. Понятие *ложь* как синоним жизни-игры, чем ближе к концу, тем энергичнее возникает в тексте.

Игру, ложь он с ужасающей очевидностью угадывает в каждом жесте, в каждой фразе колдующих над ним врачей, в их напускной игривости и напускной учености, в плетении словес там, где ждет от них ясного ответа на единственный и главный вопрос — о жизни и смерти. Как в зеркале видит он в докторах себя самого, разыгрывающего свою роль, видит маски, какие он сам натягивал на себя в зависимости от роли, которую случалось играть (чиновника особых поручений, следователя, прокурора), в зависимости от дела, которое выпадало разбирать; докторские умопостроения — «взвешивание вероятностей» — та же игра ума, то же взвешивание вероятностей, которое заполняло его жизнь, служебную, карточную.

Болезнь побуждает его обдумывать свою жизнь не так, как привык — рассчитывая вероятности наперед (Петр Иванович вместо Ивана Семеновича, Захар вместо Миллера), но устремляясь мыслью в обратном направлении, все дальше (глубже), шаг за шагом ощупывая памятью прошлое, отделяя истинное от ложного, от игры («Начиналось всегда с ближайшего по времени и сводилось к самому отдаленному, к детству, и на нем останавливалось»). И все несомненнее, что немногое истинное — это запах кожаного с полосками мячика, шуршание шелка материнского платья, осязание сафьяновой кожи отцовского портфеля, особенный вкус французского чернослива, который ел ребенком, ну, еще какой-то смешной бунт в Училище правоведения, какая-то юношеская влюбленность... — всё то, что потом отброшено, как «сырое и жизненное», заменено игровыми правилами легкой, приятной и приличной жизни: «И что дальше, то мертвее. Точно равномерно я шел под гору, воображая, что иду на гору».

Оборудование квартиры, призванной как бы материально воплотить — опять же в согласии с принятыми правилами игры — завоеванную в таком «обратном» движении вершину (в квартире было «все то, что все известного рода люди делают, чтобы быть похожими на всех людей известного рода»), становится началом конца Ивана Ильича, или, может быть, возвращением к началу (как взглянуть), рубежом, откуда, мучительно прозревая, он начнет подлинное восхождение.

«Ложь, ложь эта, совершаемая над ним накануне его смерти, ложь, долженствующая низвести этот страшный торжественный акт смерти до уровня всех их визитов, гардин, осетрины к обеду», делает самую смерть живее омертвленного существования, освобожденного от всего «жизненного».

Семейство, оставляя умирающего Ивана Ильича, отправляется в театр — гастролирует знаменитая Сара Бернар. Театр — совершенная условность, условность по определению (Толстой ее остро ощущает — об этом еще в «Войне и мире»). Театр определяется понятием «игра», взятым не как замена сущности, а как сама сущность. Текст, повествующий о том, как супруга, дочь, жених дочери, сын-гимназист перед отъездом в театр, заходят к умирающему Ивану Ильичу, смотрится, как театральная сцена. Помечен внешний вид действующих лиц, костюмы. Реплики призваны скрыть истинные чувства и потому с особенной очевидностью их обнажают. Иван Ильич думает о смерти, домашние хотят не замечать этого и, лицедействуя, рассуждают о лицедействе: «Начался разговор об изяществе и реальности ее игры — тот самый разговор, который всегда бывает один и тот же». Остающимся в живых хочется поскорее в театр, но приходится соблюдать правила игры. Жизнь, превращенная в театр, в игру, не останавливается: абонированная ложь, посещение спектакля, заезжая знаменитость и разговоры о ней такая же часть игрового действия, как визиты, гардины, осетрина к обеду, прощание с умирающим...

Когда близкие покидают комнату, Ивану Ильичу кажется, что с ними ушла ложь. Он просит прислать к нему Герасима.

9

Первый эпитет, сопутствующий появлению Герасима в тексте, — «легкий»: он входит в повесть *легкими шагами*. И после, появляясь, ступает непременно *легко*. Что ни делает Герасим, он делает всё быстро, ловко, мягко, действуя своими сильными руками «так же, как он *легко* ступал». Он распространяет вокруг себя *приятный* запах дегтя от сапог и свежести зимнего воздуха. Назначенный исполнять при умирающем самую грязную работу, он исполняет ее с необыкновенным достоинством, с *приличием*, не в принятом, а в изначальном смысле слова (*сообразно*). Процесс умирания, который как нечто не предусмотренное правилами игры, низведен окружающими «на степень случайной неприятности, отчасти неприличия», для буфетного мужика достойное, венчающее дело жизни. Ивану Ильичу неприятно, что Герасим убирает за ним нечистоты, но для Герасима это обыкновенная, серьезная обязанность в ряду других серьезных обязанностей жизни. «Все умирать будем. Отчего же не потрудиться?» — отвечает он на извинения Ивана Ильича, «выражая этим то, что он не тяготится своим трудом именно потому, что несет его для умирающего человека и надеется, что и для него кто-нибудь в свое время понесет тот же труд». «Низкая» и неприятная бытовая обязанность оборачивается явлением достойным, всеобщим, бытийным. Не правила игры, а начала истинной жизни определяют ход мысли и поведение Герасима. И с каждым шагом к смерти, понемногу, наощупь, пробиваясь из условного существования к подлинному, Иван Ильич начинает понимать — может быть, даже больше чувствовать, ощущать, — что не кто иной как буфетный мужик Герасим и живет подлинно *легкой, приятной и приличной* жизнью.

Боль у Ивана Ильича стихает, когда Герасим высоко поднимает и кладет к себе на плечи его ноги. Это не только своеобразное воспроизведение мифа об Антее, обретающего утраченные силы, когда прикасается к Земле. Это еще и странный, почти зримый образ игральной карты: две сложенные воедино полуфигуры с головами в разные стороны. Но если в картах, которыми всю жизнь играл Иван Ильич, полуфигура на противоположной части листа без труда и равноценно заменялась любой другой (Иван Семенович вместо Петра Ивановича, Захар вместо Миллера, теперь же и вовсе Алексеев вместо самого Ивана Ильича, а вместо Алексеева или Винников, или Штабель), то эта карта для игры не годится. Герасим все делает ловко, по народному определению — *играючи*, но он занят жизнью, а не игрой.

В противоположность *игривому, черному Шварцу*, Герасим — *веселый, ясный*. Сопутствующие эпитеты: *чистый, свежий*. Единственная настоящая радость для карты из «колоды Шварца» — радость игры. Герасим *сияет радостью жизни*. Отрывая ноги от привычного паркета и положив их на плечи Герасима, Иван Ильич начинает отличать жизнь от игры, истину от лжи, начинает искать и ценить жизненное, человеческое, которое так долго исключал из своих отношений с самим собой и с миром вокруг. Перед смертью в душе Ивана Ильича пробуждается любовь. Последние его мысли — о любви. И последние слова — тоже (8). На краю смерти

Герасим в душе его побеждает Шварца (или: в борьбе за душу его побеждает?). «Вместо смерти был свет»... (9)

10

Повесть кончается смертью Ивана Ильича. Но знаем ее продолжение. Оно — в начале повести. Можно еще раз прочитать текст уже как жизнь (смерть) Петра Ивановича, Ивана Егоровича, Ф.С. Ильина.

В трактате «О жизни», где находим своего рода философское обоснование и развитие повести, Толстой пишет, что духовное рождение — уяснение нравственной истины, любви как смысла жизни — освобождает человека от страха смерти и от самой смерти. Трактат поначалу озаглавлен «О жизни и смерти», но по мере работы над ним, все более осознавая жизнь не только как навсегда данное, ныне принятное отношение к миру, но и как установление нового отношения к миру благодаря возможности всё большего подчинения животной личности разуму и всё большего проявления любви, Толстой оставляет в названии лишь — «О жизни».

Повесть о жизни героя, из которой с вовлечением в условия игры всё более уходила жизнь («одна точка светлая там назади, в начале жизни, а потом всё чернее и чернее») и в которую с болезнью, с выходом из игры всё более проникало прозрение («вместо смерти был свет»), повесть, где с последним вздохом героя в душе его ясно отзывается: «Кончена смерть. Ее нет больше», — Толстой озаглавливает «Смерть Ивана Ильича».

В раздумьях Толстого постоянно повторяется мысль о вечности жизни: смерть, нами проживаемая, есть пробуждение от жизни, пробуждение в жизнь.

Возле гроба буфетный мужик Герасим, «всегда веселый, ясный», ступая легкими шагами, посыпает что-то по полу, чтобы устранить запах смерти.

Искуситель Шварц, играво подмигивая, приглашает живых забыть о смерти, продолжать игру. Сослуживцы и партнеры, щелкнув, распечатывают колоду, сдают, берут взятки, выигрывают и проигрывают, пересаживаются с места на место, рассчитываются, меняют партнеров, кажется, предполагая, что затяянная игра продолжится вечно.

У Пушкина в набросках к замыслу о Faustе:

— Молчи! Ты глуп и молоденек.
— Уж не тебе меня ловить.
— Ведь мы играем не для денег,
— А только б вечность проводить!..

Мог ли Пушкин не чувствовать глубокой многозначности слова?..

Вечность не проводишь.
Не проведешь.
Нет, не проведешь...

Примечания

1. Вяземский П.А. Старая записная книжка. М., 2000. С. 42–43. Далее все цитаты из П.А. Вяземского — там же.
2. Толстой Л.Н. Полн. собр. соч. В 90 т. М-Л., 1928–1959. Т. 46. С. 55. Далее все ссылки на произведения Л.Н. Толстого даются по этому изданию прямо в тексте: первая цифра обозначает том, следующие — страницу. Цитаты из художественных произведений приводятся без ссылок.
3. Лотман Ю.М. Карточная игра. — В кн.: Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре. СПб, 1994. С. 141, 143.
4. Переписка Л.Н. Толстого с сестрой и братьями. М., 1990. С. 43.
5. М. Горький. Лев Толстой. — В кн.: Л.Н. Толстой в воспоминаниях современников. В 2-х т. Т. 2. М., 1978. С. 476.
6. Литературное наследство. Т. 37–38. М., 1939. С. 569.
7. Хейзинга Й. Homo Ludens. Статьи по истории культуры. М., 1997. С. 21, 29.
8. Своеобразная «каренинская» ассоциация. Перед смертью, в минуту высокого душевного напряжения, Иван Ильич хочет сказать жене: «прости», но ошибается и, не в силах поправиться, говорит: «пропусти». Помним: во время объяснения с Анной, волнуясь, Каренин никак не может выговорить: «перестрадал» и произносит в конце концов: «пелестрадал».
9. Вскоре после завершения «Смерти Ивана Ильича» Толстой обдумывает замысел легенды «Разрушение ада и восстановление его». Персонажами ее выступают дьяволы самого различного облика, которые, искушая людей, «заведуют» всеми отраслями человеческой деятельности и способами времяпровождения.

Александр Гордон¹

Поверх еврейского барьера Бориса Пастернака

В 1923 году академик живописи Леонид Пастернак опубликовал в Берлине очерк «Рембрандт». Важное место в эссе художника занимает описание знаменитой картины Рембрандта «Саул и Давид». Царь Саул слушает игру Давида на арфе. У Пастернака Давид —

«Это тот самый еврейский подросток, который потом, глядь, стряхнув с себя все — и гнет, и позор веков — воспрянет гневным поэтом, или смело и гордо произзвучит его речь — речь еврейского трибуна. Или силою непреклонной воли стремясь к знанию и могуществу, выплынет вдруг в сознании единоплеменников как один из тех немногих, которые накопленными несметными богатствами своими и влиянием будут в силах осуществить реально почти сказочный возврат исторических прав Израиля на свою святую родину. О, этот Давид, этот невзрачный еврейский юноша, с типичным страстным ртом и толстыми губами, — он прославит тебя, еврейский народ! Разве в XX веке не подтвердили евреи эти слова многочисленнейшими примерами? Дай Б-г нашим детям и внукам точно так же идти по стезе успеха!»

Сын Леонида Пастернака Борис пошел по иной «стезе успеха».

Еврейский историк Семен Дубнов, живший в одно время с Л. Пастернаком в Берлине, работал там над десятитомной историей еврейского народа. Он писал: «После веков рабства, унижений и замкнутости мысли евреи, конечно, должны были устремиться к просвещению, умственному и социальному возрождению, и вообще к человечению в высшем смысле слова, наравне с передовыми европейскими народами; на деле же они устремились к онемечению, обрусению и т. д., то есть к искусственному подчинению своей национальной личности чужим». «Старый», не эмансионированный еврей сохранял духовную независимость и верность традиции. «Новый», эмансионированный еврей принес в жертву свой национальный характер. Жизнь сына Леонида Пастернака, поэта Бориса Пастернака, соответствует описанию Дубнова. При всей уникальности и гениальности Борис Пастернак шел по пути эмансионированных евреев, которых комплекс национальной неполноценности вынуждал заимствовать форму и окраску доминирующей нации и принимать ее духовный мир.

Весной 1912 года Борис Пастернак приехал на учебу в Германию. Увлеченный философией неокантианства и дочерью богатого чаеторговца Д. В. Высоцкого Идой, он прибыл в марбургскую школу знаменитого философа-неокантианца, еврея Германа Когена, единственного в Германии полного профессора философии, получившего это звание без крещения. В момент встречи с Пастернаком философ предложил Пастернаку подготовить под его руководством докторскую диссертацию. Однако Борис не продолжил учебу в Марбурге и вернулся в Россию. Отъезд из Марбурга описывается в литературоведении и самим поэтом как решение Пастернака порвать с философией и целиком посвятить себя поэзии. Однако поэт, по-видимому, скрыл одно обстоятельство.

Ощущения Бориса Пастернака, связанные с евреями и еврейством в первые 22 года его жизни, — негативные: унижения, угнетение, погромы. Иное видение еврейской проблемы открылось ему в Марбурге. Пастернак впервые в жизни увидел мощный ум типично еврейского мыслителя. Философская этика Когена была основана на этике иудаизма. Увлекавшийся до приезда в Марбург неокантианством, Пастернак с подачи Когена в основах интересовавшего его учения внезапно увидел иудаизм. Меньше всего Борис Пастернак ожидал встретить в Германии еврейскую идеологию и еврейское мировоззрение. Измученный еврейскими комплексами в России, он должен был испытать шок от интеллектуальной атаки еврейского мыслителя. Пастернак отверг предложение Когена продолжить занятия философией еще и потому, что отказался подвергать себя влиянию еврейской идеологии немецкого философа. В «Охранной грамоте» Пастернак назвал своего учителя философии «гениальным Когеном». Этот человек производил колоссальное впечатление на всех, с кем общался, и, конечно же, — на столь духовно восприимчивого человека, как Пастернак. Однако поэт

¹ Физик, профессор Хайфского университета и в академическом педагогическом институте «Ораним» (Израиль), публицист.

полностью замолчал роль личности и взглядов Когена в своем уходе от философии, отъезде из Германии и еще большем отдалении от еврейства. Как и впоследствии, Пастернак применил фрейдистский прием «вытеснения» неприятных ощущений, сокрытия и изгнания того, что «не по себе» — еврейская тема исключалась из сознания.

По описанию Дубнова, Борис Пастернак принадлежал к категории евреев, воспринявшим эмансиацию как обрение, причем обрение глубокое — культурное и духовное. Отношение к еврейскому происхождению поэт выразил в письме к М. Горькому (1928):

«Зато до ненависти мудрена сама моя участь. Вы знаете моего отца, и распространяться мне не придется. Мне, с моим местом рождения, с обстановкой детства, с моей любовью, задатками и влечениями не следовало рождаться евреем. Реально от такой перемены ничего бы для меня не изменилось. От этого меня бы не прибыло, как не было бы мне и убыли. Но тогда какую бы я дал себе волю!.. А ведь этими изъятиями кишили наша действительность на каждом шагу, и не бывает случая, когда бы моя свобода в теперешнем окружении не казалась мне (мне самому, а не “ки. Марье Алексеевне”) неудобной, потому что все пристрастия и предубеждения русского свойственны и мне».

«Веяния антисемитизма меня миновали, и я их никогда не знал» — пишет поэт, снова вытесняя неприятную ему еврейскую тему. — Я только жалуюсь на вынужденные путы, которые постоянно накладываю на себя по “доброй”, но зато и проклятой же воле! О кривотолках же, воображаемых и предвидимых, дело которым так облегчено моим происхождением, говорить не стоит».

«Веяния антисемитизма меня миновали, и я их никогда не знал». — Мог ли Пастернак не знать о «веяниях антисемитизма»? Он жил в Москве. В 1900 году он не был принят в Пятую московскую гимназию из-за процентной нормы. В 1905–1906 годах по России прокатилась волна послереволюционных погромов, а в 1906 году в Москве состоялся съезд черносотенных организаций. В 1908 году Пастернак поступил в Московский университет, преодолев как иудей процентную норму. В 1911 году начался процесс Бейлиса, потрясший еврейскую и нееврейскую интеллигенцию России. Пастернак подсознательно охраняет себя от тревожащих его рефлексий о собственном еврействе.

По мнению поэта, ему «не следовало рождаться евреем». Если продолжить гипотетическую мысль Пастернака, то не родись он евреем, он бы не очутился в этой еврейской семье, в которой духовная жизнь была утонченной и сложной, в которой жили живописью благодаря отцу и музыкой благодаря матери и воздух которой был насыщен творчеством. Не родись он евреем, он, быть может, был бы заурядным человеком, а не великим поэтом. Отторжение от еврейского происхождения и заимствование русской православной духовности сформировали мироощущение и творческий профиль Пастернака.

Борис Пастернак стал на путь, противоположный пути, выбранному отцом. Противоречия между отцом и сыном в еврейском вопросе выявились во время посещения Борисом Пастернаком родительского дома в Берлине в конце 1922 — начале 1923 годов. В Германии царил разгул антисемитизма, совершались политические убийства евреев, самое известное из которых произошло в нескольких километрах от дома Леонида Пастернака. Националисты убили министра иностранных дел Германии, еврея Вальтера Ратенау.

В период пребывания поэта в Берлине его брат Александр собирался жениться на русской девушке. В письме из Берлина к брату в Москву от 15 января 1923 года Борис поддержал планы Александра и подчеркнул расхождения с отцом:

«Я от души желаю, чтобы тебе удалось жениться на Ирине. <...> Мы ее очень любим. Что это семья не еврейская, конечно, только лучше, а не хуже. Тебе мои симпатии и антипатии известны. По совести говоря, невзирая на все папины последние устремленья — симпатии и антипатии эти — общесемейные. Сердцем (а не головой) и они, конечно, русских любят больше, чем «своих». Кроме того, я еще не видел ни одного еврея, который бы сохранял свои специфические, просящиеся в анекдот черты, в силу особой какой-то одаренности. Скорее, наоборот. Они выживают по принципу ничтожности...».

Пастернак упоминает о «папиных последних устремленьях», то есть о еврейском самосознании отца и выражает антипатию к еврейскому браку, предпочитая создание нееврейской семьи. Поэт насмехается над «специфическими, просящимися в анекдот чертами» евреев и принижает их, говоря, что еврейские черты

сохраняются «по принципу ничтожности». Он критикует еврейский национальный характер и не допускает существование таланта при наличии еврейских национальных черт.

В письме к двоюродной сестре О. Фрейденберг от 13 октября 1946 года Пастернак сообщил, что начал писать роман, в котором «Я свожу счеты с еврейством, со всеми оттенками национализма (и в интернационализме), со всеми оттенками антихристианства». Имелся в виду роман «Доктор Живаго».

Атаки на еврейство Пастернак ведет с помощью героя романа, еврея Михаила Гордона:

«Как могли они (евреи. — А.Г.) дать уйти от себя душе такой поглощающей красоты и силы (речь идет о Христе. — А.Г.), как могли думать, что рядом с ее торжеством и воцарением они останутся в виде пустой оболочки этого чуда, им однажды сброшенной? <...> Полная и безраздельная жертва этой стихии — еврейство. Национальной мыслью возложена на него мертвящая необходимость быть и оставаться народом и только народом в течение веков, в которые силою, вышедшей некогда из его рядов, весь мир избавлен от этой приниждающей задачи. <...> В чьих выгодах это добровольное мученичество, кому нужно, чтобы веками покрывалось осмемянием и истекало кровью столько ни в чем не повинных стариков, женщин и детей, таких тонких и способных к добру и сердечному общению! <...> Отчего властители дум этого народа не пошли дальше слишком легко дающихся форм мировой скорби и иронизирующей мудрости?».

Для поэта еврейство — «пустая оболочка» христианства, мертвый народ, национальная мысль которого парализует его развитие. Пастернак возлагает вину за страдания евреев на них самих. Он утверждает несостоятельность евреев как нации, обвиняя «властителей дум этого народа» в бездеятельной позе и идейной бесплодности. Он нивелирует перспективу существования еврейской нации и старается доказать, что отказ от еврейства необходим хотя бы ради прекращения страданий евреев.

Семен Дубнов, который во многом расходился с учителем философии Пастернака Г. Когеном, вслед за немецким философом полагал, что в результате изгнания евреи стали духовной нацией, очищенной и возродившейся к новой жизни, то есть для него евреи — прежде всего национальность, а не религиозная группа. Пастернак критикует евреев, не оценивших христианства. Дубнов, хорошо знакомый с полемикой Когена с известным немецким историком и членом Рейхстага Г. фон Трейчке, называвшим евреев «нашим несчастью», понимал, что новые антисемиты не относятся к евреям как к религиозной группе, а как к нации, расе.

В Германии, в которой Пастернак бывал и в которой в течение 17 лет жили его родители, крещение евреев приобретало все меньший смысл для уравнения их в правах с не евреями, сведясь к бессмыслице при нацистах. Расизм в юдофобии возобладал над ее религиозным содержанием. Побеждавший расизм лишал критику Пастернаком евреев, отвернувшихся от христианства, всякого смысла. Евреи были обречены быть жертвами погромов, даже если бы приняли христианство.

Антисемитизм на расовой, нерелигиозной основе угрожал перекинуться на Россию, где влияние религии слабело и где над евреями начинал тяготеть фактум крови. Были изданы «Протоколы сионских мудрецов». Осуждение Пастернаком евреев за их религиозные приоритеты выглядело как анахронизм, как аргументация, имевшая отношение к середине XIX века и потерявшая актуальность в первой трети XX века.

Горький, к которому Пастернак обратился в цитированном письме, опубликовал в 1919 году статью «О евреях». Статья писалась во время событий, описанных в романе «Доктор Живаго». Горький изображает антагонизм между русскими и евреями не как религиозный конфликт между христианством и иудаизмом, а как преследования на национальной почве:

«Я склонен думать, что антисемитизм неоспорим, как неоспоримы проказа, сифилис, и что мир будет вылечен от этой постыдной болезни только культурой, которая хотя и медленно, но все-таки освобождает нас от болезней и пороков. <...> Ненависть к еврею — явление звериное, зоологическое, <...> мы носим на совести нашей позорное пятно еврейского бесправия. В этом пятне — грязный яд клеветы, слезы и кровь бесчисленных погромов...».

Горький называет антисемитов «человеконенавистниками» и добавляет: «Я чувствую себя виноватым перед ним (еврейским народом. — А.Г.): я один из тех русских людей, которые терпят угнетения еврейского народа; <...> вражда к евреям растет у нас на Руси». Прошли две революции и гражданская война, идущие в «Докторе Живаго», и Горький отмечал:

«Я думаю, не надо напоминать о том, что наши «освободительные движения» странно заканчивались еврейскими погромами».

В России, как и в Германии, религиозный диспут, о котором пишет Пастернак в своем романе, уступил место «обвинению крови» (выражение А.М. Борщаговского). Расовую опасность заметил русский философ Николай Бердяев в статье «Еврейский вопрос как христианский» (1924): «Антисемитические настроения среди русских, и в России, и за границей, нарастают стихийно и принимают формы свойственной русским исступленности». Бердяев отвергает расовый антисемитизм как несовместимый с христианством:

«Расовый антисемитизм, доведенный до конца, превращается во вражду к христианству, <...> Христианин не может исповедовать расового антисемитизма, так как не может забыть, что Сын Божий по человечеству был евреем, что еврейкой была Божья Матерь, что пророки и апостолы были евреями и евреями были многие первохристиане-мученики. Раса, которая была колыбелью нашей религии, не может быть объявлена низшей и враждебной расой. <...> Христиане принуждены верить, что еврейский народ есть избранный народ Божий. С этим связаны для нас глубина и трагизм еврейского вопроса. Отношение к еврейству есть испытание силы христианского духа. Это испытание в высшей степени выпало на долю русского народа. И с горечью нужно осознать, что русский народ его очень плохо выдерживает».

Бердяев завершает статью тезисом о том, что еврейский вопрос есть внутренний христианский вопрос:

«Вопрос о том, хочет ли русский народ быть христианским народом и по-христиански относиться к жизни. Нас должна беспокоить не только физическая судьба евреев, но прежде всего духовная судьба самого русского народа как народа христианского. Погромный антисемитизм есть гибель души русских».

Бердяев считал расовый антисемитизм самым «глубоким» и опасным видом антисемитизма. В более поздней статье «Христианство и антисемитизм» (1938) философ указывал на разрушительную силу подделки русской охранки, «Протоколов сионских мудрецов», использующей фактум крови. Философ представил еврейский вопрос как сложную экзистенциальную проблему русского народа. Автор «Доктора Живаго» решает еврейскую проблему простым способом — путем исчезновения еврейства.

В романе «Доктор Живаго» устами Лары Пастернак говорит:

«Люди, когда-то освободившие человечество от ига идолопоклонства и теперь в таком множестве посвятившие себя освобождению его от социального зла, бессильны освободиться от самих себя, от верности отжившему допотопному наименованию, потерявшему значение, не могут подняться над собою и бесследно раствориться среди остальных, религиозные основы которых они сами заложили и которые были бы им так близки, если бы они их лучше знали».

Для поэта евреи — «допотопное наименование», «отжившая» нация, отсталая по сравнению с христианством религия, ослепленные фанатичные люди, находящиеся в рабстве у религиозных обычаев, бессмысленно отвергающие «истинную» религию — христианство. Он видит в принадлежности к еврейству нравственное и духовное падение. Он считает, что евреи должны освободиться от еврейства, то есть ассимилировать — «бесследно раствориться среди остальных».

Пастернак считал, что «ошибочный» отказ евреев от христианства объясняется их незнанием его основ. Его подход отличался от мнения русского философа, христианского теолога и публициста Владимира Соловьева, знатока Талмуда. В период погромов начала 1880-х годов Соловьев опубликовал статью «Еврейство и христианский вопрос» (1884). Он отмечал:

«Иудеи всегда относились к нам по-иудейски; мы же, христиане, напротив, доселе не научились относиться к иудейству по-христиански. Они никогда не нарушили относительно нас своего религиозного закона, мы же постоянно нарушили и нарушаем относительно их заповеди христианской религии».

В погромах нарушились заповеди № 6 (не убий), № 8 (не укради), № 10 (не возжелай жены и дома ближнего). В отличие от Пастернака, Соловьев возлагал на христиан, а не на евреев, вину за отторжение евреев от христианства. По его мнению, погромы не склонят евреев стать христианами, а убеждают их сторониться христианства.

Пастернак замалчивает погромы и их разрушительную роль в еврейской и христианской истории. Он отстраняется от еврейского вопроса, удаляет из своего сознания фигуру Когена, погромы в России и с этим вытеснением евреев из сознания он проходит Вторую мировую войну, в которой была уничтожена треть еврейского народа. Ответ поэта на еврейский вопрос был типичной реакцией подчинения своей национальной личности чужой, желанием упразднить свою национальность. Он считал существование еврейства катастрофой и никак не прореагировал на известие о Катастрофе европейского еврейства во Второй мировой войне.

Об отстранении Пастернака от трагедии евреев свидетельствует история его встречи зимой 1944 года в редакции газеты «Литература и искусство» с узником, бежавшим из Вильнюсского гетто, еврейским поэтом Авраамом Суцкевером, свидетелем на Нюренбергском процессе, впоследствии лауреатом Государственной премии Израиля.

Пастернак выслушал рассказ Суцкевера о нацистских преследованиях евреев, а 13–14 лет спустя отрицал факт встречи в письмах к П.П. Сувчинскому и Элен Пельтье-Замойской соответственно:

«Я не помню, чтобы я был знаком с Суцкевером; напротив, у меня ощущение, что я хотел избежать этой встречи из-за страшного стыда, благоговения и ужаса перед этим мучеником»

И

«Я отклонил встречу с ним из чистого страха и стыда перед его высоким мученичеством, в глазах которого я должен был выглядеть моральным ничтожеством и предателем».

В мемуарах Суцкевер рассказал о том, как познакомил Пастернака со своими стихами на языке идиш и как тот обещал перевести их на русский язык, но не сделал этого.

«Нобелевский» роман Пастернака «Доктор Живаго» написан после Катастрофы европейского еврейства. Большой поэт, тонкий человек, Борис Пастернак не только отрезал себя от еврейства, он не изменил точку нравственного отсчета и игнорировал трагедию истребления еврейства. Конечно, он не должен был в романе о революции и гражданской войне писать о том, что случилось позже, но то, что произошло, никак не повлияло на его отношение к еврейству. Он прошел мимо геноцида евреев, может быть, и потому, что в нем, как и в других бедствиях евреев на протяжении мировой истории, видел вину самого европейского народа. Пастернак «вытеснил» из своего сознания Холокост и Суцкевера, как прежде удалил из него погромы и еврейскую фигуру Когена.

Пока Пастернак писал «Доктор Живаго», разразилось дело «космополитов», были расстреляны еврейские писатели, члены Еврейского антифашистского комитета, прошло «дело врачей», случились нового типа еврейские погромы, лишенные религиозного содержания. Однако поэт не изменил своего отношения к еврейской проблеме. Он игнорировал репрессии евреев в 1948–1953 годах. Когда русская поэтесса Мария Петровых, переводившая с идиша стихи Переца Маркиша, заговорила с ним о тех преследованиях евреев, он ее прервал:

«Это вагон не моего поезда. Не вмешивайтесь меня в это».

Борис Пастернак, выдающийся переводчик, переводил стихи разных народов, с десятков языков. Поэзия еврейского народа была заметным исключением. Его отказ перевести стихи реабилитированного еврейского поэта Переца Маркиша потряс тех, кто знал, как Пастернак ценил Маркиша, которого в разговоре с его вдовой Эстер назвал «великим поэтом». Об этом отказе рассказал сын Переца Маркиша Симон в 1997 году в опубликованном в журнале «Знамя» очерке «Могучая евангельская старость»:

«В первый раз я пришел к Анне Андреевне Ахматовой в мае 1956 года. За полгода до того был посмертно реабилитирован мой отец, еврейский поэт Перец Маркиш, казненный 12 августа 1952 года в числе руководителей и сотрудников Еврейского антифашистского комитета. Тут же моя мать, Эстер Маркиш, начала готовить сборник стихов отца в русских переводах, который, естественно, хотелось украсить самыми громкими именами переводчиков. Прежде всего, мать обратилась к Пастернаку: он знал отца достаточно близко. Ответ Пастернака был скрым и категорически отрицательным: все, кто любит его и ценит, писал он, должны побуждать его заниматься собственной поэзией, а не втягивать в новые переводы. (Письмо Бориса Пастернака от 31 декабря 1955 года опубликовано полностью в мемуарах моей матери, напечатанных по-французски и по-английски)».

Речь шла не об еще одном переводе, а о «воскрешении» оклеветанного, без вины виноватого деятеля ре-прессированной еврейской литературы. Это была бы литературная работа, гуманитарная деятельность и участие в «оживлении» истребляемой культуры.

После встречи в Марбурге Борис Пастернак написал отцу:

«Что-то мне во всем этом несимпатично (в поведении Когена. — А. Г.). <...> Ни ты, ни я, мы не евреи; хотя мы не только добровольно и без всякой тени мученичества несем все, на что нас обязывает это счастье, <...> не только несем, но я буду нести и считаю избавление от этого низостию; но нисколько от этого мне не ближе еврейство. Да делай, как знаешь».

Поэт добавляет «делай, как знаешь», ибо не уверен в том, что отец согласится с тем, что «мы не евреи». В этом отрывке обнаруживается «еврейский след» Когена в жизни Пастернака, его отталкивание от еврейского мыслителя.

Еврейские буря и натиск отца натолкнулись на непреодолимое сопротивление сына. Описания судеб евреев отцом и сыном резко отличались. Леонид был солидарен со своим народом, оплакивал его страдания, отмечал силу его духа, находил, что Рембрандт на холстах воспроизвел «лучшие черты еврейско-библейского народного духа, спел живописью прекрасную песнь во славу народа-избранника» и запечатлел «светлые черты всечеловеческой красоты духовного лица народа-страдальца...». Он нашел единомышленника в Рембрандте, но не в сыне.

Борис Пастернак страдал от своего еврейства, а не от еврейских страданий — погромов в России, в Веймарской республике и в Европе в период истребления нацистами его соплеменников, среди которых могли оказаться и его родители. Вопреки его обещанию в послемарбургском письме отцу, он не захотел нести бремя еврейства. Он вел себя отчужденно, равнодушно, а порой неприязненно по отношению к еврейскому народу.

Леонид Пастернак умер в Оксфорде 31 мая 1945 года. Успел ли он узнать об истреблении немецких евреев? Он, наверное, успел увидеть национальный закат российского еврейства, в котором погасли «светочки и идеалы национального подъема», обозначившиеся перед художником в Берлине 1923 года. На него был «навострен сумрак ночи» (Б. Пастернак, «Гамлет») русского еврейства, в котором отчужденно сияла звезда его гениального сына. Через полгода после смерти Леонида Пастернака — 30 ноября 1945 года — его сын начал писать роман «Доктор Живаго», в котором собирался «свести счеты» с народом отца.

Денис Соболев¹

Братья Стругацкие: Советские евреи, иной взгляд, иное видение

Обсуждение «еврейской темы» в текстах братьев Стругацких прошло несколько этапов, периодически осциллируя между фактическим отрицанием самого предмета обсуждения² и несколько безответственным фантазированием. Несколько слов об истории обсуждения проблемы будут сказаны ниже. Ее обдумывание в книге Марка Амусина, как мне кажется, до сих пор остается классическим³. Уже в десятые об этой тематике приходилось как писать, так читать лекции и мне⁴. Более того, отрицание еврейской проблематики у Стругацких представляется мне несколько странным, поскольку очень многое, к ней относящееся, заявлено в их текстах прямым и эксплицитным образом. Во избежание некоторых недопониманий, временами возникающих вокруг этой проблемы, вероятно, следует помнить о том, что аллегорический текст, а тексты Стругацких среднего и позднего периодов, за небольшими исключениями, явно аллегорические⁵, может быть столь же референциально эксплицитным, сколь и реалистическим. В любом случае, на сегодняшний день, как кажется, центральность еврейской проблематики для корпуса текстов Стругацких можно считать установленной, несмотря на то что большая часть детального текстуального анализа и аргументации еще ждет ученых.

Тем не менее, это не те вопросы, которые мне бы хотелось поставить, и на которые мне бы хотелось частично ответить в этой статье. Отступая от более привычного и более логичного способа обсуждения литературоведческих проблем, мне бы хотелось поставить, по крайней форме, в той форме, в которой возможно это сделать до завершения этапа внимательного текстуального прочтения и аналитического расчленения вопроса на его более простые составляющие, вопрос о содержании литературного и философского высказывания Стругацких в отношении еврейской проблематики и, в первую очередь, в отношении еврейства Российской империи и Советского Союза. Важно подчеркнуть, что значимость этого вопроса не сводима к ее культурно-исторической составляющей. Как мне кажется, и я постараюсь показать это в процессе дальнейшего обсуждения, Стругацкие предложили ту модальность осмысления и, в значительной мере, аллегорической концептуализации еврейской проблематики, которая не только была альтернативой еврейским дискурсам их времени, но и является принципиальной философской, социальной и политической альтернативой тем формам «еврейского дискурса», которые, как кажется, на данный момент победили в доминантных формах европейской культуры, как в Израиле, так и в США, где на сегодняшний день проживают две самые большие еврейские группы.

В современной культурологии принято говорить о «дифференциальном методе» изучения текстуальных объектов, в частности, и явлений культуры, в целом⁶. Несмотря на существование относительно значительных разногласий в отношении эффективности и границ применения методов дифференциального анализа в культурологии, в данном случае, такой анализ представляется более чем уместным. Говоря коротко и несколько

¹ Писатель, культуролог, поэт, эссеист, публицист; доктор философии, профессор Хайфского университета.

² Кузнецова, А., Ашкенази, Л. «Еврейская тема в творчестве Стругацких // Материалы девятой ежегодной междисциплинарной конференции по иудаике». Т. 2. М., Пробел, 2002, 366–371.

³ Amusin, Mark. “Jewish Themes in the Prose of the Strugatsky Brothers”. *Jews in Eastern Europe* 28 (Winter 1995): 43–52. Амусин, Марк. Евреи на Марсе или жиды в Питере (О еврейской теме в произведениях братьев Стругацких // Марк Амусин. Братья Стругацкие: Очерк творчества. Иерусалим: Беседер, 1996, 173–185.

⁴ Sobolev, Dennis. “Jewishness as Difference in the Late Soviet Period and the Work of the Strugatsky Brothers.” In *Around the Point: Studies in Jewish Literature and Culture in Multiple Languages*. eds. Hillel Weiss, Roman Katsman, and Ber Kotlerman, Newcastle: Cambridge Scholars, 2014, 585–611.

⁵ Gomel, Elana. “The Poetics of Censorship: Allegory as Form and Ideology in the Novels of Arkady and Boris Strugatsky.” *Science Fiction Studies* 22.1 (March 1995): 87–105.

⁶ Вводное и несколько упрощенное изложение основ дифференциального метода в культурологии применительно к текстуальному и дискурсивному анализу можно найти, например, в Тичер, Стефан, Мейер, Майкл, Водак, Рут, Веттер, Ева. Анализ текста: Теория различий // Методы анализа текста и дискурса. Харьков: Гуманитарный центр, 2009, 253–272.

упрощая сущность дифференциального подхода к исследованию культурных явлений, речь идет о том, что вопрос «в отличие от чего» позволяет охарактеризовать и прояснить изучаемые явления, а также чрезвычайно существенным образом уточнить их специфику. Применительно к данному случаю, этот «дифференциальный» вопрос должен быть сформулирован, как вопрос об отличии видения европейской проблематики Стругацкими от более распространенных форм её презентации, как в период написания их основных книг, так и в более позднее время. Пожалуй, в период написания основных книг Стругацких основной дискурсивной стратегией презентации европейской проблематики была стратегия этнографически ориентированная. Иначе говоря, в соответствии со средне- и позднесоветским представлением о еврействе, как национальности, основной стратегией как публичного, так и более индивидуально ориентированного дискурсивного поля было обращение к предположительно народным и фольклорным формам европейского национального и культурного наследия.

Так, на русский переводились тексты Менделе Мойхер Сфорима и Ицхака Лейбуша Переца, шеститомное собрание сочинений Шолом-Алейхема было издано тиражом до такой степени значительным, что его можно было найти едва ли ни в любом интеллигентном еврейском доме. Понимание того, что Шолом-Алейхем относился к числу сравнительно ранних модернистов в том, что теперь принято называть «новой европейской литературой», в большинстве случаев отсутствовало практически полностью, а его сложные, амбивалентные и глубоко отрефлексированные тексты в тот период обычно воспринимались в качестве неопосредованных и сравнительно незамысловатых отражений европейской народной жизни и быта конца XIX — начала XX века. При этом огромный, сложный и многоплановый религиозно-философский мир, находившийся за видимым фасадом повседневной народной жизни и фольклорных аспектов культуры, обычно оставался вне фокуса внимания. Как будет показано ниже, именно такой фольклоризации европейской проблематики и фольклорно ориентированного видения европейской культуры и истории Стругацкие попытались противопоставить принципиально иное видение проблемы, в значительно большей степени соглашавшееся с социокультурным опытом и положением советской европейской интеллигенции, ее устремлениями, вопросами, сомнениями, колебаниями, ее опытом как повседневной, так и более отстраненной саморефлексии в отношении собственной «еврейской», ее содержаний и значения.

На другом полюсе дискурсивного поля, связанного с европейской проблематикой, находилось еврейское национальное и национально-религиозное движение, в позднесоветский период проходившее процесс быстрого становления и относительный радикализации. Несмотря на то, что еврейское национальное движение было в основном подпольным или, по крайней мере, частично находилось в серой зоне, которое как не криминализировалось, так и не легитимировалось властью, оно находило различные формы выражения и презентации и в относительной официальной культуре. Отношения Стругацких как к европейскому национализму, как таковому, так и к тому виктимно-агрессивному дискурсу, который еврейское национальное движение, по крайней мере, в его «отказнической» форме, в большинстве случаев продуцировало, как кажется, было резко отрицательным практически на всех этапах их литературной карьеры. В эксплицитной форме еврейский религиозный националист по имени Матвей Матвеевич Гершкович (Мордехай Мордехаевич Гершензон) появляется у Стругацких только в сравнительно позднем романе «Отягощённые злом» (1988), один из двух сюжетов которого описывает посещение Советского Союза Демиургом в сопровождении Вечного Жида, фигурирующего под именем Агасфер Лукич. Матвей Гершкович становится частью свиты обоих, требуя возвращения от новозаветной этики любви к ближнему и прощения к принципу «око за око, зуб за зуб»⁷. Гершкович постоянно опасается, что кто-нибудь может подкинуть ему некошерную еду, а также подозревает окружающих в попытках «оскорблении своего национального достоинства»⁸. Однако Стругацкие пишут, что беспощадность и кровожадность Гершковича «в теории» уравновешивается его природной незлобивостью⁹.

В то же время, важно подчеркнуть, что в этом романе общий аллегорический принцип письма Стругацких включает и скорее нехарактерное для их книг появление обобщенных персонажей, стратегия презентации которых, как кажется, является гибридом средневековых моралите и более позднего театра масок, наподобие комедии-дель-арте. Среди аллегорических персонажей, приходящих к Демиургу и частично вливающихся в

⁷ Стругацкие Аркадий и Борис. Отягощенные злом // Миры братьев Стругацких. Отягощенные злом. За миллиард лет до конца света. Гадкие лебеди. М: АСТ, СПб: Terra Fantastica, 1997, 170.

⁸ Op. cit., 172.

⁹ Op. cit., 170.

свitu, Матвей Гершкович с его требованиями вернуться к тому, что в его воображении является истинным ветхозаветным иудаизмом, его борьбой с христианством, «исказившим» само «естественное течение человеческих отношений»¹⁰, национализмом, опасением некошерного и подозрениями в попытках окружающих оскорбить его «национальное достоинство», выступает в качестве парного типизированного персонажа, гротеско-комического двойника-антитипа антисемита по имени Парасюхин с портретом «святого Адольфа» в кабинете, ратующего за «славянскую широту»¹¹, с которым Гершкович ведет карикатурно представленный спор. Таким образом, в рамках презентативной структуры романа панславянский антисемитизм, находящий неожиданный источник вдохновения в нацизме, и виктимно-агрессивный еврейский национализм оказываются не просто идеологической парой, но, во многих существенных смыслах, двумя сторонами единой социально-исторической ситуации позднесоветского времени и тех дискурсов, альтернативных официальному, которые в тот период сложились.

Простейшими и наиболее очевидными способами объяснить подобную презентацию еврейского национального движения у поздних Стругацких, вероятно, являются отсылки как к их общему категорическому неприятию национализма, так и к центральности проблематики фашизма и его опасностей, в самом широком понимании понятия фашизма¹², для всего «пост-приключенческого» корпуса текстов Стругацких, «начиная с их первой “серьезной” повести-романе «Попытка к бегству» (1962), сфокусированной на страшном видении лагерей уничтожения и этической дилемме борьбы с нацизмом или бегства от него. Эту дилемму на протяжении всей книги решает герой с еврейским именем Саул. Она же возникает в одной из их двух наиболее популярных книг Стругацких, «Трудно быть богом» (1964), в которой «штурмовики» не только появляются в условно-аллегорическом «средневековом» мире, но и оказываются одной из центральных тем романа. Перед той же дилеммой оказываются герои поздней пьесы «Жиды города Питера» (1990)¹³. Тем не менее, как кажется, подобное объяснение не исчерпывает собственно еврейский аспект проблемы.

В контексте холодной войны виктимно-агрессивный еврейский националистический дискурс в его приложении к советскому еврейству оказался чрезвычайно востребованным в США, востребованным до такой степени, что в ретроспективе может показаться, что этот дискурс являлся непосредственным продуктом социо-экономического положения советского еврейства или в то время отражал самоощущение его большинства. Однако, как кажется, это совсем не так. В известной книге «Еврейский век»¹⁴, несмотря на резко выраженные оценочные и очевидно спорные суждения («Коммунизм, слабоумный младший брат христианства»¹⁵, «Америка оказалась добродетельной, а не просто богатой»¹⁶), американский историк-публицист Юрий Слезкин вынужден был признать, что евреи СССР являлись одной из наиболее успешных этнических групп в чрезвычайно широком спектре от академической науки до литературы и искусств¹⁷, а почти все примеры отчуждения евреев от Советского Союза, как такового, а не только от конкретно-исторической ситуации, существовавшей на определенный момент, раз за разом и страница за страницей, Слезкин вынужден был брать либо из воспоминаний небольшого числа известных носителей все того же виктимно-агрессивного дискурса, либо из анекдотов. Как кажется, этот пример является чрезвычайно показательным для лучшего прояснения проблемы.

Действительно, во многих смыслах положение евреев СССР было сопоставимо (важно подчеркнуть, «сопоставимо» не означает не только общей идентичности, но и внеконтекстуальной эквивалентности частных

¹⁰ Op. cit., 123.

¹¹ Op. cit., 169.

¹² Эко, Умберто. Вечный фашизм // Умберто Эко. Пять эссе на темы этики. СПб., 2005, 49–80.

¹³ «Все жиды города Питера и окрестностей должны явиться сегодня, двенадцатого января, к восьми часам утра на стадион “Локомотив”. Иметь с собой документы, а именно: свидетельство о рождении, паспорт, расчетные и абонементные книжки по оплате коммунальных услуг. Все ценности, как-то: меха, наличные деньги, сберегательные книжки, валюту, драгоценности и украшения, а также коллекции — оставить дома в надлежащем порядке. Жиды, не подчинившиеся данному распоряжению, подлежат заслуженному наказанию...» (Стругацкие, Аркадий и Борис. Жиды города Питера, или невеселые беседы при свечах. Наследник Стругацких, Автор, 1990, 11).

¹⁴ Slezkine, Yuri. The Jewish Century. Princeton: Princeton University Press, 2004. Далее цитируется по переводу на русский, Слезкин Юрий. Эра Меркурия. Евреи в современном мире. М.: НЛО, 2007.

¹⁵ Op. cit., 467.

¹⁶ Op. cit., 473.

¹⁷ Op. cit., 430–450.

составляющих сопоставляемых ситуаций) с современным положением американских евреев, которых Слезкин описывает в качестве наиболее успешной этно-религиозной группы современных США¹⁸. Действительно, советская фундаментальная и прикладная наука, литература и музыка, гражданская и военная промышленность, медицина и кинематограф, искусствоведение и популярная культура изобиловали еврейскими именами, хотя некоторые из них и были скрыты под псевдонимами. Соответственно, в качестве объяснительных стратегий Слезкин вынужден прибегать к указаниям на то, что Советский Союз недостаточно последовательно проводил принцип меритократии (иначе говоря, к индикации относительно субъективного ощущения советских евреев, что в силу способностей и фактических достижений евреи заслуживают более высокого социо-экономического положения), к указаниям на борьбу с еврейским национализмом в период, последовавший за Шестидневной войной, и на поощряемый государством бытовой антисемитизм.

Если в отношении проблемы меритократии ответ предельно ясен, поскольку Советский Союз никогда не декларировал принцип меритократии в качестве основополагающего и уж, тем более, в качестве превалирующего над остальными и более фундаментальными принципами советской версии социализма, с существованием бытового антисемитизма спорить невозможно, и в книгах Стругацких его обсуждение, прямое или несколько завуалированное, занимает достаточно существенное место. Однако, насколько мне известно, никаких документов, подтверждающих то, что в послесталинский период бытовой антисемитизм провоцировался или поощрялся высшей государственной властью, найдено так и не было. Максимум того, что можно сказать, не выходя за пределы документированного и доказуемого, это то, что власть средне- и позднесоветского периода (особенно по сравнению с раннесоветским) делала чрезвычайно мало для борьбы с антисемитизмом, который в отдельных текстах и культурных явлениях получал не только «бытовое», но и легко угадываемое, хотя и нейтральное, идеологическое выражение, и что границы между риторикой противостояния сионизму, с одной стороны, и латентным антисемитизмом, с другой, размывались, хотя и не на уровне государственной идеологии, но временами совершенно намеренно и сознательно. Более того, тот же Слезкин приводит сравнительно длинный отрывок из доклада Брежнева на заседании Политбюро от 1973 года, в котором Брежnev предлагает открыть еврейский театр, школу с углубленным изучением идиша («язык как язык», говорит Брежнев) и «еврейскую еженедельную газету»¹⁹. Можно говорить о радикальной недостаточности этих предложений или спорить о том, по каким причинам даже они были реализованы лишь частично, но государственный антисемитизм увидеть в них сложно.

Послевоенное подчеркнутое внимание к русской истории и сравнительно быстро сформировавшееся представление о преемственности между российской и советской государственностью также часто, и временами оправдано, интерпретировалось еврейской интеллигенцией в качестве дискриминационной и, в особенности, дискриминационной в отношении евреев, в рамках СССР не имевших «своей» автономной территориальной единицы. Более того, судя по всему, что нам известно, неофициальные ограничения на прием евреев в ведущие вузы существовали и были болезненными. Разумеется, никакого оправдания национальной дискриминации быть не может, однако, что касается объяснения причин этих ограничений, то помимо латентного антисемитизма, по крайней мере, на определенном этапе эти ограничения можно было объяснить страхом сравнительно небогатой страны потерять в результате еврейской эмиграции, во-первых, столь значительное количество выпускников наиболее передовых вузов, что это дестабилизирует промышленность, науку и медицину, и, во-вторых, чрезвычайно значительные капиталы, на постоянной основе инвестируемые в бесплатное для студентов (но не для государства) передовое образование. Несмотря на то, что длительное время эмигранты должны были выплачивать «отступные» за полученное высшее образование, для реальной оценки тех объемов капитализации, о которых шла речь, можно подумать о стоимости образования в современных передовых американских университетах. Это понимание двойственности возможных причин ни в коей мере не оправдывает и ни в коей мере не может оправдать антиеврейские дискриминационные ограничения, но несколько усложняет общую картину.

В любом случае, несмотря на эти ограничения, процент евреев с высшим образованием был чрезвычайно высок, и эти ограничения не стали препятствием для массового присутствия советских евреев почти во всех сферах научной, культурной и промышленной деятельности, за исключением высшего государственного

¹⁸ Op. cit., 472–475.

¹⁹ Op. cit., 457–458.

управления и понимаемого в широком смысле идеологического аппарата, хотя и в этих областях существовали исключения. Как уже говорилось, спор на эту тему решается простым перечислением сотен или тысяч имен, в большинстве этих сфер многие евреи занимали ключевые или заметные позиции. При дальнейшем обсуждении двойственность этой ситуации важно держать в поле внимания. Когда Стругацкие говорили о евреях и, в какой-то степени, от имени советских евреев своего времени, говоря очень условно и обобщенно, они подразумевали Ландау и Зельдовича, Козинцева и Ромма, Ойстраха и Гильельса, Галича и Высоцкого, их еврейских учеников и еврейскую часть их среды, а не немногочисленных поклонников Менахема Бегина и Меира Кахане.

Еще одним, и крайне весомым, аргументом, который приходится часто слышать, является замалчивание Холокоста в СССР. Однако и в этом смысле ситуация была неоднозначной. Советский Союз был не только первой страной, после первых контрнаступлений и еще до Сталинградской битвы, опубликовавшей документальные свидетельства Холокоста, но и, как показал в том числе и американский ученый Максим Шрайер, страной, опубликовавшей в центральной государственной печати наиболее ранние литературно-документальные и литературные произведения, посвященные Холокосту, в которых все было названо своими именами²⁰. Для современного читателя на одном полюсе, вероятно, находятся тексты Эренбурга и Гроссмана, относящиеся к числу известных примеров, на другом, тексты Антокольского и Сельвинского только сейчас начинающие возвращаться в поле общественного и исторического сознания. Впоследствии, в период, релевантный для дальнейшего обсуждения Стругацких, посвященные Холокосту резонансные произведения выходили сравнительно редко, но они включали перевод дневника Анны Франк (1960), «Бабий Яр» Евтушенко (1961), Тринадцатую симфонию Шостаковича (первая часть «Бабий Яр», первое исполнение в Москве в 1962), «Я должна рассказать» Марии Рольникайте (1963, перевод на русский 1965), «Ничья длится мгновенье» (1963) и «На чем держится мир» Ицхокаса Мераса (1965), «Бабий Яр» Кузнецова (1966), «Тяжелый песок» Рыбакова (1978). Менее резонансными, но более многочисленными были описания эпизодов и сцен, связанных с Холокостом, и упоминания о нем в книгах и воспоминаниях, выходивших в региональных издательствах и, как кажется, в особенности, в книгах белорусских авторов. Вопреки тому, что иногда можно услышать, евреи в этих текстах обычно назывались евреями. В контексте данной статьи это понимание важно еще в одном смысле. Несмотря на отсутствие в «доперестроечном» СССР последовательных и обобщающих исследований, посвященных Холокосту, встречааясь в текстах Стругацких с образами Холокоста, о которых пойдет речь ниже, даже средние читатели Стругацких обладали достаточным объемом информации для того, чтобы иметь возможность понять, о чем идет речь.

Об участии в войне и героизме еврейских солдат и офицеров написано уже столь много, что и их виктимизацию в различных формах антисоветского дискурса можно счесть, по крайней мере, ошибочной. Действительно, на идеологическом рынке времен Холодной войны советские евреи «хорошо продавались» почти исключительно в качестве людей без прошлого и настоящего, и это многое говорит об экономике идеологии и различных техниках идеологической эксплуатации, в том числе, советского еврейства, но чрезвычайно мало о самом советском еврействе. В поле публичного транснационального дискурса почти три миллиона советских евреев (часть из которых была записана русскими, украинцами, белорусами и проч., что не меняло сути дела) были лишены голоса, говоря в терминах современной культурологии, они были «объективированы» или «реифицированы», а их возможность говорить о себе была «делегирована» всевозможным иностранным политическим, «гуманитарным» и исследовательским организациям. В тех же случаях, когда такой голос допускался, право на его фактическое использование ограничивалось возможностью говорить об их собственной виктимности. К сожалению, как кажется, впоследствии многие из подобных репрезентативных и идеологических стратегий и техник были интегрированы в практики «алии и абсорбции»

²⁰ Shrayer, Maxim. “Ilya Ehrenburg’s January 1945 *Novy mir* cycle and Soviet Memory of the Shoah”. In *Eastern European Jewish Literature of the 20th and 21st Centuries: Identity and Poetics*, ed. Klavdia Smola. Munich-Berlin: Verlag Otto Sagner, 2013, 191–209. Shrayer, Maxim. “Jewish-Russian Poets Bearing Witness to the Shoah, 1941–1946: Textual Evidence and Preliminary Conclusions.” In *Studies in Slavic Languages and Literatures*, ed. Stefano Garzonio. ICCEES Congress, Stockholm 2010. Bologna: Portal on Central Eastern and Balkan Europe, 2011. 59–119. Shrayer, Maxim. “Ilya Selvinsky and Soviet Shoah Poetry in 1945.” In *Around the Point: Studies in Jewish Literature and Culture in Multiple Languages*, eds. Hillel Weiss, Roman Katsman and Ber Kotlerman. Cambridge: Cambridge Scholars, 2014. 566–584. Shrayer, Maxim. “Pavel Antokolsky as a Witness to the Shoah in Ukraine and Poland.” *Polin: Studies in Polish Jewry* 28 (2015): 541–556.

людей, которые были обречены поверить, что являются людьми без прошлого, за исключением прошлого антисемитизма, и, таким образом, должны «абсорбироваться» в мир содержаний, практик, ритуалов и самосознания, предложенных или навязанных им извне. Иначе говоря, при относительно отстраненном рассмотрении того виктимно-аггрессивного дискурса, о котором идет речь, его объективные исторические и социо-экономические основания и цели оказываются сомнительными, а сам дискурс — относящимся к области идеологии. Однако понимание, анализ и критика идеологий — это именно та сфера, которая постоянно находилась в фокусе книг Стругацких. А это, в свою очередь, означало, что обращение к еврейской проблематике, существовавшей в чрезвычайно неоднозначном социо-экономическом контексте, требовало от Стругацких предложить альтернативу тем дискурсивным и идеологическим стратегиям, которые представлялись им неприемлемыми.

Заключительный шаг этого «дифференциального» обсуждения проблемы является более рискованным, поскольку он подразумевает мысленный эксперимент выражено анахронистического характера. Следует спросить, видели ли Стругацкие «еврейскость» в том смысле, который уже относительно значительное время является доминантным в еврейских дискурсах англо-саксонских стран, а именно в качестве «идентичности». Очевидным образом, это не тот вопрос, который могли сформулировать сами Стругацкие. В тот период, когда писались их основные книги, североамериканская «политика идентичностей» еще находилась на относительно ранних этапах формирования, и едва ли кто-нибудь мог предсказать, что она сыграет столь ключевую роль в социо-культурной и политической истории конца двадцатого и начала двадцать первого века. Возвращаясь к более текстуальному уровню, следует спросить, воспринимает ли кто-нибудь из «еврейских», в прямом или аллегорическом смысле, героев Стругацких свою еврейскость в качестве фундирующей сущности, из которой либо необходимым, либо контингентным образом, следуют их качества, поступки или мировосприятие? Представлена ли в их текстах еврейскость в качестве внутреннего «сокрытого», но в то же время неизбежного, чью сущность и тайну следует раскрыть, поскольку она детерминирует или предeterminирует более внешние проявления личности? Во всем корпусе Стругацких мне неизвестно ни одного такого примера. Даже в случае уже упоминавшегося выше очевидно карикатурного, хотя и трагически карикатурного, Матвея Гершковича, как уже говорилось, его выбор виктимно-аггрессивного еврейского националистического дискурса эксплицитно противопоставлен, и противопоставлен на уровне буквального смысла текста, его природной незлобивости. В этом нет ничего удивительного. Мне уже приходилось писать о том, что теория и политика идентичностей оказывается плохо применимой при анализе еврейских литератур за пределами Соединенных Штатов, например, при анализе бразильской еврейской литературы²¹. Но если столь занимавшая Стругацких «еврейскость» не являлась для них ни этнографическим наследием, ни национальным или националистическим императивом, ни формой виктимности с очевидным выигрышем в экономике транснационального символического капитала, ни идентичностью, то чем же она являлась? Ответу на этот вопрос, хотя неизбежно контурному и требующему дальнейшей проработки текстуальных деталей, посвящена вторая и третья трети этой статьи.

Если попытаться просуммировать этот ответ в максимально лаконичной форме, то у Стругацких буквальная и аллегоризированная проблематика, маркированная в качестве еврейской, включает, помимо фактического присутствия героев, эксплицитно или имплицитно представленных в качестве евреев²², обращенность к исторической травме Холокоста и понимание его исторической непоправимости, по ту сторону утешения, политической компенсации или рационального осмысления, экзистенциальное отчуждение, амбивалентную диалектику воли к знанию и критического взгляда на мир с акцентом на критике идеологий, сопротивление структурам власти и ее стратегиям, часто находящее для своей реализации далеко не лучшие поведенческие стратегии и социальные техники, включая сопричастность самим техникам власти, общечеловеческий секулярный мессианизм и сложную сеть связей и отношений, соединяющих и разграничающих эти компоненты.

²¹ Sobolev, Dennis. “Identity as Allegory in Samuel Rawet and Moacyr Scliar: An Essay on Twentieth-century Jewish Literature.” *Cadernos de Língua e Literatura Hebraica* (Universidade de São Paulo) 12 (2015).

²² Sobolev, Dennis. “Jewishness as Difference in the Late Soviet Period and the Work of the Strugatsky Brothers.” In *Around the Point: Studies in Jewish Literature and Culture in Multiple Languages*. eds. Hillel Weiss, Roman Katsman, and Ber Kotlerman, Newcastle: Cambridge Scholars, 2014, 585–611.

Одним из центральных элементов текстов Стругацких в широком спектре от романов до пьесы являются их обращения к исторической травме и травматическому опыту, и в первую очередь, опыту Холокоста и памяти о нём. В то же время, в их письме отсутствуют те характеристики, которые в современной психологии и культурологии принято рассматривать в качестве индикаторов посттравматического: ослабленное или замутненное восприятие «я», временная диссоциация и фрагментарность образов травмы, ее ускользание от консистентной репрезентации, частичная диссоциация сознания. Иначе говоря, Стругацкие писали об исторической травме, раз за разом пытаясь ее представить и осмыслить, но не «изнутри» самого травматического или посттравматического опыта. В то же время, наряду с сознательным подчеркиванием значительной части элементов, связанных с Холокостом, и, с формальной точки зрения, в соответствии с модальностью «открытой аллегории» с множественными референтами, характерной для их литературного письма, Стругацкие создавали образы, не находящиеся во взаимно-однозначном соответствии с историческим опытом и конкретно-историческими реалиями Холокоста.

В результате, репрезентации Холокоста у Стругацких одновременно и сохраняют свою абсолютную чудо-вищную и бесконечно страшную сингулярность, и становятся собиральными образами сущностного зла человеческой истории, императива борьбы с этим злом и, парадоксальным образом, невозможности его победить в реальном времени его совершения. В текстах Стругацких победа над злом человеческой истории и человеческой природы в истории выносятся в «коммунистическая будущее», отделенное от наличного исторического процесса радикальным разрывом не только на уровне социальных практик, но и, в первую очередь, на уровне содержаний и структуры человеческого сознания. Для более адекватного контекстуального понимания этой философской и репрезентативной двойственности важно помнить, что Стругацкие были коммунистами, а Аркадий Стругацкий не отрекался от коммунизма до конца своей жизни и говорил об этом даже в тот период, когда от коммунистических убеждений публично отказывались бывшие советские функционеры, идеологи и аппаратные карьеристы²³, в большинстве своем, вероятно, никаких этико-исторических коммунистических убеждений и не имевшие.

В моей, теперь уже сравнительно давней статье, которая, вероятно, в какой-то степени, послужила стимулом для современного витка обсуждения Стругацких «как еврейских писателей», я попытался указать на различные модальности и формы репрезентации еврейской проблематики у Стругацких. Однако, так получилось, что обсуждение темы Холокоста в текстах Стругацких почти исключительно осталось в устных лекциях. Марат Гринберг, чья мысль, как кажется, в те же годы двигалась в сходных направлениях, указывает на три текста Стругацких, в которых тема Холокоста присутствует в эксплицитной форме²⁴. Речь идет об уже упоминавшейся «Попытке к бегству», романах «Гадкие лебеди» и «Жук в муравейнике». Убедительно и на основе релевантных текстуальных примеров Гринберг показывает наличие отсылок к Холокосту во всех трех книгах. К этому списку мне кажется необходимым добавить роман «Улитка на склоне», в котором репрезентации Холокоста занимают не менее центральное место. Однако более существенным, чем вопрос о расширении релевантного текстуального корпуса, является вопрос о смысле и интерпретациях тех репрезентаций, о которых идет речь. И именно этот вопрос о историко-философском и художественном смысле репрезентаций Холокоста у Стругацких в контексте их более общего обращения к еврейской проблематике мне бы хотелось поставить и частично прояснить.

Как кажется, Гринберг исходит из широко распространенного утверждения о табуированности темы Холокоста в советской культуре, и, соответственно, видит в этих аллегорических репрезентациях, в первую

²³ Так, например, в статье, опубликованной в «Независимой газете» 3 января 1991 года, Стругацкие пишут, «Идея коммунизма не только претерпевает кризис, она попросту рухнула в общественном сознании. Само слово сделалось срамным... Однако же коммунизм — это ведь общественный строй, при котором свобода каждого есть непременное условие свободы всех, когда каждый волен заниматься любимым делом, существовать безбедно, занимаясь любимым и любым делом при единственном ограничении — не причинять своей деятельностью вреда кому бы то ни было. Да способен ли демократически мыслящий, нравственный и порядочный человек представить себе мир более справедливый и желанный, чем этот? Можно ли представить себе цель более благородную, достойную, благодарную? Не знаю. Мы — не можем».

²⁴ Grinberg, Marat. “Between Mimesis and Allegory: Vasily Grossman, Boris Slutsky, the Strugatsky Brothers and the Meaning of the Holocaust in Russian.” Critical Insights: Holocaust Literature. Pasadena: Salem Press, 2016, 174–179. Grinberg, Marat. “Reading Between the Lines: The Soviet Jewish Bookshelf and Post-Holocaust Soviet Jewish Identity”, East European Jewish Affairs 48:3 (2018), 398–401.

очередь, возможность обойти такие политические табу²⁵. Однако, как уже говорилось выше, проблема репрезентации Холокоста в советской культуре является значительно более сложной, нежели её представление в антикоммунистических дискурсах, и, соответственно, указание на саму возможность говорить о Холокосте не снимает остроты вопроса о содержании этого высказывания. Кроме того, важно помнить и о том, что, как будет частично показано ниже, репрезентации Холокоста являются сквозными для корпуса Стругацких, и что они тесно связаны с центральной для Стругацких и уже упоминавшейся выше темой фашизма. Соответственно, во-первых, более системный подход к анализу этих репрезентаций в рамках всего релевантного текстуального корпуса может снять некоторые из вопросов и сомнений, которые остаются не вполне разрешимыми при анализе того или иного текста в отдельности. Во-вторых, не только наличие повторяющихся репрезентаций Холокоста, в значительной степени, проясняет понимание еврейской проблематики Стругацкими, но и рассмотрение этих репрезентаций в рамках более общего обсуждения этой проблематики, проясняет их основные смысловые элементы.

В «Попытке бегства» (1962) Стругацкие описывают двух молодых землян из советского коммунистического будущего, к которым присоединяется странный человек по имени Саул. В заключительных сценах романа Саул оказывается советским офицером (а имя Саул «клиничкой»), попавшим в плен подо Ржевом, и бежавшим из нацистского лагеря для военнопленных²⁶. После приземления на до этого неисследованной планете эта разнородная группа оказывается перед лицом частично племенного, частично рабовладельческого, частично феодального общества, подробности социального устройства которого остаются за рамками повести. Единственным общественным пространством, с которым земляне приходят в контакт, оказывается пространство концентрационных лагерей, их охранников и комендантov. Увиденные ими заключенные концентрационных бараков больше похожи на мертвцев, чем на живых людей, «десятки скорчившихся тел, прижавшихся друг к другу, сплетение тощих голых ног с огромными ступнями, высохшие лица, искаженные резкими тенями, раскрытие черные рты»²⁷. Они одеты в джутовые мешки с дырками для головы и рук²⁸ и даже днем работают босиком, в том числе и на снегу²⁹. Как можно понять из текста, исполняя приказ местного феодального правителя, чей официальный титул включает и такие эпитеты, как «сверкающий бой, с ногой на небе»³⁰, заключённых используют для попыток научиться управлять машинами неизвестного назначения, с неизвестной целью оставленных сверхцивилизацией Странников, существенно превосходящей даже коммунистическую цивилизацию землян.

Едва ли не основной спор, касающийся этого аспекта «Попытки к бегству», связан с вопросом о том, идет ли речь о нацистских лагерях уничтожения или о сталинских лагерях. Предыстория этого спора восходит к раннему этапу обсуждения творчества Стругацких и к утверждению Льва Лосева о том, что их тексты являются «эзоповыми» притчами на темы советской реальности, позволявшими обойти советскую цензуру³¹. Однако уже на том раннем этапе обсуждения проблемы как раз американские исследователи и критики не были склонны принимать подобную интерпретацию, а внимательный текстуальный анализ, как кажется, не подтверждает притчевую структуру ни одного из основных текстов Стругацких. Созвучный аргумент отсылает к очень позднему утверждению Бориса Стругацкого, согласно которому в изначальном плане книги Саул

²⁵ В этом смысле позиция Гринберга кажется не вполне однозначной. Так, с одной стороны, Гринберг пишет, “their decision to should the Holocaust in allegorical representations was dictated both by political reality and their philosophy of literature” (Grinberg 175), “the brothers’ decision to shroud the Holocaust in allegorical representations was dictated both by the travails of political censorship and their philosophy of literature” (Grinberg 2018, 399), а, с другой, “under the guise of science fiction, “the Strugatskys explicitly embed the Holocaust into Soviet literary discourse and undermine the reigning silence over it” (Grinberg 176, Grinberg 2018, 400).

²⁶ Стругацкие Аркадий и Борис. Попытка к бегству // Миры братьев Стругацких. Трудно быть богом. Попытка к бегству. Далекая радуга. М: АСТ, СПб: Terra Fantastica, 2001, 348.

²⁷ Op. cit., 296–297.

²⁸ Op. cit., 261.

²⁹ Op. cit., 279.

³⁰ Op. cit., 319.

³¹ Loseff, Lev. On the Beneficence of Censorship: Aesopian Language in Modern Russian Literature. Munchen: Otto Sagnet, 1984, 68–73.

должен был бежать из сталинского, а не нацистского лагеря³². Однако, как мне кажется, апелляция к этому высказыванию предполагает методологическую ошибку, заключающуюся в подмене анализа художественного произведения выяснением предполагаемых намерений его автора, которую ещё американские «новые критики» считали одной из основных ошибок, которые может совершить литературовед³³.

Безотносительно к проблеме цензуры, государственной или социальной, превентивной или карательной, намерения авторов обычно меняются в процессе написания, не все их планы реализуются, не все смыслы текстов порождаются сознательно, утверждение, высказанное через пятьдесят лет после написания книги, может оказаться не вполне достоверным, а у самих Стругацких в перестроенное время были все возможности изменить свой текст, но этого они не сделали. На уровне же наличного текста раз за разом подчеркиваются именно реалии, связанные с Холокостом и нацизмом, включая и такие сравнительно повседневные реалии, как использование нацистами автоматов «Шмайссер»³⁴. Более того, Саул, попавший в плен еще подо Ржевом³⁵ упоминает нацистские лагеря уничтожения, о существовании которых, исходя из линейно-исторической сюжетной логики, он знать не может. Так, например, Саул упоминает «лагеря смерти», а его собеседники «газовые камеры»³⁶, Саул сравнивает охранников с СС-овцами³⁷ и говорит «это как печи... Если разрушить только печи — построят новые, и все»³⁸. В finale книги, в то время как земляне из будущего обсуждают, сколь немного земляне смогут сделать и как медленно релевантные земные организации смогут начать действовать для того, чтобы положить конец открывшимся перед ними ужасам истории, по мере развития их разговора этот ужас кажется все более непоправимым, Саул решает вернуться в двадцатый век и принять свой последний, заведомо безнадёжный бой с нацистами, во время которого он гибнет в том месте, «где над лесом торчали толстые трубы лагерных печей, из которых валил отвратительный жирный дым»³⁹. Суммируя сказанное, как кажется, это один из тех случаев, когда внимательное текстуальное прочтение позволяет разрешить спор об аллегорическом референте текста достаточно однозначным образом.

В отношении остальных презентаций Холокоста на разных этапах высказывались аналогичные сомнения и интерпретации, однако и они, как кажется, не выдерживают внимательной текстуальной критики. В то же время объём и глубина релевантного текстуального материала столь велики, что хотя бы относительно исчерпывающие обсуждение этой проблемы возможно только в рамках отдельной статьи. Тем не менее, важно подчеркнуть, что эти описания не повторяют друг друга и не являются вариациями на одну и ту же тему, дополняя друг друга в очень многих ключевых смыслах. В романе «Улитка на склоне» (1966–68) один из двух главных героев, контуженный исследователь-пилот по имени Кандид и сопровождающая Кандида наивная и верная деревенская девочка Нава, считающая себя его женой, сталкиваются с похожим ужасным ночным видением едва ли живых, «серых»⁴⁰, «полумертвых»⁴¹ и почти голых людей, собранных в концентрационных бараках. Все эти люди являются мужчинами, мужчинами не в культурно-гендерном, а в биологическом смысле этого термина, которых технологически передовая и динамично развивающаяся биотехнологическая цивилизация женщин считает отходами эволюционного процесса, обреченными на постепенное уничтожение. Через некоторое время Кандид и Нава слышат, как люди в «длинном строении» непонятного назначения начинают кричать и плакать⁴², а потом уже на улице видят, как друг с другом

³² «Тогда мы придумали эпилог, в котором Саул Репнин бежит из СОВЕТСКОГО концлагеря и заодно переменили название на «Попытку к бегству». Этот номер у нас, впрочем, тоже не прошел – концлагерь пришлось все-таки переделать в немецкий» (Стругацкий, Борис. Комментарии к пройденному. СПб.: Амфора, 2003, 93–94, «советского» выделено автором).

³³ Wimsatt, William Kurtz and Beardlsley, Monroe. "The Intentional Fallacy". In William Kurtz Wimsatt. The Verbal Icon: Studies in the Meaning of Poetry. Kentucky: University of Kentucky Press, 1954, 3–18.

³⁴ Стругацкие Аркадий и Борис. Попытка к бегству // Миры братьев Стругацких. Трудно быть богом. Попытка к бегству. Далекая радуга. М: АСТ, СПб: Terra Fantastica, 2001, 326.

³⁵ Op. cit., 348.

³⁶ Op. cit., 324.

³⁷ Op. cit., 317.

³⁸ Op. cit., 340.

³⁹ Op. cit., 350.

⁴⁰ Стругацкие Аркадий и Борис. Улитка на склоне. М: АСТ, 2009, 160.

⁴¹ Op. cit., 164.

⁴² Op. cit., 166–167.

прощаются женщины и мужчины, прощаются «навсегда»⁴³. На утро Кандид и Нава, еще сомневаясь в реальности увиденного ими ночного ужаса, возвращаются в эту «деревню» и обнаруживают, что людей в ней больше нет, а сама «деревня» быстро уходит под воду⁴⁴. Судя по всему, ночная акция по ликвидации прошла удачно, и на следующий день ее исполнители уничтожают ее следы. «Бесшумно канула в воду крыша плоского строения»⁴⁵, в котором, судя по описанию предыдущей ночи, проводилось уничтожение жертв в узкопрактическом смысле, «над черной водой словно пронесся легкий вздох, по ровной поверхности пробежали волны, и все кончилось»⁴⁶. Уничтожение становится окончательным, а его орудия исчезают под водой.

Представляющие эту биоцивилизацию женщины забирают Наву для того, чтобы превратить её в одну из них, и эта уграта окончательна, невосполнима и необратима. Примитивная биология, возведённая нацистами в культ, в «Улитке на склоне» предстает фундаментальным критерием, на основе которого производятся селекция людей на тех, которые будут уничтожены, и тех, в которых будет уничтожена человечность в попытке превратить их в сверхлюдей. Потеряв Наву и оказавшись перед выбором между ценностями традиционного гуманизма и технологически прогрессивной биоцивилизацией «заболачивания и разрыхления», Кандид выбирает этику, однозначно отвергая ценность технологического превосходства и, как Саул, выбирает путь как одинокого и безнадежного сопротивления организованной машине насилия и геноцида, так и защиты наивных, малограмотных и косноязычных крестьян, объявленных биологически излишними и обреченными на постепенное тотальное уничтожение. На этом этапе обсуждения важно подчеркнуть еще раз, в случае Стругацких речь идет об «открытых аллегориях» с множественными и неоднозначными референтами. Применительно к проблеме репрезентаций Холокоста это означает, что Стругацкие, в первую очередь, не использовали аллегорические миры для того, чтобы иметь возможность говорить о Холокосте «в обход» цензуры, наоборот, их повторяющиеся и меняющиеся размышления об ужасах и причинах Холокоста были интегральной частью и художественного целого их книг, и их философских размышлений о природе зла и человеческой истории.

Во вставных фрагментарных главах романа «Жук в муравейнике» (1980) Стругацкие описывают почти пустой город на планете с трагико-ироническим названием Надежда, повторяющим название израильского гимна, чьи жители стали жертвами планетарной пандемии, вероятно, начавшейся в результате их собственного пренебрежения экологией и неконтролируемого и безответственного промышленного развития. На момент начала этих фрагментарных глав абсолютное большинство жителей планеты были эвакуированы за пределы планеты всё той же сверхцивилизацией Странников, то ли с целью их тотального уничтожения в целях очищения планеты от пандемии и экологической безответственности, то ли, как официально декларировалось, ради их спасения, однако никаких указаний на место их нахождения в настоящем времени вставных глав найти не удается, так же как и никаких каналов связи с уведенными, «угнанными», в неизвестном направлении жителями планеты. В этих главах полевой разведчик Лев Абалкин в сопровождении друга и напарника разумного пса («голована») Щекна с планеты Саракш производят первичную разведку брошенного города.

Увиденный ими город производит страшное впечатление, разбитые улицы, разбитые дома, множество ржавого железа, легковые автомобили, грузовики, остатки домашнего скарба⁴⁷, брошенное самоходное устройство⁴⁸ и брошенная пушка⁴⁹, «ржавые, полуразвалившиеся, распадающиеся от малейшего толчка»⁵⁰. Но еще страшнее асфальт под ногами. Абалкин и Щекн идут по брошенным личным вещам, битому стеклу, «какие-то ли банки, то ли подшипники»⁵¹. «Они все здесь шли...», говорит Щекн, а Лев Абалкин записывает

⁴³ Op. cit., 167.

⁴⁴ Op. cit., 174–175.

⁴⁵ Op. cit., 175.

⁴⁶ Op. cit., 175.

⁴⁷ Стругацкие Аркадий и Борис. Жук в Муравейнике // Обитаемый остров. Малыш. Жук в Муравейнике. Волны гасят ветер. М: ACT, СПб: Terra Fantastica, 2005, 497.

⁴⁸ Op. cit., 524.

⁴⁹ Op. cit., 500

⁵⁰ Op. cit., 524.

⁵¹ Op. cit., 525.

«Все они шли здесь, вот этой же дорогой, побросав свои ненужные больше легковушки и фургоны, сотни тысяч и миллионы... шли, роняя то немногое, что пытались унести с собой, спотыкались и роняли, может быть, даже падали сами и тогда уже не могли подняться, и все, что падало, втаптывалось, втаптывалось и втаптывалось миллионами ног»⁵². Абалкин и Щекн выходят на широкую пустую площадь, и, неожиданным образом, именно здесь «бессстрашный Щекн»⁵³ впадает в ужас и отчаяние. Щекн объясняет это тем, что видит перед собой отсутствие «дна», понять которое он неспособен, и место, откуда «никто не вернулся»⁵⁴.

Иными словами, Щекн оказывается перед лицом бесконечной пустоты и абсолютной, непоправимой, не-восполнимой, тотальной утраты, недоступной ни рациональному пониманию, ни визуальному представлению, не соотносимой с единичностью человеческого существования в своей радикальной невозможности быть понятой или высказанной. Чуть позже Щекн объясняет Абалкину, что Абалкин не может увидеть этой бесконечной пустоты, потому что ее «заклеивали от таких как ты, а не от таких, как я»⁵⁵. Это абсолютное трагическое уничтожение, без надежды на компенсаторное утешение, восполнение или воссоздание, эта абсолютная утрата жертв Холокоста, лишена и утешительной израильской мифологии компенсаторного сионистского национального возрождения.

О критическом отчуждении двух центральных еврейских героев романов Стругацких, Переца в «Улитке на склоне» и Изи Кацмана в «Граде обреченному» написано сравнительно много, хотя в большинстве случаев безотносительно к собственно еврейской проблематике. Об этом приходилось писать мне в статье, которая уже упоминалась выше. Перец и Кацман являются внимательными и трезвыми наблюдателями окружающей реальности, её, так сказать, «вовлеченными исследователями» и скептическими интерпретаторами. Более того, как я также попытался показать в упомянутой выше статье, из всех героев обоих романов Перец и Кацман в наибольшей степени лишены того, что Франкфуртская школа часто называла «ложным сознанием». Немало писалось о том, что как Перец, так и Кацман больны «тоской по пониманию». Повторять уже сказанное представляется мне излишним, а детальное изложение и анализ этой проблемы, как и в случае с проблемой презентаций Холокоста, потребовало бы отдельной статьи. Тем не менее, мне бы хотелось внести в сказанное не только определенные уточнения, но и некоторые корректизы, в первую очередь, по части расстановки акцентов. Несмотря на очевидную симпатию к обоим героям и даже, как кажется, определенный элемент самоидентификации, Стругацкие далеки от идеализации обоих героев. Более того, диалектика их презентации такова, что оба скептически настроенных и глубоко ироничных еврейских интеллектуала оказываются вовлеченными в функционирование машины власти и неспособными использовать свои чрезвычайно развитые способности к критическому наблюдению и анализу для хотя бы частичного прояснения тех фундаментальных онтологических и экзистенциальных вопросов, перед лицом которых они оказываются.

Говоря об «Улитке на склоне» (1966–68), вероятно, следует начать с того что, по крайней мере, в значительной степени критическое отчуждение Переца носит посттравматический характер, что связывает его не с проблемой предполагаемой «идентичности», а с общей посттравматической тематикой книг Стругацких, укорененных не только в повторяющихся презентациях ужасов Холокоста, но в трагическом и травматическом восприятии человеческой истории, в целом, том восприятии, которое в популярной форме стало доступным широкому кругу читателей Стругацких благодаря роману «Трудно быть богом». В «Улитке на склоне» сюжетная линия, связанная с Перецем, развивается либо в Управлении, которому поручено изучить непонятный и глубоко чуждый человеческому восприятию инопланетный Лес, но которое на практике занимается этим лишь в малой степени, либо вокруг Управления. В заключительных сценах, относящихся к сюжетной линии Переца, Перец рассказывает своей любовнице Алевтине о своей бывшей жене, о том что она была «доброй» и «ничего не боялась», о том как «мы с ней вместе бредили про лес»⁵⁶. Это объяснение, сравнительно позднее в сюжетной структуре романа, аналептически отсылает к более раннему эпизоду, на тот момент оставшемуся

⁵² Op. cit., 526–527. См. также Grinberg, Marat. “Reading Between the Lines: The Soviet Jewish Bookshelf and Post-Holocaust Soviet Jewish Identity”, East European Jewish Affairs 48:3 (2018), 400.

⁵³ Op. cit., 527.

⁵⁴ Op. cit., 527.

⁵⁵ Op. cit., 528.

⁵⁶ Стругацкие Аркадий и Борис. Улитка на склоне. М: АСТ, 2009, 245.

необъясненным. В этом эпизоде Перец вспоминает «как дождливым осенним вечером в квартиру принесли Эсфири, которую зарезал в подъезде дома пьяный хулиган... и соседей, повисших на нем, и стеклянные крошки во рту — он разгрыз стакан, когда ему принесли воды...»⁵⁷. Иными словами, критическое отчуждение Переца, а возможно, в значительной степени, и его тоска по пониманию и воля к знанию, не являются сущностными качествами, относящимися к гипотетической идентичности, как таковой, а результатом чрезвычайно трагического экзистенциального опыта. В этом смысле, экзистенция, по крайней мере, частично предшествует эсценции.

Однако, парадоксальным образом, на практике Перец, оказавшись на краю Леса, являющегося для него ультимативной загадкой, делает чрезвычайно мало для того, чтобы попытаться перенести свою тоску по пониманию в плоскость практического действия. В рамках романа, Лес, бывший объектом мечты погибшей жены Переца и его самого, предстающий практически ультимативным метафизическим объектом, фактически остается за рамками наличного существования Переца, а он сам делает крайне мало для того, чтобы к Лесу приблизиться. Вместо этого Перец относительно бесцельно шатается по Управлению по изучению Леса, наблюдает и мысленно высмеивает его нелепую бюрократическую деятельность, праздность его работников, убогость их нравов и способов времяпрепровождения, неизменность их интересов и желаний, ведет праздные разговоры с подловатым бабником-шофером и заводит приближенную к начальству любовницу. В то же время, несмотря на постоянно декларируемое желание Переца бежать из Управления, это желание остается нереализованным, а деятельность в этом направлении, в основном, остается в рамках, разрешённых самим Управлением. Вероятно, благодаря влиянию своей любовницы, в finale романа Перец становится директором всего презираемого им Управления, но и на этом этапе не дает себе указания его покинуть.

Более того, оказавшись перед управленческой дилеммой, Перец не испытывает сомнений в необходимости сохранения Управления как бюрократической структуры, мысленно приписывая Управлению и те черты, которыми оно, очевидным образом, не обладает. «Управление я, конечно, распускать не буду, глупо, зачем распускать готовую, хорошо сколоченную организацию?»⁵⁸. В финальной сцене сюжетной линии Переца уже в качестве директора он предписывает всем сотрудникам группы искоренения Леса покончить с собой с помощью огнестрельного оружия до ближайшей полуночи и назначает чрезвычайно исполнительного ответственного за уничтожение группы, также еврея⁵⁹. Несмотря на то что сам Перец воспринимает этот приказ в качестве комического, его приказ немедленно принимается к реализации, а сам Перец оказывается неспособным или неготовым по части сопутствующего административного риска взять на себя ответственность за его отмену. Шарахнувшись от назначенного им ответственного за предстоящую ликвидацию группы искоренения леса, Перец натыкается на стол и падает на вагнеровских Венеру и Тангейзера⁶⁰. Парадоксальным образом, стремясь если не преодолеть, то, по крайней мере, высмеять неэффективную, косную, нелепую и коррумпированную организацию, Перец отдает приказ о массовом убийстве, перекликающийся не с выбором этического сопротивления Кандидом, а с массовым и рационально организованным геноцидом «ненужных» людей передовой биоцивилизацией.

«Град обреченный» (1970–75, дополнен и исправлен в 1987–89), вероятно, является одним из наиболее значительных прозаических произведений во всей послевоенной советской литературе. В романе описывается необъяснимый Эксперимент, в котором невольно участвуют все герои книги. Название «Эксперимент» вызывало столь очевидное ассоциации с советским социальным экспериментированием, что, на первый взгляд, его смысл не требовал дополнительных интерпретаций. В контексте этой, казалось бы, очевидной интерпретации руководящие Экспериментом анонимные «Наставники» легко переводились, как полуанонимные высшие бюрократы позднесоветского периода. Однако и эта интерпретация требует текстуально и исторически ориентированной коррекции. Радикальное социальное экспериментирование, которое действительно было характерно для раннего советского времени, было не только, в значительной степени, заморожено, но и возвращено к значительно более традиционным формам семейного и социального устройства в сталинское время, а в средне- и позднесоветский периоды сложились сравнительно устойчивые образ жизни и быт, менявшиеся ничуть не быстрее, чем образ жизни и быт в Западной Европе и Северной Америке

⁵⁷ Op. cit., 118.

⁵⁸ Op. cit., 261.

⁵⁹ Op. cit., 267–268.

⁶⁰ Op. cit., 270.

того же периода. К тому же, в отличие от советского эксперимента, у Эксперимента, описанного в «Граде обреченному» нет не только эксплицитно заявленных, но интуитивно предполагаемых целей. Высокая социальная мобильность героев, с необъяснимой легкостью переходящих от должностей мусорщиков к должностям в высших эшелонах гражданского и военного управления, носит не меритократический, но и не коррупционный или «плутократический» характер. Скорее речь идет об арбитрарной и хаотической социальной волатильности, цели и законы которой, как кажется, непонятны никому из непосредственных героев романа.

В то же время сам город, в котором происходят описываемые события, находится между отвесной скалой и пропастью, между двумя объективными и, условно говоря, физическими границами человеческого познания. Соответственно, вопрос понимания эксперимента и существования индивидуума в этом эксперименте является онтологическим и экзистенциальным ничуть не в меньшей степени, нежели социо-политическим. В этом смысле воля к знанию и все та же «тоска по пониманию», которая движет еще более отстраненным, ироничным и скептическим, чем Перец, Изей Кацманом, отсылает не только к традиции социально-политической сатиры в отношении советского общества, а, соответственно, и к вопросам, ответы на которые читателям «Града обреченного» долгое время казались очевидными, но и к фундаментальным вопросам человеческого бытия. Именно поэтому не кажется неожиданным тот факт, что в заключительных частях романа и, в особенности, по мере продвижения экспедиции к краю известного мира сатирическое эхо реалий советского общества становится всё менее отчетливым. И, наоборот, в ретроспективе вовлеченность Кацмана в сложные отношения с меняющейся структурой власти оказывается еще более проблематичной, чем она кажется при первом прочтении книги. В этом смысле показателен разговор Кацмана с временным местным диктатором, бывшим нацистом, Фрицем Гейгером.

Когда они уселись за стол, Гейгер сказал Изе:

— Угощайся, мой еврей. Угощайся, мой славный.

— Я не твой еврей, — возразил Изя, наваливая себе на тарелку салат. — Я тебе сто раз уже говорил, что я — свой собственный еврей. Вот твой еврей, — он ткнул вилкой в сторону Андрея⁶¹.

Однако роман показывает, что в данном случае речь идет о самообмане и глубоко ложном образе «я». Движимый поиском знания и желанием находиться в поле досягаемости архивов, Кацман вступает в сложные отношения со структурами власти, попеременно оказываясь её участником, советчиком, жертвой и наблюдателем. В этом смысле, Кацман, лишенный иллюзии в отношении окружающих и, как уже говорилось, максимально свободный от различных форм «ложного сознания» окружающих его людей, с легкостью обманывается в отношении себя самого. Что же касается истины Эксперимента, которую он ищет, то Кацман не находит ее ни в окружающем мире, ни в его собственной душе. Достигнув края известного мира, не найдя ответов и погибнув, Кацман чудесным образом возвращается в послевоенный Ленинград, где снова оказывается ребёнком. В заключительной сцене читатели не видят самого Кацмана, но видят второго главного героя романа, Андрея, слышащего голос мамы Кацмана и пытающегося разглядеть его сквозь полутьму ленинградского двора колодца.

За несколько строчек до этого так и оставшийся неизвестным и не объясненным «Наставник» Эксперимента объясняет Андрею что это был только «первый», «потому что их еще много впереди, — произнес голос Наставника»⁶². Был ли этот «первый» первым кругом ада или первым кругом познания или первой из многих возможностей личностного бытия остаётся не проясненным, а вместе с этим так же остается и роль Кацмана в этом неизвестном «первом». В любом случае, трансцендентный наставник, говорящий с Андреем сквозь пространство и время, уже не может быть идентифицирован с одним из безымянных представителей высшей советской бюрократии, а весь роман окончательно разворачивается в сторону вопросов базисной онтологии, хотя, в значительной степени, в её идеологическом и социально-политическом преломлении. В этом контексте и скепсис Кацмана, и его отстранённость, и его вера в возможность найти истину в исторических архивах, и его амбивалентная вовлеченность в функционирование структур власти ретроспективно оказываются еще

⁶¹ Op. cit., 277.

⁶² Стругацкие Аркадий и Борис. Попытка к бегству // Мирры братьев Стругацких. Град обреченный. Второе нашествие марсиан. М: АСТ, СПб: Terra Fantastica, 1997, 439.

более двусмысленными, чем это казалось в отдельных эпизодах романа. Столкнувшись с вопросами фундаментальной онтологии, Кацман пытается найти ключи к ней в политической отстраненности, всеобъемлющем скепсисе и ироничных наблюдениях над социологией нравов, иначе говоря, в тех областях, в которых ответы на вопросы фундаментальной онтологии человеческого существования, вероятно, найти невозможно. Это, в свою очередь, делает Кацмана не только привлекательным интеллектуальным скептиком, но и фигурой в своих основаниях глубоко трагической. Можно предположить, хотя это и не говорится эксплицитно, что не только для Андрея, но и для Кацмана описанный в романе путь меняющегося существования и не свершившегося познания является только «первым», чем бы этот неназванный первый ни являлся.

В романе «Гадкие лебеди» (1966–67) упоминавшиеся выше характеристики отчуждения, равнодушия к бытовым целям и иронического отстранения в сочетании с волей к знанию, критическим мышлением, ориентацией на критическую социологию, так же как и более привычные характеристики бытовой неприязни со стороны обывательских низов, тот самый бытовой антисемитизм, который уже упоминался в первой трети этой статьи, приписываются так называемым «мокрецам». На протяжении большей части романа роль мокрецов остается непонятной, их фигуры вызывают у главного героя романа, поэта Виктора Банева, и его окружения смесь притяжения и отторжения, непонимания и страха. Мокрецы живут на территории, наподобие гетто, фигурирующей в романе под названием «лепрозория», окруженной колючей проволокой⁶³ и армией, но при этом, по причинам которые становятся понятными только ближе к концу романа, и к неудовольствию обывателей, мокрецы могут свободно ходить по городу. Более того, мокрецы свободно контактируют со школьниками, по всему мнению, внушая школьникам идеи, которое способствует и их глубинному отчуждению как от родителей, так и от привычного образа жизни. В моей статье, которая уже неоднократно упоминалась выше, и продолжением которой нынешняя статья в какой-то степени является, я уже указывал на то, что в романе мокрецам приписаны как многие черты, которые евреям обычно приписывает бытовое антисемитское сознание, так и черты, которые ассоциируются с евреями именно в литературном корпусе Стругацких. Более того, различные персонажи романа несколько раз эксплицитно сравнивают мокрецов с евреями.

Подробное перечисление всех релевантных аргументов было бы излишней тавтологией, однако для консистентности обсуждения некоторые примеры таких аргументов все же необходимо привести. Так, например, поскольку предполагаемый «еврейский нос», пожалуй, относится к числу наиболее известных визуальных этнических стереотипов, нет ничего удивительного в том, что при первом же появлении самого известного из мокрецов, бывшего философа и критического социолога с совсем не славянской фамилией Зурмансор, рассказчик немедленно подчеркивает «этот великолепный семитский нос»⁶⁴. Переходя к трагической исторической перспективе, как было показано, занимающей центральное место в презентации еврейской тематики у Стругацких, ненавидящий мокрецов люмпен описывается в качестве «черносотенцев»⁶⁵. Более того, в романе говорится, что во время иностранного вторжения (танки интервентов имели чрезвычайно суггестивное название «рейнметаллы»⁶⁶) и оккупации оккупанты «подвергали» мокрецов «прямому истреблению»⁶⁷. В числе упомянутых выше прямых сравнений есть, например, и такое; одна из немногих положительных героинь романа, Диана, объясняет, что «в одних местах ненавидят евреев, где-то ещё — негров, у нас — мокрецов»⁶⁸. Перечисление подобных примеров можно продолжать, однако в контексте данного «контурного» обсуждения это кажется излишним. Мокрецов охраняет «доктор Голем» с неясным полномочиями, которого периодически обвиняют в том, что он «коммунист» и «красный»⁶⁹.

В корпусе Стругацких роман «Гадкие лебеди» стоит несколько особняком, поскольку почти во всех остальных их книгах повествование либо происходят в коммунистическом будущем Земли, на разных этапах его развития, либо ведётся в той или иной форме с точки зрения представителя этого будущего, либо

⁶³ Стругацкие Аркадий и Борис. Гадкие лебеди // Мирры братьев Стругацких. Отягощенные злом. За миллиард лет до конца света. Гадкие лебеди. М: АСТ, СПб: Terra Fantastica, 1997, 451.

⁶⁴ Op. cit., 385.

⁶⁵ Op. cit., 472.

⁶⁶ Op. cit., 438.

⁶⁷ Op. cit., 468.

⁶⁸ Op. cit., 411.

⁶⁹ Op. cit., 469, 470, 500, 557.

существование коммунистического общества, по крайней мере, упоминается в качестве наличной исторической данности. По контрасту, в «Гадких лебедях» коммунистическое общество не только отсутствует где бы то ни было в настоящем времени романа, в романе отсутствуют любые упоминания о попытках его построить. Иначе говоря, это история человечества, в которой никогда не было Советского Союза. Лучшие из героев романа презирают и ненавидят окружающее общество, по крайней мере, частично они свободны от некоторых форм его ложного сознания, но и они не могут помыслить иного общества. По знаменитому выражению Фредрика Джеймисона, современному человеку «проще представить конец мира, чем конец капитализма»⁷⁰. В отличие от абсолютного большинства взрослых, как становится ясно во время разговора Виктора Банева со школьниками, воспитанные мокрецами школьники представить такой мир могут. Однако и они ошибаются. Школьники объясняют Баневу, что при всём их презрении к окружающему обществу и отвращению к человеческой истории новый мир будет построен ненасильственным образом, рядом со старым⁷¹. Роман не уточняет, ошибаются ли школьники сами или они введены в заблуждение их наставниками-мокрецами. В любом случае, триумф идей мокрецов и радикальный разрыв с существующим миром описаны в романе в терминах с выраженным апокалиптическим эхом.

Сначала в так называемый «лепрозорий», в котором живут мокрецы, уходят дети. Толпе находящихся в отчаянии родителей объясняют, что они смогут связаться со своими детьми в любой день⁷². Однако, как и обещание ненасильственного создания альтернативного мира, это обещание тоже вскоре отменяется. Одновременно выясняется, что гетто-лепрозорий, в котором живут мокрецы, армия не охраняет, а, наоборот, защищает мокрецов в надежде на то, что они смогут создать столь необходимое армии сверхоружие. Иначе говоря, мокрецам удаётся столкнуть малограмотные и погрязшие в низменных развлечениях местные власти, опирающиеся на настроения ксенофобской толпы, со стремлением государства к радикальному усилению своего военного могущества. Однако, будучи не просто частью того мира лжи, насилия, низменных интересов и пристрастий, который мокрецы стремятся разрушить, но и одной из основных опор этого мира, армия тоже оказывается введенной в заблуждение. После триумфа идей и стратегии мокрецов не только город начинает быстро рушиться и превращаться в труху⁷³, но и армия, начиная отступать от лепрозория относительно организовано, сравнительно быстро переходит к паническому бегству. Повествователь описывает большой «драп», как военных, так и гражданского населения⁷⁴. Наиболее совершенные средства войны и организованного насилия, включая военную авиацию⁷⁵, превращаются в бесполезный хлам. В терминах радикальной версии западного марксизма и неомарксизма, речь идёт об акте ультимативного насилия, который не только кладет конец всему предшествующему и всепроникающему насилию человеческой истории и ее институтов⁷⁶, но и становится, как обещают Баневу школьники, судя по всему, со слов мокрецов, точкой абсолютного разрыва со всей историей, включая и родителей самих детей, родителей, теперь превратившихся в «беженцев»⁷⁷ и оставшихся в отброшенном историческом мире. Доктор Голем объясняет героям, что наступает «новый мир»⁷⁸, а мокрецов больше не существует.

В романе Стругацких роль мокрецов, чья репрезентация, как уже говорилось, связана с еврейской проблематикой на уровне как всего коннотативного поля, так и прямой денотации, заключается в идеологической и технологической подготовке как этого ультимативного разрыва с историей, так и того акта тотального насилия, который в романе только и может сделать такой разрыв возможным. При очевидной симпатии

⁷⁰ Jameson, Fredric. “Future city” New Left Review 21 (May/June 2003), 76. В другой формулировке эта мысль присутствует уже в Jameson, Fredric. *The Seeds of Time*. New York: Columbia University Press, 1994, xii.

⁷¹ Стругацкие Аркадий и Борис. Гадкие лебеди // Миры братьев Стругацких. Отягощенные злом. За миллиард лет до конца света. Гадкие лебеди. М: АСТ, СПб: Terra Fantastica, 1997, 440.

⁷² Op. cit., 527.

⁷³ Op. cit., 595.

⁷⁴ Op. cit., 591.

⁷⁵ Op. cit., 596.

⁷⁶ Беньямин Вальтер. К критике насилия // Вальтер Беньямин / Учение о подобии. Медиаэстетические произведения. М.: РГГУ, 2012, 64–98. Беньямин Вальтер. О понятии истории // Вальтер Беньямин / Учение о подобии. Медиаэстетические произведения. М.: РГГУ, 2012, 238–254.

⁷⁷ Стругацкие Аркадий и Борис. Гадкие лебеди // Миры братьев Стругацких. Отягощенные злом. За миллиард лет до конца света. Гадкие лебеди. М: АСТ, СПб: Terra Fantastica, 1997, 593.

⁷⁸ Op. cit., 593.

Стругацких к такому проекту, легко понимаемой в контексте их глубоко трагического видения зверств, низотенций и абсурда человеческой истории, Стругацкие также выводят на передний план глубокую этическую проблематичность такого проекта. Поэтому нет ничего удивительного в том, что в большинстве текстов Стругацких радикальное вмешательство в исторический процесс либо описывается как невозможное (так, например, в «Трудно быть богом» (1964)), либо сам исторический процесс предстает как эволюционный, восходящий к Советскому Союзу (а, значит, к уже свершившемуся акту радикального революционного насилия), о чьих недостатках, лицемерии и абсурде Стругацкие, тем не менее, столь красноречиво писали. В этом смысле существенно, что секулярный мессианский проект тотального всечеловеческого освобождения, который в «Гадких лебедях» для Стругацких оказался столь тесно связан с проблематикой еврейской интеллигенции, одновременно вызывал у них ещё больше этических вопросов, чем двойственная экзистенциальная ситуация еврейских интеллектуалов-одиночек.

Подводя промежуточные итоги, положение, самосознание и цели еврейской интеллигенции несомненно являются важной темой всего корпуса Стругацких как на буквальном, так и на аллегорическом уровне, однако эта тема была предметом осмысливания и глубинного продумывания, со всеми ассоциированными смыслами и подтекстами, а не объектом идеализации и самолюбования на основе накопленного символического капитала виктимности. Говоря проще, Стругацкие последовательно отказывались исключить еврейскую проблематику из поля своего критического рассмотрения. При всей выраженной симпатии и частичной самоидентификации со своими еврейскими героями, Стругацкие стремились продумать всю сложность непосредственно близкой им современной еврейской проблематики на основе сложного и двойственного положения евреев в советском обществе, по ту сторону фольклорных фантазий, антисемитских и националистических клише, по ту сторону как стигматизации, так и нарциссизма. В результате, несмотря на то, что и сами Стругацкие периодически становились объектами антисемитских нападок, но и безотносительно к собственной славе и популярности среди самых разных читателей, Стругацкие предложили чрезвычайно сложное и нюансированное видение советской еврейской проблематики на всём её спектре от ужасов Холокоста до элементов всечеловеческого секулярного мессианизма. Вероятно, они не были близко знакомы с еврейской народной жизнью советского времени, но, как кажется, характерное для Стругацких сочетание героизации и проблематизации еврейских интеллектуалов не только сохранило элементы актуальности до сегодняшнего дня, через тридцать лет после исчезновения Советского Союза, но и остаётся одним из самых сложных, нюансированных и глубоких высказываний в отношении еврейской интеллигенции как двадцатого, так и двадцать первого века.

Юрий Окунев¹

Некто Розинер

*Тропой альпийской в снег и мрак
Шел юноша, державший стяг.
И стяг в ночи сиял, как днем,
И странный был девиз на нем:
Excelsior!*

Генри Лонгфелло

Скажите честно, уважаемый читатель, скажите сразу, навскидку — вам говорит что-нибудь фамилия Розинер? А если с именем — Феликс Розинер? Я невзначай задал эти вопросы нескольким десяткам моих друзей и знакомых — людей образованных и читающих, среди которых даже были люди с литературно-филологическим образованием. Большинство их них не знали, кто такой Феликс Яковлевич Розинер.

Как получилось, что мы едва ли не проглядели этого нашего замечательного современника, диссиденташестидесятника, поэта, прозаика, эссеиста, барда, автора стихов, рассказов, пьес, повестей и романов, удостоенных престижных литературных премий в Париже, Иерусалиме и Санкт-Петербурге? Наконец, почему интеллигенция, столь чувствительная к преступлениям тоталитарных режимов, так вяло среагировала на один из лучших антитоталитарных романов мировой литературы второй половины XX века? Почему этот выдающийся роман, подпольно написанный Феликсом Розинером в Москве в глухие времена брежневской коммунистической диктатуры и переведенный впоследствии на французский, английский, иврит и другие языки, вообще мало кому известен? Почему его автор, номинированный на Нобелевскую премию, что не так уж часто случалось в русской литературе, даже не был упомянут ни в российском «Большом энциклопедическом словаре» 1999-го года, ни в энциклопедическом словаре «Русская литература» 2001-го года, ни в «Новом энциклопедическом словаре» 2007-го года? Почему в самом популярном в России книжном интернет-магазине www.ozon.ru про этот роман века скучно сказано — «Букинистическое издание [sic!] — Нет в продаже»!?

Неудержимое желание написать хотя бы краткий очерк о Феликсе Розинере и его замечательном романе возникло у меня, когда мне показалось, что я нашел ответы на эти вопросы. Но найти не значит смириться, ибо невыносимо печальными остаются как сами вопросы, так и ответы на них. Как ужасен факт скоропалильного забвения творческого достижения столь огромного масштаба, равно как и факт забвения творческого подвига нашего современника даже не через поколение, а сразу, немедленно, тут же... «не приходя в сознание». Как отвратительны плохо прикрытые фиговыми листками пресловутых «духовных скреп» попытки искусственного отторжения выдающегося писателя от русской литературы.

Один из персонажей романа Феликса Розинера говорит:

«Прекрасно в искусстве все, на чем нет мертвой заботы запечатлеть себя... Прекрасно в искусстве все, что не осознало себя... Прекрасно в искусстве все, что не ищет огласки».

Допускаю, что Феликс Яковлевич, подобно главному герою своего романа, так и думал, а вернее — именно так ощущал тайную связь между творцом и творением, но мы — те, кому, в конце концов, досталось творение, не имеем права забывать творца...

Через все перипетии эмигрантской жизни с ее многочисленными переездами и нелитературными заботами пронес я незаметный томик этой книги, за чтение и даже хранение которой в Советском Союзе начала 80-х годов, как говорится, сажали.

Не помню имени той женщины, которая принесла нам на квартиру в Ленинграде и оставила почитать стопку запрещенных книг — стихи Мандельштама и Цветаевой, «Реквием» Ахматовой, «Раковый корпус» и «Архипелаг Гулаг» Солженицына, «Доктор Живаго» Пастернака, «Некто Финкельмайер» Розинера, еще что-то...

¹ Научный работник в области теоретической радиотехники, писатель-публицист.

Шел 1982 год, советский режим впадал в старческий маразм в прямом и переносном смысле, но отнюдь не собирался разжимать бульдожьи челюсти — где-то через полгода ту женщину-диссидентку арестовали за «распространение антисоветской литературы». Об этом нам сообщил ее муж:

«Идет следствие, в изъятой записной книжке жены есть ваш телефон — срочно избавьтесь от книг».

Обложка первого
издания романа
«Некто Финкельмайер».
Overseas Publications Interchange
Ltd., London, 1981

певом: «Хоть какой-никакой, есть теперь у романа читатель!» Со временем ему все же удалось переправить «Финкельмайера» на Запад с моей помощью и с помощью американских корреспондентов, с которыми я познакомился, сидя в отказе».

Пересказывать содержание романа «Некто Финкельмайер» — дело пустое, бесмысленное. Роман этот не терпит банальности, он чурается простоты — той, которая хуже воровства, он сам по себе вызов тривиальности и «общепринятости» как по содержанию, так и по форме. Слова, наши обыденные слова, бессильны передать блеск словесной вязи романа Феликса Розинера, которому, подобно его герою в поэзии, удалось в прозе «...придать словам зыбкость, лишить их фиксированных значений, придать словам текучесть, а тексту подвижность». Таинственное библейское изречение «В начале было Слово...» напрямую относится к роману Розинера, ибо оно, розинерское Слово с большой буквы, с его темпом, динамикой, паузами и даже пропусками задает и ведет сюжет, формирует множественные импровизации и образы романа. Не угнаться нам за этим словом на пределе возможного...

И тем не менее, рискну высказать несколько мыслей о том, что поразило меня лично в романе едва ли не с первых страниц, поделиться впечатлениями чисто читательскими, без всяких претензий на литературоведческий анализ...

Пришло переслать «крамольную» литературу в надежное место, но томик «Некто Финкельмайер» остался, затерявшийся в огромной домашней библиотеке — уж очень неприметным и безобидным казался он на фоне многотомных изданий русской и мировой классики. На самом же деле только, может быть, «Архипелаг Гулаг» превосходил по «антисоветской зловредности» роман Феликса Розинера.

Роман был окончен в 1975 году, во времена самого что ни на есть ядовитого цветения брежневско-сусловского партийного руководства. Ни малейших надежд на его публикацию в СССР, конечно, не было, и вопрос заключался лишь в том как переслать рукопись за границу и тем самым сохранить ее для потомков. Складывалась ситуация, подобная той, в которую попал Василий Гроссман со своим романом «Жизнь и судьба» за десять с лишним лет до того, с тем лишь отличием, что у Гроссмана была хотя и наивная, но крошечная надежда на публикацию романа на родине во времена хрущевской оттепели, а у Розинера уже не было никаких иллюзий или надежд. Известный филолог и публицист Азарий Мессерер, близко знавший Феликса Розинера еще по Москве, рассказывает любопытную историю спасения романа:

«Феликс, инженер по образованию и человек незаурядно изобретательный, придумал хитрый план контрабандной пересылки своего первого романа на Запад. Он переснял весь роман и, как ему показалось, ловко запрягал кассеты с пленкой в багаже четырнадцатилетнего сына, когда тот в 1977 году улетал в Израиль с первой женой Феликса. Увы, бдительных советских таможенников провести не удалось — кассеты были конфискованы. Феликс расстроился, но ненадолго — он умел с юмором воспринимать неприятные события. А для разрядки от стресса сочинил песню о том, как его роман попал в лапы КГБ, с едко ироничным при-
певом: «Хоть какой-никакой, есть теперь у романа читатель!» Со временем ему все же удалось переправить «Финкельмайера» на Запад с моей помощью и с помощью американских корреспондентов, с которыми я познакомился, сидя в отказе».

Аарон-Хаим Финкельмайер

Роман «Некто Финкельмайер» производил на первых читателей ошеломляющее впечатление. Поэт и прозаик Лариса Миллер рассказывает:

«Я и мой муж были одни из первых, кому Феликс дал почитать рукопись — толстенную папку машинописных страниц. Это же всегда проблема, когда друзья делятся своим творчеством — а вдруг не понравится. И хорошо помню ту радость, которую мы испытали, прочитав самое начало. Я сразу же бросилась звонить Феликсу (к автомату, тогда, в 1975 году, у нас еще не было телефона), чтобы высказать свое восхищение. А потом я целый год возила эту рукопись по друзьям и знакомым...»

Вспоминаю, что при первом чтении романа «Некто Финкельмайер» меня особенно поразила его необычная по тем временам, стержневая тема: столкновение с реальной жизнью и страдания гениального поэта, вынужденного сочинять и публиковать свои произведения от имени другого человека.

Феномен творчества под чужим именем, вообще говоря, хорошо известен во всем мире. До сих пор некоторые литературоведы предполагают, что автор великих шекспировских драм и сонетов по каким-то причинам скрыл свое подлинное имя и приписал эти шедевры другому человеку. Абсолютно достоверных примеров из близких нам времен очень много. Румынский писатель Михаил Себастиан (Иосиф Гехтер), автор известной пьесы «Безымянная звезда», в годы Второй мировой войны издавал свои произведения под румынскими именами, т. к. евреям было запрещено публиковаться в фашистской Румынии. В СССР широко практиковалось подобного рода творчество, равно как и использование наемных анонимных авторов для написания «гениальных произведений» партийных вождей — тоталитаризм, партийно-государственная диктатура несомненно провоцируют и стимулируют разнообразные формы лжеавторства.

Феликс Розинер, по-видимому, впервые в русской литературе, доводит сюжет лжеавторства до чудовищного гротеска. В соответствии с партийными планами «строительства национальных культур», всем народам Советского Союза, в том числе не имеющим своей письменности малым народам Севера, предписано иметь национальных писателей и поэтов. Аарону-Хаиму Финкельмайеру, уже отличившемуся в качестве казенного поэта под псевдонимом А. Ефимов в армейской газете, предлагают писать стихи от имени тонгорского охотника Данилы Манакина под псевдонимом Айон Неприген. Аарон соглашается участвовать в мистификации в надежде подзаработать и заодно опубликовать свои стихи, у которых в противном случае нет решительно никаких шансов быть напечатанными. Сюжет этот масштабно развивается в совершенно гротескном варианте, напоминающем романы Франца Кафки, — реалистично вырисованные и хорошо узнаваемые детали советской жизни непринужденно вписываются в совершенно абсурдную в целом ситуацию. Малограмотный пьяница Манакин, благодаря невероятному успеху поэзии Финкельмайера, становится крупным чиновником в области управления культурой, известным поэтом, членом Союза советских писателей. Поверив в свою полную безнаказанность и правоту, он, в конце концов, присваивает себе произведения Финкельмайера, который, в свою очередь, даже и не собирается отстаивать авторство — *«прекрасно в искусстве все, что не ищет огласки»*. Эта стержневая линия романа завершается вполне кафкианской жуткой развязкой с блестяще прорисованными житейскими деталями на общем фоне огромного абсурдистского концлагеря где-то на далеком Севере.

Обозначив главным героем романа Аарона Финкельмайера, автор с первой же страницы вводит в повествование другую не менее важную фигуру — Леонида Никольского. Русский интеллигент, профессионал, умница, аристократ по духу, яркая личность с взрывным темпераментом, Никольский является движителем сюжета, в котором Финкельмайер — центральный субъект рассмотрения. Никольский талантлив во всем, кроме своей собственной жизни. Он признается, что

«никогда не умел... подумать о себе, что счастлив». Более того, уверен, «что окружающая его жизнь паскуально устроена — потому, помимо прочего, паскуально, что в ней просто-напросто не может выпасть тот единственный, нужный ему шанс, так как в этой сволочной жизни подобного шанса вовсе не существует...»

Внезапно Никольский увидел такой «единственный, нужный ему шанс» во встрече с поэзией Финкельмайера, и теперь их судьбы неразделимы. Поначалу представляется, что между Никольским и Финкельмайером неизбежен конфликт — конфликт двух самодостаточных личностей с противоположными

темпераментами, тем более что они влюблены в одну женщину, обаятельную ссылочную литовку Дануту (еще один колоритный образ в галерее выразительных и запоминающихся женских образов романа). Конфликта, однако, не происходит, а взаимное притяжение главных героев романа, напротив, усиливается. Это — притяжение двух частиц с противоположными зарядами, это — притяжение гения и таланта. Писатель Дмитрий Быков как-то высказал мысль о том, что нет ничего более противоположного, чем гений и талант. Действительно, гению противостоит не бездарность, которую он просто не замечает, ему противостоит талант, к которому гения, круглого сироту в этом мире, притягивает творческий заряд противоположного знака. С другой стороны, в мощном поле гения талант испытывает искушение приблизиться к своему наивысшему воплощению. Такие мысли приходят на ум при сопоставлении образов Никольского и Финкельмайера.

История судеб и взаимного притяжения Никольского и Финкельмайера вписана автором в обширную картину жизни кружка московских интеллигентов начала 1960-х годов. Время действия романа обозначено довольно четко: конец хрущевской оттепели, время демократических устремлений и надежд советской интеллигенции, получивших название движения «шестидесятников». Эти надежды были окончательно утрачены после знаменитого посещения Никитой Хрущевым выставки художников в декабре 1962 года. Лидер страны охаял работы художников-авангардистов словами «дермо», «говно», «мазня», а затем, сорвавшись на крик, приказал:

«Я вам говорю как Председатель Совета Министров: все это не нужно советскому народу. Запретить! Все запретить! Прекратить это безобразие! Я приказываю! И проследить за всем! И на радио, и на телевидении, и в печати всех поклонников этого выкорчевывать!»

Герои романа «Некто Финкельмайер» пытались спасти «это безобразие» — работы непризнанных властью художников, и они, естественно, попали под предписанное партийным вождем «выкорчевывание». Автор отнюдь не фокусирует внимание на противостоянии интеллигенции режиму, его герои едва ли не насильственно втягиваются в это противостояние карательными органами самого режима, которым приказано заниматься «выкорчевыванием». В романе абсолютно отсутствует прямая политическая борьба московских интеллигентов с режимом, которую, возможно, ожидают от шестидесятников современные читатели. Их встречи напоминают скорее некие богемные собрания наподобие вечеров петербургской творческой элиты начала XX века в Башне Вячеслава Ивáнова. Описанное в романе Прибежище — это оскверненная советской действительностью, искаженная до гротеска Башня, где роль лидера, вместо блистательного поэта-символиста Вячеслава Ивáнова, выполняет не менее блистательный лектор-эрudit Леопольд Михайлович, бывший официант ресторана «Националь». Феликс Розинер очень точно и выразительно описал постепенную эволюцию этих собраний и ту внутреннюю нравственную пружину, которая толкала людей участвовать в них:

«...забавы Прибежища становились от раза к разу серьезнее... в них появилось общее направление, и уж не развлекать, не развлекаться и “кадриться” или сюда, а шли уже, — не осознавая того разумом, а как будто одним слухом ушей своих и видением глаз, да еще самим свободным дыханием в свежем воздухе — или возвыситься, очиститься от скверны, которую слышали, наблюдали и частью которой были сами».

Как свидетель протестного движения в СССР 1960–70-х годов, могу добавить: в этом движении были и ненависть к власти, пытавшейся снова загнать народ в «реформированное» подобие сталинского концлагеря, и резкая полемика, и подпольное распространение так называемой «антисоветской литературы», которая была, на самом деле, просто нормальной хорошей литературой, и воистину героические публичные протесты против преступлений режима, и еще многое, без чего не бывает диссидентских движений в тоталитарном обществе. Однако Феликс Розинер тонко уловил главный мотив самой обширной, гуманистической составляющей этого движения — «очиститься от скверны, которую слышали, наблюдали и частью которой были сами». Да, это именно так и было — мы собирались в компаниях единомышленников, чтобы очиститься от скверны тошнотворных политзанятий и митингов, «ценных» указаний парткомов и райкомов, от скверны тупой пропаганды в средствах массовой информации и примитивного печатного советского агитпропа. Мы собирались, подобно героям романа Розинера, чтобы подышать свежим воздухом фантома свободы.

Ощущения российской интеллигенции времен конца 60-х и начала 70-х годов, обманутой миражем свободы и увидевшей явные признаки возвращения сталинщины, хорошо передает дневниковая запись Юрия Нагибина, сделанная в 1969-м:

«Я близок к умопомешательству от газетной вони, и почти плачу, случайно услышав радио или наткнувшись на гадкую рожу телевизора... Странно, но в глубине души я всегда был уверен, что мы обязательно вернёмся к этой блевотине. Даже в самые обнадёживающие времена я знал, что это мираж, обман, заблуждение, и мы с рыданием припадём к гниющему трупу. Какая тоска, какая скука! И как все охотно стремятся к прежнему отупению, низости, немоте. Лишь очень немногие были душевно готовы к достойной жизни, жизни разума и сердца; у большинства не было на это сил... Люди пугались даже прозрачной свободы, её слабой тени».

В Прибежище Феликса Розинера собирались люди, стремившиеся очиститься от скверны советского мракобесия, пытавшиеся духовно противостоять «отупению, низости, немоте». Писатель создал образы людей, «душевно готовых к достойной жизни, жизни разума и сердца». В их добрых и умных устремлениях, в которых, казалось бы, не было никакой угрозы всесильному государству, содержался, на самом деле, скрытый диссидентский заряд, подорвавший, в конце концов, режим тоталитарного насилия.

Эту скрытую, едва различимую на первых порах угрозу, несомненно, предвидели власть имущие — отсюда та упорная охота за, казалось бы, совершенно безобидной группой интеллигентов Прибежища, закончившаяся, как и следовало ожидать, арестом самого безобидного из всех безобидных — Аарона-Хайма Финкельмайера. Арест Финкельмайера и суд над ним, начиная с публикации грязного доноса в газете и кончая жестоким избиением сразу же после вынесения приговора, — всего более 60 страниц текста, — композиционная и художественная вершина романа Феликса Розинера.

Писатель, несомненно, был знаком с материалами судебных процессов над поэтом Бродским и писателями Синявским и Даниэлем, проходивших в Ленинграде и Москве в 1964–65 годах. Особенno сильное влияние на описание суда над Финкельмайером, вероятно, оказали записи судебных слушаний по делу Иосифа Бродского, опубликованные в Самиздате Фридой Вигдоровой под названием «Судилище». Здесь можно найти немало фактических совпадений, которые автор, судя по всему, намеренно подчеркивает, — начиная с таких деталей как публикация клеветнической статьи перед арестом и обвинение в тунеядстве, и кончая буквальным совпадением некоторых словесных формулировок подлинного процесса и вымыщенного Розинером судилища. Если я не ошибаюсь, Феликс Розинер впервые в русской литературе советских времен дал столь обширное художественное описание подобного судилища над совершенно беззащитной творческой личностью. Противостояние поэта и чудовищного, отлаженного до последнего винтика механизма государственного беззакония, торжество мракобесия, основанного на лжи и грубом насилии, — все это показано в романе с убедительностью и художественной мощью, превосходящими любые исторические, документальные свидетельства. Вспоминаю, какое огромное впечатление произвели на меня в свое время эти 60 страниц романа — словно сама скверна, частью которой, увы, мы сами были, безобразно выползла наружу...

При повторном чтении романа Феликса Розинера в более поздние времена меня не оставляли ассоциации с «Процессом» Франца Кафки. Доведенный до гротеска абсурд, нелепые обвинения или даже их отсутствие, предопределенность приговора и наказания, страх перед идолом государства — госстрах, бесовское торжество тупого насилия над личностью. Бесовщина сталинщины не исчезла, бесы власти, «вышедшие из человека», увы, не «вошли в свиней», как рассказывает Евангелие от Луки, а скорее, «вышедши из свиней, вошли в человека» и метят преступлениями последующую историю. Безобразные гримасы бесов власти видятся мне в суде над поэтом, описанном в романе Феликса Розинера.

Больной, голодный, измученный следствием, Финкельмайер словно в бреду, едва не теряя сознание, отстраненно участвует в процессе над самим собой, пытается говорить правду словами простыми, понятными окружающим. После оглашения приговора он впадает в транс, расплывчато видит сквозь туман уходящего сознания своих близких, слышит их молитвы и мольбы..., и сквозь всю эту мешанину лиц и звуков нисходят

к нему чудные поэтические строки... Как он далек от этого мира!.. Но конвойный скоро возвращает его к действительности:

«Старшина исступленно бил по рукам, — Арон, дико вскрикивая, хватался за дверцы, но старшина размахнулся, — ну, т-твою мать! — и сильно ударил под дых. Арон рухнул на пол».

Советское «правосудие» свершилось. Фемида с завязанными глазами не заметила, как перекосились ее весы. Как это все, простите за публицистический штамп, актуально! — темы и образы совершенных произведений литературы не устаревают, они, увы, бессмертны...

Еврейская тема звучит в романе мягко, приглушенно, чаще — отдаленно, лишь в редких случаях выдвигаясь на передний план и никогда не доминируя в его сюжетных коллизиях. Розинер отнюдь не педалирует эту тему, а, скорее, подает ее незначительной составляющей противостояния интеллигенции и власти, как некую своеобразную советскую приправу к этому противостоянию. В компании русских интеллигентов, к которой примыкает Финкельмайер, вообще не интересуются национальностью своих единомышленников. Здесь все понимают, но считают ниже своего достоинства реагировать на исходящие от режима антисемитские благоглупости.

Именно к такому заключению, по-видимому, придет современный читатель романа «Некто Финкельмайер». Однако те, кому довелось прочитать роман при Советской власти в Самиздате или Тамиздате, те, кому пришлось тайно листать эти страницы, приглушив настольную лампу, задвинув занавески на окне и заперев двери, те воспринимали это отнюдь не так просто... Уже само имя главного героя романа — Аарон-Хаим Менделевич Финкельмайер — было в те годы дерзким вызовом гнусной системе советского государственного антисемитизма, о котором все знали, что он есть, но обязаны были делать вид, что его нет. Образ гениального русского поэта с таким длинным еврейским именем — это было подобно террористическому акту в чинной гостиной советского социалистического реализма с его лицемерной «дружбой народов», это было подобно матерному ругательству в добропорядочном обществе...

Да, да — не удивляйтесь, юные читатели из XXI века, это было именно матерным ругательством. Писатель Юрий Нагибин, вспоминая те времена, говорил, что слово «жид» стало таким же заветным, как и другое трехбуквенное

«самое любимое слово русского народа»: «Два заветных трехбуквенных слова да боевой клич — родимое “...твою мать” — объединяют разбросанное по огромному пространству население...»

Поэт Иосиф Бродский, живший в СССР во времена Феликса Розинера, еще более определенно утверждал (цитирую по очерку Юрия Солодкина — Ю.О.):

«В печатном русском языке слово “еврей” встречалось так же редко, как “пресуществление” или “агорофбия”. Вообще, по своему статусу оно близко к матерному слову или названию венерической болезни».

Собственно говоря, бывшие советские люди старшего поколения хорошо помнят — все избегали произносить слово «еврей». Это слово в приватных разговорах подчас заменяли на «француз»: «Он из французов?» — спрашивали о человеке с еврейской внешностью, и все всё понимали.

Феликс Розинер, насколько я помню, первым нарушил эту языковую традицию, присвоив своему главному герою имя, отчество и фамилию, имевшие в советской языковой практике статус, близкий к матерно-венерическому. Даже Василий Гроссман, впервые в советской литературе мощно поднявший тему совгосантисемитизма, не решился на подобное — он назвал одного из главных героев романа «Жизнь и судьба», гениального физика еврейского происхождения, достаточно нейтрально — Виктор Павлович Штрум. Феликс Розинер решился! Он писал в стиле кафкианского абсурдизма, и он решился...

Писательница Людмила Штерн в очерке о еврействе Иосифа Бродского заметила: «Только евреи знают, как “неуютно” было быть евреем в Советском Союзе». Неуютность эту герой Феликса Розинера познал сполна — со сталинских времен в коммунальном доме-сарае на окраине Москвы до времен брежневских в сибирском ссыльном лагере. Неуютность эта не раз оборачивалась тяжелыми ударами, которые, однако, Финкельмайер задним числом излагает с мягким юмором — для него советский госантисемитизм есть нечто вроде

своеобычного природного явления, подобного промозглой дождливой погоде, явления, которое следует воспринимать как неизбежную данность, а не злой людской умысел. Директор школы, милейший Сидор Николаевич, лишает его Золотой медали по причине указания из Районо, что мол, «три золотых у Штерна, Певзнера и этого... как там?.. Финкельмайера...», и «мы столько пропустить не можем, одного снимаем». Затем Финкельмайера не принимают в МВТУ, поставив ему тройку за незаурядное сочинение по «Евгению Онегину», которого он знал наизусть от первой до последней строчки. Какие известные до боли ситуации, какой «знакомый до слез» выверенный событийный ряд!

Служба Финкельмайера в советской армии, с многочисленными приключениями из-за его «еврейской рожи», описана в романе с сатирическим блеском на уровне «Приключений бравого солдата Швейка» или «Жизни и необыкновенных приключений солдата Ивана Чонкина». Приключения солдата Аарона-Хaima Финкельмайера, прославившегося сочинением военного марша «Знамя полковое» и популярных броских, ловко рифмованных лозунгов для солдатских сортиров, завершаются блестящей сатирической сценой в издательстве военной литературы! Сотрудников издательства предупредили, что «А. Ефимов» — псевдоним автора, но это ничуть не уменьшило «силу удара, который испытали редакторы, увидев» его самого:

«Они согласились бы, чтобы у автора оказалась любая невозможнейшая внешность — хоть одноглазого пирата с кинжалом за поясом, хоть бармалея или старца в чалме, но такого длинноносого верзилу — еврея... Пусть бы за псевдонимом А. Ефимов стоял тысяча первый Иванов; пусть какой-нибудь неблагозвучный Говнюков; пусть бывший граф Толстой или пусть советским военным поэтом стал последний из князей Болдыревых; но военный поэт — Шапиро? Эпштейн? Рубинштейн?...»

— Как у вас настоящая фамилия будет?..

— Рядовой Финкельмайер, товарищ майор!

Наступившая тишина была столь длительной, что девочка-секретарша, соскучившись, начала редко-редко стукать по клавишам машинки».

Когда роман «Некто Финкельмайер» был наконец опубликован, в официальной гостиной советской литературы наступила очень длительная тишина, прерываемая отнюдь не постукиванием девочки-секретарши по клавишам машинки, а зубовым скрежетом тех, кто когда-то мог одним мановением мизинца отлучить от литературы и задвинуть в темный угол забвения всех этих финкельмайеров...

Я привык с некоторой опаской ждать финала произведения, которое мне поначалу понравилось. Многие неплохие романы начинаются с великолепной завязки, быстро набирают драматические обороты, но затем... теряют темп, обрывают мелодию и завершаются невыразительным, скучным финалом, оставляющим читателя в недоумении — а зачем это вообще надо было читать. Роман «Некто Финкельмайер» развивается по нарастающей, держит читателя в напряжении до последней страницы, ни на йоту не теряет набранной высоты. Читатель нетерпеливо ждет развязки, едва сдерживаясь, чтобы не заглянуть в конец, он понимает — так просто, тихо и мирно эта история завершиться не может. И действительно, в сюжете наступает крещендо — страшная, нелепая, но вполне предопределенная гибель главных героев. Поэт умирает от мстительного выстрела Охотника, вознесенного Поэтом на вершину чиновничьей карьеры и литературной славы. Убитый Поэттонет в далекой сибирской реке накануне своего освобождения, и его мечта о возрождении и маленьком кусочке счастья с любимой женщиной тонет вместе с ним в мерзлой воде — нет Поэту места в этом мире зла, и никогда не удастся ему вписаться в эту бесчеловечную систему, как бы он ни старался подладиться под нее. Пьяный в хлам, счастливый Охотник замерзает под вой сибирской пурги, превращается в снежный холм вместе со своими мечтами о возвращении в естественное состояние простого охотника за пушниной. Вознесенный поначалу на партийно-литературный Олимп, а затем грубо сброшенный с него, он «отомстил» Поэту, но и ему, Охотнику, нет места в этом мире, и ему тоже не удалось вписаться в эту чудовищную систему, несмотря на все старания подладиться под нее...

Вслед за крещендо финала следует раздумчивый и неспешный эпилог со своим мощным пророческим завершением: постаревший интеллигент и тонкий знаток поэзии Леонид Никольский «в подвале стоит в длинной очереди за водкой; а высоко на восьмом этаже в его комнате» сын погибшего в советской ссылке

Аарона-Хайма Финкельмайера читает неопубликованные стихи своего гениального отца. Юный Финкельмайер твердо решил уехать в Америку —

«Я... здесь жить не буду... Я не привык, понимаете? И знаю, что не привыкну. Тем более, теперь ведь все равно нет никого — ни матери и ни отца...»

Таков финал этого творения Феликса Розинера — романа о жизни и судьбе интеллигенции в тоталитарном обществе...

«Обременительный» талант

В посвящении к первому изданию романа «Некто Финкельмайер» 1981-го года автор писал:

«Говорят, что, создав своего героя, автор поневоле повторяет выдуманную им судьбу. Так ли это или нет, но однажды будто кто-то подтолкнул меня: я сделал шаг, за которым стояла эта судьба. До сих пор не знаю, что спасло меня тогда. Но я знаю тех — и их много, близких моих друзей, и друзей мне мало знакомых, — кто спасали роман от почти неминуемой гибели».

История спасения романа известна, а автора, смеем предположить, спасла от непредсказуемых репрессий эмиграция в 1978 году в Израиль еще до публикации романа на Западе. Тем не менее, Феликс Розинер, как это видно из посвящения, несомненно ощущал бремя судьбы выдуманного им Аарона Финкельмайера — в этом мире личности столь мощного, «обременительного» таланта редко награждаются безоблачным благополучием.

Феликс Розинер прожил в Израиле до 1985 года, затем переехал в Бостон, США, где скончался в 1997 году в возрасте 60 лет. Мне удалось поговорить о писателе с людьми, близко знавшими его по Москве, Тель-Авиву и Бостону. Их бесценные воспоминания создают портрет этого выдающегося человека, а некоторые штрихи к портрету писателя имеют прямое отношение к теме данного очерка.

Азарий Месссерер описывает Феликса Розинера как универсальную творческую личность наподобие титанов эпохи Возрождения:

«С Феликсом мы дружили в течение многих лет. Это был человек самых разнообразных талантов: прекрасный инженер, тонкий музыкант и музыковед, написавший книги о Григге, Прокофьеве и Файере, бард, сочинивший много прекрасных песен, поэт, опубликовавший несколько сборников стихов, и, конечно, выдающийся писатель. Он также прекрасно разбирался в живописи и написал несколько книг о Чюрленисе...»

Известно, что Феликс играл на скрипке, но немногие помнят удивительный факт — он сам изготовил себе скрипку, прочитав книги о знаменитых скрипичных мастерах и об их секретах в изготовлении инструментов. Феликс и дня не мог прожить без музыки. Он прекрасно знал не только классиков, но и современных композиторов, особенно Альфреда Шнитке, с которым дружил. Феликс обожал романсы и хорошо пел их своим красивым баритоном...»

В последние годы — а умер он очень рано, долгое время страдал от лимфомы — Феликс писал многотомную «Энциклопедию Советской цивилизации» о реалиях ушедшей советской жизни, включавшую словарь советских терминов, статьи о культуре, идеологии холодной войны и многое другое. Главы печатались в «Новом русском слове»... Феликс закончил эту работу, но не успел ее издать...

Сейчас этот труд был бы очень актуальным».

Раиса Сильвер знала Феликса и его семью еще по Москве 60-х годов — во времена действия будущего романа «Некто Финкельмайер» и за десять лет до его написания. Она вспоминает:

«Я познакомилась с Феликсом в начале 60-х в московском литеобъединении “Знамя строителей”. Это был замечательный клуб, где собирались интеллигентные ребята, а руководил нами известный поэт Эдмунд Иодковский. Потом из клуба вышло немало известных писателей и поэтов, но тогда выделялись несколько человек, аристократия — среди них, конечно, Розинер. Феликс был приятным, немножко насмешливым и весьма ироничным в разговоре молодым человеком лет двадцати пяти.

Как-то мы вышли из клуба вместе — выяснилось, что живем мы буквально в соседних домах на далекой окраине Москвы в поселке ЗИЛ. В этом рабочем поселке наши семьи были едва ли не единственными евреями. Поселок тогда застраивался унылыми пятиэтажками. В одной из них, в двухкомнатной квартирке жил Феликс с женой Людмилой и маленьkim сыном Володей.

Феликс и Людмила окончили Московский полиграфический институт и работали инженерами. Жили они скромно, пожалуй, даже скучно, как и все инженеры тех времен — нищенская зарплата, шестидневная рабочая неделя, поездки на работу в переполненных трамваях и автобусах, домашние заботы... Я бывала у них, иногда мы вместе справляли праздники, дни рождения. В доме Феликса собирались интересные люди — вероятно, это был прообраз Прибежища, описанного в “Финкельмайере”. Наверное, некоторые из частных посетителей дома Розинеров послужили прообразом персонажей будущего романа. Феликс был легок на подъем, любил путешествовать, узнавать что-то новое. Я общалась с Феликсом в Москве вплоть до его ухода из семьи и переезда ко второй жене — Татьяне. С Людмилой мы потом встречались в Израиле, но это, как говорят, уже совсем другая история...»

Лариса Миллер познакомилась с Феликсом Розинером, как и Раиса Сильвер, в литобъединении при многостражке «Знамя Строителя», которое собиралось на Сретенке в Даевом переулке:

«Однажды на литобъединении появился ироничный, остроумный и доброжелательный молодой человек. Он всегда впадал и совершенно беззлобно комментировал происходящее, а когда смеялся, снимал очки и вытирая слезы. “Можно мне показать Вам мои стихи?” — спросила я, подойдя к нему впервые. “Да, конечно, — с готовностью отозвался он, — приезжайте в воскресенье”. “А можно приехать с мужем?” Молодой человек засмеялся: “Приезжайте с кем хотите”. Так началась моя дружба с Феликсом Розинером, поэтом, прозаиком, музыковедом. Тогда в 64-м он работал инженером в Акустическом институте и писал стихи. Его манера была совершенно иной, чем у меня. Менее традиционной, более необычной или, как принято говорить, новаторской. Феликс обладал замечательным свойством внимательно и заинтересованно слушать чужие стихи, думать над ними, говорить о них. Благодаря ему, я перестала слишком уплотнять строку, в стихах появился воздух. Феликс читал все, что я писала. Лишь одобренные им строки получали право считаться стихами. Он являлся как бы моим ОТК. “Казнит или милует?” — гадала я, оправляясь к нему с очередной порцией стихов. И если “миловал”, летела домой на крыльях, а если “казнил”, то еле ползла. Так и жила, раскачиваясь на гигантских качелях “между жизнью лучшей самой и совсем невыносимой”».

Людмила Левит, первая жена писателя, живущая ныне в Реховоте в Израиле, рассказывает о временах вызревания и создания романа «Некто Финкельмайер»:

«Почти все 60-е годы — с 1962-го, когда родился Володя, и до 1969-го, когда мы с Феликсом расстались, — мы жили на окраине Москвы, которая тогда называлась “поселок ЗИЛ”. К этому времени относится основное действие романа, но тогда его замысла еще не было, хотя, наверное, в голове Феликса накапливался нужный материал, ведь у нас в квартире часто собирались очень интересные люди — наши друзья. Думаю, однако, что прообразом Прибежища являются, скорее, не сборища у нас дома, а регулярные встречи молодых еще не печатавшихся поэтов у Бориса Николаевича Симолина на Арбате. Борис Николаевич был искусствоведом, преподавал не только в ГИТИСе, но и в театральных училищах — Щукинском и МХАТа. Онказал на Феликса очень сильное влияние, а герой романа Леопольд Михайлович — точный портрет Бориса Николаевича. Где-то в 1973–74 годах мне довелось быть кем-то вроде издательского корректора романа «Некто Финкельмайер»: Феликс передавал мне машинописную рукопись, а я со всем тщанием выискивала опинки, знаки препинания и т. п.

Мы с Феликсом всегда, и в Москве после его ухода, и здесь в Израиле, поддерживали добрые, дружеские отношения, сохранившиеся после того, как ушли другие, и мы старались, чтобы у сына всегда оставались и мать, и отец».

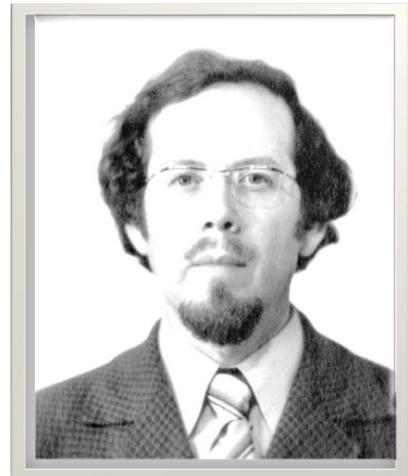
Илан (Владимир) Розинер, сын писателя, служил офицером в Армии обороны Израиля, а ныне живет в Тель-Авиве и работает научным сотрудником Бар-Иланского университета в области социальной психологии. Сведения о жизни Феликса Розинера в Израиле я почерпнул, в основном, из его рассказов. Феликс работал в Израиле главным редактором русскоязычного издательства религиозной литературы, сочинял и издавал стихи и рассказы, вместе с сыном подготовил и опубликовал Иврит-русский разговорник. Там же он написал одну из знаковых работ — художественно-документальное исследование о семи поколениях своей семьи под названием «Серебряная цепочка». Марина Хазанова позднее, уже в бостонский период, вспоминала: «Почти все наши... разговоры с Феликсом сворачивают к “Серебряной цепочке” — писатель присваивал этой работе и ее теме концептуальный статус».

Феликс с женой жили в пригороде Тель-Авива, были материально обустроены. Тем не менее, далеко не всё в Израиле нравилось Феликсу Розинеру, о чем определенно указывает в своих воспоминаниях Азарий Месссерер. Это, а еще более — отъезд Розинеров в США, породили такую точку зрения, что мол Розинер со своим масштабом просто «не вписался в израильскую жизнь». Вероятно, в этом есть доля истины, но Илан не вполне согласен с таким мнением:

«Отец воспринимал видные ему недостатки израильской действительности без всякого надрыва или трагизма. Он считал своей главной целью — уехать из СССР, избавиться от тирании, и поэтому искренне ценил, что Израиль дал ему такую возможность. Более того, он здесь был счастлив, обретя наконец-то свободу. Переезд отца в США был вызван совсем другими причинами, главная из них — это, конечно, болезнь, которая хотя и была остановлена в 1985 году, но могла проявить себя снова в любой момент. Врачи рекомендовали ему сменить климат и пройти в Америке курс профилактики, которого тогда еще не было в Израиле. Конечно, обещанная работа в Гарварде тоже сыграла роль...»

Размышления Илана Розинера подкрепляются сохранившимися свидетельствами активной поддержки Феликсом Розинером репатриации советских евреев в Израиль. Азарий Месссерер вспоминает:

«В Москве конца 70-х годов среди евреев прошел слух о “железном Феликсе”. Дело в том, что Феликс Розинер из Израиля помогал очень многим. По моим просьбам он прислал добрый десяток вызовов. Когда ко

Феликс Розинер во времена
сочинения романа
«Некто Финкельмайер»

мне приходили люди, решившие эмигрировать, я, записывая их данные, обычно говорил: “Не беспокойтесь, Вами займется мой друг Феликс, которого мы называем “железным”, потому что он никогда не подводит”. В самом деле, Феликс был человеком в высшей степени надежным. К тому же он считал для себя честью помогать людям, оказавшимся в тяжелом положении, в частности, отказникам. Несколько моих приятелей в Америке и в Израиле обязаны ему своей благополучной эмиграцией. Примечательно, что все они устроились работать по специальности. “Вам повезло еще и потому, что у Феликса легкая рука” — говорил я им, узнав об очередной удаче».

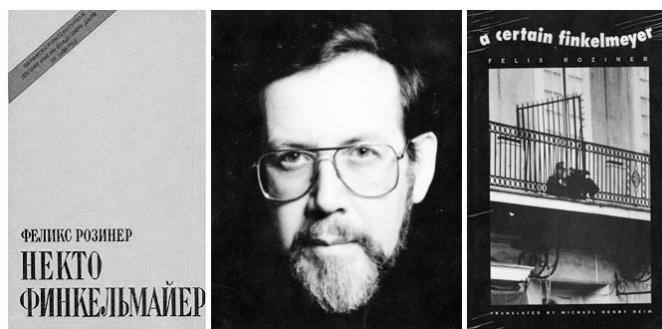
Последние годы жизни писателя в Бостоне омрачались рецидивами тяжелой болезни, но до последнего момента он не позволял болезни подавлять свое непреклонное творческое движение — только вперед и выше.

Лиза Шукель (Синофф), близкий друг и соседка Феликса Розинера по двухсемейному дому в бостонском пригороде Ньютоне, рассказывает, что в Бостоне Феликс одно время читал лекции по русской культуре на Русском отделении Бостонского университета. Он также сотрудничал с Русским отделением Гарвардского университета, где его очень ценили, но он не стремился стать штатным сотрудником и никогда им не был. Феликс отличался, по ее воспоминаниям, аккуратностью и даже педантичностью во всем, что касалось его литературной работы — незадолго до смерти он тщательно упаковал свои материалы и их электронные копии в картонные коробки с намерением сдать их в архив Русского отделения Массачусетского университета в городе Амхерст. Илан Розинер подтвердил, что материалы Феликса Розинера хранятся в упомянутом архиве, их профессионально обработал штат архива во главе с проф. Стэнли Рабиновичем, хорошо знавшим писателя.

Я спросил у Лизы, тесно общавшейся с Феликсом в последние 11 лет его жизни, был ли он похож на своего героя Адона Финкельмайера?

«Нет, он скорее походил на Леонида Никольского по своему характеру и отношению к жизни. Как и Никольский, Феликс был большим жизнелюбом с эдакой хулиганской жилкой, он не боялся нарушать правила, если они мешали ему. С другой стороны, по взглядам на искусство, по представлениям о связи автора со своим творением, он приближался к Финкельмайеру и, особенно, — к философии наставника Финкельмайера Леопольда Михайловича. Так что, можно сказать, Феликс был личностью, сочетавшей в себе и Никольского и Финкельмайера....»

Вообще же, он был человеком необыкновенным... В нем удивительным образом совмещались общительность и застенчивость, в компаниях он отнюдь не старался выделяться, но, тем не менее, притягивал к себе общее внимание. Его интерес ко всему в жизни был непомерным. Уже тяжело больным, Феликс поехал со мной в путешествие по Испании — перед смертью он хотел увидеть все... Он говорил мне: “Я не боюсь смерти, я был в Москве — теперь меня там нет, я был в Израиле — теперь меня там тоже нет, я был в Бостоне — меня и там не будет...”»

Издания романа «Некто Финкельмайер»: российское 1991 года, американское 1995 года

Марина Хазанова написала трогательно теплый очерк о встречах с Феликсом. Вот пронзительные строки из этого очерка, посвященные последним творческим усилиям смертельно больного писателя:

«В середине лета 96-го Феликс попросил меня организовать в Бостонском университете литературно-музыкальный вечер, посвященный его шестидесятилетию. Я не спрашивала ничего, только подумала: “Господи!.. Опять поэт будет говорить нам свое последнее прости”. Я сказала: “Да”, повесила трубку и заплакала. Другой раз мы говорили о сроках. Я думала о ноябре-декабре, Феликс спокойно возразил: “Будет поздно. Надо пораньше”. Всю программу вечера Феликс подготовил сам... попросил меня вести вечер, строго предупредив: “Никаких славословий в мой адрес...”»

Марина внезапно прерывает свой рассказ о последних месяцах жизни Феликса, словно не в состоянии сдержать свои эмоции:

«У Феликса получалось в жизни всё, что он задумал. Его любили читатели, любили женщины, любили старики. Каждый за свое, но чаще всего все за одно и то же: за талант, за деликатность».

Писатель скончался примерно через полгода после своего юбилейного вечера в Бостонском университете. Была весна 1997 года, жена Феликса Татьяна и его сын Илан неотлучно находились с ним в одной из бостонских больниц вплоть до конца... Илан вспоминает:

«Отец чувствовал себя плохо, был очень слаб, но и за несколько дней до смерти, зная, что они — последние, не терял самообладания и присущего ему ироничного и в то же время доблого отношения к происходящему. В эти дни он продолжал работать на своем ноутбуке. Двенадцать лет он жил под знаком конкретной возможности быстрой смерти (рак возвращался семь раз), но никак не давал этому определять свою жизнь до последнего момента».

Феликс Розинер похоронен на старинном кладбище Mount Auburn в Кэмбридже в роскошном парке, на высоком холме, с которого открывается вид на озеро. На этом же кладбище среди многих знаменитых американцев похоронен великий поэт Генри Лонгфелло...

Excelsior

Вот такой удивительный, людскому воображению недоступный виток истории мировой литературы: американский поэт Генри Вудсворт Лонгфелло английского происхождения — прямой потомок пилигримов, прибывших в эти края на паруснике «Мэйфлауэр», и русский писатель Феликс Яковлевич Розинер еврейского происхождения — прямой потомок знаменитого средневекового раввинского рода из итальянской Падуи, закончили свою земную жизнь здесь, на кладбище в Кэмбридже... Два человека — такие непохожие, две судьбы — такие разные, два гения — как всегда уникальные и неповторимые, но одинаково непостижимые для окружающего мира. Оба они шли «навстречу туманному будущему без страха, с мужественным сердцем», а когда пришел час каждого,

Рука сжимала сия, застыл,
И том же был на нем призыв:
Excelsior!

Другой не менее удивительный виток во времени и пространстве нарисовала то ли слепая историческая судьба, то ли рука самого Пророков — это путь Феликса Розинера от предков к потомкам.

Азарий Месссерер рассказал потрясающую, окутанную легендами, историю предков семьи Розинеров, достойную шекспировских драм. Эта история основана на изысканиях Азария, а также на кропотливом исследовании исторических документов и семейных архивов, выполненных сыном Феликса Розинера Иланом. Я привожу здесь лишь ее краткую хроникальную канву с некоторыми моими собственными добавлениями.

Глядываясь в бездонный колодец прошлого еврейского народа, можно предположить, что далекие предки Розинера были изгнаны со своей родины еще римлянами, разрушившими Иерусалимский Храм. В средневековые предки Розинеров оказались в немецком городе Katzenelnbogen в прирейнской области, где располагалась значительная ашkenазийская община; отсюда и пошла первая родовая фамилия их предков — Каценелинбоген. Согласно «Еврейской энциклопедии», король Людовик Баварский разрешил евреям селиться в Каценелинбогене в 1330 году. Однако разразившиеся вскоре жесточайшие преследования, связанные отчасти с эпидемией чумы в Европе, вынудили их мигрировать на восток и юг. В конце XV века мы застаем носителя фамилии Каценелинбоген в итальянской Падуе — им был Меир бен Ицхак Каценелинбоген

(1482–1562), знаменитый талмудист, главный раввин и руководитель ешивы этого города и по совместительству раввин Венеции, вошедший в историю под именем Меир из Падуи. Сын Меира Самуэль Каценелинбойген стал наследником раввинской должности в Падуе. Самуэль был уважаемым в Италии раввином и меценатом, которого среди прочих знаменитостей посещал литовский князь Николай Радзивилл. Впоследствии Радзивилл сделал своим советником сына рабби Самуэля — Саула Каценелинбойгена, учившегося в Брест-Литовском университете.

Саул Каценелинбойген, вошедший в историю под именем Саул (Шауль) Валь (1541–1617), был крупным общественным деятелем Речи Посполитой и даже кратковременно исполнял обязанности польского короля. Потомки Саула Валя имеют прямое отношение к родословной семьи Розинеров: Илан Розинер доказал, что его далеким предком из XVI века является дочь Саула Валя — Хенеле Каценелинбойген, вышедшая замуж за Эфраима Шура, сына раввина Шломо Элиезера Шура, бывшего главой знаменитой Брест-Литовской ешивы.

Со времен Эфраима и Хенеле карета предков семьи Розинеров покатилась по ухабам истории восточноевропейского еврейства. Через полтора столетия после смерти их знаменитого предка Саула Валя предки Розинеров стали подданными Российской империи — жителями черты европейской оседлости. В феврале 1917-го года они были уравнены в правах со всеми другими народами России, а после октября 1917-го стали гражданами СССР, столь же бесправными, как и все другие народы советской империи. В книге «Серебряная цепочка» Феликс Розинер рассказывает о нескольких поколениях своей семьи, от раввинов до коммунистов, прошедших все мыслимые и немыслимые испытания: отъезд в Палестину и возвращение в СССР, аресты, антисемитизм, антисионизм, несвобода, и как финал — возвращение на Родину своих предков в Израиль, где ныне живут сын, внук,孙女 and правнучка писателя.

Вот такова эта удивительная семейная Одиссея — невероятный спиралевидный виток истории, странствие одной семьи в координатах времени и пространства, покинувшей Иерусалим более двух тысяч лет тому назад и вернувшейся к нему по гигантской криволинейной дуге на пространствах двух земных континентов.

Среди произведений художественной прозы XX века, посвященных судьбе итэллигенции в тоталитарном обществе, очень немногие дотягивают до уровня романа «Некто Финкельмайер». Это мое личное мнение входит в противоречие с тем фактом, что роман, на самом деле, мало известен «широкой читательской аудитории» и в России и на Западе — он никогда не был бестселлером подобно, например, роману Артура Кёстлера «Слепящая тьма». Впрочем, ссылка на «широкую читательскую аудиторию» вряд ли доказательна — такого уровня литература всегда была уделом достаточно узкого круга читателей во всех странах, а «широкий круг», как правило, узнавал о подобной литературе из кинофильмов. Почему роман «Некто Финкельмайер» — готовый блестящий сценарий психологической драмы-триллера — не экранизировали, пусть объясняют профессиональные искусствоведы и кинокритики.

Семья Феликса Розинера в Израиле

Стоят: в центре сын писателя Илан; вторая слева — внучка Наталья; третий справа — внук Эяль.

Сидят: слева — первая жена писателя Людмила, в центре — правнучка Айри

Что касается Запада, то его вялую реакцию подчас объясняют сравнительно благополучной судьбой автора — вот, мол, если бы Феликса Розинера самого посадили, как Иосифа Бродского, или затравили на смерть, как Бориса Пастернака, или расстреляли, как Исаака Бабеля, или хотя бы выслали из страны, как Александра Солженицына, вот тогда бы... Что же, возможно, и такое объяснение имеет право на жизнь, хотя, оно отнюдь не украшает западных интеллектуалов.

В России роман напечатали через 15 лет после его написания, и то только потому, что тоталитарный режим рухнул, а затем... постарались побыстрее его забыть и, по мере возможности, не вспоминать, в чем, конечно, нет ничего удивительного, учитывая двухвековую российскую традицию вымарывания всего лучшего из своей собственной литературы. Другое дело — упорное замалчивание романа в российском литературоведении, преднамеренное, на мой взгляд, отторжение этого выдающегося произведения.

Некто Розинер, как и «Некто Финкельмайер», не занял еще своего заслуженно высокого места в русской классической литературе. Среди причин этого есть и такие, что лежат на поверхности, и я даже не хочу утомлять умудренного опытом читателя пересказыванием известных банальностей о литературной судьбе подобных личностей в советском и российском литературном пространстве, однако, со всей возможной мягкостью и политкорректностью намекну — в России и власть имущие, и их околовалютная обслуга не очень любят персонажей с подобными фамилиями, а насилию мил не будешь!

Есть, тем не менее, и в России, и на Западе, немало самостоятельно мыслящих интеллигентов, интеллектуалов высочайшего калибра, людей, «душевно готовых к достойной жизни, жизни разума и сердца». К ним и обращены наши размышления о писателе Феликсе Розинере, к тем, для кого он создавал свой выдающийся роман, к тем, кому понятно и близко жизненное кредо писателя — быть в постоянном поиске, идти непреклонно вперед, всегда только выше и выше — *Excelsior!*

Феликс Розинер, «Некто Финкельмайер», Overseas Publications Interchange, London, 1981.

Феликс Розинер, «Некто Финкельмайер», изд-во «Терра», Москва, 1990.

Felix Roziner, “A Certain Finkelmeyer”, Translated from Russian by Michael H. Heim, 1995.

Феликс Розинер, Избранное: роман «Ахилл бегущий», повести «Лиловый дым», «Адамов ноготь», «Медведь Великий» и рассказы, изд-во «Терра», Москва, 1996.

Феликс Розинер, «Искусство Чюрлениса», Изд-во «Терра», Москва, 1993.

Феликс Розинер, «Весенние мужские игры — повести и рассказы», изд-во «Hermitage», USA, 1984.

Феликс Розинер, «Серебряная цепочка: семь поколений одной семьи», «Алия», Иерусалим, 1983.

Феликс Розинер, «Токката Жизни: Сергей Прокофьев», «Молодая гвардия», Москва, 1978.

Феликс Розинер, «Сага об Эдварде Григе», «Молодая гвардия», Москва, 1972.

Феликс Розинер, «Архив писем и рукописей Феликса Розинера — Collection of the Felix Roziner Papers, 1960s-1990s», Amherst Center for Russian Culture, Amherst, MA, USA:

<https://www.amherst.edu/system/files/media/1942/Roziner%252520Finding%252520aid.pdf>

Азарий Мессерер, «Король на день и его потомки», журнал «Чайка», июль 2013.

Лариса Миллер, «Домашний адрес», в книге «Стихи и проза», изд-во «Терра», 1992.

Юрий Нагибин, «Дневник», изд-во Рипол Классик, 2009.

Юрий Окунев, «По дороге в XXI век», изд-во “M-Graphics”, Boston, 2012.

Раиса Сильвер, «Ношу в себе я радость», Mir Collection, New York, 2014.

Юрий Солодкин, «Его божеством было Слово», журнал «Время и место», № 2, 2014.

Марина Хазанова, «Феликс Розинер», в книге «Бостон — город и люди», “M-Graphics”, Boston, 2012.

Людмила Штерн, «Проблемы пятого пункта», в книге «Бостон — город и люди», Boston, 2012.

Брокгауз и Ефрон «Еврейская Энциклопедия», тома V, IX, Санкт-Петербург, 1906–1913.

Yuri Okunev, “The Axis of World History”, Xlibris Corp., Philadelphia, USA, 2008.

Frida Vigdorova, “The Trial of Joseph Brodsky”, New England Review (NER), Vol. 34, ## 3–4, 2014.

Рафаил Нудельман¹

О романах Меира Шалева — русском и библейском

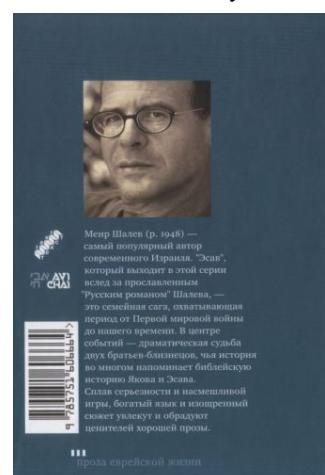
Русскому читателю о «Русском романе»

«Русский роман» — первая «взрослая» книга самого популярного израильского писателя Меира Шалева. Она написана еще в 1985 году, но такова уж судьба — приходит она к русскому читателю едва ли не последней по счету, после уже переведенных «Эсава» (1991), «Нескольких дней» (1994) и «В доме своем в пустыне» (1998). Немудрено. Это, вероятно, самый сложный и многоплановый роман Шалева и самый трудный для восприятия неизраильского читателя. Эта книга рассказывает в основном о Палестине начала XX века, так что события, в ней описанные, отделены от такого читателя не только географией, но и историей, не только пространством, но и временем. Но еще большую сложность представляет то, что и описанные в ней люди знакомы русскому читателю в лучшем случае понаслышке. Сага трех поколений, а именно такой сагой является «Русский роман», начинается с истории группы молодых евреев, покинувших Россию незадолго до Первой мировой войны, чтобы отправиться в Палестину возрождать свою историческую родину и себя самих, свой народ, — и тут-то начинаются сложности.

Вообразите себе прощание на вокзале: вы расстаитесь с молодыми людьми, которые навсегда уезжают на Чукотку. Безумие, конечно, но им вздумалось поднять этот необжитый, дикий, суровый край. Третий звонок, поезд трогается, еще видны в окнах юные веселые лица — и для вас опускается занавес. Он опускается на долго: война, революция, беспощадные тридцатые, еще одна война — «сороковые роковые», холодная война... Вы уж и думать забыли о чудаках, пропавших где-то в ледяной дали, разве что старики порой вспомнятся: «А как там эти... на своей Чукотке? Хе-хе-хе...»

Потом занавес поднимается снова, и вы вдруг узнаете, вы слышите, вы видите на своих экранах, что на Чукотке происходит что-то неслыханное. Сверкает электричество, шумят города, мчатся электрички, ревут потоки машин, колышутся злаки, гремят симфонические оркестры, печатают шаг дивизии и, сотрясая асфальт, ползут по площади атомные ракеты. Вы подозреваете, что вас обманывают. Вы твердо знаете, что тогда, в поезде, чудаков были считанные десятки. Но вам кладут на стол книгу и говорят: «Вот. Эта книга рассказывает о том, что произошло с теми чудаками. Они выжили, они добились. Из этой книги вы все узнаете». Вы заинтересованы. Вы открываете книгу, читаете, перелистываете. И тут происходит самое неприятное — не только для вас, но и для самой книги: вам — непонятно. Герои отделены от вас иначе прожитой жизнью, они богаты иным жизненным опытом. У них иные реалии и иные мифы. Свидание — почти через сто лет — состоялось, но встретившиеся уже не понимают друг друга.

Вам непонятно, что это у них там за «Движение» такое, о котором они столько раз упоминают? Какие «идеологические страсти» терзают их и разводят по разные стороны баррикад? Что это за страна, где бродят гиены, люди зачем-то годами тайком собирают оружие в отстойных ямах и дети в четыре года читают доклады на каких-то партийных конференциях? Кто они такие, все эти их «пионеры», «мошавники», «стражи», «харедим», «предатели-капиталисты», «Вторая алия», «Третья алия», «ашкеназим», «марокканцы»? Вы напрягаетесь понять, вы взываете к автору, но увы — автор вам не помогает, кажется, даже не хочет помочь, он, похоже, немного посмеивается над вашими заботами, потому что у него свои заботы, своя, писательская, игра

¹ Рафаил Нудельман (1931–2017) — писатель, литературный критик и публицист, редактор, переводчик, педагог-методист, канд. пед. наук.

— раскладывать на плоскости книжного листа яркие, многоцветные осколки судеб, вырванные из потока времени и перетасованные в самом причудливом порядке. Рассказчику не до вас и не до нас, он играет временем и судьбами, творит из них калейдоскоп затейливого сюжета, над кем-то смеется, на что-то намекает, вы чувствуете, что смеется, вы ощущаете, что намекает, а еще и волнуетесь, и впадает в пафос, и выпадает в иронию, но вам невнятны его пафос и его ирония, вы злитесь, вам непонятно все — начиная с самого заглавия книги. «Русский роман». Почему «Русский роман»? Чем он «русский»? О ком и о чем эта книга?

Это название — наверно, самое вызывающее в романе. Не случайно в России вокруг этой книги Шалева сложилась уже своя мифология: о ней без конца писали, как о уже переведенной, в крайнем случае — как о хорошо известной русскому читателю, а она только еще ждала своего дня, чтобы к нему прийти. В самом деле, раз «Русский роман» — значит, о русских, значит — для русских, и тем более обидно, когда оказывается, что вроде как бы и не про них и как бы не для них.

Между тем здесь всего лишь — вариация известного социологического парадокса: наибольшее непонимание порождают именно небольшие отличия. Герои книги, хоть они и евреи, но — евреи русские, и этим все сказано: и о книге, и о ее названии. Они выросли из того же единого ствола — того же нетерпеливого, жадного утопического ожидания, которое когда-то породило русскую революцию и привело в нее множество молодых русских евреев. Но герои этой книги — это та часть русского еврейства, которая решила привить свои утопические ожидания не на русскую землю, а на дичок собственной земли. Тем не менее воодушевляли их те же идеи «свободы, равенства и братства», разве что усложненные многовековым еврейским мессианством да историческими, библейскими воспоминаниями. Даже их «религия труда» и «мистика почвы» — и та очевиднейшим образом выросла из русского народничества и толстовства. Стоит ли упоминать еще о душевном максимализме или, скажем, о крестьянской жизненной цепкости? И без того очевидно, что «Русский роман» — это русский роман вдвойне: не только о русских евреях, но и о русских идеях. Хотя можно и наоборот: о еврейской идеи — на русский лад. Ибо, как известно многим (а неизвестно еще большему числу), тот сионизм, которому обязаны своим возрождением земля Израиля и Государство Израиль, ни в коем случае не был «сионизмом вообще» или «сионизмом по Герцлю» — это был именно и прежде всего «русский» вариант сионизма. Начиная уже с того, что именно молодые сионисты из России, все эти Вейцманы и Жаботинские, они и только они отвергли, вопреки Герцлю, идею еврейского государства в Уганде в пользу еврейского государства в Палестине, и кончая тем, что именно эти молодые сионисты из России своим потом и кровью, за каких-нибудь полвека, превратили эту Палестину из малайских болот в безжизненной пустыни в...

Во что же? Вы уже заинтересованы. Как реализовалась революционная утопия на русской земле, вы знаете. Весь ее путь, от октября 1917-го до сегодняшней России, вам известен. А как она же, эта утопия, реализовалась на земле еврейской?

Именно об этом — «Русский роман», книга, при всей ее общечеловеческой проникновенности и мощи, глубоко погруженная в историю, вросшая в нее корнями своих диких акций и могучих олив.

Поэтому на самом деле, вопреки упомянутому выше социологическому парадоксу, русскому читателю — именно ему — понять «Русский роман» легче, чем французу или американцу. Ибо в основном и сущностном это — о «своем», непонятны на самом деле только конкретные реалии. Что-то вроде знакомой пьесы на не вполне знакомом языке. Необходимо лишь небольшое либретто, что-то вроде предисловия или вступления, которое объяснило бы эти реалии и напомнило «правила чтения» на этом чужом языке.

Такое вступление могло бы начинаться так. Иврит — очень «плотный» язык. Он не знает гласных, он их пропускает. Он пишет: «гбн» — и это может быть «гибен», т. е. горбун, или «габан», т. е. сыровар. Прочтение слова предполагает предшествующее знание, оно требует напряженного внимания, догадки и работы мысли. Библия — очень «плотная» книга. Ее огромная художественная мощь — в ее высшей сдержанности, в пропуске деталей. Она говорит: «И служил Иаков за Рахиль семь лет, и они показались ему за несколько дней, потому что он любил ее» — и предоставляет нам заполнить эти долгие, мучительные годы своим воображением, своим знанием жизни. Такое заполнение потребовало от Томаса Манна двух томов «Иосифа и его братьев», и только тогда его машинистка счастливо вздохнула: «Теперь я знаю, как это было на самом деле». «Русский роман» написан в библейской манере. Это по-библейски «плотный» роман. В отличие от истинно русского романа, он последовательно опускает многие психологические мотивировки. Но он их предполагает. Он говорит, что над могилой отца стоят «плачущий сын и разгневанная дочь», — и предлагает вдуматься: почему сын — плачет, а дочь — разгневанна? Живая вода читательского воображения и знания жизни

призвана заполнить поры этого романа-губки. Это глубоко психологическая проза именно потому, что ее психологизм укрыт глубоко «между словами». Точно так же «плотна» в этом романе историческая ткань. Она предполагает и требует читательского участия. Учитель Пинес защищает деревню не только от колорадских жучков, но и от государственной лотереи, от полчищ саранчи, как от полчищ джазменов. Почему лотерея и жучок, саранча и джаз поставлены в один ряд? Мотивировки опущены, пропуск требуется заполнить, и это предполагает предшествующее знание.

Израильский читатель книги Шалева впитывает это знание с молоком матери и из воздуха страны, в школе, из книг и «по жизни». Русскому читателю нужно напомнить. Постараемся сделать это предельно кратко. Напомним читателю, что основная масса древних евреев покинула свою страну около двух тысяч лет назад, после двух нашествий римских армий. С тех пор евреи жили в рассеянии, поддерживаемые мечтой о возвращении на историческую родину. Вернуться решались немногие. Все эти века Палестина оставалась под чужим господством — римским, греческим, арабским, византийским, турецким. Еврейское ее население начало заметно возрастать только в конце XIX века. К 1881 году оно насчитывало всего 25 тысяч человек. Основную его часть составляли нищие религиозные семьи Иерусалима, Тверии, Цфата, жившие благодаря милостыне зарубежного еврейства. Ситуация изменилась с началом еврейских погромов в России: в 1882 году большие группы русских евреев ушли от этих погромов в Палестину, совершили, как это называется в еврейской традиции, «восхождение в Сион», «алию», как это называется на иврите (в Сион всегда восходят, в Египет и прочий окружающий мир всегда спускаются, потому что гористая Иудея всегда лежала выше низменностей Египта). Эта «первая» по счету алия продолжалась до 1903 года и привела в Страну свыше десяти тысяч человек. Часть из них располагала небольшими собственными средствами и купила землю у арабов, остальные создали свои поселения на деньги Эдмона Ротшильда, знаменитого «Барона» — выдающегося филантропа, который в течение шестнадцати лет вложил в свои палестинские колонии 1,6 млн фунтов стерлингов. За это время были созданы такие поселения (нынешние израильские города), как Ришон-ле-Цион, Петах-Тиква, Зихрон-Яаков, Реховот, Хедера. Тогда это были небольшие сельскохозяйственные поселки, и появлялись они на свет поистине в родовых муках: достаточно сказать, что за первые двадцать лет из пятисот сорока жителей Хедеры умерли от малярии две тысячи четыреста. Тем не менее к началу XX века жители двадцати этих поселков, называвшихся «новым ишувом», составляли уже 20 процентов всего еврейского населения Палестины. И костяк их составляли люди, жившие не на милостыню, как в ишуве «старом», иерусалимском и цфатском, а трудом собственных рук. Впрочем, хотя все эти люди Первой алии были в основном русские евреи, «Русский роман» начался не с них.

Он начался с легендарной «Второй» алии. Ее привели в Палестину идеи сионизма, сознательное стремление совершить революцию в истории еврейского народа, возродить землю исторической родины и создать на ней свободное общество тружеников земли. Пришпорили эту утопию новые погромы в России, начавшиеся в 1903 году. Тогда впервые еврейская молодежь организовала отряды самообороны, и многие бойцы этих отрядов вскоре оказались в Палестине. Но были там и начитанные мальчики в очках, и девочки в пелеринах — бросившие родительские семьи, уехавшие за мечтой, в страшных снах не представлявшие, какие трудности ждут их на земле предков. Сочетание утопического воодушевления и подвижнической активности сплотило всех этих разных людей в группу единомышленников, придало этой алии ее уникальный характер и наложило сильнейший отпечаток на всю дальнейшую жизнь ишуга в течение нескольких десятилетий.

Вторая алия, продолжавшаяся до 1914 года, привела в страну свыше 30 тысяч человек. Вот как описывает этих молодых людей лучший хроникер еврейского возрождения Феликс Кандель в своей книге «Земля под ногами»: «Молодежь из Второй алии была в основном далека от религии... Право еврейского народа на эту землю они обосновывали... не Божественным обещанием; свое право они связывали лишь с трудом: землю завоюет тот, кто ее обрабатывает. Эти идеалисты и бессеребренники, бунтари и ниспровергатели в заношенной рваной одежде выделялись на фоне благополучных старожилов». Многие из них вдохновлялись идеями своего «учителя жизни», толстовца Гордона, его «религией труда»: «Мы сможем создать народ лишь тогда, когда каждый из нас воссоздаст себя заново путем труда и естественной жизни. Если воссоздание и не будет для нас полным, то по этому пути пойдут... наши дети... Таким образом, у нас будут со временем хорошие крестьяне, хорошие рабочие, хорошие евреи и хорошие люди». Идеи Гордона стали основой, на которой возникла одна из первых на этой земле политических партий — «а-Поэль а-Цаир» — «Молодой рабочий». Она не была единственной. Молодые еврейские утописты другого толка, вдохновлявшиеся идеалом Борохова и Сыркина

— слить сионизм с социализмом и марксизмом, построить в Сионе еврейское социалистическое государство «на основе справедливости, государственного планирования и общественной солидарности», — создали еврейскую социал-демократическую рабочую партию, «Поалей Цион». Яростные идеологические споры о практических путях и дальних целях «практического сионизма», начавшиеся еще в России, возобновлялись в первые же дни по прибытии в Страну и продолжались потом годами и десятилетиями, пока эти партии не слились в единое Рабочее движение, естественным образом ставшее почти монопольным правителем ишува. Как полагается монопольному правителю — со своими канцеляриями, коридорами власти, конгрессами и бюрократами. Со своими мифами о героическом прошлом, громкими словами о сионизме и неизбежным «обуржуазиванием» (слава Богу — не большевизмом). Но все это произошло потом...

А поначалу из этих парней и девушек долго не получались «хорошие крестьяне» и «хорошие рабочие». Сначала им пришлось искать работу — у своих же единоплеменников, на виноградниках, на пастбищах и в винодельнях поселенцев Первой алии, уже немного к тому времени обжившихся. «Каждое утро, — продолжает Кандель, — молодые люди, вчера только приехавшие из России, выходили на площадь в центре поселка... в поисках работы, а хозяева прохаживались от одного к другому и решали, кого из них взять... У (молодого) еврейского рабочего не было ничего: его заработка хватало лишь на убогое жилье и скучную еду... если он заболевал, то был обречен на голод». А вот из воспоминаний Бен-Гуриона, одного из этих молодых: «Я голодал и мучился от малярии больше, чем работал». Те, кто не мог ужиться с ишувом первой алии, уходили в свободный поиск. Проще говоря — на еще не обжитые земли. Эти земли скупались у богатых арабских землевладельцев сначала легендарным Ханкиным, потом Палестинским бюро для приобретения и освоения новых земель под руководством Руппина. Так происходило еврейское заселение севера страны, ее внутренних земель — Галилеи, Изреельской долины, побережья озера Кинерет. Туда и добраться-то было не так просто. Как писал современник, «поездов туда не было, в Галилею „поднимались“ кто пешим ходом, а кто на лошадях». Малярийные болота, почище хедерских, иссохшая земля, сорняки и колючки, враждебные арабские деревни, голые, выжженные на солнце горы, неподвижный воздух — места вокруг Киннерета лежали на двести метров ниже уровня моря, температура летом достигала тридцати и больше градусов в тени. А потом, уже на вожделенном месте — жара, и лихорадка, и теснота в жилищах, и тяжкий ежедневный многочасовой труд, и смерти, смерти, одна за другой, кто от малярии, кто от пули, — и как писал другой из этих молодых пионеров-первоходцев: «Несмотря на чарующую тишину Киннерета, не было покоя на душе его обитателей. Изнеможение и тоска делались по временам нестерпимы. Кладбище, притаившееся на склоне холма,.. свидетельствует о покончивших самоубийством».

Одни уходили из жизни, другие — в города, на побережье, третья вообще покидали Страну (по свидетельству Бен-Гуриона, из десяти приехавших с ним человек девять отчаялись и бежали из Палестины), но те, кто остался, — строили. Строили хижины, потом коровники, потом дома, потом целые поселки. Именно здесь, на берегах Кинерета и в Изреельской долине, возникли новые, неведомые доселе миру формы еврейской коммунальной жизни — кибуц Дгания (1909), «мать израильских кибуцев», с их коллективными трудом и владением средствами производства, и мошав Нахалаль (1921) с его семейной структурой ведения хозяйства и коллективной общественной жизнью. Здесь зародилась и легендарная еврейская организация самообороны «а-Шомер», т. е. «Страж», объединявшая десятки молодых «дозорных», тайком собиравших оружие, чтобы защитить хрупкие ростки этих кибуцев и мошавов от арабских нападений, порой ценой собственной жизни. Отсюда вышла социальная и идеологическая элита будущего Израиля и его будущее политическое руководство — генералы, премьеры, президенты. А главное — здесь, в этих кибуцах и мошавах, так верили их строители, «выковывался новый еврей» — ибо эти строители, как и другие «строители будущего» в тогдашней России, искренне верили, что создадут «нового человека на новой земле», и ждали этих своих «первенцев», и возлагали на них фантастические надежды: понесут знамя... продолжат дело... воплотят мечту...

Их дети и внуки действительно выросли «новыми», другими, о них тоже рассказано в романе. Лучше или хуже дедов и отцов — об этом можно спорить, но — другими. Меир Шалев — лучший тому пример. Он один из «внуков Нахалала». И он другой, потому что никто из «дедов» и «отцов» не мог бы написать «Русский роман» — для этого нужна была печальная и насмешливая перспектива десятилетий; но и никто из тех, кто не прошел через «русский» Нахалаль или «русскую» Дганию, тоже не мог бы написать эту поразительную, мудрую и трогательную книгу.

Теперь советую ее раскрыть.

«ЭСАВ» — библейский роман с деталями современности

Если первый свой роман Шалев назвал «русским», то следующий — опубликованный в 1991 году «Эсав» — по справедливости может быть назван «библейским». История братьев-близнецов Якова и Эсава (в русском переводе Библии — Иакова и Иисава) — это классический библейский сюжет, и всякий, в чьей судьбе он повторяется, с его обманом отнятым первородством, — тоже Яков или Эсав, вне зависимости от деталей, вроде имени, времени и прочих обстоятельств. Но, как говорит сам автор устами своего героя, «детали всегда будут встречены с благодарностью». «Детали», или фабула жизни, — благодарная плоть любого романа, и это в высшей степени относится к «Эсаву». Его отличие от всех других в этом плане — лишь в том, что «Эсав» в этой фабуле, в этих «деталях» жизни, характеров и ситуаций — прежде всего глубоко еврейский, израильский роман. Еврейское прошлое и израильская современность пересекаются здесь и в увиденном эпическим и — одновременно — насмешливым взглядом Иерусалиме, и в овеянном ностальгической романтикой поселке первопоселенцев, где развертывается действие. История любви и ревности, верности и смерти дышит библейской первозданностью и в то же время остро современна, перебита пунктиром еврейских погромов и арабо-израильских войн. Этот нерасторжимый сплав библейской эпичности и современного интеллектуализма — одна из самых оригинальных и привлекательных особенностей романа.

«Эсав» прежде всего — роман о любви. Почти все книги Шалева посвящены любви. Детству, семье, запутанным родственным отношениям, взрослению души, утратам и потерям, но прежде всего — любви. И одновременно все они — об обманутых ожиданиях. Поэтому все их следовало бы отнести к тому редкому и трудному жанру, который можно назвать «человеческой трагикомедией», к произведениям, где герои никогда не получают того, чего жаждут и к чему стремятся. Поэтому «Эсав» — книга не только о любви, но и о боли, о тоске, о горечи и печали. А значит, и о смерти — разве не она есть высшее разочарование жизни?

Выходит, «Эсав» — печальная книга? Да, но, как уже сказано, и насмешливая. И жестокая. И очень умная — в лучших традициях интеллектуального романа нашего времени, в традициях «Дара» и «Имени Розы». Она требует бескорыстного погружения в себя и ответного движения души. Она трудна и грустна, как сама жизнь, хотя, временами — иронически улыбается. Вместе с жизнью.

Но ко всему почему «Эсав» — это роман тотальной игры. Со временем, с пространством, с литературой и — с читателем. Шалев предлагает читателю эту игру, говоря, что его «Эсав», в отличие от «Русского романа», — плод чистого вымысла, не имеющий ничего общего с автобиографичностью: «Это книга, воспроизводящая процесс своего написания». Рассказчик отсылает Читательнице (этого высокого, с заглавной буквы титула, в духе любимого Филдинга, достоин лишь «человек внимательный и понятливый») некую «вымыщенную историю о людях, которых не было» — о князе Антоне и служанке Зоге, и Читательница задает ему ряд вопросов. Кто эти «русские паломники», что поднимаются в Иерусалим, таща на телеге огромный колокол? Почему он так страшен, этот Иерусалим? Существовала ли на самом деле Луиза Лато, белошвейка со стигматами, и реальны ли «девушки племени навар»? «Паломники? — переспрашивает Рассказчик. — Их возглавлял мой дед, богатый русский крестьянин из-под Астрахани, который позже перешел в еврейство, привез в Палестину всю свою семью и поселился в Галилее, где мой будущий отец Авраам позже встретился с его дочерью, моей будущей матерью Сарой, когда пешком перешел Иорданскую пустыню, возвращаясь с войны, и откуда он затем переехал с ней в свой родной Иерусалим. Что до того, страшен ли Иерусалим, то я сейчас расскажу тебе о нем, о Иерусалиме начала века, городе моего отца и моего близорукого детства, о его тесных религиозных кварталах, о сефардских дворах Старого города, об этом святом и жестоком месте с подземельями, пещерами и закланными местами, с первым кинотеатром, движок которого вращали крылья мельницы, первым автомобилем и первым фотоателье, где одни и те же статисты позировали в качестве библейских персонажей и местных жителей, о древнем городе с завывающими пророками, запаздывающими мессиями и чванливыми благодетелями».

И все это — чистый вымысел. Рассказчик придумывает на ходу, он строит вымыщенный автобиографический роман, первый вымысел тащит за собой все новые и новые свои кольца, втягивая в них все новых героев, все новые судьбы, обстоятельства и детали. Так он и рождается, «Эсав», со всеми своими сложными переплетениями фабульных взаимосвязей и сюжетных перекличек. И, поставив последнюю точку, Рассказчик удовлетворенно разглядывает свое творение и иронически говорит вдохновившей его на этот труд

Читательнице: этот роман сочинил себя сам, благодаря твоим усилиям, дорогая, его составили «события, между которыми нельзя было бы усмотреть никакой связи, когда бы не твои настойчивые расспросы». Иными словами, это и наше творение тоже, и если бы мы, в отличие от Читательницы, задали другие вопросы, то, возможно, получили бы другие ответы и другой роман. Поэтому если мы будем продолжать допытывать эту книгу о чем-то еще, она будет «продолжать соторяться», открывая нам все новые и новые смыслы. Роман, который рассказывает сам себя. Игра, в которую автор играет с Читателем. Полная коварных намеков, отсылок, которые порой реальны, а порою уводят от цели, цитат, часть которых подлинна, а часть придумана на ходу, загадок, которые нужно распутать и в которых можно запутаться, — как, например, в той, главной, над которой все время бьется Рассказчик: «Почему я уступил, отдал и ушел?» Текст полон таких вопросительных знаков, и Рассказчик далеко не всегда снисходит до ответа: «А что, на все остальные вопросы я уже ответил? Причину горькой судьбы Тии Дудуч уже называл? Что общего между Кастропом и Гумбертом, между Надей и Мартой, я уже сформулировал? А кто эти Черные Татары?» Он, конечно, лукавит, Рассказчик, но он также полон уважения к своему Читателю, которому «уже приходилось отвечать самому и на вопросы потруднее. Почему обернулся Орфей? Что замышлял Чичиков? Почему я не проводил в последний путь свою мать?»

Над входом в эту высокую игру нарисован жирный вопросительный знак великой загадки, спрятанной, как и положено, на самом видном месте — на обложке, в заглавии. В самом деле — как, собственно, зовут нашего Рассказчика, героя им же придуманной книги? Эсав? Но у евреев нет такого имени. Есть Авраам и Сара, Яков и Лея, Элиягу и Биньямин, Михаэль и даже, сегодня, Роми. Но Эсава нет.

Его и не может быть. Эсав — в Библии — злейший враг Иакова-Израиля. Эсав — в мидрашах, этих священных еврейских преданиях, — прародитель Амалека, народа, вековечно враждующего с евреями. Эсав — в Талмуде — прародитель христианских гонителей еврейского народа. Еврейского ребенка нельзя назвать Эсавом, потому что Эсав — первоначало всего злого в еврейской истории.

Библия все же несколько снисходительней к Эсаву, чем более поздние еврейские источники — мидраши и Талмуд. Она даже дает ему слово, притом дважды. Один раз, чтобы, вернувшись усталым с охоты, воскликнуть знаменитое и роковое: «Дай мне поесть красного, красного этого», указывая — нет, не на то, что налипло на арбузной корке князя Антона, а на чечевичную похлебку, расчетливо и соблазнительно выставленную на стол хитрым Иаковом. И второй раз, когда Эсав выплескивает в скучных словах горечь и обиду на брата, который обманом, с помощью матери, отнял у него первородство («любимую женщины, отцовскую пекарню и родной дом»). Библия умалчивает о мотивах последующих злоумышлений Эсава против Иакова, потому что они кажутся ей очевидными: обида за обиду, зло за зло, око за око. Библия вообще о многом умалчивает и многое пропускает, позволяя читателю самому заполнить лакуны. Так же она поступает и с Эсавом, и поэтому не стоит пытаться толковать то, что ей не угодно толковать самой.

Может быть, писатель Меир Шалев как раз и хочет возместить умолчания Библии и дать Эсаву возможность изложить свою версию событий? Может быть, он хочет повторить литературный подвиг автора «Иосифа и его братьев», прочитав которых машинистка Томаса Манна блаженно выдохнула: «Теперь я знаю, как это было на самом деле»?

Но «Эсав», как уже сказано выше, — не пересказ библейской истории. Это современный роман, и если он в чем-либо повторяет Библию, то лишь в сущностном — в линиях судеб и в стиле повествования, повествования с умолчаниями, главное из которых, конечно: почему герой «уступил, отдал и ушел».

В древности считалось, что имя человека задает его судьбу. В романе Шалева другие законы: судьба человека предопределяет его имя. Тот, кто приходит из Двуречья, перейдя страшную Иорданскую пустыню, женится на Саре и становится прародителем еврейской семьи, конечно, должен называться Авраамом. И праматерь этой семьи, конечно же, должна носить имя Сара (ведь и библейская Сара была дочерью неевреев, «гоев», до того, как Бог заключил с Авраамом свой Завет). И, как мы уже говорили в начале, брат, обманом отнявший у брата-близнеца первородство, женившийся на Лее и наследовавший отцу против его воли, — разумеется, Яков, кто же еще?!

А потому тот, кто уступил это первородство, ушел из Обетованной земли своей молодости в чужую страну Моав, был там счастлив в «женщинах не из наших» и несчастен в неизбывной горечи своих воспоминаний — это Эсав, другого имени для него в этой истории не остается. Даже если он на самом деле получил от рождения иное, вполне еврейское имя. Он Эсав по библейской парадигме, навеки сохраненной в коллективной памяти еврейской — и мировой — культуры.

Еврейская память — это память «схематическая», она пользуется парадигмами, т. е. изначально заданными и повторяющимися моделями истории, в том числе и семейной. Конкретное наполнение событий может меняться, но их внутренняя структура определена раз и навсегда. В разных поколениях разные люди с разными именами призываются на сцену жизни разыгрывать одни и те же роли в одной и той же (не ими написанной) пьесе. Библейская парадигма содержит не конкретную фабулу, а извечный сюжет, потому она и умалчивает о многих деталях. Детали же, как снова и снова напоминает Шалев, — дело писателя и «будут встречены с благодарностью» не только машинистками, перепечатывающими книгу. Библейская парадигма как бы предшествует всему существу — не только реальному романному бытию, но и самой жизни, существуя изначально, вроде Платоновой «идеи вещи», которая предшествует конкретной вещи (как сама Библия, которая для верующего предшествует самой Вселенной, будучи Господним «планом творения»). Поэтому у автора, воспитанного на Библии и пишущего под ее диктовку, модель семейной истории предваряет историю конкретной семьи, структура родственных отношений, дружбы и вражды, любви и ненависти, жизни и смерти заложена в судьбе еще до того, как складываются сами отношения. «Ваш роман прочитан». Пьеса уже лежит на столике у Режиссера, героям остается «только» ее разыграть — в своих декорациях, по своему нраву и вкусу, со своими деталями, на языке своего времени.

В такой ситуации — или в таком романе — все или почти все неизбежно должно быть узнаванием, припоминанием или тем, что автор упорно называет словом «вспоминание» — в понятном отличии от «воспоминания». Люди, ситуации и события должны повторять изначально заданные прообразы, отсылать вспять и напоминать о своих прототипах. Рассказчик упорно называет себя талантливым во вспоминании, и он совершенно прав: его рассказ — это сплошное вспоминание, всё в нем — отблеск и отклик, перекличка и эхо уже сказанного раньше, где намеком, еле слышно, а где — звучно и внятно, как удар колокола. И поэтому совершенно естественно, что всему его рассказу предшествует модель того, из чего и по образцу чего этот рассказ и вырос, — та самая «вымыщенная история о людях, которых не было». Отсюда протягиваются затем во всю «свободную даль» романа бесчисленные нити будущих ассоциаций и отголосков — как протянулись через поля и пустоши лучи от зеркала влюбленного Якова. Отныне, с момента обретения Рассказчиком этого всепроникающего зеркала, лучи которого способны освещать не только прошлое, но и будущее, вся дальнейшая изощренная игра, именуемая «романом», будет состоять в том, что Рассказчик станет расстилать перед читателем (как Иерусалим перед князем Антоном) свои отсылки, переклички, напоминания и отголоски, а читатель должен будет распутывать сию сложную сеть, потому что, как уже сказано, от его успеха в этом деле будет в немалой степени зависеть жизнь этого текста в его, читателя, воображении. Не потому ли Рассказчик даже с некоторой горечью, а не только поддразнивая, упрекает свою Читательницу в том, что она «не поняла доброй трети намеков и взаимосвязей», рассеянных «в уже отосланных ей письмах». Читательница с заглавной буквы, читательница по Филдингу, должна была бы понять больше.

Таких перекличек и скрытых намеков в «Эсаве» превеликое множество, и разгадывание этих изящных авторских загадок наверняка доставило его изощренному уму истинно интеллектуальное удовольствие. Ведь их как будто бы не было и впрямь, всех этих князей Гесслеров, принцессы Рудольфины и баронессы Фребом, и тут нас не обманет ссылка на то, что о кардинале Бодуэне из Авиньона якобы упоминают авторы такого-то исторического исследования, ибо автор сам, насмешливо подперев щеку языком, говорит, что показаниям хроникеров нельзя «доверять вслепую». А чего стоит квазинаучное упоминание о том, что князь-отец известен как «первый, описавший случай белошвейки Луизы Лато»: ведь стигматы Луизы Лато в действительности первым (в 1870 году) описал доктор Фердинанд Лефевр из Лувенского университета, а вторым и последним (в 1871 году) — английский психиатр Дэй. И ведь не скажешь, что это лишь для кокетства автор признался: «Сказать по правде — я иногда привираю». Нет, он действительно привирает — но, сказать по правде, далеко не всегда. Пусть «на самом деле» не было ни кардинала Бодуэна, ни всех прочих лиц, описанных в новелле, но они еще появятся в романе, и каждый из них задаст собою читателю очередную загадку: «Кто есть кто?» — чья судьба тут повторяет судьбу привередливого и несчастного князя Антона и чьи привычки унаследовал библиотекарь Ихиель? На некоторые из этих «кто есть кто?» ответить легко, ибо эти «образы» попросту копируют свои прообразы, вроде тех «дочерей навара», что «выдоили» немецкого генерала и увенчали его жасминовым веночком, или первенец Якова Биньямин, которого нечаянно подстрелили в камышах и так же оставили истекать кровью, как княжича Вильгельма. И конечно, Роми, такая же «рано повзрослевшая и

высокая», как баронесса Фребом, и тоже «только на один раз» возлюбленная своего дяди. Опознать других будет труднее, разве что памятливого читателя вдруг озарит: «Ба, да ведь Ихиель собирает свои последние слова, как старый князь Гесслер собирал свои пословицы и поговорки, и хотел бы умереть с тем смешком, с которым — будто бы — умерла баронесса Фребом; а белую липицанскую кобылу вместе с легкой коляской, которую украла у греческого патриарха Сара, патриарх сам, наверное, украл у князя Антона!»

Погружение в нескончаемое переплетение взаимосвязей, перекличек, скрытых отсылок и подобий постепенно порождает у изощренного Читателя ощущение, что само бытие насквозь пронизано незримыми нитями взаимозависимостей, и именно потому крик чайки около мыса Доброй Надежды может потопить корабль в проливе Ла-Манш. Стоит понять этот принцип всеобщей причинности и зависимости всего от всех и вся, и сразу становится понятным, почему разошлись пути двух близоруких братьев-близнецов после того, как они впервые надели «одни очки на двоих». Ибо один из них выбрал путь родовой истории и стал «Яковом», а значит, по справедливости (по библейской справедливости, разумеется) унаследовал родовую землю вместе с пекарней на Обетованной земле, и с девушкой этой земли, и с войнами этой земли, и с мукой жизни на ней. А второй выбрал «цитату и культуру» и по их велению ушел в конце концов на Запад, в обетованный Эдом покоя и комфорта, на скамейку у берега океана, откуда так удобно всматриваться в тоске в Обетованную землю своей молодости и своей любви.

Но тут уж нам впору, вместе с Читательницей, задать самому автору наш самый главный вопрос: почему же все-таки он так страшен, этот Иерусалим? Почему она так жестока, эта Обетованная земля? Чем она так заклята, что князь Антон проваливается здесь в подземелье, из которого душе его уже не суждено вернуться никогда, и гениальный Лиягу Натан погружается здесь в безумие, и ангелочек Михаэль падает с неба и разбивается насмерть? Каждая вставная новелла — как очередной намек и предвосхищение будущих бед, словно эта земля — святая для всех и принадлежащая всем — не может принадлежать никому в отдельности, словно она и впрямь заклята на смерть и запустение, как заклята хевронским вали иерусалимская мельница, призванная было вдохнуть движением своих крыльев новую (пусть призрачную, невзаправдашнюю, киношную, но все-таки) жизнь в этот древний город. Вот ведь и в «Русском романе» эта земля в конечном итоге восстает болотом против пионеров-поселенцев, словно метафорически «исторгая» их из своего чрева.

Неужели и впрямь «время коснулось ее, засевая своими отравленными семенами»? Ведь именно так можно было бы, кажется, прочесть смысл «Эсава», поднимаясь к этому смыслу по трем вставным новеллам, как по «трем ступеням приближения к истине». Прочесть и, оборотясь к рассказчику, насмешливо сказать: «Ваша загадка разгадана, сударь, — вы просто уязвленный печалью и годами Екклесиаст...»

Да вот незадача — рассказ-то, оказывается, еще не закончен! Повинуясь правилам поэтической речи, этой «высокой болезни» и «высокой игры», автор все плетет и плетет свою «припутанную к правде ложь» И впрямь: «Дождь уже кончился, небо прояснилось, и волшебный запах хлеба доносился из пекарни брата моего Якова...»

Меир Шалев ставит последнюю точку, поднимается — в широких рабочих брюках, в рубахе прямо на худое тело, — потирает руки и насмешливо улыбается, оборотясь к читателю. «Какой же я Екклесиаст?! — удивляется он. — Я оптимист! У меня все романы кончаются хорошо...»

Сергей Баймухаметов¹

Гулагиздат

Эти книги рождены в сталинских лагерях: от приключений благородных корсаров в Мировом океане до войны зэков-мстителей на Колыме

Пиратская сага

«Сорок шесть матросов, татуированных с ног до головы, понюхавших пороху и знающих толк в погоде; старик боцман, прозванный за свирепость Бобом Акулой; помощник капитана Джакомо Грэлли, заслуживший в абордажных схватках кличку Леопард Грэлли, и, наконец, сам Бернардито, Одноглазый Дьявол, — таков был экипаж “Черной стрелы”».

До сих пор помню детский озноб и восторг от этих строк. Больше для меня, девятилетнего, не существовало в мире ничего и никого — кроме Бернардито Луис Эль-Горры, капитана пиратской шхуны «Черная стрела», известного среди корсаров на всех морях как Одноглазый Дьявол Бернардито! Ничего, кроме книги «Наследник из Калькутты», на обложке которой значилось такое же ненашенское, «пиратское» имя автора — Роберт Штильмарк!

Мальчишки не читают предисловий, но книга была такая, что читалось в ней все, вплоть до названия издательства — Казучпедгиз. То бишь Казахстанское учебно-педагогическое издательство, 1959 год. В предисловии говорилось, что книга рождалась из устных рассказов у костров романтиков-первоходцев, строителей, и еще что-то подобное.

В тот год я ее успел прочитать лишь три раза. Потому что книгу рвали из рук, в очереди за ней стояли все друзья моего старшего брата — мальчишки с окрестных улиц Абая, Пролетарской, Сибирской и Красноармейской в нашем городе Петропавловске.

Через 23 года в мой кабинетик на Цветном бульваре в Москве, в редакции «Литературной России», вошел невысокий сутуловатый человек лет пятидесяти и представился: «Штильмарк... Феликс... Феликс Робертович...»

В те годы редко можно было напечатать что-нибудь резко-критическое, разве что об охране природы. Но я не смог опубликовать ни один из очерков Феликса — начальство опасалось. Кандидат наук, биолог, эколог, он знал и приводил вспоминаящие факты. Ну, например, практикуемый в СССР промышленный отстрел диких северных оленей во время их переправ через реки... — что запрещено международными нормами.

Появление Феликса, его фамилия, естественно, не могли не вызвать интереса в редакции литературного еженедельника. Старшие коллеги помнили не только о романе «Наследник из Калькутты», но и рассказывали об истории его создания. Говорили, что Роберт Штильмарк написал книгу в лагере (вот откуда «романтики-первоходцы, строители!»), ее спас и сохранил замполит Василевский, опубликовал под двумя фамилиями, а когда Штильмарк вышел на свободу — снял свою фамилию.

Легенда красивая, но правда в ней — лишь первая фраза.

Полную правду я узнал от Феликса. Да, книга написана в лагере. Но никакого благородного замполита не было. Был лагерный пахан, бригадир-нарядчик, имевший огромную власть. Звали его Василий Василевский. Тогда ходил по зонам слух, как некий зэк написал книгу, которая понравилась Сталину. За что получил освобождение, большие деньги и почет. Видимо, эхо истории Василия Ажаева. Отсидев срок и оставшись на поселении на Дальнем Востоке, он написал роман «Далеко от Москвы» (1948). О «романтиках-первоходцах» Сибири. В 1949 году ему дали Сталинскую премию, сняли фильм, композитор Дзержинский создал оперу, роман тут же ввели в школьную программу по литературе. Ажаева вызвали в Москву, дали должность в союзе писателей. Он умер в 1968 году, а в 1988-м вышел его роман «Вагон» — правда о зэковской молодости.

¹ Писатель, публицист.

Словом, Василевский надумал написать роман. Поскольку сам не мог, то нашел литературного раба — сорокалетнего эзака Роберта Штильмарка, бывшего дипломата, журналиста ТАСС, «Известий», преподавателя кафедры иностранных языков Военной академии имени В. Куйбышева, заместителя командира разведроты на Ленинградском фронте, служащего Генштаба, получившего 10 лет лагерей за «антисоветскую агитацию».

Василевский пристроил Штильмарка на теплую должность (по-лагерному — «придурком»), обеспечил бумагой, едой, куревом... И более чем вероятно, что литературный заказ спас Роберту Александровичу жизнь, поскольку на «общих работах» при прокладке железнодорожной магистрали Игарка-Салехард не выдерживал никто. Заполярную трассу, так и недостроенную, называли дорогой на костях.

Штильмарк написал роман за 14 месяцев. Гигантский труд — 50 печатных листов! Гигантский не только по объему. Действие пиратско-приключенческой саги разворачивается по всему миру. Вторая половина XVIII века — порты Средиземного моря, Индийский океан, Атлантика, мыс Доброй Надежды, Мадагаскар, Англия, Испания, Португалия, Северная Америка; пираты, каперы, графы, виконты, лорды адмиралтейства, судовладельцы, африканские рабы, индейцы, американские поселенцы, война за независимость Новой Англии... И все это написано за колючей проволокой — без библиотек, без справочников — на багаже невероятной эрудиции.

Многоопытные лагерники посоветовали Василевскому не отправлять книгу только под своим именем: «Не поверят». И пахан-нарядчик под своей фамилией собственноручно вписал: «Р. Штильмарк».

Однако Василевскому не удалось прославиться. Роман изъяли, забрали в политотдел Главного управления лагерей строительства Северной железной дороги.

В 1953 году, после смерти Сталина, 22-летнему студенту Московского пушно-мехового института Феликсу Штильмарку пришли письма и доверенности от отца из ссылки в городе Енисейск Красноярского края и от неизвестного ему Василевского из города Тогучин Новосибирской области. По этим доверенностям он получил в культурно-воспитательном отделе ГУЛАГа в Москве рукопись «Наследника из Калькутты». Причем, с напутствием майора «не потерять, передать понимающим людям, это сильное произведение, мы тут все прочитали с большим интересом».

Феликс передал рукопись доценту МГУ Александру Дружинину, а тот — писателю Ивану Ефремову, копирафею советской фантастики.

Ефремов стал крестным отцом книги. Началась долгая редакционная подготовка. К тому времени Роберт Александрович вернулся в Москву. Несмотря на покровительство Ефремова, издание было под угрозой. К тому же Штильмарка угораздило поместить главу про «Летучего Голландца» в журнале «Знание-сила». Тотчас в «Крокодиле» вышла разгромная статья.

«После появления «Крокодила» я лишь мельком появлялся в издательстве, видел испуганные взгляды... Полагаю, что прямо и грубо с плана не снимут, что соберут совещание, будут бить себя в груди и ломать головы... убрать пиратов, лживиков и призраков, вставить профсоюзы, русский флот и город Ленинград, перенести действие на целину и сменить название на «Внуки Суворова», — с горьким сарказмом писал Роберт Александрович сыну Феликсу.

С сарказмом и страхом. Потому что критическая статья в центральной печати, тем более — в издании газеты «Правда», до выхода романа ставила на нем крест. Но, как ни странно, в тот раз все закончилось на удивление благополучно. «Наследник из Калькутты» вышел в 1958 году в «Детгизе», в популярнейшей серии «Библиотека приключений и научной фантастики». Под двумя фамилиями — Р. Штильмарк, В. Василевский.

В феврале 1959 года народный суд Куйбышевского района Москвы признал Роберта Штильмарка единственным автором. И в том же 1959 году роман опубликовали в Алма-Ате. Его тотчас перевели в Польше, Болгарии, Чехословакии, Китае.

Но издание в Алма-Ате стало для Роберта Штильмарка последним прижизненным в Советском Союзе. Статья в «Крокодиле» и вслед за ней — в «Комсомольской правде» (это «хаггардовщина» и «буссенаровщина», это приключенчество чуждо советскому человеку) сделали свое дело. В СССР «Наследник из Калькутты» с тех пор не печатался — вплоть до времен перестройки и гласности.

Не будь того шельмования в центральной прессе, роман, безусловно, выходил бы массовыми тиражами, и все мальчишки 50-х, 60-х и 70-х годов говорили бы, что выросли на этой книге, что она стала одной из самых ярких картин их детства.

Через 30 лет, в 1989 году, «Наследника...» выпустили сразу в четырех крупных городах Советского Союза. В 1990 году — в Москве, в издательстве «Правда», массовым тиражом.

Увы, Роберт Александрович Штильмарк не дожил до второго триумфа своей книги. Он умер в 1985 году, 76 лет от рода.

«Каррамба! Провалился я еще час — и добыча, которая сама идет нам в руки, была бы потеряна! — заорал Бернардито. — Где были твои глаза, Грэлли? Чего ждет чертов боцман, помесь старой обезьяны с кашалотом! Эй, люди! Спустить обе шлюпки! Посадить в каждую по двенадцать чертей — через полчаса они должны быть на бригантине. Грэлли и Акула поведут эти шлюпки в бой. Остальным — убрать паруса и хорошенко закрепить пушки на палубе! Близится шторм, сто залпов боцману в поясницу! Торопитесь, дети горя!»

Зекамерон XX века

Василий Батюта, штабс-капитан царской армии, георгиевский кавалер, стал фашистским палачом, начальником карательных отрядов СС, уничтожал партизан, за что удостоился звания оберштурмбаннфюрера СС и высших наград рейха — Железного креста первой и второй степеней и Рыцарского креста к Железному кресту.

Попав в колымские лагеря, Батюта два раза уходил в побег, что само по себе невероятно. Еще более невероятно, что после второго побега интернациональный отряд Батюты из пяти человек — украинец, русский, венгр, гуцул и казах — не скрылся, а долгое время вел самые настоящие боевые действия. Нападали на лагерные пункты, убивали охрану, захватывали продукты и боеприпасы, выпускали зэков, сеяли окрест панику. Уничтожили даже спецгруппу из Москвы, посланную для их истребления.

Потом они исчезли — и стали колымской легендой.

Один из заключенных, их солагерник, впоследствии написал: «Пусть некоторые из них были убийцами и сволочами. Я на воле, наверно, и руки бы им не подал, но это были наши братья, не по деяниям, а по мукам. И я твердо убежден, что старый штабс-капитан вывел их за мрачные пределы царства собак, наручников и унижений!»

Этим заключенным был Петер Демант, писавший под псевдонимом Вернон Кресс. В советском миру — Петр Зигмундович Демант.

Петер Демант родился в Инсбруке, Австрия, в 1918 году, в дворянской офицерской семье. Получил высшее образование в Брно и Аахене, жил в Бухаресте. В 1940 из прогитлеровской Румынии бежал на Буковину, занятую советскими войсками, работал в Черновицком краеведческом музее. В 1941 году в новых западных областях СССР провели массовую депортацию «неблагонадежного элемента» — и 23-летнего Петера, как и многих других, отправили в Нарымский край. Русский язык осваивал в бараках. Через несколько лет бежал, скитался в тайге. Поймали уже в Кургане. Военный трибунал, приговор, томский лагерь, затем этап на Колыму. Вышел на волю после смерти Сталина, 25 лет жил в поселке Ягодный — 500 километров на северо-запад от Магадана. Работал грузчиком в торговой конторе, стал одним из основоположников горного туризма и альпинизма на Колыме, его именем назван перевал на хребте Черского. Получив паспорт, путешествовал по Союзу, собрал огромную библиотеку, четыре тысячи томов подарил городу Черновцы.

О Верноне Крессе, о том, что он не может напечатать книгу колымских рассказов, я узнал летом 1989 года, и сразу же позвонил ему. Вскоре он принес в издательство «Современник», где я работал, рукопись под названием «Зекамерон XX века». Он поразил меня внешним сходством с Варламом Шаламовым — такой же высокий, мощный, сухопарый. Потом я узнал, что они были знакомы еще с Колымы: «Первый раз я встретил Шаламова на Двадцать третьем километре. Это был смуглый черноволосый красавец с мощным телом и лицом римского центуриона, словно вырезанным из темного дерева».

В редакторском заключении я написал, что в названии книги читается сарказм, боль, растерянность, недоумение перед Историей, перед культурой человечества, которая в эпоху Ренессанса дала нам «Декамерон», а в наше время обернулась «Зекамероном». Более того, есть какая-то перекличка именно в тоне, в тональности. Лукавство, находчивость, умение радоваться мелким обретениям — как это ни прозвучит кощунственно по отношению к лагерной теме. В какой бы ад ни были заключены люди, а жизнь берет свое... И в этом — отличие рассказов Вернона Кресса от, допустим, рассказов Варлама Шаламова. У Шаламова — о том, как люди

погибают, в какой ад они попали, а здесь — как выживают, выкручиваются, исхитряются. То же самое, только с другой стороны.

Еще одно отличие рукописи — в новом материале. Книга Вернона Кресса — о неизвестной нам военной и послевоенной Колыме, куда были сосланы люди со всей Европы. Венгры, австрийцы, чехи, словаки, немцы, румыны...

Отсюда — третье отличие. Ведь в основном воспоминания и художественные произведения лагерной темы рассказывают о безвинных жертвах. А здесь Колыма еще и место заключения карателей, полицаев — людей, чьи руки обагрены кровью. И на соседних нарах с эсэсовцем — солдат Великой Отечественной, попавший в плен к немцам, а затем из фашистского концлагеря — в советский.

Еще один пример послевоенной колымской фантасмагории — история серба Николая Матейча, инженера районного отдела земледелия из Румынии. Он выдал себя за ученого, знаменитого изобретателя, рассказывал, что его принимали Черчилль и Рузвельт. Обещал и здесь изобрести, внедрить что-то военное. И директор гулаговского завода, друг начальника Дальстроя — заместителя главы НКВД СССР, каждое утро посыпал за ним в барак свой персональный автомобиль. Так зэк Матейч приезжал на работу...

Я предложил «Зекамерон...» в план выпуска 1991 года. В советской книгоиздательской практике это называлось — «с колес». Но в 90-м на нас обрушилась новая экономическая реальность — планы полетели под откос.

К счастью, Петр Зигмундович параллельно вел переговоры с издательством «Художественная литература», и книга вышла в 1992 году малым тиражом. Но к тому времени страна была в шоке от пережитого: путч, свержение компартии, распад СССР, прыжок в капитализм, обнищание — и на новые рассказы о Колыме, равно как и на старые, уже мало кто обращал внимание.

Горько оттого, что у книги могла быть другая судьба. Рукопись два года пролежала без движения в одном из новых московских издательств. Два года! Попади она ко мне в 1987-м, вышла бы как минимум в 1990-м.

Прошло много лет. Петр Зигмундович умер в 2006 году. В 2009 году его вдова Ирина Петровна Вечная, на деньги под залог их московской квартиры, выпустила «Зекамерон XX века» в издательстве «Бизнес-пресс» тиражом 1,5 тысячи экземпляров. По последней воле автора восстановлены имена, которые он ранее прятал под псевдонимами.

То редакторское заключение — первый официальный отзыв на «Зекамерон XX века»; спустя годы оно появилось в прессе. Мысль о том, что в рассказах Шаламова описано, как люди погибают, пропадают, а в рассказах Кресса — как они выживают, стала повторяться в других откликах. Говорилось про авантюризм, житейскую хитрость, жизнелюбие и даже чувство юмора. Но про юмор я не писал, это другие уже «развили тему». И чтобы не создалось несколько искаженного представления, приведу крошечный рассказ, который открывает книгу.

Вернон Кресс

Колымский юмор

Это было на прииске «Новый Пионер», куда собирали на лето не нужных в Магадане работников — конечно, заключенных. Мы находились под контролем самого начальника Дальстроя Никишова, который приезжал сюда довольно часто с проверкой. Поэтому в лагере было чисто, между палатками клумбы с цветами, за которыми ухаживали больные. Но для тех, кто не считался дистрофиком — а в отряд этих счастливчиков можно было попасть после долгих мук и избиений — существовал железный закон: каждый должен выходить на развод.

Июльское теплое утро. Звонкий удар в рельс, зовущий на развод, меня мало беспокоит — я работаю титанщиком и только что вернулся со своего рабочего места, где готовил кипяток для дневной смены. Я активирован и жду отправки в магаданскую инвалидку — в двадцать девять лет при немаленьком росте вешу меньше пятидесяти килограммов. Лежу на своем привилегированном нижнем месте в переднем углу, а при ужасном звуке только сладко зеваю и собираюсь еще немного подремать до тех пор, пока не нужно будет греть воду для обеда. В соседней палатке слышны рев, окрики, глухие звуки ударов и вопли избиваемых. Теперь очередь за нашей палаткой — влетают староста, нарядчик, еще несколько человек с весьма туманными должностями, отличающиеся от рядовых зэков тем, что в руках у них непременный атрибут власти — дрын, или, в переводе с колымского на русский, здоровенная дубинка.

Раздается знаменитый клич: «Выпуливайся без последнего!» Эти же слова тысячу раз повторяются во многих сотнях лагерей; вслед за кличем поднимается дрын, и сотни тысяч зэков ежатся под страшными ударами...

Блюстители трудовой дисциплины гурьбой кидаются по длинному проходу между нарами. Среди них то тут, то там шмыгают опоздавшие на развод, волоча за собой ватник, ботинок или портянку, стараясь поскорее выскочить из опасного места. Одного ограют дубинкой по спине, другой получит пинок в пах — какая честь, от самого нарядчика! — и тащится со стоном, сгибаясь в три погибели, к выходу, опасливо озираясь назад. Но опасаться нечего: вся банда занята. Собралась у нар, на которых отдыхает человек. Он лежит наверху под одеялом и даже самый дикий окрик не выводит его из олимпийского спокойствия.

— Ну, подлюга, ты у меня попляшешь! — орет староста и, подняв дубинку, дает знак к наступлению. На лежащего сыплются удары.

«Дрын ходил по нем», — говорят в таких случаях колымские барды. Быют, отталкивая друг друга, ругаясь истошно и безобразно. Потом вопль — кто-то в пылу боя ударил нарядчика по плечу. Одна дубинка разлетается на куски. Жертву стягивают с нар, бросают на пол, топчут каблуками, тычут концом дрына в пах, в лицо... Избиение идет теперь тихо, сосредоточенно, слышны только удары и треск ломающихся ребер.

— Зря вы там стараетесь, — раздается вдруг голос дневального Федорова, вернувшегося из столовой.

Он ставит на склоненный из ящиков стол котелок с чаем, а на клошок газеты кладет ломоть хлеба и две большие селедки. Истязатели оторвались от своей жертвы и повернулись к Федорову.

— Он еще ночью отдал концы, только лепилу (лекпом, помощник лекаря, фельдшер. — С.Б.) позвали в общежитие к вольному, не успел подать список для морга. Напрасно мучили покойника, хлопцы...

Нарядчик вертит в руке свой незаменимый инструмент — алюминиевую трость с набалдашником, которая бьет не хуже дубинки, и смотрит с недоумением на Федорова, старого рецидивиста, опору лагерной дисциплины и многолетнего, заслуженного дневального, потом на труп, который лежит на песке с раскинутыми руками и разбитой головой на неестественно вытянутой и повернутой набок шее, и, наконец, на своих помощников, которые стараются, подражая предводителю, держать по возможности изящно свои увесистые дубинки. Вдруг староста разражается зычным, раскатистым смехом. Вслед за ним хохочут и остальные. Нарядчик хлопает себя тростью по сапогам и от смеха краснеет как рак. Они смеются до упаду, с надрывом, смеется теперь и Федоров, положив руки на тощий живот, смеется, издавая странные булькающие звуки, однорукий китаец, его помощник. Слыханное ли дело: Сухомлинов, многоопытный нарядчик, о котором знает любой колымчанин, хотел заставить мертвца идти на развод! Над этим завтра будет смеяться вся Тенька (лагеря на золотых приисках реки Тенька. — С.Б.). Первый же этап разнесет эту весть по всей Колыме, и через месяц о ней будут рассказывать под общий хохот на Чукотке, на Яне. Смех и грех — первый раз избиение никому не причинило боли, пострадал лишь нарядчик, от своих же...

Колымский юмор — палка о двух концах! Но и я теперь смеюсь — имею на это право.

Ведь я все же остался жив!

Павел Нерлер¹

К биографии Бенедикта Лившица: дед, родители, братья

Откуда у хлопца испанская грусть...

М. Светлов

О корнях своих Бенедикт Лившиц глаголил не без важности, воспроизведя (или создавая?) семейный миф: мол, мы, одесские Лившицы, не ашкеназы какие-нибудь! Мол, мы из сефардов, из Лихоэса, и фамилия наша — испанского происхождения и первоначально звучала «Лихуэц»². Весельчак Стенич любил подкалывать Лившица, обращаясь к нему — «Бенедетто ди Лихуэц».

В генеалогической реальности это, конечно, не так: все эти Лифшицы, Лившицы и Липшицы — суть разбредшиеся по миру выходцы из ашкеназского местечка Леобшюц в Силезии³.

Собственный же род Бенедикта Константиновича Лившица прослеживается и вовсе недалеко — от силы до третьего, дедовского, колена.

Дедушка, Моисей, был рядовым одесским миллионером из черты оседлости⁴.

Процитируем Екатерину Константиновну Лившиц:

«Вообразите себе Одессу восемидесятых годов прошлого столетия. Оживленный порт, международная торговля. Расцветающий капитализм. На одной из центральных улиц, в особняке, двор которого украшает огромная клетка, вернее вольер с экзотическими птицами, в отдельной квартире (своим уже взрослым детям он предоставил другие помещения) живет один, только с прислугой, старик, банкир, миллионер Моисей

Лившиц.

Вот уже десять лет он тщетно ждет внука, и только на одиннадцатый год брака обрадовала его невестка: 25 декабря 86 г. (7 января 87 г.) родился мальчик. Его назвали Бенедиктом, в честь покойного деда по материнской линии»⁵.

Родился, заметьте, не только не Константиновичем, но и не Наумовичем даже, а Нахмановичем: весь тернистый путь из Савлов в Павлы ему еще предстоял.

Собственно, тогда же — в 1886 году — внука (и тоже Бенедикта!) — родила и его дочка, Роза⁶, что была замужем за Шмулем Ицковичем Дукельским-Диклером. А затем, на протяжении нескольких лет невестка — Теофилия Бенедиковна (в девичестве Козинская, 1857⁷—1942) — родила еще троих. Итого — как минимум пятеро внуков, мал мала меньше.

Но покурлыкал банкир с ними недолго — всего семь или восемь лет. В 1893 или 1894 году старика задушили грабители, позарившиеся на его миллионы. Наводчицей оказалась собственная прислуга (кухарка и, по-видимому, экономка) — Лея Каминкер. В спальне стоял большой шкаф, он же кассовый сейф. «Вот они где, миллионы-то!..», — искренне думала она, бросая на него взгляды. Завидущие глаза тогда загорались, а на лице выступал липкий пот — эликсир корысти, жадности и низости.

¹ Псевдоним Павла Поляна, историка, литературоведа.

² Никитин Е.Н. Какие они разные... Корней, Николай, Лидия Чуковские. М.: Деком, 2014. Об этом же он рассказывал и Липкину.

³ Совр. Глубчице в Опольском воеводстве Польши.

⁴ Адрес установить не удалось. В справочнике «Вся Одесса. Адресная и справочная книга Одессы на 1904—05 год. Издание Л.А. Лисянского» его нет.

⁵ Одна из негласных еврейских традиций.

⁶ Лившиц Е. «Я с мертвыми не развозусь!..» Воспоминания. Дневники. Письма / Сост. и автор вступит. статьи П. Нерлер. М., 2019. С. 63. Были ли у Моисея Лившица другие дети, мы не знаем.

⁷ Согласно следственному делу Б.К. Лившица, в 1937 ей было 78 лет.

Образ старицких миллионов в двух — только руку протяни! — буквально шагах истерзал ее: вот бы открыть на минуточку и посмотреть, что там? А потом, разумеется, закрыть. Ну, может быть, взять пару хрустящих бумажек на память…

Была у нее не то подруга, не то родственница — Хана Луцкер, профессиональная воровка. А у той — своя очень серьезная знакомая, скупщица краденого: она-то и разработала весь план, благо ее любовник — Томилин — настоящий громила и мокрушник. У того, в свою очередь, был напарник — Львов (он потом еще и повесится при дознании — вторая загубленная Каминкер душа: били-то в царской полиции не хуже, чем в нынешней!).

Но для вскрытия кассы совсем другой надобен профи — медвежатник, и именно такой маэстро, — по фамилии Павлопуло и по кличке «Пан», — как раз и пожаловал в недобрый час в Одессу-маму на очередные «гастроли».

Фамилии квинтета грабителей и воров нисколько не грешат против интернационализма: евреи, русские, грек. Но криминальные профи и темпераменты у них были разные. Сговорились единственно на грабеж — дождаться, пока старик заснет, отомкнуть кассу, достать деньги, запереть кассу и — сделать ноги. Но старика ни в коем случае не трогать — и уж тем более не убивать!

Такой скучный, без душегубства, сценарий, похоже, огорчал Телегина. А банкир, как назло, все не засыпал, все читал и читал какую-то занимательную книжку, за что и поплатился. Телегин со Львовым не выдержали томления, накинулись на старика, задушили веревкой и… бросились догонять Павлопуло, который от такого вероломства и скверны в ужасе бежал с рабочего места.

К кассе же без него никто и не притронулся!..⁸

После этого убийства Лившицы продержались в Одессе еще семь лет, по инерции считаясь богачами⁹.

О Нахмане (Науме) Моисеевиче Лившице (? — не позднее 1937), отце Бенедикта, известно немногим больше, чем о деде. Был он купцом второй гильдии, но, кажется, без отцовской негоциантской жилки. В коммерции специализировался на маслобойном и молочном деле, владел кирпичным заводом на Жеваховой горе. Контора — в доме Бродского на Московской, две лавки — бакалейная и колониальных товаров — в доме Диалегмено, что на углу Елисаветинской и Торговой¹⁰. Себя Нахман обременял не чрезмерно, дела вести доверял другим, чем, разумеется, весьма помогал таянью доставшейся ему доли наследства.

Кстати, невестка, Е.Л. указывала на несколько иной профиль и масштаб его деятельности — на экспорт зерна, но то был, предположим, крупный дедов гешефт, унаследованный детьми сообща и в равных долях. Зафрахтованные пароходы возили зерно из Николаева и Одессы в Италию, но именно на зерне Лившиц-отец погорел и окончательно разорился. Однажды пароходы попали в шторм и затонули где-то у итальянских берегов, но на расследование Нахман сам не поехал, а послал свояка — Шмуля Ицковича Дукельского-Диклера: тот вернулся ни с чем и страшно расстроенный, но в семье поговаривали, что именно эта поездка стала залогом его скорого собственного процветания.

Как бы то ни было, но и разорившиеся Лившицы, и разбогатевшие Дукельские-Диклеры вскоре после этого покинули Одессу.

Лившицы перебрались в 1900 году в Киев, захватив с собой остатки гешефта и двух младших мальчиков, додимназического возраста. Двух старших — учеников Ришельевской гимназии, оставили в Одессе на полный пансион¹¹, а с двумя младшими родители поселились в Киеве, в скромной для семьи из четырех человек

⁸ Еще раз об этой истории поведал Влас Дорошевич в своей книге «Сахалин» (1905). В ее первой части («Каторга») упоминаний об убийцах Моисея Лившица нет, но они возникают во второй («Преступники») — в главе «Специалист», посвященной как раз маэстро Павлопуло.

⁹ Лившиц Е. Цит. соч. С. 65.

¹⁰ Маслобойня «Н. Лившиц и И. Штейн» (Вся Россия: Русская книга промышленности, торговли, сельского хозяйства и администрации. Торгово-промышленный адрес-календарь Российской империи. — Санкт-Петербург: А.С. Суворин, 1897. Т. 2. С. 88). Также отметим, что некие Нафтуль Моше Лившиц и Абрам Симх Хорол держали банковский дом в Одессе (Дерибасовская, д. Новикова) и в Херсоне (Там же. С. 147).

¹¹ Ср.: «При гимназии этой имеется пансион на 150 воспитанников, плата за учение с учеников: приходящих 70 руб. в год, с живущих в пансионе и получающих полное содержание в первое полугодие по поступлении взимается 280 р., а в последующие затем полугодия по 220 руб. 8 классов. В 1896/7 академическом году в этой гимназии числилось 450 учеников; окончило курс — 38» («Южно-русский альманах». 1-я пагинация. С. 47).

квартире из четырех комнат, обставив ее своей же привычною мебелью из Одессы. Отцовские лавки художники позволяли держаться на плаву, то бишь содержать семью.

А вот семья сестры, пойдя в гору, перебралась еще севернее — в столицу. Начиная с 1909 года, Шмуль Ицкович Дукельский-Диклер, свой, фигурирует в справочнике «Весь Петербург» по адресу «Херсонская ул., 11», правда, еще без обозначения рода занятий. В 1910 году в справочнике его сменяет сын — Бенедикт Шмулевич (1886 — не ранее 1940), помощник присяжного поверенного. В 1911 году, — сын в этом году в армии, — в справочнике снова отец, а потом сын или же они присутствовали оба, пока не разъехались: отец (с 1914 года он купец 2-й гильдии) поселился на Моховой, 98, а сын остался на Преображенской, 13.

Тезки-кузены — эти два Бенедикта, — по-видимому, хорошо дружили: именно Бен Диклер просветил Бена Лившица насчет статуса вольноопределяющегося. Диклер тоже писал стихи и впоследствии даже опубликовал два поэтических сборника — «Appassionato» (Петроград, 1922) и, уже во Франции, «Сонеты» (Париж, 1926).

О его маме, тете Розе, Е.Л. писала: «...благодаря моей болтливости [она] попала в литературу: ее увековечил Мандельштам басней “куда как тетушка моя была богата!..” Все, что написано в этой басне — истинная правда»¹².

Тут имеется в виду басня «Тетушка и Марат»:

Куда как тетушка моя была богата.
Фарфора, серебра изрядная палата,
Безделки разные и мебель акажу,
Людовик, рококо — всего не расскажу.

У тетушки моей стоял в гостином зале
Бетховен гипсовый на лаковом рояле —
У тетушки моей он был в большой чести.
Однажды довелось мне в гости к ней прийти, —

И, гордая собой, упрямая старуха
Перед Бетховеном проговорила глухо:
— Вот, душенька, Марат, работы Мирабо!
— Да что вы, тетенька, не может быть того!

Но старость черствая к поправкам глуховата:
— Вот, душенька, портрет известного Марата
Работы, ежели припомню, Мирабо.
— Да что вы, тетенька, не может быть того!

Из чего заключаем: гуманистарный профиль Бенедикта Лившица был исключением из семейного генома. Его мать, Теофилия Бенедиктовна Лившиц (в девичестве Козинская, 1857–1942), родила четырех сыновей, Бенедикт — старший. К нему мы еще вернемся, а пока задержимся на его братьях.

Даже имени брата, следующего за Бенедиктом и оставленного родителями вместе с ним в Одессе, увы, не знаем. Не упомянул его Лившиц и тогда, когда описывал свою семью на следствии в 1937 году¹³.

Старший же из двух младших, переехавших в Киев вместе с родителями, — Юзик, он же Иосиф, или Осип (не ранее 1887–1947) — со временем стал врачом и поселился в Проскурове¹⁴, где женился на Саре Бланк —

¹² Екатерина Лившиц. «Я с мертвыми не развозусь!..» Воспоминания. Дневники. Письма / Сост. и автор вступит. статьи П. Нерлер. М.: АСТ. Редакция Елены Шубиной, 2019. С. 65 (Далее: Екатерина Лившиц, 2019).

¹³ Архив УФСБ по СПб и ЛО. Дело № 26537. Л.10об., 14. Объяснить это можно лишь тем, что «безымянный» брат как-то оказался в Гражданке не на той стороне и либо погиб, либо эмигрировал.

¹⁴ С 1954 г. — г. Хмельницкий.

«...женищине, которая пережила ужасную трагедию¹⁵: на ее глазах, в течение нескольких минут петлюровцы убили ее отца, мужа: снесли шашкой голову старшему (лет 10-ти) сыну, младшему отрубили ногу, а 3-х летней девочке — ручку. Плечи ее и руки были в глубоких шрамах. Теперь у них была еще и общая дочка, старше Кики года на четыре»¹⁶.

Самый младший брат, Муся, он же Моисей, или Михаил (1890(1889?) — 1973), жил с матерью в Киеве, служил экономистом и бухгалтером, интересовался филателией, краеведением, литературой и искусством. Еще в 1912—1913 гг. он познакомился с Давидом Бурлюком, когда тот вместе с Каменским выступал в Киеве во Втором городском театре (Шато-де-флер). «Я, тогда еще безусый юнец, отправился к нему за кулисы, представился и что-то пробормотал о впечатлении, которое он произвел на меня своими стихами: “Каждый молод, молод, молод, / В животе чертовский голод...”» — писал он впоследствии Екатерине Константиновне Лившиц¹⁷.

Во время Великой Отечественной Муся был на фронте, а вся его семья погибла в Бабьем Яру. Вернувшись, он женился во второй раз (Вера А.) и начал новую жизнь, став серьезным специалистом по истории Киева. Одно время он возглавлял Общество «Киевовед», был членом правления Киевского общества по охране памятников истории и культуры и членом комиссии Киевского горсовета по переименованиям. Главным делом всей своей жизни он считал книгу о Старом Киеве, которую — из-за своей еврейской фамилии — все никак не мог издать, пробавляясь популярными статейками в «Вечернем Киеве», — да так, увы, и не издал¹⁸.

Несмотря на интерес самого младшего брата к авангарду, самый старший с ним близок не был¹⁹. Впрочем, близости не было и между самими младшими братьями²⁰.

Е. Лившиц писала И. Поступальскому:

«Хотя за все эти годы он не удосужился узнать, жива ли я, и что стало со мной и Кикой после ареста [Бенедикта] Константиновича], я все же первая сделала шаг навстречу. Но у него нет ни одной строчки, написанной рукой Бена, или о нем»²¹.

Тем не менее именно через его посредство Е.К.Л. установила контакт с В.А. Вертер-Жуковой. Та умерла в начале мая 1963 года, а ее архив перешел к ее средней сестре Евгении Александровне, и самой-то едва-едва живой, но вынужденной тем не менее опекать младшую сестру-паралитика.

¹⁵ Погром в Проскурове и окрестностях состоялся 15 февраля 1919 г. Погромщиками — Запорожской казацкой бригадой имени Симона Петлюры под командой атамана Семосенко — было убито свыше 1200 чел. и ранено более 600, из них умерло более 300 (Книга погромов. Погромы на Украине, в Белоруссии и Европейской части России в период Гражданской войны. 1918—1922 гг.: Сб. документов. М., 2007. С. 64).

¹⁶ Екатерина Лившиц, 2019. С. 102.

¹⁷ Письмо от 11 ноября 1961 г. (ОР РНБ. Ф. 1315. Д. 60. Л. 3).

¹⁸ См. в его письме к Е.К.Л. от 3 февраля 1963 г.: «О моей книге. Она, очевидно, издана не будет, т.к. я прекратил любые шаги в этом направлении. Причина — не плохое качество работы и не отсутствие потребности в ней. У нас здесь специфическая обстановка, и из откровенного разговора с одним товарищем, имеющим связь с «сильными мира сего», я убедился, что, если бы моя фамилия звучала иначе, книга была бы издана».

¹⁹ ОР РНБ. Ф. 1315. Ед. хр. 15. Л. 4. Письмо Е.К.Л. к И.С. Поступальскому, б/д.

²⁰ См. письмо М.Н. Лившица к Е.К.Л. от 2 декабря 1963 г. (ОР РНБ. Ф. 1315. Оп. 1. Д. 60).

²¹ ОР РНБ. Ф. 1315. Д. 15. Л. 4. Получив письмо от Е.К.Л., он вступил с ней в переписку. Переписывался он также и с Д.Д. Бурлюком (ОР РНБ. Ф. 1315. Д. 60, 167).

Часть третья. История общества и публицистика

Евгений Беркович¹

Притяжение зла

Как диктатуры завоевывают всенародную поддержку

«Никто не признается, что он нацист»

Когда весной 1945 года американские войска вошли на территорию Германии, они ожидали встретить ожесточенные бои за каждую пядь земли. Вместо этого в десятках городов и сотнях деревень их встречали цветами, а при входе в город вывешивались белые флаги. Что еще поразило американцев: они нигде не встретили ни одного убежденного нациста. Историк, описывающий боевой путь 78-й стрелковой дивизии армии США фиксирует в своей хронике:

«Не было ни одного нациста или бывшего нациста, нам ни разу не встретился кто-нибудь, кто симпатизировал бы нацистам» [Lightning, 1947 стр. 227].

В армейской газете «Stars and Stripes» («Звезды и полосы») 15 апреля 1945 года была опубликована заметка, разъясняющая американским солдатам, как надо вести себя при задержании противника. В заметке, в частности, говорилось:

«Все немцы при аресте ведут себя одинаково. Они говорят, что никогда всерьез в национал-социализм не верили. У них всегда имеется оправдание своему поведению. Не важно, что они в 1927 или 1939 году вступили в партию. Они говорят, что к этому их вынудили деловые обстоятельства — так говорят даже те, кто вступил в NSDAP еще в 1927 году» [Kellerhoff, 2017 стр. 9].

Знаменитая американская журналистка и писательница, третья жена Эрнста Хемингуэя автор военных репортажей, вошедших в историю Второй мировой, Марта Геллхорн (Martha Gellhorn) тоже отмечала поразивший ее факт:

«Никто не признается, что он нацист. Никто им никогда и не был. Возможно, в соседней деревне найдется пара нацистов или вон в городке, расположенному отсюда в двадцати километрах, есть настоящий рассадник национал-социалистов, но не у нас. <...> Мы давно ждали американцев. Чтобы вы пришли и нас освободили... Нацисты — свиньи. Вермахт хотел восстать, но не знал как» [Ebzensberger, 1990 стр. 87].

Марта Геллхорн поражается, как никому не пришел в голову простой вопрос: почему же этому отвратительному нацистскому правительству, которому никто не хотел подчиняться, удалось пять с половиной лет вести ужасную войну? Этот риторический вопрос сама же журналистка комментирует: «Целый народ, уверивающий от ответственности, представляет собой жалкое зрелище».

Другая знаменитая американская журналистка и фотокорреспондент Маргарет Бурк-Уайт (Margaret Bourke-White) приводит в своей книге «Германия, апрель 1945» высказывание одного майора армии США:

«Немцы ведут себя так, как будто нацисты — это какая-то чуждая раса эскимосов, пришедшая с Северного полюса и каким-то образом вторгшаяся в Германию» [Bourke-White, 1979 стр. 27].

В побежденной Германии повсеместно наблюдался интересный механизм психологической защиты, называемый «вытеснением». Нацисты, словно инопланетяне, посетившие их страну, теперь полностью исчезли с лица Земли. Немцы как будто забыли о своей жизни в течение двенадцати лет Третьего рейха. А ведь большинство взрослого населения не просто жило в условиях гитлеровской диктатуры, но активно участвовало в делах нацистского режима. Теперь же они представляли себя жертвами войны и Гитлера, заслуживающими лишь жалости, а не наказания за многочисленные преступления.

¹ Историк науки и литературы, математик, к.ф.-м.н., доктор естествознания, публицист и изобретатель.

Ли Миллер (Lee Miller), бывшая фотомодель с обложки журнала «Vogue», ставшая в сороковые годы военным корреспондентом этого журнала, вспоминала:

«Поразительна наглость немцев. Как они могут от всего, что было, дистанцироваться? Что за механизмы замещения в их плохо проветриваемых мозговых извилинах создают у них представление о себе как об освобожденном народе, а не побежденном?» [Miller, 2015 стр. 205].

Немцы послевоенной Германии быстро забыли, каким широким народным движением стал национал-социализм в годы своего могущества, какие разные общественные слои он охватил. Стремительный рост популярности партии Гитлера в конце двадцатых, начале тридцатых годов прекрасно иллюстрируют итоги выборов в Рейхстаг.

В 1928 году национал-социалистическая рабочая партия Германии (NSDAP) насчитывала примерно сто тысяч членов, и за нее на выборах проголосовало чуть больше восьмисот тысяч избирателей, что составило всего-навсего 2,6 % всех голосов. Всего за три года положение радикально изменилось. На выборах в июле 1932 года за NSDAP проголосовали более тринадцати миллионов человек, т. е. 37,3 % всех избирателей. В марте 1933 года число голосов за партию Гитлера превысило семнадцать миллионов, что составило 43,9 %. Такой динамики роста не знала ни одна партия Германии [Falter, 1991 стр. 25].

Социальный портрет нациста

О том, какие слои населения были вовлечены в национал-социалистическое движение, можно судить, анализируя социальную структуру национал-социалистической партии, которой с июля 1921 года руководил Адольф Гитлер.

На день «пивного путча», 9 ноября 1923 года, в партии числилось 55 287 членов [Kater, 1983а стр. 25]. После того, как будущий фюрер нации вышел из тюрьмы в Ландсберге, он в феврале 1925 года реорганизовал партию, устроив новую регистрацию членов. К первому апреля того же года новые партийные билеты получили 521 человек. К марту следующего, 1926 года, партия насчитывала 32 373 члена. В дальнейшем численность партии увеличивалась ежегодно на 20-30 тысяч членов и к марту 1929 года достигла 121 178 человек. В следующие два года, на фоне экономического кризиса, рост ускорился, и к марту 1933 года в NSDAP состояло 1 490 432 члена [Kater, 1983а стр. 26].

Нарисуем обобщенный портрет члена национал-социалистической партии на этапе ее становления, с 1925 до 1933 года.

Несмотря на то, что партия имела в названии слово «рабочая» (точнее, «партия рабочих»), среди партийцев рабочих было не более 40 %. Средний класс (его нижний и верхний слои) составлял 53 %. Остальные семь процентов составляли люди, не указавшие своего социального положения.

Доля рабочих в NSDAP была даже ниже, чем в целом по стране. Например, в Мюнхене каждый третий взрослый принадлежал рабочему классу. Но в городской партийной организации к рабочим относился только каждый четвертый. Зато доля ремесленников, торговцев и других представителей самостоятельных профессий среди взрослого населения составляла четырнадцать процентов, а в партии Гитлера их было двадцать четыре процента [Kellerhoff, 2017 стр. 162].

Столь же неоднородной по социальному составу среди немецких политических партий была, пожалуй, только католическая Немецкая партия центра (Deutsche Zentrumspartei, сокращенно DZP). В тех областях Германии, где большинство населения были католики, за DZP голосовали, практически, все слои населения. В противоположность этим двум объединениям социал-демократическая партия Германии (Sozialdemokratische Partei Deutschlands, сокращенно SPD) была, по преимуществу, партией определенного класса: она на семьдесят процентов состояла из рабочих, еще семнадцать процентов были мелкие служащие и только оставшиеся тринадцать процентов приходились на остальные социальные группы населения, включая врачей, чиновников, адвокатов, владельцев торговых и сельскохозяйственных предприятий [Kellerhoff, 2017 стр. 162].

И другие партии имели подобную SPD однородную структуру — они представляли, как правило, какой-то один из социальных слоев общества. Например, крайне консервативная Немецкая национальная народная партия (Deutschnationaler Volkspartei, сокращенно DNVP), коалиция с которой помогла Гитлеру в 1933 году получить большинство в Рейхстаге и изменить конституцию Германии, состояла, в основном, из жителей сельской местности и мелких служащих. Точно так же и Коммунистическая партия Германии

(Kommunistische Partei Deutschlands, сокращенно KPD) объединяла, прежде всего, рабочих, в том числе, временных, и безработных.

Между уровнем безработицы в стране и активностью населения на парламентских выборах есть прямая связь. Чем больше безработных, тем больше людей приходят на избирательные участки. Во время выборов в Рейхстаг 1928 года уровень безработицы оценивался в шесть процентов, и в выборах участвовало 75,6 % избирателей. В 1930 году эти числа составляли, соответственно, 14,4 и 82 процентов. В июле 1932 года безработица охватила 30 процентов работоспособного населения, и на выборы в Рейхстаг пришли 84 процента избирателей. В ноябре того же года доля безработных уменьшилась до 28,2 %, соответственно и в выборах участвовало меньше людей — 80,6 %. А в марте 1933 года безработица составила 34 %, и доля участвовавших в выборах увеличилась до 88,7 % [Haar, 2009 стр. 64].

Но за кого голосовали люди, потерявшие работу в годы мирового экономического кризиса? Существует мнение, что массовая безработица, поразившая Германию в конце двадцатых годов, рекрутировала в ряды NSDAP множество новых членов. Как ни странно, это мнение ошибочно. Статистика показывает, что большинство рабочих и мелких служащих, потерявших источники дохода, голосовали не за нацистов, а за их не менее радикальную альтернативу — за коммунистов. Люди, разочарованные в социальной системе либеральной и демократической Веймарской республики, оказавшейся неспособной в условиях мирового кризиса защитить их от бедности, предпочитали лозунги диктатуры пролетариата предвыборным обещаниям партии Гитлера [Haar, 2009 стр. 64].

Принадлежность избирателей к определенной религиозной конфессии была существенным фактором, определявшим успех той или иной партии. В областях с преобладающим протестантским населением (север Германии) на выборах в июле 1932 года NSDAP получила более чем вдвое больше голосов, чем в католических регионах (юг Германии) — 56,2 против 22,8 процентов. Регионы, где большинство жителей — протестанты и относительно мало безработных, голосовали на выборах за Гитлера. Там, где жители, в основном, католики, голосовали за партию центра. В областях с высокой безработицей высокие шансы имела коммунистическая партия [Haar, 2009 стр. 65].

За партию Гитлера голосовали люди, недовольные общим экономическим положением в стране, разочарованные политикой партий, задававших тон в Веймарской республике, и надеявшимся на радикальные изменения, которые обещали национал-социалисты. При этом NSDAP получала не только голоса тех, кто ранее не участвовал в выборах, но и голоса избирателей, ранее бывших сторонниками других партий. В период с 1928 по 1933 год из примерно семнадцати миллионов избирателей, голосовавших за Гитлера, около двух с половиной миллионов ранее голосовали за социал-демократов, семь с лишним миллионов — за буржуазные протестантские партии и шесть миллионов ранее не участвовали в выборах [Falter, 1991 стр. 33].

Оценивая общие итоги выборов тех лет, можно утверждать, что еще до 1933 года NSDAP фактически стала партией всего народа, ей удалось сломать барьеры, отделявшие друг от друга социальный группы избирателей, выделенные по роду занятости.

Процесс становления NSDAP общенародной партией шел постепенно. До середины тридцатых годов примерно половина членов национал-социалистической партии проживала в сельской местности. Другую половину составляли жители небольших городков и метрополий. Если в двадцатых годах тех и других было примерно поровну, то в тридцатых годах жителей крупных городов стало больше. Например, в 1925–29 годах 42,6 % всех членов нацистской партии проживали в сельской местности, 28,4% — в небольших городках, почти столько же — 28,9% — в крупных городах, метрополиях. В то же время в целом по Германии в сельской местности проживало 51,3% населения, в небольших городках и метрополиях, соответственно 18,6% и 30,1% [Kater, 1983а стр. 54, прим. 10].

Другими словами, представительство в национал-социалистической партии жителей сельской местности и крупных городов было немногим меньше среднестатистических значений по стране, для небольших городов оно было выше среднего.

В годы, когда на Германию накатил мировой экономический кризис, в ряды партии Гитлера влились многие крестьяне и сельскохозяйственные рабочие Северной Германии, до того державшиеся от нацистской партии в стороне. В результате в 1930 и 1931 годах доля сельских жителей в NSDAP стала больше половины: 54,5 % и 59,3 % соответственно. Доля жителей малых городов и метрополий уменьшилась до 22,0 % и 23,5 % в 1930 году и до 16,6 % и 24,0 % в 1931 [Kater, 1983а стр. 27].

Примерно так же распределялись голоса за партию Гитлера и в 1932 году. Лишь в 1933 году, в связи с упомянутой выше причиной, доля голосовавших за нацистов в небольших поселках и деревнях до 5 000 жителей выросла и составила 43,9 % при среднем проценте избирателей, отдавших голоса за Гитлера, — 39 [Falter, 1991 стр. 41]².

К середине тридцатых годов положение изменилось. Например, в 1937 году жители сельской местности, небольших городов и метрополий составляли в нацистской партии 46,4 %, 21,5 % и 32 % соответственно [Kater, 1983а стр. 27].

Похожие данные приведены и в работах крупного немецкого политолога Юргена Фальтера (Jürgen Falter). Например, по его статистике, поддерживали партию Гитлера на выборах в Рейхстаг в 1930 году:

в небольших поселках и деревнях до 5 000 жителей — 14,6 % населения;
в городках от пяти до двадцати тысяч жителей — 15,8 %;
в городах от двадцати до ста тысяч жителей — 15,7 %;
в крупных городах от ста тысяч жителей и выше — 14,4 %.

При этом средний процент сторонников NSDAP по стране составлял 15 % [Falter, 1991 стр. 41].

Другими словами, сторонники NSDAP были равномерно распределены по всей территории Германии.

В целом, до 1930 года партийные ячейки в разных городах охватывали ничтожную часть населения. Например, в 1928 году «наци», как по аналогии с «соци» — членами социал-демократической партии — называли членов NSDAP, составляли 0,16 % от всего населения. В маленьких городках этот процент был выше, например, в рейнском городке Гох (Goch), в котором проживало в 1928 году всего тринадцать тысяч жителей, членов нацистской партии было 2,58 %. В то же время в относительно крупном Висбадене, где население составляло 158 тысяч человек, члены партии Гитлера составляли всего сотую долю процента жителей [Kater, 1983а стр. 26].

В двадцатых годах двадцатого века большинство членов партии были неженатыми мужчинами. Доля разведенных и овдовевших членов NSDAP мало отличалась от средних значений этих параметров по стране [Haar, 2009 стр. 62]. Положение изменилось после прихода нацистов к власти.

Нацизм и общество

Различие между представительством нацистов в Гохе и Висбадене отражает общую тенденцию: принципы национал-социалистической партии, основанные на идеологии фолькиш³ и сдобренные изрядной дозой антисемитизма, поначалу разделяли в основном представители нижних слоев общества, крестьяне, ремесленники, мелкие торговцы, предприниматели, жители деревни и маленьких городков. Они были недовольны послевоенной разрухой и видели в экономических бедствиях и унижениях капитуляции происки мирового еврейства. Симпатии к Гитлеру определялись страхом перед конкуренцией с большими предприятиями и универсальными магазинами, которые, по утверждениям нацистской пропаганды, находились, как правило, в руках евреев. Но такой поддержки Гитлеру было мало. С середины двадцатых годов пропагандисты нацистской партии обратили свою активность на другие слои населения. Рост доли жителей крупных городов (здесь проживал каждый третий член партии) есть результат изменения социальной политики фюрера.

Это не осталось незамеченным для внимательных исследователей состояния немецкого общества, таких, например, как молодой публицист Александр Шифрин (Alexander Schiffrin). Двадцатилетним юношей он перебрался в 1921 году из Харькова в Германию. Но не в Берлин, как было принято в то время у эмигрантов из Советской России, а в южногерманский город Манхайм (иногда пишут Мангейм, Mannheim), расположенный в Республике Баден (сейчас это земля Баден-Вюртемберг). Достаточно быстро Александр стал известным журналистом, ведущим публицистом социал-демократической партии. В 1928–1933 годах работал редактором газеты «Volksstimme» («Народный голос»). Он раньше других увидел опасность новой мировой войны,

² Юрген Фальтер приводит результаты выборов на основании своих оценок, поэтому они несколько ниже официальных данных: 39 % вместо 43,9 %.

³ Немецкое слово фолькиш (völkisch) с некоторой натяжкой переводится на русский язык нейтральным словом «народный». В современном немецком языке это слово имеет четкий негативный оттенок: националистический, расистский, ксенофобный. Движение фолькиш (völkische Bewegung) — это политическая идеология, распространенная в Германии конца XIX, начала XX веков, ставшая одним из источников национал-социализма.

исходящей от нацистов, внимательно следил за тем, как растет и развивается партия Гитлера. О новой тактике ее лидера завоевывать себе сторонников Шифрин писал в конце двадцатых годов:

«Он взыывает к среднему классу и крупным помещикам, к служащим и люмпен-пролетариату, к крестьянам и к интеллигентам, к промышленникам и чиновникам» (цит. по [Pyta, 1989 стр. 140]).

Александр Шифрин подчеркивал, что национал-социализм находит сторонников во всех слоях немецкого общества. А его товарищи по социал-демократической партии не принимали эти соображения всерьез, ведь они противоречили их идеологическим установкам. Лидер фракции социал-демократической партии (SPD) в Прусском Ландтаге Эрнст Хайльман (Ernst Heilmann), впоследствии член Рейхстага, возражал Шифрину:

«Если наше учение о классовой борьбе в капиталистическом обществе верно, то националистическая попытка представлять одновременно интересы чиновников и среднего класса, молодых крестьян и торговцев, рабочих и промышленников столкнется с внутренними противоречиями общества» (цит. по [Pyta, 1989 стр. 140]).

Но марксово учение о классовой борьбе здесь явно дало осечку — статистика свидетельствует об успехах нацистской пропаганды среди самых разных слоев населения.

Бывший рейхсканцлер и председатель SPD Герман Мюллер (Hermann Müller) тоже не верил в успех нацистов:

«Столь неоднородное общественное движение может существовать, лишь опираясь на объединяющую силу какой-то зажигательной идеи. Но NSDAP не имеет единого экономически или культурно обоснованного мировоззрения» [Kellerhoff, 2017 стр. 159].

Любопытно отметить, что точные пророчества Александра Шифрина и дальше не принимались современниками всерьез. С приходом Гитлера к власти Шифрин эмигрировал во Францию, где продолжал деятельность активного публициста. Под псевдонимом Макс Вернер (Max Werner) он опубликовал в 1938 году книгу «Разворачивание Второй мировой войны» [Werner, 1938]. Весной 1939 года, за полгода до начала Гитлером военных действий в Польше, появился английский перевод этой книги. Александр послал его в Англию Уинстону Черчиллю. К большому разочарованию Шифрина будущий премьер-министр и министр обороны Великобритании ответил, что тот *«преувеличивает опасность, исходящую от нацистского режима»* [Geschichtsportal_für_Baden].

Мнение о том, что NSDAP — это не общенародная партия, а партия среднего класса (партия «колбасников» на популярном когда-то жаргоне), было чрезвычайно распространено еще до прихода Гитлера к власти. Это заблуждение решительно опровергается уже приведенной статистикой и такими данными социального среза избирателей.

По данным Фальтера на выборах 1930-1932 годов за партию Гитлера голосовало примерно 40 % рабочих, 20 % служащих и чиновников, 40 % крестьян и работников свободных профессий [Falter, 1991 стр. 42, Tab. 7].

Очевидно, доля рабочих, служащих и чиновников, поддерживавших NSDAP, слишком велика, чтобы считать ее партией только одного класса или слоя. Еще до прихода Гитлера к власти его партия приобрела характер всенародного движения, охватывающего все слои общества.

Те, кто утверждает, что национал-социалисты — партия среднего класса, словно не замечают слов Гитлера, сказанных еще в октябре 1928 года:

«NSDAP стремится постепенно сделать весь немецкий народ снова единым, и агитирует не какие-то отдельные группы населения, а все социальные и профессиональные слои» [Zitelmann, 1987 стр. 137].

И буквально через пару месяцев будущий фюрер нации повторил главную мысль:

«Движение, от имени которого я здесь говорю, не является движением какого-то определенного класса или определенного социального слоя или профессии, напротив, оно есть в высшем смысле слова немецкая народная партия. Оно стремится охватить все слои нации, все профессиональные группы, оно хочет подойти к каждому немцу, у которого есть добрая воля служить своему народу, который хочет жить среди своего народа и кровно ему принадлежать» [Zitelmann, 1987 стр. 137].

Ни одной партии Веймарской республики, кроме NSDAP, не удалось добиться такой равномерной поддержки во всех социальных слоях и профессиональных группах Германии, за исключением католиков и рабочих-пролетариев крупных предприятий. Еще до прихода к власти национал-социалисты стали общенародной партией протеста, объединившей граждан всех регионов, различных религиозных конфессий, разнообразного социального происхождения и положения в мощное всенародное движение.

Нацисты смогли найти свой подход для абсолютно различных социальных групп, обещая каждой из них то, что от них ждали. В религиозных группах гитлеровцы обещали защитить веру от атеистов-большевиков, рабочим представлялись борцами с капитализмом, предпринимателей привлекали принципом единонаучалия, требованием беспрекословного подчинения начальству («фюрер-принцип»). Все остальные партии, включая коммунистов, не могли себе позволить такой беспринципной демагогии, оставаясь связанными узами традиции, происхождения или идеологии.

В предвыборной пропаганде 1930–33 годов нацисты широко использовали достижения технического прогресса того времени. Эффективными оказались пропагандистские фильмы и кинореклама. Во время предвыборных кампаний 1932 года Гитлер использовал специально нанятый самолет, облетая многие города, куда его соперники по выборам не успевали добраться на поездах и автомобилях.

Следует обратить внимание на такой исторический факт. Ради привлечения новых голосов на выборах нацисты начиная с 1930 года резко снизили антисемитский накал своей предвыборной агитации. Члены партии, обязанные подчиняться Программе незыблемых «25 пунктов» (25-Punkte-Programm), должны были бороться с «еврейско-материалистическим духом». Но граждане, лишь голосующие за NSDAP, не были в своем большинстве антисемитами. Их юдофобскими лозунгами можно было только отпугнуть от излишне радикально правой партии. Отсутствие антиеврейской риторики в предвыборных агитационных материалах не означало, конечно, изменение партийной идеологии. Это было одним из многих тактических приемов, использованных нацистами для успеха на выборах [Zitelmann, 1989 стр. 129].

Этот факт подтверждает, что в определенном смысле Томас Манн был прав, называя в 1921 году в письме Якубу Вассерману Германию «космополитичной страной, в которой «ростки антисемитизма не могут пустить глубокие корни» [Mann, 1988 стр. 475–476].

Да, в обществе существовал некоторый градус ксенофобии, нежелания считать «чужаков» своими, от чего страдал Вассерман. Но до прихода Гитлера к власти увлечь большинство населения антисемитскими лозунгами было невозможно, и опытный политик это учитывал в предвыборной борьбе. Провал бойкота еврейских предприятий первого апреля 1933 года подтверждает, что тогда антисемитская кампания не нашла поддержки у населения. Правда, нескольких лет усиленного промывания мозгов тотальной антиеврейской пропагандой оказалось достаточно, чтобы изменить менталитет нации, что ясно показало отношение немцев к всегерманскому антиеврейскому погрому 9 ноября 1938 года, когда на страну опустилась страшная Хрустальная ночь. Эти изменения как будто прошли мимо внимания великого писателя, и в 1937 году продолжавшего верить, что «антисемитизм — аристократизм черни» [Mann, 1974c стр. 481].

Нацизм и молодежь

Национал-социалистическая партия была самой молодой в политическом ландшафте Веймарской республики. Средний возраст членов NSDAP до 1930 года составлял 28,8 лет. Прием в партию начинался с восемнадцати лет. Почти четверть всех членов были моложе 23 лет, еще четверть имела возраст от 23 до 30 [Kellerhoff, 2017 стр. 161]. Другими словами, более половины партийцев были моложе 30 лет.

Партия Гитлера была привлекательна для молодежи во многом тем, что здесь не только не запрещалась, но всячески поощрялась активная, граничащая с хулиганством и другими уголовными преступлениями борьба с инакомыслящими. Показателен пример несовершеннолетнего Фрица Беренданта (Fritz Berendt) из Восточной Пруссии, который вел нацистскую пропаганду доступными ему средствами: вместе с семьей товарищами-сверстниками организовал банду, которая устраивала жестокие драки с коммунистами. После того, как в одном из сражений Фриц был серьезно ранен, отец запретил ему любую политическую деятельность, но сын так настойчиво умолял отца, что запрет был, в конце концов, снят [Kellerhoff, 2017 стр. 161].

Другие партии Веймарской республики категорию молодых людей от 18 до 25 лет фактически не замечали, люди приобщались к политической деятельности, как правило, лишь к тридцати годам и позже. Только партия Гитлера широко открывала двери для молодежи, едва переступившей порог совершеннолетия. Это отмечал в

1930 году социал-демократ Карло Мирендорф (Carlo Mierendorff) [Kellerhoff, 2017 стр. 161]. Сам он, в отличие от своих сверстников, рано вступил в социал-демократическую партию — в 1920 году, когда ему исполнилось двадцать три года. В студенческие годы он руководил «Социалистической студенческой группой» в Гейдельберге и тоже был склонен к активным действиям. Например, он участвовал в аресте директора Физического института, нобелевского лауреата Филиппа Ленарда, отказавшегося вывесить траурные флаги в день похорон Вальтера Ратенау 27 июля 1922 года [Беркович, 2018 стр. 70].

Средним возрастом своих членов национал-социалистическая партия Германии сильно отличалась от других партий, участвовавших в выборах в Рейхстаг. Например, более половины всех членов социал-демократической партии были старше сорока лет. Моложе тридцати было только двадцать процентов всех членов SPD. Напомним, что для NSDAP эта доля составляла пятьдесят процентов. Другие партии имели еще более пожилой состав, особенно леволиберальная Немецкая демократическая партия (Deutsche Demokratische Partei, сокращенно DDP), национал-либеральная Немецкая народная партия (Deutsche Volkspartei, сокращенно DVP) и католическая Немецкая партия центра.

Вопреки мнению Томаса Манна, что опорой для Гитлера служили малообразованные бюргеры, как он выразился, «чернь», главной ударной силой нацистов становились именно студенты, будущая элита страны. Составной частью в ядро нового националистического движения входили идеи фолькиш, пангерманизма и непременно антисемитизма.

Об антисемитизме в студенческой среде упоминал Якоб Вассерман в письме Томасу Манну в апреле 1921 года [Wassermann, 1988 стр. 480]. Еще в конце девятнадцатого века националистически настроенные студенческие объединения Австрии решили исключить из своих рядов всех евреев, причем еврей понимался в расистском смысле: крещение ничего не меняло в глазах юных предшественников нацистов. За австрийцами последовали и немецкие студенты [Genschel, 1966 стр. 58].

Рост числа студентов, присоединившихся к нацистам, объясняется их относительно тяжелым материальным положением в обществе, несмотря на то что экономика Германии стала постепенно восстанавливаться от послевоенной разрухи и хаоса. В 1926 году группа окончательно разочарованных своим положением студентов образовала Национал-социалистический союз немецких студентов (Nationalsozialistischer Deutscher Studentenbund, сокращенно NSDStB).

Поначалу задачи Союза виделись в организации социальной помощи нуждавшимся студентам. Направление деятельности Союза изменилось, когда к руководству пришел Бальдур фон Ширах (Baldur von Schirach). Если и нужен пример, опровергающий утверждение Томаса Манна, что «антисемитизм — аристократия черни», то лучше фон Шираха ничего не придумаешь. Выходца из знатной дворянской фамилии, студента Мюнхенского университета никому и в голову не пришло бы отнести к «черни». Но, вопреки мнению Томаса Манна, фон Ширах был убежденным антисемитом, вступил в национал-социалистическую партию сразу, как только достиг положенных восемнадцати лет — в 1925 году. На посту рейхсфюрера NSDStB фон Ширах умело руководил национал-социалистической пропагандой среди студенчества, добиваясь того, чтобы в университетах Германии не осталось ни одного студента, который бы не был верен идеалам нацизма.

В первые годы Веймарской республики большинство студенческих союзов и объединений присоединились к новой откровенно националистической организации «Кольцо немецкой высшей школы» («Deutscher Hochschulring» — DHS), которая вскоре стала определять общую студенческую политику в Германии. Она активно насаждала среди студентов идеологию фолькиш, неразрывно связанную с антисемитизмом.

Условием членства в DHS было арийское происхождение, гражданство не играло существенной роли: немцы по происхождению (так называемые фольксдойче - Volksdeutsche) из Австрии или Судетской области могли вступить в эту организацию, даже не будучи гражданами Германии, зато немецкие евреи — никогда!

«Кольцо немецкой высшей школы» господствовало в немецких университетах до середины двадцатых годов, после чего само присоединилось к «Национал-социалистическому союзу немецких студентов». С конца двадцатых годов демонстрации и нападения правых студенческих экстремистов на их политических противников в немецких университетах стали происходить все чаще.

Скоро под огонь критики воинственной молодежи попали многие либерально настроенные профессоры-нацисты, не разделявшие идеалы национал-социализма. Еще до прихода Гитлера к власти был лишен права преподавать и уволен из Гейдельбергского университета экстраординарный профессор математической статистики Эмиль Гумбель, чья пацифистская деятельность и еврейское происхождение возмущали национал-

социалистически настроенных студентов. В 1925 году потерял право читать лекции студентам Технического университета в Ганновере философ и социолог Теодор Лессинг [Беркович, 2018 стр. 287].

В 1931 году Национал-социалистическому союзу немецких студентов удалось добиться абсолютного большинства своих членов в студенческих советах двадцати восьми немецких университетов. Летом того же года председателем Студенческого союза Германии (Deutsche Studentenschaft, сокращенно DSt) стал член NSDStB. В своих программных выступлениях он требовал от студентов неуклонно поддерживать линию национал-социалистической партии. Вопросы обучения отошли на задний план [Wenzel, 2009 стр. 29]. Студенческий союз Германии стал первым общегерманским объединением, попавшим под контроль национал-социалистов. Все больше и больше студентов активно поддерживали национал-социалистическую партию и участвовали в проводимых ею акциях.

Достаточно красноречив пример университетского Гётtingена, ставшего в двадцатых и тридцатых годах XX века бастионом национал-социализма. Местная ячейка нацистов была создана в городе в 1922 году, и уже через год боевой отряд штурмовиков в форме СА насчитывал двести бойцов [Kühn, 1983 стр. 13-46]. Самая большая городская газета «*Göttinger Tageblatt*» постоянно воспитывала и поощряла у читателей расистские взгляды. Так, отмечая в 1925 году 60-летие героя Первой мировой войны генерала Эриха Людендорфа, участвовавшего вместе с Гитлером в ноябрьском путче 1923 года, она подчеркивает его «борьбу с еврейством». Курта Тухольского, едкого сатирика и критика националистических взглядов, гётtingенская газета называет «еврейской грязной свиньей» и сожалеет, что «никто не возьмется с помощью плетки нарисовать звезду Давида на его роже» [Wilhelm, 1978 стр. 38-39].

С 1925 года газета открыто поддерживала национал-социалистическую партию. Не удивительно, что и читатели газеты демонстрировали свою приверженность партии Гитлера. На выборах в Рейхстаг нацисты получали в процентном отношении всегда больше голосов, чем в целом по стране. Так в 1930 году они набрали только 18,3 % голосов немецких избирателей, но в Гётtingене за них голосовало 38 %. Во время самой большой удачи нацистов на выборах — в июле 1932 года — они набрали 37,3 % голосов по всей Германии, а среди избирателей Гётtingена национал-социалисты добились абсолютного большинства [Hasselhorn-Weinreis, 1983 стр. 47].

На относительно ровном фоне «образованного антисемитизма», редко выходившего за рамки внешнего приличия, антисемитизм немецкой образованной молодежи с давних пор выглядел как радикальная форма ненависти, не знающая компромиссов. Показательно, что печально известную акцию публичного сожжения книг «антинемецкого духа» организовал и провел как раз Национал-социалистический союз немецких студентов.

В начале апреля 1933 года NSDStB было создано специальное управление прессы и пропаганды. Его первым и важнейшим делом стало проведение всегерманской акции сожжения «вредных книг». Решение об этом было принято 8 апреля, сама акция должна была выглядеть как реакция на «бессовестную травлю Германии» со стороны мирового еврейства. Между 12 апреля и 10 мая должна быть проведена «информационная кампания», а публичное сожжение назначено на 18 часов в последний день кампании — 10 мая 1933 года.

Действие было продумано до мелочей — в таких акциях нацисты разрабатывали сценарий до мельчайших деталей. Было выдвинуто двенадцать тезисов, которые студенческие руководители должны были зачитывать при сожжении книг [Walberer, 1983 стр. 35]. Не все тезисы были направлены против евреев, другими мишениями служили марксизм, пацифизм и «разрушающая душу переоценка животных инстинктов», так замысловато называлось учение Фрейда и его школы. В целом, акция была задумана как «мятеж немцев против антинемецкого духа». Однако, по сути, главными врагами немцев студенты видели тех же евреев. Новая акция переносила идею бойкота еврейских предприятий с экономического поля в идеологическое.

К 13 апреля студенческие тезисы были вывешены на досках объявлений всех университетов Германии, транспаранты с текстами тезисов «украшали» многие здания. Пятый тезис гласил: «Если еврей пишет по-немецки, он лжет». Студенты требовали, чтобы в будущем книги евреев на немецком языке снабжались пометкой: «перевод с еврейского».

Вечером 10 мая по всей стране началось действие, более подходящее временам средневековья, чем двадцатому веку. В Берлине было сожжено около двадцати тысяч книг, в других крупных немецких городах — от двух до трех тысяч. В столице огромный костер был разожжен вблизи государственной оперы. На митинге одним из выступавших был министр пропаганды и гауляйтер Берлина Йозеф Геббельс. Среди сожженных

«ядовитых книг» особенно отмечали работы Карла Маркса, Фердинанда Лассала, Зигмунда Фрейда, Генриха Манна, Альфреда Дёблина, Бертольда Брехта, а также доброго друга Хедвиг Прингсхайм Максимилиана Хардена.

В ответ на многочисленные протесты из-за границы магистрат города Берлина сделал 22 мая 1933 года заявление, что книги иностранных авторов не сжигались. Это явная ложь, так как в списке книг, подлежащих сожжению 10 мая, стояли тридцать семь писателей, чьи книги были переведены на немецкий. Больше всего было советских авторов — двадцать один. Кроме них, восемь американских, три чехословацких, два венгерских, по одному из Польши, Франции и Японии [Weidermann, 2008 стр. 205].

Особого отбора в этом списке не чувствовалось, просто все, что подходило под категории «социалистический», «еврейский», «пацифистский», считалось опасным и вредным для Германии. Наряду с Максимом Горьким, Ильей Эренбургом, Исааком Бабелем, сожжению подлежали книги Федора Сологуба, Ильи Ильфа и Евгения Петрова, Михаила Зощенко, Федора Гладкова, Михаила Кузьмина, Валентина Катаева и других, таких разных и непохожих авторов. Из американских писателей, чьи книги стояли в списке на сожжение, стоит отметить Джека Лондона, Эрнеста Хемингуэя, Эптона Синклера... Чешскую литературу для костра представляли Ярослав Гашек и Карел Чапек. Единственным французом в списке был Анри Барбюс.

После прихода Гитлера к власти немецкие университеты и другие высшие учебные заведения относительно быстро присоединились к нацистской идеологии. При этом процесс «встраивания» в нацистское государство шел не только сверху, через назначенного национал-социалистического министра культуры и образования, но и изнутри, за счет массового вступления в нацистскую партию студентов и преподавателей. Активность членов NSDStB сыграла в этом процессе важную роль.

После публикации закона «*О восстановлении профессионального чиновничества*» («Gesetz zur Wiederherstellung des Berufsbeamtenstums») от 7 апреля 1933 года национал-социалистические студенты участвовали в изгнании с работы профессоров-евреев, составляя «черные списки» и организуя бойкоты лекций, читаемых неарийцами.

Так был вынужден подать в отставку профессор Гёттингенского университета Эдмунд Ландау (Edmund Landau), уволить которого по закону власти не могли, так как он был «старослужащим», т.е. стал профессором в 1909 году, до Первой мировой войны [Беркович, 2018 стр. 264].

В организации бойкота лекций профессора Ландау важную роль сыграл Освальд Тайхмюллер (Oswald Teichmüller), гениальный математик и убежденный нацист. Он родился в небольшом городке Нордхаузене (Nordhausen) в южной части гористого Гарца, детство его прошло в расположенной недалеко деревне Санкт-Андреасберг (St. Andreasberg). В Гёттингене он появился в 1931 году восемнадцатилетним юношей из обедневшей семьи мелких собственников. Через один семестр он вступил в нацистскую партию и стал штурмовиком СА. Номер его партийного билета был 587 724 [Segal, 2003 стр. 444]. В партию его привела не забота о карьере, а политический идеализм и вера в то, что «национальная революция» поможет возрождению Германии. Не последнюю роль сыграло и желание наивного юноши обрести опору в новом движении, стать своим в непривычной интеллектуальной среде. Через короткое время Тайхмюллер стал лидером среди национал-социалистических студентов факультета математики и естествознания. Расистская идеология нацистов увлекла его и стала основой решительных действий.

На следующий день после бойкота лекции Ландау, когда в аудиторию, где профессор ждал студентов, просто никого из слушателей не пропустили, Тайхмюller письменно объяснил цели и задачи этой акции:

«Вы [Ландау] высказали вчера [в нашем разговоре] предположение, что это была антисемитская демонстрация. Я придерживался и придерживаюсь той точки зрения, что юдофобская акция могла бы быть направлена на кого угодно, но не на вас. Речь идет не о создании трудностей для вас как еврея, а исключительно о защите студентов второго семестра от того, чтобы их обучал дифференциальному и интегральному исчислению преподаватель совершенно чуждой расы. Я нисколько не сомневаюсь в ваших способностях читать чисто международно-математические и научные лекции подходящим студентам любого происхождения... Но возможность того, что вы сообщите слушателям математическое ядро без собственной национальной окраски, столь же мала, как велика уверенность в том, что скелет без мяса не бегает, а падает и разрушается» [Siegmund-Schultze, 1998 стр. 66].

Хотя в то время Тайхмюллер не встречался с берлинским профессором Людвигом Бибербахом (Ludwig Bieberbach), их мировоззрения удивительно совпадают. Бибербах был первым, кто разделил математику на арийскую и еврейскую. До него то же сделал с физикой Филипп Ленард [Беркович, 2018 стр. 76].

Не удивительно, что Тайхмюллер впоследствии переехал в Берлин и опубликовал именно в журнале Бибербаха *«Deutsche Mathematik»* («Немецкая математика») ряд выдающихся работ, вошедших в историю науки. Гениальность математика сочеталась у Тайхмюллера с убежденностью нациста. Случай, конечно, не частый, но и не единственный. Открыто сотрудничали с нацистами и другие знаменитости: психолог Карл Густав Юнг, философ Мартин Хайдеггер, физик Паскуаль Йордан и другие.

Убеждение, будто национал-социализм — движение необразованных низов общества, или, как утверждал Томас Манн, «фашизм — социализм дураков» [Mann, 1974c стр. 481], безнадежно устарело.

В 1934 году Национал-социалистический союз студентов перешел в подчинение штаба заместителя фюрера по партии Рудольфа Гесса (Rudolf Heß). Он упорядочил структуру NSDStB и провел ряд изменений устава, чтобы превратить Союз студентов в элитную организацию. В Союз могли вступить лишь члены нацистской партии. Другие студенты принимались только после испытательного срока в два семестра.

С приходом к руководству NSDStB и DSt в ноябре 1936 года Густава Шееля (Gustav Scheel) роль националистических студентов еще более выросла. Теперь не министерство науки, воспитания и народного образования определяло руководителя местных студенческих организаций, а Национал-социалистический союз немецких студентов. Кадровые вопросы в высшей школе, назначение новых профессоров и преподавателей, защиты диссертаций и другие внутренние вопросы решали теперь тройки, состоявшие из представителя ректората, национал-социалистического союза студентов и другой национал-социалистической организации, входящей в структуру NSDAP: Национал-социалистического союза немецких доцентов (*National-sozialistische Deutsche Dozentenbund*, сокращенно NSDDB).

Целью обоих союзов — студентов и доцентов — была полная перестройка работы высших учебных заведений в духе национал-социализма. И эта цель была довольно быстро достигнута.

Нацизм и элиты

Долгое время считалось, что университетская жизнь находится в стороне от политики, а сами немецкие университеты обладают существенной самостоятельностью. Буквально накануне прихода Гитлера к власти, в декабре 1932 года в городе Галле состоялась конференция ректоров университетов, на которой была принята резолюция о запрете проведения какой-либо партийной политики в учебных заведениях [Grüttner, 2010 стр. 150].

Через несколько месяцев об этой резолюции благополучно забыли. Уже летом 1933 года в некоторых университетах в нацистской партии состояли 20 % преподавателей. В последующем рост числа членов NSDAP продолжился, так что к концу Третьего рейха нацистами стали две трети профессоров и преподавателей немецкой высшей школы [Grüttner, 2010 стр. 150].

Похожие процессы проходили и в других секторах германского общества. После успехов нацистов на выборах в Рейхстаг 1930 и 1932 годов и особенно после их прихода к власти в 1933 году в партию стали массово вступать более зрелые люди, и средний возраст членов партии повысился⁴. Мартовские выборы 1933 года, когда Гитлеру удалось получить поистине диктаторские полномочия, вызвали такой поток заявлений о приеме в партию, что первичные партийные ячейки буквально утонули в нем. В течение нескольких недель численность NSDAP превысила два с половиной миллиона человек!

Важное место среди новых членов национал-социалистической партии занимали представители высших слоев немецкого общества — чиновники высокого ранга, промышленники, профессора университетов, интеллигентская элита, одним словом. Вопреки распространенному мнению, профессора высшей школы были политически активны. Правда, до прихода Гитлера на пост рейхсканцлера они сторонились NSDAP, отдавая свои голоса другим консервативным партиям, составлявшим оппозицию руководству Веймарской республики. К примеру, из 98 профессоров Гётtingенского университета в 1920 году 36 % занимались в той или

⁴ Утверждение Инго Хаара (Ingo Haar), что средний возраст остался ниже тридцати лет [Haar, 2009 стр. 62], не соответствует действительности. Хотя и ненамного, но средний возраст в отдельные годы становился больше тридцати. Так, в 1933 году он достиг 34,4 лет [Falter, 1998 стр. 606, рис. 6].

иной форме политической деятельностью. Из них 42 % принадлежали Немецкой национальной народной партии (DNVP), 31 % — Немецкой народной партии (DVP), 25 % — Немецкой демократической партии (DDP) и один человек состоял в Коммунистической партии Германии (KPD) [Becker-Dahms-Wegeler, 1998 стр. 35].

К началу тридцатых годов профессура Германии стала еще правее, но все же к радикальной партии присыпать опасалась. Положение изменилось после назначения Гитлера рейхсканцлером 30 января 1933 года.

Показателен пример маленького городка Нортхайм (Northeim) в Гарце в южной части Нижней Саксонии. К концу января 1933 года в городе насчитывалась сотня членов нацистской партии. В начале марта их было уже четыреста, а после выборов 5 марта начался бурный поток заявлений в партию. Первого мая 1933 года в Нортхайме было уже тысяча двести членов NSDAP [Falter, 1998 стр. 595], что составляло одну пятую всего взрослого населения города. За один квартал число членов нацистской партии увеличилось в двенадцать раз!

Нортхайм нельзя все же назвать типичным городом Германии, так как в среднем по стране число членов NSDAP к середине 1933 года составляло два с половиной миллиона человек, что представляло собой одну двадцатую всего взрослого населения страны.

Тем не менее темпы роста численности партии в 1933 году поражают. Если принять за сто процентов общее число вступивших в NSDAP за период с 1925 по 1933 годы, то на один только 1933 год придется 61,6 %. Для сравнения: в 1929 году было принято 1,8 %, в 1930 — 6 %, в 1931 — 13 % и в 1932 — 14,7 % от общего числа [Falter, 1998 стр. 601, рис. 1].

Конечно, не все присоединялись к гитлеровской партии из глубоких националистических убеждений. Как писал историк Шеридан Аллен (Sheridan Allen), лично следивший за ростом сторонников NSDAP в 1933 году, мотивы вступления в партию столь же многообразны, как и сами люди, рвущиеся в национал-социалисты [Allen, 1973 стр. 241].

Многие хотели использовать начавшееся «национальное возрождение», как называли захват власти сами нацисты, для личных целей. Например, обезопасить себя и семью от возможных преследований. Для кого-то правящая партия становилась гарантом рабочего места, которое все боялись потерять. Кто-то рассчитывал на новые материальные льготы, которые сулила близость к партии власти. Кто-то действовал по пословице «С волками жить — по-волчьи выть». Некоторых испугали акции устрашения, которые проводили нацисты в первые месяцы после прихода к власти. Кто-то поддался чужому давлению — в семье, на работе, в кругу знакомых...

Отдельно надо сказать о людях, уже занимавших заметные посты в обществе, например, о бургомистре или редакторе местной городской газеты. Им вступление в партию Гитлера было нужно, чтобы сохранить рабочее место. Многие чиновники и интеллектуалы давно симпатизировали нацистам, но не решались вступить в NSDAP, опасаясь мнения коллег и начальства. Теперь же ничто не могло им помешать исполнить желание. Были и такие, кто хотел вступить в национал-социалистическую партию, чтобы ее «облагородить», поднять ее средний интеллектуальный уровень, внести в ее среду что-то человеческое, разумное, доброе, вечное...

Следует сказать, что не все заявления в партию принимались безоговорочно. Многим, даже чистокровным арийцам, отказывали, если они были уличены в борьбе с NSDAP в прошлом, в лояльности Веймарской республике, пацифизме и других «непатриотических», с точки зрения нацистов, деяниях.

Потребовались годы, чтобы обработать весь вал заявлений, обрушившийся на партийные ячейки нацистов. Управление делами партии в Мюнхене вплоть до 1936 года выдавало постоянные партийные билеты тем жителям Нортхайма, которые подали заявление до 1 мая 1933 года [Falter, 1998 стр. 596].

О размерах этого вала можно судить по таким статистическим данным. В январе 1933 года, еще до назначения Гитлера рейхсканцлером, в его партию вступили 21,2 тысячи человек. В феврале чуть больше — 24,4 тысячи. В марте, после новых выборов в Рейхстаг, давших коалиции NSDAP и DNVP абсолютное большинство в парламенте, в партию Гитлера вступили уже 62,5 тысячи человек. В апреле их число увеличилось более чем втрое: 203,8 тысячи. И, наконец, в мае 1933 года в партию записался миллион триста три тысячи немцев [Falter, 1998 стр. 602, рис. 2]. Всего за первые пять месяцев 1933 года в партию принято миллион шестьсот тысяч членов.

Нелишне заметить, что до января 1933 года ситуация была обратная — количество новых членов партии неуклонно падало: со 140 тысяч в четвертом квартале 1931 года до 60 тысяч в четвертом квартале 1932 года. Эта драматическая для нацистов динамика падения для многих современников была доказательством

близкого конца партии Гитлера. В конце 1932 года Геббельс записал в своем дневнике: «...будущее темно и мрачно. Все предположения и надежды полностью исчезли» [Мельников-Черная, 1982 стр. 118]. Так что назначение престарелым президентом Гинденбургом Адольфа Гитлера рейхсканцлером оказалось спасением для его партии. А дальше последовал описанный выше взрыв популярности, названный впоследствии «национальным возрождением» или «националистической революцией».

Буквально в течение нескольких недель моральное состояние немецкого общества радикально изменилось. Очевидец этих событий Себастиан Хаффнер (Sebastian Haffner) писал:

«Междуд выборами в Рейхстаг пятого марта и летом 1933 года в Германии произошла абсолютная смена настроений. Дух общества в 1933 году столь же важен, как в августе 1914-го. Это было — иначе и не скажешь — широко распространенное чувство искупления и освобождения от демократии» [Haffner, 1987 стр. 237]

И далее Хаффнер пишет об огромном потоке желающих присоединиться к нацистской партии только из-за соображений карьеры, а не идеологии:

«Образ мысли, который можно презирать, но который лежит в основе человеческой природы и который в тридцатых годах сделал немцев политически очень сплоченной нацией» [Haffner, 1987 стр. 240].

Представляется, что Хаффнер нарисовал слишком упрощенную картину: в его изложении отсутствуют немцы, присоединившиеся к нацистам по убеждению, о чем писал другой очевидец событий Шеридан Аллен.

Тем, кто из конъюнктурных соображений вступил в партию после марта 1933 года, придумали ироническое наименование «мартовские падшие» (Märzgefallene) — так раньше называли жертв мартовской революции 1848 года в Вене и Берлине, а также жертв Капповского путча 1918 года. Для ветеранов партии, имевших номер партийного билета меньше ста тысяч, т.е. вступивших в NSDAP до 1928 года, ввели специальное звание «Старые бойцы» (Alte Kämpfer). Их награждали «Золотым фазаном» — специально введенным «Золотым значком партии» (Goldenes Parteibadge). Впоследствии предельный номер партбилета для «Старых бойцов» увеличили до трехсот тысяч. Для тех партийцев, кто вступил в национал-социалистическую партию до назначения Гитлера рейхсканцлером, т.е. до 30 января 1933 года, использовали обозначение «Старые члены партии» (Alte Parteigenossen). Первого мая 1933 года из-за лавины новых заявлений прием в партию был временно приостановлен. Когда прием снова возобновили, численность партии достигла восьми с половиной миллионов членов [Benz, 2009 стр. 7].

Важно подчеркнуть, что с приемом новых членов NSDAP в 1933 году качественно изменился социальный состав партии. Доля рабочих в партии снизилась с 40 % до 34 %, а доля служащих и чиновников выросла с 22 % до 31 % [Falter, 1998 стр. 610, таб. 1].

Перепись населения, проведенная в 1933 году, показала, что в целом по Германии рабочие составляют 48 % всех взрослых жителей страны, а служащие и чиновники — 19 % [Falter, 1998 стр. 610, таб. 2].

Как мы видим, доля рабочих в партии меньше, чем в целом по стране. Зато доля чиновников, служащих, включая академическую элиту, в партии почти вдвое выше, чем средняя по Германии.

До 1933 года среди новых членов партии было 4,2 % служащих и 4,7 % преподавателей высшей школы, имевших ученые степени. А вот среди «мартовских павших», т.е. с марта по май 1933 года, доля служащих поднялась в три раза — до 12,5 %, а доля докторов наук увеличилась вдвое — до 9,2 % [Falter, 1998 стр. 614, рис. 9].

По расчетам Юргена Фальтера в 1933/34 годах нацисты составляли 7,3 % всего занятого населения Германии, однако членами NSDAP являлись 20 % всех немецких чиновников и служащих и 30 % всех преподавателей высшей школы [Haar, 2009 стр. 72].

Эти данные позволяют по-новому взглянуть на роль интеллигентской элиты общества в Третьем рейхе, чья ответственность за преступления нацистов явно недооценивается. Такой высокий процент высших чиновников и интеллигентов в нацистской партии заставляет усомниться в сложившемся стереотипе: якобы тупое и необразованное партийное руководство, состоящее из недавних «колбасников» и штурмовиков, противостоит высокопрофессиональному, морально чистому старому, часто аристократическому чиновничеству, честно выполнявшему свой государственный долг и не замешанному в преступлениях режима. Они, мол, лишь стремились уменьшить хаос, вызванный противоречивыми командами из разных центров — партийного

и государственного. Такую картину ярче других нарисовал известный историк Третьего рейха Ганс Моммзен (Hans Mommsen), младший представитель знатной династии немецких историков.

Согласно Моммзену, нацисты, прия к власти, разрушили сложившуюся систему управления на региональном и отраслевом уровне, новые назначены из партийного актива были некомпетентны и отдавали непрофессиональные приказы, вносящие неразбериху, и лишь чиновники «старого образца» по мере сил пытались исправить положение [Mommsen, 1966 стр. 18].

В действительности все было не так. К руководству на коммунальном уровне, как и к руководству университетами и другими научными учреждениями пришли не сторонние нацисты, «новые партийные назначены», а перестроившиеся, «самоанацифицировавшиеся» представители старой элиты, которые до 1933 года не были ни избирателями, ни членами NSDAP. Четко проведенные кампании «ариизации», т. е. конфискации в пользу арийцев еврейских предприятий, чисток в высших учебных заведениях и тому подобные примеры ясно показывают, что чиновничья и академическая элиты Германии быстро встали на сторону новой власти и грамотно проводили в жизнь решения высшего нацистского руководства, сколь бы бесчеловечными они ни были.

Если к сказанному добавить, что нацистам удалось увлечь своими планами расширения жизненного пространства на Восток и поддержки немецкого производителя за счет принудительного труда покоренных народов не только элиту, но и рабочих, ремесленников, крестьян и представителей среднего класса, то тезис о всенародности национал-социалистического движения станет очевидным. Впервые в истории страны национал-социалистической партии удалось преодолеть сословные, классовые и религиозные барьеры. Основной проект этой партии — «Третий рейх» — оказался трагически неудачным, он привел к экономическому и военному краху Германии, ко Второй мировой войне с десятками миллионов жертв, к Катастрофе европейского еврейства...

Ответственность за эти беды лежит не только на NSDAP, но и на всех гражданах, голосовавших за эту партию, симпатизировавших ей, стремившихся стать ее членами, другими словами, на всем немецком обществе. Кто поддерживал диктатуру, разделяет ответственность за ее преступления.

Литература

- Allen, Sheridan. 1973.** *The Nazi Seizure of Power: The Experience of a Single German Town, 1930–1935.* London : Franklin Watts, 1973.
- Becker-Dahms-Wegeler. 1998.** Becker, Heinrich; Dahms, Hans-Joachim; Wegeler, Cornelia (Hrgb.) *Die Universität Göttingen unter dem Nationalsozialismus.* München : K.G. Saur Verlag, 1998.
- Benz, Wolfgang (Hrsg.). 2009.** *Wie wurde man Parteigenosse? Die NSDAP und ihre Mitglieder.* Frankfurt am Main : S. Fischer Verlag, 2009.
- Bourke-White, Margaret. 1979.** *Deutschland, April 1945.* München : Schirmer/Mosel Verlag, 1979.
- Ebzensberger, Hans-Magnus (Hrsg.). 1990.** *Europa in Trümmern. Augenzeugenberichte aus den Jahren 1944–1948.* Frankfurt a.M. : Eichborn Verlag Ag, 1990.
- Falter, Jürgen W. 1998.** Die "Märzgefallenen" von 1933. *Geschichte und Gesellschaft*, S. 595–616. 1998 г., Т. 24. — 1991. War die NSDAP die erste deutsche Volkspartei? [авт. книги] Michael Prinz и Rainer (Hrsg) Zitelmann. *Nationalsozialismus und Modernisierung.* Darmstadt : Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1991.
- Genschel, Helmut. 1966.** Die Verdrängung der Juden aus der Wirtschaft im Dritten Reich. Göttingen: Duehrkohp & Radicke, 1966.
- Geschichtsportal_für_Baden.** Lernort Zivilcourage & Widerstand, Geschichtsportal für Baden. [В Интернете] [Цитировано: 20 November 2017 г.] <https://www.lzw-portal.de/filter/alexander-schifrin/>.
- Grüttner, Mochael. 2010.** Nationalsozialistische Wissenschaftler: ein Kollektivporträt. [авт. книги] Michael Grüttner и Rüdiger et al. (Hrsg.) Hachtmann. *Gebrochene Wissenschaftskulturen. Universität und Politik im 20. Jahrhundert*, S. 149–165. Göttingen : Vandenhoeck & Ruprecht Verlag, 2010.
- Haar, Ingo. 2009.** Zur Sozialstruktur und Mitgliederentwicklung der NSDAP. [авт. книги] Wolfgang (Hrsg) Benz. *Wie wurde man Parteigenosse? Die NSDAP und ihre Mitglieder*, S. 60–73. Frankfurt a.M. : Fischer Taschenbuch Verlag, 2009.
- Haffner, Sebastian. 1987.** *Anmerkungen zu Hitler.* Frankfurt a.M. : Fischer Taschenbuch Verlag , 1987.

- Hasselhorn-Weinreis. 1983.** Hasselhorn, Fritz; Weinreis, Hermann. Göttingen's Weg in den Nationalsozialismus, dargestellt anhand der städtischen Wahlergebnisse. [авт. книги] Jens-Uwe Brinkmann и Hans-Georg Schmeling. *Göttingen unterm Hakenkreuz*. Göttingen : Stadt Göttingen, Kulturdezernat, 1983.
- Kater, Michael. 1983a.** Sozialer Wandel in der NSDAP im Zuge der nationalsozialistischen Machtergreifung. [авт. книги] Wolfgang (Hg.) Schieder. *Faschismus als soziale Bewegung*, S. 25-68. Göttingen : Vandenhoeck und Ruprecht, 1983a.
- Kellerhoff, Sven Felix. 2017.** *Die NSDAP: eine Partei und ihre Mitglieder*. Stuttgart : Klett-Cotta Verlag, 2017.
- Kühn, Helga-Maria. 1983.** Die nationalsozialistische 'Bewegung' in Göttingen von ihren Anfängen bis zur Machtergreifung (1922-1933). [авт. книги] Jens-Uwe und Schmeling, Hans-Georg (editors) Brinkmann. *Göttingen unterm Hakenkreuz*. Göttingen : Stadt Göttingen, Kulturdezernat, 1983.
- Lightning. 1947.** *Lightning: The History of the 78th Infantry Division*. Washington : Infantry journal press, 1947.
- Mann, Thomas. 1988.** An Jakob Wassermann, München, 2./3.4.1921. *Briefwechsel mit Autoren*, S. 475-478. Frankfurt a.M. : S. Fischer Verlag, 1988.
- . 1974c. Zum Problem des Antisemitismus. *Gesammelte Werke in dreizehn Bänden. Band XIII, Nachträge*, S. 479-490. Frankfurt a. M. : S. Fischer Verlag, 1974c.
- Miller, Lee. 2015.** Krieg: Mit den Alliierten in Europa 1944-1945. Reportagen und Fotos. München : btb Verlag, 2015.
- Mommesen, Hans. 1966.** *Beamtentum im Dritten Reich*. Stuttgart : Deutsche Verlags-Anstalt, 1966.
- Pyta, Wolfram. 1989.** Gegen Hitler und für die Republik. Die Auseinandersetzung der deutschen Sozialdemokratie mit NSDAP in der Weimarer Republik. Düsseldorf : Droste Verlag, 1989.
- Segal, Sanford L. 2003.** *Mathematicians under the Nazis*. Princeton and Oxford : Princeton University Press, 2003.
- Siegmund-Schultze, Reinhart. 1998.** *Mathematiker auf der Flucht vor Hitler*. Braunschweig; Wiesbaden : Deutsche Mathematiker Vereinigung, 1998.
- Walberer, Ulrich (Hrsg.). 1983.** *10. Mai 1933. Bücherverbrennung in Deutschland und die Folgen*. Frankfurt a.M. : Fischer Taschenbuch Verlag, 1983.
- Wassermann, Jakob. 1988.** An Thomas Mann [zwischen 4. und 14.4.1921]. [авт. книги] Thomas Mann. *Briefwechsel mit Autoren*. Frankfurt a.M. : S. Fischer Verlag, 1988.
- Weidermann, Volker. 2008.** *Das Buch der verbrannten Bücher*. Köln : Kieperheuer&Witsch Verlag, 2008.
- Wenzel, Mario. 2009.** Die NSDAP, ihre Gliederungen und angeschlossenen Verbände. Ein Überblick. [авт. книги] Wolfgang (Hrsg.) Benz. *Wie wurde man Parteigenosse?* S. 19-38. Frankfurt a.M. : Fischer Taschenbuch Verlag, 2009.
- Werner, Max. 1938.** *Der Aufmarsch zum zweiten Weltkrieg*. Strasbourg : Brant Verlag, 1938.
- Wilhelm, Peter. 1978.** Die Synagogengemeinde Göttingen, Rosdorf und Geismar, 1850-1942. Göttingen : Vandenhoeck & Ruprecht, 1978.
- Zitelmann, Rainer. 1989.** *Adolf Hitler. Eine politische Biographie*. Göttingen : Muster-Schmidt Verlag, 1989.
- . 1987. Hitler. Selbstverständnis eines Revolutionärs. Stuttgart : Klett-Cotta Verlag, 1987.
- Беркович, Евгений. 2018.** Революция в физике и судьбы ее героев. Альберт Эйнштейн в фокусе истории XX века. М.: URSS, 2018.
- Мельников-Черная. 1982.** Мельников, Даниил; Черная, Людмила. Преступник № 1. Нацистский режим и его фюрер. М.: Издательство Агентства печати "Новости", 1982.

Игорь Ефимов¹

Непримиримые — помиритесь!

Тогда Пётр приступил к Нему и сказал: «Господи, сколько раз прощать брату моему, согрешившему против меня? До семи ли раз?»

Иисус говорит ему: «Не говорю тебе до семи, но до семижды семидесяти раз».

(Матф., 18:21–22)

В начале XXI века политическая жизнь в демократических государствах всё чаще и чаще демонстрирует нам необычайную устойчивость убеждений профессиональных политиков. Крайне редко мы можем наблюдать их переход из одной партии в другую. Очень часто национальные выборы приносят победу тому или другому кандидату или партии ничтожным перевесом голосов. Иногда исход приходится решать Верховному суду. В 2019 году Израиль был вынужден проводить выборы в Кнессет три раза и так и не смог сформировать правительство большинства.

Как это может случиться? Откуда вырастает столь устойчивая система наших политических убеждений? Если ни логика, ни красноречие ораторов, ни язык фактов не могут поколебать её, не значит ли это, что корни её уходят куда-то очень глубоко?

Одним из первых мыслителей, задумавшихся над этим феноменом, был американский историк и политолог, Том Соуэлл. В своей замечательной книге «Конфликт мировоззрений. Идеологические истоки политической борьбы»¹, вышедшей в 1987 году, он прослеживает историю политической мысли за последние 200 лет и выделяет из нее два устойчивых стереотипа, две модели мира, два взгляда на природу человека. (СТН-23)

Все политico-идейные расхождения и противоборство происходят (по Соуэллу) из фундаментальной разницы между двумя взглядами на человека и социум. Американский исследователь прослеживает на примерах многих политических теорий проявление этих двух основных взглядов в применении к вопросам о верховной власти, правосудии, социальном устройстве. «Инопланетянин, — пишет он, — пытающийся получить информацию о нас, вынес бы совершенно разные представления о человеке [из чтения разных книг]. Изначально свободное и невинное существо, описанное Жан-Жаком Руссо, резко отличается от жестокого участника кровавой войны, ведомой всеми против каждого и каждым против всех, нарисованного Томасом Гоббсом»².

Человек, прочитавший книгу Соуэлла, легко научится обнаруживать противоборство двух моделей видения мира в современных политических спорах. Выше в этой книге, в Главе 9, два устойчивых склада политического мышления обозначались терминами «состязатели» и «уравнители». В США состязатель скорее всего присоединится к республиканской партии, уравнитель — к демократической. В Англии водораздел пройдёт между консерваторами и лейбористами. В Израиле — между Ликудом и Рабочей партией.

Страны, одолевшие раньше других опасный порог на входе в индустриальную эру, достигли известной стабильности. Однако стабильность эта недолговечна. Ибо на наших глазах, начиная с конца Второй мировой войны, человечество делает следующий шаг, входит в новую хозяйственно-технологическую эру — назовём её **электронно-космической**. Бурное развитие электронной технологии проникает во все отрасли производства, в систему образования, в вооружение, в коммуникации, расшатывает привычные формы существования, неравномерно изменяет скорость всех общественных процессов, разрушает иерархию ценностей.

Наступление электронно-космической эры — это и будет опаснейший порог для индустриально развитых стран в веке XXI. А параллельно и рядом десятки отставших народов будут переходить от оседло-земледельческого состояния к индустриальному. И некоторые, видимо, попытаются с разгона сразу ворваться и в эру электронную. Кровавые смуты, ждущие нас в веке XXI, не уступят веку XX. Так что историк-дозорный имеет достаточно оснований, чтобы издать сегодня громкий крик:

— Все наверх! Впереди — мощный шторм! Я слышу рёв воды на камнях! Оставьте все мелкие дела и споры — сейчас не до них!

¹ Игорь Ефимов (1937–2020) — писатель, философ, публицист и издаватель.

Но кто может услышать его? Конечно, только тот, кто открыт предощущению угрозы. Кто способен заглядывать так далеко вперёд. Кто готов пожертвовать сегодняшним покоем и благополучием и кинуться к лебёдкам, канатам, парусам общественного корабля. То есть мы должны ясно отдавать себе отчёт, что предсторегающий голос могут расслышать только дальновзоркие.

И что же им делать после этого? Попытаться объединиться? Но как? Как могут объединиться те, кто насквозь пронизан духом состязания? И состязания именно друг с другом. (Не с близорукими же им состязаться!) Даже дар предвиденья распределён между ними неравномерно. Один предвидит на год вперёд, другой — на десять лет, третий — на длину собственной жизни, четвёртый — на жизнь поколений. Легко ли им будет сговориться между собой, расслышать друг друга? (СТН-151–52)

На страницах этой книги дальновзоркий представлял, как правило, в виде жертвы несправедливых преследований и должен был вызывать сочувствие читателя. В таком контексте легко забыть, каким невыносимым, каким отталкивающим может быть дальновзоркий в повседневной жизни. Как легко его энергия может устремиться целиком на утоление жажды стяжательства. Как много мы знаем примеров, когда гордое сознание своего превосходства оборачивалось властолюбием и тиранством, когда все силы незаурядного ума использовались для плетения интриг, когда художественный дар тратился на пошлое фиглярство в угоду толпе. Вечное нетерпение, вечная жажда нового печёт дальновзоркого гораздо сильнее, чем среднего человека, поэтому он нередко бывает ненадёжен в дружбе и любви, непредсказуем, неискренен, мечется от одного к другому, изменяет, злословит, предаёт.

Как часто близорукий кажется нам человечнее, добре, честнее в отношениях с собой и миром, серьёзнее относящимся к дару жизни. Недаром так часто поэты, писатели, пророки возлагают все надежды на «простого человека», на «нищих духом», и обрушают изощрённые проклятия на знатных и богатых, на интеллигентов и образованцев, на фарисеев и саддукеев.

В истории уже наблюдались некоторые попытки сплочения дальновзорких поверх границ: монашеские и рыцарские ордена, масонские общества, студенческие братства. Но все эти формы объединения оказывались возможны лишь до тех пор, пока они оставались сугубо аполитичными. Как только политика вторглась в жизнь этих сообществ, наступал скрытый, а потом и явный раскол. И на многих примерах можно видеть, что линия раскола проходила всё по той же грани — грани, отделяющей уравнителей от состязателей.

Если мы верим, что только соединённые усилия дальновзорких, преодолевающие границы между странами, эпохами, языками, могут спасти нас от надвигающихся катастроф, то представляется судьбоносно важным ослабить главную причину их внутреннего раскола — разницу между уравнительным и состязательным видением мира и человека. Снова и снова должен исторический мыслитель обнажать суть их разногласий, показывать, что они коренятся не в глупости, жадности и злобе оппонента, а в антиномической разнице умственного склада. Снова и снова следует призывать к поискам мостов, переправ, бродов через поток, разделяющий уравнителей и состязателей, хозяев знаний и хозяев вещей. И делать это нужно не только на чисто политических вопросах, но на самых разных аспектах общественной жизни, на конкретных, преодоляющих задачах и на вечных проблемах науки, искусства, морали, религии.

Вот, наугад, несколько «спорных территорий», где-уже сегодня можно было бы «остановить боевые действия и сесть за стол переговоров». (СТН-153)

О сострадании и чувстве вины

Нет никакого сомнения в том, что уравнитель гораздо более чуток к укорам совести, чем состязатель. Веря в безграничные возможности разумного устройства жизни на Земле, он склонен преувеличивать значение своего участия в общественной и политической жизни. Он в большей мере открыт чувству сострадания, и оно порой причиняет ему такую боль, что он начинает хвататься за любые способы защиты от этой боли.

А что может быть лучше, чем найти виновников творящихся на свете злодействий?

И он подсознательно тянется к твёрдой системе представлений, которая объясняла бы ему, что в страданиях человечества виноват кто-то другой — не он. В зависимости от эпохи и обстоятельств это окажутся еретики или, наоборот, иезуиты, крепостники или франкмасоны, империалисты или коммунисты, шовинисты-мужчины или распоясавшиеся феминистки, даже жиды или христиане.

Как писал в своей автобиографии Чеслав Милош, «сильнейший союзник любой идеологии — чувство вины»³.

О том же самом, но более резко, говорил Бердяев:

«Нравственный пафос социализма есть смесь ложной чувствительности и аффектированной сострадательности с жестокостью и злобной мстительностью. Сентиментальность часто ведёт к жестокости. Это — закон душевной жизни»⁴.

И уж совсем уничтожительно изображает тот же феномен Ницше:

«Ах, где в мире творились большие глупости, как не у сострадательных? И что в мире причиняло большие страдания, как не глупости сострадательных?»⁵

Однако на всё это уравнитель может возразить своему вечному оппоненту:

— Ты занимаешься, по сути, тем же самым — глушишь боль сострадания. Но ты пытаешься заливать этот огонь чувством правоты. Страдания других людей так же задевают тебя, как и меня. Но ты начинаешь взвешивать страдания других, калькулируешь (как будто это возможно взвесить и подсчитать!) и предпринимаешь правильные, по твоим понятиям, действия, которые должны, как тебе кажется, причинив страдания одним, уменьшить суммарный груз страданий в мире. Беда лишь в том, что это наполняет тебя чувством правоты. Ты забываешь, что правильность не равна правоте. Правильность не отменяет греха — причинения страданий другому существу. Твоё самодовольство и уверенность — вот, что непростительно и отвратительно мне в твоём подходе.

И честный состязатель должен будет признать, что это обвинение куда как часто оказывается справедливым. (СТН-155)

О справедливости

Справедливо ли, что один вырастает двух метров ростом, а другой едва дотягивает до полутора? Справедливо ли, что у одного есть музыкальный слух, а у другого — нет? Справедливо ли, что один может гнуть пятаки, а у другого едва хватает сил поднять портфель с книгами?

Мы не ждём от природы справедливости в раздаче даров. Справедливость — это наше занятие. И мы не всегда в нём преуспеваем. Например, в каких-то видах спорта мы догадались развести атлетов по разным весовым категориям, и теперь у нас боксёры, штангисты и борцы могут состязаться с соперниками, которые им по силам. И автомобильные гонки устраиваются между гонщиками, сидящими в машинах примерно одинаковой мощности. И в шахматах, в бридже, да и во многих видах лёгкой атлетики существуют разряды, уровни, ступени, так что участники могут испытывать свои силы, состязаясь с теми, кого у них есть шанс победить и, может быть, перейти в более высокий разряд. А вот в волейболе и баскетболе справедливости до сих пор нет, ибо высота сетки и баскетбольного кольца всюду стандартна, и таким образом низкорослые практически выброшены из этих видов спорта.

То же самое и с разницей между дальнозорким и близоруким. Не мечтайте, уравнители, что вам удастся покончить с этой «несправедливостью». Говорить близорукому, что он способен в умственном состязании сравняться с дальнозорким, это и есть самая большая несправедливость. Это всё равно что сказать боксёру весом в 60 кг, что он может выйти на ринг против тяжеловеса и победить. И отбросьте чувство вины за свои врождённые преимущества. Вы платите за них каждый день очень высокую цену. Ваша жажда свободы гораздо острее, а потому любая мера неволи причиняет вам гораздо большее страдание, чем остальному. Ваша память сильнее, безжалостней — а потому вам никуда не деться от всех стыдов и унижений прожитой жизни. Ваш взгляд проникает далеко вперёд — а потому ужас смерти всегда в десять раз ближе к вам, чем к близорукому. Если бы исследовать статистику психических расстройств и самоубийств, уверен, дальнозоркие и здесь сильно обошли бы близоруких.

После этого посредник должен повернуться к состязателям и обратиться к ним с такой примерно речью:

— А вы, в своём азарте, не поддавайтесь тому соблазну, которому вы уже так много раз поддавались на протяжении мировой истории: соблазну *введение сословных барьеров*. У нас нет и никогда не будет иного инструмента для определения числа талантов, вручённых человеку при рождении, кроме испытания их в жизненной борьбе. Как тысячи бегунов, собранных на старте марафонского забега, неотличимы до хлопка стартового пистолета, так и младенцы в кроватках должны быть неотличимы для социального планировщика. (СТН-156)

Конечно, ваш вечный оппонент — уравнитель, — призывая к усиленным занятиям с отстающими школьниками, по сути, пытается не уравнять условия старта, а подвезти на автомобиле отставших бегунов — ибо

забег уже давно идёт. Но и вы, ссылаясь на потенциальные возможности детей, рождённых от дальновидных, и призывая создавать им особые условия для достижения командных постов в обществе, по сути наносите ущерб обществу, и им. Всюду, где вводилась наследственная принадлежность к той или иной касте, сословию, классу, правящий слой очень скоро приходил в упадок, переполнялся избалованными лежебоками и самонадеянными остолопами, которые не могли управлять достойно не только другими людьми, но и собственной жизнью.

О евреях и антисемитизме

Невероятные успехи евреев во всех сферах научной, художественной, финансовой деятельности не могут быть объяснены ничем другим, кроме того, что этот народ — по традиции, и по необходимости — так бережно относится к своим дальновидным. Всякая крупица таланта в еврейском ребёнке ценится, развивается, поддерживается родителями и общиной с первых же шагов. Отсюда и вырастает эта блестательная череда мыслителей, поэтов, музыкантов, режиссёров, финансистов, художников, а теперь — и воинов, именами которых так густо насыщена еврейская история.

После взятия Иерусалима римлянами в 70 году по Р.Х., в сущности, начался второй еврейский исход — но теперь не в пространстве, а во времени. Не землю обетованную отправились они тогда искать, но встречи с Мессией в неведомой точке вечности. И идут своим уникальным путём до сих пор. А когда народ в походе, он больше ценит тех, кто способен вести его, кто способен «предвидеть и предусматривать» — то есть дальновидных. И это значит, что все абстрактные ценности — вера, знание, честность, верность, талант будут обладать в среде такого народа гораздо большей весомостью.

В этом преобладании у еврейского народа черт, свойственных дальновидным, таится, мне кажется, и объяснение загадки антисемитизма. Близорукий испытывает априорное недоброжелательство к дальновидному, а когда видит, как почитаются ценности дальновидных в еврейской среде, становится антисемитом. Способность «предвидеть и предусматривать» он объявляет хитростью и коварством, а преданность религиозным традициям — неблагодарностью к приютившей их стране.

Примечательно, что как только дальновидные захватывают командные высоты в государстве, антисемитизм исчезает из государственной политики: Польша XVI—XVII веков, Англия середины XVII века, Голландия XVII—XVIII, Америка XIX—XX демонстрируют замечательную терпимость по отношению к еврейскому населению. И наоборот, наступление близоруких в общественной жизни всегда будет сопровождаться погромами и преследованиями евреев.

Все другие объяснения антисемитизма представляются частными и неубедительными. Популярно, например, представление, будто антисемитизм зародился в Средневековой Европе, потому что евреи занимались ростовщичеством и христиане, которым религия запрещала одалживать деньги под проценты, их ненавидели за это. Но христианские банкиры Флоренции, Генуи, Ганзейских городов, все эти Медичи и Фуггеры, спокойно обходили религиозные запреты, занимались всеми видами финансовых операций ничуть не меньше евреев. В евреях бесило другое: то, что верность родственникам и соплеменникам у них была так сильна, что они могли осуществлять *международные* финансовые операции; в эпоху, когда любая пересылка денег требовала мощного вооруженного отряда для охраны от бандитов, бедно одетый еврейский посланец мог дойти от Рима до Парижа и принести записку, а то и устное распоряжение от одного еврейского банкира другому, и требуемая сумма денег вручалась указанному лицу тихо и незаметно.

Другое популярное объяснение: богатство евреев, которое часто кажется необъяснимым их соседям. Но если бы это было так, на чём же тогда вырастал антисемитизм в Польше и России XIX века, где евреи были бедны и бесправны, подвергались постоянным преследованиям, должны были жить в черте оседлости? Завидовать им было невозможно. Но оставалась их упорная и непостижимая вера в невидимого Бога, их поклонение книгам, написанным тысячи лет назад, их вера в пророков прошлого и ожидание будущих пророков — то есть непостижимая способность вырываться из «здесь и сейчас», главная отличительная черта доминирования дальновидных. И против этой черты и накипала инстинктивная ненависть близоруких.

Управитель верит, что с антисемитизмом можно бороться путём разъяснений и уговоров. Состязатель считает, что важнее как следует вооружить Израиль и быть готовым всегда прийти ему на помощь в минуту опасности. Но грозная и печальная правда состоит в том, что ни просвещение, ни вооружение не смогут покончить с антисемитизмом. До тех пор, пока в еврейском народе живёт эта уникальная тяга к надличному, к

нездешнему, к манящему зову свыше, она будет тяготить близорукого и прорываться вспышками ненависти каждый раз, когда начнётся отступление дальновидных на каком-то участке вечной исторической битвы. (СТН-160-61)

О богатых и бедных

В середине 1990-х годов в Америке много шума наделала книга «Кривая Гаусса»⁶. Авторы её, базируясь на огромном исследовательском материале, утверждали, среди прочего, что люди рождаются неравными по своим интеллектуальным способностям; что эти способности поддаются объективному измерению применяемыми ныне тестами IQ и SAT⁷; что неравенство талантов определяется генами примерно на 60%; что в современной Америке высокие интеллектуальные показатели стали обязательным условием, а порой и гарантией жизненного успеха и материального процветания; что вследствие этого в стране образовалась интеллектуальная элита, которая постепенно начинает сливаться с элитой финансово-экономической.

Особенный гнев сторонников эгалитаризма вызвали главы, в которых авторы приводили данные, указывающие, что по всем интеллектуальным показателям чёрные в среднем сильно отстают от белых. Рассорный вопрос в Америке — самый большой вопрос, поэтому естественно было ожидать, что этот аспект исследования вызовет самые яростные нападки. Однако и другие проблемы, затронутые в книге, решались не в общепринятых категориях.

Взгляды современных американских уравнителей наиболее полно были сформулированы в книге КристофераДженкса «Неравенство»⁸. Ход его рассуждений напоминает идеи Прудона. Дженкс признаёт, что в какой-то мере врождённое неравенство способностей существует. Но именно поэтому, считает он, все усилия общества должны быть направлены на то, чтобы компенсировать это неравенство в социальной структуре. В школах учителя должны затрачивать больше времени на помочь отстающим. На производстве наниматели должны снижать плату лучшим работникам и за их счёт повышать плату слабым. «В конечном итоге мы должны заставить компетентных и удачливых субсидировать менее компетентных и менее удачливых...»⁹. «Мы должны установить политический контроль над экономическими институтами, формирующими наше общество. В других странах это обычно называют социализмом. Но любые меры, не идущие так далеко, обернутся таким же разочарованием, как реформы 1960-х»¹⁰.

Мы видим, что вечный спор между уравнителями и состязателями в сегодняшней Америке не утихает. Книгу «Кривая Гаусса» и вызванный ею отклик можно считать симптомами вторжения состязателей на традиционную территорию уравнителей в сфере социальной психологии. Однако в своих дебатах и та, и другая сторона продолжают рассматривать неравенство между богатыми и бедными только как неравенство материальных привилегий. Одни считают эти привилегии несправедливыми, чреватыми ненужными страданиями, другие считают их заслуженным вознаграждением за эффективную и талантливую деятельность, приносящую пользу всему обществу. Но сопутствующее экономическому неравенству неравенство обязанностей не принимается во внимание ни теми, ни другими.

Если бы нам удалось вырвать вечных спорщиков из круга привычной аргументации в критериях «справедливо-несправедливо», их бранчливые перепалки могли бы превратиться в плодотворный диалог. И представляется, что «площадкой» для такого диалога могло бы послужить введённое выше понятие о распорядительной функции как необходимом элементе социального организма.

Ибо богатство определяет не только количество жизненных благ, доступных богачу; оно также очерчивает круг его обязанностей по сохранению и развитию доставшейся ему доли общеноционального производства, меру его участия в распорядительной функции. За невыполнение этой обязанности он будет наказан уменьшением своего состояния, а в пределе — разорением. Но прибыли его отнюдь не являются только вознаграждением за успешное участие в распорядительной функции. Высокий доход абсолютно необходим крупному предпринимателю, чтобы он мог оставаться «на плаву» при взлётах и падениях рынка. Этот доход создаёт тот запас экономической прочности, без которого выжить в рыночной борьбе невозможно.

Борта прогулочной лодки могут возвышаться над гладкой поверхностью озера на один фут — этого вполне достаточно для безопасного плавания. Рыболовный траулер уже потребует возвышения бортов на несколько метров. Борт океанского лайнера вырастает над волнами, как стена дома. Если бы принципы равенства применялись к флотилиям, если бы каждому судну было приказано иметь борта не выше определённой высоты, все они очень скоро пошли бы на дно или застряли на мели. Точно так же попытки уравнять доходы различных

распорядителей, плывущих в бурных волнах рыночного океана, могут окончиться только их массовыми разорениями. Неравенство между богатым и бедным, которое порой столь режет глаз, является абсолютно необходимым условием эффективности национальной экономики, и за отказ от него народ заплатит неизбежным погружением в пучину всеобщей бедности, как это и происходит во всех странах, отказывающихся от рыночных методов управления хозяйством.

В книге «Кривая Гаусса» авторы — убеждённые состязатели — с тревогой затрагивают тему, которая обычно является прерогативой уравнителей: тему возникновения элитарной верхушки общества. И эта тема могла бы послужить другой «площадкой для диалога». Ибо здесь сами состязатели признают, что последовательное вознаграждение талантливых привело в последние годы к такой их самоизоляции от остального народа, что они утрачивают всякое представление о политических и социальных реалиях страны.

Талантливые и преуспевающие общаются только друг с другом в школах, университетах, в клубах, в фирмах, они женятся друг на друге, читают одни и те же книги, смотрят одни и те же фильмы, живут в роскошных пригородах или огороженных жилых комплексах. Рассказывают, что одна журналистка, узнав о победе Никсона на выборах, воскликнула: «Он не мог победить — за него не голосовал ни один из моих знакомых!»¹¹. Эта интеллектуальная элита занимает ведущие посты в правительстве, журналистике, юстиции, и её влияние на жизнь страны становится всё более ощутимым. И если её представления о жизни остального народа будут такими же искажёнными, как представления французской аристократии конца XVIII века о жизни Франции, это может окончиться новым якобинским взрывом. (СТН-164-66)

Об искусстве

Выше уже отмечалось, что подавляющее большинство людей, причастных художественному творчеству, по своим идеям, по складу мышления — ярые уравнители. Парадокс, однако, состоит в том, что вся жизнь их — это непрерывное состязание друг с другом. Создать в искусстве что-то новое, небывалое, то, что до сих пор не удалось создать никому другому, — вот главная мечта любого художника.

При этом лишь редкие из них обладают мудростью Пушкина и отдают себе отчёт, что «нас мало избранных, счастливцев праздных — / единого прекрасного жрецов». Как правило, они убеждены, что их художественные озарения и свершения доступны и открыты каждому человеку. А непонимание и непризнание, которым они столь часто окружены, — это вина грубой черни, бесчувственных торгашей, захвативших обманом богатство и власть. Вот бы разрушить их мир и их порядок, выйти к массовому читателю, зрителю — тогда бы творец прекрасного получил достойное признание.

На самом же деле, способность к тонкому эстетическому переживанию — удел одних дальновидных. В том числе, и состязателей, и даже тех, кому довелось играть роль хозяев вещей. Это на них, на купцов, на аптекарей, на зубных врачей, на физиков (которые не лирики), на программистов обрушивает художник своё раздражение. Ибо поначалу только они и стекаются на его песнь, только они и приходят на выставки непризнанных художников, покупают ещё немодные книги, смотрят пьесы в заштатных театриках. Толпа прихлынет потом — но только туда, где вокруг художника клубились первые дальновидные ценители.

Однако при этом даже и от них часто ускользает суть творчества. На эмоциональном уровне они поддаются эстетическому откровению, но на рациональном пытаются истолковать искусство в понятных им категориях мастерства, умелости, искусности. Они часто не понимают, что художник состязается не столько с другим художником, сколько с косностью своего материала — камня, краски, слова, музыкальной ноты. И, конечно, прежде всего — с косностью собственной души. Которую художник так часто кидает в мучительный поиск, в опасные схватки, к великому недоумению и огорчению своих благополучных близких.

Разница между художником и просто дальновидным — как разница между ракетой и самолётом. Крыльям самолёта нужно опираться на воздух, чтобы подняться над Землёй. Ракета вырывается за счёт внутренней энергии и поэтому может подняться в космос, куда самолёт не может за неё последовать. Однако увидеть момент выхода ракеты из атмосферы можно только с высоколетящего самолёта.

Поэтому наш посредник был бы вправе сказать художнику:

— Не мечтай, что где-то есть другие зрители-читатели. Способных заинтересоваться тобой, откликнуться, всегда будет немного. Остальным вообще не подняться на такую высоту, с которой можно разглядеть твой полёт.

Потом посредник поворачивается к зрителю-состязателю и говорит:

— Искусство — самая наглядная сфера, где твои критерии правильного-неправильного, полезного-вредного перестают работать. Искусство — это чистый поиск новых уровней свободы человеческого самовыражения, который не меряется никакими «нужно — не нужно», «хорошо — плохо», «доброе — злое». Смирись с этим, не хватайся за понятные упрощающие истолкования. В космосе художественного творчества летают не так, как в атмосфере производства вещей, — по-другому. Всмотрись, вслушайся, вчитайся — может быть, и тебе приоткроется отсвет того, что видит в этой запредельной высоте художник. (СТН-167-68)

О международных отношениях

Живя под устойчивой властью закона и правопорядка, легко забыть, какое это трудное дело — удерживать зверя в человеке. Хотя не проходит года, чтобы история не поднесла нам с полдюжины напоминаний. Сегодня кровавое безумие захватит Ливан, Боснию, Руанду, Сомали, Цейлон, Абхазию, Таджикистан. Завтра это будет Албания, Алжир, Индонезия, Южная Африка, Сирия, Ливия, Йемен. И можно ли что-то сделать, чтобы заранее предвидеть и предотвратить эти катастрофы?

Организация Объединённых Наций с самого начала ставила своей целью не только регулировать отношения между государствами, но и выработать общие принципы устройства внутриполитической жизни, учитывающие защиту человеческой личности от покушений со стороны государственной власти. Всеобщая декларация прав человека (1948) — замечательный документ, и вся последующая международная деятельность, с ней связанные, включая Хельсинские соглашения 1973 года, заслуживает всяческой поддержки и одобрения.

Однако движение правозащитников во всех странах так сосредоточилось на защите человека от плохих правителей, что практически начинает игнорировать задачу защиты человека от плохого соотечественника, от другого человека. Во многих умах укрепилась иллюзия, что если бы правительство в данной стране вело себя хорошо, то не было бы там ни поджогов, ни убийств, ни грабежей, ни погромов. И, конечно, особенно сильна эта иллюзия в умах уравнителей, ибо они верят, что сам по себе человек так добр, что ничего плохого он ближнему своему не станет делать, если его к этому не вынудят плохие властители.

Власть, которая решит игнорировать Права человека, начнёт обязательно с того, что запретит иностранным корреспондентам соваться на территорию своей страны. После этого она станет делать со своими подданными всё, что ей заблагорассудится, — и международная общественность будет лишена возможности как-то влиять на её внутреннюю политику.

Отсюда неизбежно возникнет двойной стандарт в оценке деятельности правительства. О том, что происходило в Сирии под властью президента Хафеза Асада, мы практически ничего не знаем. Доходили слухи, что однажды он вторгся в собственный город с танками и перебил там до 20 тысяч человек. Но кто это может документально подтвердить? Ведь почти все корреспонденты по Ближнему Востоку вынуждены базироваться в единственной стране этого региона, уважающей права человека, — в Израиле. И вот уж израильскому правительству достаются шишки в каждой иностранной газете. Сфотографировать израильского солдата с автоматом в руке, который тащит за шиворот участника интифады, — это всегда безотказно выигрышный кадр. А докопаться до того, как организация Хамас втихую расправляетя с теми палестинцами, которые хотели бы мирно жить и работать на этой земле, — ну, это уж слишком трудно. Да и пулью можно схлопотать.

Поэтому хотелось бы призвать и уравнителей, и состязателей: в своих взглядах на международную политику, которые очень сильно влияют на то, с кем свободный мир будет дружить, а с кем враждовать, не дайте высоким идеалам защиты прав человека ослепить себя. Нелепо требовать от защитника правопорядка одинаковых норм поведения, независимо от силы и свирепости нарушителей, с которыми ему приходится иметь дело. Английский «бобби» может охранять порядок на улицах английских городов, разгуливая без оружия. Но ему не придёт в голову потребовать, чтобы его американский или израильский коллега последовал его примеру.

К сожалению, в американской внешней политике последние пятьдесят лет влияние уравнительного мышления было очень сильным. От Южного Вьетнама требовали соблюдения «прав человека» посреди кровавой и беспощадной войны. От Судана, Ирана, Анголы, Эфиопии, Сомали требовали проведения свободных выборов — и отдали эти страны близоруким фанатикам с красными или зелёными знамёнаами. А после этого о правах человека уже говорить не приходится. (СТН-169-70)

Об образовании

На первый взгляд может показаться, что дети состязаются только между собой: бегают наперегонки, борются, спорят, дерутся. Мир взрослых мало привлекает их, ибо там у них нет надежды на победу, — взрослый, как правило, во всём сильнее ребёнка. И надо видеть это счастливое и гордое выражение на лице какого-нибудь малыша, решившего математическую задачу, над которой тщетно бился отец, взявшего правильную ноту на рояле, выигравшего партию в шахматы.

Умственная и художественная деятельность — это именно тот просвет, где подрастающий человек впервые может обнаружить у себя необычный избыток сил и талантов. И если в нём есть тот таинственный заряд, который мы договорились обозначать термином «дальнозоркий», он начнёт уже в очень раннем возрасте усиленно развивать этот талант, накапливать знания, тренировать и совершенствовать логический аппарат своего мозга.

Конечно, это отнюдь не значит, что любой школьный отличник должен быть автоматически отнесён к разряду дальнозорких. Волевой потенциал, жадность к жизни могут переполнять ребёнка таким нетерпением, что у него, при всех его дарованиях, просто не хватит самодисциплины, чтобы подчинить себя школьной рутине. Можно привести в пример тысячи знаменитых людей, которые в своё время не смогли закончить университет или даже школу. И всё же, на сегодняшний день, будет справедливо сказать, что в цивилизованных странах учебный процесс стал главным поприщем, на котором происходит первое размежевание между дальнозоркими и близорукими. (Недаром же высшее образование стало таким престижным фактором, что на него цены можно взвинчивать от года к году).

В 1990-е годы Институт Гэллапа проводил большое обследование системы школьного образования в развитых странах. Выпускникам были предложены в виде тестов 16 вопросов по географии. Исследователи пытались понять, как влияют на успехи учеников финансирование, подбор учителей, школьные программы, выбор учебников. Страны-победительницы гордились своими успехами и видели в них доказательство правильности применявшихся методов.

Но русский исследователь М.А. Балабан обратил внимание на любопытный феномен: среднее число правильных ответов, которое и шло в зачёт, сильно отличалось от страны к стране. Однако процент выпускников, давших правильные ответы **на все 16 вопросов**, был одинаковым для всех стран — 10 % от числа опрошенных.

Балабан делает из этого наблюдения такой вывод: только 10 % людей способны учиться с книгой в руках, подчиняя себя тексту и тесту. Будучи типичным уравнителем, он отмечает с порога допущение о разнице способностей. «Не может быть, чтобы 90 % были глупее! — считает он. — Необходимо разрабатывать новые, экспериментальные, не книжные системы преподавания, которые позволили бы этим, по своему умным и талантливым, ребятам сравняться с обогнавшими их одноклассниками!»

На самом же деле результаты этого обследования свидетельствуют совсем о другом. 10 % — это дальнозоркое меньшинство, которое шутя справилось с тестом, рассчитанным на средний уровень. В теории они как бы прошли «отборочные состязания» и теперь могли бы начать состязаться друг с другом всерьёз — на более сложных тестах.

На практике, в цивилизованных странах так и произойдёт: эти 10 % победят на отборочных экзаменах, попадут в институты, университеты, колледжи и начнут своё восхождение к постам хозяев знаний и хозяев вещей. Они будут жадно впитывать новую информацию, сортировать её, пробовать свои силы то в одном, то в другом, искать и находить талантливых учителей, разочаровываться в них, переходить к новым. На выпускном торжестве они будут сидеть бок о бок, будущие уравнители и состязатели, часто ещё не зная, как эта стена разделит их в ближайшие годы. И что мог бы сказать им наш воображаемый посредник, если бы его пригласили произнести торжественную речь?

Он мог бы (если бы правила общественного этикета уже позволяли приподнимать покров над стыдной тайной врождённого неравенства) сказать этим выпускникам:

— Вы —то избранное меньшинство, которому по непостижимой милости Творца досталось от рождения пять талантов. Вам предстоит играть ту роль в жизни своей страны, которую в человеческом теле играют нервные волокна, клетки головного мозга, органы зрения и слуха. Но какого бы успеха вы ни достигли на избранном вами поприще, не поддавайтесь соблазну вообразить себя лучше любого соотечественника, принадлежащего к менее одарённому большинству.

Да, мы восхищаемся талантом, мы мечтаем открыть его в себе, мы напрягаем все силы в погоне за признанием и славой. Но по высокому счёту талант не делает нас лучше. Одарённый и талантливый дальновзоркий может направить свою энергию исключительно на утоление злых и корыстных страстей — история даст нам миллионы примеров тому. И наоборот, человек весьма скромных дарований, может поразить нас глубиной своих чувств, ясностью взгляда на смысл бытия, благородством поведения, добротой, честностью. Никогда не забывайте о том, что само ваше состязание друг с другом остаётся возможным лишь постольку, поскольку рядовой человек соглашается подавлять свою зависть и уступать место более талантливому. История 20-го века дала нам слишком много примеров того, как рушится состязательный принцип там, где большинство теряет понятие о том, что достойно и что нет.

Берегитесь греха гордыни — но не впадайте и в грех воспалённой скромности. Примите груз ответственности за дарованные вам таланты. Культ равенства среди дальновзорких слишком часто вырастает из трусости, из желания укрыться от ответственности в гуще «как все». Нет, вы не как все. Глаза не могут выполнить работу руки, сжимающей молоток, но человек без глаз обречён жить наощупь и, скорее всего, попадёт молотком не по гвоздю, а по собственным пальцам. Разумный человек, попавший в зону пожара, подставит ладони, чтобы защитить глаза, а безумный пойдёт навстречу огню напролом. Так и общественный организм: разумный станет прилагать все усилия, чтобы сохранять своих дальновзорких, а впавший в безумие попытается сравнять их со всеми. Конечно, есть моменты, когда нам не по силам остановить безумие. Но не впадать в него самим заранее, то есть не декларировать врождённое равенство людей — это всегда в нашей власти.

Представим себе корабль, плывущий в ночи через океан. Он сверкает огнями. Вглядевшись, мы различаем, что эти огни неодинаковы по силе. Есть мощные прожектора, освещдающие путь корабля. Есть сигнальные огни на бортах и надстройках. Есть фонари, льющие свет на палубу, на турбины, на шлюпки. Есть лампочки, горящие в каютах.

Точно так же должны были бы распределяться роли между дальновзоркими и близорукими в человеческом обществе. Те, кому достался мощный прожектор сознания, должны заниматься миропостижением. Те, чей свет не достигает так далеко, но зато крепче рука и сильнее воля, должны стоять на капитанском мостике, у штурвала. Т. е., у кого послабее, должны выполнять роль администраторов, торговцев, преподавателей, то есть хозяев вещей и хозяев знаний. Те, чей светильник освещает лишь круг повседневных — но столь необходимых! — дел и забот, должны были бы пользоваться им для этой цели и не пытаться вести за собой других.

Но вряд ли когда-нибудь в истории какой-то страны был надолго достигнут подобный разумный баланс. Дальновзоркие, гордясь мощью своих прожекторов, начинают воображать, что с их помощью можно регулировать жизнь людей до мельчайших подробностей. И не замечают при этом, что сплошь да рядом их дальновидение будет только ослеплять, когда дело дойдёт до простых повседневных вещей. Близорукий же начинает тяготиться привилегиями дальновзорких, начинает воображать, что все эти дальние лучи вообще никому не нужны — ведь его взор всё равно не проникает так далеко во времени и пространстве.

Преодолеть вечное взаимонепонимание между дальновзорким и близоруким можно только на религиозном уровне. Только вера во Всемогущего Творца приоткрывает человеку простую и возвышающую истину: наши состязания и наше неравенство — ничто рядом с величием нашего Создателя. Вернувшись к нему, мы сможем вернуться друг к другу. А без Него, без мысли о Нём, мы обречены на вечную и безысходную вражду.

В религиозном истолковании, главный грех дальновзоркого — гордыня.

Главный грех близорукого — зависть.

Почему мы нужны Творцу от рождения неравными — великая и непостижимая тайна. Но именно так Он нас создал — свободными и неравными.

Получившему один талант тяжело смотреть на получившего пять — и он свободен одолеть это тягостное чувство или поддаться греху зависти. Получившему пять талантов тяжело смотреть на обделённого брата своего — и он свободен зарыть дар в землю или принять его и пустить в умножение Славы Господней.

Самая трудная заповедь в Евангелии: «Любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, благовторите ненавидящим вас и молитесь за обижающих и гонящих вас» (Матфей, 5:44). И кто же сумел исполнить её? Парадоксально, но так: её исполнили неверующие дальновзоркие интеллигенты последних двух веков. Это они продолжают благословлять «обижающих и гонящих» их близоруких, почтительно именуя их «народом».

Но неверующему дальновзоркому стыдно смотреть в глаза своему близорукому брату. Именно поэтому он с такой страстью, а порой и с яростью провозглашает, что врождённого неравенства не существует. Именно поэтому натягиваетстыдливый покров умолчания на все проявления неравенства. Именно поэтому в последние два века упадок веры идёт бок о бок с торжествующим уравнительством.

Дальнозоркие! Не обманывайте себя, не воображайте, что каждый человек хочет того же, что и вы, — свободно состязаться с другими в реализации своих талантов. Это вы хотите свободного состязания, потому что знаете, что у вас есть все шансы на победу. Близорукий не хочет этого. Он хочет разрушить правила игры, в которой выигрыш для него невозможен.

О, дальноворкий! Наберись мужества — прими свой дар и связанную в нем ответственность. Noblesse oblige — благородство обязывает. Не мечтай поднять близорукого до себя — у него нет сил справиться с твоей задачей: быть прожектором в ночи мироздания. Ведь без твоего мощного луча корабль врежется в айсберг, в скалу, заплынет в Мальстрим. Спаси себя и близорукого брата своего от нового многомиллионного братоубийства. Ибо при наличии термоядерного оружия оно может стать последним.

Примечания

1. Tom Sowell. *A Conflict of Visions*. New York: William Morrow & Co., 1987.
2. Ibid., p. 18.
3. Cheslaw Milosz. *Native Realm* (New York: Doubleday & Co., 1968), p. 125.
4. Николай Бердяев. Философия неравенства. Париж: ИМКА-пресс, 1990. Том 4, стр. 479.
5. Фридрих Ницше. Так говорил Заратустра. Москва: Сирин, 1890. Книга 1, стр. 192.
6. Richard J. Hernstein and Charles Murray. *The Bell Curve. Intelligence and Class Structure in American Life*. New York: The Free Press, 1994.
7. IQ (Intelligent Quotient) — коэффициент интеллекта; SAT (Scholastic Aptitude Test) — тест на научную подготовленность. Стр. 13.
8. Christopher Jencks. Inequality. A Reassessment of the Effect of Family and Schooling in America. New York: Basic Books, 1972.
9. *Inequality*, op. cit., p. 9.
10. Ibid., p. 265.
11. *Bell Curve*, op. cit., p. 513.

Михаил Румер-Зараев¹

Усмынская сага

Долгая и трудная жизнь одного сельского района

Начинать эту историю надо, наверное, с тех осенних дней 1943 года, когда немцы, уходя из Смоленска, среди хаоса отступления не позабыли захватить с собой областной партийный архив.

Смоленск в тридцатые годы был центром Западной области, куда, кроме смоленских, входили земли, позднее отошедшие к Брянской, Орловской, Калужской, Псковской, Московской областям. Так что вывезенные в обозе немецкой армии несколько сотен тысяч листов документов касались предвоенной жизни значительной территории центра России с шестимиллионным населением.

Видимо, они оказались в той части Германии, которая затем вошла в оккупационную зону США, потому что после войны эта коллекция переселилась в Национальный американский архив, где до конца пятидесятых годов лежала без употребления. Одним из первых вовлек эти документы в научный оборот гарвардский советолог Мерль Фейнсод, издав книгу «Смоленск под советской властью». Затем его примеру последовали десятки других специалистов. С помощью смоленского архива они исследовали ход коллективизации и индустриализации, социальную структуру советского общества, систему управления, террор конца тридцатых годов.

В семидесятые годы в США эмигрировал Сергей Максудов. В Гарвардском университете он занялся демографической оценкой потерь советского населения во время коллективизации и, естественно, обратился к документам Смоленского архива. Они взволновали его выразительностью языка, драматизмом, глубиной подтекстов, картинами народной трагедии. Отобрав некоторые из них и прокомментировав, он в 1987 году опубликовал в издательстве «Ардис» книжку «Неуслышанные голоса. Кулаки и партийцы».

Ко мне она попала весной 1989 года, в разгар общественных дискуссий о судьбе колхозов. Историк Сергей Шведов принес ее в редакцию «Огонька», где я тогда работал, под вечер, и мы долго читали протоколы и письма, доносы и сводки шестидесятилетней давности.

Эти документы, открывавшие картину жизни одного сельского района, давали ответ на давно мучивший меня вопрос: каким образом во время коллективизации удавалось буквально в считанные дни по всей огромной сельской стране включать столь эффективно действующий механизм массовых репрессий? Поражали повсеместность и одномоментность утверждения колхозной формы производства с помощью насилия. Казалось бы, почему ж тут удивляться, мало ли насиливали деревню и раньше, достаточно вспомнить Гражданскую войну с ее мобилизациями и продотрядами, выграбившими хлеб... Но в 19-м, 20-м отнимали хлеб, оставляя нетронутым хозяйственный механизм, и, кстати, на эти поборы деревня отвечала восстаниями, в конце концов, породившими НЭП. В 29–30-м крушили все хозяйство, всю систему отношений, отнимали жизни — и молчала деревня, парализованно молчала. Весь 29-й год «за указом указ» идет раскрепощивание огромной страны, ломка веками складывавшегося семейного хозяйственного механизма — и молчание.

Почему же то, что не получилось в 19-м, в общем-то легко осуществилось десять лет спустя? ГПУ? Уполномоченный из города? Рабочий в кожаной тужурке с револьвером? Они могут арестовать, отнять хлеб, а вот натравить одну часть деревни на другую... Здесь нужны свои, коренные. Свой низовой аппарат насилия, которого не существовало в 19-м и который был воспитан за десять лет.

Казалось бы, и об этом сказано. Хрестоматийные шолоховские Нагульнов и Разметнов; выписанные со всеми иными, мрачными красками колхивизаторы из романов Белова и Можаева. Но ведь то образы художественные, в меру таланта и политической позиции автора отображающие действительность тех лет. Документальные же исследования постсоветского времени при всей их разоблачительности и праведном гневе сосредотачивались на кремлевской верхушке: Сталине, Молотове, Кагановиче, Яковлеве — тех, кто отдавал приказы. А те, кто исполнял, — рядовые сельские коммунисты, или, как тогда говорили, «партийцы», которые и были приводными ремнями этого могучего и страшного механизма насилия над деревней? Без них

¹ Михаил Румер-Зараев (1936–2020) — журналист, писатель.

ведь ничего не сделалось бы и не свершилось. Как, откуда они возникли? Что за люди были? Документы смоленского архива отвечали на эти вопросы.

Партийцы

«По имеющимся в окружной контрольной комиссии сведениям известно, что 8 ноября 1928 года в 12 часов в канцелярию Усмынского РИКа явился в пьяном виде секретарь райгрупкому совторгслужащих Сухалев Ульян Ефимович — кандидат ВКП(б). Он ворвался в финчасть, где работал счетовод РИКа Титцев на пишущей машинке, выхватил из машинки печатный лист и порвал, с нецензурным ругательством ударил кулаком два раза по каретке пишущей машинки настолько сильно, что машинка больше не работает. Работа в РИКе стала, так как в связи с бездорожьем ее отвезти в Велиж для ремонта не могли...»

Все в этом сообщении окружной контрольной комиссии преисполнено смысла. И разгул молодого партийца, и бездорожье, отделяющее райцентр от близлежащего города, и упоминание о пишущей машинке, без которой останавливается работа органа власти.

В конце двадцатых годов село Усмынь чьей-то административной волей стало столицей района, входившего в Великолуцкий округ, один из восьми округов Западной области.

По всем описаниям село как село — избы, подворья, небогатые поля, засеянные рожью, пшеницей, льном. И вот на несколько лет здесь сосредоточилось управление судьбами сотен деревень, двадцати пяти тысяч обитавших в них крестьян.

Документы архива из глубочайшей тьмы времени выхватывали отдельные факты жизни райцентра, обозначали целые сюжеты, развивающиеся в связи с объявленной по всей стране чисткой партии. Молодецкий удар Ульяна Сухалева по каретке пишущей машинки — как звук гонга на сцене. Занавес раздвигается, и мы знакомимся с действующими лицами главы «Самоочищение Усмыни».

Много чего произошло в те дни в райцентре. Сухалев затеял пьяную драку с другим партийцем, судебным исполнителем Антоненко. Члены правления районного потребительского общества разыскивали своего председателя Пшеницына. Он уже неделю пьянствует в Велиже, в райпо прибывают товары, а торговать нельзя, расценки заперты у председателя. Пьяная волна, пишется в сообщении, захватила и некоторых беспартийных работников района.

Откуда в Великолуцкой окружной контрольной комиссии знают в таких подробностях о том, что происходит в райцентре? У нее имеются свои информаторы. Это, судя по некоторым деталям, заведующий почтой Сопко. Секретарь райкома партии Бущук, естественно, ненавидит стукача, через его голову доносящего в округ о событиях в районе, и, в свою очередь, обвиняет его в искривлении партийной линии, связи с зажиточными элементами, втайной торговле водкой. Но округ защищает своих информаторов. Хочешь не хочешь — меры по сигналам принимать надо. Ульян Сухалев получает выговор, обещает исправиться. Пшеницына снимают с «хлебной» должности, назначают завполитпросветом района, а на его место — бывшего политпросветчика, непьющего Даниила Орлова. Это еще одно действующее лицо усмынского сюжета, с которым нам предстоит познакомиться ближе.

На какое-то время в хронологии усмынских документов — провал. Следующие материалы помечены февралем 1929 года.

В Москве в эти месяцы происходили следующие события. Принято постановление о высылке Троцкого из СССР. Бухарин обвинил Сталина на заседании Политбюро в военно-феодальной эксплуатации крестьянства. Stalin в ответ выступил с речью о «правом уклоне». Бухарин, Рыков и Томский получают выговоры.

А в Усмыни отзвуком далеких политических схваток в феврале 1929 года проходят партийные собрания, посвященные чистке партии, выясняется, был ли правый уклон. Для придания этой работе соответствующей направленности из города приезжает рабочий Андреев, впоследствии он сменит секретаря райкома Бущука. Андреев пытается направить разговор в политическое русло, называет председателя сельсовета Хлипченко оппозиционером, но усмынцы не понимают и не принимают правил игры: так и не выходят из круга обычных бытовых обвинений — пьянство, растраты, половая распущенность, хулиганство, в крайнем случае — связь с чуждыми элементами, сокрытие происхождения, отправление религиозных культов.

Вместе с протоколами собраний в архиве — оговоры, заявления, доносы, волна которых охватывает весь район. Написаны они языком платоновских и зощенковских героев. Взять хоть рассказ комсомольца

Балясникова о председателе сельсовета Буренкове, который после заседания комиссии по скидке сельхознаго выпивал с Трофимом Никитиным.

Далее предоставим слово Балясникову: «И после начали перетягиваться, кто кого, и доходило дело до драки, после вышли на двор, и вдруг встречается, идет с работы Еврей (в оригинале это слово иногда пишется с большой буквы. — М.Р.-3.). Тогда Еврей сказал: „Вот так председатель допускает до того, что не может стоять на ногах“. Тогда Буренков пустился за ним, хотел его побить. Но Буренкова здесь начали задерживать, не допускать к еврею, а еврей в то время убежал в хату. Тогда Буренков взял со злости бросил всю почту с папкой под ноги, начал топтать, потом сел на лошадь Трофима Никитина и уехал».

Вот такая история: отдыхал человек, развлекался с приятелем, а ему замечания делают. Как тут не разозлиться, не истоптать папку с бумагами! Надо сказать, что это пятно — «гонялся за евреем» — так и будет лежать на его моральном облике, исследуемом при всяких чистках.

Все это, однако, пустяки по сравнению с тем, что происходит с нашим знакомцем Ульяном Сухалевым. Он отправляется в своей родной деревне Титово на новогоднюю гулянку, пристает к девушке Насте Войтовой и пытается изнасиловать ее при полном равнодушии двух других участников вечеринки. «Я после стала говорить, — пишет Настя в райком партии, — что не терплю этого нахальства и передам в суд, но он сказал Ефросинии Осиповой, пускай подает, только я ей загоню пулю в лоб. И кроме того, как я партец, я судов не боюсь, сколько хотишь подавай».

Письмо поступает в райком полтора месяца спустя после происшествия, в разгар партийной чистки. Видимо, враги Сухалева решили таким путем свалить его. Расчет оказался верным: суд приговаривает Ульяна к шести месяцам принудработ по месту службы. Но то полбеды, главное — его исключают из партии.

Самое интересное для нас в этом деле — попытка самозащиты Сухалева, его письмо, где он рассказывает о себе. Какие же достоинства видит в себе этот 24-летний крестьянин? Прежде всего «классовая линия с моей стороны была вполне выдержана. Вся лишь моя вина, откровенно признавшись, это когда выпьешь водки... Но я не алкоголик, и если когда выпиваю, то лишь только по своей некультурности и несознательности».

Вся его жизнь проходит на сельских общественных должностях. Он секретарь комсомольской ячейки в одной, в другой деревне, уполномоченный по батрачеству, секретарь райгрупкому союза совторгслужащих, председатель только что созданной сельхозартели. «Работать пришлось много, и все бесплатно. Меня тяжело ранили ножом в спину бандиты, пролежал в больнице 30 дней, выйдя из больницы, обратно пошел против банд. Приходилось сидеть ночами в карауле...»

В сущности, перед нами здоровый деревенский парень, отставший от сельской работы, развращенный властью, водкой, бездельем, безнаказанностью. В районе у него слава хулигана и пьяницы. Из партии его исключают, и он исчезает со сцены усмынской жизни.

Другой исключенный из партии усмынский активист Тимофея Антоненко на четыре года старше Сухалева. Где он только не работал после службы в армии, чего только не вытворял, по рассказам участников собрания! В лесничестве ухитрился продать трем крестьянам один и тот же сенокос и со всех взять деньги, в милиции брал взятки у самогонщиков, будучи судебным исполнителем, задерживал деньги, взысканные по приговорам. Его обвиняют также в жестоком обращении с ребенком от первого брака. И еще одна история ходит за ним, многократно описанная разными свидетелями. Вот рассказ комсомольца Тимофея Рыжакова. «Тов. Антоненко был в отряде в 1919 году. Придя на вечер в дер. Гладыши... в то время девушки пряли пряжу. Тогда тов. Антоненко начал заводить разговор с одной девушкой, но последняя послала его к черту. Тогда тов. Антоненко стал ей угрожать, а она говорит, что ты мне сделаешь, а тов. Антоненко говорит: застрелю. Наставил винтовку и тут же застрелил». Сухалев знал, чем пугать Настю Войтову в сходной ситуации.

Антоненко так же, как и Сухалев, оправдывается, просит оставить в партии, учесть его «бедняцкое батрацкое положение», обвиняет в необъективности Бущука.

А вот фигура другого калибра — Даниил Лукич Орлов, председатель райпо, в недавнем прошлом завагит-пропом райкома. Он старше многих сельских «партийцев» — ему 30 лет, немало по тем временам, культурнее — его письма и доносы написаны более грамотно и логично, чем у других, и к тому же, что редкость, непьющий. Но зато и «навешивают» на него всяких обвинений немало. Сын бывшего кулака, женат на дочери помешника, брат расстрелян в 1918 году во время восстания. И ведь не откращивается, как иные, от компрометирующей родни, а тайно стремится помочь отцу, избавить его от индивидуального налогообложения.

В архиве имеется записка, адресованная председателю сельсовета Хлипченко и написанная в ханжеской, грубовато-доверительной манере. «Т. Хлипченко. Окажи все возможные меры в обмере земли батьке. Крайне неприятно, что в условиях работы и существования сов. власти отдельные мазурики пользуются направо и налево теми мероприятиями, которые направлены против их существования для своей пользы... В члены тебя перевели, я уже материал отправил в округ (видимо, Орлов в то время еще оставался завагитпропом райкома. — М.Р.-3.), повышай свой полит. уровень и смотри классовую линию в работе».

Характерно, что если за Антоненко ходит обвинение «кубил девушку», за Буренковым — «гонялся за евреем», то у Орлова свое пятно: «карьерист». Давая характеристику каждому коммунисту при подготовке к чистке, секретарь райкома Бущук пишет про Орлова: «Классовую линию выдерживает, что касается „карьерист“; это верно, но, пожалуй, можно будет его исправить. Преступлений пока за ним нет. Политически грамотен».

Однако Орлову нужна более активная поддержка, ибо врагов у него много и натиск ему приходится выдерживать сильный. То собрание бедноты Крестовского сельсовета требует его исключения из партии, то в редакцию окружной газеты приходит анонимная заметка о нем под названием «Волк в овечьей шкуре». Из всех этих документов и оправданий Орлова рисуется его облик и история зажиточной крестьянской семьи.

Отец, Лукьян Орлов, судя по всему, человек предприимчивый и небедный, прослужив долгие годы лесным приказчиком, в ходе столыпинской реформы выделился из общины. Хозяйство его процветало: 27 десятин земли, пять коров, две лошади, сад, пасека — всем этим нераздельно владела большая и дружная семья. Если разделить имущество на всех, оправдывается впоследствии Даниил, то выйдет хозяйство бедняцким. Но вот между 1918 и 1924 годами умирают семь членов семьи. Как? При каких обстоятельствах? Знаем только о расстреле брата. Даниил утверждает — случайном, шел за табаком в другую деревню, схватили и расстреляли.

В 24-м выселяют хозяев имения Кресты, помещиков Лаймингов, с которыми Орловы близки. Даниил же-нится на дочери Лайминга, воспитывает ее малолетнего брата, что также ставится ему в укор: «Взял на свое иждивение маленького помещика». До середины двадцатых годов он выжидает, не входит в сельский актив. Затем, видимо, убедившись, что назад пути нет, вступает сначала в комсомол, затем в партию и довольно быстро делает карьеру.

Но ведь все на виду, и надо отбиваться от активистов, для которых он чужой. Делает он это умело, далеко не так примитивно, как Сухалев и Антоненко. Недостаток аргументов в свою защиту восполняет нападками на своих врагов, обвиняя кого в пьянстве, кого в антисоветских настроениях, замахивается на самого Бущука. И не напрасно: комиссия оставляет его в партии.

Как-то сложится судьба этого ловкого человека, не поскользнется ли он на очередных политических поворотах села? Или сделает карьеру? Задатки у него неплохие.

Большинству коммунистов Усмынского района так же, как и Даниилу Орлову, удалось пройти чистку. Расстались с партийными билетами десять из шестидесяти девяти. Восьмерых «съели» в ожесточенной борьбе, двое сами сбежали, не снявшись с учета.

Изключенные, как правило, были не хуже уцелевших. Пьянство, злоупотребление властью, воровство, доносительство, карьеризм характерны практически для всех. Чистка лишь выявила эти качества, подогрела страсти. Кто же они такие, активисты одного сельского района? Откуда взялись, как выделились из крестьянской среды? Каков их социальный облик?

Право на индульгенцию

Для того чтобы ответить на эти вопросы, вообразим, что представляла собой российская деревня начала XX века. Вспомним, что это было единственное в многовековой истории десятилетие, когда русский крестьянин владел землей. Община предоставляла ему надел во временное пользование вплоть до передела по числу едоков или работников. Она помогала маломощным, заботилась о податях, совместно использовала сенокосы и пастбища, воспитывала и наказывала, обладая определенными экономическими и нравственными достоинствами, но настоящим владельцем своего надела крестьянин себя не чувствовал в том смысле, в каком чувствует себя хозяином западный фермер. И это служило препятствием в развитии аграрной экономики.

Столыпинская реформа, предпринятая незадолго до революции, только начала разрушать общину в интересах наиболее активных, предпримчивых сельских хозяев. Кстати, эта реформа наталкивалась на

сопротивление крестьян, видевших в столыпинских нововведениях крушение уравнительного идеала социальной справедливости.

17-й год был воспринят как торжество этого идеала. Все делилось поровну — земля, помещичье имущество, бесконтрольно рубился лес. Деревня обстраивалась и до первых набегов продотрядов пытаясь расширять запашку. А уж по мере исчезновения продразверстки, с приходом НЭПа начала истово, страстно, от зари до зари работать — так, как не работала никогда.

Общинное хозяйствование не стимулировало такой целеустремленности, труд же в помещичьих имениях, на хуторах богатых крестьян, начавших выделяться из общины перед революцией, был в большей степени технически оснащен. Повсеместное осереднячивание деревни при крайне низком техническом уровне крестьянского хозяйства приводило, по терминологии Чаянова, к возрастанию самоэксплуатации сельской семьи.

В сборнике Максудова приводится описание имущества Громовых, пожилой вдовы и трех взрослых детей — двух сыновей и дочери. Эта крестьянская семья из четырех человек, отнесенная комиссией к числу середняцких, владела старой двадцатилетней лошадью с жеребенком, коровой с телкой, поросенком и четырьмя ягнятами. Из инвентаря — конная косилка, сломанная ручная льномялка, однолемешный деревянный плуг, две бороны, двое саней, телега и тележка.

Облегчить труд в семье Громовых способна разве что конная косилка. В остальном — те же руки. Тяжкая, надрывающая силы работа! Избавиться от нее можно только получив какую-либо деревенскую должность. Пусть небольшую — избача, объездчика, финансента. Это в представлении горожанина, она небольшая. А на селе... Скажем, финансент. И в послевоенной деревне его боялись как огня, старались улестить, подкупить. От него ведь зависело, каким налогом тебя обложат, учтут ли каждую яблоню, курицу, сотку картошки. И значит, жить тебе или по миру идти — тоже в его руках.

Потому любая сельская должность, может, деньги и небольшие дает, но облегчение трудовой тяготы и, самое главное, власть — несомненно. Путь же к этой должности открывал партбилет.

Почти все 69 усмынских коммунистов, по одному на три деревни, — при портфелях. Они милиционеры, кладовщики и учителя, десятники, лесничие, даже сторожа. Любой «портфель» годен, лишь бы не сеять, не пахать, поскорее сократить посевы, продать скот — словом, выйти из крестьянского сословия.

Презрение к крестьянскому труду, желание избежать его — первая типовая черта этого слоя. Вторая — относительная молодость. Молодежи вообще было много на селе. Много рожали, рано умирали. Пятидесятилетний крестьянин считался стариком. Не способствовали долголетию и шесть лет непрерывных войн — Первая мировая, Гражданская. К концу двадцатых годов почти половине жителей российской деревни было меньше двадцати лет.

Стоит ли удивляться, что большинству усмынских коммунистов не было и тридцати. Лишь некоторые участвовали в Гражданской войне. Остальные застали разве что ее излет (такие, как Антоненко, восемнадцатилетним парнем воевавший в партизанском отряде). Их сознательная жизнь начиналась в советских условиях, когда крестьянские традиции домовитости и трудолюбия вступили в столкновение с привнесенной из города апологией бедности, безземелья, с идеями классовой борьбы.

Альтернатива выглядела так. С одной стороны, авторитет семьи, общины; в немалой степени еще и церкви, освященные веками реалии крестьянского существования с его однообразием, изнурительной работой, ритуалами праздников и буден. С другой — легкая, сытая, разгульная жизнь с собраниями, митингами разрыв с прошлым и — власть, власть над односельчанами, утверждаемая должностю, стоящим за твоей спиной районным начальством и даже револьвером, который тебе положен по должности.

Как они играли с оружием, эти здоровенные деревенские парни, пугали девчонок, угрожали соседям, спяну палили в белый свет! Документы архива полны подобными историями. Чтобы устоять перед такими соблазнами, надо обладать твердыми, укоренившимися в сознании нравственными установками.

Вступая в союз с политической системой, получая в знак этого союза сначала комсомольский, а потом партийный билет, крестьянский парень знал: ему многое простят, но в одном надо быть предельно исполнительным — в проведении любой политической кампании. Посевная или самообложение, сельхозналог или заем индустриализации — ты обязательно впереди, разъясняешь, уговариваешь, заставляешь. Любая директива, идущая из центра, исполняется неукоснительно, с полным рвением и расторопностью.

Посмотрите, как долготерпеливы в Усмыни к Сухалеву, Антоненко, Пшеницыну. Понадобилась чистка, специальное и настойчивое указание сверху о проверке морального облика коммунистов, чтобы художества

сельских партийцев вышли наружу. И оправдания их характерны. Они не отрицают своих проступков, но напоминают: классовую линию держу, принадлежу к бедняцкому сословию. Они знают — к бедняку один подход, к кулаку — совсем другой. Бедняцкое происхождение, верность классовой линии, то есть указаниям свыше, — своего рода индульгенция, облегчающая тяжесть многих грехов. Им с юных лет объясняли, что есть две правды — бедняцкая и кулацкая, что классовый подход заменяет, в сущности, все моральные категории их предков. Главное — следовать интересам своего класса, во всяком случае, так, как трактует эти интересы очередная директива. Их учили не щадить ни отца с матерью (миф о Павлике Морозове родился не на пустом месте), ни друзей, ни соседей, доносить о настроениях, слухах (волна доносов, поднявшаяся во время чистки, показала, как умело они пользовались этим оружием), отнимать в интересах класса имущество, а если надо, и жизнь.

Конечно, их реальный облик был далек от тех требований, о которых трубила пропаганда, ставившая целью воспитание нового человека. То были обыкновенные малограмотные парни, с трудом владевшие политической терминологией, развращенные властью, которая давала им возможность попить, покуражиться, погулять. По-настоящему научились они одному — готовности выполнять любое указание. Мера этой готовности тогда казалась неопределенной, расплата за сладкую жизнь еще предстояла, настоящие испытания их преданности политической системе были впереди.

На заметенных снегом хуторах

Мы со Шведовым рассказали о сборнике архивных документов в «Огоньке». Но усмынская история продолжала жить в моем воображении. Как сложились судьбы ее героев, их потомков? Где хоть она теперь находится, эта Усмынь?

В Смоленской области, судя по административному справочнику, такой район не значился. Долго я рассматривал карту Нечерноземья, пока не обнаружил в Псковской области, на границе со Смоленщиной, крохотную надпись — Усмынь.

— Да, конечно, — подтвердили псковские журналисты. — Есть такое село в Куньинском районе. И деревни бывшего Усмынского района, ликвидированного в конце пятидесятых годов, тоже теперь в Кунье.

Ехать? Нет, погожу. Что-то можно узнать и в Москве. В газетном хранилище Ленинской библиотеки передо мной шлепнули на стол две последние годовые подшивки районной газеты «Пламя».

Не знаю, какое чувство испытывал Сергей Максудов, просматривая в далеком Гарварде ксерокопии документов смоленского архива, но я листал страницы этой скромной газеты не без волнения.

Знакомые названия, имена. Усмынь теперь центральная усадьба колхоза «Новая жизнь». Деревня Кресты, где жила некогда семья Даниила Орлова, — центр колхоза «Правда». А в Крестовском сельсовете председательствует, как и в 1929-м, Хлипченко. Что такое? Однофамилец, родственник? Не наследственная же это должность! Оказывается, это Валентина Ивановна Хлипченко. Фамилия, наверное, по мужу.

Прошлое напоминало о себе не только именами героев усмынских историй. Вот милицейский инспектор Н. Григорьев пишет о воровстве досок в местном леспромхозе. Поймали рабочую Кузнецова, а она возмущается, доказывает: как член партии имеет право взять доски. Господи помилуй, это ж наш незабвенный Ульян Сухалев отвечает на деревенской вечеринке девушке, угрожающей ему судом за изнасилование: «Как я партец, я судов не боюсь, сколько хотишь подавай!»

Пьют ли так же, как шестьдесят лет назад? Что за риторический вопрос! Пьют больше и по-другому. В документах усмынской чистки — следы разгула партийцев, деревенских парней, дорвавшихся до власти, сладкой жизни. Мужик, конечно, тоже пил, но по праздникам. В будни же трудился тяжко и непрерывно. Пьянка — отдохновение души и тела, а не ежедневное угрюмое бытие. А уж бабы... Ну, можно ли себе было представить крестьянку, которая, напившись вина, забыла подоить корову? А сейчас сколько хочешь. Вон и другой милицейский инспектор — А. Барешкин, рассказывает о доярках, которые, нагнав самогону, уснули на печи, оставив недоценными коров.

Пьют доярки, пьют механизаторы. На тяжелых тракторах мчатся за десятки километров в райцентр, где по талонам дают водку, — по бутылке в месяц на человека. У винного магазина — парад разной техники. Есть и черный рынок спиртного. Привозят из соседних районов, областей, перепродают по двадцать, тридцать рублей. Газета пестрит милицейскими сводками: пятьсот человек наказаны за злоупотребление спиртным, двести

привлечены к ответственности за появление на работе в нетрезвом виде. Какой-то массовый загул. Его не могут остановить никакие комиссии, рейды, суды: однова живем!

Что представляет собой район? Какова демография, экономика? По территории он довольно велик, вдвое больше старого Усмынского. А по численности населения? В Усмынском районе в 1929 году было около 25 тысяч человек, в объединенном Куньинском шестьдесят лет спустя — 17,5 тысяч, но трудоспособных всего 3,5 тысячи, да и те на две трети находятся в предпенсионном возрасте.

Село двадцатых годов было молодо. Нынешняя куньинская деревня стариковская. Около трехсот мелких, отрезанных друг от друга бездорожьем деревень, населенных стариками. И все здесь стариковское — интересы, беды, конфликты.

Вот библиотекарь Захарова не без лиризма рассказывает, как она участвовала в переписи населения.

«В деревне Качнево четыре хозяйства, всего пять жильцов. На лошади не сразу я добралась туда. Некогда большая, она стоит теперь как хутор. Въезжая в деревню, и тебе открывается картина — метет поземка, заметая тропинки к домам, из труб дымки, а вокруг никого. Заходишь к жителям и сразу с порога — будто возвращаешься в старину, знакомую по книгам... В горнице светло, широко, ведь комнат в такой избе немного — одна. Пахнет в сенцах капустою, чем-то домашним, деревенским, теплым. „Как вам живется тут? Ведь так далеко от центра!“, — задавала вопрос я этим жильцам. Как-то по-доброму улыбаясь, отвечали: „Живем...“»

К сожалению, не все так «по-доброму» в этих деревнях, как представляется настроенной на идиллический лад Захаровой. Время от времени в этих заметенных снегом хуторах разыгрываются подлинные драмы. В деревне Дубровка Крестовского сельсовета некая Нина Павловна Сивцова оформляла пенсию. «Пришло время собирать документы, подтверждающие трудовой стаж, — пишет корреспондент газеты А. Мелющенко, — утрясать необходимые формальности. Но вот все готово, и Сивцовой была назначена пенсия в размере сорока рублей. Казалось бы, радоваться надо всей деревней. Вот она, торжествует наша советская действительность, наша справедливость».

Право же, так и написано, я цитирую без купюр. Однако «наша советская действительность» торжествовала недолго. Соседи Сивцовой припомнили, что она, в отличие от них, не вырабатывала в колхозе обязательный минимум трудодней, и написали жалобу, счтя получение ею сорокарублевой пенсии незаконным. И вот — сход в Дубровке, счеты полувековой давности, нападки старух на эту несчастную Сивцову, ее попытки оправдаться, и наконец, единодушное решение — в пенсии отказать, пусть живет как знает. Даже корреспондент газеты смущен такой неразрешимой моральной коллизией: с одной стороны, вроде бы глас народа — глас божий, а с другой — как жить Сивцовой без пенсионных сорока рублей?

Первая реакция на эту историю: какая жестокость! Однако вдумаемся в монолог соседки Сивцовой Анны Мироновны Озеровой, видимо, несколько «причесанный» корреспондентом, но достаточно точный по мысли.

— Мы пережили очень много. Была страшная война, чуть ли не круглые сутки трудились над восстановлением разрушенного хозяйства, у нас в деревне была животноводческая ферма. И нет среди собравшихся человека, который бы не отдал ей частицу самого себя. Дети наши тоже прошли через эту ферму. Но среди нас есть один человек, который не считал своим долгом работать наравне со всеми, а иногда даже вслух называл нас дураками за то, что мы не жалели своих сил, общественные дела и заботы не отличали от своих личных. Это Нина Павловна Сивцова. Даже когда бригада очень нуждалась в ее помощи и ее просили помочь, Нина Павловна отвечала отказом. Мне обидно, что Сивцова сегодня получает такую же пенсию, как и тот, кто трудился не покладая рук.

Какая глубокая обида в этом монологе! Сорок пять лет назад кончилась война, уже нет и фермы, где работала Озерова и ее соседки, не остались с ними их дети, вымирает деревня, разрушен сам сельский уклад, все в прошлом, а обида живет. На кого? На тех, кто довел село до такого состояния, кто не сумел восстановить его за послевоенные десятилетия, кто «правил бал» и в тридцатые, и в сороковые? Нет, на соседку, которая не хотела делить с ними трудности, искала жизни полегче. И получается, что Сивцова расплачивается за все беды Дубровки — за колLECTIVизаторские бесчинства, за жестокий диктат власти, не дававший и после войны деревне ни охнуть, ни вздохнуть, за одинокую старость усмынских крестьян.

До закрытия газетного зала сидел я в хранилище. Какие сгустки страстей в этих неуклюжих газетных заметках! Нет, надо ехать. Увидеть людей села, познакомиться с преемниками усмынских партийцев — хозяевами района.

Хозяин района

Осенним утром 1989 года схожу на станции Кунья, крохотной, пустынной (поезда стоят здесь не больше трех минут). Главная улица райцентра вытянулась вдоль железнодорожного полотна. Обогнув вокзал, иду мимо двухэтажных фасадов главных домов поселка — райкома, райисполкома. Приземистые, бревенчатые или обложеные кирпичом магазинчики райпо. На прилавке небольшие заветренные куски говядины с костями, сальной свинины, серая вареная колбаса. Молоко бывает по вторникам и четвергам. Это в районе, который производит тонну молока на душу населения.

У винного — осатанелая толпа. Хвост вьется, бурлит страстями.

— Вчера двенадцать часов простоял. Да ни с чем ушел.

Кто-то тычет беспалую руку: «Я ж инвалид!» Кто-то потный выдирается из толпы, счастливо прижимая к груди бутылки портвейна.

На краю оврага вывеска «Буфет». В прохладном пустом помещении сидят за столиком две старухи. Перед ними кружки с зеленой жидкостью.

— Что это? — спрашиваю у скучающей буфетчицы.

— Вода. «Тархун».

— Сладкая?

— Ох, сладкая, — страдальчески морщится буфетчица.

— А больше ничего нет?

— Ничего.

В самом деле, полки за стойкой девственны чисты.

И снова улица — неширокая, деревенская, заваленная желтой, жестяно шуршащей листвой. Сухо. Мягко греет сентябрьское солнце. На огородах копают картошку. Сады полны яблочным духом.

Пора в райком, к «Бущуку в квадрате». Так я про себя именем забытого хозяина Усмынского района конца двадцатых годов окрестил нынешнего кунинского первого секретаря. В квадрате же потому, что Кунинский район по территории вдвое больше Усмынского.

Евгений Михайлович Ершов встретил меня несколько настороженно. В самом деле, чем привлек внимание центральной прессы его глухой, отсталый даже по псковским меркам район? Вот и сидим в холодноватом кабинете, осторожно прощупывая друг друга вопросами. То, что рассказывает Евгений Михайлович, мне в общем известно из газеты, разве что приходится делать поправку на предполагаемые итоги нынешнего года. Они лучше, чем в предыдущем году, и Ершов все время делает на это упор, мол, поправляются дела, не сидим мы здесь сложа руки, как на тонущем корабле. А все же тоска-маэста звучит в его голосе. И мне понятна эта мазета: как ни приукрашивай ситуацию — корабль тонет.

Земли кунинские вытянулись на добрую сотню километров с севера на юг. Паши, коси, разводи скот. Старинные, едва ли не с рюриковых времен занятия местных крестьян, дававшие молоко, говядину, лен. Некому! Берут от коровы за год чуть больше двух тонн молока, а уж что низкосортное оно, то есть попросту грязное, — другой вопрос. Доили бы и больше, но на зиму заготавливают едва с тонну кормов, меньше половины потребного ей запаса. Плохо удобренные, запущенные поля — двухгектарные пятаки — дают совсем мало трав и зерна.

Три дня проколесили мы с Ершовым по кунинским деревням. Не хотел отпускать меня одного хозяин района, а мне-то с ним даже лучше — чего выискивать, какие тайны, когда все и так видно, да и собеседник постоянный под рукой.

В общем-то он мне понравился, Евгений Михайлович Ершов. Не знаю уж каким там в 29-м был Бущук, а этот его преемник выглядел усталым, несколько подавленным бедами своего района человеком, без всяких видимых проявлений начальственной властности.

Ему сорок шесть. Дитя войны. Отец, местный кунинский крестьянин, погиб на фронте, мать умерла в 46-м. Род круглым сиротой в разных детских домах на Псковщине. Учился в Ленинградском сельхозинституте. Был начальником сельхозуправления в Кунье. Вторым секретарем. С год — первый.

В разговорах с людьми, во всяком случае при мне, Ершов довольно мягок. Живет скромно, в многоквартирном доме. Все три дня, что были вместе, — никаких застолий, задушевных разговоров за рюмкой. Обедали в районном ресторане в общем зале или в придорожной деревенской столовке вместе с механизаторами.

Такое же впечатление производили и колхозные председатели — сорокалетние, как правило, местные мужики, крестьянские дети — агрономы, зоотехники, инженеры, выпускники Великолукского сельхозинститута, поставляющего аграрных специалистов для региона. Конечно, они стремились показать свои хозяйства в лучшем свете и вместе с тем сетовали на нехватку кирпича, цемента, на дороговизну техники. В паузах между деловыми разговорами расспрашивали о столичных новостях. Им казалось, что я причастен к каким-то дворцовым тайнам.

Все как-то одомашнивалось в этих небольших колхозных конторах, где мы вели неторопливые беседы. Огромная дистанция, отделявшая этот скромный домик сельской конторы, пустынную, изрытую колдобинами улицу за окном от Москвы, словно бы сокращалась. Такому миоощущению способствовала и погода — золотое бабье лето, украсившее сады, отягощенные румяными яблоками, луга, где косили отаву, подворья с аккуратно сложенными на зиму поленницами дров.

Беспамятность

Помимо хозяйственных интересов у меня были и другие — исторические. Представлялось, что в окрестных деревнях должны быть старики-краеведы, с помощью которых можно будет отыскать следы сельского мира двадцатых годов, проследить судьбы героев усмынских драм. Шестьдесят лет — такой ли долгий срок? Оказалось, что очень долгий. Все воспоминания о прошлом доходили до войны, в лучшем случае до предвоенного времени. Доколхозная жизнь казалась безвозвратно исчезнувшей, ушедшей в темные глубины времени, словно легендарная Атлантида — на дно океана. Как ни наводил я разговор на прошлое, никаких следов усмынских событий двадцатых годов не проявлялось.

Мои собеседники понимали — да и как не понимать! — что деревня физически исчезает. Уходят сельский уклад, привычка и охота работать на земле, все то, что вырабатывалось опытом многих поколений их предков. Причины же тому виделись самые близкие — командование нынешних начальников, пьянство и распущенность народа, вредное влияние города. Они винили в своих бедах тех, кто ушел в город, уподобляясь старым дояркам деревни Дубровка, которые отобрали пенсию у соседки, не пожелавшей в свое время делить с ними трудности. То была какая-то историческая беспамятность, вернее, разрыв в народной памяти.

Среди этих деревень я с лежащей в портфеле книжкой смоленских документов чувствовал себя выходцем из канувшего в историческое небытие мира со всеми его ужасами и страстями.

Вот Гладыши, где в 22-м году Антоненко застрелил девушку, отказавшую ему во внимании; Титово — родная деревня Ульяна Сухалева, здесь гулял он на новогодней вечеринке, насиливал Настю Войтову, здесь сторожил банду Ниленко, расстрелянного в 29-м. В Крестах было имение Лаймингов, на дочери которых женился Даниил Орлов. Наконец, сама Усмынь, обыкновеннейшее село — серые бревенчатые дома, новый кирпичный магазин, школа, где на все десять классов 76 учеников. Усмынь — арена стольких событий, о которых сейчас никто не помнит.

— В Крестах музей организуем. Здание построили, только не открыли еще, — сказал Ершов, почувствовав мой интерес к местной истории. — Учительница занимается — Антонина Васильевна Артюхова. Она на пенсии сейчас.

Антонина Васильевна сказала, что материалы музея касаются в основном боевого пути дивизии, освобождавшей местные села. В ответ на мои просьбы поискать что-нибудь мирное, невоенное, положила на стол ученическую тетрадку с переписанной детским почерком историей коммуны, созданной в 1929 году в деревне Жигули. У коммуны было странное название «Сорок третья стрелковая дивизия».

— Наверное, военные организовали наших крестьян, — сказала Артюхова.

Личного имущества у коммунаров не имелось. Кормились все вместе в столовой, куда шли по звуку колокола. После обеда — небольшой отдых и снова работа. Жили вместе, повествует неизвестный историк. Дисциплина была хорошая. За оскорбление объявлялся выговор. Детям, однако, столовского обеда не полагалось. Поэтому каждой семье пришлось разрешить огород в пятнадцать соток. Со временем столовую закрыли, и всем снова выделили по корове. Вскоре люди перестали отдавать заработанные деньги в общий котел. В результате в 1933 году коммуна закрылась.

Выходило, что погубила ее недостаточная степень обобществления, так сказать, семейный эгоизм. Дети мешали питаться сообща. Впрочем, к 33-му году уже повсеместно были колхозы, не терпевшие никаких коммун.

— А почему они все-таки закрылись? — шепотом спросила пожилая учительница у Артюховой.

Обе они сидели у стены, внимательно наблюдая за моими «ученными изысканиями».

— Говорят, запасы продовольственные кончились. Съели все — вот и закрылись, — так же шепотом ответила Артюхова.

Помнится, Федор Абрамов в своих дневниках описывал коммуну, существовавшую в те же годы у него на Вологодчине. Он тоже все недоумевал, что заставляло крестьян жить сообща где-то на болоте, оставив свое хозяйство. Ответ, который дал один старик, был так же гениально прост:

— Хлеба, масла вдоволь давали. Съели все и разошлись.

Это к вопросу о распределении благ, о вечном шариковском «все поделить».

И снова мы сидим в колхозной конторе, на сей раз в Усмыни, и кидаем друг другу все тот же вопрос: «Что делать?». А Усмынь, еще живая, но уже окруженнная вымирающими старицкими хуторами, составлявшими некогда район, столицей которого она была, Усмынь смотрит на нас сквозь конторское окно своей пустынной улицей и небогатыми домами.

— В Москве-то у вас что думают? — спрашивает председатель местного колхоза «Новая жизнь» Анатолий Александрович Мамонов. Я пересказываю план спасения деревни, предложенный Гавриилом Поповым на собрании межрегиональной депутатской группы среди других экстренных мер возрождения экономики. В городах — карточки на основные продукты питания. Эти нормы определяют размеры госзаказа селу. Все, что сверх госзаказа, — продается по свободным ценам. Кредиты, получаемые за рубежом, — только на закупку техники для фермеров, которые должны иметь право на владение землей и на свободный выход из колхозов.

— Да что фермеры, — сказал Ершов. — Мы никого не ограничиваем. Пусть берут в аренду землю, вон ее сколько. Сколько хуторов заброшенных. Пусть хвалятствуют.

Главное учреждение Усмыни

17 лет спустя, в ноябре 2006 году снова еду в Усмынь, на сей раз вместе с начальником сельхозотдела Куньинской районной администрации Михаилом Витальевичем Смирновым. Колхоза «Новая жизнь», где мы обсуждали очередной, сочиненный в Москве план спасения российской деревни, уже давно нет — обанкротился, самораспустился колхоз, исчез, будто и не было никогда этой «новой жизни».

— А что есть? — спрашиваю у Смирнова.

— Молокоприемный пункт от личных коров молоко собирает, участок лесничества, участок энергосетей, школа, дом милосердия.

— Что такое дом милосердия?

— Ну дом престарелых, богадельня. Так что несколько десятков рабочих мест там имеется. Да вам Соловьева Татьяна Ермоловна все расскажет, она, когда там сельсовет был, председателем работала, все знает про тамошнюю зону.

Зоной мой спутник усмынские места называл не случайно и, разумеется, отнюдь не в тюремном смысле. Дело в том, что полвека назад административной волей в один район были объединены земли, населенные разными этническими группами. На севере оказались псковичи с их северными русскими корнями, а на юге — белорусы. В общем-то все притерлось, следы остались разве что в диалектах. В окрестностях Куньи говорят на южно-псковском диалекте, а в усмынских деревнях — на северо-белорусском. Но зональные отличия в другом. Юг дальше от городов, от магистральных путей сообщения. На севере — рядом Великие Луки, Куньи с ее железной дорогой и шоссе Москва-Рига. Юг же — медвежий угол района. Там разве что Велиж сравнительно недалеко, да и этот смоленский райцентр хоть и стоит на Западной Двине, а железная дорога от него почти в сотне километров.

Из сельхозпредприятий в этой зоне разве что кооператив «Искра» остался в деревне Долговица, куда переехала и волость, как теперь называется бывший сельсовет. Так что работать в окрестных деревнях практически негде.

Мы въехали в Усмынь с севера, и я воочию ощущил, как одряхлело в сравнении с первым моим визитом это довольно большое по местным меркам село. Полуразрушенные вымороченные дома перемежались с

живыми, но довольно-таки запущенными, так что сразу видно — ослабели старикивские руки их обитателей. Своры дичающих собак сопровождали наш «Жигуль». Медлительные старухи, стоя у калиток, провожали его печальным нелюбопытным взглядом.

Татьяна Ермолова Соловьевна, которая теперь числилась работником Долговицкой волости, так что комната в бывшем помещении усмынского сельсовета за ней сохранялась, изображала нам картину деревенской жизни если не в «цветах и красках», то в цифрах и фактах.

Население Усмыни — 280 человек. Около семидесяти работают. Где? В лесничестве, на энергосетях, в доме престарелых, в школе... Остальные — это процентов семьдесят населения — пенсионеры. Сколько детей? Дошкольного возраста — десяток и школьников — 27. Всего получалось 37. Школа неполная средняя, стало быть, девятилетка — на грани закрытия. В девятом классе — один ученик. С ним одним учителя и занимаются, как гувернери с помещичьим недорослем. А учителей восемь. По одному на три школьника.

Домов в деревне 220. Больше полусотни из них принадлежит дачникам — купили, подремонтировали и приезжают на лето. Тут как раз приозерные места. Усмынь — на берегу одноименного озера. Усадебных хозяйств в деревне 164. Получалось по два человека, а то и менее на хозяйство. «Жили-были старик со старухой». Коров же всего 88. То есть далеко не в каждом доме буренка.

Обо всем этом Татьяна Ермолова говорила, как мне показалось, с некоторым смущением, словно бы это она виновата в такой печальной демографии. Чтобы как-то смягчить трагизм этой картины умирания, я заговорил об экологии. О, как оживились оба моих собеседника — и Соловьевна, и Смирнов. Как чисты здесь реки, чему свидетельство — раки, которых в других местах не найдешь. А какие сомы в Западной Двине. Какое разнотравье на лугах, как жужжат пчелы вокруг цветущей липы... Впору было самому покупать здесь дом и переселяться на лето, присоединяясь к сонму дачников.

Мне бы следовало на этой лирическо-экологической ноте закончить свой визит в Усмынь, разве что на берег озера сходить, чтобы убедиться в его красотах даже и в этот сумрачный ноябрьский день, но меня уговорило заехать в дом престарелых, если можно так сказать, главное учреждение Усмыни — здесь работают 19 человек, обслуживающих 35 стариков. И это меня добило. Почему? Мне ведь приходилось бывать в сельских домах престарелых, а некогда даже писать о них, требуя внимания к их обитателям, заживо похороненным в «братьских могилах» — старых избах без всяких удобств, где старики и старухи лежали почти без ухода, разве что подкармливаемые доброхотными колхозными председателями. Здесь же, в Усмыни, и помещение неплохое — бывшая участковая больница, и канализация, и водопровод, и медсестры и санитарки имеются, врача, правда, нет, где ж его возьмешь, врача, говорила директор дома Антонина Леонидовна Падалко, сама местный фельдшер, приезжает врач из районной больницы раз в квартал.

Но что же так оглушило меня? Безногий инвалид в кресле на колесах («Война?» — «Обморозился по пьянке», — шепнула Падалко)? Нет, не это. Я видел другое: старух в байковых халатах, неподвижно, с остановившимся взглядом сидевших в палате, словно ушедших в себя, в свою прошедшую жизнь, старики в пижамных куртках, столь же потерянно молчаливых. Это были внуки тех усмынских крестьян, чьи драмы запечатлел смоленский архив. Они доживали свой век в угрюмом отчуждении от мира, который сузился для них до размеров этого дома престарелых — главного учреждения Усмыни.

Эта символическая картина словно завершала мои исторические штудии района, протянувшиеся на три четверти века.

Элла Грайфер¹

Ассимиляция как воля к смерти

Из еврейства не высочишь!
Рахель фон Варнхаген — Генрих Гейне

Эпоха просвещения начертала на своем знамени лозунг свободы, равенства и братства. И не одно поколение сменилось, прежде чем выяснилось, что эти три призыва не очень хорошо согласуются друг с другом.

Свобода и равенство, формально открывая каждому все дороги, открывают ему тем самым вдохновляющую перспективу ничем не ограниченной зависти и соперничества с любым двуногим. В плане экономическом успехи такого подхода бесспорны: технический прогресс, изобилие материальных благ... Но что поделаешь — бесплатных пирожных не бывает. Опыт показывает, что повышение благосостояния сопровождается в большинстве случаев резким снижением стабильности общества, что всегда проблематично, а временами — небезопасно.

Так вот, замечали ли вы, что почти в любой неустойчивой и/или недобровольной общности (армия, школа, тюрьма и т. п.) есть всегда «крайний», «отверженный», «мальчик для порки», которого оплевывают и топчут все вместе и каждый в отдельности.

...Да-да, вы не ошиблись, речь идет именно о той незаменимой должности «козла отпущения», на которую еврей загнан был однажды по причине религиозного соперничества, и сдвинуться с нее уже не может, хотя нынче в Европе мало кого волнует религия. Потому что должность эта — социально необходима, и чем нестабильнее общество, тем чаще сваливается в кризис, тем больше нужен ему этот самый «козел».

Интересно, что популярности этого испытанного метода нисколько не вредит его железная, стопроцентная неэффективность. Еврейскими погромами в Европе во время оно останавливали чуму, в России — революцию, в Польше — экономические трудности. Проблемы не решаются, но надежда умирает последней, и, следовательно, имеет шанс пережить последнего еврея. Чем безвыходнее положение, тем ближе дата следующего погрома, а в результате каждая из проблем по еврею ударяет дважды: в упор (потеря источников существования из-за экономического кризиса) и рикошетом (погром, устроенный в знак протesta против оного же кризиса).

Во имя свободы, равенства и братства они будут теоретически убеждать нас в необходимости уподобиться им, но, по причине неотвратимых последствий оной же свободы и равенства, к братству нам путь закрыт — практически стать «как они» они нам не позволят. Местами и временами может создаваться обманчивое впечатление, что круг размыкается: в Германии начала XX века, в России 20-х годов или в современной Америке... и евреи, конечно, спешат уверовать, что они — есть, а вопроса уже нету. Увы и ах!..

Одной рукой (теоретически) западная цивилизация как бы влечет евреев к себе, призывая их отказаться от вековой замкнутости, давая формально все гражданские права и немалые карьерные перспективы. Зато другой, не мытьем так катанием, (практически) удерживает их в положении парии, «громоотвода», заложника своих политических интересов и нерешаемых проблем. В российском варианте эта шизофреническая ситуация знакома нам по одновременному закрытию Еврейского Театра и обвинению в «бездонном космополитизме». Но существовала (и до сих пор существует) она, пусть и иначе выраженная, по всей постхристианской цивилизации. В психологии это именуется *double bind*:

Двойное послание (double bind) — это такая ситуация, в которой человек, что бы он ни делал, не может победить. Это недобросовестно или даже злонамеренно вмененная обязанность, которая содержит внутреннее противоречие и никоим образом не может быть исполнена. <...> Индивид попадает в ситуацию, когда значимый для него человек передает одновременно два разноуровневых сообщения, одно из которых отрицает другое. (Классический пример — знаменитое требование «Приказываю тебе не исполнять моих приказов.») Вторичное предписание, которое может быть замаскировано, вступает в конфликт с первым

¹ Публицист, автор статей об истории, философии и политике Израиля.

на более абстрактном уровне и так же, как и первое, подкрепляется наказаниями или сигналами, угрожающими самому существованию. В то же самое время индивид не имеет возможности (в силу навязанного убеждения, зависимости, ложного стыда) высказаться по поводу получаемых им сообщений или указать на сам факт испытываемого дискомфорта².

Причем, такое «послание» не является осознанной целью направляющего его нам общества. Напротив, нарастающая ассимиляция евреев, их проникновение в новые сферы общественной жизни, куда им прежде ходу не было, подталкивает антисемитов выдумывать всякий раз новые, как правило, взаимоисключающие, обоснования исконной еврейской злонамеренности (от религиозного — к экономическому, от экономического — к расовому, от расового — к антиколониалистскому), истинная же причина для антисемита не менее загадочна и недоступна, чем для еврея. Иное дело, что не так уж, на самом деле, интересует его эта самая причина, его-то потребности сменяющиеся псевдообъяснения удовлетворяют вполне. С евреем дело хуже.

Клевете на самого себя поверить ему, в большинстве случаев, все-таки затруднительно (хотя встречаются, конечно, оригиналы вроде Отто Вейнингера), но ведь с другой-то стороны не может он не замечать, что различия интенсивно стираем, ассимилируемся изо всех сил, а антисемитизм-то не исчезает, зубки в шесть рядов отрастил...

Разумеется, не одни евреи заметили, что «просвещенная» модель «человека разумного» не очень-то моделирует поступки «человека реального», но у какого-нибудь Ницше или Достоевского остается еще куча антисемитского песку, куда голову сунуть, спасаясь от ужасной действительности, а нашему брату податься некуда. Не случайно именно Зигмунд Фрейд описал впервые процесс сокрытия человеком мотивов своих действий от самого себя, когда не гармонируют они с его рационально-логической системой ценностей. Не случайно основной темой «феноменологии» Эдмунда Гуссерля было весьма проблематичное совмещение теоретического и эмпирического способа познания мира.

Не случайно так страшен мир Франца Кафки: замок, который прекрасно виден, но совершенно недостижим, процесс по неизвестному обвинению без всякого шанса оправдаться, исправительная колония с тупой, оскотинившейся жертвой и тонко чувствующим палачом, согласным скорее умереть, чем отказаться от изощренного изуверства, человек, превратившийся в насекомое и... постепенно примирившийся с этим.

Не случайна и трагическая судьба трех еврейских женщин: Эдит Штайн, Симоны Вайль и Ханны Арендт.

В поисках смысла жизни и своего места в ней они первоначально не то чтобы сознательно уклонялись от столкновения с еврейской тематикой, но совершенно искренне не придавали ей значения, не понимали ее роли ни в столь дорогой и близкой им культуре Запада, ни в своем собственном непростом внутреннем мире. В некотором смысле они воспринимали ее как бы «извне» — с позиций «общезападных», которые ничтоже сумнящиеся считали за общечеловеческие, но на уровне судьбы пережить ее им пришлось «изнутри». И вышло так, что именно еврейский опыт сделал их зеркалом, в котором узнает себя ныне западное общество.

Сестра Тереза-Бенедикта

Судьба нам не дарит фарта,
Господь свою лампу гасит.
Коричневым цветом карту
Маяр Шикльгрубер красит
Он руку в экстазе вскинет:
— Виновных — давай к ответу!
Виновных, что не такие,
Как Гензели или Греты.

Н. Болтянская

Родилась в восемьсот девяносто первом, в день Йом-Кипура, в городе, что назывался тогда Бреслау, а сегодня стал польским Вроцлавом, в семье, характерной вот именно для польского, а не немецкого еврейства: благочестивая, многодетная семья. Появясь она на свет на полвека раньше — вероятно, вышла бы замуж, супруга (с ее-то характером!) быстро загнала под каблук, детей бы (с ее-то способностями!) сумела заставить учиться, в большие бы раввины вывела хотя бы одного... Но времена настали иные. Времена исчезновения

² http://samlib.ru/k/karew_d_w/db.shtml

сословий, локальных различий и замкнутых религиозных общин. Времена перехода от лоскутного многообразия к единобразной «массе».

Четырнадцать лет отвергла Эдит Штайн, отличница-гимназистка, «узкую и замкнутую» религиозную традицию отцов и вышла на широкий простор просвещенческого гуманизма. Вышла в поисках той самой «правильной», для всех и каждого пригодной истины, той самой «архимедовой точки опоры», что поможет найти общий язык и равноправие для всех и каждого. Вполне логичным было и ее решение сделать поиск этой самой «истины» своей профессией, т. е. изучать философию, естественно, у того, кто считался тогда в этой области «самым-самым» — у Эдмунда Гуссерля. Сперва стала она его ученицей, а потом и ассистенткой. У него и кандидатскую защитила, а докторскую (названия ученых степеней для простоты — в современном русском варианте) делала дважды, и дважды к защите ее не приняли. Один раз за то, что женщина, второй — за то, что еврейка.

Тема защищенной с отличием кандидатской, отметим: “Zum Problem der Einfühlung”. Точно на русский очень трудно перевести, но означает это самое «Einfühlung» что-то вроде «постижения путем вчувствования в объект». ...Не мытьем так катањем стремится Эдит преодолеть невидимый, но прочный барьер, отделяющий ее от общества, но в конце концов понимает, что ни на рациональном, ни на эмоциональном уровне контакт невозможен. Перед ней — глухая стена.

В 1918 году с Гуссерлем Эдит работать прекратила. Возможно, связано это было с какими-то трениями (характеры-то у обоих были те еще!), возможно — с карьерным тупиком. Но вряд ли эти обстоятельства были решающими. Основной вопрос любой науки, в конечном итоге — как правильно думать, а вот основной вопрос любой философии или религии — как правильно жить. Похоже, что философию она «переросла», хотя и не забросила, наоборот, даже в монастыре по послушанию продолжала, но заняла философия в ее жизни подобающее место согласно католической доктрине: место служанки теологии. Это понятно. Непонятно другое: почему избранная ею религия не иудаизмом оказалась, а христианством?

В состоянии духовного кризиса (а к теоретическим разочарованиям добавилась у Эдит в тот период еще и нешуточная проблема в личной жизни!) нередко принимает человек религию тех, в ком на тот момент встречает пример глубокой и искренней веры. У Эдит были именно такие друзья-католики (еврейского, кстати, происхождения!). Но из ее дневниковых записей яствует, что, делая выбор, сравнивала она веру католиков (в жизни и в книгах) только и исключительно с верой знакомых протестантов, т. е. с другим вариантом того же христианства. Никакие иные (считая и религию ее детства и ее предков) как бы даже и не рассматриваются.

Известно, что в Веймарской республике официальной дискриминации по религиозному признаку не существовало, а от неофициальной, по признаку этническому или, тем паче, гендерному, не спасало крещение. Кроме того, сама Эдит от своей принадлежности к еврейскому народу не только не отрекалась — она ее декларировала на всех уровнях, вплоть до Ватикана, и, уходя на смерть, жизнь свою отдать пожелала за «свой народ». Так не будем искать корысти там, где она и близко не лежала, а попробуем лучше разобраться по существу.

Очевидно, христианство (в католическом варианте) скорее отвечало какой-то внутренней потребности Эдит, чем с детства знакомый иудаизм. Однако, «скорее» еще не значит «полностью». Ведь католицизм-то у Эдит Штайн получился, мягко говоря... хмм... специфический. И сама она понимала это. Взять хоть такое ее высказывание:

Долг путь от самодовольства «доброго католика», «исполняющего свой долг», читающего «соответствующую» газету, голосующего за «правильную» партию и т. п. до предания жизни своей в руки Божии с детской простотой и смиренiem мытаря. Но кто раз пройдет его — назад уже не вернется³.

Такой вот получается католицизм — для избранных, для немногих. Но кто же они, эти немногие?

...Случалось ли вам, дорогой читатель, встречаться в жизни с духовными упражнениями Игната Лойолы? Тем, кому не случалось, спешу объяснить: берется отрывок, некоторый «смысловый кусок» из Писаний (лучше из Евангелий), в котором «упражняющийся» способен ощутить отражение его лично волнующих проблем. Если он достаточно образован, то сам найдет, а если нет, то, побеседовав с ним, поможет руководитель. Найденный отрывок медленно, с выражением прочитывается и дается «домашнее задание»: найти себя в ком-

³ http://www.krotov.info/library/03_v/vey/l_04.htm (01.11.2008)

то из действующих лиц, вжиться по Станиславскому в образ с последующим обсуждением пережитого с руководителем. Такую или похожую технику, кажется, применяют и современные психологи, но я сейчас про другое.

Я про то, как объяснял мне этот метод знакомый иезуит, как предложил для примера «найти себя» в тексте, который был мне хорошо знаком: в сцене «страстей Христовых» (т. е. страданий, перенесенных Иисусом, от ареста до казни), и как на вопрос, с кем бы смогла я себя в этой сцене поставить рядом, я, ни секунды не задумавшись, выпалила: «С Иисусом, конечно!»

Иезуит отвесил челость... Стороной про жидовскую наглость слышать, верно, доводилось ему, но чтоб так вот сразу зашкалило!.. Психологическая выучка взяла, однако, свое, и он осторожно поинтересовался:

— Вы так уверены, что смогли бы, следуя за Иисусом, добровольно пойти на...

— Да кой черт добровольно! — перебила я. — И куда такое «пойти»? — подсказал бы хоть кто, как выйти! Я в этой самой ситуации родилась, в ней, видно, и помирать придется. Это у Иисуса вашего выбор был — то ли в нее ходить, то ли погодить, и он, между прочим, тоже соображал, что не сахар — помните, в Гефсимании?.. Но, в конце концов, все же решился за мной последовать. Понимаете: он за мной, а не я за ним!

— Ой, а ведь правда! — восхитился мой собеседник. Так и догматика наша говорит. Помните, как у Павла:

«Он, будучи образом Божиим, не почитал хищением быть равным Богу; но уничижил Себя Самого, приняв образ раба, сделавшись подобным человекам и по виду став как человек; смирил Себя, быв послушным даже до смерти, и смерти крестной». (Фил. 2, 6-8).

...До сих пор гадаю, действительно ли он понял меня тогда или просто согласился из вежливости (в Европе, знаете ли, принято терпимость демонстрировать кстати и некстати). Но даже если понял, то, конечно, чисто теоретически. Такого рода «духовного опыта» (как выражался И. Лойола) у него нет, и взяться неоткуда, и даже не знает он, что за отсутствие оного должен Бога благодарить ежедневно и ежечасно. Процитированный отрывок из Павловых посланий понимает он так же как большинство его единоверцев: мог бы Иисус бессмертным, блаженным и всемогущим быть, а стал смертным, способным на страдание... ну, как все мы, люди...

А что стал Иисус, по текстам Павла и синоптических евангелий, вот именно НЕ как ВСЕ люди, а как последние, отверженные среди людей... нет, нет, конечно, они не отрицают... они просто практических выводов из этого для себя сделать не могут никаких. Про страдания — да, понимают, не самим — так близким случалось болеть. И про смерть понимают, хотя и очень не хочется. И даже с несправедливостью многим приходилось столкнуться. Но такой вот... не демонстративной даже, а просто какой-то само собой разумеющейся несправедливости, да не от обнаглевшего власть имущего или иноверца-врага, а чтобы самые милые, честные и порядочные люди того сообщества, к которому, как тебе представлялось, принадлежишь ты по праву, возненавидели тебя напрасно, противостоять в одиночку им не доводилось. Никогда.

Именно этот поступок евангельского Иисуса, добровольное согласие разделить НАШУ судьбу, т. е. судьбу отверженного, оклеветанного, всем ненавистного ОДИНОЧКИ, и привлек к нему в те страшные времена не только Эдит, но и многих ассимилированных евреев, утративших (иногда не в первом уже поколении) веру отцов, обманутых и отвергнутых «цивилизованным» обществом. Выбирая добровольно то положение, из которого не знали они, как сбежать, этот поступок придавал ему смысл, место во всемирном космическом порядке. И даже более того: окружающие им изо всех сил намекали, что они в этом мире лишние, а Иисус утверждал, что вот именно последние из последних его и спасают. Что неминуемую насильтвенную гибель превратить можно с его помощью в добровольную жертву, омыть мир своей кровью, от всей жестокости, лжи и грязи его отмыть...

Для самого Иисуса и первых его учеников этот опыт был действительно значимым, что и запечатлелось в писаниях евангелистов. Но... уже к IV веку н. э. он оказался отодвинут на периферию церковного сознания, потому что уже состояла церковь в подавляющем большинстве из людей с нормальным социальным статусом, как и продолжается до наших дней. Человек, воспринимающий христианство через призму ТАКОГО опыта, в церкви неизбежно окажется не то чтобы еретиком, но... маргиналом, чья вера лишь на словах близка вере окружающих, поскольку под теми же словами понимает он нечто совершенно иное, неизвестное, а зачастую даже и подозрительное им.

Не людские деяния помогут нам, но Страсты Христовы. И я стремлюсь пострадать с Ним⁴.

«Теология креста» Эдит Штайн, вырастает из опыта народа, обрекаемого на смерть. Слишком чуткой, отзывчивой душой обладала она, чтобы не услышать обращенное к ней всем обществом требование НЕ БЫТЬ. Требование, причины которого понять она не могла, но смогла, по крайней мере, найти ему оправдание, позволяющее спасти «не жизнь, а гордость».

Там (в монастыре) пишет она 9 июня 1939 года свое завещание: «И ныне принимаю смерть, уготованную мне Богом, с радостью и полной покорностью Его святой воле. Я молю Господа принять жизнь мою и смерть ради того, чтобы свои приняли Господа (сравн. Ин. 1,11 — прим. перев.) и вступил Он в Царство Свое во славе ради спасения Германии и мира во всем мире...»⁵.

В XIX–XX веках евреев в Европе крестилось много. Кто-то потому, что давно уже не верил ни в сон, ни в чох, а только в деньги да карьеру, кто-то потому, что истово верил в «общечеловеческие ценности», не важно, в либеральном ли, как Пастернак, или в революционном виде, как первые евреи-народники, кто-то в ассилированной, атеистической семье рос и в поисках цели и смысла потянулся к вере, что ближе лежит... Евреи поколения Эдит Штайн крестились часто в надежде избежать гибели (надежда не оправдалась), но не так уж мало было таких, кто, подобно Эдит, в неминуемой гибели стремился найти какой-то позитивный смысл. Для них более чем актуальна была тема преодоления смерти путем ее принятия.

Все на свете религии дают ответ на вопрос о «правильной жизни», причем не абстрактно-теоретически, а конкретно — в данной ситуации. Для тех, кого заведомо жизни лишают, вопрос этот встает в форме поиска «правильной» смерти. В христианских преданиях нашелся материал для построения такой религии, но на самом деле не совпадала она, да и не могла совпасть с верой церкви, предназначенней не для смерти, а для жизни. Этот особый, специфический, можно сказать, «еврейский» вариант христианства даже не противостоял христианству церковному — просто существовали оба в непересекающихся, параллельных пространствах.

Междудвоенно-христианской верой Эдит и ее принадлежностью к еврейскому народу противоречия нет. Скорее уж тут можно обнаружить некоторое противоречие с церковной традицией. Если неприятности евреев проистекают (как учит церковь), главным образом, от неприятия Христа, логично предположить, что принявший его еврей от указанных неприятностей должен быть избавлен. Эдит же не только исходит (вряд ли осознанно) не из христианских, а из чисто иудейских представлений о «круговой поруке» еврейского народа перед Богом, но, более того, решительно игнорирует официальные церковные обещания счастья и блаженства даже в случае крещения народа целиком.

В полном соответствии с учением церкви считает она отвержение евреями Христа роковой ошибкой, подлежащей исправлению, но... в полном соответствии со своей «теологией креста» — не для того исправлять ее надлежит, чтоб от неприятностей избавиться, а наоборот — чтоб не вынужденно, не с ропотом, а добровольно, сознательно и радостно за Ним последовать по крестному пути. Не отвержение Иисуса, которое, в конце концов, хотя бы теоретически — дело поправимое, а неотменяемое родство с ним лишает евреев естественного права на жизнь, которым по умолчанию обладают все прочие народы.

Не зря Ватикан, канонизируя Эдит как мученицу и исповедницу, при всей несомненной высоте научного и философского уровня ее трудов, не согласился признать ее «учителем церкви», т. е. теории ее хоть и не ересь, но... не более чем допустимое частное мнение. А в границах допустимого остается оно, отметим, потому что не доходит все же до требования самоистязания или самоубийства. И на практике Эдит, в полном соответствии со своими теориями, не нарывалась зря, в Голландию эмигрировала, пытаясь избежать опасности (а надобно вам знать, что вообще-то не принято это у кармелиток, уставом на предусмотрено менять монастырь). Вступив на путь самоуничтожения, не дошла все-таки Эдит Штайн до логического конца. Дошла до него уже другая...

⁴ http://www.vatican.va/news_services/liturgy/saints/ns_lit_doc_19981011_edith_stein_ge.html

⁵ Там же.

Укоренение без почвы

*Из того,
кто ничего не любит
и ничего не помнит,
можно сделать самоубийцу,
но нельзя сделать бойца.*

К. Симонов

Родилась в 1909 году не где-нибудь — в Париже, семейство — ну о-о-очень обеспеченное, образование — самое престижное. Брат — знаменитый математик. Принципы свободы, равенства и братства не избраны даже, а просто впитаны с молоком матери. Всяческие религии, традиции и т. п. — не более чем чудачества старой бабушки, что соблюдает каширут и предпочитает видеть Симону мертвой, лишь бы не женой гоя. Никто этого всерьез не принимает, отец ее даже поддразнивает, рассказывая за столом антисемитские анекдоты.

Всю свою недолгую жизнь была, как говорят нынче, «нонконформисткой»: собственные мысли в ученических сочинениях, оригинальные идеи в журнальных статьях, со всех рабочих мест (преподавательницы философии в средней школе) регулярно вылетала из-за несрабатывания с педагогическим коллективом, хотя ее любили ученики. Но особой известностью при жизни не пользовалась. Знаменитой сделала ее посмертная публикация дневников, в которых поставлены точные диагнозы многим болезням Западного мира. В первую очередь потому, что были они ее собственными, внутренними болезнями.

Многочисленные поклонники ее таланта вполне справедливо восхищаются глубиной анализа, точностью определений, беспощадностью в исследовании. Немного есть на свете людей, которым не только проницательности, но и мужества хватит принять все «Б», вытекающие из утверждаемого ими «А», и собственные убеждения отстаивать вплоть до смерти, и смерти крестной, что, во всяком случае, заслуживает глубокого уважения. Глядя на нее, вспоминаешь невольно о врачах, что прививали себе чуму.

Современный Западный человек есть человек «deracine», что в переводе означает «лишенный корней». Это явление Симона Вайль (или Вейль, как иной раз транслитерируют ее фамилию в русских текстах) описывает на всех уровнях и во всех аспектах. Тут и распад «горизонтальных» связей, одиночество и конкуренция на рабочем месте. Тут и враждебность гражданина к собственному государству. Тут и утрата исторической памяти, и насилиственное навязывание этой утраты народам колоний. Досконально исследуются психологические и поведенческие последствия этого явления, как на индивидуальном, так и на коллективном уровне, правильно указывается и ближайшая причина: отсутствие небольшой, обозримой общности, к которой может причислять себя человек. Раньше — была, а теперь (на Западе) вышла вся. Естественно, из этого следует, что не худо бы снова общность такую залить, да вот только...

Если не ошибаюсь, требование это Симона ни разу эксплицитно не сформулировала, но имплицитно в ее рассуждениях присутствует оно всегда: сообщество имеет право на существование только и исключительно при условии отсутствия ксенофобии, снобизма, высокомерия и склонности к отторжению посторонних. Понятно, что такой строгий отбор не пройдет даже воспетый А. и Б. Стругацкими трудовой коллектив НИИЧАВО... Наши недостатки суть продолжение наших достоинств, просто недостатки «своего» сообщества мы, в силу привычки, переносим легче (а если к рефлексии не склонны, то не замечаем совсем!).

Увы, процесс ассимиляции включает привычку «своего» стыдиться, от него отрекаться, насмехаться над ним, легко переходящую в «самоедство» и прогрессирующую самоненависть, а Симона рассуждает логично: если мне нельзя «свое» предпочесть, то я вправе ожидать и требовать того же и от других.

До сих пор спорят исследователи, марксисткой ли была Симона Вайль, троцкисткой... а может, анархисткой? Точно так же ни в какие ворота не лезет ее религиозность. Хоть и именовала она себя «христианкой вне церкви», но могла бы, похоже, с тем же успехом себя причислить и к «индуистам вне касты», и к поклонникам египетского Осириса «вне Нила», и даже к ТАНАХическому иудаизму «вне кагала», хотя вообще-то его не жаловала (ниже увидим — почему). Большую симпатию проявляла к древнегалльским друидам, про которых, строго говоря, известно только, что был у них очень долгий курс обучения.

Все без исключения религии человечества были, есть и будут укоренены в реальности, в жизни и истории исповедующих их общин. Симона же, в теории алчущая корней, на практике от них бежит, как черт от ладана. В собственное воображение бежит, в котором только и существуют все эти «друидские мистерии»,

«доримское христианство», «исконная греческая духовность»... и т. п. Вот как объясняет она в письме к другу-священнику:

«Католическая “среда” с готовностью примет всякого, кто пожелает присоединиться к ней. Но я не хочу, чтобы среда меня принимала, не хочу жить в среде, где говорят “мы”, не хочу стать частью этого “мы”. Я не хочу чувствовать себя дома ни в одной человеческой “среде”. Сказав “не хочу”, я выразилась неудачно, на самом деле я очень бы хотела (причастности — прим. перев.), это драгоценное чувство. Но знаю, что это мне не дозволено. Знаю, что мне необходимо, что мне предписано оставаться в одиночестве, изгнаницей, чуждой всем без исключения “средам” человечества»⁶.

«Укоренение» для нее недостижимо, ибо то, что предназначено было ей природой, никогда не воспринималось как «свое», а то, что субъективно считала она «своим», объективно таковым не являлось. Когда погнало правительство Виши евреев с государственной службы, написала Симона начальству заявление, что не считает себя еврейкой, поскольку во французской культуре воспитана и мировоззрение свое строит на философах Древней Греции. Начальство этими рассуждениями не впечатлилось, и я его где-то как-то понять могу. Поглядите-ка внимательней на портреты Симоны и оцените гипотетическую готовность французов укоренять в своем сообществе даму столь «общечеловеческой» наружности...

Симона больна самоненавистью. И потому, при всех переживаемых мистических экстазах, в связи и вне связи с церковными таинствами, не может по-настоящему уверовать в Бога, любящего ее, как часть тварного мира, т. е., в конечном итоге, и весь тварный мир.

«Не могу постичь необходимости любви Божией ко мне, ибо так ясно ощущаю, что привязанность ко мне и со стороны людей может объясняться лишь недоразумением. Но без труда могу себе представить Его любовь к тому творению, которое могло бы появиться в занятой мною точке бытия. Но я заслоняю перспективу. Я должна умалиться, чтобы Он увидел его. Я должна умалиться, чтобы Бог смог коснуться этого существа, случайно оказавшегося на моем пути — объекта Его любви»⁷.

Итак, ее удел — умаление вплоть до исчезновения, существование «бескорневое», — неестественное, причиняющее страдание. Она несчастна, и потому, следующей важной темой исследования становится для нее «Несчастье».

Отметим, что слово «несчастье» (malheur) употребляет Симона в значении несколько необычном и специально поясняет его. Это не просто нечто, могущее «статься», а потом пройти: авария, болезнь, катастрофа. Нет, зубная боль, даже самая адская — не «несчастье», прошла и забылась. Не «несчастье», за редким исключением, даже смерть близкого человека, потому что, как правило, личности все-таки не ломает, не лишает ни совести, ни гордости.

«Несчастье» — это не то, что случается, а то, что длится. Достаточно долго, чтобы сломленный им человек расправиться уже не мог. Примеры: сильная физическая боль, которая либо непрерывна, либо может возникнуть в любой момент, отчего держит несчастного в постоянном напряжении.

«Когда мысль сдавлена угрозой физической боли, — даже если боль не настолько тяжела, чтобы породить ощущение несчастья, — это вызывает состояние столь же мучительное, как если бы приговоренного заставляли часами глядеть на гильотину, которая скоро перережет ему шею. Человек может жить в этом мучительном состоянии двадцать, пятьдесят лет... Все это время мы проходим мимо него, даже не догадываясь об этом», или рабство, в том или ином виде, т. е. «длительное и непрерывное унижение. Несчастье охватывает душу и прожигает ее до самых глубин клеймом, свойственным только ему одному, — клеймом рабства. Рабство, которое существовало в древнем Риме, есть только крайняя форма несчастья. Древние, близко знавшие это явление, говорили: “Человек теряет половину своей души в тот день, когда он становится рабом”. <...> Существенно важен социальный фактор. Несчастье не является настоящим, пока оно не влечет за собой социальную деградацию (в какой-либо форме) или ее угрозу...⁸

6 Письмо другу-священнику

7 http://www.stereo-denken.de/sim_weil.html (01.11.2008).

8 <https://magazines.gorky.media/continent/2009/141/lyubov-k-bogu-i-neschaste.html>

Каждый пишет, что он слышит, каждый слышит — как он дышит... Унижение? Социальная деградация? Ситуация раба? Где и когда познакомилась с этим дочь богатых родителей, студентка привилегированного учебного заведения, обладательница престижной профессии, пользующаяся успехом журналистка? Физические страдания — это, понятно, ее невыносимые, жуткие мигрени (да и то сказать — не на нервной ли почве?)... Не ищите ответа в ее работах. Не ищите в ее высказываниях, она его не то что в тексты — в мысли не допускала. А потому, что:

«...Несчастье блокирует мыслительную деятельность, а унижение всегда создает «запретные зоны», куда нет доступа мысли, прикрываемые либо молчанием, либо ложью. Жалобы несчастного почти всегда не по делу, истинная причина даже не упоминается»⁹.

Теоретически возмущаясь любыми страданиями, практически она постоянно страдания в мире выискивает, как голодный хлеб ищет. Она друзьям-студентам на прогулке в Люксембургском саду на полном серьезе заявляет, что ЛОЖЬ веселиться, когда где-то в Китае голодают дети... хотя оттого, что французская студентка заплачет в Люксембургском саду, у китайских детей ни рисинки не прибавится. Не помочь, значит, для нее главное (не то чтобы помогать не хотела, но понимает же, что может не всегда!). В данном (и не только данном) случае для нее главное — эмоционально в чужое страдание вжиться. Зачем?..

Для чего вдруг понадобилось ей по блату (при тогдашней безработице иначе бы и не взяли!) простой работницей на электротехнический завод устраиваться? Все равно же вскоре по болезни пришлось уйти, так нет, поступала еще на два разных завода. Какого лешего железки штамповывать без привычки, да еще когда руки не из того, извините, места растут?

В каких только широтах и социальных слоях не обнаруживает она угнетение и несправедливость, каких только не изобретает тонких и точных психологических инструментов для описания их разрушительных последствий...

...Не для того ли, чтобы с высоты птичьего полета «универсализма» проглядеть понадежнее расцветающий перед носом АНТИСЕМИТИЗМ? Слишком велико унижение, слишком герметично закрыта «зона»... для нынешних ассилированных евреев явление типичное вполне:

*Несчастье ожесточает человека, лишая надежды, ибо оно, как каленым железом, насквозь прожигает душу таким презрением, отвращением и даже ненавистью к самому себе, таким чувством виновности и скверны, которое, по логике вещей, должно было бы возникать в душе после преступления, — и, однако, не возникает. Преступник не чувствует зла, которое живет в его душе. Зато его чувствует у себя в душе невинная жертва несчастья. Получается, будто состояние души, которое, в сущности, годится для преступника, отделили от преступления и связали с несчастьем, — причем даже со степенью невинности несчастного!*¹⁰

И потому к своим еврейским бедам даже свое собственное внимание привлекать вроде как бы и стыдно — неприятно лишний раз любимый имидж «общечеловека» испытанию подвергать, да и вообще... не буди лиха, пока спит тихо. А борясь с несправедливостью и дискриминацией «в мировом масштабе» — глядишь, и свои проблемы под сурдинку решим. Это — в лучшем случае. В худшем (увы, нередком) свои проблемы и вовсе вытесняются, табуируются, загоняются во всяческие комплексы и синдромы.

*Каждый, кто в течение долгого времени остается несчастным, состоит в сговоре с собственным несчастьем. Это сообщничество парализует любые усилия, которые он мог бы предпринять, чтобы облегчить свою участь; оно доходит до того, что не дает даже искать средства к освобождению, а иногда и желать этого освобождения не позволяет*¹¹.

«Сговор» Симоны с антисемитизмом укладывается целиком в эту схему. Меня лично в восторг и умиление приводит ее реакция на преследование евреев по всей Европе — это-де, мол, расплата за негуманность армии Иисуса Навина в процессе захвата Ханаана. Интересно, она в Люксембургском саду, где так эмоционально

⁹ Там же.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же.

китайским детям сочувствовала, не забыла прежде осведомиться, соблюдали ли их предки во всех войнах Женевскую конвенцию?

Симона глубоко несчастна. Несчастна из-за антисемитского «рабства» и физических страданий, причиняемых неловкостью и болезненностью собственного тела. Так велико ли диво, что «плоть» для нее — синоним греха, а тварный мир — низшая ступень бытия? За то и ненавидит она еврейство — свою собственную «плоть», что камнем тянет к земле, не давая воспарить в «свободные граждане мира». Открыв Библию, сразу и безошибочно угадала она, что именно еврейское наследие в христианстве связывает его с реальностью, историей, материей:

«Израиль. Все отвратительно и грязно, начиная от самого Авраама включительно (кроме некоторых пророков). Словно нарочно для того, чтобы ясно указать: Вот оно — ЗЛО. Народ, обреченный на ослепление, обреченный стать палачом Христа»¹².

Читая эти строки, не могу отделаться от мысли, что «палачом» в этом тексте еврейский народ именуется не только и не столько в смысле казни, сколько в смысле воплощения, вовлечения в ужасающую грязь и гадость реальной жизни.

Но не может она принять и крещение, не может в церковь вступить, ибо и церковь реальна. Ни одно человеческое сообщество не безгрешно, не свободно от различия свой/чужой, а если к тому же оно просуществовало достаточно долго, всегда найдется какая-нибудь инквизиция, которую можно поставить ему в упрек. Церковь — слишком живая, чтоб Симоне подойти.

Это не отменяет того факта, что Симона Вайль была человеком глубоко верующим, просто не совпадала ее вера ни с одной из известных религий, хотя во многих присутствовала — когда в качестве ереси, когда — признанного компонента. Называется она «гнозис», в переводе — «(тайное) знание». О чем же знание? — Об отношениях Бога с сотворенным Им миром, и, соответственно, о «несущей конструкции» этого самого мира, динамике его функционирования, о месте и смысле существования человека. Правда, вся эта мудреная философия сводится, в конечном итоге, к разрешению одного-единственного вопроса, того, что в христианской традиции именуется проблемой теодицеи — вопроса о существовании в мире страдания и зла.

Ответ на него остается всегда достоянием небольшой, замкнутой группы мистиков-посвященных. Там, где такие воззрения считаются ересью (например, в христианстве), она уходит в подполье, но даже там, где признана (например, иудейская каббала), доступна лишь очень немногим. Требуется достичь определенного возраста, пройти определенные курсы обучения традиции, быть, как говорят у нас в Израиле, «устроенным» в смысле экономической обеспеченности и нормальной семейной жизни.

Понятно, что от человека, вступающего в столь эзотерическое сообщество, всегда потребуется, в той или иной мере, порвать со своим прошлым, корни свои оборвать. Что идеально подходило для Симоны, и так уже не имевшей корней.

Чтобы достичь желаемого, нужно духовно исключить себя из общества. Вот почему Платон говорил, что способность распознавать добро существует лишь в предрасположенных душах, воспитанных, таким образом, самим Богом. <...> Дискредитировать такие слова, делая их всеобщим достоянием без многочисленных предосторожностей, означало бы совершить непоправимое зло, убить всякие остатки надежды на появление соответствующей им сущности. Они не должны быть связаны ни с каким-либо делом, движением, даже режимом, ни тем более с нацией. <...> Религиозная мысль истинна, если она универсальна по своей ориентации. (Иудаизм, будучи связанным с понятием рода, таковым не является)¹³.

Но ведь сама же Симона сумела вполне убедительно доказать, что жизнь без корней не просто тяжела для отдельного человека. Она и для сообщества в целом губительна. ...А для «веры истинной», оказывается, совершенно необходима? От Симоны не ускользает это противоречие:

Если бы в целом какая-либо нация была достаточно близка к совершенству, чтобы ей можно было предложить подражать страстям Христовым, то очевидно, что это стоило бы сделать. Она бы исчезла, но такое исчезновение было бы более ценным, чем самое славное выживание. Но этого не может быть.

¹² http://www.krotov.info/library/03_v/vey/1_04.htm (01.11.2008).

¹³ Там же.

Скорее всего, даже почти наверняка, этого не может быть. Только душе, в ее самой сокровенной уединенности, может быть дано идти к такому совершенству¹⁴.

Выходит, по логике Симоны, есть на свете некоторая функция, необходимая для существования мира, но в то же время немыслимая для исполнения каким ни на есть сообществом. Исполнять ее могут и должны только отдельные личности, причем, неукорененность, оторванность от общества, по всей видимости, облегчает для них исполнение этой задачи. Задачу же обозначает она как «*подражание страстям Христовым*», но в то же время, отмечает, что понимали и по-своему выражали эту мысль и другие религии:

*Если на земле изначально не было Искупления, со всеми соответствующими ему признаками и ощутимыми действиями, то нельзя было бы простить Богу — если позволительно употребить такие слова, не богохульствуя, — страданий стольких невинных, изгнаников, порабощенных, замученных и убитых в течение веков, предшествовавших христианской эре. Христос присутствует на этой земле, если только люди не изгоняют Его, повсюду, где есть преступление и горе. Не будь сверхъестественных проявлений такого присутствия, как невинным, раздавленным бедой, удержаться от того, чтобы не проклинать Бога и, соответственно, избежать осуждения и кары?*¹⁵

Обряды элевсинских мистерий и мистерий, посвященных Осирису, считались таинствами в таком же точно смысле, какой мы вкладываем в это слово и сегодня. И возможно, они действительно были таинствами, обладавшими такой же силой, как крещение и евхаристия, вследствие такого же соотношения со Страстями Христовыми. <...> Если Осирис — не человек, который, будучи Богом, жил на земле так же, как и Христос, то, по крайней мере, история Осириса — бесконечно более ясное, полное и приближенное к истине пророчество, чем все, что называются этим именем таковыми в Ветхом Завете. То же можно сказать о других умерших и воскресших богах. <...> Если скандинавские «Песни о богах» древнее каких бы то ни было христианских проникновений (что проверить невозможно), то и в них содержится совершенно удивительное пророчество:

Знаю, висел я / в ветвях на ветру / девять долгих ночей, / пронзенный копьем, / посвященный Одину, / в жертву себе же, / на дереве том, / чьи корни сокрыты / в недрах неведомых. / Никто не питал, / никто не поил меня, / взирал я на землю, / поднял я руны, / стена их поднял — / и с дерева рухнул. / (Старшая Эdda). <...> Складывается впечатление, будто народы — потомки Хама, и прежде всего египтяне, знали истинную религию, религию любви, в которой Бог — и приносимая Жертва, и в то же время всемогущий Властитель¹⁶.

Ну, что ж... Гностики и мистики всех времен и народов знали это всегда, но объяснить причину удалось только французско-американскому исследователю Рене Жирару, во второй половине XX века.

...Последний, смертельный удар, нанесенный жертве, мгновенно превращает ее из обычного человека — да к тому же еще всеобщего соперника и врага — в спасителя, благодетеля, могучего бога — покровителя племени. Изначально жертвоприношение было процессом сотворения божества, выявления и обуздания его сверхъестественной силы. <...> Навсегда осталась в подсознании человечества эта, на первый взгляд алогичная, иррациональная связь между затравленной жертвой и сверхъестественной мощью, между трепетом священного экстаза и зверской оргией линчевания¹⁷.

Да, именно так — жертва и есть всемогущий властитель. Именно эту тайну всякий раз заново открывали для себя в мистическом экстазе гностики всех времен и народов, и именно ее действительно опасно доверить непосвященным. Потому что неизбежно впадут они в соблазн либо назначить себя сверхчеловеком, которому «все дозволено» (коль скоро добро может проистекать из такого безусловного зла, как убийство!), либо проблему мирового зла решить путем «короткого замыкания»: самоненависть самоубийством «искупить», чтобы обернулось бессилие всемогуществом.

¹⁴ http://yakov.works/libr_min/03_v/ey/l_02.htm

¹⁵ http://www.krotov.info/library/03_v/vey/l_04.htm (01.11.2008).

¹⁶ Там же.

¹⁷ <http://berkovich-zametki.com/AStrina/Nomer5/Grajfer1.htm>

Именно такая беда и приключилась с Симоной Вайль.

Щедро наделенная природным мистическим талантом, но не укорененная ни в какой традиции, отвергнувшая своих и отвергнутая чужими, отказывающая в праве на существование реальности, в которой ей самой места нет, судорожно цепляющаяся за веру в Бога, но неспособная поверить в Его любовь, потому что не представляет себе, что кто-то может любить ЕЁ, да к тому же приученная стыдливо прятать собственное страдание путем вживания в чужое: себя не пожалеть, за других стать жертвой... Могла ли она найти иной выход, кроме как утвердить себя смертью?

Раз человечество было проклято из-за женской жадности, то оно может быть спасено женской жертвенностью¹⁸.

«Творение есть непрестанный акт любви. Каждый миг нашего существования — это любовь Бога к нам. Но Бог способен любить лишь Самого Себя. Его любовь к нам — любовь к Себе через наше посредство. А значит, Он, дарующий бытие, любит в нас наше согласие не быть. Бытие наше состоится всецело из Его ожидания нашего согласия, не быть»¹⁹.

Она умерла в английском санатории 24 августа 1943 года в половине одиннадцатого вечера. Причина смерти: слабость сердечной мышцы вследствие голода (есть отказывалась, дабы разделить участь очередных голодающих) и туберкулеза легких. Накануне за те же деньги еще и подвигом пыталась разжиться, просила «Свободную Францию» послать ее на подпольную работу, но истинному католику и французскому патриоту де Голлю нужны были боеспособные солдаты, бессмысленные жертвы ему были не нужны.

...А впрочем, не так уж неправ был С.С. Аверинцев, сказавший, что XXI век, возможно, будет веком Симоны Вайль. Для западной цивилизации он действительно на глазах становится веком самоубийства. Но осознать это Симоне Вайль уже не довелось. Осознала это другая.

Я хочу понимать...

*Кто веку поднимал болезненные веки
На сонных яблоках больших —
Тот слышит вечно шум, когда взревели реки
Времен обманных и глухих.*

О. Мандельштам

В пестром, противоречивом и разноуровневом мире современных гуманитарных наук трудно найти студента, не говоря уже о профессоре, которому ничего не говорило бы имя Ханны Арендт. Она — из наиболее глубоких и беспощадных мыслителей прошедшего века, не только выжила в Катастрофе, но сумела понять и трезво объяснить ее причины и движущие силы, показать, чем опасно современное общество для своих граждан, и даже наметить (хотя бы пунктирно) своеобразный выход из создавшегося положения.

Хотя выживание в условиях того места и времени было, в значительной степени, лотереей, способность трезво оценить обстановку тоже играла не последнюю роль. У Ханны Арендт хватило не только ума издали разглядеть приближение катастрофы, но и хладнокровия — превратить враждебное «общественное мнение» из захлестывающего цунами в бактерию на стеклишке микроскопа.

Философом она не была и не любила, когда ее так называли, хотя в философии разбиралась прекрасно и широко использовала эти познания в своих исследованиях, но были те исследования действительно совсем нефилософского свойства. Выше мы уже упоминали, что основной вопрос философии (и религии) — как правильно жить. Вопрос, как правильно думать — прерогатива науки. Именно на этот вопрос Ханна Арендт, как правило, и искала ответ. У Симоны Вайль описания (нередко очень точные и глубокие) отдельных исторических или социологических ситуаций являются, прежде всего, материалом для этической оценки. У Ханны Арендт этика того или иного философа — материал для реконструкции исторических и социологических ситуаций. Иными словами, прежде чем решать «как надо», она пытается разобраться в том, «как есть», и если теория с реальностью согласуется плохо, то... тем хуже для теории. Легче всего это продемонстрировать на нашем любимом еврейском вопросе.

¹⁸ <http://www.kcgs.org.ua/gurnal/gurnal-09-12.pdf> (01.11.2008)

¹⁹ http://www.stereo-denken.de/sim_weil.htm (01.11.2008)

Семья, в которой в 1906 году в Ганновере родилась Ханна Арендт, была вполне ассимилирована и весьма обеспечена. И она тоже с 14 лет философов греческих читает, а в университете даже, по собственному почину, учит христианскую теологию и диссертацию пишет про Блаженного Августина. (О бурном романе со стопроцентно арийским профессором Мартином Хайдеггером целомудренно умолчим).

Но вот наступили тридцатые годы, антисемит в Германии пошел косяком, и Ханна в своей среде... утверждает без колебаний свое еврейство. Карл Ясперс, научный руководитель, признанный авторитет (как философа она его очень высоко ценила до конца жизни) пишет ей письма, убеждая, что на самом-то деле она самая настоящая немка... Да вы же и сами наверное помните, дорогой читатель, все эти «комplименты» от чистого сердца, с самым искренним желанием доставить вам удовольствие: «Да что вы, какой вы еврей, вы же вовсе и не похожи!...». Но она, соглашаясь: «Германия для меня — родной язык, философия и поэзия», — отрезает решительно: «Когда за еврейство на тебя нападают, защищаться ты должен как еврей».

Утверждение очень важное. Нападение на евреев за то, что они евреи, есть объективная реальность, бесспорно данная оным евреям в ощущениях, но решительно несовместимая с наиболее популярным среди них мировоззрением. И потому возникает множество стратегий отталкивания, отрицания этой реальности как таковой. Кто-то отказывается верить, кто-то судорожно тянет за уши немыслимые объяснения — от классовой борьбы до расплаты за мифические грехи предков, кто-то пытается доказать антисемитам, что он не верблюд...

Для Ханны Арендт любая мыслимая стратегия начинается с принятия реальности: если еврейство в моей жизни де facto играет куда более значимую роль, чем философия и поэзия в моей голове, значит, именно от него и следует отталкиваться, принимая решения. Из этого постулата последовали три главных вывода:

1) Практический: Налаживание, где и как только возможно, связей, взаимопомощи со всяческими евреями и еврейскими организациями в деле спасения всех, кого можно спасти, и борьбы повсюду, где только удастся. Ханна работает в «алият ханоар», переправляет в Палестину молодежь из Франции, усиленно проталкивает повсюду идею создания еврейских вооруженных сил в составе войск союзников, и т. д., и т. п.

2) Теоретический: Исследование антисемитизма как социального явления в новейшей истории западной Европы: кто в ней был антисемитом, когда и почему, с попутным разоблачением некоторых общепринятых заблуждений, например, что свойственен был этот грех скорее правым, чем левым и скорее малограмотным, чем высококультуральным. Исследование еврейства как социальной категории в то же время и в том же месте, опять-таки с попутной ликвидацией всяческих легенд, начиная со «слезоточивых» историй, какие мы бедные-несчастные, и как нам всегда было плохо, и кончая несентиментальной постановкой вопроса о мере нашей собственной ответственности.

Ответственности настоящей, а не мнимой, не о «Протоколах сионских мудрецов», неполиткорректной армии Иисуса Навина или капризах Божественного провидения идет речь, но о вполне наблюдаемой РЕАЛЬНОСТИ. О европейской элите, стремительно ассимилирующейся при дворах европейских государей, о ее жгучем, но так и не осуществившемся желании стать аристократам «своими», доказать, что они «совсем другие евреи», не похожие на «местечковых лапсердачников», невежество которых ассимилянты еще преувеличивали, дабы повыгоднее свою образованность показать. Именно культурная ассимиляция элиты, а не перемена религии (которая была лишь необязательной составной частью этого процесса) привела к разрыву, отчуждению внутри народа.

«Нотабли», «придворные евреи» становились нередко покровителями и благотворителями своих соплеменников, но их духовными вождями, представителями их политических интересов стать не могли. В европейской политике евреев участвовало немало, но представляли они либо некие общеполитические направления (либералы, социал-демократы), либо просто собственные интересы (дом Ротшильдов или Дизраэли), общееврейские интересы пытался представлять разве что Бунд, но он главным образом на востоке Европы действовал, а сионисты и вовсе интересовались только Ближним Востоком. Европейское еврейство встретило Катастрофу разобщенным, раздробленным, без настоящего осознания и политического представительства. Не факт, что, если бы не это, Шоа бы удалось избежать, но факт, что удар наверняка не был бы таким тяжелым.

3) Идеологический: Мировоззрение среднеевропейского интеллигента «окончательного решения» не то что предсказать было не в силах, но даже и вместить не смогло, когда не оставалось уже никаких сомнений. Тем более, если интеллигент этот был евреем, привыкшим бежать впереди паровоза. Наиболее типичные

профи, именно с исследований Холокоста имеющие свой кусок хлеба с маслом, и по сей день похваляются, что не могут его постичь, это — как бы «знак качества», залог правильного, прогрессивного образа мыслей. Столы же непостижимым является для них, впрочем, и ГУЛАГ, и кампучийские мотыги, и китайская «культурная революция». Не то чтобы соображалка плохо работала — просто такие вещи понимать НЕПРИЛИЧНО!

Ханна Арендт при всем честном народе не раз и не два нарушала это табу. Самый большой шум произвел знаменитый «Эйхман в Иерусалиме», наглядно продемонстрировавший полнейшую пригодность «просвещенного» мировоззрения европейцев для функционирования в качестве как жертвы, так и палача; необходимые для подгонки корректировки — минимальны. Демонстрация того печального факта, что руководство еврейских общин Европы способствовало Эйхману в реализации его планов — вовсе не «обвинение в пособничестве», но обнаружение полного тупика «просвещенных» стратегий.

А за справедливым упреком израильтянам — им-де пропагандистский аспект процесса важнее юридического — обнаруживается проблема и вовсе нерешаемая: Закона, на основе которого можно юридически безупречно Эйхмана осудить, в природе не существует, и создать его невозможно.

Ведь отличия жертв от палачей в обществе массы начальством измышляются совершенно произвольно: тут евреи, там татары, здесь коммерсанты, а где-то гомосексуалисты... Человек — животное общественное, «одиночество в толпе» — состояние неестественное, неестественность вызывает фрустрацию, а со сменой поколений — разрушение культурной традиции, т. е. попросту одичание. И потому человек массы — идеальный объект манипулирования, по определению неспособный ориентироваться в реальности и определять свои интересы. Какую, скажите, выгоду принесла русскому комсомольцу «ликвидация кулачества как класса» — полувековое стояние в очереди за колбасой? Какую опасность представляли полтора еврея для немецкого обывателя 33-го года?

Тоталитарное общество — змея, пожирающая себя с хвоста, оно замкнуто в круг постоянного поиска новых объектов массового убийства, «врагов народа», которые еще вчера не подозревали, что являются таковыми, и совершенно не склонны к солидарности друг с другом. Даже если жертв миллионы, каждая из них массе в одиночку противостоит, а в одиночку не устоишь против массы. Жертва впадает в полную депрессию и ведет себя как неодушевленный предмет. С таким же успехом почти каждого можно накрутить энтузиазмом и назначить палачом (случалось уже — проверено!)... Юрист сталкивается с неразрешимой ситуацией «вор у вора украл дубинку», не говоря уже о том, что формально действия убийцы вполне узаконены, парламентом утверждены и одобрены прогрессивной общественностью, как объяснил когда-то Окуджава: *Он не за себя ведь, он за весь народ.*

В этой связи очень интересно сравнение, которое проводит Ханна Арендт между революциями французской и американской²⁰ — первая, созданная санкюлотской «массой», в тоталитаризм выродилась, вторая, опиравшаяся на общины деревень и небольших городов, — нет, и была, соответственно, гораздо менее кровожадной. Западной цивилизации она предлагает как образец ее родоначальников — древних греков. Они, то есть греки, в маленьких городах-государствах жили, где самой честолюбивой мечтой истинного гражданина было — память о себе в родимом социуме оставить навечно.

Примеры аналогичной, хотя, к сожалению, и недолговечной, организации общества находила она в устройении американских колоний до войны за независимость и превращения в Соединенные Штаты.

...Колонии <...> происходили из страны, которая была организована сверху донизу — от провинций и штатов до последней сельской общины — в политические образования, каждое из которых было своего рода отдельной республикой, со своими собственными представителями «свободно избранными с согласия любящих друзей и соседей»²¹,

а также в «советах», спонтанно возникавших при европейских революциях начала XX века.

Советы... осознанно и без обиняков желали прямого участия каждого гражданина в публичных делах страны, и пока они существовали, не было сомнения, что «каждый человек находил сферу приложения

²⁰ <http://onrevolution.narod.ru/arendt/>

²¹ Там же.

своим силам и имел возможность своими собственными глазами видеть свой собственный вклад в события»²².

Только в такого рода политических образованиях возможно правильное сочетание общественного и личного. Социум заинтересован в лояльности индивида, хотя бы для того, чтобы устоять перед внешней угрозой, а индивид заинтересован в выживании социума, поскольку только в его рамках может обессмертить свое имя (в греческом варианте), или, даже без надежды на вечную память, рассчитывать, что голос его будет услышен и мнение учтено.

Это то самое состояние, которое Симона Вайль называла «укорененностью». Но, подобно Симоне Вайль, Ханна Арендт как-то... не то чтобы не упоминает, а... не формулирует, не доводит до ясного осознания, одно, совершенно необходимое условие — четкие ГРАНИЦЫ. Для того чтобы быть укорененным в каком ни на есть древнегреческом городе-государстве, надо быть свободным гражданином этого города. Ни рабы, ни пришельцы, ни свободные граждане соседнего города — не в счет. Чтобы избирать представительные органы американских колоний, надо быть владельцем усадьбы и хозяйства в конкретной деревне или городке. Ни бродячие голодранцы, ни даже самые мирные индейцы, ни рабы (на Юге), ни почтенные жители соседней деревни — не в счет. Совет рабочих и солдатских депутатов избирается не пролетариями всех стран, а конкретно данным заводом или данным полком. Ни работяги с соседней кочегарки, ни рубаки из соседней дивизии, ни оставшаяся в деревне родня каждого рабочего и солдата — не в счет.

Тут уж — с американцев ли, со спартанцев или с совдепов брать пример — в любом случае общность надо построить небольшую, обозримую, чтобы люди, в ней живущие, могли если уж не любить, то хотя бы понимать друг друга, а более крупные объединения могут возникать как надстройка: греческие города заключают союз против Персии, американские колонии образуют федерацию, а советы избирают ВЦИК. Такую мудрую и правильную рекомендацию дает Ханна Арендт народам Запада. Всем народам, кроме... евреев.

Обсуждая послеверсальское развитие Восточной Европы, не раз и не два справедливо указывала она на вредность и даже опасность искусственных «тянитолкайчиков» типа Чехословакии или Югославии. А в Палестине, ничтоже сумняшеся, поддерживает идею смешанного еврейско-арабского государства... притом, что культурные различия между предполагаемыми «согражданами» куда значительнее, чем между чехами и словаками²³.

Невозможно не согласиться с ее мнением, что «великие державы» для всякой мелочи, вроде нас, — союзники ненадежные, ибо имеют тенденцию нами пользоваться как разменной монетой, но, в таком случае, зачем сама же предлагает англо-американскую опеку над Палестиной учредить? Чтобы не брать на себя ответственность за защиту собственных интересов²⁴? И тут же, духу не переводя, утверждает, что не с англичанами, а с арабами евреям отношения налаживать надлежит. Да полно, так ли?

Арабы и по сю пору отношений друг с другом не наладят никак, а уж с меньшинствами в своих рядах и вовсе не церемонятся — взять хоть тех же арабов-христиан. Уж они ли во всей национально-освободительной борьбе против колонизаторского Запада впереди паровоза не бежали? И где ж они теперь, те христиане? И где ж оно теперь, то «смешанное государство» по имени Ливан? Почему же не разглядела она полвека назад эти тенденции, притом что тот же Жаботинский век назад уже разглядеть их не затруднился?

В какой-то мере к ее вожделенному «древнегреческому» идеалу приближались кибуцы — коммуны-крепости, где одной рукой плуг держат, другой винтовку²⁵, так они-то как раз, покуда живы были, не стеснялись от арабов отбрыкиваться. Ханна же этого старательно не замечала, уверяла себя и других, что у них-де вся энергия на внутреннее строительство уходит, «внешней» политикой заняться вовсе и недосуг. ...И с чего бы это вдруг потом оказались все израильские генералы выпускниками киббуцных «сельскохозяйственных училищ»?

Всерьез обеспокоена она перспективой «долгоиграющей» арабско-еврейской войны, не только из-за опасности для жизни государства и гражданина, но и, не в последнюю очередь, потому что:

²² Там же.

²³ Cp. «Die Krise des Zionismus», Berlin, „Tiamat“, 1989, S. 101–106

²⁴ Cp. там же.

²⁵ Cp. там же, S. 42–43

Даже если евреи выиграют войну, она окончится разрушением неповторимых возможностей и достижений сионизма в Палестине. В результате возникнет страна, не отвечающая чаяниям мирового еврейства, сионистов или нет — все равно. «Победоносные» евреи, окруженные совершенно враждебным арабским населением, замкнутые в постоянно подверженных угрозе границах, будут настолько поглощены отставанием своего физического выживания, что их сил просто не хватит ни на какие другие интересы или занятия. Рост европейской культуры уже не будет делом всего народа, непозволительной роскошью окажутся и социологические эксперименты, политическая мысль сконцентрируется на вопросах военной стратегии, военной необходимостью будет диктоваться и направление экономического развития. <...> Причем, останутся очень малым народом, сильно уступающим в численности враждебным соседям²⁶.

Ну, по этой логике, прежде всего бы следовало Киевскую Русь отменить: поставили, понимаешь, свой Киев в двух шагах от «Дикого поля» — что печенеги, что половцы всякие, нападай — не хочу! «Слово о полку Игореве» — маленький эпизод этого не слишком мирного сосуществования, которое длилось веками: дрались, мирились, снова дрались... И женились на Кочаковнах... Или не женились, оставляли отпрысков своих в степи, и те, подросши, родного папу убивали на поединке — полны такими историями русские былины. А главное — при всем при том умудрялись на Руси и церкви строить, и летописи сочинять, и торговлю обширную вести по дороге «из варяг в греки». Это все и в сегодняшнем Израиле не сильно хуже получается. Так почему же Ханна Арендт не верила в такую возможность?

Почему так сурово ополчилась она на приехавшего в Америку Менахема Бегина? Такой-де он сякой, фашист и нацист, и программа-то у него тоталитарная, и террор-то употребляет против своих и чужих, направо и налево, и Дейр-Ясин разорил²⁷ <...> А что там, кстати, в этом самом Дейр Ясине, на самом деле, стряслось?

Если не касаться «Мифа Дейр-Ясина», связанного, в основном, с внутриеврейскими разборками²⁸ — это тема не наша — независимо от того, была ли та деревня стратегическим пунктом и были ли в ней арабские добровольцы, главной целью операции было то, что именуется на нынешнем политкорректном языке «этнической чисткой» — поубивать немного, а множество напугать и прогнать.

Точно также поступали с немцами чехи после Второй мировой, и боснийские сербы с тамошними мусульманами, и косовские албанцы с тамошними сербами, и южные осетины с соседними грузинскими деревнями. И весь цивилизованный мир давно уже знает, что это плохо и так поступать нельзя. Весь мир знает, кроме... тех, кому в этих «этнически нечистых» зонах выпало жить. От деревень Руанды до кварталов Франкфурта и пригородов Парижа. Зона этнического смешения — пороховая бочка, в которой любая искра вызывает пожар. Не потому, что живущие там люди от природы как-то особенно агрессивны, а потому, что привыкают с детства жить в «позе обороны», проверять каждого приближающегося на свой/чужой.

20 лет спустя, во время «борьбы за гражданские права» в Штатах, не побоялась Ханна Арендт заявить, что права человека от цвета его кожи зависеть не должны, но насильственная десегрегация жилья и школ не уменьшит, а увеличит ненависть между расами. Почему же не осмелилась она то же самое не то что сказать, а даже и подумать о ситуации в Палестине?

И пусть этническая чистка путем террора — метод не оптимальный. Куда лучше получилось когда-то, с подачи Нансена, у греков и турок: сговорились по-хорошему, своих к себе переселили и на новом месте устроиться помогли. Но чтобы вышло так, необходимо согласие ОБЕИХ сторон. На согласие арабов надежды, увы, как не было, так нет. Евреев из своих стран тем самым методом террора они повыкидали больше, чем арабов когда-либо было в Палестине и окрестностях, но Ханне Арендт явно внушает ужас даже мысль прекратить эту игру в одни ворота.

Мало кому удалось так глубоко и точно, как ей, описать истоки тоталитаризма, объяснить, откуда берутся и на что похожи фюреры, — так ей ли не понять, что ни при какой погоде не получится фюрер ни из Бегина, ни даже из куда более авторитарного Бен Гуриона? Агрессивное поведение ЭЦЕЛЯ и ЛЕХИ — вполне здоровая реакция на реальную опасность и никакого отношения не имеет к тоталитарным «поискам врага».

Так в чем же дело? «Державы» не одобрят? Да они ж все равно кинут, сама же предсказывала. «Общественное мнение» не поддержит? Опять же, антисемитизма в этом мнении никто пока что не отменял. Арабам

²⁶ Там же, С. 97–98.

²⁷ Там же, С. 113–116.

²⁸ <http://berkovich-zametki.com/2007/Zametki/Nomer10/Ontario1.htm>

и Мюнхен простили, и Энтеббе, и даже 11 сентября, а нам и мифического Мохаммеда Аль-Дурру, провокаторами состряпанного, не простят во веки веков. Не в том причина. Не чьего-то неодобрения испугалась она, а... голоса собственной совести.

Идеология европейского просвещения своего от чужого позволяет отличать только по принципу общих идеалов и моральных принципов. Так что Мартин Хайдеггер, при всех его пронацистских заблуждениях (Если Хайдеггера подвергать остракизму, то почему не Максима Горького, да и Жан-Поля Сартра заодно? Или Сталин и Мао такими же людоедами не были?) Ханне — свой, а Менахем Бегин, иные принципы исповедующий, — чужой.

Нет, конечно, неправ был Гершон Шолем, упрекнувший Ханну — она-де «евреев не любит». Два-три абзаца достаточно прочесть в любой ее работе, посвященной сионизму и нарождающемуся Израилю, чтобы почувствовать ее тревогу и боль. Любит, еще как любит, но... стыдится своей любви. Потому что с точки зрения просвещенческой морали безнравственно не единомышленника, а того, с кем связан общей судьбой, за «своего» считать и любить больше, чем «чужого»:

...Любовь к евреям, поскольку сама я еврейка, подозрительна для меня. Я не люблю ни себя, ни чего-то такого, что, как мне известно, каким-то образом принадлежит к моей сущности. <...> Мне по душе то, что ныне (1947 год) недостижимо, чтобы каждый мог свободно выбирать место реализации своих политических прав и культурную традицию, в которой он себя чувствует лучше²⁹.

А что, у древних греков, каждый сам выбирал, афинянином ему быть или лучше спартанцем? Такая «свобода выбора», даже как идеал, возможна лишь в обществе «массы», которое, как Ханне досконально известно, неустойчиво, враждебно личности, вечно беременно кровавой оргией тоталитаризма. Да, все это так, но... человек — не компьютер. Даже самые умные и правильные логические выводы далеко не всегда способны одолеть нравственный барьер, родительскими наставлениями возведенный в детстве.

Было нечто прекрасное в том состоянии ВНЕ-ВСЯКОЙ-ОБЩЕСТВЕННОЙ-ПРИНАДЛЕЖНОСТИ, в том полном отсутствии предубеждений, которое было так свойственно моей матери, в равной мере и в отношении еврейского сообщества³⁰.

То самое знаменитое фрейдовское «сверх-я», важнейший защитный механизм, обеспечивающий, в нормальных условиях, сплоченность общества и передачу традиции, в нашем случае работает, увы, не на выживание, а совсем наоборот. Разумеется, «чужой» тоже человек и права имеет, но беда в том, что для того, кто ассимилируется, чужое право — правее своего. Тут слабый не просто терпит право сильного и приспособляется к нему, но верит в некую «высшую истину», заключенную в этом праве. Истину «объективную», равно возвышенную над нашими и не нашими интересами, обеспечивающую САМОЮ НАСТОЯЩЮЮ СПРАВЕДЛИВОСТЬ.

Ханна явственно не осознает, что воспроизводит на новом витке ту самую модель поведения, какую сама же и осудила у деятелей всех и всяческих юденратов: жизнь народа не мыслится без соблюдения европейских правил игры, а если эти правила потребуют вдруг его уничтожения, то... тут уж ничего не поделаешь.

Именно то, что эти взгляды остаются доныне массовыми, представляет главную угрозу существованию не только Израиля, но и евреев как народа. Не в том даже беда, что полагались мы на союз с Западом, оказавшийся, как и предупреждала Ханна Арендт, крайне ненадежным, а в том, что Западом оказались мы сами, и она в том числе.

Эпилог

Убить человека — меньшая подлость, чем внуширить ему мысль, будто самоубийство — величайший акт добродетели. Отвратительнее, чем швырнуть человека в печь для жертвоприношений, требовать, чтобы он прыгнул туда по собственной воле, да еще и сам построил эту печь.

Айн Рэнд

Перед нами три женщины, три еврейки. Умные, образованные, талантливые... казалось бы — жить бы им, таким, да радоваться... так нет же! Одна сама себя убила, другая оправдания своим убийцам придумывала, а

²⁹ <http://david.juden.at/kulturzeitschrift/70-75/74-davidowicz.htm>

³⁰ Там же

третья, хоть существование свое и не считала излишним, все-таки не вполне была уверена, что дозволено его защищать. Ясно, что это следствие ассилияции: трудно себя отстаивать, когда на вопрос «кто я?» ответить толком не можешь ни себе, ни другим, но... на самом-то деле все гораздо хуже: не ассилияции вообще, но ассилияции в современную западную культуру.

Случайно ли не убывает, а растет со временем в Западном мире популярность Эдит Штайн и Симоны Вайль, упрямое перетолковывание Ханны Арендт в духе обвинения юденратов и порицания сионистов? Причина тому, скорее всего — неспособность разорвать замкнутый круг «жертвенного» мышления, невысказанная подсознательная надежда, что евреи неким сверхъестественным образом возьмут на себя и разрешат их проблемы.

Причем, западные идеологи выступают одновременно в роли убийц, ищущих искупительных жертв, и потому возмущены Израилем, который не впечатляется «теологией креста» и упрямо отказывается стать такой жертвой, и в роли жертв, когда подобно Симоне Вайль в припадке самоненависти с готовностью дают себя уничтожать и убивать черным американцам или пришельцам из Третьего мира.

Выживет ли западная цивилизация — зависит не от нас (хотя я ей этого от души желаю), зато наше собственное выживание в значительной степени от нас зависит.

Все иудейские и христианские вопросатели: «А где же Он был, когда...?», — могут, уже, мне думается, получить однозначный ответ: самоубийство есть смертный грех, и ни иудеи, ни христиане не могут, не кривя душой, утверждать, что Он не предупреждал нас об этом. Без сопротивления (хотя бы внутреннего) позволили мы (прежде всего — наша духовная, интеллектуальная элита) взвалить на нас вымыщенную вину — это и было нашей виной.

Настоящей.

Елена Носенко-Штейн¹

Еврейская память в современной России: забвение, возрождение, трансформации

Введение

Историческая память, равно как и проблемы идентичности в последние три-четыре десятилетия стали не просто популярными, но даже модными. Причем, к ним стали усиленно обращаться не только ученые (историки, антропологи, социологи, культурологи и др.), но также публицисты, журналисты и политики самого разного пошиба. Даже в научной литературе можно видеть неумеренное и часто неправильное употребление терминов «идентичность», «идентификация», «самоидентификация» и даже новоязовского «самоидентичность» и т. п. Еще больше путаницы с употреблением терминов «коллективная память», «историческая память» и некоторые другие. Поэтому, прежде чем говорить о еврейской памяти, нужно немного разобраться с терминами.

В 1920-е гг. ученые, принадлежавшие к знаменитой школе «Анналов», а также некоторые близкие к ней авторы стали проводить различие между коллективной и исторической памятью. Вслед за ними я понимаю коллективную память как память о событиях, хранимых представителями того или иного социокультурного коллектива, и передаваемую из поколения в поколение через устные нарративы, мемуары, почитание значимых для этого коллектива мест и событий. Историческую же память вслед за Морисом Хальбваксом я рассматриваю как собрание наиболее значимых для людей фактов, которые, однако, специально отбираются и вносятся в учебники, справочники, художественную литературу, публицистику (Хальбвакс 2005), причем такой отбор и классификация фактов совершаются правящими и интеллектуальными элитами, исходя из политической конъюнктуры. Таким образом, коллективная память короче исторической, поскольку она жива до тех пор, пока живы люди, в рассказах и воспоминаниях которых она сохраняется. Конечно, это различие несколько условно, поскольку историческая память в известной мере опирается на воспоминания и рассказы очевидцев, а коллективная подвергается «корректировке», особенно в эпоху резкого возрастаия роли средств массовой коммуникации и всевозможных политтехнологий. Конструирование «нужного прошлого», когда «профессионалы» решают, что нужно помнить, а что желательно забыть, стало обычным явлением.

Исследователи иногда рассматривают историческую и коллективную память как оппозиции: «элитарную» («высокую» и массовую) «народную». В конце XX в. французский ученый Пьер Нора показал, что во многих странах «всплеск» интереса к проблемам исторической памяти стал следствием ряда кризисных явлений в современном мире (Нора и др. 1999). Немецкий культуролог Ян Ассман ввел в науку понятие «культурная память», подчеркивая, что «история памяти» занимается не изучением прошлого как такового, а *того* прошлого, которое осталось в воспоминаниях — в традиции (историографической, литературной, иконографической и т. д.). И цель изучения «истории памяти» — не в том, чтобы вычленить из этой традиции «историческую правду», а чтобы проанализировать саму традицию как феномен коллективной или культурной памяти» (Ассман 2004: 19–25) (подробнее об исследованиях исторической памяти в работах школы «Анналов», М. Хальбваксе и П. Нора см.: Уваров 2004).

Еврейская память и еврейская идентичность

Неудивительно, что еврейская культурная (коллективная и историческая) память тоже оказалась в центре внимания исследователей. С одной стороны, заповедь «помните» постоянно присутствует в еврейских текстах разных эпох. Ассман даже считал еврейскую культуру «образцовой» в ряду других культур, назвав ее «помнящей» (Ассман 2004: 25–31). Действительно, в прошлом еврейская культура была «помнящей». Передача памяти о событиях и людях заповеданы в Еврейской Библии: «Передайте об этом детям вашим; а дети ваши пусть скажут своим детям, а их дети следующему роду» (Иоиль, 1:3) (в заглавии своей книги о культурной

¹ Историк, д.и.н., ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН.

памяти российских евреев я использовала часть этой цитаты; см.: Носенко-Штейн 2013). Слова из Второзакона в течение многих столетий произносят в Субботу, предшествующую празднику Пурим: «Помни (Захор), что сделал тебе Амалек на пути, когда вы шли из Египта: как он встретил тебя на пути, и побил сзади тебя всех ослабевших, когда ты устал и утомился, и не побоялся он Бога; <...> изгладь память Амалека из поднебесной; не забудь» (Втор. 25:17–19). Таким образом, предписание «помнить» и передавать память потомкам стали неотъемлемой частью еврейской культурной традиции. Передача культурного опыта из поколения в поколение, а также сильная внутригрупповая солидарность способствовали выживанию евреев в отсутствие своей государственности на протяжении почти двух тысяч лет в инокультурном и часто враждебном окружении. Еврейская культура в прошлом была не просто «помнящей», но и «образцовой моделью» для «помнящих культур».

Необходимо однако помнить, что культурная память (и евреи не составляют исключения) тесно связана с групповой идентичностью и самоидентификацией. Эрозия культурной памяти неизбежно влечет за собой кризис групповой идентичности, и наоборот: кризис этнической, религиозной или национальной идентичности неизбежно ведет к размыванию культурной памяти. На кризис (точнее, череду кризисных явлений, еврейской культурной памяти и идентичности в том числе) обращают внимание практически все исследователи, занимающиеся этими проблемами.

Йосеф Иерушалми в своих работах, отмечал, что в настоящее время распад еврейской исторической памяти зашел так далеко, что исследователи не могут договориться, что же составляет истинное или хотя бы идеальное ее содержание. (Иерушалми 2004: 88–114). Характерно, что в книге Й. Иерушалми и целом ряде работ, посвященных еврейской исторической и коллективной памяти, внимание уделяется по преимуществу сохранению и передаче памяти у евреев в библейскую и талмудическую эпоху, в Средние века и Новое время, тогда как проблемам трансформации еврейской культурной памяти в современном мире, внимания уделяется гораздо меньше.

Такая обращенность к прошлому доказывает не столько отсутствие интереса к проблемам современности, сколько свидетельствует о кризисе еврейской идентичности, о котором так много писали и пишут исследователи и публицисты. В этой связи напомню, что кризис иудаизма и основанной на нем культуры начался задолго до наших дней. Он — порождение Нового времени (Кац 1991), он развивался сначала в Западной Европе в конце XVIII — начале XIX вв., а потом в Восточной Европе и Российской империи. Кризис иудаизма и его ценностей в Российской империи был результатом общего социокультурного кризиса рубежа XIX–XX столетий, имевшего глубокие корни и далеко идущие последствия (Shneer 1994; Gitelman 2001; Nathans 2002; Shternshis 2006). Иногда обращалось внимание на легкость, с которой еврейское население СССР восприняло антирелигиозную пропаганду, проводимую властями, и стало отходить от иудаизма. Это было не только результатом хорошо проведенных антирелигиозных кампаний и, по-видимому, не только следствием глубинного кризиса традиционной еврейской культуры. Утверждение, что евреи были единственной группой, действительно выигравшей в результате Октябрьской революции (Krupnik 1995), верно лишь отчасти, равно как и утверждение, что отречение от иудаизма было своеобразной «платой» за обретение гражданских прав (Shternshis 2006: 3). Я полагаю, что причиной такого «отречения» были названные мной кризисные явления в еврейской среде и в российском обществе в целом. В результате в СССР сформировалась советская еврейская идентичность (идишская и/или русскоязычная). Иной вариант еврейской культуры, основанный на иудаизме и, следовательно, продолжавший традиционную парадигму, существовал до Второй мировой войны в странах Восточной Европы, в том числе на территориях, отошедших к СССР по пакту Молотова-Риббентропа (Altshuler 1998; Shternshis 2006). Этот вариант ашkenазской культуры был уничтожен вместе с ее носителями во время Холокоста. После окончания войны светский советский вариант еврейской культуры и идентичности стал преобладающим (Altshuler 1987; Shternshis 2006; Носенко-Штейн 2013).

Впоследствии кризис еврейской идентичности в СССР углублялся по мере углубления процесса аккультурации, а в ряде случаев и ассимиляции (причем, иногда вполне осознанной и добровольной (Gitelman 2001; Носенко-Штейн 2013)). Евреи окончательно превратились из (этно)конфессиональной в этническую группу (см. Gitelman 1994; Gitelman and Ro'I 2007; Носенко-Штейн 2013). Их внешняя и внутренняя идентичность, а также самоидентификация базировались на этническом принципе (принципе происхождения). Иными словами, люди «причисляли» себя к евреям, потому что у них были еврейские родители и/или другие предки

(самоидентификация). По этому же принципу их в основном отличали неевреи (внешняя идентичность), а также относили к *Своим евреи* (внутренняя идентичность).

Здесь уместно вспомнить, что израильский этнолог Р. Патай указывал, что евреи не представляют собой единства ни в географическом, ни в расовом, ни в культурном, ни в языковом отношении. Однако, ученый подчёркивал, что у евреев существует традиция, в основном религиозная, которая сформировалась примерно в середине I тысячелетия новой эры вместе с кодификацией основных текстов еврейской культуры; и эта традиция объединяет разнородные группы в единый еврейский народ, хотя в разных общинах она имеет свои особенности (*Patai, 1975*).

Однако с конца XVIII в. в Западной Европе начинается постепенная секуляризация значительных масс евреев и их отход от традиции. Эти тенденции впоследствии проникли в страны Центральной и Восточной Европы, а затем и в некоторые другие. Более того, как отмечают многие исследователи, еврейская идентичность отличается не только в разных странах, она сильно варьирует и в пределах одной страны (Webber 1994: 76; Носенко-Штейн 2013). Бывшие советские и современные российские евреи не представляют исключения.

Таким образом, исследователи не могут прийти к единому мнению не только относительно характера еврейской культурной памяти и еврейской идентичности, но и относительно того, что значит «быть евреем». На это дают разные ответы в зависимости от позиции исследователя; а проблема еврейской идентичности и памяти осложняется еще и все возрастающим числом смешанных браков, потомки которых относятся к своему еврейству весьма различно (впрочем, и потомки моноэтнических браков не сильно уступают им в этом отношении).

В современном мире, в эпоху постмодерна наблюдается множественность идентичностей, в том числе этнических; последние вообще не занимают в их иерархии первого места, если группа или отдельный человек не живет в условиях этнических преследований или дискриминации. Но если множественна идентичность, то самоидентификация в еще большей степени «подвижна» и ситуационна, она может меняться в течение жизни человека в зависимости от обстоятельств, системы взглядов и ценностей. Соответственно этому может меняться и культурная память, то есть процессы унификации и диверсификации продолжают идти рука об руку. Один из крупнейших специалистов по проблемам российского еврейства Цви Гительман более 20 лет назад писал: «Мы движемся к глобальному *штетлу* (некоему унифицированному «набору» символов и ценностей, поддерживающих еврейскую идентичность)... Современные средства коммуникации; увеличение числа разнообразных поездок, вызванных новыми технологиями и ростом достатка; чувство взаимной ответственности, стимулированное Холокостом и продемонстрированное в кампаниях за советское, сирийское и эфиопское еврейство; значительно больший доступ в бывший СССР и Восточную Европу; центральная роль Израиля как общего знаменателя для мирового еврейства — все это вовлекает еврейский народ в более тесные и частые контакты друг с другом. Все это ведет к конфронтации различных концепций еврейской идентичности» (*Gitelman, 1998*).

С тех пор произошло немало событий, оказавших заметное влияние на судьбы евреев всего мира, а также российского еврейства.

О чём помнят евреи в России

Я уже писала о том, что в СССР у евреев в их самоидентификации на первый план вышел этнический принцип, т. е. принцип происхождения («еврейская кровь», еврейские гены). Надо заметить, что сходная тенденция в последние десятилетия наблюдается и в других странах. Вполне естественно, что именно с этим, а также с определениями того, кого считать евреем, связаны различные подсчеты, оценки и прогнозы численности российского еврейства. Если ориентироваться на данные всесоюзных, а затем всероссийских переписей населения (а они при всей критике процедур переписей, особенно последних, все же остаются наиболее объективным источником), то мы наблюдаем неуклонное сокращение численности еврейского населения (подробнее см.: Синельников 2018). В постсоветскую эпоху на этот процесс, помимо массовой эмиграции начала 1990-х гг., оказывает также снижение детности, рост смертности (результат «постарения» еврейского населения) и опять же упадок еврейской самоидентификации. Как бы ни критиковали результаты Переписи 2010 г., согласно которой в России проживает немного меньше 157 тыс. евреев, серьезные демографы (М. Тольц, С. Делла Пергола, М. Куповецкий, А. Синельников) склонны «увеличивать» это число ненамного (до 180–195 тыс. человек) (Носенко-Штейн 2019). Но, несмотря на такое сокращение численности, российские

евреи по-прежнему являются крупной «общиной» (точнее населением) мира. Как показывают мои исследования, среди опрошенных мной в разные годы и в разных городах респондентов чуть более 60 % отнесли себя к евреям, примерно 25 % — к двум этническим группам (чаще евреям и русским), остальные относят себя к другим группам или не относят ни к какой, называя себя «интернационалистами», «гражданами мира», «хоббитами» и пр. Любопытно, что во время Всероссийской переписи 2010 г. более 69 % опрошенных на вопрос о своей национальности ответили «еврей(ка)», а остальные отнесли себя к другим этническим группам (из них около 19 % к русским); ответ «отношу себя к двум национальностям» в переписных листах предусмотрен не был (Носенко-Штейн 2013: 43) А вот ситуация с этнической самоидентификацией у российских людей еврейского происхождения (правильнее, на мой взгляд, называть их именно так, ибо не все они «чувствуют себя» евреями) дело обстоит сложнее: только 40,6 % опрошенных определили свое «национальное самосознание» преимущественно как еврейское, одновременно как «еврейское и нееврейское» — 33,6 %, преимущественно как нееврейское — 17,4 %, и еще 4,3 % респондентов дали другой ответ (Носенко-Штейн 2013: 44). Это лишний раз свидетельствует о неустойчивости еврейской самоидентификации в современной России, хотя почти 85 % опрошенных и указали, что, на их взгляд, для того чтобы «считаться евреем (еврейской)», главное — это ощущать себя частью еврейского народа (Носенко-Штейн 2013: 57). Специфика российского еврейства состоит не только в этом. Много лет назад известный израильский ученый М. Альтшуллер, говоря о советских евреях (и его суждение во многом справедливо для постсоветских), отмечал, что они совершенно не похожи на большинство евреев Диаспоры, отличаясь от последних слабостью общинной организации и религиозно-культурной жизни (Altshuler 1987: 231). Отличия состоят не только в этом, хотя в конце существования Советского Союза и особенно в последние 25 лет возрождение различных религиозных и общинных институтов в России происходит заметными темпами. Но в отличие от ситуации в СССР, когда любой гражданин был обязан «прописаться» к определенной этнической группе (потомки смешанных браков могли выбрать национальность одного из родителей), отмена «пятой графы» в паспортах (и других документах) не вызвала массового отказа от «еврейской записи» в переписных листах, хотя частота этой записи (69 %) превышает уровень определения своего этнического самосознания как еврейского (чуть более 40 %).

Необходимо еще раз напомнить, что еврейская идентичность и самоидентификация даже в пределах одной страны и эпохи не представляет собой некоей устойчивой системы. В России у людей еврейского происхождения также существует несколько этнических самоидентификаций, не всегда они «еврейские» и иногда довольно парадоксальные, к тому же, они могут меняться в зависимости от ситуации. Вот характерный пример. У Ильи Н., 58 лет, историка, восприятие своего еврейства менялось на протяжении жизни от довольно индифферентного до увлеченности еврейской историей и культурой (Москва, 2009):

«...детство мое было в очень обычной московской интеллигентской семье с еврейскими родителями, с еврейскими бабушками и дедушками, но без большого, какого-то зримого еврейского компонента. Так что все то, что случилось со мной в последующие годы, прямого отношения к детству, воспитанию не имело, кроме того, что родители, конечно, никогда не скрывали от меня, что я еврей, что мы евреи, никогда не учили не высказываться, не показывать ничего. Я очень хорошо помню свое полное негодование от своего знакомства со Ш. (первый раз), когда он мне сказал, что да, записано — еврей, но он абсолютно русский человек, евреем себя не считает и ничего на эту тему ни думать, ни говорить не хочет. <...> Потому что я видел в этом бессмысленную попытку приспособленчества идеологического. <...> Меня такая позиция глубоко задела. Хотя, повторяю, я ничего не мог этой позиции в тот момент противопоставить другое. Я не знал язык, я не знал традиций, я просто считал, что человек, живущий в нормальном мире, где все знают, кто есть кто, и где все знают, что такое еврейство, на чем основывается нежелание быть евреем — на стремлении уберечься, на сознательном или бессознательном приспособленчестве. Это совершенно очевидно».

Мои многолетние исследования еврейской самоидентификации и культурной памяти позволили мне с известной долей условности выделить несколько типов культурной самоидентификации у людей еврейского происхождения в нашей стране. С такими вариантами самоидентификации неизбежно связана и культурная память группы.

1. Стремительно уходящая самоидентификация тех, кого я назвала *хранителями*, имея в виду, что они сохраняют (часто в остаточной форме) элементы традиционной для восточных ашкеназов культуры и памяти, основанных на иудаизме, его предписаниях и ценностях, языке идиш, элементах традиционной восточноашкеназской бытовой культуры. Это очень старые люди, большинства из тех, у кого я брала интервью, уже нет в живых. Обычно они родились или их детство и юность прошли в традиционной еврейской среде, где разговаривали на идише, выполняли основные предписания иудаизма, готовили блюда еврейской кухни, пели песни и рассказывали сказки на идише и т. п. Некоторые из них выжили в Холокосте, другие воевали или были в эвакуации. Но Холокост для многих из них стал тем «поворотным пунктом», после которого радикальная смена их культурной самоидентификации стала невозможной, а события того времени — центральными в их памяти. Такова Мария Гринвальд, родившаяся в г. Мир (Восточная Польша, затем Западная Белоруссия), выросшая в такой среде; ее семья погибла в Мирском гетто во время нацистской оккупации, а Мария спаслась, благодаря помощи известного О. Руфайзена, воевала в партизанском отряде, потом воспитала дочь и внука в уважении к еврейской традиции (Носенко 2009а). Другой пример — Мириам Рожанская (тоже ныне покойная, интервью с которой помещено в моей книге 2013 г.). Ее детство прошло в еврейском местечке в Литве, Мириам накануне войны оказалась там у родных и чудом спаслась, бежав вместе с русской женщиной накануне прихода немцев; в этом местечке погибли все ее родственники. Таков был ныне ушедший Яков Г. из Смоленска, во время войны воевавший, потерявший в Холокосте многих близких, впоследствии мечтавший сделать идиш хотя бы языком общения.

Холокост для многих из них — центральное событие, память о тех страшных событиях они хранят и стремятся передать близким. Мария Гринвальд так рассказывала о своем бегстве из Мирского гетто:

«Сказали мне друзья о партизанах, сказали, что там нужен медик, но не сказали, что такое партизаны и с чем их едят. Но, в общем, мы скоро узнали, что это такое. «Нам нужны медработники, — говорят, — ты с нами пойдешь». Я говорю: «А брата?» Брата взяли, а маму нет. Мама была такая, полная женщина, болезненная. Шесть человек детей родила, ну, можете представить, какая рыхлая. Но ее, если бы и не такая была, не стали бы брать, брали молодежь. <...> у нас пролом в стене был — доставали, меняли. Ну, надо сказать, что сумка у меня была порядочная, <...> даже зажим у меня был, бинтов много, йод был, марганцовка была, ну, в общем, сумка порядочная. Ну и, естественно, каждый брал, хлеб, ложку, чашку, кружку. Но вот я до сих пор не могу себе простить, что я оставила маму. Всех их там расстреляли, конечно, а мы пробрались в лес».

Такая память, если следовать определению Я. Зерубавеля, «память о смерти» (Зерубавель 2008). Это при том, что Холокост (в отличие от, например, США) в самоидентификации и культурной памяти российских евреев не занимает заметного места: около 2 % опрошенных указали, что хранить память о Холокосте — основное для того, чтобы «считаться евреем» (Носенко-Штейн 2013: 54); что, опять же следуя определению Я. Зерубавеля, можно считать своего рода «смертью памяти».

Были и другие, носители, как я уже говорила светского варианта советской еврейской самоидентификации. Это тоже очень пожилые люди, большинство которых тоже ушло в мир иной. Они выросли в больших городах, иногда до конца 1930-х гг. учились в еврейских школах, немного помнят идиш, в быту соблюдают некоторые еврейские традиции (обычно в кухне). Во время войны они либо воевали, либо, будучи подростками, были в эвакуации, некоторые из них потеряли родных и близких в Холокосте. О многих из них я рассказывала в своих работах, публиковала фрагменты интервью.

И те, и другие, как правило, нерелигиозны, что является следствием как советской антирелигиозной политики, так и результатом перенесенных многими тяжелых жизненных испытаний.

Вот слова Рахили Б., 86 лет, пенсионерка и волонтер в местной благотворительной еврейской организации (Рославль, Смоленская обл., 2007), вспоминала:

«Мое детство здесь прошло, в большой еврейской семье. Я была единственным ребенком. Вы знаете, что это значит? Мне стоило не просто захотеть, а только подумать, что я чего-то захочу — и у меня это было. Я все помню и все Вам могу рассказать. Мы все соблюдали и выполняли... Раньше я, конечно, верующей не была, я же была секретарем нашей комсомольской ячейки. Но сейчас я, может, и пошла бы в синагогу, но ее у нас нету».

Любопытно и то, что эти люди, хранящие память о событиях Холокоста и Великой Отечественной войны, не слишком «озабочены» проявлениями антисемитизма, хотя и считают его неизбежным злом.

Та же Рахиль эмоционально восклицала:

«Да у меня антисемиты столько крови не выпили, сколько евреи! Если бы вы знали, сколько претензий, сколько всего я каждый день слышу у нас — то не так, тот не то сделал... А антисемиты? Ну, так ведь это же вековое, вековое, куда от этого денешься».

Говоря о вере и неверии, надо заметить, что только около 27 % опрошенных мной указали, что они верят в Бога, еще примерно столько же называли себя неверующими. Остальные указали себя как агностиков, верящих в Верховный разум, судьбу и др. (Носенко-Штейн 2013: 85). Поэтому малая религиозность даже носителей этой «уходящей» еврейской самоидентификации и «ускользающей» памяти вполне закономерна.

2. Нееврейский тип этнической самоидентификации у людей еврейского происхождения характерен для информантов разного возраста, родившихся в моноэтнических и смешанных браках. Это пример, в противовес первому, не просто тип самоидентификации аккумулированных, но уже ассимилированных людей. Они обычно родом из больших городов, по их словам, в их семьях «все было, как у всех», «все было обычное», не соблюдали ни еврейских, ни каких-либо иных этнических традиций, родным языком изначально был русский. В силу возраста они уже не воевали, часто не помнят о том, что кто-либо в их семьях погиб в Холокосте, часто они утверждают, что по отношению к ним не было проявлений антисемитизма (хотя некоторые из них носят вполне говорящие имена вроде Залман, Исаак, Абрам и пр.).

Например, Евсей И., 65 лет, экономист, рассказывал (Москва, 2007):

«Понимаете, в моем детстве ничего такого не было. Ни еврейских песен, ни сказок, ничего. Все только по-русски говорили. Да, родственники воевали, но вернулись. И верующим тоже никто не был. Все это как-то шло мимо меня, я чувствовал себя русским, теперь говорят “россиянином”».

Те из них, кто манифестирует свою религиозность, обычно относят себя к православным, еще более подчеркивая свою чуждость «всему еврейскому».

Например, Анна, 19 лет, «еврейка по отцу», студентка, утверждала (Москва 2012):

«Я считаю себя русской, я православная. Я покрестилась недавно, а мама и раньше была крещеная. <...> Мы все ходим в церковь, не очень часто, но ходим, и мой папа тоже иногда с нами ходит».

Иногда такая «чуждость» приводит к неприятию еврейской культуры и традиции, хотя мне не приходилось сталкиваться со случаями «еврейской самоненависти» (подробнее см.: Беркович 2000). Но именно эти люди, как мне приходилось наблюдать, чаще говорят о евреях «они», «эти люди», «этот нация», а то и просто «этот».

Любовь Е., 64 г., преподаватель музыки (отец еврей), рассказывала о попытках «сделать из нее еврейку» (Москва, 2005):

«Я отношусь к той самой категории, которая у вас в книжке уже описана. В общем-то, я выросла в русской культуре, совершенно в русской ... Конечно, я в русских традициях была воспитана. Но у меня была сестра моего отца (еврея — Е.Н.-Ш.), к которой мы ходили в гости. Она угождала нас фаршированной рыбой. Целей ее звали, еврейка. <...> Возникла очень интересная ситуация: когда мне вдолбили, что я еврейка. Ладно, я еврейка. И я стала интересоваться, что же, я своего отца не знаю практически, получается. Я начала с музыки, конечно. <...> Но я не могу себя идентифицировать с ними, ну, никак не могу».

В противоположность Хранителям такие информанты не могут считаться сохраняющими и передающими какую-либо еврейскую память.

3. Парadoxальный тип — христианская/православная еврейская самоидентификация. Я имею в виду людей, обычно сознательно принявших крещение, но продолжающих относить себя к евреям. Из тех опрошенных, которые считают себя верующими, около 20 %, заявили, что они христиане, примерно столько же — иудеи, остальные, как я уже указывала, верят в Верховный разум, судьбу, карму и пр. По данным масштабного опроса, проведенного социальной службой «Среда» среди граждан РФ в 2012 г., около 13 % российских евреев называли себя христианами, столько же — иудеями, а остальные определили себя как неверующих, агностиков и пр. (Носенко-Штейн 2013).

Среди считающих себя православными евреями (евреями-христианами) немало людей, как потомковmonoэтнических, так и смешанных браков, которые крестились (или не принимали крещения официально, но считали себя христианами) в позднесоветское время. Для них это был не только религиозный опыт, но и своего рода проявление инакомыслия или хотя бы нонконформизма в условиях отсутствия информации об иудаизме (Deuthchrnblat 2003; Носенко 2009). Среди таких людей было и остается немало интеллектуалов (Г. Померанц, З. Миркина, Н. Коржавин, А. Галич, Д. Быков, Л. Улицкая и др.). Впоследствии многие из них оказались в ситуации неодобрения или даже резкого неприятия со стороны традиционных еврейских кругов, особенно в случаях демонстративной манифестации своего вероисповедания (Шойхет 2007; Римон 2006). При этом они продолжают сохранять еврейскую самоидентификацию и память о многих ключевых для еврейской традиции фактах.

Другая, не менее многочисленная группа — это потомки смешанных браков, которые в младенчестве были крещены своими нееврейскими родственниками, но и впоследствии росли в нееврейской культурной среде, часто видели вокруг себя христианскую символику, поэтому христианство не было для них культурно Чужим. Впоследствии они «перевели» свое христианство (обычно в форме православия) из имплицитной в эксплицитную форму.

И, наконец, пожалуй, самая многочисленная группа с этим типом самоидентификации: люди, принявшие крещение после перестройки. Среди них есть потомки monoэтнических и особенно смешанных браков. Обычно это молодые люди и люди средних возрастных когорт; некоторые из них даже не осознают, что быть евреем и христианином, согласно традиционной точке зрения, невозможно. Так, Ирина Н., 49 лет, библиотекарь, мать еврейка, удивлялась (Москва, 2001 г.):

«А почему нет? Разве им <евреям> это запрещено? Ведь каждый может сам выбирать, во что верить».

4. Так называемый «негативный» тип еврейской самоидентификации. Люди с такой самоидентификацией не отрицают своего еврейства, но и не хотят «еврейского статуса», поскольку они воспринимают свое еврейство преимущественно сквозь призму негативного опыта, прежде всего антисемитских проявлений, как на государственном уровне (в СССР), так и в быту. Чаще это люди за 40, они есть в мегаполисах и небольших городах, потомки monoэтнических и смешанных браков. Чаще они называют себя неверующими или агностиками (верят в рок, судьбу, карму и пр.), в последние годы среди них попадаются и христиане.

Владимир К., 66 лет, пенсионер (Пенза, 2007):

«Конечно, я еврей, у меня же родители евреи, и в паспорте было записано «еврей». Кем же мне еще быть? Но ничего еврейского у нас в семье никогда не было, все было обычное, как у всех. <...> Просто в разные периоды моей жизни приходилось сталкиваться с негативным отношением к евреям. И я никогда не молчал и не скрывал, что я еврей, как некоторые».

Людей с подобным типом самоидентификации становится меньше, поскольку, с одной стороны, антисемитизм за последние 10–15 лет несколько «потеснен» другими фобиями: антиамериканизмом, антизападными настроениями, неприятием выходцев с Кавказа и Центральной Азии, мигрантов из Китая и Вьетнама и др. (в разных российских регионах ксенофобия имеет свою специфику); с другой, государственный антисемитизм ушел в прошлое. Поэтому в разных возрастных когортах только от 2 % до 9 % опрошенных часто сталкивались с проявлениями антисемитизма (чаще всего на улице и в общественном транспорте).

Хотя многие информанты отмечают, что антисемитизм никуда не делся: он изменился и приобрел другие формы (Носенко-Штейн 2013).

5. Самый распространённый «двойственный» тип еврейской самоидентификации — вариант гибридной. Уже говорилось, что любая самоидентификация ситуационна и может меняться в течение жизни. Но этот тип представляется наиболее лабильным и неустойчивым. Он распространен во всех возрастных когортах, в смешанных и monoэтнических семьях. Люди в конкретных ситуациях «чувствуют себя» евреями, а в других — русскими или принадлежащими к другой группе (или не принадлежащими ни к какой). На формирование такой самоидентификации может оказывать влияние антисемитизм, принадлежность (в детстве и юности) к русской/советской культуре, но в последние два десятилетия таким фактором становится интерес к своим «еврейским корням»: истории, традиции, общинной жизни, реже — к иудаизму. Более 50 % респондентов указали, что знание еврейской истории важно для того, чтобы «быть евреем», и почти 45 % — что для этого

важно соблюдать еврейские традиции; однако лишь 15,9 % считают, что для этого необходимо быть последователем иудаизма (Носенко-Штейн 2013). Эти люди активно читают литературу на «еврейские темы» (историческую, художественную, публицистику, даже священные тексты), иногда пытаются учить иврит, соблюдать некоторые праздники в общинных или культурных центрах.

Тамара Н., 37 лет, мать еврейка, преподаватель русского языка и литературы, рассказывала (Орел, 2009):

«У нас в семье ничего еврейского не было. Мама оба раза была замужем за русскими, и дома все было русское. Я ничего об этом и не знала толком, просто знала, что мама еврейка, что во мне есть эта кровь. <...> В детстве случалось, говорили иногда гадости, обзываали, но потом это как-то ушло. <...> А вот когда я замуж вышла (муж Тамары еврей и местный активист — Е.Н.-Ш.), то стала постепенно всем этим проникаться. Читать начала, даже Тору стала читать, в переводе, конечно. ... И мне интересно стало — какая же культура богатая, древняя, и сколько событий. <...> А когда мама заболела, такое было! Она в последний год была в деменции, плохо соображала, а тут вдруг слышу: она какие-то слова странные говорит. Я прислушалась и поняла, что это на идиш! Это меня особенно потрясло, она же об этом ничего не говорила, я и не знала, что она идиш знает».

Этот тип самоидентификации, как я уже сказала, наименее устойчив, поэтому и основанная на нем культурная память тоже нестабильна. Люди «пытаются» что-то узнать, читать, учить, часто все это происходит бессистемно, знания бывают неполными и разрозненными. Однако, из их среды нередко выходят люди, впоследствии ставшие «профессиональными евреями» (разного рода еврейскими активистами), специалистами в области иудаики, публицистами и пр., т. е. вливаются в ряды тех, кто конструирует современную еврейскую память в нашей стране.

6. Пока наименее распространенный тип этнической самоидентификации, который я условно обозначила как «новая еврейская». Я имела в виду, что такая самоидентификация отличается как от преобладавшей в Российской империи (основанной на символах и ценностях иудаизма), советской этнической (базировавшейся преимущественно на принципе происхождения и антисемитизме), а также от распространенной до сих пор за рубежом (где «еврей» в целом по-прежнему равно «иудей»). «Новая еврейская» самоидентификация стала формироваться и постепенно распространяться с конца 1980-х гг., она характерна для людей моложе 40 лет, потомков и смешанных, и моноэтнических браков (которых в силу сужения «брачного рынка» становится все меньше). Эти люди обычно росли в русской/советской культурной среде, но впоследствии стали интересоваться еврейской историей, культурой, традицией, посещать различные еврейские центры и участвовать в разных российских еврейских и израильских программах. Причем, если лет 15 назад среди них преобладали нерелигиозные люди, то в последние годы среди них растет интерес к иудаизму, как в его ортодоксальной, так и реформистской версиях.

Евгений Р., 19 лет, студент, еврей на четверть, рассказывал (Смоленск, 2009):

«Я раньше и не думал о том, что я еврей. Но и не скрывал, что у меня есть еврейская кровь, да и смешно было бы с моей внешностью ... Но когда съездил в Израиль по «Таглиту», а потом стал ходить сюда <местное отделение Сохнута, Еврейского Агентства для России>, то меня все это стало страшно затягивать. ... Я, наверное, типа неверующий, но все же не отрицаю, что все мы по какой-то программе запущены. И если я дальше захочу, то примкну к иудаизму. ... Не знаю, но мы тут и сейчас Шаббаты отмечаем, праздники, День независимости. Я это потом дома рассказываю, и бабушки-дедушки просто рукоплещут».

Реформистский иудаизм претендует на роль своего рода «еврейской интеллектуальной элиты» и, хотя его последователи до сих пор представляют собой микрогруппу в России (несколько сот человек), но у этого течения явно имеется будущее в нашей стране (Зеленина 2015; Носенко-Штейн 2019). Пока скромные успехи этого течения связаны с недостаточным финансированием и некоторыми организационными просчетами в условиях консервативного массового сознания в России; в результате этого реформистов нередко воспринимают как своего рода «отклонение от нормы» даже нерелигиозные евреи, часто плохо представляющие себе эту саму «норму».

Например, Петр В., 67 лет, мать еврейка, пенсионер и еврейский активист, был очень эмоционален (Пенза, 2007 г.):

«Почему я прохладно отношусь? Я ничего не могу сказать о приверженности к разным течениям. Мне все равно, пока евреи реформисты не переписывают Тору, они остаются в еврейском поле. И на здоровье. Я туда не пойду, мне это не близко. Я считаю, что есть вещи, которые нельзя упрощать. Почему? Потому что, сказав «А», поневоле говоришь «Б». Начавши играть в субботу на гитаре, вы непременно дождитесь того, что начнутся следующие, следующие и следующие ограничения. ... но я понимаю, что хорошие ребята — реформисты. Я беседовал с одним мальчиком, который очень хорошо поет, на хорошем счету в этой среде. Я с ним столкнулся в Иерусалиме, когда пришел в гости. Мы разговаривали там надолго, и он начал там рассказывать про себя на Украине, он начинал все это, и как к нему приходили соседи спрашивать Шаббат. И сосед-украинец удивлялся, что он приносил шмат сала, и они, молодые ребята, под горилку этот шмат сала... Не надо мне такого иудаизма. Извините, ну не надо».

Здесь мы видим характерные обвинения: в употреблении сала, (что явно неверно), «переписывании» Торы (в реформистской общине скрупулезно изучают священные тексты); встречались и более дикие обвинения: в способствовании к приходу власти Гитлера и т. п. (Носенко-Штейн 2019).

Другие информанты с таким типом самоидентификации не столь явно манифестируют свою приверженность к иудаизму; в их среде конструируется так называемый «гражданский/светский иудаизм» («civil Judaism»), который отличается от своих зарубежных «собратьев» иными светскими и религиозными символами и ценностями (Woocher 1986; Носенко 2009б). В России у последователей «светского иудаизма» в отличие от американского варианта этого, по существу, светского мировоззрения, изучение Торы и других священных текстов стоит на последнем месте, в то же время соблюдение Шаббата (в удобное для информантов время) и попытки «соблюдать» кашрут (в основном, стремление не есть свинину и реже — не смешивать мясные и молочные продукты) все же выходят на первое и второе место (подробнее см.: Носенко-Штейн 2010).

Некоторые информанты, не желающие или не имеющие возможности активно участвовать в еврейской жизни, предпочитают еще более неопределенный «набор» близких к еврейским символам, который за рубежом иногда обозначают как Do It Yourself Judaism (что я примерно перевожу как «самопальний» иудаизм): его «последователи по собственному желанию и разумению «соблюдают» (полностью, частично или в произвольной форме) отдельные заповеди и предписания иудаизма (Shain *et al.* 2013). Но во всех этих случаях мы наблюдаем парадоксальный «возврат от этническости к религиозности», прямо противоположный тому, что описывал Ц. Гительман для еврейства США и других западных стран. Большая по сравнению с другими информантами религиозность носителей «новой еврейской» самоидентификации способствовала тому, что Израиль, точнее Земля Израиля/Земля Обетованная заняла довольно значительное место в их самоидентификации (тоже если сравнивать с теми, у кого другие типы самоидентификации). Этому же способствует и тот факт, что информанты в силу своего молодого возраста обычно успели побывать (нередко не единожды) в Израиле, в том числе по различным программам и в летних лагерях, организованных Еврейским Агентством для России (Ханин и др. 2013; Nosenko-Stein 2016).

Социальный опыт этих людей в силу их возраста довольно короток, поэтому антисемитизм для них не является сколько-нибудь важным фактором. Этот тип позитивной еврейской самоидентификации конструируется с использованием положительных же ценностей, примеров из истории и, соответственно, память носителей такого типа самоидентификации — это не «память о смерти» (хотя они обычно в курсе многих трагических событий еврейской истории), для них важны иные приоритеты (в их числе «гордиться своей принадлежностью к еврейству», «знать еврейскую историю, традицию», что было мало характерно для других типов самоидентификации).

Заключение

Российские евреи представляют собой гетерогенное сообщество (если в этом случае можно говорить о сообществе как о некоем единстве). Поэтому память о прошлом, казалось бы, это то, что в какой-то мере могло объединять российское еврейство (Носенко, 2004: 309–312). В самом общем виде я понимаю культурную память как механизм передачи культурной информации или культурного опыта из поколения в поколение. Эта трансмиссия происходит на различных уровнях — в семье, дружеских кругах, образовательных учреждениях, через средства массовой информации, художественную и историческую литературу и т.п. Коллективная и историческая память обладают собственной «длиной», и обе избирательны, так как и

профессиональные историки, и носители коллективной памяти помнят то, что хочет помнить данная группа. Вполне естественно, что историческая память, как и коллективная, нередко становится предметом манипулирования со стороны элит (или групп, претендующих на этот статус).

Мои многолетние исследования показывают, что у евреев России нет единой культурной идентичности (точнее, самоидентификации) и единой коллективной памяти; они множественны: есть разные самоидентификации и разные культурные памяти, создаваемые и передаваемые в рамках той или иной группы. Исторические события и факты по-разному, порой до неузнаваемости различно, отражаются в документах, не говоря уже о свидетельствах очевидцев. Такие свидетельства с течением времени все более и более приобретают черты фольклорного повествования. И анализировать их надо именно как фольклорные тексты, а не как достоверные свидетельства.

Самоидентификация и память евреев разных стран зависит от многих внешних факторов, поэтому в настящее время все сложнее становится говорить о еврействе как о некоем единстве. Российские евреи тоже обладают уникальным историческим опытом, в силу чего их идентичность и память резко выделяются на фоне евреев за рубежом. Мне неоднократно приходилось сталкиваться с этим на международных конференциях и в зарубежных журналах, когда я была вынуждена объяснять своеобразие и непохожесть культурного опыта и идентичности российских евреев. Одно из них, как я уже отмечала — «отделение» от иудаизма, когда большая часть евреев России не отождествляет себя с этой религией (точнее, образом жизни), существуя вне культурного поля иудаизма (его традиций, предписаний, ритуалов и пр.).

Другой фактор — очень значительная распространенность смешанных браков (более 55 % российских евреев, по оценкам демографов, состоят в смешанных браках). Самоидентификация потомков таких браков отличается от самоидентификации тех, у кого оба родителя евреи. Она намного более размыта и неопределенна; эти люди «с полным правом» выбирают этническую или религиозную принадлежность одного из родителей (не обязательно еврея) или не выбирают никакой. При этом они не опасаются морального осуждения со стороны еврейского окружения (если таковое у них имеется) за «предательство» «своего народа» или «веры предков», что нередко случается с потомками моноэтнических браков. В результате культурная память потомков смешанных браков может включать в себя культурный опыт разных групп, но нередко этнический или религиозный опыт проходят «мимо» них, и чаще они усваивают культурный опыт и память доминантной группы.

Однако, как уже отмечалось, нечто подобное происходило и происходит и у тех, кто родился в моноэтнических браках. Я уже отмечала, что, когда из «составляющих элементов» еврейской культуры, идентичности и памяти «вывели за скобки» иудаизм, то отечественная еврейская культура, идентичность и память потеряли опору. Менее 16 % опрошенных в конце 2000-х — 2010-х гг. указали, что исповедовать иудаизм является главным для того, чтобы «быть евреем». Когда же я начала беседовать с информантами о том, соблюдают ли они основные предписания иудаизма, а также провела серию небольших опросов, то выяснилось, что это делает от 2 % до 4 % в разных возрастных группах. В России распад еврейской идентичности (как, впрочем, в большинстве постсоветских стран), зашел особенно далеко. Еврейская идентичность в большинстве случаев опирается на принцип происхождения (не обязательно матрилинейный, нередко информанты говорили, что важно иметь кого-то из предков-евреев), а также на ощущение своей весьма зыбкой принадлежности к еврейству. Тем не менее, в последние 10–15 лет в России появилась пока еще слабая и не всегда последовательная тенденция к «возрождению» «еврейской жизни» (общинных институтов, образования, разнообразных программ, благотворительности, досуга и т. п.). Еврейская культурная память сейчас конструируется в основном в рамках разнообразных еврейских структур; к сожалению, в них же наблюдается своеобразный «параллелизм» в конструировании и передаче памяти. Мне уже не раз приходилось писать о «раздельной» еврейской жизни, например, пасхальный сeder для «ветеранов» и сeder для молодежи; Шаббат для волонтеров (в основном, пожилых людей) и Шаббат для молодых посетителей таких организаций. В результате память *Хранителей*, а также поколения бывших советских евреев передается мало; профессионалов же, которые заняты созданием «нужной» еврейской памяти в России, прежние виды памяти, похоже, мало интересуют.

Еврейская культурная память и идентичность в России далеко не всегда базируются на воспоминаниях о некоторых ключевых событиях далекого и недавнего прошлого, связях с мифологической родиной Землей Израиля, желанием уехать на родину предков навсегда. Воспоминания об антисемитских проявлениях становятся все менее болезненными и заметными. Возможность путешествовать по миру, в том числе посещать

Израиль и знакомиться с жизнью евреев в разных странах, пошатнули и веру в общность судеб и единство евреев всего мира. Поэтому высказывание Дж. Вебера о том, что еврейская идентичность на протяжении истории менялась — менялись ее культурные границы в связи с миграциями, преследованиями, изменением социальных и экономических условий, но факт осознания принадлежности к одной общности оставался (Webber 1994.: 74–75), в настоящее время верно лишь отчасти.

В настоящее время не только в России большинство евреев уже не верят в то, что евреи всего мира — это один народ (Носенко-Штейн 2013), такое осознание есть во многих странах. Многие авторы, которые пишут о судьбах бывших советских евреев за рубежном, отмечают, как были поражены их информанты, встретив Других евреев, которые сильно отличались от привычных для них по Советскому Союзу (см., например, работы: Еленевская, Фиалкова 2005; Remennick 2007; Еленевская, Фиалкова 2018).

Вместе с тем, не желая завершать эту статью на пессимистичной ноте, я хотела бы подчеркнуть, что у части российских евреев (в том числе уехавших в Израиль; см.: Remennick. 2007: 28) сохранилось определенное чувство общей судьбы, а также желание вновь обратиться к своим еврейским «корням», т.е. обрести утраченную память.

Литература:

- Ассман, Ян. 2004. Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М.: Языки славянской культуры.
- Беркович Е.М. 2000. *Заметки по еврейской истории*, Москва: Янус-К.
- Беркович Е.М. 2003. Банальность добра. Герои, праведники и другие люди в истории Холокоста. М.: Янус-К.
- Еленевская, М., Фиалкова, Л. 2005. Русская улица в еврейской стране. Исследование фольклора иммигрантов 1990-х гг. в Израиле. Ч. 1, 2 М.: Институт этнологии и антропологии РАН.
- Еленевская, М., Фиалкова Л. 2018. «Евреи бывшего СССР за рубежом». С. 611–643. В кн. Евреи (серия «Народы и культуры») / Отв. ред. Т.Г. Емельяненко, Е.Э. Носенко-Штейн. М.: Наука.
- Зерубавель, Я. 2008. «Смерть памяти и память смерти: Масада и Холокост как исторические метафоры». С. 193–231. История и коллективная память. Сб. статей по еврейской историографии. Москва; Иерусалим: Гешарим; Мосты культуры.
- Иерушалми, Йосеф. 2004. *Захор. Еврейская история и еврейская память*. Москва; Иерусалим: Гешарим; Мосты культуры.
- Кац, Яков. 1991. *Кризис традиции на пороге Нового времени*. Иерусалим: Библиотека «Алия».
- Нора, П., Озуф, М, де Пюимеж, Ж, Винок, М. 1999. *Франция — память*. СПб.: Санкт-петербургский Государственный университет.
- Носенко Е. 2009а. «Судьбы скрещенье»: реальность, миф и история в «высокой» и народной культурах». С. 214–230. В кн.: *История — миф — фольклор в еврейской и славянской культурной традиции* / Отв. ред. О.В. Белова. М.: Институт славяноведения РАН.
- Носенко Е.Э. 2009б. «Иудаизм, христианство или «светская религия»? Выбор современных Российских евреев». *Диаспоры / Diasporas* 2:6–40
- Носенко-Штейн Е.Э. 2010. «Светский иудаизм» в России: изобретенная реальность?» С. 244–253. В кн.: Научные труды по иудаике. Материалы XVII Международной конференции по иудаике. Т. 1. М.
- Носенко-Штейн, Елена. 2013 «Передайте об этом детям вашим, а их дети следующему роду...»: Культурная память у российских евреев в наши дни. М.: МБА.
- Носенко-Штейн Е.Э. 2019. Реформистский иудаизм в России: есть ли у него будущее? М.: Неолит.
- Римон, Е. 2006. «Скандал на ярмарке как стратегия стыда и страха» http://echo.oranim.ac.il/main.php?p=news&id_news=195&id_personal=21.
- Синельников, А.Б. 2018. «Демография Российского еврейства» С. 110–154. В кн.: Евреи (Серия «Народы и культуры») / Отв. ред. Т.Г. Емельяненко, Е.Э. Носенко-Штейн. М.: наука.
- Уваров, П. 2004. «История, историки и историческая память во Франции». Отечественные записки 4.
- Функенштейн А., 2008. «Коллективная память и историческое сознание.» С. 15.40. *История и коллективная память. Сб. статей по еврейской историографии*. Москва; Иерусалим: Гешарим; Мосты культуры.
- Хальбвакс, Морис М. 2005. «Коллективная и историческая память». *Неприкосновенный запас* 2-3 (40–41) — <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/ha2.html>
- Ханин, В., Писаревская, Д., Эпштейн, А. 2013. *Еврейская молодежь в постсоветских странах*. М.: МБА.
- Шойхет, А. 2007. *Православные евреи российской словесности* (Или пишут ли евреи еврейскую литературу?) *Заграница* 20.03.2007; а также http://world.lib.ru/s/shojhat_a/pravoslavnie-evrei.shtml
- Deutsch Kornblatt, udithJ.2003. «*Jewish Converts to Orthodoxy in Russia in Recent Decades*». P. 209–223. In: *Jewish Life after the USSR* Ed. by Z. Gitelman with M. Giants and M.I. Goldman. Bloomington: University of Indiana Press.

- Gitelman, Zvi. «The Reconstruction of Community and Jewish Identity in Russia». *East European Jewish Affairs* 24 (2): 35-56.
- Gitelman, Zvi. 1998. «The Decline of the Diaspora Jewish Nation: Boundaries, Content and Jewish Identity». *Jewish Social Studies* 4: 2 (Winter): 112–132.
- Gitelman, Zvi. And Yakov Ro'i (Eds). 2007. *Revolution, repression and revival: The Soviet Jewish Experience* Lanham: Rowman and Littlefield Publishers.
- Gitelman, Zvi. (Ed). 2009. *Religion or ethnicity? Jewish identities in evolution*. New Brunswick, N.J.: Rutgers University Press.
- Gitelman, Zvi. 2001. *A Century of Ambivalence. The Jews of Russia and the Soviet Union. 1881 to the Present*. Bloomington: Indiana Univ. Press (2nd expanded edition). Bloomington: Indiana University Press.
- Krupnik, Igor. 1995. «Soviet cultural and ethnic policies towards their jews: a legacy reassessed». p. 67–86. in: ro'i, Yakov (ed). *jews and jewish life in Russia and the Soviet Union*. London.
- Nathans, Benjamin. 2002. *Beyond the Pale. The Jewish Encounter and Late Imperial Russia*. Berkeley; Los Angeles; London: University of California Press.
- Nosenko-Stein, Elena. 2016. « Inventing a ‘New Jew’: The Transformation of Jewish Identity in Post-Soviet Russia». P. 196–211. In: *The New Jewish Diaspora: Russian-speaking immigrants in the United States, Israel and Germany* / Ed. by Zvi Gitelman. New Brunswick, NJ, and London: Rutgers University Press.
- Patai, Rafael and Jennifer Patai. 1975. *The Myth of Jewish Race*. New York: Scribner.
- Remennick, Laressa. 2007. *Russian Jews on Three Continents. Identity, Integration and Conflict*. New Brunswick (U.S.A.) and London (U.K.): Transaction Publishers.
- Shain M., Fishma Sh., Wright G., Hecht Sh., Saxe L. 2013. « DIY Judaism: How Contemporary Jewish Young Adults Express their Jewish Identity». *Jewish Journal of Sociology* 55 (1): 3–25.
- Shneer, Daved. 1994. *Yiddish and the creation of soviet jewish culture*. New York: Cambridge university press.
- Shternshis, Anna. 2006. Soviet and Kosher. Jewish Popular Culture in the Soviet Union, 1923–1939. Bloomington: Indiana University Press.
- Webber, Johnathan. 1994. «Modern Jewish Identities». P. 76–80. In: Webber J (Ed). *Jewish Identities in the New Europe*. London; Washington: Oxford Centre for Hebrew and Jewish Studies. Littman Library of Jewish Civilization.
- Woocher, Johnathan'. 1986. *Sacred Survival. Religion of American Jews*. Indianapolis: Indiana University Press.
- Altshuler, Mordechai 1987. Soviet Jewry since the second world war: Population and social structure. westport, ct: Greenwood press.
- Altshuler, Mordechai. 1998. *Soviet jewry on the eve of the Holocaust: A social and demographic profile*. Jerusalem: Center for research on East European Jewry, the Hebrew University of Jerusalem, and Yad va-Shem museum of the Holocaust.

Анатолий Хаеш¹

Из переписки подписчиков с редакцией «Еврейской Старины» (1909–1912 гг.)

Публикация и комментарии Анатолия Хаеша

Монументальное здание портала «Заметки по еврейской истории», охватившее ныне самые широкие аспекты иудаики, возникло не на пустом месте. Ему предшествовал долгий путь развития еврейской историографии и русско-еврейской журналистики. Важные вехи этого пути — учреждение Еврейского историко-этнографического общества (ЕИЭО) и издание им журнала «Еврейская Старина» («ЕС»), одноименного альманаха нынешнего портала. Эти вехи ныне подробно описаны в многочисленных мемуарах и современных исследованиях². Нет смысла их пересказывать, но нельзя не отметить, что знамя, некогда насиливо вырванное из рук замечательных представителей еврейской культуры, снова поднял и уверенно несет учредитель и редактор нынешнего одноименного альманаха.

Редакция портала «Заметки по еврейской истории» в 2005 г. писала:

С первого номера альманаха «Еврейская Старина», который появился на свет в последние дни 2002 года как приложение к сетевому журналу «Заметки по еврейской истории», отмечалась его связь со знаменитым предшественником — одноименным альманахом, выходившим почти сто лет назад³.

За прошедшие годы авторский коллектив и читательская аудитория нынешнего альманаха многократно расширились. На его страницах увидели свет многие сотни публикаций. Все они постоянно отслеживаются поисковыми системами Интернета.

Однако архивные документы, касающиеся деятельности редакции ЕС, пока представлены в печатных изданиях и Интернете довольно скромно. Вероятно, пройдут еще долгие годы, прежде чем все или хотя бы большинство этих документов будут опубликованы и станут общедоступными. Представляется поэтому вполне уместным разместить сведения о некоторых из них в этом сборнике.

Опишем содержание нескольких дел, отражающих переписку былой редакции с подписчиками — физическими лицами и организациями. Эта переписка довольно обширна. В Центральном государственном историческом архиве С.-Петербурга (ЦГИА СПб.) она сохранилась в следующих делах:

Ф. 2129. Еврейское историко-этнографическое общество⁴. Оп. 2. Д. 1. Переписка с подписчиками о высылке журнала «Еврейская Старина». 1909 г. На 275 л. (в деле встречаются письма 1910 г.).

Ф. 2134. Редакция журнала «Еврейская старина»⁵. Оп. 1. Д. 1. Переписка редакции журнала «Еврейская старина» с подписчиками. 1910 г. На 277 л. (в деле встречаются письма 1909 г.).

¹ Историк, научный сотрудник Петербургского института иудаики.

² Максим Винавер. Как мы занимались историей. Речь, произнесенная при открытии Еврейского историко-этнографического общества 16 ноября 1908 года // Евреи в Российской империи XVIII–XIX веков. Сборник трудов еврейских историков. М., 1995 — Иерусалим, 5755. С. 65–77; Дубнов С. М. Книга жизни. Воспоминания и размышления. Рига, 1934–1940. Переиздание СПб. — 1998. С. 163–164, 298–307; Исаи Трунк. Историки русского еврейства // Книга о русском еврействе от 1860-х годов до революции 1917 г. Нью-Йорк, 1960. Переиздание М., 2002 — Иерусалим, 5762. С. 23–29; Вишнице М.В. Из петербургских воспоминаний // Там же. С. 40–47; Лукин В. К столетию образования петербургской научной школы еврейской истории // История евреев в России. СПб., 1993. С. 13–26; Кельнер В.Е. Миссионер истории: Жизнь и труды Семена Марковича Дубнова — СПб., 2008. С. 403–406; Кельнер В. Е. Щит. М.М. Винавер и еврейский вопрос в России в конце XIX — начале XX века. — СПб., 2018. С. 81–83; Кнорринг В.В. Журнал «Еврейская старина» (1909–1930 гг.): Аннотированная роспись содержания — СПб., 2018.

³ Устав Еврейского историко-этнографического общества. Публикация и комментарии Анатолия Хаеша // Альманах «Еврейская Старина» № 3(27), март 2005.

<http://berkovich-zametki.com/2005/Starina/Nomer3/Haesh1.htm> Дата обращения 17.06.2020.

⁴ Ф. 2129, 1746–1929 гг., 316 дел, оп. 1–3.

⁵ Ф. 2134, 1893, 1909–1918 гг. 5 дел, оп. 1.

Ф. 2134. Оп. 1. Д. 2. Переписка редакции журнала «Еврейская старина» с подписчиками. 1911 г. На 467 л. (в деле встречаются письма 1912 г.).

Для сокращения далее однотипных ссылок на эти источники первому из дел (1909 г.) присвоим условный номер **1**, второму (1910 г.) — условный номер **2**, третьему (1911 г.) — условный номер **3**.

Большинство документов — корешки денежных переводов за подписку на журнал или за членство в ЕИЭО и запросы по поводу неувязок с доставкой журнала. Несмотря на бедность содержания документов, они будут полезны лицам, интересующимся семейной историей и ищущим свои корни.

Конкретные сведения о каждом из документов нигде, кроме нынешнего альманаха «Еврейская Старина», ранее не публиковались. Ниже они представлены в форме алфавитного списка авторов (подписчики альманаха, его корреспонденты, сотрудники редакции). Для упрощения поиска в список внесены также лица и организации, упомянутые в письмах, кроме домовладельцев в адресах. Именование одних и тех же лиц и их адреса в документах разных лет иногда варьируется, что видно в соседних строках списка.

За именованием авторов письма в списке приводятся их адреса. Часто это только город или мелкий населенный пункт, но нередки и более подробные данные, включая улицу, номер дома, фамилию домовладельца. Неразборчивые тексты отмечены знаком «?».

Краткая общая характеристика документов, имевшаяся в прошлой аналогичной публикации автора⁶, исключена из списка для его сокращения.

Завершают каждую строку списка вышеупомянутый условный номер дела (он выделен жирным шрифтом большего размера) и его листы. Когда в деле имеется несколько документов одного автора, указаны листы всех его документов. При заказе копий, вместо условного номера, следует указать полные архивные реквизиты документа (фонд, опись, номер дела и требующиеся листы).

Подписчики, корреспонденты, сотрудники альманаха «Еврейская Старина»

(1909–1912 гг.)

Авторы документов; Их адреса в документах; Условный номер; Листы

Alliance Israelite; Париж (Paris, 35 rue de Trevise); **1**; 247

Association des studians Juifs „Cherouth”; Льеж (Liege 7, rue Florimont); **3**; 99

Bibliothek der Israelit. Kulturgemeinde; Вена (Wien, II Ferdinandstr. 23; **1**; 190

Bibliotheque de juifs russes; Париж (Paris, rue de l'Hotel de Ville 69); **2**; 53

Braun M., Dr.; Бреслау (Deutschland, Breslau, Wallstr. 1b. Rabbinerseminarium); **1**; 259, 254

Delines Michel, Colaborateur du „Tempa”; Ницца (Nice, 173 rue et France); **3**; 139

Friedlaender I. Dr.; Нью-Йорк (New-York City, 61 Hamilton Place); **1**; 250

Horopezky S. A.; Берн (Bern, Gesellschaftstr. 21); **1**; 168

Imprimerie Israelite; Женева (Geneve, Rue de Carouge, 81); **1**; 165

Imprimerie Israelite; Женева (Geneve, Rue de Carouge 81, Suisse); **2**; 7, 230

Israel Kulturgem.; Варшава; **1**; 1

Jewish Colonization Assotiation; Париж (Paris, 2 Rue Pasquier); **1**; 247, 230

Jewish Colonization Assotiation; Париж (Paris. 2 Rue Pasquier); **3**; 81, 82

Kahan Marcus; Яффа (Jaffa, Palästine); **1**; 156

Meisl Iosef, Dr.; Берлин (Berlin-Hallnsee, Ioachim Friedrichstr., 56; **3**; 423

Seidenmann M. F., cand. phil.; Берлин (Berlin Charlottenburg, Herderstr., 6); **1**; 166

Sladon S.; Нью-Йорк (58. W. 128 Str. New York, America); **3**; 340

Sladon Samuel; Нью-Йорк (New-York, Samuel Sladon); **1**; 66, 65

Societe des studes juives; Париж (Paris, 17 Rue Saint-Georges); **1**; 254

Soliterman M.; Париж (Paris, XIV Froidevaux, 17); **1**; 104, 103

Suffman S. A. (Ben-Zion); Яффа (Jaffa, Palästine, Red «Haomer»); **1**; 257

Verein Jüdischer Studierenden; (Basel, Johanniserheim, St. Johannvorstadt, 48); **3**; 71, 72

Zeitfragen, журнал; Вильна, Трокская ул., 15 кв. 4; **1**; 157

Zukunft; Нью-Йорк (New York, 141 Division Street, N. America); **1**; 172

Абезгауз М. С.-Петербург. Международный коммерческий банк; С.-Петербург; **2**; 176

⁶ Подписчики альманаха «Еврейская Старина» (1909–1912 гг.). Публикация и комментарии Анатолия Хаеша // Альманах «Еврейская Старина», № 3(78), 2013 г.

<http://berkovich-zametki.com/2013/Starina/Nomer3/Haesh1.php> Дата обращения 17.06.2020.

- Абергур М. М. [Абезгуз], Северный банк; Баку; **1**; 126
Абрамович Б. М.; Россиены; **2**; 258
Абрамович Д. М.; Козелец; **3**; 185, 190
Абрамович С. М.; Одесса, Дегтярная ул. угол Спиридовского, д. Талмуд-торы; **1**; 14
Авербух З. М., секретарь. Библиотека отделения Петербургского еврейского литературного общества; Семятичи; **2**; 142, 194
Авербух С. Аптека; Илецкая Защита, Оренбургской губ.; **3**; 168
Авиновецкий Яков Соломонович; Несвиж, Минской губ.; **1**; 130, 23
Агроскин И. Е.; Гомель; **3**; 152
Агроскин Иосиф Исаакович, инженер; Гомель; **2**; 191
Академический ферейн для изучения еврейской истории и литературы; Юрьев, Рижская, 69; **1**; 228, 226
Аксельруд Н. Еврейская библиотека-читальня № 8; Екатеринослав; **3**; 74
Алесин Х. М.; Витебск, Красовский пер., соб. д.; **2**; 276
Алешковский Я. М., раввин; Киев; **2**; 165
Альтман В. С.; Белосток; **2**; 184
Альтшуль Т. Книжный и художественный магазин; Баку; **3**; 193
Аринштейн З. И.; Киев, Мерингофская, 3; **2**; 17, 18
Аринштейн З. И.; Киев, Мерингофская ул., 3; **1**; 83
Бабяцкий Ад.; Лодзь; **3**; 77
Бабяцкий Адольф; Лодзь; **2**; 22, 32, 216
Балабан Н. Книжный и писчебумажный магазин; Ямполь; **3**; 127
Балонкер. Книжный магазин; Ковно; **2**; 211
Барак М. А.; Киев; **3**; 6
Баран Лев Германович; Киев, Бибиковский бульвар, 26 кв. 6; **2**; 80, 163
Баран Лев Германович [Барон]; Киев, Бибиковский бульвар, 26 кв. 6; **1**; 76
Барбаш; Одесса; **1**; 156
Барбаш Самуил; Одесса; **3**; 461
Баренбург Мордко Дувидович; Знаменка, ст. Херсонской губ.; **1**; 90, 13
Барский Ф. Я., врач; Лубны, Полтавской губ.; **1**; 107
Барский Ф. Я., врач; Лубны; **2**; 151
Барский Ф. Я., врач; Лубны; **3**; 393
Бассин В. Ф.; Харьков, Сумская, 55; **1**; 12
Бейленс... (?) Э. М.; Минск, Соборная пл., дом Х. Лурье; **2**; 215
Бейлин С. Х., общественный раввин, для Иркутской синагогальной библиотеки; Иркутск. Синагога; **3**; 4, 380
Бейлин С. Х., сотрудник «ЕС»; **1**; 257, 117
Бейлин Соломон Хаймович, Иркутский общественный раввин; Якутск; **1**; 182
Белостоцкий; Бахмут; **2**; 160
Белостоцкий Я., секретарь. Отделение Еврейского литературного общества в Бахмуте; Бахмут; **3**; 404
Бененсон Элья Иосифович; Борисов, Николаевская ул.; **3**; 196
Бен-Якоб Я.; Вильна, Цветной пер., д. д-ра Жука; **2**; 256
Беняков; Вильна; **1**; 207
Беняков Я.; Вильна, Цветной пер., № 2-4 кв. 9; **3**; 426
Бердичевская общественная библиотека и читальня; Бердичев; **3**; 83, 85
Берлин Б.; Рига; **1**; 4, 3
Берлин Зискинд; Рига; **2**; 260
Берлин Зискинд; Рига; **3**; 430
Берлин П. Ю., студент; Москва, Мясницкая, Милютинский пер., д. Обидиной, флигель 7 кв. 3; **1**; 206
Берлин П. Ю., студент; Москва, Мясницкая, Милютинский пер. Обидинский флигель, 7 кв. 3; **2**; 266, 267
Бермант Л.; Николаевск; **2**; 102, 104
Бехтерев В., академик. Психо-Неврологический институт, библиотека; С.-Петербург; **3**; 129, 130
Библиотека Веллера; Гродно; **1**; 175
Библиотека вспомогательных служащих торгово-промышленных учреждений; Екатеринослав, Харьковская ул., д. Штейна; **2**; 60
Библиотека Государственной Думы; С.-Петербург; **3**; 410
Библиотека Кишиневского общества взаимного вспомоществования приказчиков; Кишинев; **1**; 167, 63
Библиотека Крыжак-Воскобойника; Чуднов, местечко Волынской губ.; **1**; 78
Библиотека Общества взаимного вспомоществования приказчиков; Кишинев; **2**; 34, 195

- Библиотека Общества взаимного вспомоществования приказчиков; Кишинев; **3**; 182
- Библиотека Общества приказчиков-евреев; Одесса, Успенская ул., 52; **1**; 1
- Библиотека Общества приказчиков-евреев; Одесса, Успенская ул., 52; **2**; 1
- Библиотека ОПЕ; Одесса, Ришельевская, 11; **2**; 83
- Библиотека отделения Петербургского еврейского литературного общества; Ченстохов; **2**; 143
- Библиотека Шевченко (Bibliothek der Scheweczenko. Gesellschaft der Wissenschaften Supinski); Львов (Lemberg, Paste, 17); **2**; 271
- Библиотека Этнографического отдела Русского музея им. Александра III; С.-Петербург; **1**; 8
- Библиотека Этнографического отдела Русского музея императора Александра III; С.-Петербург; **3**; 132
- Библиотека-читальня Общества любителей чтения; Вилькомир; **3**; 384
- Библиотека-читальня отделения Еврейского литературного общества; Свенцяны; **3**; 441, 442
- Библиотека-читальня Хоральной синагоги; Екатеринослав, Еврейская ул., 8; **1**; 219
- Бирштейн А., д-р; Киев, Подвальная, 1; **2**; 166
- Блом Иван Петрович; Шапки, ст. Нижегородской губ.; **3**; 65
- Блох Лазарь Х., инженер; Белосток, Липовая ул., д. Длугача; **1**; 177
- Блох Яков; Кушка, крепость Закаспийской обл. Инженерное управление; **3**; 26
- Бонер Лев Абрамович; Юрбург; **2**; 178, 239
- Бонер Лев Абрамович; Юрбург; **3**; 13, 454
- Боренштейн Мовша; Луков, Седлецкой губ.; **3**; 362
- Борнштейн Л., секретарь. Библиотека Профессионального общества торгово-промышленных служащих; Бахмут; **1**; 131
- Борушек Ф. Ю.; Пинск; **2**; 95, 96
- Брамсон Л. М.; С.-Петербург, 3-я Рождественская, 20.; **3**; 140
- Бревда Л. М. Амурская еврейская общественная библиотека-читальня; Нижнеднепровск-Амур, Екатеринославской губ.; **3**; 352
- Брегман И. (I. Bregman); Вена (Wien, Lazaretgasse 10\6); **2**; 29, 30
- Брегман Ю., Гиллер А., Бен-Ами Сара. Комиссия по устройству еврейской студенческой библиотеки; Монпелье (Montpellier, Avenue de l'Hospital); **1**; 209, 189, 187
- Брейтман А. С.; Киев; **3**; 6, 417
- Бродский Л. И.; Киев; **3**; 417
- Бродский М. Я.; Киев; **3**; 417
- Бродский Самуил Борисович; Демиевка Киевской губ. Б. Васильковская ул. 18, д. Барышпольского; **1**; 215
- Бродский Я. И., секретарь комиссии отдела «Hebraica et Judaica» при Харьковской общественной библиотеке; Харьков; **3**; 101, 103
- Брольницкий О. И.; Архангельск; **1**; 71
- Брук А. Я.; Гомель, Замковая ул.; **3**; 433
- Брук А. Я., врач, член-соревнователь; Гомель; **2**; 191
- Брук Моисей Самуилович; Екатеринослав, Александровская ул., соб. д.; **3**; 382
- Будянский Шимон, агент; Корсунь Киевской губ.; **1**; 154
- Булошник И. А., книжный магазин; Новая Одесса Херсонской губ.; **1**; 27
- Быховский; Томск; **2**; 226
- Быховский С. Л., агент; Москва, до востребования; **1**; 191
- Вайноров; Мариуполь; **3**; 177
- Вайнштакер И.; Торковичи Петербургской губ.; **2**; 210-б
- Вайсенберг С. А., д-р; Елисаветград; **1**; 2
- Вайлович Иосиф Самуилович, присяжный поверенный; Каменец-Подольск; **3**; 124
- Ваксман Мортха; Ичерское, Киренский уезд, Иркутская губ.; **3**; 137
- Ваксман Яков; Люблин, ул. Рынок, 7; **1**; 229
- Валдман Г. Ф.; Ровно; **2**; 232
- Векслер М. Л. Библиотека М. Л. Векслера; Гродно, Мещанская ул.; **3**; 439, 440
- Виленкин Арон Хаимович, частный поверенный; Речица Минской губ.; **1**; 146
- Виленкин Ю.; Усть-Илим; **2**; 150
- Виленкин Ю., ссыльный; Мокча, Печерский у. Архангельская губ.; **2**; 114-а, 180, 186, 228
- Виленское торгово-промышленное общественное собрание; Вильна, Георгиевская пл., 11; **2**; 47
- Вилляк Исаак Мойсеевич; Баргузин Забайкальской обл.; **1**; 124
- Виноградов Л. М.; Миргород; **2**; 223
- Винокур М. А.; Киев; **3**; 6

- Винокур М. К.; Киев, Мариинско-Благовещенская, 38; **3**; 344
- Вихман Г. К., читальня ОПЕ.; Рига, Казачья ул., 52; **2**; 56
- Вихнер Яков Абрамович; Петровский завод Забайкальской области; **2**; 205, 206
- Вихнер Яков Абрамович; Петровский завод Забайкальской обл.; **3**; 356
- Вихнер Яков Абрамович; Петровский Завод Забайкальской обл.; **1**; 120
- Вишняк И. В. Банк. контора; Витебск; **2**; 275, 276
- Владавер Н., секретарь; Грац (Achduth. Graz. Klosterwiesg. № 13 р. 1, Oesterreich); **3**; 115, 125
- Вольпа Хаим; Ковна; **1**; 32
- Вонсовский, д-р.; Седлец, Аллейная ул., 26; **3**; 418, 424
- Воронежское отделение ОПЕ; Воронеж; **3**; 337
- Высоцкий П. М.; Челябинск; **1**; 69
- Газета «Северо-Западный голос»; Вильна, Трокская, д. гр. Тышкевича; **1**; 176
- Галант И. В.; Киев; **3**; 186
- Гальперин И. Ф.; Ромны; **3**; 445
- Гальперин Л. М., агент Первого Российского страхового общества; Нежин, Коммерческое собрание, д. Литвиновского; **2**; 101
- Гальперин Яков Маркович; С.-Петербург, М. Морская, 2; **1**; 86
- Гамз Лев З.; Ромны; **1**; 85
- Гаркави А. И.; Киев; **3**; 6
- Гаркави А. Я.; С.-Петербург, Б. Пушкарская, 47; **1**; 257
- Гаркави А. Я.; <С.-Петербург>; **2**; 43
- Гартенштейн Б. С.; Одесса, Успенская, 65; **2**; 169
- Гартенштейн Б. С.; Одесса, Успенская, 65; **3**; 355, 388
- Гартенштейн Б. С. (Гортенштейн); Одесса, Успенская, 65; **1**; 74, 10
- Гарфинкель Лазарь Яковлевич, частный поверенный; Серпец; **1**; 169, 82
- Гарфункель Лазарь Яковлевич; Серпец, Плоцкая губ.; **2**; 132, 187
- Гасман Б. М. Магазин часов; Иркутск, Большая ул.; **3**; 421
- Гедони И. Х.; Ковна, Виленская ул., 14; **3**; 116
- Гейман Я. Л., д-р; Алушта, д. Толстой; **1**; 275
- Гельбейн Я. Ш.; Одесса, Полицейская ул., 25; **2**; 189
- Геренштейн; Одесса; **3**; 184
- Герцик С., врач; Царицын, Саратовской губ.; **1**; 60
- Герцик С., врач; Царицын; **2**; 116
- Герцман Э. Г.; Киев; **3**; 417
- Герцман Эммануил Григорьевич; Киев, Александровская, 43; **1**; 255
- Герцман Эммануил Григорьевич; Киев, Александровская, 43; **1**; 244
- Герцман Эммануил Григорьевич; Киев, Александровская, 43; **3**; 28
- Герцык С., врач; Царицын; **3**; 183, 338
- Гершберг; С.-Петербург, Васильевский Остров 3-я линия, 18; **1**; 16
- Гершевич М.; Кременчуг, Садовая д. Фердмана; **1**; 59
- Гершовский Я. М. Книжный и писчебумажный магазин Я. М. Гиршовича; Вильна, Большая ул., 13; **3**; 447
- Гершун Б. И., д-р; Витебск, Богословская ул., д. Безсмертного; **1**; 125
- Гидони И. Х., присяжный поверенный; Ковно, Виленская ул., 14; **2**; 87, 162, 214
- Гидони И., присяжный поверенный. Правление Еврейской библиотеки им. Ману; Ковна, Виленская ул., 14; **1**; 274, 233, 11
- Гилодо Л.; Ташкент; **2**; 146-а
- Гилодо Л. Р.; Ташкент; **3**; 175
- Гинцберг Ушер Исаевич; Лондон; **1**; 101
- Гинцберг Ушер Исаевич; Лондон; **3**; 343
- Гинцбург В. Г.; Париж; **3**; 408
- Гинцбург В., барон; Париж (8. Rue Alfred Dehodencq, Paris); **1**; 214, 134-133
- Гинцбург Владимир (Baron Vladimir de Ginzburg); Париж (Paris, 8 rue Alfred Dehodencq); **2**; 48
- Гитик У. Ш.; Ромны, Полтавская губ.; **1**; 33
- Гитик У. Ш.; Ромны; **2**; 6, 115-а
- Гитман Иосиф Давидович; Киев, Александровская, 43; **1**; 244
- Гитман Иосиф. Контора Александровского товарищества; Киев, Александровская, 43; **3**; 760
- Глик С. Правление Ремесленного собрания; Лодзь; **3**; 114

- Глинтерников Давид Александрович; Саратов, Царицынская, 166; **1**; 221
Гнесин Вульф, политический ссыльный; Вельск Вологодской губ.; **3**; 118, 135
Гоз Б., заведующий библиотеки Шаар Цион; Яффа (Jaffa Bibliothek Schaar Zion); **2**; 2, 4
Гойхберг Е. Г.; Екатеринослав, Екатеринославский пр., 15 кв. 5; **3**; 49
Гойхман И. Э.; Харьков, Сумская, 3; **1**; 102
Голант И. В. Киевский городовой раввин 2-го участка; Киев; **3**; 150
Гольвман Г. В. Аптекарский магазин; Челябинск; **2**; 99, 100
Гольдберг; Ровно; **3**; 111
Гольдберг Б.; Вильна, Александровский бульвар, 18; **1**; 127
Гольдберг Б. А.; Вильна, Александровский бульвар, 18 кв. 4; **3**; 428
Гольдберг И. Л.; Вильна; **1**; 61
Гольдберг М. Л., доктор при Детском доме трудолюбия; Елец; **2**; 9
Гольденберг Зиновий Григорьевич, уездный раввин; Черкассы Киевской губ.; **1**; 139, 138
Гольденберг Исаак; Кишинев, Теобашевская, 16; **2**; 13
Гольденсберг; Ровно; **3**; 112
Гольдин Шолем; Варшава, Налевки, 35 кв. 73; **3**; 48
Горбунов И. М.; Иркутск; **2**; 74
Горенштейн Мовша; Луков; **3**; 401
Горништейн С. Книжный магазин; Одесса, Ришельевская, 43; **3**; 334, 389
Городецкий; Берн (Bern, Schweiz); **1**; 270
Городская общественная библиотека им. Пушкина; Минск; **2**; 185
Городское общественное собрание; Ровно; **1**; 45
Горохов Яков Фишельевич, член правления. Ржищевская общественная библиотека-читальня; Ржищев; **3**; 25
Госман И. М.; Иркутск; **2**; 74
Гун Х. Ш., Контрагентство всех газет и журналов; Луцк Волынской губ.; **1**; 21
Гурвиц И. (I. Hurwitz); Берлин (Berlin, Kurfuerstendamm, 51); **2**; 229
Гурвич Н. С.; Ковно, Николаевский пр., соб. д.; **2**; 103
Гурвич С. Г.; Минск, Ново-Захарьевская ул., д. Долина; **1**; 115
Гурвич С. И.; Двинск, Театральная, 13; **1**; 72
Гуревич; Лахта; **2**; 159-а, 6
Гуревич А. Л. Библиотека-читальня ОПЕ; Воронеж, Б. Дворянская, 52, аптека Гликлиха; **1**; 183
Гуревич Лейвик; Рига, Гоголевская ул., 6 кв. 13; **1**; 260, 159
Гуревич М. Б.; Рыбинск; **1**; 151, 150
Гуревич М. Б. Контора о-ва «Мазут»; Рыбинск; **1**; 55
Гуревич Михаил Львович; Витебск, Смоленская ул.; **1**; 125
Гуревич С. Л.; Рига, 1-я Выгонная, д. 10 кв. 1; **1**; 37
Гурлянд Я. И., сотрудник «ЕС»; С.-Петербург, Загородный, 30; **1**; 232
Гутман И., фельдшер; Киев; **3**; 151
Давидсон Иосиф Давидович, политический ссыльный, Рапорт Д., политический ссыльный, Пржедцкий Абрам, политический ссыльный, Балабанов Д., политический ссыльный; Иркутская губ. Верхоленский уезд, село Знаменка; **3**; 43
Дайхес А.; Астрахань; **3**; 342
Дайхес И. А., присяжный поверенный; Астрахань; **2**; 257
Ди Найе Вельт; Варшава, почтовый ящик 130; **1**; 77
Дикштейн С., хранитель. Музей Варшавского еврейского общественного управления им. Матиаса Берсона; Варшава (Z. W. G. S. Muzeum im. M. Bersohna); **3**; 383, 399, 455
Драпкин М. М. Контора АО «Хлопок»; Асаке, Ферганской обл.; **1**; 112
Дубнов В. М.; Ростов на Дону, Воронцовская, 82; **2**; 81, 144-6
Дубнов С.; С.-Петербург; **3**; 12
Дубнов С. М.; **1**; 225, 230, 247, 250, 254, 259, 270
Дубнов С. М.; С.-Петербург, Васильевский Остров, 8-я линия, д. 33 кв. 16.; **2**; 45
Дубовский Б. Л.; Ростов на Дону, Б. Садовая, аптека; **2**; 81
Еврейская библиотека; Баку, почтовый ящик 49; **2**; 181, 207
Еврейская библиотека; Киев, Торговая ул., д. Мусы Нагиева; **2**; 33
Еврейская библиотека-читальня; Орша; **1**; 109
Еврейская библиотека-читальня; Орша; **2**; 88
Еврейская библиотека-читальня Хоральной синагоги; Екатеринослав, Еврейская ул., 8; **1**; 40
Еврейская библиотека-читальня Хоральной синагоги; Екатеринослав, Еврейская ул., 8; **2**; 79

- Еврейская библиотека-читальня Хоральной синагоги; Екатеринослав, Еврейская ул., 8; **3**; 131, 425
- Еврейская больница; Кишинев; **1**; 26
- Еврейская общественная библиотека; Рига, Паулуччи, 11; **2**; 82, 248, 249, 272
- Еврейская общественная библиотека; Сороки; **2**; 177, 188
- Еврейский отдел при студенческой библиотеке Варшавского Ветеринарного института; Варшава; **3**; 21
- Еврейское историко-этнографическое общество; С.-Петербург, Захарьевская, 25 кв. 13; **3**; 204
- Еврейское музыкально-драматическое и литературное общество «Кармен»; Рига, Малаярная, 2; **2**; 54
- Еврейское музыкальное и литературно-драматическое общество; Харбин; **2**; 210-а
- Еврейское музыкальное и литературно-драматическое общество; Харбин; **3**; 201
- Еврейское общественное собрание; Рига, Паулуччи, 11; **2**; 179, 190
- Еврейское общественное собрание; Рига, Паулуччи, 11; **3**; 351
- Елинсон И. Л.; Витебск, 5-й Елагинский пер.; **1**; 108
- Елинсон И. Л.; Витебск, 5-й Елагинский пер.; **2**; 21, 93, 167
- Елинсон И. Л.; Витебск, 5-й Елагин пер.; **3**; 339
- Железняк М. А.; Термез Закаспийской обл.; **1**; 128
- Животовский С.Л.; Чита Забайкальской обл. Зейская ул., д. Полутова; **1**; 158
- Жмукинов; Киев, Садовая, 4; **1**; 185
- Зайдман С. И.; Городок Подольской губ.; **3**; 105
- Зак Жанно; Рига, Конюшенная, 30; **1**; 111
- Закс Н.; Ротмистровка; **2**; 90, 91
- Закс Н. Д. Аптека; Ротмистровка; **3**; 444
- Залкинд И. М. (Dr. I. M. Salkind); Лондон (London, 177 Sloane str.); **2**; 23, 24
- Залкинд И. М. д-р (Salkind I. M.); Лондон (London S.W., 177 Sloane Street); **1**; 44
- Залкинд И. М., д-р; Варшава, Sloane St., 179; **3**; 187
- Зальковский; Гродно; **2**; 203
- Замкивский Г. Т.; Гродно; **2**; 202
- Зеленский И. (Zielinski); Нанси (Nancy); **2**; 40, 41
- Зеликсон Х. Ш.; Витебск, 3-я часть, Ильинская ул., Короткий пер., д. Выменица; **3**; 33
- Зельцер Д. М.; <С.-Петербург>, Кронверкская ул., 3 кв. 5; **2**; 49
- Зибенберг И. М.; Варта Калишской губ.; **3**; 120
- Зильберборт И., председатель Совета кассы взаимопомощи при фабрике Днепровской мануфактуры в Дубровне, Аншин С., товарищ председателя, Головчинер Д., член библиотечной комиссии, Райцин Б., член библиотечной комиссии; Дубровна Могилевской губернии; **2**; 44, 69, 70, 71, 72
- Зиндер Нахман Шмулевич; Малин; **2**; 161
- Израэльсон Я. И.; Киев, Марининско-Благовещенская, 30 кв. 19; **3**; 6
- Израэльсон Я. И.; Киев, Марининско-Благовещенская, 30 кв. 17; **3**; 186, 417
- Ильфат З. М.; Нежин; **3**; 92, 93
- Иоффе И., д-р; Рига, Суворовская, 29; **1**; 67
- Иштейн Пинхус Самуилович; Ромны; **1**; 49
- Иштейн Пинхус Самуилович; Ромны; **3**; 422
- Иш Х.; Варшава, Новолипье, 28 кв. 20; **1**; 164, 75
- Каган Александр Самойлович; Витебск; **2**; 275, 276
- Каган И. И., еврейский учитель; Одесса; **3**; 64
- Каганский; Гомель; **3**; 401
- Каганский Генрих Литманов; Гомель; **3**; 368
- Кадинский Вульф Давидович; С.-Петербург, Садовая, 87; **2**; 235
- Кадинский Монос Давидович; С.-Петербург, Садовая, 81; **2**; 235
- Казовский; Саратов; **2**; 225
- Каплан А. Я.; С.-Петербург, Васильевский Остров, 12-я линия, 31; **3**; 85
- Каплан Л., член комиссии студенческой библиотеки Императорского Московского технического училища; Москва, Страстной бульвар, д. Университетской типографии кв. 5; **3**; 133
- Каплан Фебус Яковлевич, д-р.; Минск, Преображенская, 4; **1**; 121
- Кац А.; Киев, Большая Васильковская, 43 кв. 9. Кокину А.; **3**; 179, 381
- Кацнельсон А. С.; Москва, Солянка, д. Бабурина; **2**; 252
- Кацнельсон А. С.; Москва, Солянка, уг. Ивановского и Спасо-Глинищевского пер., д. Бабурина; **3**; 27, 449
- Кикин; Киев; **2**; 26
- Киржанец А. Д., зав. библиотеки Общества пособия бедным евреям; Бобруйск; **2**; 50

- Киржнер А.; Виндава; **2**; 259
Киржнер А.; Виндава; **3**; 420
Клейнман И.; С.-Петербург, Загородный пр., 12; **2**; 263
Клинковштейн Моисей Давидович, присяжный поверенный; Люблин, Королевская, 3; **1**; 142
Клячко Л. С.; Киев; **3**; 417
Клячко Лев Савельевич; Киев; **1**; 244
Книжник, возможно, псевдоним, ссылочный; Пинега Архангельской губ.; **1**; 192
Книжный магазин «Мысль»; Бендеры; **3**; 149
Книжный магазин «Педагог»; Лодзь; **1**; 269, 243
Книжный магазин «Русский Мир»; Вильна, Благовещенская, 21; **1**; 122
Коварский С. Н., член-соревнователь; Минск, Захарьевская, соб. д.; **2**; 46
Койданов. Русско-еврейская библиотека; Минск; **2**; 46
Кокин; Киев, Бассейная ул., 5-б кв. 24; **2**; 78, 131, 134
Кольковштейн(?) М.; Люблин; **3**; 50
Комитет Еврейского историко-этнографического общества;
С.-Петербург, Захарьевская, 25 кв. 13; **3**; 207, 221
Комитет Киевского отделения ОПЕ; Киев, М. Житомирская, 20; **3**; 123
Комитет отделения ОПЕ; Одесса, Ришельевская, 11; **1**; 88
Кони А. Библиотека Государственной Думы; С.-Петербург; **1**; 155
Контора газеты «Гедд Гдумим»; Вильна; **2**; 89
Конторский С. И., политический ссылочный; Ичерское, Киренский уезд, Иркутская губ.; **3**; 364
Копелевский И. Л.; Одесса; **3**; 461
Корин И.; Екатеринослав, Мостовая ул., соб. д.; **1**; 56
Корин И.; Екатеринослав, Мостовая ул., соб. д.; **2**; 97
Коробков Х.; ст. Тяполово, Холмский у. Псковская губ.; **2**; 171
Коффман Леонид Иосифович, кандидат прав. Банкирская контора; Екатеринослав; **3**; 382
Красный Б. Я.; Екатеринослав, Торговая ул., д. Волоцкой; **3**; 9
Красный Борис Яковлевич; Екатеринослав, Торговая ул., д. Волоцкой; **1**; 267
Красный Борис Яковлевич; Екатеринослав, Торговая ул., д. Волоцкой; **2**; 189
Крейнин М.; С.-Петербург, Казачий пер., 13; **3**; 142
Криппе Л.; Одесса, Екатерининская, 56 кв. 13; **3**; 102
Криштофович Николай Иосифович; Ново-Александрия Люблинской губ.; **1**; 52
Крол М., духовный раввин, уполномоченный правления Еврейского колонизационного общества; Новая Басань Черниговской губ.; **3**; 198
Кронштейн Давид, помощник присяжного поверенного; Варшава, Гожая, 39; **3**; 68
Крунбрем А. Еврейско-русская библиотека-читальня; Полтава; **3**; 167, 180,
192
Круповецкий А., секретарь. Еврейско-русская библиотека; Полтава; **1**; 110
Круцкий(?), секретарь; Цюрих (Juedischer Studenten-Klub, Plattengarten, 17. Zuerich); **3**; 31
Крыжак-Воскобойника библиотека; Чуднов; **2**; 182
Кублановский М. С. Склад Товарищества «Бр. Нобель» и О-ва «Мазут»; Джанкой; **3**; 375, 394
Кублановский Моисей Самуилович. Джанкой. Склад Товарищества «Бр. Нобель» и О-ва «Мазут»; Джанкойское Таврической губ.; **1**; 68
Куликовичер; Ровно; **3**; 110
Кулишер И. М., сотрудник «ЕС»; **1**; 257
Купершмид Д. Контора Сандомирского И. Ф.; Екатеринослав; **1**; 137, 136
Кухаржевский; Варшава, Вспульна ул., 42; **2**; 236, 237
Лаппо А. С.; С.-Петербург, Васильевский Остров, 7-я линия, 2; **1**; 257
Лацман Тевель, кассир Бауского отделения Еврейского литературного общества. Библиотека-читальня общества;
Бауск; **2**; 105
Лев А. Л., Лев. Л. А.; Киев, Николаевская ул., 12 кв. 57; **2**; 42, 108
Левандя И. Л.; Бейт ха-сфарим; **2**; 255
Левин М. И., секретарь комитета Общества взаимного вспомоществования учителей-евреев; Одесса, Жуковская, 2; **3**;
58
Левин Михаил, зав еврейским отделом студенческой библиотеки Политехнического института; Киев; **1**; 62, 17-18
Левин Н.; Париж (Paris, 9 rue d'female); **1**; 247
Левин Р. И.; Киев; **3**; 417

- Левин Т., председатель Еврейского музыкально-литературного общества «Газомир»; Варшава; **3**; 66
Либенбаум С. Л.; Варшава, Иерусалимская аллея, 70; **1**; 96, 95
Либерман; Семитичи; **2**; 194
Либинсон Л. С.; Витебск, Богословская ул., д. Л. Гуревича; **2**; 275, 276
Лившиц Н. Б.; Харьков, Михайловская ул., 14; **1**; 249, 30
Лившиц Н. Б.; Харьков, Михайловская ул., 14; **3**; 450
Липецкер Т. И., библиотека; Балта Подольской губ., д. Купянская, д. Клопфмана; **1**; 162, 161
Липницкий Я. Б.; Остер; **3**; 70
Лисогор А. М.; Тальное, Киевская губ.; **1**; 38
Лисогор А.-М.; Тальное Киевской губ.; **3**; 164
Лишницман Хаим. Запрос о Менухиме Лишницмане; Замехов Подольской губ.; **1**; 208, 181
Лодзинское общество учителей-евреев; Лодзь, Полудневая ул., 20; **3**; 117
Лозовский Б. И.; Иркутск; **2**; 74
Лумес Т. Библиотека Народного дома; Иерусалим (Jerusalem, Palästine, Beth-Haam); **1**; 212, 43 – 42
Лунц О. Л.; Минск; **1**; 19
Лунц О. Л.; Минск, Захарьевская, соб. д.; **2**; 46
Лурье А. Е.; Минск, Соборная пл., д. Х. Лурье; **2**; 215
Лурье Александр (Lourie); Вена (Wien I, Hegelgasse, 6); **1**; 99 - 97
Лурье В. Д.; Киев; **3**; 417
Лурье Владимир Давидович; Киев, Александровская, 41; **1**; 244
Лурье Лазарь для Слуцкера; Елионка Черниговской губ.; **3**; 153
Лурье Я. А.; Могилев губ. Б. Садовая, д. О. В. Венцлович; **3**; 335
Магазин «Эзро»; Харьков, Московская ул., 6; **2**; 59
Мазур Н.; Брест-Литовск, Кривая ул., кв. Мильхинскер; **1**; 39
Малкус Е., секретарь. Еврейского литературного общества в С.-Петербурге. Комитет Сморгонского отделения; Сморгонь; **3**; 409
Мандельштам А. Русская книжная торговля и типография А. Г. Сыркина; Вильна; **3**; 416
Марголин А.Д.; Киев; **3**; 186
Маргольеш Х., раввин; Дубно Волынской губ.; **1**; 94
Марек П.; Москва, Верхние торговые ряды, № 95; **2**; 75, 245
Марек П. С. Книжный магазин; Москва; **1**; 152
Марков(?), секретарь Cabinet de Lecture Bibliothèque Russe; Париж (63, Av. des Gobelins, Paris); **3**; 62
Мархасин Абрам; Гомель, киоск при Большой синагоге; **1**; 224, 222, 187, 170, 140
Мархасин Абрам. Киоск при Большой синагоге; Гомель; **3**; 458
Матушкевич Л. И.; Екатеринбург, Крестовоздвиженская, 30; **2**; 268
Махлин Д., политический ссылочный; Устьысольск Вологодской губ.; **3**; 79, 80, 376
Маховер И. М., помощник присяжного поверенного.; Киев, Александровская, 43; **3**; 45
Машиностроительный завод Бр. Раковицких; Вильна; **3**; 367
Машкилайсон Е. К., инженер; Канавино Нижегородской губ.; **3**; 345
Меерсон Е.; Париж (Paris, 78, Boulevard Malesherbes); **1**; 247
Межиричское общество поощрения библиотек и читален; Межирич; **2**; 112, 118
Мезельсон Макс, политический ссылочный; Устьысольск, Зильберштейну И.; **2**; 273, 274
Мейер Б.; Рига, Конюшенная, 22; **1**; 159
Меховский П., зам председателя. Академический ферейн для изучения еврейской истории и литературы; Юрьев, Лавочная ул., 9 кв. 8; **2**; 138, 139
Мильдом Р.; Арцыз. Бессарабская губ. д. Живгурского; **1**; 81
Мильдом Р. Я.; Арцыз; **2**; 175
Минская общественная библиотека им. Пушкина; Минск; **3**; 390
Минц; Киев; **1**; 272
Минц Бениамин (Benjamin Mintz); Варшава (St. Jerska № 30\37); **2**; 25
149
Минц Бениамин (Benjamin Mintz); Варшава (St. Jerska № 30\37); **3**; 73, 119
Минц И.; Киев, Мерингофская ул., 3 кв. 2; **2**; 65, 200, 201
Минц И. Б.; Киев; **3**; 186
Михалишский Гирш Львович; Поневеж; **2**; 87
Михельсон Г. И.; Kovno, Новобазарная ул., соб. д.; **2**; 103
Могилевер В. Bibliothèque Russe Lausanne; Лозанна (Place St. Laurent, 24, Lausanne, Suisse); **3**; 84, 336, 349, 385

- Молдавский Мойсей Давидович; Харьков; **1**; 12
Моргольеш Х., раввин; Дубно; **3**; 8
Моргулис Исаак Маркович; Киев, Институтская, 38; **3**; 417, 448, 451
Моргулис М. Г.; Одесса, Пушкинская, 34; **1**; 258
Мосяков Ив.; Мценск Орловской губ.; **1**; 28
Мушинский М.; Ломжа, Дворянская ул.; **1**; 149, 89
Наймер А. В., д-р; Бердянск; **3**; 202
Неймарк Ш. Банкирский дом; Варшава, Вельская ул., 14; **3**; 121
Неусыхин К. Б.; Москва, Маросейка, меблированные комнаты Еремеевых № 7; **1**; 73, 22
Неусыхин Н. Б.; Москва, Лубянский проезд, меблированные комнаты Еремеевых № 7; **3**; 400
Нехамкис З. М.; Нежин; **1**; 100
Нехамкис З. М.; Нежин; **3**; 371, 372
Николаевский еврейский молитвенный дом; Николаевск на Амуре; **2**; 64
Нисенбаум Ш. Б., сотрудник «ЕС»; Люблин; **1**; 257
Нисенбаум Ш. Л., книжный магазин; Люблин, Любартовская ул.; **3**; 456
Новоместский И., письмоводитель. Приемная комиссия по устройству и управлению Виленской публичной библиотекой; Вильна; **1**; 25
Общественная библиотека; Николаев; **1**; 116
Общественная библиотека; Николаев; **2**; 16
Общественная библиотека им. Пушкина; Минск; **2**; 46
Общественная библиотека-читальня «Бердичев»; Бердичев; **2**; 76, 77
Общественный книжный и писчебумажный магазин «Русский мир»; Вильна, Благовещенская, 21. Публичной библиотеке; **2**; 35
Общество еврейской Киево-Лыбедской дешевой столовой. Подпись неразборчива (Ал. Грин...); Киев, Б. Владимирская, 85 кв.1; **3**; 363, 398
Общество Кармели; Рига, Малярная ул., 2; **2**; 19, 20
Общество любителей древнееврейского языка. Уманское отделение; Умань; **3**; 147, 155, 165
Общество любителей чтения; Вилькомир; **2**; 87
Общество учителей евреев; Лодзь, Видзевская, 45; **1**; 118
Общество учителей-евреев; Одесса; **3**; 37
Ожинский Л. С.; Kovno, Повилейская ул., соб. д.; **2**; 103
Окунь И.С., делопроизводитель; С.-Петербург, Бассейная, 35/37 кв.7; **2**; 204
Орловское отделение ОПЕ; Орел; **2**; 152
От политических ссыльных; Туринск; **1**; 186
Отделение Еврейского литературного общества в Новозыбкове; Новозыбков; **3**; 405
Палатник А., магазин; Винница; **3**; 67
Паперна А. Я., сотрудник; С.-Петербург, 1-я рота Измайловского полка, 4; **1**; 225
Паулуччи, от Еврейского общественного собрания; Рига; **1**; 184
Писаревский Давид Моисеевич; Витебск; **2**; 275, 276
Писаревский Самуил Львович; Витебск; **3**; 359, 377, 378
Писной Л. М.; Киев; **3**; 417
Писной Михаил Львович; Киев, Кузнечная, 34; **1**; 244
Плесский Н., председатель. Правление Харьковской общественной библиотеки; Харьков; **3**; 60
Повес С. Г.; Одесса, ул. Карангозова, 16; **3**; 374, 395
Полач «Полач и Волкович. Оптовый склад перьев и пуху»; Велюн Калишской губ.; **1**; 231
Полинковский М. И.; Киев, Рыльский пер., 6; **2**; 246
Полонский Д., общественный раввин; Севастополь; **2**; 5
Полонский Д., раввин; Севастополь; **1**; 223, 218
Полтавская еврейско-русская библиотека-читальня; Полтава; **2**; 107
Поляк С. Г., д-р; Нижний Новгород, Осыпная, 2; **2**; 208
Поляк Соломон Веньяминович, присяжный поверенный и присяжный стряпчий; С.-Петербург, Рузовская, 9; **3**; 154
Поляков Я. И.; Киев; **3**; 6
Попечительный комитет Оршанской талмуд-торы; Орша; **2**; 170
Поташ Л.; Вольбром, Келецкая губ.; **2**; 10
Потеляков С.; Коканд Ферганской обл.; **1**; 84
Правление Общества взаимного вспомоществования учащим и учащимся евреям; Лодзь; **1**; 213
Премыслер С. К., учитель; Павлович Киевской губ.; **3**; 166, 195

- Прилуцкий Н., адвокат; Варшава; **3**; 143
- Рабинович Абрам Захарович; Кишинев, Немецкая, 22; **1**; 119
- Рабинович М. Г.; Харьков, Московская ул., 6; **2**; 59
- «Рабинович М. и сыновья» Торговый дом; Харьков, Московская ул., 6; **1**; 5
- Рабинович М. И.; Ковно, Горная ул., 9 соб. д.; **2**; 103
- Рабинович Сруль; Ходорков; **3**; 191
- Раецкий С.; Москва, Александровский пер., 5; **3**; 200, 353
- Райх; Мелитополь; **1**; 143
- Ракузин М. А., инженер-химик; Москва; **2**; 55
- Раскин С. Г.; Москва, Солянка, М. Ивановский пер., 11 кв.35; **2**; 73
- Ратенштерн В. И. Книжный магазин «Одесских Новостей»; Одесса, Дерибасовская, 20; **2**; 231
- Ратнер; Екатеринослав; **3**; 141
- Ратнер Г. Библиотека Бакинского еврейского общества; Баку; **3**; 188
- Ратнер Ш. К.; Минск, Преображенская ул., д. Поляка; **2**; 217
- Рахмилевич Н., д-р.; Вильна, Новая ул., 1 кв. 9; **3**; 428
- Редакция еженедельной газеты «Шолом Алейхем»; Одесса, Пушкинская, 57; **3**; 157
- Резников М. А.; Иркутск, Мясная ул., 40; **1**; 123
- Ремесленный клуб; Умань, Дворцовая ул.; **2**; 57, 58
- Ришман Давид Лазаревич, заведующий Либавского 2-х классного начального еврейского училища; Либава; **2**; 28
- Ровинский А.; Опошня Полтавской губ.; **1**; 271, 268, 171, 163, 132, 31
- Ровинский А. Аптека; Опошня; **3**; 30, 107, 197, 341, 366, 406
- Ровинский А. Д.; Опошня; **2**; 262, 269
- Рогачевское общество взаимного кредита; Рогачев; **2**; 63
- Рогов М. Ю., член-соревнователь; Минск, Захарьевская, соб. д.; **2**; 46
- Рогов Мойсей Юрьевич; Минск, Захарьевская, соб. д.; **3**; 403, 407
- Роде Семен Яковлевич; Керчь; **1**; 248, 105
- Роде Семен Яковлевич; Керчь; **2**; 31
- Роде Семен Яковлевич; Керчь; **3**; 176
- Розенблят С.; Лодзь, Петроковская, 46; **2**; 136
- Розенталь А., председатель, Белостоцкий Л., секретарь. Отделение Петербургского еврейского литературного общества; Бахмут; **2**; 146
- Розенталь М. Книжный магазин «Литература»; Москва, Маросейка, 13; **3**; 88 - 90
- Рознер Р. Библиотека-читальня Бакинского еврейского общества; Баку, почтовый ящик 49; **1**; 227
- Розов А. М.; Гадяч; **2**; 153
- Ройзман Е. Г. Азово-Донской коммерческий банк; Одесса; **3**; 44
- Рубинчик Т. Б.; Ромны Полтавской губ.; **1**; 145
- Рубинчик Т. Б.; Ромны, Полтавская ул.; **3**; 22
- Рывкин Хаим Давидович; Смоленск; **1**; 91
- Рывкин Хаим Давидович; Смоленск; **3**; 391
- Сегаль Г. У., провизор; Ковно, Петровская ул.; **2**; 103
- Сегаль И. Б., контора; Вильна, Трокская ул.; **1**; 53
- Симонов М. Ц.; Екатеринослав, Проспект, соб. д.; **1**; 259
- Синагогальная библиотека; Варшава, Тломацкая ул., 7; **2**; 8
- Сладков С.; Варшава; **1**; 64
- Слиозберг Г. Б., сотрудник «ЕС»; **1**; 257
- Слободкин Д. М.; Киев; **3**; 417
- Слоним С. А.; Киев; **3**; 6
- Слуцкая общественная библиотека; Слуцк; **2**; 61
- Слуцкер А. Е.; Киев; **3**; 417
- Слуцкер Абрам Ефимович; Киев, Живянская, 35; **1**; 244
- Слуцкий Моисей Борисович, д-р.; Кишинев; **1**; 93-92
- Совет кассы взаимопомощи рабочих при фабрике; Дубровна; **33**; 429, 446
- Солодухо М. Г.; Смоленск; **3**; 39
- Соминский Яков Израилевич; **2**; 220
- Сонин, сотрудник «ЕС»; Ростов Ярославской обл. Покровская ул., д. Галакшиной; **1**; 193
- Соркин; Бобруйск; **3**; 69
- Спевак Н. Ш.; Дзялошицы Келецкой губ.; **1**; 253

- Ставинский Б. Х.; Одесса, Суворовская, 5; **3**; 443, 453
- Станиславский С. М., сотрудник «ЕС»; **1**; 257
- Станиславский Семен Моисеевич; Екатеринослав, Проспект, соб. д.; **1**; 267
- Старик Евсей Иосифович; Саратов; **2**; 221
- Столов Н.; Тауроген; **3**; 369, 370
- Субботник С. И.; Гродно; **3**; 51, 58
- Субботовский Б. Еврейское литературное общество; Черкассы; **3**; 354, 387
- Сыркин А. Г. «Русская книжная торговля и типография А. Г. Сыркина»; Вильна; **1**; 54, 20, 9
- Сыркин Григорий Яковлевич; Минск, Соборная пл., д. Айзенштата; **2**; 11
- Сыркин Григорий Яковлевич, член-соревнователь; Минск, Захарьевская, 42; **2**; 46
- Сыркин Григорий Яковлевич. Русско-еврейская библиотека; Минск, Кейдановская ул.; **1**; 19
- Сыркин Д. Г. Русская книжная торговля и типография; Вильна, Георгиевский пр., Торгово-промышленное собрание; **2**; 224
- Тейтель Яков Львович; Саратов, Вольская, 27; **1**; 220
- Тейтель Яков Львович, член Саратовского окружного суда; Саратов; **2**; 225
- Темкин Г. Е.; Киев; **3**; 417
- Теплицкий Я. Еврейское колонизационное общество; С.-Петербург, Офицерская, 60; **2**; 196
- Топоровский Борис И.; Екатеринослав, Троицкая, соб. д.; **3**; 382, 419
- Топоровский Борис Исаевич; Екатеринослав, Троицкая, соб. д.; **2**; 98
- Трахтенберг Леон; Париж (Paris 25 Avenue Victor Hugo); **1**; 251
- Трахтенберг Леон; Париж (105. Avenue Victor Hugo); **3**; 38, 40, 457
- Трегубов Абрам Михайлович; Мариуполь; **1**; 147
- Трегубов Абрам Михайлович; Мариуполь; **2**; 39, 250
- Трейстер Ш. И.; Борисов; **1**; 180
- Трепель С. Ц.; Нижний Новгород; **1**; 48
- Трепель С. Ц.; Нижний Новгород; **2**; 198
- Трепель С. Ц.; Нижний Новгород; **3**; 452
- Трон М. М.; Баку, Меркуьевская угол Мустафаева; **1**; 70
- Троп М. М., инженер; Баку; **3**; 357, 386
- Тувим И. Т., сотрудник «ЕС»; **1**; 257
- Турбович А.; Вильна, Виленская, 24; **3**; 428
- Тырмос Авраам Осипович, законоучитель — воспитанник Виленского раввинского училища; Симферополь, Малобарная ул., 12 соб. д.; **3**; 41
- Уманское отделение Общества любителей др.-еврейского языка; Умань; **2**; 106
- Урысон Исаак Савельевич, помощник присяжного поверенного; Москва, Пименовская ул., д. Терентьевой, кв. 16; **2**; 38, 85
- Урысон Исаак Савельевич; Москва, Пименовская ул., д. Терентьева, кв. 16; **3**; 199
- Файнберг; С.-Петербург; **3**; 108
- Фастовская общественная библиотека-читальня имени д-ра М. А. Кулишера; Фастов; **3**; 156
- Фаянс М. С.; Харьков, Чернышевская, 75; **1**; 12
- Фейгенберг Лейба; Лоев; **3**; 178, 358, 396
- Финкельштейн О. А., присяжный поверенный; Ковна; **1**; 114
- Фишбейн Лозер; Дубно; **3**; 7
- Фишерович М.; Одесса; **3**; 461
- Фрайман А. (Nerr Dr. A Freimann. Stadtbibliothek); Франкфурт на Майне (Frankfurt a. M.); **3**; 128
- Фрейман А., д-р.; Франкфурт (Frankfurt, Stadtbibliothek); **1**; 16
- Фридман Я. Б.; Киев; **3**; 417
- Фридман Яков Борисович; Киев, Александровская, 43; **1**; 244
- Хазан Д. С.; Харьков, Клочковская ул., 9; **3**; 75, 106, 126
- Хазанович И. А.; Белосток; **1**; 79
- Хазанович И. для Иерусалимской библиотеки; Белосток; **2**; 229
- Хазановский Мендель Мовшович; Витебск, Суражский пр., соб. д.; **2**; 275, 276
- Хаританский И.; Могилев-Подольск; **3**; 431, 432
- Хаританский И. Л., д-р.; Могилев-Подольск; **2**; 92
- Хвольсон Д. А.; С.-Петербург, Васильевский Остров 12-я линия, 7 кв. 43; **1**; 257
- Хейсин Леонтий Манесович; Красноярск; **2**; 130
- Хейсин Леонтий Моисеевич; Красноярск, Гостинская ул., 63; **3**; 397

- Хелемский Е. В. Воронежское отделение ОПЕ; Воронеж, Б. Дворянская, 52. Северный банк; **2**; 183
- Хонин Н., политический ссыльный; Нижне Илимское Иркутской губ.; **3**; 100
- Хоронжицкий С. И., присяжный поверенный; **2**; 244
- Хоронжицкий С. И., присяжный поверенный; С.-Петербург, Коломенская, 32 кв. 15; **1**; 217
- Цинберг; С.-Петербург; **1**; 270
- Цинман М.; Флоренция (Rivista Israelitica Firenze, Via Castellacio, 17); **2**; 109, 140
- Цукель, фон, член правления Харьковской общественной библиотеки; Харьков, Петровский пер., соб. д.; **1**; 46
- Цунзер А. С.; Вильна, Преображенская, 8 кв. 5; **3**; 159
- Цыбулевский Менассий Моисеевич; Умань; **1**; 113
- Чериковер Л. М.; Москва, Маросейка, М. Успенский пер., д. Рубанович; **1**; 106
- Шабад Ц. И.; Вильна, Б. Погулянка, 9; **2**; 47
- Шапиро Б. Библиотека Общества «Иврио». М. Садовая, д. Бобовика; Могилев губернский, д. Райхинштейна; **2**; 84, 168
- Шапиро Илья Михайлович, студент; С.-Петербург, Васильевский Остров, Средний пр., 32 кв. 30; **2**; 277
- Шапиро М. Е.; Минск; **1**; 19
- Шапиро М. Е., член-соревнователь; Минск, Юрьевская, 18; **2**; 46
- Шапиро Т. М.; Kovno, Виленская ул., соб. д.; **2**; 103
- Шатенштейн Лев; Варшава, Братская ул., 19; **2**; 115
- Шафер Я. А.; Тифлис, Саперная, 28; **1**; 129
- Шаферман И. В., книгопродавец; **1**; 29
- Шахнович И., ссыльнопоселенец; Енисейск; **2**; 141
- Шацкин Я.; Варшава, Леопольдина, 8; **3**; 52
- Шевченко Григорий Иванович; Ржищев, Сахарный завод, в контору; **3**; 47
- Шейнбаум Л. И.; Гомель, Генеральская ул.; **3**; 433
- Шейнбаум Лазарь Иосифович; Гомель; **2**; 191
- Шейнис Л., д-р., председатель, Еремин М., секретарь, «Русская Тургеневская библиотека в Париже»; Париж (Paris, 328 rue St. Jacques); **2**; 51
- Шейнис Ю. Л. Bibliotheque Russe Tourgeneff; Париж; **3**; 61, 104
- Шейнхаус и Ко (I. B. Scheinhaus & Co); Мемель (Memel, Reichsbank-Giro-Conto); **1**; 58, 57
- Шерешевский; Брест-Литовск; **1**; 135
- Шерешевский И. А.; Гродно; **3**; 23
- Шерешевский И. С.; Брест; **2**; 222, 227
- Шерешевский И. С.; Брест-Литовск; **3**; 373, 379
- Шескин Я.; Вильна, Садовая, 13; **3**; 428
- Шкляр Лев; Екатеринослав, Сказовая ул., 2 д. вдовы Харциевой; **1**; 41
- Шкляр Лев; Екатеринослав, Базарная ул., 24 кв. 3 Горбульковой; **2**; 36, 62, 218
- Шмульян Л. О.; Ярославль; **1**; 153
- Шнейдерман, д-р.; Хотимск Могилевская губ.; **1**; 47
- Шоломович Александр. С. Казанское отделение ОПЕ; Казань, Воскресенская ул.; **2**; 27, 86
- Штейн Натан. Bibliotheka Gminy Żydowskiej; Львов (Lwow, Sw. Stanislawa, 5); **1**; 210
- Штекелис Б. И.; Могилев Подольской губ., Владимирская ул.; **1**; 141
- Штекелис Б. И.; Могилев; **3**; 11
- Штив; Ровно; **3**; 109
- Шумский Михаил Д., заведующий городской станцией Юго-Западной железной дороги; Кременец; **1**; 24
- Шухгальтер В. Я.; Киев; **3**; 417
- Эдельсон Х., Прагское отделение Еврейского литературного общества; Варшава, Прага; **2**; 135, 144
- Эдельсон Х., секретарь. Еврейское литературное общество, Прагское отделение; Варшава; **3**; 392
- Эидлин [Эйдин]; Симферополь; **1**; 144
- Эйтингон И. Б.; Бердичев, Шахновская ул., д. Мееровича; **1**; 252
- Элиасберг Абрам; Берлин (Berlin, Lutherstr., 31); **1**; 160
- Элиосберг Аарон (Dr. Ahron Eliosberg); Берлин (Berlin, Charlottenburg, 52); **2**; 251
- Элиасберг Аарон (Ahron Eliasberg); Берлин (Berlin, Neue Winterfeld str., 47); **3**; 3,10
- Элиассон Лев Соломонович, присяжный поверенный; С.-Петербург, 2-я Рождественская, 14; **1**; 273
- Элькин Борис Исаакович; С.-Петербург, Кирочная, 24 кв. 43; **1**; 15
- Эмдин С. Я., ссыльный; Яренск; **2**; 209, 210
- Юделович Майер, заведующий. Библиотека-читальня Еврейского литературного общества; Бауск, д. Гутмана; **2**; 137
- Юффа Фанни Менделевна; Еремеевка Полтавской губ.; **2**; 14, 15

Якир В. И.; Петровский завод Забайкальской губ.; 3; 189
Ямпольский П. А.; Киев; 3; 6

Выделим из этого списка несколько писем, заслуживающих особого внимания. Политические ссыльные, заграничные студенческие объединения и некоторые общества часто не располагали денежными средствами, необходимыми для подписки на журнал⁷. Поэтому они просили комитет ЕИЭО или редакцию журнала выслать его бесплатно или за оплату стоимости пересылки. Возглавляемая С.М. Дубновым редакция обычно положительно отзывалась на эти просьбы. Письма к ней особенно интересны тем, что содержат более или менее подробную мотивировку просьбы. Донося нам голоса наших дедов и прадедов, свидетельствуя об их высокой духовности, их жадной тяге к знанию национальной истории и культуры, эти простые письма не нуждаются в комментариях. Ниже они приводятся в современной орфографии и с небольшими сокращениями. Слова или их части, заключенные в квадратные скобки, добавлены публикатором.

Устьысольск, 16/XII-1909 г.

В комитет Еврейского историко-этнографического общества

М. Г.

От имени группы евреев, политических ссыльных, я обращаюсь к Вам с этим письмом. Нам, политическим ссыльным, приходится жить на те 8 руб. 30 коп., которые мы получаем из полиции в виде ежемесячных казенных пособий. Естественно, что такая сумма, при отсутствии помощи извне и при дороговизне продуктов, хватает едва ли на продукты первой необходимости, как-то хлеб, квартиру и т. д. Но если мы все-таки удовлетворяем наши физические потребности, то духовный голод удовлетворить мы собственными силами положительно не можем. Нами в этом году была создана библиотека русских (специально еврейских) и жаргонных книг, которые усердно читались товарищами, но теперь книги все прочитаны, а чтобы пополнить ее, у нас нет денег. Поэтому решили мы обратиться в еврейские редакции, книгоиздательства, а в частности, к Вам, дабы прийти к нам на помощь, и таким образом обновить нашу библиотеку. Мы просим Вас, М. Г., не найдете ли возможным высыпать нам в течение 1910 г. Ваш уважаемый журнал «Еврейская старина». Еще мы просим Вас выслать уже вышедшие номера журнала.

Макс Мезельсон.

Адрес для высылки журнала: Устьысольск Вологодской губ.

Политическому ссыльному И. Зильберштейну⁸

Мохча, 1910 г.

...Я политический ссыльный еврей, [высл]анный из черты оседлости в далекий Архангельский край. Будучи оторван от жи[вого] дела я всей душой живу идеалами [и ин]тересами еврейского народа. Хочу сле[дить] за развитием еврейской общественной [мысли], пополнять свои знания по исто[рии] нашего народа. Книг не имею, а мате[риаль]ной возможности выписывать [их] нет. Те несколько рублей, которые правительство выдает ссыльному, [не] достаточны для удовлетворения [ду]ховных потребностей. Такой журнал, [как] «Еврейская старина» мог бы скра[сить] незавидные условия ссылки. [Не] будете ли Вы столь добры [при]слать мне три книги этого журнала[ла] и дальнейшие книги, которые [по]явятся, бесплатно. Если Вы не можете прислать мне бесплатно, то сообщите какую уступку можете дать. Я постараюсь собрать [немно]го денег на выписку одной или двух книг...

Мохча. Печерский уезд. Архангельская губерния. Политическому ссыльному Ю. Виленкину⁹

Дубровна, 1/XII-1910 г.

Совет Кассы взаимопомощи рабочих при фабрике Днепровской мануфактуры, на которой работают исключительно евреи, организовав в августе сего года библиотеку для рабочих, ощущает сильную потребность в снабжении этой рабочей библиотеки книгами или журналами по истории евреев. Заработка рабочих очень ограничен, и средства кассы, вследствие бывшей после Пасхи забастовки, крайне незначительны вообще. Культурный фонд ее, куда относится содержание библиотеки, вследствие необходимости субсидировать двум

⁷ «Подписная цена: на год — 4 руб.; на полгода — 2 руб., на 3 месяца — 1 руб. 25 коп. Цены с пересылкой». ЦГИА СПб. Ф. 2134. Оп. 1. Д 2. Л. 173.

⁸ Там же. Д. 1. Л. 273–274.

⁹ Там же. Л. 228, почтовая карточка. Даты и некоторые слова текста не читаются: зашиты в переплет архивного дела.

училищам — мужскому и женскому и одному образовательному хедеру, где обучаются дети рабочих, не в состоянии уделять средства библиотеке. Совет кассы обращается к Вам с покорнейшей просьбой предоставить библиотеке рабочих-евреев хотя бы один экземпляр издаваемого Вами журнала «Еврейская старина» бесплатно или на самых льготных условиях, как, например, возмещение почтовых расходов.

Среди нас, еврейских рабочих, имеются такие, которые с большой жаждой прочли журнал «Еврейская старина» за 1909 и 1910 гг.

Председатель Совета И. Зильберборт, Анишин С., товарищ председателя, Головчинер Д., член библиотечной комиссии, Райцин Б., член библиотечной комиссии.

Адрес: Местечко Дубровна Могилевской губернии. Совет Кассы взаимопомощи рабочих при фабрике Днепровской мануфактуры¹⁰

Лозанна, 22/VI-1911 г.

Лозанская колониальная библиотека, обслуживающая всю российскую колонию в Лозанне, позволяет себе обратиться к Вам с покорнейшей просьбой не отказать в бесплатной присылке Вашего журнала в библиотеку. Среди наших подписчиков много интересующихся «Еврейской Стариной». К сожалению, наши средства так ограничены, что мы не в силах удовлетворить их просьбы выписать журнал...

Секретарь библиотеки В. Могилевер

Bibliotheque Russe.

Place St. Laurent, 24^{III}. Lausanne. Suisse¹¹.

Устьысольск, 2/V-11.

Политические ссыльные-евреи г. Устьысольска, благодарят редакцию за присылку «Еврейской Старины» в 1910 г., просят, если будет найдено возможным, выслать и в 1911 г. бесплатный экземпляр журнала по адресу:

Политическому ссыльному Д. Махлину, г. Устьысольск, Вологодской губернии.

Р.С. В 1910 году журнал получали на имя М. Мезельсона¹²

Ичерское, 2 марта 1911 г.

Многоуважаемый комитет ЕИЭО!

Надеюсь, вы не откажете нам, политическим ссыльным, выслать издаваемый вами трехмесячник «Еврейская Старина» без денег, за что мы вам будем очень благодарны.

Адрес: Ичерское, Киренский уезд Иркутской губернии С.И. Конторскому¹³

Киев, 19 марта 1911 г.

Общество еврейской Киево-Лыбедской дешевой столовой.

Столовая, от имени которой я к Вам имею честь обратиться, обслуживает нужды исключительно еврейских студентов. При данной столовой имеется библиотека-читальня. В настоящее время назрела необходимость в Вашем уважаемом журнале. Посему мы обращаемся к Вам с покорнейшей просьбой не отказать нам в высылке (бесплатно или по льготной цене) Вашего уважаемого журнала.

Администрация столовой.

А. Грин... [неразборчиво]

Адрес: Киев. Б. Владимирская, д. 85 кв. 1. Еврейская столовая¹⁴.

Вельск, 1/IX 1911.

Желаю ознакомить своих товарищей русских ссыльных с правовым положением еврейства. Я заметил, что многие интересуются этим вопросом, но, к сожалению, у нас не имеется ни одной книжки, посредством которой можно было бы приступить к этой работе. Ввиду этого я обращаюсь к Вам за бесплатной высылкой трехмесячника «Еврейская старина». Если найдете возможным выслать комплекты за 1909 и 1910 годы с приложением «Литовский пинкос», то мы можем только уплатить за почтовые расходы, если это потребуется.

С почтением. В. Гнесин.

¹⁰ Там же. Л. 69, почтовая карточка.

¹¹ ЦГИА СПб. Ф. 2134. Оп. 1. Д. 2. Л. 385, почтовая карточка.

¹² Там же. Л. 376.

¹³ Там же. Л. 364, почтовая карточка.

¹⁴ Там же. Л. 363, письмо на фирменном бланке, конверт не сохранился.

Мой адрес: Вельск, Вологодской губернии. Политическому ссыльному Вульфу Гнесину¹⁵.

Москва, 19/X-11

При Императорском Московском техническом училище уже несколько лет существует студенческая еврейская комиссия. До сих пор функции этой комиссии были чисто экономические, теперь же она решила расширить сферу своей деятельности. Первым шагом в этом направлении послужит образование библиотеки (на всех трех языках). Но, к сожалению, средств у нас мало, и приходится прибегнуть к помощи извне. Поэтому обращаемся к Вам с просьбой указать нам минимальное вознаграждение, за которое Вы согласны высыпать нам впредь Ваш журнал и присыпать полные комплекты за предыдущие годы.

С совершенным почтением. Член комиссии Л. Каплан.

Адрес: Москва, Студенческая библиотека Императорского Московского технического училища¹⁶.

Грац 16/XI-11

Мы студенты евреи, состоящие в ферейне „Achduth” обращаемся к Вам, г. Редактор, в надежде, что не откажете в нашей просьбе. Дело в том, что у нас в Граце, где имеется довольно большая колония студентов из России, в начале прошлого года образовался ферейн “Leserhalle der Studierenden aus Russland”, в состав которого входили и русские, и еврейские студенты. Связанный составом студентов наш ферейн не мог развить своей деятельности на почве еврейской культуры, а сводил ее, главным образом, к чтению газет, выписываемых из России. В течение же всего прошлого года, когда по всем университетским городам Западной Европы пронеслась могучая национальная волна, увлекшая своим течением массу студенческих обществ, и у нас началось стремление к пересозданию ферейна на национальных началах. Это нам удалось, и вот мы теперь самостоятельно существуем под именем „Achduth”. То, что характеризует громадную часть наших евреев, выразилось также в здешнем еврейском студенчестве. Много у нас таких, которые совершенно индифферентно относятся к еврейству и еврейскому вопросу, но еще больше, к их стыду, таких, которые считают несчастьем свое еврейское происхождение. Нас здесь, сочувствующих и стремящихся к еврейскому возрождению, к сожалению, немного; средства у нас малые, но с горячим убеждением в том, что мы должны существовать, а должны мы существовать для того, чтобы сплотить вокруг себя наших евреев студентов для познания наших обязанностей по отношению к еврейству, для сохранения и развития нашей культуры, нашего языка — с этим убеждением мы здесь на чужбине обращаемся с просьбой о помощи к Вам и, думаем, не с напрасной. На общем собрании мы постановили: для ознакомления наших членов и других студентов с историей еврейской культуры, с течениями в еврейском мире, устраивать еженедельные чтения по этим вопросам. Для этого нам нужен материал, которого у нас не имеется. Думаем, что вы не откажете нам в поддержке одним бесплатным экземпляром Вашей уважаемой «Еврейской Старины», которая будет для нас желанным и ценным подспорьем...

С совершенным почтением

За еврейский академический ферейн „Achduth” Н. Влодавер

Адрес: K.k. Technische Hochschule in Graz. Österreich.

Für den Verein „Achduth”¹⁷.

Базель 21/I-1912

Мы студенты Базельского университета, оторванные от жизни еврейского народа, вынужденные вследствие ненормальных условий в России скитаться в Западной Европе, обращаемся к Вам с просьбой присыпать нам бесплатно, по примеру всех русско-еврейских журналов, и Ваш многоуважаемый журнал «Еврейская старина». Мы организовали в прошлом году «Кружок еврейских студентов», который ставит себе целью объединение всей студенческой молодежи на культурной и национальной почве. Этот кружок беспартийный, и за короткое время он успел привлечь к себе всех национально настроенных студентов. Кружок для достижения своей цели устраивает литературные вечера, лекции по историческим и литературным вопросам и открыл читальную и библиотеку. Вся деятельность кружка касается только вопросов еврейской жизни. В этом году были устроены ханукальный вечер и вечер, посвященный нашему поэту Бялику. Будучи материально стеснен, еврейский кружок вынужден был обращаться с просьбой ко всем еврейским редакциям, которые откликнулись, и в настоящее время мы получаем бесплатно все русско-еврейские, жаргонные и

¹⁵ Там же. Л. 135, почтовая карточка.

¹⁶ Там же. Л. 133.

¹⁷ Там же. Л. 125.

древнееврейские издания. Только имея литературу по еврейскому вопросу, мы в состоянии развивать себя и работать среди всего еврейского студенчества. Считаем долгом обратить Ваше внимание на то, что в таком еврейском городе, как Базель, только год существует национальный еврейский кружок, а уже три года существует другой «Кружок русских студентов», в котором только один русский, а остальные евреи... Еврейский кружок выражает надежду, что и Вы войдете в наше положение и не откажетесь оказать нам при первоначальном существовании духовную помощь.

С совершенным почтением. Правление.

Наш адрес: Швейцария, Basel, Johanniserheim, St. Johannvorstadt, 48. Verein Jüdischer Studierenden¹⁸.

Знаменка, 28/II-1912

Мы, нижеподписавшиеся, политические ссыльно-поселенцы, с горечью констатируем отсутствие здесь в ссылке еврейской литературы на русском языке. К сожалению, не можем устраниТЬ упомянутый пробел выпиской книг на собственные средства. Вам, наверное, известно материальное положение политического ссыльно-поселенца <...> В надежде, что пойдете навстречу нашим духовным запросам, обращаемся к Вам с убедительной просьбою выслать нам книги Вашего книгоиздательства для общего пользования.

С совершенным уважением ссыльно-поселенцы

И.Д. Давидсон, Д. Рапопорт, Абрам Пржедцкий, Д. Балабанов

Адрес: село Знаменка, Иркутской губ.

Верхоленского уезда для ссыльно-поселенца Иосифа Давидова Давидсона¹⁹.

¹⁸ Там же. Л. 71.

¹⁹ Там же. Л. 43.

Игорь Юдович¹

Была ли американская революция — революцией?

В Европе привилегии свободы всегда гарантировались властью. Америка показала пример... привилегии власти гарантируются свободой.

Джеймс Мэдисон

Долгое время оставалось сомнительным, выживем ли мы как независимая Республика или скатимся из нашего федерального достоинства в незначительные и жалкие фрагменты Империи.

Джордж Вашингтон, 1788

Исторические события, повлиявшие на весь ход мировой истории, в своём возникновении и развитии имеют множество причин и источников, все они сложным, часто противоречивым путём переплетаются между собой. Американская революция (АР) второй половины XVIII века не является исключением. Это довольно неожиданное как для колонистов, так и для имперской Британии событие можно рассматривать с различных точек зрения. Конечно, прежде всего, она выглядит по-разному с разных сторон Атлантического океана. АР может быть рассмотрена и интерпретирована как, например, чисто идеологический конфликт борцов за свободу и независимость против империалистов-угнетателей; как борьба экономических интересов импортёров (англичан) и «бойкотеров» (колонистов); как результат неразрешимого противоречия кредиторов (англичан) и получателей кредитов (колонистов); как борьбу захватчиков свободных земель на западе (колонистов) и сил, запрещающих такие действия (англичан); как неразрешимый в то время конфликт между фермерами-колонистами и американскими индейцами, которых поддерживала Англия; или, наконец, как протест в основном поддерживающих рабство колонистов против британских законов, рабство не поддерживающих². У каждого из этих и многих других подходов есть свои исследователи, создавшие обширную историческую литературу, поддерживающую ту или иную предпосылку революции.

Целью данной статьи будет достаточно узкое рассмотрение причин и развития АР как политического процесса. При этом в рамках статьи все 13 колоний в революционное время будут представлять из себя некое единое экономико-социальное и политическое образование³. Что, безусловно, не более, чем очень упрощённая модель. За скобками статьи останется вопрос о разнообразии подходов различных штатов и групп населения к политическому процессу создания Американской федеративной республики — Союзу, известному под именем Соединённые Штаты Америки. Кратко замечу, что единства подходов не существовало. Объединение и согласие на компромисс отличающихся по происхождению и этническому составу штатов с различными (часто — противоположными) экономическими интересами; с различным подходом к социальной и религиозной жизни; штатов, враждующих друг с другом по множеству различных причин; населения, различающегося по экономическому, религиозному и социальному положению, но ещё больше — по «стажу» жизни в колониях, само по себе было внутренней и совершенно необходимой частью политического процесса, существенно его замедляющего из-за необходимости тратить время на нахождение многочисленных компромиссов. Все эти процессы за недостатком места не будут рассматриваться в статье. Все они повлияли и продолжают влиять на политическую жизнь страны. И хотя, как я постараюсь показать, основа американской политической системы была заложена Американской Революцией, процесс её совершенствования продолжается и сегодня.

¹ Инженер-механик, публицист, автор статей по истории США.

² Северные штаты поддерживали рабство в основном ради сохранения союза с южными штатами. Моральные разногласия между колониями (и внутри колоний) и материнской империей стали принципиально более серьёзными после решения Верховного суда Англии *Somerset v. Stewart* (1772 год), по которому рабство на территории Англии было признано незаконным. Закон формально не распространялся на колонии, но вызвал в них предельно сильное напряжение, новые опасения и усилил расслоение по отношению к рабству. Экономически и демографически проблема рабства была не существенна на Севере (4 % населения были рабами) и весьма существенна на Юге (40 % населения были рабами).

³ Надо заметить, что к революционному времени у Британии в Северной Америке и на островах Карибского бассейна (Вест-Индии) было 27 колоний. 14 из них не поддержали борьбу за Независимость.

В основу статьи положены тезисы лекции с тем же названием. Из-за необъятного материала даже по такому узкому вопросу статья, возможно, будет выглядеть по-прежнему как тезисы, естественно, расширенные для данного сборника. К сожалению, ссылки на некоторые положения и факты в статье у меня не сохранились. Но там, где возможно, я буду их приводить.

1

14 июля 1789 года крайне возбуждённая парижская толпа взяла штурмом крепость-тюрьму Бастилия, символ угнетения и притеснения простого народа.

В результате штурма было освобождено семь заключённых: четыре фальшивомонетчика, два психически больных и один аристократ, которого родственники сдали властям за его антикоролевские высказывания. За неделю до штурма из тюрьмы был выпущен восьмой заключённый, маркиз Де Сад, тюремная камера которого имела рабочий письменный стол, гардероб, трюмо, несколько гобеленов на стенах, кушетку, покрытую дорогим вельветом, три типа одеколона, коллекцию шляп и 133 книги в книжном шкафу.

Начальником тюрьмы был некий Бернар-Рене де Лаунэ, который вместо того, чтобы оборонять крепость (на что были все основания и возможность), или взорвать арсенал с порохом и похоронить в развалинах нападавших и себя самого, предпочёл — после дружественного обеда с представителями восставшего «народа» — сдаться на милость восставших.

Милость восставших выразилась в следующем: де Лаунэ провели под издевательство толпы по улицам Парижа, а затем зарезали обыкновенными ножами, после чего на всякий случай ещё и пристрелили. Впрочем, этого показалось мало, и булощик по имени Десно отрезал у трупа голову простым перочинным ножиком. После чего голову надели на пику и какое-то время носили по улицам революционного города.

Так началась Великая Французская революция (ФР), которая прошла через всем известные ужасы якобинства, казни короля, Марии Антуанет и их детей, кошмар Термидора со сменившим его кошмаром Директории. В ходе Революции были казнены практически все её «отцы-основатели». По усреднённым оценкам (из Вики) с 1789 по 1815 годы от революционного террора во Франции погибло 2 миллиона гражданских, ещё 2 миллиона погибло в войнах этого времени, всего — до 8 % населения страны. Это, не считая умерших от голода и эпидемий.

Тем не менее, ни у кого нет ни малейшего сомнения в том, что события этих лет во Франции называются Революцией. По-прежнему большинство продолжает считать её Великой, принёсшей народу Франции «освобождение от тирании»⁴.

За 13–14 лет до этого по другую сторону Атлантики в американских колониях Англии случилась другая революция, которую никто никогда не называл Великой и которой многие отказывают даже в статусе революции.

За все времена революционных событий 1775–1783 года (включая войну за Независимость) в Америке от имени государства или армии не был казнён ни один роялист, за исключением нескольких широко известных случаев военной измены⁵, когда предатели были схвачены с компрометирующими их документами. Нечего и

⁴ В последние десятилетия прошлого века во Франции и в других европейских странах возникла «ревизионистская» теория ФР. Согласно новым взглядам, романтизм ФР стал предтечей доктринального социализма, затем — тоталитаризма. «Линия от Бастилии к Гулагу не прямая, но несомненная. Современный тоталитаризм берёт своё начало в 1789 году» (Чарльз Краутхамер).

⁵ Конечно, были определённые экономические и политические притеснения, массовые издевательства и выселение из домов, особенно в начальный период революции (до войны) и в основном в больших городах. Во времена Войны за независимость, которая во многом была Гражданской войной между «патриотами» и «роялистами» — многие из которых служили в английской армии, жестокостью, убийствами и внесудебными казнями, включая пленных, в равной степени отличались и те, и другие. Большинство таких действий во времена войны происходили на периферии, за пределами больших городов и большей частью на Юге. Но надо отметить, что подобные притеснения (без убийств) начались ещё в начале 1760-х, как протест «патриотов» против колонистов и английских чиновников, поддерживающих новые английские налоги. Понятие «роялист» никогда не было однозначным в географическом или временном смысле.

Всего за революционный период Америку покинуло от 60 до 70 тысяч роялистов — в Европу, Канаду, испанскую Флориду и на острова Вест-Индии. Парадокс, но хуже всех «ре-эмigrация» оказалась для примерно 8 тысяч вернувшихся в Англию. Почти никто не получил обещанной компенсации (потратив последние сбережения на суды с английским правительством), большинство страдало от морального ощущения себя гражданами третьего сорта и от презрения

говорить, что не был убит или даже осуждён ни один из «отцов-основателей». Все они пережили Революцию и, за редчайшим исключением убитого на дуэли Гамильтона, все в свой срок умерли в своих постелях, в окружении любящих близких и при безусловном почтении американского народа.

Так может быть, американской революции — в классическом европейском понимании — вообще не было? Тем более, что в её результате:

1. Не изменился социальный строй;
2. Не произошло перераспределение средств производства или собственности;
3. Никакие классы не поменялись местами на социальной лестнице.

Я попробую показать, что не только Американская Революция была действительно революцией, но и то, что только она и была настоящей революцией.

Собственно говоря, несколько классических определений «революции» не оставляют сомнения в том, что АР — революция, но достаточно много людей с этим не согласно. Поэтому посмотрим, что говорят классики и словари.

Согласно Алексису Токвиллю, «политическая революция — это внезапное и насильственное действие, которое не только устанавливает новую политическую систему, но и трансформирует все общество». Еще более авторитетное мнение ВИКИ утверждает, что «революция — это фундаментальное и относительно внезапное изменение политической власти и политической организации, которое происходит в результате народного протesta против существующей государственной системы. Причиной протesta является постоянное политическое, социальное или экономическое угнетение или политическая некомпетентность».

Уже по признакам внезапности и установления новой политической системы АР удовлетворяет основным требованиям к революции. Что же касается второй части определения, то попробуем разобраться, в чем состояло угнетение или некомпетентность и что вызвало народный протест.

Буквально несколько слов на каком общем историческом фоне проходили обе революции.

2

«Зловещий XVI век был веком малого оледенения в Европе, когда 84 года из 100 оказались неурожайными и недородными. На французских городских базарах торговали человечиной. В Северной и Центральной Европе в домах даже летом держалась температура около 11–13 градусов, отчего нравы сильно посугорели. Чумные и холерные моры выкашивали до трети населения Западной Европы. Из Европы бежали в Новый Свет, что заметно обезлюдило её»

А. Левинтов, «Заметки по еврейской истории»

Хлынувшее из Южной Америки «испанское» серебро обесценило деньги и в XVI–XVII веках привело к тяжелому финансовому и фискальному кризису в большинстве стран Европы, что автоматически привело к сильному экономическому. В Англии ряд экономических реформ конца XVI века по укрупнению фермерских владений (для повышения эффективности с-х. производства) привел к разорению до трети мелких фермеров и появлению «института» бродяжничества и лишних людей. Тридцатилетняя война в начале XVII века буквально добила десяток государств Центральной и Западной Европы, только прямые людские потери превысили 8 миллионов людей (германские народы потеряли каждого пятого).

Но одновременно происходящее заставило европейцев искать выход⁶. Прежде всего, выход или прорыв произошел в области религии и связанной с ней новой этики. Вестфальский мир 1648 года надолго покончил с религиозными войнами. Окрепшее лютеранство, кальвинизм и в некоторой степени даже англиканская церковь, по существу, создали нового человека, основными ценностями которого стали трудолюбие, бережливость до скрупульности, скромность, ответственность перед семьей и общиной.

Как стало понятно гораздо позже, это время действительно было одним из переломных в человеческой истории.

окружающих. Больше тысячи вернулось обратно в Америку. Самой психологически и материально удачной для роялистов оказалась эмиграция в Канаду (она же была самой многочисленной), особенно в плодородные районы долины реки Св. Лаврентия. Общее количество уехавших было много меньше оставшихся. Примерно 500 тысяч роялистов осталось в США.

⁶ Последующее описание исторического фона в основном взято из прослушанного автором курса лекций «От традиционного к современному миру: политическая, коммерческая и военная революция, 1760–2013», прочитанного Филиппом Зеликовым (Philip D. Zelikow) в Мерилендском университете.

На протяжении XVI–XVIII веков происходил достаточно резкий переход от традиционных обществ к современным; от феодального государства с территориально-религиозными обязательствами и союзами и в основном наёмной армией к национальным территориальным государствам с сильной центральной властью и своей армией. В разных странах модернизация, которую для некоторых стран называют *индустриальной революцией*, происходила с разной скоростью, но, в общем и целом, за какие-то несчастные 150 лет в обществе — в основном в европейском — возникли совершенно новые взгляды на государство, религию, роль аристократии, роль простого человека.

Как-то почти внезапно в XVII–XVIII веках возникла новая политическая философия Александра Гумбольдта (*идея Космоса — единства географии, биологии, социологии, политики и т. д.*), Бенджамина Констана (*идея личной свободы*), Томаса Гоббса (*теория общественного договора и суверенитета*), Джона Локка (*отец либерализма и классического республиканизма*), Джона Милля (*либерализм, экономический либерализм*), Ричарда Кобдена (*идея свободной торговли*), новая политическая экономика Адама Смита, возникло новое представление о финансах и о роли денег.

Старому обществу, которое условно можно назвать *феодальным*, буквально со всех сторон был брошен как материальный, так и моральный, или можно сказать — культурный вызов.

Какой?

В *материальной* сфере произошёл гигантский прорыв — переход от вековой опоры на традиционные, богом данные формы энергии — человек, рабочие животные, дрова, древесный уголь, к сделанным человеком новым формам — пару, каменному углю, нефти. Произошёл прорыв в формах земледелия и селекции семян и животных. Впервые с 1750 года население Земли стало увеличиваться по экспоненте. Впервые в 1800 году была преодолена «Мальтузианская ловушка».

Началось быстрое перемещение населения в города. Рост городов потребовал совершенно другого, неизвестного ранее подхода к стандартам жизни, медицины, системе коммуникации и коммунального хозяйства.

Из-за резкого роста производительности труда и распространения завезённых из Америки более калорийных с.-х. продуктов появился избыток товаров, что привело к стремительному развитию торговли и торгового класса. Это само по себе привело к «первой глобальной Европе» и к необходимости иметь государственный флот для защиты торговли (с необходимыми в этой связи новыми идеями в финансах и налогообложении).

Ещё большие изменения произошли на *культурном* фронте. Столетиями статическая жизнь населения сменилась некоторой динамикой, в Англии — значительной. Новой нормой стала смена профессий, места жительства, участие в общественной жизни, в колониальной бюрократии. Опора на религию была оспорена успехами науки, включая сюда философию эпохи Просвещения. Появилось новое представление о роли образования и — очень важно — о роли университетов.

Европейский человек, особенно человек свободных профессий, впервые осознал себя не внутри локальных географических границ, но частью большой группы, не имеющей чётких географических границ. Это ни в коем случае не противоречит самому появлению территориальных государств с сильной властью, но привело к значительному изменению представления о роли государства, особенно к его *внутренним* функциям, что выразилось в ослаблении роли и авторитета *высшей* власти — короля, государства, основанного на абсолютной власти.

Ко времени, когда случились упомянутые американская и французская революции, в мире уже произошли малозаметные и ещё в большей степени мало осознанные революции в коммерции, финансах, религии и, конечно, в политике.

Когда мы будем говорить об Американской Революции, надо помнить обо всех этих изменениях, на фоне которых проходили события 1775–1803 годов.

3

Безусловно, я далеко не первый, кто задумался о несоответствии и странности представления о смысле и значении французской — и в более общем смысле, европейских революций — и американской революции.

Ханна Аренд в своей книге «*О революциях*» писала:

«Революционная политическая мысль XIX–XX столетий развивалась так, как будто никогда не было революции в Новом свете, как будто никогда не существовала американская традиция и опыт в сфере политики и строительства государственности, которые стоило бы осмыслять».

Даже среди американских историков, да и просто среди людей, интересующихся политической историей, существует мнение, что ФР была революцией настоящей, состоявшейся, соответствующей нашему времени. А АР была какой-то вялой, как бы не законченной, как бы оборванной на самом интересном месте. Революцией какого-то прошлого, не нашего времени.

Во многом такие люди правы в том смысле, что революции были мало похожи.

Остается, однако, вопрос о том, какая из них была революцией, а какая не более чем бунтом дикой толпы, какая оказалась лучше для страны и общества, какая из них была рычагом, ускорившим развитие общества, поднявшим общество на более высокую ступень материального благосостояния и социального развития, какая из них привела к *согласию* в обществе, а какая явилась тормозом, отбросившим общество на много лет назад⁷.

Обе революции, конечно, предполагали страсть и революционный порыв ее участников. Но, на мой взгляд, принципиальным отличием АР от революций европейских было то, что АР была зачата, рождена и осуществлена на надёжном фундаменте мысли, а не догмы. На фундаменте *идей*, а не *идеологии*.

Разница как будто бы не существенная, но она принципиальная.

Согласно одному из определений, идеология — это система идей и идеалов, которые формируют основу политической теории. Идеи — требуют раздумий и работы ума. Идеи — эволюционный процесс, обсуждаемый, дискутируемый и уточняемый в течение времени. Идеи могут «повиснуть в воздухе» и быть востребованы гораздо позже их возникновения. Идеи, как правило, возникают и обсуждаются в элите общества, а затем эволюционным путём проникают в другие слои. В отличие от идей, идеалы требуют немедленного исполнения. Идеалы нетерпеливы: «Мы наш, мы новый мир построим...» — сегодня! «Нынешнее поколение*** людей будет жить при ***», вместо звёздочек можно подставить любое слово, соответствующее географии и социальному строю данного времени.

В истории колониальной Америки известен спор между Джоном Адамсом и Томасом Джефферсоном. Д. Адамс видел в Джефферсоне раба идеологии. Для него это слово было ругательным. Термин был изобретен французским философом Дестютом де Траси. Джефферсон буквально боготворил всю французскую философию и Траси был для него одним из её величайших представителей. Траси, конечно, был серьезным философом, но в понятие идеологии он вкладывал некую возможность универсального познания, научный метод «окончательного» научного познания идей и на этом основании определения их правильности или не правильности. Идеология по Траси предполагала детерминированность истории, знание направления ее движения. Что приводило к поддержке и возвышению только определенной идеи, «время которой пришло», что в свою очередь означало, что другие идеи являются препятствием движению истории в правильном направлении. Идеология, как политическое движение, таким образом, превращалась в теологическое (религиозное) верование: правильное направление истории возможно только в рамках «наших» политических взглядов (таким был детерминизм Гегеля и Маркса).

Адамс внимательно прочел сочинения Траси, и они у него вызвали смех. По его мнению, это был восхитительный пример очередного французского интеллектуального мусора. В чем смысл термина «идеология»? По Адамсу, идеология — синоним слова «идиотизм».

(Намного позже русский философ Сергей Булгаков скажет: «Какое зло для человека — идеология! (С. Булгаков, «Из глубины»)⁸

⁷ Тем не менее, надо отметить, что после революции из-за резкого слома экономических связей между новым государством — США и прежней материнской державой — Британией, из-за огромного государственного, штатных и частных долгов, что для штатов привело к необходимости введения высоких налогов для выплаты процентов по долгам, из-за фактического запрета англичанами крайне выгодной торговли с колониями Вест-Индии, из-за потери торговли с Берберскими странами, а также разорения в результате войны многих предпринимателей-американцев, материальное благосостояние американцев ухудшилось. По некоторым данным, «валовой национальный продукт» уменьшился на 30 %. Рекессия продолжалась до 1792 года, после чего, во многом благодаря реформам Гамильтона, начался резкий экономический подъем.

⁸ Ещё два определения идеологии. Первое — из американского «the Dictionary of Cultural Literacy» — идеология — это система верований или теорий, обычно политических, которые характерны человеку или группе. Капитализм, социализм, коммунизм — примеры идеологий. Второе — из дорогостоящего семенного «документа» — «Словаря Иностранных Слов», ОГИЗ РСФСР, 1937 год — идеология (мысль+ слово\познание) — общественное сознание, мировоззрение, система взглядов и идей определённого класса; политические, правовые, философские, художественные и т.п. воззрения,

Ни один из отцов-основателей (О-О) АР не был евреем, но АР сопровождалась типично еврейским само-копанием ее творцов и неуверенностью в правильности ими совершаемого. Десятилетия, особенно время с 1765 по 1775, ушло на обсуждение идей построения лучшего общества. Сомнение, неуверенность, здоровый скептицизм были не исключением, но постоянной составляющей мышления и образа действий О-О.

Конечно, не всех и не у всех в равной степени. Томас Пэйн и Патрик Генри, да часто и Томас Джейфферсон, были в большей степени революционерами европейского, идеологического толка.

Но не они задавали тон в АР.

Джеймс Отис, Джон Адамс, Франклин, Вашингтон, Хэнкок, Уилсон, оба Морриса, Мэдисон, Джей и, конечно, Гамильтон — люди, действительно создававшие страну в конце XVIII века — были к нашему счастью людьми придерживающимися того, что мы сегодня называем *либеральным мышлением или либеральной идеей*. Термина, кстати, и близко не существовавшего в политической философии их времени.

Когда мы говорим о внешней (общественной) направляющей либеральной идеи, мы говорим об ограничении любой власти, о самоценности и самодостаточности свободы рядового гражданина, о незыблемом праве на частную собственность, об ограничении власти государства, о разделении религии и государства.

Но, возможно, более важной является внутренняя (человеческая) составляющая либерализма, касающаяся характера и свойств простого человека. В этом внутреннем смысле либерализм, и тем более, американский либерализм, изначально признает *невозможность и ненужность* создания идеального человека и идеального общества. В этом его принципиальное отличие от европейской революционной идеологии.

Великий документ эпохи — *Federalist Papers* — не устает повторять и опираться на простую и в большой мере самоочевидную для отцов-основателей мысль:

несовершенный человек не может создать совершенное общество.

И это нормально! Даже по отношению к совокупности индивидуумов — к народу в целом, как источнику суверенитета — у О-О тоже не было никакого пietета и демагогического поклонения.

Но было нечто другое, очень важное.

О-О опирались на опыт и живую жизнь существующего американского общества и его религиозную основу — протестантизм, восходящий в Америке к идеям пилигримов-пуритан.

Согласно представлениям пуритан, сообщество индивидуумов-грешников при определённых обстоятельствах может составить из себя хорошую (но не идеальную) церковь. Подобно этому, при *определенных обстоятельствах* из тех же грешников возможно составится хорошее общество, в пределе — хорошее государство.

О-О считали, что «определенными обстоятельствами» такого превращения может стать реально предоставленная возможность максимального *самоуправления*, только на базе которого может возникнуть «хорошее» государство в его *республиканской* форме. Вместе с тем, они считали, что сама практика реального построения государственности совсем не обязательно будет успешной, и, в любом случае, трудной и сопровождающей бесконечными проблемами и ошибками.

Но это единственный путь: не планировать ничего наперёд и не диктовать путь построения государства, опираясь на какую-либо идеологию, то есть на поставленную определённую идеальную цель. Не насаждать единообразие и, тем более, не утверждать «мы знаем, как надо».

4

Американская Революция:

Началась примерно в апреле 1775 года⁹, продолжилась провозглашением независимости 4 июля 1776 года, защитила себя в Войне за независимость с апреля 1775 по сентябрь 1783 года, после периода анархии и практического распада государственности приняла Конституцию в 1787 году, в 1788 было создано первое правительство во главе с Вашингтоном, которого через 8 лет сменил Джон Адамс, которого в 1800 году сменил Джейфферсон, который в 1803 купил у французов «испанскую» Луизиану, чем окончательно устранил

вырастающие на основе существующих экономических и классовых отношений; идеология, являясь отражением бытия в сознании, *сама оказывает обратное воздействие на социально-экономический базис* (выделено — И.Ю).

⁹ Многие историки считают, что АР началась в 1765 году, после первых попыток англичан учредить законы и налоги, не поддержанные законодательными собраниями колонистов.

угрозу со стороны европейских держав и консолидировал до того разнонаправленные экономические интересы американцев¹⁰. На этом закончился революционный период.

Достижения Американской Революции:

1. Победа в войне, то, что Вашингтон назвал «чудом». Хотя сегодня большинство историков считают, что если чудо и было, то только в спасении армии в первый год войны¹¹;

2. Впервые в истории установлена национальная республика в размерах огромной страны. Представительское правление оказалось действующим для всех удалённых территорий. Авторитарное (монархическое) правление было посрамлено раз и навсегда;

3. Было создано полностью секулярное государство. Религия не «обязана» склеивать нацию в государство, что было далеко не однозначно в годы революции, и что решилось только в результате ожесточённой политической борьбы Джонсона и Мэдисона против Патрика Генри и церкви в Вирджинии;

4. Отменила положение Аристотеля о неделимом суверенитете. Суверенитет может быть размытым и это может стать преимуществом, а не недостатком. «Мы, народ...» — не поддаётся точному определению и всегда изменяет своё местоположение, что до сих пор является не до конца понятым интеллектуальным, революционным прорывом в теории государства;

5. Создание партий — каналов выдвижения, дискуссии и осуществления идей. Дебаты и несогласие не рассматривается как акт измены, но законный вид бесконечных аргументов. Утверждён принцип законности оппозиции (что, конечно, не является американским изобретением, так как ранее принцип был опробован в Англии).

Почему Американская Революция была успешной?

1. Потому, что, глядя из нашего настоящего в прошлое, как и из настоящего прошлых поколений в их прошлое, вплоть до поколений детей и внуков О-О, никто и никогда не сказал, что она *не* была успешной. Никто не обвинил и даже не высказал предположения, что Революция была «предана», как это было нормой в революциях европейских.

О-О не только сделали революцию, но они же защитили ее в результате тяжелейшей вооружённой борьбы, в которой первоначально у них почти не было шансов и в случае поражения которой все они, согласно английским законам, были бы казнены. Они же создали Конституцию, на основе которой был осуществлён на практике новый политический порядок. Они же занимали все самые высокие выборные позиции в новом государстве, осуществляя и развивая на практике созданную политическую систему. Они же, развивая её, прошли через все стадии сомнений и жёсткой критики со стороны как сторонников, так и оппозиции. *Они утвердили на века порядок, по которому любое сомнение и любая критика не является государственным преступлением, а наоборот — обязанностью свободной прессы и рядовых граждан.* Они начали свою политическую деятельность понимая, что никому и никогда не принадлежит право на истину в последней инстанции, они же всю свою жизнь утверждали жизненную необходимость временных политических компромиссов, главенствующей ценности относительного согласия, вместо разрывающей общество борьбы «до конца» за свои идеологические принципы.

О-О добились, казалось бы, совершенно противоречивого и никогда до конца не понятого европейцами положения, когда думающие, активные в обществе люди после революции вернулись к своим обыденным делам и перестали заниматься политикой. Сама политическая теория потеряла свою актуальность. Что, как следствие, привело к тому, что американцы перестали задумываться о причинах успеха революции.

2. Революция была практически бескровной.

¹⁰ Колонисты, а затем американцы к востоку от Аппалачей для продажи своих товаров пользовались реками, впадающими в удобные гавани-порты Атлантического океана — и этим традиционно были связаны как между собой, так и с англо-саксонскими рынками; колонисты «дикого Запада» к западу от Аппалачей зависели в торговле от реки Миссисипи (с притоками) и уже по этой причине политически были ближе к Испании и Франции, которые контролировали большинство земель западнее Аппалачей. Кроме того, в усмирении индейцев они больше полагались на Испанию.

¹¹ Не думаю, что то, что было под командованием Вашингтона в 1775 году можно даже в первом приближении назвать армией. Дополнительно: вряд ли победа и мирный договор с Англией в 1783 году были бы возможны в таком виде и в такие сроки без политической и военной поддержки Франции и Испании. Получить реальную военную поддержку не было лёгким делом, но юная американская дипломатия и политика Конгресса оказались на высоте.

Солдаты гибли (50 тысяч + 15 тысяч союзников), но ни на фронтах ни, тем более, в тылу не было и в помине того зверства и массовых убийств, которые характерны для европейских революций¹². Не было революционного террора. Не было «революционной справедливости». Все годы революции в общем соблюдались цивилизованные нормы мирного времени. Известно всего несколько случаев казни или тюремного заключения за «контрреволюционные» мысли или высказывания (на Юге во время войны) — всегда по инициативе местной власти. В любом случае, никогда призыва к притеснению роялистов не шли от имени государства. Возможно, до 70 тысяч роялистов *относительно тихо и спокойно покинули Америку*. Включая около 10 тысяч уже после окончания войны. Никто и никогда не притеснял и не поражал в правах детей уехавших. Многие из оставшихся роялистов сделали прекрасную карьеру, в том числе — в политике.

Алексис Токвиль с некоторым удивлением писал, что для АР было характерно уважение к «закону и порядку». Революция закона и порядка — укладывается ли это в голове европейца?

3. Потому, что это была именно революция, а не восстание или мятеж. Одним из политических философов, кто исследовал это различие, была Ханна Арендт.

Разница — по Ханне Арендт — между ними существенная.

Если коротко, то *восстание — это социальный феномен*. Восстание случается когда массы, оказавшись в действительно не соответствующих своему времени условиях жизни, требуют немедленного улучшения этих условий, когда под лозунгом «даёшь лучшую жизнь» на самом деле предполагают «даёшь лучший мир» и когда под управлением радикальных лидеров возникает вполне ясная задача «весь мир разрушим до основания, а потом наш новый, лучший мир построим». Ну, и как логичное завершение — «кто был никем, тот станет всем». То есть, восстание — это движение к утопии. Причём не важно, массы ли рвутся к «лучшему миру» и тянут за собой лидеров или лидеры ведут туда массы. *Восстание — это идеология и дух толпы*.

Поскольку построить лучший мир, разрушив прежний до основания, ещё никому никогда не удавалось, то, естественно, лидеры в глазах масс оказываются обманщиками и, как следствие — «предателями революции» и ее первыми жертвами.

Революция же — политический феномен. Политический ответ на вызовы времени.

Его целью является пересмотр и ревизия существующего политического порядка. Это деятельность политических лидеров, основанная на их понимании прогресса в политической философии. Целью революции ни в коем случае не является утопическое построение «нового справедливого общества», но только тяжёлая работа по радикальному улучшению существующего.

Революция в этом смысле требует тщательного обдумывания прежде всего последствий принимаемых решений, трезвого расчёта и ясного объяснения причин необходимого изменения существующего порядка. Революция такого типа требует от ее лидеров не опираться на дух и идеологию толпы, но изо всех сил сдерживать «революционный пыл» масс, придать ему максимально возможную законность.

Ярким примером такого подхода была Декларация Независимости, сутью которой было моральное и, прежде всего, *юридическое обоснование необходимости и законности разрыва с Англией* и причин, которые вызвали этот разрыв. Именно перечислению и обоснованию законных оснований революции была уделена большая часть Декларации.

Революция — это идеи и дух той части общества, которая отличается не только умом, но и дисциплиной, и которая принимает на себя всю ответственность за свои решения.

Можно сказать, что настоящая революция происходит в странных условиях, когда ее лидеры не очень-то и стремятся к революции, но оказываются в ситуации, когда не могут не возглавить «созревшее» общество в направлении революции.

АР — именно такой тип революции.

¹² Ещё раз отмечу для критиков, что хулиганских выходок и издевательств против «роялистов» в некоторых крупных городах было много, но убийства стали относительно серьёзным явлением только во время боевых действий регулярных армий и действия «партизан» в южных штатах. Голод был массовым явлением как в армии англичан, так ещё в большей мере в армии Вашингтона. При захвате продуктов и фуражка (революционной, «законной» конфискации с выдачей бумажных обесцененных денег; организацией «зон» в местах дислокации английской армии, откуда изымалось всё продовольствие — с оплатой реальными деньгами, и захвата военной силой «партизанами») убийствами не брезговали обе стороны конфликта.

Была ли революция необходимой? Были ли для неё фундаментальные основания? Ведь не секрет, что англичане, за исключением совсем небольшого меньшинства в Парламенте, искренне не видели причин для революции. И их сомнения имели под собой серьёзные основания.

Сегодня нам достоверно известно, что ситуация в английских колониях перед революцией была далеко не революционная¹³. Прежде всего, социальная и экономическая жизнь была совершенно благополучной¹⁴.

Американцы экономически жили лучше англичан, не говоря уже о других европейцах. Политически они были практически независимы с 1692 года, когда по английской Хартии им была дарована почти полная политическая и юридическая независимость¹⁵. Ни для кого это не было секретом, и прежде всего, это не было секретом для самих колонистов. Но со временем основания первых колоний прошло 150 лет и сменилось 6–7 поколений. За это время незаметно для англичан и совершенно ими не осознанно в колониях возник другой тип людей, которому стало трудно существовать в рамках старого колониального общества, построенного по английскому социальному и политическому образцу.

5

В чем же были отличия колонистов от англичан к началу революции?

Политические отличия:

1. Существовали письменные конституции штатов¹⁶;

2. Не менее 100 лет в колониях (штатах) шла борьба за власть между представляющими народ нижними палатами штатных парламентов и назначаемым из Англии губернатором и верхними палатами¹⁷. К 1770-м вся реальная власть в большинстве штатов перешла к нижним палатам. К революционному времени именно нижние палаты (законодательная власть!) контролировали «кошёлёк» штата, в большинстве они добились и назначения (или утверждения) главных должностных лиц исполнительной власти и даже определяли их зарплаты. В результате победы колонистов в этой столетней борьбе самой слабой ветвью стала исполнительная власть губернатора, в общем — английская власть;

3. Количество людей, прошедших через избранные должности и получивших навыки политической борьбы, было очень, я бы сказал — невероятно большим. Это относилось не только к колонистам, прошедшим через работу в официальных нижних палатах штатов и местных муниципалитетах. В 1765, на волне борьбы с двумя непопулярными законами английского Парламента, в Бостоне, а затем во всех штатах, возникла политическая *массовая* организация «The Sons of Liberty», сыгравшая одну из решающих ролей в организации, объединении и подготовке к вооружённому сопротивлению населения. Подобную, возможно, ещё большую роль сыграли «Комитеты инспекторов» для осуществления контроля за бойкотом английских товаров, учреждённые Первым континентальным конгрессом в конце 1774 года. Именно на их базе (всего в них было 7 тысяч членов: они были организованы в каждом штате, графстве, в каждом городе) была создана реальная исполнительная власть, включая милицию, которая вскоре стала основой первой армии Вашингтона;

4. За возможным исключением нескольких центральных штатов уровень политической и экономической коррупции в колониях был несравненно меньше и существовал в основном в английской администрации;

5. Практически поголовная грамотность белого населения и почти всеобщее знакомство грамотного белого населения с политическими памфлетами и политическими теориями своего времени;

¹³ Поэтому мы говорим о внезапности АР. Ещё в 1774, даже в начале 75 года по словам Франклина «он не знал никого, кто хотел бы разрыва с Англией». В 1774 году Вашингтон возглавил в Вирджинии Комитет по укреплению связи с Британией, прежде всего — с королём Георгом III.

¹⁴ Хотя и ухудшилась в последнее десятилетие из-за массового бойкота английских товаров (например, за первые 6 месяцев 75 года импорт из Англии сократился до 220 тысяч фунтов с 3 миллионов фунтов за весь предыдущий 74 год).

¹⁵ Накануне революции совершенно неожиданно выяснилось, что англичане понимают политические идеи Хартии совершенно по-другому. Это стало неприятным фактом для колонистов после консультаций Бенджамина Франклина с высшими политиками в Парламенте и в окружении короля.

¹⁶ Как ни странно, один штат не имел письменной конституции до 1780 года — и это был самый революционный штат, Массачусетс. Самой либерально-демократической была конституция Пенсильвании, самой консервативно-республиканской — конституция Массачусетса, написанная Джоном Адамсом.

¹⁷ В различных штатах существовали некоторые различия в политической структуре власти и в ее зависимости от Англии, мы не будем этого касаться.

6. Право избирать и быть избранными имело до 60–70 % взрослого белого мужского населения, в отличие от примерно 25 % в Англии¹⁸.

Экономические отличия:

1. Самые низкие налоги в истории: в 1763 средний британец платил 26 шиллингов налога в год, в то время как средний житель Массачусетса платил короне 1 шиллинг. Правда в колониях существовали ещё и местные налоги и тарифы;

2. Минимальная государственная власть — дешёвая власть: все излишки могли идти на развитие; экономически колонии развивались существенно быстрее Англии.

Религиозные отличия:

«Великое Пробуждение» — огромное по важности и само по себе революционное религиозное движение различных конгрегаций протестантской религии начала-середины XVIII века во многом создало «нового» американца.

Результатом движения было:

1. Всеобщая грамотность, как средство для индивидуального чтения, изучения и понимания Библии¹⁹;

2. Определённое пренебрежение различиями в доктринах устоявшихся ветвей христианства и уменьшение влияния клириков, что способствовало снижению напряжения между представителями различных ветвей христианства и очень лёгкому переходу из одной конгрегации в другую;

3. Широчайшее географическое расширение «центров» религиозной жизни за пределы относительно коррумпированных церквей больших городов;

4. Принципиальный сдвиг старого пуританского отношения к жизни, который изначально заключался в страхе перед Богом (и за редчайшим случаем исключением невозможности искупления), к жизни в удовольствии и радости служению Богу, свободного, по своему выбору возвеличивания Бога (за что при определённых условиях очень возможно искупление), что привело к дальнейшему усилению рациональной составляющей (в дополнение к эмоциональной составляющей) протестантской этики;²⁰

5. Принципиально другое отношение к религии в целом, перенос акцента с общественного на *индивидуальный религиозный опыт* (Сказал: «Сегодня творю все новое». Апокалипсис 21:5), что было сутью американского опыта;

6. Важный акцент на «религиозный либерализм»: «люди свободны, когда они действуют согласно пониманию своей собственной пользы» (Джонатан Эдвардс, «отец» Великого Пробуждения);

7. Ощущение *относительного* религиозного единства всей огромной территории, всех колоний при всех относительных социальных и религиозных различиях (религия была первым *общим* «американским» институтом).

Джон Адамс в своё время скажет: «Революция во многом свершилась до Войны за независимость. Революция возникла в умах и сердцах людей: изменились их религиозные представления об обязанностях и обязательствах». А английский историк Пол Джонсон в своей фундаментальной книге «История Американского Народа» заметит: «Принципиальным различием между американской и французской революциями было то, что американская в своей основе была религиозным событием, в то время как французская — была антирелигиозным».

В результате всех этих исторических отличий в колониях существовал реальный, образованный, политически опытный и активный средний класс, в определённой степени этнически однородный (при выносе за скобки проблемы рабства) и скреплённый общей религией. Не люмпен!

В чем были основные несогласия с Метрополией?

¹⁸ В каждом штате для включения в список избирателей был свой минимум владения землёй или другой формой собственности — от примерно половины до почти всего белого мужского населения. В среднем по колониям право избирательного голоса имели две трети белых мужчин. Право быть избранным имело около 10 % белых колонистов.

¹⁹ За исключением вновь прибывавших эмигрантов-католиков из Ирландии. В общем, более 75 % взрослых белых колонистов были грамотными. Это был самый высокий показатель среди всех стран западной цивилизации (за возможным исключением Швейцарии).

²⁰ «Значение протестантской этики, появившейся в XVI столетии, состоит в том, что ее приверженцы воодушевлялись верой в Бога не ради ухода от мира (как католические монахи) или приобретения титулов (как знать), а в целях достижения успеха в будничной жизни — в труде и предпринимательстве» (Дмитрий Травин).

1. Главной была проблема земли, возможности расширения колоний на запад после запрещения такого расширения законом Парламента, известного как *Proclamation Act 1763* года, при удвоении населения колоний с 1700 по 1750²¹ ²²;

2. Промышленное развитие и торговля переросли в противоречие интересам Англии (в колониях произошёл рост с 5 % до 40 % валового продукта Англии за 1700–75 годы), что привело к серии совершенно глупых — с точки зрения колонистов — запретов на определённые формы экономической деятельности в колониях; подобные запреты довольно легко обходились контрабандой и торговлей не с Англией.

3. Вопрос налогов, суверенитета, гражданства. Как я уже отметил, правом налогообложения обладали нижние палаты штатов, что было в рамках «общественного договора» между Англией и колониями. В 1763 году и дальше Англия по факту установила право английского Парламента, а не колоний, утверждать новые законы и новые налоги на американской территории.

Итак, случилось то, что случилось. Мелкие недовольства колонистов ужесточением экономического давления на колонии, введением непопулярных «английских» налогов, постоянным стремлением ограничить самоуправление в штатах, спесивым пренебрежением разумными требованиями колоний к английскому Парламенту привели к событиям, которых никто не хотел и никто не предвидел.

Начавшийся сначала мелкий локальный конфликт в Новой Англии перекинулся на другие штаты, но долгие год-полтора идея независимости бродила только в головах или крайних радикалов, вроде Томаса Пэйна, или в головах напряжённо обдумывающих ситуацию членов Континентального конгресса, вроде Д. Адамса и Вашингтона, Франклина и Джона Дикинсона, Рэндольфа и Ли, Хэнкока и Джая.

Очень важно было не дать разгореться костру революции до того, как ее идеи созреют в головах всех остальных, или хотя бы большинства колонистов. И тут тормозящая роль Джона Адамса (вместе с Дикинсоном, председателем Первого континентального конгресса) была решающей. По существу, с середины 1775 до февраля 1776 его основной задачей было остановить революцию. Все это время на фоне мелких военных стычек в Новой Англии шло перетягивание каната и велась игра нервов между требованиями Континентального конгресса и отдельных штатов с одной стороны и английского Парламента и короля Георга III — с другой.

И только после того, как нервы не выдержали у короля, который 26 октября 1775 года объявил колонии в состоянии мятежа и ввёл военное положение, что вызвало наконец *всеобщее* возмущение не только в Новой Англии, но во всех колониях (новость достигла колоний только в декабре 75 года), только после этого наступила настоящая революционная ситуация, и только после этого Джон Адамс и другие (но не все) ведущие интеллектуалы своего времени резко изменили своё поведение и из тормоза стали двигателем революции. Одно дополнительное обстоятельство сыграло свою важную роль.

Когда ранее я утверждал, что «принципиальным отличием АР от революций европейских было то, что АР была зачата, рождена и осуществлена на надёжном фундаменте мысли, а не догмы. На фундаменте идей, а не идеологий», то имел в виду, их фундаментальное отличие. Конечно, и в АР был эмоциональный и идеологический элемент, привнесённый как религиозным рвением, так и вовремя случившимся идеологическим посылом, что сыграло определённую роль в воодушевлении масс и в успехе революции.

Именно в то время, когда отцы-основатели в Континентальном конгрессе обсуждали ответные меры на объявление королём войны, и в то время, когда многие в Конгрессе и, возможно, большинство в народе все ещё колебались по поводу полного разрыва всех отношений с Англией, когда то же большинство, осуждая Парламент и военные операции англичан, надеялось на защиту и справедливость короля, случилось событие, которое подвело черту под всеми сомнениями.

Как это иногда случается, все решил один вовремя написанный памфлет на ясном, понятном всем языке. То, что этот памфлет оказался ещё и выдающимся политическим документом, только добавило ему силы.

²¹ Этим законом Англия для защиты индейцев ограничила зону распространения колонистов долинами рек, которые впадают в Атлантический океан (всё, восточнее Аппалачей). Это был безумный по глупости и лицемерию закон. Во-первых, колонисты уже во многих местах жили за пределами этой зоны. Во-вторых, индейцы массово жили внутри этой зоны. В-третьих, у англичан не было никакой возможности контроля и наказания за несоблюдение закона.

²² С 1760 по 1775 год, всего за 15 лет, в колонии въехало 30 тысяч англичан, 40 тысяч шотландцев, 55 тысяч ирландцев (с северной части страны), 12 тысяч германцев и было завезено 85 тысяч рабов: вместе с небольшим количеством других иммигрантов — чуть больше 222 тысяч.

10 января 1776 года в Филадельфии почти никому не известный журналист местной газеты, человек, только год назад прибывший в Америку из Англии, написал самый известный памфлет в американской истории и один из самых читаемых в англо-саксонском мире XVIII–XIX столетий. «Здравый Смысл» Томаса Пэйна прочёл каждый грамотный человек в колониях. 1000 экземпляров было продано в первые 2 недели. К июню было продано 150 тысяч — это в колониях с населением около 2 миллионов белых колонистов. Каждая американская газета перепечатала памфлет, его читали вслух в церквях и на городских собраниях.

Скорее всего, именно Пэйну принадлежала революционная идея, *объединить* три до того раздельных требования: 1) о немедленной независимости; 2) о союзе 13 колоний; 3) о республиканском управлении в колониях. Пэйн показал, что каждое из этих движений само по себе обречено на провал. Но все вместе они имеют шанс на успех. Идеологическим компонентом памфлета и революции было обвинение не Парламента, но короля Георга III во всех смертных грехах, конечно, в дополнение к грехам английской аристократии. Именно они, по Пэйну, виновны в обмане и эксплуатации простого народа. «Один честный простой человек более ценен обществу и в глазах Бога, чем все аристократы и короли, когда-либо жившие». Он обвинил короля, «царственное чудовище» с «кровью на его руках», в посылке английских войск в колонии «убивать американцев».

Пэйн, по словам историка Алана Тейлора, «придал борьбе “патриотов” утопический и универсальный смысл. (После обретения независимости) американцы, согласно Пэйну, выиграют республиканское самоуправление и могут создать идеальное общество, живущее в мире, благополучии и равных правах». Пэйн утверждал, что американцы — это не провинциальный отсталый народ, но будущий центр земной цивилизации — это был утопический посыл огромной силы. Этот посыл давал людям мотивацию принести жертвоприношение в вооружённой борьбе с реакционной империей. Наградой в победе будет лучшая жизнь в будущем.

К счастью и к заслуге отцов-основателей, они внимательно и с пользой для революции отнеслись к политической части памфлета, но довольно решительно отвергли ее радикальную, утопическую часть. Никто из них не последовал призывам Пэйна и не утверждал необходимость достижения его утопических целей, но все они сосредоточили свои усилия на тяжёлой борьбе «настоящего момента», решая насущные вопросы, стоявшие перед колониями и перед сражающимися за независимость людьми.

6

Результатом АР — не мгновенным и только после многих ошибок — было *совершенно революционное, даже радикальное изменение политического порядка* — установление республиканского правления на огромной территории — что никому не удавалось со времён Римской республики.

Республиканское управление государством, усложнённое после принятия Конституции ещё и федерализмом, надо признать самой неблагодарной и противоречивой формой демократического правления. Тем не менее, О-О совсем не с кондачка пришли к такому решению. Они опирались на *устоявшуюся американскую традицию самоуправления* со времён Пилигримов, на определённые качества характера американцев, на их предпочтения в жизни, на их *самодисциплину и ответственность*, все эти качества были во многом выработаны столетием приверженности особой форме религиозности — пуританству, реформированному «Великим Пробуждением». Именно и только такие качества сделали возможным республиканское управление. Именно в таком порядке: *сначала сформировался национальный характер и национальные традиции самоуправления, а потом под них подобрали наиболее подходящую систему организации государства*.

О-О прекрасно понимали уникальность того места, где они жили и тех людей, которыми им было доверено управлять. Джон Адамс, например, даже в 1790 году говорил по поводу выбора французами системы государственного управления, что французы «слишком развращены для эксперимента с самоуправлением». И был пророчески прав.

Что отличало политический процесс американской революции?

Политическая активность О-О почти полностью была сосредоточена на написании и ратификации конституций штатов, а потом и федеральной Конституции. В политических дискуссиях и в обсуждении конституционных вопросов принимала участие намного большая в процентном отношении часть населения, чем в любом другом государстве.

Конституции штатов отличались следующим:

1. Почти ничего не изменили в системе политических, юридических, экономических и социальных составляющих существовавшей сложившейся жизни;

2. Те изменения, которые были внесены, были направлены на *ограничение*, ослабление власти государства (штата), особенно — для исполнительной власти²³;

3. Ни в коей мере не ослабили существующие системы самоуправления.

Если сказать предельно коротко, то политической целью революции было ещё теснее увязать систему политического управления с существующими традициями, в том числе — с традициями, существовавшими в религиозных самоуправляемых общинах. Ни в коем случае даже не пытаться их заменить на что-то другое.

Из того простого исторического факта, что республика, как форма власти, была крайне редкой в истории и всегда заканчивалась неудачей, О-О сделали вывод, что у республиканской формы существуют системные внутренние проблемы и противоречия. Исходя из этого, необходимо крайне осторожное отношение к любым попыткам навязать такую форму. Только медленно накапливаемый опыт в социально однородном²⁴ и не перевозбуждённом несбыточными утопическими надеждами обществе может дать шанс на успех²⁵.

Важнейшим шагом в этом направлении была разработка теории самого существования республики на большой территории. Речь идёт о политическом трактате «*Федералист*». 85 статей Гамильтона, Мэдисона, Джая, написанные в течении нескольких месяцев весной 1788 года, были опубликованы и широчайше обсуждались до ратификации федеральной Конституции. По существу, «*Федералист*» был единственным в истории документом политической философии, который был написан во время революции и который сыграл огромную роль в ее успехе. В то же время, политические идеи, положенные в основу существования государства — за исключением невероятной идеи Мэдисона о размытом суверенитете (Мы, народ Соединённых Штатов...), ни в коей мере не были взяты с потолка, но были результатом тщательного изучения и критического осмыслиения трудов Гоббса, Локка, Милля, А. Смита и других великих философов, политических философов и экономистов своего времени.

Когда-то в *Федералист 1*, Гамильтон задал самый главный вопрос:

«...способны ли сообщества людей в результате раздумий и по собственному выбору действительно учредить хорошее правление или они навсегда обречены волей случая или насилия получать свои политические конституции?»

Американская революция ответила на этот вопрос. Ответ был и остаётся неоднозначным и не самым понятным для большинства европейцев и, к сожалению, для все большего количества людей в США. Более того, многие просто не хотят его услышать.

Ответ такой:

Ответственные и дисциплинированные люди могут создать политическое общество, в котором свобода, ограниченная по согласию людей принимаемыми ими законами, то есть — упорядоченная свобода, может способствовать как росту экономического благосостояния, так и росту политического участия граждан в развитии общества.

²³ Абсолютное большинство колониальной политической элиты революционного времени, людей, которых можно назвать «мозгом» революции, по своему прежнему опыту были законодателями различных штатных конгрессов, Континентального конгресса или офицерами Континентальной армии. Они на дух не переносили исполнительную власть, боялись ее усиления и понимали, что опасность диктатуры прямо связана с усилением исполнительной власти.

²⁴ Возможно, что важную роль сыграла и этническая (европейская, в абсолютном большинстве британская, голландская и германская) и религиозная однородность отцов-основателей. Из политически активных колонистов абсолютное большинство было англосаксами. Только четыре человека из 56 подписавших Декларацию и только двое из подписавших Конституцию были католиками. Что было первичным — этническая и религиозная однородность или социальная — вопрос до сих пор спорный.

²⁵ «Республиканизм дискредитировал «демократический» дух и методы народного возмущения и восстаний, предлагая простым людям принимать участие в выборных процессах. Патриоты отвергли английское предложение «виртуально» представлять американцев в британском Парламенте, взамен защитили свой собственный вариант виртуального представительства: белые мужчины, владеющие определённой собственностью, представляют всех остальных людей на определённой территории. Ценой участия в политическом процессе для простого народа должен был стать усиленный самоконтроль. Моральная дисциплина среднего класса стала входным билетом в американскую политику» (Ален Тейлор «Американские революции»).

В политической традиции Европы, в политическом посыле их революций существует ожидание граждан, что Государство обязано сделать для них что-то хорошее. Они верят государству больше, чем они верят себе, своей общине, своим общественным институтам. Государство стало богом, вера в государство — новой религией.

Американская политическая традиция как до, так особенно после АР, утверждает, что основная функция государства — не более, чем следить за порядком в обществе. *Свободные люди не связаны с государством никаким Заветом или социальным контрактом, они не связаны подобными обязательствами и в отношении лидеров любого направления, но только друг с другом.* Для большинства американцев по-прежнему нет ничего божественного ни в Президенте, ни в Конгрессе, ни в любом другом государственном образовании.

То, за что боролись отцы-основатели, то, что было главным результатом Американской Революции:

- *создание государства, минимально вмешивающегося в дела свободных граждан,
- * государства, совершенно не вмешивающегося в мысли граждан,
- * государства, ограниченного строго определёнными минимальными функциями управления,
- * государства, находящегося под жестким и постоянным контролем граждан,
- * государства, доверяющего самоуправление своим гражданам в широчайшей сфере местных дел — и явилось главной особенностью и, одновременно, главным достижением АР.

Воистину революционным достижением. Во всяком случае, для конца XVIII века и на следующие 160 лет²⁶.

Я хочу закончить эту статью цитатой из статьи Чарльза Краутхамера «*Соображения о революции во Франции*». Он пишет с ссылкой на английского историка Simon Schama:

«Французская революция погибла потому, что пыталась совместить несовместимое — свободу и государственную власть, основанную на иллюзорном патриотизме.

Русская революция рухнула в пропасть, когда своей целью выбрала неограниченную власть государства. Американская революция выбрала свободу — и только. И стала единственной успешной в истории».

P.S. Речь Рейгана на одном из предвыборных собраний в 1964 году гораздо короче и, возможно, яснее обобщает написанное мною по поводу Американской Революции.

<https://www.youtube.com/watch?v=vrhOQH-aAIA>

Июль 2020

²⁶ Причины того, что в 1960–70-х гг. политическая философия отцов-основателей была во многом забыта или даже отброшена «прогрессивными» движениями, и к чему это привело страну сегодня — не рассматриваются в этой статье. Элла Грайфер, израильский публицист, считает, что «у нас на глазах происходит попытка похоронить достижения Американской революции и перелицевать ее во Французскую».

Борис Альтшулер¹

Конструирование будущего

*...Сотворил Г-сподь однажды
Нет, не мир, а лишь сырец,
Чтоб, томим духовной жаждой,
Мир творил земной творец.*

Лариса Миллер

Поздравляя Евгения Берковича с юбилеем, мы с Ларисой Миллер также говорим искреннее спасибо! Спасибо за «Семь искусств», «Заметки по еврейской истории», «Еврейскую старину», «Мастерскую», ставшие для нас частью творческой судьбы. Достаточно посмотреть на обилие публикаций «у Берковича».

Я особенно благодарен Евгению за публикацию, в течение примерно полутора лет, всех глав книги о моем отце «Экстремальные состояния Льва Альтшулера» (М.: Физматлит, 2011). 20 лет большой срок, о многих публикациях я забыл и думать — а у Берковича сохранилось все. Тут и про «Двести лет вместе» Солженицына (2001), и «Од Миллион Эхад»² (2003 г., выступление на семинаре Сохната, которое я озаглавил словами Ариэля Шарона, посетившего тогда РФ), и «Исторический шанс» (2004 г. — правозащитная поддержка «Плана Элона», полагаю, не утратившего актуальности как естественное развитие современного «Плана Трампа»), и многое чего еще.

И, конечно, много материалов про Сахарова («Скучно без Сахарова», «Эволюция взглядов Сахарова...», о книге «Андрей Сахаров, Елена Боннэр и друзья» и др.). 21 мая 2021 года — 100-летие Андрея Дмитриевича. Мы здесь в Москве готовимся к этой дате. Я на днях (июль 2020) закончил 4-месячный труд — в первом приближении написал книгу «Сахаров и власть: «По ту сторону окна». Путеводитель по «Воспоминаниям» А.Д. Сахарова. Уроки на настоящее и будущее». По замыслу книги главным рассказчиком является сам Андрей Дмитриевич Сахаров, цитаты из воспоминаний которого [1], [2] чередуются с воспоминаниями знавших его современников, справочно-документальным материалом и пояснениями.

Что значит в названии «По ту сторону окна»? После возвращения в Москву из ссылки — в ответ на замечание собеседника, что Сахаров «находится на верхнем этаже власти», Андрей Дмитриевич отшутился: «Я не на верхнем этаже. Я рядом с верхним этажом — по ту сторону окна». Шутка-шуткой, но она точно отражает положение дел. Ведь Сахаров не только никогда не был администратором — руководителем, он и членом КПСС не был. Ему не раз предлагали вступить в партию, и он всегда вежливо отказывался, даже в сталинское время. Но его все равно считали «своим», неформально причисленным к высшей номенклатуре.

И есть свидетельства самого Сахарова, говорящие о том, что Брежнев еще с «бомбовых» времен относился к нему, можно сказать, с благоговением. Но тут были не только бомбы. Брежнев, конечно, хорошо знал о конфликтах Сахарова с Хрущевым в 1961 и 1964 годах и очень за это уважал. Одно из обвинений, предъявленных Хрущеву после его снятия в октябре 1964 года: «Не прислушивался к голосу ученых». И это уважение, наверно, объясняет и особое, иначе никак не объяснимое внимание к предложениям «Размышлений» Сахарова 1968 года (см. ниже) и то, что ему сходили с рук совершенно немыслимые «проделки Сахарова» (словосочетание из «Рабочих тетрадей» Л.И. Брежнева, впервые опубликованных в 2016 году). Так еще в сентябре 1973 года Политбюро ЦК КПСС утверждает проект Постановления о ссылке Сахарова в Нарым (это в ответ на его пресс-конференцию иностранным журналистам в Москве, на которой он впервые заявил об агрессивной сущности советского режима). Но этот проект почему-то так и не стал Постановлением. И сослали Сахарова в Горький еще через 7 лет.

Сахаров был гениальным конструктором — при создании водородных бомб, в деле смягчения международной напряженности, угрожающей существованию человечества, при спасении конкретного узника совести. Это же проявилось в предсказательной силе его главных работ по фундаментальной физике (объяснение барионной асимметрии Вселенной или происхождения неоднородностей наблюдаемого сегодня

¹ Физик, к.ф.-м.н., старший научный сотрудник Физического института им. П.Н. Лебедева РАН, правозащитник.

² «Еще один миллион» (имелся в виду еще один миллион еврейских репатриантов в Израиль из России).

распределения вещества). Во всех случаях конструкция должна срабатывать. Эта тема красной нитью проходит через всю жизнь Сахарова, а значит и через его воспоминания.

Любой творческий человек, можно сказать, конструирует будущее, создает нечто, чего раньше не было, продолжает с сотворение мира (см. эпиграф). Сахаров был успешным конструктором будущего, и эта тема, очевидно, перекликается с книгами Евгения Берковича о титанах науки, которые тоже эффективно творили будущее — то, в котором мы все сегодня живем.

Ниже в этой статье — выдержки, с некоторыми отступлениями, из книги «Сахаров и власть», имеющие отношение к теме конструирования будущего.

Из будущей книги «Сахаров и власть...»

В мае 1982 года Елена Георгиевна Боннэр привезла мне из Горького письмо АД, в конце которого как раз по нашей теме. Приведу это письмо полностью. Поясню, что написано оно по следам серьезного «наезда» КГБ на нашу семью — в начале марта 1982 года вызвали на Лубянку Ларису Миллер, заявили: «Ваш муж 10 лет не увидит своих детей», потом через 2 недели вызвали меня. Тогда ареста удалось избежать благодаря гигантской кампании «в защиту», организованной моими друзьями еще со времен учебы на физфаке МГУ, давно эмигрировавшими в Израиль и США: Дима (Дан) Рогинский, Павел Василевский, Лев Левитин, Шимон Сукевер. Итак, письмо Сахарова:

Дорогой Боря!

Не успел я написать тебе, что я думаю и советую по поводу твоей ситуации, как она рисовалась 2 месяца назад, как все повернулось вверх дном! Есть от чего закружиться голове. Тем более, что все это происходит в дупле зуба динозавра, как ты правильно пишешь. А это тот случай, когда советовать что-либо невозможно и не нужно, а можно только пожелать ясной головы и моряцкого счастья (т. е. авось волна будет не слишком уж высокой). Ясная голова у тебя, вроде, есть... В общем же — трудные времена... Мы с Люсей думаем о вас, как и о многих других: «За тех, кто в море». А что касается науки, то сейчас (как, впрочем, и всегда) — необычайно интересные времена. «Блажен, кто посетил сей мир...» Соединение супергравитации и GUT³, составные модели кварков, лептонов и глюонов, бум в космологии... Относительно космологических идей экспоненциальной начальной фазы. (С усовершенствованием Линде или без оного.) Я пока отношусь к ним настороженно (может, старость?). Мне непонятно, как, начиная с гигантской космологической постоянной, получить в современном вакууме ноль. И главное — мне не хочется отказываться от многолистной модели. Ну, ладно, подождем. Будущее покажет, кто прав, покажет всем нам и многое другое. К счастью, будущее непредсказуемо, а также (в силу квантовых эффектов) — и не определено.

10/V-1982 г. С наилучшими пожеланиями, А.С.

«К счастью, будущее непредсказуемо, а также (в силу квантовых эффектов) — и не определено». Сахаров не раз повторяет эту, полагаю, очень глубокую мысль. Здесь не только констатация вероятностного характера законов квантовой теории, и относится сказанное не только к науке. И в истории, и в личной судьбе будущее не только непредсказуемо, но в каждый данный момент оно просто не существует: возможны разные сценарии, в том числе и с прямо противоположными результатами. Выживет человечество или нет, погибнет данный политзаключенный или нет и т.п. — результат может зависеть от личных усилий, от личного действия (или бездействия) сейчас. Это ситуация типа «Шредингеровского кота» в квантовой механике, где, однако, исход опыта (судьба «кота», судьба человечества) определяется не траекторией «глупого» электрона, а свободой воли «наблюдателя» (или, вернее, участника событий), его «принятием решения». С этим чувством ответственности, невозможности пустить события на самотек жил академик Сахаров. Почему, как пишет АД, «к счастью», что будущее непредсказуемо? Потому что в полностью предопределенном мире жить не только не интересно, там просто нет жизни с ее основными свойствами: способностью к саморазвитию, свободой выбора и ответственностью за этот выбор.

³ Так наз. «Теория Великого объединения» сильных, слабых и электромагнитных взаимодействий (Great Unification Theory).

Добавлю, что механический лапласовский детерминизм, согласно которому начальное состояние Вселенной однозначно определяет сегодняшние траектории полета комара или озарение Эйнштейна, не выдерживает критики не только из-за квантовой неопределенности. Моменты математической непредсказуемости (точки бифуркации) характерны и для классических нелинейных уравнений. Но всё, конечно, гораздо шире, и Сахаров отлично это понимал. Выступая в ФИАНе 11 декабря 1989 года, за три дня до кончины, на митинге по случаю инициированной им 2-часовой политической забастовки, Сахаров сказал: «*Сейчас наша страна переживает уже не в первый раз, конечно, но опять критический период в своей истории. Судьба ее находится на развилке. Или, как можно сказать в этом зале, в точке бифуркации.*» «В этом зале» — значит среди физиков, понимающих этот язык.

И тут, наверно, уместны несколько общих замечаний о ее величестве Истории. Вопрос в том, существует ли она — эта История. Или мы сами себя обманываем, приписывая ей какие-то объективные законы развития, а фактически накладывая некую координатную сетку на прошлое, на то, что уже произошло в результате стечения разных обстоятельств, в том числе и совершенно случайных. Есть ли законы у Истории, или она сплошь да рядом проходит точки бифуркации? Куда идет История? Что они там, на вершине раздираемой борьбой за власть власти, знают об угрозах человечеству? Или, может быть, оттуда, с вершины Олимпа, земная жизнь вообще не видна. Следует ли История велениям разума? Или гораздо больше мудрости в известной шутке о двух космонавтах: «Мы летим со скоростью, приближающейся к скорости света», — с восторгом говорит один. «Да, но в противоположном направлении», — отвечает другой.

А.Д. Сахаров: «Я почти ни во что не верю — кроме какого-то общего ощущения внутреннего смысла хода событий. И хода событий не только в жизни человечества, но и вообще во Вселенском мире. В судьбу как рок я не верю. Я считаю, что будущее непредсказуемо и не определено, оно творится всеми нами — шаг за шагом в нашем бесконечно сложном взаимодействии...».

Вопрос журналиста: «Если я верно понял, то вы полагаете, что все не в „руце божьей”, но „руце человечьей”?»

А.Д. Сахаров: «Тут взаимодействие той и другой сил, но свобода выбора остается за человеком. Поэтому и велика роль личности, которую судьба поставила у каких-то ключевых точек истории...». (Из интервью сентябрь 1988 г.).

«*Важно только то, что уже произошло*», — ответил мне Андрей Дмитриевич на вопрос «Что будет?». Разговор происходил в 1977 году, после ареста Орлова, Гинзбурга, Щаранского и других членов Московской Хельсинкской группы. «*Важно только то, что уже произошло*», а «*будущее не определено*» и «*оно творится всеми нами в нашем бесконечно сложном взаимодействии*». Такова позиция Сахарова, не совпадающая с «марксистским» объективистско-материалистическим подходом к истории. Этот подход в применении к «предперестроечной» эпохе означает примерно следующее: история, мол, идет своим чередом, неизбежность политической разрядки и внутренней перестройки в СССР продиктованы объективными факторами: общим экономическим отставанием СССР в условиях научно-технической революции, а также нависшей над миром угрозой тотальной катастрофы. Вот такая, казалось бы, убедительная позиция. Между прочим, она удобна и в личном плане, так как во многом избавляет от личной ответственности.

Все последние 20 лет жизни Сахаров старался убедить, что все это не так, что действительность гораздо страшнее, что падение в бездну может произойти в любой момент. Насколько он был прав, подтверждают сравнительно недавно рассекреченные в США и в РФ эпизоды, когда мир только по счастливой случайности избежал гибельного обмена термоядерными ударами между СССР и США.

Сахаров:

«*Во второй половине 60-х годов диапазон проблем, к обсуждению которых я в той или иной мере имел отношение, расширился еще больше. Я в эти годы ознакомился с некоторыми экономическими и техническими исследованиями, имевшими отношение к производству активных веществ, ядерных боеприпасов и средств их доставки, принял участие в нескольких экскурсиях в секретные учреждения („ящики“) и в одном или двух информационных совещаниях по военно-стратегическим проблемам. Поневоле пришлось узнать и увидеть многое. К счастью, несмотря на высокий гриф моей секретности, еще больше все же не попадало в мой круг.*

Но и того, что пришлось узнать, было более чем достаточно, чтобы с особенной остротой почувствовать весь ужас и реальность большой термоядерной войны, общечеловеческое безумие и опасность, угрожающую всем нам на нашей планете. На страницах отчетов, на совещаниях по проблемам исследования операций, в том числе операций стратегического термоядерного удара по предполагаемому противнику, на схемах и картах немыслимое и чудовищное становилось предметом детального рассмотрения и расчетов, становилось бытлом — пока еще воображаемым, но уже рассматриваемым как нечто возможное».

К концу 1960-х годов XX века стратегические ядерные силы СССР и США развивались настолько быстрыми темпами, что СССР разворачивал на своей территории свыше 200 тяжелых ядерных ракет в год. Более того, сами ракеты (как стационарные, так и базирующиеся на подводных ракетоносцах) изменились качественно. Новые усовершенствованные носители сокращали подлетное время, а разделяющаяся головная часть — РГЧ превращала каждую ракету в сверхсмертоносное оружие, способное стереть с лица земли несколько крупных городов.

Соавтор Сахарова по испытанной в 1961 году на Новой Земле 50-мегатонной «Царь-бомбе» (другое название «Кузькина мать», — цитируя Хрущева) Юрий Смирнов вспоминает о своей беседе в 1994 году с бывшим членом Политбюро и одним из архитекторов «перестройки» Александром Яковлевым:

«На вопрос, всегда ли с его точки зрения, ситуация была под контролем или мир случайно избежал ядерной катастрофы, Александр Николаевич ответил: "Я не верю в потусторонние силы, хотя мне иногда кажется, что какая-то сила останавливалась самое страшное. Человечеству просто повезло"» ([3], стр. 340). Сравнительно недавно была рассекречена подтверждающая слова А.Н. Яковleva, а также опасения А.Д. Сахарова, информация об эпизодах сбоя систем раннего предупреждения в СССР и США, когда только по счастливой случайности не произошло рокового нажатия «ядерной кнопки». — См. «Подполковник, спасший мир (Станислав Петров)» [4] (26 сентября 1983 г.) или «5 минут до полуночи. Случай, когда мир едва избежал ядерного апокалипсиса» [5] («Получив новость о советском нападении, Бжезинский не стал будить свою супругу. Он не видел в этом смысла, так как полагал, что через полчаса все они будут мертвые», 9 ноября 1979 г.).

Сахаров очень рано осознал всю неприемлемость, неустойчивость сложившейся ситуации ядерной конфронтации социалистической и капиталистической систем — отсюда и главная мысль его статьи «Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе» 1968 года:

«Каждое разумное существо, оказавшись на краю пропасти, сначала старается отойти от этого края, а уж потом думает об удовлетворении всех остальных потребностей. Для человечества отойти от края пропасти — это значит преодолеть разобщенность».

И что самое удивительное: ныне рассекреченные документы Политбюро ЦК КПСС и КГБ СССР говорят о том, что эту многостраничную статью, по сути брошюру, Сахарова внимательно изучили и Генсек Леонид Брежнев и по его поручению другие члены Политбюро. В Архиве Сахарова в Москве есть копии «совершенно секретных» Докладных Председателя КГБ СССР Юрия Андропова в ЦК КПСС от 22 мая 1968 г. № 1169-А/ОВ и от 27 мая 1968 г. № 1201-А/ОВ, где сообщается, что «Комитетом госбезопасности получен полный текст изготавленного Сахаровым враждебного документа...» — с приложением полного текста «Размышлений» и что «оперативным путем установлено, что этот документ уже распространяется людьми из окружения А.Д. Сахарова». Также в Архиве имеется копия указания Генерального секретаря ЦК КПСС Леонида Брежнева: «Членам Политбюро. Прошу ознакомиться» — с росписями А.Н. Косыгина, Н.В. Подгорного, А.Я. Пельше и др. с указанием даты ознакомления (конец мая, начало июня 1968 г.).

Более того: предложения «Размышлений» Сахарова в сфере ядерной безопасности и международных отношений существенно определили политику СССР.

Самое яркое проявление эффективности предложений Сахарова — это детектив с противоракетной обороны (ПРО). До 1968 года системы эти уже активно развивались вначале в СССР, а потом и в США. Опасный, дестабилизирующий характер ПРО был очевиден как американским, так и советским ученым-атомщикам. О чем они и написали — каждые своему правительству. Мнение ученых США их правительство услышало и предложило СССР заключить соответствующий договор о запрете систем ПРО. Однако премьер СССР А.Н. Косыгин отверг это предложение во время его визита в США летом 1967 года. Сахаров снова написал

«наверх», и это опять было проигнорировано. А вот когда примерно через год Брежнев и другие обитатели советского Олимпа прочли то же самое предложение (заключить договор с США по ПРО) в распространенных в самиздате «Размышлениях», то это сработало на 100 %. И уже 1 июля 1968 года (то есть до публикации «Размышлений» на Западе) президент США Линдон Джонсон заявил, что Правительство СССР во изменение его прежней негативной позиции согласилось на переговоры с США об ограничении развертывания систем ПРО. И в 1972 году такой договор СССР-США был заключен. Эту детективную историю с ПРО раскопал и описал Геннадий Горелик в статье [6], посвященной 50-летию «Размышлений» Сахарова.

С «Размышлением» Сахарова началась столь невозможная для руководства СССР времен Ленина-Сталина-Хрущева установка на «разрядку» 1970-х годов — попытка снижения накала противостояния двух систем и расширения сотрудничества СССР и Запада в различных сферах, к чему собственно и призывал Сахаров в его «Размышлениях». Согласно воспоминаниям посла СССР в США Анатолия Добрынина, этот процесс начался с его секретных переговоров 1969 года с Генри Киссинджером [7]. В этот период Глава СССР Л.И. Брежnev налаживает хорошие отношения с президентами США Никсоном, Фордом и Картером, президентами Франции Помпиду и Жискар д'Эстеном, канцлерами ФРГ Брандтом и Шмидтом. Плодом этой установки на разрядку стала и инициатива стран Варшавского договора (т.е. СССР) о созыве Хельсинкского совещания 1975 года и подписание главами 35 государств, включая Л.И. Брежнева, Хельсинкских соглашений с их «третьей корзиной» — обязательствами стран-участниц в вопросах соблюдения прав человека и основных свобод.

Расслабляясь, однако, было рано. Ни одно из предложений «Размышлений» в сфере либерализации внутренней политики СССР принято не было, что превращало разрядку в «ложную разрядку» (цит. из заявлений Сахарова). На практике аресты диссидентов и правозащитников продолжались; были арестованы даже члены «хельсинкских групп», созданных для контроля за соблюдением подписанных Брежневым Хельсинкских соглашений. И безумство наращивания ядерных вооружений продолжалось, несмотря на заявленную «разрядку».

В том числе в соответствии с Постановлением Правительства СССР от 28 апреля 1973 года СССР приступил к испытаниям и в 1976 году принял на вооружение ракетные комплексы «Пионер» (по классификации НАТО SS-20 — «гроза Европы») с мобильным грунтовым стартом, каждый оснащен ракетой с тремя разделяющимися термоядерными зарядами индивидуального наведения, дальность до 5500 км., полетное время несколько минут. К 1983 году на вооружении советской армии состояли РСД SS-20 с 1374 термоядерными боеголовками, каждая способна уничтожить Париж, Берлин или Лондон. «Симметричный ответ» НАТО — так называемое «двойное решение НАТО» был реализован только в 1983–1985 годах — вопреки колossalному европейскому движению протesta и, судя по всему, благодаря поддержке Сахарова (Открытое письмо Сиднею Дреллу «Опасность термоядерной войны» февраля 1983 года, которое Елена Боннэр с великим трудом вывезла из Горького). Говоря о трудных переговорах по ядерному разоружению, Сахаров писал в письме Дреллу: «Запад на этих переговорах должен иметь, что отдавать».

Можно с уверенностью сказать, что не будь «двойного решения НАТО» и известных программ Рональда Рейгана, никакой «перестройки» в СССР не случилось бы. Весной 1985 года реформы Горбачева были поддержаны властными советскими элитами, включая важнейшую военно-промышленную (военно-политическую элиту), только на фоне отставания, для преодоления которого нужны были реформы. Не менее важным фактором, открывшим дорогу «перестройке», была борьба советских правозащитников, включая Сахарова. Именно благодаря тому, что в защиту каждого политзаключенного удавалось поднимать настоящее международное « Tsunami» (вспомним, что в Нобелевской лекции 1975 года Сахаров перечислил 127 конкретных имен) — только благодаря этому идеология защиты прав человека стала всемирной. И с этим руководству СССР нельзя было не считаться.

Таким образом, своей борьбой в 1970-е — первую половину 1980-х Сахаров и другие правозащитники реально конструировали будущую «перестройку» с ее двумя чудесами: освобождением советских политзаключенных в 1987–1988 гг. и договор СССР-США о ликвидации ядерных ракет средней и малой дальности декабря 1987 года.

И чтобы покончить с политикой, замечу, что следующую задачу: конструирование в СССР стабильного, ответственного перед населением способа управления государством, называемом «демократией», Сахаров целинаправленно решал в 1989 году, в последний год своей жизни. Активность его в этот период поражает.

Уникальность его в том, что он угадывал, чувствовал ключевые моменты истории, и не упускал исторический шанс, и действовал, сознавая, что завтра может быть поздно. Сколько таких упущенных шансов было за 30 лет после его кончины! И, возможно, прав Сергей Григорьянц, написавший в 2012 году в статье «Гибель Андрея Сахарова»:

«Главным событием, несчастьем России этого времени да и всей ее истории была смерть Андрея Дмитриевича Сахарова. Я думаю, что это было основным мировым событием того времени, одной из величайших трагедий в истории России, сравнимой лишь с гибелью Александра Второго и результатами великих войн: с Наполеоном, Первой и Второй мировой. Андрей Сахаров, на мой взгляд, — был единственной надеждой России на хотя бы относительное утверждение демократии в стране, а его гибель (а я убежден, что он был убит) не только перечеркнула все эти надежды, но в конечном итоге оказала необратимое и пагубное давление даже на всю европейскую цивилизацию, с последствиями которого мы по мере сил пытаемся справиться.».

О конструировании будущего в личной жизни и в науке

Теперь — о бифуркациях и конструировании будущего в личной жизни и в науке. О точках бифуркации в личной судьбе, о той концентрации творческих усилий, которая неким чудом определяет жизнь и судьбу, наглядно рассказал Евгений Беркович в автобиографическом эссе «Точка бифуркаций» [8]. Добавить здесь нечего.

Что касается науки и ее перспектив, то сошлюсь на очень интересную, хотя и грустную, статью в «Еврейской старине» (2005) Ювала Неемана «Конец науки?» с замечательными комментариями переводчика Эдуарда Бормашенко [9]. В конце своей статьи Юваль Нееман ссылается на книгу Джона Хоргана «Конец науки» и пишет:

«Я предлагаю очнуться и встать на защиту прекраснейшего из творений человеческих. Исхитримся ли против губителей?»

А свой краткий комментарий к этой публикации «Будущее не определено» [10] я заканчиваю словами «Наука этих “губителей” просто не заметит».

Но если отвлечься от, как мне кажется, бесплодной темы о конце науки, то статья Неемана ставит вопрос: наука только познает мир или также создает его, участвует в непрерывном процессе творения. Наверно, все-таки и то, и другое. Впрочем, ответ зависит от определения понятия «наука».

Юваль Нееман в начале статьи определяет науку как

«мировоззрение, полагающее, что вся совокупность явлений, образующих материальную реальность, может быть описана... путем логического процесса, состоящего из ограниченного числа шагов, берущих свое начало в конечном числе аксиом».

И делает еще одно допущение:

«наука познает материальный мир путем процесса, именуемого далее “латанием”, до полного покрытия области неизвестного».

Мне кажется, что в этих определениях неявно содержатся произвольные допущения, заключенные в словах «материальная реальность», «область неизвестного». Как точно сказано у Ежи Леща: «В действительности всё совсем не так, как на самом деле!», — это к вопросу о понятии «реальность». Нееман предполагает, что существует некая изначально заданная «область неизвестного», которую мы постепенно постигаем («латаем») и в будущем надеемся всю ее «залатать» нашими все объясняющими теориями.

Употребление слов «латание», «область неизвестного» неизбежно предполагает наличие какой-либо меры (в математическом смысле) там, где не только меры, но и просто обозначения, языка для описания пока не

Юваль Нееман и Борис Альтшуллер на Третьей международной сахаровской конференции по физике, ФИАН, Москва, июнь 2002

существует. «Будущее не определено» (Сахаров), в том числе и будущее науки. Всякое суждение о нем на языке уже существующих понятий — просто «технический шум», не несущий никакой информации.

Примерно такое же, как у Ювала Несмана, допущение в известном афоризме Шопенгауэра: «Талант попадает в цель, в которую никто не может попасть. Гений попадает в цель, которую никто не видит». То есть предполагается, что цель, «которую никто не видит» все-таки существует еще до начала «стрельбы», и в какой-то момент в человечестве появляется гений, который догадывается о ее существовании.

Принципиально иной подход заключен во фразе Сахарова: «*Будущее не только не предсказуемо, ... оно также и не определено*». Здесь ключевое слово «не определено». И тот «материальный мир», в котором мы будем жить в будущем, и «область непознанного», которую мы в этом будущем будем стараться познавать, на сегодня просто не существуют. Какими они будут во-многом зависит и от наших сегодняшних усилий, от наших, так сказать, движений души.

Подавляющее большинство выдвигаемых идей — либо банальны, либо неверны (либо и то и другое, как, например, идеи "конца науки" — Д. Хорган, "конца физики" — С. Хоукинг). Но иногда, откуда ни возьмись возникает НОВАЯ идея (как правило, одновременно с новыми понятиями, новым языком, ее описывающим) — акт творения, шаг в неизвестность с надоевшего островка уже существующей реальности.

Всякий творческий человек «проживает» в некотором смысле на границе известного и неизвестного и старается улавливать сигналы оттуда — из темноты неизведанного, не существующего, не поддающегося (пока) никакому описанию, никакой оценке. В прекрасной книге Геннадия Горелика «Андрей Сахаров. Наука и свобода» рассказал эпизод, когда Сахаров, демонстрируя свою способность зеркального письма, написал некую формулу научного прогресса: «Сто загадок — одна отгадка»; при этом Горелик справедливо (с моей точки зрения) дополняет эту фразу второй общей формулой научного прогресса: «В сердцевине отгадки — сто новых загадок» [12]. Предугадать сегодня эти новые загадки вряд ли возможно.

И закончу цитатами Сахарова и Эйнштейна.

Завершая свою великую книгу «Воспоминания», Андрей Дмитриевич написал:

«Конечно, окончание работы над книгой создает ощущение рубежа, итога. «Что ж непонятная грусть тайно тревожит меня?» (А.С. Пушкин). И в то же время — ощущение мощного потока жизни, который начался до нас и будет продолжаться после нас. Это чудо науки. Хотя я не верю в возможность скорого создания (или создания вообще?) всеобъемлющей теории, я вижу гигантские, фантастические достижения на протяжении даже только моей жизни и жду, что этот поток не иссякнет, а, наоборот, будет шириться и ветвиться».

А в «Окончании» серии статей Евгения Берковича «Можно ли считать позднего Эйнштейна неудачником?» говорится:

«В 1932 году Эйнштейн произнес небольшую речь “Мое кредо”, звуковая запись которой была издана в виде патефонной пластинки. В этой речи он, в частности, сказал:

Самое прекрасное и глубокое переживание, выпадающее на долю человека, — это ощущение таинственности. Оно лежит в основе религии и всех наиболее глубоких тенденций в искусстве и науке. Тот, кто не испытал этого ощущения, кажется мне, если не мертвцом, то во всяком случае слепым. Способность воспринимать то непостижимое для нашего разума, что скрыто под непосредственными переживаниями, чья красота и совершенство доходят до нас лишь в виде косвенного слабого отзыва, — это и есть религиозность. В этом смысле я религиозен. Я довольствуюсь тем, что с изумлением строю догадки об этих тайнах и смиленно пытаюсь мысленно создать далеко не полную картину совершенной структуры всего сущего». [Эйнштейн, 1967 г. стр. 176]». [11]

Это «ощущение таинственности», «лежащее в основе религии» (как справедливо замечает Эйнштейн) вряд ли исчерпывает каноническое понятие религиозности, означающее веру в некие незыблевые постулаты, не подлежащие скепсису и критике. Но оно замечательно перекликается со словами Сахарова:

«Я почти ни во что не верю — кроме какого-то общего ощущения внутреннего смысла хода событий. И хода событий не только в жизни человечества, но и вообще во Вселенском мире».

Или в Лионской лекции (1989):

«Мое глубокое ощущение (даже не убеждение — слово «убеждение» тут, наверно, неправильно) — существования в природе какого-то внутреннего смысла, в природе в целом. Я говорю тут о вещах intimных, глубоких, но когда речь идет о подведении итогов и о том, что ты хочешь передать людям, то говорить об этом тоже необходимо».

Или в последнем абзаце Нобелевской лекции (1975), где Сахаров говорит о нашем «священном стремлении... осуществить требования Разума и создать жизнь, достойную нас самих и смутно угадываемой нами Цели».

«Ощущение таинственности», о котором говорит Эйнштейн, сахаровское «ощущение внутреннего смысла в природе в целом» и «смутно угадываемой нами Цели» являются, по-видимому, важнейшими составляющими психологии творчества гения. Но если уж мы заговорили о психологии творчества, то закончу эту заметку словами Плутарха об Архимеде (человеке «ума не смертного, а божественного»):

«...И нельзя не верить рассказам, будто он был тайно очарован некоей сиреной, не покидавшей его ни на миг, а потому забывал о пище и об уходе за телом, и его нередко силой приходилось тащить мыться и умацаться, но и в бане он продолжал чертить геометрические фигуры на золе очага и даже на собственном теле, натертом маслом, проводил пальцем какие-то линии — поистине вдохновленный Музами, весь во власти великого наслаждения. Он совершил множество замечательных открытий, но просил друзей и родственников поставить на его могиле лишь цилиндр с шаром внутри и надписать расчет соотношения их объемов».

И его, Архимеда, «Эврика» — это тоже результат прохождения точки бифуркации, где-то там в сознании — подсознании.

И, думаю, надо оставить схоластам размышления на тему, чем же все-таки занимался Архимед — познанием мира или конструированием будущего мира, в котором мы все живем.

Москва, 22.07.2020

Литература

1. Андрей Сахаров, «Воспоминания». / В собрании Андрей Сахаров «Воспоминания». Том 1 / Редакторы-составители: Елена Холмогорова и Юрий Шиханович // изд. «Права человека», Москва, 1996.
2. Андрей Сахаров, «Горький, Москва, далее везде» / В собрании Андрей Сахаров «Воспоминания». Том 2 / Редакторы-составители: Елена Холмогорова и Юрий Шиханович // изд. «Права человека», Москва, 1996.
3. «Он между нами жил... Вспоминания о Сахарове» / Редакция: Б.Л. Альтшuler, Б.М. Болотовский, И.М. Дремин, Л.В. Келдыш (председатель), В.Я. Файнберг // Физический институт им. П.Н. Лебедева РАН, изд. «Практика», Москва, 1996.
4. «Подполковник Станислав Петров спас планету от ядерной катастрофы» — <https://rg.ru/2017/09/19/rodina-stanislav-petrov.html>.
5. «5 минут до полуночи. Случай, когда мир едва избежал ядерного апокалипсиса» — <https://kiri2ll.livejournal.com/1333562.html>
6. Г.Е. Горелик, «ПРО et contra. Противоракетная оборона и права человека», Троицкий вариант», 22.05.2018.
7. А.Ф. Добрынин, «Сугубо доверительно. Посол в Вашингтоне при шести президентах США (1962–1986 гг.)» — М.: Автор, 1996.
8. Евгений Беркович, «Точка бифуркации», «Семь искусств», 27.07.2019 - <http://blogs.7iskusstv.com/?p=75074>
9. Юваль Нэман, «Конец науки?», «Еврейская старина», 2005 — <http://berkovich-zametki.com/AStarina/Nomer3/Neeman1.htm>
10. Борис Альтшуллер, «Будущее не определено», «Заметки по еврейской истории», № 25 — <http://berkovich-zametki.com/Nomer25/Altshuler1.htm>
11. Евгений Беркович, «Можно ли считать позднего Эйнштейна неудачником (окончание)», «Семь искусств», июнь 2020 — <http://71.7iskusstv.com/y2020/nomer6/berkovich/>
12. Геннадий Горелик, «Андрей Сахаров. Наука и свобода» / Серия ЖЗЛ // изд. «Молодая гвардия», Москва, 2010.

Валерий Сойфер¹

Наш семинар ученых-отказников и борьба за выезд из СССР

*Памяти моей жены
Нины Ильиничны Яковлевой-Сойфер*

На протяжении многих лет А.С. Пушкин посыпал не раз письма царям, надеясь получить от них разрешения на поездку в Европу. Ему так и не повезло, и по терминологии, сложившейся в середине ХХ века, его можно было назвать отказником. Но широчайший «расцвет» отказничества наступил в советской России, когда власти отказали в праве на эмиграцию всем, кто пытался переехать из якобы благословленного коммунистического царства на Запад или Восток.

После большевистского переворота в России в 1917 году многие интеллигенты, а не только богатые люди покинули страну. Это стало единственным способом ответа на политику большевиков подавлять волю педагогов, исследователей, служителей религиозных культов, писателей, журналистов и вообще независимых по своим взглядам людей. В результате более двух миллионов лучших представителей этих профессий покинуло Россию. Наиболее активных критиков советского режима, оставшихся в стране, Ленин вначале потребовал арестовывать и казнить (учредил для этого специальный Военно-Революционный Комитет, вскоре переименованный в ЧК, затем в ВЧК, НКВД и так далее), а затем придумал в качестве замены казни лишать критиков гражданства и выселять из страны без права возврата, причем потребовал, чтобы они сами оплачивали свои транспортные расходы (Троцкий даже открыто заявил, что советские власти гуманны, ибо вместо расстрела требовали от критиков убраться вон из страны).

Затем власть глухо захлопнула свои границы. Был возведен пресловутый «железный занавес». Расцвету отъездных настроений способствовало, конечно, разрастание в советских условиях неприязни к так называемым инородцам, в особенности антисемитизма. Буйство сторонников Общества Михаила Архангела, развернувших в царской России еврейские погромы, после 1917 года прекратилось, но антисемитизм особенно возрос после начала Второй мировой войны (Сталин воспринял демагогию Адольфа Гитлера, объявившего войну евреям). Ходили упорные разговоры, что Сталин готовит «уничтожение еврейства» после окончания войны. Некоторые люди считали, что антисемитизмом поражены в той или иной мере многие жители страны.

Всё это привело к тому, что желание уйти от антисемитизма, для чего покинуть страну навсегда, широко распространилось в СССР в среде интеллигентов с еврейскими корнями с конца 1960-х годов. На отъезд стали подавать многие, прошения вели к суровым осуждениям подававших на собраниях всех сотрудников учреждений, где они работали, к понижению в должности и частому увольнению с работы, иногда к лишению ученых степеней. Процесс оказался для большинства подававших не просто отрицательным, но болезненно мучительным. Вместо спокойного пересечения границ они получали отказ в разрешении на выезд из советской державы. Десятки тысяч специалистов потеряли работу, оказались без средств на существование, были вынуждены часто голодать всей семьей... и утрачивали навыки профессии. Для них — безработных — теперь был закрыт доступ на конференции, где докладывали последние данные их наук, они были лишены права пользоваться библиотеками в специализированных исследовательских институтах, а многие коллеги не просто переставали с ними общаться, они сторонились отказников. Безработных не просто морили голодом, а убивали профессионально.

Масштаб отказничества стал с середины 1970-х годов огромным. В каждом институте страны оказались люди, подавшие заявления на выезд навсегда (появился официальный термин — «на постоянное место жительства»), среди них были и яркие талантливые ученые. В Москве многие из них почти ежедневно приходили в Ленинскую библиотеку в «Зал новых журнальных поступлений» на первом этаже, чтобы читать свежие выпуски журналов, получаемых из многих стран. Но оставалась еще одна важная сторона

¹ Генетик, историк науки, Distinguished University Professor Emeritus, д.ф.-м.н.

мыслительной активности. Важен был психологический момент — коллегиального обсуждения научных проблем, выступления с докладами перед взыскательными коллегами, ответа на вопросы и критику услышанного. Как я написал в книге «Ангел Нина, одарившая меня счастьем» (2018), чтобы оставаться в поле профессиональных интересов, не чувствовать себя рыбой, выброшенной умирать в удушье на пустой суше, надо было встречаться, готовить свои доклады, продумывать способ представления, иллюстрации, приносить какие-то сопутствующие материалы. Такие действия для продолжения жизни в науке были исключительно важны ученым, пусть и выкинутым властями из официальной среды.

Поэтому неудивительно, что вскоре в среде отказников стало известно, что некоторые ученые начали приглашать к себе домой коллег (разумеется, из числа близких друзей, тех, кому можно было доверять, быть уверенными, что они не стукачи из КГБ) для обмена знаниями о новых направлениях науки. Такие домашние семинары не могли, разумеется, быть многолюдными, но для участников таких встреч они приобрели исключительное значение.

С начала 1970-х годов огромную известность приобрел семинар евреев-отказников (преимущественно математиков и физиков), собирающийся регулярно в Москве сначала у А.В. Воронеля, затем у М.Я. Азбеля, а позже прочно обосновавшийся у Виктора Львовича Браиловского. На нем часто выступали ученые, приезжавшие с Запада. Через несколько месяцев после ареста Анатолия Щаранского Браиловский заметил плотную слежку за собой кагбэшных шпиков. Но будучи человеком смелым и решительным, он, кроме семинара, также взял на себя руководство журналом «Евреи в СССР». В результате в 1980 году его осудили за якобы «антисоветскую пропаганду и агитацию» на 5 лет тюрьмы и ссылки.

В это время я уже попал в число отказников. В «Очень личной книге» (2011) и в книге «Ангел Нина, одарившая меня счастьем» (2018) я описал довольно подробно причины, приведшие нас с женой к мысли подать в конце 1978 года заявление о желании покинуть страну, поэтому я не буду подробно повторять здесь эту историю. Скажу лишь, что поначалу моя судьба в СССР складывалась благополучно. Я получил два высших образования (как биолог в Тимирязевской академии в Москве и как биофизик на физфаке МГУ), поработал в Академии наук СССР в Институте атомной энергии имени Курчатова, в Академии меднаук в Институте полиомиелита и вирусных энцефалитов, затем снова в АН СССР в Институте общей генетики. В 1965–1974 годах у меня вышло несколько книг, некоторые из которых начали переводить в США, Германии и Эстонии. Затем меня пригласили на работу в Сельхозакадемию (ВАСХНИЛ), где я стал заведующим вновь создаваемой Лаборатории молекулярной биологии и был назначен ученым секретарем Совета по молекулярной биологии и генетике при Президенте ВАСХНИЛ, был включен в группу по подготовке Постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР № 304 по развитию этих направлений в стране, готовил обзоры достижений молекулярной биологии и молекулярной генетики для членов Политбюро ЦК КПСС Ф.Д. Кулакова и Д.С. Полянского. С их одобрения в Москве создали новый Всесоюзный институт прикладной молекулярной биологии и генетики, меня назначили заместителем директора по научной работе этого института (директором я не мог стать, так как в члены КПСС не вступал). В 1974 году я защитил единогласно в Одесском университете диссертацию на соискание степени доктора биологических наук. Но позже ВАК присвоение мне этой степени доктора наук отменил (официальный оппонент И. Атабеков отозвал свой отзыв, и лишь 20-ю годами позже мне была присвоена степень доктора физико-математических наук). В 1976 году меня уволили с поста замдиректора института, потом с должности заведующего лабораторией. Жизнь становилась все тревожнее, и мы решили в конце 1978 года подать заявление о желании покинуть Страну Советов.

В начале 1980-го года меня принял начальник Управления виз и разрешений МВД СССР К.И. Зотов (как говорили, генерал, хотя перед посетителями он всегда появлялся в штатском), который, как бы между прочим, заметил, что уехать за железный занавес я не смогу, причем скорее всего, никогда, так как я числился нештатным советником сразу двух членов Политбюро, которые при мне могли вести разговоры о самых тайных секретах страны.

Оказавшись безработными, мы столкнулись с казавшейся почти неразрешимой проблемой зарабатывать средства на жизнь. Мы нашли несколько необычный выход из положения: стали делать косметические ремонты квартир у знакомых (красить потолки, стены, окна, двери, клеить обои и тому подобное). Купили простенькое оборудование, многому учились на ходу.

В 1979 году я познакомился с некоторыми отказниками, а один из них — профессор Александр Яковлевич Лернер, прикладной математик и многолетний еврей-отказник, пригласил меня и жену посещать научный

семинар. Оказалось, что идея семинаров не умерла после ареста Браиловского, и на квартире Лернера раз в две недели продолжали собираться его друзья ученые-отказники. Они обменивались новинками мировой науки или представляли доклады о культурной жизни, истории и интересных личностях в разных интеллектуальных сферах. Я в это время уже работал над книгой «Власть и наука» и часто приходил чуть раньше назначенного для семинара времени и читал супругам Лернерам вновь написанные разделы книги, или они приезжали к нам домой, чтобы послушать новые главы книги.

В мае 1981 года я приехал часа за два до начала очередного семинара, чтобы прочитать вновь написанный раздел. Мы расположились в кухне. Я кончил читать в момент, когда раздался требовательный необычно долгий звонок в дверь, Александру Яковлевичу было сказано, что «Органы» приняли решение запретить проведение незаконных съездов на его квартире.

Когда я вернулся домой и рассказал Нине о том, что произошло у Лернеров, мы решили, что надо возобновить семинары, но уже на нашей квартире. Я потихоньку начал опрашивать знакомых отказников относительно того, как бы они отнеслись к идеи возобновления семинаров и почти все с радостью приветствовали мое начинание. Но, тем не менее, все понимали, что такие встречи неминуемо будут замечены «Органами», будут восприниматься негативно и могут закончиться тем же, как у Браиловского или Лернера — в лучшем случае запретом и страшением организаторов неминуемыми преследованиями или судом и тюрьмой. Поэтому большинство из тех, кого я спрашивал, задавали один и тот же вопрос «А вы не боитесь, что вас арестуют и посадят в тюрьму?»

50-й семинар нашего семинара, 11 сентября 1985 г.
Фото В. Сойфера. Из его архива

Обычно у Лернера на семинары приходило человек 8–10 хорошо знакомых ему друзей. Разумеется, ничего противоправного, антиправительственного на таких «сходках» (термин советских правоохранителей и пропагандистов) не было. Все разговоры ограничивались темой объявленного научного доклада. Аналогичный семинар решили организовать у нас дома и мы. Я постарался, чтобы на него приходили не только изгоя-ученые, но и те, кто оставался работать в научных учреждениях, и даже те, кто не помышлял об отъезде. Таких людей нашлось немало. Так, международный гроссмейстер, чемпион СССР по шахматам Боря Гулько однажды приехал на семинар со своим другом Женей Арые, который позже стал крупнейшим театральным режиссером, создавшим в Израиле всемирно-известный театр «Гешер». Регулярно посещали наши заседания член-корреспондент АН СССР Леонид Иванович Корочкин, профессор-физик Евгений Куприянович Тарасов, доктор наук биолог Михаил Борисович Евгеньев, коллеги из Ленинграда, Киева, Харькова. Мы не скатывались до мелкотемья или обсуждения безответных вопросов «За что нас» и «По какому праву». Наши семинары стали примером высокого стиля, хорошими научными семинарами. Они позволили многим из нас поддерживать форму.

Первого докладчика для семинара предложил писатель Георгий Николаевич Владимов, с которым мы подружились домами. Началась дружба с того, что я написал статью для сборника, посвященного Андрею Дмитриевичу Сахарову о его роли в борьбе с лысенковщиной, а также короткую заметку о роли Сахарова в мировой общественной жизни (этую заметку вместе с Ниной и мной подписали также чемпионы СССР по шахматам Борис Гулько и его жена чемпион среди женщин Анна Ахшарумова, а также Лернер). Сборник в 1980

году помогал готовить Владимов, и мы стали часто с ним и его женой встречаться. Он посоветовал пригласить с первым докладом бывшего студента физико-технического факультета МГУ (позже Московский физико-технический институт) Виктора Николаевича Тростникова, который к этому времени стал известен не только как автор книг о роли математики и физики в науке, но и как человек, обдумывающий роль религии в развитии цивилизации и публикующий оригинальные произведения, посвященные духовным поискам и религиозным мотивам. Тростников передал в 1978 году составителям альманаха «Метрополь» Евгению Попову, Виктору Ерофееву и Василию Аксенову свою работу об этом. Владимов считал, что начать семинар с доклада известного представителя точных наук о роли религии в современном мире было бы наиболее правильно. Я переговорил по телефону с Виктором Николаевичем, тот согласился выступить, но попросил отодвинуть начало работы на пару месяцев.

Первое заседание состоялось 12 января 1982 года. Тростников назвал свое сообщение «О книге “Мысли перед рассветом”». На заседание пришли не только отказники, но и ученые, остающиеся сотрудниками академических учреждений и не помышляющие об эмиграции: упомянутые выше Л.И. Корочкин и Е.К. Тарасов (физик-теоретик и друг Юрия Орлова), профессора Исаак Моисеевич Яглом (математик) и Юрий Григорьевич Виленский, художник В. Ждан, а также отказники — профессор А.Я. Лернер, международный гроссмейстер Б.Ф. Гулько, кандидат наук Анатолий Борисович Одуро и еще человек пять. На последующих семинарах обычно бывало 12–15, но доходило иногда до 20–23 слушателей. Когда стульев не хватало, с кухни приносили табуретки, а с балкона длинную и достаточно широкую прочную доску, её клали на две табуретки вдоль посудного шкафа, и на этой доске пристраивалось человек пять. Несколько раз послушать доклады на семинаре приходили мама А.Б. (Натана) Щаранского Ида Петровна Мильгром и его брат Леонид. Часто присутствовали, кроме упомянутых выше, супруги Ратнеры, Голенко-Гинзбурги, Стерины, Лезеры, Лемперты, Юра Черняк, Леонов, Марк Львовский, Миша Чалик, его брат Гриша, Володя Лернер с его женой Таней и другие.

Список докладов был впечатляющим. Названия выступлений, которые сохранились в моем блокноте, возможно, не отражают полностью весь перечень тем семинаров: — я передаю блокнот в Бахметевский архив Колумбийского университета в Нью-Йорке:

1. 12 января 1982 г. Виктор Николаевич Тростников — О книге «Мысли перед рассветом».
2. Март 1982 Леонид Иванович Корочкин — Загадка происхождения человека.
3. Апрель 1982 Л.И. Корочкин — Можно ли найти точное положение индивидуальных генов в хромосоме высших организмов.
4. Май 1982 Окончание сообщения Л.И. Корочкина.
5. Май 1982 В.Н. Сойфер — Восстановление генетических структур после их повреждения (механизмы репарации ДНК).
6. Июнь 1982 В.Н. Сойфер — Генетическая трансформация высших растений (трансгеноз).
7. Июнь 1982 В.Н. Сойфер — Тонкая структура хромосом высших организмов.
8. Август 1982 Евгений Куприянович Тарасов — Термодинамические противоречия в теории эволюции Дарвина.
15. 18 января 1983 г. Александр Яковлевич Лернер — Комплексность информационных систем.
20. 31 марта 1983 В.Н. Сойфер. Сопоставимы ли количества повреждений ДНК, вызванные радиацией и химическими воздействиями.
25. 30 июля 1983 Professor Hyman Tannenbaum (Canada) — Inflammation process.
26. 16 августа 1983 Борис Францевич Гулько — Шахматы как культурный феномен.
27. 24 августа 1983 Юрий Владимирович Медведков и Ольга Львовна Медведкова — Урбанизация в Московской области и её значение.
31. 24 октября 1983 Лев Петрович Бирзена — Снежный человек.

Нина и я у Лернеров

36. 26 мая 1984 Hyman Tannenbaum (Canada) — Антитела в иммунных заболеваниях человека.
37. 3 июля 1984 Борис Л. Лемперт — Атеросклероз.
38. 26 июля 1984 Helen Eingorn (Izrael) — Epstein-Barr and cytomegalo viruses.
39. 30 августа 1984 В.Н. Сойфер — Физико-химические исследования Туринской Плащаницы.
40. 15 сентября 1984 В.Н. Сойфер — продолжение доклада об исследовании Туринской плащаницы.
41. 4 января 1985 Дмитрий И. Голенко-Гинзбург — Сфера применения метода Монте-Карло.
42. 7 февраля 1985 Давид Моисеевич Гольдфарб — О книге Дж. Уотсона "DNA Story".
43. 14 марта 1985 Анатолий Леонидович Васильевский — Религиозно-политические движения в Иудее во II веке до н. э. — II веке н.э.
44. 25 апреля 1985 Леонид Моисеевич Озерной — Черные дыры.
45. 29 апреля 1985 Гости из Англии Laura Hyman and Michael Walkey.
46. 7 мая 1985 Вторая часть лекции Озерного.
47. 24 мая 1985 Валерий Константинович Быховский — Электронная микроскопия вирусов.
48. 6 июня 1985 В. Сойфер — доклад ответственного редактора сборника, посвященного юбилею Александра Яковлевича Лернера (текст был переведен в США на английский язык и напечатан в Лондоне как *The Journal of the Academic Proceedings of Soviet Jewry*, 1992, vol. 2, 303 pp., Henry Stewart Publications).
49. 18 июня 1985 Юрий Борисович Черняк — Философия Карла Поппера.
50. 11 сентября 1985 Юрий Георгиевич Хронопуло — Исследование структуры личности и многофазный анализ (Современные методы исследования личности).
51. 18 сентября 1985 Борис Иосифович Калюжный, А.Е. Личко — Характеристика типов личности.
52. 2 октября 1985 Алексей Ефимович Левин — Своевременный кризис: чистка АН СССР в 1929 году.
53. 16 октября 1985 г. Юрий Георгиевич Хронопуло, Борис Иосифович Калюжный и Виктор Рувимович Блок — Феномен парапсихологии.
54. 24 октября 1985 Лев Петрович Бирман (Ин-т востоковедения) — О снежном человеке.
55. 4 ноября 1985 В.Н. Сойфер — Ламаркизм, дарвинизм и генетика.
56. 20 ноября 1985 В.Н. Сойфер — Начальные шаги Лысенко в науке.
57. 16 ноября 1985 Лев Петрович Овсищер — Наступательная авиация во Второй мировой войне.
58. 4 декабря 1985 Марк Исаакович Львовский — Проблема очистки сточных вод.
59. 18 декабря В.Н. Сойфер — Одесский период работы Лысенко.
60. 2 января 1986 В.Н. Сойфер — Т.Д. Лысенко. Период великих агрономических афер.
61. 11 января Гости из Канады — Новые терапевтические препараты в лечении дисфункций желудка.
62. 15 января 1986 Алексей Ефимович Левин — Об одной забытой кампании: дело академика Н.Н. Лузина как факт политической истории СССР.
63. 29 января 1986 В.Н. Сойфер — Переезд Лысенко в Москву в ранге Президента ВАСХНИЛ.
64. 12 февраля 1986 Кирилл Подрабинек и Пинхос Абрамович Подрабинек — Неклассические методы описания ферментативных реакций.
65. 20 февраля 1986 Maurice Schwartz (USA) — Ocean coastlines and the problem of their preservation.
66. 15 марта 1986 В.Н. Сойфер — Разгром генетики на сессии ВАСХНИЛ 1948 года.
69. 25 июля 1986 Николай Михайлович Данилов (Nicholas Daniloff, American journalist) Две жизни. Одна Россия. Моя родословная.
70. 8 октября Peter Day (USA) — New Trends in Genetics and Plant Breeding.
71. 25 сентября 1986 Виктор Рувимович Блок и Виктор Прохорович Мнучик — Устройство реакторов и причины аварии на Чернобыльской АЭС.
72. 8 октября 1986 В.Н. Сойфер — Медико-биологические последствия аварии на Чернобыльской АЭС.
73. 18 октября 1986 Анатолий Борисович Одуло — О книге Ф. Хайека «Дорога к рабству».
74. 29 октября 1986 Леонид Иванович Корочкин — История философии в портретах философов.
75. 18 ноября 1986 Мария Соломоновна Мачабели — Общая теория патологии.
76. 22 ноября 1986 Алексей Ефимович Левин — Распределение высшей квалификации специалистов в Research and development сфере в разных развитых странах.
77. 3 декабря 1986 Юрий Аркадьевич Карабчевский — Отрывки из новой повести «Незабвенный».

78. 7 января 1987 Алексей Ефимович Левин — Сага о неиспользованных возможностях русской науки (набросок социальной истории русской науки).

79. 20 января 1987 Алексей Ефимович Левин — о неиспользованных возможностях русской науки (часть вторая).

80. 4 февраля 1987 Сергей Львович Рузер — История монголовида.

81. 18 февраля 1987 Лев Петрович Овсищер — Космический челнок Space Shuttle: планы и надежды.

82. 18 марта 1987 П.М. Ильин — История персонального состава Академии наук.

83. 26 марта 1987 Владимир Федорович Портной — История советской программы трансплантации сердца.

84. 8 апреля 1987 Владимир Федорович Портной — История советской программы трансплантации сердца (второе сообщение).

85. 18 апреля 1987 Эрлена А.Александрова — Биология стресса.

Выступали на нашем семинаре и не перечисленные выше учёные Великобритании, Канады, США и Израиля. Всего состоялось 85 заседаний (о 22 из них записей у меня не сохранилось). Последняя встреча была в середине 1987 года.

Подавляющее большинство докладов было на научные темы, но несколько раз тематика выступлений была иной. Интересным был доклад 25 июля 1986 года американского журналиста Николая Сергеевича Данилова, корреспондента агентства UPI и журнала *"US News and World Report"*. Он назвал свое сообщение «Моя американо-русская родословная».

В сентябре того же года в США за шпионаж был арестован и осужден советский сотрудник аппарата ООН Захаров, а в качестве ответа на этот арест советские власти устроили провокацию, задержав Данилова на Ленинских горах и поместив его в Лефортово, обвиняя в шпионаже. Никаких доказательств шпионажа у советских сыщиков не было и быть не могло. Данилов был журналистом, а не шпионом. На Западе началась мощная кампания по этому поводу (55 советских дипломатов были высланы из США), и Данилов был освобожден и уехал из СССР. В 1988 году он опубликовал в США книгу на тему, представленную видимо впервые на публике на нашем семинаре (Nicholas Daniloff, *Two Lives, One Russia*, Boston: Houghton Mifflin, 1988, 307 pp.).

В одном из писем ко мне (от 22 января 2018 года) Данилов добавил:

«Мой дедушка был генерал-квартирмейстером Генерального Штаба в 1915 году, до той поры, пока Николай II не взял на себя верховное командование... Дедушка затем командовал 5-й армией, поддержавшей действия генерала Корнилова. Вместе с тремя другими царскими военачальниками его заставили в феврале 1918 года примкнуть к Советской делегации во время Брест-Литовских переговоров в качестве консультантов. Как русский патриот он пытался убедить советскую делегацию не подписывать сепаратное соглашение, по которому большая часть территории России отходила Германии. Вскоре после этого он присоединился к генералам Белой армии Деникину, Колчаку и Врангелю и покинул Крым в ноябре 1920 года во время широкомасштабной эвакуации военных в Константинополь. Он умер в Париже в 1937 году, и его жена, Анна Николаевна (моя бабушка), приехала где-то в 1939 году к нам в Буэнос-Айрес и перебралась вместе с нами в США после атаки японцев на Перл-Харбор. Мой отец не хотел вести никаких дел с коммунистами и говорил мне: "Никогда не езди в Россию. Тебя арестуют, и твой американский паспорт не поможет тебе никак". Он был лишь отчасти прав».

Необычным, но важным был семинар 3 декабря 1986, когда писатель Юрий Аркадьевич Карабчевский прочел свою новую повесть «Незабвенный».

Стало традицией, что приезжавшие в Москву члены парламентов, руководители многих ведомств иностранных государств навещали нас, оказываясь в Москве. У нас побывали сенаторы и конгрессмены Альфонс Д'Амато, Деннис Де Консани, Джек Кемп, Чарлз Метайес, Говард Метценбаум, Джордж Митчелл, Роз Оакар, Пол Сорбэйнс, Арлен Спектор, Роджер Харт и Патриша Шрёдер, заместители госсекретаря США Пол Волфовитц и Ричард Шифтер, шведские, австрийские и французские парламентарии, члены Европейского парламента, мы встречались с Эдвардом Кеннеди, Барбара Микульски, Дэном Ростенковским, Джорджем Шульцем, дружили с послами США, Западной Германии, Голландии, Мальты, культурными и научными атташе Англии, ФРГ, Канады, Австралии и многими другими.

Интересной была встреча с тогдашним членом Конгресса США Джеком Кемпом, выдвигавшимся позже претендентом на пост президента США, но не прошедшим успешно кампанию выборов. Особо стоит отметить приезд к нам 29 марта 1987 года тогда что ставшего миллиардером, а затем упрочившего свое положение одного из богатейших людей мира и самоотверженного приверженца идеи об открытом обществе Джорджа Сороса. По приезде в США мы получили сразу же приглашение приехать на уикенд к Джорджу домой, и эти встречи стали регулярными на протяжении более четверти века. Мне удалось при встречах в 1989–1990 годах уговорить его выделить внушительную сумму (более 120 миллионов американских долларов) на создание Международного Научного Фонда, поддержавшего в 1991–1994 гг. десятки тысяч ученых в странах бывшего СССР, а затем в 1994–2004 гг. выделить равную по объему сумму средств на Международную Соросовскую Программу Образования в Области Точных Наук, которой я руководил. Деньги Сороса были выданы в виде грантов более чем 80 тысячам ученых, профессоров и доцентов вузов, а также учителям средних школ, студентам и аспирантам, были проведены конференции учителей во всех областях России, Украины, Белоруссии и Грузии, в Соросовских олимпиадах приняли участие более двух миллионов школьников, было выпущено много тысяч учебников, было издано семьдесят номеров ежемесячного Соросовского Образовательного журнала (рассыпался бесплатно в школы при тираже 40 тысяч экземпляров для каждого выпуска журнала).

Возвращаясь к рассказу о нашем семинаре, должен сказать (с любовью), что моя жена Нина создавала прекрасный настрой у приходивших в наш дом людей, она не была никогда искусственно экзальтирована или сверхрадостна. Спокойная улыбка и доброе приветствие всем, кому она открывала дверь, помощь при рассаживании, подготовка чая каждому, кто этого хотел, содействие в показе каких-то плакатов, схем, рисунков и исходившее от нее дружелюбие создавали атмосферу праздника единомышленников, и это очень ценилось всеми участниками встреч. Ценилось всегда, а не через раз. Я мог быть занят внезапно возникшей беседой с кем-то перед началом доклада или в конце заседания, а она была в центре дома. Не навязчивая и не вертящаяся как кукла, как это иногда бывает, а спокойная ГЛАВНАЯ фигура в доме. Она умела собирать вокруг себя людей и приносить взаимное удовлетворение всем присутствующим.

После семинара Фото В. Сойфера. Из его архива

Не всегда, но довольно часто, пришедшие на заседание люди не хотели расходиться по окончании доклада, тогда в центр комнаты выдвигали стол, к нему пристраивали принесенный из кухни узкий обеденный стол, все рассаживались вокруг, и Нина устраивала общий чай. Она поджаривала нарезанные ломтики батонов белого хлеба с сыром, получались сытные и вкусные бутерброды, и возникали подчас очень интересные продолжения дискуссий, уже неформальные, но вовлекавшие в разговоры всех.

После переезда в США в 1988 году я получил несколько писем от западных ученых, в разное время посещавших наши семинары, с воспоминаниями об этих визитах. Профессор Дэвид Вейцман из Кардиффского университета (Англия) писал:

«Для меня было большой честью и удовольствием участвовать вместе с другим делегатом из Великобритании, так же, как и я приехавшим на Биохимический Конгресс в 1984 году, Саймоном Баумбергом, в вечернем семинаре, проходившем вечером в вашей квартире, и я храню очень теплые воспоминания о тех нескольких часах, которые мы провели с вами» (письмо от 12 июля 1988 г.).

О сходных чувствах писали мне Х. Танненбаум из Канады (16 июня 1988 г.), П. Дэй из Ратгерского университета и несколько других западных коллег.

Скажу откровенно, перед каждым семинаром я ждал, что повторится вариант с КГБЭшным оцеплением и запретом собираться, мною уже однажды виденный у Лернеров. Несколько раз перед семинарами ко мне приходили представители КГБ и продолжали пугать, повторяя, что теперь у меня есть один путь уехать: прекратить мою, как они всегда повторяли, «противоправную деятельность» и начать помогать органам. Как и раньше, я от их предложений отказывался наотрез. Я думал, что может быть, в силу того что наш семинар стал широко известен в мире и что на него частенько приходили как западные ученые, бывшие в то время в Москве, так и корреспонденты ведущих газет и информационных агентств мира, до закрытия дело не дошло.

Но то, что мы попали в круг постоянного и тщательно ведущегося контроля за нашими действиями со стороны КГБ, стало ясным. Году в 1981-м в одно утро жильцы нашего дома увидели, что прямо напротив выхода из нашего подъезда на газоне была за ночь установлена скамейка, на которой каждый день в восемь утра появлялось трое, как правило, двое мужчин и одна женщина. Через несколько часов их сменяла новая тройка, но дежурство происходило каждодневно до одиннадцати ночи, без выходных и праздничных дней. Очень скоро жильцы дома заметили, что стоило кому-то из нашей семьи выйти из подъезда, как один из сидящих вставал и следил за нами. Мы вначале даже не обратили на это внимания, но соседи зашли к нам домой и рассказали об этих «проводивших» (наш дом был кооперативом Агентства Печати Новости, большинство жильцов были корреспондентами, часто работавшими за рубежом, и потому более раскрепощенными, чем большинство людей в стране; они, конечно, знали, что лезть на рожон, «засвечиваться», как говорили тогда, не надо, но вместе с тем слышали уже из радиопередач «вражеских голосов» с Запада о нашей активности и поддерживали с нами пусть не частое, но вполне дружественное общение).

Так мы оказались под плотным наблюдением «Органов» за нашими передвижениями и контактами вне дома. Когда же к нам приходили сотрудники посольств западных стран с какими-нибудь важными гостями (сенаторами или конгрессменами), во дворе у подъезда останавливались дипломатические автомобили с посольскими номерами, а остальное пространство узкого двора перед домом и вблизи от него оказывалось заставленным машинами гебистов.

С середины 1981 года новым моментом в жизни стали почти постоянные приходы к нам домой гражданина в штатском, сопровождаемого, как правило, двумя милиционерами, держащимися отстраненно и вежливо. Я подробно рассказал об этом в «Очень личной книге», поэтому ограничусь здесь кратким изложением. Чины в штатском представлялись то сотрудниками угрозыска, то еще кем-то, но предъявить документы отказывались. Они требовали, чтобы я немедленно устроился на работу или в противном случае буду выслан из Москвы за 100-й километр как тунеядец. Иногда эта угроза сменялась другой — мне говорили об аресте и тюрьме. Вообще скоро стало ясно, что наши действия приводят КГБ в ярость. Представители «Органов» нередко грубили и повторяли неизменно, что как только мы прекратим связи с иностранцами, наша участь будет облегчена, но мы знали на нескольких примерах, что обещанное облегчение тем, кто сгибался под их напором, превращалось в еще более откровенное издевательство властей или заканчивалось арестами и обвинением в антисоветской деятельности. Мы считали, что известность на Западе охраняет нас, и что КГБ хотелось бы, чтобы мы оказались в вакууме, тогда бы нас мгновенно скрутили.

Но, разумеется, я начал сильно беспокоиться о том, что делать, ведь у меня на руках оставались жена (безработная, ее уволили из нашего института даже раньше меня) и двое маленьких детишек. Важный совет в то время я услышал от Софьи Васильевны Каллистратовой — адвоката, защищавшей многих правозащитников. Мы встретились с ней на посиделках, которые стихийно возникали на квартире Елены Георгиевны Боннэр в её приезды от Андрея Дмитриевича Сахарова из горьковской ссылки. При следующий встрече — у Каллистратовой дома — она объяснила, что если многолетний совокупный подтвержденный документально доход, официально прошедший через бухгалтерию любого советского учреждения, превышает 50 рублей в месяц на семью, то автор может жить на сбережения от своих прежних трудовых заработков. После моих слов, что я опубликовал к тому времени более десятка книг в СССР и за рубежом и что их общий тираж достиг

к 1980-му году 411 600 экземпляров, Софья Васильевна поинтересовалась, есть ли у меня квитанции о выплаченных мне гонорарах. Узнав, что я храню все договоры с издательствами и квитанции об оплате публикаций, она попросила показать их ей и подсчитать совокупный доход за все годы. Я также добавил, что получал солидные авторские гонорары за многие статьи, опубликованные в энциклопедиях, в изданиях Агентства Печати Новости и в научно-популярных журналах. После подсчетов оказалось, что сумма полученных гонораров дает мне право оставаться безработным более 30 лет. «Когда Вас, Валерий Николаевич, поволокут очередной раз в отделение милиции или в КГБ, предъявите один — два договора тем, кто будет с Вас снимать допрос, и они от Вас отстанут.

В таких случаях дело до суда не доводят», — успокоила меня Софья Васильевна.

Я подготовил большой портфель с моими основными книгами, в том числе изданными на Западе, сделал фотокопии нескольких договоров с издательствами и копии извещений Внешторгбанка и Агентства по охране авторских прав (печально знаменитого ВААП) о переводах за мои публикации на Западе. Теперь набитый книгами портфель стоял дома у двери в моем кабинете. Понадобился он вскоре, когда ко мне нагрянула бригада милиционеров и под конвоем препроводила во двор и посадила в «воронок». Сзади поехала другая машина с бригадой милиционеров, осуществлявших задержание.

Когда меня выводили из подъезда в окружении стражей порядка, хотя и без кандалов на руках, это выглядело наверно красочно, и я увидел нескольких соседей, стоявших поодаль и глазевших на происходящее. Однако должен повторить с удовлетворением, что в нашем доме жили люди, всё отлично понимавшие, постоянно слушавшие «вражеские голоса» и знаяшие о том, кем я стал в стране Советов. Поэтому не только отчуждения, но даже минимального осуждения во взглядах или в словах ни я, ни члены семьи никогда не испытывали. Скорее, наоборот, со мной всегда были рады заговорить многие из соседей, «скользких» тем они, как правило, в открытую не касались (все-таки многие из них были журналистами-международниками), но говорили со мной доброжелательно и участливо.

Начальник отделения милиции, куда меня доставили, начал формальный допрос с сообщения, что я задержан как тунеядец и что он готовит дело для передачи в суд. В ответ на это я выложил на его стол стопку моих книг, показал копии договоров на некоторые издания, добавив, что обеспечен на много десятилетий вперед, и заявил, что ни один суд в СССР не сможет меня признать тунеядцем. Услышав объяснение и увидев в моих руках документы в папочке, милицейский начальник вскочил как ошпаренный и выбежал из кабинета, а его место занял вальяжный чин в шикарном кремовом костюме, сидевший до этого безмолвно на диванчике. Он повел разговор на другую тему — не соглашусь ли я, чтобы ускорить свой отъезд из страны, встать на путь «взаимодействия с комитетом». Я спросил его: «О каком комитете идет речь?»

— Ну, вы же понимаете! — солидно ответствовал кремовый чин.

— Нет, не понимаю, — спокойно возразил я, — может быть вы из Комитета по делам религии, или принадлежите к Комитету по делам физкультуры и спорта, или все-таки к Комитету госбезопасности?! Что, вы боитесь даже называться?!

Я потребовал у него предъявить служебное удостоверение, но тот отказался это сделать, назвал лишь свою фамилию — Скворцов, заявив, что, если он покажет удостоверение, то мои знания секретов только увеличатся.

— У вас что, в вашей кисиве секретные сведения пропечатаны? — упорствовал я.

В общем разговор наш никак не клеился.

Уяснив, что на сотрудничество с КГБ я упорно соглашаться не хочу, кремовый тип перешел к новой теме. Он стал напирать на то, что сводилось к простой формуле: всё, что я делаю, привлекая внимание иностранной прессы, коллег на Западе, зарубежных общественных организаций и членов парламентов к судьбе отказников в СССР, работает против меня. Если я перестану будоражить мир своими выступлениями, давать интервью западным корреспондентам газет и телевидения, не буду принимать дома западных сенаторов и конгрессменов, встречаться с послами, печатать статьи в иностранных изданиях, только тогда я смогу надеяться на получение выездной визы.

— Иначе мы вас не отпустим из страны никогда! Так и будете здесь сидеть без работы! Так и старость подойдет. И что тогда станете делать?

— Буду жить на гонорары. Вы же видели, что их у меня на тридцать лет хватит, — отвечал я.

В какой-то момент я спросил его, зачем по указке из КГБ меня не только уволили с работы, но и лишили степени доктора наук?

— Ну, что вы, — с уверенностью в голосе возразил он мне. — Кто вас может лишить вашей степени. Просто мы у вас бумажку отняли, ничего больше. А зачем вам эта бумажка? Всё равно вы не работаете в институте, так что и надбавки за степень доктора вам платить некому. Так зачем вам эта бумажка? А то, что вы — доктор, и так все знают.

После часового препирательства по поводу моего нежелания сотрудничать с КГБ (причем, отказ я облек в совершенно грубую форму, произнеся буквально, а не иносказательно, самым что ни есть битым слогом, что даже на одном поле с ними не присяду), я был ни с чем отпущен.

В те годы я сразу же после нежелательных контактов с кагебешниками засаживался за телефон (или шел к телефону-автомату на улице, когда мой домашний телефон был отключен на полгода после встречи с сыном президента США Рональдом Рейганом-младшим) и звонил нескольким из друзей — западным корреспондентам или тем, кто оказался в таком же, как мы, положении, и рассказывал в деталях о состоявшемся контакте с представителями властей. Я знал, что мои телефонные разговоры прослушиваются, и старался показать тем, кто слушал нас и писал отчеты о моем поведении, что я не напуган, не деморализован, а что с юмором, и не чураясь уничижительных оценок, разношу по свету вести об этих контактах. Так сделал и на этот раз. На следующий день мне позвонил один из отказников, Толя Одуро, и рассказал, как его точно также арестовали дома, привезли в отделение милиции, там оказался человек в кремовом костюмчике, назвавшийся схожим, но иным именем (не Скворцовым, а Соловьевым), и стал страшать именно так же, как страшал меня.

Но однажды я чуть-чуть не угодил в тюрьму. В Москву приехал из США недавно получивший Нобелевскую премию писатель Эли Визел (сейчас на русском языке его фамилию часто пишут как Визель). Посол США в Москве Артур Хартман устроил в субботу, 25 октября 1986 года, у себя в резиденции встречу московской интеллигенции с Визелом. Мы были дружны с Артуром и его женой Доной, они бывали в гостях у нас дома и часто приглашали нас на вечерние концерты в их резиденции или на дневные показы американских фильмов по уикенду.

Артур представил меня Визелу. Мы стали говорить о его книгах, я рассказал о работе над своей книгой о Лысенко. Получилось вполне естественно, что Визел пригласил меня поехать с ним в Московскую Хоральную Синагогу на тогдашней улице Архипова, неподалеку от зданий ЦК КПСС. Визел пригласил туда также Машу и Володю Слепаков. Синагога была забита людьми до отказа. Прямо от входа Визел, Слепак и я прошли на возвышение к микрофону. Визел что-то сказал, а потом вдруг предложил Володе дуэтом спеть израильскую песню на иврите. Волода — известный активист движения за выезд евреев в Израиль, успевший отсидеть за свою активность в лагере, хорошо пел и знал уйму песен на иврите и идиш. Они с Эли подвинулись к микрофону и запели, обнявшись, покачиваясь в такт мелодиям и всё более воспламеняясь. Я стоял рядом с Визелом. Кто-то из находившихся в зале подхватил песню. Вслед за тем они запели вторую песню, третью. Раввин Адольф Шаевич при этом то взбегал по трем ступенькам на возвышение, то бежал вниз к своему кабинету через коридорчик.

Зал уже слился воедино с певцами, и синагога, никогда не слыхавшая таких песен, гудела и взрывалась аплодисментами после очередной песни. Шаевич раскипятился серьезно и начал шипеть своим подчиненным, стоявшим позади поющим Визела и Слепака: «Прекратите это безобразие. Остановите их. Это сионистская провокация!».

Эли заметил эту возню, но, ничего не понимая по-русски, спросил меня, повернув вполоборота лицо в мою сторону: «Чего он бушует?» Я начал методично переводить и шептать на ухо Визелу распоряжения Шаевича, и это взорвало раввина еще больше. Он бросился вниз со ступеней и подскочил к какому-то человеку в коридоре, не видимому в зале синагоги и стоявшему отдельно от всех. Тот выслушал Шаевича, вышел в боковую дверь во внутренний двор синагоги. Минуты через три штатский вернулся, а вскоре Визел и Слепак решили остановить свой импровизированный концерт. Визел коротко распрошался, теперь около него сиял как намазанный улыбчивый Шаевич, источавший благодушие и приглашавший гостей на чай в свои апартаменты. Я был ближе всего к лестнице, Визел попросил меня идти первым, я сошел вниз, но затем подождал и пропустил его вперед. Коридор оказался в эту минуту заполненным американскими корреспондентами и какими-то людьми, внезапно откуда-то взявшимися. Шаевич прошел вперед, широко растворил дверь кабинета внутрь и, придерживая дверь, приглашал гостей войти внутрь, масляно при этом улыбаясь. У входа в кабинет я опять

оказался первым, но снова решил пропустить вперед Визела. Тут мощная Маша Слепак бесцеремонно оттолкнув меня со словами «Дам пропускают первыми», протиснулась вперед вслед за Визелом, за ней рванул Слепак, видимо оба боялись, что их могут не пустить внутрь. Я приготовился сделать шаг вперед за ними, но тут произошло нечто неожиданное: с перекошенным от злобы лицом Шаевич рванул дверь на себя, захлопнув её, а я мгновенно был крепко захвачен повыше локтей мощными парнями, заполонившими коридор. Кто-то сзади скомандовал «Во двор!»

Боковая дверь в коридоре открылась и, как в немом кино, меня беззвучно поволокли внутрь двора, в дальнем углу которого стоял «Воронок» с уже отворенной задней дверью. Я начал сопротивляться, во всяком случае передвигать ногами не стал. Это замедлило движение на секунду, но её хватило на то, чтобы западные корреспонденты, отлично меня знавшие, высыпали во двор и бросились с микрофонами в вытянутых руках ко мне. Том Шенкер из «Чикаго Трибьюн» и Антеро Пиетила из «Балтимор Сан» со всех ног бежали первыми и кричали: «Профессор Сойфер, профессор Сойфер, несколько слов для нашего издания». Секундами позже к ним присоединились Билл Итон из «Лос Анджелес Таймс», за ним Йорг Меттке из «Шпигель», Дэвид Сэттер из «Уолл Стрит Джорнэл», Серж Шмеман из «Нью-Йорк Таймс» и другие.

Конвоиры мгновенно отпустили мои руки, я оказался окружённым западными корреспондентами, и они, ссыпя вопросами и даже не дожидаясь моих ответов, начали потихоньку оттеснять меня от фургона в сторону — к открытым воротам со двора синагоги на улицу. Никто уже нам не мешал двигаться. Через несколько минут на запруженной народом улице Антеро, наклонясь к моему уху, спросил шепотом: «Валерий, вы хоть поняли, что они хотели с вами сделать?» Разумеется, я понимал, что был на полпути в тюрьму и что мужественные ребята-журналисты спасли меня от ареста. Антеро предложил довезти меня до дома на его машине, мы сели в неё и отъехали от этого места.

В нашей среде было известно, что сорвавшееся задержание, как правило, не повторяют. Если арест не удался, никто больше в этот день вторую попытку предпринимать не будет. С другой стороны, было также известно, что, попав за решётку, выбраться оттуда невредимым уже не удавалось никому. Следовал бесправный суд, а потом тюрьма или лагерь.

На следующий день в газете «Лос Анджелес Таймс», московский корреспондент этой газеты Билл Итон опубликовал статью о посещении Визелом московской синагоги и сослался на мое мнение об этом визите:

«Валерий Сойфер, профессор генетик, сказал, что он никогда не видел такого спонтанного выражения чувств в синагоге, добавив, что, когда другие важные посетители приходили, «все было очень формальным и очень официальным»».

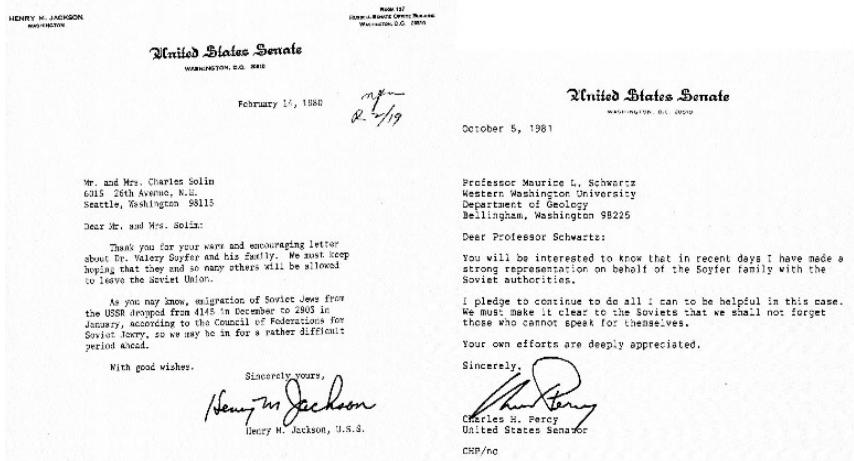
Оказавшись в Америке, я возобновил отношения с Визелом, который стал профессором Бостонского университета, и мы несколько раз обменялись с ним письмами.

Повторю, что, живя в СССР, мы с женой полагали, что контакты с людьми с Запада охраняют нас. К нам домой запросто и часто приезжали западные корреспонденты, аккредитованные в Москве, они стали нашими друзьями. Если их навещали коллеги из США или Европы, они привозили их часто к нам, мы встречали всегда всех с радостью и открыто. Я регулярно собирал дома пресс-конференции для западных корреспондентов, если что-то случалось с нашими знакомыми или с людьми нашего круга в других городах страны. На эти пресс-конференции корреспонденты ведущих зарубежных изданий всегда приходили по первому зову. Они знали, что ни дезинформации, ни политика нашего налета на них не говорится. Мы сообщали только правдивые факты и не старались сгущать краски или, упаси Бог, что-то преувеличивать.

Однако недавно я понял, что возможно более важным фактором сохранения на свободе оказалась еще одна форма поддержки. Через год после приезда в Штаты в 1988 году мы с Ниной были приглашены исполнительным директором американского Комитета Озабоченных Ученых Дороти Хирш посетить её в Нью-Йорке. Она передала мне толстенную папку документов, к которой была прикреплена бирка «Валерий Сойфер». В ней оказалось много писем в нашу поддержку, копии статей в газетах и журналах в нашу защиту и резолюции конференций ученых, в которых выражалось требование к советским властям дать возможность нашей семье выехать из СССР на Запад. Эта пухлая папка хранилась у меня дома неразобранной до того момента, когда после смерти жены я начал готовить изданные мной книги и статьи, а также полученные письма к передаче в Бахметевский архив русской и восточно-европейской истории и культуры Колумбийского университета — крупнейшее хранилище документов русской эмиграции. Когда я начал разбирать документы, то обнаружил

письма влиятельнейших членов Сената и конгресса США с защитой нашей семьи, посыпавшиеся на протяжении 7 лет.

Внимание американских сенаторов Уоррена Магнусона и Генри Джексона к нашей судьбе привлекли Чарлз Солин из Сиэтла и его супруга. Магнусон ответил им 14 февраля 1980 года: «Спасибо Вам за теплое и озабоченное письмо о докторе Валерии Сойфере и его семье. Мы должны сохранять надежду, что им и многим другим будет позволено покинуть Советский Союз». Через две недели (29 февраля) сенатор информировал Солинов, что он запросил Госдепартамент США о нашей судьбе. Через четыре месяца Солины написали сенатору Джексону, и 25 июля тот ответил им: «Благодарю вас за письмо об усилиях профессора Сойфера и его семьи, пытающихся эмигрировать из Советского Союза. Мы получили информацию о профессоре Сойфере из Комитета Озабоченных Ученых, который выполняет очень полезную работу в этом отношении. Вы отметили, что семья Сойфера пытается эмигрировать в Соединенные Штаты. В связи с этим вы должны держать связь с Государственным Департаментом» и указывал персонально, с кем надо контактировать в Госдепе. Он извещал, что это ведомство США готовит список советских граждан, которых задерживают в СССР и за которых ходатайствуют американские власти.

Письма членов Сената США Генри Джексона и Чарлза Перси в нашу защиту.
Из архива В.Н. Сойфера

Двумя годами позже к Джексону обратился, профессор Западно-Вашингтонского университета (город Беллингем, штат Вашингтон) Морис Шварц. 10 февраля 1982 года Джексон известил Шварца: «Я был в контакте с Государственным департаментом, чтобы проявить снова мой личный интерес в деле Доктора Сойфера и его семьи». Еще через месяц, 15 марта 1982 года, Джексон повторно написал Шварцу, что получил ответ Госдепартамента на его обращения, подписанный заместителем руководителя Госдепартамента США, Паулом Муром. На двух страницах Мур подробно разъяснил шаги, которые его ведомство предпринимает по нашему случаю: «Правительство Соединенных Штатов постоянно выражает Советскому правительству свою озабоченность обструкцией, с которой сталкиваются те, кто ищет пути эмиграции из СССР. Отказы в таком основополагающем праве людей, как право на миграцию, являются предметом международного значения... Мы настаиваем на важности вопроса эмиграции в рамках Советско-Американских взаимоотношений в целом... имя Валерия Сойфера было добавлено в официальный перечень евреев, повторно получавших отказ в праве на эмиграцию».

Отправляя копию письма Мура Шварцу, Джексон написал: «Как вы можете видеть из приложенного письма, Государственный Департамент намеревается периодически представлять дело Сойфера Советскому Союзу. Надеюсь, в этой ситуации будет достигнут прорыв. В то же время Госдепартамент знает о моей личной обеспокоенности этим делом, и мы будем в контакте по дальнейшему его развитию». В момент работы над

этой статьей я обнаружил в старых записях, что в самом начале 1983 года Джексон отправил в Москву своих помощников, и те посетили нас дома. Значит, сенатора интересовал и образ нашей жизни.

Несомненно, вовлеченность Генри Джексона в нашу судьбу не могла не вызывать наибольшую озабоченность советских властей. Ведь он был автором знаменитой поправки Джексона-Вэнка к закону США о торговле, принятой в 1974 году Конгрессом США. Поправка запрещала предоставлять Советскому Союзу режим наибольшего благоприятствования в торговле, кредиты и гарантии и вводила дополнительные тарифы на товары, ввозимые в США из СССР. Советские власти очень нервно реагировали на данную поправку. Имена Джексона и Вэнка вечно фигурировали в советской пропаганде, отмены их поправки постоянно требовали высшие должностные лица СССР. И вдруг в нашу защиту публично выступил сам Джексон.

Нас поддержали и другие американские законодатели. Председатель Комитета по иностранным делам Сената США Чарлз Перси 7 августа и 9 ноября 1981 года отправил запросы советским властям о нашей семье и известил об этом американского журналиста Ала Альтшулера и профессора Мориса Шварца: «Я только что повторно поднял вопрос перед советским послом [Добрининым] здесь в Вашингтоне о просьбе Сойфера об эмиграции и потребовал у посла, чтобы он передал мой новый запрос руководству в Москве». Затем 5 октября 1981 года сенатор написал Шварцу: «По поводу семьи Сойфера... я обещаю продолжать делать всё, что в моих силах, чтобы быть полезным в этом случае. Мы должны сделать ясным советским руководителям, что мы не забудем тех, кто не может говорить за себя». 5 марта 1982 года Перси сообщил Шварцу: «Вы можете быть уверенным в том, что я буду продолжать искать каждую возможность поддержать снова запрос Валерия Сойфера советскому руководству и требовать, чтобы ему позволили эмигрировать». К советскому руководству обращались также сенатор Дэниел Эванс, члены Конгресса США Стэнли Хойер, Джоэл Притчард, Уильям Леман, Клод Пеппер и Ал Свифт.

Сегодня я осознаю, что эти многочисленные петиции американских законодателей, их коллег из Европы, многих ученых и научных сообществ, а также публикации в западных газетах уберегли нас от ареста и осуждения. Всего мне известны 34 статьи о нас в зарубежных (американских, французских и испанских) газетах и журналах, опубликованные только в 1980-1982 годах.

Мы с женой по окончании церемонии награждения В. Сойфера медалью
Иоганна Грегора Менделя Чешской Академии наук в Праге. 1996

Поздней осенью 1987 года в газете «Вечерняя Москва» появилось короткое сообщение, что, несмотря на предоставление права многим покинуть СССР навсегда, тем, кто рассматривается носителями важных государственных секретов, выездные визы выданы не будут. Фамилии этих людей были перечислены: Слепак, Лerner, Кошаровский, муж и жена Хасины, Сойфер, Суд и Рахленко. Это же утверждение было повторено в данной газете в первых числах декабря. Однако в те же дни состоялась третья встреча Рейгана и Горбачева, на которой вопрос был пересмотрен. Я узнал об этом от дамы, подошедшей ко мне на одном из приемов в

Москве и поинтересовавшейся тем, тот ли я Сойфер, которого удерживают в СССР почти 10 лет. Я это подтвердил, и тогда она сказала, что работает помощницей Рейгана, что присутствовала при всех встречах американского президента с советским лидером, и что Рейган в конце каждой встречи передавал Горбачеву список тех отказников, за которых американская сторона хлопочет. Моя фамилия была, по её словам, восьмой в первом списке, пятой во втором (в Рейкьявике) и первой в последнем рейгановском списке. Горбачев посмотрел на последний список и сказал, что Сойфер получит выездную визу. «Готовьтесь», — сказала мне дама. И действительно, вскоре нам сообщили из ОВИР'а, что секретность с меня снята, и мы можем готовиться к отъезду.

Однако первого и восьмого января 1988 года в журнале «Огонек» был напечатан мой очерк «Горький плод», первая часть которого понравилась Горбачеву. Он вызвал к себе главного редактора журнала В.А. Коротича и попросил его передать мне предложение сохранить советское гражданство, уехав читать лекции на Запад на два года. Но во второй части статьи я обвинил органы советской госбезопасности в гибели многих генетиков и прежде всего Н.И. Вавилова, что вызвало гнев нескольких членов Политбюро ЦК КПСС. В их числе был секретарь ЦК Е.К. Лигачев, который чуть раньше рассвирепел от моей статьи «Бей жидов, спасай Россию» в западногерманском журнале «Шпигель». В результате против меня резко выступило несколько членов Политбюро (отражено в книге «В Политбюро ЦК КПСС», М., Альпина Бизнес Букс, 2002, стр. 307), меня лишили советского гражданства, и 13 марта 1988 года мы с женой и сыном оказались в Вене, оттуда министр Франции, отвечавший за соблюдение прав человека, пригласил меня с лекциями в Париж, где я пробыл неделю, а 1 мая мы оказались в США. Там с первого дня я был зачислен профессором в университет и проработал более 30 лет.

Александр Ласкин¹

Долгая память

Евгению Берковичу —
с любовью и благодарностью

Томашевская, внучка Блинова

Сразу скажу, ничто не предвещало. Достойно упоминания только место действия — в это время мы жили в Пушкине, прямо напротив Дома ветеранов архитектуры.

Я часто гулял с маленькой дочкой в «ветеранском» саду. Архитекторы тихо беседовали на скамейках. Возможно, они обсуждали построенные ими дома, и сетовали на то, что ничего подобного уже не случится.

Так бы и протекали наши жизни параллельно, если бы судьба не свела меня с Зоей Борисовной Томашевской.

Помимо принадлежности к ветеранскому племени, Зою Борисовну отличало умение дружить. Этот талант достался ей от родителей — литераторов Бориса Викторовича Томашевского и Ирины Николаевны Медведевой-Томашевской. Общими усилиями возник семейный круг, в который в разные годы входили Ахматова, Зощенко, Рихтер, Альтман и Иосиф Бродский.

Я стал бывать у Томашевской. Уже тогда из дома она почти не выходила, и мне поручались обязанности связного. Всякий раз, напутствуя меня перед походом в магазин или на почту, Зоя Борисовна рассказывала удивительные истории.

В какой-то момент между нами появился диктофон. Уж больно неправильно, что рассказы уникальные, а рассчитывать можно только на память.

Однажды мы сидели и пили чай. Только что она вспоминала Ахматову и уже собралась говорить о Рихтере, но ей захотелось передохнуть. Диктофон при этом работал. Он зафиксировал ее вопрос:

— А вы знаете, кто был мой дедушка?

Тут я узнал о том, что жил в Житомире Коля Блинов. Ему было двадцать четыре года, но он уже обзавелся женой и двумя детьми. Правда, что такое личное благополучие в сравнении с чужим несчастьем? Когда в пятом году начался погром, Коля попытался вмешаться, и был за это убит.

Во всех пятидесяти одной синагогах Житомира читались молитвы за упокой жертв этого дня. Имя Коли произносилось первым. Так русский студент стал еврейским героям. Конечно, русским героям тоже. Может, дома, за самоваром, кто-то осуждал насилие, но только он совершил поступок.

Как это писал Мандельштам? «Мне кажется, смерть художника, — не следует выключать из цепи... творческих достижений, а рассматривать как последнее заключительное звено».

Гибель Блинова стала высказыванием, тем самым «заключительным звеном». Еще, конечно, она была любовью. Как говорится в Евангелии: «Нет больше той любви, аще кто положит душу свою за други своя».

Колю привезли в морг Еврейской больницы вместе с другими жертвами. В его пиджаке лежали несколько тесно исписанных страничек. С этим письмом в кармане он прожил несколько лет, точно зная, что все случится именно так. «Дорогая мамочка!», — обращался он к матери, а затем объяснял, почему был убит.

Два электронных письма

У наших с Зоей Борисовной разговоров оказалось долгое эхо. Примерно лет на пять-шесть. Сперва я написал документальную повесть «Наследственная неприязнь к блестящим пуговицам» о ней самой, а потом документальный роман «Дом горит, часы идут» о ее дедушке².

¹ Историк, прозаик, доктор культурологии, профессор.

² Ласкин А. Наследственная неприязнь к блестящим пуговицам // А. Ласкин. Время, назад! — М., НЛО, 2008; Ласкин А. Петербургские тени. — изд. 2. — СПб, Страна, 2017; Ласкин А. Дом горит, часы идут. — СПб., Алетейя, 2012; Ласкин А. Дом горит, часы идут. — изд.2. — Житомир, из-во Марины Косенко, 2012.

После публикации журнального варианта романа (отрывками он печатался в «Заметках по еврейской истории», а целиком в «Неве») я получил письмо из Житомира. Мои адресат, Евгений Романович Тимиряев, писал, что прежде ничего об этом не слышал, но теперь его жизнь изменилась. Он видит свой долг в том, чтобы увековечить память о Коле.

Честно сказать, я не поверил. Больше ста лет забвения не располагают к оптимизму. Хорошо, что кто-то остался неравнодушен, но, скорее всего, все ограничится благими намерениями.

Вообще в правила верить легко, а попробуй поверь в исключения! Поэтому сперва я стал разбираться. Оказывается, это не первая инициатива Тимиряева. Прежде он предложил поставить памятник булгаковскому Лариосику. И не просто предложил, но добился того, что «кузен из Житомира» стоит сейчас напротив кинотеатра «Украина». Его смущенный вид говорит: я приехал, не сердитесь, надеюсь, вас это не обременит... Правда, на сей раз он явился не к киевским родственникам, а навсегда вернулся в родные пенаты.

Такое внимание к второстепенному персонажу меня подкупило. Впрочем, что значит второстепенному? С точки зрения житомирян, Лариосик точно — один из главных героев. Как бы полномочный представитель этого города в булгаковской пьесе.

Когда-нибудь, думал я, так будет и с Колей. Столько лет о нем не вспоминали, а вдруг окажется, что его поступок не только единственный, но и важнейший. Показывающий, что эпоха может открываться с другой стороны.

Уж как меня удивило письмо из Житомира, но еще больше меня поразило письмо из Израиля. Все-таки странно, что в далеком Ариэле есть люди, которые хотят выразить благодарность Блинову.

Многое мне стало понятно сразу. Во-первых, моя корреспондентка родом с Украины. К тому же, какие-то нити связывали ее с этой историей. Среди тех, кто давал деньги на поездку «на голод», в которой участвовал Коля, был ее прадедушка.

Прадедушку Моисея Бергала я вспомнил в главе о первом испытании Коли. Еще я упомянул какую-то Наточку и хозяина книжного магазина Савчука. Обо всех троих я знал одинаково мало. Эти имена обнаружились в списке жертвователей, которые публиковала газета «Волынь».

Как видите, называть реальных людей совсем небезопасно. Особенно если их потомкам присуща долгая память.

Потом я понял, что в Израиле так принято. Где-то вспоминают год или десять, а тут вообще не существует срока давности. Если каждый день верующие в молитвах поминают разрушенный Храм, то что такое событие начала прошлого века? Три тысячи — и каких-то сто лет.

Словом, эти люди живут не только настоящим, но и прошлым. Правда, до некоторого времени Коли в этом прошлом не было, и автор письма решила исправить эту несправедливость.

Первые шаги не обнадеживали. Кто-то даже выражал сомнение: для чего нам Блинов? Это ее не остановило. Она писала письма, встречалась с разными людьми. Наконец, обратилась к ректору Ариэльского университета Михаилу Зининграду и все сразу получилось.

Меньше чем через год, в январе двенадцатого года, состоялось открытие стелы Блинову. Конечно, это, прежде всего, победа Коли, но тут была и толика моей удачи. Согласимся, что существует обратная связь: если я проживаю с героем его жизнь, то он прочно входит в мою.

Ариэль находится на так называемых «территориях» — землях, занятых во время войны шестьдесят седьмого года. Со всех сторон город окружен колючей проволокой. Впрочем, жителей арабских деревень это не останавливает. Они легко проникают через заграждение и ходят в местные магазины. Сперва меня смущало это соседство, но потом я о нем забыл. Столь большое место заняло для меня все, что связано с университетом.

Теперь надо объяснить, почему именно этот Университет. Ничего не скажу о других израильских учебных заведениях, но от тех, что мне известны, он явно отличается.

Чем? В первую очередь, атмосферой. Когда я разговаривал с Михаилом Зининградом и его коллегами мне казалось, что это уже было в моей жизни. Не давно или недавно, а в каком-то другом существовании. Возможно, это происходило не со мной, а с моим отцом. Или с его однокурсником и другом Василием Аксёновым. Или с моим старшим товарищем — питерским режиссером-документалистом Владиславом Виноградовым.

Те, кого я называл, — шестидесятники. В те годы я был слишком мал, а потому моя роль была исключительно пассивной. Зато потом я многому у этих людей научился. Почувствовал, насколько пресной становится жизнь, если в ней нет доверительности. Понял, что такое оставаться собой, и только собой.

Вообще, я очень ценю это время. Мне нравится, что молодые люди называли друг друга «чувак» и «старик». На другие языки это столь же непереводимо, как «интеллигент». Правда, и в самой этой эпохе эти слова понимались не буквально. Они означали: один из нас, собрат по поколению, товарищ по новым возможностям.

Так шестидесятники демонстрировали неприятие иерархии. Возможно даже, над ней посмеивались. Ведь «старик» — это вроде как старший и в тоже время почти «чувак».

Казалось бы, причем тут Университет? А притом, что здесь тоже ценят открытость. Правда, обращения здесь другие. Впрочем, привычное в Ариэле «братец» («ахи» на иврите) из того же, уже названного мною ряда.

Надо сказать, что так именуют и преподавателей. Совсем не видят в них представителей какого-то чуждого класса.

Каким образом советские шестидесятые нашли прибежище в этих краях? Возможно, их привезли с собой эмигранты. Правда, мои здешние знакомые еще достаточно молоды. Так что речь о зерне, которое проросло и дало плоды.

Оставим эту мысль для дальнейших дискуссий, а пока упомянем, что обращение «братец» (или «старик») не только насмешливое. Тебя заверяют, что ты принят в общий круг. Мол, пусть даже ты старик (или чувак), но куда важнее, что свой.

Корни этой истории простираются до Акакия Акакиевича, в чьих «проникающих», как пишет Гоголь, «словах звенело»: «Я брат твой». А также до Коли Блинова, который, вытянув руки вперед, шел к своей гибели. Правда, объяснить, что все люди — братья, он не успел. Его свалили на землю и били железными прутьями. Еще улюлюкали, загоняя в смерть: «Хоть ты сицилист, но хуже жидов».

Посвященная Коле церемония в Ариэльском университете была торжественной. Буквально — до слез. Михаил Зиниград говорил о том, что стать интеллигентом значит взять на себя обязательства. Среди них — невозможность подать руку черносотенцу. Именно так понимали принадлежность к «мыслящему сословию» Короленко, Горький, Владимир Соловьев.

Почему я не называл автора письма, с которого началась эта история? Да потому, что она мне это запретила. Есть, знаете ли, такие люди, которые совсем не стремятся обозначить свое присутствие.

Конечно, это характер. Когда я вернулся в Питер, то не обнаружил ее ни на одном из снимков, сделанных в Израиле. Даже в зале во время церемонии она сидела где-то в последних рядах.

Только там, где существует иерархическая лестница, непременно хотят прорваться вперед. Когда же этой лестницы нет, рассуждают точь-в-точку по еврейской поговорке, которая говорит, что «не нужно быть высоким для того, чтобы быть великим».

Памятник установлен невдалеке от входа в кампус. Поэтому куда бы ни шли студенты, они обязательно пройдут мимо. Может, даже остановятся. Теперь они знают, что когда-то неведомый им Житомир — это место взаимоисключающих сил. Существует, конечно, зло, но есть и то, что ему противостоит.

Стела представляет камень, на вершину которого уселась металлическая бабочка. Это Колина душа обрела крылья — и приготовилась лететь дальше. Туда, где беззащитным угрожает расправа.

Во время церемонии мы посадили лимонное дерево. С тех пор несколько раз в год оно дает плоды. Так они и существуют вместе: бабочка, расправившая крылья, и дерево, почти не знающее передышки, вновь и вновь покрывающееся желтым цветом.

Житомир-2012

Через несколько месяцев после Израиля я ехал в Житомир, где вышло украинское издание моей книги.

Особенно мне запомнилась презентация в местном университете. Народу набился целый зал. Я рассказал Колину историю, а затем попробовал домашнюю заготовку — попросил собравшихся проголосовать за то, чтобы в их городе появилась мемориальная доска Блинову.

Сразу поднялся лес рук. Всем захотелось, чтобы Колю не только вспоминали, но он постоянно присутствовал в житомирском пейзаже.

Я опять заблуждался. Не все решается голосованием. Тем более, что скоро в Украине стало просто не до того. Правда, еще одну доску Тимиряев успел повесить — она посвящена Колиному однокласснику Александру Гликбергу, будущему Саше Черному.

Во время этой поездки я познакомился с Евгением Романовичем лично. Все было так, как я ожидал. Оказалось, это человек очень негромкий, но удивительно упрямый.

Бывает, кто-то хочет чего-то хорошего, а сам этим стремлениям не соответствует. На сей раз «средства» и «цели» находились в идеальном соотношении.

Как-то мы решили побеседовать с местным раввином. Переступив порог синагоги, мой спутник достал из портфеля две кипы. Одну надел себе на голову, а другую предложил мне.

Казалось бы, так просто, а как правильно! Может, это объясняет, почему Тимиряеву так важна история Блинова? Он тоже из числа людей, которые не разделяют «чужих» и «своих». Посторонние для него только те, кто этого не способен понять.

Шесть лет продолжалась тяжба. Евгений Романович звонил, ходил по инстанциям, вновь и вновь объяснял, почему это важно. Ему говорили, что время еще не пришло. Тогда, немного подождав, он обращался снова, а ему опять отвечали, что надо подождать.

Главный аргумент заключался в том, что тут существует очередь. Слишком поздно вы ее заняли, чтобы на что-то претендовать. Вот установят доски всем великим украинцам, и тогда, возможно, вспомнят о Коле.

Новый поворот

Словом, я уже ни во что верил, как тут мне пишут, что доской занялся Евгений Городецкий. Почти тридцать лет он живет в Германии, но о Житомире не забывает. Хочет, чтобы в его родном городе случилось что-то по-настоящему важное.

Есть, знаете ли, такие люди, которым мало того, что есть. Им непременно хочется большего. Так, чтобы не на один день, а очень надолго. Вот появится доска, и она переживет нас.

Честно говоря, я опять сомневался. Если столько времени ничего не выходило, то почему сейчас получится? Вместе с тем, события развивались стремительно. Что не неделя, то какие-то новости.

Месяца через три приходит приглашение. Оказывается, мероприятий не одно, а два. Седьмого октября восемнадцатого года состоится марш памяти Бабьего Яра, а восьмого — церемония установления доски.

В аэропорту «Борисполь» меня встречал охранник Городецкого Ваня. По дороге в гостиницу он говорил только о том, какими талантами обладает его начальник, а про Блинова сказал так:

— Это же надо, какого хлопца откопали!

Бабий Яр

Меня несколько раз спрашивали — почему именно эти даты? Выбор, действительно, произвольный, если не считать того, что восьмое следует за седьмым.

Раз эти числа стоят рядом, то это не два мероприятия, а одно. Сперва все вместе идем к Бабьему Яру. Затем переезжаем в Житомир, где состоится церемония установления доски.

Это был не первый, а третий марш. Сначала Городецкий прошел этот путь вместе со своим товарищем. По дороге он написал об этом в Фейсбуке — и его тексты и фото сразу стали постить. Многие выразили желание в следующий раз к нему присоединиться.

О, великий и могучий Фейсбук — СМИ частного человека! Нынешние телевидение и радио не вызывают большого доверия, и он занял их место. Поэтому через год собралось уже сто человек. Их не приглашали — зовут в гости или в кафе, но не на Марш памяти, но они не могли не принять участия.

На третий марш пришло человек триста. Кто-то приехал из Израиля, Германии, Америки. Одна пожилая израильтянка прочла об этом в интернете — и поняла, что должна быть в Киеве. Купила билет, и уже на другой день была вместе с нами.

Еще надо сказать, что в марше участвовали дети из еврейских и немецких школ. Поэтому иврит и немецкий звучали одновременно. Ну и русский с украинским. Сейчас эти языки ничто не разделяло, ибо их носители говорили и думали об одном.

В иной ситуации странно вспоминать погибших родственников, но сейчас не хотелось говорить ни о чем другом. Казалось, ты здесь не только за себя, но и за тех, кого нет. Называешь имя, и этот человек появляется. Пусть его не различить среди сотен спин и затылков, но он где-то тут.

Я рассказал своим спутникам о Марии Григорьевне Рольникайте. Ведь если была она, то должен быть этот марш. Да и моей книги о Блинове не было бы, если бы не ее присутствие рядом.

Детство Рольникайте — это два немецких концлагеря. Плюс ощущение, сформулированное в названии ее книги: «Я должна рассказать». Осознание того, что она живет в истории пришло к ней тогда, когда ее сверстницы еще наряжали кукол.

Кое-что этому предшествовало. Желание запечатлеть увиденное и услышанное появилось у нее одновременно с тем, как она научилась читать и писать. Лет в десять на одесском базаре ее так увлекли разговоры, что она решила их зафиксировать. Эти тексты на небольших карточках стали первым ее свидетельством.

Поэтому в лагере Мария Григорьевна сразу знала, что делать. Она жила общей со всеми жизнью, но тут дело в ракурсе. Человек записывающий смотрит на ситуацию немного со стороны.

После окончания войны Рольникайте тоже старалась для будущего. Казалось бы, зачем ей тряпичные желтые звезды, пропуска в гетто, приказы немецкого командования? В перевернутой верх дном бывшей вильнюсской комендатуре этого «добра» было с избытком. Она не устрашилась, и все это собрала. Так возник ее домашний «музей».

«Музей» — это что-то вроде детского альбома для рисования. Сюда Мария Григорьевна вклеила все, что попало к ней в руки. Ты перелистывал страницы, а она комментировала. Подробно объясняла, как выжить в аду.

Поражало спокойствие. Словно все это произошло не с ней. Тогда я и понял почему «музей». Именно так называется место, где даже боль и страдание становятся экспонатами.

Лишь однажды она не выдержала. Как-то мы обсуждали что-то не столь важное. Вдруг я услышал: «Вы когда-нибудь жили среди мертвых?» — и телефонная трубка сразу стала горячей.

Ну и опять о том, что ее мать и брата уничтожили в газовой камере. А также о том, что с тех пор ее преследует один страх. После войны все страхи ушли, а этот остался.

Когда в апреле шестнадцатого года мы прощались с Марией Григорьевной в петербургском крематории, я сразу вспомнил наш разговор.

— Пожалуйста, — сказала она, — меня только не в крематории!

Так мы двигались дорогой ужаса и безумия. Кто-то вытирал слезы, другие сосредоточенно смотрели перед собой, третья изо всех сил сохраняли спокойствие... Вокруг шумел и спешил Киев, а мы были не с этой колонной, а с той, что шла по этой дороге в октябре сорок первого года.

Марш не только возвращал в прошлое, но его преодолевал. Мы это остро почувствовали, когда вошли в Бабий Яр и встали вокруг огромной меноры. Житомирский раввин Шломо Вильгельм, чуть покачиваясь, прочел «Кадиш». Акция завершалась точкой — нет, все-таки запятой! — ведь молитва побеждает мрак и дает силы жить дальше.

Опять Житомир

В Житомире мне показали строящуюся синагогу. Она не только возникала на месте старой, но вроде как включала ее в себя — в современное здание были вмонтированы фрагменты прежнего фасада.

Когда-то на стене синагоги висела мемориальная доска памяти студента Блинова. Доска не сохранилась, да и от интерьеров не осталось ничего. Только старые кирпичи подтверждали, что все было именно так.

Еще о поступке Блинова рассказывает тот район Житомира, где до революции селились евреи. До войны здесь разговаривали на идиш, а сейчас о том времени напоминает только улица Шолом-Алейхема. Да еще «пер. Ш. Алейхема» — именно так обозначен адрес на одном из домов.

Улыбнулись? Думаю, великий писатель не в обиде. Он ценил все, в чем слышна интонация — ведь это через нее проявляется единственность и неповторимость.

Вот, кстати, повод вспомнить слова Шолом-Алейхема. «Человек подобен столяру, — писал он, — столяр живет, живет, и умирает, и человек тоже...» Значит, столяр вроде как больше человека. Он, столяр, не только ходит, ест, разговаривает, но делает нечто более важное. Такое, что не умрет вместе с ним.

От этой фразы проще перейти к тому, как на другой день мы открывали доску на месте Колиной гибели. Опять пришло много детей. Для тех, кто участвовал в марше, это был еще один урок. Им предстояло узнать, что бывает не только так, как в сорок первом, но и так, как в девяностом пятом. Многие тогда поняли, что зло не настолько монолитно, как казалось прежде.

В этот день я несколько раз проходил мимо доски. Каждый раз повторялась одна и та же картина. Люди шли по своим делам, но, увидев, останавливались. Читали, удивлялись. Понимали, что произошло нечто важное. Не только тогда, более ста лет назад, но и сейчас.

Итоги

В Киеве я видел памятник превращению огня в пепел и мелодии в тишину. При входе на станцию метро «Площадь независимости» стоит пианино. «Лицом» оно повернуто к стене, а к нам «спиной».

Это не просто музыкальный инструмент, но инструмент «с историей». Можно сказать, участник и ветеран. Его притащили сюда во время майдана. Ведь людям на площади нужна не только еда и вода. Уж если здесь оставаться, то под речи ораторов, а еще под Моцарта и Шопена.

Как видите, было пианино, предмет мебели и ежедневное наказание для ребенка, которому никак не удается подобрать мелодию. Вдруг инструмент подняло над привычными обстоятельствами словно волной. С этого момента у него появилась биография.

Вот так и частный человек. Сперва он существует наособицу. Если оторвется от телевизора, то по хозяйственной надобности. Так всю жизнь и курсирует по маршруту — дом- работа-магазин. Ну еще в праздник сходит в кафе.

Наконец, его посещает мысль, что частный — это тот, кто представляет целое.

Взять хотя бы Блинова. Казалось бы, Коля обречен на долгую жизнь на тихой инженерной должности. Так нет же, потянуло вмешаться, и он вышел против толпы. Знал, что погибнет, но не мог поступить иначе.

Евгения Городецкого странно сравнивать с Колей. Что угрожает благополучному немецкому бизнесмену? Если все же что-то случится, то для этого есть охранник Ваня, постоянно маячящий за его спиной.

Вместе с тем, Городецкий сполна выполнил долг частного человека. Многие люди при должностях не справились, а у него получилось. Наверное, ему недостаточно того, что дает бизнес. Хочется чего-то такого, на чем нельзя заработать ничего, кроме репутации.

К Городецкому присоединим его родителей. Они не уехали из Житомира и помогают сыну в здешних делах. Все же он больше в Германии, а они в непосредственной близости от тех инстанций, с которыми надо вести переговоры.

Я даже больше скажу — думаю, все, что делает Городецкий, обращено к матери и отцу. Конечно, к человечеству тоже, но, прежде всего, к ним.

Представьте лестницу. Большая ее часть погружена во тьму, а один участок освещен. На одной ступеньке — дедушка с бабушкой, на другой — родители, на третьей — вы... Кажется, Евгений исходит из этой последовательности. Его акции подтверждают, что жизнь не ограничена настоящим временем. Она, жизнь, имеет длинные корни, — для того, чтобы на них опираться и из них вырастать.

Лев Симкин¹

Женщина матроса Железняка

Его имя носят 20 улиц в разных уголках нашей бывшей родины. И еще пять пароходов, на одном из которых снимался знаменитый «Полосатый рейс». В шести городах стоят ему памятники, однотипные бюсты, в основном. Один из них — в парке подмосковного Долгопрудного, неподалеку от села Федоскино, где родился «матрос Железняк-партизан» — в миру Анатолий Железняков. Ну, тот, который лежит под курганом, заросшим бурьяном, а до того шел на Одессу, а вышел к Херсону, а еще раньше разогнал Учредительное собрание, пошутив напоследок, дескать, караул устал.

Памятник первоначально стоял не там, а на более видном месте — на Дмитровке, у поворота на Долгопрудный. В девяностые его убрали с глаз подальше, кому он нужен. А закладывали куда как торжественно — в год сорокалетия Великого Октября, 3 ноября 1957 года. Церемония сопровождалась митингом, у гранитного камня стоял почётный караул из пионеров, с грузовика-трибуны произносила речь вдова Железнякова — Елена Винда. Правда, тогда она еще не была официально признана вдовой, суд по ее заявлению установил этот «юридический факт» чуть позже.

Елена Винда-Железнякова (на эту фамилию ей выдали паспорт в 1960 году) была рядом с Железняковым в далеком 1919 году. Правда, в семье матроса его женой считали другую женщину, Любовь Альтшуль. Мария Павловна Железнякова (мать) верила, что та растит их «наследника». Сын Любови Абрамовны — Юрий Альтшуль, знакомый мне доцент юридического института, на старости лет вспоминал прикосновение рук сестры матроса Александры Григорьевны (в семье ее звали Саней), не раз его обнимавших.

Побег

...Два летних месяца 1917 года, июль и август, Анатолий Железняков провел в питерских «Крестах», куда попал после неудачной защиты дачи Дурново — приюта анархистов, выбитых оттуда войсками Временного правительства. Бежать из тюрьмы ему помогла его 17-летняя возлюбленная Люба Альтшуль.

За год до того, в 1916 году из маленького Мозыря Люба приехала в Питер делать революцию. «А что ей еще оставалось делать — ехать делать революцию для молодежи было так же естественно, как сейчас отправляться завоевывать столицу», — рассказывал ее сын Юрий Альтшуль в 1995 году корреспондентам «Общей газеты». «Она приехала в Питер шестнадцати лет и сразу поступила на патронный завод Барановского, — продолжал он. — А на заводе Барановского работали одни молодые девицы, и балтийские матросы — в общей массе анархисты, ходили туда, как в парк — знакомиться с девушками. Вот ей и выпало на долю ближе всего сойтись с этими горлохвостами. В общем, не успела она оглянуться, как стала гражданской женой матроса Железняка»².

Правда, согласно семейной легенде, услышанной мной от ее внуков, Любу, веселую хохотушку и певунью, захватили с собой из Мозыря заезжие анархисты. Будто бы матрос Железняк унес ее оттуда — Люба была маленького роста, всего 156 сантиметров — на плечах. Но этого быть не могло — в 1916 году он служил кочегаром на Черном море, и только после Февральской революции вернулся на Балтфлот.

Любовь Альтшуль не оставила воспоминаний. В отличие от другой анархистки — Надежды (Эстер) Улановской, внучки раввина, примерно тогда же уехавшей из Бершади. «В mestechke не происходило ничего красивого, ничего интересного, — вспоминала та. — ...Люди жили только заботой о хлебе насущном. Я понимала, что этого хлеба насущного действительно не хватало, но я считала, что за лучшее будущее надо бороться, а они ни о какой борьбе не помышляли». Можно предположить, что Люба, дочь учителя иврита, испытывала сходные чувства. Правда, Мозырь — это все же не обычное mestechko, хотя евреи там и были в большинстве — 8 синагог, иешива, народное мужское еврейское училище. Действовал боевой отряд Бунда, в октябре 1905 предотвративший неминуемый погром.

¹ Юрист, д.ю.н., профессор, публицист и писатель.

² «Общая газета» № 19(95) 11–17 мая 1995 г.

Улановская, в ту пору шестнадцатилетняя анархистка, приехала в Одессу из местечка после Февральской революции и участвовала в просоветском подполье, распространяла листовки. Здесь она повстречала будущего мужа — Александра Улановского (Израиля Хайкелевича), тогда — анархо-синдикалиста. Вместе с ним она в 1928 году поступит на службу в Разведупр РККА, и будет работать в Шанхае под началом Рихарда Зорге в качестве радистки.

…Свидание с Железняковым в «Крестах» Любे не разрешили, хотя она и сказалась его невестой. Тогда Люба прямо перед окнами тюрьмы махнула платком в их сторону. Решив, что та подает кому-то сигналы, казак замахнулся на девушку плеткой. В ответ она обозвала его «копричником», он, в свою очередь, выхватил шашку из ножен. За всей этой сценой с интересом наблюдали из окон заключенные, многие из них — анархисты.

С «политическими» тюремной администрации обращалась аккуратно, стараясь особо не обижать. «Вот сегодня вы в тюрьме сидите, — говорил один из надзирателей, — а завтра, может быть, министрами станете». Так оно и вышло — сидевший в те же месяцы Лев Троцкий через некоторое время стал вождем революции.

Тюрьма бурно отреагировала на происходящую на ее глазах сцену. Дабы успокоить арестантов, Любे и Железнякову разрешили свидание. Одно, потом другое. Постепенно к ней привыкли и оставляли на свидании одних. Тогда Люба принесла «жениху» маленький браунинг. И еще стальную пилку в хлеб засунула.

В начале сентября он бежал из «Крестов». Перепилив решетку и отогнув ее прутья, Железняков спрыгнул из камеры на крышу соседнего корпуса, оттуда перебрался на крышу другого, совсем близко от дороги и спрыгнул с 7-метровой стены. Там его ждал автомобиль.

С грузинским Чапаевым

«Любка, ты совсем потеряешься в этой буче», — сказал ей матрос Железняк перед отъездом из Петрограда. И привел к коменданту Смольного, по его рекомендации Любу взяли на работу в Военно-революционный комитет. Это было в конце января 1918 года, уже после разгона Учредительного собрания, где он так отлился.

Петроград захлестнула анархистская матросская вольница, «братишки» громили винные склады, проводили обыски и экспроприации. С большим трудом большевикам удалось направить эту разбушевавшуюся массу на Украину на борьбу с «буржуазными националистами». Железняков получил назначение, и не одно. Сразу несколько должностей с пышными названиями: член Верховной коллегии по русско-румынским и бесарабским делам, председатель Революционного штаба Дунайской флотилии и командующий морскими силами только что созданной Одесской народной республики, признавшей над собой высшую власть в лице петроградского Совнаркома.

«Когда в марте 18-го года правительство переехало в Москву, в его техническом аппарате оставалось и моя мать», — рассказывал Юрий Альтшуль. У него не сохранилось фотографий матери тех лет, за одним исключением. В Министерстве безопасности (так в начале девяностых годов называлась будущая ФСБ) ему выдали вынутое из ее уголовного дела фото двадцатых годов, на нем — замученная после допросов женщина. Но обо всем по порядку.

Ближе к лету 1918 года Железняков вернулся в Москву, где в июне началось разоружение анархистов, выбитых из всех занятых ими особняков. Тогда же он во главе отряда моряков с двумя броневиками прибыл на Южный фронт в распоряжение командующего 16-й стрелковой дивизии РККА Василия Киквидзе. Ни в годы Гражданской войны, ни сразу после неё Киквидзе не числился в легендарных красных командирах. В середине тридцатых годов его определили на роль «грузинского Чапаева». Тогда же Щорса тоже провозгласили Чапаевым, но украинским. «Нужно, чтобы у украинского народа был свой Чапаев», — распорядился Сталин.

На фронте Железняков умудрился вступить в конфликт с видным революционером, председателем Высшей военной инспекции Николаем Подвойским. Тот встал на сторону военспецов из отдела снабжения участка фронта, на которых жаловался Железняков (в его полк задерживалась доставка походных кухонь). «С этого дня, помимо преследований со стороны белых, его начинают преследовать и большевики, объявляя его вне закона за то, что он назвал Подвойского саботажником», — напишут год спустя в некрологе его единомышленники-анархисты. На самом деле не только за это — его подозревали в подрыве паровоза, и не без оснований.

Юрий Альтшуль в середине девяностых годов справедливо подметил сходство психологии матроса Железняка со товарищи с партизанами Великой Отечественной, в которой он участвовал, и, представьте, с полевыми командирами первой чеченской. «Еще с войны, — говорит он, — я вынес самые своеобразные впечатления об общении с партизанами и подпольщиками. Страшное дело — никто из них хорошего слова друг о друге не сказал. Мне кажется, что тут главное — особая психология, свойственная полевым командирам, героям иррегулярных армий. Всякий из них сначала вождь, а уже потом воинский начальник. То же самое мы видим сейчас в гражданских войнах на окраинах...»

Дочь офицера

Железняков бежал, скрывался от искавших его чекистов, и только в октябре 1918 года приказом Троцкого был реабилитирован. Его отправили на подпольную работу в знакомую ему Одессу, к тому моменту занятую войсками Антанты. В кармане у Железнякова лежали документы на имя Анатолия Эдуардовича Викторса. С ним была новая возлюбленная — Елена Николаевна Винда, дочь полковника царской армии, добровольно принявшая революцию. За ее плечами к тому времени было несколько месяцев службы в РККА, в дивизии Киквидзе, где они и познакомились с «матросом-партизаном». «1 марта 1918 года я, дочь офицера царской армии, порвала с родными и в Красную армию», — рассказывала она годы спустя.

В течение 1918 года власть в Одессе менялась куда как часто. После конца Одесской советской республики город поочередно занимали войска Центральной Рады, Директории, германские и австро-венгерские части и, наконец, в декабре на военных кораблях приплыли матросы и солдаты Антанты. Согласно официальной версии, матрос Железняк в Одессе превратился в «кампрада Анатоля», агитировавшего французских матросов. Ее авторов не смущает и то, что Железняков не знал французского языка. На это у них есть ответ, что ему помогала «жена Елена Винда». Сама она пишет об этом в своих коротких воспоминаниях, опубликованных в 1960 году, однако детали ее рассказа выглядят не слишком правдоподобно. Например, о том, как она ходила по городу, присматривалась и прислушивалась ко всему происходящему, и обо всем потом «докладывала Анатолию».

Возможно, история их совместной агитации навеяна популярнейшей в свое время пьесой Льва Славина «Интервенция» и ее героями — большевиком Бродским и француженкой Жанной Барбье (прототип — французская коммунистка Жанна Лябурб), агитировавшими войска Антанты. Железняков все же по большей части агитировал среди рабочих, сам работал механиком на судоремонтном заводе.

А что же Люба Альтшуль? С 8 ноября 1917 года она работала в Смольном, в справочном отделе, а в марте 1918 года вместе с переехавшим революционным правительством оказалась в Москве, в Кремле, в техническом аппарате Совнаркома. В начале апреля 1919 года, когда в Одессу пришли красные, она отправилась к Железнякову. Помог ей туда попасть — через фронты — друживший с ним Павел Дыбенко, в те дни ставший военным диктатором Крыма. К Любке с участием отнеслась и тогдашняя жена Дыбенко, «крымская царица» Александра Коллонтай.

То ли в тот момент Елены рядом не было (она уезжала на время в Киев), то ли Железняков ее на время отставил. Спустя девять месяцев после той поездки, 21 декабря 1919 года в Москве у Любы родился сын Юрий. По отчеству она записала его Викторовичем, присвоив отцу ребенка любимое имя матроса Железняка — так звали его брата, Викторса или Викторский — была его партийная кличка.

Смерть героя

Он шёл на Одессу, а вышел к Херсону;
В засаду попался отряд.
Налево — застава,
Махновцы — направо,
И десять осталось гранат.
...Сказали ребята: «Пробьёмся штыками,
И десять гранат — не пустяк!»
Штыком и гранатой
Пробились ребята...
Остался в степи Железняк.

На самом деле после прихода в Одессу красных Железняков командовал бронепоездом. В мае 1919 года он сражался с войсками атамана Григорьева, в июле — на деникинском фронте в составе 14-й армии под командованием К.Е. Ворошилова.

26 июля белые атаковали. Обходным маневром кавалерийский отряд казаков зашел в тыл красных и оказался у станции Верховцево. В результате бронепоезду был отрезан путь к отступлению, и, тем не менее, Железняков решил проскочить занятую белыми станцию. Бронепоезд пошел на прорыв, в три часа дня внезапно ворвавшись на станцию и поливая налево и направо из всех пулеметов. Железняков по грудь высунулся из командирской рубки и стрелял по врагу «по-македонски». Два револьвера у него было — маузер и парабеллум. Поезд уже миновал станцию, когда Железняков вдруг пошатнулся и упал. Рана в область грудной клетки оказалась смертельной. Не приходя в сознание, он умер на следующий день на станции Пятихатки.

«Я стояла в дверях купе, где лежал Анатолий; несколько врачей стояли возле него, — вспоминала Елена Винда. — В этот момент музыка заиграла под окном “Интернационал”. Раненый сделал последнее усилие и крикнул: “Да здравствует революция! Да здравствует советская социалистическая Россия!”».

Из Пятихаток бронепоезд выдвинулся к фронту, а Винда повезла тело Железнякова санпоездом в Киев. Анатолия одели в штатский костюм, который он взял с собой из Одессы; морской формы у него с собой не было, а военную, пропитанную кровью, пришлось выбросить. В Москву Елена, по-видимому, не поехала.

«...Под охраной верных товарищих тело убитого героя было отправлено в центр революционного мира — в Москву. С Киевского вокзала гроб с телом покойного везли через весь город на броневике в качестве катафалка в сопровождении оркестра и толп народу. Впереди несли фотопортрет Железнякова в морской форме».

На первых полосах газет 3 августа 1919 года вышли некрологи.

«Пал геройской смертью матрос Железняк, смелый боец, ненавидимый всеми врагами за разгон белоэсеровской Учредилки, бессменный фронтовик гражданской войны» («Известия ВЦИК»).

«Находясь непрерывно на фронте, все время работал рука об руку с коммунистической партией» («Правда»).

«Рука об руку».... На траурной панихиде рядом с красными большевистскими знаменами развивались черные знамена анархистов. Любовь Альтшуль запомнилось, как представитель анархистов закончил траурную речь словами, обращенными к большевикам: «Мы доказали, что умеем умирать вместе с вами. Докажите вы, что можете жить с нами».

Неизвестно, кто был этот наивный оратор, возможно, Н. Павлов, автор цитируемого мною анархистского некролога, которому, понятно, не нашлось места в центральных газетах. «Кому был неизвестен тов. Анатолий? — говорилось в нем. — Всеми он был любим и уважаем, как энергичная личность, боровшаяся не за жалкие государственные реформы, а за полное раскрепощение труда — Анархию. ...С мыслью о тебе, мы будем продолжать наше общее дело — борьбу за достижение святых идеалов Анархии».

Версия

Пышная церемония похорон, по мнению его соратников, была матросу Железняку не совсем по чину. Похороны по первому разряду наводили на подозрение, что власть таким образом отмечает память тех, с кем перед этим расправилась. Как раз в это время большевики начали избавляться от недавних попутчиков — анархистов, левых эсеров.

Когда за полгода до гибели Железнякова был убит в спину его друг Киквидзе, его соратники — левые эсеры — не верили в смерть от шальной пули. Согласно их версии, незадолго до смерти к нему в руки попали документы о подготовке на него покушения некоей «тайной боевой дружиной», приехавшей из Питерской ЧК. Через месяц после гибели Железнякова погиб тоже от шальной пули (петлюровского пулемётчика) Николай Щорс, одно время примыкавший к левым эсерам. Они были схожи по характеру. Известен случай, описанный в романе Василия Гроссмана «Жизнь и судьба», как он приказал выпороть в своем вагоне членов комиссии, присланной Реввоенсоветом ревизовать щорсовский штаб.

Надежда Улановская в своих мемуарах со слов мужа высказывала подозрения, «что убили Железнякова большевики: к тому времени, когда он попал на юг, после Октября, у них были с ним счеты как с анархистом, его объявили вне закона. Но Железняков умел воевать, значит, мог принести пользу. Заместителем ему дали большевика, после гибели Железнякова он стал командиром, но бойцы его не любили... Есть основания считать, что этот большевик его и застрелил, смертельно ранил в спину во время боя».

Обе женщины, близкие к Железнякову, не верили в то, что его сразила шальная пуля. В 1970 году Елена Винда сообщила украинскому историку Анатолию Дикому, что фельдшер, осматривавший рану (врача не было) на станции Эрастовка, сказал, что то был выстрел с короткой дистанции, причем, пуля револьверная. Иными словами, она имела в виду, что Железнякова убрал кто-то свой, находившийся на бронепоезде.

Юрий Альтшуль вспоминал, что приходившие к его матери друзья Железнякова были уверены, что его убили по приказу Ворошилова, командовавшего армией, в составе которой он воевал. Кто мог такое подумать и, более того, произнести вслух? Павел Дыбенко, который в ту пору был в больших чинах? Николай Ховрин, служивший в Наркомате ВМФ? Или Павел Мальков, матрос, ставший первым комендантом Московского Кремля, тот, кто лично расстрелял Фанни Каплан?

В памяти Юрия Альтшуля осталось то, что в разговорах гости матери называли организатором убийства начальника особого отдела 14-й армии. «Он был первым ворошиловским стрелком и большой свиньей. Он, надо полагать, догадывался, что за двусмысленные обстоятельства смерти Железняка ни с него, ни с команда не спросят». Об этом человеке — начальнике особого отдела армии — известно лишь то, что его звали Иваном Воронцовым, и что он сын священника и семинарист, революционер с дореволюционным стажем. После Гражданской занимал важные посты, вплоть до начальника Главного управления пограничной охраны и войск ОГПУ, расстрелян в 37-м.

На Соловках

Анархистское прошлое аукнулось Любе Альтшуль после окончания Гражданской войны. Анархистов стали открыто преследовать, и это при том, что сами они с большевиками уже не боролись, терпеливо ожидая обещанной Лениным эволюции «диктатуры пролетариата» в сторону «отмирания государства». Понимали, что все их надежды на «стихийную анархизацию масс трудящихся» по Петру Кропоткину не оправдались. Сам Кропоткин последние два года жизни тихо прожил в подмосковном Дмитрове, откуда 10 февраля 1921 года на Савеловский вокзал прибыл траурный поезд с его телом. Гроб был выставлен в Колонном зале Дома Союзов, около него в почетном карауле стояли немногие остававшиеся на свободе соратники Кропоткина. Дочь Кропоткина Александра направила письмо Ленину с просьбой об освобождении в день похорон анархистов, сидевших в московских тюрьмах, хотя бы на несколько часов.

Траурное шествие прошло от Охотного ряда до Новодевичьего кладбища, после похорон все отправились на гражданскую панихиду в свой клуб, а вечером добровольно вернулись на Лубянку. Но духом они не пали, по пути распевали крамольные частушки.

Наш Ленин испугался,
Издал манифест:
Мертвым все почести,
Живых под арест.

В эти самые дни Люба пребывала поблизости — в тюрьме Московского губернского отдела ВЧК в Большом Кисельном переулке, куда, согласно данным «Мемориала», она поступила после ареста 8 февраля 1921 года³. Правда, по добытой ее сыном справке Министерства безопасности РФ от 30 июня 1993 года. 20 октября 1921 года ее арестовали в Брянске за участие в контрреволюционной организации анархистов. Как она оказалась в Брянске? Со слов ее внука, она сбежала туда из Москвы, чуть ли не из-под ареста. Оттуда под конвоем была препровождена обратно.

³ Материалы к биографическому словарю социалистов и анархистов. НИПЦ «Мемориал» (Москва).

Согласно семейной легенде, переданной мне ее племянницей, красноармеец Александр Афанасьев, командированный сопровождать Любку в Москву, встретив ее сестру Раю, в нее влюбился. И с того же 1921 года они стали жить в гражданском браке.

4 января 1922 года, по постановлению президиума ВЧК, Любка была выслана на два года в административном порядке в Архангельскую губернию. Обвинили ее в принадлежности к контрреволюционной организации анархистов и проживании по фиктивным документам. Встретила она приговор голодовкой, даже двумя — в январе и феврале 1922 года.

Двухгодовалый сын был заблаговременно оставлен Любкой у родителей в Мозыре. Только-только там все успокоилось, ведь в Гражданскую войну город занимали и немцы, и петлюровцы, и поляки, и различные банды. В момент отступления кого-то из них отца Любки, по словам родных, «практически повесили», но его успели вытащить из петли, он чудом остался жив.

По прибытии в Архангельск ее заключили в Пертоминский лагерь — один из первых советских концлагерей. И уже 18 ноября 1922 года предоставили отпуск — с правом выезда на родину в Мозырь, чтобы отвезти заболевшего туберкулезом сына на лечение в Сухум, где жили ее родственники. Тогда это было возможно — времена были вегетарианские. Согласно архивной справке, «из отпуска Альтшуль Л.А. вовремя не вернулась». На самом деле, как следует из документов в архиве «Мемориала», она просила продлить отпуск, и в декабре 1922 года от имени Комитета помощи заключенным за нее ходатайствовала Екатерина Павловна Пешкова, первая жена Максима Горького. «По справке 23.XII.22 отказано».

В Архангельск она вернулась вместе с трехлетним сыном. Тем временем на месте ликвидированного Соловецкого монастыря был создан Соловецкий лагерь принудительных работ, впоследствии — Соловецкий лагерь особого назначения (СЛОН). Туда одной из первых — на один год — попала Любка. Согласно постановлению комиссии НКВД от 7 сентября 1923 года, ее отправили на Соловки за соучастие в побеге анархиста Ивана Чарина из архангельского концлагеря. Как именно Любка содействовала его побегу, неизвестно. Известно лишь, что побег оказался неудачным, Чарина приговорили к трем годам лишения свободы и тоже отправили на Соловки, где заключенные анархисты избрали его своим старостой. Упоминание о нем есть в «Очерках о Соловках» эмигранта Ивана Савина. «Заключённые умирают совершенно беспомощно, главным образом от цинги, туберкулёза, систематического недоедания, малярии, разрыва сердца. Очень много случаев психических заболеваний (много шуму наделало сумасшествие анархиста Чарина)».

Как рассказывал Юрий Альтшуль, «когда оглашающие приговор товарищи ей сообщили, что она не может взять с собой на Соловки ребенка, Любка начала сына душить. Сказала, что задушит на глазах высокого собрания, если им не разрешат поехать вместе». Ей разрешили. Любка поехала на Соловки с большой медной ванночкой — чтобы купать ребенка. В памяти сына сохранилось, как «то один, то другой из конвоиров заходил в своих высоких сапогах в море почти по колено и на штык накалывал плавающие вокруг морские звезды». У них дома в Москве, в Мажоровом переулке «ещё долго хранились эти высушенные звезды с дырками посередине».

Мажоров переулок

С 1924 года Любка живет в Москве, вместе с семьей сестры и сыном, в двух комнатах коммуналки бывшего барского дома с мраморным камином в Мажоровом переулке. Родителям удалось эмигрировать — в семье сохранилось воспоминание, как отец из окна отходящего поезда двумя руками показывал фигуры из трех пальцев покидающей родине.

Любе было всего 23 года, столько и студенту из смеляковского стихотворения. Почему-то я представляю Любку, которая, по словам родных, была веселой хохотушкой, похожей на воспетую Ярославом Смеляковым ее тезку.

Посредине лета
высыхают губы.
Отойдём в сторонку,
сядем на диван.
Вспомним, погорюем,
сядем, моя Любка,

Сядем посмеёмся,
Любка Фейгельман!

Когда ей было немногим за тридцать, Люба вышла замуж, вскоре у Юрия появились брат и сестра. Она поступила работать в химическую артель, где «за вредность» платили приличные деньги, и, возможно, вместе с сестрой Раей занималась «общественной работой». У Раиных детей сохранилась выданная 15 сентября 1935 года справка. «Дана т. Афанасьевой Р.О. в том, что она в течение двух лет работала по заданию Ленинского Р.С. СВБ в качестве организатора ячейки СВБ по неорганизованному населению». СВБ — это Союз воинствующих безбожников, а представитель «неорганизованного населения» — занимавшая одну комнату в той же коммуналке соседка Наталья Александровна, у которой в «красном углу» были иконы и лампадка.

Юрий Альтшуль вспоминал, что, начиная с его дошкольных лет, в гостях у матери бывало много матросов. Он «плохо слушал их рассказы — дети обычно равнодушины к родительской жизни». Единственное, что ему запомнилось — истории о матросе Железняке. Слышанные в детстве, задолго до того, как запели песню о матросе-партизане. Когда он впервые услышал песню, спросил у матери, не тот ли это Железняк, которого часто вспоминали ее гости. Отвечала она уклончиво. Люба опасалась нового ареста, предполагая, что поводом может стать ее дружба с «врагом народа» Дыбенко, другом Железнякова. Останься тот жив, схоже могла сложиться и его судьба.

В 1939 году Юрия призвали в армию. Он успел поучаствовать в «той войне незнаменитой» — с финнами на Карельском перешейке. Когда началась новая, большая война, поступил в военное училище и в ноябре 1941 года, после ускоренного курса, воевал под Москвой. В феврале 1942 года участвовал в танковом десанте в тыл немецких войск на Варшавском шоссе. Один из эпизодов того десанта он позже описал в повести «Взвод лейтенанта Железнякова». «...Не каждому на войне выпадает счастье умереть за город, хотя бы и за малый. Чаще, намного чаще солдатская жизнь обрывается в бою за бугор, за опушку леса, за безымянный мост на безымянной дороге. Тысяча сто пятьдесят четвертому полку повезло. Он должен был умереть за город Юхнов»⁴.

Раз уж пришлось упомянуть эту повесть, забегу немного вперед и скажу, что в шестидесятые, время «лейтенантской прозы», Юрий стал писать прозу под псевдонимом Юрий Туманов. В каждом его рассказе и в каждой его повести главным героем служит юный лейтенант, и его обязательно зовут Виктор Железняков. И всякий раз сюжет построен на том, что он совершает прекрасные поступки, не укладывающиеся, однако, в рамки законопослушания

Юрий Альтшуль был награжден орденами Боевого Красного знамени, Красной звезды, медалями. Из одного из его наградных листов я узнал, что когда 6 октября 1943 года в бою за деревню Барсуки вышел весь запас снарядов, он «поднял весь личный состав батареи в штыковую атаку и уничтожил до 30 солдат и офицеров противника». На Одере, уже будучи командиром артдивизиона, Юрий был тяжело ранен и вернулся в Москву в 1945 году на костылях, в свои 25 лет — инвалид Великой Отечественной войны.

Всю войну он направлял свой офицерский аттестат матери, благодаря ему младшие дети нормально росли. После войны сын анархистов решил стать юристом и поступил в заочный юридический институт, после окончания остался в нем работать в учебной части, потом перешел на преподавательскую работу. Там же встретил будущую жену Миту (Риту), всю войну прослужившую в частях ПВО. Правда, у той был жених, но бравый майор начал методичную осаду: почти ежедневно с младшей сестрёнкой приходил к ее дому, а в конце концов просто «украл» ее паспорт. Пришлось ей покориться судьбе.

Спустя два года случилась неприятность. Весной 1951 года пришел участковый и вызвал мать в милицию, в паспортный стол. Оттуда та «вернулась с новым паспортом — документом прокаженного», по нему ей запрещалось жить в Москве, Ленинграде и других крупных городах. «Ох, как вскипал отставной полковой командир, бессменный фронтовик, четыре года не выходивший из окопов Отечественной войны», — вспоминал Юрий Альтшуль, — происходящее показалось ему чудовищной несправедливостью. «Мою мать — куда? А я только что пришел с войны — это что-нибудь, как мне казалось, да значило... Я не мог прийти в себя: за

⁴ Туманов Ю.В. Десант. Художественно-документальная повесть о героизме воинов, сражавшихся за освобождение Юхнова. — Тула, 1988.

что все-таки мою мать высылают?» «Сами должны понимать, товарищ майор», — услышал он от милицейского начальника и, понятно, стушевался.

Так эта история описана в его книге (о ней расскажу позже). В семье же ее знают несколько иначе. С привезенным с фронта трофеем испанским пистолетом Юрий пришел в милицию, ворвался к начальнику паспортного стола и обозвал его тыловой крысой. Тот оказался приличным человеком и не стал звать на помощь, сказал только — оружие убери! На всякий случай, вернувшись домой, Юрий пропитал маслом тряпку, завернул в нее пистолет и закопал на пустыре, впоследствии застроенном «хрущевками».

Бессстрашный человек, как о нем вспоминают родные и коллеги. Он мог не подать руки «стукачу», сказать в лицо негодяю, что о нем думает, и вообще не лез за словом карман. В этом отношении Юрий пошел не только от отца, но и в маму — та, говорят, отличалась прямотой.

Примерно в то же время в стране начались аресты немногих уцелевших анархистов. В 1949 году, невзирая на заслуги, был арестован друг Железнякова Александр Улановский. Незадолго до того он написал письмо Сталину, где напоминал о совместно проведенной ссылке в Туруханском крае, не помогло. В советских лагерях оказалась вдова Махно и даже писательница Евгения Таратута — из-за того только, что была дочерью анархиста, расстрелянного в 1937 году.

Любови Абрамовне удалось уехать в ссылку вместе с десятилетней дочкой Ириной. Прямо перед отъездом умер ее муж. Сын Виктор остался в Москве, он уже работал и учился. Виктор — ее любимое имя, выдуманное отчество одного сына и имя другого.

Провожая мать в ссылку, Юрий спросил, что она думает о ее причинах. «Припомнили мне Железняка», — был ее ответ. Так он узнал, кем был его отец.

Она Ленина видела

А когда остальные члены семьи об этом узнали? Всем внукам Любы я задавал этот вопрос, прямым и внучатым племянникам — никто этого момента не помнит. «Я себя не воспринимаю внучкой матроса Железняка», — сказал мне Татьяна, единственная дочь Юрия Викторовича. Отец никогда не говорил на эту тему, хотя впервые она услышала о Железнякове (как о деде) от кого-то в семье в конце пятидесятых. Это было, когда они еще жили в тех же двух комнатах в Мажоровом переулке. В тесноте, вместе с бабушкой (она вернулась в 53-м, и ее больше не трогали) и ее повзрослевшими детьми. Еще она помнит, как часто у них останавливались на ночлег друзья отца — фронтовики, они спали в их единственной комнате за занавеской.

Бабушка спала на досках, еще до войны получила травму, вырос горбик, внук Саша помогал ей надевать корсет. Я с ним тоже разговаривал, он вспомнил, как его в детстве поразило то, что бабушка видела Ленина, и не раз. В столовой Смольного обедала от него через стол. Сохранилась справка: «Альтшуль Л.А. с 8 ноября 1917 работала в Смольном, в справочном отделе». Начала она что-то о себе рассказывать только в шестидесятые годы, прежде считала это опасным. В 1962 году до нее чудом дошло коротенькое письмо из Израиля от брата Хaima, но связь не была поддержана.

К сорокалетию Великого Октября о Железнякове вспомнили советские пропагандисты. К Любови Абрамовне пришел и в присутствии сына взял интервью журналист Евгений Мар, автор книги «В гостях у Ленина» и «документальных рассказов о героях-тружениках первых пятилеток, о великих стройках нашего времени». Он занимался подготовкой первого (и, как оказалось, последнего) сборника воспоминаний об Анатолии Железнякове⁵. С ним поделились рассказами те немногие из знавших «матроса-партизана», кто были к тому моменту живы — его сестра Александра, Николай Хохрин, Елена Винда и Любовь Абрамовна. Опубликованные тексты, понятно, носили парадный характер, и все же что-то можно было оттуда почерпнуть.

Суд

Объявила себя настоящей вдовой героя Елена Винда — та, которую Юрий Альтшуль называл с присущей ему прямотой «походно-полевой женой». Матрос Железняк свои отношения с ней (как и с Любой) не оформлял, но в то время это было не очень-то принято. Правда, захотел бы — мог оформить.

⁵ Матрос Железняк. М., Политиздат, 1959.

«Жёны бойцов Красной армии получали пайки, и Алёша решил меня узаконить, — вспоминает Улановская. — Железняков выдал мне справку, что такая-то является женой бойца бронепоезда имени Худякова».

Такой справки у Елены Винда не было.

За год до того, 25 марта 1918 года в газете «Правда» была опубликована информация о браке Павла Дыбенко и Александры Коллонтай. Ее инициатором якобы был сам Ленин: он счел важным открыть первую советскую книгу актов гражданского состояния записью об их регистрации.

Елена Винда решила через суд стать официальной вдовой героя, пусть и спустя 40 лет после его гибели. Положение вдовы матроса Железняка сулило немалые дивиденды. Возможно, Винду вдохновлял пример Фрумы Ефимовны Ростовой-Щорс, в прошлом Хая Хайкиной (Ростова — это была ее партийная кличка). «Хая в кожаных штанах» — так называли коменданта приграничного с Украиной города Унечи. Она разъезжала в седле на лошади, в кожаной куртке и кожаных штанах, с маузером на боку. В ее обязанности входило не выпускать из страны всех подозрительных граждан — «врагов советской власти». «Она сама обыскивает, сама судит, сама расстреливает: сидит на крылечке, тут судит, тут и расстреливает», — писала о ней Надежда Тэффи, которая в 1918 году вместе с Аверченко бежала от советской власти в Киев.

Там же Хая повстречала Николая Щорса, командира Богунского полка, формировавшего его из отдельных украинских партизанских отрядов и местных жителей. После гибели Щорса она, как и Винда, сопровождала гроб с телом мужа, только не в Москву, а в Самару. Спустя полгода после гибели Щорса (август 1919 года) у нее от него родилась дочь Валентина. «Данных о регистрации брака с Щорсом не имеется», — написано о ней в Википедии. Тем не менее, она до самой смерти в 1977 году «работала» вдовой Щорса.

Правда, у Елены Винда не было ребенка от героя, он был у другой. И Елена решила сделать так, чтобы эта другая пошла свидетельствовать в суд в ее пользу. И приехала Любя в этом убедить. Начала она с того, что поставила ее с собой на одну доску: «Ты была первой женой, я — последней». Но ее могут признать таковой, а Любя — никогда. «У тебя-то шансов нет, — уговаривала она, — ты что, Любя, не понимаешь, что советский суд никогда не признает еврейку женой героя Октября?». Любя все понимала, она многое прошла за минувшие годы — и Соловки, и ссылку. Она всю жизнь провела в страхе, не привыкла высовываться, к тому же всего несколько лет минуло с «Дела врачей».

Правда, жены-еврейки были у Сергея Кирова, Клиmenta Ворошилова и даже у Александра Поскребышева, и это если не считать Николая Бухарина, Николая Ежова, Алексея Рыкова. Давно замечено — революционеры из народа почему-то предпочитали в качестве спутниц жизни дворянок или же женщин из-за черты оседлости. «Матрос-партизан» выбрал оба варианта сразу. Верность женщине не была его сильной стороной.

«Высокая, худая женщина в темном облегающем платье-костюме ходила по комнатам на негнувшихся худых ногах, стуча каблуками каких-то мужских башмаков», — вспоминал Юрий Альтшуль, присутствовавший при ее беседе с матерью. Никакого сравнения с виденной им фотографией Елены Винды 20-го года, откуда «сияло прекрасное женское лицо чуть ли не неземного очарования». Даже по его мнению, с дворянской дочерью еврейка из местечка не выдерживала конкуренции.

Винда добилась своего, Любя сказала, что ни на что не претендует. Юрий в их разговор не вмешивался, хотя ему многое в нем не понравилось. И особенно то, как та «рассказывала, рассказывала о каких-то воинских частях, где служила чуть ли не четверть века с небольшими перерывами, то ли на ссылки, то ли на другие конфликты с властями». Он так и не понял, кем же и где она служила. По его предположению, «санчасть дивизии, армейский госпиталь, политотдел какой-нибудь».

Чем Винда занималась все сорок лет после гибели Железнякова? В архиве мне удалось обнаружить о ней совсем немногое — осенью 1922 года Винда Елена Николаевна работала в Наркомате Рабоче-крестьянской инспекции. Видно, совсем недолго. «А я сразу в армию, — рассказывала она в доме Альтшулей. — А в армии им меня не достать». Видно, боялась, что, если будет на виду, рискует — «эксплуататорское происхождение» (дворянка), да к тому же связь с анархистами. И только на излете пятидесятых решила, так сказать, «разоружиться перед партией». Больше бояться было нечего — наступила оттепель.

«Эта поганая страна всем нам кругом должна», — сказала Винда. Его покоробило — как же можно называть поганой страну, за которую полегло столько его товарищей. «Что-то мы должны с нее требовать, — продолжала она. — Тебе, Любя, ничего с них не взять. Ну а мне, я думаю, должно обломиться».

И «обломилось». Повышенная пенсия и ключи от отдельной квартиры в Москве на бульваре Железнякова. «С паршивой овцы хоть шерсти клок» — так она прокомментировала это событие. Всего лишь «шерсти клок»

— это потому, что вдове Щорса «обломилось» побольше, та получила квартиру в правительственном «Доме на набережной».

Грянули впоследствии всякие хренации,
Следователь-хмурик на пенсии в Москве,
А справочку с печатью о реабилитации
Выслали в Калинин пророковой вдове.

Любови Альтшуль, в отличие от героини песни Александра Галича, никто справку о реабилитации не высыпал. Уже после смерти мамы Юрий начал писать запросы в архивы и добился ее реабилитации только в 1993 году.

В 1995 году Юрий Альтшуль решил открыть тайну своего рождения и имя отца в письме главному редактору Общей газеты Егору Яковлеву. С приехавшими по письму корреспондентами газеты они съездили на могилу отца. Отца ли? Никаких подтверждающих документов, понятно, не существует. Но, думаю, это правда. Ведь он молчал в те годы, когда мог использовать это обстоятельство себе на пользу — ему бы могли поверить. На старости лет это ему ничего не давало, лишь расставляло точки над i.

Незадолго до смерти, наступившей 12 июля 1996 года, Юрий Альтшуль написал о нем книгу и издал ее скромным тиражом, за свой счет. Книгу эту — «Жизнь и смерть матроса Железняка» — я нашел не сразу. Ее не оказалось ни в Ленинке, ни в Исторической библиотеке — после долгих поисков выяснилось, что в каталоге последней книга есть, а на полках — нет, пропала. Пришлось просить помощи в соцсетях, и благодаря френдам, книга обнаружилась в подмосковной Балашихе⁶.

Ее предваряет посвящение: «Моей матери — несгибаемой Любови Абрамовне Альтшуль, которую не сломили ни каторга, ни ссылки, ни тяжкая жизнь. Все свои земные годы работавшей на износ, через силу, всем нам в помощь...» Умерла Любовь Альтшуль на 77 году жизни — «в шесть часов утра, никого не беспокоя, перемыв всю посуду».

⁶ Юрий Альтшуль. Жизнь и смерть матроса Железняка. М., 1994.

Сергей Эйгенсон¹

Театр

Я перечитал написанное и пришел к выводу, что тут не столько о театре, сколько обо мне самом. Но тут уж ничего не могу поделать. Видеть мир чужими глазами я совсем не умею. Подняться надо всем, посмотреть с точки зрения Вечности... это не для меня, уж простите.

Не могу себя назвать таким уж театралом, но совсем не встречаться с театральной сценой я же не мог. Началось с того, что года в три меня повели в Молотовский (нынче он Пермский) театр оперы и балета на «Бахчисарайский фонтан». Идти было недалеко, от дедова дома метров триста. Все было хорошо, но, когда на сцене стали разеваться лоскуты материи, обозначающие пожар, а под ними закружился кордебалет, изображающий собой набег крымских татар хана Гирея с саблями, я испугался и зарыдал, хорошо, что хоть не описался. Пришлось тетке меня забирать из ложи и вести домой, на ходу объясняя, что это все не взаимодействует.

В следующей моей встрече с театральным искусством я уже оказался на сцене. Было это километров на триста южнее, в небольшом рабочем городе Черниковске (теперь это часть столицы Башкирии Уфы). Дело в том, что я с пяти лет стал преданным читателем Детской библиотеки. Заодно тогда же я себя идентифицировал в национальном смысле. Надо было заполнять библиотечный формуляр, где среди прочего была графа «национальность». Надо что-то ставить. Я проконсультировался с мамой и написал «еврей». По Галахе так не получалось, но в пять лет я о существовании Галахи не знал.

Так вот в нашей библиотеке к Новому году была поставлена самодеятельная «Красная Шапочка». Мне досталась ответственная роль Второго Таракана. На меня надели коричневый мохнатый комбинезон, и я громко призывал других тараканов насыпать Волку песку в ботинки. В итоге все мы, лесные животные, птицы и насекомые совместными усилиями спасли Шапочку и победили хищника. После окончания спектакля актерам выдали по куску торта и я, сколько помнится, начал его есть, не сняв комбинезон, прямо лапками. Орал я так сильно, что получил общегородскую славу. Мама жаловалась, что за ее спиной слышен громкий шепот: «Тараканья мама идет!»

Между прочим, я такой инсценировки этой сказки больше никогда не видел. Если учесть, что в нашем городке селили многих репатриантов из Харбина и Шанхая, не исключен вариант, что ее автор был из русских эмигрантов и до нас ее ставили там, за кордоном.

Дальше я время от времени выступаю на смотрках художественной самодеятельности, но не в сценках, а с чтением стихов, по большей части — Маяковского. В Уфе театры были, даже не один: Башкирский театр Драмы, Республиканский Русский Театр, Театр Оперы и Балета, но я туда как-то не очень ходил. Ну, уровень вы же себе представляете? Иногда приезжали гастролеры. Тоже почему-то в памяти не отложились. Разве что однажды Ленинградский Театр Комедии привез «Ревизора», где Осипа играл любимец всей страны Сергей Филиппов. Помню, как он перекладывался и потягивался на барской кровати. Но и то, сказать, чтобы спектакль очень много добавил к впечатлению от чтения пьесы... нет, не получается.

В 15 лет мы с моей мамой поехали в Москву. Разумеется, для просвещения провинциального подростка были куплены билеты в Малый и МХАТ. В Малом мы смотрели какую-то чепуховую советскую комедию, что-то вроде «Карточного домика». На что я был неопытным, но и то понял, что лабуда. А во МХАТЕ мы пошли на шиллеровскую «Марию Стюарт», где Марию играла Тарасова, а Елизавету — Степанова. Ну, тут совсем другое дело. Не потому, что Народные, а действительно две великие артистки.

Но был один момент... в общем, я спросил маму: «Слушай, а сколько им лет?» Что-то я об их успехах в 20-30-х годах уже слышал. Когда узнал, что за шестьдесят, то немного загрустил. Собственно, эта традиция и до сих пор сохранилась. Те артисты, которые пришли на сцену или эстраду еще во время Оттепели, продолжают держаться за стариков. Может быть, чтобы не упасть.

¹ Инженер-исследователь в области нефтедобычи, писатель и публицист.

Но вообще я в ту пору имел дело с театром главным образом по радио. Началось с передач Детской Редакции, была там в ту пору редактором Роза Иоффе, вот она и выпускала чарующие постановки по «Старику Хоттабычу», «Малахитовой шкатулке», «Приключениям Буратино» и так далее. Ну, а потом и более взрослые спектакли из серии «Театр у микрофона». Помню волшебный голос Бабановой, постановки Шекспира, что-то из Льва Толстого про «изюминку». Я еще очень любил оперетту, помню бойкие куплеты Канделаки, какую-то постановку «Сильвы», ну, и «Вольный ветер», конечно. Но желания обязательно увидеть это все почти не возникало.

Параллельно с этим шла школа, а в ней, разумеется, был театральный кружок. Ну, а я куда только в ту пору не ходил. Во-первых, матшкола и республиканские олимпиады, потом химия — я был ярым активистом в школьном химкружке, но еще и ходил в городской дом пионеров и в тамошнем кружке был старостой. Помню, как на вечере химии мы показывали простенькие фокусы на уровне «схождения благодатного огня». Еще радиокружок, но я скоро перестал туда наведываться и мастерил простенькие радиосхемы на дому, благо родители это поощряли. И вот еще театральный. Началось с «Недоросля», в котором я играл резонера... не то Правдина, не то Стародума, уже и не вспомню, а мой приятель Фима — няню Еремеевну. Потом было, конечно, «Горе от ума», где я изображал полковника Скалозуба и очень горевал, что голос у меня высоковат, тут нужен бас.

Но больше всего мне нравилась роль иркутского генерал-губернатора в некрасовских «Русских женщинах». Княгиней Трубецкой была моя одноклассница Эля, которая мне очень нравилась. По ходу постановки я должен был целовать ей руку. Опыта ни у нее, ни у меня не было. Поэтому нам пришлось после уроков запираться в классе, чтобы отработать ситуацию. Ну, привыкли, перестали краснеть и в итоге славно сыграли роли — она в платье с открытыми плечами, а я в сюртуке с эполетами из школьного чулана. Театральной карьеры впоследствии ни у меня, ни у Элечки не образовалось, но интерес к театру это поддержало. Я потом водил ее на концерты приезжавших в Уфу джаз-оркестров Рознера и Лундстрема. Надеюсь, что и у нее остались об этом неплохие воспоминания.

В шестнадцать лет я впервые съездил с родителями на юг в Кисловодск. Там опять встретился с акимовским Театром Комедии на гастролях. Мы сходили на постановку модной комедии «Опаснее врага». Ну, такая сильно оттепельная комедия, где действие происходит во ВНИИКефира, положительные молодые герои разрабатывают кефирные таблетки для космонавтов, их пожилой завлаб по фамилии Иззагардинер им всячески сочувствует, но и предостерегает, ссылаясь на личный опыт начала 50-х, а один из главных врагов это завкадрами, который запускает к себе за перегородку посетителей возгласом «Ведите! В смысле — войдите». Смешно, конечно. Особенno, если это не тебе иметь дело с таким начальством. В общем, понравилось, я пришел к выводу, что хороший театр — это интересное времяпрепровождение.

Между тем школа взяла, да и закончилась. Пшел я в итоге в нефтяной институт, благо и отец нефтяник, и вырос я в городе нефтепереработки, и в прошлом были химкружки и еще воскресная химическая школа при университете. Ну, я несколько метался между возможными специальностями от физмата до истфака. Может быть, еще и то сказалось, что до нашего Нефтяного мне идти было шесть минут.

Для новых студентов без двухлетнего производственного стажа у нас был «хрущевский сэндвич». Начиная с конца октября мы на два года шли работать на здешние заводы. Те, кто был по специальности «Переработка нефти и газа» на Новоуфимский нефтеперерабатывающий операторами на установки, те, кто был по специальности «Контрольно-измерительные приборы» шли слесарями именно что КИП, а мы, нефтехимики, отправились на завод Синтезспирт, аппаратчиками тоже в цеха. Я-то попал в цех по производству изопропилбензола. Раньше это была самая эффективная высокооктановая добавка для авиабензина, а в мое время поршневые авиационные двигатели на бензине превращались уже во что-то вроде парусов. То есть, оно вроде бы и есть, но уже осталось на самых примитивных рыбакских шаландах, либо в виде спортивных или отдыхательных яхт. Так и в воздухе реактивные двигатели на керосине вытеснили поршень в любительские полеты и сельхозавиацию. Наш продукт уходил на производство альфаметилстирольного каучука, а после пуска нового цеха — на производство фенола и ацетона.

Теоретически мы при этом продолжали учиться вечерами либо на специальных дублях лекций с утра для тех, кто работает в вечернюю смену. Ну, там... по мелочам. Высшая математика не в очень большом объеме,

история КПСС, теоретическая механика, еще что-то. Даже сессии сдавали, но при том темпе, когда материал одного семестра растянут на три, не сдать было просто невозможно, даже для самых тупых и ленивых. Никакого участия в жизни ВУЗа при этом, конечно, не было. На комсомольском учете мы были на заводах, встречались более не в институте на лекциях, а в заводской столовой по дороге на смену. К слову скажу, что на нас этот эксперимент закончился, как, впрочем, и прочие хрущевские эксперименты. А напрасно, с моей точки зрения. Мы о своей будущей специальности узнали не так мало, при этом — с позиции пролетария, которому крутить задвижку.

Но все кончается, кончился и наш трудовой процесс на заводах, мы вернулись под кров родного ВУЗа. Где-то к концу первого месяца нового семестра меня вызывала к себе в кабинет наша деканша Любовь Нисоновна Пиркис, по кличке «Тетя Пи» и сказала, что кроме прочего в институте предстоит конкурс худсамодеятельности — так что я и мои друзья можем сделать для родного факультета? Тут она, в общем, угадала. К тому времени уже сложилась довольно спаянная компания, имевшая базу в квартире уехавших в Индию на строительство НПЗ родителей нашего приятеля Лени. Пустая хата с фоно — понятно, что мы там не только пили ханку, играли в кости и тискали девочек, но иногда под мухой и пели нестройным хором, например, песни Анчарова, Окуджавы либо Визбора. «*Спокойно, — так сказать, — дружище, спокойно. У нас еще все впереди.*»

Я сказал, что мы подумаем и, на всякий случай, попросил о свободном посещении лекций. Мы что-то не могли привыкнуть к обязательному хождению в институт на шесть-девять часов каждый день в одно и то же время. Ну, а вечером доложил о беседе своим дружкам. После некоторого обсуждения и пары трехлитровых бутылей «плодово-выгодного» вина было решено сочинить и исполнить куплеты из известных оперетт со студенческой тематикой. Ну, вроде того, что студентка-староста группы распекает прогульщика: «Ах, мой друг, Вы отбились от рук. Пропустить Вы смогли целых лекции три...». И далее в том же роде. Прогульщик же в ответ объясняется ей в любви. Кончалось это дуэтом: «Любовь такая, передовая, она по жизни будет вместе нас вести...».

Были еще опереточные сценки, потом мы подняли руку на Вильяма нашего Шекспира. Последовали сценки, в которых действовали Гамлет-преподаватель, студентка Офелия и подсказывающий ей Полоний, Гертруда, сдающая зачет по аналитической химии и с горя выпивающая анализируемый образец. И так далее. Все это вместе мы нахально наименовали «Тени забытых предков» и выставили на смотр.

Скажу честно — был успех, и мы были им до невозможности горды. Правда, лично мне это принесло семейные неприятности. На районном партактиве наш ректор сказал моему отцу: «Я знаю Вашего сына, Александр Сергеевич. Он у нас в самодеятельности выступает». Гнев отца был беспределен: «Я думал, что мне про моего сына скажут, что он отличник, что он в студенческом научном обществе хорошие работы делает. А я слышу, что ты на сцене кривляешься!»

Я молча пыхтел, слушая его иеремиаду. Но с самодеятельностью не завязал, продолжал сочинять и ставить сценки в организованном нами СТЭМе, а уж особенно был горд, когда что-то вышло за стены нашего ВУЗа и появлялось на сцене в других институтах и даже за пределами нашего города. Побочным эффектом тут было то, что из наших отцов-основателей СТЭМа все, кроме упоминавшегося Лени и меня, через какое-то время вылетели из института. Ну, перешли на вечерний.

Да и я, честно сказать, был «на взлете». Один из главных по нашей специальности предметов «Процессы и аппараты» я сдавал сразу три части за один заход. Очень гордился тем, что явно недовольный хвостистом профессор все же поставил мне отличную оценку, правда, предварительно погоняв по всему курсу в течение пяти часов. Вообще я стипендию получил только на последнем курсе, уже сразу повышенную. Тут уж подействовало то, что моя жена была у себя в Московском строительном отличнице, сдававшая всегда сессии досрочно. Ну, и меня заэжектировало.

От руководства СТЭМом я к тому времени давно ушел, у меня вообще «гена руководства» от природы нет. Старшим по команде стал мой задушевный дружок Малик, который тут же на встрече с молодым пополнением, желавшим у нас выступать, официально заявил: «*В Голливуде говорят — путь на экран идет через постель режиссера. Разрешите представиться — режиссер СТЭМа Малик М.*». Часть кандидаток после этого сразу отпала. Но никак не все.

Я же всем морочил голову Бертольдом Бrechtом, на котором был помешан, прочитал все собрание его театральных работ, переведенных на русский, дочитался до «Покупки меди», его теоретической работы о

«театре «отчуждения». К нашим простеньким сценкам все это не имело никакого отношения, скорей всего для нас недостижимым идеалом был райкинский Театр Миниатюр. Где-то в это время мне повезло попасть на Всесоюзный конкурс самодеятельных театров. По-моему, дело было в Челябинске. Или в Свердловске.

Ребята из местного студенческого театра пристроили меня в общежитие. А днем и вечером я вместе со всеми помирал со смеху, слушая один театр за другим. Нам там, конечно, делать было нечего, но мы и не претендовали, нам достаточно было городской известности. А там главными звездами были одессы. Особенно один коротенький и крайне энергичный, а другой высокий и худой. Показали они пародийную «Принцессу Турандот», что вызвало некоторое смущение. Сидевший в жюри всеобщий наш кумир Аркадий Райкин высказался том смысле, что спектакль ему очень нравится, но вот у них Император Альтоун объявляет, что он «*дарит принцу Калафу сто баранов, сто верблюдов и госпиталь*». «Да, действительно, наша страна много помогает развивающимся странам, строит у них не только заводы, но и стадионы и госпитали. Но надо ли над этим смеяться?!» Из зала послышалось анонимное «Плакать надо, Аркадий Исаакович!» И наступила тишина.

Ну, что он возразит? Сам же воспитывал, спасибо ему за это.

Однако, веселое студенческое время закончилось. Я спланировал, даже съездил в министерство в Москву, добивался, чтобы меня распределили на Ангарский нефтехимкомбинат. Это мне отец напел, что там будет настоящая работа, смогу найти со временем и тему для хорошей диссертации. Так что от предложения остаться при кафедре и там постепенно высидеть себе и кандидатский диплом, и, подразумевалось, докторский, а со временем пробиться в местные академики, я отказался. Но в любом случае я в Ангарск не поехал, а отправился в Краснознаменный Дальневосточный военный округ на два года под лейтенантские погоны. К тому времени выяснилось, что песня «Москва-Пекин, Москва-Пекин! Идут, идут вперед народы» несколько вышла из моды, на Дальний Восток посылают новые и новые пехотные, танковые и артиллерийские части. А их нужно снабжать горючим: бензином, дизтопливом, маслами и прочим.

Вот, значит, меня и кое-кого еще подхватили, выдали предписание и велели к концу августа явиться в Управление тыла КДВО в Хабаровске. Я провел свои два года на станции Березовский-Восточный в 40 километрах от Благовещенска. В связи с обострившейся советско-китайской дружбой большую часть времени проходил с кобурой на правом боку — округ был на повышенной боевой готовности. Могу сказать, что кое-чему я там и тогда научился. В частности, понял, что если отдаешь приказ что-то сделать, то надо и самому это уметь. Пожил впервые в жизни в сельской местности, увидел, как валютная культура соя уходит под снег неубранной, а потом пытался для любопытства узнать — зачем это так делается.

Но театров особенных тут, конечно, не было. За одним исключением. В начале апреля шестьдесят девятого вдруг повышенную готовность сняли. А шестого числа моя жена родила наследника, нашего сына Сашу. Под это дело я получил отпуск, оформил сам себе проездные документы и отправился в путь. Садился на рейсы, которые куда-нибудь летят. Так я добрался сначала до Читы, потом до Иркутска. А там уж нашлись билеты до Москвы.

В столице я оказался рано утром. Пришел к родителям жены на Самотеку, а там оказалось, что к десяти надо забирать мою Лину и младенца из роддома Грауэрмана. Я, наверное, никогда не забуду, как прижал кулек с сыном к своей шинели. Я нервничал с непривычки так, что у меня с головы свалилась фуражка. Дитя мне, конечно, как и всем родным, очень понравилось. Колossalное удовольствие доставляло его купание и одевание распашонки.

Но через некоторое время жена все же захотела развлечения вне дома, сходить в театр, к примеру. О чем разговор?! Куда идти? На Таганку, конечно. Я вставал в шесть утра и ехал к театру, пристраивался там в маленькую толпу искателей счастья. В одиннадцать касса открывалась и иногда удавалось купить пару билетов. Я там познакомился с некоторыми ловцами, все это были, конечно студенты разных московских ВУЗов. Я туда ездил в майке, джинсах и кедах, так что мое честное признание о том, что я лейтенант с Дальнего Востока в отпуске, было воспринято как милая шутка.

Первый спектакль, на который мы пошли был «Павшие и Живые» по стихам поэтов, погибших во время Великой Отечественной — Коган, Кульчицкий и так далее. Дело было Девятого Мая, так что я пришел в

парадно-выходной форме, при золоченом поясе, начищенных туфлях и фуражке. Мои знакомцы по добыванию билетов чуть в обморок не упали — оказывается, правда!

Спектакль мне, в общем, понравился. Стихи все эти я, в основном, знал, читались они с чувством, ну, а сценография Боровского меня просто потрясла. Я и до сих пор думаю, что Таганка своей славой наполовину обязана Боровскому. Следующий спектакль, на который мы сходили, был «Послушайте!» по Маяковскому. Я тогда, собственно, еще с детства по отцовскому внушению любил Маяка. Тоже понравилось, особенно знаменитое смеховское крамольное «Если... думают вожди»

Я и в дальнейшем сохранил симпатию к этому коллективу, спустя годы с наслаждением смотрел «Мастера и Маргариту» с условно-голой Ниной Шацкой, летающей над залом на маятнике. Смотрели мы с женой «Товарищ, верь...» с множественными Пушкинами, смотрели «Тартюф» с насилием Демидовой, болтающей ножками над ширмой. Смотрел и «Пугачева» с Высоцким-Хлопушей, рвущим грудью цепь, но, честно сказать, не особенно понравилось. Очень уж пафосно, как и вся есенинская поэма.

В принципе, тут у них было желание вырваться из российской традиции «придворного театра». Дело в том, что европейский театр пошел от народных мистерий, разыгранных на площади в день праздника. А российский — от пуримшиля «Артаксерково действие», разыгранного при дворе Алексея Михайловича под руководством немца-пастора Иоганна Готфрида Грегори, получившего за режиссуру «40 соболей во 100 рублей, да пару в восемь рублей».

И так и пошло. И Малый и Большой театры были Императорскими, и театр Мейерхольда, только что не при государе-императоре, а при Коминтерне. Даже частные театры как МХАТ, быстро переводились на госбаланс. На что уж «Современник»... но и то мне пришлось по телевизору наблюдать, как Путин учит Галину Волчек(!) как ей надо ставить «Горе от ума». И она послушно кивает вместо того, чтобы спросить: «Кто это вообще такой и что он тут делает?» Это в театре, прославившемся некогда «Голым королем»!

Но возвращаясь к Театру на Таганке, честно скажем, что его свобода была как у канарейки, которой позволяют совершенно свободно летать по клетке. Хотя бы для того, что если приедет иностранец из Krakowa или Будапешта, да даже и из самого Парижу, то можно было сводить и показать, что у нас существуют свободы слова и творчества. Ну вот как нынче позволяют жить «Эху Москвы» или «Новой Газете». Без симпатии, но в качестве алиби — доказательства, что не все рты в стране заклеены.

Что дальше? Мы жили в Москве, потом уехали в Нижневартовск, потом жена и сын вернулись в столицу — время было для парня поступать в ВУЗ. На Новый 1991 год и я вернулся к ним, жили мы в Москве до Нового 1998 года, когда уехали к сыну в Штаты. В театр, конечно, ходили, особенно жена как ярая театралка. Но тут уж о чем рассказывать?

Посещать театры нам было просто. Мы жили в большой коммуналке посередине Тверского бульвара. Так что все театры были под рукой. Или почти все. Помнится, как в начале 1976-го мне позвонила девица из Нижневартовска и сообщила, что у нее бумаги для меня, надо бы передать. Как? А она вечером идет в театр. Я радостно сообщил сибирячке, что живу в самом центре и все московские театры от меня в пешеходной дальности. Она посмотрела свои билеты и сообщила мне: «в Театре имени Гоголя». — «А это где?» То есть я смутно слышал, что есть театр с таким названием где-то за Курским вокзалом. По-моему, она слегка обиделась.

Самым близким к нам был Театр Пушкина. Но скажу честно, что были мы в нем один раз, водили сына на «Аленький цветочек». Мне кажется, этот театр тогда только этим спектаклем и жил. Хотя вроде и актеры там играли хорошие, что было видно по телепостановкам и фильмам. И режиссеры там случались приличные, и репертуар был совсем неплохой. А вот не шло дело! Может быть, действительно дело было в проклятии Алисы Коонен, когда их с Таировым при полном молчании коллег вышвырнули из их театра. Я, к слову, видел однажды Алису Георгиевну на Тверском бульваре. Гуляли с приятелем, он мне и показал.

Совсем рядом с нами был еще один театр «с легендой», Театр на Малой Бронной. Там жизнь шла поживее, может быть, потому что в мое время там был режиссером Эфрос. Ну, и то, что актеры Еврейского театра от Михоэлса не отрекались. Их просто взяли и, в лучшем случае, кому очень уж повезло, разогнали. А в *не лучшем...* ну, вы и сами знаете. В Театре на Малой Бронной мы тоже что-то смотрели. «Дон Жуана», кажется. «На балу удачи» про Эдит Пиаф. Еще что-то.

Ходили мы и в другие московские театры. В «Сатири» на вышеупомянутую «Женитьбу Фигаро», на «Проснись и пой», с сыном на «Карлсона», еще на какие-то спектакли, но в памяти не осталось. В Театр имени Моссовета на трогательный спектакль «Дальше — тишина» с потрясающей игрой Раневской и Плятта. А однажды жена повела меня на спектакль «Черный гардемарин» и, по-моему, покаялась. Там, конечно, не о положении афро-русских в отечественном морфлоте. Просто один из героев, ленинградский адмирал-профессор окончил курсы механиков флота, которых «черными гардемаринами» и именовали. Играли его очень хорошо тот же Плятт, дочкой его была Валентина Талызина, а ее поклонником и одновременно мюриодом адмирала был Борис Иванов. Сюжет там был в том, что муж Талызиной, известный скрипач уехал на конкурс в Карфаген, а там взял, да и попросил карфагенского политического убежища. Ну, все в ужасе, не могут понять — как это он *изменил Родине*. И одна Талызина этим как раз не взволнована. Она не может понять — как это ее музыкант изменил *ЕЙ*, Талызиной. «Я знаю, это та, рыжая, которая к нему kleилась еще на венском конкурсе!»

В общем, все очень мило, но, когда адмирал-Плятт сказал: «Лично я просто отпускал бы всех, кто хочет уехать» — я выразил свое согласие с его мыслью громкими аплодисментами. В зале была вообще-то тишина, так что мои хлопанья в ладоши сопровождались только громким шепотом жены: «Тебя посадят!» Вообще-то, это был не единственный случай, когда мои аплодисменты показались ей неуместными. Повела она меня в Большой(!) на оперу «Русалка». Места у нас были шикарные — в первом ряду балкона. Но с другой стороны — уйти нелегко. А ей очень, кажется, хотелось, когда на сцену в украшенном кафтане вышел Князь и громко запел: «Здесь меня встречала свободного свободная любовь». Мне его откровенность очень понравилась и я в этом случае тоже зааплодировал, кажется, что единственный в зале. Но тут хоть она не боялась, что меня «взьмут при выходе».

В общем, она у меня была страдалица. Но все же приобщала меня по мере сил к театральному искусству. В Сибири этого почти не было. Но и то, помнится, что приезжала с каким-то выездным спектаклем Кира Головко. А уж в Москве мы находились по театрам. Ходили и на спектакли «с намеками» вроде «Женитьбы Фигаро» в Сатире, и на раскрепощенные захаровские спектакли времен Перестройки. Да я даже водил внучку, привезенную из Женевы в Россию, и в Большой на «Корсара», и в Мариинский на «Дон Кихота», и в «Сатирикон», и в театр Маяковского, и в «Современник», благо «доставать» билеты стало уже не нужно. При их нынешней цене того ажиотажа уже нет.

Но тут о чем писать? Играет старые актеры умеют, их хорошо выучили. Иногда неплохо играют и те, кто Советской власти как актер не застал. Но играть-то им нечего. Да и публика уже не смотрит на сцену как на «школу жизни». Так, в виде развлечения. Оперные же певцы и вовсе предпочитают сцену Метрополитен или Венской Оперы. Как ни печально, но и современный русский театр тоже показывает, что импульс, данный России Алексеем Михайловичем и особенно его сыном, пожалуй, что выдохся. Страна, что печально, возвращается во времена Михаила Романова с бесспорным патриотизмом, конечно, но и более ни с чем.

Борис Тененбаум¹

Анатомия диктатуры

Краткое предисловие

Данная работа представляет собой журнальную адаптацию одной из глав моей книги «Муссолини», в деталях описывающую установление диктатуры в Италии — отсюда и название, «Анатомия диктатуры».

Читатель, возможно, отметит поразительное сходство между событиями в Италии 20-х годов XX века, и современными нам событиями в России, вплоть до мелких косметических деталей — скажем, культа атлетически развитого вождя, непременно снимаемого с голым торсом.

Желающим углубиться в тематику предоставляется краткий список источников, на которые я опирался — он приведен в конце публикации.

Предполагается, что читатель знает, кто такой Итalo Бальбо, и представляет, что такое Капоретто — но на всякий случай приводится справка:

1. Итalo Бальбо (итал. *Italo Balbo*; 5 июня 1896 — 28 июня 1940) — итальянский военный и политический деятель фашистского толка, один из предводителей чернорубашечников, единственный Маршал авиации Италии (13 августа 1933), Генерал-губернатор итальянской Ливии и Верховный главнокомандующий итальянской Северной Африки с 1 января 1934 по 28 июня 1940, ближайший соратник и «бесспорный наследник» итальянского диктатора — Бенито Муссолини.

2. Битва при Капоретто (24 октября — декабрь 1917 года) — широкомасштабное наступление австро-германских войск на позиции итальянской армии в окрестностях итальянского города Капоретто в ходе Первой мировой войны. Является одним из крупнейших сражений времён Первой мировой войны. Окончилось тяжелым поражением Италии.

Анатомия диктатуры

I

30 декабря 1924 все префекты Италии получили циркуляр из Рима, обязывающий проследить, чтобы депутаты парламента, разъехавшиеся на рождественские праздники по домам и пребывающие ныне в подотчетных префектам городам и весям, непременно вернулись в столицу. Ибо 3-го января 1925-го года премьер-министр намерен произнести важную речь, и необходимо присутствие всего парламента.

Вряд ли циркуляр был так уже необходим — слухи о «важной речи» уже широко разлетелись. 2-го января — совершенно неофициально — было сообщено, что Муссолини ровно в 9:00 утра встретился со специалистом по Данте.

Оказывается, глава правительства каждое утро непременно читает какое-нибудь *"Canto"* [1] великого поэта Италии — а вот 2-го января он изменил своему обыкновению, потому что ему припала охота поговорить о прозе Данте — о ее глубине и элегантности.

Для особо непонятливых пояснялось, что в исторической речи, намеченной на 3-е января, дуче народа Италии взял стиль Данте за образец.

Речь началась с сурового осуждения депутатов-социалистов, бойкотирующих заседания парламента. Далее оратор, охарактеризовав себя как «...человека достаточно разумного, уже неоднократно доказавшего и свою храбрость, и полное презрение к материальным благам...», сказал, что если бы он захотел учредить всякие там «сека» (произносится как «чека»), то он давно бы это сделал — честно и открыто.

Конечно, делать ничего подобного он и не помышлял — но сейчас, в присутствии всей ассамблеи, и всего итальянского народа, он заявляет, что берет на себя всю моральную, политическую и историческую ответственность за все, что произошло в Италии — и за все, что происходит сейчас.

¹ Писатель и публицист, автор научно-популярных книг по истории и множества исторических эссе.

Потому что все происходящее есть результат сложившегося в стране нового политического климата — а климат этот создан фашистским движением. Следовательно, будет только логично, если Бенито Муссолини, вождь и основатель этого движения, примет тяжкий груз ответственности на свои плечи.

И добавил:

«...когда две непримиримых силы сталкиваются в борьбе, единственным решением тоже является сила...».

Слова не разошлись с делом.

Уже 12-го января король Виктор Эммануил одобрил новый состав кабинета.

Собственно, согласно конституции, у него и не было другого выхода — но конституция теперь трактовалась вполне произвольно, и на свет появлялись совершенно удивительные комбинации.

В принципе, случалось, что премьер-министр, формируя кабинет, брал себе и еще какой-нибудь портфель — скажем, министра иностранных дел.

Но в январе 1925 Муссолини побил все мыслимые рекорды.

Он стал премьер-министром Италии, министром иностранных дел Италии, военным министром Италии, министром военно-морского флота Италии, а уж заодно — и министром авиации Италии.

Потом окажется, что и это не конец: в 1926 Муссолини возьмет себе министерство корпораций, в 1928 — министерство колоний, а в 1929 — министерство общественных работ. К этому надо прибавить и пост министра внутренних дел, который после короткого перерыва он вернет себе в 1926. Но это все — дело будущего. А сейчас, в январе 1925-го, имелись куда более насущные дела, чем коллекционирование должностей.

Надо было задавить прессу.

II

Официально цензура введена не была, и никакие газеты не запрещались — даже коммунистическая *«l'Unita»* — *«Единство»*. Но полиция конфисковывала выпуски газет — например, та же *«l'Unita»* в течение 13 дней — с 3-го января 1925 и по 16-е января 1925 — изымалась из обращения 11 раз.

По непонятной причине — видимо, с целью соблюсти видимость беспристрастия — забирались выпуски и мелких фашистских газет — таких, как *«Impero»* — но главным результатом было то, что из обращения исчезло 4 миллиона экземпляров ежедневных газет.

Остались только те 300 тысяч, которые издавались фашистами.

Короля потом упрекали в том, что он ничего не сделал, но упреки, право же, были напрасны. Обвинять следовало не короля, а уж скорее всю Италию. 16-го января в парламенте было выдвинуто предложение осудить происходящее — но «за» проголосовало только дюжины три отважных депутатов, решившихся на столь безнадежное дело.

Правда, среди них были такие авторитетные люди, как бывшие премьер-министры Саландра, Нитти и даже Джолитти — но их уже никто не слушал. Причем *«...не слушал...»* — в совершенно буквальном смысле слова — свист и шум в палате стоял такой, что речей освистываемых было уже и не слышно.

Муссолини проигнорировал оппозицию.

Он сказал, что она бессильна, и в качестве наглядного доказательства этого факта предложил парламенту утвердить единым блоком 2 364 декретов правительства. Что и было проделано — и не то что без обсуждения, а даже и без формального представления текстов.

Читать их было все равно некогда.

Парадоксальная вроде бы мысль — *«...парламент — не место для дискуссий...»* — как-то незаметно показалась самоочевидной.

В феврале 1925-го года последовало назначение Фариначчи на пост секретаря фашистской партии. Человек он был бессовестный и жестокий — и потому-то Муссолини его и назначил.

Требовалась *«...чистка рядов...»* — из партии изгонялись все, кто сомневался, и оставались те, кто признавал *«...железную дисциплину военных траншей...»*, и не обсуждал приказы вождя.

В порядке компенсации влиятельные фашисты получали государственные посты.

Делалось это обычно так — человек вроде Итalo Бальбо получал назначение на пост заместителя министра в то министерство, где министром значился сам Муссолини.

Таким образом, на назначенного ложилась вся повседневная деятельность по управлению целой отраслью бюрократической машины страны, с немалой властью, прекрасным жалованьем, изрядной свободой в

увеличении этого жалованья, в придачу к прямому доступу к дуче — но без официального министерского титула. И всякому было понятно, что заменить зам. министра куда легче, чем сместить министра.

Оставался вопрос — почему они на это соглашались?

III

Ну, как это часто бывает — потому, что у них не было выхода. Фариначчи был поставлен над партией для того, чтобы «... внести в нее дисциплинирующее начало...», и всех недовольных выгонял сразу, невзирая на титулы и былые заслуги. Он свою миссию принимал, как огромное доверие, оказанное ему лично, и клялся дуче в «...братской любви...».

Насчет братской любви — это некоторое преувеличение.

Муссолини своему брату, Арнaldo, которому действительно доверял, передал редактирование «Народа Италии» — а вот на Фариначчи держал внушительное досье.

Там значились даже такие мелкие шалости, как диссертация Фариначчи по юриспруденции, содранная от слова до слова с работы совсем другого человека — поменялось только название. Влиятельный «диссертант» был уверен, что проверять его не будут — но в «...необходимый запас грязи...» легла и эта история.

Если бы вдруг Бенито Муссолини вздумалось поиграть в строгого блюстителя законности, то история со списанной диссертацией тянула на шесть месяцев тюрьмы — уж не считая разрушенной репутации. Фариначчи это очень хорошо знал, и из назначенной ему роли не выходил.

Таким образом, фашистская партия оставалась под контролем.

Но диктатура не может держаться на одной опоре. Партии было нужно найти противовес — и в этом качестве очень пригодилась армия.

Мнения разошлись.

Еще до Великой Войны отстаивалась идея обязательной военной службы для всех, с целью создать массовую армию, «...вооруженную нацию...». Этим путем пошли только уже в ходе военных действий, начиная с 1915 — и в результате в военные части хлынула волна плохо подготовленных призывников, которым, тем не менее, были нужны офицеры.

В период с 1914 и по 1919 год количество итальянских генералов увеличилось со 176 до 556 [2] — и если рядовых в конце концов демобилизовали, то с генералами это было не так просто сделать.

Муссолини увидел в этом не затруднение, а преимущество — генералов можно купить.

Денег, положим, в казне не было — Де Стефано, министр финансов, изрядно подсократил общий военный бюджет. Но если денег, в общем, нет, то распределение оставшихся следует пустить на приоритетные цели — и таковой целью стало «...улучшение денежного содержания офицеров...», причем чем выше был их чин, тем лучше было «улучшение».

Более того — с целью уравнять Италию с Францией в смысле ранга ее лучших воинов, в итальянской армии был введен новый чин — маршал.

И армия прониклась сознанием, что Бенито Муссолини, во-первых, понимает военные нужды, во-вторых, служит щитом против претензий некоторых слишком радикальных фашистов, которые только и думают о том, чтобы переделать офицерский корпус на свой лад, да еще и отменить монархию.

А армия, как-никак, присягала королю — и что было еще более важно, на высших постах в ней преобладали, так сказать, исконные подданные савойской династии — пьемонтцы. Одним из них был Пьетро Бадольо, назначенный на пост начальника Генштаба.

И в итоге сложилась конструкция, при которой итальянские консерваторы, аристократия и монархисты сплотились вокруг трона и армии, фашистские революционеры — вокруг партии — а примирял и тех и других, и, если надо, защищал друг от друга, один-единственный человек, поистине незаменимый Бенито Муссолини, национальный лидер Италии.

Которого отныне следовало называть просто Дуче.

IV

Стройная система фашизма с упором на единство нации и стоящая на дуализме партии и армии с всеведущим вождем во главе сложилась не сразу — процесс формирования занял несколько лет.

Более того — он мог оборваться примерно через полтора месяца после начала, если за начало мы посчитаем речь Муссолини от 3-го января 1925.

15-го февраля 1925 он свалился с кровавой рвотой. Врачи диагностировали язву желудка, и предписали покой и смену диеты — но сам дуче подозревал нечто похуже.

У него была в молодости венерическая болезнь, и Муссолини внушил себе, что случившаяся рвота — симптом ее обострения.

Были сделаны все необходимые анализы — и даже перепроверены в Англии.

Когда «реакция Вассермана» дала отрицательный результат, дуче испытал такое облегчение, что думал даже обнародовать свой «...успешно пройденный анализ на отсутствие сифилиса...» — его насилиu отговорили.

Но, как бы то ни было — кризис прошел.

Облик дуче тиражировался повсюду как образец здоровья и цветущей мужественности.

В газетах публиковались его фото с теннисной ракеткой, или верхом на коне, или на берегу моря, непременно — с голым торсом.

Считалось хорошим тоном укорять вождя за то, что он в своих мужественных забавах не бережет себя — ибо его здоровье есть здоровье всего народа, и он должен быть осторожней.

По крайней мере, Фариначчи — «...фашист, любящий правду...» — со всей прямотой говорил вождю прямо в лицо:

«...Ваша жизнь, Ваше Превосходительство, принадлежит не Вам, а народу Италии...».

И советовал ему не летать, и уж по меньшей мере — не пилотировать самолет самому.

Распорядок дня дуче, как сообщали газеты своим читателям, был истинно спартанским. Он вставал очень рано, принимал холодную ванну, выпивал стакан молока, а дальше сразу же садился на коня — в его привычки входила часовая прогулка верхом, в ходе которой он играющи брал любые препятствия.

Почтительно добавлялось — «...как настоящий ковбой...».

Конечно, вождь много работал — но спорт занимал в его жизни видное место. Например, он фехтовал, и всегда в своем собственном стиле, полном совершенно неожиданными острыми контратаками.

Все это, конечно, нарастало постепенно, но прививалось очень успешно.

Первый номер журнала «Lo Sport Faschista» — «Фашистский Спорт» за 1928 год открывался заголовком:

«Дуче — авиатор, фехтовальщик, знаток конного спорта, первый спортсмен Италии» [3].

Странно, что позабыт теннис.

Бенито Муссолини полюбил это аристократическую игру, часто практиковался, и в партнеры ему подбирали чемпионов Италии, которые изо всех сил старались играть медленно и отбивать мячи так, чтобы они попадали прямо на ракетку их столь важного соперника. Было известно, что ему нравится лихо отбивать удары, но бегать он все-таки не любит.

Игра непременно сопровождалась фотографами.

Считалось, что по свету циркулирует 30 миллионов фотографий Бенито Муссолини, снятому примерно в 2 500 различных позах, и в самых разных костюмах, от строгого редингота и до спортивной рубашки теннисиста.

Фотографии вырезались, коллекционировались, служили предметом обмена, ими наполняли нарядные альбомы. У Муссолини появились миллионы фанатов — если в порядке анахронизма тут можно употребить такое современное слово. В 1926 одним из таких фанатов стала 14-летняя девочка, дочка хорошего врача.

Ее звали Клара Петаччи.

Примечания

1. По-итальянски «песня» — Canto. «Божественная Комедия» Данте делится на большие части — «Ад», «Чистилище», «Рай», которые в свою очередь делятся на пронумерованные главы — «песни».

2. Цифры взяты из книги Mussolini, by Bosworth, page 205.

3. Mussolini, by Bosworth, page 211.

Краткий список источников

1. Mussolini's Italy, by Max Gallo, 1964, by Librairie Academique Perrin. English Translation 1973, by Macmillan Publishing Co., Inc. New York.

2. The Day of Battle, 1943-1944, by Rick Atkinson, Henry Holt and Company, New York, 2007.

3. Mussolini's Italy, by R.J.B. Bosworth, The Penguin Press, New York, 2006.
4. Mussolini, by R.J.B. Bosworth, Arnold, London, co-published in USA by Oxford University Press, 2002.
5. Mussolini, by Denis Mack Smith, Vintage Books, A Division of Random House, New York, 1983.
6. My Rise And Fall, by Benito Mussolini, in two volumes. Foreword to Volume I by Richard W. Child, Former Ambassador to Italy. Volume II with Preface by Max Ascoli. The Introduction – by Richard Lamb. DA CAPO PRESS, New York, 1998.
7. М. Алданов, «Прямое Действие», изд. «Новости», Москва, 1994.
8. The Europeans, by Luigi Barzini, Simon And Shuster, New York, 1983.
9. The Italians, by Luigi Barzini, A TOUCHSTONE BOOK, published by Simon And Shuster, New York, 1996.
10. Б. Тененбаум, «Великий Макиавелли», изд. «Яуза-ЭКСМО», Москва, 2012.
11. The Rise and Fall of Great Powers, by Paul Kennedy, Random House, New York, 1987.
12. Franco, by Paul Preston, Basic Books, A Division of Harpers Collins Publishers, New York, 1994.

Александр Бархавин¹

Тарифы рабовладельческих штатов США перед Гражданской войной

1. Введение

Гражданская война США 1861–1865 годов является одним из самых значительных событий в истории страны. Потери в этом конфликте превосходят не только американские потери в любой другой войне, но и суммарные потери США в трех других самых крупных войнах — двух мировых и Вьетнамской.²

Среди причин раскола страны и последовавшей за этим войны называют высокие протекционистские тарифы, выгодные северным промышленникам и обременительные для аграрного Юга. Мало кто ставит под сомнение значимость тарифов как одной из причин войны; многие считают их основной причиной.³ Вкратце это мнение сводится к тому, что Юг платил непропорционально, неоправданно и несправедливо высокую долю поступлений в федеральный бюджет, что и было причиной выхода южных штатов из страны и последовавшей за этим войны. Для оценки справедливости этого мнения следует в первую очередь иметь представление, какую именно долю поступлений в федеральный бюджет платили южане. Этому вопросу и посвящена настоящая статья.

Хочу подчеркнуть, что целью данной статьи не является ни выяснение, что было причиной (или причинами) конфликта между Севером и Югом, ни даже решение вопроса, насколько правомерно считать тарифы главной причиной (или одной из первостепенных причин) конфликта. Эти вопросы заслуживают отдельного рассмотрения, первый шаг к которому — определить, какую долю тарифов платили южане в предвоенные годы, что и является предметом рассмотрения настоящей работы.

Уточним сначала, что это за тарифы — тем более что слово «тарифы» не всегда точно отражает предмет обсуждения. Речь идет о таможенных пошлинках — сборах на ввозимые в страну импортные товары. Уровень взимаемых пошлинных сборов (процент от стоимости товара, либо установленная сумма за определенное количество товара), строго говоря, и есть тарифы. Однако сплошь и рядом словом «тарифы» обозначают не уровень пошлинных сборов, а просто сумму собранной пошлины⁴.

Что имеется в виду в каждом случае (уровень сборов, или величина собранной пошлины), обычно ясно из контекста. В американских работах о Гражданской войне, «какую долю тарифов платили южане» как правило означает «какую долю пошлинных сборов всей страны платили южане». В статье я буду следовать этой формально неточной, но укоренившейся практике.

Конгресс устанавливал уровень тарифов (в процентах от стоимости товаров), достаточный чтобы "тарифы" (собранные пошлины) покрывали расходы федеральных властей: оплату служащих, содержание армии, строительство оборонительных и хозяйственных сооружений, и тому подобное.

¹ Писатель, публицист, автор очерков по истории Гражданской войны в США.

² Гражданская война — 620 тысяч, Вторая мировая — 405 тысяч, Первая мировая — 117 тысяч, Вьетнамская — 58 тысяч. <https://www.battlefields.org/learn/articles/civil-war-casualties>

³ Современный американский историк профессор Джеймс Лоевен, выступая с лекциями по стране, просил аудиторию назвать причины Гражданской войны, а затем проголосовать за одну из них как за главную. Слушатели называли рабство, права штатов, тарифы и победу Линкольна на президентских выборах 1860 г. Независимо от места проведения лекций, как на Юге, так и на Севере, каждый восьмой из аудитории главной причиной назвал высокие тарифы, выгодные северным промышленникам: Джеймс Лоевен, «Переосмысление нашего прошлого: осознание фактов, вымыслов и лжи в американской истории», 2004

Rethinking our past: recognizing facts, fictions, and lies in American history, by James W Loewen, 2004

http://www.goodreads.com/book/show/52443.Rethinking_Our_Past

⁴ Возможно, причиной этого является множество значений английского слова «пошлина» (duty), которое означает также «обязанность», «долг», «работа» и многое другое.

Следует запомнить два аспекта, о которых многие забывают или не имеют представления: а) тарифами облагались исключительно импортные (произведенные за рубежом) товары; б) тарифы платились при ввозе этих товаров в страну.

Товары, произведенные в США, федеральными тарифами не облагались. Тарифы не взимались ни при экспорте товаров за пределы страны, ни при перевозке товаров (отечественного производства или импортных, за которые тарифы были уплачены при ввозе в страну) из одной части страны в другую (например, из одного штата в другой).

Еще на одно следует обратить внимание: Конституция требует, чтобы уровень тарифов не зависел от места их сбора, то есть с одного и того же товара собиралась одинаковая пошлина независимо от того, в какой штат эти товары попадали из-за границы.

Из этого не следует, что для потребителя товары, ввезенные через разные порты, имели одинаковую стоимость: кроме таможенных сборов, к цене товара добавлялись транспортные расходы. Если товары разгружались на берег в порту с достаточно глубокой гаванью и причалами для разгрузки больших (по тем временам) экономически выгодных океанских судов, цены для конечных потребителей могли быть ниже. Если для доставки товаров на берег их приходилось перегружать на более мелкие суда, это увеличивало цену товара.

В следующем разделе приведена краткая история американских тарифов — от создания страны до начала Гражданской войны. Читатель, знакомый с предметом, может этот раздел пропустить.

2. Американские тарифы и их история⁵

В современной Америке, основным поступлением в бюджет правительства страны является подоходный налог. На федеральном уровне этот налог был введен в 1913 г. До этого основным поступлением в бюджет были “тарифы” (таможенные пошлины на импорт). К началу Гражданской войны, тарифы составляли от 80 до 95 % поступлений в федеральный бюджет.⁶ Поскольку в то время подавляющая доля товаров доставлялась в страну морем, тарифы собирались в основном в портах.

Первый закон о тарифах был принят первым Конгрессом США в 1789 г., вскоре после принятия Конституции новой страны. Уровень тарифов на большинство товаров составлял 5 %, и доходил до 50 % на предметы роскоши.

В январе 1790 г. в своем первом обращении к Конгрессу Джордж Вашингтон подчеркнул, что интересы и безопасность страны требуют стимулирования производства важных с военной точки зрения товаров, обеспечивающих независимость от других стран.⁷ Конгресс учел рекомендации президента и в том же году поднял тарифы, положив начало протекционистским тарифам, защищающим отечественных производителей от конкуренции импортных товаров.

Уровень протекционизма был сравнительно невысок до войны 1812 г. с Англией.

Война резко снизила количество импорта — Англия была самым крупным торговым партнером США, и самый сильный в мире британский флот во время войны препятствовал ввозу товаров из других стран. Сильнее всего это ударило по снабжению армии, поскольку промышленная Англия была основным поставщиком современного оружия и товаров, необходимых для его производства. Чтобы не проиграть войну, нужно было

⁵ По умолчанию, общие сведения о тарифах в этом разделе приводятся из следующего источника:

Энциклопедия тарифов и торговли в истории США, под редакцией Синтии Кларк Нортрап и Элен Прэнг Турней, 2003 Encyclopedia of tariffs and trade in U.S. history / edited by Cynthia Clark Northrup and Elaine C. Prange Turney, 2003; ISBN 0313327890 Первый том содержит общие сведения, третий — тексты законов о тарифах. Сведения из других источников будут сопровождаться ссылками.

⁶ Тарифы в истории США https://en.wikipedia.org/wiki/Tariff_in_United_States_history

До 1913 г., федеральный подоходный налог вводился кратковременно и отменялся.

⁷ «Свободный народ должен быть не только вооружен, но и дисциплинирован...его безопасность и интересы требуют подопечь те производства, которые делают его независимым от других в существенных, особенно военных, поставках».

“A free people ought not only to be armed, but disciplined; <...> and their safety and interest require that they should promote such manufactories as tend to render them independent of others for essential, particularly military, supplies”

George Washington, First Annual Message to Congress on the State of the Union

January 8, 1790

<https://www.presidency.ucsb.edu/documents/first-annual-address-congress-0>

срочно найти альтернативу английским товарам. Инициативные предприниматели развернули промышленное производство, в основном на Севере, где условия для этого были более благоприятны.

Война закончилась, торговля с Англией возобновилась, и только что ставшая на ноги американская промышленность не выдерживала конкуренции с первой индустриальной страной мира — английские технологии были более развитыми, товары лучше и дешевле.

Для поддержки развивающейся промышленности, Конгресс в 1816 г. повысил тарифы на промышленный импорт. В своей послевоенной книге «Подъем и падение правительства Конфедерации» (1881 г.) президент Конфедерации Джон Калхун в 1816 г. напоминал, как плохо страна была подготовлена к войне 1812 г., и требовал протекционистских тарифов для развития американской промышленности⁸. Думаю, что дело не столько в благородстве и великодушии, сколько в понимании, что развитие промышленности необходимо для безопасности и независимости страны.

Большинство южных политиков в тот раз поддержали протекционистские тарифы на промышленные товары, производимые на севере. Отношения с Англией оставались напряженными, вероятность скорой новой войны была велика. Один из лидеров южан Джон Калхун в 1816 г. напоминал, как плохо страна была подготовлена к войне 1812 г., и требовал протекционистских тарифов для развития американской промышленности⁹.

Со временем южные политики изменили свое отношение к протекционистским тарифам — непосредственная опасность войны с Англией миновала, на первый план выступила собственная выгода. Тот же Джон Калхун возглавил оппозицию протекционистским тарифам. Когда Конгресс поднимал тарифы в 1818 и 1824 гг., большинство представителей южных штатов голосовали против.

Очередной подъем тарифов, в 1828 г., привел к тому, что в 1830 г. выплаченные пошлины достигли 57.3 % стоимости всего импорта (См. Приложение 1 в конце статьи, колонка 72). Это вызвало недовольство нескольких штатов и привело к так называемому “нулификационному кризису” (nullification crisis), когда почти дошло до вооруженного конфликта между федеральным правительством и властями Южной Каролины. Конфликт был погашен понижением тарифов законами 1832 г. и 1833 г.; последний предусматривал постепенное снижение тарифов до уровня 20 % к 1842 г.

К 1842 г. тарифы, как и было предусмотрено законом 1833 г., существенно снизились. В 1840–1841 гг. выплаченные пошлины составили менее 18 % стоимости всего импорта (см. Приложение 1). Однако государственный долг к этому времени вырос до колоссальной по тем временам суммы 13.5 миллионов долларов и продолжал расти. В 1842 г. Конгресс принял закон, повышающий тарифы до уровня 1832 г.

В 1846 г. по инициативе южан тарифы были снижены, в среднем до уровня 25 %. Тарифы оставались умеренно протекционистскими: одежда, железо и металлические и кожаные изделия облагались 30 % пошлиной; предметы роскоши, как и прежде, — более высокой.

Этот уровень тарифов практически всех устраивал и продержался без изменений до марта 1857 г., когда вновь по инициативе южан был понижен до самого низкого с 1816 г. уровня (в 1859–1860 гг. выплаченные пошлины составили менее 16 % стоимости всего импорта, см. Приложение 1).

Осенью того же 1857 г. разразился первый мировой финансовый кризис; сумма пошлин, поступающих в федеральный бюджет, резко упала: с \$64 млн в 1856–1857 гг. до \$42 млн в 1858 г. (Приложение 1, колонка 71). Недавно созданная и быстро набирающая силу Республиканская партия предложила поднять тарифы до уровня закона 1846 г. Автором нового законопроекта был конгрессмен-республиканец Джастин Моррилл.

Закон Моррилла о тарифах («Тариф Моррилла») в мае 1860 г. прошел голосование в Палате представителей, которую контролировали республиканцы. Закон застрял в Сенате, где большинство было у демократов. Однако к февралю 1861 г. семь южных штатов объявили о своем выходе из состава США, их представители-демократы покинули сенат, и большинство в нем перешло к республиканцам. Тариф Моррилла прошел сенат, был подписан президентом Бьюкененом, предшественником Линкольна,¹⁰ 2 марта, за два дня до инаугурации Линкольна, и вступил в силу через месяц, за две недели до начала Гражданской войны.

⁸ Джон Калхун в 1816 г. напоминал, как плохо страна была подготовлена к войне 1812 г., и требовал протекционистских тарифов для развития американской промышленности. The Rise and Fall of the Confederate Government, by Jefferson Davis, 1881, Vol. 1, Page 500.

⁹ Тариф 1816 г. https://en.wikipedia.org/wiki/Tariff_of_1816

¹⁰ В основном источнике информации этой главы (Энциклопедия тарифов и торговли в истории США) ошибочно указано, что закон был подписан Линкольном.

Поскольку к этому времени семь южных штатов уже отделились и образовали новую страну (Конфедерацию), они не платили пошлин в казну США — то есть тариф Моррилла их не коснулся. Не повлиял он также на решение четырех южных штатов, которые отделились от США и вошли в Конфедерацию позднее, в процессе войны. Самый значительный из них, Вирджиния (наиболее развитый и крупный штат Конфедерации), успел 4 апреля, после начала действия тарифа Моррилла, принять решение не выходить из страны. Вирджиния поменяла свое решение, вышла из страны и присоединилась к Конфедерации только после начала военных действий; остальные три штата последовали за ней.

Как видим, уровень тарифов постоянно пересматривался в зависимости от экономической и политической ситуации страны; например, между 1794 и 1816 гг. Конгресс принял 24 закона, модифицирующих тарифы.

3. Южные тарифы в работах наших современников

Разногласия между Севером и Югом по вопросу о тарифах часто упоминаются в современных нам американских работах о Гражданской войне и ее причинах, но в большинстве случаев не указывается, какую часть тарифов платили южане. Однако встречаются работы с очень высокими оценками.

Вот что сообщает доступная в публичных библиотеках книга с интригующим названием «Настоящий Линкольн»¹¹:

«Поскольку они столь зависели от торговли, к 1860 г. южные штаты платили более 80 процентов тарифов» (стр. 125–126).

«Даже до Моррилл тарифа 1860 г., из-за своей зависимости от иностранных промышленных товаров, южане платили около 87 процентов всех федеральных налогов, хотя население Юга составляло менее половины населения Севера» (стр. 240).

Вот сравнительная статья в столичной *Washington Examiner*, под названием «Была ли Гражданская война из-за тарифных сборов?»¹²

«На протяжении 1850-х, тарифы достигали 90 % поступлений в федеральный бюджет. Южные порты заплатили 75 % тарифов в 1859 г.»

Цифры ошеломляющие — настолько, что возникает сомнение в их достоверности.

Население Конфедерации было в два с лишним раза меньше населения Севера; 80 % пошлин от южан означало бы, что в среднем на одного южанина приходится почти в 10 раз больше импортных товаров, чем на северянина.

Это не представляется реальным, поскольку: а) подавляющее большинство населения Юга составляли небогатые фермеры и рабы; б) развивающаяся промышленность Севера и быстро растущие северо-западные штаты в целом требовали большего разнообразия и количества импортных товаров, чем устоявшаяся аграрная экономика Юга; в) северный климат требовал на душу населения куда большего количества промышленных товаров (теплой одежды, материалов и инструментов для постройки жилья и заготовки топлива для обогрева помещений).

Встречаются ли у наших современников более умеренные оценки тарифов, которые южане платили передвойной? Такие оценки есть, но не в работах, посвященных войне в целом, или причинам войны. Более скромные оценки, причем согласующиеся между собой, встречаются в работах, рассматривающих глубоко и детально чисто экономические вопросы.

¹¹ Томас ДиЛорензо, Настоящий Линкольн. 2002

The Real Lincoln, by Thomas J. DiLorenzo, 2002, ISBN 0-7615-3641-8

"Since they were so dependent on trade, by 1860 the Southern states were paying in excess of 80 percent of all tariffs...", page 125–126

"Even before the Morrill tariff of 1860, because of their reliance on foreign manufactured goods, Southerners were paying about 87 percent of all federal taxes, even though they had less than half the population of the North", page 240.

¹² "During the 1850s, tariffs amounted to 90 percent of federal revenue. Southern ports paid 75 percent of tariffs in 1859"

Вальтер Вильямс. Была ли Гражданская война из-за тарифных сборов? Статья в *Washington Examiner*, 19 февраля 2013 г.

Was the Civil War about tariff revenue? By Walter Williams • *Washington Examiner* 2/19/13

<http://www.washingtonexaminer.com/walter-williams-was-the-civil-war-about-tariff-revenue/article/2521959>

Вот, например, книга, посвященная влиянию морской блокады на экономику Конфедерации: с июня 1858 г. по июнь 1859 г., в трех крупнейших портах Юга, было собрано за вычетом расходов \$2.64 млн пошлин. В трех крупнейших северных портах — в пятнадцать раз больше, \$38.87 млн.¹³ Эта информация хорошо согласуется с объемом пошлин страны за 1859 г. — \$48.9 млн (см. Приложение 1).

Книга с анализом финансовых причин поражения Конфедерации: в 1860 г. на Юге было собрано \$4 млн пошлин — около 8 % всех пошлин страны.¹⁴

Различие, более того — явное противоречие цифр из этих двух типов источников слишком велико, чтобы можно было позволить себе их усреднить и надеяться, что результат усреднения близок к истине — тем более что средних цифр в литературе я не встречал. Можно сделать вывод, что один из этих наборов с какой-то степенью точности отражает довоенный уровень южных тарифов, тогда как другой — домыслы, имеющие к действительности весьма косвенное отношение.

Чтобы выяснить действительную долю пошлин, выплачиваемую перед Гражданской войной в южных портах, попробуем обратиться к предвоенным источникам.

Тарифы в предвоенных источниках

Если утверждения типа «к 1860 г. южные штаты платили более 80 % тарифов» соответствуют действительности, невольно возникает вопрос: что по этому поводу говорили южане — противники отделения? Как они обосновывали свою позицию при столь вопиюще несправедливой доле вклада южных штатов в общий бюджет? А противники отделения среди южан были, и немало: например, в Джорджии против выхода голосовала почти треть делегатов, в Алабаме — почти 40 %.

Наиболее известным из противников отделения был Александр Стивенс, один из ведущих политиков южан, член Палаты представителей с 1843 г. по 1859 г. Когда его штат Джорджия в январе 1861 г. собрал специальный съезд для решения вопроса о выходе из страны в связи с избранием Линкольна президентом, Стивенс до последнего момента пытался удержать сограждан от этого шага. Среди прочих доводов, он сказал:

«Из официальных документов мы знаем, что более трех четвертей доходов на содержание правительства постоянно собирались с Севера»¹⁵

Усилия Стивенса не увенчались успехом, съезд проголосовал за отделение штата от США — на съезде в основном обсуждались другие, серьезные причины отделения. Однако делегаты съезда послали Стивенса представлять Джорджию на съезд отделившихся южных штатов, где было принято решение о создании нового государства — Конфедерации. Стивенс был единогласно избран вице-президентом Конфедерации — вряд ли подобное могло иметь место, если бы у южан были основания подозревать его в искажении фактов в пользу Севера.

Обратимся к официальным документам того времени, о которых говорил Стивенс. Такие документы есть — статистику собирали как отдельные штаты, так и федеральное правительство. Многие из них сегодня не просто лежат в архивах, но доступны онлайн. Один из таких документов — годовой отчет Торговой палаты (Chamber of Commerce) штата Нью-Йорк за 1860–1861 гг.¹⁶ Мы будем ссылаться на него неоднократно, называя «Отчет».

¹³ Стивен Р. Вайс, Дорога жизни Конфедерации: прорыв блокады во время Гражданской войны; 1988, Стр. 228. Lifeline of the Confederacy: blockade running during the Civil War, by Stephen R Wise, 1988, ISBN 0-87249-554-X, Page 228.

¹⁴ Дуглас Б. Балл, Финансовый провал и поражение Конфедерации, 1991, стр. 205, Таблица 18

Financial Failure and Confederate Defeat, by Douglas B. Ball, 1991, ISBN 0-252-01755-2, p. 205, Table 18.

¹⁵ «From official documents, we learn that a fraction over three-fourths of the revenue collected for the support of government has uniformly been raised from the North»

Речь Александра Стивенса, вице-президента Конфедерации, на специальном съезде штата Джорджия, Январь 1861 г.

Источник: Альманах «Современное ораторское искусство», выпуск XV, Филадельфия, 1903, Страница 1935. Speech by Alexander H. Stephens, vice-president of the Confederate States: delivered in the secession convention of Georgia, January 1861. Source: Almanac “Modern Eloquence”, Volume XV. Philadelphia, 1903, Page 1935 <https://books.google.com/books?id=IBEvAAAAYAAJ>

¹⁶ Отчет Годовой отчет Торговой Палаты штата Нью-Йорк за 1860–1861 гг.

Annual Report of the Chamber of Commerce of the State of New York, for the year 1860–1861

<https://books.google.com/books?id=NKcoAAAAYAAJ>

Согласно Отчету (Стр. 334), за три предвоенных года (с 1858 по 1860) в штате Нью-Йорк было собрано \$103.4 млн пошлин.

За те же годы по всей стране, включая южные штаты — \$143.6 млн (см. Приложение 1).

То есть в эти три года в Нью-Йорке собиралось 72 % пошлин всей страны.¹⁷

Поскольку Нью-Йорк — штат северный, понятно, что «Южные порты заплатили 75 % тарифов в 1859 г.» из Washington Examiner — заявление не просто необоснованное, а противоречавшее документам того времени.

Вместе с тем, в документально зафиксированную предвоенную статистику вполне укладываются и «Более трех четвертей доходов на содержание правительства постоянно собирались с Севера» Стивенса, и 8 % тарифов южных портов из приведенной ранее книги с анализом финансовых причин поражения Конфедерации. Различие в этих оценках может объясняться:

а) ежегодными изменениями суммы собираемых пошлин: Стивенс говорит о среднем ориентировочном значении за многие годы («постоянно»); в книге приведены данные одного предвоенного года,

б) различием понятий Юг и Север: когда речь произносил Стивенс, к Югу относили все рабовладельческие штаты; для послевоенных авторов Юг — это только штаты, вошедшие в Конфедерацию.

Однако реальная доля тарифов, которую южане заплатили, могла быть выше, чем доля тарифов, собранных в южных портах. В конце концов пошлины платятся потребителями товаров. Если какие-то товары разгружались в северных портах, где поставщики за них платили пошлину, а затем транспортировались на Юг и продавались по цене, в которую пошлины были включены — безусловно, следует признать, что эту долю тарифов платили южане, как конечные потребители. Насколько эти непрямые тарифы повышали долю южан, мы попробуем разобраться.

5. Непрямые тарифы — свидетельства современников

К сожалению, мне не удалось найти предвоенной статистики, позволяющей дать непосредственную оценку непрямых тарифов. Учитывая упомянутую ранее разницу в численности населения и характере потребления импортных товаров между Севером и Югом, совершенно нереально, чтобы непрямые тарифы превратили 8 % пошлин южных портов в 80 % пошлин, выплаченных южанами. Тем не менее, попытаемся оценить, насколько эти тарифы могли повысить долю южан, опираясь на свидетельства очевидцев того времени.

Роберт Рассел, английский географ, который путешествовал по Северной Америке в 1854–1855 гг., после чего написал и в 1857 г. издал в Англии книгу о сельском хозяйстве и климате континента, пишет о южных штатах:

«...большая часть одежды — домашнего изготовления; главные завозимые товары — это бекон и мулы из Северных Штатов. На продажу идет только хлопок... Рабы не потребляют товаров, которыми ежедневно пользуются обитатели беднейших сельских районов свободных штатов... Если сравнить экспорт и импорт любого южного штата, первый неизменно превосходит второй, вследствие недостатка потребителей... Среди южных политиков общеприняты сепаратисты на отсутствие у торговцев предприимчивости в иностранном импорте... Но по правде говоря, требуется мало импорта, и это история каждого южного городка»¹⁸.

¹⁷ Ничего удивительного в этом нет: через Нью-Йорк пошлинного импорта ввозилось в два с половиной раза больше, чем через все остальные вместе взятые порты страны, южные и северные (Отчет, Стр. 66). Нью-Йорк того времени — крупнейший город и порт страны, он превосходил самый крупный город Конфедерации Нью-Орлеан по населению в пять раз, по объему импорта — в десять. В Нью-Йорке умеренный по американским меркам климат, достаточно глубокая для приема самых крупных океанских судов незамерзающая гавань, прекрасная железнодорожная и водная (по атлантическому побережью, через реки и развитую сеть каналов) связь с промышленно развитыми северными и быстро растущими северо-западными штатами, интенсивно потребляющими импортные товары.

¹⁸ "...a great part of the clothing is home-made; and the chief articles imported are bacon and mules from the Northern States. The only article sold is cotton... Of such articles as are in daily use among the rural inhabitants in the poorest districts of the Free States, the slaves are non-consuming class... When the valued exports and imports of any of the Southern states are compared, it is found that the former is invariably exceeds the latter, in consequence of the want of a consuming class... It is common theme

Фредерик Лоу Олмстед, американский журналист и ландшафтный архитектор, по поручению «Нью-Йорк Таймс» в 1852–1857 гг. объездил южные штаты и написал несколько книг путевых заметок:

«Очень большая часть наших пошлин собирается с товарами, на которые на Юге вообще почти нет спроса, прямого или непрямого (например, шерстяные и меховые изделия); немалое количество товаров, потребляемых Югом, практически не облагается пошлинами. Все рабы Юга в целом не потребляют почти ничего импортного... Большинство населения привычно не потребляет иностранной продукции кроме цикория, который перемалывают с горохом и называют кофе. Я никогда не видел причин верить, что хлопковые штаты будут потреблять десятую долю нашего нынешнего импорта даже с абсолютно беспошлинной торговлей. По моим наблюдениям за сравнительным потреблением иностранных товаров на Юге и на Севере, менее десятой доли наших пошлин покрывалось Югом за последние двадцать лет. Наша самая неоправданная протекционистская пошлина была востребована Югом, и поддерживается исключительно в интересах Юга»¹⁹

Как видим, оба автора отмечают низкий по сравнению с северным уровнем потребления импортных товаров на Юге. Фредерик Олмстед не только дает количественную оценку этого уровня («менее десятой доли наших пошлин покрывалось Югом за последние двадцать лет»), но и приводит весьма убедительные доводы в подтверждение своего мнения.

У нас нет возможности непосредственно подтвердить или опровергнуть оценку Олмстеда, но по крайней мере мы можем попытаться проверить, не противоречат ли его доводы статистическим данным. Следует отметить, что характеристики и оценки Олмстеда относятся не ко всему Югу, а к «хлопковому королевству» — самым южным штатам, экономика которых была основана на выращивании хлопка. То есть в первую очередь к семи штатам довоенной Конфедерации — как мы помним, пограничные рабовладельческие штаты вошли в Конфедерацию после начала войны.

Начнем, пожалуй, с последней фразы приведенного отрывка:

«Наша самая неоправданная протекционистская пошлина была востребована Югом, и поддерживается исключительно в интересах Юга».

Эта фраза несколько озадачивает: широко распространено и сейчас практически не оспаривается мнение, что протекционистские тарифы были выгодны северным промышленникам, тогда как южане, сторонники свободной торговли, от этих тарифов только страдали и против них боролись. Фредерик Лоу Олмстед — профессионал высокого уровня, опытный журналист и администратор, известный архитектор и отец американской ландшафтной архитектуры. Но он — северянин; можно ли в этом вопросе доверять его мнению? Попытаемся отыскать эту протекционистскую пошлину, которая была исключительно в интересах Юга.

for the Southern politicians to lament the want of enterprise among the merchants in conduct a foreign import trade... But the truth is, there are few imports required, for every Southern town tells the same tale”

Роберт Рассел; Северная Америка, ее сельское хозяйство и климат. Эдинбург, 1857, стр. 289–291

North America, its agriculture and climate, by Robert Russell, Edinburgh 1857, p. 289–291

<https://books.google.com/books?id=PrZYAAAAMAAJ>

¹⁹ «A very large part of our duties are collected on the class of goods for which there is almost no demand at all from the South, either directly or indirectly – woollen and fur goods, for instance; of the goods require for the South not a few have been practically free. The whole slave population of the South consumes almost nothing imported... The majority of the population habitually makes use of no foreign production except chicory, which, ground with peas, they call coffee. I have never seen reason to believe that with absolute free trade the cotton States would take a tenth part of the value of our present importations. And as I can judge from observation of the comparative use of foreign goods at the South and at the North, not a tenth part of our duties have been defrayed by the South in the last twenty years. The most indefensible protective duty we have is one called by the South, and which has been maintained solely to benefit the South»

Фредерик Лоу Олмстед, Хлопковое королевство, Том 1, Нью Йорк — Лондон, 1861, Стр. 27

The Cotton Kingdom, Vol. 1, by Frederick Law Olmsted, New York – London, 1861. Page 27

<https://archive.org/details/cottonkingdomtra00inolm>

6. Непрямые тарифы — сахар

Обратимся к таблице с перечнем всех типов товаров, ввозимых в Нью-Йорк и в целом в страну (Отчет, Стр. 57–66). Две последних колонки — стоимость импорта, за 1859–60 и 1858–59 гг. (финансовый год заканчивался 30 июня). Пробежавшись по цифрам, находим (Отчет, стр. 64), что по стоимости больше всего в страну ввозилось необработанного сахара (brown sugar) — \$61 млн за два года. Для сравнения, железа и всех изделий из него (Отчет, стр. 61–62) — в полтора раза меньше, около \$40 млн за те же два года.

Тарифная ставка на сахар та же, что на железо и железные изделия — 24 %²⁰. То есть за два года было заплачено \$14.6 млн пошлин на импортный сахар.

Легко подсчитать, что за сахар было заплачено 14.4 % всех пошлин страны — тогда как доля его стоимости в общем импорте составляла 8.7 %. И если тарифы на железо и изделия из него считать протекционистскими, то тарифы на сахар — протекционистские по меньшей мере в той же степени.

Кого тариф на сахар защищал?

В том же Отчете, на стр. 83–84, приведены данные об импорте, производстве и потреблении сахара по всей стране. Более трети потребляемого страной сахара было произведено в южных штатах, в основном Луизиане, а также Техасе и Флориде. Протекционистские тарифы на сахар защищали интересы южан, владельцев сахарных плантаций — на Севере сахарный тростник не рос.

Остальные две трети потребляемого страной сахара — это импортный (преимущественно кубинский) сахар, который ввозился через северные порты и практически весь потреблялся на Севере. Южане в основном потребляли сахар своего же производства.

Следует отметить существенные различия между протекционистскими тарифами на сахар и на другие импортные (в основном — промышленные, британского производства) товары, конкурирующие с продукцией северной промышленности — например, те же железные изделия.

Во-первых, британские товары потреблялись всей страной, в том числе и северянами, которые платили на них свою часть пошлин. Импортный сахар на Юге не потреблялся, то есть южане пошлины на сахар не платили. Пошлины на сахар платились полностью из карманов северян — в интересах южных сахарных плантаторов. Если бы пошлины на сахар отменили, более дешевый и качественный кубинский сахар вытеснил бы с внутренних рынков отечественный и разорил бы их.

Во-вторых, сахар не имел того значения для развития, безопасности и обороны страны, какое имели железо, изделия из него и другие промышленные товары.

И наконец, протекционистские меры на промышленные изделия давали возможность промышленности США конкурировать с зарубежными конкурентами, развиваться и выходить вперед, что было в интересах развития всей страны. Поскольку в силу климатических условий сахарные плантации юга США в принципе не могли обойти своих кубинских конкурентов, протекционистские пошлины на сахар служили только интересам его производителей, но не развитию страны.

Поэтому слова Олмстеда о самой неоправданной протекционистской пошлине, востребованной Югом и поддерживаемой исключительно в интересах Юга, вполне обоснованы. Сахар — не исключение; то же самое в меньших размерах происходило с табаком.

Сахарный тариф редко и вскользь упоминается в работах, посвященных причинам Гражданской войны, при этом его уровень и масштабы как правило не приводятся. Но прочесть об этом можно — в узко специализированных работах, посвященных истории сахара или торговли.

Вот что пишет английский профессор американской истории в книге о сахарных плантациях Луизианы:

«Федеральный протекционизм был спасательным канатом индустрии, которая не могла на равных соперничать с карибскими конкурентами. Сахарные пошлины гарантировали хороший барыш от 6 до 12 процентов и компенсировали пресловутые высокие затраты производства тростникового сахара»²¹

²⁰ Отчет, Стр. 250–251, 274.

На стр. 222–280 Отчета приведена таблица четырех последних предвоенных тарифов, на все виды товаров в алфавитном порядке. Интересующий нас тариф 1857 г — в третьей колонке.

²¹ “Federal protection was a lifeline for an industry that could not openly compete with its rivals in the Caribbean. The sugar duty guaranteed reasonably good profits of 6 to 12 percent and offset the notoriously heavy cost of cane sugar production”

В другой книге, критикующей торговую политику США, среди прочих товаров уделено место сахару:

«Правительство США серьезно поддерживало или напрямую субсидировало производство сахара с 1816 г... В 1820-х владельцы сахарных плантаций жаловались, что выращивание сахара в США было "войной с природой", потому что климат США плохо подходил для выращивания сахара. Естественно, владельцы плантаций полагали, что все американцы должны быть мобилизованы на эту "войну"»²².

7. Непрямые тарифы – кофе и шерсть

Проверим, насколько имеет основание еще одно утверждение Олмстеда: *"немалое количество товаров, потребляемых Югом, практически не облагается пошлинами"*. Вторая после сахара статья импорта — кофе, \$47 млн за два года (Отчет, Стр. 57). Кофе и сахар — товары сходного применения (продукты питания), распространенности (потреблялись по всей стране) и происхождения (завозились из южных стран, сахар — в основном с Кубы, кофе — из Бразилии). В отличие от сахара, кофе пошлинами не облагался (начиная с 1833 г.).

Почему такая разница? Просто кофе в стране не выращивался, на Юге не было производителей, которых нужно защищать, зато было много потребителей. Через Нью-Орлеан завозилось более 1/5 (22 %) импортного кофе всей страны; в импорте кофе этот южный порт уступал только Нью-Йорку (Отчет, Стр. 73). И если в Нью-Йорке беспошлинный кофе составлял незначительную долю стоимости всего импорта (3.5 %), то в Новом Орлеане — около четверти, что подтверждает слова Олмстеда о «немалом количестве» беспошлинных товаров, потребляемых Югом.

Олмстед также указывает, что значительным источником пошлин являются товары, *"на которые на Юге вообще почти нет спроса, прямого или непрямого (например, шерстяные и меховые изделия)"*. Насчет спроса — могу подтвердить: собираясь провести несколько зимних недель во Флориде, я всегда оставляю почти всю теплую одежду (из шерсти или ее современных заменителей) дома в Бостоне. То немногое теплое, что берется с собой в дорогу, становится практически ненужным уже в Северной Каролине.

Насколько значителен этот источник пошлин? Шерстяных тканей, пряжи и готовых изделий из шерсти вместе, за два года в страну было ввезено на общую сумму \$71.9 млн (Отчет, стр. 65–66), что составляло 13 % облагаемого налогами импорта страны. Напомню, железа и всех изделий из него — около \$40 млн (Отчет, стр. 61–62).

Как видим, доводы Олмстеда в обоснование его оценки низкой доли южных тарифов вполне подтверждаются.

8. Непрямые тарифы — джут и рельсы

Как мы выяснили, в предвоенные годы в южных портах собиралось около 8 % пошлин страны, а через Нью-Йорк поступало в среднем от 2/3 до 3/4 всего импорта страны. Допустим, что непрямые (т. е. заплаченные в северных портах) тарифы действительно ощутимо повышали долю пошлин, выплачиваемых южанами. Для этого товары должны были разгружаться в основном в Нью-Йорке (где за них платились пошлины), а затем перевозиться на Юг и там продаваться потребителям по цене, включающей заплаченные на Севере пошлины. Однако рассмотренные выше данные по ввозу кофе (22 % поступало в южный порт Нью-Орлеан) заставляют усомниться в реальности такого сценария.

На примере кофе уже можно заключить, что импортные товары, потребляемые на Юге, туда же непосредственно и завозились (что логично — лишняя перегрузка и транспортировка лишь добавляет затраты и увеличивает стоимость товара для конечного потребителя). Однако не будем спешить с выводами и попытаемся выделить и проанализировать товары, которые на Юге использовались более интенсивно, чем в среднем по стране.

Ричард Фоллетт, Хозяева сахара. Батон Руж, 2005, Стр. 27.

The sugar masters. By Richard Follett, Baton Rouge, 2005, ISBN 0-8071-3038-9, Page 27

²² “The U.S. government has been heavily protecting or directly subsidizing the sugar industry since 1816... In the 1820s, sugar plantation owners complained that growing sugar in the U.S. was “warring with nature” because the U.S. climate was unsuited to sugar production. Naturally, the plantation owners believed that all Americans should be conscripted into the “war””

Джеймс Бовард, Мошенничество справедливой торговли. Нью-Йорк, 1991, Стр. 71

The Fair-Trade Fraud, by James Bovard, NY 1991, ISBN 0-312-06193-5, Page 71

Обратим внимание на *Gunny bags* и *Gunny cloth* — прочную джутовую ткань и мешки из нее. Джут выращивался в Индии, а джутовая ткань в середине 1800-х производилась в шотландском городе Дандин (Dundee). Эта ткань и мешки широко использовались на южных плантациях для сбора хлопка.²³ Доля Нью-Йорка в импорте *Gunny bags* и *Gunny cloth* составляла всего лишь 14 % (Отчет стр. 61). Большинство этих товаров попадало в страну не через Нью-Йорк — их, очевидно, ввозили непосредственно туда, где они нужны, в южные порты, откуда шел экспорт хлопка. Соответственно, южане заплатили большинство пошлин за джутовые товары (кстати, по низкой тарифной ставке 15 %) — но это прямые тарифы, которые уже учтены в 8 % тарифов южных портов.

Gunny не исключение; на той же 61-й странице Отчета находим еще один товар, у которого нью-йоркская доля импорта неординарно низка (33 %) — железнодорожные рельсы (Iron, rail-road). Казалось бы, при чем тут Юг, если известно, что на Севере железные дороги были более развиты?

Действительно, к началу войны северо-восточные штаты уже имели развитую сеть железных дорог — именно поэтому темпы строительства новых дорог там замедлились. Строительство новых дорог шло высокими темпами, превышающими средние по стране, на Юге и на Среднем Западе. С 1850 по 1860, протяженность дорог на северо-востоке выросла на 146 %, в целом по стране — на 237 %, в юго-восточных штатах — на 280 %.²⁴ Югу требовалось непропорционально большее количество рельс, но попадали они туда не через Нью-Йорк — и очевидно, напрямую. Соответственно, южане платили на них прямые пошлины, уже учтенные в 8 %.

Можно сделать вывод, что товары для южан в основном ввозились непосредственно через южные порты, где с них напрямую собирались тарифы. И только если южное потребление какого-то товара было незначительным или нерегулярным, имело смысл полностью разгружать большие партии товаров с трансатлантических судов в Нью-Йорке, и перегружать небольшую часть, предназначенную для Юга, на меньшие каботажные суда для доставки в южные порты. При таком сценарии непрямые тарифы будут составлять незначительную долю прямых.

9. Источники завышенных оценок южных тарифов

Прежде чем делать окончательный вывод, следует по крайней мере попытаться выяснить источники указанных в начале статьи завышенных оценок южных тарифов в упомянутых выше работах наших современников.

Как правило, подобные оценки не подкрепляются конкретными цифрами пошлин, уплаченных южанами и северянами. Есть исключение — книга "Когда в ходе исторических событий" Чарльза Адамса. Из нее мы узнаем, что согласно анализу тарифов 1830-х и 1840-х годов, из \$107.5 миллионов тарифов \$90 миллионов платил Юг и \$17.5 миллионов Север — по подсчетам Адамса, процент для Юга приблизительно 87 %, и 17 % для Севера.²⁵

В расчете у Адамса допущена арифметическая ошибка, в результате которой суммарный процент тарифов составляет 104 %. Правильный подсчет дает не 87 % и 17 %, а 86 % и 14 %. В данном случае эта ошибка значения не имеет: при таком порядке тарифов пара лишних процентов погоды не делает. Однако стоит иметь в виду, что часто встречающиеся в работах о Гражданской войне 87 % южных тарифов являются скорее всего копированием из этой книги Адамса, а не результатом самостоятельной работы с первоисточниками.

Адамс указывает источник данных — речь алабамского конгрессмена Джабеза Карри, которую тот произнес в своем округе 26 ноября 1860 г., а затем издал отдельной брошюкой. В 1996 г. брошюра была

²³ <https://en.wikipedia.org/wiki/Jute>

“...jute sandbags were... also exported to the United States southern region to bag cotton”

“Jute is used chiefly to make cloth for wrapping bales of raw cotton...”

²⁴ История железнодорожного транспорта в Соединенных Штатах.

https://en.wikipedia.org/wiki/History_of_rail_transport_in_the_United_States

²⁵ “When some of compromise tariffs of the 1830s and 1840s are analyzed, the total revenue was around 107.5 million, with the South paying about \$90 million and the North \$17.5 million. ... the percentage for the South... was approximately 87 percent, and 17 percent for the North”

Чарльз Адамс. Когда в ходе исторических событий, 2000, Стр. 27

When in the Course of Human Events, by Charles Adams, 2000, ISBN 0-8476-9722-3, Page 27

перепечатана в сборнике "Южные памфлеты о расколе", на который дана ссылка в книге Адамса. Карри действительно упоминает \$ 90 миллионов тарифов Юга и \$ 17.5 миллионов Севера, однако ни о каких расплывчатых анализах тарифов 1830-х и 1840-х годов речи нет: четко оговорены пять лет (с 1833 по 1837) за которые эти тарифы собраны, и даже указан весьма солидный первоисточник — отчет министра финансов (*report of the Secretary of the Treasury*) за 1838 г., что позволяет проверить достоверность данных²⁶.

Эта проверка далась нелегко: оказалось, что документ, на который ссылается Карри — не регулярный отчет, а письмо министра финансов в Конгресс. Оно не переиздавалось, хранится только в государственных архивах, и в каталоге проходит под названием «Отчет о публичных доходах и расходах — 1833, 1834, 1835, 1836, 1837», с указанием имени министра финансов, но не его должности. Копию письма удалось найти в одной из библиотек Гарварда, по совместительству являющейся филиалом федерального архива, сейчас доступна онлайн на сайте автора²⁷.

Письмо было ответом на запрос Палаты представителей о поступлениях в казну и расходах за указанные годы с разбивкой по штатам. Причиной запроса, скорее всего, явилось то, что именно в эти годы проходила обширная распродажа государственных земель в западных штатах и территориях; выручка от этих распродаж тогда достигала половины доходов страны. В обычных отчетах министра финансов разбивки доходов по штатам не делается (я просмотрел несколько, пытаясь найти данные). Видимо, Карри обратился к этому письму просто как к единственному документу, в котором собрана информация о пошлинах каждого отдельного штата, а уж за какие годы — выбирать не приходилось.

В письме указаны все средства, полученные федеральным правительством за каждый год из пяти от каждого штата, с разбивкой по типам доходов: тарифы (*Customs*), продажа земли, дивиденды акций и т.д. Тарифы составили около двух третей всех поступлений за эти годы. Если не полениться и просуммировать для каждого штата тарифы за пять лет, а затем отдельно сложить результаты для свободных и рабовладельческих штатов, окажется, что из общей суммы тарифов (около \$99 миллионов) свободные штаты заплатили около \$86 миллионов (из них один только Нью-Йорк \$57 миллионов), рабовладельческие — около \$13 миллионов (см. Приложение 2).

Мистическим образом, число 87 % присутствует — только платили эти 87 % тарифов не южане, а северяне.

Можно допустить, что цифры Карри обусловлены не желанием ввести публику в заблуждение, а ошибками вычислений, производимых в спешке вручную над большим (таблица на семь страниц) и неудобным набором данных. Карри очень спешил, основной упор в речи был не на тарифы и вообще не на экономику, которой уделен небольшой предпоследний раздел брошюры. Тарифы рассматривались не как причина отделения, а в рамках вопроса, насколько Юг может себе позволить отделение с точки зрения экономики. Брошюра не получила особого распространения, и Карри вряд ли к ней возвращался; энциклопедические статьи с биографией Карри в перечнях его работ эту брошюру не упоминают.

Что касается ссылки на цифры Карри в книге Чарльза Адамса, то подмена известного пятилетнего периода (1833–1837 гг.) расплывчатыми 1830-ми и 1840-ми имеет по крайней мере два следствия.

Первое — это практически исключает возможность проверки данных умеренно заинтересованным читателем по независимым источникам: поди проверь цифры, если годы неизвестны. Сборник южных памфлетов 1996 г., в котором перепечатана речь Карри — книга редкая, межбиблиотечный каталог Массачусетса показывает всего три копии, а онлайновая версия появилась недавно и явно не была доступна на момент выхода книги Адамса в 2000 г.

Второе следствие — читатель остается в неведении, что приведенные цифры попросту не могут служить объяснением отделения южных штатов, поскольку на момент отделения (в 1860–1861) имели четвертьвековую давность.

²⁶ "A report of the Secretary of the Treasury for 1838 shows that, in the five years, 1833-'37, the slave States... paid \$90,000,000 of duties to \$17,500,000 paid by the free States"

Южные памфлеты о сепрессии, 1996, Стр. 50

Southern Pamphlets on Secession, 1996, ISBN 0-8078-2278-7, Page 50

²⁷ Письмо министра финансов в Конгресс, 9 июля 1838 г. Доходы и расходы — 1833,1834,1835,1836,1837

Receipts and expenditures — 1833, 1834,1835,1836,1837. Secretary of treasury, July 9, 1838

https://barhavin.files.wordpress.com/2017/01/report_1833-37.pdf

Знал ли Чарльз Адамс, что цифры Карри противоречат исходным данным первоисточника, можно только гадать. Но подмена Адамсом четкой датировки данных середины 1830-х годов на расплывчатую, захватывающую 1840-е, выглядит как попытка ввести в заблуждение читателя, создать видимость достоверности и максимально затруднить проверку.

С легкой руки Адамса, эти 87 % появились в публикациях о Гражданской войне:

«Даже до тарифа Моррилла 1860 г. южане платили около 87 процентов всех федеральных налогов» — Ди Лорензо, «Настоящий Линкольн», стр. 240²⁸.

«Тарифные доходы США уже непропорционально ложились на Юг, составляя 87 процентов общей суммы еще до тарифа Моррилла» — Леонард М. (Майк) Скрагс, «Не-Гражданская война», 2011, Стр. 39²⁹.

Следует отметить, что тут уже нет не только исходных данных, но ни указания на источник, ни даже туманной ссылки на 1830-е и 1840-е годы, поэтому 87 % однозначно воспринимаются как доля южных тарифов непосредственно перед войной.

10. Выводы

а. Проведенный анализ данных позволяет заключить, что Юг потреблял небольшую долю импорта и соответственно платил небольшую долю тарифов. Можно принять, что доля тарифов, выплачиваемых южанами перед войной, не превышала (а скорее всего была ниже) доли свободного населения Юга в свободном населении всей страны. Какова эта доля — зависит от того, что считать Югом: около 10 %, если считать только первые 7 штатов довоенной Конфедерации, около 20 %, если всю Конфедерацию, и около 30 %, если считать все рабовладельческие штаты.

б. В большинстве книг о Гражданской войне, упоминающих разногласия по тарифам, не приводится численной оценки южных тарифов, а лишь констатируется наличие этих разногласий как одного из факторов, повлиявших на решение южных штатов выйти из страны.

В некоторых работах последних десятилетий появляется неправдоподобно высокая оценка южных тарифов — 75 % и выше от тарифов всей страны. Как правило, в этих работах не приводятся суммы заплаченных пошлинных сборов, то есть высокие проценты южных тарифов декларированы, но данными не подкреплены.

в. Чаще всего встречающаяся оценка южных тарифов в 87 % может быть прослежена через книгу «Когда в ходе исторических событий» Чарльза Адамса (2000 год) к предвоенной речи алабамского конгрессмена Джабеза Карри, изданной отдельной брошюрой в начале войны. В свою очередь, в брошюре Карри указан источник данных — письмо министра финансов Конгрессу, под названием «Отчет о публичных доходах и расходах — 1833, 1834, 1835, 1836, 1837».

Анализ этого источника показывает, что расчеты Карри неверны, и 87 % тарифов было заплачено не южанами, а северянами.

Следует отметить, что давая ссылку на малоизвестную брошюру Карри, Чарльз Адамс заменил четкую датировку данных (середина 1830-х годов) на расплывчатую и вводящую в заблуждение "Если проанализировать некоторые компромиссные тарифы 1830-х и 1840-х", что выглядит как попытка ввести в заблуждение читателя, создать видимость достоверности и максимально затруднить проверку.

г. Указанный выше (а) вывод, что доля южных тарифов не превышала доли свободного населения Юга в свободном населении всей страны, сам по себе не является достаточным основанием отвергать разногласия по тарифам как одну из возможных причин выхода южных штатов из страны. Если большинство южан, принимавших решение, считали — пусть даже ошибочно — свои тарифы непропорционально высокими и приводили это как довод за выход из страны, тарифы можно считать если не главной, то хотя бы существенной причиной.

Анализ этого вопроса выходит за рамки настоящей статьи. Он досконально рассмотрен в статье «Тарифы и отделение южных штатов США, Часть вторая», автор Александр Бархавин («Семь искусств», апрель 2017

²⁸ “Even before the Morrill tariff of 1860. Southerners were paying about 87 percent of all federal taxes” — The Real Lincoln, by Thomas J. DiLorenzo, 2002, ISBN 0-7615-3641-8, Page 240.

²⁹ “U.S. tariff revenues already fell disproportionately on the South, accounting for 87 % of the total even before the Morrill Tariff.”

The Un-Civil War, by Leonard M Scruggs, 2011, ISBN 978-0-9834356-0-0, Page 39

года).³⁰ Вывод — тарифы нельзя считать ни главной, ни одной из первостепенных, ни даже сколь-нибудь весомой причиной выхода южных штатов из страны.

11. Приложения

Приложение 1

Объем импорта и пошлины: годы 1821 по 1945

Источник:

Историческая статистика Соединенных Штатов 1789-1945

Бюро Переписи, 1949, Страница 248

Historical Statistics of the United States 1789-1945

Bureau of the Census, 1949, Page 248

<https://www2.census.gov/prod2/statcomp/documents/HistoricalStatisticsoftheUnitedStates1789-1945.pdf>

Series M 75-86.—FOREIGN TRADE—VALUE OF MERCHANDISE IMPORTS, FREE AND DUTIABLE, BY ECONOMIC CLASSES: 1821 TO 1945

[In thousands of dollars. See headnote for series M 42-55, p. 248]

YEAR ¹	TOTAL		CRUDE MATERIALS		CRUDE FOODSTUFFS AND FOOD ANIMALS		MANUFACTURED FOODSTUFFS ²		SEMI MANUFACTURES		FINISHED MANUFACTURES	
	Free	Dutiable	Free	Dutiable	Free	Dutiable	Free	Dutiable	Free	Dutiable	Free	Dutiable
	75	76	77	78	79	80	81	82	83	84	85	86
1845.....	2,723,957	1,350,827	725,110	438,859	501,384	191,753	253,312	208,212	666,150	262,336	578,001	249,567
1844.....	2,705,391	1,169,504	717,815	350,763	658,129	183,219	240,845	230,134	515,095	191,141	576,507	184,148
1843.....	2,192,702	1,197,249	633,686	353,550	437,939	146,288	69,647	351,510	497,648	179,558	563,732	186,043
1842.....	1,767,592	1,001,693	720,285	329,397	276,127	72,450	25,471	248,055	446,715	192,791	297,994	159,029
1841.....	2,030,919	1,191,035	998,216	378,224	299,095	77,034	59,262	262,796	455,542	268,684	218,894	204,247
1840.....	1,545,965	891,691	795,032	215,810	226,439	58,627	64,561	212,883	340,007	198,598	202,926	205,773
1839.....	1,397,230	875,819	531,910	162,950	235,480	55,359	66,768	246,568	306,571	180,195	206,551	233,746
1838.....	1,182,696	766,929	446,425	130,021	219,434	40,682	65,196	245,343	266,422	118,542	185,215	232,340
1837.....	1,765,248	1,244,605	752,637	218,424	274,873	138,438	91,630	348,425	431,938	202,236	214,169	237,081
1836.....	1,334,337	1,039,040	560,435	172,527	235,550	113,131	79,176	307,063	322,641	167,597	187,132	278,721
1835.....	1,205,987	802,918	448,276	134,167	227,422	94,905	74,296	244,533	284,644	125,646	171,349	234,268
1834.....	991,161	644,542	345,395	115,222	209,404	44,910	78,793	184,754	212,145	95,157	145,424	204,799
1833.....	878,100	571,459	295,350	119,900	190,199	25,500	78,492	122,991	177,989	114,016	133,170	189,051
1832.....	879,043	443,731	286,731	71,594	207,438	25,526	66,640	107,287	147,963	69,004	170,271	170,320
1831.....	1,381,435	709,199	524,541	117,632	269,124	35,704	64,109	158,207	267,649	104,394	256,012	298,263
1830.....	2,051,110	1,009,798	834,120	168,041	331,179	68,946	78,153	215,295	448,618	159,036	359,041	397,981
1829.....	2,848,854	1,556,007	1,289,317	269,303	443,372	95,188	82,375	341,247	630,586	254,465	397,704	595,804
1828.....	2,616,239	1,475,205	1,222,411	244,323	431,587	118,305	75,115	330,699	541,456	221,375	345,671	560,602
1827.....	2,621,878	1,562,869	1,315,287	245,572	392,971	111,715	75,658	375,151	527,187	222,614	310,780	567,817
1826.....	2,655,411	1,477,477	1,483,772	308,520	458,594	101,224	57,192	360,625	568,379	235,954	305,481	571,147
1825.....	2,651,266	1,575,323	1,400,083	847,982	392,842	101,858	72,171	360,785	517,010	238,075	269,060	536,673
1824.....	2,080,096	1,529,867	977,635	250,621	335,741	89,182	62,044	459,556	462,888	192,989	241,778	597,668
1823.....	1,135,942	1,656,124	1,091,353	315,404	279,222	83,810	52,164	478,044	471,775	248,954	241,388	529,912
1822.....	1,871,917	1,240,880	963,150	216,744	249,600	80,209	43,115	344,304	370,871	181,806	245,181	417,767
1821.....	1,562,292	946,856	750,640	108,219	253,703	46,477	33,604	314,707	236,458	125,289	267,687	352,164

See footnotes on next page.

Приложение 2

Тарифы (пошлины) по штатам за 1833-1837 годы

Источник данных:

Письмо министра финансов в Конгресс, 9 июля 1838 г. Доходы и расходы — 1833,1834,1835,1836,1837 Receipts and expenditures — 1833, 1834,1835,1836,1837. Secretary of treasury, July 9, 1838

https://barhavin.files.wordpress.com/2017/01/report_1833-37.pdf

³⁰ «Тарифы и отделение южных штатов США, Часть вторая», автор Александр Бархавин («Семь искусств», апрель 2017 года) http://7iskusstv.com/2017/01/report_1833-37.pdf

STATE \ YEAR	1833	1834	1835	1836	1837	SubTotal	Free states	Conf 7	Conf 11
<i>Maine</i>	292	157	107	114	32	702	702		
<i>New Hampshire</i>	51	13	13	11	6	94	94		
<i>Massachusetts</i>	5156	2463	2732	3344	1417	15112	15112		
<i>Rhode Island</i>	225	110	108	74	50	567	567		
<i>Connecticut</i>	107	56	71	80	36	350	350		
<i>Vermont</i>	0	1	3	0	2	6	6		
<i>New York</i>	16597	9295	11603	13476	6783	57754	57754		
<i>New Jersey</i>	3	9	234	3	6	255			
<i>Pennsylvania</i>	3514	1958	2159	2639	1163	11433	11433		
<i>Delaware</i>	0	13	0	0	0	13			
<i>Maryland</i>	1107	604	668	1169	644	4192			
<i>Virginia</i>	202	142	148	236	66	794		794	
<i>North Carolina</i>	50	43	34	40	24	191			191
<i>South Carolina</i>	444	383	402	556	216	2001		2001	2001
<i>Georgia</i>	132	66	83	124	68	473		473	473
<i>Kentucky</i>	0	0	0	1	2	3			
<i>Tennessee</i>	0	0	3	5	4	12			12
<i>Ohio</i>	1	2	2	1	1	7			
<i>Louisiana</i>	1083	832	962	1423	595	4895		4895	4895
<i>Indiana</i>	0	0	0	0	0	0			
<i>Mississippi</i>	0	0	0	0	0	0		0	0
<i>Illinois</i>	0	0	0	0	0	0		0	
<i>Alabama</i>	18	35	30	103	29	215		215	215
<i>Missouri</i>	0	0	0	2	0	2			
<i>Michigan</i>	4	3	5	3	3	18		18	
<i>Arkansas</i>	0	0	0	0	0	0			0
<i>DC</i>	29	39	21	40	17	146			
<i>Florida</i>	17	3	6	6	5	37		37	37
<i>Total (\$1000)</i>						99272	86043	7621	8618
<i>Total</i>						99272		100%	
<i>Free states</i>						86043		86.7%	
<i>Slave states</i>						13229		13.3%	
<i>Confederacy original 6 states, no Texas</i>						7621		7.7%	
<i>Confederacy total 10 states, no Texas</i>						8618		8.7%	
<i>Union states (North)</i>						90654		91.3%	

В расчет не включены рабовладельческие штаты Делавэр, Мэриленд, Кентукки, Миссури и столичный округ Колумбия (DC), воевавшие на стороне Севера, а также Нью-Джерси, где в указанные годы рабство было разрешено. В сумме их тарифы составили 0.3 % тарифов страны, то есть на результат не повлияли. Кроме того, в данных отсутствует Техас, который в эти годы еще не входил в состав США и тарифов не платил.

Юрий Окунев¹

Принстонские образы: Эйнштейн — физика — религия — еврейство

Предуведомление автора

Читатели «Заметок по еврейской истории» и других интернет-изданий под редакцией Евгения Берковича с интересом следили за его публикациями по истории жизни и творчества Альберта Эйнштейна и окружавших его ученых и общественно-политических деятелей. Складывалось впечатление, что автор готовит и обкатывает материалы для фундаментальной монографии по истории физических идей, в центре которой будет образ Эйнштейна, признанного гением № 1 двадцатого века. Ожидания не обманули читателей — в 2018 году в Москве была издана книга Е. Берковича «Альберт Эйнштейн и физики XX века в контексте истории».

Как справедливо отмечает Е. Беркович в предисловии к этой книге, об Эйнштейне «написаны сотни книг и тысячи статей». Тем не менее, автору удалось отыскать факты биографии и творчества Эйнштейна, «копи-санные недостаточно полно, а иногда и неверно». Среди них драматическая история научного и личного противостояния Альберта Эйнштейна и Филиппа Ленарда, непростая жизненная ситуация, сложившаяся вокруг великого ученого в годы прихода к власти нацистов, выразительные перипетии его отношений с коллегами... Особенно значителен вклад автора книги в описание еврейской составляющей жизни и судьбы Эйнштейна. Здесь и удивительная история еврейской эманципации в сочетании с революцией в физике, и события, связанные с участием Эйнштейна в создании Еврейского университета, и непростые взаимоотношения с лидерами сионизма, и воистину титаническая борьба великого ученого за спасение еврейского народа от нацистских преследований... Никогда прежде в публикациях на эйнштейновскую тему не было таких глубоких и обширных сведений об отношении великого ученого к еврейскому вопросу.

Совсем недавно издана новая книга Е. Берковича «Альберт Эйнштейн и "революция вундеркиндов"», фрагменты которой публиковались в журналах «Семь искусств» и «Наука и жизнь»². Он завершил многолетний труд о величайшем ученом XX века: два тома, которые состоялись благодаря уникальному сочетанию талантов автора — профессионального физика и математика, исторического исследователя и писателя-публициста.

Фундаментальный труд Евгения Берковича, юбилею которого посвящен этот Сборник, натолкнул автора настоящего очерка на идею публикации доклада, сделанного в свое время на конференции еврейской просветительской организации Limmud FSU в Принстоне.

С удовольствием и благодарностью представляю этот очерк читателям Сборника в доработанном с учетом работ Е. Берковича виде.

Принстонские образы: Эйнштейн — физика — религия — еврейство

Здесь, в Принстоне, образы науки и ее величайшего гения видятся и чудятся во всем — от старинных зданий и дорожек парков до университетских аудиторий и филармонического зала. Трудно себе представить физику и вообще науку XX века без Принстонского университета и Института перспективных исследований в Принстоне. Для иллюстрации этого достаточно назвать хотя бы нескольких работавших здесь ученых, имена которых известны во всем мире не только специалистам:

Альберт Эйнштейн — Нобелевский лауреат, автор специальной и общей Теории относительности.

Юджин Вигнер — Нобелевский лауреат, автор фундаментальных «принципов симметрии» в квантовой механике и теории элементарных частиц, талант которого приравнивали к эйнштейновскому.

¹ Научный работник в области теоретической радиотехники, писатель-публицист.

² Беркович Е.М. Альберт Эйнштейн и «революция вундеркиндов». Очерки становления квантовой механики и единой теории поля. М.: URSS, 2021.

Фрэнк Вильчек — лауреат Нобелевской премии за открытие «асимптотической свободы в теории сильных взаимодействий».

Джон фон Нейман — легендарный ученый универсального склада, праотец современной архитектуры компьютеров — «архитектура фон Неймана», автор «теории операторов» в приложении к квантовой механике — «алгебра фон Неймана», участник Манхэттенского проекта, создатель теории игр.

Джон Арчибалд Уилер — президент Американского физического общества, соратник Нильса Бора и Альберта Эйнштейна, автор известных в физике понятий «черная дыра» и «кротовая нора».

Джулиус Роберт Оппенгеймер — «отец атомной бомбы», научный руководитель Манхэттенского проекта, один из руководителей Института перспективных исследований в Принстоне.

Фримен Джон Дайсон — один из создателей квантовой электродинамики.

Эдвард Виттен — один из ведущих в мире исследователей «теории струн» и квантовой теории поля.

Леопольд Инфельд — сподвижник и соавтор Эйнштейна по знаменитой книге «Эволюция физики».

Джордж Юджин Уленбек — крупнейший исследователь в области квантовой механики, атомной и ядерной физики, первооткрыватель «спина электрона».

Абрахам Пайс — автор идеи «ассоциативного рождения странных частиц», «теории смешанных состояний частиц и их осцилляций», ввёл термины «лептон» и «барион».

Курт Фридрих Гёдель — крупнейший математик XX века, наиболее известный сформулированной и доказанной им «Теоремой о неполноте».

Этот список можно продолжить, но не в его полноте наша задача...

Если говорить о современной физике, то она все больше погружается в глубинные слои материи, ею открыты уже сотни видов элементарных частиц, и конца этому процессу расширения познанного не видно, равно как и не видно сужения непознанного. Физические описания становятся похожими на лирические поэмы с терминологией, прежде свойственной произведениям искусства. Вот, например, краткое описание открытой с помощью Большого Адронного Коллайдера новой элементарной частицы:

«Возбужденный прелестный кси-барион (Ξ_b^{*0}), как и все барионы, в том числе протоны и нейтроны, состоит из трех夸克ов. Кварки имеют шесть сортов или "ароматов", и, сочетаясь в разных комбинациях, образуют наблюдаемые элементарные частицы. Обнаруженный кси-барион состоит из верхнего, прелестного и странного夸克ов. Отрицательные заряды прелестного и странного夸克ов (по трети заряда электрона) компенсируются положительным зарядом верхнего夸克 (две трети заряда электрона), поэтому в целом частица электрически нейтральна».

Возможно, вся эта поэтическая терминология — «возбужденные», «прелестные», «странные» и тому подобные элементарные частицы, имеющие, к тому же, несколько «ароматов» — отражает тот очевидный факт, что физика давно уже оторвалась от возможностей человеческого восприятия и даже воображения. Драматическая история научного противостояния А. Эйнштейна и Ф. Ленарда, подробно описанная в [1], показывает, что Теория относительности была одним из первых в истории физики подобных отрывов: человеку с его ограниченным трехмерным видением трудно или даже невозможно понять изменение размеров тела, равно как и масштаба связанного с ним времени, в зависимости от скорости движущегося тела. Е. Беркович пишет:

«Сложные математические конструкции общей теории относительности или квантовой механики были неприемлемы для твердого сторонника классической науки девятнадцатого века... Ленард считал, что при выборе системы отсчета нужно руководствоваться чувством "простого, здорового человеческого понимания". То, что предлагал Эйнштейн, выходило за рамки этого чувства, было абсолютно непонятно верному рыцарю классической физики... Наблюдавший за развитием этого научного спора Герман Вейль в октябре 1920 года сделал достаточно жесткий вывод: Ленард просто не в состоянии понять суть учения Эйнштейна».

Со времен создания Теории относительности наглядность перестала быть необходимым условием правильности физической теории. В наше время отрыв результатов физических открытий от возможностей «простого человеческого понимания» стал очевидным и общепринятым. Этот отрыв представляется вполне естественным, хотя некоторые полагают, что он является результатом общего кризиса физических идей, о котором прямо и честно говорят сами ученые. Например, известный американский физик профессор Ли

Смолин [2] пишет «о кризисе в области фундаментальной физики — той части физики, которая связана с открытием законов природы». «Мы пропускаем что-то большое» — утверждает Смолин, анализируя современное состояние физических теорий. Другой ученый — известный биолог Александр Ябров, связывает кризис физики и биологии с отсутствием общей теории существования [3], которая, по его мнению, и есть то «большое», что мы, согласно Смолину, пропускаем.

Наблюдая процессы погружения современной физики, с одной стороны, в невидимый и невообразимый микромир, где частицы материи и волны энергии неразличимы, а, с другой стороны, в пугающе гигантский и человеческому воображению недоступный мир бесконечной Вселенной, невольно задаешься вопросом — приближают ли нас эти процессы познания к пониманию всеобъемлющих законов природы?

В своем развитии физика, а в более широком плане — вообще процесс познания мироздания, могут быть рассмотрены или представлены как бесконечный ряд накопления знаний о природе. Здесь возможна аналогия с математическим рядом, в котором каждый последующий член добавляется к накопленной сумме всех предыдущих членов. Как известно, математический ряд может быть сходящимся или расходящимся. В первом случае сумма членов ряда при бесконечном добавлении все новых и новых слагаемых стремится к некоторому конечному пределу, а во втором случае такого предела не существует и говорят, что ряд расходится.

Для Эйнштейна было характерным представление о развитии физики, как о сходящемся ряде. Его гигантские усилия создать Общую теорию поля, которой он посвятил более 20 лет своей работы в Принстоне, были, по существу, попыткой приблизиться к пределу сходящегося ряда. Однако, реальное мировое развитие физической теориишло в направлении расходящегося ряда — каждое новое открытие в области элементарных частиц и их взаимодействий приводит к увеличению знаний о природе микромира, но отнюдь не уменьшает незнаемого, а, напротив, расширяет горизонт новых загадок мироздания. В этой «несходимости» процесса физического познания, может быть, и состоит вполне естественный кризис современной физики. Альберт Эйнштейн был свидетелем расходящегося процесса физических исследований, противился по мере своих возможностей этому, но не мог не принять суровую реальность бытия — раскрытие все новых и новых физических законов мироздания не приводит к его окончательному и однозначному постижению. В докладе, прочитанном в Оксфорде в 1933 году, великий ученый сформулировал этот вывод кратко и выразительно (цитирую по [1]):

«Чем глубже мы ищем, тем больше находим того, что нам еще необходимо узнать, и я убежден: пока существует человек, дело будет всегда обстоять именно так».

За пределами бесконечного ряда физического познания мироздания, будь он сходящимся или расходящимся, Эйнштейн видел то, что он называл Богом — творца природы и ее законов в слиянии со своим творением. В случае сходящегося ряда, Бог — это тот предел, к которому стремится творческая мысль человека, приближаясь к нему, но никогда не достигая его, а в случае расходящегося ряда, Бог — это в принципе непостижимая для человека сверхгигантская сущность мироздания, которая доступна человеческому разуму лишь в своих ограниченных проявлениях.

В этом пункте, в рамках нашей темы, мы неизбежно вторгаемся в проблему отношения Эйнштейна к религии. Этой проблеме посвящены сотни публикаций и десятки специальных книг, многие из которых так и называются «Эйнштейн и религия» [8] или что-либо в этом роде. На эту тему было и много недобросовестных спекуляций. Например, в бывшем СССР официальная пропаганда настаивала на атеизме Эйнштейна — очень им хотелось, чтобы великий ученый не верил в Бога. Создав мракобесный образ верующего человека и карикатурный образ Бога, советские воинствующие атеисты убеждали всех, что Эйнштейн, хотя и не дозрел до высот марксизма-ленинизма, но, тем не менее, в Бога не верил. Здесь уместно напомнить известную раввинскую шутку:

«В такого Бога, в которого вы не верите, я тоже не верю!».

Следует сказать, что сам Эйнштейн резко обрывал тех, кто пытался поддержать атеизм его именем. В 1941 году он говорил [4]:

«Я понимаю, что есть люди, отрицающие существование Бога, но я воистину прихожу в ярость, когда меня цитируют, чтобы поддержать подобные воззрения».

Однако и в наше время продолжаются попытки извратить религиозные взгляды Эйнштейна. Подчеркиваются, например, его высказывания, отрицающие возможность прямого вмешательства высшей силы в личную судьбу каждого человека. Приводится также его известное высказывание о том, что он причисляет себя к агностикам. Акцентирование подобных высказываний, на мой взгляд, представляет собой попытку, вульгарно упростить проблему отношения великого ученого к религии. А между тем Эйнштейну принадлежит известная сентентия [4]:

«Наука без религии — хромая, религия без науки — слепая».

В этом высказывании ключ к пониманию основ отношения ученого к религии — эти основы укоренены в его представлениях о законах мироздания и путях их научного познания...

Ни в коей мере не претендуя на раскрытие этой огромной темы, я бы хотел кратко сформулировать свое мнение по данному вопросу.

Альберт Эйнштейн действительно возражал против наивного, как он говорил, или примитивного представления о Боге, как некоем сверхсуществе, непрерывно вмешивающемся в повседневное бытие человека. Он не верил ни в существование такого Бога, ни в потребность в нем. Один из центральных вопросов религиозной философии — проблему противоречия между свободой выбора и божественной предопределенностью [5] — Эйнштейн разрешил разрубанием гордиева узла: Всевышний не вмешивается в процесс свободного выбора индивидуумов и не занимается их нравственным совершенствованием подобно надзирателю в колонии для малолетних преступников.

Несмотря на это представляется, что Эйнштейн был одним из самых религиозных ученых XX века. Религиозным не в смысле скрупулезного исполнения обрядов и поведенческих предписаний, а в своем глубоком убеждении в целостном, гармоничном устройстве мироздания, подчиняющемся некоему общему закону, который, в конечном счете, и есть единый Бог. В этом понимании религиозности он очень близок к своим великим предшественникам Галилео Галилею, Исааку Ньютону и Баруху Спинозе — глубоко религиозным людям, протестовавшим, тем не менее, против церковной схоластики и церковных запретов на свободное развитие научных знаний. Особенно близки Эйнштейну религиозно-философские воззрения Спинозы, в первую очередь, введенное Спинозой представление о единстве Творца и творения.

Физические законы природы, по убеждению Эйнштейна, имеют, может быть, и неизвестные нам, но простые истоки, а физические явления развиваются согласно определенным причинно-следственным связям и должны иметь ясную и логичную теорию. Эйнштейн задавал вопрос, мог ли Бог сотворить мир другим, оставляя ли какую-то свободу требование логической простоты? Другими словами — можно ли было создать природу другой, отличной от существующей, с другими физическими законами? Есть ли в действиях Создателя место для случайности и неопределенности, которые мы видим, например, в квантовой физике? Судя по письмам Эйнштейна [6], он склонялся к мысли, *«что Бог не мог составить мир другим и что требование логической простоты определяет картину мира однозначным образом»*. Эта убежденность ученого в неслучайной и однозначной конструкции мироздания объясняет основу его религиозности — только Создатель мог создать логически совершенную конструкцию природы.

В вопросе познания законов природы Эйнштейн долгое время упорно придерживался, как уже упоминалось, концепции «сходящегося ряда» — наука постепенно, шаг за шагом, приобретая все большую логическую ясность, приближается ко все более точному описанию действительности. Этот эйнштейновский «сходящийся ряд» есть его дорога к Богу, ибо конечный пункт научного прогресса представляет собой постижение Создателя.

В этом понимании пути науки Эйнштейн, в определенной мере, разошелся с физикой XX века, которая фактически соответствовала скорее расходящемуся ряду. Об этом свидетельствуют его эмоциональные дискуссии с Нильсом Бором и другими создателями квантовой физики [6, 7]. Складывается, однако, впечатление,

что ученый, в конце концов, смирился с доминированием вероятностных законов квантовой механики и стохастического описания взаимодействия элементарных частиц, как единственно возможного.

В такой модели познания законов мироздания Бог начинается там, где кончается способность человека постигать и понимать бесконечную сложность строения Вселенной. Я убежден, что в конечном итоге именно таковой была суть эйнштейновской религиозности. В предисловии к своему эссе «Наука и религия» он писал [8]:

«Каждый, кто серьезно вовлечен в занятия наукой, приходит к убеждению, что законы природы демонстрируют наличие некоей сущности, значительно превосходящей все доступное людям, перед лицом этой сущности наши скромные возможности выглядят ничтожными. Поэтому занятия наукой приводят к особым виду религиозности...»

Таким образом, приверженность Эйнштейна к «особому виду религиозности» основана на его убеждении в принципиальном ограничении возможностей человека в процессе познания им законов природы — за тем барьером, где разум человека уже не работает, начинается некая недоступная человеку сущность, которую ученый называет Богом. В эссе «Во что я верю», написанном после философских бесед с Рабиндранатом Тагором, он прямо говорил об этом [8]:

«Осознание того факта, что существует нечто, во что мы не можем проникнуть, ощущение того, что нашему уму доступны только примитивные формы познания глубочайших корней и лучезарной красоты сущего — это и есть истинная религиозность; в этом, и только в этом смысле, я являюсь глубоко религиозным человеком».

Как мы видим, Эйнштейн напрямую связывал понятие религиозности и свою веру в Бога с ограничениями, наложенными природой на способность человеческого разума к познанию.

Для этого великого ученого вообще характерно достаточно скептическое отношение к возможностям разума — в отличие от многих физиков его времени, он не верил в абсолютное доминирование разума в жизни человеческого общества. В речи «Цель человеческого существования» [9], произнесенной по радио в 1943 году, в разгар Второй мировой войны, он сформулировал свое отношение к этой проблеме следующим образом:

«Наша эпоха гордится своими достижениями в интеллектуальном развитии человечества. Поиски истин и знаний, стремление к ним, являются безусловным достоинством человека. Однако, по всей вероятности, нам не следует возводить в кумиры эту способность к познанию. Несомненно, разум обладает большой мощью, но сам по себе он не способен вести, а может лишь служить инструментом. Кроме того, он неразборчив в выборе хозяина... Разум незаменим при выборе методов и средств. Однако он слеп, если речь идет о приоритетах и конечных целях (все подчеркивания сделаны мною — Ю.О.). И эта фатальная слепота разума передается из поколения в поколение...».

Что же, с точки зрения Эйнштейна, может заменить или подкрепить разум в выборе «приоритетов и конечных целей»? Вспомнив его высказывание о том, что «наука без религии хромая», можно определенно утверждать — Эйнштейн верил в необходимость доминирования нравственных, по существу Библейских, законов при разрешении стратегических проблем человечества. С особой эмоциональной мощью и остротой великий ученый подчеркивал приоритет нравственных законов, привнесенных в мир евреями, подвергающимися за это невиданной в истории человечества травле и жесточайшим преследованиям:

«Пророки, наши еврейские предки, провозгласили, что совершенствование человека должно подчиняться прекрасной цели. Человечество может стать сообществом свободных и гармоничных людей. Но сегодня миром правят грубые человеческие страсти, столь необузданые, что их нельзя и сравнить с предыдущей эпохой. Незначительным меньшинством оказывается повсюду наш еврейский народ. У него нет надежных средств защиты. При этом больше, чем какой-либо другой народ, он подвергается жесточайшим преследованиям, если не полному уничтожению. Эта свирепая ненависть зиждется на том, что именно мы дали миру идеалы гармоничного сотрудничества и усилиями лучших сынов нашего народа воплотили их в слово и дело».

В этом месте нашего путешествия среди Принстонских образов великого единства Эйнштейн–Физика–Религия–Еврейство мы переходим к теме: Эйнштейн–Еврейство.

Свое отношение к еврейству великий ученый сформулировал четко и однозначно (цитирую по книге [1]):

«Принадлежность к еврейскому народу стала для меня самой сильной человеческой привязанностью с тех пор, как с полной ясностью мне открылась опасность нашего положения среди народов».

Эта принадлежность к еврейскому народу подвергалась как злобному выпячиванию, так и подлому замалчиванию. В нацистской Германии еврейское происхождение Эйнштейна презрительно подчеркивалось, его теория называлась «еврейской физикой», что послужило причиной отторжения идей и научной школы Эйнштейна. За это Германия, в конечном итоге, поплатилась значительной деградацией своих интеллектуальных возможностей. На другом полюсе мракобесия — в бывшем Советском Союзе, кичившемся своим «интернационализмом» — сам факт еврейского происхождения ученого подвергались тотальному замалчиванию. В первой советской книге, претендовавшей на подробную биографию и анализ научного творчества Эйнштейна [6], на 400-х страницах слово еврей не встречается ни разу. По-видимому, это было одним из условий издания книги, выдвинутых цензурой. Вспоминаю еще, что в 1970-е годы в СССР был выпущен справочник по истории физики, в котором были краткие биографии всех известных физиков вплоть до докторов наук. Биографии сопровождались маленькими фотографиями ученых размером с почтовую марку, но четыре «величайших физика» — Галилей, Ньютона, Ломоносов и Эйнштейн — были представлены большими портретами во всю страницу. Под первыми тремя портретами были подписи: «Великий итальянский физик Галилео Галилей», «Великий английский физик Исаак Ньютона», «Великий русский физик Михаил Ломоносов»... Под портретом Эйнштейна стояла подпись: «Великий физик-теоретик Альберт Эйнштейн». Я никогда не был склонен к преувеличенному вниманию к национальности ученых, но тогда подумал:

«Если вы, господа-издатели, сочли необходимым подчеркнуть, что Михаил Ломоносов — русский ученый, извольте отметить, что Альберт Эйнштейн — еврейский ученый»...

Каковы же, на самом деле, связи Эйнштейна с еврейством и его участие в еврейской истории XX века? На этот вопрос наиболее обстоятельный ответ содержится в работах Е. Берковича [1]. У меня лично сложилось однозначное мнение — ни один крупный ученый XX века, может быть, за исключением знаменитого химика Хайма Вейцмана и выдающегося философа Мартина Бубера, не внес столь значительный вклад в борьбу еврейского народа за свои права и национальное освобождение, как Альберт Эйнштейн!

Нет необходимости повторять известные факты борьбы ученого с нацизмом и преследованием евреев в Европе в 30-е и 40-е годы прошлого века. В 1933 году в знак протеста против политики нацистов в отношении евреев он отказался от немецкого гражданства и членства в Прусской академии наук. Е. Беркович пишет [1]:

«Нужно отдать должное пророческому дару Эйнштейна, раньше многих своих современников предсказавшего печальную судьбу для Германии, ведомой Гитлером к катастрофе. Ведь “Третий рейх” делал только первые шаги, многие верили, что самого страшного не произойдет, что угрозы Гитлера останутся словесной риторикой. Но Альберт уже твердо знал, что прежней Германии не будет. Знакомому физику из Англии Фредерику Линдеману, будущему советнику Черчилля по науке, Эйнштейн написал 1 мая 1933 года: “В страну, где я родился, я больше не вернусь”».

Нужно отдать должное принципиальной позиции ученого — он выполнил свое обещание и не вернулся в родную Германию даже после разгрома гитлеризма. В книге [1] Е. Беркович приводит важный для нашей темы факт:

«В октябре 1946 года к Эйнштейну обратился один из старейших и наиболее уважаемых немецких физиков Арнольд Зоммерфельд из Мюнхена с предложением «зарыть топор войны» и вернуться в Баварскую академию наук. Альберт ответил любезно по тону, но твердо: “После того, что немцы уничтожили в Европе моих еврейских братьев, я не хочу иметь с ними никаких дел, даже если речь идет об относительно безобидной академии”... Таким он остался до конца жизни к немцам, чью вину видел во всех преступлениях гитлеровской Германии».

Менее известны факты осуждения Эйнштейном советского государственного антисемитизма. Альберт Эйнштейн симпатизировал и помогал Соломону Михоэлсу, с которым встречался в 1943 году во время визита великого актера в США в качестве председателя Еврейского антифашистского комитета СССР (ЕАК) для сбора средств в поддержку Красной Армии. После неожиданной и подозрительной смерти Михоэлса в начале 1948-го года, до ученого стали доходить сначала слухи, а затем всё более определенные сведения о еврейских погромах в СССР: кампания против «бездонных космополитов», странное исчезновение всех руководителей ЕАК (они были тайно расстреляны в 1952 году), антисионистская истерия с репрессиями и расстрелами евреев на автозаводе имени Сталина, и, наконец, средневековое юдофобское мракобесие Дела врачей. Эйнштейн понимал, что дело движется к новому Холокосту, он прислал в Советское представительство при ООН возмущенное письмо, но советский представитель — кровавый палач Андрей Вышинский — не посчитал нужным ответить.

Е. Беркович подчеркивает [1], что в своем осуждении сталинской диктатуры Эйнштейн был не столь последовательным, как в случае гитлеровской тирании. Тем не менее он приводит следующую цитату из интервью ученого накануне отъезда в США в 1933 году:

«Я убежденный демократ и именно поэтому я не еду в Россию, хотя получил очень радушное приглашение. Мой визит в Москву наверняка был бы использован советскими правителями в политических целях. Сейчас я такой же противник большевизма, как и фашизма. Я выступаю против любых диктатур».

Несмотря на свои космополитические, интернациональные взгляды (в хорошем смысле этих слов, которые ученый заменял словами «универсальная человечность») Эйнштейн категорически возражал против ассимиляции евреев, считая аморальным отказ от своего еврейского происхождения из карьерных соображений. Е. Беркович приводит в книге [1] выразительные примеры осуждения Эйнштейном своих коллег, в частности Фрица Габера, за подобное поведение.

Альберт Эйнштейн был по сути дела сторонником сионизма на всех этапах своей жизни, начиная с 20-х годов. Это особенно раздражало советских идеологов и пропагандистов, для которых слово «сионизм» всегда было исключительно ругательным. Ученый определял сионизм как «национальное движение, целью которого является не власть (над другими), а сохранение собственного достоинства». Сионистские взгляды великого ученого были одной из причин его неприятия в советской печати и советской «научной» литературе.

Вот некоторые высказывания Альберта Эйнштейна из сборника [4], которые следовало бы знать современным левым критикам сионизма:

«Сионизм является собою поистине новый еврейский идеал и может вернуть еврейскому народу радость существования».

«...тем (евреям), кто выжил (в Холокосте), сионизм дал внутренние силы перенести бедствие с достоинством, не утратив здорового самоуважения».

«Иудаизм в большом долгу перед сионизмом, потому что сионистское движение возродило среди евреев чувство общности».

«Сионизм выполнил продуктивную работу в Палестине благодаря самоотверженному труду евреев со всего мира...»

«Я рассматривал возрождение еврейского самосознания как необходимое условие нормальной жизни вместе с другими народами. Это главный мотив моего присоединения к сионистскому движению... Сионизм укрепляет самосознание евреев, которое столь необходимо для их существования в диаспоре, а еврейский центр в Палестине обеспечивает им мощную моральную поддержку».

Любопытно признание ученого о его собственном пути к сионизму, признание, столь близкое и понятное тем, чья жизнь прошла в условиях мракобесных тоталитарных режимов:

«Вплоть до недавнего времени я жил в Швейцарии, и пока был там, я не сознавал своего еврейства... Когда я приехал в Германию, я впервые узнал, что я еврей, причем сделать это открытие помогли мне больше неевреи, чем евреи... Тогда я понял, что лишь совместное дело, которое будет дорого всем евреям в мире,

может привести к возрождению народа... Если бы нам не приходилось жить среди нетерпимых, бездушных и жестоких людей, я бы первый отверг национализм в пользу универсальной человечности».

Следует подчеркнуть, что Эйнштейн не просто на словах поддерживал национально-освободительную борьбу еврейского народа, но и участвовал в создании еврейского национального очага в Палестине и государства Израиль. Особенno значительной была его роль в создании Еврейского университета в Иерусалиме. Историю участия великого ученого в создании университета и его неоднозначного отношения к деятельности университетской администрации со всеми подробностями можно прочитать в [1]. В числе других всемирно известных ученых, включая Зигмунда Фрейда и Мартина Бубера, он вошел в число отцов-основателей и почетителей университета и прочитал первую в его истории лекцию по Теории относительности прямо на строительной площадке на горе Скопус в 1923 году. Глубоко символично, что все свои письма и рукописи Эйнштейн завещал Еврейскому университету в Иерусалиме.

Подытоживая наш экскурс в проблему взаимоотношений Альберта Эйнштейна с еврейством как всемирно-историческим феноменом, следует, вероятно, оценить состояние еврейства на момент рождения ученого в 1879 году. Здесь я хотел бы привести оценку, данную великим немецким философом Георгом Вильгельмом Фридрихом Гегелем за полвека до рождения Эйнштейна, но вполне отражающую восприятие проблемы во времена второй половины XIX века.

Согласно исторической концепции Гегеля, народы идут по дорогам истории караваном, во главе которого существует избранный народ. Но честь и судьба избранничества может выпасть лишь тому народу, который выдвинет влекущую и чрезвычайно высокую общечеловеческую идею. Выполнив же свое предназначение, избранная нация уходит с исторической арены, передавая эстафету избранности другой нации. В свое время, по схеме Гегеля, во главе человеческого каравана встала еврейская нация. По мнению Гегеля, еврейский народ сыграл решающую роль в культурно-духовной истории мира тем, что открыл принцип монотеизма, воплощением которого явился Моисеев закон. Сделать Библейские заповеди нравственной основой человеческого бытия, привнести их в мир — в этом было историческое предназначение евреев, и это предназначение обеспечило им столь длительное существование. Однако именно это конкретное предназначение, полагал философ, влечет за собой неизбежное исчезновение евреев с исторической арены по завершении своей миссии. По мысли Гегеля, окончательная победа христианства превратила носителя единобожия — народ Израиля — в «пустой сосуд». Еврейский народ, рассуждал Гегель, должен сойти с подмостков истории точно так же, как сошли с нее прочие народы после своего вклада в мировую культуру.

Нельзя отказать основоположнику диалектики в убедительности построенной им схемы. Но нельзя отказать и еврейскому народу в способности ломать сколь угодно логичные схемы, в фатальной его предрасположенности к существованию вне рамок всякой логики.

Гегелевская теория «пустого сосуда» не подтвердилась. Не прошло и 50 лет с момента его предсказания, как в лоне еврейского народа родился гений, перевернувший представления людей о пространстве и времени, а в более широком плане — изменивший ход человеческой истории.

Если говорить с высот нашего времени, то картина представляется еще более поразительной. За последние полтора столетия еврейский народ претерпел такие страшные гонения, которые, казалось бы, должны были привести к безусловной реализации скорбного предсказания великого философа, но что-то в его схеме не сработало. То ли христианство еще не победило окончательно, то ли евреи не донесли свой закон до всех, кому он свыше пред назначен, то ли евреи еще для чего-то понадобились человечеству, то ли они вообще почему-то неистребимы, но факт остается фактом — евреи опять не исчезли и, похоже, даже не собираются этого делать.

А «пустой сосуд» уже в послегегелевские времена внезапно зафонтанировал с такой невиданной мощью, как будто в нем свершился Большой взрыв интеллектуального сгустка невероятной плотности. Фонтанируя с нарастающей силой уже полтора столетия, «пустой сосуд» совершенно непредсказуемо выплеснулся из себя в XX и в начале XXI века более 130-и личностей, «принесших наибольшую пользу человечеству» — Нобелевских лауреатов в науке и литературе. Выплеснулся среди прочего и человека, признанного гением № 1 XX века — Альберта Эйнштейна.

Выдающийся английский историк Пол Джонсон в послесловии к своей «*Истории евреев*» констатирует [10]:

«Значительная часть интеллектуального реквизита в пьесе современного мира несет на себе клеймо еврейского авторства».

Если дополнить это утверждение современного историка законом русского религиозного философа Сергея Булгакова [11] о неистребимости и непобедимости еврейства, то можно прогнозировать, что и в будущем «значительная часть интеллектуального реквизита» человечества будет создана еврейством, хотя замысел Божий «в пьесе современного мира» никому не известен.

Альберт Эйнштейн, как личность и как ученый, является выдающимся феноменом и лучшим доказательством вечного цветения основного ствола еврейства. Этот ствол, названный знаменитым русским философом и поэтом Владимиром Соловьевым «осью всемирной истории», еще не раз удивит мир новыми открытиями разума и достижениями человеческого духа...

Литература

- [1] Е. Беркович, «Альберт Эйнштейн в фокусе истории XX века — революция в физике и судьбы ее героев», Москва, URSS, 2018.
- [2] L. Smolin, «The Trouble with Physics: The Rise of String Theory, the Fall of a Science, and What Comes Next», Houghton Mifflin Co., Boston, 2006.
- [3] A. Yabrov, «How Man Exists», Bloomington, Indiana, 1st Books Library, 2001.
- [4] A. Calaprice (Editor), «The Expanded Quotable Einstein», Princeton University Press, 2000.
- [5] Б. Файн, «Вера и разум», изд-во Маханаим, Иерусалим, 2007.
- [6] Б. Кузнецов, «Эйнштейн», изд-во АН СССР, Москва, 1962.
- [7] A. Pais, «The Science and the Life of Albert Einstein», Oxford University Press, 1982.
- [8] M. Jammer, «Einstein and Religion», Princeton University Press, 1999.
- [9] Albert Einstein, «The Einstein Reader», CITADEL Press, New York, 2006.
- [10] P. Johnson, «A History of the Jews»; П. Джонсон, «Популярная история евреев», Вече, Москва, 2000.
- [11] Ю. Окунев, «Ось всемирной истории», M-Graphics Publishing, Boston, 2009; «The Axis of World History», AuthorHouse Publishing, USA, 2009.

Павел Полян¹

Еврейские фронты — во время войны и после

Специфика Еврейского фронта: битва за выживание

В 1899 и 1907 гг. в Гааге были подписаны различные конвенции об обычаях сухопутной и морской войны, сформировавшие костяк международного права в военной области. Если отвлечься от немецких дебютов газовых атак и случаев вероломства по отношению к нейтральным странам (в частности, Бельгии), Первая мировая война прошла сравнительно цивилизованно, под знаком соблюдения Гаагских конвенций, нашедших свое абстрактное усовершенствование в Женевских конвенциях 1929 года. Этнические экспресссы ограничились депортациями мирного населения в примыкающих к линии фронта зонам, но практически не затронули личный состав воюющих армий.

Совершенно иной оказалась Вторая мировая! Принципиальное ее отличие в том, что в качестве конечных политических целей войны впервые рассматривались не только военнослужащие противника, но и «цивилизованные» — мирное население этих стран. Премьерой стал и идеологический ракурс. Человечество воспринималось под углом зрения «арийской» расовой теории и вытекающих из нее сугубо этнических эмоций — братской солидарности (с арийцами не-немцами), брезгливого презрения (к славянам) и лютой ненависти (к евреям и цыганам).

Оставим и здесь побоку обусловленные этим — разной степени добровольности — угоны гражданского населения завоеванных стран в качестве принудительных рабочих в видах хозяйственного их использования в Третьем Рейхе. Если в плане депортаций и эксплуатации цивилистов (равно как и по жестокости отношения к военнопленным!), Япония могла еще дать фору Германии, то в одном она безнадежно «проваливалась» — в культе государственной «лютой ненависти» к евреям, который исповедовала и практиковала Германия. Впрочем, своих евреев в Японии практически не было, а японский консул в Литве Сугихара спас своими транзитными визами на порядок больше евреев, чем их проживало в его собственной стране.

Гитлер же, не преуспев с географическим решением еврейского вопроса (Мадагаскар, Уганда, Люблин-Ниско, Биробиджан) в начале войны, перестроился на его биологическое и окончательное решение после 22 июня 1941 года. Это распространялось на всех евреев, включая немецких и австрийских, но только на евреев по расе, а не по вере, что оказалось даже спасительным для караимов и части горских евреев в оккупированных областях СССР. Остальных надлежало собирать в гетто и лагеря смерти и систематически убивать, причем «полезных», то есть классных специалистов, позже, чем остальных. Впрочем, известно и яркое исключение: генерал-фельдмаршал Мильх, банальный мишилнг по крови, был настолько нужен люфтваффе и Рейху, что ему даже подправили генеалогию, уговорив мать признаться в «грехе» с немецким аристократом! Так что Геринг отвечал за свои слова, когда якобы говорил кадровикам: «Кто тут еврей, решаю я!»

Короче, уничтожение европейского еврейства было одной из главных целей войн Гитлера на востоке — целью, для достижения которой к польским и советским евреям постепенно были «подвергтаны» и все остальные евреи Европы, включая немецких.

Все это важно для уточнения самой нашей темы. Ведь еврейский героизм в годы Второй мировой — особенный, общая мерка ратных подвигов на полях сражений тут не годится, хоть евреев в составе армий Коалиции было и немало. У евреев поэтому была своя война и свое отчаянное сопротивление — битва за выживание народа!

Шла она на всех уровнях соприкосновения с врагом — в каждом гетто, в каждом эшелоне с депортируемыми, в каждом лагере смерти, в каждом партизанском отряде, где командовали или просто были евреи.

И тут евреям есть что предъявить и чем гордиться: восстания в лагерях смерти — в Собиборе, Треблинке и Аушвице-Биркенау, восстания в гетто — Белостокском, Варшавском, Новогрудковском, еврейские партизанские отряды (братьев Бельских в Белоруссии), «марш жизни» двухсот долгиновских евреев, выведенных Николаем Киселевым из оккупированной территории к своим, через линию фронта.

¹ Историк, литературовед, доктор географических наук.

Ташкентский фронт

Еще до истерик с «бездонными космополитами» и «убийцами в белых халатах» фирменным знаком послевоенного антисемитизма в СССР были байки типа «Ташкентцы», «Ташкентский фронт», «Иван в окопе, Абрам в купе²». Жиды, мол, наши в Отечественную не воевали, отсиживались в тылу, в эвакуации, когда русские и остальные за них, блин, кровь проливали. В этом контексте и сами слова «эвакуация», «эвакуированные» (или, как их еще называли, «выковыриванные») — какие-то презренные и гнилые, замешанные на трусости и чуть ли не на предательстве.

Но если к еврейскому героизму военных лет подойти еще и с общей, нееврейской, меркой, то и тут они смотрятся достойно. Возьмем за мерило, скажем, присвоение звания Героя Советского Союза и ограничимся Великой Отечественной войной и РККА, то есть сухопутными войсками СССР.

По данным переписи 1939 г. (проведена в январе, то есть до начала Второй мировой и первых советских аннексий), 3 миллиона советских евреев были седьмой по численности национальностью в СССР — после русских, украинцев, белорусов, казахов, узбеков и татар. Среди пехотинцев-героев было 157 евреев (один — полковник Давид Драгунский — даже дважды Герой): это пятый результат — после русских (8875), украинцев (2188), белорусов (228) и татар (162). Если же нормировать эти абсолютные цифры по довоенному населению, то евреи будут даже четвертыми.

Большинство (54) получили свою звезду в 1945 году, в 1943 и 1944 гг., соответственно, 38 и 35, а в 1941 и 1942 гг. — всего-то 3 и 4 кавалера. Из 157 евреев-героев 59 погибли при совершении подвига!

Интересно, что самые первые герои-евреи — генерал-полковники Григорий Михайлович Штерн и Яков Владимирович Смушкевич — получили свои звезды за Халхин-Гол, причем у Смушкевича это была уже вторая (первая — за Испанию). Оба погибли в один и тот же день — 28 октября 1941 г., в разгар немецкого наступления на Москву. Обоих расстреляли... на даче НКВД в поселке Барбыш под Куйбышевым (Самарой).

Такой вот «Ташкентский фронт».

Выживание как геройство

В небесах, на суще и на море государства бились с государствами, но каждый еврей держал еще и свой личный, индивидуальный фронт в битве за победу и за выживание.

Вот один такой яркий случай — солдатская судьба Леонида Исааковича Котляра. Она не просто нетипична — она уникальна.

Но не тем, что его непосредственное участие в боевых действиях ограничилось всего одним месяцем и свелось к почти незамедлительному попаданию в плен — таких красноармейцев 5,7 миллионов! И даже не тем, что в плену он выжил, — это было и впрямь непросто, но удалось каждым двум из пяти, так что и таких счастливцев еще миллионы!

Котляр был евреем, и его и без того распоследний в иерархии пленников статус советского военнопленного (какие к черту Женевские конвенции и прочие нежности?) должно умножать на «коэффициент Холокоста» как однозначного немецкого ответа на решение еврейского вопроса. Иного, кроме смерти, таким, как он, немцы, не предлагали³.

Мало того, именно советским военнопленным-евреям выпало стать первыми де-факто жертвами Холокоста на территории СССР: их систематическое и подкрепленное немецкими нормативными актами физическое уничтожение началось уже 22 июня 1941 года, поскольку «Приказ о комиссарах» от 5 мая 1941 года целил, пусть и не называя по имени, и в них⁴.

Таких — еврейской национальности — советских военнопленных в запачканной их кровью руках вермахта оказалось порядка 85 тысяч человек. Число уцелевших среди них известно не из оценок, а из

² Кооперативный магазин.

³ На Нюрнбергском процессе Мильх яростно защищал Геринга.

⁴ Посему их первыми по времени палачами стали военнослужащие вермахта.

репатриационной статистики: это немногим меньше 5 000 человек⁵. Иными словами, смертность в 94 % — абсолютный людоедский рекорд Гитлера!

Недаром пресловутое «Жиды и комиссары, выходи!», звучавшее в каждом лагере и на любом построении, звенело в ушах всех военнопленных (а не только еврейских) и запечатлелось в большинстве их воспоминаний.

Но Леониду Котляру посчастливилось попасть в число этих уцелевших. Вот он — один из подлинных, хотя и неприметных еврейских героев, вот он, Давид-победитель!

Но как же он этого достиг?

Смертельная опасность поджидала его с первого же дня плена, но ближе всего смерть со своей косой стояла к нему в Николаевском шталаге во время хитроумной селекции «затаившихся» евреев и комиссаров.

Селекция шла посредством сортировки всех военнопленных по национальностям: —

«...Из строя стали вызывать и собирались в отдельные группы людей по национальностям. Начали, как всегда, с евреев, но никто не вышел и никого не выдали. Затем по команде выходили и строились в группы русские, украинцы, татары, белорусы, грузины и т. д. В этой сортировке я почувствовал для себя особую опасность. Стой пленных быстро таял, превращаясь в отдельные группы и группки. В иных оказывалось всего по пять-шесть человек. Я не рискнул выйти из строя ни [тогда,] когда вызывали русских и украинцев, ни, тем более, — татар или армян. Стоило кому-нибудь из них усомниться в моей принадлежности к его национальности — и доказывать обратное будет очень трудно.

Я лихорадочно искал единственно правильный выход. Когда времени у меня почти уже не осталось, я вспомнил, как однажды в минометной роте, куда я ежедневно наведывался как связист штаба батальона, меня спросили о моей национальности. Я предложил им самим угадать. Никто не угадал, но среди прочих было произнесено слово «цыган». За это слово я и ухватился, как за соломинку, когда операция подошла к концу и нас осталось только два человека. Иссяк и список национальностей в руках у переводчика, который немедленно обратился к стоящему рядом со мной смуглому человеку с грустными на выкате глазами и огромным носом:

— А ты какой национальности?

— Юда! — нетерпеливо выкрикнул кто-то из любителей пошутить.

Кто-то засмеялся, послышались еще голоса: «юда! юда!», но тут же все смолкло, потому что крикнули получили палкой по голове за нарушение порядка. В наступившей мертвотой тишине прозвучал тихий ответ:

— Ми — мариупольски грэк.

Последовал короткий взрыв смеха.

Не дожидаясь приглашения, я сказал, что моя мать украинка, а отец — цыган. И тотчас последовал ответ немца, выслушавшего переводчика:

— Нах дер мутер! Українєр!

— Українєц! — перевел переводчик.

Приговор был окончательным, и я был определен в ряды украинцев. Теперь любой, кому пришла бы в голову фантазия что-либо возразить по этому поводу, рисковал схлопотать палкой по голове. Немцы возражений не терпели»⁶.

Так еврей Леонид Котляр «переложился» в Леонтия Котлярчука, украинца по матери и киевлянина по месту жительства. Отметим не только успешность, но и нетривиальность принятого им в Николаеве выбора:

⁵ Ведь только по официальным данным Управления по делам репатриации при Совете Министров СССР, среди репатриированных после войны граждан СССР насчитывалось 11 428 евреев, из них 6 666 гражданских лиц и 4 762 военнопленных (Полян, 2002. С. 528).

⁶ Котляр Л. Воспоминания еврея-военнопленного. М: Вече, 2011. С. 31–32.

случаи маскировки под русских, украинцев, армян, татар или грузин в этой же ситуации относительно часты, а вот под цыган — единичны⁷.

Тогда, в Николаевском шталаге Котляр вытащил дважды счастливый билет. Лагерная комиссия под руководством «особиста» из СД освободила Котлярчука из военного плена и отпустила его, отныне свободного цивилиста⁸, из Николаевского шталага домой, в Киев, снабдив на дорогу хлебом и «аусвайсом»⁹!

«Домой», понятно, «Котлярчук» не спешил, по дороге он застревал и кантовался где только мог, — сначала в селе Малиновка Еланецкого района Николаевской области — при пасеке, а потом на хуторе Петровский соседнего Братского района — пастухом. Но осенью 1942 года Украину накрыла очередная (третья по счету) волна заукелевских вербовочных кампаний, и 3 октября староста Петровского закрыл спущенную ему разнрядку двумя прибывшимися к хутору «оцивленными» военнопленными, в том числе и Котлярчуком.

А тот, благополучно пройдя два чистилища медосмотров (обоих врачей, кроме отсутствия признаков венерических болезней, ничто более не заинтересовало), уже через несколько дней сидел вместе с другими угнанными в эшелоне, направлявшемся из Вознесенска в Германию, куда и прибыл (в Нюрнберг) уже 12 октября. Попав по распределению на завод «Зюддайче Кюлерфабрик Юлиус Фридрих Бер» в Штутгарте, изготавливший всевозможные радиаторы для двигателей внутреннего сгорания, он проработал на нем слесарем все полтора года, что отделяли Штутгарт от 19 апреля 1945 года — дня освобождения города американцами.

Селекция в Николаеве — лишь один из эпизодов, связанных с выяснением национальности автора. Всего же таких «эпизодов» было как минимум шестнадцать: шесть в лагерях для военнопленных, восемь во время вольного батрачества по украинским селам и еще два — медицинские проверки на пути в Германию. Каждый из них запросто мог бы завершиться разоблачением и смертью.

Но ни один из эпизодов не был чистым везением, отнюдь! Всякий раз Котляр делал или говорил то и только то, что могло бы отвести опасность и спасти. И это не было актом инстинктивного и любой ценой выживания — это было его борьбой и его подвигом, смыслом его жизни и, если хотите, его працей Давида.

«Если еврей, — писал он, — с сентября 1941-го все еще не разоблачен немцами, если он проявил столько изобретательности и воли, мужества и хладнокровия, и Господь Бог ему помогал в самых безнадежных ситуациях, то он уже просто не имеет права добровольно отказаться от борьбы. Такой поступок означал бы акт капитуляции человека, дерзнувшего в одиночку вступить в единоборство с огромным, четко отлаженным механизмом массового истребления евреев».

И Леонид Котляр не капитулировал: крошечный Давид одолел жида Голиафа.

Киевский фронт

7 августа 1945 года Леонид Котляр начал свой репатриантский путь из Штутгарта в Киев: дорога растянулась на бесконечные 16 месяцев. Домой он приехал 5 декабря 1946 года — буквально на третий день после того, как отец с семьей смог вернуться в их довоенное жилье.

Отец Леонида, Исаак М. Котляр, сам был призван в армию уже в начале июля 1941 года, но на фронт не попал по состоянию здоровья. Но и демобилизовывать его тоже не стали, присвоили звание старшего лейтенанта и держали в РККА. Лишь в 1943 году, после победы под Сталинградом, его прикрепили его к одному из военкоматов в Узбекистане, на станции Денау в Сурхан-Дарьинской области, где в эвакуации жили две его сестры с детьми и его вторая жена, мачеха Леонида. Ввосьмёрём — четверо взрослых и четверо детей — они жили в недостроенном колхозном домишке: стены под крышей, два окна без рам и дверной проем без двери. Всей мешпохой работали в колхозе, откуда Семена изредка отзывал военкомат для разных армейских забот, ловли дезертиров в горах, например.

В январе 1945 года Исаака Котляра, наконец, демобилизовали, и он вернулся в родной и освобожденный Киев. И сразу же выяснилось, что в комнату их во время оккупации немцы поселили другого.

⁷ Впрочем, и случаи селекции среди военнопленных по «цыганскому» признаку тоже неизвестны.

⁸ От нем. Zivilist — гражданское лицо. Таких «освобожденных из плена» тоже было немало — от 300 до 400 тысяч, но много ли среди них было евреев?

⁹ От нем. Ausweis — пропуск.

Выезжать добровольно жилец ни за что не хотел, так что пришлось с ним отчаянно судиться. Так законные хозяева превращались в просителей или истцов, отнимающих у солидных людей жилплощадь по липовым, наверняка купленным документам и наградным листам (мол, а как же оно еще у жицо возможно?).

А порядок тогда был такой, что квартиры и комнаты возвращались эвакуированным лишь в том случае, если они могли документально подтвердить, что хоть кто-нибудь из членов их семьи, прописанных до войны по этому адресу, был красноармейцем и участником войны. У Котляров в армии были все трое, но о старшем сыне, о Леониде, сведения были лишь те, что в 1941 году он пропал без вести на фронте (при этом перед войной он был уволен в запас второй категории, так что, по идее, воевать не должен был бы). Те же письма, которые Леонид в 1945 году изредка писал отцу по старому адресу (бульвар Шевченко, 62/13), но сволочь-жилец аккуратно эти письма читал и скигал («дошло» же до отца лишь то письмо, которое Леонид отправил на адрес Любы, своей одноклассницы). Что касается службы младшего брата, Романа, то у отца тоже было негусто — одно лишь письмо командира его стрелкового полка, в котором сообщалось, что младший лейтенант Котляр Роман Исаакович, комсорг 1-го батальона¹⁰, был тяжело ранен 26 января 1945 года и эвакуирован в госпиталь.

Но «жилец» и тут не растерялся: подкупил дворника и с помощью его лжесвидетельств оспаривал подлинность всех предъявленных отцом документов. И находил понимание в разных инстанциях, где, издавательски грассируя звук «р», обычно задавали один и тот же вопрос: «Ну и где же этот ваш тяжело г’аненный и эвакуиг’ованный в госпиталь младший лейтенант Котляг’ Г’оман Исаакович?!» Документа о том, что он, комсорг, тяжело ранен в бою, суду было недостаточно — требовали предъявить его самого, быть может, уже умершего от ран в том же госпитале.

Убитый горем, потерявший, как он полагал, обоих сыновей на фронте, да еще оказавшийся без жилья, без прописки и без работы, Исаак Котляр с женой и дочкой ютился все это время у младшей сестры, в одной комнате с ее семьей¹¹. Сестре квартиру вернули сразу, поскольку ее муж — лейтенант и участник войны — уже вернулся домой.

По ходу тяжбы Исаак Котляр дошел до генерального прокурора Украины Романа Андреевича Руденко¹², но это николько не помогло, поскольку его установка была в точности такой же, как и на других этажах, — недоброжелательной и издавательской.

Дело решилось лишь после того, как в мае 1946 года явилась Люба с письмом от «воскресшего» старшего сына и получением от него в июне всех необходимых для суда и военкомата справок и выписок. Но и после этого прошло еще полгода и потребовалось вмешательство все того же Руденко: в свое довоенное жилище Исаак Котляр с семьей смог вселиться лишь 4 декабря 1946 года. В целом же на эту борьбу ушло почти два года!

Что ж, это не удивительно, ибо все этажи послевоенной советской власти в Киеве были пропитаны испарениями все нарастающего государственного антисемитизма, пусть и не жидоморского, как у немцев, и не погромного, как в начале века в России, но помноженного на специфический украинский, сугубо личный и весьма энергичный. Ишь ты, сволочи «выковыриванные» (эвакуированные), понаехали из своих ташкентов!

Леонид Комиссаренко, мальчишкой оказавшийся в Киеве в эти годы, вспоминал, морщась, как уличным лейтмотивом во дворе было издавательское мальчишеское антисемитское: «Стярюшка не спеша // дорёшку перещя».

Сентябрь 1945 года: еврейский погром в Киеве

Так что не приходится удивляться тому, что именно в это время, а именно 4–7 сентября 1945 года, в Киеве случился самый настоящий еврейский погром — кажется, предпоследний в Европе в XX столетии (последним стал погром в Кельце 4 июля 1946 года).

Если отвлечься от случайности повода и его фабулы, то причиной погрома был все тот же типический киевский конфликт на жилищной почве — такой же, как и в случае Котляров. В частности, в свою квартиру на Китаевской улице вернулась из эвакуации еврейская семья Рыбчинских. Пока хозяев не было, в квартиру

¹⁰ Невыборная должность с повышенными рисками быть убитым, поскольку в ее функционал входило увлечение личным примером остальных бойцов в атаку.

¹¹ По адресу ул. Саксаганского, 143, кв. 4.

¹² Он занимал этот пост в 1944–1953 гг.

самовольно вселилась семья Грабарь. Грабарей, по требованию Рыбчинских, выселяли из квартиры, причём без предоставления какого-либо жилья.

И тогда мать семейства попросила «помощи» у сына-красноармейца, Ивана Захаровича Грабаря, 1922 г.р., гвардии рядового. Тот немедленно выехал, прихватив с собой в помощь друга — гвардии младшего сержанта Мельникова Николая Александровича, 1922 г.р. Но не помогло — семью все равно выселяли на улицу.

4 сентября друзья напились с такого горя в пивной, после чего решили выместить на каком-нибудь жидяре всю накопившуюся злобу. Подвернулся же им старший лейтенант Иосиф Давидович Розенштейн, 1912 года рождения, старший радиооператор отдела «Б» НКГБ УССР, проживавший по Заводской улице, 30. 4 сентября, в 17 часов 30 минут, одетый в гражданское, он возвращался из булочной домой и столкнулся нос к носу с пьяными гвардейцами. Те начали его оскорблять и избивать, отбиться получилось только с помощью случайных прохожих. Придя домой, Розенштейн, надел свою форму, взял служебный пистолет «ТТ» и, в сопровождении жены, направился во двор дома матери Грабаря, где в это время находились оба обидчика. Разговор был короткий: тремя выстрелами он убил обоих. Как только аффект прошел, он бросился бежать, но его перехватили милиционеры и доставили в отделение.

На месте же убийства собралась большая толпа народа, из которой слышались антисемитские возгласы. Кто-то из толпы набросился на жену Розенштейна и случайного прохожего, по фамилии Спектор, и тяжело избили их. Явившимся сюда милиционерам толпа не отдавала ни убитых, ни избитых, так что пришлось вызывать конное подкрепление.

Классический еврейский погром состоялся 7 сентября, в день похорон гвардейцев-антисемитов:

«Людей собралось огромное количество, пришли даже те, кто едва слышал о случившемся. Все желали собственными глазами убедиться, что евреи убивают людей. Процессия двинулась на Лукьяновское кладбище не по прямой дороге, а через центр Киева. Встречавшихся на пути евреев нещадно избивали прямо на улице. Процессия прошла сквозь еврейский базар, громя и сметая всё на своём пути. После погребения отдельные группы воинственно настроенных граждан продолжили избиения. Только когда по городу стали распространяться слухи о готовящемся новом, гораздо более масштабном еврейском погроме, органы заработали... Благодаря милиции более тяжких последствий удалось избежать»¹³.

Казалось бы: мыслимо ли такое в Киеве, городе Бабьего Яра, в послевоенную пору?

И оказалось: очень даже мыслимо!

Более того, власть испугалась «народного гнева» антисемитов больше, чем реакции евреев. 1 октября 1945 года трибунал, на основании п. 2 постановления ЦИК СССР от 7 июля 1934 г., приговорил Розенштейна к высшей мере наказания, но без конфискации имущества.

Этого приговора явно еще не знали четверо киевских евреев-фронтовиков — Котляр¹⁴, Забродин, Песин и Милославский. Где-то на стыке сентября и октября 1945 года они обратились с письмом, адресованным Сталину, Берии и Поступову (главреду «Правды»). То есть к партии, тайной полиции и пропаганде.

Начинается письмо эпически:

«Закончилась великая и тяжелая Отечественная война. Усилиями всех народов СССР одержана невиданная в истории победа. Каждый советский гражданин вправе сейчас гордиться своей Родиной, своей большевистской партией, своим родным т. Сталиным, которые привели нас к этой победе.

Возвратившись после четырехлетнего отсутствия в наш родной гор. Киев для того, чтобы перейти к мирному труду и взяться за его быстрое восстановление, мы, группа демобилизованных коммунистов-фронтовиков были удрученены, когда узнали, что делается в Киеве, столице Советской Украины.

Мы, по правде сказать, не узнали наш город не только по его внешнему виду, но и по той политической обстановке, которая в нем сейчас существует. Мы не можем понять политического лица этого города.

¹³ Из донесения Народного комиссара внутренних дел УССР В.С. Рясного Секретарю ЦК КП(б) Украины Д.С. Коротченко от 8 сентября 1945 г.

¹⁴ Покуда имена-отчества авторов не установлены, уверенности в том, что фронтовик «Котляр» — это точно не наш «тыловик» Котляр, разумеется, нет. Более уверенно можно утверждать, что именно Котляр — не первый по алфавиту, но первый в этом перечне — был инициатором и, возможно, главным соавтором письма.

Как-то не верится, что мы находимся в столице той Республики, которая входит в великий Союз Советских Социалистических Республик.

Здесь сильно чувствуется влияние немцев. Борьбы с политическими последствиями их политического вредительства здесь не ведется никакой. Здесь распоясались всякого рода националисты, порой с партийным билетом в кармане. Здесь никак не чувствуется духа интернационализма, являющегося знаменем нашей партии и советской власти. Здесь существует еще невиданный в нашей советской действительности АНТИСЕМИТИЗМ. Слово «жид» или «бей жидов» — излюбленный лозунг немецких фашистов, украинских националистов и царских черносотенцев со всей сочностью раздается на улицах столицы Украины, в трамваях, в троллейбусах, в магазинах, на базарах и даже в некоторых советских учреждениях. В несколько иной, более завуалированной форме это имеет место в партийном аппарате, вплоть до ЦК КП(б)У. Все это в конечном итоге и привело к еврейскому погрому, который недавно имел место в г. Киеве».

Далее евреи-фронтовики продолжают:

«К нам в армию доходили вести о положении в Киеве, но мы в это не верили, а сейчас, к сожалению, пришлось в этом убедиться. Создавшаяся здесь в Киеве ситуация обязывает нас, коммунистов, воспользоваться правом, предоставленным нашим партийным уставом, где сказано, что член партии имеет право "обращаться с любым вопросом и заявлением в любую партийную инстанцию вплоть до ЦК ВКП(б)" и просить Вас о принятии срочных мер к оздоровлению той политической обстановки, которая создалась здесь, ибо дышится в ней весьма тяжело.

Весьма неприятным и скандальным для нашей партии и для нашей социалистической Родины является тот факт, что после нашей победы над коварным немецким фашизмом здесь, в Киеве, возник первый в условиях советской власти еврейский погром, о котором уже, по всей вероятности, стало известно и за пределами нашей Родины.

Что привело к этому погрому и как он мог возникнуть в нашей советской действительности? В результате разнуданного антисемитизма, существующего в Киеве, много евреев ежедневно подвергается оскорблению и избиению, и никто из властей не становится в их защиту. В первых числах сентября с. г. на одного еврея, майора НКВД УССР, посреди улицы напали два антисемита в военной форме и после насения ему оскорблений тяжело избили его. Не выдержав всех этих издевательств и, видимо, морально тяжело переживая за все то, что сейчас переживают в Киеве все евреи, а вместе с ними и демократический элемент других наций в связи с разгулом антисемитизма, майор, находясь в состоянии аффекта, убил из револьвера двух антисемитов. Этот выстрел послужил сигналом к началу еврейского погрома. Похороны антисемитов были особо организованы. Их проносили по наиболее многолюдным улицам, а затем процессия направилась на еврейский базар. Эта процессия была манифестацией погромщиков. Началось избиение евреев. За один этот день было избито до 100 евреев, причем 36 из них были отвезены в тяжелом состоянии в больницы г. Киева, и пять из них в этот же день умерли. Попутно пострадали несколько русских, которые своей внешностью были очень похожи на евреев, и погромщики избивали их наравне с евреями.

После этих событий атмосфера в городе Киеве стала еще более накаленной. Погромщики начали подготавливать погром еще более солидный, видимо, вполне достойный масштабов столицы, но местные органы пока предотвратили это. Была установлена охрана синагоги, еврейского театра, еврейского базара и т.д. Но антисемитизм от этих мероприятий пока никак не думает уменьшаться. Антисемиты все же готовят новый погром, более разительной силы, вполне достойный их учителей Гитлера, Геббельса и др., и если положение не изменится, то этот погром успешно будет проведен в жизнь. Вот какова сейчас обстановка в Киеве, столице советской социалистической республики. Это тогда, когда вся наша страна живет сейчас совершенно иными интересами: восстановлением народного хозяйства, пятилетним планом, международными проблемами. Как это могло случиться в одной из столиц советских республик?»

Котляр и другие задаются вопросом, конечно же, риторическим:

«Как все это могло случиться после столь успешно закончившейся войны над коварным немецким фашизмом, когда весь наш народ независимо отрасы и национальности был един в этой борьбе и завоевал себе равное право на спокойную мирную жизнь? Это стало возможным потому, что ЦК КП(б)У и СНК УССР не только не вели никакой политики-массовой и разъяснительной работы по отношению к евреям, к этой наиболее пострадавшей при немцах нации, но наоборот, возглавили разжигание национальной розни и проводили эту позорную и чуждую нашей партии и советской власти антисемитскую политику, приведшую в конечном итоге к еврейскому погрому, опозорившему нашу социалистическую Родину.

<...> За время Отечественной войны десятки тысяч евреев храбро сражались на фронтах Отечественной войны, многие из них погибли в боях за свою Социалистическую Родину, многие из них стали героями. Процент награжденных евреев во время Отечественной войны весьма высок.

За время Отечественной войны, видимо, ни один народ не пережил столько горя и несчастий, сколько пережил еврейский народ. В одном лишь г. Киеве, в Бабьем Яру, немцы истребили свыше 80 тыс. евреев, а в целом от рук фашистов во время войны погибло несколько миллионов евреев. Оставшиеся же в живых евреи в большинстве своем потеряли полностью или частично свои семьи, лишились своего жилья, имущества и влачат сейчас жалкое существование.

Почему же теперь, в условиях Советской власти, после столь блестяще одержанной победы над врагом, в которой принимали участие все народы СССР, в Киеве, столице Украины, начало проявляться такое ненавистное отношение к этому народу, народу мученику, так недавно пережившему одну из самых тяжелых трагедий в своей истории? Почему так издевательски относятся сейчас на Украине к нуждам так тяжело пострадавших евреев, к их желаниям снова работать на благо нашей Социалистической Родины, к их стремлению работать по своей специальности, по своим знаниям, образованию, квалификации, опыту и т.д.? Почему при подборе кадров на Украине перестали теперь придерживаться деловых признаков, а, главным образом, обращается внимание на НАЦИОНАЛЬНОСТЬ. Неужели в этом вся суть? Неужели так начали понимать на Украине ленинско-сталинскую национальную политику? Вполне понятно, что Украинской республике надо создавать свои национальные кадры, надо строить национальную по форме и социалистическую по содержанию жизнь народов. Но разве такой ценой это должно проводиться в жизнь? А дело заключается в том, что на Украине, которой и в прошлом были свойственны большие политические ошибки, допущена новая политическая ошибка, допущено новое искривление генеральной линии нашей партии по национальному вопросу, но это искривление бледнеет перед всеми предыдущими политическими ошибками, имевшими место на Украине. В ЦК КП(б)У и в СНК УССР взят какой-то новый, совершенно чуждый нашей партии политический курс в отношении евреев, и это считается здесь одним из важнейших дел на Украине, это сейчас всех занимает, этим почти только и живут националисты из ЦК КП(б)У и СНК УССР. Вместе с тем, этот «курс» имеет очень много схожего с курсом, исходившим ранее из канцелярии Гебельса, достойными преемниками которого оказались ЦК КП(б)У и СНК УССР.

<...> Трудно перечислить все те издевательства, которым подвергается этот измученный еврейский народ в данное время на Украине, и это называется «проведение» национальной политики, «осуществление» Стalinской конституции. Большего цинизма трудно найти.

Вот где причины, приведшие к погрому, вот где корни, дающие пищу для дальнейшего, еще более бурного развития антисемитизма на Украине.

Кто же занимается помимо ЦК КП(б)У и Совнаркома УССР во всех звеньях партийного и советского аппарата проведением этой особого рода национальной политики, подбором кадров, а главным образом, насаждением антисемитизма?

Достаточно взглянуть на статистику этих кадров, то станет ясным, что большинство из них оставались на Украине при немцах, активно сотрудничали с немцами, а сейчас они, как и раньше, оказались на руководящих должностях. Им-то, оказывается, можно доверить больше, чем евреям, вполне понятно, что они совершенно не заинтересованы в том, чтобы уступить свое место тем евреям, которые работали раньше, до войны, на этих должностях и были либо на фронте, либо эвакуированы для работы в глубокий советский тыл. Эти «руководящие» кадры в большинстве своем люди со звонкой украинской фамилией, но

зато с весьма сомнительной в прошлом политической репутацией, это люди весьма слабые, порой совершенно неграмотные по своей деловой квалификации, но зато это люди весьма опытные по делам украинского национализма, антисемитизма и других дел.

Таким образом, право на работу на руководящих должностях во всех звеньях завоевали люди с темным прошлым, воспитанные в условиях немецкого господства на Украине и неслучайно поэтому пропитанные духом антисемитизма и вражды к нашей партии и Советской власти.

Как отразилось на евреях это новое «открытие» в области национальной политики на Украине, столь активно проводящееся под непосредственным руководством ЦК КП(б)У и СНК УССР? Надо сказать, что на большинство евреев это подействовало с моральной стороны весьма тяжело. Для многих евреев этот новый курс является совершенно непонятным, непредвиденным, чуждым и, видимо, многие из них забрасывают местные органы, Москву, а возможно, и заграницу всякого рода письмами и запросами по данному вопросу, но, к сожалению, не все письма доходят по назначению, и на них не чувствуется реагирования. Есть случаи, когда здесь в Киеве отдельные евреи, познав на себе все прелести этого нового курса, кончали на этой почве жизнь самоубийством. Есть евреи-коммунисты, которые приходили в райкомы партии и рвали или бросали на пол партийные билеты, так как считали себя недостойными быть в рядах такой партии, которая проводит расовую политику, аналогичную, фашистской партии. Есть евреи, которые бегут из Украины, из г. Киева, как очумелые, чтобы поскорее избавиться от этого антисемитского омута, чтобы спасти свою жизнь от антисемитов — продолжателей дела Гитлера, причем некоторые бегут в другие советские республики, а некоторые пытаются пробраться за границу: в Польшу, Америку и т. п. Видимо, за границей эти евреи порасскажут о Киеве и Украине так, что эта Республика станет весьма популярной на страницах международной прессы.

Есть евреи, которые раньше, до войны, живя в Киеве, считали себя интернационалистами и не чувствовали себя евреями, даже порой забывали об этом, ибо ничем это не вызывалось, и только теперь, в связи с этим новым курсом, исходящим из ЦК КП(б)У и СНК УССР, они почувствовали, что они — евреи и у них заговорило свое национальное чувство. Это чувство заговорило тогда, когда его начали разжигать фашистующие украинские националисты, несомненные враги народа и слепо идущие за ними некоторые весьма сомнительные коммунисты из руководящих органов Украины.

Эти так называемые «коммунисты» позорно тянутся в хвосте этих махровых националистов, не замечая, какую печальную славу они себе завоевывают.

Есть евреи, у которых жены русские. И есть русские, у которых жены еврейки. Отдельные русские мужья не могут вызвать к себе своих жен, так как они еврейки, ибо им не дается разрешение на въезд. И вот в этих смешанных семьях на почве разжигаемой на Украине национальной розни и вражды начали происходить сейчас всякого рода семейные неурядицы и тяжелые моральные переживания. Особо тяжело этот новый курс переживают дети. Антисемитизм пробрался уже в пионеротряды, в школы, в фабзавуч. Ничего не знавшие до сих пор еврейские дети почувствовали к себе вражду со стороны тех детей, у которых родители националисты. Среди молодежи начинают расти новые молодые кадры погромщиков, идущие по стопам своих отцов. Дух интернационализма у нашей молодежи на Украине начинает быстро исчезать. Часть евреев, не видя никакого другого исхода в борьбе за свое правое дело, не видя защиты местных властей, взялась за оружие и с ним защищает честь и национальную гордость своего народа против всякого рода антисемитов и замаскированных националистов. Только этим можно объяснить тот выстрел, который раздался в Киеве. Этот выстрел уже услышали далеко. Только ЦК КП(б)У и СНК Украины остались глухи к нему. Видимо, здесь не обладают достаточной, политической чуткостью, несмотря на то что к киевским делам, к делам Украины прислушивается сейчас и зорко следит не только весь советский народ, но и весь мир.

Руководители ЦК КП(б)У и СНК УССР заняты сейчас совершенно иным, они заняты научным обоснованием положительных результатов, достигнутых в результате осуществления своей фашистской нацполитики, обоснованием великих достижений, полученных в результате изгнания евреев из советского и партийного аппарата.

<...> Мы обращаемся к Вам, т. СТАЛИН, к нашему большевистскому органу печати газете «Правда», к Вам, тов. БЕРИЯ, в надежде, что может быть кому-нибудь из Вас все же дойдет это письмо и Вам станут ясны причины прозвучавшего в Киеве выстрела, приведшего в дальнейшем к еврейскому погрому. Мы верим, что Вы своим вмешательством быстро положите конец тем издевательствам над советскими гражданами-евреями, которые с каждым днем принимают на Украине все более опасные формы.

Наша большевистская партия никогда не плелась в хвосте отсталых реакционных настроений. Ей всегда был чужд хвостизм. Она, наоборот, всегда со всей большевистской резкостью, не взирая на лица, своим вмешательством могла быстро исправлять те политические ошибки, которые допускались отдельными лицами, отдельными партийными организациями. Мы надеемся, что и сейчас Вашим вмешательством будет положен конец всем этим издевательствам над еврейским народом, а творцы этих издевательств, украинские националисты [и] враги народа, в соответствии с требованиями нашей Конституции СССР понесут заслуженную кару. Этого ждут с нетерпением не только евреи, но и все демократические элементы, населяющие Украину.

КОТЛЯР, ЗАБРОДИН, ПЕСИН, МИЛОСЛАВСКИЙ, г. Киев»¹⁵

P.S.

Храбрые фронтовики были неправы только в одном. За несколько лет до борьбы с космополитами антисемитизм был не украинским, а общесоветским феноменом. И маркером, лакмусовой бумажкой тут — все тот же Бабий Яр.

13 марта 1945 года правительство и компартия Украины решили построить памятник в Бабьем Яру, но такой, который умалчивал бы о том, что жертвами в основном были евреи. Проект представлял собой черную гранитную пирамиду с двумя скульптурами на входе. Однако Министерство культуры СССР сочло такой дизайн неудовлетворительным и... закрыло вопрос вовсе.

В течение многих послевоенных лет место массового убийства в Бабьем Яру оставалось в самом плачевном и запущенном состоянии, а первый памятник был воздвигнут только спустя 30 лет.

¹⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 310. Л. 49–53. Подлинник. На первой странице следующие пометки: «Вх. № 417/с от 12 октября 1945 г.»; «Тов. Маленкову. Л.П. Берия. Архив. Копии направлены тт. Хрущеву Н.С. и Александрову Г.Ф. Д.Н. Суханов». «Справка на № 69909». «С письмом тов. Александров Г.Ф. ознакомлен. Зав. отделом Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б). Григорьянц, 16 ноября 1945 г.».

Исследования по истории науки, литературы и общества. Сборник статей, посвященный 75-летию Евгения Берковича — Ганновер: Семь искусств, 2020 — 469 стр., 45,1 а.л.

Ответственный редактор:
Павел Полян — историк, литературовед, доктор географических наук

Редакционная коллегия:

Геннадий Горелик — историк науки, канд. физ.-мат. наук
Элла Грайфер — публицист
Людмила Дымерская-Цигельман — литературовед, доктор философии

© авторы статей (тексты),
© издательство «Семь искусств» (оформление).

Редколлегия благодарит Виктора Зайдентрегера за помощь в корректуре сборника.
Техническое редактирование и компьютерная верстка — Изабелла Победина

Семь искусств
Ганновер 2020